

ЮЛИАН
ГЛЯУВИЧ
САВИНЬСКИЙ

ПОЛЬСКО-СИБИРСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

СИБИРСКИЙ ДНЕВНИК

Генеральное консульство Республики Польша в городе Иркутске
Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов

**ПОЛЬСКО-СИБИРСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИРКУТСК
2014

**ЮЛИАН ГЛЯУБИЧ
САБИНЬСКИЙ**

**СИБИРСКИЙ
ДНЕВНИК**

**JULIAN GLAUBICZ
SABINSKI**

DZIENNIK SYBERYJSKI

**ТОМ
I**

Иркутский музей декабристов
ООО «Артиздат»

УДК 947(571.53)
ББК 63.3(2)521.2(2Рос-4Ирк)
С121

Перевод с польского О. Г. Басовой с изд.: Julian Glaubicz Sabinski. Dziennik syberyjski. Warszawa : Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2009.

Сабиньский Ю.

С121 Сибирский дневник : в 2 т. Т. 1. – Иркутск : Иркутский музей декабристов : ООО «Артиздат», 2014. – 812 с. – (Серия «Польско-сибирская библиотека»)

ISBN 978-5-901539-10-1 (Иркутский музей декабристов)
ISBN 978-5-93765-061-0 (ООО «Артиздат»)

Настоящая книга – первый том переведенного на русский язык польского издания «Дневника сибирского» Юлиана Сабиньского, вышедшего в Варшаве в 2009 г. Ю. Сабиньский – ярчайший представитель польской политической ссылки в Сибири 40–50-х годов XIX века. Проведя 19 лет в сибирской ссылке, он описал свою жизнь в дневнике, названном им «Девятнадцать лет, вырванных из моей жизни, или Дневник моей неволи и изгнания с 1838 по 1857 год включительно». Этот дневник является ценнейшим историческим источником, поскольку содержит многочисленные сведения автора о своих осужденных товарищах, местах каторги и поселения в Иркутской губернии, подробности биографического характера, сведения о своей семье, местном чиновничестве и купечестве, информацию о дружеских и деловых связях с декабристами.

Книга продолжает издательскую серию «Польско-сибирская библиотека» и предназначена для широкого круга читателей.

УДК 947(571.53)
ББК 63.3(2)521.2(2Рос-4Ирк)

© Иркутский музей декабристов, 2014
© ООО «Артиздат», оформление, 2014

ISBN 978-5-901539-10-1 (Иркутский музей декабристов)
ISBN 978-5-93765-061-0 (ООО «Артиздат»)

Иркутский музей декабристов, стоявший у истоков создания «Польско-сибирской библиотеки», возвращается в серию масштабным изданием сибирского дневника Ю. Сабиньского.

В 2009 г. доктором исторических наук, профессором Иркутского государственного университета Б. С. Шостаковичем при активном участии Генерального консульства Республики Польша в Иркутске и Иркутского музея декабристов были изданы мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточной Сибири первой половины XIX столетия под названием «Воспоминания из Сибири». Это был настоящий прорыв в публикации польской сибирской литературы, впервые, пожалуй, в таком объеме переведенной на русский язык.

В предисловии к изданию Б. С. Шостакович отмечает, что «во всех входящих в книгу записках в той или иной мере (а в трех из них — в значительной) находит отражение тема взаимоотношений в сибирском изгнании участников шляхетского польского национально-освободительного движения с их товарищами — российскими дворянскими революционерами-декабристами». Для Иркутского музея декабристов особый интерес представлял «Дневник моей неволи...» Юлиана Гляубича Сабиньского (1797—1868), политического ссыльного в Сибирь за участие в Содружестве польского народа, который долгое время был учителем в семье Волконских.

Интерес к дневнику Сабиньского у музея возник задолго до появления «Воспоминаний из Сибири». В архиве музея хранится письмо от М. Томаса из г. Багно (Польша) от 3 ноября 1998 г., адресованное директору музея декабристов Е. А. Ячменеву. Автор письма сообщает о находке в библиотеке им. Оссолинских «Дневника моей неволи и изгнания с 1838 по 1857 г. включительно». «Часть “Поселение”, которая вас интересова-

ла, — это автобиографическое повествование об условиях жизни ссыльных, а конкретно одного ссыльного, Юлиана Сабиньского, и о его работе учителем иностранных языков в ссылке в Усолье, Урике и в Иркутске». С помощью автора письма музеем был сделан заказ на копирование, и с 1999 г. в музее хранится копия части «Дневника...» Ю. Сабиньского, названная «Поселение» и охватывающая период с декабря 1843 по конец 1844 года. Только небольшой фрагмент «Дневника...» с 16 декабря 1843 по 2 февраля 1844 г. переведен и опубликован Б. С. Шостаковичем в «Воспоминаниях из Сибири».

Практически параллельно с иркутским изданием в 2009 г. Институтом истории Польской академии наук был издан полный текст «Дневника моей неволи...» (Варшава, 2009). О сложной судьбе «Дневника...» в разное время писали исследователи польской политической ссылки в Сибири М. Янек, А. Волтановский, Я. Трынковский, Б. С. Шостакович. Особая заслуга в расшифровке рукописи, подготовке комментария, именного указателя принадлежит известной польской исследовательнице Виктории Сливовской. «Дневник — это два тома ежедневных записей (в конце пребывания уже с пропусками), две тысячи страниц, плюс третий том — 170 страниц именного указателя, включающего свыше полутора тысяч имен» — такая краткая характеристика, данная В. Сливовской этой рукописи (Сливовская В. Польская Сибирь — мифы и действительность // Новая Польша, 2010. novopol.ru/index.php?id=1262). Юлиан Сабиньский не только вел ежедневные записи, но и впоследствии сам составил к рукописи именной указатель. Им же была выполнена и редакция своих записей при подготовке трех экземпляров дневника для своих детей. Далее об этом удивительном документе В. Сливовская пишет: «Дневник и его автор — это поистине уникальное, единственное в своем роде явление. Мы его трижды читали полностью: сначала сверяя компьютерную перепечатку с оригиналом (страницами ксерокопий), потом редактируя и составляя указатель и, наконец, читая корректуру, каждый раз удивляясь как содержанию записей, так и личности автора — человека необычайного характера, силы духа, всесторонне образованного, полиглота: он объяснялся на всех европейских языках — английском, французском, немецком, итальянском и был их превосходным

преподавателем <...>». Нельзя не согласиться с автором этих строк. Перед нами, прежде всего, история человека, глубоко и мучительно переживавшего разлуку с родиной, близкими людьми, потерю любимой жены. Личная драма не убила в Сабинском желании трудиться, учиться, замечать происходящее вокруг, интереса к людям.

Сибирский дневник неволи Юлиана Сабиньского является своеобразной летописью польской политической ссылки, бесценным источником по истории пребывания декабристов в Сибири и другим аспектам истории сибирской каторги и ссылки 40–50-х гг. XIX в. Помимо многочисленных сведений о своих осужденных товарищах, биографических сведений, характеристики местного чиновничества, купечества, описания жизни Иркутска и провинциальных мест Иркутской губернии дневник содержит многочисленную информацию о дружеских и деловых связях с декабристами.

Для Иркутского музея декабристов публикация такого рода источников особенно актуальна. Музей давно и последовательно занимается изданием писем, записок, мемуаров декабристов в серии «Полярная звезда». Среди такого многообразия источников письма и дневники имеют особое значение, поскольку в них — фактическая история, зафиксированная на бумаге в тот день или даже час, когда событие произошло, а не 20–30 лет спустя, когда время стирает из памяти события и лица, а мысль старательно редактирует строки воспоминаний.

Значительным затруднением при публикации источников XIX в. является необходимость расшифровки рукописного текста и перевода на русский язык. Проблема расшифровки текста Ю. Сабиньского была решена польскими коллегами. «Дневник сибирский», изданный в Польше, состоит из четырех книг, из которых три с текстом дневника и одна книга с именованным указателем.

Объем работы по переводу поставили музей перед трудным выбором: публиковать текст полностью или издать его фрагменты, касающиеся непосредственно декабристов. Интерес к личности автора дневника, его гражданской позиции, окружению, общественному быту побудил нас к переводу и публикации польского издания, включающего предисловие Я. Трынковского, полный текст дневника, примечания и ком-

ментарий редакции, именной указатель. В русском издании весь объем разделен на два тома, первый включает предисловие Я. Трынковского, записи Ю. Сабиньского с 1838 по 1842 г., именной указатель к первому тому. Во втором томе будет опубликован дневник с 1843 по 1857 г. с приложениями, а также именной указатель ко второму тому.

При подготовке издания на русском языке не обошлось без незначительных сокращений, уточняющих дополнений и изменений. Опущены авторские повторы оглавлений дневника. Уточнены факты биографий и имена собственные российских персоналий. Именной указатель к вступительной части «Дневника...» о следствии и суде за 1838 г. в польском издании объединен с именным указателем «Сибирского дневника» за 1839–1842 гг. и помещен в конце первого тома. Названия книг иностранных авторов в тексте оставлены без перевода и выделены курсивом. Подстрочные примечания польского оригинала сохранены. Ссылки на Государственный архив Иркутской области приведены в соответствии с библиографическими требованиями к российским научным изданиям.

Настоящее издание не состоялось бы без профессиональной и дружеской поддержки коллег из Института истории Польской академии наук. Мы выражаем глубокую признательность директору института, доктору, профессору Войцеху Крегсею, историку, профессору Виктории Сливовской за разрешение на публикацию «Дневника сибирского» на русском языке, а также за подаренное музеем декабристов издание на польском языке, вышедшее тиражом в 400 экземпляров и сразу ставшее библиографической редкостью. Мы благодарны доктору исторических наук, профессору ИГУ Б. С. Шостаковичу за поддержку идеи публикации «Дневника...» на русском языке и предоставленный экземпляр издания на польском языке; Генеральному консульству Республики Польша в Иркутске и лично Генеральному консулу Мареку Зелиньскому, консулу Анне Вальчак – за финансирование издания, а также сотруднику Генерального консульства Ольге Басовой, осуществившей перевод текстов на русский язык.

*Елена Добрынина,
директор Иркутского музея декабристов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Exegi monumentum aere perennius
Гораций, «Кармина», III, 30, 1

Взяв пример с Юлиана Сабиньского, которому очень нравилось очередные части своего «Дневника» старательно снабжать цитатами из мировой литературы, мы поместили выше известный фрагмент из «Песни» Горация. Ведь действительно, этот человек, ничем особенным не отличающийся от неординарных личностей, из которых состояло общество ссыльных-конарщиков, наверняка не дождался бы интереса к своей персоне, если бы не этот необыкновенный след, каким, без сомнения, является «Дневник моего рабства и изгнания».

Кем же был этот человек и что собой представляет его «Дневник»?

Юлиан Гляубич Сабиньский родился 23 февраля 1797 г. в городке Тынна около Каменца-Подольского в семье Людвика и Эльжбеты Юлианны (в девичестве Рачинской). Как следует из документов Герольдии Подольской губернии, семья Сабиньских, имеющая печать герба Гляубич, могла гордиться с XVII в. своим «давним на Подолье жительство и дворянской родословной». Скорее всего, это была не очень богатая семья и без особого значения в прошлом. Об отце Юлиана, Людвике Раффале, сыне Яна, родившемся в 1775 г., мы знаем только, что был он «товарищем в войске Жечи Посполитой при Костюшке»¹,

¹ Х. Бигелейсен, «Раймунд Корсак», «Варшавская Библиотека» 2, 1888, с. 318. Это подтверждает Сабиньский, когда в своем «Дневнике» отмечает, что познакомился в Сибири со стариком Людвиком Войнаровским, который «служил когда-то в Национальной кавалерии и там знал моего отца, будучи с ним в одном полку»; Национальная библиотека им. Оссолинских во Вроцлаве (далее Б. Оссол.), рукопись 14465, Ю. Сабиньский, «Дневник моего рабства», к. 969, 970.

а затем «бедным чиновником»². До 1806 года при неизвестных обстоятельствах он разошелся со своей женой, матерью Юлиана, и второй раз женился на Зофье Юзефе Пухальской. Он поселился в своем небольшом имении («частичке») в деревне Матвийковце около Фельштына в Пłosкировском повете. В этом втором браке у него родилось четыре сына: Даниэль Михал (1806), Ян Адальберт (1810), Антоний (1815) и Николай (1816)³, а также по крайней мере две дочери: Мария и Винцента⁴. Умер Людвик Сабиньский в 1847 г.

Юлиан Сабиньский был самым старшим сыном Людвика от первого брака. Его родным, младшим братом был Юзеф, который служил подпоручиком саперов в армии Королевства Польского, но из-за доноса «Сабиньский Юзеф, юноша душевный и способный, в наказание был переведен на фронт»⁵ в шестой пехотный полк и вскоре был арестован в Варшаве по делу Патриотического общества, где и встретил свою смерть. Шимон Аскенази так описывает это трагическое событие: «Варшавскому Следственному комитету Яблоновский выдал еще множество других людей, что стало причиной трагического происшествия во время его очной ставки 22 марта с обвиненным подпоручиком 6 полка г-ном Юз[ефом] Сабиньским, который, услышав его обвинения против себя и своего друга Мик[олая] Ворцелло, ударил Яблоновского по лицу, после чего ночью на 23 марта 1826 г. совершил в своей камере у кармелитов самоубийство через повешение»⁶. В свете сохранившихся судебных материалов, касающихся членов Патриотического общества, обвиненных в государственных преступлениях⁷, дело этого якобы самоубийства вырисовывается

² Д-р Антоний Я. [Ролле], «Литературная команда», в: Он же. «Избранные письма», т. 3: «Литературные фигуры», Краков, 1966, с. 291.

³ Достаточно красноречивым является тот факт, что своих братьев по отцу Юлиан Сабиньский ни разу не упоминает в своем огромном «Дневнике».

⁴ В документах Герольдии дочери не упоминаются, Сабиньский один раз упоминал о них в своем «Дневнике», сообщая об их смерти (9 августа 1843).

⁵ «Дневники генерала Прондзыньского», т. 1, Краков, 1910, с. 151, 152, см. также с. 74, 75, 130.

⁶ Ш. Аскенази. «Лукасинский», т. 2, Варшава, 1929, с. 465.

⁷ Библиотека Польской академии наук в Кракове (далее: БПАК Кр.), рукопись 2228, т. 2, л. 18–33; там приведены показания тех, кто занимал в тюрьме

уже не таким однозначным, а показания свидетелей и заявление тюремного врача, при его несомненной тенденциозности, позволяют предполагать гораздо более печальную версию смерти Юзефа Сабиньского, о которой в свое время ходили разного рода слухи. Ян Бартковский, вспоминая, как в 1830 г. его арестовали и посадили в камеру № 25 у кармелитов, добавляет: «В этой же камере сидел в 1826 г. офицер саперов Сабиньский. Согласно общеизвестной версии, он был там отравлен и в последние минуты жизни сообщил о причине своей смерти другим заключенным»⁸. Это трагическое событие оставило глубокий след на семье Сабиньских и друзьях Юлиана, что можно увидеть в корреспонденции Станислава Стажиньского с Флорианом Лашовским⁹. Взволнованный этим несчастьем Сабиньский написал стихотворение «Сцевола, песня на смерть Сабиньского»:

Вы петь хотите? Накиньте же покров
И над могилой польского Сцеволы
Пропойте миру, что хотя в неволе
Погиб Сабиньский, он погиб героем!..¹⁰

Д-р Антоний Я. [Ролле] пишет, что у Юлиана был еще один младший брат, который «посвятил себя кабинетной работе», а в другом месте этой же статьи добавляет, что «Кароль Сабиньский <...> покончил с собой <...> в Варшаве по политическим мотивам»¹¹. Это могло бы выглядеть как обычная ошибка с именем, если бы не информация о кабинетной работе, совер-

ме камеры, соседние с Юзефом Сабиньским: В. Гжимала — «я слышал крик рядом со мной», С. Заблочкий — «Особенно вечером я слышал стон и крик», ксендз К. Дембеко — «крик, который я слышал рядом со своей камерой», подполк. Северин Кшижановский — «я слышал в соседней камере крик, хрипы и просьбы, как будто кто-то хотел избежать телесного наказания».

⁸Я. Бартковский, «Воспоминания о восстании 1831 г. и первых годах эмиграции», изд. Э. Саврымович, Краков, 1966, с. 288; издатель снабдил это следующим комментарием: «Слухи о смерти Сабиньского в тюрьме не имеют оснований, см. биографическую справку о нем», эта справка (с. 427), однако, касается... Юлиана Сабиньского.

⁹Б. Оссол., рук. 6293/III, л. 19–31.

¹⁰«Песни и стихи подолянина», Варшава, 1831, с. 31.

¹¹Д-р Антоний Я. [Ролле], цит. произв., с. 318.

шенно не подходящая к характеристике профессионального офицера, каким был Юзеф. Вдобавок ко всему мы располагаем записью от руки на страницах «Дневника»¹², которую сделал внук Юлиана, профессор Конрад Дыновский: «Брат покойного деда Кароль Гляубич Сабинский в 1831 г. утонул в Висле». В цитируемых выше документах Герольдии нет никакого Кароля, зато упомянут... Теофил¹³. Нет возможности прояснить рождающиеся сомнения. Было ли у Юлиана кроме Юзефа еще два родных брата? Однако как объяснить, что в достаточно обширной корреспонденции его друзей, содержащей много подробностей обо всей его семье, нет ни слова ни о Кароле, ни о Теофиле? Почему Сабинский, когда в Сибири вспоминал свое детство: «Я видел <...> деревню моей матери, налево наш огород, направо немного дальше мельница и луг, по которому я в детстве любил бегать с братом» (12.06.1844), однозначно писал об одном брате?¹⁴

Настолько же сложно обстоит дело с сестрами. Кажется, у него не было родных сестер, а только дочери его матери от второго брака, Стажинские, и дочери его отца, тоже от второго брака. Этих первых было две: Идалия Стажинская, в первом браке баронесса Ю. Харсдорф, во втором браке — жена Аманция Жарчынского¹⁵, а также Изабелла Казимира. Часто в «Дневнике» упоминается как сестра Теодора Хмелёвская (жена Юзефа), дочь Тадеуша Рачинского, брата матери Юлиана, которая на самом деле была его двоюродной сестрой. Много проблем появляется из-за терминологии, которой пользуется в своем «Дневнике» Сабинский. Если упоминаемую выше Теодору Хмелёвскую он последовательно называет сестрой, то Винценту Билиньскую упоминает исключительно как сестру Теодоры...

¹² На второй странице экземпляра «Дневника» Ю. Сабинского, хранящегося в Б. Оссол. (рукопись 14465).

¹³ ГАХО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 6145. Л. 100.

¹⁴ Во всем своем большом «Дневнике» он упоминает Юзефа только раз, когда, встретив на одном из этапов польского солдата, делает запись: «Казимеж Павловский, родом из Варшавы, внук генерала Павловского, когда-то бывшего командиром 6 полка пехоты, в котором служил мой родной брат Юзеф Сабинский, переведенный туда из саперов» (21 августа 1839 г.).

¹⁵ Д-р Антоний Я. [Ролле], цит. произв., с. 318.

После развода с мужем мать Юлиана, Эльжбета Рачиньская, которая «славилась своей красотой», вышла (в 1811?) за Юзефа Доливу Стажиньского, подольского хорунжего и нестеровицкого старосту, переехав вместе с детьми в имение своего нового мужа, в лежащую над Збручем деревню Каменецкого повята Беднарувку. О ранней молодости Юлиана мы почти ничего не знаем, несомненно лишь одно, что он не посещал никакую школу. Здесь мы полагаемся на информацию Хенрика Бигелейсена, которую невозможно проверить, а жаль, потому что не все в ней заслуживает доверия. А именно, он утверждает, «что, запущенный отцом, который слишком был занят службой, Юлиан начал получать начальное образование только в 14 лет» (то есть около 1811 г.), после второго замужества матери, «когда уже убежденный в необходимости образования способный мальчик за короткое время научился читать и писать, потому что с этого ему пришлось начать, и быстро <...> научился говорить на нескольких иностранных языках»¹⁶. Трудно поверить, что, начав в 14 лет учиться читать и писать, он смог за два года выучить еще несколько иностранных языков. За два года, потому что в 1813 г. с ним в Замехове Ушицкого повята, в имении Эразма Стажиньского, брата отчима Юлиана, познакомился Раймунд Корсак, который забрал его к себе и четыре следующих года, до самой своей смерти, заботился о всестороннем развитии мальчика.

Раймунд Корсак — это известный и высоко оцениваемый в то время поэт и переводчик¹⁷, который с 1797 г. жил на Подолье в Бабчинцах Ямпольского повята. Нам кажется, что именно Корсаку Сабиньский обязан образованием и интеллектуальным развитием. Хенрик Бигелейсен пишет, что шестнадцатилетнего Юлиана Корсак «сердечно полюбил и воспитывал как собственного ребенка в своем доме. Здесь скромный юноша завязал тесные дружеские отношения с Корсаком, который тогда находился на вершине своей поэтической деятельности»¹⁸. Антоний Ролле же добавляет: «Классик Корсак в

¹⁶ Х. Бигелейсен, цит. произв., с. 318.

¹⁷ «Библиография польской литературы», «Новый Корбут», т. 5, Варшава, 1967, с. 161–163.

¹⁸ Х. Бигелейсен, цит. произв., с. 318.

одном, может, только Сабиньском нашел искреннего приверженца, под его наблюдением он воспитывался как педагог»¹⁹. Этот важный период в жизни Сабиньского продолжался четыре года, до того момента, когда слабый здоровьем Корсак во время поездки заболел и был вынужден остановиться в имении своего друга Яна Богуша в Званьчике Ушицкого повята, где, несмотря на заботу не отходящего от него Юлиана, через несколько дней, 19 ноября 1817 г., умер. Потрясенный этой смертью, Станислав Стажиньский написал:

Ты! На руки которого он пал смертельной жатвой,
Первый, кто заплакал над печальной кончиной,
Сабиньский! Ты любимый воспитанник Корсака,
Живой склад его стихов, сохрани их от гибели.
Помни, чем для тебя был Корсак, помни, чем ты
был для него.
Польша потеряла поэта, ты потерял отца²⁰.

После смерти Корсака Сабиньский вернулся к матери и отчиму в Беднарувку, где начал усердно готовить к изданию наследие своего умершего воспитателя. Намек на это сделал в процитированном стихотворении С. Стажиньский, вспоминал также об этом в своей книге ксендз Вавжинец Марчиньский: «Юлиан Сабиньский заботливо собрал все стихи, переводы и разные письма Раймунда Корсака, которые вскоре издаст в двух томах»²¹. До издания, правда, не дошло, но рукописный вариант намеченного труда был готов уже в 1818 г., а в 1830 г. Сабиньский послал его Александру Батовскому, который, планируя издание, добавил новые находки — письма, рукопись эту сохранил, и в настоящее время она находится во Львове²². Одновременно с подготовкой наследия Корсака Юлиан помо-

¹⁹ Д-р Антоний Я. [Ролле], цит. произв., с. 298.

²⁰ Б. Оссол., рук. 2290/III, т. 2, л. 217. Письма Станислава Стажиньского.

²¹ Х. В. Марчиньский. «Статистическое, топографическое и историческое описание Подольской губернии с гравюрами, картами...», т. 1. Вильно, 1820, с. 253.

²² Библиотека Украинской академии наук (библиотека им. В. Стефаника), Архивы Баворовских (далее БАН), рук. 827–828/1, Р. Корсак. Все произведения, т. 1–2.

гал ксендзу Марчиньскому в его работе над «Описанием Подольской губернии», о чем говорит запись, начинающая этот труд: «благодарность тем, кто помог в составлении», где среди нескольких других назван и Юлиан Сабиньский. В этот же год произошло событие, относящееся к «вольным каменщикам», которое имело большое значение для дальнейшей судьбы Юлиана, вступившего в основанную 26 декабря 1818 г. в Каменце-Подольском масонскую ложу «Осирис под Сияющей Звездой», где познакомился с людьми, с которыми в будущем его судьба сведет снова, в том числе с Каролом Мархоцким и Фридрихом Михальским²³. Уже 12 августа 1822 г. указом императора Александра I были закрыты все масонские ложи, в том числе и подольский «Осирис»²⁴.

В первой половине 20-х годов XIX века Юлиан Сабиньский был уже вполне интеллектуально сформировавшимся молодым человеком, вращающимся в очень интересном кругу друзей, которые тогда являлись культурной элитой Подолья. В этот круг, который в какой-то степени характеризует и Сабиньского, входили среди прочих перечисленные ниже.

Станислав Стажиньский²⁵, племянник отчима Сабиньского, популярный в свое время поэт, драматург, переводчик и прозаик. Как он сам позднее вспоминает, еще в 1819 г. произошло «наше знакомство с Юлианом Сабиньским»²⁶, а в «Шестой элегии к Юлиану Сабиньскому», созданной 21 декабря 1820 г., он написал: «Ты, с которым я связан крепкой дружбой»²⁷. Сабиньский в «Дневнике» многократно говорит о Стажиньском как о своем самом близком, сердечном друге.

²³ С. Малаховский-Лемпицкий. «Список масонских лож и их членов в 1778–1821 годах», Краков, 1929, с. 47.

²⁴ Тот же. «Большая провинциальная вольнская ложа», «Ежегодник Вольнский», 2, 1931, с. 108, 109, 125.

²⁵ ПБС (Польский биографический словарь.— Прим. пер.) , т. 42, с. 477–480 (Д. Ковалевская); Р. Кессельринг «(Стах из Заехова), С. Долива граф Стажиньский. Биографическая зарисовка», Львов, 1929; «Библиография польской литературы...», т. 6, ч. 1, Варшава, 1970, с. 214–217; Д. Ковалевская, «Поэт среди “истинных событий”». Писательское наследие Станислава Доливы Стажиньского», Торунь 2001.

²⁶ Б. Оссол, рук. 2290/III, т. 7, л. 187.

²⁷ Там же, т. 1, л. 9.

Тимон Заборовский²⁸, поэт, драматург, переводчик. Он жил в расположенных над Збручем Личковцах Чортковского района в Восточной Галиции. В то время Збруч не был преградой для общения друзей, живущих по разные стороны этой реки, по которой проходила граница. Заборовский посвятил Сабиньскому написанную в 1823 г. трагедию «Богдан Хмельницкий»: «Юлиану Сабиньскому первое свое драматическое произведение посвящает Тимон Заборовский, 1 сентября 1823 в Личковцах»²⁹. Из 28 писем Заборовского к Сабиньскому, хранящихся в Библиотеке Украинской академии наук во Львове (Архивы Баворовских, рук. 843/II), мы приводим вслед за Леонардом Совиньским небольшой фрагмент, выразительно иллюстрирующий характер связывающей их дружбы: «союз наш должен иметь своей целью внутренний порядок наших душ, улучшение нашей нравственной жизни»³⁰.

Адольф Янушкевич³¹, поэт, участник ноябрьского восстания, ссыльный. В 20-х годах XIX века он находился на Подолье, где, живя в Каменце, был депутатом Верховного суда тамошней Гражданской палаты. Позднее, уже в Сибири, Сабиньский с ностальгией писал: «Я получил письмо Янушкевича Адольфа (из Омска) <...>. Это письмо доставило мне много радости, оживляя тысячи сладких воспоминаний из другого времени (7 апреля 1844).

Флориан Лашовский, выпускник Кременецкого лицея, где он был основателем «Товарищества благодетельной молодежи волынской гимназии», живущий в Суходоле и Беднарукве,

²⁸ М. Данилевичова, «Тимон Заборовский, жизнь и творчество (1799–1828), Варшава, 1933.

²⁹ Т. Заборовский, «Сборник произведений», составитель М. Данилевичова, Варшава, 1936, с. 318.

³⁰ Л. Совиньский, «Тимон Заборовский, посмертное издание его писем», «Венец», 1872, № 34, с. 317.

³¹ А. Янушкевич, «Письма из Сибири», выбор, обработка и пригот. Х. Гебер, Варшава, 2003 (особенно вступление: Я. Одровонж-Пенёнжек, «Мицкевичёвский Адольф», с. 5–44), Я. Грынковский, «Адольф Янушкевич в ссылке — новые материалы, в: Поляки в Казахстане», Вроцлав, 1996, с. 157–165; он же. «Сколько же веков я ждал это письмо... Письма Стефании Гиновской Адольфу Янушкевичу», «Блокнот Музея литературы им. Адама Мицкевича», 1999 (2000), № 12/13, с. 279–328.

пробующий свои силы в поэзии, «окружающий себя литераторами, художниками, собирающий библиотеку»³².

Ян Юзеф Гроттгер, отец Артура (художника), талантливый рисовальщик и художник³³.

Кароль Мархоцкий, сын Игнация Яксы Счибора, известного подольского оригинала, талантливый пианист, «любитель книг и музыки»³⁴.

Несколько позднее к ним присоединился Александр Верыха Даровский, историк-любитель и поэт-сатирик, брат будущей жены Юлиана Пелагии³⁵.

Не является очевидным, хотя Антоний Ролле утверждает³⁶, что к этому кругу принадлежал и Мауриций Гоцлавский (1803–1834)³⁷. Этот поэт-романист действительно в начале двадцатых годов находился на Подолье, работая частным учителем в дворянских домах Вилямовских в Черемошном, Михальских в Кордышувке³⁸, однако нет следов его знакомства с Сабиньским, с которым он, правда, встретился, но позднее, во время ноябрьского восстания, в дни обороны Замосця.

Наконец, в их обществе бывал и Франчишек Ковальский, переводчик и поэт, автор слов популярной песни «Там на лугу цветет цветок»³⁹. Именно он спустя годы оставил в своих воспоминаниях такой портрет Юлиана Сабиньского: «Рослый,

³² М. Данилевичова, цит. произв., с. 250.

³³ Я. Пучата-Павловская, «Артур Гроттгер», Торунь, 1962, с. 8–10; в книге М. Данилевичовой (цит.) есть репродукция выполненного Гроттгером-отцом портрета Флориана Лашковского.

³⁴ М. Дубецкий, «Кресы и за кресами. Воспоминания и очерки», т. 1, Киев, 1914, с. 312–320.

³⁵ Д-р Антоний Я. [Ролле], «А. Верыха Даровский. Рассказы», серия 4, т. 2, Варшава, 1884, с. 381–410; А. Верыха, «Род князей Верыхов. Монография на историческом фоне», Варшава, 1937 (после с. 104 фот. А. В. Даровского).

³⁶ Д-р Антоний Я. [Ролле], «Литературная команда...», с. 318, 319.

³⁷ С. Здзярский, «Мауриций Гоцлавский. Биографически-литературный очерк», Петербург, 1892, с. 48, 49.

³⁸ Кордышувка была имением Вильгельма Михальского, приговоренного за участие в Обществе польского народа к службе в Кавказском корпусе. Его сестра Мелания была возлюбленной Мауриция Гоцлавского, другая сестра, Эмилия, была невестой Шимона Конарского.

³⁹ «Библиография польской литературы...», т. 8, Варшава, 1969, с. 111–113.

худой, с белым лицом и синими глазами, волосы темные и взгляд, который говорит об искренности чувств и праведности характера. Воспитанник Раймунда Корсака имел неординарный ум и большие знания в области истории и литературы разных народов, а также знал несколько языков, на которых говорил и писал как на родном. При этом обладал неслыханной памятью и приятным голосом, он занимал нас всех, декламируя часто целые поэмы, драмы и прекрасные стихи, а пением разнообразных песен восхищал, словом, никто лучше него не пел. <...> Петь он любил и к песенкам Стажиньского создавал подходящие приятные мелодии <...>, почти каждый день появлялась какая-нибудь новая, чаще всего эротическая песенка Стажиньского, к которой Сабиньский сразу же придумывал мелодию и пел; иногда и сам какую-нибудь песенку писал»⁴⁰.

А значит, одновременно талант «композиторский» и поэтический... Эта информация Ковальского побудила Романа Калету выдвинуть гипотезу, что анонимным автором мелодии к популярной песне Станислава Стажиньского «Ненавижу вас, бездельники...», сегодня известной со словами Райнольда Суходольского «Здравствуй, майская заря», является именно Юлиан Сабиньский⁴¹. Это, конечно, только гипотеза, которую трудно или даже невозможно доказать, однако стоит обратить внимание на то, что Сабиньский ценил именно эту песню Стажиньского, несколько раз цитируя фрагменты из нее в «Дневнике»⁴². Его «композиторский талант» находит подтверждение в неопубликованных воспоминаниях Люциана Михальского, который описывает, как группа взятых в плен после ноябрьского восстания защитников Замосця отмечала годовщину начала восстания (29 ноября 1831) в тюрьме во Влодзимеже Волинском, и находящийся в той группе упомянутый выше Франчишек Ковальский симпровизировал соответствующий текст, «а Юлиан Сабиньский к этой импровизации подобрал мелодию»⁴³.

⁴⁰ Ф. Ковальский, «Воспоминания (1819–1823)», изд. Х. Улашин, изд. 2, Киев, 1914, с. 252, 213, 253.

⁴¹ Р. Калета, «Сенсации давних лет», изд. 2, Вроцлав, 1980, с. 151, 152.

⁴² Я. Трынковский, «3 мая в Сибири», «Ссылный», 2004, № 18, с. 3–10.

⁴³ БАН, рук. 3677/II, Дневники Люциана Михальского, л. 35, 36.

О поэтическом таланте Сабиньского мы тоже немного что можем сказать. Хенрик Бигелейсен утверждает, что Сабиньский «был, как уверяют, неплохим поэтом, но очень скромным, потому что свои стихи ни в коем случае не хотел печатать»⁴⁴. Характер этого юношеского творчества мы можем окольным путем узнать из письма Тимона Заборовского от 3 сентября 1821 г. к Флориану Лашовскому.

«Ответь, Флориан, Сабиньскому этими стихами, на которые меня вдохновило минутное размышление над теперешним состоянием Европы. Так Менестрель обращается к Барду:

Сабиньский! Разожги сердце, вознося святые гимны,
А если род человеческий теперь такой холодный,—
Что ему приятен даже позорный отдых,
Отправься с лютней в руке на поля, могилы,
Где защитников свободы, веры и человечества,
Наших прадедов святые почивают кости,
Чтобы оживить дух потомков, передаваемый с кровью.
По голосу твоих песен они еще восстанут из гробов»⁴⁵.

Трудно сказать, писал ли Сабиньский стихи в более поздний период, в сибирской ссылке. Поэтические фрагменты, которые мы находим в «Дневнике» и при которых не указан автор, а педантичный Сабиньский обычно такую информацию сообщает, совсем необязательно происходят из-под его пера, как предполагает Михал Яник⁴⁶.

Все это богатое интеллектуально общество, в котором вращался Сабиньский, красочно описал Антоний Ролле⁴⁷, а Мария Данилевичова охарактеризовала следующим образом: «Охлаждаются связи между людьми и вещами. Если знаешь биографию одного из этих поэтов (Заборовский, Гославский, Стажиньский, немного раньше Раймунд Корсак), находишься, как у себя дома, у других. Откуда-нибудь наверняка появится Юлиан Сабиньский, выступит если не Флориан Лашовский,

⁴⁴ Х. Бигелейсен, цит. произв., с. 318.

⁴⁵ Б. Оссол, рук. 981/1, л. 40, Биография Тимона Заборовского и другие.

⁴⁶ М. Яник, «История поляков в Сибири», Краков, 1928, с. 199.

⁴⁷ Д-р Антоний Я. [Ролле], «Литературная команда...», с. 283–317.

то, по крайней мере, «Подмаренник» и *dux et redus* Мархоцкий из Минковиц, Франчишек Ковальский наделает сплетен в своих «Воспоминаниях», а д-р Антоний Я. еще больше их запутает»⁴⁸.

Сам Сабиньский, уже в сибирской ссылке, так вспоминал эти годы и своих друзей: «Сегодня я нашел себе прекрасное место для купания в реке Куде. Расположение этого места имеет некоторую схожесть с тем, которое когда-то у матери в Беднарувке было моим любимым местом для купания. <...> На другой стороне реки я, казалось, видел милые берега Галиции и на них друзей моей молодости: Заборовского Тимона, Лашовского Флориана, Розвадовского Винцента, Гроттгера Юзефа, Улятовского Эугениуша и других. И я забылся, полностью отдавшись любимым образам» (12.06.1844)⁴⁹.

В те годы Сабиньский был уже широко известен тем, что тщательно собирал творчество своих друзей-поэтов, не только умерших, но и живых. Свидетельством этому может быть письмо от 7 мая 1828 г., присланное из Вильно Яном Закшевским, в котором он спрашивал Сабиньского о рукописях Раймунда Корсака, после чего добавил: «Говорил мне господин Ковальский [Франчишек], что у Вас, господин Благодетель, есть полное собрание произведений вельможного Стажиньского»⁵⁰.

Немного раньше, в этом же 1828 г., 20 марта, покончил жизнь самоубийством, утопившись в Збруче, Тимон Заборовский. Два друга умершего поэта, Юлиан Сабиньский и Флориан Лашовский, почтили его память посмертными воспоминаниями, опубликованными в нескольких изданиях⁵¹.

⁴⁸ М. Данилевичова, цит. произв., с. 247.

⁴⁹ Винценты Розвадовский (1800–1849), владелец имения Новосёлка. Во время ноябрьского восстания подпоручик 1-го Конного люблинского полка; Эугениуш Улятовский (1801–1836), после ноябрьского восстания казначей Гражданского комитета во Львове, был арестован в связи с партизанской деятельностью Заливского, умер в тюрьме; Я. Бельня-Холодецкий, «Эугениуш Альберт Улятовский, государственный узник и мученик», Львов, 1911.

⁵⁰ Р. Калета, «Сведения о рукописях Трембецкого и Карпиньского», «Дневник Курницкой библиотеки», 5, 1955, с. 249.

⁵¹ «Разнообразие» (Львов), 1828, «20 от 16 мая, с. 161–163; «Польская газета», 1828, № 133; «Газета варшавского и заграничного корреспондента», 1829,

Здесь следует упомянуть о не до конца выясненном обстоятельстве в биографии Сабиньского. Как пишет Мария Данилевичова, Сабиньский «с 1822 года начал оказывать на Заборовского влияние в направлении, которое, вероятно, было указано выше. Прирожденный конспиратор, <...> он хотел втянуть его в работы, которые должны были подготовить военное восстание на Подолье. <...> Забота о судьбах родины с годами усиливается. Самую большую силу она набирает в последние годы жизни — период дружбы с Сабиньским, Гроттером и Розвадовским. Возможно, тогда Заборовский был членом масонского (?) «Союза свободных братьев-подолян» <...>, кажется, что эта информация, безапелляционно сообщаемая в биографиях, основана на каком-то недоразумении, а организация с таким названием вообще не существовала⁵².

Однако возможно, что этот скептицизм не вполне обоснован. Приведем фрагмент стихотворения Тимона Заборовского «Восстание», которое, конечно, не может быть доказательством в этом вопросе, однако предлагает задуматься:

Восстаньте, братья! Сыновья Подолья —
Пришло время разрушить позорные оковы...⁵³

В свою очередь, Михал Яник, не ссылаясь на источник, сообщает, что Сабиньский «до ноябрьского восстания принадлежал масонскому союзу “Свободных братьев-подолян” вместе с Тимоном Заборовским, Флорианом Лашовским, Яцеком Голыньским, Винцентом Развадовским, Юзефом Гроттером, Эугениушем Улятовским»⁵⁴. Нам кажется, однако, что решающим в этом вопросе является свидетельство Каспера Машковского, который, вспоминая умершего в Сибири Яцека Голыньского, утверждал: «На Подолье и в Галиции существовал патриотический союз с названием “Свободные братья-подоляне”, одним из председателей которого на Подолье он

№ 7; «Те, которые это пишут, когда-то были самыми близкими друзьями умершего».

⁵² М. Данилевичова, цит. произв., с. 64, 99, 100.

⁵³ «Сборник польских поэтов XIX века», ред. П. Хертц, Варшава, 1959, кн. 1, с. 937.

⁵⁴ М. Яник, цит. произв., с. 198.

[Гольнский] был»⁵⁵. Следует предположить, что после роспуска масонских лож в 1822 г. на Подолье образовался, а также в его галицийской части, указанный выше союз, который, вероятно, оставался под влиянием Национального масонства Валериана Лукасиньского, а из-за того, что он не был раскрыт властями, наша информация о нем весьма скудна. Это была бы вторая, после масонской, организация, членом которой был Сабиньский. Каким-то эхом традиции этой незнакомой нам ближе конспиративной организации был, несомненно, возникший в январе 1831 г. в Каменце-Подольском, но действующий на всем Подолье Союз свободных сыновей Подолья, сотрудничающий с подольской повстанческой организацией⁵⁶.

Стоит привести здесь информацию, содержащуюся в небольшом дневнике Марии Шааф⁵⁷, охватывающем период с марта по ноябрь 1828 г. Автор, в то время красивая девушка, живущая в Оттынёвцах в Галиции, повят Бубрка, была объектом любовных вздыханий как умершего вскоре Тимона Заборовского (большая часть дневника наполнена немного экзальтированными высказываниями, связанными с его смертью), так и Юзефа Гроттгера. Ее хорошими знакомыми были также Флориан Лашовский и Эугениуш Улятовский — люди из ближайшего окружения Юлиана Сабиньского, которого, конечно, Мария тоже знала. Она записала, как в конце августа 1828 г. по пути из Подолья во Львов он посетил ее в Оттынёвцах и во время этого визита читал ей поэзию Мицкевича⁵⁸. Произведения этого поэта в руках Сабиньского не вызывают удивления, тогда как обращает на

⁵⁵ А. Гиллер, «Из ссылки», т. 2, Львов, 1870, с. 40; см.: Я. Трынковский, «Почему Каспер Машковский не оставил воспоминаний?», «Независимость и память», 3, 1996, № 2 (6), с. 124.

⁵⁶ См. «Записка о Союзе свободных братьев Подоляна, написанная рукой Аманция Жарчынського» в А. Гольнский, «Дневник подольского восстания 1830—1831 годов», Варшава, 1979, с. 63, 64.

⁵⁷ Библиотека Польской академии наук в Курнике, рук. 11712/1, 11712/2, М. Шааф, *Mon Journal «marie ou l'enfant de l'infortune»*. Мария Шааф (1808—1887), дочь Юзефа и Потоцкой, вышла замуж за Юзефа Хорновского, владельца Лохова ок. Варшавы.

⁵⁸ Там же, рук. 11712/1, с. 32—39, рук. 11712/2, с. 36—41.

себя внимание эта поездка во Львов. Мария Шааф не удивлена визитом, скорее всего, это происходило часто. Граница на Збруче не являлась преградой для друзей, живущих по обе ее стороны. Свободно, хотя и нелегально, они пересекали границу между Австрией и Россией, наверняка не только в дружеских целях. Конечно, трудно делать предположения относительно цели упомянутой поездки во Львов, может быть, она была связана с работой, какую выполнял Сабиньский в связи с реализуемым совместно с Александром Батовским, живущим во Львове, проектом публикации произведений Раймунда Корсака.

Патриотическая позиция Сабиньского в период, непосредственно предшествующий ноябрьскому восстанию, не подлежит ни малейшему сомнению. Его взгляды можно проиллюстрировать при помощи двух писем 1830 г. Первое из них, написанное в Беднарукве 7/19 января, было адресовано Александру Батовскому под впечатлением от недавней смерти архиепископа Яна Павла Воронича: «Печально, разве не печально, дорогой Александр, смотреть в будущее, когда едва ли не каждый день отбирают у нас дорогую частичку и так уже скудного остатка бывшего богатства? Что вскоре будет с несчастными сиротами среди одних врагов? Где мы будем черпать опытные и мудрые советы? Кто нам повторит последнюю волю умирающей матери? Кто картиной ее смерти в нашем сердце отмщение распалит? Кто славой великого имени заслужит нам уважение? Кто заклятого противника упросит? И когда, наконец, после долгих и кровавых трудов нам удастся целостность отцов получить назад? Кто тогда нашу победу благословит?»⁵⁹

Второе из писем, адресованное Станиславу Стажиньскому, написанное 13/25 сентября 1830 г., выражает возмущение Са-

⁵⁹ Национальная библиотека (далее БН), рук. 7027, л. 51, 52; отправитель письма был неправильно прочитан как «Сабинек Гляубич Якуб?»; сохранился ответ А. Батовского, в котором мы читаем: «Прощу тебя, пиши мне много, ведь твои письма, особенно последнее, можно было бы печатать, над смертью Воронича ты вызвал у меня слезы, но и вытер их. Кому бы я его ни читал, славят последнюю счастливую мысль: а когда наконец после долгих и кровавых трудов и т. д.»; БЯ, рук. 1851, л. 112. Другое дело, что эта переписка должна была происходить без цензуры, листы пересекали границу нелегально.

биньского известием, что Стажиньский пригласил к себе домой Винченца Красиньского:

«Не знаю и не понимаю, какие причины могли тебя склонить к этому: разве вообще могут быть поводы, из-за которых стоило бы подавить возмущение этим никчемным выродком и отвращение к нему? Кто может заслужить большую ненависть и позор, как не тот, кто, продав свое сердце и свою волю, сломал веру Родины и земляков, а верных посчитал преступниками? Тогда какая же может быть кара за купленное подлостью и изменой достоинство, если не мстительные муки собственной совести? А разве они могут появиться, если он не увидит, что его присутствие вызывает отвращение и презрение у тех, кто является славой и честью земляков? Что же останется преследуемой и страдающей за святое дело добродетели, если маленькая горстка ее почитателей гостеприимно откроет двери тому, кто от нее отказался? Когда Пётр Мошинский и другие, ему подобные, заглянут когда-нибудь к тебе домой, примешь ли ты их с той же улыбкой, с которой ты предложил свой кров тому, кто осудил их как преступников и приговорил к позорной смерти? «E'crazez l'infame»,— постоянно повторял Вольтер, когда эта потребность была более насущной, чем в наше время. Но кто же найдет в себе благородную смелость для этого, если те, на кого мы смотрим с упованием и восхищением, будут давать нам такие печальные примеры? Разве из наших костей восстанет мститель, если старшее поколение передаст молодому дрожащее подчинение врагам и поблажки для их прислужников?»⁶⁰

Подтвердить свою патриотическую позицию Сабиньский смог в дни ноябрьского восстания. Известие о его начале дошло на Подолье в первых днях декабря, вызывая значительное оживление среди местного дворянства. Александр Гольиньский описал, как в Беднарувке вместе с Юлианом Сабиньским он переводил и переписывал для дальнейшего распространения «Augsburger Allgemeine Zeitung», которую сами нелегально доставили из Галиции и которая содержала интересную и более-менее точную информацию о восстании. За этой работой застал их Иоахим Лесневич, который предложил, под видом

⁶⁰ Б. Оссол., рук. 6293/III, л. 533–538.

именин созвать большое дворянское собрание⁶¹. Это собрание состоялось в имении Фридриха Михальского в Вербке Мурованой 7/19 февраля 1831 г. Там одобрили создание Подольского патриотического общества, а для создания его законов «назначили комиссию, состоящую из четырех человек: Иоахима Лесневича, Юлиана Сабиньского, Яцека Гольньского и меня [Александра Гольньского]»⁶². На следующий день, отредактированные комиссией «после короткой дискуссии над несколькими пунктами, а также сделанными вследствие этих замечаний поправками, эти законы были единогласно приняты собравшимися» и в тайном голосовании были выбраны члены Генерального совета в составе: Кароль Даровский⁶³, Иоахим Лесневич, Яцек Гольньский, Якуб Малиновский, Станислав Стажиньский, Винценты Тышкевич, Ян Сулатыцкий; «Секретарем совета выбрали Юлиана Сабиньского»⁶⁴. Михал Ролле, используя воспоминания Люциана Михальского, сына Фридриха, привел несколько иной состав этого совета: Якуб Малиновский — председатель, Кароль Даровский — народная касса, а также Игнаций Мархоцкий, Винценты Стемповский, Фридрих Михальский. «Для сбора необходимых средств, главным заданием которых должен был стать народный налог в размере 25 коп. с человека, назначили Иоахима Лесневича, Яцека Гольньского, Юлиана Сабиньского»⁶⁵. Однако больше стоит верить воспоминаниям Гольньского, записываемым «в режиме реального времени», он закончил их писать в 1834 г., нежели дневникам Михальского, которые он писал после 1871 г. Своего рода иллюстрацией деятельности Сабиньского в качестве секретаря совета может служить присоединенный к изданию дневника Александра Гольньского «Манифест, целиком написанный рукой Юлиана Сабиньского, к жителям бывших воеводств — Подольского, Брацлавицкого и всей Украины»⁶⁶.

⁶¹ А. Гольньский, цит. произв., с. 38, 39.

⁶² Там же, с. 44.

⁶³ Отец будущей жены Ю. Сабиньского Пелагии.

⁶⁴ А. Гольньский, цит. произв., с. 55, 56.

⁶⁵ М. Ролле. «Защитники Замосця», в «Из минувших столетий, исторические и литературные зарисовки, Львов, 1908, с. 292.

⁶⁶ А. Гольньский, цит. произв., с. 78–90, а также фото перед с. 161.

Речь идет о тексте манифеста, принятого Центральным советом 3 мая 1831 г.

Не имеет смысла здесь рассказывать о судьбе неудавшегося подольского восстания⁶⁷. Яцек Гольньский, Иоахим Лесневич и Юлиан Сабиньский, так же как многие другие подоляне, в начале мая пересекли границу, прячась в Галиции, чтобы там записаться в формируемое в Чабаровке отделение Александра Верещинского. С этим отделением, известным как Подольско-волыньский легион⁶⁸, перебрались в Королевство, чтобы принять участие в обороне Замосця⁶⁹. Там встретились как и «старые знакомые», так и те, которых судьба сведет в будущем, в том числе среди командиров: Мауриций Гоцлавский, Франчишек Ковальский, Теодор Коженёвский⁷⁰ и Люциан Михальский, и, кроме того: Яцек Гольньский, награжденный крестом «За заслуги за битву под Майданком, Юлиан Сабиньский («доброволец»), Каспер Машковский, Иоахим Лесневич⁷¹.

⁶⁷ А. Вронский. «Ноябрьское восстание на Волыни, Подолье и Украине», Варшава, 1993.

⁶⁸ Я. Хоффман, «Литовско-волыньский легион 1831», «Волыньский ежегодник», 2, 1931, с. 234.

⁶⁹ Об этих событиях упоминал Каспер Машковский в письме к Эустахию Ивановскому от 28.03.1878 г. (БЯ, рук. 5931, т. 2, л. 51–51в): «После того как корпус Дверницкого ретировался в Галицию, возникло намерение сформировать отделение в Галиции над Збручем и войти в Каменецкий повят и далее, чтобы соединиться с восстанием генерала Колышки. Главный сбор был в деревне Чабаровке Подлевского, гражданина Галиции... и в других окрестных деревнях... нас было несколько сотен... когда все уже было готово и мы должны были идти через Збруч, пришло известие, что Колышко с остатками повстанцев направляется в Галицию, чтобы сложить оружие... как до этого поступил Дверницкий. Тогда было решено все это отделение из Чабаровки перевести в Королевство. Мы запрягли по четыре верховых в одну повозку и по четверо человек на каждом отправились от дома к дому через Галицию до люблинского воеводства, кое-как перебрались, кто как мог. В Юзефове люблинском мы сформировали дивизион, то есть два эскадрона Подольской конницы».

⁷⁰ Отец Аполла Коженёвского, с которым Ю. Сабиньский встретится в конце своей жизни.

⁷¹ М. Ролле, цит. произв., с. 318–321: Ролле использовал бумаги своего отца, который собирал материалы на тему обороны Замосця. Это следует из его письма Люциану Михальскому от 3/15.07.1884 г.: «Я не перестану пред-

После капитуляции Замосця 22 октября «четыреста <...> в их числе и сам Верещинский, сели на коней и скрылись в Галиции, во главе оставшейся горстки мы видим только трех офицеров, командира 2-го эскадрона Теодора Коженёвского, Люциана Михальского и поэта Франчишка Ковальского»⁷², был среди них и Сабиньский⁷³. Им пришлось «пережить еще много неприятностей, прежде чем под строгим конвоем их привели в Каменец, где военный суд <...> почти всех освободил»⁷⁴. Весь этот марш закованных в кандалы узников из Замосця в Каменец через Влодзимеж Подольский, где они были 29 ноября, Острог и Житомир, куда добрались на Рождество, будет еще долгие годы вспоминаться Сабиньским как один из самых неприятных моментов его жизни. В «Дневнике» 14 марта 1848 г. он написал, что осенью 1831 г. «меня вели из-под Замосця в тяжелом, болезненном плену». Этот период также нашел отражение в корреспонденции Станислава Стажиньского с Флорианом Лашовским. Семья и друзья, кажется, потеряли все контакты с Сабиньским еще в мае 1831 г., когда он попал в Галицию. «Где бы ни находился этот хороший человек, пусть сопутствуют ему мои пожелания. С весны одно только письмо я получил от него» (18 ноября); «Юлиан уже должен был вернуться домой <...>. Можешь себе представить печаль его семьи! Ни пишет, ни приезжает, ни <...> знать о себе не дает» (21 ноября), «О Юлиане нет никаких известий» (25 ноября); «Юлиан, если жив...» (30 ноября). И наконец, первые известия, что он жив, что находится в плену, что его ведут. «Юлиан до сих пор не пришел из Влодзимежа — в эти дни должна наконец выясниться его судьба — тем не менее

лагать Вам составить список замосцян, ведь и Юлиан Сабиньский, кажется, к ним принадлежал», БН, рук. 5993, л. 136.

⁷²Ф. Ковальский тоже хотел сбежать в Галицию, но удержал его от этого именно Сабиньский. Об этом пишет С. Стажиньский в письме к Ф. Лашовскому: «Сейчас у меня находится Ковальский, жалуется на Юлиана, что тот удержал его от fugas, теперь, бедняга, не знает, что его ждет»; Б. Оссол., рук. 6293, 10/22.03.1832.

⁷³Это было трудное решение: бежать за границу или остаться. Побег означал в большинстве случаев уже постоянное пребывание в эмиграции, а остаться — значит попасть в тюрьму, а может, даже и в ссылку, но это давало надежду вернуться домой, к семье.

⁷⁴М. Ролле, цит. произв., с. 312.

следует ожидать каких-нибудь ужасов, нежели милости» (15 декабря); «Несчастье висит над Юлианом, обещают ему и его друзьям строгий приговор — всех до сих пор держат в Каменце под строгой охраной» (9 февраля 1832 г.). Наконец, счастливое окончание. «Юлиан и его товарищи по несчастью получили большую надежду — говорят, что их на днях выпустят. Дай Бог, чтобы так стало» (18 июля); «Освобожденный Юлиан из тюрьмы сразу побежал к матери» (26 августа)⁷⁵.

Мы не знаем, как проходило следствие в Военной комиссии в Каменце-Подольском, не удалось добраться до соотвествующих документов, не знаем ни обвинений, которые предъявлялись Сабиньскому, ни доказательного материала, которым располагала комиссия. Однако можно не сомневаться, что Сабиньский решительно отрицал тот факт, что он принимал участие в восстании. Он утверждал и потом многократно повторял, что только «из-за неудачного стечения обстоятельств оказался тогда в Замосце, к гарнизону не принадлежал и военную службу не нес». Неизвестно, поверила ли комиссия этим утверждениям, зато мы знаем, что, как и другие «замосцыне», которых судили в Каменце, он попал под царскую амнистию и был освобожден от ответственности.

Остается неясным участие Сабиньского в движении 1833 г., общеизвестного как партизанские выступления Юзефа Заливского. Не вызывает сомнения, что ряд контактов, завязавшихся тогда, стал основой для образования в 1835 г. Филодемического общества и несколько позднее, с весны 1836 г., Общества польского народа (ОПН). Это ясно следует из воспоминаний Каспера Машковского⁷⁶. Также является фактом, что репрессии за участие в выступлениях Заливского коснулись друзей Юлиана и его близких знакомых, а также родственников⁷⁷. Это следует хотя бы из письма Станислава Стажиньского к

⁷⁵ Б. Оссол, рук. 6293/III.

⁷⁶ К. Машковский, «Рукопись в тюрьме. Сочинение дворянина Вольнской губернии», «Русский архив», 1, 1909, с. 486–489 (опубликовано в: «Общество польского народа в Подольской, Вольнской и Киевской губерниях...»).

⁷⁷ Эустахий Рачинский, сын Юзефа (брата матери Юлиана Сабиньского), за участие в восстании Ю. Заливского был сослан на пожизненные тяжкие работы.

Флориану Лашовскому от 6 августа 1833 г.: «Ты пишешь, что-бы узнать, когда Гольныйский заплатит тебе причитающийся долг, а этот Гольныйский вместе с братом, с Кросновским, с Жельским, с Рудницким-младшим и Кочоровским были высланы в Оренбург на поселение»⁷⁸. Из более раннего письма мы узнаем очень важную вещь: «Я вернулся домой с убеждением, что ничего плохого не произойдет с теми, кого вызвали в Клепидаву⁷⁹, среди них был и Юлиан, но вскоре был отпущен домой под залог»⁸⁰. Из-за отсутствия других источников невозможно узнать, действительно ли Сабинский был по этому делу освобожден, все же оптимистическое убеждение Стажиньского, что ни с кем «ничего плохого не произойдет», не оправдалось из-за того ли, что в отличие от других был «невиновным», или же из-за того, что выглядит более правдоподобным, что этот «прирожденный конспиратор» ни в чем не признался и удачно избежал грозящей опасности.

1834 год принес большую перемену в личной жизни Юлиана Сабинского. 18 июля он женился на Пелагии Даровской, родившейся в 1811 г., дочери Кароля и Катажины (в девичестве Машкевич)⁸¹, затем он переехал из Беднарувки в Збжиз, небольшой городок над Збручем в Каменецком повете, здесь «жил в тихом счастье», здесь родились его дети: Земовит, Ольгерд и Хемильда.

В это же время его ближайший друг Станислав Стажиньский, вынужденный продать Замехов в 1837 г., приобрел небольшое имение именно в Збжизе: «Мой друг Юлиан Сабинский жил с женой на наделе, который купили в Збжизе, это и меня подтолкнуло к покупке имущества там»⁸². Это звучит как почти образцовый пример истинной дружбы, однако мож-

⁷⁸ Б. Оссол., рук. 6293/III.

⁷⁹ Клепидава — это древнее название (датское), записанное в труде Птолема. В описываемое здесь время ее ошибочно идентифицировали с Каменцом-Подольским. См., напр., К. В. Марчиньский, цит. произв., т. 1, с. 162: «Это место, где был основан Камень, сначала, согласно старой географии, называлось Клепидава».

⁸⁰ Б. Оссол., рук. 6293/III.

⁸¹ А. Верыха, «Род князей Верыхов...», с. 202.

⁸² Б. Оссол., рук. 2290/II, Письма Станислава Стажиньского, т. 7: Мои воспоминания, л. 188.

но предполагать, что были и другие причины, по которым оба друга выбрали для проживания именно Збжиз, лежащий на границах с Галицией Збруче. У обоих по другую сторону реки были близкие и достойные доверия друзья, как хотя бы уже упомянутый выше Винценты Розвадовский. Это облегчало всевозможные нелегальные контакты, контрабанду корреспонденции, литературы, а также переброску эмигрантов. Хенрик Голеевский в своем дневнике красочно и подробно описывает, как в конце 1837 г. он попал из Галиции на Подолье. Винценты Розвадовский проинструктировал его о способе пересечения границы и о том, что в Збжизе он должен обратиться к Стажиньскому или Сабиньскому. Первого из них Голеевский⁸³ не застал дома, а другой оказал ему помощь таким образом, который ясно показывает, что он делает это не первый раз и что ему привычна эта конспиративная работа⁸⁴.

Именно в это время Сабиньский вступил в основанное в 1835 г. Филодемическое общество. Это следует из информации М. Дубецкого: «в первых рядах этого общества стояли Лесневич Иоахим, Юлиан Сабиньский, Яцек Гольньский»⁸⁵, то же самое утверждает Болеслав Лопушаньский⁸⁶. Следует полагать, что с преобразованием этой организации в Общество польского народа Юлиан Сабиньский как бы автоматически стал «конарщиком». Деятельность в этих организациях продолжалась недолго, так как уже 12 октября 1838 г. он был арестован, привезен в Киев и попал вместе с остальными под следствие, в результате которого был «лишен прав своего сословия и сослан на тяжкие работы в Сибирь <...> на 20 лет»⁸⁷.

⁸³ См. «Письма из эмиграции Иоахима Лелевеля», изд. Х. Венцковская, т. 3, Вроцлав, 1954, с. 183, 184, № 440, Брюссель, 3.03.1838 г., к Валентину Зверковскому в Руан: «Устные вести от Шим[она] Конарского снова ожидаются на днях. Там неподалеку крутится также этот слишком глупый эмигрант Хенрик Голеевский, наверняка аристократ».

⁸⁴ Х. Голеевский, «Дневник», Краков, 1971, т. 2, с. 247–251.

⁸⁵ М. Дубецкий, в: «Большой всеобщей иллюстрированной энциклопедии», т. 43, 1909, с. 234.

⁸⁶ Б. Лопушаньский, «Общество польского народа» (1835–1841), Краков, 1975, с. 240.

⁸⁷ «Приложение к № 22 «Подольских губернских известий», цит. из: М. Ролле, «Вклад в дело Конарского», в «Из минувших столетий», Львов, 1908, с. 339.

О ходе следствия писать нет необходимости, следственные материалы и четыре первые главы «Дневника» Юлиана Сабиньского, охватывающие период пребывания в киевской тюрьме, являются достаточно полными, и на них можно сослаться⁸⁸. Можно только добавить, что об этом периоде писал Станислав Стажиньский: «Ужас охватывает при мысли о страданиях вот уже полгода мучающегося в тюрьме Юлиана с двумя сотнями скомпрометированных подолян! Даже если он и выйдет из тюрьмы, жену уже не застанет живой, ведь эта несчастная и достойная женщина, находящаяся на последней стадии чахотки, вот-вот испустит дух! Трех ползающих червячков и обложенный долгами надел в Збжизе — вот что она оставляет отчаявшемуся мужу. При виде таких несчастий кто может жаловаться на собственные?»⁸⁹. Пелагия Сабиньская действительно вскоре умерла (21.2.1839, похоронена в Збжизе), незадолго до отправки ее мужа в Сибирь. О ее смерти Сабиньский узнал только в Иркутске.

Сабиньский во время следствия и позднее, уже в ссылке, настойчиво утверждает, что был обвинен, осужден и приговорен несправедливо. Однако независимо от доказательств, собранных следствием, показаний свидетелей, главным образом Фридриха Михальского, о поведении которого Хенрик Голеевский написал: «Скорее из-за чрезмерной глупости, нежели из-за страха, выдал он многое из того, что знал, и даже из того, чего не знал, а только догадывался»⁹⁰, — можно не сомневаться, что снова, как и прежде, во время ноябрьского восстания, а может, и партизанства Заливского, Сабиньский избрал во время следствия тактику, которая раньше помогала, и решительно отрицал все обвинения, по понятным поводам не говоря правды. Против него может свидетельствовать приведенный уже выше факт участия в Филодемическом обществе, которое полностью преобразовалось в ОПН, а также участия в переброске через границу эмигрантов. Интересное доказательство против Юлиана

⁸⁸ «Общество польского народа в Подольской, Вольнской и Киевской губерниях...», с. 314–316.

⁸⁹ Б. Оссол., рук. 6293/III, письмо к Ф. Лашовскому от 22/24.02.1839 г.

⁹⁰ Х. Голеевский, цит. произв., с. 268.

приводит его ближайший друг Станислав Стажиньский. В письме к Флориану Лашовскому, еще с того периода, когда Сабиньский находился в киевской тюрьме, он написал, что его стихи «до малейшего отрывка были у Юлиана, и тот полностью их уничтожил, прежде чем его арестовали»⁹¹. Много лет спустя он вспоминал, что у Сабиньского было несколько сотен его писем⁹², «а также множество моих произведений в прозе и стихах, <...> думаю, у него было время уничтожить эти бумаги <...>, иначе бы военная комиссия, которая его судила, несомненно, и меня привлекла бы к этому процессу»⁹³. Мы ясно видим, что Сабиньский предвидел свой арест и успел заранее уничтожить то, что могло бы скомпрометировать как его самого, так и его друзей. Использованная во время следствия тактика обернулась против него самого. Его показания образовывали логическую целостность, а будучи одаренным прекрасной памятью, он не давал поймать себя на непоследовательности. Многократные жалобы на ход следствия и на саму комиссию, по существу, «война», которую он героически вел с комиссией и ее членами при фактически слабых доказательствах его вины, ставили членов Следственной комиссии в трудную ситуацию, вызывали злость, нескрываемую антипатию (Сабиньский интеллектуально был выше этих людей, чего от них не скрывал, а об этическом уровне членов комиссии и говорить не стоит). В результате следствием всего этого был непропорционально суровый приговор. Можно предположить, что если бы он частично в чем-то признался, «да, действительно, кое-что знал, но участия ни в чем не принимал, искренне сожалею...», если просил о милости, наказание могло бы быть значительно меньшим.

Не имеет смысла широко здесь описывать период его почти двадцатилетней ссылки, во всех подробностях мы узнаем о нем в «Дневнике».

⁹¹ Б. Оссол., рук. 6293/III, письмо от 12/24.02.1839 г.

⁹² Там же, письмо от 10.01.1847 г.: «У Сабиньского было несколько сотен моих писем, и стихов немерено».

⁹³ Б. Оссол., рук. 2290/II, письма Станислава Стажиньского, с. 6: «Дорога к моей могиле», л. 148.

Дорога по этапам проходила так же, как у других его товарищей⁹⁴. Закованный в тяжелые «подорожные» кандалы, он был в кибитке вывезен из Киева 14 марта 1839 г. Его путь пролегал через Орел, Тулу в Москву и далее через Казань и Пермь в Тобольск (всего 3142 км). Уже 7 апреля в одной партии с Ю. А. Бопре, П. Боровским, К. Машковским, Я. Гольнымским, И. Лесневичем, М. Киселём, М. Подхородедьским и В. Уминьским он отправился, на этот раз пешком, из Тобольска в Иркутск, в кандалах на ногах (3280 км). Путь проходил так же, как у других ссыльных, с тем исключением, что его постоянно мучили болезни. Когда его друзья вышли из Красноярска, он какое-то время оставался в этом городе, чтобы добраться до Иркутска через неделю после своих товарищей к 1 декабря 1839 г.⁹⁵ Его направили на каторжные работы на соляной завод в Усолье, в окрестностях Иркутска. Его каторга заключалась в том, что он учил детей начальника этого завода А. Мевюса, хотя официально указывался как «работник, возящий дрова на соляную фабрику». Однако фактически ему не пришлось выполнять никакую физическую работу. В 1841 и 1842 гг. по царской «милости» ему дважды сокращали наказание на 5 лет⁹⁶. 18 октября 1843 г. в результате очередной «амнистии» его перевели на поселение. Формально числясь в деревне Грановщина в Иркутском округе⁹⁷, фактически он никогда в этой деревне не был. Сначала он жил в Урике в доме Волконских, обучая их детей, а в октябре 1844 г. переехал в Иркутск, куда переехали Волконские, и жил в этом городе, почти не выезжая из него, до конца своего пребывания в Сибири. Он занимался обучением иностранным языкам⁹⁸. Активно

⁹⁴ Я. Трынковский, А. Вольтановский, «Этап конарщиков», «Литературный ежемесячник, 1989, № 7, с. 106–118.

⁹⁵ Государственный архив Иркутской области (далее: ГАИО). Ф. 24. Оп. 3. Т. 1. Д. 432. Карт. 16. Л. 34.

⁹⁶ Государственный архив Российской Федерации в Москве (далее: ГАРФ). Ф. 109, I эксп., 1836 г., Д. 76. Ч. 52, о Сабинском. Л. 35.

⁹⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Т. 1. Д. 42. Карт. 31. Л. 20, 21.

⁹⁸ Я. Трынковский, «Юлиан Сабинский и мотивы его педагогической активности в ссылке», в: «Материалы V симпозиума полоний биографистики. Краков, 22–23 сентября 2000 г.», ред. А. Юдицкая, Б. Климашевский, Люблин, 2000, с. 176–183.

участвовал в жизни иркутской общины польских ссыльных и их организации самопомощи «Огул»⁹⁹.

Поскольку «Дневник» содержит достаточно богатую информацию о его жизни в ссылке, то, может, стоит привести несколько мнений о нем — мнений своего рода извне. Первое исходит от другого ссыльного, Эугениуша Змиевского¹⁰⁰:

«Сабиньский никогда не уезжал из города [Иркутска]. <...> это был человек, полный эрудиции и с удивительным талантом рассказчика, когда в небольшом обществе верных друзей он пускался в воспоминания, что, однако, происходило нечасто. Кроме этого, каждого восхищал в нем дар плавно и очень правильно говорить по-французски, по-немецки, по-итальянски и даже на латыни Цицерона, потому что на всех этих языках он выражался одинаково легко. Сабиньский был не только лингвистом, но и борцом за чистоту языка и поэтому поправлял каждого, кто делал какую-нибудь ошибку в этих языках, что на какое-то мгновение настраивало против него, но это чувство длилось недолго, все скоро об этом забывали, ибо глубокая праведность характера и отзывчивость этого достойного человека очень быстро сглаживали неприязнь, вызванную филологическими проблемами. Что касается его пунктуальности, то можно сказать, что она вошла в поговорку и многим его знакомым была весьма полезна»¹⁰¹.

Автором другого мнения является россиянин, житель Иркутска Н. А. Белоголовый, в 1844 г., когда он встретился с Сабиньским, десятилетний мальчик, позднее известный врач, общественный деятель и писатель: «Сабиньский <...> был фанатиком своей национальной идеи <...> хотя и не первой молодости, но со стройной фигурой, с большими черными гла-

⁹⁹ В. Сливовска, Я. Трынковский, «Огулы» — организации самопомощи польских ссыльных в Восточной Сибири в 40-х и 50-х годах 19-го века», в: «Жизнь есть везде... Общественные движения в Польше и России до Второй мировой войны», ред. А. Брус, Варшава, 2005, с. 147–182.

¹⁰⁰ Э. Змиевский (1817–1885), член ОПН, был сослан в Сибирь, вернулся в 1857 г., автор интересных дневников; В. Сливовская, «Польские ссыльные...», с. 727.

¹⁰¹ Э. Змиевский, «В Эльдorado», «Польская газета», 1874, № 262.

зами¹⁰², всегда внимательными и сурово смотрящими из-под густых нависших бровей. Мы немного его боялись, но этот детский страх смешивался с уважением, особенно после того, как А. Поджио сказал нам, что это очень образованный человек, прекрасно говорящий на семи языках»¹⁰³.

Он был окончательно помилован в силу коронационного манифеста в августе 1856 г., но прежде чем были выполнены все бюрократические процедуры, прошло много месяцев. К этому периоду относится письмо иркутского настоятеля К. Швермицкого к Марии Юшневской¹⁰⁴:

«Что касается Сабиньского, он достаточно здоров, хотя часто кашляет. Однако за последние два года он заметно постарел и значительно изменился. И ему будет трудно, очень трудно совершать такой далекий путь одному. Вот, дорогая генеральша, какая мне пришла мысль: ведь его сыновья, должно быть, очень порядочные парни, я читаю их письма, отправляемые старому отцу, и делаю вывод об их праведном, достойном и благородном сердце. Поэтому было бы хорошо, если бы один из них, который в этом году заканчивает университет, приехал бы сюда в Иркутск за отцом. Конечно, это будет затратно, но какая же радость будет старому отцу! И это вступление в мир молодого человека будет достойным, оставит прекрасное воспоминание на всю жизнь и заслужит Божье благословение. Я говорил об этом с Сабиньским, он сам не хотел делать такое предложение детям, но из его разговора я заметил, что огромным счастьем было бы для его старости, если бы приехал кто-нибудь из детей. Дети его в Киевском университете. Намекните,

¹⁰² Ф. Ковальский в своих воспоминаниях (цит. произв.) утверждал, что у Сабиньского были синие глаза.

¹⁰³ Н. А. Белоголовый, «Воспоминания и другие статьи», изд. 2, М., 1898, «Из воспоминаний сибиряка о декабристах», с. 52; Сабиньский действительно знал семь языков: польский, французский, итальянский, немецкий, латынь и немного хуже русский и английский.

¹⁰⁴ М. Юшневская (1790—1863), полька, в девичестве Круликовская, жена декабриста ген. А. П. Юшневского, разделяла с ним ссылку, была в дружеских отношениях с польскими ссыльными, в том числе с Сабиньским; вернулась в Киев в 1855 г.

дорогая, им об этом как-нибудь! Но с этим нужно поспешить»¹⁰⁵.

Проект о. Швермицкого воплотить не удалось, и 10 сентября 1857 г. Сабиньский сам отправился в путь на родину¹⁰⁶, что отметила местная, иркутская газета¹⁰⁷. Дорога на Подолье шла через Киев, куда он заехал, чтобы встретиться с обучающимися там в университете сыновьями¹⁰⁸. Он приехал в Каменец-Подольский 23 января (11-го по старому стилю) 1858 г., где за ним сразу установили полицейский надзор¹⁰⁹. О периоде жизни Сабиньского на Подолье после возвращения из ссылки мы знаем не очень много¹¹⁰. Он жил в разных местах: Кречановке¹¹¹, Гусятине¹¹², Каменце-Подольском¹¹³, скорее всего, нигде надолго не осел. Трудно сказать, чем он занимался. Несомненно, приводил в порядок свой сибирский архив и переписывал «Дневник». Может быть, тогда возникли и «Пылинки из моей памяти» — произведение, содержащее воспоминания о людях и местах, где он был, а также произведения его друзей: Раймунда Корсака, Станислава Стажинь-

¹⁰⁵ Письмо от 15.06.1857 г. Копия этого письма с 19-го века в Архиве Ордена Воскресения Господня в Риме, арх. 44853; цит. из: З.Трояновичова, «Письмо из Иркутска», «Тыгодник повшехны», 1989, № 1.

¹⁰⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Т. 1. Д. 15. Карг. 35. Л. 48.

¹⁰⁷ «Иркутские губернские ведомости», 1857, № 17 (от 5.11), с. 13, ошибочная информация, что он уехал в Вильно; это также было записано его знакомыми из среды декабристов. Дочь князя С.П.Трубецкого, Зинаида Свербеева, в письме сообщила об этом своему отцу; ГАИО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 275. Л. 7.

¹⁰⁸ В. Четвертинский, «На возу и под возом (1837–1917)», Познань, 1939, с. 11, 112; он пишет, что в Киевском университете «был в очень близкой дружбе с <...> двумя Сабиньскими: Ольгердом и Земовитом, сыновьями Юлиана», с которыми он познакомился, когда Сабиньский вернулся с каторги в Сибирь.

¹⁰⁹ ГАХО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 2936.

¹¹⁰ Немного из писем Ю. Сабиньского к Зузанне Гурской (6 писем в 1859–1861 годах); БЯ, рук. 7812, л. 130–140.

¹¹¹ М. Ролле, «Защитники Замосця...», с. 320. Это была деревня в Могилевском повете, где находилось имение Яна Даровского, шурина Юлиана Сабиньского.

¹¹² Городок в Каменецком повете над Збручем, там жили друзья Сабиньского Жельские; см. БЯ, рук. 7812, л. 130–134.

¹¹³ М. Ролле, «Защитники Замосця...», с. 320.

ского и Тимона Заборовского. До Второй мировой войны этой рукописью владела семья профессора Конрада Дыновского, внука Юлиана, в Варшаве и ею пользовалась Мария Данилевичова¹¹⁴. Он следил за публикациями в стране и на некоторые из них реагировал. Когда в начале 1862 г. К. В. Вучицкий опубликовал статью, посвященную умершему Станиславу Стажиньскому¹¹⁵, Сабиньский сразу же отправил письмо с информацией, касающейся друга¹¹⁶.

Однако легко догадаться, что, прежде всего, он радовался полученной свободе, возвращению в родные края, а особенно детям. В это время его дочь Хемильда вышла замуж за врача Конрада Дыновского¹¹⁷, потом несколько месяцев продолжалось свадебное путешествие молодоженов в Париж и Брюссель. В этом последнем городе остался, чтобы уже не вернуться на родину, сопровождавший молодоженов сын Юлиана Ольгерд¹¹⁸. Несомненно, Сабиньский принимал участие в общественной жизни Каменца-Подольского, будучи его своего рода достопримечательностью, о чем свидетельствует история, записанная Зигмунтом Старорыпинским: «Еще при губернаторе Пфеллере¹¹⁹ на обеде у Сулятицкого, среди большого

¹¹⁴Т. Заборовский, цит. произв., *passim*.

¹¹⁵К. В. Вуйчицкий, «Станислав Долива Стажиньский», «Иллюстрированный еженедельник», 1862, № 121 (18.01), с. 29, 30.

¹¹⁶«Иллюстрированный еженедельник», 1862, № 142, с. 235: «Мы получили следующее письмо из Каменца-Подольского <...>. Господин редактор. Уважаемый К. Вл. Вуйчицкий в № 121 Вашего еженедельника напомнил нам о Станиславе Стажиньском <...>. Более подробную информацию, как и то, куда делись стихи Стажиньского, собранные и переписанные Юлианом Сабиньским, можно найти во Львове <...>. Ю[лиан] С[абиньский]». С этим письмом связана определенная загадка. В это время арестованный Сабиньский находился в Чернигове. Место отправки письма (Каменец-Подольский) наверняка является очередной мистификацией всегда осторожного Юлиана Сабиньского.

¹¹⁷Конрад Дыновский (1836–1905), врач в Бердичеве, филантроп; см. П. Шарейко, «Словарь польских врачей 19-го века», т. 4, Варшава, 1997, с. 115.

¹¹⁸«Письма из эмиграции Иоахима Лелевеля...», т. 4, с. 449–451, № 1234 (к Проту Лелевелю, Брюссель, 5.06.1868 г.): «Наш круг меняется и уменьшается: на месте троих молодых убывших заседают Миньский из ваших краев, Боярский с Украины и Сабиньский с Подолья».

¹¹⁹Владимир Пфеллер, подольский губернатор в 1856–1861 годах.

количества собравшихся, сидел Юлиан Сабиньский, старик с большой белой бородой, николаевский каторжник. В конце обеда, когда шампанское наполнило бокалы, все, как будто их ударило током, переглянувшись, встали и произнесли тост: «За здоровье господина Юлиана Сабиньского». Пфеллер обратился к хозяину, своему соседу, и что-то прошептал, но Сулятицкий, нахмутив брови и ничего не ответив, встал и добавил: «вернувшегося из Сибири». Губернатор тоже встал и выпил с нами за здоровье николаевского преступника; а прокурор Готовцев после обеда просил представить его Сабиньскому. Эта любезность растрогала все общество»¹²⁰.

Наверняка такого рода ситуации должны были привлечь внимание властей на Сабиньского, который и так уже находился под постоянным полицейским надзором. Наступил 1861 год, когда, начиная с Варшавы, по всей стране прокатилась волна манифестаций и богослужений за пятерых погибших. 1 апреля такое богослужение прошло в Каменце-Подольском. Уже 9 апреля подольский губернатор Р. И. Брауншвейг докладывал князю И. И. Васильчикову в Киев: «Считаю необходимым уже сейчас предпринять суровые и решительные шаги по отношению к тем священникам, которые во время последних манифестаций сильнее всего себя скомпрометировали <...>. Так же, полагаю, следует поступить и в отношении <...> лиц, проживающих в Каменце-Подольском, известных своим вредным направлением и влиянием на других, или же тех, кто скомпрометировал себя во время последних выступлений. Среди этих последних особенно выделяется <...> недавно вернувшийся из Сибири Юлиан Сабиньский. <...> Он принимал особое участие в прошедшем 1 апреля в Каменце-Подольском траурном богослужении и имеет плохое влияние на здешнее польское общество. Это влияние следует прервать, велев Сабиньскому выбрать себе место проживания в одной из внутренних губерний по его желанию или вообще уехать из России»¹²¹.

¹²⁰ Э. Старорыпинский, К. Боровский, «Между Кременцом и Архангельском. Два дневника повстанцев 1863 года», Варшава, 1986, с. 101.

¹²¹ «Общественно-политическое движение на Украине в 1856–1862 гг.», Киев, 1963, с. 117.

18 апреля князь Васильчиков в письме к начальнику жандармов князю Василию Долгорукому сообщал, что во время упомянутого богослужения дочь Сабиньского Хемильда собирала денежные пожертвования, прикалывая входящим в церковь «траурные букетики», добавляя «осторожно», что деньги собираются «на памятник». Рядом с ней стоял Юлиан Сабиньский и тоже об этом говорил. Все это, по мнению Васильчикова, свидетельствует, что Сабиньский «опасен» и что дочь также «воспитал в духе сопротивления правительству». Заключение очевидно — дальнейшее пребывание Сабиньского в Подольской губернии опасно и его следует выслать в Тамбовскую губернию¹²².

Арест Сабиньского, а затем отправка его в Киев произвели огромное впечатление на его окружение. 11 мая Антонилла Рошковская дописала на письме своей дочери Ванды к Александру Шумовскому: «Какая же печальная весть о бедном Сабиньском, что ему не позволили спокойно дожить свою жизнь в родном уголке. Не могу понять, что дало повод для ареста бедного, больного старика. Мы с беспокойством ожидаем дальнейших о нем известий, а пока просим Вас, чтобы передали ему от нас привет и сказали, что нам очень больно слышать о его новых несчастиях. Прошу нам сообщить, каким будет результат стараний дочери»¹²³.

Однако Сабиньского не сослали в Тамбов, в Киеве он заболел, и хотя власти посчитали, что оставить его в этом городе невозможно из-за его «горячего польского патриотизма, уважения, которым он пользуется у поляков, что может иметь вредоносное на них влияние», первоначальное решение было изменено и как место проживания ему назначили более близкий Чернигов¹²⁴. В новой ссылке отца сопровождала дочь Хе-

¹²² ГАРФ. Ф. 109. I экзп., 1836 г. Д. 76. Ч. 2, о Сабиньском, Л. 70.

¹²³ БН, рук. 2877, переписка и семейные бумаги Антонины (в дев. Шумовской) Адамовской, пианистки, за годы 1847–1895, л. 139, 140. В этом же письме дочь Антониллы, Ванда Рошковская, пишет: «Как же недостойно издеваться над таким больным стариком! — у нас было бы больше надежды, что приговор отменят по ходатайству дочери и людей, которые этим интересуются, — если бы не большее, чем раньше, предубеждение, сначала прикрытое маской доброжелательности и мягкости».

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 109. I экзп., 1836 г. Т. 76. Ч. 52. о Сабиньском, Л. 74, 75.

мильда вместе со своим мужем. Здесь, в Чернигове, Хемильда родила сына, носящего такое же имя, как отец,— Конрад (17.12.1862, будущий блестящий профессор права в Варшавском университете). В Чернигове ближайшим другом и товарищем по ссылке для Юлиана стал известный поэт и драматург Аполлон Коженёвский. Об их дружбе уже писали Стефан Бушчинский: «Контакты Аполлона в Чернигове были ограничены несколькими давними знакомыми ссыльными, среди которых был Юлиан Сабиньский»¹²⁵. Так же считали Михал Ролле¹²⁶ и Роман Таборский¹²⁷. Возможно, что кроме общих литературных интересов их сблизило то, что во время обороны Замосця в 1831 г., отец Аполлона — Теодор — как капитан командовал 2-м эскадроном Подольско-Волынского легиона, в котором служил Сабиньский. Аполлон Коженёвский оставил прекрасную характеристику Сабиньского времен черниговской ссылки: «Это человек преклонных лет, добродетельный, жил долго и много читал, а ездил далеко, дальше всех. Память его была неисчерпаемой сокровищницей высказанных представителями человечества мыслей и мнений, потрясающих правдой, красотой и добром. Если бы дословно записать цитаты моего уважаемого гостя, можно было бы составить большой том под названием: “Человеческий ум и глупость”. Когда мне выпадало счастье встретить старика, с ним ко мне входили великие писатели, представители древней и современной литературы, чужие и свои, начиная от Кохановского и Скарги и заканчивая Мольскими, Пляжовскими и Вигурами»¹²⁸.

Черниговская ссылка закончилась для Сабиньского через семь лет, 28 февраля 1869 г.¹²⁹ 72-летний Юлиан закончил на чужбине свою богатую на события, но очень невеселую жизнь.

¹²⁵ С. Бушчинский, «Малоизвестный поэт», «Время», 1870, № 73.

¹²⁶ М. Ролле, «Забывтый поэт», в «In illo tempore», Броды, 1914, с. 42.

¹²⁷ Р. Таборский, «Аполлон Коженёвский — последний романтичный драматург», Вроцлав, 1959, с. 121.

¹²⁸ А[поллон]К[оженёвский], *Cuique suum*, «Иллюстрированный еженедельник», 1866, № 330, с. 32, 33.

¹²⁹ БЯ, рук. 7181, л. 41, письмо Александра Верыхи Даровского к Хенрику Дыновскому от 6.03.1869: «28 февраля умер в Чернигове известный тебе... Юлиан Сабиньский».

Общество польского народа — самая большая заговорщическая организация периода между восстаниями — заслуживает полную, отвечающую современному строгим научным требованиям монографию. Опубликованный тридцать лет назад труд Болеслава Лопушаньского¹³⁰, отягощенный всеми ограничениями периода, в котором он возник и был опубликован, и создававшийся без доступа к советским архивам, этим требованиям сегодня не соответствует.

В настоящее время, когда появилось много новых работ¹³¹, когда вышли публикации первоисточников, в том числе следственных материалов по варшавскому делу¹³² и киевскому¹³³, когда подготовлен том, посвященный вильнюсскому делу, а особенно когда открылся доступ к белорусским, литовским, российским и украинским архивам, самое время подумать о такой монографии.

Большая группа людей, которых мы определяем термином «конарщики»¹³⁴, — общество неординарных личностей, среди которых хватало и выдающихся людей. Многие из них заслуживают отдельных, углубленных биографий, и, несомненно, все — «общего портрета».

Специфической, но также важной категорией источников, которые помогут узнать этих людей глубже, являются разного рода тексты воспоминаний, которые они оставили после себя. Так случилось, что большая часть из них либо ждет отвечающую всем требованиям новую редакцию, либо же издание

¹³⁰ Б. Лопушаньский, цит. произв.

¹³¹ См. Библиографию в: В. Сливовская, «Польские ссыльные...», с. 777–825.

¹³² «Общество польского народа в Польском Королевстве. Густав Эренберг и «Свентокшижане», ред. В. А. Дьяков, С. Кеневич, В. Сливовская, Вроцлав, 1978.

¹³³ «Общество польского народа в Подольской, Волынской и Киевской губерниях...».

¹³⁴ Этот термин мы используем в широком значении, охватывая им всех, которых «объединили» процессы: киевский, вильнюсский и варшавский, а значит, не только конарщиков *sensu stricto*, но и варшавских «свентокшижан», участников студенческих заговоров В. Гордона в Киеве, Ф. Савича в Вильно, К. Хильдебрандта в Дорпаче и даже членов, связанных с Отелем Ламберт Литовского комитета.

сохранившихся рукописей, либо, если это возможно, поиск когда-то существовавших текстов, потерянных сегодня¹³⁵.

Среди воспоминаний, дневников и других текстов, которые вышли из-под пера конарщиков, «Дневник моего рабства и изгнания» Юлиана Сабиньского занимает особое место. Огромных размеров (3335 страниц рукописи!), написанный великолепно образованным человеком, обладающим огромной культурой, интеллектом, наблюдательностью, наделенным прекрасной памятью и одновременно очень скрупулезным и педантичным, «Дневник» сегодня является источником исключительной исторической ценности. Был абсолютно прав Михал Яник, когда в 1928 г. писал: «Дневник» Сабиньского как ничто иное заслуживает, чтобы его напечатали, как самый лучший, самый богатый источник истории польских ссыльных в Восточной Сибири в период, когда Сабиньский там находился. Среди всех дневников, оставленных конарщиками, произведение Сабиньского имеет, несомненно, наибольшую ценность»¹³⁶.

Сабиньский систематически, ежедневно записывал то, что считал самым важным из событий минувшего дня: «Только по привычке и для того, чтобы не нарушить порядок, я записываю этот день под датой понедельника, хотя следовало бы уже написать «вторник», поскольку я пишу в три часа ночи. Я привык писать в этом дневнике после окончания всех дневных и вечерних занятий. То есть это мое почти последнее действие перед тем, как отправиться спать» (11.12.1844).

Стоит обратить внимание, что, живя в Иркутске — административной столице Восточной Сибири, а этого периода касается большая часть текста «Дневника», поддерживая самые близкие среди всех польских ссыльных контакты с декабристами, особенно с семьей Волконских, проводя уроки иностранных

¹³⁵Перечень и краткую характеристику дневников и воспоминаний конарщиков см.: Jan Trynkowski. Przedmowa // Julian Glaubicz Sabinski. Dziennik syberyjski / изд. подг. Викторией и Рене Сливовскими. Варшава, 2009. Т. 1. С. 28–35.

¹³⁶М. Яник, цит. произв., с. 206.

языков в домах элиты Иркутска и высоких должностных лиц губернской власти, приглашаемый в самые прекрасные местные салоны, принимая активное участие в жизни польских ссыльных и работе их организации самопомощи, Сабинский был человеком, имеющим огромное поле для наблюдений и доступ к широкой информации. «Дневник» все это прекрасно иллюстрирует. Поэтому нельзя согласиться с его автором, который весьма критично оценивает свою работу: «С каким же отвращением смотрю я на мой собственный дневник <...>, эту бледную и пустую болтовню, которую из-за одной только привычки, превратившейся в зависимость, без особого желания веду дальше» (13. 11.1847).

«Дневник» в целом, как и его отдельные части, имеет свою специфику. Не вдаваясь в подробный анализ этого произведения (это необходимо отложить на другой раз), я ограничусь замечаниями общего характера. Все указывает, что первая часть, охватывающая период киевского следствия, не является дневником в прямом смысле этого слова. Правда, мы уже в самом начале находим информацию о намерении писать дневник (с мыслью о жене), о стараниях достать чернила, бумагу, перья, но догадываемся, что проводимые записи должны были пройти строгую автоцензуру, чтобы в них не оказалось ничего, чтобы могло в случае их обнаружения скомпрометировать автора. Мы имеем право считать, что Сабинский действительно вел записи в киевской тюрьме, но они не были упорядочены в единое целое. И действительно, уже позднее, во время этапного пути, когда его везли в кибитке из Киева в Tobольск, где-то за Смоленском, он записал: «Недавно я заметил, что в карманах того единственного платья, которое на мне оставили <...>, сохранились обрывки моего дневника. Нашел я также среди всего этого несколько кусочков карандаша, которые всегда держал при себе, так же как и пару шариков из хлопка, пропитанных засушенными чернилами. Поэтому я хочу, пользуясь отдыхом в течение трех или четырех часов, который мне дают жандармы каждую ночь из жалости к моему слабому состоянию, <...> собрать свои мысли и для тебя, дорогая, описать бесчинства, творимые со мной. Поэтому, лежа завернувшись в плащ и повернувшись спиной к палачам и под видом чтения моей книжки для богослужений <...>, хочу писать тебе

этот грустный рассказ о наших несчастьях, насколько только вспомню и найду в себе силы. В конце концов, в эти несколько месяцев заключения я научился уже писать сокращениями очень быстро» (4.03.1839).

Подобные записи появляются и на дальнейшем пути. В Перми, где из-за плохого самочувствия у него был небольшой перерыв в «путешествии», он продолжал свою работу: «Насколько мне позволяют силы, пользуюсь свободным временем, чтобы хоть как-нибудь упорядочить свой дневник, сложенный до сих пор из больших или меньших записок. Это занятие стало уже своего рода потребностью, хотя не знаю, даст ли мне Бог еще столько жизни, чтобы я смог этот дневник переписать начисто, и будет ли возможность, чтобы он дошел до этих дорогих рук, для которых он предназначен» (25.03.1839).

За Тобольском вся группа ссыльных была задержана в ожидании, пока высохнут размокшие весной дороги, там были уже совсем другие условия и больше свободы, да и здоровье Сабиньского начало улучшаться: «Уже три дня как я взялся основательно за свой дневник. Переписываю его с самого начала, чтобы сделать единое целое из множества шпаргалок и записок. Я получил очень тонкую бумагу, на которую переписываю этот дневник мелким и узким почерком, чтобы он имел как можно меньший объем. Рассказывают, что на дальнейших этапах иногда вздумается какому-нибудь из господ офицеров перевернуть все, поэтому легче будет укрыть маленький блокнотик, чем большое количество бумажек. Но эта работа еще настолько превышает мои силы, что я едва могу 2 или 3 странички в день написать» (16.04.1839).

В следующие дни появлялись очередные записи: «Переписывание моего дневника все еще продвигается медленно, потому что сидение страшно меня утомляет. Но каждый день количество страниц увеличивается. <...> Собираю все силы на переписывание моего дневника, чтобы закончить до того, как мы отсюда отправимся» (22 и 25.04.1839).

Мы имеем право думать, что это переписывание заключалось не только в том, «чтобы сделать единое целое из множества шпаргалок и записок», написанных в тюрьме, но это была и редакторская работа, во время которой многое было дописано до первоначального текста. Остается только удив-

ляться, как все это было возможно, ведь Сабиньский вел еще и текущий дневник, в трудных условиях этого специфического путешествия по огромным пространствам Сибири...

Остальные части «Дневника» возникли уже в совсем других условиях, можно сказать «нормальных». Во время своей жизни в Усолье, где он, конечно, продолжал свой «Дневник», он записал: «Этот дневник уже стал для меня насущной потребностью, только он является безграничным поверенным всех моих чувств, то есть всех моих страданий. Потому что сейчас одним только страданием бьется мое сердце... Раньше я писал этот дневник с той оживляющей мыслью, что моя драгоценная будет его читать. Для нее я за него взял, для нее я так хранил его от злобного взгляда киевских надсмотрщиков, которые, забирая у меня все, наверняка были рады вырвать этот памятник ужасных часов в тюрьме. Теперь уже только по привычке пишу я эти страницы. Но эта привычка так сильна, что мне было бы труднее перестать писать или потерять написанное. В конце концов, может, Провидение еще позволит мне вернуться на родину и, может, там его когда-нибудь будут читать мои дети тогда, когда я уже, наверное, давно воссоединюсь с их матерью. Поэтому для них он будет иметь ценность, хотя для других был бы напрасным и неинтересным трудом» (13.03.1840).

Значит, изменились не только внешние, «технические» условия ведения ежедневных записей, изменился и их адресат. Сначала, делая записи с мыслью о жене, после того как автор получил трагическое известие о ее смерти, он начал вести его дальше уже для детей. По существу, «Дневник» стал своего рода терапией, видом разговора с самим собой. С течением времени он изменялся, записи становились менее систематическими, появляются все более частые перерывы. Это можно проиллюстрировать, сравнивая объем записей, посвященных отдельным годам, когда Сабиньский уже находится на поселении и живет в Иркутске, то есть все время в одних и тех же условиях. Описание событий 1848 г. содержит 148 страниц рукописного текста, почти так же и в следующие годы: 1845 – 151, 1846 – 145, 1847 – 128, 1848 – 143, 1849 – 112 страниц. В 1850 г. происходит разительная перемена – 53 страницы! Потом становится все хуже, весь период с начала 1851 г. до

последней записи 27.08.1857 г., то есть свыше шести с половиной лет, занимает только 69 страниц!!!

Это явление нам не приходится объяснять, осознает происходящее и сам автор: «Сейчас все чаще происходят перерывы в моем дневнике, когда из-за того, что я стал чаще болеть, когда из-за нехватки времени, потому что я почти весь день занят уроками у себя и в городе, каждое утро и вечер нужно посвящать подготовке к этим урокам, составлению упражнений, итальянских, французских, польских, проверке задаваемых ученикам переводов, выписыванию необходимых фраз и слов тем, у кого нет словарей, и т. д. и т. п. А мои уроки здесь набирают популярность потому, что те, кто берет их, делают быстрый прогресс в своей учебе и мало встречают трудностей и обычной при изучении иностранного языка скуки, ведь я пытаюсь им все это облегчить. Но при этом я беру огромную работу на себя. К ней меня подталкивает не только желание пользы для других, но еще и личные причины: поскольку, закладывая на себя такое, можно сказать, ярмо, увеличивая свои занятия и прилагая усилия к их правильному выполнению, я оставляю себе как можно меньше времени, чтобы предаваться опасениям, беспокойству, ужасным догадкам и мыслям, все более мучительным, которые иначе полностью бы мною овладели и привели к помешательству. Вот и теперь я давно уже жду и каждую почту напрасно высматриваю известий от моих. Это меня невыносимо мучает, подрывая и без того слабое мое здоровье. В таком состоянии и настроении я сам также не смею и не имею силы писать, следовательно, и в этом дневнике всю мою тоску, печаль и все страдания души излить избегаю» (19.03.1850).

Поэтому причиной было ухудшающееся здоровье — физическое и, прежде всего, психическое, для чего даже бегство в тяжелую, занимающую все время работу уже не было действенным лекарством.

После возвращения из ссылки, уже на Подолье в 1858 г., Сабиньский начал переписывать «Дневник». Как я уже писал, вначале вдохновением для написания «Дневника» были мысли о жене. Как он сам пишет еще в начале «тюремной» части: «После моего возвращения домой Пелагия найдет в этом дневнике точную картину всего того, что со мной и во

мне происходило. Узнает, насколько мучителен этот внезапный перерыв в моем счастье...» (5/17.10.1838). Позднее, уже после смерти жены, адресатом становятся дети. Поскольку их было трое (сыновья Ольгерд и Земовит, а также дочь Хемильда), может, это вызвало необходимость «размножения» текста «Дневника», чтобы каждый из них мог получить один экземпляр. Но могла быть еще одна причина для переписки. Сабиньский, переписывая весь «Дневник» целиком, дал ему такую внутреннюю форму, как будто думал о публикации, что, конечно, в то время было невозможным. Текст переписывался старательным, почти каллиграфическим почерком, поделен на отдельные части, каждая из которых предваряется графически распланированной титульной страницей. Каждую часть предваряет эпиграф или несколько, авторства Вергилия, Данте, Гёте, Байрона, Красицкого или Раймунда Корсака. Части поделены на главы, как перед частями, так и главами стоит содержание. В конце каждой части находится приложение: документы, письма и т.п. Можно сказать, что мы имеем дело с очень старательной и продуманной редакторской работой.

Не до конца ясно, сколько таких экземпляров было создано. Рукопись, которая находится в нашем распоряжении, единственная полностью сохранившаяся, находится в данный момент в Библиотеке Вильнюсского университета¹³⁷, ее там нашел в 1993 г. А. Вольгановский. До Второй мировой войны она хранилась в раперсвильских собраниях, об этом свидетельствуют отметки, совпадающие с описанием А. Левака (546 I–V)¹³⁸, как и сохранившаяся (вт. 4) печать библиотеки в Раперсвиле. Каким образом она избежала гибели во время войны и как попала в Вильнюс, неизвестно, нужны дополнительные исследования. Этим экземпляром пользовался перед войной Михал Яник¹³⁹, он не имеет никаких знаков владельца и никаких приписок, позволяющих догадаться, кому он принадлежал, до того как попал в Раперсвильскую библиотеку. Гипотетически нельзя исключать, что это был экземпляр Оль-

¹³⁷ Библиотека Вильнюсского университета, рук. Ф. 1, Э. 447–450.

¹³⁸ А. Левак, «Собрание Раперсвильской библиотеки», т. 1, Варшава, 1929, с. 172.

¹³⁹ М. Яник, цит. произв., с. 197–206.

герда Сабиньского, который в конце 1859 г. выехал, сопровождая сестру и шурина в свадебное путешествие в Париж и Брюссель, где остался. Затем он участвовал в жизни эмиграции, принимая участие в подготовке восстания в Польше, пересылке оружия¹⁴⁰. В рапорте о состоянии государства за 1863 г., который представил Александру III шеф III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии кн. В. А. Долгоруков, утверждается, что «в Брюсселе польский комитет действовал под руководством Сабиньского»¹⁴¹. Как многие эмигранты, он переживал финансовые трудности¹⁴². Мы еще встретим его в Брюсселе в 1867 г.¹⁴³ Возможно, что это именно он доставил в Раперсвиль свой экземпляр «Дневника».

Другой экземпляр произведения находится с 1976 г. в собрании вроцлавского Оссолинума¹⁴⁴, однако он неполный, содержит только последнюю, четвертую часть — «Поселение». Происхождение этого экземпляра установить легко, помогают в этом записи от руки, сделанные на первых его страницах: «Собственность внука, Конрада Дыновского», «Это писал мой дед, семидесятишестилетний старик — внук его Конрад Дыновский»¹⁴⁵. Поэтому мы имеем дело с экземпляром, который сначала принадлежал дочери Юлиана Сабиньского — Хемильде Дыновской (матери профессора Конрада Дыновского). Еще

¹⁴⁰БПАН Кр., рук. 2325, т. 9, бумаги Александра Я. Балашевича. Копии писем Ольгерда Сабиньского; см. С. Кеневич, «Январское восстание», Варшава, 1972, с. 341, прим. 81, с. 575, прим. 89.

¹⁴¹«Россия под надзором. Отчеты 3-го отделения 1827—1869», М. В. Сидорова, Э. И. Щербаков, Москва, 2006, с. 609.

¹⁴²БЯ, рук. 6531/IV, Письма Ольгерда Сабиньского к Юзефу И. Крашевскому в 1863—1864 годы, л. 3: «Все отношения с разделенной родиной теперь прерваны из-за разразившегося там восстания. Я напрасно ожидал денег от туда, которые должен был получить от моего дяди Александра Даровского» (16.04.1863).

¹⁴³О. Сабиньский, Я. Пашковский, «Appreciation du procede de M. M. Olgiard Sabinski et de Z Zadora-paszkowski brevete en Belgique et a l'etranger pour la fabrication du gaz aerogene», Брюссель, 1867.

¹⁴⁴Б. Оссол., рук. 14465.

¹⁴⁵Стоит задуматься, такого типа записи помещались обычно в начале произведения, почему К. Дыновский снабдил ими последнюю часть «Дневника», может, у него не было предыдущих?

в 1928 г. Михал Яник писал: «Согласно информации, предоставленной мне проф. Х. Мосчицким, копия дневника Сабиньского должна находиться в частном владении в Варшаве»¹⁴⁶. В этом же году Э. Малишевский, описавший раперсвильский экземпляр, добавил: «Другой экземпляр (3 больших тома) был в собственности внука автора проф. Конрада Дыновского, потом был передан в 1926 г. г-же К. Фирлей-Белянской»¹⁴⁷. Здесь дело усложняется, неизвестно, что происходило с этой рукописью до того момента, когда в 1976 г. вроцлавский Оссолиениум получил ее от Хелены Найты с сопровождающей информацией: «Рукопись принадлежала до Второй мировой войны о. Юзефу Недзедзе в Бельшовицах»¹⁴⁸. Невозможно сегодня выяснить, каким образом «Дневник» из рук К. Фирлей-Белянской попал к о. Ю. Недзеле. К сожалению, Хелена Найта умерла в 1986 г., а ее дочь не смогла дать более подробную информацию¹⁴⁹.

Есть также подсказки, вероятно фальшивые, вводящие в заблуждение. В 1954 г. Диониза Вавжиховская-Верчехова в библиографии, добавленной к ее популяризаторской статье о контактах декабристов с польскими ссыльными¹⁵⁰, сообщила звучащую сенсационно информацию: «Ю. Г. Сабиньский, “Двадцать лет, вырванных из моей жизни, или Дневник моего рабства и изгнания” [sic!] — рукопись в материалах после С. Стемполовской, отрывки, напечатанные в работе Яника». В действительности Стефания Стемполовская не располагала «Дневником» Сабиньского, она только сделала заметки из книги Яника.

Однако нельзя исключать, что существовал еще один экземпляр «Дневника». Антоний Ролле в 1884 г. в статье «Лите-

¹⁴⁶ М. Яник, цит. произв., с. 197, прим. 3.

¹⁴⁷ Э. Малишевский, цит. произв., с. 384.

¹⁴⁸ «Инвентарный список рукописей Библиотеки национального учреждения им. Оссолиньских во Вроцлаве», т. 6, Вроцлав, 1979, с. 228; находящееся там замечание: «записано неизвестной рукой» был отражением тогдашнего уровня осведомленности, сегодня не подлежит сомнению, что этот экземпляр был переписан Ю. Сабиньским.

¹⁴⁹ Письмо от 15.06.1989 г. (находится у Я. Трынковского).

¹⁵⁰ Д. Вавжиховска-Верчехова, «Декабристы — опекуны и друзья польских ссыльных в Сибири», «За свободу и народ», 1954, № 11, с. 6, 7.

ратурная команда», содержащей много информации о Юлиане Сабинском, написал: «Он оставил интересные дневники в четырех томах в переплете, содержащие 500 листов, написанных, правда, пространно; будущему издателю придется из них много выкинуть, но половина останется, как очень интересное описание общественных отношений в Сибири. Кроме того, читатель здесь найдет общий список всех, кто разделил ссылку с автором»¹⁵¹. Это достаточно подробное описание позволяет судить, что Ролле держал в руках эту рукопись. Информация об «общем списке» всех ссылальных, от которого нет и следа в известных нам рукописях, позволяет предполагать, что он видел рукопись, о которой сегодня мы не знаем.

Конечно, мы должны помнить, что наряду с известными нам версиями «Дневника», как и теми, о существовании которых мы можем только догадываться¹⁵², был ведь еще привезенный из Сибири «оригинал» — первая рукопись, ставшая основой для переписанных экземпляров.

С приведенным выше мнением д-ра Ролле сегодня невозможно согласиться: то, что он считал «пространным», теперь чрезвычайно ценно и уникально. «Дневник» Сабинского — это не только ценная хроника следствия, этапного пути и самой ссылки, но также интимный дневник мыслей, переживаний, чувств, записанных по горячим следам, под влиянием текущего момента. Такого рода документов ссылальных мы имеем не очень много.

Во время чтения «Дневника» мы должны помнить, что его окончательная форма, с которой мы имеем дело, является результатом редакторской работы ее автора, который провел ее после возвращения из ссылки, уже на Подолье. В случае с первой частью, описывающей тюрьму и следствие, мы имеем дело даже с двумя последовательными редакциями: первая происходила, когда он во время сибирского пути переписывал начисто имеющиеся «шпаргалки» и «записки». Сегодня невоз-

¹⁵¹ Д-р Антоний Я. [Ролле], «Литературная дружина...», с. 324.

¹⁵² Таким мог владеть старший сын Юлиана Сабинского Земовит. Еще в 1857 г. он был студентом медицины в Киевском университете, а в 1865 г. уже получил степень доктора медицины в Петербурге, его дальнейшая судьба неизвестна.

можно оценить объем этой редакторской работы. Сравнивая сохранившуюся часть в двух экземплярах, собственноручно переписанных Сабиньским (рукопись из Библиотеки Вильнюсского университета и вроцлавского Оссолиниума), мы замечаем довольно много между ними различий, однако это исправления стилистического характера, не видно изменений самих описываемых событий.

Следует помнить, что Сабиньскому приходилось считаться с тем, что его рукопись может попасть в нежелательные руки. Там не могло оказаться ничего, что противоречило бы принятой им тактике защиты — последовательным отрицанием какого-либо участия в работе ОПН. Эта осторожность не оставляла его и потом, все время жизни в Сибири, он старательно избегал всего, что могло бы скомпрометировать его и его друзей. Как пример сегодня уже можно доказать, что он не написал всей правды о встрече с декабристом Михаилом Луниным¹⁵³. Возможно, в «Дневнике» есть много других мест, где автор выражался весьма сдержанно. Наконец, нужно допускать, что еще в Сибири, где он систематически проводил свои ежедневные записи с мыслью, что их будут читать его дети, он опускал те эпизоды из своей жизни, а также жизни других ссыльных, о которых он судил, что они не должны стать известными.

Все это должно склонять к критическому чтению «Дневника», но это касается всех источников, с которыми мы имеем дело, и не меняет того факта, что это совершенно уникальный текст¹⁵⁴, имеющий огромную ценность.

Ян Трынковский

¹⁵³ Я. Трынковский. «Второй арест декабриста Лунина — “польские” источники», в: «Польская ссылка в России XIX—XX веков. Региональные центры. Материалы международной российско-польской конференции, которая состоялась в Казанском университете 8—12 сентября 1997 г.», Казань, 1998 [1999], с. 196—200.

¹⁵⁴ Стоит хотя бы обратить внимание на тот факт, что о фигурах заговорщиков во время следствия мы узнаем из следственных материалов или характеристик, написанных много лет спустя, здесь же мы имеем дело с непосредственной передачей информации, написанной во время этих событий.

ЮЛИАН ГЛЯУБИЧ САБИНЬСКИЙ

**ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ,
ВЫРВАННЫХ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ,**

или

**ДНЕВНИК
МОЕГО РАБСТВА И ИЗГНАНИЯ,
с 1838 года по 1857 включительно**

О, святая любовь любимой родины!

.....

Для тебя и узы, и оковы не оскорбительны.
Красицки

Благородную душу судьба не ломает:
Лучше день чести, чем век подлости.
Раймунд Корсак

Моим детям
З[емовиту], О[льгерду] и Х[емильде]
того многолетнего мученичества — о! лишь бы не напрасного
для них воспоминания —
посвящаю

Wer nie sein Brot mit Tränen aß,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend saß,
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte!

Göthe

(Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот незнаком с небесными властями.)

My heart is buried here.

Byron

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Кто спустя двадцать лет вынужденного отсутствия, вернувшись наконец к своим, собирается на бумаге рассказать о долгих годах неволи, послевкусии горечи и тоски, насколько независимые от него обстоятельства и неумолимые взгляды делают это возможным, если он одновременно хочет в своем рассказе сохранить точные краски той действительности, то невольно открывает доступ превратным толкованиям, а может, даже и оскорбительным выводам... Такое опасение вырвало бы у меня перо, если бы, с другой стороны, я не находил утешение в убеждении, что наряду с теми, несомненно, найдутся и более внимательные, здравомыслящие и справедливые земляки, способные понять его фальшивое положение, а через это истинную мысль и настоящие чувства везде увидеть. Мнение таких я всегда ценил и ценю.

*Non cuivis lectori auditorive placebo:
Lector et auditor nee mi hi quisque placet.*

Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков:

Итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.

Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас и поведут вас к правителям и царям за Меня для свидетельства перед ними и язычниками.

Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас.

Евангелие от Матфея; глава X;
стихи 16, 17, 18, 19, 20

ДНЕВНИК МОЕГО ПЛЕНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Арест. Следствие. Декрет. Заковывание в кандалы. Отправка из Киева в Сибирь.

Quaeque ipse miserrima vidi,
Et quorum pars - - fui.
Virgilius

Вступление

В тюрьме в киевской крепости, 5/17 октября 1838 года в среду ночью. Похищенный из дома от тяжело больной жены, от троих детей-младенцев, внезапно, без какой-либо вины брошенный в тесную и темную камеру, а в ней запертый на толстые засовы и двойным замком, я не могу понять, почему судьба так жестоко обошлась со мной.

Никакой связи ни с кем. Толстые и влажные стены не позволяют ничего услышать из соседних камер. Единственный звук, доходящий до меня через двери, — это крики меняющейся стражи; единственные люди, которых мне видеть дозволено, — это солдаты, ведущие меня как самого ужасного убийцу, втроем, со штыками, когда я выхожу из этой темницы.

Я болен: едва могу двигаться. Вот уже несколько дней, как я не имел ни крошки еды во рту. Ведь во время пути из Збжизя в Киев удрученность, грусть, беспокойство, физические страдания и в тысячу раз более сильные страдания души и сердца делали меня неспособным принять хоть какую-то пищу. Здесь же, хотя от вчерашнего вечера меня мучает голод, принесенная еда была так ужасна, так отвратительна, что ее невозможно взять в рот. Поэтому я ограничился куском черствого хлеба, который я даже не мог запить, потому что

воду мне дали в такой грязной и вонючей чашке, что я не смог преодолеть отвращение, несмотря на сильную жажду. От самого отъезда из дома меня невыносимо мучает жар.

Я просил книги: отказано, а те, что я привез с собой, забрали. Также забрали мои часы, хотя я усиленно просил, чтобы у меня не отнимали, по крайней мере, и этого единственного развлечения — считать ползущие часы моего одиночества.

Не знаю, как долго я буду здесь страдать. Но я не допускаю даже мысли, что моя невиновность, такая несомненная, такая очевидная, не будет вскоре доказана. Тем временем, пользуясь полученной сегодня чернильницей и бумагой для написания моих показаний, я хочу найти такой способ сохранить хоть немного чернил и одно перо; также сэкономить и спрятать какую-то часть бумаги, чтобы иметь возможность писать этот дневник.

Со слезами ты будешь читать его, моя дорогая Пелагия, жена! Ведь в нем ты найдешь свидетельство, что только мысль о тебе занимает меня, что все мои чувства связаны только с тобой, что беспокойство о твоём здоровье, при печальном положении, в котором я тебя оставил, и страх, что моя разлука с тобой и твои постоянные переживания могут иметь губительное влияние на твоё уже и так слабое состояние; все это, говорю я, является моим самым большим несчастьем, которому даже спокойная совесть облегчения принести не может.

Поэтому я хочу здесь, начав с момента нашего расставания, каждый день записывать все мои действия, впечатления, мысли и чувства. Всю боль своей души я здесь изливаться буду до тех пор, пока не вернусь назад, к тебе. О Великий Боже! Сделай, чтобы это было недолго. Вырви меня как можно быстрее из этого несчастья, позволь поспешить на помощь моей дорогой спутнице, пока её ещё можно спасти. О Всемогущий и Милостивый Отче! Не осироти меня и троих бедных младенцев!

После моего возвращения домой Пелагия найдет в этом дневнике точную картину всего того, что со мной и во мне происходило. Узнает, насколько мучителен этот внезапный перерыв в моем счастье...

Мне вернут свободу, это несомненно. Но кто мне вернет столько невыразимого беспокойства моей жены, столько горь-

ких слез? Кто в состоянии мне вознаградить страдание ее сердца?!

Глава первая

Похищение из дома; путь в Киев.— Отвратительная сцена перед тем, как меня бросили в тюрьму.— Допрос в Следственной комиссии.— Ужасная еда и вода: я не могу к ним притронуться.— Меня переводят в другую тюрьму.— Мои признания.— Просмотр стен тюрьмы.— Письмо от жены.— Я повторно пишу к Бибикову.— Разговор с другим арестантом, хотя мы оба заперты.— Добрый и человечный комендант: навещает и снабжает книгами.— Меня снова переводят в другое место.— Среди арестантов сидит шпион.— Никого из семьи ко мне не пускают.— Бибиков у арестантов.— Жена Иоахима Лесневича меня опекает и утешает.— Ей запрещают видеться со мной.— Доктор Бибикова: Мёринг.— Появление перед Комиссией, а там долгая сцена с грубостью и оскорблениями от Писарева и Гайворонского.— Повторение этой сцены.— Доктор каждый день.— Вопросы и обвинения в письменном виде.— Привезенный в Комиссию, я долго жду в комнате рядом.— Слышу голоса: Бибикова, Писарева и арестантов на допросе.— Ложь и лицемерие Писарева.— Последнее средство, чтобы говорить с Бибиковым и пожаловаться на оскорбления в отношении меня.— Визит к Бибикову.— Сначала он слушает неподвижно, но затем меняет голос и поведение.— Моя жалоба.— Долгий разговор.— Его обещания.— Явное предубеждение ко мне и злость на меня гг. Писарева и Гайворонского.

30 сентября старого стиля 1838 года в Эбжизе, пятница. Сегодня я вернулся из Каменца (где мне пришлось задержаться на полтора дня), решительно намереваясь уже постоянно оставаться дома, то есть не выезжать даже на несколько часов, и это для того, чтобы не выпускать из глаз лечения, которое с июля этого года получает моя жена от доктора Стефани, и чтобы постоянно следить за наименьшими изменениями ее состояния. С самого начала этого гомеопатического лечения я только пару раз удалялся из дома, вынужденный к этому неотложными обстоятельствами. Однако дольше чем один день я не отсутствовал ни разу. Ведя подробный дневник, я ежеднев-

но записываю в нем все подробности болезни. Этот дневник я каждую неделю посылаю Стефани почтой, он же, на основании заключений из него, иногда присылает новые лекарства. Во время приема последних порошков с недавнего времени и Пелагия, и я замечаем некоторое улучшение ее здоровья. А что нас обрадовало больше всего, так это то, что она вот уже несколько дней начала лучше спать. Увы! Даже и это утешение у меня сегодня отняли!

Вечером, после наших обычных игр и нежностей с детьми, когда они уже все трое уснули, я просил жену, чтобы она также легла пораньше. Около десяти она заснула без всяких болей. Я в кровати еще около часа почитал. Наконец погасил свечу и вскоре заснул.

Но во время первого сна меня разбудил голос моей жены, она говорила, что кто-то хочет меня видеть. Это были начальник земской полиции Лашкевич и квартальный Яницкий. Они придумали какую-то историю, чтобы объяснить такой поздний и неожиданный визит. Но, заметив, что ни я, ни моя жена верить этому не хотим, вскоре заявили, что у них приказ забрать меня с собой в Каменец.

В это время мой слуга сообщил, что весь дом окружен солдатами. Не понимая, что это значит, за что, по каким подозрениям, по чьему обвинению я арестован, я спрашиваю этих господ, чтобы мне сообщили. Они не хотели говорить, а может, и сами не знали. Уверяли меня только, что у них есть приказ привезти меня в Каменец и что, скорее всего, я останусь там на день или два, поэтому они советуют мне брать с собой как можно меньше вещей.

Потом начальник потребовал ключи от всех замков в моем доме, чтобы просмотреть мои бумаги и книги. Я охотно их дал, будучи уверенным, что у меня нет ничего, что могло бы меня обвинить. Этот обыск, который они делали вдвоем, занял несколько часов: ведь они перетрясли все малейшие бумажки. После этого, забрав много книг и все бумаги, даже хозяйственные, и все это вместе упаковав в большой ящик и запечатав его печатью начальника и моей, велели мне немедленно одеваться.

Я хотел поехать на своих конях и повозке — не разрешили. Будучи убежденным, что я поеду в Каменец, как меня

несколько раз уверяли оба, надеясь, что там я быстро смогу доказать свою невиновность и сразу же вернусь домой, я занят был только тем, чтобы успокоить бедную жену, которая, хорошо зная все мои дела и даже мысли (я от нее никогда ничего не скрывал), также легко разделила мою убежденность, что я ничем не заслужил подозрения правительства, а значит, меня через несколько дней к ней вернут. Мое сердце раздира- ла только мысль, что я оставляю ее больную. Но, подбадривая ее и себя надеждой, что вскоре я вернусь и буду заботиться о ее здоровье, я поддался судьбе, которую изменить не мог и, обняв ее сердечно и поцеловав моих спящих детей, оставив при этом некоторые домашние поручения на время моего от- сутствия, еще перед рассветом я сел в приготовленную для меня убогую повозку, в которой уже ждали жандарм и другой солдат. Яницкий же, садясь вместе с начальником полиции в другую повозку, сказал мне, что вскоре пересядет ко мне.

1 октября, суббота, по дороге в Киев. Не знаю, зачем по- надобилось моим вчерашним гостям врать мне. Они уверяли меня, что сразу за мной поедут до самого Каменца, тогда как сразу за моим домом свернули налево. Но это была не един- ственная ложь с их стороны.

Меня привезли в Ланцкорунь, где прибывший со мной жандарм велел захватить к ассессору (как их сейчас называют, становому), живущему там, которому он отдал какую-то запи- ску от начальника полиции. П. Чернявский, ассессор, сразу же сообщил мне, что полученная записка содержала приказ, что- бы меня стерегли в Ланцкоруни как можно строже до приезда начальника. Поэтому он добавил мне охрану из двух крестьян и велел не выходить из комнаты, предназначенной для моего ареста. Выполнив это как чиновник, он позволил мне узнать его как хорошего человека — справедливо удивившись стро- гости приказа в отношении меня, он спрашивал о причинах этого. Но я не мог просветить его, ничего не зная сам.

Пару часов спустя один из моих стражников сказал мне, что видел, как по тракту проезжала какая-то повозка в Каме- нец. По описанию этой повозки и коней я понял, что это была моя жена, которая, несмотря на свою слабость, направилась за мной в Каменец, не зная, что меня задержали в Ланцкоруни. Мысль о том, что будет с ней, когда она меня там не найдет,

мучила меня невыносимо, и я с большим нетерпением ожидал возвращения начальника полиции, чтобы уже скорее доехать до Каменца и решить там такую непонятную для меня загадку. Но я напрасно считал минуты с 6 утра до 4 дня.

В это время через Ланцкорунь проезжал один из моих соседей, близко со мной знакомый, с которым я более десяти лет был в дружеских и доверительных отношениях. Он был у г-на Чернявского. Из комнаты, предназначенной для моего ареста, были открыты двери в другую, пустую комнату, поэтому я мог ходить по ней, всегда находясь на виду у моих стражников. Эту вторую комнату отделил только тонкий простенок от той, в которой г-н Чернявский разговаривал со своим упомянутым гостем. Я слышал, как они обо мне говорили довольно долго. До меня доносились слова удивления, сожаления, разные домыслы и т. д. Но вновь прибывший не просил встречи со мной, хотя обязательно получил бы на это разрешение... но это вещь обычная в подобных ситуациях. Я весьма уверен, что из десяти моих знакомых только, может, один поступил бы иначе. Как говорят, у страха глаза велики!

Вечером наконец появился Яницкий и сказал мне, что он будет сопровождать меня в дальнейшей поездке, но не в Каменец, а в Киев. Как громом поразило меня это известие, и мне стало нехорошо при мысли, что ожидает мою бедную жену, когда, ища меня в Каменце, она узнает, что меня увезли в Киев.

Но и Чернявский, и Яницкий были настолько человечны, что оба разрешили мне написать ей. Я дал им прочитать мое письмо, чтобы они видели, что в нем нет ничего подозрительного. Успокаивая жену, я писал только, что, хотя меня и везут в Киев, она должна ожидать моего возвращения не позднее чем через неделю или дней десять, ибо зачем держать дольше невиновного человека? К этому я добавил различные поручения по хозяйству и дому. А больше всего я просил ее и заклинал, чтобы не падала духом и не тратила остатки слабого здоровья на беспокойство, так губительное при ее теперешнем состоянии. Также я написал несколько слов ее матери, прося Чернявского, чтобы он оба эти письма еще сегодня отправил в Жердзь, что он торжественно пообещал сделать.

Почти на заходе солнца я выехал из Ланцкоруни, не имея другой охраны, кроме Яницкого. Тот велел не останавливаясь

гнать до Нихина. Там, взяв почтовых коней, мы помчались дальше. Всевозможные болезненные движения, тряска на протяжении нескольких часов и это невыразимое беспокойство о том, что для меня самое дорогое, вызвали у меня сильный жар, головную боль и колики в правом боку. Эти страдания усиливались с каждой минутой, проведенной в пути на немилосердно трясущихся почтовых телегах. В Ярмолинцах, куда мы приехали около полуночи, Яницкий решил остановиться, также сильно измученный дорогой и предыдущими бессонными (как он говорил) ночами.

2 октября, воскресенье. Прождав в Ярмолинцах в гостинице несколько часов, в 7 утра я уговорил Яницкого, чтобы он зашел со мной к Баранецкому, доктору. Тот, сильно отличающийся во всем от вчерашнего господина в Ланцкоруни, принял нас очень любезно и измученного Яницкого угостил подкрепляющим завтраком. После этого мы отправились дальше так быстро, как могли вынести кони. Я с момента отъезда из дома во рту не имел ни крошки еды, ни капли питья, также несколько не спал. Я очень сильно болен: головная боль стала невыносимой, жар усилился, так же как и колики в боку.

Вечером мы приехали в Бердичев. Здесь Яницкий уже и сам увидел, что мне необходимо отдохнуть, чтобы доехать до Киева живым. Но он напрасно уговаривал меня поспать. Сам он крепко спал несколько часов, я же до утра не мог сомкнуть глаз. Сильные боли, а еще больше беспокойство о бедной жене и ее здоровье, которое может не вынести таких переживаний, наконец, неизвестность, захотят ли в Киеве войти в мое положение и заняться ускоренным рассмотрением моего дела, чтобы побыстрее отпустить домой,— все это не дало мне уснуть ни на минуту. Я хотел встретиться здесь со Стефани, чтобы поговорить с ним о здоровье Пелагии, и когда мы проезжали мимо его дома, справился о нем, но мне сказали, что его сейчас нет в Бердичеве.

3 октября, понедельник. С отвращением я пил сегодня чай, с трудом себя заставляя, чтобы, по крайней мере, согреть желудок во время сильных холодов по утрам. Но колики уже такие сильные и такие мучительные, и эта дорога с ужасной тряской, что на всем пути до Радомысля я стонал не переставая. В Радомысль мы прибыли в 4 дня. Яницкий обратился с офици-

альной просьбой, чтобы прибыл местный врач в присутствии городничего. Пришли оба, и первый выписал мне какие-то лекарства, веля при этом поставить на бок несколько пиявок. Но добавил, что только завтра, и не раньше 10 часов или в полдень, разрешает мне выехать; иначе, заявил он, не ручается, что не случится наихудшее. После некоторого размышления Яницкий соглашается, однако требует, чтобы это обстоятельство городничий подтвердил официально. Сразу же послали в аптеку за порошками и каплями и обложили меня пиявками.

Сегодня, когда мы ехали через Житомир, я встретил на улице Кароля Даровского. Этот достойный и милый юноша узнал меня и бежал, чтобы со мной поздороваться, но мой охранник не допустил этого, велел подхлестнуть коней в этот момент. Болезненным было для меня лишение такого естественного, такого невинного утешения.

Какой-то еврей, не помню уже на которой станции, сказал мне, что передо мной проехали в Киев Гольнский Яцек и Лесневич Иоахим, каждый с отдельным жандармом. Теперь я понимаю, почему начальник полиции и Яницкий не отправились в Ланцкорунь со мной. Видимо, им велели забрать сначала и отправить Яцека и Иоахима. Я готов поклясться, что они также невиновны, как и я. Но откуда эти подозрения на них и на меня? Кто нас обвинил и в чем? Думаю об этом без конца, но ничего не могу вспомнить, что бы помогло решить эту загадку... Ах! Как ты, моя бедная Пелагия, страдаешь, как мучаешься, это только я один понять могу. О! Только бы Чернявский выполнил свое обещание и отправил мое письмо в Жердзь в субботу, как я заклинал его сделать!

4 октября, вторник. В назначенное радомысльским врачом, г. Кудревичем, время, мы выехали из Радомысля. Однако я не чувствую никакого улучшения. Спать я и этой ночью не мог. Колики, правда, сейчас не такие часты и сильные, но зато боль в боку, в груди, с жаром, частыми головокружениями и тошнотой мучают невыносимо. Яницкий серьезно озабочен: сильно боится, что его накажут за опоздание, а с другой стороны, не хотел бы привезти меня мертвым.

Сегодня мы должны уже быть в Киеве. Яницкий говорит, что ему приказали сразу доставить меня к военному губернатору, которого я собираюсь умолять, чтобы принял во внимание

мои страдания, а еще больше опасное состояние, в котором я оставил жену. Она может осиротить троих младенцев, если будет мучиться беспокойством и неизвестностью обо мне. Пусть он велит срочно разобраться в том, из-за чего меня привезли в Киев, чтобы я незамедлительно мог вернуться домой, или — если процесс затянется — чтобы в таком случае я мог оставить за себя поручителя, гарантирующего, что буду являться по каждому вызову. А я бы тем временем вернулся спасать жену и мать троих детей, прежде чем какое-либо спасение уже будет напрасным. Мне кажется, что он не сможет отказать в такой справедливой просьбе, правду которой пообещал подтвердить Яницкий, как очевидец болезни моей жены. Если б я только мог увидаться с генералом Бибиковым сразу после моего прибытия в Киев! Поручительство я легко бы нашел у Машкевича, дяди Пелагии; полагаю, что дал бы мне его и Понятовский Мауриций.

На второй или третьей станции перед Киевом я встретился с предводителем дворянства Пшездзецким, который со старшим своим сыном возвращался оттуда в Чарный Остров на ярмарку. Он мне торжественно пообещал, что пошлет нарочным к моей жене известие обо мне, чтобы ее немного успокоить, пока меня не освободят.

В Киев меня привезли уже поздним вечером, настолько обессиленного, что едва с помощью Яницкого и почтальона я смог сойти с повозки. Но увы! Напрасно я надеялся, что смогу сразу поговорить с генерал-губернатором. Яницкий, правда, подъехал к его дому и вместе со мной вошел в зал, сразу отдал адъютанту письмо обо мне, но после получасового ожидания вместо самого генерала пришел снова тот же его адъютант, который дал Яницкому какую-то записку и велел ему отправиться со мной в крепость, чтобы там передать меня плац-майору Гайворонскому. Напрасно я просил о встрече с генералом. Мне ответили, что он сейчас занят гостями. Эта неудача чрезвычайно меня опечалила. Кто знает, как скоро я снова получу возможность явиться перед генерал-губернатором, хотя я был бы рад даже частью жизни заплатить за каждый день скорейшего возвращения домой.

В таком состоянии меня привезли в крепость. Там, в адъютантской, Яницкий отдал меня плац-майору, который сразу

же велел занести мои вещи, то есть узел с постелью, бельем, взятым на пару дней, сменной одежды, несколькими книгами и кожаной подушкой; а также запечатанный ящик, содержащий взятые у меня из дома бумаги и книги. Ключ от этого ящика, тоже опечатанный, Яницкий вручил этому плац-майору. Плац-адъютант спросил меня о фамилии, месте проживания и имуществе, записав все это. Потом наступил тщательный досмотр всех вещей в узелке, нет ли где зашитых денег; просмотр всех моих карманов, из которых мне велено было извлечь все: часы, маленький бумажник (сувенир от моей сестры Италии), мешочек с деньгами, дорожный нож, перочинный нож, печать с двойным гербом, мешочек с табаком, разные бумажки с записками, связанными с разными юридическими и хозяйственными делами, деньги отдельно в пиджаке, маленькую книжку по латыни «О подражании Христу», огниво и другие мелочи. Все это мне пришлось сложить на столе перед плац-адъютантом, который, не останавливаясь на этом, велел второму офицеру еще тщательно меня обыскать, и тот совал свои руки в каждый карман, а закончив это благородное занятие, велел мне раздеться донага. И так, в присутствии обоих плац-офицеров, Яницкого, канцелярии и солдат, на обнаженном искал (как говорил) «скрытые дукаты». Тем временем плац-адъютант просматривал сложенные мною на столе вещи, каждую по отдельности, а деньги, которые у меня были в рублях и мелких монетах, а также ассигнации превращал в стоимость этих последних, и это записал, сообщая мне, что всего вместе 94 рубля в ассигнациях. Согласно моим подсчетам, было больше, но, может, с момента моего приезда в Киев внезапно подскочила цена ассигнаций: ведь большая часть денег при мне была серебром. Я ничего на это не сказал.

Выполнив свой прекрасный обряд, плац-майор велел выдать Яницкому квитанцию. Меня же отдали какому-то офицеру с приказом, чтобы отвел меня к Московским воротам в № 3. Из моих вещей мне велели взять узел с тем, что в нем было, и кожаную подушку. А из того, что я положил на стол, мне отдали только книжку для молитвы, огниво и кисет. Последние два предмета и трубка с чубуком были мне оставлены с большим трудом. Бамбуковую трость, маленькую и тоненькую, у меня отобрали, говоря, что это вид оружия. Ко

всему этому плац-майор, плац-адъютант и другие офицеры добавляли разные шуточки и прибаутки, настолько же плоские, насколько непристойные, на которые я отвечал только презрительным молчанием.

Оттуда в сопровождении упомянутого офицера и нескольких солдат со штыками, идущих передо мной, рядом и позади меня, довольно долго я шел разными закоулками к каким-то воротам, миновав которые мы вошли в боковой проход, и там по темному и узкому коридору меня привели к номеру 3. Едва я туда вошел и внесли мой узел, как мой проводник закрыл двери на огромные засовы. Я просил хотя бы света, на что услышал только издевательский смех г-на офицера, который повторил мое требование как вещь совершенно невозможную. Также я просил какой-либо еды. Он рассмеялся и на это, говоря, что здесь не ужинают. Каземат, в который меня посадили, представляет собой каменную квадратную клетушку с толстыми стенами, длиной около трех маленьких шагов, без какой-либо мебели, кроме убогого топчана, на котором было немного старой соломы.

Итак, запертый в полном одиночестве, с моими только спокойствием и грустью, не ожидая в дальнейшем хорошего обхождения после такого начала, при этом испытывая адские боли в боку и груди, тошноту, но более всего мучимый опасениями за тебя, моя единственная, переживающий о твоей жизни, я долго сидел в этой темнице — игрушка зловещих, черных мыслей. Наконец, измученный страданиями и бессонницей в последние несколько ночей, я уснул, да так крепко, что не слышал скрежета открывающихся дверей и прихода того самого офицера, который меня сюда привел. Он разбудил меня и велел идти за ним в какую-то Комиссию.

Идя туда тем же путем, как в первый раз, в сопровождении нескольких солдат с оружием, я услышал, как башенные часы били первый час ночи.

Меня снова привели в адъютантскую, где велели ждать около часа. Затем меня завели в просторную комнату налево, в которой я увидел плац-майора, сидевшего за длинным столом. Напротив него, по другую сторону, сидел офицер в полицейском мундире. В торце этого стола занимал место какой-то довольно молодой господин, худой и маленького роста, в

гражданской одежде. Увидев, что я с большим трудом стою на ногах, он указал мне на стул рядом с собой, чтобы я на него сел, и сразу спросил меня по-русски: был ли я в 1836 году в обществе других людей в Вербке Мурованой, призванный туда Фридрихом Михальским? Познакомился ли я там с человеком, называющим себя Лоевским, Рудзевским или просто Игнацы? Вступил ли я там в тайный союз? Каким было мое участие в этом союзе?

Я спросил по-польски, можно ли мне объясняться на этом языке или на французском, поскольку я не знаю русского. Он мне сказал, что я могу говорить по-французски, сам уже обращаясь ко мне на нем.

Тогда я ответил отрицательно на все вышеуказанные вопросы. Добавил только, что припоминаю свой визит в Вербку в июле или августе 1836 года, но он был не по призыву, я просто посетил его без какой-либо цели. Даже из дома я выезжал только раз в Ярмолинец по денежным делам. И только там мне пришлось в голову заехать в Вербку, которая находилась по соседству; и в нее я поехал со своим другом Яцеком Гольнским.

Он (Писарев) сразу же сообщил мне, что созвана Следственная комиссия для обнаружения всех обстоятельств, касающихся тайного союза; что он назначен председателем этой Комиссии; что он неохотно взялся за это, но обязан был исполнить волю своего начальника, генерал-губернатора Бибикова; что, если я не захочу признаться, меня ждет Сибирь, а в противном случае меня вскоре освободят; что царь велел поделить всех обвиняемых на три категории: полностью признавшихся, признавшихся только частично и совсем не признавшихся.

Здесь он снова перешел на русский и, насколько я мог его понять, настаивал на том, чтобы я признался во всем. Добавил, что признались все, кроме одного только священника (фамилии не назвал), «но я его научу!».

Когда я на все это ответил по-польски, что ведь Комиссия не может от меня требовать других показаний, кроме одной только правды, тогда майор Гайворонский, до сих пор хранивший молчание, громко и невежливо фыркнул и, передразнивая, повторил мои слова. Я же, не обращая на это никакого внимания, снова обратился к председателю и по-французски

повторил ему то же самое, а кроме того, добавил, что больше мне признаваться не в чем.

Тогда он показал мне лежащие перед ним на столе показаныя, написанные рукой Фридриха Михальского, и в них велел прочитать два или три отрывка, запрещая читать остальное. В том, что я прочитал, было: что он (Фридрих Михальский) позвал меня вместе с остальными к себе; что я, прибыв по его вызову вместе с Иоахимом Лесневичем и Яцеком Гольнским, застал в Вербке Кароля Мархоцкого, Вильгельма Михальского, Обниского и некоторых других (имена которых он мне прочитать не дал). Мы вместе собрались в Вербке и после долгих уговоров наконец попросились в союз и были в него приняты.

Я не мог скрыть своего возмущения при виде такой очевидной лжи. Я вскричал, что это наглая ложь, и заявил, что для подтверждения правды того, что я говорю, могу обратиться к свидетельствам Лесневича, Мархоцкого, Михальского Вильгельма и Гольнского: трех первых, как отсутствовавших во время моего визита, а последнего же, чтобы подтвердил то же самое и одновременно признал, что мой с ним визит в Вербку был случайным, а не по какому-то там «вызову». (Когда я назвал Иоахима Лесневича, председатель меня прервал, говоря, что тот незадолго до меня был на допросе у Комиссии.)

Дальше я говорил, что буду стараться вспомнить все малейшие подробности этого визита и максимально точно их описать. Просил только, чтобы мне разрешили сделать это по-французски и чтобы мне дали на это достаточно времени, потому что в состоянии болезни и немощи, в котором Комиссия меня видит, у меня нет сил писать долго; и, кроме того, из-за этой слабости мне трудно упорядочить мысли. Председатель уверил меня, что можно писать по-французски и что моим показаниям я, если захочу, могу придать форму письма к генералу. Он считает разумным, чтобы я писал спокойно и медленно при моем теперешнем состоянии, страдания, как он сказал, слишком очевидны, чтобы в них сомневаться. Я на это ответил, что те, которые он видеть не может, в тысячу раз ужаснее, потому что меня мучает постоянный страх потерять самое дорогое существо, мою жену, мать троих младенцев, которую я оставил почти умирающей и которая, если теперешнее

несчастье протянется слишком долго, скорее всего, поплатится за него жизнью.

Говоря это, я не смог удержаться от слез и сильного волнения. В этот момент мне грудь сковала чрезвычайная боль, которая не давала вздохнуть; так сильно закружилась голова и потемнело в глазах, что я чуть не упал со стула. В течение четверти часа я не мог сказать ни слова. Только немного взбодрившись стаканом холодной воды, я пришел в себя и попросил председателя, чтобы меня перевели в другую, менее тесную, влажную и темную камеру. В этой, в которую меня заключили теперь, не только писать невозможно, но даже двигаться и дышать трудно. Он пообещал, что завтра меня переведут и дадут мне столик, стул, свечу и все, что необходимо для написания.

Тогда я умолял его, как о величайшей милости, чтобы прежде всего он позволил мне написать жене. Я заклинал его всем святым, всеми его наилучшими чувствами, чтобы мне в этом не отказал. Он дал себя убедить, говоря, что как раз завтра почтовый день и что мое письмо будет отправлено. Я был не в состоянии выразить мою благодарность.

Он снова вернулся к разговору о тайном союзе и сказал, что схвачен эмиссар, настоящее имя которого Шимон Конарский, но у него было несколько псевдонимов, и под ними он находился в разных местах. Что Фридрих Михальский был секретарем созданного им союза (и, говоря это, он дал мне в руки какую-то маленькую тетрадь с вопросом, знаю ли я эту книжницу. Я ответил, что нет, так как действительно видел ее в первый раз), что показанная мне только что тетрадь — это устав этого союза; что три буквы в начале тетради: О.П.Н. означают: Общество Польского Народа и что это название союза.

Я просил, чтобы мне отдали мои часы, но он в этом отказал. Также я просил, чтобы не потерялись отобранные у меня бумажки вместе с моим бумажником, содержащие разные необходимые записи по правовым и хозяйственным вопросам, или чтобы мне их сейчас отдали. Он, может, это бы и позволил, но вошел плац-адъютант, который все это забрал у меня и сказал, что все вещи хранятся у него в безопасности.

В конце разговора он повторил, чтобы я искренне во всем признался, а я его уверил, что тем охотнее и легче это сделаю,

поскольку не чувствую за собой ничего такого, что делало бы меня виноватым. После этого меня обратно отвел тот же офицер, с той же охраной, в ту же проклятую камеру.

Здесь остаток ночи я уже провел без сна, вспоминая все мельчайшие подробности моего визита в Вербку, который, как никогда и предположить не мог, принесет мне столько несчастий. Я нетерпеливо ожидал дня и перевода меня в другое место.

5 октября, среда. Утром ко мне никто не пришел. Не слишком торопят меня перевести из этой темницы, больше похожей на гроб, чем на жилище для живых. Почти без окна, поскольку хотя и есть небольшой кусочек стекла, но он, кроме того, что закрыт частой и толстой решеткой, еще и так испачкан снаружи сажей, находится так высоко, что день здесь мало отличается от ночи.

Насколько я мог судить, около 10 или 11 мне принесли какую-то еду. Но, несмотря на сильный голод, я не мог прикоснуться к этой так называемой еде, настолько ужасной, грязной и в какой-то отвратительной посуде. Ем только кусочек черствого черного хлеба. Вода, принесенная в такой же, как еда, чашке, тоже вызывает во мне отвращение и тошноту, хотя жажда меня мучает ужасно.

Наконец через несколько часов пришел какой-то офицер (уже не вчерашний) и велел мне собирать вещи. Это было сделать легко, поскольку я из узла ничего не доставал и не раздевался со вчерашнего утра (нет, не так, ведь вчера в адъютантской меня заставляли раздеваться догола). Вещи он велел нести отдельно, а меня привел — все так же окруженного стражей — в адъютантскую. Там плац-адъютант дал мне перья, пару листов бумаги для показаний, столько же для черновиков и отдельно почтовую бумагу для письма жене. Я торгуюсь еще об одном листе, под предлогом, что мне нужно будет много писать, а на самом деле для того, чтобы побольше осталось на дневник. Также прошу еще почтовой бумаги для письма к матери. Не без труда, но все же получаю требуемое.

Меня переводят в № 5 на Главной гауптвахте. И здесь камера не намного больше предыдущей, довольно скупо освещенная небольшим окошком, но в ней, по крайней мере, можно сделать в длину пять шагов. Есть также стол и деревянная

табуретка кроме постели, то есть топчана с небольшим количеством соломы. Вскоре принесли чернильницу и четыре свечи.

Вместе с приведшим меня офицером пришел также какой-то нарядный господин. По его речи я понял, что он немец, а по вопросам, которые задавал, — что доктор. Но он не задержался и на пять минут. Поэтому он не очень глубоко мог разобраться в моей болезни и еще меньше чем-то помочь, и было заметно, что ему все равно. Не знаю почему, но он спросил меня, не являюсь ли я лютеранским пастором?

Уходящему офицеру я сообщил, что вскоре письма жене и матери уже будут готовы и их можно будет взять. На что он ответил, что я могу отослать их с охранником, позвав его через дверь, в верхней части которой есть маленькое зарешеченное оконце, закрытое снаружи отодвигаемой доской.

Как только двери закрыли и заперли на железные засовы, я сразу же сел писать жене, чтобы не упустить сегодняшнюю почту и воспользоваться вчерашним обещанием г-на председателя Следственной комиссии. Я писал со слезами, которые размывали написанное, и не знаю, сможешь ли ты, драгоценная, это прочитать. Потом я написал моей матери. И к этому приложил еще несколько слов для председателя (которого сегодня я уже в адъютантской не видел), повторяя свою благодарность за разрешение успокоить моих жену и мать письмами. Я их поручил ему с просьбой, чтобы, согласно вчерашнему обещанию, соизволил их отправить сегодняшней почтой.

За показания я взялся поздним вечером; всю ночь я буду постепенно писать, по мере того, как мне на память будут приходиться разные обстоятельства того визита, с момента которого в июле или августе прошло уже два года. Я рад, что мне позволили писать по-французски, хотя по-польски писать было бы гораздо легче. Но написанное по-польски наверняка пришлось бы переводить, и перевод мог оказаться неверным. Здесь же одно слово, измененное или неверно переданное, могло изменить многое. Правда, и мои французские показания, скорее всего, переведут на русский. Но я предполагаю, что генерал Бибилов, который будет их читать, предпочтет иметь перед глазами оригинал, а не перевод.

Хорошо и то, что этим показаниям позволили дать форму письма к генералу, ведь таким образом я могу написать о

различных обстоятельствах положения в доме и теперешнем состоянии моей жены, смело излить все мои беспокойства и тревоги, что было бы весьма не к месту в официальном письме, поданном в Комиссию.

Размышляя над вчерашним разговором с председателем, я ясно вижу, что это человек неискренний и хитрый. Но чем мне это мешает? Пусть он только сдержит свое обещание и отправит мои письма жене и матери, я уже буду ему бесконечно благодарен. Ведь будучи абсолютно невиновным, я уверен, что генерал-губернатор убедится в этом из моих показаний, которые не могут ему не отдать, когда они будут ему адресованы. А он, если в нем есть хоть немного человечности, не будет меня здесь дольше держать без надобности.

Написав письма, я через двери сразу позвал охранника, а тот, после довольно долгой церемонии (послал за младшим офицером охраны, который, придя узнать, в чем дело, вынужден был пойти за офицером, руководящим охраной тюрьмы, чтобы тот принес ключи), был впущен, чтобы взять эти письма. Такие церемонии здесь происходят при каждой потребности арестанта. Охранник сразу же с взятыми у меня письмами пошел на плац.

От приведшего меня плац-офицера я узнал, что фамилия председателя Следственной комиссии Писарев, что он секретарь генерал-губернатора Бибикова, а плац-майор, член этой Комиссии, этот самый майор Гайворонский, фамилию которого я уже слышал вчера в зале г-на Бибикова, когда Яницкому велели направиться со мной в крепость. Третий же член Комиссии, которого я вчера видел, это младший киевский полицмейстер, но я забыл его фамилию. Сегодняшний офицер, начальник тюремной охраны, во время вечернего досмотра всех арестантов, перед тем как отослать ключи от всех казематов плац-майору, с четверть часа задерживается у меня. Вежливый человек и понимает по-польски. Он мне сказал, что комендант этой крепости генерал Турчанинов (хорошо мне известный еще в бытность свою Подольским гражданским губернатором) часто посещает все камеры. Поэтому я буду просить его о протекции, чтобы мои показания быстро дошли до г-на Бибикова и чтобы быстро были рассмотрены. Хочу также просить его принести мне книги.

Я забыл написать, что вчера, вскоре после того, как меня закрыли в этой камере, мне казалось, что, когда открывалась соседняя камера, я слышал голос, похожий на голос Иоахима Лесневича. Может, это был только самообман? Но я уверен, что сегодня утром, когда еще оставался в темнице на московской гауптвахте, ясно слышал голос Яцека Гольньского, зовущего охранника.

Я болен и ослаблен чрезвычайно. Охранник меня спрашивал, может ли он принести мне чай, который (как говорит) за мои деньги плац-адъютант мне будет выдавать каждый день. Я отказался, прося только немного горячего молока с булкой утром и вечером. Это будут приносить с завтрашнего дня.

6 октября, четверг. Почти всю ночь и сегодняшнее утро я писал письмо генералу Бибикову, содержащее мои показания. Мне сейчас очень тяжело писать, поскольку из-за головной боли, болей в груди и боку мне приходится отрывать почти после каждой строчки.

Утром в 9 — иногда здесь слышно башенные часы — охранник приносит мне горячее молоко и булку. Сильно проголодавшись за несколько дней, я был рад этому завтраку, особенно опасаясь, что обед будет не лучше вчерашнего. Вода у меня здесь чистая и хорошая: приносит ее охранник в бутылке; при этом он дал мне стакан, чего не было в той камере.

Где-то через час после молока внезапно открываются двери, и входит комендант крепости генерал Турчанинов. Он спрашивает мою фамилию и откуда я, а я напоминаю, что мы были знакомы, когда он был у нас губернатором. Довольно долго со мной разговаривает, расспрашивая о разных знакомых с Подолья. На вопрос, не нуждаюсь ли я в чем, я прошу его, чтобы мое письмо к генерал-губернатору, которое одновременно является и моими показаниями и которое я сегодня закончу, могло незамедлительно дойти до места назначения. Он меня заверяет, что так и будет, и говорит, чтобы я был искренен в том, что пишу. На что я ответил, что искренность мне ничего не стоит, ведь мне нечего скрывать. «Тем лучше», — ответил он. Я просил его о книгах, он обещал их прислать. С ним был и плац-майор, с которым я не разговаривал.

Через пару часов после ухода коменданта мне принесли еду, как вчера, но в более сносной посуде. Я заставил себя

съесть три или четыре ложки капустного супа, очень невкусного, к каше я прикоснуться не смог, старое сало в ней воняло невыносимо. Поэтому я просил охранника, чтобы вынес этот обед как можно быстрее.

Потом я взялся заканчивать мое письмо с показаниями и закончил его вечером. Что я только мог вспомнить с позавчерашней ночи из подробностей пребывания в Вербке у Фридриха Михальского, то описал как можно точнее и подробнее, совершенно ничего не пропуская. Написал о лжи в показаниях Михальского, касающихся меня. Не могу понять, что заставило его привлечь меня в этих своих показаниях. Невозможно, чтобы генерал, когда прочитает мое письмо, не заметил сразу, что я невиновен. Это письмо я только завтра отошлю в Комиссию, потому что сегодня, не знаю почему, относить его туда не хотели. Правда, ни у кого нет таких причин торопиться и беспокоиться, как у меня!

Вечером снова принесли молоко и половину утренней булки. Этим только и буду питаться, если мне не дадут более сносную, чем до сих пор, еду.

С волнением я писал генералу, когда упоминал о состоянии здоровья моей жены и чего я боюсь, если он не скоро меня отсюда освободит. Слезы падали на бумагу, когда я писал. О Великий Боже! Сделай, чтобы он принял во внимание мое несчастье!

7 октября, пятница. Чрезвычайно измученный несколькими бессонными ночами и невыразимо ослабленный, я, может быть, и укрепился бы немного, поспав, я чувствовал сильную в этом потребность, однако мне не дали заснуть проклятые клопы, которых здесь великое множество. Это настоящее стихийное бедствие.

Утром я отослал на плац приготовленное вчера письмо и при нем написал несколько слов председателю.

Завтрак — как вчера, то есть полтора стакана горячего молока и половина булки, которая у нас в Каменце стоит два гроша¹.

¹ В России грош был впервые отчеканен в 1654 г. и приравнивался к 2 копейкам. В 1727 г. Екатерина I чеканила пробные гроши стоимостью 2 копейки из меди, но распространения они не получили. В XIX в. в присоединенной к России территории, называемой Царством Польским, с 1815 г. чеканились собственные монеты. Польский грош приравнивался к полукопейке. — *Ред.*

После этого я начал внимательно исследовать свое печальное жилище. На всех стенах я нашел много фамилий моих предшественников. Кое-где есть дата: июль или август этого года. Некоторые оставили только имя, данное при крещении, или только первые буквы имени и фамилии. Подписи некоторых, вырезанные на каменной стене гвоздем, шпилькой или чем-то подобным, совсем невыразительны. Но среди них я не нашел никого знакомого. Есть также и стихи, больше вдохновенные тоской и печалью, чем талантом. Больше всего я нахожу здесь стихов некоего Теофила Чапского. Из них видно, что он молод, чувствителен и влюблен, потому что везде писал имя своей Регины. Я тоже на одной стене написал свою фамилию.

Еду приносят все время отвратительную, но меня это мало заботит, когда утром и вечером у меня есть булка и молоко.

8 октября, суббота. Охранник этой камеры, довольно неплохой человек, украинец родом, рассказывает мне, что гораздо лучший обед, в порядочной чистой посуде, из трех блюд, приносят другим узникам в этом же коридоре, где и я (фамилии ни одного из них он не знает). Добавляет, что мне потому присылают такую плохую еду, что я не хочу брать чай у господина плац-адъютанта Афанасьева. Видимо, этот г-н Афанасьев накладывает на узников чайную монополию, которую вместе с обедом велит себе дорого оплачивать. Ведь тот же украинец утверждает, что на кухне Афанасьева для всех арестантов готовят приличную еду.

Но я, имея не много денег, должен их экономить. Я знаю, что жена обязательно пришлет мне деньги, но они всегда мне понадобятся в пути, если, как ожидаю, меня отсюда вскоре выпустят. Наконец, я предпочел бы купить здесь некоторые вещи домой, чем без нужды тратить их на себя. И при всем при этом из-за слабости у меня нет аппетита, и я довольствуюсь весьма скромной едой.

Сегодня был здесь плац-майор Гайворонский и обещал дать мне для чтения какие-нибудь книги. Я не мог от него скрыть, насколько странным и неприятным было для меня его невежливое поведение в Комиссии во вторник. Он, казалось, немного смешался, услышав этот открытый упрек.

По какой-то счастливой случайности забыли у меня забрать чернильницу и перья. Поэтому я их спрятал, чтобы они не по-

падались на глаза. Но я приготовился и к тому, что их могут отобрать, и сделал большой шар из хлопка, который я хорошо пропитал чернилами и засушил. Теперь, добавив несколько капель воды, я всегда смогу писать в своем дневнике. Но я еще обдумываю, как бы достать карандаш и перочинный ножик.

Охранник мне говорил, что в разных камерах этой тюрьмы содержится множество узников. Я сам уже это заметил, увидев во вторник кучу ключей с номерами, лежащих на столе в адъютантской.

В том же коридоре, что и я, заключен какой-то еврей, раввин, который сидит здесь уже давно. Ему позволили иметь при себе слугу своего вероисповедания, поэтому ему есть с кем поговорить, что само по себе служит утешением в несчастье. Обо всем этом я постепенно узнаю от охранника в короткие минуты, когда он приносит мне еду, воду, молоко или когда подметает камеру.

9 октября, воскресенье. Сегодня утром явился сюда его благородие плац-адъютант Афанасьев и отдал мне письмо от жены. При этом он заявил, что присланные в ее письме 200 рублей он взял себе, записав их как приход на мое имя, но после этих слов сразу ушел, не удосужившись задержаться и на минуту. Меньше об этом. Вскоре потом господин плац-майор прислал мне два тома какого-то романа: «Julie Norwich», перевод с английского².

Со слезами писала ты, моя единственная, вижу следы этого в твоём письме. И я тоже читал его несколько раз в слезах. Мною только занятая, ты забыла о собственных страданиях и говоришь, что ничего не боишься, кроме моего долгого отсутствия. О! Может, добрый Бог не допустит, чтобы эти несчастья долго мучили нас обоих. В Нем я уповаю, что моя невиновность быстро выяснится. Может быть, ты уже получила письмо, которое я писал в среду, невозможно предположить, чтобы его не отправили после таких торжественных уверений господина Писарева. Ведь я не написал ничего, что могло бы помешать отправке этого письма.

10 октября, понедельник. «Может сегодня я получу какую-нибудь информацию о моем письме Бибикову и о моей судь-

² В оригинале «Julie Norwich by Scott Lady». Париж, 1837.

бе». Это я повторял себе весь день. Но напрасно я ожидал этого с огромным беспокойством.

Роман, присланный плац-майором, оказался безвкусной писаниной. Однако эта и любая другая книга станет благодатью при ужасной скуке и тоске ожидания. Интересно, даст ли мне комендант книги, как обещал?

Вечером мне принесли записку дорогого Кароля Даровского. Сообщает, что приехал сюда исключительно из-за меня и что дядя Машкевич тоже находится в Киеве на дворянских выборах. С запиской Кароля мне передали ячейку турецкого табака, кофе и чай. Две последние вещи я использовать не намерен, не имея сахара и посуды для этого, а с господином Афанасьевым я хочу иметь как можно меньше расчетов. Дальше Кароль пишет, что посылает десять полуимпериалов на мое содержание. Видимо, он не знает о том, что мне и гроша в руки не дают, а эти полуимпериалы, вероятно, снова взял себе г-н Афанасьев. Может, он, по крайней мере, придет сказать мне об этом, как о деньгах от жены.

11 октября, вторник. Я захотел написать жене и брату. Утром я объявил об этом офицеру охраны, показывая ему письма от обоих, на которые нужно было ответить. Этот вежливый человек сразу послал за бумагой, чернильницей и перьями. Разумеется, я не упомянул, что последние у меня есть.

Я написал жене второе письмо. Сообщил ей о предыдущем и предупредил, что всем письмам к ней я буду давать номер. Также сердечно поблагодарил Кароля.

Едва я отправил эти письма, мне принесли вторую записку Кароля, а с ней немного белья, которое он дал из своего. Он сделал это весьма вовремя, поскольку я уже сильно в этом нуждался, выехав из дома только с тремя рубашками («в Каменец, на пару дней!»).

12 октября, среда. Никто мне ничего не говорит о деньгах, присланных Каролем, а ведь это пятьдесят рублей серебром, которых будет очень жаль, если они потеряются. Кароль упоминает, что вручил их плац-майору. Поэтому я спрошу последнего, когда он почтит меня своим присутствием.

После того как я вчера написал жене и Каролю, чернильницу и перья сразу же забрали. Но о прежних забыли: тем луч-

ше для меня. Также у меня осталось несколько четвертинок бумаги. Постараюсь получить больше.

Ах! Что ты там думаешь и предполагаешь, моя дорогая? Наверняка заливаешься слезами, считая часы нашей разлуки. Но может, уже вскоре Бог вернет меня к моему ангелу.

Я очень мало сплю. Все время невыносимо болят голова, грудь и бок. Мне кажется, что в момент возвращения свободы ко мне сразу бы вернулось и здоровье.

13 октября, четверг. Не могу понять, почему до сих пор ничего нет на письмо генерал-губернатору. Ведь уже прошла неделя, как я ему написал. Разве недостаточно времени на то, чтобы прочитать, убедиться, что меня арестовали несправедливо, и освободить меня? Зачем им меня здесь дольше держать? Я снова выразил желание написать генералу и утром потребовал бумагу и т. д., но это принесли только вечером.

Сегодня утром, когда я проходил, то есть когда меня вели по коридору (всегда, как и в самом начале, меня сопровождают несколько человек со штыками: насущная необходимость для человека, который едва способен двигаться!!!), я увидел в другом конце какого-то узника, как и я с вооруженным сопровождением. Это был старый человек, с огромными седыми усами.

Добрый мой охранник приносит мне спички, так необходимые в бессонные ночи. Также он дает мне трут, потому что мой из дома уже заканчивается. Благодаря ему у меня есть пара кремниев для огнива. Словом, он служит мне чем только может. Но больше всего я ему благодарен за то, что сегодня дал мне иголку и нитки, чтобы починить мой сюртук, сильно испортившийся в дороге. Около трех часов я был занят этой работой, к которой я чрезвычайно неспособен. Но что делать? Здесь меня в этом никто не выручит, и хотя зашито неровно, но зато дыры не будет.

Этот охранник говорит, что заключенный может передать карточку для плац-адъютанта на денежный подарок для служащего ему подателя. Не забуду о моем, тем более что я хочу через него получить перочинный ножик и карандаши.

14 октября, пятница. С раздирающим сердце чувством горечи я написал сегодня письмо генералу Бибикову, представляя ему весь ужас моего положения: если меня слишком поздно

отсюда выпустят, то я потеряю жену и мать троих младенцев, и тогда на земле не будет силы, которая эту потерю восполнит. А ведь долгое здесь пребывание такими грозит последствиями! Ведь и у него есть жена и дети, а значит, у него должны проявиться человеческие чувства. О Боже! Дай мне затронуть их моим несчастьем.

С письмом к нему я написал также и дяде Машкевичу, по-французски, чтобы они это письмо могли прочитать и отослать. Последнего я просил, чтобы он требовал разрешения увидеться со мной, невозможно, чтобы ему отказали. Мне же необходимо поговорить с ним о здоровье Пелагии и о том, что происходит дома. Но не понимаю, почему мне до сих пор не разрешают видаться с Каролем, который наверняка хлопочет о свидании.

Был тут Афанасьев. Этот человек нагло врет во всем, что говорит.

15 октября, суббота. Утром был здесь комендант и довольно долго у меня задержался. Он просил прислать книги и подействовать, чтобы мое письмо дошло до Бибикова. Он пообещал и одно и другое, спросил только, какого рода книги я хочу. Я ответил, что в этом полностью полагаюсь на его выбор, а в моем положении любое чтение будет очень желанным.

Позднее был плац-майор. Я просил его дать мне возможность увидеться с дядей и братом моей жены. Он велел повторить ему фамилии обоих и сказал, что о них узнает у Мауриция Понятовского. Также он сказал, что деньги от дяди, данные Каролем, он вручил Афанасьеву, который об этом ничего не упоминал.

Сегодня я дал моему охраннику записку для г-на плац-адъютанта Афанасьева на несколько золотых³ за услуги.

³После разделов Речи Посполитой название «золотый» в присоединенной к России территории, называемой Царством Польским, сохранилось. 19 ноября 1815 г. был издан указ о монетной системе в этой части Российской империи, которым за золотым официально закреплялся статус основной денежной единицы, но устанавливался его фиксированный курс к рублю: 1 золотый равен 15 копейкам серебром, а 1 грош, который по-прежнему соответствовал 1/30 золотого, — 1/2 серебряной копейки. Одновременно на территории Царства Польского допускалось обращение общегосударственных российских монет. В 1841 году основной денежной единицей Царства Польского стал рубль, но хождение золотого в обороте сохранялось. — *Ред.*

Говорят, что из числа арестантов умер некий Лепковский.

16 октября, воскресенье. Еда все так же несносная. Живу на одном только молоке и булках. Очень сильно болею.

Но, что еще хуже, охранник говорит, что другие заключенные сидят здесь уже очень давно и не слышать, чтобы хоть кого-нибудь выпустили. Неужели так будет и со мной? Меня бьет дрожь от этой убийственной мысли. О Боже! За что???

17 октября, понедельник. Охранник сказал, что мог бы принести яблоки от г-на Афанасьева, разумеется, за мои деньги. Я послал за ними, и он принес мне с десяток. Они довольно вкусные, но слишком твердые для моих слабых зубов. А тут еще как назло нож мне не дают ни на минуту, поэтому яблоки я вынужден резать лучиной. Хочу себе в этом помочь и настаиваю, чтобы охранник купил мне перочинный ножик, а он уверяет, что вскоре я получу эту контрабанду. Я попробую есть яблоки на ночь: может, это хоть немного уменьшит жар, от которого я ночью сильно мучаюсь.

Сегодня я написал коменданту, напоминая о его обещании относительно письма к губернатору и книг. Посмотрим, каков будет результат.

18 октября, вторник. Слыша, как мой охранник в коридоре через двери спрашивает заключенного напротив меня, который час, я убеждаюсь в наглой лжи Афанасьева и Гайворонского. Они оба уверяли меня, что никому из узников не разрешается иметь часы и ни у кого их нет. Афанасьев повторил мне это с десять раз. Вскоре после этого, узнав у моего украинца, что сегодняшний младший офицер охраны неплохой человек, я стал возле самых дверей в тот момент, когда тот заключенный стоял возле своих и что-то говорил охраннику. Я немного повысил голос, обращаясь к первому. Он меня услышал и отозвался. Я узнал, что это г-н Боровский и что у него в Киеве находится жена, с которой ему довольно часто разрешают видеться в доме плац-майора. О, как же я ему в этом завидую! Он, в свою очередь, спросил мою фамилию и откуда я. Удивился, почему мне не разрешили иметь часы. Вскоре, однако, нам пришлось прервать наш разговор из-за какого-то шума в коридоре.

Мне нужно обязательно постараться, чтобы мне отдали мои часы, иначе я пожалуюсь на это генерал-губернатору. По но-

чам мне так плохо, что я не могу удержать стоны, которые будят охранников, спящих в коридоре. В таком состоянии я был бы рад хотя бы знать, который час, и это было бы хоть каким-то развлечением.

Доктор, который здесь был, когда меня перевели из той камеры, видимо, не грешил избытком добрых чувств, раз до сих пор ко мне не зашел, хотя видел, как я болен, этого невозможно не заметить. Это замечает каждый офицер, даже солдат. А охранник, который мне прислуживает, не говорит обо мне иначе как «больной из пятого номера». Так он меня называет у плац-адьютанта и его жены (что, однако, не побуждает их присылать мне нормальную, более сносную дневную еду). Наконец, комендант и плац-майор спрашивали меня о состоянии здоровья; я не скрывал его перед ними, значит, и доктор об этом знает. Поэтому я не понимаю подобного равнодушия.

19 октября, среда. Мне объявили, что только по средам я могу писать жене. Пользуясь этим, сегодня я написал ей длинное письмо. Дай Боже, чтобы она получила его как можно быстрее. Наверняка первое она уже получила. Только бы уже в следующую среду мне не пришлось писать ей, уже отправляясь домой.

20 октября, четверг. Сегодня я отдал в стирку свое белье, узнав, что в доме г-на Афанасьева и этим занимаются за деньги арестантов. До сих пор я это откладывал, надеясь обойтись без стирки до возвращения домой. Но увы! Мое заключение затянулось дольше, чем можно было предположить; а с этой несвободой с каждым днем растет беспокойство, которое меня убивает. Не говоря уже о моих личных страданиях, потому что меня занимают только те, только те меня угнетают, которые грозят мне утратой всего моего земного счастья. Великий Боже! Ее жизнь в опасности, которая увеличивается с каждой минутой моего несчастья, а я в тюрьме, в десятках миль от нее! Самые ужасные мысли и картины не дают мне спать или повторяемые в бреду или во сне пробуждают меня в ужасе. Ах, какая же это пытка — так страдать вдали от человека, которому готов посвятить все старания, все время и даже всю жизнь!

Иногда начальником охраны бывает неплохой человек, который по-человечески перекидывается со мной парой слов. На

дней я через него передал письмо дяде Машкевичу, в котором я закликаю, чтобы он добивался встречи со мной, чтобы про- сил об этом генерала Бибикова.

Был здесь плац-майор Гайворонский. Я почти со слезами спрашивал его, почему так долго и за что меня здесь держат. Он мне на это отвечал, что мои показания должны послать в Вильно. Зачем? Этого я не понимаю. Говорил мне, что про- тив меня есть еще какие-то обвинения. Я требую предъявить их мне, не понимая, в чем еще можно меня обвинить. Он гово- рит, что мне их покажет. Но когда?.. А каждый проведенный здесь час уносит с собой остатки уже такой слабой надежды спасти жизнь, которая во столько раз дороже мне моей соб- ственной!

Но больше всего, что я пережил здесь до сих пор, меня по- трясло, когда в разговоре майор обвинил меня, что я будто бы заявлял о том, что помогал отбить эmissара, когда его отсюда везли этим летом в Житомир!? Я остолбенел при этих словах и сказал, что если это окажется правдой, то я заранее согласен на самую ужасную смерть! Но в этом нет никакого смысла. Я могу отчитаться за каждый день с июня, даже с мая, где я был и что делал. При этом в отобранных у меня бумагах и книгах находится такая маленькая книжица, в которой я записывал все без исключения визиты в моем доме с весны 1836 года до самого моего ареста. Должно быть, сюда вкралась нераз- бериха, какая-нибудь ошибка в фамилии и что-то подобное. А может, это провокация г-на майора, только не понимаю, с какой целью. Я все больше убеждаюсь, что и он лжет не мень- ше Афанасьева. Размышляя о нем, я вижу, что при гораздо меньшей образованности он такой же хитрый, как Писарев.

Сегодня я ему заявил, что требую очную ставку с Михаль- ским Фридрихом. Но он ничего определенного на это не от- ветил.

В любом случае, то, что он мне сказал об эmissаре, силь- но меня беспокоит; и если то же самое повторят в Комиссии, тогда я не вижу другого способа, как только потребовать от генерал-губернатора, чтобы он велел эту вещь отдельно и тща- тельно расследовать. Я только недавно, в Каменце, слышал что-то о поимке каких-то эmissаров, а где они были схвачены, что с ними стало и куда их повезли? Не знаю до сих пор. Нет,

это невозможно, чтобы в этих словах майора было какое-то основание, хотя бы тень правдоподобности.

21 октября, пятница. Принесли мне книги от коменданта: Грэнби, роман на английском, пять томов, и *Correspondance de Mlle d'Arly*, р. Lantier, два тома⁴. Я очень обрадовался этим книгам и еще сегодня прочитал почти половину первого произведения.

22 октября, суббота. Утром был у меня комендант, которого я поблагодарил за книги, а он пообещал все время их приносить. Я ответил, что благодарю за его любезность, но не очень счастливо пользоваться ею в тюрьме. Он на это ответил, что надеется на быстрое окончание всего дела, я, в свою очередь, заметил, что меня следует освободить еще до этого, как полностью невиновного.

Вечером пришел уважаемый г-н Афанасьев (старший плац-адъютант, как его здесь называют) и сообщил мне, чтобы я быстро собрал свои вещи, так как здесь будут белить, а меня переведут в другое место. Поскольку я уже освоился со своей камерой, а еще больше с охранником, эта перемена был весьма неприятна для меня, и я просил его, чтобы после ремонта меня вернули на место. Он мне пообещал, но разве можно ему верить?

Он вел меня довольно далеко и долго, так как я едва волочил ноги, опираясь на солдата. Во время пути я высказал ему мои сожаления, что он лишил меня часов. Он, как обычно, ответил на это, что из ста с лишним арестантов никому этого не позволено. Я не мог не возразить и сказал, что у некоторых есть часы.

«У кого же?» — спросил он. «Не знаю, у кого, но я уверен, что часы есть по крайней мере у одного заключенного, ведь я через двери слышал, как солдат или младший офицер спрашивал, который час». Я не сказал, что спрашивал охранник, чтобы его не наказали за это, также не упоминал, когда я это слышал, чтобы не преследовали ни солдат, ни младших офицеров. Он немного смешался, услышав такой очевидный довод своей лжи, и уже не произнес ни слова.

⁴Т. Х. Листер. Грэнби: Новелла. Лондон, 1826; E. E. de Lantier. *Correspondance de Mlle Suzette-Cesarine d'Arly*. Париж, 1814.

Он привел меня в артиллерийские казармы вниз, в № 9. Здесь меня заперли в камере меньшей, чем предыдущая, в которой не было никакой мебели, даже горсти соломы на постели не дали. Хорошо еще, что мне позволили взять оттуда свечи (их три фунта мне недавно прислал Афанасьев) и что не запретили зажечь их, когда запирали дверь.

За всю ночь я не спал ни минуты. Уже поздним вечером я слышал какое-то пение по-польски. Кто-то ходил вдоль длинного коридора и через двери громко разговаривал по-польски с заключенными. Мне кажется, это был тот же голос, что недавно пел. Может, это был какой-то офицер охраны — поляк или же надзиратель. Но меня очень удивил этот разговор с заключенными, такой громкий, что некоторые слова я мог слышать хорошо.

23 октября, воскресенье. Я послал здешнего охранника, солдата артиллерии, чтобы он мне принес от плац-адъютанта за мой счет стакан, щипцы и другие вещи. Он все это принес.

Вскоре после этого мои двери открывают, чтобы подмести в камере, и тогда входит какой-то господин в халате и по-польски спрашивает мою фамилию. Он говорит, что тоже заключенный. Я удивляюсь, что ему разрешено ходить. Он на это отвечает, что каждому из нас наверняка тоже позволят, когда мы отсидим, как он, двадцать один месяц. Какое ужасное (подумал я с дрожью) будущее он мне предсказывает!.. Но почему же так должно произойти со мной, если я совершенно невиновен? Он, наверное, заметил выражение моего лица, потому что сразу добавил, что мы все будем сидеть здесь не дольше чем до мая (откуда он, такой же заключенный, может все это знать?). Поговорив со мной около четверти часа и сказав, что его зовут Енджей Орловский, он ушел.

Пару часов спустя он снова пришел, и на этот раз двери ко мне открыли по его просьбе. Он передал мне привет от Антония Пашкевича, который сидит, как он сказал, в соседней камере. Говорит, что он лучший друг Антония и так сильно его любит, что ему достаточно знать о хорошем отношении того ко мне, чтобы ему тоже стала небезразлична моя судьба. Что он старается для Антония и надеется получить удачное разрешение дела (это его слова) и освобождение; то же самое

он обещает и мне, из тех только побуждений, что Антоний его просил за меня. Все это еще больше, чем утренний разговор, меня удивило и заставило не доверять ему. Кто он такой? Что здесь делает? Почему ему предоставили больше свободы, чем другим? И самое главное: откуда его с Антонием такая близкая дружба? Ведь в доказательство своих близких отношений с Шашкевичем он повторил мне некоторые обстоятельства из того времени, когда Антоний просил руки своей жены, о чем Антоний не рассказал бы чужому человеку. Непонятная загадка... На что же опирается та протекция, которую он так легко обещает?

Этот г-н Орловский также мне рассказал, что нас потому перевели из Главной гауптвахты, чтобы там поместить женщин, и что их много в Киеве, находящихся в таком же строгом заключении. Все-то он знает, этот мой покровитель, знает всех и может, как утверждает, очень многое, а ведь сам находится в тюрьме... Что это значит? Это его голос я слышал вчера.

Вечером пришел в эти казармы подполковник Плюсков, вежливый и обходительный человек. Он распорядился немедленно перевести нас всех на второй этаж этого здания. Мне здесь достается № 23: такая же тесная клетушка, как была внизу, может, даже меньше, зато у меня есть большое и незамазанное окно, выходящее на улицу. Есть также и кровать.

Вскоре Плюсков пришел ко мне. А я попросил у него стол, табуретку и, прежде всего, мои часы. Просил его также, чтобы мне позволили иногда видиться с дядей или с каким-нибудь из братьев моей жены, которые теперь находятся в Киеве, раз эти свидания позволяют другим. Он все эти мои просьбы сразу же записал, обещая, что передаст их куда следует.

Из головы у меня не выходит этот г-н Орловский. После вечернего досмотра я несколько часов слышу его голос возле дверей разных камер; также четко слышу разговоры с некоторыми арестантами из ближайших ко мне камер. Он приходит и к моему окошечку в дверях и разговаривает довольно долго, повторяя то, что я слышал утром. Здесь находятся: Мархоцкий Кароль, Грабянка Станислав, Шашкевич Антоний, Янишевский Людвик, Обниский Адам, Попел, Прушиньские и еще двое, фамилии которых я забыл. Их всех назвал мне Орловский.

В этой части казарм находятся двенадцать камер, в том числе и камера Орловского. Все, кроме последней, заперты, все недавно приготовлены специально для нас. Орловский обещал и завтра прийти ко мне. Мне было приятно, переехав сюда, по крайней мере через двери поприветствовать знакомых.

24 октября, понедельник. Я всю ночь не спал, теряясь в догадках относительно Орловского и его дружбы с Шашкевичем.

С утра был здесь комендант. Этот почтенный старик остался у меня дольше, чем у других, из-за того, что я болен. Он постарался меня развлечь и, доброжелательно узнав о моих нуждах, заявил, что хочет мне помочь. Я любезно поблагодарил его за его доброту, но, не желая ее чрезмерно использовать, попросил только постоянно снабжать меня книгами и разрешить отдать мне часы. Последнюю просьбу он обещал исполнить сразу же, сильно удивившись, что прежде больному в этом отказывали.

После его ухода вскоре снова приходит ко мне Орловский и снова, как и вчера, горячо уверяет меня в своей протекции относительно моего освобождения. И через минуту, чтобы свободнее говорить со мной, велит отпереть мои двери, что младший офицер, хранящий ключи, сразу же исполнил.

Когда Орловский вошел в мою камеру, я сказал ему, что относительно моего освобождения я не сомневаюсь, будучи полностью уверенным в своей невиновности. Он не возражает, что меня могут освободить, когда в Комиссии убедятся в моей невиновности, но добавляет, что это может произойти не раньше чем через несколько месяцев, поскольку заключенных много и уйма работы; что я, привезенный сюда намного позднее своих предшественников, буду долго ждать, когда наступит моя очередь. А что еще хуже, Комиссия не будет спешить с моим делом именно из-за того, что я невиновен, потому что им гораздо важнее узнать все подробности о тайном союзе. Поэтому они будут больше заниматься расследованием и показаниями тех, кто в этом союзе состоял или что-то знал о нем или об эмиссаре, чем обстоятельствами моего дела. То есть справедливо или несправедливо меня арестовали, долго или коротко буду я здесь сидеть, насколько из-за этого пострадаю, сколько несчастья это принесет моей семье, это никого

не интересует, и никто на это не обращает внимания. Дальше я точно привожу его слова. «Но,— говорит он дальше,— ради дружбы с Антонием Шашкевичем я хочу помочь ему, тебе и еще нескольким (их он не назвал), хочу сделать так, чтобы вы могли уже на Рождество вернуться домой. О более скором освобождении и мечтать не следует».

Я на все это ответил, что хочу знать все, связанное с надеждой, которую он мне дает. Чтобы в нее поверить, я должен узнать, на чем основана его благотворительность и, как он говорит, несомненное выполнение его обещания, от которого зависят мое спокойствие, жизнь моей жены и все мое счастье. Что я не могу вслепую хвататься за иллюзии там, где на карту поставлено все. Что какими бы ни были его побуждения, было бы жестоко дать мне ничем не обоснованную надежду, минутный проблеск которой еще сильнее погрузит меня в пропасть беспокойства и тревоги. Поэтому я заклинал его всем святым, чтобы он более открыто и ясно говорил со мной, чтобы убедил меня, что я могу довериться надежде, которую он мне обещает. Я умолял его, чтобы в этом он сжалился над несчастным отцом троих маленьких деток, боящимся потерять их мать.

Он долго отделялся от меня общими фразами, все время повторяя, что Антоний Шашкевич скажет мне однажды, чего он, Орловский, стоит и что сможет сделать. Но когда он понял, что меня это не удовлетворяет, когда я стал все сильнее настаивать, просить, умолять, он, наконец, признался, что он является добровольным заключенным, своего рода членом Следственной комиссии, которой он помогает обнаружить членов тайного союза, словом, что он шпион и что все заслуги с его стороны дают ему большое влияние и возможность спасти некоторых.

Я не могу выразить чувств, которые закипели во мне, когда я это услышал. Я стоял как вкопанный, не в состоянии произнести ни слова. На мое счастье, в этот момент прибежал младший офицер и вызвал Орловского, а я был несказанно рад этому событию, которое освободило меня от дальнейшего присутствия этого негодяя.

Какую обильную пищу для размышлений я получил после его ухода! Совершенно очевидно, что он нагло врет, как человек без стыда и совести. Но даже если десятая, даже если сотая

часть того, что он сказал, была правдой, разве этого недостаточно, чтобы дрожать при мысли об ужасных последствиях?

А эта его дружба с Шашкевичем, это частое, почти постоянное присутствие у него (как я сам мог убедиться, слушая их разговоры вчера вечером до поздней ночи и весь день сегодня) стали для меня еще более странной и непонятной загадкой. Я стогаю от нетерпения, чтобы в этом вопросе хоть парой слов перекинуться с Антонием.

Вечером тот самый офицер, который раздевал меня в адъютантской донага, принес мои часы, чему я был невыразимо рад. Он мне обещал доктора на завтра. Но что сможет сделать доктор с этим беспокойством о самом дорогом существе? А ведь именно это источник всех моих теперешних страданий. С того письма, которое Пелагия писала 2-го числа, то есть 22 дня тому назад, я ничего не знаю о ней. Ах! Может, она уже и писать не в состоянии!.. В аду нет таких мук, которые терзают меня каждую минуту!

25 октября, вторник. Я с каждым днем становлюсь все слабее. Спать не могу и ем очень мало. Еду мне дают все такую же. Не знаю, почему мне не приносят ножа, хотя иногда бывает кусок мяса в так называемых бульоне, щах или борще. Но мне все равно, поскольку не имею ни малейшей тяги к мясу, даже если бы оно было подано в гораздо более приемлемом виде, чем мне здесь приносят.

Сегодня утром мне принесли книги от коменданта: *Ilvivre* г. Самуэль Бах, 1 том; и Годольфин, роман, 2 тома⁵.

Потом пришел доктор генерал-губернатора г-н Мёринг, тот самый, которого я уже раз видел. Он выписал лекарство, а цирюльник его через пару часов принес.

Орловский снова ко мне приходил. Уже без каких-либо обиняков, без стыда говорил о себе. Рассказывал, что отсюда переводят вниз всех, кто не признает вину. Если так, то вскоре и меня ожидает такая судьба. Но в чем я должен признаваться? У меня нет слов, чтобы описать чувство отвращения, которое пробуждает во мне вид этого разбойника. О, как же я хочу поговорить с Шашкевичем!

⁵С. Бах, *Ilvivre*. Париж, 1836; Г. Е. Бульвер-Литтон, «Годольфин». Лондон, 1834.

26 октября, среда. Я только сегодня получил белье, которое отдал в стирку еще на гауптвахте.

Здесь некоторые заключенные имеют возможность походить по коридору. То же самое разрешили наконец и мне, как больному. Но эти прогулки проходят не дольше чем несколько минут и в одиночестве. Несмотря на это, я, проходя мимо дверей друзей, всегда успеваю им что-то шепнуть то по-польски, то по-французски, сообщая, чтобы остерегались № 13, ибо он шпион. Некоторые мне отвечают, что знают об этом.

Каждый раз, когда я вижу с кем-то из начальства, все время прошу, чтобы мне позволили видеть дядю или братьев. Но все время мои просьбы остаются напрасными, хотя все другие заключенные часто видятся с семьями. Мне совершенно непонятна эта особая немилость ко мне.

27 октября, четверг. Обещанный несколько дней назад столик сегодня наконец принесли, обещая также что-нибудь для сиденья.

Мархоцкий через дверь приветствует меня и говорит, что хотел бы быть вместе со мной, о чем будет просить. Я тоже бы обрадовался, если бы так произошло.

Мне принесли письмо от дяди Машкевича. Но вместо утешения я сильно расстроился, получив это письмо. Он писал уже при выезде из Киева и сообщал, что только сейчас получил мое письмо, которое я передал в Комиссию две недели назад. Также он сообщает, что Кароль уже уехал, не получив разрешения увидеться со мной. Почему же со мной так строги и бесчеловечны, почему мне запрещено то утешение, которое есть у всех здешних заключенных? Этого я понять не могу. Чем же я вызвал такую немилость г-на Бибикова, а скорее, членов Следственной комиссии, от которой зависели эти встречи с родными? Неужели я невольно и без какой-либо причины пробудил какую-то к себе антипатию, которой руководствуется Комиссия по отношению ко мне? Или же так наказывают меня за то, что не могут найти мою вину?.. Убивающая неизвестность! Бездна домыслов, беспокойства и опасений!

Дядя пишет, что он себя плохо чувствует и хочет вскоре попасть в Бердичев к доктору Стефани. Он обещает оттуда послать для меня деньги и упоминает о врученных Каролем плац-майору. Утешает меня надеждой, что, как невиновный, я

рано или поздно буду освобожден и вернусь к жене и детям. Я сам в этом очень уверен: но когда же это произойдет? Почему до сих пор не произошло? Что там происходит с моей несчастной женой, для которой каждый день, каждый час моего продолжающегося заключения приносит погибель?

Я сразу же ответил дяде через того же офицера, который мне принес письмо, но я сомневаюсь, чтобы этот мой ответ мог заставить его в Киеве. А почтой его наверняка не пошлют. Кто знает, может, и письма жене они не отправляют? Только об одном письме дядя пишет, что Кароль отправил его отсюда по почте.

Также сомневаюсь, что письмо к генералу Бибикову от 14-го числа дошло до него, иначе я бы уже дождался какого-нибудь результата. Но и этого мало. Видимо, они не отдают мне письма моей жены. Разве возможно, чтобы она не писала со 2 октября?

28 октября, пятница. Сегодня утром большое движение во всех казармах. Г-н Орловский приходит к моим дверям и через окошко в них сообщает о визите генерала Бибикова, одновременно хвастаясь, что тот сначала придет к нему, чтобы получить сведения обо всех нас.

Вскоре приходит генерал-губернатор. Он по очереди заходит на минуточку к каждому заключенному и, наконец, приходит и в мою камеру в обществе плац-майора, доктора Мёринга и двух офицеров. Здесь он задерживается довольно долго. Видя меня таким слабым, что я едва стою на ногах, он не разрешает мне стоять и велит сидеть на кровати. Я сразу же напоминаю ему о письме, написанном ему 14-го числа. Он выражает удивление и обращается к плац-майору, которому велит записать это обстоятельство. Из этого следует, что он не получал моего письма. А значит, правду сказал Орловский, что тут никого не заботит, что невинному долго страдать приходится.

Генерал обходится со мной вежливо. Предлагает признать-ся во всем. Я отвечаю, что уже давно написал это «все», что только знал о предмете, о котором меня спрашивали. Я умолял его, чтобы меня побыстрее освободил и отпустил домой. Также я добавил, что уверен в своем освобождении, ибо как же может быть иначе при моей такой очевидной невинности? Но это отложенное освобождение может привести к несчастью, которое уже ни он, ни царь исправить не смогут.

Тут я начал говорить о состоянии, в котором был вынужден оставить жену; что опасаясь, что можем потерять я и трое младенцев. Слезы и чрезвычайное волнение мешали мне говорить. Он снова повернулся к плац-майору с вопросом, сделал ли я уже свои показания. Я задрожал при этих словах... Значит, он не только не получил моего второго письма, но и не читал то, которое содержало мои показания, ибо если бы он его читал, то, имея хоть немного здравого рассудка и совести, он сразу бы признал, что я невиновен.

Потом он спрашивал Мёринга о моем здоровье. Прежде чем последний ответил, я сказал, что невозможно быть здоровым, когда убивает беспокойство о жизни, в сто раз более дорогой, чем собственная, и что нет другого лекарства, кроме скорейшего рассмотрения моего дела и возвращения меня погибавшей жене, пока еще ее можно спасти. Он выслушал это равнодушно, как будто не веря моим словам. И ответил мне с иронией: «Нельзя быть беспокойным, находясь в этом покое». Так он назвал клетушку, в которой я заперт.

Я прошу его приказать отдавать мне письма моей жены, не скрывая подозрения, что до сих пор их удерживают. Он и это велит записать майору вместе с требованием, чтобы я мог чаще ей писать. При этом я просил, чтобы мне разрешили иметь бумагу, чернильницу и перья. В этом он сразу отказал. Снова велел майору записать мое письмо и пошел дальше.

После его отъезда мне принесли письмо госпожи Лесневич вместе с бельем, присланным из дома. Добрая госпожа Людвика пишет, сообщая, что приехала сюда только для того, чтобы узнать о нашем здоровье и нуждах. Она хочет, чтобы я обращался к ней во всех моих потребностях. Сообщает, что видела мою жену и детей и что они здоровы (ах! это последнее, надо понимать, только о детях). Дальше госпожа Людвика пишет, что моя жена тоже хотела сюда ехать, но она ее отговорила, чтобы не подвергать себя опасности в такое время. В конце письма жена Иоахима выражает надежду увидеться со мной, если на это получит разрешение, а пока спрашивает, в чем я нуждаюсь. Я несказанно обрадовался этому письму. Но почему же я не получил ни слова от Пелагии? Ведь она не могла не знать о дне отъезда госпожи Лесневич. Это беспокоит меня и мучает ужасными мыслями...

Я сразу ответил госпоже Людвике, благодаря ее за доброе сердце и за слова утешения. Просил, чтобы она обязательно старалась добиться встречи со мной. Разве возможно, чтобы ей отказали? Разве возможно?.. Разве они уже не отказали Каролу и дяде?

Вечером был тут старый генерал, комендант. Такой же вежливый и любезный со мной. Я сказал ему, что его книги уже отослал назад; он обещал завтра дать другие.

Сегодня мне снова принесли лекарство. Но разве их лекарства мне помогут?

29 октября, суббота. Рядом с моей камерой по одной стороне находится камера Янишевского Людвика из Подолья, а с другой стороны — Прушиньского Зигмунда, совершенно мне неизвестного. Его брат Петр тоже заключен в эту тюрьму. Обоим моим соседям я наверняка мешаю спать по ночам, ужасно кашляя. Сам я тоже сплю очень мало, мучимый болью, а еще больше — возрастающим беспокойством.

Сегодня я снова писал Пелагии. Не знаю, отчего вдруг такая милость, ведь обычно разрешают писать только по средам.

И еще одну перемену я сегодня заметил: в обеде, который состоял из трех более приличных блюд, и в лучшей посуде. Несмотря на это, мой охранник почти полностью съел этот обед сам, потому что у меня почти нет аппетита.

Вчера я просил госпожу Людвику прислать сахар, чай, самовар и другую необходимую посуду. Тогда я смогу обходиться без чая Афанасьева, который, как говорят все товарищи, чрезмерно дорог, несмотря на отвратительное качество.

От коменданта мне принесли: *Lettres de Walpole*, 2 vol., и *Lile inconnue*, 2 vol. Грабянка Станислав, которого содержат в камере напротив меня, прислал мне из своей комнаты: *L'Ermite Russe* (перевод из Булхарина), 2 тома, и «Вянек», новогодний выпуск на 1837 г.⁶

Сегодня меня снова навестил доктор Мёринг и снова написал какое-то лекарство. Я не доверяю ни этим лекарствам,

⁶«*Lettres d'Horace Walpole, depuis comte d'Orford a Georges Montaignu*. Париж, 1818; Фаддей Булгарин (Гадеуш Булхарин). «*Archippe Thaddeevitch, ou l'Ermite russe*». Париж, 1828 (перевод с рус.); «Вянек. Новогодний выпуск на 1837 год», сост. Кароль Корвелл. Варшава, 1837. Позицию «*Lile inconnue*» идентифицировать не удалось.

не лечащему. Жаль только денег, которые я потрачу на это, если меня здесь будут долго держать. Правда, этот негодяй Орловский все время уверяет, что на Рождество я уже вернусь домой.

Но даже если бы я мог верить этому разбойнику, то и так мне еще два месяца здесь мучиться. О, как бы я хотел дать хоть эту слабую надежду, которой совсем не верю, моей бедной жене, чтобы она не терзалась неизвестностью и напрасным ожиданием, высматривая меня каждый день! Но я повторяю: разве можно верить Орловскому? А, кроме того, как такое написать в письмо, которое проходит через так много цензорских рук, пока попадает на почту?

Здесь, прогуливаясь, можно иногда через дверь перекинуться парой слов с кем-нибудь из товарищей или во время уборки в коридоре, когда подметают в камерах.

Орловского считают негодяем, но, кажется, не все так о нем думают: горе думающим иначе!

С Антонием Шашкевичем я едва перекинулся несколькими словами, проходя мимо. Он мне сказал, что Орловский отъявленный негодяй, но он вынужден притворяться и быть с ним в хороших отношениях, чтобы помочь себе и другим. Мне совсем не верится, чтобы такой плохой человек мог иметь хорошие намерения. А даже если и имеет, в надежде извлечь из этого какую-то пользу для себя, то снова не понимаю, откуда у него такое большое влияние, которым он хвастается.

Вечером Орловский снова пришел к моим дверям и сказал, что вскоре поедет отсюда на Волынь и в Подолье на несколько дней, после которых снова сюда вернется; при этом он заявил, что готов взять мое письмо жене. Я всему этому не верю и не скрываю от него свое недоверие. Он через пару часов принес мне записку от Антония Шашкевича, в которой Антоний это подтверждает, говоря, что сам также через него написал своей жене и что я тоже могу это сделать. Одновременно Орловский принес свою чернильницу, перья и бумагу. Поверив Антонию, я написал жене очень длинное письмо, стараясь, насколько возможно, успокоить ее насчет моей судьбы. Написал все о разных домашних и хозяйственных делах. Также присоединил записку Антония. А из нескольких слов, которые я как бы невзначай включил в свое письмо, она легко догадается, что

хотя она должна поблагодарить подателя за мое письмо, но он недостоин ее уважения. Этим письмом я был занят до трех ночи и неимоверно устал.

30 октября, воскресенье. Я сегодня так слаб, что едва могу двигаться. Утром отдал письмо Орловскому, которое писал ночью. Он снова торжественно обещал и клялся, что вскоре уедет и, пробыв в наших краях не дольше двух-трех недель, вернется сюда. Антоний все время проводит с ним, как будто с лучшим другом.

Подполковник Плюсков, офицеры службы и плац-адъютанты, посещающие камеры, часто бывают у Антония, из нас всех только у него. Обычно и Орловский им сопутствует. Там же, как я могу слышать через двери, они довольно весело проводят время. Словом, один Шашкевич, хотя и заключен вместе с нами, все-таки пользуется большей свободой, чем остальные. Дай Боже, чтобы он не ошибся в надежде помочь себе и, как говорит, другим!

Я получил записку от госпожи Людвики, которая старается меня успокоить относительно моей жены, ручаясь, что та чувствует себя не хуже, чем до этого. Но я не могу этому верить, поскольку лучше знаю ее и знаю, что она все страдания скрывает в себе, чтобы не огорчать других. Также знаю и ее привязанность ко мне, догадываюсь о ее беспокойстве и опасениях, а те, постоянно возрастая, в конце концов, ее убьют, если я не вернусь к ней, пока еще есть надежда спасти ее. Людвика мне сообщает, что отсюда писала Пелагии, информируя ее, что я здоров. Это огромная ложь. Но разве можно в теперешнем состоянии этой несчастной сказать ей правду, которая принесла бы ей смерть? Еще жена Иоахима пишет, что вот-вот ожидает письма от Пелагии и что сразу передаст его мне. Снова призывает меня обращаться к ней в каждой нужде. Она писала, собираясь к г-ну Бибикову, что будет просить у него позволения встретиться со мной. Только бы она его получила! Прислала мне самовар, чай, сахар, тарелку, кружку, ковшик, ложку, булки и т. д.

Я ответил ей, от всего сердца благодаря за все. Счастье, что меня не лишили хотя бы этого утешения — общения с этой достойной женщиной. Она обещает, что не уедет из Киева до тех пор, пока здесь остается Иоахим.

Вот уже несколько дней, как у нас по вечерам, после дозора каждой камеры сначала младшим, а потом старшим офицером охраны и после того, как ключи отнесены плац-майору, начинаются более громкие разговоры через двери, пение заключенных и т. п. Обниский Адам прекрасно поет здесь какие-то русские думки; после него довольно неплохо поет Шашкевич; остальные так себе.

31 октября, понедельник. Госпожа Людвика прислала мне немного превосходного турецкого табаку. Передам половину его Антонию Шашкевичу, который мне прислал сегодня пару банок очень хорошего варенья. Мне кажется странным его поведение с Орловским и роль, которую он играет. Только бы все закончилось хорошо!

Вечером был здесь комендант. Хороший старик, и даже когда он торопится, всегда на пять минут задержится у меня.

1 ноября, вторник. Кто-то пожаловался на вечернее пение у нас, потому что сам комендант резко это запретил. Поэтому у нас снова тихо, как в могиле, или, что почти одно и то же, как в тюрьме.

Обниского отсюда перевели, не знаю, вниз или куда-то еще.

2 ноября, среда. Комендант мне прислал: *Les voyageurs en Suisse*, p. Lantier, 3 тома⁷. Сегодня я писал тебе, моя драгоценная. С того времени, как меня арестовали, я нумерую все письма, которые отправляю тебе через плац, т. е. Следственную комиссию, таким образом, ты поймешь, сколько писем не хватает. Я рад был бы написать тебе каким другим путем, но очень трудно найти для этого возможность, и если такая будет, то только каким-то чудом. До сих пор никакого другого случая у меня не было, кроме письма, которое взял Орловский, но и оно, не знаю, дойдет ли до тебя, уж очень я сомневаюсь в его поездке, хотя он и сегодня уверял в ней.

В моей камере очень влажно из-за трубы от железной печки, которая выходит через окно. Доктор Мёринг это заметил и потребовал, чтобы меня немедленно перевели в сухое место, что сразу же и сделали. Теперь я уже нахожусь по другой стороне этих же казарм в № 18.

⁷ E. F. de Lantier. *Les voyageurs en Suisse*. Париж, 1803.

Господин доктор Мёринг соизволил сейчас немного больше внимания уделять моему здоровью, которое сильно ухудшилось и продолжает заметно ухудшаться.

3 ноября, четверг. Записка от Людвики. Эта достойная и неопенимая женщина, зная, как я люблю кофе, прислала мне бутылку уже готового со сливками и обещает, что будет его часто присылать. Также она прислала булку превосходного хлеба. Покупки, о которых я ее просил, она обещает сделать завтра. Просит, чтобы я написал Афанасьеву и велел ему выдать из моих денег на эти покупки. Она заканчивает свое письмо пожеланием получить хорошие вести от моей жены. Но разве я могу получить что-нибудь утешительное, пока нахожусь здесь?

Я ответил госпоже Людвике и приложил записку для Афанасьева о выдаче ей 12 рублей серебром.

С 29-го числа прошлого месяца мне приносят еду гораздо лучше, из трех блюд. Однако ни бульон, никакое мясо я не могу взять в рот, чувствуя какое-то непреодолимое отвращение к этой пище.

4 ноября, пятница. И сегодня я получил посылку от Людвики, а с ней записку. Она прислала мне коврик, большой таз, большую ложку и т. д. Очень заботливо спрашивает о других моих нуждах. Разрешает, чтобы я отослал ей мое белье для стирки. Словом, она сейчас мой настоящий ангел-хранитель. и я все время ее так называю. Пусть Господь вознаградит ее доброту ко мне как можно скорейшим освобождением мужа!

Наконец я дождался и от тебя письма, моя любимая! Но из этого письма, которое я оросил слезами, я с болью узнал, что напрасно просил и заклинал г-на Писарева отослать тебе мое первое письмо. Ведь он мне так торжественно обещал, и я поверил ему! Что за непонятная бесчеловечность! Пусть они докучают мне самому, как делают вот уже второй месяц, но в чем ты-то провинилась?..

Не могу выразить, что со мной происходило, когда мне отдали твое письмо. Никчемный Афанасьев, видя мои слезы, когда я узнал твой почерк, и волнение, с которым я читал твое письмо, начал смеяться, позволив себе какую-то глупую шутку. Но один презрительный взгляд сразу же заставил его

замолчать. Я сказал ему, что, не спав всю ночь, я сильно измучен и хотел бы остаться один. Он это понял и ушел.

С восторгом и невыносимой болью я целовал в этом письме следы твоих слез. Ты хочешь меня успокоить. Но я слишком хорошо догадываюсь, что с тобой происходит и как это неожиданно несчастье влияет на твое здоровье. В каждое слово этого письма вложены твоё ангельское сердце и та любовь, которая является источником моего счастья и одновременно страданий, когда я подумаю, как ты страдаешь каждую минуту моего затянувшегося отсутствия, которому, увы, конца я предвидеть не могу! А ещё эта болтливость Яницкого! Ведь наверняка это он, вернувшись из Киева, рассказал о том, что я в пути заболел. Сама несчастная, страдающая, измученная, ты забываешь о себе, а меня пытаешься поддержать! Ах! Ты всегда была такой, мой ангел!

Ты хочешь, чтобы я тебе немедленно ответил, а здесь только в среду, то есть через шесть дней, мне разрешат писать!!! О, проклятая неволя! Сто раз проклятая!.. Ты пишешь мне, чтобы после освобождения, нуждаясь в деньгах, я обратился за ними к твоему дяде, как и за шубой. До «освобождения», к сожалению, похоже, ещё далеко! А тем временем во встрече с дядей и твоим братом Каролем, несмотря на мои просьбы и старания их обоих, отказано, хотя всем остальным заключенным это разрешают. Из-за чего же такая исключительная бесчеловечность ко мне одному? Почему, вместо того чтобы уменьшить мои неприятности и немного облегчить страдания, они выдумывают все новые пытки? Этого я не знаю, не догадываюсь и понять не могу.

5 ноября, суббота. Нас посещал комендант. Такой же вежливый и добрый, но, к несчастью, слабовольный или ограниченный в своей власти по отношению к заключенным. Позднее — доктор Мёринг и лекарства из аптеки.

После всего этого мне отдали давнишнее письмо Пелагии, написанное 7 октября, с посылкой белья, которое я уже давно получил. А это письмо пылилось где-то у местных господ! Кто знает, все ли белье я получил, поскольку мне не отдали списка, который должен был быть с письмом.

Я просил купить мне нож и вилку: их Афанасьев прислал вместе с обедом, а после обеда их не забрали, вероятно забыв.

6 ноября, воскресенье. Орловский солгал, что отсюда переводят вниз всех, кто не признал вину, потому что Мархоцкий, хотя и был туда переведен несколько дней назад по другой какой-то причине, снова вернулся сюда в камеру № 15, где был Антоний Шашкевич, сейчас переведенный отсюда на Главную гауптвахту, как говорят. Но почему вместе с ним взяли и Орловского, который, как говорят охранники, сидит там вместе с Антонием?

Мархоцкий дал мне почитать Цицерона *De Officiis*, 2 тома⁸ с французским переводом рядом и прекрасными комментариями. А Мёринг, которого я еще раньше просил, принес мне сегодня Шиллера на немецком «Об отделении Нидерландов»⁹.

На то место, где был Орловский, перевели старого Стефана Запольского.

7 ноября, понедельник. Целыми ночами я кашляю так сильно и громко, что бужу всех здешних заключенных. Этот проклятый кашель так меня выматывает, что иногда я теряю сознание.

Мархоцкий написал коменданту с просьбой поместить его с кем-то из знакомых. Хотел бы со мной; и я был бы рад этому. Он говорит, что уже давно написал свои показания; и я это сделал месяц назад, почему бы им не исполнить его просьбу? Почему?.. Чтобы отказом помучить.

Сначала я плохо подумал о Запольском Стефане, видя, что его поместили туда, где был этот негодяй Орловский. Но вскоре я убедился, что это добропорядочный и достойный уважения человек, поэтому я попросил у него прощения за этот минутный грех моих мыслей. Он и был тем усачом, которого я раз видел в коридоре Главной гауптвахты. Я старательно скрываю чернильницу с чернилами, чтобы ее не отобрали, поэтому всегда прошу другую, когда собираюсь писать жене. Та тоже иногда остается у меня несколько дней, если охранники забывают забрать, а иногда отбирают сразу же после написания письма. Из бумаги, которую каждую среду выдают для этих писем, я тоже смог насобирать около десяти четвертинок. При этом я

⁸De officiis (Об обязанностях) Цицерона была написана в 45 году до н. э.

⁹Ф. Шиллер. Geschichte des Abfalls der vereinigten Niederlande von der spanischen Regierung, 1788.

еще использую разную обертку с посылкой Лесневич и белую бумагу, в которой комендант отправляет мне книги. Поэтому у меня есть уже значительный запас бумаги для дневника и для писем жене, если вдруг появится какая-нибудь контрабандная возможность. Еще у меня есть перья, два целых карандаша кроме двух больших огрызков и перочинный ножик. Все это в тюрьме — настоящее сокровище.

8 ноября, вторник. С недавнего времени здесь содержат Красуского Виталиса, в кандалах и только на хлебе и воде. Клеменс Красуский, его родной брат, сейчас находится в соседней камере № 17, тоже на хлебе и воде, но, по крайней мере, без кандалов. Есть еще здесь Эустахий Еловицкий, на хлебе и воде, Немировский Леопольд — то же самое.

Орловский хвастался, что обманул Немировского, которому я это вчера сказал. Немировский говорит, что это наглая ложь, что он никогда и десяти слов не сказал Орловскому и что знает его как подлого человека. Но даже если тот был бы достойнейшим человеком, то, добавляет Немировский, он и тогда ни в чем не мог бы ему признаться, потому что ему признаваться не в чем. Однако Комиссия этому верить не хочет, также и генерал Бибииков, к которому приводили Немировского. Чтобы вырвать у него признание в преступлении, которого он не совершал, его мучают, как и других, голодом; у него отобрали самовар, чай и т. д. Мы, которым еду приносят, кормим тех, которым есть не дают. К кормящим относятся: Стефан Запольский, Мархоцкий Кароль, Грабянка Станислав и я. Но моей заслуги в этом, как у других, нет, ведь они все здоровы и с хорошим аппетитом, я же и без того ничего есть не могу. Охранникам мы прилично платим деньгами, табаком и другими подарками, чтобы они нашим друзьям, обреченным на голод, носили от нас еду, табак, чай и т. д., что происходит регулярно, так как охранники здесь люди хорошие.

9 ноября, среда. Стах Грабянка совсем не ест свой обед, полностью отдавая его голодным товарищам, сам же живет только на чае и кофе.

Сегодня я писал жене. Даже не знаю, как писать, чтобы письмо не задержали. О здоровье моем тоже не могу сообщать, только в общих словах, ведь если я напишу правду, это ее убьет.

Людвика прислала мне закрывающийся ящик, канделябр, каменную миску с крышкой, кофейник, табак, висячий замок, варенье, хлеб, высушенный бульон, масло и мелкую крупу. Она повторяет, что мои поручения для нее не обременительны и она с радостью ими занимается. Сообщает, что ожидает письма от моей Пелагии с таким же нетерпением, как известий от своей семьи. И в конце советует мне быть спокойным, «все будет хорошо». Бесценная женщина. Ее появление в Киеве стало неоценимым благодеянием для меня. Я ей сразу же ответил.

10 ноября, четверг. На днях отсюда забрали Янишевского Людвика, а на его место посадили Ильницкого. Он мне сегодня во время моей прогулки по коридору сказал через окошко, что вскоре Следственная комиссия уже должна закончить свою работу и вскоре наши камеры начнут открывать. О! Дай Боже, чтобы он не ошибся и чтобы я наконец после стольких страданий вернулся к тебе, моя милая, ведь ты там умираешь от беспокойства, тоски и страха за судьбу твоего мужа! Не тяготы моего положения, а убеждение в том, насколько моя неволя губительна для тебя, только это делает меня несчастным, это отнимает у меня сон, здоровье и отравляет жизнь.

Очевидно, что произошла какая-то ошибка в том, что плац-майор говорил мне еще в Главной гауптвахте, что эмиссара отбили и что, скорее всего, он принял меня за кого-то другого, ведь иначе они бы уже давно вызвали меня, если бы могли выдвинуть какие-то обвинения.

Сегодня я снова выдал квитанции на несколько золотых для охранников. Но мне не жалко этих расходов, ведь почти все здешние артиллеристы назначены нам в охранники, а они неплохие люди и охотно нам помогают.

11 ноября, пятница. Доктор Мёринг. Потом книги от команданта: *Memoires de Gabrielle d'Estrees*, 4 тома¹⁰.

У Запольского в бумажнике есть миниатюра его внука, маленького Уланицкого. Каждый день утром, во время моей прогулки по коридору, я останавливаюсь возле его дверей и смотрю на эту картинку, так напоминающую мне моего Зизи. Запольский, видя, что я каждый раз не могу удержаться от

¹⁰ Апокриф авторства Поля Лакруа. Париж, 1829.

слез, хотел уже не показывать мне эту картинку. Но я его усиленно просил, чтобы он не лишал меня этого утешения. Разве он не знает, насколько легче заплакать, нежели носить тяжесть в сердце?

В № 16 перевели недавно Дембицкого, известного мне депутата Верховного суда. Но он, как настоящий монах-камедул, никому и слова не говорит, даже на вопрос о здоровье.

От Мархоцкого я уже два раза получал хороший шоколад, который он сам готовит, а мы, желая его попробовать, только посылаем Каролу сливки, которые нам приносят к чаю. Грабьянка иногда присылает мне черный кофе и варенье. Все эти передачи, хотя и совершенно невинные, происходят нелегально, то есть при помощи охранников, солдат и младших офицеров, или подкупленных нами, или более человечных, чем члены Комиссии, которые бы это, несомненно, запретили.

12 ноября, суббота. Сегодня я получил сразу два письма от моей жены, написанные 2-го и 5-го числа этого месяца. Первое — присланное на адрес самого генерала Бибикова, а второе — в конверте графини Элизы Холоневской. Пелагия пишет, что уплывают недели и месяцы, не принося никаких изменений в ее несчастье. О, кто же может это почувствовать сильнее и болезненнее, чем я! Она хочет быть ближе ко мне, поехав к родственникам на Волынь и на Украину, но до сих пор не может получить паспорт. Странно. Почему ей отказывают, когда другим выдают? Она обязательно хочет сюда приехать, и это меня сильно беспокоит, сможет ли ее здоровье вынести такую поездку в это время года? И потом, там она не знает всего ужаса моего положения, а если она узнает правду, это ее убьет. Поэтому я предпочитаю отказаться от радости встречи с ней и напишу, чтобы она не тратила остатки своих сил на эту дорогу, которой я так боюсь. Но что из того, что я ей напишу, если немилосердные ко мне члены Комиссии, не знаю почему, не отправляют мои письма к ней?.. Она снова повторяет, что получила только одно мое письмо от 11 октября. Что означает такое варварское отношение ко мне???

Ты спрашиваешь, дорогая, в чем я нуждаюсь, какие вещи мне прислать. Сам не знаю, как тебе об этом написать, ведь я еще не могу расстаться с мыслью, что они уже должны по-

нять, как несправедливо мучают меня уже полтора месяца, и освободить наконец.

В письме от 5 ноября ты мне сообщаешь, что только что получила мое письмо от 19 октября и что это только второе мое письмо, а ты мне пишешь уже пятый раз. Но я ведь уже шесть писем написал тебе из тюрьмы. И ничего не могу поделать с тем, что со мной Комиссия так бесчеловечна, относится ко мне хуже, чем к другим. Ты пишешь, что просила госпожу Холоневскую, чтобы та посылала мне книги, если это разрешено. Это, несомненно, было бы большим благом для меня. Но если эти господа не сильно спешат отдавать мне книги от коменданта, которому они подчиняются, как же я могу надеяться, что будут доходить от других? Однако у других заключенных книг в достатке. Никак не могу понять эту особую неприязнь ко мне. Ты написала только пару слов о своем здоровье, что не чувствуешь себя хуже, и заклинаешь меня быть спокойным. Но разве это возможно, пока я остаюсь здесь? Разве я не знаю, что с каждым часом твои страдания усиливаются и что они тебя убьют, если мое заключение затянется?

С письмом Пелагии, отправленным в октябре, кроме белья была послана еще теплая лосиная шуба. Но ее я до сих пор не получил. Посылая свое письмо через госпожу Холоневскую, ты не очень надеялась, что оно дойдет до меня. Я же не только получил его, но мне даже кажется, что госпожа Холоневская, которая живет здесь для образования своего сына и которая имеет связи и влияние, сможет помочь в моем скорейшем освобождении. Может, также слово, которое она замолвит за меня, сгладит эту непонятную строгость, с которой обходятся со мной здешние господа. Может, книги от нее будут доходить до меня. И за все это я должен благодарить тебя, моя драгоценная, ведь и всеми прежними радостями моей жизни и всем моим счастьем я обязан тебе.

В этот же день, в 3 часа ночи. Получение твоих писем, моя драгоценная, хотя своим грустным содержанием и не смогли развеять мое беспокойство о тебе, уже одним только видом твоего почерка было для меня утешением и имело на меня спасительное действие. Я чувствовал себя гораздо лучше. На протяжении всего дня я перечитывал эти письма. Строил различные предположения о приближающемся конце моего за-

ключения и твоих страданий. Я поддавался сладким чувствам, представляя, что вскоре смогу тебя обнять. Увы! Как же горько мне было узнать три часа назад, что это был только самообман!.. В моем сердце сейчас ад!..

Но нужно тебе все рассказать по порядку, хотя не знаю, как мне собраться с мыслями в этом ужасном состоянии.

Около 10 часов вечера, когда во всех казармах уже стало тихо, вдруг двери ко мне открываются, входит офицер службы, велит встать с постели и одеться, сообщив, что мы пойдем в Комиссию. Я безмерно обрадовался, будучи уверенным, что это уже конец моей неволи. Через несколько минут я был готов, и мы вышли.

Как и раньше, я снова иду в сопровождении офицера и нескольких солдат с оружием. Но я так слаб и кашель так меня мучает, что двое солдат вынуждены вести меня под руки на всем пути отсюда до ордонансгауза. Когда мы туда пришли, он велел мне ждать в первой комнате, в которой г-н Афанасьев, сидя над бумагами, через какое-то время обратился ко мне, сказав, что меня вызвали для того, чтобы закончить мое дело, поскольку генерал Бибиков хочет все дело представить царю и просить его о помиловании. Не знаю, подумал я, зачем мне помилование, если я и так невиновен.

Прождав около получаса, я, наконец, был вызван в Комиссию, то есть во вторую комнату слева. Там я застал тех же господ, которых видел в предыдущем месяце. Г-н Писарев обращается ко мне по-французски, показывая на лежащие перед ним мои показания, что я не оправдал ожидания Комиссии, потому что обещал написать правду, а тем временем то, что я написал, ничем Комиссии пригодиться не может, поскольку содержит только обстоятельства и выводы, доказывающие, что я невиновен. (Здесь я точно привел его слова.) Удивившись такой неожиданной и странной речи, я несколько минут стоял в оцепенении. Только когда Писарев повторил то же самое и спросил, почему я не отвечаю, я отозвался, что у меня нет слов, которые могли бы передать мое удивление от того, что я услышал. Ведь я убеждаюсь, что Комиссия, вместо того чтобы искать правду в том деле, для которого она создана, имеет совершенно противоположные намерения и в своих действиях руководствуется предубеждением, даже не допуская, что кто-

то может быть невиновным, если она заранее осуждает тех, кто перед ней находится. А это значит, что она не Следственная комиссия, а скорее Осуждающая комиссия. Казалось, эти слова его заделали, так как он быстро ответил, что Комиссия уже нескольких человек полностью оправдала и освободила. «Если так,— ответил я,— почему же Комиссия выражает свое удивление оттого, что я доказываю мою невиновность?» Я добавил, что он (председатель Комиссии) должен хорошо знать, как часто в подобных делах ошибочно привлекаются люди, совершенно невиновные. «Это может быть в другом месте, но не у нас в Киеве»,— ответил он. «Это утверждение,— ответил я,— противоречит тому, что я только что услышал из уст г-на председателя, что уже несколько человек были освобождены Комиссией». Он, ничего на это не ответив, вдруг перевел разговор на мои показания и спросил меня, почему я в них ничего не упоминаю о ярмарке. «О какой ярмарке?» — «О фельштынской ярмарке в апреле этого года». — «Не знаю, какую связь может иметь мое нахождение на этой ярмарке с тем делом, по которому меня допрашивают». — «Ведь вы же были у г-на Грабянки?» — «Этого я не скрываю, да, я там был, и даже несколько раз. Но в чем меня это обвиняет?» — «У г-на Грабянки проходил совет членов тайного общества по поводу избрания депутатов этого общества». — «Об этом совете я сейчас слышу первый раз, проходил ли он там, не знаю, да я и не мог принимать в нем участия, так как не принадлежу к обществу, о существовании которого я не имел ни малейшего понятия». — «Показания других говорят иначе». — «Я хочу знать эти показания, ведь это не запрещено». — «Нет, вот они». При этом он взял лист, лежащий возле моих показаний, из которого по-русски прочитал мне записи якобы показаний (не показывая мне собственноручные признания) Михальского Фридриха, Гольнского, Старорыпиньского, Лесневича, Конарского и Обниского. В этих записях Михальский утверждает то же самое, что я уже читал в его собственноручном признании раньше (4 октября), а кроме этого, добавляет, что якобы Рудзевичем был создан совет в Фельштыне во время ярмарки. Гольнский и Обниский сообщают, что видели меня в Вербке в 1836 году; Лесневич и Старорыпиньский — что меня видели в Вербке в 1836 году, что Михальский говорил якобы

мне тогда, Лесневичу, Мархоцкому, Гольнскому и другим о необходимости создания на Подолье тайного общества. В этот момент вошел Афанасьев, говоря, что еще есть и в показаниях Адриана Бенькевича обвинение против меня, и по-русски прочитал, что Бенькевич сообщает, что, будучи приглашенным к Грабянке на чай, и меня там видел.

Выслушав все это, я заявил, что одна из прочитанных мне записей содержит то же самое, что я уже написал в своих показаниях, а другие — это чистая ложь, и я хочу посмотреть в глаза тем, кто это написал. На это председатель ответил, что если я хочу очной ставки, то мне придется поехать в Вильно, потому что Конарский находится там. «Я к этому готов,— ответил я,— и очень этого хочу». «Хорошо,— сказал далее председатель,— но ведь надо сначала написать что-то на эти вопросы, среди которых есть и только что зачитанные обвинения». Говоря это, он протянул их мне. Я его просил, чтобы он принял во внимание мое здоровье и позволил мне писать у себя, потихоньку, ведь при чрезвычайной слабости, при постоянных болях и частых головокружениях я по-другому не смогу. Кроме того, я сообщил, что поскольку я не знаю русского, то хотел бы иметь эти вопросы по-французски. Он признал справедливость моих просьб и сказал, что эти вопросы, которые я держал в руке и которые он у меня взял, велит перевести на французский и вскоре пришлет мне в камеру и не будет торопить меня с ответами. Я поблагодарил его за это, обещая, что, насколько только смогу, постараюсь не злоупотреблять его терпением, поскольку мне самому очень важно как можно быстрее снять с себя эти обвинения.

И тут я снова попросил устроить мне очную ставку с Михальским и Конарским для полного подтверждения моей невиновности. Я собирался уже уходить, когда вдруг плац-майор Гайворонский, до этого молчавший, пришел в неопишемую ярость (по-другому я это назвать не могу) и, обернувшись ко мне, начал кричать и оскорблять меня последними словами, исходя пеной от злости. Он передразнивал мои слова: передразнивал голос и чувства большого человека, который едва может говорить и стоять на ногах!

Во время этой сцены он, Писарев, другие члены Комиссии и я за ними вышли из судебной в первую комнату, где

был Афанасьев, несколько писарей, младших офицеров и солдат. Здесь Гайворонский снова кричал, бегая возле меня как сумасшедший, и постоянно проклинал. Он повторял: «Ты врешь! Нам нужны не твои оправдания, а твое признание, и я тебя заставлю признаться. Я тебя так посажу, что тебе придется признаться или ты умрешь, и даже лучше, что умрешь, я этого хочу, ты должен умереть и т. п.». Этот ужас продолжался около получаса. За все это время я не сказал ему ни слова, но в душе решил, что если он захочет ударить меня, то я соберу остатки сил, схвачу ближайший ко мне штык и убью этого негодяя. Но Бог сохранил его и меня от этой необходимости.

Может он был пьян? Или в истерике? Или сошел с ума? Этого я не знаю. Но он не один так издевался надо мной. Ведь Писарев тоже, хотя до этого и сохранял какое-то приличие в речи и поведении, теперь сбросил маску, поддакивал тому и время от времени вставлял свои грубости и угрозы, только более спокойным голосом.

Уже не помню, как я оттуда вышел и как меня назад притащили. Чувство обиды, бесправия, варварства, о котором я раньше и понятия не имел, как раскаленное железо обжигает мое сердце и мысли.

13 ноября, воскресенье. Другие заключенные, которым я сегодня рассказал о том, что со мной ночью произошло в Комиссии, были в высшей степени потрясены и даже не хотели мне верить. Я должен жаловаться. Такие подлости противозаконны. Следственная комиссия образована генерал-губернатором Бибиковым. Невозможно, чтобы он позволял ей такие злоупотребления, попирающие закон, авторитет суда и достоинство учреждения. Поэтому я буду жаловаться ему во Имя царя и решил обязательно требовать личной с ним встречи. Только бы увидеть здесь коменданта или доктора Мёринга, я сразу же им сообщу. Иначе Комиссия не пропустит ни мою жалобу, ни письмо к г-ну Бибикову.

Госпожа Людвика прислала мне кое-какие продукты. Частично я их отдал Запольскому, (у которого находится главный склад и кухня для голодающих товарищей, так как у него есть разная посуда и запасы, жаровня, спирт и т. д.), а частично раздал другим заключенным.

Боль сжимает мне сердце, когда я смотрю на Запольского, на этого седого старца в тюрьме. Он со слезами слушал о подлостях, с которыми я вчера столкнулся.

Ничего не могу взять в рот. Никогда в жизни мне еще не было так плохо. Постоянно мучает горячка.

Дорогая Людвика сообщает, что моей жене лучше и что дети здоровы. О, если ей лучше, то она снова смертельно бы заболела, умерла бы, если бы узнала, как здесь издеваются надо мной. Дальше она пишет, чтобы я был здоров и спокоен. Благодаря гг. Писареву и Гайворонскому это невозможно. Людвика добавляет, что надеется на лучшее. Если так со мной и дальше будут обходиться, то я не доживу до окончания всего этого. Даже более сильный и здоровый бы не выдержал.

14 ноября, понедельник. Вот уже два дня как я ничего не ел и даже капля чая в рот не брал, да и не спал ни минуты. Беспокойство и какое-то раздражение меня пожирают. Чувствую, что не выйду из этого состояния, пока не увижу коменданта или Мёринга, чтобы через них получить возможность встретиться с генерал-губернатором и пожаловаться на ужасное со мной обхождение.

Заботливый Запольский давал мне иногда немного мелкой каши на бульоне, которую он сам приготовил и которая мне всегда нравилась (по крайней мере, она лучше, чем все обеды Афанасьева), он и сегодня хотел, чтобы я немного поел, и почти силой впихнул в меня две или три ложки. Но через четверть часа все это вышло обратно с очень болезненным кашлем, такое у меня теперь отвращение к любой еде.

Недавно сюда перевели Боровского Петра, того самого, с которым я разговаривал через дверь на Главной гауптвахте. Теперь я могу больше с ним разговаривать во время прогулок по коридору. Воспитанный и образованный человек. У него жена живет здесь, и он часто с ней встречается. Какое счастье!

15 ноября, вторник. Наконец я дождался Мёринга. Он пришел сегодня утром с Афанасьевым и испугался, увидев меня так сильно изменившимся с пятницы. Когда он меня по-французски или по-немецки спросил о причине этого, я ему ответил по-польски (специально, чтобы присутствующий Афанасьев все понял) о произошедшем в субботнюю ночь. При

этом, обернувшись к последнему, я добавил: «Сообщите господам Писареву и Гайворонскому, желающим моей смерти, как они сами мне об этом несколько раз сообщили, что им недолго придется ждать этой радости, которая им так желательна». Мёринг спросил: «Почему вы не пожаловались г-ну Бибикову?» — «Как я могу это сделать, находясь взаперти?» — «Напишите ему». — «Каким образом?» — «Потребуйте для этого у Комиссии бумагу и все прочее и свое письмо ей отошлите, а эти господа, согласно закону, обязаны его отдать или отослать генералу и утаить его не имеют права». Я сразу же потребовал у Афанасьева бумагу, чернильницу и перья; он обещал все это прислать. Но я напрасно ждал до вечера. Вечером я снова повторил это требование офицеру охраны и через младшего офицера, который относит ключи от камер на плац, но снова напрасно. Завтра среда. Посмотрим, принесут ли мне с бумагой на письмо жене и требуемую бумагу для письма генералу.

16 ноября, среда. Принесли бумагу, которую я просил вчера. Сначала я написал жене. Но это письмо мне дорого обошлось. Я привык, когда пишу ей, как в наших разговорах, свободно выражать все мысли и чувства, без какого-либо ограничения, словом, изливать перед ней душу. А теперь приходится взвешивать все слова, помня о том, что сначала их прочтут и проверят другие; что из-за одного слова, которое Бог знает почему может им не понравиться, мое письмо не отправят и лишат ее утешения, в котором она так сильно нуждается. И, кроме того, как ей сообщить о состоянии моего здоровья, о причине, которая его разрушает, чтобы ей самой не нанести смертельный удар?

После письма жене я сразу написал г-ну Бибикову. Сначала я хотел описать ему все происшедшее. Но, несмотря на заверения Мёринга, допуская, что членам Комиссии, нарушающим закон в обращении со мной, не трудно будет его нарушить и в отношении моего письма, я решил ограничиться только просьбой личной встречи, о чем я просил его, как того, кто здесь представляет самого монарха. Эту просьбу я выразил в пяти строчках и вместе с письмом к жене сразу отослал на плац.

В этот же день, в 2 ночи. Что за странный обычай вызывать заключенных на допрос не иначе как ночью!

Написав свои два письма, я немного успокоился. Прогуливался уже дольше, чем обычно, чтобы усталостью вызвать сон. Потом, когда уже все закрыли, я еще долго ходил по камере. Наконец, около одиннадцати я лег, очень уставший, в надежде, что все же усну после четырех бессонных ночей. Но спустя где-то четверть часа как я только задремал, мои двери с шумом открылись, и офицер велел мне собираться в Комиссию.

Там снова повторение субботней сцены. Кроме того, до-стопочтенный г-н Гайворонский насмеялся над моим письмом генералу, и это письмо при мне вынес из своей комнаты и положил перед Писаревым. Он несколько раз повторил, что генерал, занятый важными делами, не может тратить время на меня. «То, что я собираюсь ему сказать, тоже очень важное, и поэтому я требую личной с ним встречи». — «Здесь ты тоже можешь сообщить эту важную вещь». — «Нет, здесь я ее сказать не могу и не скажу». — «Этот человек (показывает на Писарева) пользуется полным и безграничным доверием генерала, поэтому ему можно сказать все, как самому генералу». — «Того, что я собираюсь сказать, я не открою никому, кроме генерала Бибикова». — «Ты не достоин встречаться с генералом и разговаривать с ним». — «Я ведь уже с ним разговаривал, а значит, он посчитал меня достойным этой чести. Видимо, он тогда забыл спросить ваше мнение, но я надеюсь, что вы его милостиво простите». При этих словах он бросил на меня яростный взгляд, но я, не обращая на это внимания, продолжал: «А достоин ли я посетить его дом, об этом он также осмелится принять решение сам, без вашего мнения». — «Не увидишь его, пока не напишешь свои показания» (так он назвал требуемый от меня ответ на обвинения, о которых шла речь в субботу). — «Я не напишу ни одного слова, пока не встречу с генералом». — «Я сейчас напишу рапорт генералу, и если ты завтра до вечера не напишешь эти показания, то пойдешь в тюрьму к самым ужасным злодеям». — «Можете меня заранее, еще сегодня туда отправить, ибо я заявляю, что не возьму в руки перо до встречи с г-ном Бибиковым». — «Я представлю тебя генералу как закоренелого преступника... уж я смогу тебя таким нарисовать». — «Уж в этом-то я могу быть уверен, что желания так поступить у вас хоть отбавляй».

Обернувшись к г-ну Писареву, который до сих пор не вмешивался в разговор, я по-французски сообщил ему требование, чтобы он передал мое письмо генералу, добавив, что имею важный и срочный повод встретиться с ним и что требую этого на основании закона. Он положил письмо в карман, говоря, что отдаст его генералу. Также я просил его отправить письмо, которое я сегодня написал жене. На что он мне сказал, что она вскоре сама сюда приедет, так как сегодня генерал послал ей паспорт, о котором она его просила.

Говоря это, он достал из других бумаг письмо Пелагии к г-ну Бибикову и дал мне его прочитать. При виде ее почерка я не мог удержаться от слез. Гайворонский это заметил: «Если завтра,— крикнул он,— не будут написаны показания, то, значит, ты последний раз читаешь письмо жены, так как не будешь получать больше ни писем от нее, ни информации о детях». — «Поэтому позвольте мне по крайней мере дочитать до конца это последнее, поскольку показаний, которые вы требуете, я завтра не напишу». И после еще нескольких оскорблений и грубых угроз, повторяемых криком (на которые я отвечал уже только презрительным молчанием), я поклонился всем и вышел. Когда я уже был в дверях, он снова заорал: «Помни о том, что у тебя в запасе только завтрашний день, если хочешь видеть генерала». На что я, остановившись в дверях, ответил с усмешкой: «Помню, что я должен сначала встретиться и поговорить с генералом, прежде чем начну писать эти показания, иначе я не буду их писать». Сказав это, я закрыл за собою дверь.

Это очевидно, что Писарев и Гайворонский не желают, чтобы я встречался с генералом, наверняка догадываясь, что тогда я не промолчу об их злоупотреблениях и недостойном поведении. Скорее всего, и письмо мое генералу отдавать не хотят, возможно, и не отдадут. Но, с другой стороны, совершенно ясно, что им необходимы мои ответы на то, что они называют «обвинениями» против моих показаний. Наверное, без этого следствие не будет полным. Может, поэтому господин Гайворонский так торопит с написанием этих ответов, чтобы потом меня запереть и охранять еще более строго, чем до сих пор, чтобы я не нашел способа обратиться к генералу с жалобой на их обращение.

Его хвастовство, что он куда-то там меня посадит, что пошлет в тюрьму к преступникам и т.п., это пустые слова и напрасные угрозы. У Следственной комиссии не может быть безграничной власти. Созданная генерал-губернатором, она наверняка получила у него инструкции, которые нарушает без его ведома. Поэтому следует его просветить, хотя бы для того, чтобы обращение, с которым я встретился, не повторялось с другими заключенными. Я полностью убежден, что г-н Биби-ков такого ужасного бесправия в будущем не допустит. И я твердо решил: какие бы новые неприятности и жестокое обращение мне ни предстояло пережить, не буду писать требуемых от меня ответов, пока не встречу с генералом. На моей стороне закон, истина и человеческие побуждения, поэтому я буду несгибаем в своем решении.

Что еще укрепляет меня в моих предположениях, так это смехотворная настойчивость Гайворонского на том, чтобы обязательно завтра я написал эти ответы, и угрозы, как какому-нибудь ребенку, что иначе не буду получать писем от жены, когда при моей слабости физически невозможно так быстро ответить на два листа глупостей, которые насобираала Комиссия, хотя эти глупости ничего не значат и никаким доказанным обвинением против меня быть не могут.

Ведь этим я докажу полную необоснованность одних и очевидную ложь других, и эту ложь я скажу в глаза Михальскому и Конарскому. Я уже требовал очной ставки с ними обоими и буду продолжать требовать, они не могут мне отказать. И тогда уже не останется и тени сомнения в моем оправдании.

Но возвращаясь к угрозам уважаемого г-на майора. Как он может мне дать только завтра, чтобы ответить на обвинения, если они еще не переведены и я только завтра смогу их получить? Ведь я еще в субботу предупредил г-на Писарева, что сейчас и пяти минут подряд я не могу писать из-за кашля и постоянных головокружений. О чем они знают от доктора Мёринга и из почти ежедневно присылаемых мне лекарств и, наконец, из ежедневных утренних и вечерних рапортов обо мне. Или г-н Гайворонский думает, что для того, чтобы поправиться ему, я вдруг из невиновного стану виноватым, а испугавшись его крика, сразу же найду где-нибудь в углу спря-

танное здоровье и силы, чтобы выполнить его фантазию? Это не имеет никакого смысла, господин майор.

17 ноября, четверг, вечером. Прошло уже два или три часа, как нас закрыли, а я ведь еще не получил эти вопросы и обвинения, на которые должен ответить; и назначенное г-ном майором время «прошло бездеятельно» (как выражались наши юристы), и в тюрьму меня не отправили.

Сегодня утром был Мёринг и снова выписал лекарства, которые, скорее всего, помогут не больше предыдущих.

Снег, тающий на крыше, проделал себе ход через потолок и сегодня утром залил всю мою камеру. Был тут какой-то офицер с плаца (г-н Синопул); он велел мне немедленно перейти на другую сторону в № 20. Отсюда у меня вид не на двор и колодец, как там, а на часть прекрасного здания арсенала и на часть улицы. Камера такого же размера, как та, может, даже немного меньше.

18 ноября, пятница. И сегодня весь день и весь вечер я ничего не слышал ни о вопросах с обвинениями, ни о тюрьме, ни о майоре. Но также я ничего не знаю о судьбе моего письма генералу. Ожидание и неуверенность для меня намного хуже других страданий.

Мёринг теперь навещает меня каждый день. Сегодня я просил его принести книги, и он обещал. Увидим.

Госпожа Людвика прислала мне кофе, как и раньше, в бутылке. Я почувствовал тягу к нему и с удовольствием выпил целую кружку, вприкуску с булкой — первая моя еда за несколько дней. Другие продукты от Людвики — запеченное мясо, хлеб, булки, пироги и т. д.— я отослал, как обычно, в камеру Запольского, откуда поступает больше всего еды голодающим товарищам. Я все время ем и сплю чрезвычайно мало.

19 ноября, суббота. Наконец один из плац-адъютантов, г-н Грузинцев, принес мне давно обещанные вопросы и обвинения, ужасно переведенные на французский. Мне кажется, что это перевод самого господина Писарева, который не очень силен во французском, хотя, как я успел заметить, сам он в этом вопросе другого мнения. Также мне кажется, что это его почерк. Два сшитых и согнутых пополам листа. С одной стороны находятся девять общих вопросов, а десятый касается

настоящего дела, и при нем семь цитат якобы из показаний других заключенных, которые приведены как обвинения против моих показаний. На второй половине каждой страницы пустое место для ответов. Каким бы ужасным ни был перевод, однако я предпочитаю иметь его, когда буду отвечать, чем российский оригинал, который бы я не так хорошо понял. Сейчас я, по крайней мере, знаю, на что отвечаю.

Получая эту бумагу, я заявил г-ну Грузинцеву, что отвечать на вопросы я не собираюсь, пока не встречу с генерал-губернатором, и одновременно я попросил его, чтобы он эти мои слова передал плац-майору. Он с этим сразу ушел, а я взялся читать эти страшные обвинения.

Какое убожество! Не знаю, чего было больше — злости или глупости, когда собирались и выписывались все эти бредни.

А) Фридрих Михальский повторяет то, что я читал еще в начале прошлого месяца в его собственноручных показаниях, которые мне показывали в Комиссии: что (якобы), когда я был у него с Гольнским и Лесневичем, эмиссар Рудзевич принял меня в тайное общество и что по требованию того же Рудзевича я находился на ярмарке в Фельштыне для выбора делегатов. Или он был не в своем уме, когда это писал, или из-за злости и желания мне навредить (не знаю, по какой причине) он написал на меня такую явную клевету. Я докажу, что здесь столько же вранья, сколько слов он написал.

Б) Юзеф Старорыпинский якобы написал, что он, приехав на ярмарку в Фельштын, узнал там, что я являюсь членом демократического общества. От кого «узнал», об этом ни слова. Пусть этот кто-то посмотрит мне в глаза.

В) Адам Обниский говорит, что видел меня в Вербке в 1836 году. Но я ведь сам написал об этом 6 октября.

Г) Гольнский Яцек говорит то же самое. И я сказал, что был в Вербке вместе с ним. В чем обвиняют меня показания Обниского и Гольнского? Я этого не знаю и Комиссия, скорее всего, тоже.

Д) Лесневич Иоахим якобы написал, что я принадлежал в Фельштыне к совету тайного общества. Несомненно, эту ложь ему приписали. Он такого вранья написать не мог. И если мне не покажут его собственноручных показаний, то я буду требовать очной ставки с ним, и тогда откроется правда.

Е) Адриан Бенькевич говорит якобы, что видел меня в Фельштыне у Грабянки, где речь шла об отправке делегатов в Бердичев; что он видел меня на ярмарке и у Грабянки, у которого я был несколько раз, это правда. Но был ли там какой-то «совет», я не знаю. Он пишет, что там был разговор об отправке делегатов, но не утверждает, что я в этом разговоре участвовал, потому что по совести сказать этого не может. Значит, и это обвинение надуманное? В чем он меня обвиняет?

Ж) Шимон Конарский якобы написал, что видел в Вербке Лесневича, Мархоцкого, Гольньского и Сабиньского и что говорил им о необходимости создания тайного общества. Пусть они спросят двух первых, встречались ли они хоть раз в жизни со мною в Вербке. Пусть спросят Гольньского, когда мы с ним были в Вербке, приезжали ли туда эти двое. Михальский написал, что Конарский, или Рудзевич (оказалось, это один человек), принял меня в общество. Также он добавляет интересную подробность, что это принятие наступило с моего согласия (из чего следует, что других принимали в общество без их согласия, а значит, во сне или в фантазиях?). Почему же сам Конарский об этом не говорит ни слова? Неужели такое разительное несовпадение между показаниями Конарского и Михальского по одному и тому же вопросу не обратило на себя внимание Следственной комиссии, если ее целью является поиск правды?

Не будет ничего легче, чем ответить на эти надуманные обвинения, после того как я встречусь с генералом Бибиковым, поскольку не отступлюсь от своего решения, даже если меня посадят не только в тюрьму, но и в яму сто сажений под землей.

Но как бы ясно я ни объяснил очевидную ложь всего этого, все равно я буду требовать очной ставки с Михальским. И если в нем есть еще хотя бы тень совести и честности, то он должен отказаться от той лжи и тех обвинений, которые он обо мне написал. Если же он этого не сделает, то я, несмотря на свою слабость, буду настаивать, чтобы меня обязательно послали в Вильно для очной ставки с Конарским, ибо как иначе я смогу доказать, что Михальский лжет?

20 ноября, воскресенье. Я забыл в этом дневнике написать, что в среду просил г-на Писарева, чтобы из тех книг, что

я привез с собой, он дал мне почитать некоторые вместе с латинским словарем, находящимся среди этих книг. Он записал эту просьбу, пообещав ее выполнить. Но, кажется, он все же забыл или не хочет помнить об этом, раз мне книги не дает.

Мне очень жаль, что Мархоцкого и Грабянку отсюда перевели, как говорят, в дом Прозора, где тоже оборудовали камеры. Я не понимаю, для чего нужны эти частые переводы.

Я с нетерпением жду среду, чтобы написать жене и посоветовать ей ехать в Киев, умоляя ее отказаться от этого намерения. Меня бросает в дрожь от одной мысли, насколько эта дорога будет для нее губительна.

Сегодня я раздал квитанции на несколько золотых для охранников. Только таким образом можно их побудить выполнять наши поручения.

21 ноября, понедельник, в 11 вечера. Не знаю, найду ли я достаточно сил, чтобы точно описать все происшествия сегодняшнего дня, так я измучен и ослаблен последним событием, от которого я сейчас отхожу.

Весь день у меня сильно болела голова и грудь. При этом я чувствовал чрезвычайное беспокойство. Мне казалось, что я получу известие от тебя, моя драгоценная! Мне оно было так нужно, я постоянно его ждал и снова боялся печальных вестей о твоём здоровье. Также я ожидал вызова к генералу, предполагая, что мое письмо ему было вручено, а минутой позже это же казалось мне вещью совершенно невозможной. Такое состояние постоянного противоречия в мыслях и воображении, постоянного беспокойства и какого-то страха, с которым я не мог справиться, делало меня неспособным на какое-либо занятие. Только утром с большим трудом я смог написать госпоже Людвике, отсылая ей белье для стирки, ведь она так добра, что и эти хлопоты согласна брать на себя.

Позднее был у меня комендант. Он выказал большое удивление таким заметным ухудшением моего здоровья. Но еще больше он был удивлен, когда я рассказал о недостойном со мной обращении в Комиссии и о полученных там оскорблениях. «Как это? Оскорбления?» – возмущенно вскричал этот достойный старец. Я ему кратко рассказал сцены, произошедшие 12-го и 16-го числа, прося его почти со слезами, чтобы он устроил мне встречу с генерал-губернатором, добавив,

что уже сам просил его об этом в письме, отправленном на плац, но не знаю, дойдет ли это письмо до г-на Бибикова. Этот учтивый человек, казалось, был чрезвычайно расстроен моими страданиями. Он пообещал, что скажет генералу о моей просьбе. С ним был плац-адъютант Виммер, понимающий по-французски. И он слышал весь разговор, чему я был очень рад, ведь он наверняка повторит его Писареву и Гайворонскому.

После ухода коменданта вскоре пришел Мёринг. Он задержался у меня совсем ненадолго, и, кроме вопросов о здоровье и как принимать новое лекарство, ни о чем больше я с ним поговорить не успел. Он почти всегда так сильно спешит, что иногда мне не хватает времени рассказать ему все, что касается моей болезни, которую он и сам считает серьезной и велит мне следить за всеми ее проявлениями.

Все это произошло до обеда. Остаток дня я промучился, то прогуливаясь по коридору и периодически разговаривая с друзьями, которые беспокоятся о моем здоровье и о том, встретился ли я с генералом, то сидя в камере и размышляя. Несколько раз я брался за книгу, но все время бросал ее, не в силах читать дольше трех минут.

Наконец, в девять вечера, когда я собрался ложиться, вошел офицер с плаца, сообщая, что ему велено отвести меня в Комиссию. «Отвести? — спросил я с удивлением.— Меня туда всегда сопровождают, а скорее тащат».— «На этот раз вы пойдете со мной»,— ответил он вежливо и, понизив голос, добавил, что там я увижу генерала Бибикова. «О! Я так благодарен вам за эту желанную новость!» Я хотел еще что-то сказать, но он прервал меня, прося, чтобы я в Комиссии не проговорился, что был предупрежден о встрече с генералом. Мне показалось, что он догадывается о цели, с какой я хочу встретиться с Бибиковым, и что он не очень расположен к Гайворонскому.

По приезде в ордонансгауз меня иным, нежели обычно, входом провели в большую комнату, в которой находилось несколько пишущих работников канцелярии. Там он велел мне ждать, а сам сразу же ушел, тихо повторив мне, что генерал в этот момент находится в Комиссии. Вскоре я узнал, что комната, в которой я находился, это канцелярия, расположенная

рядом с комнатой заседаний Следственной комиссии, напротив той, в которой меня держали раньше и в которой обычно сидел Афанасьев. Я догадался, что мне потому велели ждать, что именно в этот момент в комнате Комиссии, которая была отгорожена от меня только тонкой стеной, проходил допрос других заключенных.

Тонкая стена и не до конца закрытые двери позволяли слышать почти все, что там происходило. Я узнал голос генерала, который иногда вставлял короткие фразы, и голос Писарева, говорившего по-французски с какой-то женщиной, которая, насколько я мог слышать, объяснялась в своих отношениях с госпожой Коморовской, говоря о ней с восхищением. Этот разговор продолжался полчаса с момента моего прибытия. После чего другой (не Писарева) голос читал что-то по-русски, а во время этого чтения та же самая женщина три раза кричала по-польски: «Я этого не говорила. Вы написали совсем другое, прошу это поправить, я не могу такое подписать». И вскоре потом было слышно, как эта женщина вышла.

Несколько минут спустя я услышал бречанье как будто множества принесенных ключей, что меня удивило, ведь я знал, что все ключи от камер хранятся всегда в той комнате, в которой сидит Афанасьев. Но это удивление продолжалось недолго, потому что я понял, что это бречанье издают не ключи, а только что вошедший заключенный в кандалах. После нескольких произнесенных им слов я узнал голос Каспера Машковского. На задаваемые по-французски вопросы он все время отвечал по-польски. Он отвечал на разные обвинения, приводимые Писаревым, и рассказывал о своих отношениях с каким-то г-ном Креховецким. Моментами разговор с обеих сторон был достаточно живой, но все время не выходил за рамки приличия. Этот разговор продолжался почти в два раза дольше, чем первый, и во время него я не слышал голоса Бибикова. Наконец, то же самое бряцанье железа, которое поразило меня вначале, означало уход узника, а вскоре после этого я услышал звук отодвигаемых стульев. После чего ко мне вошел Афанасьев, чтобы проводить меня к Комиссии.

Там я уже не увидел генерала, который, видимо, только что ушел. Я застал только обычных членов Комиссии и Писарева, сидящих за столом. Стоявшая в комнате ужасная жара и го-

речь несбывшейся надежды поговорить с генералом так сильно подействовали на меня, что я почувствовал, что вот-вот потеряю сознание. Ноги мои подогнулись, в глазах закружились все предметы, и если бы я не ухватился за стол, то наверняка бы упал. Это заметил один из членов Комиссии, в гражданской одежде, сидевший рядом с плац-майором, и спросил, что со мной. Я едва смог сказать, что у меня кружится голова, и я прошу стакан холодной воды. Не знаю, кто из них приказал мне ее подать и пододвинул кресло, чтобы я сел.

Мне дали отдохнуть несколько минут, а когда я немного пришел в себя, Писарев, не давая мне встать со стула, обратился ко мне по-французски, голосом и всем поведением изображая разочарование: «Я сделал все, что вы просили. Я специально был у генерала, чтобы представить ему Вашу просьбу и Ваше письмо, но он не захотел его принять, говоря, что сначала надо, чтобы вы написали показания. «А разве я не мог встретиться с генералом в Комиссии?» — «Он здесь никогда не бывает».

Этот его ответ убедил меня, что и то, что он сказал ранее, было сущей ложью. Я подумал, что у меня не осталось другого средства, чтобы выполнить мое намерение, как только постоянно откладывать эти ответы, на которых они настаивают. Но поможет ли это? Заставлю ли я Комиссию пустить меня к генералу, если все эти господа догадываются, что я хочу ему пожаловаться на их злоупотребления и хамство? Наконец, сколько же времени будет потеряно в неуверенности и мучительном ожидании?.. Надежда на помощь коменданта также весьма зыбкая, ведь этот добрый старик может иметь мало влияния, а энергии еще меньше, а может даже и забыть сказать обо мне генералу...

Когда я так несколько минут сидел в раздумьях после ответа г-на Писарева, мой взгляд случайно упал на стоящий на столе постамент с орлом, обычный знак, которым отмечено каждое российское государственное учреждение: называемый зеркало или зеркало; и вдруг я вспомнил, что когда-то, очень давно, почти в детстве, слышал о законе, установленном, кажется, еще Петром I, что в важных обстоятельствах кто-либо, кем-нибудь притесняемый, может обратиться к этому знаку, как будто к самому монарху, и представить просьбу или жало-

бу, которую присутствующие чиновники обязаны немедленно записать для рассмотрения способом, установленным тем же законом.

Эта мысль в мгновение ока, как искра, пронзила меня светом, указав, как мне поступить. И когда г-н Писарев, видя, что после его слов я молчу, спросил: «И что вы на это скажете?», я ему ответил: «Так, значит, я не увижусь с господином генерал-губернатором?» Он на это пожал плечами, добавив: «До написания показаний это невозможно». И тогда я, ничего уже не говоря, встал и, повернувшись к орлу, насколько мог, громким голосом (и по-польски, чтобы поняли все) сказал:

«Всемилоостивый Государь! Призываю помощь и защиту Вашей царской милости против бесправия и несправедливости, какие творятся со мной в Следственной комиссии, особенно же от двух ее членов: гг. Писарева и Гайворонского, здесь присутствующих, и, как полностью невинный, я протестую во Имя В. Ц. М. против этого бесправия и обид! Умоляю тебя, Всемилоостивейший Государь, приказать, чтобы мне позволили встретиться с заместителем В. Ц. М. генерал-губернатором Бибиковым».

Трудно описать впечатление, которое этот неожиданный шаг произвел на всех. До этого сидящие, и члены Комиссии за столом, и пишущий сбоку аудитор, заметно смешавшись, встали при первых же словах, которые я произнес к орлу, и, вытянувшись в струнку, сохраняли молчание на протяжении всей моей речи. Когда я закончил, председатель сразу же сказал мне: «Ты воззвал к имени, которое для нас свято, и завтра ты встретишься с генерал-губернатором». «В этом я был уверен»,— ответил я и, не сказав более ни слова, сразу же вышел. Тот же офицер, который привез меня в Комиссию, был так любезен, что ждал со своими санями, чтобы привезти меня назад, так ослабевшего, что во время пути я не мог произнести ни слова.

22 ноября, вторник, в 11 утра. С нетерпением я жду результата вчерашней речи к двухголовой птице.

Я становлюсь все слабее. Был у меня Мёринг и выписал новое лекарство. Эти его лекарства, принимаемые так часто, в больших количествах, выписываемые без раздумий, беспокоят меня не меньше, чем сама болезнь. Друзья советуют мне по-

требовать другого доктора. Но я этого не сделаю, так как заранее уверен, что в состоянии теперешнего беспокойства и постоянного морального раздражения любой другой доктор мне помог бы не больше, а во-вторых, мне не хотелось бы обидеть Мёринга, который, хотя задерживается у меня очень недолго, не забывает меня навещать и всегда со мной вежлив. Кроме того, обидев его, я могу настроить против себя генерала, по поручению которого этот доктор меня посещает и лечит.

В этот же день в полночь, до 6 вечера. Уже вечер, а до сих пор ничего нет ни от генерала, ни от Комиссии. Врачи определили столько видов горячки. Почему же среди них нет горячки ожидания, которая, несомненно, ни менее болезненна от всех других, ни менее вредна, особенно для тех, кто, как я, к своему несчастью, не умеет слабо чувствовать и равнодушно ждать? Ах! В моем сердце находится мера твоих страданий, моя дорогая Пелагия! И эта идентичность наших чувств, источник моего, нашего счастья, стала теперь причиной моего беспокойства, показывая мне, как сильно ты страдаешь. Вся твоя теперешняя жизнь, с того момента, как меня забрали от тебя, не что иное, как мука постоянного ожидания... И Бог знает, как долго еще эти муки будут продолжаться! Смогут ли твое слабое здоровье это выдержать! Какой ужасный удар ты получишь, когда узнаешь, что меня повезли в Вильно! Что весьма вероятно. Такие мысли не дают мне покоя, терзая днем и ночью. А они удивляются, почему я болен!

В этот же день в 10 вечера. Я вернулся от генерал-губернатора. Около шести появился г-н Афанасьев, так внезапно, что я едва успел укрыть от него дневник, который тогда писал, и письменные приборы. Ведь он обязательно бы их отобрал, и кто знает, какие новые неприятности и обыски это могло бы спровоцировать. Но к счастью, я услышал его голос раньше, чем открыли двери, и я успел все кое-как спрятать.

Он сообщил, что ему приказано отвезти меня к генералу. Я, ожидая этого с утра, уже был готов к отъезду, оставалось только взять сюртук. Во время пути он хотел у меня выпытать цель визита, не знаю, из собственного любопытства или по поручению тех. Но я все время переводил разговор на другие темы. При этом и боль в груди не позволяла мне много говорить на ветру.

По приезде в дом г-на Бибикова я не долго ждал встречи с ним, ибо ему сразу сообщили о моем прибытии, и через пару минут меня провел в его кабинет какой-то молодой человек, который сразу же ушел, оставив нас наедине.

Генерал, предупрежденный, что я обязательно хочу с ним говорить, предполагал совершенно другую цель моего требования и, несомненно, думал, что я собираюсь сделать какое-то важное признание относительно того дела, по которому произошло столько арестов. И если Мёринг или комендант упоминали ему обо мне, то это, должно быть, происходило только в общих словах, что я хочу встречи с ним. Что было написано и в моем письме, если ему его отдали. Но, несомненно, они ничего не упоминали о плохом обхождении со мной в Комиссии, на которое я им жаловался.

Такие выводы я сделал из важного и внимательного вида, который принял г-н Бибиков при моем приближении, и из слов, которые он произнес торжественным голосом: «Прежде чем ты начнешь говорить, помни, что ты находишься перед тем, кто является наместником самого царя, моего и твоего Государя». — «Именно это, — ответил я, — было моим наивысшим желанием, чтобы ты, генерал, выслушал меня не иначе как только с позиции того достойного положения, которое ты занимаешь. Ведь если, г-н Бибиков, человек подвержен человеческим слабостям и недостаткам, однако, как наместник монарха, он должен на первое место всегда ставить справедливость и поэтому не сможет отказать человеку невинному и обижаемому». «Обижаемому? — прервал он с удивлением. — Кем же?» — «Да, генерал, обижаемому Следственной комиссией, а именно гг. Писаревым и майором Гайворонским, допускающими злоупотребления и противоправные действия, унижающими достоинство и все, что в обществе считается уважаемым и святым». Здесь я вкратце описал две сцены от 12-го и 16-го числа.

Он, выслушав меня до конца, хотел оправдать этих господ «отсутствием воспитанности, денной и ночной работой в Комиссии и т. д.», но я прервал его словами: «Генерал! Ты заявил, что будешь слушать меня как заместитель монарха. Если закон позволяет членам Следственной комиссии оскорбительное обхождение и ругательства по отношению к чело-

веку, вина которого не доказана, тогда моя жалоба неуместна и напрасна, если же закон это запрещает, то и сам царь этого не хочет. Комиссия по отношению ко мне может использовать любые разрешенные законом строгие меры, которые посчитает необходимыми, но она не должна покушаться на честь, которая благородному человеку дороже свободы и жизни. Поэтому я, во Имя Государя, протестовал против этого вчера и сейчас требую справедливости». — «И обязательно ее получишь. Завтра я велю вызвать ко мне и Писарева, и плац-майора, чтобы их обоих наказать должным образом». — «Этого я ожидаю и на это рассчитываю. Из-за этого я намеренно несколько дней откладывал ответ на последние вопросы Комиссии, которые мне дали в письменном виде; теперь я уже более спокоен и немедленно начну отвечать».

Закончив эти слова, я хотел уйти. Но он, сбросив с себя официальный и торжественный вид, с вежливой любезностью оставил меня, попросил сесть и начал спрашивать о домашней жизни и моих семейных отношениях. Потом он перевел разговор на мой арест и подробности моего дела. Сначала я не хотел об этом говорить, сообщив ему, что хочу отложить это на потом, когда докажу свою невиновность. Что, добавил я, вскоре наступит, когда я отвечу на вопросы Комиссии. «Сейчас, генерал, ты наверняка не захочешь верить мне, а клясться чем-либо я не привык. Тем более что в моем теперешнем положении и клятвы не сделали бы мои слова достоверными. Поэтому я хочу избежать неприятного разговора». Он посмотрел на меня изучающим взглядом и, задумавшись на минуту, начал настаивать, чтобы я смело говорил не как заключенный с генерал-губернатором, но мы можем как два гражданина (*comme deux gentilhommes*) свободно поговорить друг с другом. И снова начал спрашивать подробности моего дела.

Не имея возможности избежать этой темы, я спросил его, допускает ли он, что может найтись человек, полностью невиновный, несмотря на подозрения, которых может быть больше, чем в данном деле, и которые могут казаться весьма очевидными. «Вполне возможно, — ответил он, — такие примеры часто случаются». — «Даже если бы они были очень редкими, даже если бы на тысячу случаев можно было найти только один подобный, то, мне кажется, и тогда такое предположе-

ние следует принимать во внимание. Ведь раз против меня нет убедительных доказательств, я предполагаю, что по совести нельзя отбросить мысль, что именно я являюсь этим исключением из тысячи. И одно это способно каждого сделать более понимающим и нескорым на осуждения, тем более, когда речь идет о деле такой важности». Я добавил, что совершенно не понимаю предубеждения, с каким относятся ко мне члены Следственной комиссии. Или они считают меня виноватым по той только причине, что я не признаю представленного мне обвинения. И забывают о том, что невиновный человек тоже может быть таким же упорным (если не еще больше), как тот, кого преступное упрямство заставляет настаивать на своем.

Тут я повторил слова г-на Писарева от 12-го числа о моих показаниях. «Если бы не это предубеждение,— продолжал я,— меня бы уже наверняка давно освободили. Подозрение, направленное на меня Михальским, это ужасная ложь, корни которой лежат в его плохом отношении ко мне именно из-за того, что я не разделял его взгляды и принципы, внушенные ему человеком, которого я видел в его доме. Так, разговор с последним, подробно описанный в моих показаниях от 6 октября, имел своей целью разузнать мои мысли на эту тему. Но, убедившись, что я не разделяю их взгляды, они оставили меня в покое и не только не привлекли в общество, но и не упоминали о нем в моем присутствии. Ложь показаний Михальского и его ко мне недоброжелательность я могу доказать очевидным образом». Когда я упомянул о разговоре в Вербке, он хотел, чтобы я ему его рассказал, из чего следует вывод, что он либо не читал моих показаний, либо о них совсем забыл. Он сказал мне, что хорошо знает Фридриха Михальского, что тот был у него в доме и что он сам (Михальский) говорил ему о тайном обществе.

Потом я говорил, что так называемые обвинения против моих показаний от 6 октября, которые Комиссия мне теперь дала, абсолютно безосновательны и ни в чем меня обвинить не могут; они доказывают только плохое (не знаю почему) отношение Комиссии ко мне. В этот момент я достал из-за пазухи вопросы, данные мне в субботу. Читая их, я показывал генералу безосновательность и никчемность каждого так называемого обвинения. Кажется, он мне поверил — и сказал,

чтобы все то, что я ему сейчас говорил, подробно написал в своих показаниях. Я же заявил, что этим не ограничусь, но еще более настойчиво буду требовать очной ставки с Михальским Фридрихом и с Конарским, как уже требовал раньше. Но здесь снова есть довод немилости Следственной комиссии, поскольку они этого не сделали, а ведь это ускорило бы открытие правды и мое освобождение.

Он слушал меня с терпеливым вниманием. Сам просил объяснить некоторые подробности и одно только сделал мне замечание: «Почему ты не предостерег Михальского, когда он, поселив у себя в доме незнакомого человека, распространяющего такие неприличные идеи, мог навредить себе и другим?» Через минуту он добавил: «Такое предостережение могло повлиять на Михальского, который, насколько я его знаю, не имеет своего мнения и со всех точек зрения является весьма заурядным человеком». (*Un bien pauvre sire tous les rapports.*) «Я не знал, что он живет у Михальского и что распространялись идеи, которые мне не понравились, потому что, кроме моего случайного, продолжавшегося несколько часов визита в Вербку, ни раньше, ни потом я с Михальским и его знакомцем контактов не имел и их дела были мне неизвестны». — «Я знаю от самого Михальского, что Конарский долгое время оставался в его доме». И тут он снова повторил: «Я знаю обо всем из его собственных уст». Каким мог быть разговор Михальского Фридриха с г-ном Бибиковым, я не знаю. Но из того издевательского тона, каким последний о том сегодня несколько раз упоминал, я понял, что Михальский вызвал у него совсем нелестное мнение о себе.

Говоря обо всех обидах и неприятностях, которые я пережил в Следственной комиссии, я упомянул и о том намерении отбить эмиссара, которое Гайворонский мне приписывал. Генерал при этом усмехнулся и приписал «глупости» майора (такое слово он использовал), что тот ко мне с этим обратился, добавляя, что он (генерал) прекрасно знает, что это сказал кто-то другой.

Он жаловался, что из-за теперешнего дела у него много хлопот, говоря, что обо всех действиях Следственной комиссии ему ежедневно докладывают. (Обо всех ли? Мне кажется, что по собственному опыту я имею право в этом сомневаться,

хотя я и не посмел об этом сказать.) Он продолжал, говоря, что с этим связана большая и трудная работа. А разве, генерал, может быть иначе, когда речь идет о судьбе и счастье стольких семей?

Это дало мне возможность говорить о тебе, драгоценная, о состоянии твоего здоровья, о моем постоянном волнении из-за этого. «Я абсолютно уверен,— говорил я,— что обязательно буду оправдан и освобожден. Но мое освобождение может наступить тогда, когда уже никто не сможет вернуть мне того, что я могу потерять из-за теперешнего несчастья». Он, неправильно поняв мою мысль, отозвался: «Царь компенсирует тебе эти потери». «Генерал,— ответил я,— царь со всеми своими сокровищами Европы и Азии слишком беден, чтобы заплатить за мое счастье, и все его могущество не сможет компенсировать мне потерю жены и матери троих осиротевших младенцев...» Поток слез, которых я не смог сдерживать, прервал эти слова. Мы оба довольно долго молчали. Потом он начал утешать меня, говоря, чтобы я был спокоен и надеялся на лучшее, что с этого времени я уже не столкнусь с неприятностями в Комиссии, и что мне уже недолго ждать освобождения.

Во время этого разговора я два или три раза вставал, желая попрощаться и уйти, но он все время меня сам останавливал весьма настойчиво и все повторял, что мы можем разговаривать без опасения, как два обывателя. Сейчас также, когда я собирался попрощаться, он этого не допустил и спросил, почему я так спешу. «Конечно,— ответил я,— отсюда трудно спешить в то место, которое меня не привлекает. Но я должен помнить, генерал, что твое время очень дорого, и поэтому я боюсь им злоупотреблять». — «Нет, сейчас у меня нет неотложных дел». Тут он велел подать чай, при котором шел общий разговор. Он говорил о своих путешествиях, о поездке в Париж, о том, что собирается перевезти в Киев свою семью, что его мучает каменная болезнь, от которой он напрасно лечился в разных местах за границей, и т. д.

Речь пошла также о Вольных каменщиках, а с них перешла на тайные общества. Он утверждал, что они есть двух видов и имеют нравственные или политические цели. Что в первом случае тайна не нужна и смешна, а в другом же, опустив даже преступность по отношению к правительству, сама уже не-

возможность достижения намеренных целей, невозможность, тысячу раз доказанная в наше время, должна отбить охоту у каждого здравомыслящего человека принимать любое участие в таких обществах. А тем временем происходит совсем наоборот, чему доказательством является теперешнее дело. При этом он добавил, что тайное общество, у которого были бы только нравственные цели, сейчас существовать не может.

Наконец, после чая, видя, что я пробыл у него почти три часа, поблагодарив его за любезный прием и за то, что выслушал меня, я попрощался с ним и ушел. Но уже уходящего он еще на минуту остановил меня в дверях, повторив, чтобы я был совершенно спокоен, что он на днях сам будет у нас и что я всегда, когда захочу, могу ему писать.

В прихожей я застал ожидающего и дремлющего Афанасьева, который отвез меня в мою камеру, выражая по пути свое удивление, что я так долго мог разговаривать с губернатором один на один. То же самое он повторил и здесь, а я ему ответил, чтобы он попросил плац-майора не держать из-за этого зла на г-на Бибикова. Он усмехнулся на это и ушел, закрыв мою камеру на замки и засовы. Я же записал все в дневнике, а поскольку спать не хочу, начну сейчас постепенно отвечать на эти обвинения.

23 ноября, среда. Этой ночью я очень мало спал и чувствовал себя совсем без сил. Письмо для Комиссии продвигается чрезвычайно медленно, поскольку головокружения, кашель и тошнота мне постоянно мешают.

Мёринг был сегодня утром и велел повторить вчерашнее лекарство. После его ухода я получил записку от Людвики, написанное 17-го числа, то есть еще в прошлый четверг. Вот так Комиссия торопится отослать то, что может принести мне радость или утешение! Но с этого момента наверняка будет еще хуже, ведь эти господа захотят мне отомстить за вчерашнюю жалобу.

Госпожа Людвика пишет, что вот-вот ожидает приезда дяди Машкевича, и она уверена, что ему позволят увидеться со мной. Так бы и мне следовало надеяться, но в прошлом месяце надежда не оправдалась. Уполномоченный дяди, г-н Голецкий, живущий здесь, также написал мне, и его письмо целую неделю лежало в Комиссии. Он пишет, что дядя поручил ему

помнить обо мне, и что тот еще не получил от меня ответа на свое письмо, написанное в прошлом месяце, а я ведь сразу тогда ответил. Какой явной, хотя и непонятной антипатией и злостью руководствуется Комиссия в своем поведении со мной.

Сегодня я ответил госпоже Людвиге и г-ну Голецкому. Писал я и тебе, дорогая, заклиная, чтобы не ехала в Киев. Эти письма я послал Комиссии как обычно.

24 ноября, четверг. Я получил письмо от жены, написанное 12 ноября. Она жалуется, что с 19 октября не получала от меня ни слова. Но я ведь пять раз писал после этого. С ума можно сойти от этой жестокости, с которой я здесь сталкиваюсь. Стефани был в Жердзе, откуда пишет Пелагия, и, как она сообщает, опять обещал вылечить ее; больная же в это не верит. Да, ее выздоровление в теперешнем состоянии губительного беспокойства весьма маловероятно. Пелагия говорит, что она, бедная, уже и не знает, когда меня ожидать. К несчастью, и я этого знать не могу, если все позавчерашние обещания генерал-губернатора напрасны и если мне придется поехать в Вильно. Свадьбу Идалии, скорее всего, отложат до моего возвращения, говорит Пелагия. Также она сообщает, что вторично писала госпоже Холоневской о книгах для меня. Но эти книги я не получил: или госпожа Холоневская их не прислала, или (что более вероятно) господина Писарев и Гайворонский мне их не передали.

Мёринг посетил меня как обычно, на пару минут.

Хотя и понемногу, но я продолжаю писать свои показания, то есть ответы на так называемые обвинения; пишу и днем и ночью, так как очень мало сплю.

Недавно в камеру № 19 слева от меня посадили Залеского Яна, переведенного сюда с Киевской гауптвахты, когда-то моего товарища из Замосця. С другой стороны, в камере № 21, сидит Кароль Дорожинский. Оба — неплохие парни. У первого здесь в городе живут отец и сестра, у второго — мать, с которыми они часто видятся. Счастливые! Напротив меня, в камере, в которой был Красуский Клеменс, теперь сидит Михальский Вильгельм. Он недавно вернулся из Вильно, куда его посылали на очную ставку с Конарским. Родной брат Дорожинского тоже находится под арестом в Киеве.

25 ноября, пятница. Сегодня я намерен закончить письмо для Комиссии, и самое позднее завтра оно будет готово к отправке.

Был Мёринг и дал новые лекарства. Посмотрим, что произойдет раньше: распознавание моего заболевания и правильное его лечение или же закончатся все лекарственные средства, на которые г-н Мёринг не скупится.

Вильгельм Михальский говорил мне, что и Люциан Михальский вернулся из Вильно одновременно с ним, но не вместе. Скорее всего, его держат в этих же казармах внизу.

От Хенрика Опольского, вежливого и приятного молодого человека, здешнего товарища, я получил прекрасное варенье, а Еловицкий Эустахий прислал мне немного хорошего французского вина.

Мы два или три раза в день прогуливаемся по коридорам и тогда имеем возможность немного поговорить друг с другом, разумеется украдкой, хотя наши разговоры смогли бы выдержать даже самую строгую цензуру. Для нас счастье, когда попадается вежливый и порядочный офицер охраны. Я и другие иногда приглашаем таких офицеров и младших офицеров в наши комнаты на чай или трубку.

26 ноября, суббота. Каждый день одного или двух здешних узников водят в Комиссию. Каждый из них говорит, что со среды с ними стали обходиться более вежливо, чем раньше. Может, все-таки генерал Бибиков устроил этим господам головомойку, как он мне обещал. А значит, моя жалоба не была напрасной, по крайней мере для моих товарищей. Поэтому я не жалею об этом шаге, хотя предполагаю, что злость этих господ на меня усилится.

Глава вторая

Ответ на обвинения против моих показаний.— Уже явная злость Писарева и Гайворонского и желание мне навредить.— Не присоединяют к моему процессу самой главной защиты.— У меня и в Комиссии повторяют прежние подлости.— Я начал писать мое завещание.— Я все сильнее болею.— Бибиков отказался пустить ко мне священника.— Он слепо слушает Писарева.— Воспоминание о дорогой моему

сердцу дайте.— Постоянно требую священника: и все время напрасно.— Большую часть моих писем к жене и ее ко мне Писарев уничтожает.— Добрый комендант все время меня навещает с сочувствием. Но он ничего не может.— Арестант Уляницкий прислал в мою камеру своего сына.— Муха.

26 ноября, суббота — в камере. Сегодня я отослал в Комиссию данные мне в прошлую субботу вопросы вместе с моими ответами на французском, оставив у себя дословную копию одних и вторых. Я уверен, что кто бы их ни рассматривал, то не найдет ни малейшего сомнения в том, что я невиновен. Я ясно изложил все причины, которые могли настроить Михальского Фридриха против меня и побудить написать ложь. Я рассказал про фельштынскую ярмарку как можно подробнее, словом, не оставил даже самого маленького обстоятельства, ни одного слова в обвинениях без оправдывающих меня ответов. И к каждому обстоятельству я указал довод и способ, каким Комиссия может убедить в истинности того, что я написал. Кроме этого, я повторил требование (уже выдвигаемое ранее два или три раза), чтобы мне устроили очную ставку с Михальским Фридрихом. И, несмотря на их злобу ко мне, они не смогут не признать того, что очевидно.

Сегодня я получил письмо от жены от 14 ноября. Видимо, не все ее письма Комиссия отсылает мне. А ведь эти господа считают себя христианами! И у них есть жены и дети! Им должно быть легко понять мои муки...

Или же именно потому, что они прекрасно знают, что для меня особенно болезненно, они именно этим способом меня мучают. Но в чем же перед ними виновата моя жена, что и ее убивают, не посылая писем от меня??? Какое ужасное варварство! А она, бедная, обращается со своими просьбами обо мне к плац-майору Гайворонскому!.. А я не могу ее предупредить об истинном положении вещей!

27 ноября, воскресенье. Я ем все время мало и чувствую отвращение к еде, особенно к бульонам и любому мясу. Вдобавок ко всему, приносимые сюда обеды из кухни Афанасьева, которая находится довольно далеко отсюда, обычно холодные и нечистые. Несколько дней назад я жаловался на это Мёрингу. Он посоветовал мне придумать какую-нибудь другую еду,

одновременно велел Афанасьеву готовить для меня отдельно. С тех пор мне приносят молочный суп, какую-нибудь выпечку и два печеных яблока. Выпечка и яблоки без сахара, так его я имею у себя. Яблоки я все время оставляю на ужин, которого здесь не дают. Раз и навсегда я просил, чтобы, пока я здесь, мне давали только такую еду.

В этот же день в 2 часа ночи. Я был в Комиссии, и у меня нет слов, чтобы описать эти неслыханные ужасы, которые там творятся со мной. Разве можно поверить, что они не хотят к бумагам моего процесса присоединить вчерашние ответы? И не говорят почему! Я требовал, чтобы они мне сказали, что такого предосудительного они видят в этом документе. На это их ответом была только злоеца и издевательская усмешка. Ведь я там не написал ничего, кроме того, что на каждый пункт обвинений устно ответил генералу во вторник. Какова же может быть причина такого возмутительного, незаконного, недостойного поведения со мной, если не очевидная злость и желание навредить мне, изъяв мою защиту, явно показывающую ложь обвинения, и мою невиновность? Они разозлились на меня из-за жалобы и теперь не останавливаются только на плохом обращении, но из личной мести хотят меня погубить, это ясно. Я снова протестовал против такого бесправия и в Имя Царя требовал записать этот протест. Но они приняли это с улыбкой, не говоря ни слова. Видимо, генерал Бибииков не читал этих моих ответов. Что все это значит, я понять не могу.

28 ноября, понедельник. Фельдшеру, который с некоторых пор посещает меня каждый день, я сегодня дал квитанцию к Афанасьеву на несколько злотых. Потом был Мёринг и велел повторить последние порошки.

Вечером пришел г-н Гайворонский, который не был у меня с 28 октября, хотя довольно часто бывает у других. Я сегодня, очень плохо себя чувствуя, весь день лежал, так как невыносимая боль и головокружение не позволяли мне стоять на ногах. И плац-майор застал меня лежащим.

Войдя, он начал с этого: «Это правда, что ты жаловался Мёрингу на Комиссию?» — «Жаловаться г-ну Мёрингу на Комиссию было бы нелепо, поскольку Комиссия ему не подчиняется, я это прекрасно знаю. Но я пожаловался на бес-

правное и бесчеловечное поведение членов Комиссии со мной, так очевидно разрушающее результаты лечения, которые он надеялся увидеть. А не скрывать этого от врача я считаю своей обязанностью». И тогда начались громкие насмешки над моей «напрасной» жалобой генералу. «И что? — говорил он дальше, злобно хихикая, — нам ты ничего не сделал, но вскоре сам поймешь, что мы можем сделать». На это его несколько раз повторяемое хвастовство я не ответил ни слова. Ему не понравилось мое молчание. «Почему ты ничего не говоришь?» — «Мне нечего сказать, достаточно и того, что я вынужден слушать». — «Но мне кажется, что ты мог бы по крайней мере встать, когда я говорю с тобой». — «Если бы я мог, то, конечно же, не лежал бы. Ведь даже сам г-н генерал-губернатор, когда меня посещал в вашем присутствии, не допустил, чтобы я стоял перед ним. Поэтому мне тоже кажется, что и вы могли бы быть настолько же человечным и понимающим, как он». Он на это закусил губы, бросив на меня яростный взгляд; а через минуту: «Встань немедленно, когда я перед тобой стою». «Тогда извольте сесть», — ответил я, показывая на табуретку. «У меня нет столько времени, чтобы тут рассиживаться». — «Не смею и не хочу вас задерживать». Он, ничего уже не говоря, развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Я хотел писать генералу, пользуясь его разрешением на это, но, подумав, что он сам вскоре обещал здесь быть, оставил это намерение, ибо предпочитаю устно ему описать вчерашнюю и сегодняшнюю сцены.

29 ноября, вторник. Два раза меня сегодня водили в Комиссию: днем и вечером, но только для того, чтобы там я два раза вытерпел повторение тех же угроз и того же грубиянского хвастовства, которые слышал вчера. С той только разницей, что сейчас оба — Писарев с Гайворонским — нападали и оскорбляли меня наперебой. Другие члены Комиссии (по крайней мере, до сих пор) молчат и не вмешиваются в это. Писарев пригрозил, что велит меня держать на хлебе и воде. «Этим вы окажете мне услугу, — ответил я, — потому что доктор Мёринг прописал мне очень строгую диету и, удивляясь слабым результатам своего лечения, иногда упрекает меня в невоздержанности в еде». Он, ничего не ответив, через минуту продолжал свои оскорбления, добавив к ним угрозу, что велит

наложить на меня кандалы. На это я, ничего ему не ответив, оставался в молчании дольше чем полчаса, во время которых Писарев и Гайворонский то разговаривали вполголоса друг с другом, то делали вид, что заняты просмотром каких-то бумаг. Только тогда я, подойдя к первому, вежливо отозвался: «Извините, что прерываю ваше занятие, но мне бы хотелось попросить вас ответить на один вопрос». «Говори», — ответил он уже более мягким голосом. «Случается ли заключенным, находящимся в Киеве, иногда танцевать?» Он как будто не расслышал или не понял моего вопроса, велел его повторить. Когда я это сделал, он крикнул со злостью: «Своевременный вопрос! Именно за этим вас сюда привезли — для развлечений, балов и танцев!» — «О! Если это так, господин председатель, если мне не придется танцевать, то и кандалы, о которых вы вспоминали, мешать мне не будут, а, наоборот, их бречнание будет своего рода развлечением в моей камере». На это он не сказал ни слова, только в ярости отвернулся от меня, а я, поклонившись остальным, вышел из комнаты.

Сегодня я в Комиссии снова повторял требование очной ставки с Михальским и Конарским. Они на это ничего не сказали. Ведь отказать в этом они не могут. Также я повторил протест против отказа от моих показаний, которые я подал три дня назад. У меня уже возникает отвращение при описании тех ужасных вещей, которые со мной творят.

30 ноября, среда. Записка от госпожи Людвиги. Она мое настоящее Провидение в этой адской бездне. Старается принести мне утешение и облегчение. Но увы! Ее забота и ласковые усилия напрасны. Она пишет мне, что получила письмо от тебя, драгоценная; сообщает его содержание и добавляет, что ты собираешься ко мне. Ах, я именно этого больше всего боюсь. Наверное, и ко мне ты писала в этот раз, только эти варвары не отдали мне твоего письма.

Я ответил Людвиге. Написал также и Пелагии, умоляя ее со слезами, чтобы она не подвергала себя опасности, отправляясь в эту поездку.

Быль здесь комендант и очень удивился произошедшей во мне перемене. И действительно, я чувствую, что мне с каждым днем становится хуже. Сразу после него приехал Мёринг, а после его короткого визита за мной прислали из Комиссии.

Идя туда, я взял мое письмо к жене, чтобы отдать его Писареву. Он прочитал его при мне и сказал, что оно пойдет на почту. Когда я его упрекнул, что многие из писем жены до меня не дошли, он равнодушно ответил, что были такие, которые нельзя было отдать. Нельзя отдавать опечаленному и больному узнику известия о жене и детях!!! Дикая насмешка!

Дали мне также в Комиссии так называемые дополнительные вопросы (все о том же, что написал Михальский) и потребовали, чтобы я немедленно на это ответил в комнате Комиссии, на чем настаивали явно с целью мне докучать. Напрасно я просил, чтобы мне позволили, как раньше, писать у себя. Я просил об этом усиленно, объясняя просьбу чрезвычайной слабостью, слишком очевидной, чтобы в ней сомневаться. Они даже слушать меня не хотели. Поэтому мне пришлось отвечать там. И хотя в моем ответе было только восемь или десять строчек, это заняло у меня около трех часов, поскольку приходилось каждую минуту делать паузы из-за кашля и головокружений. Написав, я умудрился взять в карман копию так, что они ничего не заметили.

Я попросил ксендза для исповеди, потому что чувствую, что все может закончиться моей смертью. И в этом отказали. Писарев и Гайворонский уже открыто стали моими врагами.

1 декабря, четверг. Письмо от г-на Голецкого. Он жалуется, что не получил ответа на два своих предыдущих письма и не знает, что написать дяде Машковскому, который хочет знать мои нужды. Я ответил несколько слов на этой же самой бумаге (ибо офицер с плаца так хотел), что мне передали только одно его письмо и я на него немедленно ответил. Теперь я просил поблагодарить дядю за его доброту и память. Сообщил, что сильно болею.

Сегодня я начал писать свое завещание. Если такова воля Всевышнего, чтобы я здесь закончил мою жизнь, то пусть, по крайней мере, моя несчастная жена получит в этом письме доказательство моих последних чувств и мыслей и пусть когда-нибудь покажет осиротевшим детям. Надеюсь, что генерал-губернатор, которому я собираюсь вручить письмо, в этом не откажет.

Здесь у нас разошелся слух, что до 6 декабря, то есть до дня имени царя, Следственная комиссия должна закончить

свое расследование и что в этот день нас должны освободить. Мне не хочется этому верить, хотя что касается меня, если бы не особая злость Писарева и Гайворонского, то я давно уже должен был получить свободу. Но я уверен, что они будут делать все, чтобы оттянуть мое освобождение. Это очевидно.

2 декабря, пятница. Мое состояние с каждым днем ухудшается. Постоянно что-то болезненно давит в груди, затрудняя речь и дыхание. Это новый симптом, который появился несколько дней назад в придачу к остальным непрекращающимся страданиям. Кажется, усиление моей болезни приводит Мёринга в замешательство. Он велел мне сегодня обложить грудь пиявками, которые до этого нисколько не помогали. Но, несмотря на ужасные страдания, я продолжаю писать свое заветное. Не бросаю и этот дневник и пишу его каждый день. Мне хотелось бы вручить его в последние минуты моей жизни кому-нибудь из здешних товарищей, кто может надеяться на скорейшее выздоровление. Сегодня я спрашивал фельдшера, есть ли в здешних камерах кроме меня еще больные. Он ответил, что есть двое или трое немного нездоровых, но так тяжело и опасно болен только я один. И простодушно добавил, что все считают мое выздоровление маловероятным.

3 декабря, суббота. Утром Мёринг и новое лекарство. Потом записка госпожи Людвиги вместе с моим бельем, постиранным у нее, сахаром, малиновым соком и т. д. Из ее писем я вижу, что и она не все мои получает. Из тех продуктов, что она мне присылает: варенья, сахара, табака, чая и т. д.— значительная часть разворовывается, пока с плаца попадает сюда. Но по-моему, кражи здесь явление обычное и затрагивает каждого из товарищей.

В камеру, где был Запольский (не знаю, куда переведенный), недавно посадили Уляницкого, его зятя. Жена его находится в Киеве и надеется, что ей разрешат иногда присылать к нему сына, миниатюру которого я часто рассматривал у Запольского. Уляницкий обещал мне отправить этого ребенка на несколько минут в мою камеру через подкупленного офицера охраны и наших охранников, в большинстве своем хороших людей. Тот, который мне теперь оказывает услуги, очень даже честный и доброжелательный. Жаль только, что их обычно каждые две или три недели меняют.

4 декабря, воскресенье. Мёринг навещает меня каждый день. Сейчас даже задерживается дольше, чем раньше, и внимательней наблюдает за моей болезнью. Но слишком часто меняет лекарства, и меня это не радует.

Гайворонский почти каждый день приходит сюда к другим заключенным, одного меня только не жалует, за что я, однако, ему благодарен, поскольку после каждой встречи с ним или с Писаревым мое здоровье ухудшается.

Через Мёринга я снова попросил священника. Г-н Бибиков в этом отказал. Но почему же его самого у нас не видно, хотя, как говорят, другие камеры он посещал? Я хотел сегодня написать ему, но в Комиссии мне не дали для этого бумаги... Неужели правда то, что здесь говорят, будто генерал-губернатор слепо верит своему секретарю Писареву?.. Это значит, что этот последний своим влиянием может полностью разрушить доброе расположение генерала ко мне, которое было так заметно! Только такое предположение может мне объяснить загадку этих угроз и хвастовства гг. Писарева и Гайворонского. И если это действительно так, о Боже! в какие же руки царь отдал судьбы трех провинций?!

5 декабря, понедельник. Сегодня я просил Мёринга, чтобы он дал мне Библию. Говорит, что у него нет. Буду еще об этом просить коменданта, у которого, как все говорят, есть прекрасная библиотека, значит, у него должно быть Священное Писание. Такое чтение сейчас мне подходит больше всего.

Вильгельм Михальский просил меня, чтобы я перевел ему на французский его показания, которые он должен отдать Комиссии. И хотя сейчас я могу писать только с большим трудом, но отказать Вильгельму, которого я очень уважаю, не могу. Он по частям присылает мне эти показания на польском языке, а я быстро перевожу и отсылаю ему через доверенного охранника или же, проходя мимо его камеры во время прогулки, перебрасываю ему через решетку на дверях. Он пообещал сразу, как перепишет, сжигать мой перевод.

Ни у кого нет столько разной информации и сплетен, как у моего соседа с левой стороны Яна Залеского. Ему удастся украдкой писать сестре в город и получать от нее письма, полные сплетен и городских баек о нем и о других заключенных. Но друг Залеский слепо всему верит.

6 декабря, вторник. Непрестанные отголоски множества колоколов и частые выстрелы возвещают народу сегодняшнее торжество царских именин. Почему же могущественный владыка не захотел отметить этот день гораздо более яркой и более достойной радостью, хотя и менее шумной, возвращая стольким узникам свободу, а их удрученным семьям — веселье и счастье!

И моему сердцу особенно дорога сегодняшняя дата: дорога и грустна одновременно, поскольку я отмечаю ее здесь, в заточении, а может, и последний раз в жизни!.. Сегодня день рождения моего старшего сына Земовита. Прошло три года, как я услышал первый крик моего любимого ребенка, как в моем сердце первый раз появилось чувство, которое не находит выражения ни в одном человеческом языке. Ведь первый порыв сердца, наполненного отцовской любовью, заключает в себе одновременно надежду и любовь, наслаждение и благодарность, молитвенное восхищение и святость. Помнишь, драгоценная, как, онемев от счастья, я посмотрел тогда на тебя, а твой взгляд, наполненный тем же самым выражением, и легкое пожатие твоей слабой руки показали мне, что ты меня поняла, что наши души, охваченные неземным блаженством, в благословенном вздохе вместе вознеслись к Тому, кто является подателем всего добра, источником любви и началом истинного счастья...

О, почему же этот день, такой радостный год назад, сегодня мы оба отмечаем со слезами? Я знаю, что хотя мы и разделены, но в эту минуту нас объединяют те же мысли и чувства. Разве есть какое-нибудь движение в твоём или моём сердце, которое одновременно созвучно не отозвалось бы в обоих? Ах! Жаль мне только так рано расставаться с жизнью, в которой для меня еще столько очарования! Покинуть тебя, моя Пелагия! Трех наших младенцев!.. А сильнее всего раздираемое сердце мучает картина твоей боли и отчаяния, эта ужасная мысль, что моя смерть убьет не только меня!.. И эти тигры еще могут издеваться надо мной!!!

7 декабря, среда. Утром Мёринг, потом комендант. Он выразил свое удивление при виде бутылочек, баночек и т. д., загромождающих стол и окно в моей камере. «Это,— ответил я,— дань, которую благодаря Следственной комиссии я плачу

киевской аптеке, дань, дающая мне право на кусочек земли на здешнем кладбище». Когда была речь о книгах, я попросил у него Священное Писание, но он очень огорчил меня, сказав, что у него нет.

Я писал жене, но мучительные старания скрыть от нее мое истинное состояние мне очень дорого стоят, а и так ее не успокоят.

Сегодня я закончил свое завещание, о котором уже должен знать генерал-губернатор, если правда то, что Мёринг повторяет ему все, что тут увидит или услышит. Ведь я Мёрингу о завещании говорил с самого начала, когда решил его писать. Каждый день я настаиваю, чтобы мне прислали священника, но все время напрасно. Неслыханная вещь, чтобы Комиссия вымещала на мне свою злость еще и таким способом!

8 декабря, четверг. Мёринг сегодня был у меня достаточно долго. Он хочет внушить мне надежду на выздоровление, но невозможно убедить кого-то в том, в чем сам не уверен.

Записка от Людвики с кое-какими покупками. Она пишет, что вскоре все закончится. Желает хороших вестей из дома и советует быть спокойным. Но разве это от меня зависит? Ей не отдадут многие мои письма, и я от нее не все получаю. Это удивляет моих друзей, из которых ни один не сталкивался с такими неприятностями. Видимо, господа Писарев и Гайворонский решили только на мне одном испробовать все виды унижений.

Креховский, один из здешних арестантов, прислал мне из своей камеры хорошее варенье. Меня по ночам мучает ужасный кашель, из-за чего я не даю спать товарищам.

Есть здесь один бедный товарищ по несчастью, Ян Бродовский из Волыни. Ему дают очень скромную казенную еду, поскольку у бедняги нет своих денег. Поэтому я вместе с другими посылаю ему кое-что из моих продуктов и снабжаю его табаком, который, как он говорит, ему желаннее пищи. Я уже и к трубке потерял интерес, но иногда курю, чтобы легче отходила мокрота в легких, иначе я ужасно задыхаюсь.

9 декабря, пятница. Утром Мёринг, как обычно. После его ухода я занялся стиркой носовых платков и носков, так как хочу не слишком часто своими вещами нагружать госпожу Людвику. Я так уже несколько раз устраивал стирку здесь, пользуясь тазом и водой из самовара.

10 декабря, суббота. Мёринг. Госпожа Людвика прислала мне множество покупок: машину для подогрева пищи, тарелки, сахар, малиновый сок, яблоки, рогалики, сухари, швейцарский сыр, мыло, платки, рукавицы, шапку, ботинки, теплые калоши и т. д.; она пишет, что всегда готова выполнить мои поручения. Добавляет, что я скоро буду радоваться встречей с семьей, в чем, уверяет меня, она не сомневается. Что это значит? Что я скоро получу свободу? И смогу еще увидеть вас, дорогие объекты моих мыслей и чувств? Я чуть не потерял сознание, читая эти слова. Но они наверняка являются просто пустой надеждой этой доброй, заботливой, несчастной, а из-за этого и легковерной, женщины.

11 декабря, воскресенье. Вчера я был не в состоянии написать госпоже Людвике. Сегодня я написал ей и Пелагии, от которой мне отдали сразу два письма: от 23 ноября и 3 декабря. Также я написал моей матери и сестре Идалии. Сегодня новое доказательство того, что большая часть писем моей жены пропадает.

Ты умираешь, драгоценная, от беспокойства и хочешь сюда приехать. Ах, ты можешь уже не застать меня в живых. Сегодня я снова ее заклинал, чтобы осталась дома. На этот раз я писал отдельные письма матери и сестре. Раньше в каждом письме к жене всегда были приписки и для них. Но что из того, что я собираю последние силы, чтобы успокоить этих бедных людей, если господу Писарев и Гайворонский поклялись погубить меня... Они, наверное, ни одного письма не допустили бы ко мне, но Мёринг, живущий в доме генерал-губернатора, иногда слышит, как из канцелярии генерала отправляют в Комиссию письма для меня. И тогда они их не осмеливаются уничтожить, ведь это могло легко раскрыться. Поэтому я теперь о каждом своем письме говорю Мёрингу. Словом, использую любые средства, какие только в моей силе, коих, к сожалению, очень мало!

В письме от 3 декабря Пелагия, кажется, предчувствует мою кончину. Она хочет, чтобы я ей написал, предвижу ли конец этого несчастья. О, даже слишком предвижу ужасный конец для нее и для троих несчастных сирот! Но разве я могу об этом ей написать? Дальше она говорит, что если бы не была христианкой, то проклинала бы тех, которые, не в силах

спастись сами, столькоких невинных втянули в свое несчастье. Мне бы хотелось, чтобы это когда-нибудь прочитал Фридрих Михальский.

12 декабря, понедельник. Шапка, присланная г-жой Людвигой, мне мала. Я поменялся с Вильгельмом, у которого шапка теплая и мне как раз, хотя и не новая. Он вчера из своей камеры прислал мне записку, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь из города. А он, часто видясь с женой, сказал бы ей об этом. Я попросил пару десятков винных яблок, они на ночь уменьшают мою горячку. Он предложил также поделиться деньгами, которые жена ему тайно передала. Я сердечно поблагодарил за это предложение, не захотев им воспользоваться. Но через пару часов я увидел, что его это огорчило, и он снова так настаивал, желая помочь мне, что я уже не смог отказаться и попросил несколько золотых мелочью. Вместо этого он мне только что прислал две ассигнации, пяти- и десятирублевые, а также пять золотых мелкой серебряной монетой. Я их сохранию для оплаты любезной помощи младших офицеров и охранников. Этим последним г-н Афанасьев иногда отказывается давать деньги по моим квитанциям, хотя я не его денег прошу. Также Вильгельм прислал мне немного превосходного варенья и яблоки, которые я вчера просил.

13 декабря, вторник. Мёринг, посещая меня с утра, поразил новым и непредвиденным ударом, что из-за обнаружения записки одного из заключенных, тайно передаваемой в город жене или матери, генерал Бибилов запретил впредь любую корреспонденцию с семьями, даже через Комиссию, всем без исключения узникам. Также он запретил встречаться с семьями, находящимися здесь, и получать от них какие-либо посылки. «В чем же другие виноваты? — спросил я. — Разве справедливо за преступление одного карать столькоких невинных?» — «Такова воля генерала», — сказал он и ушел. А бедная госпожа Людвига говорит, что полна добрых надежд!..

Мне снова принесли большую бутылку лекарства. Не понимаю, как Мёрингу не надоело искать все новые средства, если они не приносят никакого результата.

Меня навестил любезный комендант. Придя, он остановился на пару минут, ничего не говоря, а потом спросил, узнаю ли я его. Увидев мое удивление, он сказал, что говорят, что я не

в своем уме. «И очень легко, генерал, можно сойти с ума при постоянных притеснениях, которые мне устраивают господа Писарев и Гайворонский». Кроме всего прочего, я ему сказал, что уже несколько раз напрасно требую очной ставки с Михальским Фридрихом, которая могла бы доказать мою невиновность. Но эти господа настолько жестоки, что умышленно откладывают ее, чтобы мне навредить, что они руководствуются личной злостью из-за моей жалобы на них и что теперь мне не разрешают писать даже г-ну Бибикову, хотя он сам это позволил». Комендант пообещал обо всем этом рассказать. Но слишком очевидно, что он здесь ничего не может. А господин Писарев, наоборот, активно пользуется своим влиянием.

Сегодня мне отдали оставшиеся покупки от г-жи Людвиги, присланные в Комиссию еще в субботу, в том числе и книгу: «Адольфа» г-на Бенджамина Константа, 1 том¹¹. Поскольку это давнишняя посылка, то и письмо мое об ее получении должны отослать, как не попадающее под то справедливое решение г-на Бибикова, сообщенное мне Мёрингом. Во всем мире любые законы распространяются на настоящее и будущее, надеюсь, что и это постановление не будет касаться прошлого.

У друга Залеского я сегодня контрабандой взял «Voyage pittoresque autour du monde» г-на Dumont Durville 2 тома с картами и гравюрами¹². Эти книги я вынужден прятать, так как Афанасьев видел их у Залеского, и его могло бы заинтересовать, как они попали ко мне без участия гг. Писарева, Гайворонского и компании. Я очень рад этим книгам: полезные и хорошо написанные.

Сегодня у меня отобрали чернильницу, которая находилась у меня довольно давно. Но у меня есть другая, а кроме того, засушенные шарики и карандаши.

14 декабря, среда. Утром Мёринг, как обычно, сразу, потом от коменданта несколько томов Плутарха по-французски и *Pseaumes et Cantiques, avec interpretation et*

¹¹ Повесть «Адольфа» Бенджамина (не: Бенджаamenta) Константа первый раз была издана в Лондоне, а вскоре потом в Париже в 1816 г.

¹² Двухтомный труд французского путешественника Jules Dumont d'Urville. Париж, 1834—1835.

des eclairecissements 2 тома¹³. Этим последним книгам я очень обрадовался. Добрый генерал Турчанинов, не имея Священного Писания, о котором я его просил, искал по всей своей библиотеке набожную литературу для меня и нашел эти псалмы. Если я всегда любил эту книгу, вдохновенную Божественным духом, то насколько же она ценна для меня в моем теперешнем положении!

15 декабря, четверг. Г-н Мёринг. Ему я неустанно повторяю самую важную для меня сейчас необходимость — в священнике моего вероисповедания. Может, г-н Бибиков сжалится наконец?

Друг Залеский, из-за того, что табаком, водкой и другими подарками более часто и щедро оплачивал младших офицеров, присвоил себе почти все прогулки по коридору. С некоторого времени каждому заключенному позволено ходить только по одному, при закрытых дверях остальных камер. Раньше, наоборот, по каждому из четырех коридоров мог ходить один заключенный, а иногда даже и два, а значит, одновременно гуляло несколько заключенных, находящихся под наблюдением младшего офицера и охранников, которые следили, чтобы заключенные во время прогулок друг с другом не разговаривали. Но этот приказ выполнялся, как обычно выполнялись приказы такого рода. Теперь, когда Залеского выпускают на прогулку, нам всем приходится ждать своей очереди, а она наступает не скоро, так как он хочет гулять пять-шесть раз на дню и ему всегда разрешают. Сегодня мне пришлось высказать ему недовольство по поводу такого отношения к другим заключенным. Но он был настолько добр, что выслушал меня без малейшей обиды, приняв во внимание братское поучение.

Ночью внезапно заболел старый Олеша из Вольни, находящийся в одной камере с молодым Яцковским из Каменца-Подольского. Но так как это случилось уже спустя несколько часов после того, как ключи унесли на плац, то ни младших офицеров, ни охранников невозможно было упросить, чтобы кто-то из них пошел за доктором для этого старика. Наконец, после долгого стука в дверь г-на Яцковского и наших криков

¹³ «Psaumes (не Pseumes) et Cantiquers, французское издание «Библейских псалмов».

кто-то пошел к Афанасьеву. Там он ждал пару часов, пока наконец разбуженный г-н плац-адъютант Афанасьев не велел гневно сказать больному, чтобы ждал до утра. Возмущенный таким бесчеловечным поступком, я рассказал о нем Мёрингу в присутствии самого Афанасьева, которому доктор устроил солидную головоломку и пригрозил при повторении подобного пожаловаться генералу.

Я уже не один раз просил поселить со мной кого-нибудь, а Мёринг давно считает это необходимым для моего здоровья. Но уважаемая Следственная комиссия и в этой, как в каждой другой моей просьбе, всегда отказывает. Ведь здесь, в этом крыле казарм, Олеша живет вдвоем, в других крыльях этой и другой тюрьмы поселяют по двое и по трое, это мы знаем от охранников и младших офицеров, которые оттуда приходят сторожить сюда. Недавно был здесь Абрамович, богатый человек, кажется из Волыни. Он оставался здесь несколько дней. И ему позволили даже оставить при себе своего лакея. Не знаю, куда его отсюда перевели, но говорят, что его вскоре освободили. Также ходят слухи, что и хорошее отношение в тюрьме, и свобода, были куплены за деньги.

16 декабря, пятница. Мёринг не жалеет ни визитов, не рецептов, в этом надо отдать ему должное. И то приходится признать, что он всегда весьма вежлив и даже, насколько я могу судить, доброжелателен и искренне желает моего выздоровления. Я уверен, что, если удачный исход не случается и не случится, несмотря на его старания, это не его вина...

Сегодня я перечитывал этот дневник с самого начала, написанный на больших или меньших бумажках, то карандашом, то чернилами. И хотя карандашом написано не очень много, но и это уже необходимо переписать, потому что едва можно прочесть. Также я заметил, что некоторые обстоятельства полностью пропущены. Но иначе и быть не могло, так как я иногда настолько страдаю, настолько обессилен, что только твердое решение писать этот дневник, а еще больше мысль, что я пишу его для тебя, драгоценная, поддерживает меня в этом намерении. Поэтому иногда я только с большим трудом и беспорядочно могу нацарапать несколько строк. Так, я среди прочего забыл написать, что был здесь несколько дней некий господин Годлевский из Волыни. Был также доктор Орачев-

ский, внук Даниеля, который когда-то был в очень близкой дружбе с Раймундом Корсаком. И хотя нас в этом крыле казарм не больше дюжины человек, не о каждом можно узнать, так как охрана не всегда одинаково доброжелательна, да и сами узники иногда хранят молчание даже с товарищами по несчастью. Что Опольский Хенрик, недавно отсюда переведенный, очень приятный и добросердечный молодой человек, всегда выражал мне сочувствие и хорошее отношение. Он обычно во время прогулки пел трогательную красивую песню «Ласточки», к которой добавил один куплет для меня, упоминая в нем о берегах Збруча, о тебе, Пелагия, и о наших детках. Жалею, что я не записал себе этот куплет. Я же ему повторял песню дорогого Стаха Доливы, тоже с названием «Ласточка»; эта песня восхитила как его, так и других товарищей. Наверное, и многие другие подобные случаи я пропустил. Если что-то вспомню, то напишу позднее.

17 декабря, суббота. Уляницкий прислал в мою камеру своего сына в тот момент, когда я этого совсем не ожидал. Уже третий месяц, как я разлучен со своими детьми, как даже чужих не видел. Поэтому, увидев этого ребеночка, я не совладал со своими чувствами и расплакался так сильно, что испуганный малыш сразу убежал. Славный мальчик, он старше нашего Зизи где-то на год.

18 декабря, воскресенье. Мёринг и сегодня мне заявил, что еще раз, поддавшись моим настойчивым просьбам, говорил генералу о священнике для меня, но генерал снова не захотел этого позволить. Видимо, мне придется умирать, не получив того, в чем во всем христианском мире не отказывают даже самым ужасным преступникам!

Сегодня у меня снова был сынок Уляницкого. Очень милый и сообразительный ребенок. Видно, отец его вчера упрекнул за то, что тот испугался, потому что сегодня, войдя ко мне, он смело сказал: «Извините, что я вчера вел себя невежливо, я знаю, что вы друг моего отца». Когда я взял его на руки и начал целовать и обнимать с необыкновенной растроганностью, он заметил это, тоже расчувствовался и с ангельской нежностью обнял меня своими ручками, говоря: «Не плачьте. Мама говорит, что скоро всех освободят». Я не мог нарадоваться этому ребенку и его сладкому щебету. Очень быстро маль-

чик полностью освоился и начал рассматривать картинки в книгах, которые я ему показывал. Я сказал ему, что знаю его давно. Он с удивлением посмотрел на меня, а я ему объяснил, что раньше каждый день смотрел на его миниатюру у дедушки Запольского. «Вы знаете моего дедушку?» — вскричал он радостно. После этого он с грустным выражением лица добавил: «Знаете, мой дедушка уже очень старенький и слабенький, а его тоже посадили в тюрьму!» — «Знаю, мой дорогой, я именно в тюрьме познакомился с твоим дедушкой. Но ты, наверное, не знаешь, что я твой родственник, потому что моя жена — это твоя тетя». Это его очень обрадовало, он снова начал меня целовать и обнимать. «О, раз вы мой дядюшка,— сказал он, целуя меня в руку,— то я скажу маме, чтобы вы с моим папой пришли к майору, когда там будет моя мама». — «Это невозможно, мой дорогой, но не забудь поцеловать от меня своего дедушку, когда его увидишь». Мне было трудно оторваться от этого ребенка, и почти все время с ним я и сам плакал, как ребенок, думая, как бы я был счастлив, играя с моими ангелочками, которых, может, уже не увижу!

Младший офицер уже два раза напоминал, что пора закрыть мою дверь, а я не обращал на это внимания, занимаясь моим маленьким гостем. Я угощал его печеньем и вареньем, также у меня были несколько вкусных тирольских яблок и конфеты. Я все это отдал милому малышу, когда он уходил от меня, пробыв в моей комнате около часа. Это первый приятный момент с тех пор, как я оказался в Киеве. Это событие укрепило меня и помогло больше, чем все лекарства Мёринга.

19 декабря, понедельник. Сегодня нас охраняет какой-то грубый младший офицер. Да и сам офицер не лучше. Поэтому если сына Уляницкого снова приведут к отцу, то ко мне уж точно не пустят.

Сегодня мне придется заняться трудным делом: починкой сюртука, для чего несколько шелковых ниток и иглу мне купил любезный охранник соседней камеры.

20 декабря, вторник. Новый год 1839-й согласно польскому календарю. О, как же грустно я его начинаю! В тюрьме, постоянно дрожащий за жизнь самой лучшей, самой любящей жены и сам уже так близко стоящий к смерти!.. Если бы я только мог благословить деток, еще раз увидеть мою Пелагию,

обнять ее последний раз и умереть среди своих!.. О Боже! Если такова Твоя воля, чтобы я здесь закончил свою жизнь, сохрани же мать троим сиротам!..

Сегодня после обеда присланный с плаца младший офицер ходил по всем нашим камерам, стирая со стен календари и все надписи. Я раньше, пока был на Главной гауптвахте, тоже записывал на стене главные события, теперь перестал.

Дневник я теперь пишу только по вечерам и ночью, чтобы не заметили чернильницу, которую мне не хотелось бы потерять, хотя, конечно, останутся еще чернильные шарики и карандаши. Но их я храню на крайний случай.

Мёринг сегодня спрашивал меня, не хотелось бы мне иногда прогуливаться на свежем воздухе в хорошую погоду. «Я был бы этому очень рад, но сомневаюсь, что господа из Следственной комиссии это позволят». — «Я хочу об этом с ними поговорить». — «Для кого-нибудь другого вы, несомненно, получили бы разрешение, но не для меня, ручаюсь». Он ответил, что хочет попробовать, а я уверен, что его труды будут напрасными.

Уляницкий говорил мне, что хотел бы, чтобы я для него написал по-французски просьбу к генерал-губернатору в форме письма, что содержание он напишет по-польски и пришлет мне через своего охранника. Я не мог отказать товарищу. Но был бы рад, если бы это свое желание он все-таки не осуществил, так как боюсь, что Комиссия узнает мой почерк, хорошо ей знакомый. Я гораздо меньше беспокоюсь из-за неприятностей для меня самого, чем о более строгих условиях для нас всех, которые это может повлечь.

21 декабря, среда. Я не ошибся в злости Писарева и Гайворонского. Мёринг сказал мне сегодня, что не смог у них выпросить позволения, чтобы я иногда выходил на свежий воздух. Да Бог с ней, с этой милостью. Но почему же они не хотят сделать и того, что я имею право от них требовать? Почему они не выполняют свои обязанности? Почему не устраивают очную ставку с Михальским, несмотря на мое трехкратное требование в Комиссии и потом многократно повторяемое через коменданта, Мёринга, Афанасьева и других офицеров с плаца??? Сегодня я снова просил Мёринга, чтобы он от моего имени заявил генералу, что это явная несправедливость,

предвзятость со стороны Комиссии и неслыханное злоупотребление с нарушением всех законов. Мёринг пообещал сказать это генералу. Но я по нему вижу, что он сам не очень-то надеется чего-то добиться от этих господ. С недавнего времени я замечаю, что каждый раз, когда я жалуюсь на возмутительные бесчинства Писарева и Гайворонского, Мёринг уже не говорит мне, как раньше, чтобы я жаловался генералу. Я все больше убеждаюсь, что Писарев может делать безнаказанно все, что ему заблагорассудится.

С Афанасьевым я разговаривал о его детях. У него их несколько. Самый младший сын в возрасте моего Зизи. Он обещал привезти его сюда, чтобы я с ним поиграл: я же пока приготавливаю ему конфеты.

Мёринг сказал мне, что все это несчастное дело должно закончиться до 1 января. Только бы не было как с именинами царя!

22 декабря, четверг. Мой доктор, исчерпав уже для меня все порошки, микстуры, таблетки и т. д., взялся сейчас за капли. Но, по-моему, он и сам не больше, чем я, ожидает от этих лекарств.

Uno premente deo, fert Deus alter opem. С тех пор как нам бесчеловечно запретили писать домой, у меня появилась неожиданная возможность послать письма жене, матери, сестре и Теодоре Хмелёвской. Меня уверили, что письма в конверте мужа Теодоры обязательно пойдут на почту. Дай Боже, чтобы так было!

Я должен сказать и о достойной подружке, которую я нашел в своей камере. Уже почти две недели, как я приручил здесь обычную муху. Несколько дней назад меня удивило, что в такую студеную пору и в таком холодном помещении, как мое (велели мало топить, чтобы избежать чада и дыма, и при этом жара меня больше ослабляет), появилась одна муха. Также я заметил, что хотя она вылетает в коридор, гораздо более теплый, чем моя камера, то всегда, раньше или позже, возвращается назад. Я начал искать другую муху по всем углам, но не нашел. Но, чтобы убедиться, что это все время та же самая муха, я старался ее поймать, а поймав, чтобы отметить, отрезал маленький кусочек одного крыла. Это не помешало моей мушке, она, как и раньше, улетала и снова возвраща-

лась. Это начало меня удивлять. Ведь если, говорил я себе, ее привлекают крупинки сахара, запах варенья, сока и т. д., то почему она не влетит в какую-нибудь другую камеру? Все они теплее, чем моя, и в каждой есть те же самые вкусности, а в некоторых даже больше, чем у меня. Двоих или троих товарищей я спрашивал, нет ли у них в камерах мух. Все смеялись при этом вопросе. Однако я просил, чтобы они обратили внимание, может, у них найдется хоть одна маленькая мушка. Ни один этого не заметил. А ведь над дверями каждой камеры всегда открыто окно, как и у меня, да и саму дверь открывают несколько раз в день. Однако моя отмеченная муха все время верно держалась моей камеры. Поэтому я решил с ней поближе познакомиться и постоянно в одних и тех же местах раскладывал для нее крупинки сахара, капли сладкого чая, сока, сливок и т. д. Постепенно она совсем освоилась. Часто улетает, по своему обыкновению, но всегда возвращается и ночует у меня. Легко позволяет себя брать, часто ест с моей руки. Словом, мы живем в тесной дружбе. Она может быть уверена, что я о ней помню, а мне нравится думать о том, что моя крылатая подруга предпочитает находиться у меня, а не в другом месте, и мне нравится смотреть на нее.

23 декабря, пятница. Мёринг сегодня спросил меня, какой результат дали его капли. Как и других лекарств, то есть никаких изменений не принесли. Я добавил, что на мое состояние, кажется, нет лекарств ни в одной аптеке. «Я знаю, что обязательно бы помогло, но это, увы, зависит не от меня». — «Я уже очень сомневаюсь, что даже и то, о чем вы думаете, сможет вернуть мое здоровье». Он снова повторил, что генерал обязательно хочет, чтобы до нового года все закончилось. Однако в отношении меня мне это кажется невозможным: если Комиссия уже несколько недель умышленно откладывает мою очную ставку с Михальским Фридрихом, а для окончания моего дела нужно только это.

24 декабря, суббота. Уже четвертый день я напрасно ожидаю, чтобы г-н Афанасьев выполнил обещание и привез сюда своего сына. Он каждый день бывает здесь с Мёрингом, но все время говорит, что забыл взять ребенка.

Около полудня освободили Залеского. Счастливый! Он будет делиться облаткой с находящейся здесь семьей, а еще более

счастливым, что с ней вернется домой. Я горько заплакал при мысли о слезах, которые ты там проливаешь, моя любимая. Со дня нашей свадьбы мы все праздники всегда проводили вместе, давая друг другу сладкое обещание, что так будет всю жизнь. В нашем счастье не оставалось других желаний, как только чтобы мы никогда не разлучались. Напрасные мечты! Пустые надежды...

Мне очень пригодились деньги, которые я взял у Вильгельма. Они мне послужили в качестве подарков для охранников. Одному из них, который сегодня отсюда уходил, и который был наиболее любезен и услужлив для меня, я дал пять рублей ассигнацией. Этой синей бумажке он обрадовался как самому большому счастью.

Вечером здесь вторично был г-н Афанасьев, но вместо сына он привез мне и другим товарищам по кусочку облатки. О, как же мне было грустно получить его далеко от жены, от всех моих, в тюрьме! И еще из чьих рук!!!

Вскоре после отъезда Афанасьева мне принесли от г-жи Людвиги рождественский ужин, не знаю, на этот ли только день или насовсем генерал решил отменить свое суровое решение. Но при этой посылке не было ни слова от г-жи Людвиги.

25 декабря, воскресенье. Наверное, это сегодняшний праздник помешал Мёрингу быть у меня. Также и с плаца никого не было, о чем мы не жалели, имея возможность более свободно гулять и разговаривать друг с другом.

Кароль Дорожинский, мой сосед справа, очень хороший и достойный молодой человек, делает неприятным общение с ним своими бесконечными вопросами о нашей судьбе, как будто я могу знать больше, чем он, в этом вопросе. Здесь ходили слухи, что в это время генерал Бибиков выехал в Петербург по нашему делу, — очередная выдумка.

26 декабря, понедельник. Утром Мёринг: и снова какие-то пластыри, травки и т. д. Если бы я не боялся обидеть его, то попросил бы, чтобы он уже оставил все эти попытки, которые не помогли и не помогут. Из всего его почти трехмесячного лечения одни только пивки принесли мне немного облегчения при этих внезапных приступах нехватки воздуха, грудь все так же болит, и дышать так же трудно. Другие симптомы:

головная боль и головокружения, тошнота и т. д.— остаются прежними.

27 декабря, вторник. Отсюда уже давно забрали Эустахия Еловецкого и, похоже, повезли в Вильно. Скорее всего (если я не умру), раньше или позже тоже отправлюсь в такую поездку. Я сам этого хотел и буду требовать не переставая, если только Михальский Фридрих не откажется, что можно от него ожидать.

28 декабря, среда. Сегодня Мёринг сообщил мне печальное известие, что командант давно уже сильно болеет. Поэтому он так давно не приходил сюда и не присылал мне книги.

Обещание Афанасьева, что он привезет мне своего ребенка, было обыкновенным обманом. Этот человек и шагу не ступит, не солгав. Но кажется, было проще не обещать, чем каждый день меня обманывать. Ведь можно было сказать, что он не хочет, что холодно для ребенка, и все.

29 декабря, четверг. Я взял у Дорожиньского почитать «Le Misanthrope du Marais» г-на Alex Duval первый том¹⁴. Также каждый день я читаю псалмы и иногда Плутарха. А вечерами, когда головная боль немного отпускает, «Voyage pittoresque», взятое у Залеского, который сказал отослать эту книгу сестре, когда я ее закончу.

Наши охранники и младшие офицеры говорят, что в другом крыле этих казарм, такой же величины, все время полно заключенных в таких же камерах, как наши, и подвал под обоими крыльями тоже полон. И это не все, так как говорят, что и другие тюрьмы: на Главной, на Киевской и на Московской гауптвахте, в большом здании, называемом «Гостиница», и в большом доме Прозора за городом — все заполнены заключенными. Но при этом говорят, что с некоторого времени перестали уже привозить новых и что на днях как от нас Залеского, так и из других тюрем начали выпускать. Я слышал, что Шашкевича Антония освободили.

30 декабря, пятница. Когда сюда приехал Афанасьев, как обычно сопровождающий Мёринга, после ухода доктора я того задержал и, заклиная любовью к детям и жене, просил его со

¹⁴ А. Pineux-Duval. «Le Misanthrope du Marais, ou la jeune bretonne». Париж, 1832.

слезами, чтобы он открыл правду о том, когда я могу ожидать конца своего заключения. Я поклялся, что его не выдам. Ярко описал ему мое положение, состояние здоровья, не обещающее долгой жизни, отчаяние жены, которая может осиротить троих маленьких детей. Я предположил, что он, исполняя обязанности секретаря Следственной комиссии, должен быть осведомлен обо всем, а успокоив меня, он совершит поступок христианской любви, за который и я смогу его отблагодарить и эту благодарность передам моей жене. Он казался затронутым моими словами. И хотя сначала колебался говорить о том, что я хотел знать, однако потом сказал мне, что он сейчас уже перестал занимать место секретаря, однако точно знает, что меня вскоре должны освободить, поскольку против меня нет ни одного доказанного обвинения. Когда я на это ответил, что уже давно был бы освобожден, если бы не ненависть ко мне Писарева и Гайворонского, он после минутного размышления добавил, что эти двое хотя и обязательно меня обвинить, но ничего не могут найти, поскольку не имеют никаких доказательств. Он клялся, что говорит истинную правду, и снова повторил, что я могу быть совершенно спокоен, потому что вскоре вернусь домой.

Я сердечно обнял его за эти слова утешения. Но разве я мог ему доверять? «Обязательно хотят меня признать виновным!» Но чем они это докажут?.. Они до сих пор не устроили мне очную ставку с Михальским. Но если Бог мне еще жить позволит, то в конце концов им придется ее организовать. И даже если он не откажется от своей лжи (не думаю, что так будет, не верится, что он будет таким упрямым), но и тогда у меня останется средство оправдать себя, требуя конфронтации с Конарским, на чем я изо всех сил буду настаивать и в чем они, со всей своей злостью, отказать не смогут. Афанасьев — большой лжец, в этом я уже убедился. Но в том, что он сказал, легко отделить правду от лжи. Поскольку он уже не является секретарем Комиссии (что я и раньше слышал от кого-то из офицеров), то буду ли я вскоре освобожден и вернусь, как он говорит, домой, — об этом он наверняка знать не может, и это пустые слова. Но, живя в одном доме с плац-майором, встречаясь каждый день с ним и Писаревым, он не раз мог слышать об их отношении ко мне. А значит, то, что они обязательно

хотят меня обвинить, несомненно, является чистой правдой. Отвергнутая моя защита от 26 ноября служит самым лучшим подтверждением этого.

Недолго пустовала камера Залеского, так как на следующий день после его освобождения в нее посадила ксендза Зелиньского.

Моя дорогая мушка, несмотря на суровые морозы, не умирает, не прячется и разделяет мою судьбу.

31 декабря, суббота. Всю ночь я не смыкал глаз, размышляя о том, что сказал Афанасьев и с чем еще я могу столкнуться.

Мёринг был отчего-то такой озабоченный и заметно рассеянный, что задержался у меня едва на пару минут. Ручаюсь, что он не обратил внимания и не понял того, что я говорил ему о состоянии своего здоровья.

Вечером мне принесли с плаца письма от жены и матери. Первая пишет 18 декабря, что решила ждать только до Нового года окончания моей беды и что в январе хочет поехать ко мне. Однако предупреждает, чтобы я все время писал, ибо, говорит, в ее состоянии легко могут произойти непредвиденные препятствия и задержки. Мать моя пишет, что это мое несчастье превосходит ее силы и она неспособна закончить приданое для Идалии. Поэтому и день свадьбы еще не назначен, потому что хотят, чтобы я, старший брат, при этом присутствовал.

Дорогая мама! Измучило тебя мое заключение: каким же ударом будет для твоего сердца известие о смерти твоего единственного сына? Ты пишешь мне о свадьбе сестры и хочешь моего присутствия на таком важном в нашей семье событии. Ах! Я, увы, не надеюсь быть настолько счастливым, чтобы стать свидетелем этого дня и разделить вашу радость так искренне, как я всегда делал до этого.

Вместе с письмами мне дали также чернильницу, перо и бумагу. Поэтому завтра буду писать жене, матери и сестре, а если смогу, то и Теодоре напишу. Ты, дорогая, говоришь, что мое письмо от 30 ноября было очень грустным. Но как же может быть иначе, когда мое сердце стало бездной тоски и боли!

Глава третья

Новый, 1839, год.— Бибикову я пишу через Мёринга.— Очная ставка с Михальским Фридрихом, Бенькевичем Адрианом и Лесневичем Иоахимом.— Новые подлости гг. Писарева и Гайворонского.— Визит Афанасьева и долгий разговор с ним.— Поразительное свидетельство наглости, вымогательства и кражи.

1 января, воскресенье, в камере. Когда три месяца тому назад меня забрали из дома и когда я был так уверен, что меня везут только на два или три дня в Каменец, разве я мог предвидеть, что столько недель, столько месяцев будет продолжаться моя неволя? Что Новый год меня застанет в этой ужасной камере Киевской крепости? И, целуя тогда жену и любимых детей, что эти поцелуи будут последними в моей жизни?!

Эта несчастная жизнь, измученная столькими страданиями души и тела, с каждым днем, что я говорю? уже с каждым часом догорает и затухает!.. Даже уже слишком слаба надежда, что я дождусь конца своего заключения, что признанием моей невиновности я постыжу врагов, которые поклялись погубить отца семейства только из-за того, что он не мог спокойно перенести жестокость, оскорбление и попрание чести, способных возмутить любое человеческое существо, имеющее хоть малейшее понятие о благородстве...

Поэтому победит ничтожная злость в своих адских намерениях и расхохочется радостно над жертвой своей подлой мести! А когда дойдет до нее весть о разрушенном счастье моей семьи, о смертельном ударе для жены, об утрате матери для троих младенцев, она троекратно повторит свой отвратительный хохот, наслаждаясь этим варварски диким делом!..

Сегодня также из-за большого праздника у нас никого не было. Но я, хотя можно было, воспользовавшись этим, пойти к друзьям, был не в состоянии выползти из своей камеры и присидел здесь в ужасных страданиях и мрачных мыслях весь день. Вечером мне принесли книги, думаю, что от госпожи Людвиги (хотя при посылке не было ни слова): «Aventures d'un Renegat» p. Arnaud, 2 тома, и «Matinees suisses» p. Zchokke,

2 тома¹⁵. Мне очень странно, почему я так долго не получаю никаких известий от г-жи Людвики, единственной здесь моей опекунии. Несколько дней назад Афанасьев сказал, что она якобы уехала из города. Но кто ему поверит, зная, как я, что он все время лжет? Я уверен, что она до решения по делу ее мужа и шага из Киева не ступит. Поэтому я не могу объяснить себе ее молчание при сегодняшней посылке, иначе чем тем, что Писарев или Гайворонский ее письмо ко мне не пропустили, как уже часто бывало.

Я написал жене, матери, Идалии и Теодоре Хмельвской. Я был очень измучен этим занятием, а еще больше усилиями, которые я предпринимал, чтобы скрыть от них мое теперешнее состояние и настроение, хотя и сомневаюсь, чтобы они, читая эти письма (если г-н Писарев соизволит их отправить), из самого беспорядка, какой там обнаружат, не упустят того, что я хотел от них скрыть, особенно Пелагия, которая так умеет чувствовать мое сердце.

2 января, понедельник. Я хочу еще раз написать генералу Бибикову. Я хочу представить ему ужасное состояние, в котором нахожусь. Скажу, что сейчас мне свобода важна уже не для того, чтобы ею наслаждаться в лоне моей семьи, нет, но молю его только, чтобы он ускорил это освобождение, пока я еще могу увидеть жену и детей, благословить их последний раз и умереть среди своих. Мёрингу я сегодня упомянул, что хочу написать генералу, но не через Комиссию, где г-н Писарев мое письмо обязательно уничтожит, и намекнул, что только он один мог бы оказать мне такую милость. Мне кажется, что он в этом не откажет.

3 января, вторник. Я послал на плац мое белье, адресуя его госпоже Людвике, которой я написал, насколько меня беспокоит ее молчание.

Вильгельма Михальского довольно давно забрали отсюда в какую-то другую тюрьму, кажется, в Киевскую гауптвахту; так мне сказали охранники, которые туда отнесли его вещи.

После обеда я начал переписывать письмо генералу, составленное ночью. Но я не мог его закончить, хотя письмо было

¹⁵ Н. Arnaud. «Les Aventures d'un renegot espagnol». Париж, 1837; Н. Zchokke. «Les Matinees suisses». Париж, 1836.

короткое. С Мёрингом я снова сегодня говорил об этом: он охотно обещал подействовать в передаче моего письма. Как же бы мне хотелось каким-нибудь образом вознаградить его за столько стараний, за вежливость и доброту ко мне. Но у меня нет для этого никаких средств, разве что написать г-ну Голецкому. Так я и сделаю, если разрешат написать.

4 января, среда. Утром я закончил письмо, начатое вчера, а пару часов спустя отдал его Мёрингу. Интересно, что из этого выйдет. Мёринг перестал нагружать меня лекарствами, за что я ему несказанно благодарен.

У Дорожиньского я взял сегодня «*La mer et les marins*» г-на Edoouard Corbiere, 1 том¹⁶.

В камеру № 18 два или три дня назад посадили Немировского Леопольда, из Волыни. Насколько я смог его узнать в такие короткие минуты нашего общения, это очень умный, хорошо воспитанный, образованный и неординарный молодой человек, с большим художественным талантом. Кто-то из недавно переведенных сюда заключенных прекрасно играет на флейте. Особенно меня восхищает украинская думка, которую я, кажется, слышал еще в октябре в исполнении Адама Обниского. Я не смог узнать фамилию этого флейтиста, но от всего сердца ему благодарен за развлечение и облегчение, которое он принес своей игрой.

5 января, четверг. Мёринг о вчерашнем письме сообщил мне только то, что генерал отчитал его, говоря, что я обязан был послать это письмо через Комиссию. Но через Комиссию мое письмо не дошло бы до генерала, как я уже убедился. Сейчас я, по крайней мере, уверен, что господин Бибииков его получил. Что из этого последует, увидим.

6 января, пятница. При Мёринге мне принесли письмо жены от 21 декабря. Это письмо двадцатое, как она пишет, посланное через губернское управление, не считая нескольких, отдельно посланных в конверте госпожи Холоневской, и нескольких, отправленных на адрес госпожи Людвики. Я из всех отправленных вместе с сегодняшним получил только одиннадцать! Включая в это даже записку с несколькими словами, которая была приложена к белью. Сейчас меня Пела-

¹⁶Е. Corbiere. *La mer et les marins*. Scenes maritimes. Париж, 1833.

гия предупреждает, что господин, занимающийся в Каменце ее и моими письмами, уедет на праздники, поэтому чтобы я был спокоен, если в одной или двух почтах не будет писем от нее. Она, видимо, считает, что все ее письма доходят до меня. Что бы она сказала, если бы узнала, что я получил едва третью часть ее писем? Но об этом я ей сообщить не могу, ибо Следственная комиссия, называемая одновременно Тайной комиссией, не хочет, чтобы стало известно об ее поступках в отношении к заключенным. Получив это письмо, я сразу попросил бумагу и т. д., чтобы ответить, а поскольку это было в присутствии Мёринга, то г-н Афанасьев не посмел отказать, как иногда делает. Жена пишет, чтобы я обратился к ее дяде Машкевичу, когда не будет хватать денег, и добавляет, что дядя пообещал ей дать мне денег при первом же моем обращении». Что ж, если это первое обращение по милости г-на Писарева или г-на Гайворонского не дошло до места назначения, то, скорее всего, и второе не дойдет, особенно при теперешнем, еще худшем, чем раньше, отношении этих господ ко мне. Однако завтра я все равно напишу г-ну Голецкому с просьбой, чтобы он вернул за счет дяди госпоже Людвике несколько рублей серебром за ее расходы на меня.

7 января, суббота. Я спрашивал Мёринга, не упоминал ли генерал о моем письме. Ни слова. Ждем дальше.

Я отослал в Комиссию письмо для жены вместе с двумя другими: одно к господину Голецкому, у которого я просил 15 рублей серебром для госпожи Людвики, а другое — к последней, чтобы сообщить ей об этом. Жене я все время пишу по-французски, чтобы избавить Комиссию и генерала (если он интересуется моими письмами) от хлопот и ожидания перевода. Только те письма, которые я писал без ведома Комиссии, были по-польски.

Мёринг мне сказал, что посчитал нужным сделать перерыв в приеме лекарств. Это, кажется, означает, что он уже все исчерпал. Я на это охотно согласился, и уж точно ему не напому, чтобы к ним вернуться.

8 января, воскресенье. Я не могу понять, почему так давно не получаю никаких известий от г-жи Людвики. Может быть, она заболела, ведь невозможно поверить тому, что наплел Афанасьев об ее отъезде.

Сержант Катов, смотритель над здешними охранниками, с недавнего времени мне сильно докучал за то, что я не угощаю его водкой (которой у меня нет), как другие. Он не хотел выпустить меня в коридор либо, выпустив с большим трудом, не давал ходить больше чем две-три минуты, хотя разрешено полчаса. Все время настаивал, чтобы у меня не оставлялись чернильницу, подсматривал постоянно за мной и т. д. Наконец мы избавились от этого негодяя. В его обязанности входит всегда здесь ночевать. Тогда как (рассказывает мой охранник) прошлой ночью Катова поймали пьяным и шатающимся по городу, забрали в полицию и там поколотили. Но это не конец. Когда на плацу узнали, что он здесь не ночевал, велели его заковать в кандалы и посадить в тюрьму, а с сегодняшнего дня на его место назначили другого.

В этот же день ночью. Наконец я дождался очной ставки с Михальским Фридрихом и окончательно убедился, что председатель Следственной комиссии Писарев, уже явный мой враг, вместе с плац-майором Гайворонским действительно хотят меня погубить.

Когда меня привели в Комиссию, я увидел там обычных ее членов и Фридриха Михальского, который стоял, опираясь на стену. Господин Писарев сразу обратился ко мне: «Вот господин Михальский, который собирается вам в глаза повторить то, что он написал в своих показаниях». На эти слова я, повернувшись к Михальскому, сказал: «Как ты посмел написать обо мне такую явную ложь? Что ты вызывал меня в Вербку в 1836 году и что я был там по твоему вызову? Что я там познакомился с эмиссаром и был принят в тайный союз? И, кроме того, что в Фельштыне я участвовал в совете, касающемся этого союза? Когда я был в Вербке только для того, чтобы навестить тебя, как родственника моей жены, по своему собственному желанию, без какого-либо предварительного вызова. Об эмиссаре я не знал и не слышал ни до приезда в Вербку, ни во время моего там нахождения. Я там застал незнакомого мне молодого человека, которого называли господин Игнацы, который высказывал романтические и преувеличенные суждения. В общем разговоре я эти суждения опровергал, чем, видимо, не понравился ему и тебе. На следующий день я уехал, не услышав ни слова о каком-либо тайном обществе.

На ярмарке в Фельштыне я встречал тебя то в городе, то у Грабянки, абсолютно ничего не зная ни о каком совете». Я все это говорил настолько живо, насколько был в состоянии при своей слабости, и закончил словами: «Посмотри, до чего ты довел всю семью. Моя жена, смертельно больная, из-за тебя осиротит троих детей, которые, благодаря тебе, вскоре останутся и без отца. Все эти жертвы будут на твоей совести... Если в тебе остались хоть какие-нибудь человеческие чувства, ты должен отказаться от всей этой лжи...»

Тут Писарев меня прервал, велел молчать и требуя, чтобы говорил Михальский. Он, как мне показалось, был сильно смущен моим видом и тем, что я сказал. Однако вместо того, чтобы прямо и ясно отказаться от лжи, которую он написал, он только сказал, что он (Михальский) не подтверждает того, что якобы вызвал меня к себе, и что не утверждает, что я был принят в общество, только после моего отъезда из Вербки Родзевич ему сказал, что якобы принял меня и Гольньского и что тот же Родзевич добавил, что мы оба не хотели принимать присягу. А что касается пребывания в Фельштыне, то он (Михальский) свидетельствует только, что он видел меня там у Грабянки, не утверждая, что я участвовал в совете. Когда Михальский закончил, я снова отозвался: «То, что он сейчас сказал, совершенно противоречит его предыдущим показаниям, решительно утверждающим, что он меня вызвал в Вербку и что в его доме я был принят в союз. И тем самым уже Фридриха Михальского нельзя назвать достоверным. Ложью является также то, будто бы Родзевич сказал ему, что принял меня в союз. Родзевич этого сказать не мог, иначе бы в своих показаниях в Вильно повторил то же самое, а он об этом не говорит ни слова. Поэтому я сейчас требую очной ставки с Родзевичем или Конарским, то есть с тем человеком, которого я в 1836 году видел в Вербке. Пусть он скажет мне в глаза то, что г-н Михальский ему приписывает. Только это единственное средство осталось мне, чтобы полностью доказать, что я невиновен, и быть очищенным от всех подозрений, а для Комиссии — чтобы убедилась в явной лжи обвинений г-на Михальского, если она еще не получила такой убежденности из разительного противоречия между сегодняшним заявлением Михальского и его предыдущими показаниями, ко-

торые г-н председатель показал мне три месяца назад». «Я не показывал вам никаких показаний,— резко ответил Писарев. «Видимо, вы забыли,— сказал я,— что 4 октября, ночью, когда меня первый раз привели в Комиссию, вы сами, на этом же столе, велели мне прочитывать два или три отрывка из собственноручных показаний г-н Михальского». «Лжешь!» — вскричал он с величайшей злостью. И через минуту: «Лжешь! — повторил снова.— Я не показывал никаких показаний!» Я закипел, возмущенный такой наглостью, но, сделав над собой усилие, ответил на это как можно спокойнее: «Оскорбления не могут уничтожить истинность того, что я говорю, и не меня они унижают, а того чиновника, который ими принижает свое собственное достоинство». Он, уже ничего на это не говоря, посмотрел на меня злобно и велел замолчать, а сам начал диктовать заявление Михальского и мой ответ. Но во время этого он умышленно опускал некоторые подробности из заявления Михальского, такие, как что он меня в Вербку не вызывал; что не настаивает на том, что я якобы был членом совета в Фельштыне; что он меня только видел в гостях у Грабянки, и т. п. Но эти подробности были настолько важными, они были решающими в моей защите, и я не мог остаться равнодушным к их замалчиванию. Поэтому я сказал г-ну Писареву, что он неточно диктует то, что сказал Михальский. Он снова велел мне молчать, продолжая диктовать по-своему. Тогда я объявил, что выражаю протест против такого следствия, которое идет несправедливо. Он с издевательской усмешкой повернулся ко мне, говоря: «Да, несправедливо, и что с того?» (*Oui, illegale, eh bien?*). «Не знаю, что уже на это сказать,— ответил я,— повторяю только мой протест во Имя Монарха (и, говоря это, я повернулся к орлу на столе), против бесправного со мной поведения Следственной комиссии, против полученных от ее председателя г-на Писарева оскорблений, возобновляя мое предыдущий протест и требуя, во Имя Царя, чтобы эти мои жалобы были занесены в протокол Комиссии. Кроме того, я повторяю требование очной ставки с Конарским». Тут Писарев и Гайворонский понимающе посмотрели друг на друга и, громко рассмеявшись, велели немедленно уйти.

Теперь уже конфронтация с Конарским стала обязательной, необходимой. Только бы они долго не откладывали отправку

в Вильно, и только бы Бог позволил мне выдержать эту поездку! Я уверен, что Писарев и Гайворонский сами уже теперь знают, что я невиновен, знают это давно, но не менее очевидно и то, что они обязательно хотят меня погубить. Злась, что они не могут найти против меня никаких доказательств, они развлекаются, придумывая мне все новые страдания.

9 января, понедельник. За несколько месяцев моего заключения сегодня меня первый раз вызвали в Комиссию днем, для очной ставки с Лесневичем Иоахимом и Бенькевичем Адрианом. Я не понимаю, для чего необходима эта конфронтация, если я не отрицаю того, что они обо мне написали, и если их показания ни в чем меня обвинить не могут. Какое преступление в том, что они меня видели во время ярмарки у Грабянки, к которому я заходил не раз, чтобы несколько минут отдохнуть от ярмарочного шума и криков?

Прежде чем привели Лесневича и Бенькевича, мне велели ждать в приемной плац-майора, где я сидел полтора часа, если не дольше. Сначала я был там в одиночестве. Но вскоре пришел Бендзиньский, музыкант, тоже арестованный. Его г-н Гайворонский велит каждый день выпускать, чтобы он давал уроки игры на фортепьяно его сыну. На ночь же его запирают, как остальных. Однако на протяжении всего дня он более свободен, чем мы, потому что и обедает он у плац-майора, благодаря личной заинтересованности г-на Гайворонского. Я с ним мог говорить только урывками, так как плац-майор, выходя из комнаты заседаний, часто проходил через эту комнату, в которой мы находились. Пару раз после передвижений майора двери в комнату заседаний, не до конца закрытые, позволили мне, сидящему напротив, заметить находящегося там Каспера Машковского; до меня даже доходил его голос, хотя трудно было ухватить, что он говорил.

Господин Гайворонский, несколько раз уже пройдя мимо меня, ни головой кивнуть, ни слова произнести не соизволил, я тоже не прерывал его молчания. Но наконец, он остановился возле меня, и было видно, что он искал, что сказать. В это время появился его сын, славный ребенок лет девяти-десяти, который начал искать что-то на столике, за которым я сидел. Майор посмотрел на него и, обернувшись, сказал мне: «Вот, это мой сын, вся моя радость и все мое счастье. Жены уже

нет, у меня остался один только этот ребенок. Он (говорил дальше, положив руку на голову сына) стал единственной целью моей работы и всех моих стараний, усладой всех тягот и неприятностей. Я люблю его всей душой. Он для меня стал всем... Однако же, если царь сегодня мне прикажет, чтобы я его зарезал, я немедленно это сделаю... Потом бы сам зарезался, это правда. Но и то правда, что зарезал бы его без малейших колебаний». Я усмехнулся, ничего ему на это не ответив. Он через несколько секунд, все время смотря на меня, снова повторил те же самые слова. Я видел, что он явно ждет моего ответа. «Простите меня,— наконец отозвался я,— но я не могу поверить, что вы это сделаете». «Как это? — резко спросил он,— я бы этого не сделал?.. Этой своей рукой я бы зарезал его без малейшего промедления... и сразу после этого выстрелил бы в себя». — «Несмотря на ваши многократные утверждения, я все равно уверен, что вы бы этого не сделали... Однако, если уж я должен обязательно допустить вещь, которая мне кажется невозможной, если вы велите мне верить...» «Но это,— прервал он,— искренняя и несомненная правда!» «Если,— продолжал я,— вы бы решились на то, чтобы убить своего сына, о! в таком случае я совершенно уверен, что вам и в голову бы не пришло отнимать у себя жизнь, а, наоборот, вы сразу же подали бы просьбу, требуя награды». Он, на это не ответив ни слова, сразу же вышел из комнаты. И вскоре младший офицер сообщил, что привели заключенных, к которым и меня вскоре вызвали.

Лесневич и Бенькевич оба повторили то, что было в их показаниях. Я же убедился, что уважаемый г-н Писарев неточно привел записи из этих показаний в обвинениях, на которые я отвечал 26 ноября. Наверное, для сокрытия этих неточностей он не хотел мне показывать собственноручные записи Лесневича и Бенькевича, хотя я на этом, имея законные основания, настаивал. Ведь они оба сказали, что только видели меня у Грабянки во время ярмарки. Наряду же с этим и один, и второй сейчас добавили ясно и двукратно, что я не участвовал в совете, о котором их спрашивали. То же самое заявил и я, повторяя то, что написал раньше: что я не мог участвовать в каком-либо совете, о котором абсолютно ничего не знал ни до своего визита в Фельштын, ни после него. Но как вчера

Писарев во время ставки с Михальским, так и сегодня Гайворонский, диктуя слова Лесневича и Бенькевича, умышленно опустил в них это важное для меня обстоятельство в словах одного и второго, что Сабиньский не принимал никакого участия в совете, ограничившись только записью, что Бенькевич и Лесневич сообщили, что видели меня у Грабянки. И как вчера, так и сегодня после напрасных просьб исправить эти неточности я закончил тем, что объявил свой протест. Я снова повторил требование очной ставки с Конарским. Неслыханная вещь, до какой степени эти господа усилили свою злость, наглость и месть по отношению ко мне! Ведь даже с этих двух очных ставок, которые были неточно записаны, вчерашней и сегодняшней, нельзя сделать никаких обвинительных выводов обо мне. Пусть даже они пропустили эти слова, что Михальский не утверждает, что я был участником совета и что Лесневич с Бенькевичем ясно заявили, что я не принимал участия в этом совете, все равно мне нельзя поставить в вину то, что Михальский, Лесневич и Бенькевич видели меня у Грабянки, у которого во время ярмарки можно было застать множество разных, то приходящих, то уходящих, знакомых и нез знакомых людей. Ведь это так обычно для дома холостяка, в который все имеют свободный вход, а особенно в такой бедной местности, как Фельштын, где, кроме дома Грабянки и убогой харчевни, и зайти-то больше некуда. Разве кто-то, находясь, например, в кафе или трактире, виноват, что в это время там проходили какие-то запрещенные собрания, в которых он не участвовал и даже не знал, что они проходят??? Поэтому ни один суд в мире из всего этого процесса против меня не может вынести никакого обвинительного заключения, тем более когда моя очная ставка с Конарским подтвердит явную ложь утверждений Михальского, уже сейчас переставших быть убедительными из-за его собственных противоречивых слов. Но даже если я доживу до конца всего этого, разве за то, что я уже вытерпел и что еще придется вынести, и, прежде всего, за тот удар, который угрожает мне и моим детям, может вознаградить какое-либо могущество в этом мире???

Сегодня я получил давнишнее письмо моей жены, написанное еще 20 ноября. Но мне не отдали вещи, которые она с ним прислала, и, скорее всего, их уже не отдадут. *Se qui est bon a*

prendre, est bon a garder. Она, несчастная, пишет в этом письме: «Не знаю, что со мной дальше будет. Постоянное состояние таких терзаний и неизвестности продолжается слишком долго для моих слабых возможностей». Это было в ноябре, а что сейчас? Или когда меня повезут в Вильно? А что будет, если я не перенесу этой поездки?.. О Великий Боже! Смилуйся и не оставь сиротами троих младенцев! К своему письму жена приложила письмо от моей матери, исполненное нежной заботой обо мне. Бедная, она постоянно страдает из-за моего несчастья, которое и свадьбу сестры откладывает, потому что моя добрая мама обязательно хочет, чтобы я на ней присутствовал. Ах! Позволит ли Бог мне дожить до этого счастья!

10 января, вторник. От Мёринга я сегодня наконец узнал, что госпожа Людвика уже давно и тяжело больна. Значит, я угадал причину ее молчания. Но мне хотелось бы знать, что заставляло Афанасьева столько раз бессовестно врать о ней? Порок вранья, подобно пьянству, со временем превращается в страсть, и, похоже, ею Афанасьев охвачен уже давно.

11 января, среда. И сегодня, как позавчера, меня привели в Комиссию днем. Или эти люди совсем потеряли разум, если он у них был, или же меня считают полным идиотом. Я уже несколько раз повторял им и устно, и письменно, что не знал ни о каком совете в Фельштыне. А они меня сегодня снова в официальном письме спрашивают, в какое время дня, а именно утром или вечером, состоялся тот совет, о котором им писал и говорил Фридрих Михальский. Детская и бессмысленная ловушка, на которую я ответил Комиссии дословно то же самое, что и раньше. Вернувшись сюда, я написал жене, матери и сестре.

12 января, четверг. Вчера я просил Комиссию, чтобы мне дали какого-нибудь соседа, так как уже давно заключенных размещают по двое или по трое. Наши охранники говорят, что в других тюрьмах, где камеры более просторные, чем наши, помещают по три-четыре человека. Когда меня спросили, кого бы я хотел иметь в соседях, я ответил, что лучше иметь хоть кого-нибудь, чем быть в полном одиночестве, особенно больному. Но при этом я добавил, что если бы мог выбирать, то предпочел бы кого-нибудь из знакомых с Подолья, чтобы иметь возможность поговорить о моей семье, детях, жене. Я

перечислил Грабянку, Дембицкого, Лесневича, Янишевского, Обниского, Гольинского, Мархоцкого. Одновременно я сказал, что лучше всего мне было бы жить с Лесневичем, жена которого заботится о моем белье и разных нуждах, как они сами прекрасно знают. Г-н Гайворонский ответил мне, что спросит об этом Писарева, поэтому можно ручаться, что мою просьбу не исполнят.

13 января, пятница. Был у меня Мёринг. Как же я рад, что он уже отказался от всех этих лекарств, которые помогали только аптеке, а не мне! Ему я тоже сегодня сказал, что хотел бы иметь соседа. Он посчитал, что это и на мое здоровье может иметь положительное влияние. Но добавил, что решение зависит от г-на Писарева. «Значит, ничего из этого не выйдет», — ответил я. Слишком заметно, что этот г-н Писарев по отношению к заключенным обладает большей властью, чем сам генерал-губернатор; по крайней мере, у меня это не вызывает никаких сомнений.

14 января, суббота. Визит ко мне г-на Афанасьева и долгий с ним разговор, который я хочу здесь точно повторить, чтобы зафиксировать бесстыдные кражи и вымогательства, а также как доказательство наглости вымогателей, которая превосходит всяческое воображение.

Вчера охранник, который принес обед, сказал мне, что госпожа Афанасьева велела передать, что уже не может меня кормить, как прежде, потому что мои деньги закончились. Поскольку я каждую, даже самую маленькую вещь, взятую у Афанасьева, и выданные им по моим квитанциям деньги очень тщательно у себя записываю, также знаю, какую цену он назначил за обед, молоко, чай и т. д. для заключенных, а кроме того, знаю, сколько стоили лекарства, так как сохранил все записи из аптеки, то я был уверен, что из 500 рублей ассигнациями, хранящихся у г-на старшего плац-адъютанта, капитана Афанасьева, должно было остаться еще 200 с чем-то рублей. Поэтому меня очень удивило такое заявление его жены. И когда он пришел ко мне с Мёрингом, я в присутствии этого последнего сказал ему, «чтобы заступился за меня перед своей женой и просил ее, чтобы она соизволила отменить свое решение уморить меня голодом, потому что и без того «я скоро перестану вам докучать». И здесь я повторил то, что

слышал от охранника. Он заметно смешался. «Это какая-то глупость, — возмущился он, — о которой я ничего не знал, ведь, как мне кажется, у меня еще остались какие-то ваши деньги. А даже если бы и ничего уже не было, то и тогда бы мы не перестали вас кормить, пока вы здесь находитесь. Я же знаю, что у вас есть родственники дома и в Киеве, которые пришлют деньги по первому же требованию». — «Я весьма вам признателен за любезное предоставление кредита, однако мне кажется, что у меня еще нет необходимости им пользоваться, поскольку еще не закончились мои деньги, оставленные у вас». — «Я сам только что сказал, что еще есть какой-то небольшой остаток. Ведь госпожа Лесневич, несомненно, известила вас о расчетах со мной, произведенных из ваших денег». — «Совершенно верно, она написала мне об этом в начале прошлого месяца, сообщая, что тогда у вас оставалось из моих денег сто одиннадцать рублей, что я посчитал ее ошибкой, так как должно было остаться гораздо больше». — «Я все расходы записываю в прошитую амбарную книгу». — «Я также все записываю, хоть и не в прошитую книгу, но не менее точно». В это время доктор, которому этот разговор был неприятен, встал, прощаясь со мной, и они оба ушли. Но Афанасьев задержался в дверях, чтобы сообщить мне, что принесет весь мой счет. Что сказал весьма язвительно. И вчера на этом закончилось.

Сегодня утром входит ко мне г-н Афанасьев, неся под мышкой весьма внушительную книгу, а за ним младший офицер с двумя чрезвычайно толстыми обернутыми книгами. «Вот, — сказал первый, едва войдя, — ваш счет». Говоря это, он достал из-за пазухи счет и подал его мне. Я положил эту бумагу на стол и сказал, что мне так плохо, что я едва могу говорить, поэтому сейчас не могу заниматься счетами. Действительно, уже третья ночь, проведенная без сна, постоянный кашель, боль в груди и в боку, а к этому еще и невыносимая головная боль с головокружениями меня ужасно ослабили. Но такие люди, как Афанасьев и его друзья из Комиссии, не способны сочувствовать ничьим страданиям. «Это не важно, — говорил он дальше, — я сюда специально пришел, чтобы показать вам, что у нас все идет порядочно и точно, что ни одна копейка из чужих денег у нас потеряться не может. Вот прошитые книги с государственной печатью (беря каждый из огромных томов

у младшего офицера). В этой записаны приходы каждого, а в этой другой — ежедневные расходы. А это (показывая на ту, что принес под мышкой) алфавитный список всех господ обывателей, — он произнес это с издевательской усмешкой, — и других, находящихся у нас под замком. Эти книги два раза в месяц, 1-го и 15-го числа, идут на проверку к самому генерал-губернатору, поэтому ошибки в них быть не может». — «Я все-му этому верю и спокоен за ваши расчеты и за мои деньги». — «Мне недостаточно, что вы верите, я хочу, чтобы вы лично убедились, что я не собираюсь пользоваться ничьими деньгами. Мне достаточно того, что мне платит царь за то, чтобы я был чистым и справедливым на своей службе». — «Я в этом не сомневаюсь и принимаю ваш счет, не проверяя». «Принимаю?» — повторил он на повышенных тонах. «Я сюда пришел не просить, чтобы вы его приняли. Принимаю! Ха! Это, дорогой мой, государственная вещь, и поэтому вы обязаны принять, даже если бы и не хотели. Я все это принес, чтобы пристыдить вас, что посмели вчера оскорбить меня своими подозрениями». — «Но я клянусь вам, что сейчас у меня нет ни сил, ни разума для такого занятия. Ведь это можно было бы отложить на потом». — «О нет, это невозможно. Мое время слишком дорого, чтобы его терять понапрасну. На моей голове 186 человек, которыми я должен заниматься, как и вами. Кроме этого, завтра 15-е, поэтому эти книги сегодня после обеда должны быть у генерал-губернатора, который и о том будет проинформирован, что я был вынужден принести их сюда». — «Но я ведь этого не требовал». — «И все-таки вы вчера, при докторе Мёринге, сказали, что в том счете, который я послал вам через г-жу Лесневич, есть ошибка. Поэтому я хочу вас сегодня очевидными доказательствами убедить, что я не ошибаюсь с чужими деньгами, что с ошибками я бы не посылал книги генерал-губернатору, что я честный офицер, который довольствуется своим жалованием». И он снова с запалом повторил о своей честности, правоте, верных записях и т. д., а в конце добавил: «Проверка этого счета, который я сам сделал на основании этих книг и для вас написал собственноручно, не займет больше четверти часа. Поэтому прочитайте его. Я не отступлю».

Видя, что иначе я не избавлюсь от этого «честного и справедливого» человека, я наконец взял его счет. И, бросив на

него взгляд, я сказал: «Но я это не смогу прочесть, не зная русского языка». — «Это не мешает, я буду вам читать и покажу каждую деталь в этой книге, в которой я специально заложил страницы, предназначенные для вас. А вы, несомненно, вспомните все ваши расходы, раз вчера говорили, что все записываете и обо всем помните», — добавил он с иронией. «Хорошо, — ответил я, — пусть так и будет, раз вы настаиваете». — «Ведь вы прибыли сюда 4 октября?» — «Так точно». — «Вот, смотрите (показывая в одной книге): приход своих денег, а вот (перевернув страницу в другой) все расходы из этих денег; и вы можете видеть, что и одно, и другое верно отсюда переписано в этом счете, который вы держите в руках. «Приход: 1) 200 рублей асс., присланные вашей женой, 2) полуимпериялами, врученными вашим братом Каролом Даровским, 205 рублей асс., что вместе составляет 405 рублей асс., — это ваш приход. Из этого 1) для госпожи Лесневич на ваши покупки несколько раз, итого: столько-то; 2) в аптеку (из которой регистр вот выписан на отдельном листке) за лекарства — столько-то; 3) свечи, табак, сахар, яблоки, калачики и т. д. — столько-то; 4) охранникам — столько-то; 5) за обед с 5 октября по 1 января — столько-то. Все это по 1 января составляет — столько-то. А поскольку в приходе было, как я вам показал, 405 рублей асс., то на день 1 января оставалось в приходе 38 рублей 22 копейки. «А так как, — отозвался я, — сегодня у нас 14 января, то у меня осталось, наверное, не больше 10 рублей? — «Ну уж точно не больше». — «Но дело все в том, что я рассчитывал, что у меня осталось больше, гораздо больше». — «Вы так рассчитывали? — сказал он, громко рассмеявшись. — Я в этом совершенно не виноват, что вы не помните о своих расходах и что надеялись еще иметь то, что уже давно вышло на ваши нужды и содержание. А что еще хуже, вы не задумываясь обвинили меня в ошибочных расчетах. Такая вот благодарность за наши труды и старания, чтобы господам угодить!.. Но это не важно, когда человек перед своим начальством и здесь (кладя руку на грудь) спокоен и чист». Через минуту, возвращаясь снова к счету: «Вот, вы ясно видите: 405 рублей прихода, а расходы, с приблизительными тратами после 1 января, также составляют около 405 рублей. Но прошу проверить, так ли это и нет ли ошибки». Эту последнюю фразу он с издевкой произнес

по-польски, хотя до этого все говорил по-русски. Меня уже действительно за живое задела эта его наглость и тон, которым он со мной разговаривал.

С первого же взгляда на «амбарную книгу» мне стало ясно, чем заткнуть ему рот, но я намеренно старался до конца сохранять спокойный вид и теперь спросил равнодушно: «Значит, это приход моих средств?» — «Совершенно верно». — «И все, сколько было?» — «Разве вы не знаете, что больше вам не присылали?» — «Конечно, я прекрасно знаю, сколько мне прислали, и вижу это в вашем счете. Однако меня немного удивляет, что в прошитой книге с государственной печатью, которая два раза в месяц отдается на проверку генерал-губернатору, я не могу найти те деньги, которые вы у меня отобрали». «Какие деньги?» — резко спросил он. «Те, — ответил я спокойно, — которые были при мне, когда я был привезен в Киев, в здешнюю крепость, и которые вы сразу же потребовали вам отдать в присутствии других офицеров, когда меня донага раздели в ордонансгаусе». — «И какие же это были деньги?» — спросил он снова после минутного раздумья, заметно обескураженный. А я, будто бы этого не заметив, с каменным лицом продолжал дальше: «Те, которые находились в моем бумажнике, были мелкими ассигнациями, в кожаном мешочке было серебро рублями и мелкая монета, а кроме этого, было еще несколько серебряных рублей, завернутых в бумагу, в кармане пиджака. И все эти деньги по вашему приказу я положил перед вами на столе, а вы их тогда пересчитали, обращая серебро в ассигнации». — «И сколько же их было?» — «Сейчас скажу, ибо, может, кто-нибудь другой и посчитал бы, что такой честный и совестливый человек, так тщательно записывающий все расходы, должен быть не менее точным в записи прихода чужих денег, но я-то знаю, сколько у вас дел и как дорого ваше время, поэтому отношусь с пониманием. Возвращаясь к упомянутым деньгам, вы посчитали их и, обратив серебро в ассигнации (стоимость которых с момента моего отъезда с последней станции до того момента, то есть за несколько ночных часов, должно быть, значительно увеличилась), любезно сообщили мне, что все вместе составляет 94 рубля, добавив, что запишете это в мой приход. Но, как я уже сказал, большое количество других дел, тщательно исполняемых, легко могло

вытеснить из вашей головы эту мелочь, которая неспособна поколебать истинности утверждения, что у вас ни одна копейка чужих денег потерять не может».

Он, уже не говоря ни слова, взял перо и добавил упомянутую сумму к остатку, который был вписан в его счет. «Прошу меня извинить,— снова отозвался я,— что вынужден вас затруднить прочтением для меня одной фразы в вашем счете, поскольку я плохо разбираюсь в российской письменности». И я показал ему эту фразу, повторяющуюся в нескольких местах. Он прочитал: «2, 9, 11 и 13 января». «Поэтому,— продолжал я,— я, должно быть, ослышался, будто вы сказали, что этот счет был составлен только до 1 января, раз в него (если только я не ошибаюсь) вошли расходы до вчерашнего дня включительно, по крайней мере, так кажется». Он снова посмотрел на эти даты и после некоторого молчания сказал: «А... да, действительно, это уже расчеты по сегодняшний день».— «Может, теперь не следует из этого маленького остатка, о котором вы упоминали, вычитать за эти дни с 1 января?» — «Конечно, раз это уже было посчитано».— «Премного вам благодарен за вашу любезность. А сейчас пойдем дальше, раз вы настаиваете, чтобы я просмотрел счет». По нему было видно, что ему уже совсем не хочется настаивать. «Но ведь я повторяю,— продолжал он,— что делаю это только для того, чтобы исполнить ваше пожелание».— «Мне показалось, что вы вычитаете деньги на мое питание с 5 октября?» — «Так точно, с первого дня вашего у нас пребывания».— «И за каждый день выходит...» — «По одному рублю асс. 67 копеек, с булкой и молоком к чаю, согласно общей цене для всех».— «Что означает около трех золотых серебром в день, однако в этом пункте я вижу одну проблему, которую, надеюсь, вы любезно разрешите. Не говоря уже о том, что, как я слышал, казна выделяет определенную сумму на содержание каждого заключенного, ведь среди них есть и такие, у которых нет никаких собственных средств...» Тут он меня поспешно прервал: «О нет! Совсем не так! Казна ничего не дает». «Пусть и так,— ответил я,— для меня это не имеет никакого значения, ручаюсь. Я не хочу отягощать казну до тех пор, пока могу содержать себя сам. Но мне кажется, что огромная разница между едой, которую мне приносили весь первый месяц, и той, которую я стал получать

позже, должна отражаться и на разнице в цене». — «Какую же еду вам приносили первый месяц?» — «Отвратительную, грязную, в отталкивающе грязной посуде, с черным заплесневелым хлебом, при этом вода в дурно пахнувшем ковшике... в общем, отвращение, пробужденное одними только воспоминаниями, вызывает у меня тошноту. Весь этот первый месяц я каждый день питался только булкой с молоком, потому что своего чая у меня еще не было. Но я терпеливо переносил это в убеждении, что так обращаются с невинно заключенными в Киеве». — «Это невозможно. Вы с самого начала получали три приличных блюда, как сейчас». — «Не знаю, возможно это или нет, но было так, как я говорю. Можно спросить тех охранников, которые, как вы говорите, приличную еду мне носили. В первый же день подачи более сносной еды я эту перемену у себя записал, как вы можете прочитать в этой карточке, которая содержит все, что вы изволили на меня потратить как деньгами, так и едой и другими вещами». Видно было, что ему не понравилась эта карточка, потому что он косо на нее посмотрел. А я же говорил дальше: «Может, вы захотите провести собственное расследование, чтобы убедиться насчет этого первого месяца? Тогда, если хотите, мы этот пункт оставим на потом. А сейчас, выполняя дальше вашу просьбу, бросим взгляд на стоимость лекарств, поскольку не были совсем бесполезными, потому что хотя бы бутылки от них, баночки, коробочки и т. д., как вы видите, украшают мой столик и окно». «Все лекарства записаны здесь согласно квитанциям из аптеки». — «Оригиналы которых находятся вот здесь», — ответил я, доставая из кармана все аптечные квитанции на лекарства. При этом он заметно скривился. «Но некоторые из этих лекарств повторялись», — сказал он. «Да, господин капитан, среди них есть даже те, что я принимал три раза, и я покажу вам, что об этом не забыл. Например (разворачивая квитанцию), эти порошки, которых цена, как вы видите, в аптеке 77 копеек, у меня записаны три раза: 25 ноября, 28 ноября и 16 декабря. Естественно, так же должно быть и в вашем счете, в этом я уверен. И действительно, так и есть; только... если глаза меня не обманывают... возле каждой из этих дат у вас написано 1 рубль 77 копеек... Теперь я готов биться об заклад, что подобная мелочь при каждом лекарстве стала причиной неболь-

шой разницы в общей сумме по этому пункту, которая у вас превышает 40 рублей, а у меня, согласно этим квитанциям, составляет неполных 20 рублей. Но я все время повторяю, что это ничего не значит. Ведь невозможно человеку, такому, как вы, у которого на голове 180 с лишним счетов, не принять иногда одно число за другое. Зато если среди заключенных есть еще кто-то больной и он принимает более дорогие лекарства, чем я, должно быть, вы в его счете, разумеется с убытком для себя, записали ту цену, которая полагалась мне». «За эти два пункта,— отозвался он уже очень несмело и скромно,— то есть за обеды в первом месяце и за ошибки в цене лекарств, я вам в приход запишу еще 50 рублей».— «Господин капитан, видимо, изволит шутить, говоря об ошибках. Как известно, они не могут находиться в прошитых книгах, которые вы ведете, снабженных государственной печатью и два раза в месяц посылаемых генерал-губернатору. И при этом, что касается 1-го пункта, вы, наверное, еще будете проводить расследование, чтобы убедиться, что это действительно имело место?.. Может, лучше будет все эти обстоятельства отдать на рассмотрение Верховной власти? Ведь завтра 15-е число, и ваши книги еще сегодня должны пойти к генерал-губернатору, так пусть с ними пойдет и моя карточка расчетов». «Ну зачем же,— прервал он меня,— нагружать этим генерала?.. И зачем вам через него выяснять вещи, которые мы и сами можем сейчас здесь решить?» — «О, конечно, для меня это не важно, я только хотел, чтобы вы тем или иным способом убедились в истинности того, что я говорю».— «А вы полагаете, что я вам не верю?» — «Но мне кажется, Вы только что выразили свое сомнение?..»

«Нет... я только думал... то есть... так сказал... не очень хорошо помня подробности... и за это прошу у вас прощения. Но сейчас я вспомнил, что, действительно, Комиссия сначала велела мне посылать вам еду похуже. А ведь вам хорошо известно, что я вынужден слушать старших, не рассуждая, справедливо или несправедливо по отношению к вам поведение комиссии».— «Это не имеет отношения к нашему счету».— «Поэтому я дописываю 50 рублей. Ведь, как мне кажется, ваш ущерб по этим двум пунктам составляет не больше».— «Если вам так кажется, то я согласен». И он снова записал в приход 50 рублей. Правда, если посчитать точно, мне полагается

61 рубль, но я об этом уже и не вспоминал, желая побыстрее закончить этот долгий и неприятный разговор. Кроме того, мне уже было немного жаль этого человека, который полностью поменял тон и был очень смущен, что его поймали за руку. «Ну что ж,— сказал я,— мы закончили весь счет, и я этому очень рад. Скажу вам честно, я очень устал и хочу отдохнуть. Остальное мы уже не будем проверять. Я уже заранее знаю, что остальное настолько же верно, как и то, что мы проверили раньше. Но можно было и без этого обойтись, если бы не ваша настойчивость, которой мне пришлось уступить». Ему тоже уже совсем не хотелось настаивать. И поэтому, включив во врученный мне счет все то, что он сам посчитал мне полагающимся, сказал мне: «Тогда с сегодняшнего дня у меня еще из ваших денег осталось 182 рубля 62 копейки». «Благодарю вас,— ответил я, пряча в карман этот интересный счет.— Я уверен, что они в надежных руках, поскольку ни одна копейка не может пропасть у такого честного, как вы, господин капитан, офицера, который, довольствуясь только жалованьем, получаемым от царя, заботится только о чистой совести и справедливости своих поступков. Поверьте мне, я в этом всегда был уверен и чувствую надлежащую благодарность за ваши труды, бескорыстность которых я познал больше, чем другие». Говоря это, я попрощался с г-ном Афанасьевым. Он же с опущенным носом забрал свои фолианты и ушел. Вид уходящего был довольно смешным и очень сильно отличался от того, который он принял, появившись здесь, чтобы «пристыдить меня».

Вечером, когда головная боль немного отступила, я просмотрел (уже только для собственной осведомленности) оставшуюся часть этого счета, касающуюся подарков сторожам и приносимых мне свечей, яблок, табака и разных мелочей. Там я нашел еще почти 20 рублей сверх того, что я действительно должен был заплатить за эти предметы. Ведь господин плац-адъютант Афанасьев, справедливый и совестливый как старый Като, на все без исключения давал двойную или тройную цену, поэтому каждая булка, которая в городе стоила 3 гроша, мне обходилась в 15 копеек. Словом, из моих 500 рублей в течение трех месяцев он обеспечил себе доход в 220 рублей. Что, можно сказать, является совсем немаленьким процентом с упомянутого депозита.

Но если он смог это украсть из моей небольшой суммы в 500 рублей, когда я старался жить как можно экономнее и как можно меньше наполнять его счет, что же он творит со счетами состоятельных людей, таких как Абрамович, Еловицкий, Грабянка, Коссаковский, Мархоцкий, Залеский, Дорожинские, Держак, Красуский, Тарнавский, Опольские, Старорыпинские, Прушинские, Сташкевич, Креховский, Михальские и т. д., среди которых есть очень богатые люди? Почти каждый из них привез с собой три, четыре или пять тысяч рублей, а некоторые и больше. Кроме этого, во время заключения многим из дома присылают деньги, которые всегда остаются в ордонансгаусе. Все берут у Афанасьева или у Гайворонского разные вина, ликеры, водку, варенье, соки, сыры, табак, сигары, фрукты, шоколад, кофе, чай, сахар, закуски и т. п. И я очень сомневаюсь, что кто-то из них у себя все это записывает. Короче говоря, Писарев, Гайворонский, Афанасьев et consortes, связанные крепкими узами личной корысти, делают на нас немалое состояние. И если им такие доходы приносят расчеты только внутри крепости, что говорить о внешних действиях этих господ вокруг каждой семьи арестантов?.. А тем более об ускоренном освобождении для некоторых, которое дало обширное поле для спекуляций???

15 января, воскресенье. Охранник, который принес для меня обед, рассказывал, что застал в кухне самого г-на Афанасьева, который, услышав мою фамилию, начал поливать проклятьями свою жену. «И за что же он на нее кричал?» — спросил я. «Не могу этого знать, знаю только, что кричал он на нее с величайшей злостью, так, что она расплакалась, и несколько раз он повторил: «Я из-за тебя потерял больше чем 200 рублей». Ничего больше не знаю, потому что, взяв обед, я как можно быстрее ушел, чтобы и мне не досталось». Видимо, благородный капитан мстит своей жене за то, что из-за нее начались наши расчеты.

Мне прислали письмо матери вместе с бельем, которое привезла жена Яцека Гольинского. Я был ужасно расстроен и обеспокоен, что, кроме карточки с моим адресом, приколотой к пакету с бельем, я с этой посылкой не получил ни слова от жены. Я уже начал предполагать наихудшее!.. Но, к счастью для меня, на этот раз белье каким-то образом избежало цен-

зуры и досмотра Следственной комиссии. Поэтому в середине свертка я нашел письмо жены, написанное 1 января. Ты там, моя драгоценная, умираешь от беспокойства и томительного ожидания, и меня уже вскоре добьют эти жестокости, которые здешние чудовища творят с нами обоими. Ты пишешь, что ничего не получила от меня с 30 ноября, а я после этого написал шесть писем! Одним словом, они решили издеваться надо мной, а скорее — над нами! В письме жены я также нашел записку от сестры и каракули моих любимых сыночек. На кусочке бумаги Пелагия прислала несколько слов от детей, вода пером, которое Зизи и Лёлё держали в руке. Этот листок я не отдал бы никому ни за какую цену. Она держала его в своих руках! К нему прикасались ручки моих ангелочков!.. Но мне придется его прятать. Ведь если эти «достоинные» люди узнают, что он дошел до меня без их участия, то обязательно отберут у меня и это невинное, может, уже последнее на земле утешение! О Всемогущий Боже! Если бы я мог хоть еще раз увидеть жену и благословить моих детей! Позволь мне хоть столько прожить! Я написал жене, матери и сестре. Но что из того, что я так часто им пишу, если г-н Писарев наслаждается муками, которые причиняет мне и моим близким! Я расплакался как ребенок, читая их письма и пожелания моей матери, которая по случаю Нового года желает мне возвращения к жене и детям, а для меня эта надежда уже так слаба!

16 января, понедельник. Среди заключенных находится и Мигурский Северин. Счастливый! Он часто видится с женой, также ему разрешают постоянно брать в камеру детей. Их даже на ночь не забирают у отца. Каждый раз, когда я слышу их щебетанье, мое сердце разрывается при воспоминании о моих.

Афанасьев, должно быть, чрезвычайно зол на меня за то, что я открыл его махинации со счетами. Фельдшер, который меня посещает, — это его шпион. Но что он нашпионит? Он несколько раз уже напоминал мне, что Афанасьев хочет, чтобы я вернул ему его счет. Я сказал, что использовал его для разжигания трубки. Но я храню это интересное доказательство здешнего воровства.

17 января, вторник. С Мёрингом сегодня пришел Афанасьев, который не показывался у меня с субботы. В разговоре у меня получилось напомнить ему о давнишнем, часто повторяе-

мом обещании, что он приведет ко мне своего сына. Он снова наврал с три короба: о приказе генерала, чтобы в камерах детей не было. «Но отчего я уже несколько дней слышу детские голоса?» — «Какие детские голоса?» — «Не знаю какие, мальчиков или девочек, но я уверен, что, несмотря на этот строгий приказ генерала, о котором вы мне только что сказали, дети все же могут находиться в камерах». «Ах да, — сказал он после минутного раздумья и, будто бы доверяя мне важную тайну, добавил тихим голосом: «Да, есть здесь один старик, который выпросил у генерал-губернатора особую милость, чтобы я позволил приводить ему на пару часов моего сына, и я именно вчера был у него с этим ребенком». При этом вранье Мёринг не смог уже сдержать улыбку, да я и сам едва не рассмеялся в глаза этому лгуну. Мне принесли постиранное белье от госпожи Людвика. Но ни слова от нее, даже карточка с моей фамилией на этой посылке написана чужой рукой. Видимо, эта неопценная женщина до сих пор больна.

Кроме 10 рублей, у меня уже ничего не осталось из взятых от Вильгельма денег. Эту последнюю ассигнацию я храню для какой-нибудь важной потребности. А из покупок, которые мне раньше прислала госпожа Людвика, я дал охраннику новый платок на шею, и с этих пор этот парень полностью к моим услугам.

18 января, среда. Нет почти ни дня, чтобы кого-нибудь не освободили отсюда или из других тюрем, как сообщают нам охранники. Недавно выпустили отсюда Кардашевского. Кажется, что уже очень давно должна была прийти моя очередь, если бы не эта сатанинская злость Писарева и плац-майора. Но почему же меня так долго не посылают в Вильно? Может, хотят, чтобы я умер в тюрьме?

19 января, четверг. Король Дорожинский, мой сосед справа, от матери или кого-то другого из родственников получил несколько книг. Он мне сегодня сказал об этом, и я взял у него один том Бальзака: «Romans et Contes philosophiques», содержащий: Sarrasine, la comedie du diable, El Verdugo, l'Enfant maudit ¹⁷.

¹⁷Скорее всего, речь идет о «Философских этюдах» Бальзака, изданных в Париже в 1831 и 1837 гг.

С Немировским Леопольдом живет вместе Прушинский Зигмунт. Я же напрасно уже несколько раз просил об этой милости. Хочу завтра побывать в Комиссии, чтобы там снова повторить просьбу об этом и требование встречи с Конарским.

20 января, пятница. Утром через идущего с рапортом младшего офицера я заявил, что хочу быть в Комиссии, куда и был приведен через несколько часов. Писарева я там не застал. Гайворонский пообещал дать мне соседа, но по его глазам я видел, что ничего из этого не выйдет. На мое же требование об очной ставке с Конарским он не сказал ни слова. Несомненно, и он, и Писарев полностью убедились в моей невинности и радуются, видя мои страдания, которые они умышленно затягивают. Гайворонский снова насмеялся над моей жалобой и снова повторил то, что я уже не раз слышал от него и Писарева, что им я ничего не сделал, но они со мной могут сделать многое. На чем основаны эти их угрозы, я угадать не могу.

Был у меня Мёринг. Он снова обещает мне свои лекарства, что меня несколько не радует, потому что я не верю в их эффективность. Разве я недостаточно их уже принял, и все напрасно? Мое здоровье с каждым днем ухудшается, и Мёринг сам это прекрасно видит. Я в себе даже не чувствую сил, чтобы совершить поездку в Вильно, хотя и требую ее настойчиво. Если я вскоре умру, то мне совершенно все равно, застанет ли меня смерть здесь, в пути или в Вильно. Но если Бог еще немного продлит мне жизнь, то я хотел бы, чтобы как можно быстрее выяснилось все, что может помешать моему освобождению, которое тогда произойдет назло таким «благородным побуждениям» и угрозам моих здешних врагов.

Я прочитал взятую у Дорожиньского книгу *Tristesses* авторства Н. Onel, 1 том¹⁸. Спать я не могу, поэтому всю ночь у меня горит свеча, и я с небольшими перерывами все время читаю.

Мёринг говорил мне, что вчера или позавчера снова спрашивал генерала о ксендзе для меня, но каждый раз он получает один и тот же ответ. И в этой жестокости я ясно вижу следствие представлений Писарева и его влияние на г-на Бибикова.

¹⁸ Париж, 1832.

21 января, суббота. Кароль Дорожинский удивляется, как быстро я читаю его книги. «Я делаю так потому,— ответил я,— что предчувствую твоё близкое освобождение, которое вот-вот произойдет, и тогда я не буду знать, кому отдать книгу, которая у меня останется». Он сердечно обнял меня за это пророчество и дал сегодня «Мах» г-на Ern. Legouvé, 1 том¹⁹, весьма неплохо написанное произведение. Оно содержит прекрасные стихи отца к своей маленькой дочери. Эти стихи меня сильно растрогали: я подумал о моей Хеми! У меня нет поэтических способностей, но я нахожу в своём сердце все то, что выражено так нежно и красиво в этой поэзии. Если Бог даст мне поправиться от теперешней болезни, то, вернувшись домой, я попрошу Стаха Доливу или Олеся Даровского, чтобы кто-нибудь из них перевел для меня этот отрывок в польских стихах.

22 января, воскресенье. На днях в охрану к нам попал очень любезный офицер, кажется, добрый и благородный парень, которому я поручил письма жене, матери, сестре Идали и сестре Теодоре, чтобы он выслал их на адрес последней почтой, прочитав предварительно ему каждое из них, чтобы он увидел, что в них нет ничего преступного. Может, из этих писем дойдет хоть одно?

23 января, понедельник. Все-таки Мёринг не забыл своего обещания снова кормить меня из аптечной кухни и как будто хотел количеством возместить перерыв в лекарствах — выписал сегодня огромную бутылку.

Дядя Машкевич должен был уже приехать сюда на контракты. Поэтому я написал ему и г-ну Голецкому. При этом также писал жене и Хмелёвскому Юзефу. Все эти письма я продублировал, то есть отправил обычным путем, через Комиссию (наверняка напрасно), и необычным способом, который неожиданно подвернулся.

24 января, вторник. Сегодня я имел довольно долгий разговор с Мёрингом, в котором я с чувством убеждал его, чтобы он не думал плохо о моей благодарности за его добрые намерения и что ему не удалось вылечить меня. И что моим пер-

¹⁹Первую повесть Эрнеста Легове «Мах» (Париж, 1833) читатели и критики приняли очень холодно.

вым шагом на свободе в Киеве будет старание вознаградить его труды, которые он так долго предпринимает в отношении меня. Я говорил чистейшую правду. Считаю своей обязанностью исполнить то, что я сообщил ему. А пока, как только я буду уверен, что дядя Машкевич уже приехал в Киев, я хочу просить Мёринга, чтобы тот пошел к нему с запиской от меня. Я уверен, что дядя не откажется прилично его отблагодарить.

Я давно уже не вспоминал здесь о своей мухе. Она живет и не оставляет меня, эта достойная, единственная моя спутница, хотя у меня совсем не тепло, ибо, опасаясь чада и дыма, я велю очень мало топить в железной печи этой камеры. За многие минуты развлечения я должен благодарить эту дорогую мушку, и если бы меня отсюда перевели в другое место, то я постарался бы взять ее с собой. В большой банке, в которой я храню сахар, закрытой в ящичке, присланном мне г-жой Людвигой еще в ноябре.

25 января, среда. Я был прав, предвещая недавно Дорожиньскому скорое освобождение. Сегодня его выпустили отсюда, а его брата — из подвала этих же казарм. Охранники, которые отводили их в ордонансгаус (откуда оба Дорожиньские направились в город, полностью свободные), рассказали об их большой радости, чему я охотно верю! Когда этот счастливый час пробьет и для меня?

Михальского Вильгельма снова перевели сюда после довольно долгого пребывания в другой тюрьме. Говорит, что его снова водят на допросы из-за какой-то «истории», написанной одним из заключенных в камере, которая попала в руки Комиссии. Из-за этого письма, как говорит Вильгельм, могут привлечь и многих других.

26 января, четверг. Я получил твое письмо, драгоценная! Из этих твоих нескольких слов я хорошо вижу, что там с тобой происходит. Они внесли в мое сердце мрачное отчаяние. Ты удивляешься, почему так трудно доказать мою невиновность? О, она полностью доказана. Но здесь находятся чудовища, которые, уже не сомневаясь в ней, умышленно и с холодной кровью решили погубить меня, тебя и наших детей!.. С 30 ноября из стольких моих писем ни слова не допустить к жене, умирающей от отчаяния,— это ужас и непонятное варварство.

Это письмо прислал Станислав Даровский, находящийся здесь с 18-го числа. Также мне отдали его письмо, написанное позавчера, но он не объясняет, почему так долго не отзывался ко мне. Принесли мне еще и записку жены Яцека Гольньского, написанную при отправке привезенного ею белья, которое держали в Комиссии почти две недели! Из этой записки и из письма Станислава я убедился, что здоровье моей жены уже в самом ужасном, самом фатальном состоянии. Я не могу ей сейчас писать, ибо в моей голове бездна мрачайших мыслей, которые я не могу выразить словами...

27 января, пятница. Только сегодня я начал отвечать жене, Станиславу и Гольньской. Но меня так разбили вчерашние письма, что постоянные головокружения не дают мне удерживать перо. Свою слабость я не могу сравнить ни с чем. Утром я просил, чтобы ко мне пришел Мёринг. Хочу попросить у него какое-нибудь укрепляющее средство, иначе я ничего не смогу написать жене, а она умирает от беспокойства, что ничего не получает от меня!

28 января, суббота. Вчера вечером появился Мёринг и сразу выписал какое-то укрепляющее лекарство, которое дало результат, и голова кружилась уже не так часто, как вчера. Он говорит, что сейчас мне вредно писать, но я вместо ответа показал ему последнее письмо моей жены и этим закрыл ему рот.

После обеда я отправил мои письма, написанные с большим трудом. Станислав спрашивал меня о моих нуждах, я сообщил о самых необходимых. Сегодня он снова спрашивает, что мне нужно, а пока прислал сахар, табак, чай и т. д. Я сразу же ответил несколько слов.

Мёринга я сегодня просил, чтобы он пошел к дяде Машкевичу, и дал ему пару слов для того. Он долго отказывался, но, наконец, кажется, уступил моей настойчивости.

29 января, воскресенье. Уже давно здесь находится Сузин, друг Мицкевича, отправленный в ссылку в Оренбург. Прожив там довольно долго и вернувшись домой, он каким-то образом впутался в теперешнее дело. Приятный, умный и образованный человек. У бедняги нет никаких собственных средств, поэтому он получает государственное, очень плохое пропитание. Но мы все, здешние его товарищи, помним о нем

и снабжаем едой получше, табаком, сахаром, чаем и т. д. Я, кроме того, посылаю ему книги, которые у меня есть. А он, со своей стороны, дал мне произведения Виктора Гюго, которые содержались в одном томе, охватывающем все стихи и драматические произведения, вышедшие до 1838 года: прекрасное парижское издание с портретом автора и с гравюрами. Эту книгу, если будет возможность, я хотел бы купить, и если Бог вернет меня домой, я привез бы ее дорогому Стаху Доливе в знак моей памяти о нем в тюрьме при угасающей жизни.

30 января, понедельник. Я просил Станислава Даровского, чтобы он получил позволение встретиться со мной. С нетерпением этого ожидаю, охваченный жадной поговорить о жене и детях. Но наверняка ему запретят, как запретили Каролю, дяде и госпоже Людвике, хотя, кроме меня одного, ни с кем из заключенных так строго не поступают. Я говорил об этом с Мёрингом. И он не понимает такого бесчеловечного отношения, но ничем не может помочь.

31 января, вторник. Сузин согласился, чтобы Гюго остался у меня, чему я очень рад. Это любимый писатель дорогого Стаха, которому, знаю, доставлю большое удовольствие этим подарком. Но разве я могу надеяться, что увижу тех, кого люблю, по которым постоянно скучаю?.. О, драгоценная жена! О, мои любимые детки! Постоянная мысль о вас делает для меня смерть страшной и мучительной, она отнимает у моей души все мужество, которое я напрасно ищу в чистой, свободной от мук совести. Наверное, не был бы человеком тот, кто смог бы такие сладкие, такие светлые, такие сильные связи с жизнью разорвать без сожаления.

Глава четвертая

Наконец я уже не один! — За новым надзирателем теперь все время шпионят за то, что был человечным и хорошо относился к арестантам.— Доктор Юзефович.— Являюсь перед Военным судом.— Там сообщаю о жалобах на Следственную комиссию.— Долго разговариваю с председателем Военного суда.— Он мне обещает, что меня вызовут еще раз.— Записка от жены вызывает у меня ужасные предчувствия! — Слушаю русское богослужение через окно в кори-

доре.— Расставание с Чапским.— Мое состояние после последнего письма от жены.

В доме Прозора, за территорией крепости; 1 февраля, среда, вечером. Наконец я уже не один. Мне дали соседа — молодого и хорошо воспитанного человека, Чапского Теофила, родом из Волыни. Теперь у меня есть с кем поговорить. Могу делиться с ним своими страданиями, тоской, притеснениями, обидами и во взаимном сострадании черпать некое облегчение. А если так распорядится Всевышний, что вскоре придет конец моим дням, по крайней мере, последние мои слова примет доброе ухо моего земляка и дружеская ладонь прикроет мои глаза.

Сегодня утром около 11 приехал за мной офицер из плаца, требуя, чтобы я собрался со всеми вещами. Сначала я подумал, что получу свободу, и чуть не упал без чувств. Он, заметив это, был настолько человечен, что сразу же рассеял мое заблуждение. Мне снова показалось, что меня отправят в Вильно, и я сказал, что очень этому рад. Но он не хотел меня обманывать, как обычно делает Афанасьев, и объявил, что меня всего лишь переводят в другую тюрьму. Времени на то, чтобы собрать и упаковать вещи при помощи двух охранников, нужно было не более получаса. Но я намеренно затягивал его, делая все как можно медленнее. Почему?.. Из-за моей любимой мушки, которая как раз сейчас вылетела из моей камеры, летая, как обычно, по длинным коридорам. Я хотел обязательно дождаться ее возвращения и забрать с собой мою проверенную спутницу. Но я напрасно задерживал сборы то под одним, то под другим предлогом более часа. Офицер все сильнее торопил, и мне пришлось уехать в ордонансгаус.

Там господин Афанасьев ждал меня с нетерпением. Он хотел, чтобы в его книге я подписал счет за мои расходы с 14 января, говоря, что теперь кто-то другой будет заниматься моим содержанием и что он сразу же отсылает мои деньги в размере 147 рублей. Этот счет, составленный уже совсем по другому принципу, чем предыдущий, я сразу же подписал, и мы незамедлительно с тем же офицером, что привез меня сюда, поехали дальше, версты за три от крепости до большого здания, когда-то находившегося в собственности Прозора,

позднее использовавшегося властями как лазарет, а недавно превращенного в тюрьму для нас. Тут, когда мы прибыли, меня отдали, как какую-то вещь, господину Синопу, одному из плац-адъютантов, который, записав мою фамилию, показал мне новую камеру под № 8, где, велев доставить сюда мои вещи, сразу же меня закрыл.

Мой здешний товарищ, Теофил Чапский, был привезен сюда за пару часов до меня из тюрьмы, называемой «Гостиница», и, будучи предупрежденным, что будет здесь не один, с нетерпением ожидал прибытия незнакомого соседа. В несчастье люди быстро сближаются друг с другом, если с обеих сторон нет никаких поводов для недоверия. Его приятное и выразительное лицо, скромное поведение, плавная и правильная польская речь, свидетельствующая, что он общался в хорошем обществе, с первой же минуты наполнили меня расположением к нему. Он сказал, что уже два месяца как он слышал обо мне и о недостойном обращении со мной Писарева и Гайворонского. Мне его фамилия тоже напоминала кого-то знакомого, хотя я был уверен, что его самого я вижу первый раз в жизни. Сказав ему об этом, я хотел вспомнить, может, во время многих недель моего пребывания в камерах казарм кто-нибудь из его знакомых говорил мне о нем. Поэтому я перечислил каждого, по мере того как они приходили мне на память. Но почти все, кого я называл, были ему либо мало известны, либо вообще незнакомы. Тем временем, желая с самого начала разговаривать с ним, как я это обычно делаю, когда с кем-то близко общаюсь (то есть по старопольскому обычаю называя друг друга по имени, отбросив этикет), я спросил его имя. «Теофил»,— ответил он. И в эту же минуту я вспомнил, что его имя с фамилией я столько раз читал на стенах и дверях камеры на Главной гауптвахте, а больше всего мне вспомнились его нежные стихи к любимой Регине, под которыми я часто находил его имя. Как только он произнес «Теофил», я сразу взял его за руку, повторяя эти стихи. «Что такое?» — вскричал он, удивившись. «Ничего более,— ответил я,— как только то, что я давно уже знаю твою сердечную тайну». «Но откуда?.. Кто мог рассказать?» — сказал он, краснея от величайшего смущения. «Да никто иной, как ты сам, дорогой друг...» И, чтобы не мучить его больше, я все рассказал, за-

верив, что он может быть спокойным за свою тайну. «Тем более,— добавил я,— ты сам по моему лицу видишь, что вскоре она пойдет со мной в могилу. Но даже если я обрету свободу и, что гораздо сложнее, здоровье, то будь уверен, что твою тайну я буду уважать». При этих словах он растроганно меня обнял, и мы уже общаемся друг с другом так, как будто бы знали друг друга с детства.

Мы оба начали старательно осматривать стены и все уголки нашей камеры и нашли надпись: «Юзефа Жонжевская и Элеонора Волянская были здесь вместе, и утром 1 февраля 1839 г. нас отсюда забрали». Они обе хорошо известны Чапскому. О Боже! Женщины! Девушки! Особы деликатного воспитания! В тюрьме! Запертые под охраной дикой солдатни! Без слуганок! Без удобств, к которым они привыкли с детства! На этих твердых нарах!.. Чапский мне на это сказал, что есть еще женщины и девушки, находящиеся под арестом в Киеве, перечислив: девица Родзевич, девица Михальская, девица Вильчопольская, госпожа Фелинская, вдова, которую забрали от нескольких детей, и многие другие.

В семь вечера, когда мы уже выпили наш чай, который для меня сегодня был особенно вкусным, двери к нам открылись и вошел г-н Синопуп в обществе какого-то молодого человека, а с ними офицер и младший офицер охраны. Любезно поговорив с нами несколько минут, они пожелали нам спокойной ночи и вернулись назад. После их ухода мы слышали, как из закрытых дверей нашей и соседних камер вынимали ключи, чтобы их отнести к Синопупу, заведующему всеми камерами в этом здании. Их несколько десятков, как нам сказал наш охранник, маленький, чернявый и, кажется, добрый и услужливый парень.

Кроме бесценной для меня пользы от того, что я нахожусь уже не один, как было до сих пор на протяжении ста с лишним дней, сама камера несравненно лучше, чем все предыдущие. Здесь комната большая и чистая, двенадцать шагов в длину, печь без дыма и чада, окно одно, но большое, стены без влаги. Правда, та же самая церемония, что касается охраны солдатами, при каждом выходе. Но опять же хорошо, что здесь в дверях нет этого проклятого окошка (справедливо называемого французами иудой), внешнюю заслонку которого

каждый открывал по сто раз на дню, заглядывая, что происходит внутри, и постоянно нужно было соблюдать осторожность с чернильницей, пером, бумагой, карандашом, чтобы их не заметили и не отобрали. По крайней мере, здесь я не буду этого бояться и сейчас совершенно спокойно пишу свой дневник. Мы заметили в дверях только маленькую щель и ее на всякий случай заклеили со своей стороны.

2 февраля, четверг. Сегодня утром мы снова провели тщательный осмотр всех закутков нашей камеры в надежде, что, может, найдем еще несколько слов от наших предшественниц. Но мы обнаружили только три заточенных пера и огрызок карандаша. Теофил насчитал тринадцать женщин, заключенных в Киеве. Но говорит, что, возможно, знает не обо всех. Вот перечисленные им: госпожа Эва Фелинская, госпожа Юлия Старорыпинская и госпожа Олеша. Девицы: Юзефа Жонжевская, Элеонора Волянская, Эмилия Михальская, Паулина Вильчопольская, Франчишка Пининская, Тереса Родзевич, Коморовская, Зелинская, Бенькевич и Ожаровская. И в чем могли провиниться слабые женщины?.. А даже если бы и провинились, разве можно поступать с ними с такой беспрецедентной, бесчеловечной, дикой строгостью???

Напротив нашей двери, только в двух шагах, содержатся вместе Каспер Машковский и Бопрэ Антоний, доктор из Кременца. Голос первого из них я слышал уже несколько раз, с тех пор как здесь нахожусь. Ведь он всегда, когда выходит из своей камеры, громко поет. Но при этом нам раздирает сердце звук его кандалов. Когда я вчера называл Теофилу товарищей, которые сидели в камерах в казармах с октября, то заметил, что при упоминании Орловского его передернуло. Сегодня я спросил его об этом и узнал, что это отвратительное чудовище сразу после ареста Чапского (в начале лета) был помещен с ним вместе и что, приняв вид товарища по несчастью, сумел завоевать полное доверие Теофила, которого он сразу же предал, сообщив все полученные сведения Следственной комиссии. Теофил говорит, что множество других заключенных стали жертвами подлости Орловского.

3 февраля, пятница. Чапский Теофил с успехом прошел обучение в общественных школах и имеет врожденный поэтический талант. Он по памяти прочитал мне несколько своих

стихов. В них видно много чувства и легкости. Некоторые из них были напечатаны в последних ежегодниках. Нельзя отказать ему и в хорошем вкусе, сформированном благодаря долгому пребыванию в доме генерала Людвига Кропиньского, уважаемого автора «Людгарды»²⁰. Он жаловался, что не знает ни одного иностранного языка. «Ты можешь сейчас учиться у меня французскому, а я буду тебе очень благодарен за это средство, способное хоть немного развеять мою скуку». — «Но разве это возможно, когда у нас нет ни учебника, ни словаря?» — «Значит, обойдемся без них и ограничимся этой маленькой книжкой», — ответил я, показывая на «Salmigondis, ou Contes de toutes les couleurs»²¹. «Что это за книга?» — «Сборник занимательных рассказов разных писателей современной французской литературы». — «Но я не знаю даже правил чтения и произношения, как я смогу сразу понимать?» — «Эти правила ты узнаешь через пару часов, а то, что сразу же будешь понимать эту книгу, ты убедишься, если захочешь попробовать». Он выразил искреннее желание, только сомневался в справедливости моего утверждения, думая, что речь идет о старом способе обычного обучения в школе, трудоемком, немилосердно долгим и почти всегда безрезультатном. Я же уверял его, что если смогу быть с ним три-четыре недели, то, уделяя французскому не больше чем два часа в день, он может столько выучить, что дальше уже сможет учиться самостоятельно. И мы сразу начали первый урок на примере рассказа под названием «Le Schilling»²². Естественно, этот урок состоял только из четырех или пяти строчек, которые он повторил за мной несколько раз, потом я объяснил ему значение каждого слова на польском, говоря при этом о правилах произношения, по мере того как они появлялись в словах, которые мы читали. Ему очень понравился такой способ, и он сразу признал его преимущество перед старым методом. После того как он уже хорошо понял объясненный отрывок, я попросил, чтобы он сам повторил его снова два или три раза,

²⁰ Популярная трагедия «Людгарда» была поставлена в 1816 г.

²¹ «Les Salmigondis. Contes de toutes les couleurs». Т. 1–3. Париж, 1832.

²² Рассказ Alexandrine de Bawre «Le Schilling» был опубликован в сборнике «Les Salmigondis».

при этом я поправлял каждую его ошибку. И ограничился на этом, посоветовав только ему выписать эти два десятка слов по-французски и по-польски и прочитать их вслух два-три раза, что достаточно для их запоминания, а они могут пригодиться нам на следующем уроке и таким образом заменят словарь. Это было вчера. Сегодня в течение того времени, что вчера мы потратили на пять строчек, прочитали восемь или десять следующих, с обоюдным удовольствием. Его безмерно радует, что произношение, чтение и понимание могут изучаться вместе, а я рад, что оказываю ему эту небольшую услугу, которая мне нужна не меньше, чем ему, так как немного развеивает черные мысли моей тоски. Мы решили сделать для себя нерушимым правилом, пока находимся вместе, заниматься французским каждый день по часу утром и вечером. Господин Синопу сообщил нам, что у нас есть позволение по двое или по одному (по желанию) прогуливаться по большому залу, находящемуся на первом этаже этого дома. Мы еще не воспользовались этим разрешением, во-первых, потому, что в нашей немаленькой комнате есть где ходить, а во-вторых, нам о стольком надо поговорить, что время проходит незаметно. В первую ночь мы проговорили до пяти утра. Особенно я нуждался в общении после такого долгого одиночества. У Чапского же уже несколько раз были соседи в его предыдущих камерах.

4 февраля, суббота. Мой друг, не имея собственных денежных средств, получает казенную пищу, раньше состоявшую из двух, теперь — из одного блюда. Но это его одно блюдо и три моих (то есть молочный суп, какая-нибудь выпечка и два печеных яблока) готовятся несравненно лучше, вкуснее и чище, чем было у г-на Афанасьева. Видимо, жена г-на Синопу (полька родом) хорошая хозяйка и кормит нас по совету. Каждый день она приезжает из города около полудня, чтобы самой раздавать обед всем заключенным. Количество каждого блюда здесь заметно больше, поэтому я, больной и уже давно кушающий очень мало, отдаю здоровому и с хорошим аппетитом Теофилу целую тарелку молочного супа и половину выпечки, и, несмотря на это, мы оба наедаемся. На ужин у нас два моих яблока, булка и варенье, запас которых мне давно сделала госпожа Людвика. Не могу промолчать и не

похвалить госпожу Синоуп за то, что нам к чаю она дает хорошие сливки вместо водянистого молока, которое я получал у Афанасьева. И обслуживание здесь гораздо лучше. Словом, наши объединенные обеды с чаем утром и вечером насыщают нас полностью, а ведь цена всего (как мне сказал Синоуп) прежняя, а в некоторых случаях даже ниже, чем была у Афанасьева.

Теофил мне рассказывает разные, очень занимательные подробности о генерале Кропильском: о его домашней жизни, обычаях, предпочтениях и т.д. Все это мне напоминает Раймунда Корсака. Но чем Теофил больше всего располагает меня к себе, так это то, что он с искренним сочувствием, а иногда и со слезами на глазах слушает мои рассказы о жене, детях, семье. Я не могу выразить, насколько благодарен за это дорогому юноше, какое облегчение он мне приносит. Если достойный г-н Писарев хотел (как я могу судить) показать и в этом свою нелюбовь ко мне, дав мне в соседи чужого и незнакомого человека, то он сильно ошибся в своих расчетах. Ведь я искренне полюбил своего друга, и мы оба рады нашему соседству.

Сегодня вечером во время обычного ежедневного визита г-на Синоупа и его неотступного спутника г-на Стогова (большого глупца, следует добавить) первый сообщил нам печальную новость о смерти уважаемого генерала Турчанинова, коменданта киевской крепости, которого сегодня похоронили. Этот добрый старик оставил о себе хорошую память у всех заключенных. Я же должен быть ему особенно благодарным за столько раз и в разных обстоятельствах оказанное мне расположение, за беспокойство о моем здоровье и т.п. Я уверен, что его преемник, кто бы это ни был, может быть, гораздо энергичнее, но более доброго сердца у него не будет, я уверен.

Уже совершенно очевидно, что оба моих письма не были отданы Станиславу Даровскому, иначе я бы получил уже некоторые требуемые вещи от него и от дяди. Должно быть, оба уже уехали из Киева, и я остался без какой-либо дружеской помощи, поскольку и госпожа Людвика все еще больна или ее письма ко мне не допускают. Ведь столько писем от моей жены погрязло у них! И еще г-ну Писареву хватило наглости хвастаться передо мной, говоря, что некоторые ее письма

нельзя было отдавать! Какая кровавая ирония! Какая расчетливая жестокость! Чапский не мог поверить, что уже пять месяцев как мне не дали встретиться ни с кем из семьи, только мне одному!

5 февраля, воскресенье. Этот г-н Стогов, который всегда неоступно следует за надзирателем местных камер Синопутом, ни больше ни меньше как шпион г-на Бибикова, приставленный недавно, чтобы следить за каждым шагом и действием Синопута. И это, как говорят, из-за того, что последний хорошо обращается с заключенными. Кто-то его в этом обвинил, и он по приказу генерал-губернатора был несколько дней под арестом на гауптвахте.

Сегодня мы пошли с Чапским в здешний зал, предназначенный для прогулок. Разумеется, теперь можно там одновременно находиться арестантам только из одной камеры. До ареста Синопута было свободнее. Зал огромный, это правда, но сильная влажность в нем и ужасный запах свежеекрашенных окон и дверей сразу выгнали меня оттуда. В другой раз я уже не захочу воспользоваться этим благом.

6 февраля, понедельник. У Теофила приятный голос, и он поет с чувством. Я очень часто прошу его об этом, хотя при теперешней слабости я стал таким чувствительным, что без слез слушать его не могу, однако эти слезы приносят мне облегчение. Изучение французского с каждым днем продвигается все дальше. Теофил вошел во вкус и уже начинает верить, что, участь таким образом несколько недель, получит больше пользы, чем за год по старой системе. Сегодня я читал ему копию своих показаний и ответы на обвинения. Этот достойный юноша не понимал, как они могли столько месяцев меня мучить так несправедливо и с таким остервенением. И я когда-то не понимал этого, пока на собственной шкуре не узнал, на что способна злобная месть, имеющая власть и уверенная в своей безнаказанности.

7 февраля, вторник. Теофил уже три дня настаивает, чтобы я позвал доктора Юзефовича, который живет здесь. Сильная и постоянно возрастающая боль в груди очень тревожит моего товарища. Видя его искреннее братское беспокойство, которое он умеет выразить в самых убедительных словах, я уже не смог отказываться от вызова другого врача, хотя ожидаю от

него помощи не больше, чем от предыдущего. Но еще одно, более сильное побуждение склонило меня к этому. Чапский уже давно страдает от ран на ногах, которые долго не обрабатывались. Ибо и г-н Афанасьев, и г-н Синопуп совсем об этом не заботятся, как считает Теофил, из-за того, что он не сможет оплатить аптеку и уход, в котором нуждается его нога. Поэтому вчера, во время вечернего визита, я заявил, что нуждаюсь в докторе, чтобы таким образом г-н Юзефович и Чапскому дал свой совет и выписал какое-нибудь лекарство. Сегодня сюда пришел господин Юзефович в сопровождении Синопуца и Стогова. Этот молодой врач, наш земляк, который учился в Вильно, пробыл у нас почти полтора часа, то есть где-то в шесть раз дольше, чем обычно задерживался Мёринг. Он тщательно выспросил все подробности моей болезни и выписал мне огромный пластырь на грудь и какую-то микстуру. Но, отвечая на его вопросы, когда два присутствующих аргуса сказали что-то о Чапском, я сразу сказал Юзефовичу на латыни о моем друге, его страданиях и бедности, о его болезни легко можно догадаться по костылям, без которых бедный Теофил и шагу сделать не может. И я не ошибся, будучи хорошего мнения о порядочности этого доктора. Закончив со мной, он сам сразу же обратился к Чапскому, обработал его раны, велел все ему подробно рассказать. И хотя наши господа хотели сократить визит Юзефовича, он не обращал на это внимания, полностью погрузившись в свое занятие. Он прописал больному разные лекарства и пообещал его часто навещать.

Где-то через четверть часа после его ухода Чапского вызвали в Военный суд, заседания которого проходили в этом же здании последние два или три дня. Моего товарища держали там недолго, председатель суда только прочитал указ царя, повелевающего судить по этому делу со всей строгостью, и спросил Теофила, имеет ли тот еще что-то добавить в свою защиту к уже сделанным показаниям. Чапский ответил, что не имеет, после чего его немедленно отправили назад. Я очень рад, что Следственная комиссия, должно быть, уже закончила свою работу, раз начал действовать Военный суд. И моя очередь придет предстать перед этим судом. Только бы побыстрее! И тогда, если меня, как Чапского, спросят, то я не скажу, как он, что мне нечего сказать в свою защиту, а, наоборот, ска-

жу, что имею сообщить много интересных вещей. Подождите, уважаемые господа Писарев и Гайворонский, может, с окончанием вашего председательства и меня захотят послушать. Может, и для меня наконец найдется справедливость!!!

8 февраля, среда. Рядом с нами, по левой стороне, находятся Немировский Леопольд с Боровским Петром, а по правой — Пожарынский Юстин с Виктором Мартином, французом. Двух последних я не знаю, а Чапскому Мартин известен довольно хорошо. Он был учителем в доме Валевского в Волыни. Когда я рассказывал Теофилу о произошедшем со мной в Комиссии 21 ноября и о слышанном тогда женском голосе, он из слов, которые я повторил, сделал вывод, что это была госпожа Эва Фелинская.

Сегодня день рождения моего второго сына. Моему Ольгерду сегодня исполнилось два года. Но как день рождения первого сына в декабре, так и сегодняшней праздник бедная их мать отмечает одна и в горьких слезах. День рождения моего третьего ребенка, любимой моей доченьки, будет 2 апреля... и я, скорее всего, уже не доживу до этого дня! Я очень сомневаюсь, что даже увижу день твоего рождения, мой самый дорогой в мире человек!.. день 11 марта, хотя до него остался всего месяц. Но месяц — какое же это далекое будущее для угасающей жизни!.. О, как же больно эти праздники моего сердца вспоминать в тюрьме! И думать во время каждого, что от следующего меня отгородит вечность!

9 февраля, четверг. Если бы не мои страдания, с каждым днем все усиливающиеся, и не это убивающее беспокойство о моей жене, и не мысли, подобные вчерашним, которые часто охватывают меня, то с тех пор, как я нахожусь вместе с Теофилом, время, хотя и в тюрьме, за замками и решетками, проходит гораздо менее тягостно. Он мне рассказывает о Кропинском Людвике, о разных своих знакомых, многие из которых здесь, в тюрьме, читает мне разные свои стихи. Я, в свою очередь, рассказываю о себе: о жене, детях, о моем домашнем счастье. Иногда я ему перевожу отрывки из Виктора Гюго, которыми он восхищается, так же, как и чудесными песнями Стаха Доливы, которые я привожу ему по памяти. Эти последние мне иногда приходится повторять по несколько раз, а он все время слушает с большим вниманием. При этом каж-

дый день уроки французского, в котором уже сегодня заметен большой прогресс. И все это занимает наше время с шести утра до одиннадцати вечера, а иногда до полуночи и позже.

Сегодня здесь снова был Юзефович. Он выписал для меня другое лекарство, а предыдущее велел повторить. И ногой Теофила он постоянно занимается. Он обещал принести мне книги, которые поспрашивает у своих знакомых, поскольку у себя имеет только медицинские. На этот раз он остался у нас около четверти часа после ухода Синопуна и Стогова, которых куда-то вызвали, и рассказал, как последний во всем следит за первым, и поэтому Синопун, хотя и очень вежлив с нами, однако очень боится своего соглядатая.

10 февраля, пятница. Сегодня утром меня навестил Мёринг. Вскоре после него пришел и Юзефович. Тот похвалил лекарства, выписанные мне этим. Говоря о деле заключенных, он сказал, что вот-вот все будет закончено. Больше об этом не хотел или не мог сказать. Чапский не ожидает в отношении себя ничего хорошего. Что касается меня (если Бог позволит дожить мне до окончания), то я боюсь одного только промедления, беспокоюсь только о том, чтобы после моего возвращения домой не было уже поздно спасти жену. Ибо что касается моего дела, будет ли его рассматривать Военный суд или какой другой (только бы не Писарев и Гайворонский), я не могу предполагать никакого наказания там, где нет ни малейшей вины. И за что меня могут наказать??? Или я уже недостаточно настрадался за последние месяцы?..

11 февраля, суббота. Сегодня наступил сорок первый год моей жизни... только! Великий Боже! Слишком рано Ты ве-лишь мне уходить из этого мира, сделав его таким привлекательным... Самая лучшая, самая любящая и любимая супруга, трое прекрасных деток, старшему из которых только три года! Да будет пресвятая воля Твоя!.. Но, бесконечная Доброта! Прости слезы невыразимого сожаления о таком скором расставании со счастьем, которым Ты одарил меня. Ведь и чувства, из-за которых я проливаю слезы, тоже Твое дело... О, почему же в эти минуты я не нахожусь с тобой, моя несравненная, любимая спутница! Мой заботливый ангел! Только бы Небесный Отец продлил твои дни теми днями, которые я так хотел прожить для тебя и наших детей!.. Если им Бог сохранит тебя,

они не будут несчастны... Но ты, моя любимая, бедная Пелагия!

12 февраля, воскресенье. Вчера я просил г-на Синопуа, чтобы мне разрешили присутствовать на русском богослужении в здешней часовне, и после совещания со Стоговым вышло, что мне в этом не отказали. Но я мог слушать эту службу только из коридора через стеклянные двери. О, как же искренне и горячо я молился о твоём здоровье, драгоценная! И одновременно о счастье для меня, чтобы еще раз тебя увидеть и благословить детей!.. На протяжении всего богослужения слезы из моих глаз лились ручьями...

Вскоре потом Синоуп принес мне письмо от жены. Она пишет 27 января, что с 30 ноября из моих писем она получила только одно! Из е слов я увидел, что она не знает о моем состоянии здоровья. Слава Богу!.. Она заканчивает тем, что потеряла счет своим письмам, которые она написала мне. Благодаря уважаемому г-ну Писареву я получил едва третью часть этих писем. В этом письме было несколько слов Александра, ее брата, который призывает меня, чтобы я быстро оправдался и возвращался домой. Он не знает, что я давно бы уже там был, если бы не эта адская злость варваров, которые уже пятый месяц издеваются надо мной.

13 февраля, понедельник. Вчера, возвращаясь с богослужения, через открытые в коридор двери я увидел нескольких женщин, которые спустились в комнату для свиданий в квартире Синопуа, чтобы встретиться со своими сыновьями, мужьями или братьями, находящимися здесь. Я сказал об этом Чапскому, и он сразу же захотел выйти, чтобы в коридоре найти себе какой-нибудь повод якобы случайно заглянуть в эту комнату. Мне не знакомы лица всех этих женщин, кроме одной, которую, как мне казалось, я где-то видел. После возвращения Чапского оказалось, что это была Анеля Яжина, жена Леопольда Яжины, в девичестве Пшигодзкая. Я был знаком с ней до ее замужества, еще в 1831 году.

Сегодня утром я писал жене, отвечая на ее вчерашнее письмо. Также я написал и госпоже Лесневич, которая, может, уже давно поправилась, но наверняка не знает, жив ли я и где нахожусь. К ним я приложил отдельное письмо для плацмайора, прося его отправить на почту то, которое я написал

жене. В нем я написал Гайворонскому, что какие бы причины ни имела Следственная комиссия для сурового обращения со мной, лишая меня даже того утешения, которое закон дозволяет даже самым ужасным преступникам, то есть получение информации о жене и детях, однако обычная человечность и христианские обязанности запрещают распространять эту строгость на мою жену, которая ничем не заслужила, чтобы ее приговорить к смерти и оставить сиротами троих детей. А ведь это обязательно произойдет, если в ее теперешнем состоянии комиссия не будет отправлять ей моих писем...

После того как я отправил эти письма Синопу, он сам пришел сюда, чтобы забрать меня с собой. Я догадался, что иду в Военный суд, и действительно, так и было. Придя туда, я увидел шестерых офицеров разного звания, сидящих с двух сторон огромного стола, и возглавляющего их за этим же столом генерала. Сбоку, за другим столом, сидел аудитор, которого я все время видел пишущим в Следственной комиссии. Этому последнему генерал сразу после моего прихода велел прочитать мне указ царя, предписывающий настоящее дело судить Военному суду по всей строгости закона. Поскольку я не совсем хорошо понимал то, что мне читают, то я сообщил об этом генералу после окончания чтения, а он сам кратко повторил мне прочитанное по-французски. После чего он сразу спросил меня, имею ли я что добавить по моему делу. «Очень многое,— ответил я,— я имею сообщить по нему, господин генерал, и с нетерпением ожидал момента, когда должен был здесь предстать». После этих слов я рассказал: «Все жалобы против Следственной комиссии, ее незаконное со мной поведение, притеснения, оскорбления, которые я получил, мой против этого протест во имя Царя и безрезультатная жалоба генерал-губернатору, пробужденная ею личная злоба и месть господ Писарева и Гайворонского, с тех пор постоянно преследующих меня, не приложенные к моему протоколу показания, которые меня полностью оправдывают, отказ, несмотря на мою настойчивость, в очной ставке с Конарским, неверная, с умышленными опущениями не в мою пользу запись актов очной ставки с Михальским, Лесневичем и Бенькевичем и т. д.». Также я добавил, что после каждого противоправного действия я повторял свой протест во Имя Монарха. Упомя-

нул и о том ответе Писарева, когда я заявил ему 8 января, что по отношению ко мне Комиссия поступает неправоммерно: «Oui, illegale, eh bien?». Закончил же я тем, что процесс по моему делу представлен Военному суду неточно, потому что в нем нет самого главного документа, содержащего мою защиту и убеждающего, что я невиновен. «А ведь, генерал,— говорил я далее,— закон и воля монарха разрешают защищаться даже самым опасным и закоренелым преступникам, веля все их оправдательные показания как можно точнее включать в протокол, но для меня одного этот закон был нарушен».

Генерал терпеливо все слушал. Но когда он стал сомневаться, что Следственная комиссия могла допустить «такое беззаконие», я сказал: «Я могу сразу же вас убедить в самом главном из них, то есть в непомещении в процесс моих показаний от 26 ноября прошлого года на французском языке, представленных в Комиссию, если буду иметь процесс в руках». «Вот он»,— сказал он, беря со стола довольно толстую папку и передавая ее мне. Я тотчас же показал ему, что упомянутых показаний в ней нет.

Генерал на минуту задумался. Потом он встал со своего стула, прошел несколько шагов и встал, опираясь о фрамугу окна. Потом велел мне подойти к нему и расспросил о некоторых подробностях. Отвечая на это, я снова говорил о разных доводах явной ненависти ко мне Писарева и Гайворонского, об их угрозах, хвастовстве и т. д. Этот разговор продолжался около получаса. После того как он вернулся к столу, я выразил просьбу, чтобы мне позволили повторно написать свое оправдание, уничтоженное Комиссией. Генерал ответил, что это невозможно. «Но, по крайней мере,— снова отозвался я,— пусть суд разрешит мне, когда будет разбирать мое дело, чтобы я явился сюда еще раз и хотя бы устно высказал свою защиту». Генерал уверил, что это будет мне позволено, обещая, что по этому случаю меня еще раз вызовут в Военный суд. Я попросил, чтобы генерал велел записать в протокол только что представленные мои жалобы на Следственную комиссию, а именно на двух ее членов, Писарева и Гайворонского. Я безмерно удивился, когда он мне в этом отказал. Велел только аудитору записать, что царский указ был мне прочитан и что

я якобы сообщил только то, что мне нечего добавить по моему делу, кроме того, что мои показания от 26 ноября не находятся в документах процесса. И на такой составленной аудитором бумаге генерал велел мне поставить подпись, что я и сделал. Но прежде чем это произошло, пока аудитор писал, генерал еще раз уверил меня, что я еще раз буду вызван в Военный суд, чтобы устно привести доказательства в свою защиту, добавив, что это случится на днях.

Подписав бумагу, я сразу вышел и вернулся к Теофилу, который был удивлен, что меня продержали в Военном суде около двух часов, когда он сам был там не дольше четверти часа. Я рассказал ему все, и он похвалил меня за жалобу на Следственную комиссию. Но ни он, ни я не можем понять, почему все мои жалобы не хотели записать. Чапский сказал, что он читал Устав Петра I для Военных судов, который предписывает, чтобы все жалобы обвиняемого принимать и записывать. «Но это уже не важно,— говорил он,— если ты еще раз предстанешь перед судом и будешь защищаться. Твое дело настолько ясное, что невозможно сомневаться в твоём освобождении».— «Но что из этого, если я до него не доживу?» Он старался успокоить меня разными примерами быстрого рассмотрения дел в Военных судах. «Дай Боже только, мой дорогой Теофил, чтобы смерть моя не была быстрее их!» Когда я возвращался из Военного суда, Синоуп сказал мне, что фамилия генерала, председателя этого суда, Репницкий. Человек преклонных лет, высокий, худой, с мягкими чертами лица. Речь у него плавная и правильная.

14 февраля, вторник. Сегодня мы разговаривали о множестве заключенных. Чапского привезли сюда гораздо раньше меня и чаще переводили из камеры в камеру, при этом большую часть времени он был в них не один, поэтому в этом вопросе он был гораздо более осведомленным. Сопоставив наши с ним знания по этому вопросу, мы сделали печальный, но точный вывод, что число заключенных в Киеве обывателей, женщин и преподавателей здешнего университета составляет около 200 человек!!! Но значительную часть из них до этой поры уже должны были освободить, если везде было столько же освобожденных, как в артиллерийских казармах. Он рассказывал мне о многих очень способных заключенных, студен-

тах местного университета, а среди них об огромном поэтическом таланте Стшельницкого. Он родом из Подолья, сын от первого брака госпожи Люцины Яшовской.

15 февраля, среда. Доктор Юзефович был у нас и пробыл полтора часа. Теофил чувствует значительное улучшение в ноге. Правда, я не могу сказать того же о моем здоровье, однако, сравнивая Юзефовича с Мёрингом и отбросив в сторону врачебные умения обоих, о которых я не могу судить, с точки зрения заботы о больных и сочувствия к их страданиям наш земляк гораздо выше своего немецкого коллеги.

Чапский написал несколько стихов ко мне, которые действительно вышли из его сердца. Мне кажется, в них он заглянул в мою душу. Он читал их с чувством и невыразимо растрогал меня ими. Они лучше, чем вся его поэзия, которую я слышал прежде. Может, эти стихи мне так понравились из-за того, что среди них есть одно, посвященное моей жене, второе — моим детям, еще одно — Стаху Доливе, которого я помог узнать Теофилу как поэта и полюбить как человека, в самом благородном смысле этого слова, и как друга, которого я люблю вот уже двадцать лет. Говоря о нем в своих стихах, он отдает заслуженную честь его прекрасной душе и его несравненным «Волостным напевам», «которые по всей стране братские уста и наши внуки повторяют обязательно». Так заканчивается стихотворение о Стахе.

16 февраля, четверг. Госпожа Людвика прислала мне сегодня «Memoires d'une femme de qualite sur le Consulat et l'Empire», 4 тома²³. Я раньше уже это читал, но охотно прочту еще раз, при этом мы еще с Теофилом будем переводить из нее отрывки. Но с этой посылкой ни слова от госпожи Людвики. Синопу я отдал книги коменданта, которые оставались у меня с декабря.

Пару часов спустя Синопун принес мне письмо моей жены, привезенное ее братом Александром, который, приехав сюда позавчера, на этом же письме дописал пару слов от себя. Жена писала 8-го числа этого месяца. Она сообщает, что свадьба моей сестры уже состоялась, повторяет вопросы по поводу

²³Правильно: «Amabel, ou Memoires d'une jeune femme de qualite sur le Consulat et l'Empire» Элизабет Харвей. Париж, 1819.

сдачи имущества внаем и жалуется, что не получает моих писем. Но пишет чрезвычайно мало! И так неразборчиво. Пишет «в кровати», как говорит, «из-за сильной боли в руке...». Только бы это была правда!.. Эти ее несколько предложений, написанных дрожащей рукой и в кровати, слова, которыми она заканчивает это письмо: «Ах! Неужели ты никогда не вернешься?..» — все это сжало мое сердце какой-то смертельной тревогой и зловещим предчувствием. Самые печальные картины, черные мысли не покидают меня ни на минуту. Мои глаза постоянно наполнены слезами... Я как мог старался скрыть это состояние моей души, отвечая жене. Написал я и Александру, умоляя его, чтобы он попытался получить позволение встретиться со мной. Я сказал, что сейчас, когда дело уже идет к концу, он должен легко получить разрешение. К письму жены я приложил письмо и к моей матери, чтобы сегодня, в день ее рождения, дать ей доказательство памяти и сыновней любви. Также я послал благословение сестре и сердечный привет новому члену нашей семьи. Я пытался любыми способами отогнать мысли, порожденные письмом Пелагии... Но напрасно! Они полностью завладели моей душой и разумом... Сомневаюсь, чтобы мама смогла разобрать то, что я ей писал, потому что я едва видел бумагу перед собой.

17 февраля, пятница. Чапский уже настолько продвинулся в изучении французского (хотя начал учить его только две недели назад), что сейчас по две или три страницы читает легко, вполне неплохо произносит и, кроме десяти-пятнадцати слов на странице, понимает все. Мы закончили рассказ «Le Schilling» и взялись за другой. Теперь я к нему чаще обращаюсь по-французски, и он иногда простые вещи может мне на этом языке ответить, в чем ему очень помогает ежедневное выписывание слов из нашего чтения. Их набралось уже довольно много, а он сам составляет из них короткие предложения. Но при его способностях, хорошей памяти и усердии он мог бы еще лучше этим пользоваться, если бы грустное впечатление от вчерашнего письма, которое я не мог преодолеть никакими усилиями, не лишало меня способности посвятить все мое внимание какому-нибудь иному предмету. Правда, ни вчера, ни сегодня я не пропустил обычных с ним занятий, но делал я это с большим усилием над собой.

18 февраля, суббота. Юзефович во время сегодняшнего визита открыто объяснился, почему до сих пор не принес нам книги, которые обещал. Заметно, что он искренне хотел бы оказать нам эту услугу, но боится, чтобы подозрительные аргусы не стали из-за этого вредить ему, представляя в черном свете совсем невинную вещь, примеры чему здесь встречаются каждый день. Все это он мог сказать мне только урывками, когда наши господа были заняты разговором с Чапским и офицером охраны. Я уверил его, что нисколько его в этом не виню. И так бы его книги сейчас лежали напрасно, потому что я ни на что не способен.

19 февраля, воскресенье. Сегодня мне снова позволили слушать русское богослужение через окно коридора, как раньше. Нет слов, чтобы выразить чувства, с которыми я молился. Мои мысли постоянно уносили меня к этой кровати, с которой жена мне писала. Еще никогда я не возносил к Тебе более искренние, более горячие молитвы, Отче Небесный! Возвращаясь оттуда, и на этот раз я заметил около восьми женщин, прибывших на свидание с заключенными, и с невыразимым сожалением подумал, может уже в тысячный раз, что только ко мне никому нельзя прийти! Видимо, и Александру Даровскому повезло в его стараниях не больше, чем дяде и брату! Но видно и то, что он не получил моего письма, раз ничего не присылает. Признаюсь, мне нелегко помнить о том, что я христианин, и не желать Писареву тех страданий, которые он причиняет мне.

20 февраля, понедельник. Чрезвычайная тоска, которая охватила меня с четверга, усиливается с каждой минутой. Какой-то необъяснимый хаос в моей голове не дает мыслям, вызванным этим письмом, обратиться к чему-либо другому, какие-то непонятные видения во сне и наяву постоянно снуют в моем воображении... Может быть, это предчувствие моей близкой кончины?.. Или же... О Великий Боже! Не смею докончить.

21 февраля, вторник. Утром мне отдали письмо госпожи Людвиги. Она пишет, что только вчера получила мое письмо, написанное 13 февраля. Он долго лежала тяжело больная и без сознания. Она отослала мне теплую одежду и турецкий табак, присланные Пелагией во время ее болезни. Табаком я

поделился с Чапским, который, как и я, не может привыкнуть к дешевому табаку. Я сразу же ответил Людвике. Эта моя бесценная опекунша с нежной заботой, почти как родная сестра, справляется о моем здоровье. Пусть Господь вознаградит ее за это скорейшим освобождением мужа! Она спрашивает, не повредит ли мне кофе. И если я хочу, то она из оставшихся у нее моих денег может купить мне кофемолку и другие предметы для кофе. Я написал ей, что в моем теперешнем состоянии мне уже точно ничто ни помочь, ни навредить не может. Поэтому я попросил ее сделать эти покупки и постараться, чтобы они дошли до меня. И эти последние слова я подчеркнул: она это поймет. Сможет ли она как-то повлиять на то, чтобы эта посылка не застряла у Писарева или у Гайворонского, как уже потерялись у них многие предназначенные для меня вещи? Я просил кофе не для себя, ибо, хотя всю свою жизнь я чрезвычайно любил этот напиток, теперь я уже не чувствую тяги к нему. Все мне уже опостылело, особенно в эти последние несколько дней после письма Пелагии. Но я хочу иметь кофе для моего товарища, который сказал, что это доставило бы ему радость.

22 февраля, среда. Сегодня вечером от меня забрали Чапского. Он предполагает, что его осудят, а из-за своих и других обвиняющих его показаний он опасается строгого наказания. Предполагает, что его ждет ссылка.

С раздирающим сердцем я прощался с этим молодым человеком, по-братски делясь с ним вещами, которых ему не хватает. Я дал ему все имеющиеся у меня деньги (10 рублей), оставшиеся из того, что я взял у Михальского Вильгельма. Ему, если он не ошибается в предположении, что его отправят за Днепр, эти деньги нужны будут больше, чем мне. Ведь если я и доживу до конца дела, то, несомненно, поеду только домой. Доброе сердце Теофила отгадало чувства, с которыми я отдавал эту мелочь, и он не обидел меня отказом. Деньги он удачно спрятал в обшивку костыля, там их искать никому и в голову не придет. На память о проведенном совместно времени я подарил ему французскую книгу, по которой он учился этому языку и которая будет напоминать ему о многих грустных, но одновременно и приятных часах... Мы оба расставались со слезами, говоря одно и то же, но подразуме-

вая такие разные вещи, что наверняка мы видимся уже последний раз.

Вот я снова остался наедине со своей печалью, тоской и с ужасными предположениями, при мысли о которых я вздрагиваю, как при виде поглощающей бездны!..

Но почему же меня до сих пор не вызвали в Военный суд, как обещал генерал Репницкий? Уже четыре или пять дней как Теофил постоянно уверял меня с утра, что сегодня уж непременно меня туда вызовут. Ведь сегодня уже десятый день с моего там первого появления. Неужели председатель Военного суда забыл об этом? Это невозможно. Или же я должен сделать вывод, что и здесь Писарев смог навредить???

23 февраля, четверг. Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Меня постоянно бросает в жар. Все время я вижу перед собой мою жену на смертном одре. Мне кажется, что она зовет меня, что ее голос звучит в моих ушах. Я ослаб чрезвычайно. С нетерпением я ждал утра, чтобы, когда откроются двери, сказать, что мне нужен Юзефович. Синопуп тотчас же его привел. Доктор испугался произошедшей со мной перемены. Я попросил у него какое-нибудь укрепляющее лекарство, как раньше Мёринга. Он его выписал, и я сразу начал принимать. После обеда слабость немного прошла, и я, хоть и с большим трудом, написал несколько слов Даровскому Александру, а при этом и плац-майору. К этому последнему я обращался со словами наивысшего отчаяния, повторяя содержание письма, написанного десять дней назад.

То, что так неожиданно и внезапно отсюда забрали Теофила, тоже способствовало ухудшению моего состояния. Добрый, понимающий, деликатный и чрезвычайно легкий в совместной жизни, его общество по стольким причинам было благом для моей души, особенно в эту последнюю неделю. Сейчас к моим переживаниям добавляется еще и та мысль, что его опасения за свою судьбу могут быть не напрасными... Бедный Теофил!

24 февраля, пятница. Мое состояние такое же, как вчера, с той только разницей, что ночью я часа на три провалился в тяжелый сон. Но какие же картины я в нем видел!!! Обливаясь холодным потом и слезами, я проснулся около трех. Потом уже не смог уснуть, боясь, что эти ужасные картины повторятся.

После обеда ко мне привели нового соседа. Зовут его Пожарский Юстин, из Волыни, человек уже немолодой, женатый, служивший в имении Радзивиллов в Олице. Его воспитание и умственные способности не смогут, правда, заменить Чапского, но он тоже, кажется, человек с добрым сердцем. В конце концов, и то хорошо, что я уже не буду один, как боялся.

25 февраля, суббота. Все чаще доходят вести о том, что заключенных вывозят за Днепр, видимо, вглубь России и, несомненно, тех, кого признали виновными. Не понимаю, почему меня до сих пор не вызвали в Военный суд? Что можно предполагать, кроме влияния заклятого врага Писарева?.. Но это уже не важно. Тревога за жену сделала меня равнодушным ко всему.

26 февраля, воскресенье. Сегодня мне не разрешили слушать богослужение. А Синопуп был пойман на том, что предвещающий два воскресенья разрешал мне молиться в коридоре. Что же в этом увидели плохого?

Пожарский говорил мне, что я разбудил его ночью громкими стонами во сне и что я несколько раз произнес имя Пелагия. Я не помню, что мне снилось, знаю только, что кошмары меня ужасно измучили. Пожарский рассказывал о своем деле. Мне кажется, что и при самом строгом суде у него найдут очень мало вины.

Он, как и Чапский, получает казенную еду, и я ему отдам большую часть того, что мне приносят, потому что снова не могу есть.

27 февраля, понедельник. Даже если бы я был полностью здоров, то уже одно только ужасное, пожирающее беспокойство о самом дорогом в мире человеке убило бы меня, а что говорить о моем теперешнем состоянии! Уже двенадцатый день, как жар у меня не проходит. Силы меня совсем оставили. Ходить я уже не могу и всю неделю лежу неподвижно.

Разговор тоже мне сильно напрягает грудь. Пожарский настолько добр, что возле моей кровати мне постоянно что-то рассказывает, стараясь рассеять черные мысли, которые постоянно приходят мне в голову...

28 февраля, вторник. Сегодня после обеда господин Синопуп прислал мне книгу расчетов, чтобы я в ней посмотрел и подписал расходы из моих денег за весь этот месяц. Его счет

полностью совпадает с моим, и, согласно им обоим, у меня остался только 81 рубль.

Может, это обычай господина Синопупа — делать расчеты с заключенными в конце месяца. А может, эти расчеты со мной означают, что меня переведут в другое место. Только бы не назад, в тесную и влажную каморку казарм. Я сказал об этих выводах Пожарыскому. Он тоже считает, что меня переводят, и даже предполагает, что меня отсюда освободят, как недавно освободили отсюда Красуских и других. Боже! Только бы это было так!

РОССИЙСКОЕ ЦАРСТВО — ДОРОГА ЮЛИАНА САВИНЬСКОГО В СИБИРЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Tu lascerai ogni cosa diletta
più caramente; e questo è quello strale
che l'arco de lo essilio pria saetta.

Tu proverai sì come sa di sale
lo pane altrui, e come è duro calle
lo scendere e 'l salir per l'altrui scale.

E quel che più ti graverà le spalle,
sarà la compagnia malvagia e scempia
con la qual tu cadrai in questa valle.

Dante Alighieri

Глава пятая

На пути в Сибирь.— Декрет.— Варварский произвол при отправке в Сибирь.— Несколько дней нахожусь в бесчувствии.— Что мне вернуло сознание?— Встреча на станции.— Суд по внешнему виду.— Шапка.— Дрогобич.— Мои новые знакомые.— Вязьма.— Городничий.— Доктор.— Разговор жандармов.— Москва.— Известие о друзьях.— Встреча с губернатором.— О чем его прошу?— Обещания.— Муки голода.— Страдания из-за отсутствия трубки.— Владимир.— Бесчеловечный надзиратель.— Офицер-поляк — не лучше.— Нижний Новгород.— Верное средство увидаться с губернатором.— Местный вежливый и человечный; только чересчур боязливый.— Выдумки о Раморине.— Казань.— Вице-губернатор Валькевич.— Велит отменить мои кандалы.— Надзиратель разумный и человечный.— Иоахим Лесневич.— Добрый жандарм из Казани до Перми.— С Иоахимом съезжаю несколько раз.— Пермь.— И здесь хороший надзиратель.— Вежливый, добрый и образованный полицейский.— Ксендз Зелиньски.— Недостойный доктор.— Консилиум.— Губернатор, самый благородный из доселе виденных.— Хорошо знающий латынь прокурор.— Пасха.— Поп приходит обратить меня в ересь.— Жандармский офицер.— Снова обращающий поп.— Как от него наконец избавлюсь? — Выезд из Перми.— Предчувствия.— Добрые люди на станциях.— Встреча с Машковским и Бопрэ.— Екатеринбург.— Доктор.— Ночлег с Бопрэ и Машковским.— Пересекаю границу Европы.— В какую годовщину?— Встреча с Мархоцким.— С Бопрэ почти все время вместе до самого Тобольска.

1839

На почтовой станции, в субботу в ночь 4 марта. На пути в Сибирь. Уже около двух часов я смотрю в ошеломлении на

эту ужасную надпись, и не верится мне, что я написал это о себе... Вихрь беспомощных, ужасных мыслей кружится у меня в голове. Они снуют одна за другой, а я страшусь какую-либо из них задержать и каждую боюсь как врага, который с неизбежной смертью только и ждет, когда я приближусь...

Я, высланный в Сибирь, к тяжким работам приговорен!!! Лишен всего, что даже для диких людей свято и дорого! Вышвырнут из общества, как ужаснейший из разбойников, как чудовищный выродок!.. Я, похороненный заживо!!! Неужели это действительно произошло со мной? Не кошмар ли это, творение большого воображения?.. Тысячу раз я повторяю эти вопросы, тысячу раз сам себе отвечаю, что я охвачен каким-то тяжким сном, что у меня горячка, что я в помешательстве...

Но эти оковы, к которым прикасаюсь, тяжесть которых с неизмеримой болью я едва могу передвигать, эти двое — вооруженные, постоянно, неотступно стерегущие меня головорезы, этот злосчастный звонок, с которым я уже столько прошел, этот чужой язык, эти каждый раз иные, но всегда неизвестные места и лица... А больше всего эти слова адского приговора, постоянно звучащие у меня в ушах, и эта сатанинская фигура врага, который огласил мне его с отвратительным мстительным хохотом, — все это даже чересчур меня убеждает, что, по крайней мере, я не сплю и что, к своему несчастью, я не сошел с ума!.. О, почему же, варвары, вырывая у меня все, вы не вырвали одновременно память и чувства!!!

Позади остались уже Днепр, Чернигов, Стародуб, Смоленск... Сегодня я видел на почтовом столбе расстояние от Киева. Сумерки не дали мне точно увидеть число, но похоже, что половину пути до Москвы я уже преодолел. О Боже! Никогда в своей жизни я не был так далеко от дома, от своих!.. А как представить себе, что меня везут в Тобольск!..

Вдруг неожиданно пораженный как молнией ужасной судьбой, о которой я не допускал ни малейшей мысли, со среды я пребывал в состоянии полного одеревенения всех душевных сил, бесчувственный ко всему, что видел и что со мной происходило. Почти обессиленного жандармы втаскивали меня в сани и потом вытаскивали из них на каждой почтовой станции. Только сейчас память мне постепенно возвращает события и обстоятельства той ночи на среду и их страшные последствия...

Недавно я заметил, что в карманах того единственного платья, которое мне оставили, когда у меня отобрали в Киеве все, сохранились твои письма, моя драгоценная, моя несчастная Пелагия! А с ними копии того, что я писал в Комиссию, и обрывки моего дневника. Нашел я также среди всего этого несколько кусочков карандаша, которые всегда держал при себе, так же как и пару шариков из хлопка, пропитанных засушенными чернилами. Поэтому я хочу, пользуясь отдыхом в течение трех или четырех часов, который мне дают жандармы каждую ночь из жалости к моему слабому состоянию (или, скорее, из страха, чтобы я не умер до того, как привезут меня в Москву), хочу, говорю, как только смогу, собрать свои мысли и для тебя, дорогая, описать бесчинства, творимые со мной.

Раньше или позже ты это прочтешь. Чем дольше я размышляю над тем, что произошло, тем больше считаю невозможным, чтобы такой неслыханный произвол и ужасное бесправие в отношении меня могли стать окончательным приговором. Если я доживу до Москвы, то буду требовать встречи с главными властями и просить оставить меня там на некоторое время для поправки здоровья и для того, чтобы писать к царю и к тебе, единственной. Не сомневаюсь, что эти требования будут удовлетворены, ибо, несомненно, во всем мире не найдется уже чудовищ, подобных тем, какие убивали меня в Киеве... О, только бы ты не получила моего письма, написанного в последний час перед моим оттуда выездом. Я писал тогда в адских мучениях, в отчаянии, под убийственным воздействием наипугающих впечатлений, пережив сатанинские надругательства врага, и письмо это, несомненно, стало бы для тебя смертельным ударом... Но может, они не отправили его, ведь в нем я упоминал об их недостойном поведении и издевательствах надо мной. Ведь столько писем к тебе они уничтожили из-за своей злобы, только для того, чтобы помучить меня и тебя, может, это не пошлют из-за себя самих, чтобы укрыть свои преступления. Однако неуверенность в этом мучает меня сверх меры.

Храпят мои тюремщики. Каждый вечер один из них ложится на пол у дверей, а другой садится с намерением следить за узником. Но вскоре и лежащий и сидящий спят как убитые.

Свеча всегда горит до самого отъезда. Меня с Киева совсем покинул сон. Поэтому лежа завернувшись в плащ и повернувшись спиной к палачам и под видом чтения моей книжки для богослужений (они видят, как я молюсь по ней каждый день), хочу писать тебе этот грустный рассказ о наших несчастьях, насколько только вспомню и найду в себе силы. В конце концов в эти несколько месяцев заключения я научился уже писать сокращениями очень быстро. О, дорогой мой ангел, что будет с тобой, когда ты узнаешь о моей судьбе? Сможешь ли ты выдержать все это в твоём теперешнем состоянии и при слабом здоровье? Мой дух слабеет, когда это представляю... Бог доброты! Поддержи ее и сохрани несчастной троице малышей по крайней мере мать, коль отца гневом твоим Ты покарал так сурово!

1 марта 1839, в Киеве, среда. На протяжении всего вечера вчера и всей ночи не видно со мной никакой перемены, я уже был уверен, что мы оба с Пожарыским ошиблись в наших догадках. Прибытие Мёринга сегодня утром утвердило меня в этих мыслях. Он расспрашивал о моих страданиях и давал свои советы. Весь день я был безмерно грустен и страдал. Мысль о непонятной жестокости тех, кто так растягивал мои страдания, когда стольких заключенных уже давно освободили, безграничное беспокойство о здоровье, о жизни бедной жены, убежденность, что на нет сошли обещания председателя Военного суда*, все это при огромном физическом истощении лишало меня мужества и моральных сил. Я постоянно повторял моему товарищу, что «эти варвары, взбесившись, потому что, несмотря на все свои усилия, вины моей найти не могли, сейчас соглашаются на то, чтобы как можно дольше откладывать рассмотрение моего дела, несомненно желая, чтобы я умер в тюрьме, и тем исполнят свои желания». Напрасно Пожарыский пытался рассеять эти мысли и душу мою укрепить, внушая, что каждый день, каждый час я должен ожидать конца и освобождения. Вечером мы слышали какое-то необычное движение в коридоре, голоса двух или трех охранников: казалось, что выносили чьи-то вещи. «Наверное, это снова кого-то выпускают на свободу,— сказал я своему товарищу,— уви-

* Репнинский С. И.

дишь, что всех вас вскоре освободят, один я только останусь, меня отсюда, верно, только мертвым вынесут».

Однако же, может, пару часов спустя вдруг открылись двери ко мне. Входит какой-то неизвестный мне прежде офицер с площади и мягко объявляет, что «я должен собраться со всеми моими вещами, прося меня (слово, которое их сиятельства доселе не использовали), чтобы я поторопился, потому что у него нет времени, что сани уже готовы и он будет ждать, пока я соберусь у господина Синопуа». Его вежливое обращение и определенно веселое выражение, с каким он это сказал, как мне, так и моему сокамернику показали сулящими добро. С помощью Пожарыского и охранника быстрее чем за полчаса все мои вещи, разбросанные по разным углам, были полностью упакованы, а пока их вниз сносили, унтер-офицер стражи проводил меня в комнату г. Синопуа, который пил чай с прибывшим за мной офицером. Тот сразу же спустился со мной вниз, и мы поехали. Я думал, что мы заедем в ордонанстаус. Но офицер велел завернуть к гауптвахте Московских ворот и там остановиться. Он ввел меня в каземат, чрезвычайно тесный и темный, там же велел положить мои вещи. Меня удивило, что из достаточно просторной, светлой и чистой тюрьмы я перехожу в какую-то низкую, узкую и ужасную темницу. Я сказал об этом офицеру, который вежливо меня тем успокоил, что я только ночь здесь проведу, а утром переведут меня в другое место. Я этим удовлетворился, не берясь распаковывать свои вещи, чтобы через несколько часов их вновь не собирать. Попросил только офицера, чтобы он сказал господину Афанасьеву, что поскольку из моих денег остался только восемьдесят один рубль, то не могу уже есть три блюда на обед и мне придется ограничиться молоком и двумя печеными яблоками, пока семья не пришлет мне на содержание нового пособия. Он пообещал, что обязательно сразу это скажет, и ушел, хорошо заперев двери.

Только после его ухода я заметил, что кроме решеток, заставов, замка и стражи снаружи есть возле меня еще один солдат, оставленный в каземате. Я спросил его, что это значит. «Так приказано», — ответил он. «И за чем же тебе велено здесь следить?» — «Чтобы ты себе ничего плохого не сделал». — «А такого стражника ставят в каждом каземате?» — «Не знаю». Я

не стал спрашивать его больше, ибо что я мог услышать от чурбана, машинально выполняющего приказ, которого он не понимает? Трудно мне было разгадать причину такого нововведения — этой внутренней стражи. Однако я говорил себе, что, по крайней мере, эта особенная неприятность продолжится недолго, до тех пор пока, по уверениям офицера, меня переведут в другую тюрьму, в которой мне не будет так тесно, и, несомненно, там мне не будет докучать назойливый свидетель.

Недолго, однако, мне пришлось так думать. Мenee чем через час с момента моего здесь заключения с огромным шумом явился господин Афанасьев, держащий в руке бумага. Едва вступив, он заявил, что пришел огласить мне декрет. Я ответил, что благодарен ему за эту такую важную для меня новость. «Не скажешь, господин, так, когда услышишь свой приговор, который очень суров». — «И что из этого, я рад буду узнать о том, чего до сих пор не знаю, — о моем обвинении, чтобы наконец закончилось ожидание, которое слишком долго затянулось». — «Но ты не можешь даже представить себе, как ужасен этот декрет». — «Тем более прошу его быстрее прочитать».

Тогда он начал читать ужаснейшее творение, состоящее из пяти или шести листов, половину которого занимало определение процесса, вины и наказания по крайней мере тридцати других узников (из них знакомы мне были только четверо или пятеро). Другая же половина этого декрета была посвящена исключительно мне самому и содержала в самых фальшивых умозаключениях нахальную ложь, с умышленным опущением самых главных фактов из показаний моих и других людей, умышленно искаженные обстоятельства и фразы, возмутительную произвольность и замалчивание всей моей защиты и подлое перевираание всего. В этом подлом хаосе я очень ясно увидел личную злобу Писарева и Гайворонского, которую Военный суд принял слепо и повторил, не разбираясь, не читая даже моего процесса, а генерал-губернатор Бибииков под влиянием Писарева так же слепо это неслыханное и ужасное бесправие утвердил. Одним словом, без каких-либо доказательств, без наименьшего основания, несмотря на мою очевидную невинность, меня признали виновным и осудили на казнь четвертованием, милостью замененной на 20 лет тяжких

работ. Два раза этот декрет был мне прочитан от начала до конца, а я все еще, остолбенев, ушам и глазам своим верить не хотел, не мог...

В это время пришел Гайворонский, и вот тогда он показал мне всю уродливость своей души. Глаза его светились яростной радостью, когда, входя, он обратился ко мне: «И что? Напрасны были все твои протесты и жалобы? А НАМ, как видно, больше повезло?» С издевкой спросил потом, слышал ли я свой приговор. «Мне только что его прочитали, но я до сих пор не знаю, какие против меня доказательства и убеждения». — «Доказательства? Убеждения?» — повторил он, разразившись дьявольским смехом. — Я знаю, что нет никаких, это правда, я сам это признаю, но, несмотря на это, ты пойдешь на тяжкие работы». — «Если против меня нет никаких доказательств, за что же меня осудили?» — «За то, что ты находился в Замосце в 1831 году». — «Это мне и другим простил царский манифест. Почему же этот самый манифест прощения за 1831 год по отношению ко многим другим, вместе со мной арестованным, применяется и они уже давно освобождены, а для меня одного только его отменили?» — «Видимо, нет правила без исключения», — ответил он с кровавой иронией. Я требовал на декрете написать апелляцию царю. Гайворонский отказал, давая мне подписать только то, что я слышал декрет. Я потребовал также написать сразу же просьбу к царю, и этого он мне позволить не хотел.

Потом Афанасьев стал забирать у меня все мои вещи: часы, белье, постель, верхнюю одежду, книги и т. д., а Гайворонский помогал ему в этом и бесстыдно радовался тому, что я так сильно ошеломлен, и тому, что мне оставили только рубашку и ту одежду, которая была на мне.

Вместе с моими забрали также разные предметы из белья моей жены — простыни, наволочки, полотенца, платки, хотя эти вещи были обозначены ее девичьими инициалами, а поэтому не могли считаться моей собственностью. Но когда я им об этом сказал, они ответили, что все это будет продано в пользу казны. Как будто эти учтивые, эти праведные люди при этом грабеже о благе казны думали!!!

Они описали мою персону с наимельчайшими подробностями, как разыскиваемого злодея или убийцу...

Вышел Гайворонский, и я тогда написал письмо тебе, моя дорогая. Но в каком состоянии, в какой момент я писал это письмо! Ад был в моем сердце, ад в моей голове. Мрачайшее отчаяние руководило моим пером, а слова эти, несомненно, были убийственными бы для тебя. Сделай так, Великий Боже, чтобы она их не получила!..

Вскоре снова вернулся Гайворонский, принеся какой-то полный мешок. Я ему сразу вручил мое письмо. Он меня издевательски спросил: «Кому в этом письме поручаем опеку над своими детьми?» «У них есть мать»,— ответил я. «Но имущество казна заберет».— «Казна имущество не заберет, поскольку оно является имуществом моей жены».— «Значит, она детей воспитывать будет?» — «Мне кажется, по крайней мере этому вы помешать не сможете». Он на минуту задумался, после чего дал мне белый лист бумаги и потребовал, чтобы на нем записал возраст и имена моих детей. Я сначала не хотел этого делать, потому что представить не мог, с какой целью он требовал эту информацию. Но он постоянно давил, да еще с такой грубостью, что для того, чтобы положить этому конец, я сделал то, чего он желал. Тем более к этому шагу меня сильнее всего склонила мысль, что в требуемом письме предоставлялась возможность протестовать против декрета. Поэтому, пользуясь моментом, когда он, отвернувшись от меня, просматривал отобранные у меня вещи, очень быстро написал следующие слова: «Я, нижеподписавшийся, Юлиан Сабиньски, в прочитанном только что самом несправедливом, нечестном, все права и человеческое достоинство попирающем приговоре вижу окончательную погибель моей жены и троих детей, из которых сын старший, и т. д.» Далее шли имена и возраст каждого ребенка по отдельности, а потом дата и моя подпись. Он взял эту бумагу и положил в карман, не читая ее, иначе, я думаю, не остановился бы на этом. Афанасьев велел вынести мои вещи и сам вышел за ними. Но Гайворонский остался, чтобы продлить себе удовольствие от глумления над своей жертвой... Нет, никаким способом я не могу избавиться от отвращения, вспоминая и повторяя здесь все мерзости этого варвара, его подлых издевательств, оскорблений и в сто крат еще более болезненных глумлений над судьбой моих жены и детей... Наконец он велел позвать кузнеца, ждущего в кори-

доре с готовыми для меня кандалами, такими тяжелыми, что, когда меня в них заковали, я не мог двигать ногами. Тогда уже мой палач, совершенно обрадованный, что меня (показывая на кандалы) видит в таком положении, отдал меня в руки двух жандармов, а те бессильного и полумертвого выволокли из каземата и втокнули в сани.

2 марта, четверг. В полном одеревенении и бесчувственный ко всему, что со мной происходило, только то с этого дня помню, что на второй или третьей станции от Киева, в почтовом доме я прочитал на запыленной бумажной обивке под зеркалом нарисованные слова: «Вацлав Ожешко, приговоренный к каторжным работам на 20 лет; Валериан Жонжевский, приговоренный к 20 годам; Петр Цырина, на 15 лет».

3 марта, пятница. Проехали Чернигов и Стародуб. Чернигов потому мне запомнился, что там, выезжая уже из почтового дома, от самых ворот кони нести стали так, что почтальон ни управлять ими, ни удержать их не смог. Сани на большой скорости влетели в поворот и так сильно ударились о какое-то препятствие, что почтальон и жандармы оба сразу выпали, а я остался один. Если бы это произошло в поле, а не в центре города, где проходящие люди достаточно быстро смогли удержать коней, то не знаю, что бы могло со мной произойти, когда при моей немощности выскочить мне было невозможно с тем грузом, которым были скованы мои ноги.

4 марта, суббота. Сегодня перед Смоленском на почтовой станции я увидел ребенка того же возраста, что и мой старший сын, и даже лицом, особенно глазами, очень на него похожего. Вид этого ребенка вдруг вывел меня из оцепенения, в котором до сих пор я пребывал. Конечно, он растревожил все раны моей души, но и одновременно вернул мне способность мыслить, чувствовать и рассуждать. Увидев этого мальчика, я с воодушевлением схватил его на руки, тысячи раз целуя и конвульсивно прижимая к сердцу. Невозможно мне было оторваться от него. Ребенок сразу немного испугался такой несдержанности чужого человека, но вскоре освоился с моими нежностями и начал мне улыбаться, целовать меня и обнимать за шею. Чрезвычайно растрогавшись, я не мог удержать громкого плача. Плакал я долго, и это мне принесло сильное облегчение. Словом, с этого момента я как бы пробудился из летаргического сна.

Удивило меня, что на каждой станции жандармы, меняя сани, как-то особенно заботились о том мешке, который незадолго до того, как меня заковали в кандалы, принес Гайворонский и вручил им, когда меня выводили из каземата. Но я боялся заглянуть и проверить, что в нем содержалось. Сегодня я превозмог это опасение, и когда мои стражи были заняты чем-то другим, я украдкой развязал этот мешок. И что же я в нем нашел? Две рубахи из убогой грубой ткани и такие же брюки, толстую сермягу и шаровары, такие же, какие в Киеве я видел из окна моей тюрьмы на арестантах, которые, закованные в кандалы, использовались на работах в крепости... Охваченный ужасом, я как можно быстрее завязал мешок, не глядя, что в нем было еще, и сильно сожалея о своем любопытстве...

Нет, не может быть, чтобы этот ужасный декрет был утвержден царем, если только просьба моя с жалобой на такую неслыханную несправедливость дойдет до трона. Невозможно также представить, чтобы в Москве не позволили мне написать эту просьбу. Я слаб и обессилен в наивысшей степени. Состояние пожирающего жара при всех остальных страданиях из-за груди и бока продолжается от самого Киева. С отъезда оттуда, кроме двух стаканов пустого чая, до сих пор во рту моем не было ни крошки, и ни к какой еде желания у меня не было. Но, несмотря на это ослабление, хотя дорога жестоко мучит меня, я был бы рад в одну минуту долететь до Москвы, чтобы как можно быстрее написать там жене и предпринять какие-нибудь действия для спасения.

Я забыл написать выше, что Афанасьев, грабя меня, хотел отобрать и обручальное кольцо. Но мне посчастливилось его спрятать и сохранить.

5 марта, воскресенье. Сегодня вечером я просил жандармов, чтобы они не сильно торопились с отъездом. Мне хотелось согреться и немного отдохнуть, я был сильно измучен дорогой по нескончаемым выбоинам и замерз от сильного мороза и колючего ветра, весь день бьющего по глазам. Не без труда, но мои палачи все же удовлетворили мою просьбу. Радуюсь, что оказался в теплой избе, я сел размышлять о том, что напишу в Москве.

Но где-то через четверть часа послышалось несколько почтовых звонков, и вскоре в эту же избу вошли шесть или семь

человек, мужчин и женщин, представляющих, как мне показалось, одну компанию. По их одежде, нескольким слугам, неустанно крутящимся вокруг, и стараниям почтового писаря было видно, что это люди состоятельные и занимающие высокое положение. Чтобы им не мешать, я отодвинулся как можно дальше, но этим все равно не избежал их любопытства. Один из этой компании, довольно высокий, молодой и привлекательный блондин, шепнул что-то писарю в стороне, а тот сразу же показал ему взятую у моих жандармов подорожную. После чего тот первый, повернувшись к своим, тихо заговорил с ними. Я заметил, что, разговаривая между собой, они часто поглядывали в ту сторону, где я сидел. Войдя в избу, я сбросил свой плащ, который был тяжел для меня, и остался в бедном казенном кожухе, в котором меня отправили из Киева. Этот безобразный кожух, жандармы, не отступающие от меня, а прежде всего мои кандалы создавали у прибывших не очень хорошее мнение обо мне. В этом я вскоре убедился, когда они начали говорить по-французски и достаточно громко, так, что я легко их услышал. Одна из дам выразила сожаление по поводу страданий, которые, как говорила она, нарисованы на моем лице. На это отозвался мужчина маленького роста, с очень черными волосами, косыми глазами и неприятной внешностью, что, должно быть, я какой-то ужасный преступник, раз меня возят так тяжело закованного. Он сказал это, пренебрежительно поглядывая на меня. Ему живо ответил тот, которому писарь показал подорожную, что он слишком быстро осуждает незнакомого, ведь, может, добавил, тот, кого ты называешь преступником, на самом деле только несчастный человек, осужденный за политические взгляды... Мне неприятно было слушать этот разговор и быть предметом разных домыслов, которые продолжались до того момента, когда жандарм сказал мне, что кони уже готовы и пора отъезжать. Одевшись в плащ и повязавшись платком, на самом выходе я заметил, что забыл свою шапку на стуле или на столике возле дивана, теперь занятого дамой. И мне пришлось волей-неволей к ним приблизиться и сказать несколько слов по-французски, принося свои извинения за то, что мне приходится их побеспокоить, и одновременно выражая свою благодарность той, которая при виде меня благосклонно оказала сочувствие. Эти несколь-

ко незначительных слов возымели волшебное влияние на всех, и те, которые до этих пор с унижительным сочувствием и пренебрежением обо мне говорили, теперь начали обходиться со мной с уважительной обходительностью. Вся их компания пришла в движение, ища эту несчастную шапку, закиданную шальями, платками, шубами и иными принадлежностями этих господ. И что самое удивительное, больше всех старался быть упредительным и услужливым именно тот черный господин, который только что объявил меня преступником. Несомненно, таким образом он хотел исправить неприличность своих выражений... О, бедное человеческое тщеславие! Мне подумалось: неужели фраза на иностранном языке сделала меня более достойным, нежели я был перед этим, пока они думали, что я их не понимаю?.. Найдя наконец мою шапку, невинную причину всей этой революции, я попрощался со всеми, хотя они очень вежливо пригласили меня на чай, обещая убедить жандармов задержаться. Но мне самому хотелось уехать дальше.

6 марта, понедельник. На первой или второй станции после вчерашней встречи, задержавшись на несколько часов, сегодня утром я застал тех же господ за чаем в Дрогобуже. Как старого знакомого, они так доброжелательно, я бы даже сказал дружелюбно, все меня приветствовали, когда я через две комнаты, ими занятые, проходил в отдельную комнату. Через пару минут ко мне вошел этот молодой и симпатичный мужчина, который вчера вступился за меня, когда черный господин из его компании назвал меня преступником. При входе он заявил, что уже уговорил жандармов, чтобы они дали мне тут отдохнуть несколько часов, в чем я на самом деле очень нуждался и за что его сердечно поблагодарил. Все это время он оставался со мной, искренне выказывая сочувствие и доброжелательность. Он спросил мою фамилию, добавив, что в дорожной она не названа. Я удовлетворил его любопытство и рассказал вкратце обстоятельства моего несчастья, говоря одновременно о деле и о многих его мучениках... Я, со своей стороны, попросил его, чтобы он позволил мне узнать, кто стал причиной такого желанного и такого редкого в моем положении утешения встречи с живым существом. Он сказал что зовется князь Гагарин и что с женой сейчас возвращается из Англии, где довольно долго развлекался, наблюдая за различ-

ными пари. Теперь он едет в Москву, а оттуда в свое имение, в котором хочет открыть фабрику по производству стеариновых свечей и кожаный завод согласно наисовременнейшим открытиям и улучшениям, обнаруженным в Англии. Вскоре и княгиня, молодая и прекрасная особа, просила меня, чтобы я принял стакан чая, который мне сама сразу и подала. Узнав, что меня увезли от больной жены и троих младенцев, она не могла укрыть своего расстройства, и я в этот момент не мог удержать слезы...

Князь Гагарин соединяет в себе прекрасное образование с очень милой поверхностностью. Выражается открыто и с юмором. В его предложениях виден здравый и основательно просвещенный разум, его общение наполнено истинной добротой сердца. От него я узнал, что московский генерал-губернатор князь Голицын сейчас находится за границей. Замещает его генерал Шталь, очень достойный и благородный человек. По этому поводу Гагарин говорил, что если, как он предполагает, в Москве завезут меня не к гражданскому губернатору, а к этому заместителю генералу Шталю, хорошо ему знакомому, тогда он (Гагарин) сможет оказаться мне полезным, по крайней мере для того, чтобы в Москве я мог написать царю, жене и остаться там на некоторое время для сохранения моего здоровья. «Но,— добавил он,— старайся затянуть свое прибытие в Москву, чтобы не сильно меня опередить, то есть чтобы не раньше, чем в четверг или даже в пятницу, туда приехать. Ведь я, путешествуя (как видишь) с женщинами, до полудня в пятницу быть там не могу». Также он сообщил мне способ, каким можно задержаться, говоря, чтобы в Вязьме я требовал от моих жандармов увидеться с местным начальством, а от него, в свою очередь, доктора при моем состоянии и разрешения остановиться в городе на день или по крайней мере на полдня для отдыха. Ведь закон позволяет мне требовать и того и другого, и они отказать мне не смогут, когда доктор засвидетельствует, что в таком заметном и опасном болезненном состоянии даже небольшой отдых после мучительного путешествия обязателен и необходим.

Он укрепил меня в надежде, что я получу справедливое решение у царя, когда моя просьба дойдет до него и когда после нее произойдет рассмотрение дела, так недостойно рас-

следованного и так ужасно законченного в Киеве. С братской заботой он спрашивал меня о домашних делах и ужасался, слушая подробности моего процесса. Наконец, повторная настойчивость жандармов заставила нас расстаться, к огромному моему сожалению. Однако я надеялся, что еще его увижу.

7 марта, вторник, в Вязьме поздним вечером. Я уже в Вязьме. Вчера проезжали через Дрогобуж, недавно через Смоленск, Стародуб, Чернигов, а вскоре мне предстоит увидеть Можайск, Москву!.. Столько исторических мест, отмеченных таким количеством разнообразных воспоминаний из давнего или более близкого прошлого, как во сне маячат у меня перед глазами, а сейчас не способен удержать мысль и развить чувства, какие при их виде невольно пробуждаются!..

Если бы даже для задержки прибытия в Москву у меня не было той причины, которую мне предложил Гагарин, сказав, что одновременное с ним туда прибытие будет для меня полезным, то из-за одного только состояния здоровья я бы хотел остановиться здесь по крайней мере часов на 10—12, узнав от Гагарина, что я имею право требовать этого. Я немилосердно устал и ослабел от этой дороги. Не чувствую головы от постоянной тряски по огромных выбоинах. Кашель с болью в груди тоже постоянно меня мучает. Мне совершенно непонятно, как я смог до сих пор выдержать почти без сна, совсем без еды, кроме пустого чая, который в течение этой недели я пил редко и понемногу, поскольку чувствую непреодолимое отвращение к любой еде и напиткам. Сегодня я испугался собственного лица, когда на последней перед Вязьмой станции посмотрел в зеркало...

Я остановился в Вязьме в три часа дня и сразу заявил жандармам, что требую встречи с местным городничим. Их удивило такое желание, и сначала они сильно сопротивились этому. Но я пригрозил ответственностью, которая их ждет, когда я пожалуюсь их начальству, если они не исполнят того, чего от них требовать я имею право. Я сказал, что чувствую себя опасно больным и немедленно требую доктора, а если останусь без помощи, то могу сегодня-завтра умереть. Мне кажется, что это последнее замечание, должно быть, их напугало, раз после того, как они недолго посоветовались между собой, один из них пошел искать городничего, и через полчаса привели его

ко мне. Господин городничий города Вязьмы, подполковник (жалею, что забыл спросить его фамилию), человек еще достаточно молодой, очень человечно и вежливо обошелся со мной, а когда узнал, что я требую доктора, сразу же послал за ним, а сам остался со мной. Прежде чем я заявил, что хотел бы здесь немного отдохнуть, он опередил меня, говоря, что состояние, в каком он меня видит, требует отдыха и поэтому если я захочу, то могу здесь остановиться хотя бы ненадолго. И, обратившись к жандармам, сказал им, что наверняка доктор даст мне какое-нибудь лекарство, поэтому сразу я уехать не могу. «Вы, однако,— добавил он — будьте спокойны, я на вашей дорожной напишу время, какое вам тут придется провести». Мне было приятно говорить с этим чиновником. Во время своей военной службы он жил в наших краях достаточно долго и сейчас вспоминал об этом с удовольствием.

Вскоре пришел государственный врач, доктор Юденич. Поскольку он не понимал ни по-польски, ни по-французски или по-немецки, а я был не в состоянии по-русски точно рассказать ему о моем состоянии, мы говорили друг с другом на латыни, на которой он говорил правильно и плавно. Он выписал лекарство и объявил городничему в присутствии жандармов, что по крайней мере до завтрашнего полудня я должен здесь остаться. Я видел, что моим палачам это пришлось не по вкусу, поскольку они сморщили носы, но воспротивиться не посмели. Городничий приказал принести чай, после которого доктор вскоре ушел, он же разговаривал со мной еще около часа. Сказал мне, что в Москве, как он считает, меня, несомненно, завезут к генерал-губернатору или к его заместителю, и если даже обо мне распорядятся в его учреждении, все равно я имею право требовать с ним встречи и просить разрешения остановиться на месте на какое-то время, и что мне в этом не откажут. Поместят же меня в кремлевскую крепость.

Через пару часов после ухода городничего, когда я размышлял, лежа на диване, жандармы подумали, что я уже заснул, и завели приглушенными голосами между собой такой разговор: «Ну и что, брат, теперь делать будем?» — «А что, будем тут зря сидеть аж до завтрашнего полудня». — «Видать, все началось с этого проклятого разговора с князем вчера. Надо нам было его не допускать». — «Ну ты смешон! Не допустить

князя! Который, кроме того, еще и офицер! Тебе же сказал это писарь почтовый. Нам приказано следить, чтобы арестант ни с кем не виделся наедине, а мы всегда были при нем. И кто, к черту, мог знать, что они придумают этот чертовский язык, который мы не понимаем». — «Мне кажется, нужно запрячь коней, разбудить арестанта и ехать дальше». — «Дурак, как можно это делать сейчас, когда городничий и доктор уже о нем знают и велели нам остаться?» — «И что нам до этого? У нас приказ из Киева не останавливаться нигде, и точка». — «А если он у нас сейчас умрет в дороге, то нам грозит несчастье на всю жизнь». — «Это правда, ничего не поделаешь, надо ждать». — «Если бы он не был так болен...» — «Что там болен, подумаешь! скажи лучше: если бы это не был секретный арестант...» — «О! Тогда бы мне не было дела, что он подыхает, одним меньше. Приказал плац-майор взять его как можно быстрее, вот мой закон, и давно уже я отдал бы его в Москве, живого или мертвого, мне все равно, там взял бы квитанцию, и марш назад! Но секретный — это совсем другое дело. Ты сам видел... Городничий... такой чин... с крестами... А как с ним обходился?..» В этот момент я, громко закашляв, притворился, что просыпаюсь, и они прекратили разговор.

После полуночи. Недавно доехал Гагарин, и только двери отделяют меня от его комнаты. Я слышал, как там обо мне говорили, что, наверное, уже сплю, поэтому, чтобы им дать знать о себе, я начал громко разговаривать с моими охранниками. Одного я отправил за стаканом воды, потом со вторым вышел в сени, где встретился с лакеем князя, но жандарм не дал и слова ему сказать. Позднее один из жандармов пошел в коридор, видимо для того, чтобы Гагарина сюда не пускать. Однако я хотел убедиться, помнит ли он мою фамилию, и поэтому буду стараться завтра с ним обязательно поговорить.

8 марта, среда. Не раньше чем в назначенное господином Юденичем из Вязьмы время сегодня я выехал и, несмотря на всю осторожность моих охранников, смог перед самым отъездом Гагарина утром столкнуться с ним в коридоре и обменяться парой слов. Он поручился, что в Москве будет обо мне помнить и постарается получить разрешение побывать у меня в Кремле. На протяжении всего пути сегодня я думал о том, как составить просьбу к царю, письмо к Бенкендорфу и

представление моего дела. Все это почти уже готово в моей голове.

9 марта, четверг. В Москве, в тюрьме, ночью. Мои головоурезы так старались наверстать время, потерянное в Вязьме, что всю прошлую ночь, почти без отдыха, везли меня с самой большой скоростью, несмотря на плохую дорогу и мои постоянные вскрики. На рассвете мы проехали через Можайск, а в Москве были в четыре или пять после обеда. Приближение к этому городу не соответствовало моим надеждам, поскольку даже через три версты после въезда, давно уже видя перед собой неисчислимое множество церквей и золотых куполов, я не чувствовал, что еду по такой древней столице такого могущественного государства. И конечно, меня неприятно поражали бедные избы, как у нас в убогом еврейском местечке. Сам город представляется въезжающему тоже не очень хорошо. Может быть, когда приезжаешь с другой стороны, вид этой столицы более представительный, но, несомненно, меня, едущего от Смоленска, не впечатлил.

У рогатки один жандарм вышел, чтобы показать подорожную, я же в это время около четверти часа или более, ожидая его, был выставлен на посмешище и оскорбления пьяного простонародья, с чем, однако, уже освоился, поскольку не раз на почтовой станции сброд толпой теснил меня, крича и обзывая «Поляка» так, что жандармам приходилось вмешиваться. В центре города, хотя мы и ехали на большой скорости, я заметил красивое здание театра с обширной площадью. Но что меня действительно поразило, так это огромные прекрасные ворота, ведущие в Кремль.

Из караула при рогатке к жандармам добавили казака, который в Кремле велел остановиться перед караульной службой, и там один жандарм пошел с ним, а я с другим остался на санях. Но с этого места я ничего не мог толком разглядеть. Вскоре вернулся мой жандарм, и какой-то офицер из караульной службы крикнул ему: «К губернатору!» «К военному?» — спросил первый. «А туда зачем?» — снова крикнул офицер и добавил: «К гражданскому, куда казак приведет». Очень печальным для меня оказался крах моих надежд, поскольку вспомнил, как Гагарин сказал, что у гражданского губернатора он мне помочь не сможет.

Наконец меня туда привезли, велели идти на второй этаж в канцелярию и ждать с одним из жандармов, пока другой не вернется от губернатора. В очень просторном помещении за отдельными столами работали восемь или десять молодых людей. Прождав там четверть часа, а может, и дольше, я обратился к ним, извинившись, что их прерываю, и спросил, не говорит ли кто из них по-французски. Все молча посмотрели на меня. Но через какое-то время один из них заговорил со мной на этом языке, вежливо спросив, что мне нужно. «Я хотел бы вас попросить, чтобы вы любезно согласились стать посредником и объявили г-ну губернатору, что я хочу видеть его лично». — «О вашем желании будет немедленно объявлено». И, повернувшись к одному из своих товарищей, сказал ему по-русски, чтобы он немедленно сообщил губернатору о моей просьбе, а сам начал со мной разговаривать. Узнав, что я из Подолья, сказал, что оттуда есть несколько осужденных. Я спросил их фамилии. Он посмотрел в какие-то бумаги и прочитал: Янишевский, Михальский Люциан, Лесневич и Гольныйский. «А вы не могли бы мне назвать срок, к которому приговорены двое последних?» — «Первый на 15, а второй на 20 лет тяжких работ». Вскоре вернулся посланный к губернатору канцелярист и объявил, что если в моем требовании нет ничего срочного, то он (губернатор) сам посетит меня завтра. Я ответил, что прошу господина губернатора милостиво выслушать меня еще сегодня. Господин канцелярист несколько замешкался, прежде чем пойти второй раз, но тот, который отправил его первый раз, и сейчас убедил его пойти, за что я его сердечно поблагодарил. Поэтому он снова ушел и, вскоре вернувшись, сказал мне, чтобы с ним направился к губернатору.

Господин Олсуфьев, гражданский московский губернатор, принял меня с вежливостью очень хорошо воспитанного человека. По-французски говорит прекрасно и с чистейшим акцентом. Я попросил у него прощения за мою настойчивую просьбу, добавив, что меня подтолкнуло к этому состояние здоровья, при котором я не могу быть уверенным, что доживу до завтра. Я представил свою просьбу о написании письма царю, графу Бенкендорфу и моей жене. Касательно этого последнего обстоятельства я не утаил, что теперешнее мое письмо может спасти от смерти несчастную мать троих маленьких де-

тей, для которой мое последнее письмо из Киева могло стать смертельным ударом. Я просил при этом, чтобы он позволил мне остановиться здесь на три-четыре дня как для написания указанных писем, так и для совершения исповеди перед священником моего вероисповедания. А если Бог захочет еще на какое-то время продлить мою жизнь, то несколько дней позволенного отдыха в Москве немного укрепят меня после мук дороги, которая уничтожила остаток моих сил, как он, несомненно, и сам видит.

На все это он мне ответил, что данные ему инструкции строго наказывают как можно быстрее отправлять далее заключенных из Киева, и поэтому, добавил он, «отправляю вас всех почтой, хотя сомневаюсь, что даже при наивысшей спешке до разлива весеннего наводнения сможете приехать в Тобольск, и, скорее всего, по этой причине вас задержат в Казани на долгое время». Однако он заявил, что, видя мои страдания, не может мне отказать в коротком, по крайней мере на пару дней, отдыхе в Москве. Что касается священника и исповеди, то этого он никаким образом позволить не может». Относительно просьбы к царю и письма жене он сказал, что, согласно инструкции, он этого тоже не должен позволить, но для меня хочет сделать исключение». Но предупредил, что я должен писать с наивысшей умеренностью, избегая любых острых выражений, иначе мои письма он не сможет отправить. Он был очень удивлен, что меня, такого больного, могли отправить из Киева. Также его удивил мой рассказ о бесчинствах, которые там допустили в отношении меня. Прощаясь со мной, он уверил, что уже сегодня или завтра утром меня навестит доктор и все необходимое для писания мне передаст надзиратель в тюрьме. Я поблагодарил его за любезное со мной обращение и, думая все время, что меня направят в Кремль, решил упомянуть эту фамилию. «Тебя поместят не в Кремль,— сказал он,— а в городскую тюрьму». Во второй раз моя надежда не оправдалась. Ведь Гагарин обещал навестить меня в тюрьме, с полной уверенностью, что получит разрешение от генерала Шталя, коменданта кремлевской тюрьмы. Тогда я подумал, что и этого утешения мне не видать!..

От губернатора уже поздним вечером меня привезли прямо в острог, то есть в городскую тюрьму, как обычно говорят по-

русски. Но и здесь меня ожидала болезненная неудача — я не застал надзирателя. Мне сказали, что он куда-то выехал и вернется ночью или только утром. А значит, из позволенной короткой задержки в Москве большая часть пройдет напрасно, поскольку замещающий надзирателя какой-то дикий человек не хотел со мной разговаривать, явно сторонился меня, как будто боялся приблизиться ко мне, и не слушал просьб о бумаге, чернильнице и пере, хотя я и сказал, что губернатор позволил это выдать. Пришлось ждать возвращения надзирателя. В это время на входе у меня отобрали мой маленький сверток и с ним также табак и трубку. Хорошо еще, что письма от жены, мои записки, карандаши и перочинный ножик были при мне, иначе и это тоже бы отобрали.

10 марта, пятница, в Москве, после полудня. Сегодня утром меня перевели в отдельную камеру. Вчера я оставался в большом помещении, в котором происходила смена караула, и я мог по крайней мере с солдатами перекинуться парой слов. Я постоянно спрашиваю проходящего сюда сторожа, вернулся ли надзиратель. Но он говорит, что нет. Погибаю от нетерпения и ожидания!..

Первый раз в жизни я сегодня понял, что такое муки голода. С самого утра мне так сильно хотелось есть, что, не справляясь с этим, я начал искать по всем углам, не найдется ли случайно чего-нибудь поесть, и с настоящей радостью добыл за печкой и в ящике стола пару кусков черного хлеба, заплесневелого, покрытого пылью и паутиной и такого сухого, что с большим трудом и очень медленно можно было его грызть. Несмотря на это, мне он показался вкусным, как самое изысканное блюдо. Недавно сторож принес мне немного постной и недоваренной каши, на которую я набросился с жадностью зверя.

Лишение трубки для меня очень чувствительно. По крайней мере, меня что-то отвлекало бы, и при этом трубка еще облегчала отхождение флегмы, которая сейчас меня душит невыносимо, и кашель становится ужасно болезненным. Сторож говорит, что в местной тюрьме давно отбирают трубки у всех заключенных, но их возвращают вместе с табаком, когда отправляют дальше.

На стене я нашел надпись: «Томаш Мрозовский, родом из Белостока, летом прошлого года арестован, привезен в Вар-

шаву, там удерживался в тюрьме несколько месяцев, потом в январе текущего года был выслан в Киев, где меня приговорили к 20 годам тяжких работ, две недели был в этом каземате». Есть еще и другие надписи, но такие невыразительные, что я не мог их прочитать.

В этот же день вечером. Уже прошли сутки, как я нахожусь здесь, а до сих пор надзирателя не видать, и мне не дают бумаги для письма. Но почему до сих не было и доктора, обещанного губернатором? Это очень сильно смахивает на бесчеловечность, которой я не мог ожидать после вежливого обхождения господина Олсуфьева и после его обещаний.

11 марта, суббота утром в Москве. О добрый Боже! В каком же месте, в каком положении застает меня день твоих именин, моя дражайшая Пелагия!..

Надзирателя не вижу, доктор не появляется, и никто не приходит ко мне из-за ворот этой тюрьмы. Словом, я здесь как в гробу. Но что я говорю?.. В тысячу раз хуже, ведь в гробу человек не страдает, не боится, не ждет!..

Наверное, вскоре уже минет время моего пребывания и абсолютно без всякой пользы для меня. Что я должен думать? Что губернатор хотел только позабавиться моей легковерностью? Что раздумал, после данных мне обещаний, в которых он казался искренним? Что надзирателя действительно нет? Или что тот намеренно не хочет мне показываться?.. Должен ли я приписать это только своему невезению и какому-то особенному стечению плохих обстоятельств?.. Ничего не знаю, и эта неизвестность добивает меня ужасными страданиями. Ах, если бы я только мог знать, что Пелагия не получила этого страшного письма из Киева! Не так мучительно бы было мне страдать и умирать! Маловероятно, что при моем теперешнем состоянии я долго продержусь... Но умирать так никчемно! Не дав о себе весточки самым близким существам! Без нескольких слов благословения для жены и детей!.. Это превосходит человеческое понимание.

В этот же день ночью, на пути во Владимир. Ну вот, как я и предчувствовал, ни к чему не привели мои ожидания в Москве! Около полудня меня привели к надзирателю, который объявил, что кони уже и жандармы для меня готовы и что меня немедленно отправляют дальше. Я говорил, что гу-

бернатор позволил мне остаться в Москве на какое-то время для некоторого укрепления моего здоровья и для написания просьбы к царю и письма к жене. Он ответил, что только что получил приказ губернатора, чтобы меня отправить во Владимир. «А что касается писем,— добавил он,— наверно, ваша злая судьба так хотела, что меня не было эти два дня, а мой глупый заместитель не удовлетворил ваше требование, потому что знаю, что губернатор дал позволение, чтобы вы могли писать. Но я клянусь всем, что мне дорого, что в этом нет моей вины, поскольку только час назад вернулся домой». Мне показалось, что он не лгал. Только что мне с того, если последствия для меня остались те же? Поговорив со мной доброжелательно около четверти часа, он дал мне Новый Завет на польском языке. С невыразимой благодарностью я принял эту божественную книгу, так долго и напрасно желаемую мною в Киеве. Я со слезами благодарил его за это неоценимое в моем положении благое дело. Мне показалось, что этот подарок, полученный в день сегодняшней годовщины, предвещает хорошее. Тем сердечнее я пожал руку надзирателю, который в эти минуты казался мне ангелом утешения и надежды. Его тоже тронуло мое чувство. Он хотел мне что-то сказать, сомневался, но, наконец, после нескольких минут душевной борьбы взял меня за руку, проводил в третью комнату и там, еще проверив, не подслушивает ли кто, сказал с таинственным видом, чтобы я был спокоен, что киевский декрет не является окончательным, что все дело будет рассматриваться заново, что то, что произошло до сих пор, было только для устрашения и что все обязательно будет изменено. Потом он сразу отвел меня в сани, которые уже были готовы, и я сразу отъехал.

Что означают эти его слова? Не понимаю и догадаться не могу. Откуда бы он мог знать о том, что даже для местного губернатора было тайной? Мне кажется, что таким образом он только хотел утешить несчастного, которого видел измученным, угнетенным и сильно страдающим. Однако я благодарен ему за это доброе намерение. Надзирателя московского острога звали Кокольников.

Как те две надежды, пробужденные Гагариным, были только напрасными иллюзиями. Но я его, по крайней мере, в этом не виню. Может, он до сих пор не приехал в Москву. Или,

скорее всего, может, и приехал туда вчера, но, несмотря на самые благие желания, ничего сделать для меня не смог.

12 марта, воскресенье. За Владимиром, на пути в Нижний Новгород, ночью. Когда мы сегодня около полудня остановились во Владимире, меня привезли к дому гражданского губернатора Куруты, и там, приведенный в канцелярию, как в Москве, я потребовал говорить с ним лично. И хотя мое настойчивое требование ему было дважды объявлено, он этого не позволил — либо из-за того, что был занят визитом каких-то дам и чиновников, прибывших при мне, либо просто не хотел выполнять мою просьбу. Он велел полицмейстеру сразу отвести меня в острог, где я был принят надзирателем, человеком черствым и грубияном. Он был бывшим военным, как я мог судить по нагрудному кресту *Virtuti Militari*. Не знаю, были ли у него солдатские добродетели, но несомненно, что человечность и другие достоинства были ему абсолютно чужды.

Он ввел меня в тюрьму в сопровождении молодого офицера охраны, поляка. Тот, зайдя в помещение, сразу же заметил надпись карандашом возле окна и вслух прочитал эти слова: «Найдешь сообщение на стене возле печки». Он перевел это господину надзирателю, и оба вскоре нашли обещанное сообщение. Это был длинный список моих предшественников, фамилии которых этот офицер громко прочел. Было их, как мне кажется, около тридцати, но я запомнил только из знакомых эти фамилии: Гольньский Яцек, Янишевский Людвик, Михальский Люциан, Чапский Теофил, Немировский Леопольд, а из неизвестных: Рошковский, Ручиньский, Шчепковский, Цырина, два Олизара, Жонжевский, Ожешко и два Яжина. Других не помню. Эти надписи сразу же стерли. Надзиратель, перед тем как закрыть меня, отобрал мой сверток и теплый платок, велел мне снять платок с шеи и шлейки, отвязал даже веревку, на которой я держал кандалы (чтобы меньше били по ногам меня своей тяжестью и чтобы немного меньше звенели). Он сказал офицеру, что делает это с намерением отобрать у меня возможность повеситься. Но, по крайней мере, он оставил мне Священное писание и «О подражании Христу». Не забрал также трубку и табак, как в Москве. Что ни край, то свой обычай.

Если бы не пара кусочков хлеба с чаем на станции сегодня утром у вежливого и гостеприимного писаря, то я был бы голо-

ден от самого отъезда из Москвы. Во Владимире, видимо, следят только за тем, чтобы лишить узников возможности отнять у себя жизнь, но о его содержании не помнят совсем. Входя в тюрьму, я сказал надзирателю, что мне нужен доктор. Но он и слушать этого не хотел, хотя о моей жизни так заботится. Кроме кашля с чрезвычайной болью в груди и покальванием в боку, у меня начались приступы сильного сердцебиения, частая слабость и головокружение, постоянная потливость и расстройство желудка. Вечером я заснул. Но может, полчаса спустя снова пришел надзиратель, а с ним офицер охраны и полицмейстер. Они меня разбудили и немедленно отправили дальше. И теперь я уже на третьей станции до Нижнего Новгорода.

13 марта, понедельник. На некоторых станциях я иногда (то есть достаточно редко) встречаю вежливых, добрых и гостеприимных писарей. Они со своими семьями проявляют ко мне благосклонность и обходятся со мной по-человечески. От них я узнаю разные подробности о заключенных, отправленных до меня. Каждый из них в гораздо меньшей степени, чем я, был обобран в Киеве. На одной из станций сегодня растрогал меня образ домашнего счастья и событие, подобное тому, какое было у меня возле Смоленска. Я встретил там ребенка, который мне очень напомнил моего Лёлю. Мать этого ребенка искренне заплакала, видя мои с ним ласки, а отец выпросил у жандармов, чтобы я там остался на полтора часа.

14 марта, вторник. В Нижнем Новгороде, после обеда. Переда самым восходом солнца я приехал в Нижний Новгород, город широкий и прекрасно расположенный. И хотя все вокруг покрыто снегом, все равно можно догадаться, что окрестности в теплое время года должны быть очаровательными. Когда мы въехали в город, я спросил жандарма, куда меня завезут в первую очередь. «К губернатору»,— ответил он. А я, чтобы обязательно получить аудиенцию у Его Превосходительства, придумал требовать этого во Имя Государя. Это средство оказалось безошибочным.

Привезенный в губернаторский дом, я застал там в канцелярии только одного господина, которому я заявил, что желаю видеть господина губернатора. Он мне ответил, что сейчас губернатора нет на месте. «Кто его замещает?» — «Вице-

губернатор Панов». — «Поэтому прошу озвучить ему мое желание». — «Это невозможно, поскольку г-н вице-губернатор еще не встал». — «А я требую на Высочайшее Имя, чтобы он дал мне увидиться с собой обязательно». — «Если так, то я сразу же пойду ему об этом доложить». И действительно, он сразу же пошел, а через полчаса вернулся с поручением к жандарму привезти меня к дому вице-губернатора.

Господин Панов продержал меня у себя около двух часов. Он сразу же провел меня в кабинет, и там, возле камина, я свободно с ним разговаривал один на один. Очень мягкий, вежливый и, кажется, с добрым сердцем. На просьбу, чтобы позволил мне задержаться здесь на какое-то время по состоянию здоровья, для написания просьбы к царю с объяснением дела и писем к графу Бенкендорфу и к моей жене, он сказал, что, видя меня так сильно страдающим, с радостью бы это сделал. «Но, — добавил он, — скажу тебе открыто, что боюсь неприятных для себя последствий, тем более что я не являюсь губернатором, а только его временно замещаю. Обо все этом, — продолжал он после небольшого размышления, — я хочу посоветоваться с прокурором и другими чиновниками, мог ли я это сделать. При этом я вскоре пошлю к тебе главного местного доктора, чтобы выразил свое мнение, можно ли тебя отправлять дальше или состояние твоего здоровья требует, чтобы ты остался здесь на какое-то время. Поэтому от его заключения будет зависеть результат твоих просьб. Потому что, если он посчитает, что тебя нужно здесь оставить, тогда и я смелее смогу тебе позволить писать, особенно если письмо свое ты хочешь адресовать графу Бенкендорфу. Также предупреждаю тебя, что и жене письмо я не смогу отправить иначе чем тем же самым путем, то есть через Бенкендорфа».

Потом он велел подать чай, расспрашивал о деле, из-за которого уже столько было отправлено из Киева в Сибирь, поскольку, говорил он, мы ничего об этом не знаем. Позднее он спросил меня, правда ли это, что говорят у нас, будто в вашей стороне в прошлом году появился бывший генерал Раморино с армией. Я не мог удержаться от смеха, услышав такие несуразные сплетни, и уверил, что ничего подобного никогда не было. Когда я уходил, он еще раз повторил, что вскоре у меня будет доктор и что от него все зависит.

От вице-губернатора меня увезли в тюрьму в остроге, надзиратель в которой не такой дикий, как во Владимире. Через пару часов приехал господин Козачковский. С ним снова, как и с господином Юденичем в Вязьме, мне пришлось говорить на латыни, поскольку он, кроме родного, не знал ни одного языка. Правду говоря, и в латыни он был не очень силен, но меня как-то понял. Но что хуже, так это то, что господин Козачковский оказался бесчеловечным в своем поведении со мной. Был на что-то обижен, зол, смотрел на меня криво и неохотно выписывал рецепт на какое-то лекарство. Немного подождал, пока его принесут, и прописал принимать его каждый час. Что-то мне кажется, что этот господин «главный доктор» будет рад от меня избавиться как можно быстрее, и поэтому я сильно сомневаюсь, чтобы его свидетельство оправдало мои ожидания и добрые, как мне кажется, по отношению ко мне намерения боязливого вице-губернатора.

В этот же день. Ночью на пути в Казань. Редко меня подводит первое впечатление, которое производит на меня незнакомый человек. Вот и сегодня это оправдалось по отношению к доктору в Нижнем Новгороде. Он, должно быть, засвидетельствовал, что меня можно еще сегодня отправить дальше, раз меня там не задержали даже на столько, чтобы я выпил все его лекарство, и вечером жандарм с солдатом-пехотинцем повезли меня в Казань. От Владимира у меня только один жандарм, к которому добавляют солдата из местного гарнизона.

15 марта, среда. Ночью. Теперешний жандарм и его товарищ, довольно хорошие люди, принимают во внимание мои страдания. На пути велят не слишком быстро нестись по этим проклятым выбоинам, а на станциях позволяют мне немного задержаться и не будят, если я иногда засну. Но если я встречал вежливых и человечных почтовых писарей, то также встречаются среди них и варвары без сердца, без наименьшего сочувствия. Именно от одного из таких я уехал недавно. Около девяти вечера мы приехали на станцию. Измученный, продрогший и ужасно страдающий, я хотел отдохнуть там несколько часов. Стражи мои согласились на это и не велели запрягать коней и записывать подорожную. Но писарь, заметив это, накричал на них и на меня. Они все же упирались, а он пригрозил им жалобой за потворство секретному пленнику и

почти насильно нас выпроводил. Поэтому мне пришлось еще мучиться на протяжении двадцати с лишним верст до следующей станции. Но тут, по крайней мере, я встретил другого человека, который не отказал мне в покое и теплом угле. Жан-дармы мне пообещали, что мы выедем отсюда только в пять или шесть.

16 марта, четверг. Сознание я теряю чаще, чем до сих пор, и сердцебиение все более сильное, дышу с таким трудом, что иногда час или больше слова вымолвить не могу. А головокружения и головные боли вообще постоянны. Кашель же и боль не уменьшаются от постоянного пребывания на холоде с сильным ветром и тряски по ужасной дороге. Я был бы уже рад доехать до Казани. А вдруг хотя бы там сжалятся и дадут мне немного отдохнуть на месте? Кандалы я уже двигать не могу, в прямом смысле двигаться с ними не могу. Завтра мы должны остановиться в Казани. Там я буду просить губернатора, чтобы железо на мне велел поменять на другое.

17 марта, пятница, в Казани, после обеда. Я приехал сюда перед рассветом. Насколько можно было заметить проезжая, Казань показалась мне красивее Москвы. К моему несчастью, и здесь я не застал губернатора. Замещающий его вице-губернатор еще спал, но его разбудили, когда я заявил, что на Высочайшее Имя требую его видеть немедленно. Он велел мне передать, что утром будет у меня в тюрьме. Надзиратель острога, господин Федоров, вежливый и очень рассудительный человек, обходится со мной по-человечески. Сразу же прислал мне из своей квартиры чай и булку, что в других тюрьмах никому и в голову не пришло. Я и ему сказал, едва войдя, что на Имя Царя требую разговора с губернатором. Он мне поручился, что самое позднее через пару часов, во время своего рапорта, это требование передаст вице-губернатору. Офицер охраны пришел сразу же после моего прибытия и остался у меня по крайней мере на два часа. Молодой человек, вежливый и учтивый. Звать его Грохольский. Родился и воспитывался в Полтавской губернии, по-польски не знает ни слова. Когда услышал, что я из Подолья, расспрашивал меня о наших Грохольских, к роду которых он принадлежит, хочет оставить службу, чтобы их узнать и переехать в Подолье. Через короткое время после его ухода снова пришел надзиратель

и сообщил, что был у вице-губернатора и что тот вскоре меня посетит. Что и произошло.

Местный вице-губернатор, господин Валькевич, внешне более холодный, чем господа Олсуфьев и Панов, обещая мне меньше, чем они, сделал больше обоих. Я просил у него возможность написать царю, жене и т. д., остаться здесь несколько дней, чтобы отдохнуть и сохранить здоровье, доктора, священника моего вероисповедания для исповеди и, наконец, заменить кандалы, потому что эти я двигать уже не в силах. Он на все эти требования сразу же решительно ответил, что писать позволить не может, что, хотя каждого из нас приказано сразу отправлять, он, видя меня таким больным, не может мне отказать остаться тут — если не на несколько (как я просил), то, по крайней мере, на два дня, то есть сегодня и завтра, что врача мне тотчас же пришлет, но священника разрешить не может». А что касается кандалов, он сказал: «Я сам вижу, что они слишком тяжелые, особенно для больного и настолько измученного человека. Меня очень сильно удивляет, почему противозаконно такие кандалы надели в Киеве». Я ему тотчас же объяснил причину этого и других жестоких вещей, которые там со мной вытворяли. «Эти кандалы,— снова он вступил в разговор,— будут немедленно заменены на более удобные и гораздо более легкие». При этом, обернувшись к надзирателю, повторил ему по-русски, что удивлен, как могли столько железа навесить на человека в таком слабом состоянии. Посоветовал ему, чтобы он немедленно приказал эти кандалы расковать и выбрать вместо них другие, лучшие. Уходя, он еще раз уверил меня, что доктор вскоре будет у меня и не ранее, чем завтра вечером, меня отсюда отправят.

Спустя полчаса пришел господин Федоров с кузнецом. Он велел меня расковать и показал выбранные для меня кандалы, которые весили шесть фунтов (киевские весили свыше двадцати трех фунтов). Также он мне объявил, что хотя, согласно предписаниям, он не должен оставлять меня без кандалов ни на минуту, однако велит их наложить перед самым моим отсюда отъездом. Крепкое пожатие его ладони за это проявление человечности и доброго сердца было моим ответом. Он спросил, не хочу ли я чего-нибудь поесть. Я попросил кашу на молоке, которую он обещал прислать из своего дома. В это

время пришел присланный вице-губернатором доктор Грабовский, русский, несмотря на польскую фамилию. Он больше, чем его предшественники, пробудил во мне доверия своей рассудительностью, знанием и доброжелательной заботливостью. Выписал мне разные лекарства, которые я должен принимать тут и взять с собой, когда уеду из Казани. Позабавил меня, долго обещая, что если ему позволит время, то сегодня он еще раз придет ко мне, завтра же утром будет обязательно.

Немного подкрепившись присланной Федоровым молочной кашей, я остался один в своей камере. С того момента, как мне сняли эти проклятые кандалы, мне кажется, что я легче дышу и свободней мыслю. Но я ведь носил их всего несколько дней. Что же должны чувствовать те несчастные, которые постоянно носят их годами!.. Пользуясь одиночеством, я занялся упорядочением время от времени написанных страничек этого дневника. Придется даже переписывать то, что местами слишком неразборчиво, прежде чем это сотрется и будет совершенно нечитаемо.

В этот же день вечером. Час назад я получил утешение, живое вдвойне из-за того, что ожидать его я не мог. Один из обычных осужденных этой тюрьмы, который с утра мне прислуживает, вошел ко мне и сказал, что только что привезли другого секретного, что его поместили рядом со мной, через стену, что зовется он Лесневич, что ему он велел спросить мою фамилию и что если я хочу, то могу сам ему сказать через решетку в моей двери, а он легко через свою услышит. Я сразу же поприветствовал так дорогого мне товарища по несчастью, и мы поговорили друг с другом пару минут. Иоахим подтвердил то, что я слышал в Москве, что его приговорили к пятнадцати годам, слезам жены приписывает он это уменьшение своего наказания на пять лет. Он сказал мне, что в его декрете были записаны еще я и Голыньский, что меня удивило, поскольку в том, который мне читали, никто из них двоих не упоминался. Также он добавил, что уже и не надеялся меня увидеть, зная еще в Киеве, как тяжело я был болен, и слыша по пути на почтовых станциях, в каком состоянии меня везли. Вскоре учтивый унтер-офицер охраны позволил ему подойти к моим дверям. Мы через решетку подали друг другу руки и нежно расцеловались, и оба заплакали. Иоахим сказал мне,

что человеческий местный вице-губернатор и ему позволил тут переночевать, значит, мы сможем еще утром увидаться или, по крайней мере, через двери поговорить.

18 марта, суббота, в Казани перед полуднем. Первый раз с самого Киева этой ночью я спал достаточно спокойно, чему немало поспособствовало то, что, будучи без кандалов, я мог нормально раздеться. Сердцебиение у меня сегодня уменьшилось, и я не так сильно потел ночью. Но кашель, боль в груди, боку и голове все время такие же. Приходил ко мне господин Грабовский и добавил лекарство от тошноты. С Иоахимом я разговаривал через двери. Он говорит, что, скорее всего, через два или три часа после меня его отсюда отправят, как прибывшего позднее, и советует мне, насколько только возможно, на станциях затягивать, а не торопить отъезд в дорогу, чтобы мы могли пересечься ночью. Вскоре после этого разговора я потребовал встречи с господином Федоровым и попросил его, не сможет ли он доставить поручение жандарму, чтобы отсюда не слишком быстро со мной ехал и чтобы мне два или три часа ночью отдохнуть давал. Добрый Федоров пообещал эту просьбу тотчас же представить вице-губернатору и уверял в положительном результате.

В этот же день ночью на пути в Пермь. Не ранее чем за несколько минут перед отъездом из Казани мне надели вчера приготовленные кандалы, которые после предыдущих не сильно мне мешают. Я отъехал за пару часов до заката с одним только жандармом, без солдата. Жандарму в моем присутствии полицмейстер приказал, чтобы из-за того, что я болен, не очень быстро ехать по выбоинам и чтобы ночами он мне не отказывал в отдыхе. От Казани на мое ежедневное содержание предназначалось из казны уже только двенадцать медных копеек (шесть грошей), до этого на меня приходилось по двадцать пять медных копеек (двенадцать с половиной грошей) в день. Жандарму же насчитывают за сто верст дороги по одному рублю.

Нынешний мой жандарм Андреев — человек уже в возрасте и старый солдат, самый учтивый из всех, кого я знал ранее. Он заявил мне, что приказ, какой ему был дан относительно меня при выезде, не был нужен, поскольку он бы сам сделал это по сердечной доброте, что на протяжении стольких лет

своей службы он часто уже возил секретных, русских и поляков, но не угнетал никого. Что на днях он вез Олизара²⁴, и тот наверняка, добавил, «не жалуется на меня». Сказал, что за мной едет мой товарищ, и я тогда спросил его, не смогу ли во время отдыха на станции с ним поговорить. «Вы можете отдыхать вместе, если он нас догонит»,— ответил Андреев. И действительно, Иоахим, который так же спешил, как я старался задерживаться, догнал меня на третьей станции. Жандарм его, молодой и добрый парень, легко с моим согласился оставить нас в одной комнате на несколько часов ночлега. Почти все это время мы с Иоахимом проговорили. Наконец, он заснул, а я спать не хотел, поэтому взялся писать этот дневник, обманывая себя, что разговариваю с тобой, дорогая.

19 марта, воскресенье, ночью. Лесевич смог вывезти из Киева, как говорит, почти двести рублей, и, кроме того, столько же из его денег оттуда было послано в Тобольск официальным путем. Я, выезжая из Киева, не имел ни копейки, и в Тобольск для меня отправили не более семидесяти пяти рублей, то есть остаток от моих денег, которые я собирался использовать на дорогу домой! Поэтому я сегодня взял у Иоахима пять рублей мелкой серебряной монетой, чтобы добрый ко мне Андреев не платил за мои мелкие расходы из своего кармана. Ведь он относится ко мне почти с братской заботой. Мое содержание не стоит много, поскольку мне достаточно только булки с молоком и иногда чай, за что чаще всего гостеприимство и доброе сердце жены почтового писаря не позволяют принять никакой от меня оплаты.

Мы с Иоахимом снова съехались на всю ночь почти как вчера. Я немного раньше его остановился на станции и раньше его должен был выехать. Если бы мы еще и на одних санях совершали поездку, то очень долго могли бы разговаривать о подробностях нашего заключения в Киеве и о тех бесчинствах, мною там пережитых, в которые он едва мог поверить. Иоахима почти с самого начала всегда помещали с одним или двумя товарищами, при этом он сидел в достаточно удобной камере, в которой легко было видеться и общаться с другими друзьями. А я только в феврале был не один, а на протяжении предыдущих

²⁴ Филиппа или Кароля?

четырёх месяцев всегда был один и всегда запертый в тесной клетушке. Иоахим говорит, что об ожесточенной злости Писарева и Гайворонского ко мне он много слышал еще в Киеве.

20 марта, понедельник, ночью. Нашим обычным образом и сегодня нам удалось быть вместе с моим товарищем по несчастью. Я рассказывал ему то, что меня удивило в Казани, что в его декрете были записаны я и Гольнский, когда в том, который зачитывали мне, хотя он и содержал не менее тридцати человек, наоборот, не было ни слова о Лесневиче и Гольнском. Иоахим рассказывает, что декрет свой помнит очень хорошо и что в нем мы трое, то есть он, Гольнский и я, упомянуты вместе. Он повторил мне из своего декрета такие слова о нас троих: «Хотя Сабинский, Гольнский и Лесневич не принадлежали к тайному обществу, но поскольку понимали его цель и принимали участие в деле 1831 г., а кроме того, Лесневич еще был на ярмарке в Фельштыне избран депутатом тайного общества, поэтому двое первых приговариваются к тяжким работам на двадцать лет, а последний, как менее виновный, на пятнадцать лет». Пусть теперь самый усердный, самый правильный друг Бибикова и всей киевской архандрии* попробует в этом декрете найти справедливость, логику и здравый рассудок! Иоахим говорит, что, когда ему это читали, он, не поверив своим ушам, сначала подумал, что неправильно заметил порядок, в котором нас прочитали, и только после повторного прочтения убедился в так логично сформулированном приговоре.

21 марта, вторник, в полночь. На последней отсюда станции, приехав около девяти вечера, я застал очень вежливого, доброго и, что особенно редко, говорящего по-польски писаря. Поэтому я был уверен, что здесь не встречу наименьшей трудности, чтобы ночевать вместе с Лесневичем, и беспечно его ожидал. Вскоре он приехал. Но писарь, настолько же трус, насколько добрый человек, заметив, что мы оба собираемся ночевать, так сильно этого испугался, столько беспокойства выразил, чтобы ему не пришлось отвечать, если нам это невинное удовольствие позволит, что ни мы оба, ни мой достойный жандарм никаким образом не могли его убедить. И

* Архандрия — толпа, банда.

поэтому я, как прибывший раньше, волей-неволей должен был выехать до следующей станции. Иоакиму же пришлось там остаться, чтобы не пробудить в боязливом писаре каких-либо подозрений. Завтра я должен буду остановиться в Перми, где не знаю, смогу ли видаться с товарищем. Поэтому с большим сожалением я попрощался с ним, возможно, уже последний раз в моей жизни.

22 марта, среда, в Перми, перед полуднем. С огромным беспокойством и грустью приближался я сегодня к Перми. После стольких напрасных усилий я сомневаюсь, что смогу в этом последнем губерньском городе Европы получить наконец свободу писать. Надежда на это слабеет с каждым часом. Прошло уже три недели с тех пор, как меня увезли из Киева, поэтому даже если моя жена и не получила письма, которое при выезде оттуда я написал, то все равно она уже должна была узнать, что меня оттуда похитили, и, конечно же, до нее дошли вести, в каком я был состоянии... На протяжении такого времени не получив от меня ни слова, она думает, что я умер... Последствия таких ее мыслей ужасны... Все это добивало мое тело, столькими страданиями истощенное, и забирало остатки моральной силы.

Почти так же утром, как и в Казань, я въехал в Пермь. И здесь я не застал губернатора. Надзиратель тюрьмы, господин Бородухин, как мне кажется, родом из Малороссии, понимает по-польски и принял меня по-человечески. На мое заявление, что во Имя Царя я требую встречи с заместителем начальника этой губернии, местный полицмейстер сразу же пришел в тюрьму, чтобы узнать от меня, чего я хочу. Я сказал, что могу это открыть только самому губернатору или исполняющему его обязанности. Он этим удовлетворился, но посоветовал мне не настаивать на этой встрече с вице-губернатором, который, как он говорил, не захочет и не сможет ничего для меня сделать, скорее, нужно дождаться возвращения самого губернатора г-на Огарева, поскольку тот из своей поездки по губернии сегодня или, самое позднее, завтра вернется в Пермь. «В это время,— ответил я,— еще сегодня или завтра до его возвращения меня отсюда отправят дальше, как это уже делали в других местах, не принимая во внимание болезненное и ослабленное состояние, в котором я нахожусь. И именно я, кроме

других просьб к начальнику этой губернии, которые только ему самому могу озвучить, хочу еще просить его, чтобы мне позволил остаться здесь по крайней мере на три или четыре дня для отдыха и хоть какого-нибудь лечения». — «Относительно этого вы можете быть спокойны. У вас есть неизбежное право вызвать доктора и требовать отдыха здесь на какое-то время, а начальство эти требования должно исполнить. Я беру на себя ходатайство об этом. Вот одного из присланных также из Киева, господина Киселя, привезли сюда больного, и он остановился в Перми на несколько дней, хотя выглядел намного менее больным и ослабленным, чем вы. Доктор у вас будет вскорости, и на основании его свидетельства вы здесь на какое-то время останетесь, а когда вернется губернатор, я ему сразу же озвучу ваше требование, и вы лично с ним поговорите. Заранее могу поручиться, что если то, о чем хотите просить, явно не превышает его возможности, вы обязательно получите результат вашей просьбы». Немного успокоенный добрыми намерениями в отношении меня и представлением, которое он дал о местном губернаторе, я последовал его совету ждать, пока этот последний не приедет.

Господин Вайгель, пермский надзиратель, родился и вырос в Польше, раньше служил в русской армии, долго жил в Варшаве, там женился на польке, недавно овдовел, вспоминает жену с большим чувством. Вежливый, светлый, хорошо воспитанный и очень хорошо говорит по-польски. Он рассказал мне, что в Перми есть два поляка, которые были присланы сюда на поселение в наказание три года назад. Это Запольский и священник Зелинский. Что они оба помнили о нуждах Киселя, когда тот остановился в Перми, помогали и другим заключенным из Киева, этим путем привезенным в Сибирь. Услышав, что в Перми есть священник моего исповедания, я спросил господина Вайгеля, смогу ли я получить разрешение совершить здесь пасхальную и, скорее всего, уже последнюю в жизни исповедь. Он считает, что губернатор, без сомнения, позволил бы это. «Но, — добавил он, — ксендз Зелинский, хотя и не отстранен от священнических обязанностей, выполнять их не может, пока не будет иметь некоторых предметов, необходимых для совершения Святой Мессы. Этого ему придется ждать около месяца, пока они не будут присланы в но-

вую часовню, которую мы здесь устраиваем». Долго оставался у меня господин Вайгель с надзирателем. Тот мне показался таким же хорошим человеком, как Федоров в Казани.

Вскоре после их ухода пришел обещанный Вайгелем доктор Вирек, немец, похожий на свою фамилию, выглядящий как четырехугольник. Он, а-ля Мёринг, галопом совершил свой визит, исследовал болезнь, написал рецепт, поскольку все это продолжалось не больше четверти часа. Позднее зашел снова г-н Бородучин, а за ним принесли чай от ксендза Зелиньского с вопросом, какую еду я хочу. Я попросил молочную кашу или одно только горячее молоко с хлебом, не имея желания к какой-либо иной еде. Этот достойный священник велел мне передать, что на протяжении моего здесь пребывания всегда будет приносить мне еду.

В этот же день вечером. Немного выславшись, я начал принимать лекарство четырехугольного доктора, самое противное из всех, какие я когда-либо пробовал. Час назад снова был господин Вайгель, который сказал, что вскоре после меня в Пермь прибыл другой заключенный, которого зовут Лесневич. Он велел поместить его на гауптвахте, поскольку в остроге нет отдельной камеры. Добавил, что завтра его наверняка отправят дальше. Еще он мне сказал, что, согласно только что полученной информации, завтра ожидается возвращение губернатора.

23 марта, четверг, в Перми, до обеда. Господин Четырехугольник не сдержал слово и сегодня утром не появился, хотя вчера это обещал. Его лекарство, кроме необычайного отвращения, с каким я его принимаю, никаких других результатов не принесло. Ксендз Зелиньски помнит обо мне. Добрый надзиратель Бородучин заявил, что по моей просьбе всегда готов информировать достопочтенного ксендза по поводу еды или любой другой потребности. Но я не хочу злоупотреблять добротой незнакомого земляка и довольствуюсь присланными мне чаем и молоком.

В этот же день после обеда. Только что я убедился, что Вайгель — человек очень честный, что поступает со мной искренне, открыто и что его вчерашние заявления не были только выражением вежливости. Он был у меня и с явным недовольством сообщил мне, что этот господин Четырехугольник — от-

ъявленный негодяй, поскольку сегодня утром предоставил от себя официальное заключение, что меня можно немедленно отправить. «Но,— добавил Вайгель,— пусть это вас не беспокоит, потому что я могу расстроить козни этого немца. Я уже по вашему требованию вызвал докторов, которые старше его, они через пару часов будут здесь в присутствии прокурора и меня, а их профессиональное мнение значит гораздо больше, чем глупый рапорт немца, и оно будет подтверждено губернатором, которого я ожидаю с минуты на минуту». Я нетерпеливо ожидаю этот консилиум и его результаты.

В этот же день поздно ночью. Вечером Вайгель приехал снова. Через пятнадцать минут после него прибыл доктор Погорский, а затем и второй доктор, Зорницкий. Пришел также и надзиратель тюрьмы. Вайгель и доктора достаточно долго ждали прокурора, но тот прислал им сообщить, что присутствовать не может и чтобы приступили к делу без него.

По фамилиям обоих докторов я подумал, что если они и не поляки, то, по крайней мере, малороссы и что понимают по-польски. но я ошибся. А поскольку оба не знают ни французского, ни немецкого языка, то и здесь, как и в других местах, нужно было прибегнуть к латыни, им обоим хорошо знакомой, особенно же господину Зорницкому, который гладко и чисто говорил на этом языке. Они начали свое медицинское обследование. Я вкратце рассказал им о своей болезни в Киеве и потом, до сегодняшнего дня, безрезультатно принимаемых лекарствах и, наконец, основные проявления болезни сейчас. Они тогда между собой разобрали принесенный из аптеки вчерашний рецепт Вирека, отвергли его полностью, даже громко высмеяв его несурзность. Посоветовали мне прекратить принимать это лекарство (которого хватило бы еще и на завтра, так был щедр Четырехугольник). Рассудили, что состояние моей болезни тяжелое (*magni momenti*), не скрывая и того, что опасное, после чего сказали господину Вайгелю по-русски, что они считают необходимым, чтобы я остался в Перми по крайней мере на десять дней, если не дольше, поскольку дальнейший путь я не выдержу, и заявили ему, что это же самое еще сегодня напишут официально. Мне же сказали, что об этом своем мнении сообщат господину Виреку, что тот каждый день будет меня посещать и что с завтрашнего дня, добавили

оба, улыбаясь, он начнет прописывать совершенно другие лекарства.

Когда они удалились, я с самой глубокой благодарностью ждал ладонь достойного Вайгеля, благодаря за это проявление человечества и добросердечность. Он вскоре попрощался со мной, а я, оставшись один, закрытый уже на ночь, взялся писать свой дневник. Но через два или три часа, где-то около одиннадцати, как я полагаю, когда я уже хотел лечь и погасить свечу, вдруг услышал сильный шум в коридоре, и дверь ко мне поспешно открылась.

Вошел какой-то незнакомец, среднего роста, седой, но резвый и с приятным лицом, пожилой человек в дорожной одежде, а за ним господин Вайгель и надзиратель. Вайгель, входя, сказал мне по-французски: «Это господин губернатор». А тот отозвался, что только что возвратился из поездки по губернии и, узнав возле рогаток от полицмейстера о моем желании видеть его, велел не заезжать домой, а сначала поспешил ко мне. Не позволил мне встать перед ним, когда я благодарил его за такую милостивую доброту, но, заставив меня сесть рядом с собой, ободрил, чтобы я смело представил то, что имел сказать, добавив, что могу сделать это при г-не Вайгеле, как при честном и уважаемом им человеке. Поэтому я с доверием представил мои просьбы о написании к царю, Бенкендорфу и к моей жене. Я рассказал, в каком состоянии она находится. Я говорил, что какой-то злой рок хотел, чтобы в Нижнем Новгороде и в Казани я не застал губернаторов, потому что, может, или один, или другой оказали бы мне такую милость, чего тамошние вице-губернаторы сделать не смели; я просил о том, чтобы остаться на какое-то время, чтобы окрепнуть хоть немного перед дальнейшей дорогой, на которую сейчас у меня уже нет сил. Сказал я также и о том, как я расстроился, услышав от господина Вайгеля, что пребывающий в Перми католический священник не может дать мне духовной помощи и что, похоже, мне придется умереть без этого утешения. Он слушал меня с очень терпеливым и доброжелательным вниманием, хотя мне пришлось говорить достаточно долго, поскольку кашель меня постоянно прерывал.

Когда я закончил, он заявил, что все мои требования справедливы. Успокоил меня по поводу остановки в Перми, говоря,

что не только на четыре или пять дней, как я просил, но и на две и три недели я могу здесь остаться, одновременно уверяя, что все это время ни во врачебной помощи, ни в дружественной заботе я не буду иметь недостатка. Что же касается писем, то сейчас он определенно ответить не сможет, поскольку после такого долгого отсутствия не побывав дома, он еще не знает, какие по отношению к нам пришли приказы и распоряжения, и если будут только явно противоречащие моему желанию, в таком случае он вынужден будет мне отказать. А иначе, добавив, будь уверен, что рад все твои просьбы исполнить, и не принимай то, что говорю за обычную чиновничью отговорку, а за чистую правду. Он интересовался подробностями моего дела, и я ему их точно передал. Также утвердил меня в намерении писать царю, советовал, чтобы просьба к нему была содержательная и короткая, но чтобы наряду с ней отдельно представил и описал все как можно более подробно. При этом снова сказал, что был бы рад не найти у себя ничего такого, что бы запретило ему дозволить мне писать и стать орудием моей свободы, поскольку он считает ситуацию, в которой я нахожусь, чрезвычайной, единственной в своем роде и могущей обратить на себя внимание царя, когда только она дойдет до него. Почти с отцовской добротой он старался меня утешать, призывая не падать духом и не допускать черных мыслей. Влил в меня надежду на перемену моей судьбы и посоветовал следить за здоровьем. Был разговор о Сибири. Он нарисовал мне ее иначе, чем я себе представлял. «Знаешь,— говорил он мне,— и там ты найдешь людей добрых, светлых и благородных, словом, таких, которые тебя поймут». Также он дал мне общие сведения о Тобольске, советуя, чтобы там я старался увидеться с генерал-губернатором князем Горчаковым, о котором говорил со многими похвалами, утверждая, что лучше иметь дело с ним, чем с гражданским губернатором Талызиным. Наконец, пробыв у меня не меньше двух часов, при прощании пообещал завтра утром через господина Вайгеля сообщить мне, смогу ли я писать или, несмотря на все его желание, это будет невозможно.

24 марта, пятница, в Перми, после обеда. Сегодня утром был господин Вирек, неизмеримо более вежливый, нежели в первый раз. Остался достаточно надолго, более тщательно спра-

шивал о моих жалобах и выписал новые лекарства, не уходя, пока их не принесли. Он ничего не говорил мне о вчерашнем консилиуме, и мне тоже было неудобно о нем упоминать.

Я сказал только, что вчера здесь был губернатор и что он позволил мне остановиться в Перми на десять дней и более для какой-нибудь поправки моего здоровья, хотя бы настолько, чтобы потом я смог закончить путь. И поэтому на это время я вверил себя опеке господина Вирека, прося, чтобы не отказывал мне во врачебной помощи. Он мне это с большим чувством пообещал, ручаясь, что каждый день будет ко мне приходить и что мое здоровье его живо интересует. Я вежливо его поблагодарил, абсолютно в эту «живость» не веря.

Вскоре потом приехал господин Вайгель и несказанно расстроил меня известием, что приехал ко мне по поручению губернатора, который велел сообщить ему о том, что писать мне нельзя. Что по этому вопросу есть ясный приказ верховной власти, запрещающий губернаторам позволять любые письма каждому из нас, отправленному из Киева, и что только в Тобольске нам позволят писать. Сказал также при этом, что это достойный старец сильно страдает из-за такой преграды, задерживающей его благие намерения. Так меня придавило это внезапное разрушение моей последней надежды, на которую я так полагался и за которую цеплялся из последних душевных сил, что был не в состоянии ответить Вайгелю ни слова. После непродолжительного молчания он, видимо читая по лицу мои мысли и чувства, которыми я был разрываем, отозвался: «И чего же ты предаешься унынию? Ты ведь уже долго ждал, наберись немного терпения и в Тобольске напишешь то, что хотел написать тут». «А могу ли я быть уверенным, что доживу до Тобольска? И сможет ли моя бедная жена эти два месяца вынести мысль, что я умер?.. Может, в этот момент, когда я это говорю, она уже осиротила троих младенцев... О! Это жестокость, которая превосходит любое воображение!..» Он ничего уже не ответил, но в его глазах я видел искреннее сочувствие. Через какое-то время он снова произнес: «Если бы тут был генерал Фалькенберг, то у тебя было бы еще одно средство». — «А что он мог бы сделать?» — «Фалькенберг — генерал жандармов в этой и в нескольких других губерниях и руководящий во всей Сибири. Жандармским путем напра-

виться можно даже тогда, когда все остальные перекрыты, а особенно в происшествиях такого рода. Тем более что письма свои ты хотел адресовать графу Бенкендорфу, главному начальнику жандармов во всем государстве. Следует добавить и то, что генерал Фалькенберг — достойная личность и очень хороший человек. Но к твоему несчастью, он сейчас в Тойбольске, а еще скорее, в Омске должен находиться. Местный же начальник жандармов, подполковник Касимский, заменить его в этой ситуации и не захочет, и не сможет». В этот момент вошел Бородучин и доложил господину Вайгелю, что он нужен кому-то в городе, и он сразу же удалился.

То, что мне сказал Вайгель о жандармском пути как об единственном оставшемся мне средстве, напомнило мне, что при выезде из Казани славный жандарм Андреев спросил меня в присутствии полицмейстера и надзирателя тюрьмы, не обидели ли меня чем и нет ли у меня какой жалобы. Я ответил, что нет, ибо на что я мог жаловаться в Казани, где со мной обходились лучше, чем где-либо? Но когда мы выехали из города, я потребовал от Андреева, чтобы он объяснил мне свой вопрос и сказал, что бы он сделал, если бы я заявил, что у меня есть жалоба. «В таком случае,— ответил он,— я бы завез вас перед выездом из города в свою комендатуру, а там моя заявленная жалоба была бы сразу представлена генералу жандармов Апраксину, живущему в Казани». Теперь, к сожалению, слишком поздно! Наученный Вайгелем, я подумал, что хотя в Казани я никакого угнетения не почувствовал, всегда, однако, можно было бы объявить, что мне необходимо увидеться с генералом жандармов, и требовать это «во Имя Монарха». И может быть, Апраксин мог бы удовлетворить мои требования, отброшенные господином Валькевичем.

В этот же день вечером, в Перми. Был здесь недавно господин Никольский, пермский губернский прокурор, на эту должность недавно прибывший. Он застал меня за чтением Нового Завета. Не знаю, откуда он узнал, что я знаю латынь, но, едва войдя, начал говорить со мной на этом языке. Сначала спросил, что я читаю. И когда я ответил, он начал охотно хвалить эту божественную книгу как единственный источник утешения и силы в каждом положении, а особенно в том, в каком я нахожусь. Спрашивал о моих семейных отношениях,

о подробностях теперешнего несчастья, признавал, что спасти меня могло бы извещение царя о таком необычайном случае. Поэтому также сожалел и удивлялся, что мне запрещено писать. И все это он говорил на такой чистой, цистероновской латыни, какой я прежде не слышал ни у одного россиянина. Меня поразило, что я уже встретил столько коренных россиян, фамилии которых, казалось бы, должны свидетельствовать о польском происхождении.

25 марта, суббота, в Перми, утро. Четырехугольник навещает меня постоянно и сейчас все время ведет себя доброжелательно. Сегодня выписал другие лекарства.

После обеда. Несмотря на плохую рекомендацию, данную подполковнику Косимскому вчера Вайгелем, я сегодня заявил этому последнему, что хочу увидеться с первым, а Вайгель пообещал мне, что сегодня или завтра Косимский обязательно здесь будет. Ведь не нужно много добродетели и ума, чтобы мне предоставить необходимое для писания, а потом письма мои отослать туда, куда они предназначаются. По крайней мере, пока я чувствую в себе тлеющую еще искру жизни, не хочу терять ни одного пути, ни одного способа спасения и возможности дать тебе знать обо мне, дорогая! Могу ли я быть уверенным, что доживу до Тобольска? И не встречу ли я там такие же трудности, какие везде встречаю до сих пор?

Ксендз Зелинский всегда помнит о том, чтобы прислать мне чай с булкой и молочный обед. Надзиратель все время человечный и вежливый. Часто приходит сюда только для того, чтобы, как говорит, развлечь меня во время моего грустного одиночества. Я ему благодарен за добрые, хотя и безрезультатные намерения.

Насколько мне позволяют силы, пользуюсь свободным временем, чтобы хоть как-нибудь упорядочить свой дневник, сложенный до сих пор из больших или меньших записок. Это занятие стало уже своего рода потребностью, хотя не знаю, даст ли мне Бог еще столько жизни, чтобы я смог этот дневник переписать начисто, и будет ли возможность, чтобы он дошел до этих дорогих рук, для которых он предназначен...

26 марта, Пасха, в Перми, утром. В полночь разбудили меня звоны и выстрелы, возвещающие торжество Воскресения Господня. Одна из церквей находится почти под окном моей

тюрьмы, и как только начало светать, я вижу толпы людей. Каждое лицо сияет радостью... Только я грущу, свидетель этой картины: на краю Европы заключенный раб, брэнчанием кандалов и из-за решетки встречаю этот день веселый во всем христианстве... Только мне одному воспоминания о несчастной жене, о детях, о семье и та мысль, что их уже не увижу, обливают лицо горькими слезами!..

До обеда. Около восьми или девяти поп, обходя с молитвой всех заключенных, находящихся в этой тюрьме, зашел по очереди и ко мне. Застал меня лежащим. Я встал при виде его, но был так измучен и обессилен, что невозможно было удержаться на ногах во время его пения, и я чуть не упал без чувств в конце. Он сам это заметил, потребовал, чтобы я лег, и сел рядом со мной. Спросил меня, как давно я болею, кто меня лечит и т. д. Но по первым словам поняв, что мне очень трудно говорить по-русски и что я плохо его понимаю, начал говорить на латыни, выразив свое удивление, что я, будучи настолько больным, находясь так близко к переходу в вечность, не думаю о подготовке к этому так, как обязан делать христианин. Я, взаимно удивленный такой речью, ответил, что хорошо знаю всю важность и святость обязанности, о которой он говорил, и я не забыл о ней, поскольку, как только узнал о пребывании в Перми священника моего исповедания, сразу же начал стараться, чтобы здесь совершить исповедь и духовную подготовку к смерти, но обстоятельства, от меня не зависящие, этому помешали. «Я знаю об этих препятствиях. Но если ты не мог совершить такой важной в твоём положении обязанности перед своим священником, почему же не сделал этого перед другим священником? Например, передо мной... который смог бы твою исповедь выслушать на латыни? Но,— говорил он дальше,— чтобы это стало со спасительной пользой для твоей души, следует сначала перейти в истинную веру, то есть в лоно Восточной Церкви. Положение, в котором ты находишься, состояние твоего здоровья уже перед последней чертой, препятствия, с которыми ты столкнулся при поиске исполнения потребностей твоей души при помощи священника твоего исповедания,— все, вплоть до нашего теперешнего разговора, ты должен считать не случайным стечением обстоятельств, а мудрым и милосердным действием Провидения,

божественный палец которого указывает тебе единственный путь, ведущий к спасению». И тут в долгом богословском разговоре он начал излагать преимущество своей веры перед моей. Разбирал таинства, приводил много примеров из Священного Писания и разных Отцов Церкви, объясняя и переложившая все по-своему. С настойчивой пылкостью убеждал он меня «принять истинный свет» и грозил потерей вечного счастья, если я не захочу познать истину по крайней мере в последние часы жизни, а вместо «обращения» буду пребывать «в заблуждении» и умру, не воспользовавшись Благодатью, которую Бог мне сейчас подает.

Терпеливо выслушав всю эту проповедь, когда он перестал говорить, ожидая моего ответа, я сказал, что хочу умирать в той же вере моих отцов, в которой я родился, что только сам Бог может решать, какое вероисповедание лучшее и истинное, и если Ему захотелось, чтобы я ушел из этого мира, лишенный благодатей моей Церкви, то я и в этом подчиняюсь Его святой воле, уповая на Его безграничное милосердие, которое принимает мое искреннее желание, а невозможность не считает грехом. Наконец, ничто в мире не в состоянии склонить меня к вероломству, которое я считаю делом как противным Богу, так и никчемным и подлым, по моему убеждению. Он достаточно долго молчал после этого ответа. Потом он снова сказал: «А если бы я тебе сказал, что шаг этот, к которому я тебя призываю, может значительно повлиять и на перемену твоей судьбы, если выздоровеешь, и стать причиной твоего освобождения и возвращения к своим?..» — «И даже тогда, — ответил я резко, — и тогда бы я повторил то же самое, что только что объявил». — «Однако подумай о том, что я тебе сказал, даю тебе время до завтра». — «Мне не нужно думать, я хорошо знаю, что ни завтра, ни в последнюю минуту жизни веры и убеждения в ней я не поменяю». После этих слов он удалился.

Сразу после этого пришел Вирек, а вскоре после него приехал Вайгель с сообщением, что губернатор поручил ему справиться о моем здоровье. Я говорил Вайгелю об особом визите попа и узнал, что этот бывший профессор богословия из Москвы часто в местном остроге занимается обращением иноверцев, хотя у него это обычно не получается, иногда, однако, правда достаточно редко, у некоторых преступников,

особенно у лютеран, обещаниями прощения или уменьшения назначенного наказания ему удается добиться перехода в греко-римскую церковь.

В этот же день ночью. Был у меня господин подполковник Косимский, начальник местных жандармов. Хотя и русский, однако долго проживший в нашей стране, неплохо понимает по-польски. На этом языке я представил ему мои требования. Но Вайгель точно предположил, утверждая, что и не захочет, и не сможет ничего для меня сделать. Рассеянный, плохо соображающий и трусливый. Спросил, на каком языке я хочу писать. «На французском», — ответил я. Он немного задумался, а потом сказал, что лучше бы было, если бы я писал по-русски, потому что тогда, добавил он наивно, «и я мог бы это понять». Но ведь, ответил я, граф Бенкендорф принимает письма на любом языке. «Да, действительно, но и мне следовало бы знать об этом. Со всем этим я обязан написать генералу Фалькенбергу о вашем требовании». Видя, что не с кем больше говорить, я не стал напрасно тратить слова и перестал настаивать. Он тоже, задержавшись здесь на полчаса, ушел вместе с Вайгелем, которого я просил, чтобы он меня рано навестил.

27 марта, утро понедельника, в Перми. Хотя вчера Вайгель повторил мне уверение губернатора, что я еще шесть или восемь дней могу оставаться в Перми, однако я ему сегодня объявил, что хочу, чтобы меня завтра отправили дальше, прося его только, чтобы он дал жандарму такой же приказ, какой получил в Казани, то есть чтобы давал мне немного отдыхать по ночам и чтобы не слишком быстро ехать по этим проклятым выбоинам. Вайгель обещал, что такое поручение даст.

Наверняка вскоре в этих краях снег начнет таять, а затем паводки испортят дороги, также боюсь переправ через реки. И если это правда, что только в Тобольске мне позволят писать, я хочу как можно быстрее дождаться этого так желанного момента. Может, Бог настолько еще мою жизнь продлит. Лекарства Вирека помогли, по крайней мере, тем, что тошнит меня теперь реже, меньше потею, и головная боль немного (хотя очень мало) уменьшилась. Остальные симптомы остались на том же уровне. Сегодня я выпью оставшиеся порошки, прописанные вчера, а до завтрашнего утра закончу и то лекарство, которого Четырехугольник сегодня выписал целую бутылку.

В этот же день после обеда. Перед самым обедом снова пришел этот поп, который обращал меня вчера. Сегодня он даже был в компании другого, но этот последний мало вступал в разговор, который, как я думаю, он мало понимал. Мой же миссионер повторил то, что я слышал вчера, и, получив от меня ответ такой же, как вчера, оставил меня наконец в покое, сильно недовольный моим намерением уехать завтра. Видимо, хотел еще раз возобновить свои попытки. Но сильнее всего ему не понравилось то, что я, благодаря за его благие намерения, добавил, что если бы я имел достаточно силы, знаний и способностей, то из благодарности старался бы помочь ему познать «истинный свет», то есть объяснить ему принципы нашего вероисповедания, обращая его с ошибочной и неверной дороги в лоно Римской Церкви. После этих слов, безмерно удивленный, он долго смотрел мне в глаза, но, ничего уже не говоря, встал и, взяв шапку, вместе со своим товарищем направился к выходу. Я, прощаясь с ними обоими, сказал, что наверняка не увидимся вовек.

28 марта, вторник, в Перми, перед полуднем. Достопочтимый Вайгель раньше, чем обычно, был здесь, чтобы предупредить меня, что сегодня в полдень меня отправят в Тобольск и что жандарм получит приказ, о котором я просил вчера. С самыми искренними чувствами я выразил благодарность этому достойному человеку за все его старания и доброжелательность, оказываемые мне. Также я просил его, чтобы господину Огареву искреннюю мою благодарность передал. Четырехугольника я тоже поблагодарил за его труды и за помощь, сказав сожаление, что не могу выразить свою благодарность ничем, кроме слов. Он дал мне сегодня разные предостережения, как вести себя в дороге, добавив к ним бодрящие капли и еще какое-то лекарство. Уважаемый ксендз Зелиньский прислал мне на дорогу несколько фунтов сахара, чая с полфунта и несколько булок. Добрый Бородучин, увидев, что все это и мой маленький сверток мне некуда деть, просил меня, чтобы я принял от него небольшой кожаный мешок. Я не мог отказать учтивому и искренне доброжелательному сердцу, с которым он предлагал мне этот подарок, тем более что он добавил при этом пожелание: «Дай Бог! Чтобы ты как можно скорее с этим мешком возвращался домой!» Обняв его, я просил, чтобы он

пошел к ксендзу Зелиньскому и от моего имени поблагодарил его за заботу и опеку надо мной.

В этот же вечер на пути в Тобольск, поздно вечером. Ну наконец я уже за Пермью!.. Через несколько дней, если доживу, буду за границей Европы!.. А ведь я еще до сих пор не нашел никакой возможности послать несколько слов туда, где находятся все мои чувства, мысли, моя душа! Я теряю самообладание при каждой мысли о том, что там происходит с моей бедной женой... В Перми два раза во сне о ней мне представлялись ужаснейшие картины. В слезах и холодном поту я просыпался от страха. Великий Боже! Не допусти самого страшного несчастья, при мысли о котором моя душа цепенеет. Сохрани от полного сиротства троих младенцев! Пусть твой гнев остановится на мне!..

Прибыв сюда, хотя это только вторая станция от Перми, я нашел здесь очень человеческого писаря и поэтому захотел остановиться на ночь, а жандарм, неплохой человек, этому не противился, наверное, благодаря приказу, выданному Вайгелем.

Я хотел долго писать в этом дневнике. Но беспокойство, опасение, неуверенность, тоска и какое-то непонятное предчувствие так сильно мешают моим мыслям, что уже и двух слов я связать не могу и вынужден бросить. Такое чувство, словно я вдруг забыл родной язык... Я близок к сумасшествию...

29 марта, среда. С момента выезда из Перми я постоянно встречаю добрых людей на почтовых станциях. Вежливые, гостеприимные, воспитанные, имеют искреннее сочувствие к моему несчастью, которое не раз у них вызывало слезы. О, пусть Провидение за каждую их такую слезу оплатит источником сладчайшего утешения!

В почтовых книгах я иногда вижу, сколько у меня уже было предшественников, из Киева в Сибирь сосланных. Число их ужасно велико, к сожалению! Фамилии некоторых я также читаю на стенах или окнах почтового дома.

30 марта, четверг. Выежая сегодня после ночлега (уже почти рассвело), в воротах я столкнулся с другим жандармом, кого-то везущим. Этот кто-то, видимо, спал в пути и проснулся в тот момент, когда сани уже остановились перед домом, из которого я уезжал. Мой жандарм приветствовал своего коллегу и поговорил с ним несколько минут. Все это время заклю-

ченный тот присматривался ко мне и вдруг выкрикнул мою фамилию. Только по голосу я наконец узнал Каспара Машковского. Он приблизился ко мне, и мы сердечно пожали друг другу руки. Он мне сказал, что сразу за ним едет товарищ по несчастью Антони Бопрэ, доктор из Кременца. Больше охранники поговорить нам не дали. Но после обеда, на третьей или четвертой станции, оттуда мы все втроем съехались, и тут уже наши сторожа не запрещали нам побыть вместе около получаса. Я был очень рад познакомиться с Антонием Бопрэ, о котором часто с восхищением Чапский вспоминал в Киеве. Я сказал обоим друзьям, чтобы постарались уговорить своих сторожей съехаться вместе ночью на отдых, который им в Перми тоже позволили. Антоний говорит, что к своему легко найдет подход через рюмку, поскольку этот господин любит гульнуть. С Касперовым несколько труднее. А что касается моего, надеюсь, что против не будет. Но сегодня этот договор осуществить не удалось.

31 марта ночью за Екатеринбургом. Кто бы мог подумать, что и болезнь иногда может пригодиться? Вчера, расставшись с друзьями, я постоянно попадал на пьяных почтальонов, которые не обращали внимания на то, что я стонал от боли, и даже на предостережения жандарма, летели немилосердно быстро. И как назло дорога была настолько неплоха, что через четыре станции после встречи с друзьями я был на ночлеге, из которого, обманутый ясной ночью жандарм вывез меня раньше, чем обычно, потому что солнце начало всходить только на второй станции. Поэтому я боялся, не опередил ли я друзей настолько, что они меня уже не смогут догнать. Огорченный этим, измученный бессонницей, ужасно страдающий телом и душой, полностью лишенный сил, я пару раз безрезультатно принимал бодрящие капли Четырехугольника, и в Екатеринбурге жандарм с почтальоном меня еле живого вытащили из саней и занесли в дом. Здесь мой вид испугал писаря и какого-то чиновника, находящегося на почте. Последний спросил меня, не нужен ли мне доктор. Я ответил, что именно об этом хотел просить, чувствуя себя настолько слабым, что едва могут дышать. Сразу же послали уведомить полицмейстера, тот пришел и велел пойти за доктором. Не скоро найденный, приехал наконец доктор Юстинов, человек приятной внешности и очень

вежливый. Он объявил, что я могу остаться в Екатеринбурге до завтра для отдыха. Но я сам потребовал еще сегодня ехать дальше, прося только несколько часов для отдыха. Я сказал, что мне очень важно как можно быстрее приехать в Тобольск. Господин Юстинов выписал мне на дорогу разные лекарства: капли, микстуру, мазь для бока и груди, травы и т. д. Мог ли я когда-либо подумать, что латинский язык настолько мне пригодится? И еще где! И в каком положении! Потому что с этим доктором мне пришлось говорить только на латыни. Только после обеда я уехал из Екатеринбурга, и именно это опоздание помогло моим товарищам догнать меня на третьей станции за этим городом, где я остановился на ночлег. Они приехали вскоре, и после небольших трудностей жандармы разрешили им здесь ночевать, к моей невыразимой радости. Антония и Каспера отправили из Киева только 14 марта. Рассказывали мне, что они двое, Боровский Петр и Михальский Фридрих, военным судом были приговорены к повешению, что 13 марта всех четырех вывели в рубашках смертников на плац. Там уже были готовы четыре виселицы, палачи, которые завязали им руки, множество людей и войско. Уже все были на эшафоте, когда вдруг появился генерал Бибииков с заявлением, что государь приговор их смягчил, заменив его на двадцать лет тяжелых работ». То есть (что сводится к одному) приговаривая их к двадцатилетнему умиранию в ужасных муках вместо смерти, которая пришла бы через несколько секунд...

1 апреля, суббота. И сегодня нам удалось всем троим счастливо съехать на ночлег. Бопрэ и Машковский были посланы в Вильно. Рассказывали об обхождении с ними Виленской следственной комиссии, так отличавшейся от расследования в Киеве. Я, в свою очередь, рассказал о безобразиях и бесчинствах, которые пережил. Но они еще в Киеве слышали о злобе ко мне Писарева и Гайворонского, слышали и о моей защите, которую эти господа разрушили. То же самое, что мне сказал Лесневич, я услышал и от них, что на то, что я жив, они и не надеялись. Обоим удалось вывезти из Киева по несколько сотен рублей. Я у них взял сейчас пять рублей и столько же мелочью, чтобы было чем в пути оплачивать самовар и другие мелкие расходы, и прежде всего, чтобы мог делать маленькие подарки моему жандарму, благосклонность которого мне сей-

час очень нужна, чтобы не расставаться с Антонием до Тобольска. Что касается Каспера, то его жандарм хочет нас опередить завтра, чтобы со своим заключенным раньше быть на месте. Мой же охранник не обязан сильно торопиться, а Антоний на ненасытную глотку своего сторожа рассчитывать может. Бедный Каспер сильно страдает из-за своих старых ран, которые болезненно отзываются во время этой поездки. Бопрэ посчитал, что ему очень бы помогло *linimentum volatile*. Как же я рад, что среди лекарств, взятых в Екатеринбурге, нашлась и эта мазь. Я отдал его другу, желая, чтобы ему помогло больше, чем мне, вчера и сегодня напрасно использовавшему это средство для невыносимой, а теперь почти и постоянной боли в груди и боку. Их обоих обобрали при отправке из Киева. Но по крайней мере то, что им оставили из одежды и белья, не может сравниться с моим опустошением. Бельем они хотели со мной поделиться, но я отказался, ибо, скорее всего, скоро уже ничего мне не будет нужно. Принял только одно полотенце от Каспера, поскольку у меня никакого не было.

2 апреля, воскресенье. За границей Европы, ночью. Годовщина рождения моей дочери!.. Ах! И где же я нахожусь! И в каком состоянии вспоминаю этот день!.. В Азии!.. В кандалах!.. Год назад я был так счастлив, когда Бог мою неустанную горячую молитву услышал, увеличив сокровища моего сердца еще одним желанным ребенком. Столько у меня тогда было надежд, столько жизни впереди!.. А сегодня!!!..

Каспер уже опередил меня и Антония. Но прежде чем с ним я съехался на ночлег здесь, две станции отсюда, вечером, мне снова встретилась приятная неожиданность, когда я увидел Мархоцкого Кароля. Он, совершенно свободный (хотя и с жандармом), едет в Тобольск, приговоренный на поселение там, с лишением имущества, но не лишенный своих прав. Не отобрали у него ничего из того, что он имел в Киеве, — как деньги, так и другие вещи, и все это он везет с собой собственной удобной повозкой. Я сильно обрадовался, когда его увидел. Жалко только, что я уже садился, когда он подъехал, и мы смогли поговорить едва пять минут. Он решил активно работать для того, чтобы стать полезным для несчастных земляков, друзей из киевской тюрьмы, и показать царю всю ужасность монстра, названного «декретом киевского Военного суда».

Бопрэ Антоний со всех точек зрения человек неординарный. Знакомство с ним увеличивает во мне сожаление о догорающей жизни. Хотелось бы мне жить еще и для того, чтобы найти друга в этом удивительном человеке...

3 апреля, понедельник. Сегодня также вечером я съехался с Каролом Мархоцким, который уже завтра будет в Тобольске. Там он сразу же встретится с гражданским губернатором и генерал-губернатором. Я же в Тобольск смогу приехать только в среду. Поэтому я просил и заклинал Кароля, чтобы тот в первые минуты встречи с князем Горчаковым предупредил его, что встретил умирающего земляка, который хочет говорить с князем и просит его об этом во Имя Государя, а значит, чтобы князь дал приказ немедленно привести его к себе, как только будет привезен». Мархоцкий мне торжественно пообещал, что исполнит эту просьбу.

4 апреля, вторник. Уже несколько дней, за исключением того только, что едем не в одних санях, в остальном почти всегда мы вместе с Антонием. Потому что кроме ночлегов мы часто и днем съезжаемся или на чай, который оба имеем и с которым друг друга ждем на оговоренных станциях, или для краткого отдыха в пути. Я быстро полюбил этого достойного мученика. Тем мучительнее для меня мысль, что сегодня мы вместе уже последний раз, поскольку завтра утром должны будем уже приехать в Тобольск, я первый, а он через пару часов после меня. Там уже не знаем, что будет с нами, где и как нас разместят.

В этот же день в полночь. Беспокойство, застану ли князя Горчакова в Тобольске? Позволит ли он прийти к нему? Как меня примет? Получу ли я наконец то, о чем хочу его умолять как о последней доброты для меня на земле, сжигает меня адский жар...

Позднее. Уже пробило три, а я ни на секунду не мог заснуть!.. Только состояние приговоренного на эшафоте, с обнаженной шеей, ожидающего последний удар, может сравниться с моим...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Азия.— Сибирь.— Дорога из Тобольска в Иркутск, в кандалах этапами, большей частью пешком, в обществе шайки злодеев, убийц, воров, поджигателей и т. д.

Forsan et haec olim meminisse iuvabit.
Virgil

Может, будем еще когда-нибудь
об этом с веселием вспоминать.
Вергилий, «Энеида», 1, 203

Глава шестая

Тобольск.— Гражданский губернатор.— Сразу потом князь Горчаков.— О чем здесь узнаю?— Князь позволяет надолго остаться в Тобольске.— Я не воспользовался этим. Почему? — Товарищи по несчастью.— Доктор Штубендорф.— Экспедиция изгнанников («ссылных»)— Там куча жуликов, с которыми нам придется идти.— Пишем семьям.— Штубендорф по-братски занимается нами.— Выход из Тобольска.— Первый этап.— Необычайный, как бы летаргический сон: кризис в болезни.— Вводим правила для нашей группки.— Дешевая жизнь.— Офицер, наш хозяин — какой? — Вечер у него и зрелище.— Нам придется остаться здесь довольно долго.— Фамилии отправленных первыми.— Забота о нас.— Друзья-ремесленники.— Деньги на пропитание.— Переписывание дневника с обрывков.— В Тобольск привезли Фелиньскую, Жонжевскую, Вильчопольскую и трех литовцев.— Молитвы в национальный праздник 3 мая.— Первая прогулка.— Какие окрестности? — Информация о Янушкевиче Адольфе.— Украинец из Саврани, взятый под Дашоверном.— Второй украинец.— От Мархоцкого книги.— Выход на этап.— Оковы нам уже меньше препятствуют.— Кедры.— Татарские кладбища.— Новый господин, хуже предыдущего.— Первый цветок.— Какие деревья по дороге? — Жара непереносимая, хотя деревья только-только распускаются.— Бесчестность офицера Здаренко.— Морит голодом и нас, и всю партию, та возмущается.— Крики и ссоры.— Местность красивее, чем до сих пор.— Место, похожее на Подолье.— Почти в каждой деревне поляки по делу 1831 года.— Жена начальника этапа Чечеловна из Вольни.— У нее несколько польских и французских книг.— Здаренко написал на нас два листа клеветы, которые официально переходят с нами с этапа на этап.— Соловьев и жаворонков в Сибири нет.— Знакомый солдат с Замоща.— Гара, областной город.— Жалоба на Здаренко.— Павлина Вильчопольска.— Волостной принимает нас за евреев и поэтому отказывает в воде.— Цыгане с медве-

дем.— Лесневич втихую уничтожает доносы Здаренко.— На пути встречаем вчерашнюю банду цыган, женщина из нее предсказывает нам возвращение на родину.— Офицер Сапожников похож на Здаренко.— Семь литовцев, их фамилии и декрет.— Минодора. Ее странные приключения.— Еврей-торговец в Польше, медик в Сибири.— Женщина, излеченная г-ном Бопрэ.

В Тобольске, в тюрьме. 5/17 апреля 1839 г., в среду ночью. Явившись сегодня в Тобольск, привезенный к гражданскому губернатору Талызину, из его первых слов я узнал, что Кароль Мархоцкий его обо мне уже предупредил. Я потребовал у него во Имя Государя встречи с князем Горчаковым, генерал-губернатором Западной Сибири, что и получил немедленно. Может, час спустя приехал полицмейстер с приказом привезти меня к князю.

Князь Горчаков показался очень доступным и с добрым сердцем. Насколько я могу судить, совсем не преувеличенные похвалы я слышал о нем. Как спасения видеть его и говорить с ним я желал, в этом была вся моя надежда от самой Москвы, когда я узнал, что он генерал-губернатор Западной Сибири. Убежденный в том, что в тобольской губернии будет пункт моего назначения (что десять раз мне повторяли Гайворонский и Афанасьев, когда отправляли меня в Сибирь), я надеялся, что кроме письма царю, Бенкендорфу и моей жене выпрошу еще у князя милость остаться здесь на месте для спасения моего здоровья, пока не придет от царя решение относительно моей просьбы, а в это время, если я наберусь хоть немного сил, князь, вместо того чтобы использовать меня на тяжелых работах, к которым я приговорен, выделит мне другое поле для деятельности — или в качестве учителя иностранных языков для его детей, или в своей канцелярии, или какое другое подобное занятие...

Но кто сможет выразить то, что я пережил, когда князь объявил мне, что как все другие, приговоренные в Киеве к тяжким работам, так и я вместе с ними направляюсь не в Западную, а в Восточную Сибирь, в нерчинские рудники, и что мы будем подчиняться иркутскому генерал-губернатору генералу Руперту? А значит, передо мной еще 3000 верст до Иркутска, и Бог знает, сколько еще оттуда!!

Князь добавил, что с Тобольска уже не почтой, как до сих пор, а вместе с партией преступников со всего государства, сюда прибывающих каждую неделю, ему велено отправлять нас этапами. Я чуть со стула не свалился при этом известии. «Так, значит, сейчас,— закричал я,— только сейчас начнутся настоящие ужасы!» Он выразил сильное удивление строгостью киевского приговора, так сильно не соответствующего вине. Он продолжал, что подобный декрет, отнимающий имущество, титулы и приговаривающий к тяжким работам без утверждения царем, вещь неслыханная.

Он возмущенно слушал о бесчинствах, со мною творимых, и с добротой, могу даже сказать, с сочувствием, хотел узнать подробности моего дела. Потом спрашивал о моих личных и семейных обстоятельствах, и в связи с этим мне пришлось в голову сказать, что несколько лет назад я часто встречался в Каменце с князем генералом Горчаковым, который там долго жил. Он ответил, что это был его близкий родственник.

Около двух часов мы разговаривали с ним один на один. Видя, что я очень ослаб, и узнав, что я голоден, предложил мне сначала подкрепиться чашкой бульона, а позднее велел подать чай. Разрешил мне написать царю, Бенкендорфу и моей жене, поручившись, что эти письма будут отправлены и дойдут до своих адресатов. Он заявил, что я могу оставаться в Тобольске 2 или 3 недели и даже намного дольше, однако открыто предупредил, что против четких инструкций и приказов свыше он пойти не может и не может заменить места моего предназначения на постоянное пребывание в Тобольске. Тем не менее он уверил в своей заботе и памяти. Несколько раз повторил, что во время моего здесь пребывания могу рассчитывать на его доктора и любую помощь. Я говорил о католическом священнике, но, к моему несчастью, его сейчас в Тобольске нет. Я поблагодарил князя за его доброту и милость, и меня отвезли в тюрьму.

Здесь я нашел девятерых товарищей по несчастью: Лесневича Иоахима, Гольиньского Яцека, Янишевского Людвика, Михальского Люциана, Машковского Каспера, Бопрэ Антония, Киселя Мауриция, Подхороденьского Мариана и Уминьского Войчеха. Трое последних были мне незнакомы, за исключением того, что Уминьского в киевской тюрьме я мельком видел 2

или 3 раза. Но легкое и короткое знакомство связанных одной судьбой и общим узлом одинаковых страданий, каждый звук брякающих кандалов любого из нас отдают болезненным отзвуком в душе каждого из нас. Мы растроганно обнимались, пожимая друг другу братскую ладонь. Я им сразу передал разговор с князем, мое намерение остаться в Тобольске и причины для этого. Они же сообщили мне, что отсюда послезавтра будут отправлены в Иркутск, потому что каждую пятницу туда отправляют толпу, или, как тут называют, партию преступников, к которым теперь присоединяют и польских ссыльных. За последние три пятницы выслали девятнадцать наших из Киева предшественников.

При этом все начали уговаривать меня, чтобы я не расставался с ними, объясняя, что мне легче будет среди большой группы своих, чем здесь оставаться одному. И что хотя они верят в обещанную Горчаковым опеку и врачебную помощь, они не смогут заменить нежной заботы земляков, товарищей по несчастью и братских стараний такого врача, как Антоний Бопрэ, который будет неотступно следить за моим здоровьем. Что, отправившись с ними, не далее чем через несколько миль от Тобольска, то есть на первом этапе, мы все остановимся на 2 или 3 недели или даже на дольше, пока не пройдут весенние паводки, значит, все это время я смогу спокойно лечиться на месте, и, наконец, Бопрэ должен сейчас запастись разными лекарствами из местной аптеки. Что среди них будет двое подолан, мои близкие соседи, Лесневич и Гольньский, которые как родные братья с детства связаны со мной близкими отношениями дружбы, соседства и приятельства. Что как я знаю семьи их обоих, так и они знают мою, а значит, мы со взаимным удовольствием будем разговаривать о том, что нам дороже всего, о родных местах и о тысяче моментов из нашей жизни, пройденных одновременно, — и радостных, и грустных, но глубоко врезавшихся в сердце и память каждого из нас...

Этот последний довод, живо представленный Иоахимом, повлиял на меня сильнее всего, а скорее, должен искренне признаться, из всех связанных с ним поводов самым сильным, самым весомым был тот, чтобы до последней минуты моей жизни не расставаться с Иоахимом, с этим достойным, всегда мною любимым другом.

Поэтому я решил не разделяться с ними, а тем самым не пользоваться любезными предложениями князя, и дал им слово, что завтра буду требовать, чтобы меня присоединили к их Экспедиции. Когда придет, несомненно, близкий уже последний мой час, по крайней мере, я умру среди своих, среди подолан, буду им говорить о тебе, драгоценнейшая! О наших сиротах, о моей семье. Передам им последние для всех вас мои приветы и благословения. Я передам в руки Иоахима твои письма, Пелагия, обручальное кольцо, твои волосы, открытку с благословением матери, крестик от сестры: «Мое на земле наивысшее сокровище!» Вручу ему мое завещание, написанное в Киеве, дам все, что там по моему делу я писал, и этот дневник, с самого начала предназначенный для тебя. Он тебе когда-нибудь точно передаст все это. Ведь я уверен, что он и Яцек, несмотря на ужас неслыханного приговора, раньше, чем другие, обязательно вернутся к вам. Еще более я мог бы быть уверенным в отношении себя, но дожидь до такого счастья я уже не надеюсь...

Посетил нас доктор князя Штубендорф, достойный, незаурядный и благородный человек. Он принес нам некоторые предметы от себя и от других, спрашивая, в чем мы нуждаемся. Друзья перечислили главные наши нужды. Мне Штубендорф сказал, что князь Горчаков говорил ему обо мне и о моих страданиях. Я попросил у него только бодрящие капли, которые уже давно закончились. А поскольку мы должны были отсюда отправиться послезавтра, Бопрэ рассудил, что в течение этого времени мне не следует принимать другого лекарства, кроме упомянутых капель, оставляя это на более свободное время, когда мы вскоре остановимся для веснования (так здесь называется время, на протяжении которого партии ожидают улучшения дороги, испорченной паводками). Я просил Штубендорфа поблагодарить от меня князя за оказанные милости и одновременно сообщить, что не могу воспользоваться разрешенным пребыванием в Тобольске, поскольку, встретив тут двух моих земляков и ближайших друзей, которые мне как родные братья, не хотел бы с ними разлучаться. И поэтому только с Тары, если Бог мне жизнь еще настолько продлит, я смогу прислать под опеку князя письма царю и Бенкедорфу, отсюда я только письмо к моей жене осмелюсь завтра поручить его благородному сердцу. Штубендорфа уди-

вило такое решение с моей стороны, я оправдал его, выложив мои причины, которые он смог понять. Однако он не скрыл, что эта дорога в моем теперешнем состоянии очень опасна. Я сам об этом знаю, но моего решения уже не изменю.

Вечером сюда привезли Боровского Петра. Он, узнав о нашем посезавтрашнем отъезде, также хочет просить, чтобы его к нам присоединили, хотя он, Машковский и Бопрэ, согласно распоряжениям, могли бы здесь отдыхать до следующей пятницы.

Нас поместили в ужаснейшей и теснейшей тюрьме, наполненной влажностью, грязью и мерзкими насекомыми, и под охраной необщительных и жестких людей. Но, что хуже всего, дали нам для услужения одного разбойника, который нам нагло повторяет о совершенных им убийствах, грабежах, об уже неоднократном наказании кнутом и т. д.

Янишевский сегодня переезжает в лазарет. И меня туда звали по поручению князя, но я, отказавшись от первоначального моего намерения, решил остаться с друзьями.

Мархоцкому Каролу не позволили нас навестить. Должно быть, он с этой просьбой обратился к низшим чиновникам, потому что князь Горчаков и губернатор Талызин в этом бы не отказали.

Некоторым снимают кандалы, чтобы заменить их менее тяжелыми. А мы все стараемся, чтобы на нас они как можно меньше давили и чтобы их можно было снимать, за что кузнецу и младшему офицеру мы должны заплатить.

Был тут вечером какой-то чиновник со списком писем, недавно присланных в Тобольск. Их чуть больше десятка и все до наших предшественников, а никому из нас, к сожалению, нет. При входе этого господина, когда он объявил, что пришел спросить, нет ли в пачке писем, которую держит в руке, того, которое нужно будет отдать кому-то из нас, сердце во мне задрожало при мысли, что, может, получу твои слова, драгоценнейшая. Но напрасно! Ах! Наверное, я уже не получу этого наивысшего, единственного для меня утешения!..

Сегодня, в тот момент, когда я выехал в Тобольск и когда жандарм вышел, чтобы предъявить подорожную ²⁶, какая-то

²⁶ Дорожная карточка, дающая право поменять лошадей на почтовых станциях (см. гл. 5).

женщина из Литвы, уже давно пребывающая тут в изгнании, принесла в сани, в которых я сидел, 50 грошей медью, со слезами прося, чтобы я принял это пожертвование. У нее есть свой дом при самой дороге, она всегда высматривает, когда везут ее земляков, и всегда приносит им поддержку по своим скромным возможностям или едой и т. д. Она, как никто другой, может сказать: *Non ignara mali, miseris succurrere disco*²⁷. Я искренне жалею, что растроганность, с которой я принял этот подарок (первый подобного рода в моей жизни), и быстрый уход этой женщины после возвращения жандарма не позволили мне спросить ее имени.

Столько разнообразных и таких сильных впечатлений сегодняшнего дня окончательно меня добила. Я хотел бы от всей души завтра подготовить просьбу к царю, объяснение моего дела и письмо к Бенкендорфу, чтобы эти три письма через Штубендорфа оставить князю, однако я не в состоянии этого написать, хотя они уже почти полностью сложились в моей голове. Ведь для этого необходимо больше усилий, больше работы, чем на беспорядочное царапанье карандашом дневника, а ведь теперь и это мне трудно делать. Кашель постоянно разрывает мне грудь изнутри, очень часто меня тошнит. О! Только бы завтра тебе я смог написать, драгоценнейшая!

6 апреля, четверг, в Тобольске, вечером. Сегодня утром нас всех создали в какое-то учреждение, называемое «Приказ о ссыльных»²⁸, поэтому и я, поддерживаемый друзьями, тащусь с ними как могу. Там в огромном помещении мы застали множество преступников: убийц, поджигателей, разбойников и т. д. с наполовину бритыми головами, стоящими в два ряда. Записывают фамилии всех и дают каждому то, в чем они нуждаются из обуви, белья и одежды. Руководит этим господин Попов, советник Экспедиции ссыльных²⁹. Мы усиленно требовали от него, чтобы нас не разделяли при завтрашней

²⁷ «Зная, что такое боль, учусь, помогая несчастным» (Вергилий. Энеида, I, 630).

²⁸ Приказ о ссыльных — находящееся в Тобольске управление по делам ссыльных, где в том числе принимались окончательные решения по назначению ссыльных в конкретные губернии и места.

²⁹ Речь идет об экспедиции о ссыльных при томском губернском правлении.

отправке в Иркутск, к которой он предназначил только пять человек. Он на это согласился, хотя и не без труда, и значит, кроме Янишевского из-за нездоровья и Михальского Люциана из-за соединения с отцом (который вскоре должен прибыть), остающихся в Тобольске, остальные все девять завтра должны будем отправиться дальше. Вторая наша просьба — чтобы в пути и в местах остановок нас не смешивали с этими разбойниками. Советник пообещал, что даст соответствующее распоряжение. (Вчера мы просили Штубендорфа, чтобы эту справедливую просьбу он представил князю.)

Этот же господин Попов велел выдать каждому из нас по одной паре простых, убогих ботинок, по одной грубой рубахе и по одной паре таких же брюк. Чтобы эти казенные подарки сохранить в приличном месте, я заглянул в этот мешок, который мне дали в Киеве, и нашел там две такие же рубашки, двое таких же брюк, особого покроя сермягу, называемую зипун, из грубой серой ткани, с вшитой на спине белой отметиной, характерной для преступников, к нему шаровары и суконную шапку странной формы, кусок такого же сукна для обматывания ног, пару лаптей и рукавицы. У всех моих есть такие мешки из Киева, наполненные такими же предметами.

Около полудня принесли нам чернильницы, перья и бумагу для писем. И мы все взялись за дело. Но мои друзья писали с той утешительной надеждой, что ответы на эти письма встретят их в пути или уж по крайней мере в Иркутске они их получат, а для меня мысль, что уже последнее письмо пишу тебе, дорогая, и укрываю в нем истинное состояние моей души в каждом слове, было несказанной мукой.

Сегодня два раза у нас был почтенный доктор Штубендорф, принося от князя, себя и других обильный запас еды на дорогу, ветчину, сельтесон, язык, сухой бульон, швейцарский сыр, сахар, чай, кофе, табак и т. д. Сказал, что он передал князю наши просьбы, чтобы быть отдельно от разбойников, и что князь пообещал дать соответствующие приказы. Однако доктор доверительно сказал нам, что ни губернатор, ни князь официально такой приказ дать не могут, поскольку есть четкий закон, противоречащий этому. Но добавил, что устно офицеру будет рекомендовано особо присматривать за нами, как способными поднять бунт в партии, и не допускать ника-

кого с ней соприкосновения. Поэтому всегда в пути и на этапе мы будем отделены от нее. Такое поручение каждый офицер при сдаче партии должен повторять своему преемнику. Добрый Штубендорф расчувствовался при прощании с нами, и мы тоже с влажными глазами благодарили его за утешение и сочувствие.

В деревне Старый Погост, на первом этапе за Тобольском, 8 апреля, в субботу вечером. Вчера я не смог ничего записать, потому что, когда нас вечером привели на так называемый полэтап (в какой-то деревне в 3 милях отсюда), мне так страшно хотелось спать, что, несмотря на сутолоку, шум и ужасный воздух в избе, я, не раздеваясь, упал, сморенный сном, и как в летаргии спал до сегодняшнего утра. Поэтому сейчас наверстываю это упущение.

7 апреля, пятница, в Тобольске. Сегодня утром мы простились с Янишевским и с Михальским Люцианом, с которыми бог знает когда встретимся и встретимся ли вообще. Потом нам велели снова явиться в какое-то управление и там проверили, хорошо ли все закованы в кандалы. Потом прокурор проверяет всю толпу разбойников, выстроившихся в два ряда во дворе (возле которых мы уже сидели на приготовленных нам трех санях), и, ходя между ними, дает свои наставления, чтобы в пути не напивались, чтобы не воровали друг у друга, чтобы не убивали, чтобы не убегали и т. д. И с такой-то шайкой нам придется оставаться несколько месяцев, поскольку только в ноябре должен будет закончиться этот несчастный путь! Единодушно мы все повторяем то, что когда-то я сказал князю Горчакову, что с этого момента начинается весь ужас нашего несчастья. В полдень отправляют нас в путь, то есть около трехсот тех разбойников и нас девятерых, под охраной нескольких конных казаков, нескольких конных солдат и офицера, начальника охраняющих и охраняемых. С тем заверением прокурора, советника и каких-то еще чиновников, что на постоях, ночлегах и в дни отдыха мы от этой черни всегда будем отделены, что даже в пути, поодаль от них, впереди или сзади, оставаясь под отдельной охраной. так тогда подтвердилось то, о чем нас предупредил Штубендорф. Однако же сегодня на ночлеге это условие не сдержали, поскольку в одной с нами комнате поместили многих из той шайки.

Поэтому ночь была отвратительной, среди постоянного крика солдат и гомона введенной толпы. Но эту последнюю подробность я повторяю только по рассказам моих друзей. Заснув, лишь только войдя в избу, весь остаток вечера, всю ночь и все утро я ничего вокруг не слышал. Во всей прошедшей жизни я не припомню такой склонности ни к такому долговому, ни к такому крепкому сну, который продолжался по крайней мере 15 часов, а то и дольше. Я проснулся настолько вспотевшим, что вся моя одежда промокла насквозь. Было уже достаточно поздно. Офицер и солдаты торопили с отходом, следовательно, у меня не было времени переодеться, поэтому так, как был, закрывали меня друзья, обвязали покрепче и положили совершенно обессиленного на сани.

8 апреля, суббота. Офицер, отправленный с нами из Тобольска, вчера сдал нас на полэтапе другому, который прибыл сюда с новой охраной и теперь нами руководит. Это подручник, скорее всего, хорунжий Насонкин, достаточно человечный и достаточно вежливый, но недостаточно трезвый. Остановившись здесь после обеда, нас разместили в этапных солдатских казармах. Вся же та шайка закрыта в отдельном здании, называемом острогом или тюрьмой, на том же самом дворе, со всех сторон огражденном высоким забором. Подтверждают нашу надежду, что тут мы останемся по крайней мере на 2 недели, но офицер еще ждет конкретного на это приказа из Тобольска.

Согласие, единомыслие, взаимное укрепление в несчастье немало нам помогают переносить ужасную судьбу, к которой мы так неожиданно и так несправедливо приговорены. Больше же всего этому способствует дух веры и набожности, одинаково оживляющий всех нас.

Мы единогласно решили считать Иоахима за старшего среди нас и слушаться его в каждой ситуации. Он должен руководить нами в утренних и вечерних молитвах, он будет заниматься хозяйством и распоряжаться общей кассой, состоящей из того, что нам казна дает на ежедневное содержание, — каждому по 12 копеек медью, то есть 6 грошей (столько же дают и для той черни). К нашей общей кассе добавляются также сделанные нам денежные пожертвования, и я сегодня отдал те 50 грошей, полученных от доброй литовки в Тобольске. Тем

не менее еще в эту кассу поступают добровольные взносы от братьев, у которых есть деньги. Из них Бопрэ, Боровский, Голыньский, Лесневич и Машковский имеют каждый по крайней мере 200 рублей, Подхороденьский 100 рублей, Кисель около 50, Уминьский неизвестно, я — абсолютно ничего. Уминьский занимается кухней, а каждый из нас по очереди ежедневно должен ему помогать, за исключением Киселя, которого из-за возраста мы освободили от этой обязанности. Друзья хотели и меня освободить из-за слабости, но я не согласился на это, хотя моя помощь ненамного пригодится, поскольку я едва передвигаюсь. Этот мой вчерашний сон и чрезвычайную потливость во время него Бопрэ считает хорошим знаком и кризисом, обещающим мне выздоровление. Дай-то бог, чтобы он не ошибался, это была бы особая благодать божественного милосердия. Но я не смею предаваться такой надежде.

9 апреля, воскресенье. Нас мучает неуверенность, не будет ли отменено обещанное веснование здесь, что должно решиться сегодня. Едим мы лучше, чем предполагали. Вообще, жизнь здесь очень дешевая. Сегодня на обед у нас было три блюда, среди них рябчики и куропатки. Однако после подсчета всего истраченного на это оказалось, что это не больше чем 6 грошей с человека. Сегодня первый раз за несколько месяцев я без отвращения съел немного говядины. Наш офицер, местный хозяин, был у нас на обеде. Он относится к нам с большой человечностью, и, как мне кажется, не следует это приписывать только пожертвованной ему вчера нами, а им принятой половине из 6 грошей каждому на содержание, из казны даваемых. Вечером он пригласил нас всех к себе на чай. По сибирским обычаям его дочка, славная девочка 8 лет, каждого из нас должна была поцеловать в губы и получить наши поцелуи. Чай предваряла и сопровождала ему водка, к которой ни один из нас, несмотря на усиленные уговоры, прикоснуться не хотел, только сам хозяин очень точно соблюдал этот местный обычай. После чая, желая нас еще сильнее развеселить, он велел позвать 10 женщин, жен этапных солдат, и столько же мужчин — и те и другие сильно навеселе. Вся эта компания пела и плясала в соседней комнате. Но это крикливое, нестройное пение, хлопанье руками и топанье ногами, пока двери были закрыты, сильнее всего нам напомнили визг

нескольких людей, которых одновременно порют кнутом... Когда же двери открылись, перед нами предстало визжащее, хлопающее, топающее, трясущее головами и постоянно кружащееся колесо. Это напомнило нам описание диких людоедов, скачущих с криком вокруг лежащей посередине человеческой жертвы. По зову хозяина нам пришлось приблизиться к этому зрелищу, которое его весьма радовало. Мы, с жалостью посмотрев пару минут, сразу же попрощались с господином Насонкиным, опасаясь, чтобы он для нас не придумал еще какого развлечения.

10 апреля, понедельник. Наконец уже можно быть уверенным, что мы останемся здесь на 3 недели. В это время, может, придет что-нибудь разумное относительно нашей судьбы из Тобольска. Наши братья, отправленные тремя отделениями раньше, должно быть, уже далеко. Самыми первыми были высланы из Тобольска 17 марта Олеша Ежи, Цырына Петр, Ожешко Вацлав и ксендз Зелиньский Юлиан. После них 24 марта были отправлены Олизары Кароль и Филип, Жонжевский Валерий, Чапский Теофил, ксендз Павловский Тыбурций, ксендз Хаас Кароль и Шчепковский Вольфганг. И наконец, перед нами, 31 марта: Коссаковский Валериан, Немировский Леопольд, Рошковский Адольф, ксендз Нарцис Яжина и его брат Яжина Леопольд, Ручиньский Юстиниан, Мрозовский Томаш и Грабовский Фортунат. Что касается француза, Доминика Виктора Мартина, то его, 26 марта привезенного в Тобольск, сразу же отослали до тамошнего военного отделения в качестве солдата без выслуги. А ведь это был иностранец, подданный другого государства, по паспорту находящийся на Вольни! Наш офицер навещает нас каждый день, всегда очень вежлив. Одних из нас он считает католическими священниками, других — лютеранскими пасторами, поэтому с большим уважением всем целует руки. Не можем также не признать, что здесь заботятся о нашем здоровье. Как раз сегодня был у нас какой-то человек, который заявил, что только что, пустив кровь коням и рогатому скоту в деревне, по своей обязанности приходит спросить, не нуждается ли кто-то из более слабых (как слышал) среди нас в его помощи, и поэтому он принес с собой разные лекарства. Но мы поблагодарили за это любезное заявление сибирского доктора

медицины, не пользуясь его врачебными знаниями. Кроме капель, которые я принимаю, когда меня тошнит, Бопрэ не дает мне никакого другого лекарства, желая не мешать природе, поскольку она, как он утверждает, с пятницы развивает свою спасительную деятельность. И я сам в моем состоянии начинаю замечать определенные изменения. Более сильный, чем до сей поры, ощущаю аппетит, сон стал более спокойным и частым. Даже при болях во время кашля, боли головы, боку и груди я чувствую небольшое облегчение.

11 апреля, вторник. Сегодня мы послали в Тобольск по разным делам, за необходимым из еды, одежды и для ремесла. Лесневич, как оказалось, прекрасный шорник, портной и т. д. Есть что-нибудь, чего этот человек не умеет? Кроме него, способными шорниками являются Уминский и Гольинский. Мне очень жаль, что, как они, я работать не умею. Был здесь сегодня купец-татарин, который, насколько мог, одарил моих товарищей за платки, катон³⁰ для летней одежды и прочие мелочи. Из толпы, прибывшей с нами, позвали друзья двух портных, их вселение в нашу избу было самым неприятным сегодня моментом. Эти двое несчастных были приговорены к тяжким работам за совершенные убийства. И мы к такому же наказанию, на 20 или 15 лет, приговорены, но за что? Великий Боже! Самым великим благодеянием местного офицера было то, что с момента прихода сюда мы до сих пор не сталкивались с этими людьми. В дороге даже господин Насонкин соблюдал данное в Тобольске распоряжение, и мы от этой шайки были полностью отделены, имея отдельную стражу для трех одноконных саней, на которых по трое волочились нога в ногу. Сегодня мы получили «кормовые» (как они тут зовутся) деньги на три дня, как в прошлую субботу, и, как тогда, половину дали господину офицеру.

12 апреля, среда. После обеда я написал от нас всех по-французски письмо гражданскому губернатору Тобольска Талызину, прося его, чтобы письма, которые сейчас к кому-нибудь из нас прийти могут, не были отправлены в Иркутск, но чтобы он велел их сюда прислать. Письмо это господин Насонкин должен отправить в город со своим рапортом по-

³⁰ От французского cotton — хлопок.

слезавтра. Вечером некоторые из нас приняли паровую ванну. Я сразу этого не хотел и отговаривал желающих товарищей. Но их настойчивость меня склонила, когда я узнал, что и мой дорогой врач Антоний этому не противился. До сего времени я ни разу в жизни не был в бане, но я совсем не жалею, что так поздно познал эту разновидность северных удовольствий.

13 апреля, четверг. Друзья достали у солдат одну колоду французских карт, не очень потрепанную, чтобы иногда можно было играть в вист, очко по полгроша, и сейчас у них есть развлечение, к которому меня никогда особо не тянуло. Насонкин объявил нам, что всегда будет готов послать в Тобольск по любому нашему требованию и дать нам того солдата, которого мы для этого захотим использовать. Настолько сильное его расположение мы получили! Для экономии сахара мы все решили не пить вечером чай, а только молоко с хлебом.

У местного офицера на стене висит такая карта, какую я на Подолье видел у Иоахима Лесневича, привезенная из Перми. Такие же находились на многих почтовых станциях в России и в этой губернии. На этой карте, представляющей всю землю, север находится на востоке, запад на юге и т. д. На Красном море там обозначены три моста, по которым проходили евреи, спасаясь из Египта. Остров Минорка, согласно информации, находящейся на этой карте, населен одними учителями, а на острове Мальта живут одни философы, Испанию населяют немцы и т. д.

Я забыл записать в соответствующем месте, что с Тобольска с нами идет приговоренный к поселению в Енисейской губернии бывший чиновник из Омска в ранге штабс-капитана. Он подвергся этому наказанию, как сам рассказывает, за фальсификацию паспорта. Он, помещенный рядом с нами на первый ночлег, с тех пор уже постоянно держится с нами. Кажется, что он спокойный и вежливый человек. Ни слова не знает польски, хотя носит польскую фамилию: Левицкий. Каждый день мы даем ему чай и часть нашего обеда.

14 апреля, пятница. Снова был здесь купец-татарин и передал более богатым, чем я, друзьям дыму³¹ для летней одежды. Мне, хотя я и очень нуждаюсь в этом, приходится отказаться,

³¹ Дыма, дымка — легкий, тонкий материал (иногда шелковый).

поскольку я не имею ни гроша. Боровский мне одолжил сегодня 10 рублей, на них я купил полотно на рубашку. Казенные носить совсем невозможно.

Хочу воспользоваться первой же оказией до Тобольска, чтобы послать Мархоцкому или Струмилле Игнацию, давно уже туда сосланному, мой перстень с камнем для продажи, ибо иначе я окажусь в плачевном положении.

15 апреля, суббота. Вернулся наш посланец из Тобольска. Он не купил всего, что нужно, а за купленное платил в три или четыре раза больше реальной стоимости и местной цены, по крайней мере так нам указал в счете. Насонкин обещает послать завтра другого, но делает это неохотно, похоже, что ждет за это какую-то награду.

16 апреля, воскресенье. Долгие и неприятные с утра переговоры с офицером, который, несмотря на свои обещания, запрещает посылать в Тобольск того солдата, которого мы хотим. В конце оказалось, что он рассчитывал с нас что-то поиметь. Велит заплатить ему за предыдущую и теперешнюю посылку очень дорого и только тогда соглашается отправить выбранного нами солдата-поляка (Липиньского). Ему мы даем разные поручения к Мархоцкому и Струмилле. И при случае я и Боровский пишем нашим женам. Я одновременно посылаю перстень, а Подхороденьский — лорнетку для продажи.

Уже три дня, как я взялся основательно за свой дневник. Переписываю его с самого начала, чтобы сделать единое целое из множества шпаргалок и записок. Я получил очень тонкую бумагу, на которую переписываю этот дневник мелким и узким почерком, чтобы он имел как можно меньший объем.

Рассказывают, что на дальнейших этапах иногда вздумается какому-нибудь из господ офицеров перевернуть все, поэтому легче будет укрыть маленький блокнотик, чем большое количество бумажек. Но эта работа еще настолько превышает мои силы, что я едва могу 2 или 3 странички в день написать.

17 апреля, понедельник. Письмо губернатору, написанное еще в среду, до сих пор не было отправлено, и офицер нам заявил, что письмо это должно быть на русском языке. Поэтому Боровский сегодня его перевел, а завтра оно должно отправиться в Тобольск.

18 апреля, вторник. Я волнуюсь, повезет ли нашему посланцу, который сегодня должен вернуться. Больше всего это занимает Боровского и меня из-за писем к его жене и к моей.

19 апреля, среда. Ночью вернулся наш посланец из Тобольска и привез нам покупки, кроме кожи для скорняцкой работы Иоахима, которую украли по пути. Мне судьба, а точнее, моя рассеянность сыграла со мной худшую шутку. На посылке, в которой было письмо жене и Мархоцкого вместе с моим перстнем, я забыл написать адрес, а солдат, который ее отдавал, забыл или не знал, как сказать, что я ему наказал, чтобы, вручая эту посылку Мархоцкому, добавил, что тот должен ее открыть и найти там письмо для себя. Поэтому Мархоцкий пишет, что посылку получил и ее вместе с письмом отправит Боровскому в Харьков», думая, что следует отправить туда.

Мы узнаем, что в Тобольск прибыли Эва Фелинская, Юзефа Жонжевская и Павлина Вильчопольская, кроме того, трое ссыльных из Литвы, а немного раньше привезли туда Фридриха Михальского. На счастье, солдат Липинский под предлогом поиска кожи для Иоахима отправляется назад на половину пути, а оттуда хочет «молчком» поехать в город. Посмотрим, как это будет. Снова пишем Мархоцкому и Струмиле. Я прошу первого, чтобы письмо к моей жене он отправил в Харьков через купца или кого-то другого, едущего в ту сторону, а из Харькова может быть отправлено в Каменец почтой, что ни отсюда, ни из Тобольска сделать нельзя.

20 апреля, четверг. Друзья, умеющие шить, сегодня торопятся подготовить себе одежду, чтобы могли достойно появиться на национальном празднике (3 мая), который приходится на завтра. Сегодня ночью я написал соответствующую молитву ³².

21 апреля / 3 мая, пятница. Торжественно отмечали дорогую дату. После совершенного обычного богослужения и молитвы, написанной вчера, мы оделись все как в праздничный день, для виду объявив, что сегодня именины дорогого нам друга и что мы их отмечаем.

Вечером вернулся наш посланец из Тобольска, привезя покупки и письма с информацией о судьбе литовских ссыль-

³² См. Приложение 1, с. 393.

ных, не сильно отличающейся от нашей. В Вильнюсе только трое были приговорены к тяжким работам, а в Киеве — тридцать!

Я сейчас успокоился, будучи уверенным, что мое письмо дойдет до жены. Мархоцкий прислал мне 50 рублей из своих денег, добавив, что мне дает четвертую часть того, что сейчас является его имуществом, потому что хочет избавить меня от страдания, связанного с расставанием с перстнем, который так долго был для меня памятью. Перстень вернул мне назад. Воистину дружеский поступок, братский, совершенный с деликатностью. Письмо Эвы Фелиньской к Антонию Бопрэ нас растрогало. Великой души женщина!

22 апреля, суббота. Сегодня мы переживали из-за неприятного события. Насонкин, каждый день предающийся пороку пьянства, каждый день в беспамятстве, напал сегодня на Липиньского и без какой-либо вины жестоко его избил. Подозревает его в заигрывании с госпожой Насонкиной и поэтому мстит, используя свою власть.

Переписывание моего дневника все еще продвигается медленно, потому что сидение страшно меня утомляет. Но каждый день количество страниц увеличивается.

23 апреля, воскресенье. Мимо проезжал заседатель Тобольского земского суда и навестил нас. Его фамилия С***. Уже второй раз наносит нам визит. Мы были приятно удивлены, обнаружив, что он более вежлив и воспитан, а даже более образован, чем можно было ожидать от коренного сибиряка. Мы пригласили его к нам на обед. Пригласили бы и Насонкина, но он на ногах не стоит.

24 апреля, понедельник. Первый по-настоящему теплый день, хотя вокруг еще много снега, а главная река Иртыш до сих пор покрыта льдом. А у нас уже давно поля и леса зеленые, а в садах полно цветов! Но этот благодатный край почти в 500 милях от нас! Увидим ли его когда-нибудь?.. Сегодня я еще сильнее страдаю, чем все предыдущее время моего здесь пребывания. Постоянная мысль о бедной жене и детях отвлекает меня каждую минуту, и при малейшем о них упоминании, при малейшей ассоциации от слез не могу удержаться. Друзья гораздо спокойнее, чем я. Завидую им, но следовать им не в моих силах.

25 апреля, вторник. Из Тобольска написали Насонкину, как он говорит, что письма с родины нам пришлют сюда, если в это время они придут. Собираю все силы на переписывание моего дневника, чтобы закончить до того, как мы отсюда отправимся.

Наше теперешнее положение, такое чрезвычайное и ужасное, должно обязательно пробуждать некоторую раздражительность и горечь, которых бы не было в других отношениях.

26 апреля, среда. Восьмое мая! День рождения и именины Станислава Стажыньского, неценюмого Стаха Доливы. Не знаю, вспомнил ли он сегодня обо мне, но несомненно то, что я здесь, как и на Подолье, с одинаковыми дружественными мыслями, тем же самым чувством любви его дарю.

Сегодня казак из этапа перед нами, будучи высланным гонцом, мимо проезжал, направляясь в Тобольск. Не знаем, что он везет, и офицер говорит, что этого не знает, но догадывается, что это, должно быть, рапорт, чтобы из-за плохой и опасной дороги отложить еще наш поход, до этого времени назначенный на первое мая. Я, нуждаясь еще в некоторых вещах для пути, был бы рад, если бы так случилось, так же и другие наши. Но еще больше желаю этой задержки, чтобы немного больше поправить мое здоровье. Его улучшение теперь уже заметно. Если Бог даст, что я полностью выздоровею, как предсказывает Бопрэ, это будет особая благодать Провидения. Сегодня я уже мог достаточно долго прохаживаться по деревне и дальше с другом Маурицием Киселем, которого я с каждым днем все больше люблю и уважаю. Окрестности здесь очень грустные. Непрерывная равнина, вдали окруженная огромными лесами. Деревни редкие и малолюдные. Одним словом, Сибирь, как я ее себе представлял тогда, когда мне и во сне не могло привидеться, что окажусь заброшенным сюда. О жена, о дети мои! Как же мне горько жить без вас, даже если бы я оказался в раю!

27 апреля, четверг. Тепло и прекрасная погода заставляют нас опасаться, что первого мая нам придется отсюда отправиться. Сегодня здесь снова был заседатель С**, пил у нас чай, и, как в первый его визит, мы надели кандалы, которые обычно снимаем.

28 апреля, пятница. До сих пор не приходит из Тобольска весть, которая должна решить, остаемся ли мы тут дальше или уже в понедельник отправимся дальше. Если произойдет это последнее, нас ждет много неприятностей и даже опасностей в пути, потому что воды так везде разлились, что лодками и то с большим трудом необходимо переправляться.

29 апреля, суббота. Из Тобольска ничего. А в это время приближается момент нашего отъезда, чему мы очень не рады.

Из-за какой-то жалобы местных крестьян, поданной на этапного офицера, сегодня приехал присланный из Тобольска офицер, который вызвал заседателя С**. Оба этих господина вместе с Насонкиным были у нас на чае. Вновь прибывший офицер пожаловался на какие-то боли и, услышав, что среди нас есть доктор, просил его совета.

30 апреля, воскресенье. День рождения доброй, глубокоуважаемой матери моей Пелагии, которая, несомненно, если жива (о Боже! сколько же несчастья для меня в этих двух словах!), сегодня находится в Жердзе и эту дату, как и каждую другую с момента нашего расставания, в слезах отмечает...

Сегодня утром прибыл гонец из Тобольска с поручением, чтобы нас здесь задержать еще на неделю.

Все сильнее убеждаюсь, как трудно сохранять согласие в большой компании, когда оно с таким трудом устанавливается между нами. Но этому, скорее всего, мешают несчастье и наше странное положение, которое и на ум каждого и на общение оказывает вредное влияние.

Самый полезный в нашей компании — это, несомненно, Лесневич Иоахим, который нам выкраивает одежду, рубашки и т. д., а кроме того, шьет не только для себя, но и для друзей при стольких еще своих занятиях в скорняжной мастерской и на хозяйстве.

1 мая, понедельник. Много снега напало вчера вечером, а ночью был сильный мороз с ужасным ветром, как у нас в декабре.

С утра сегодня мы все повторяем решение о единстве, согласии и взаимопонимании. Боже, сделай, чтобы мы его сдержали!

Снова думаем о том, чтобы кого-то послать в город, при этом мы хотели бы писать нашим бедным женам. О, если бы получил известие от моей! Это бы мне быстро помогло вернуть здоровье и силы. Но это утешение почти невозможно до самого Томска, куда мы сможем прибыть только через три месяца. Сколько же еще беспокоества и мучений!

2 мая, вторник. Холод ужасный. Что за несносный климат! Офицер наш, кажется, слышал, что мы, может, еще до восьмого мая здесь задержимся на неделю из-за невозможности дальнейшей переправы, но это только «может».

Насонкин не хочет нам дать того посланца в Тобольск, которого мы хотим, а мы боимся довериться другому.

3 мая, среда. Сегодня немного теплее, чем вчера, и, может, я смогу пройтись, что мне сейчас очень помогает.

Насонкин конкретно отказался дать нам Липиньского в Тобольск, и это нас сильно огорчило. Но вскоре Бог нас утешил, потому что здесь появилось отделение заключенных (не политических), которых в Тобольск ведет военная охрана, в их числе оказался солдат-литовец из Ишима, как нам кажется, честный. Он много рассказывал нам о Янушкевиче Адольфе, живущем в Ишиме, районной местности этой губернии. Мы решили воспользоваться этой возможностью и сегодня вечером должны закончить письма, которые должен был отвезти Липиньский, а теперь хотим их отдать завтра утром этому литовцу, который обещал вернуться сюда в воскресенье.

В этот же день, ночью. Иоахим, Яцек, Петр и я пишем письма нашим женам. Я при этом посылаю Пелагии копию показаний из Киева и трех писем, написанных уже здесь: «Объяснение моего дела», просьбу к царю и письмо к Бенкендорфу.

Мое здоровье улучшается. Но это улучшение было бы намного сильнее, если бы не та тоска, которую ни изгнать, ни разрушить невозможно и которая мне кажется предчувствием какого-то нового несчастья. О! Я слишком уверен, что только письмо от жены смогло бы меня полностью оживить.

4 мая, четверг. Этой и предыдущей ночью я почти не спал из-за долгого писания. И друзья мои этой ночью тоже долго писали. Утром мы отправили большую пачку на адрес Кароля Мархоцкого и другую, адресованную Игнацию Струмилле.

Офицер из Тобольска, Насонкин, поп и С** завтракают у нас.

5 мая, пятница. Сегодня тепло с весенним ветром. Вчера я первый раз видел новую траву. Уже значительно высохло, хотя кругом еще видно много снега и воду от него.

Сегодня здесь проезжал проверяющий и был у Насонкина, которому сказал, что на нашем будущем пути мосты и переправы уже готовы. Поэтому мы наверняка отправимся отсюда в понедельник.

Вчера с Машковским, а сегодня с Боровским я прошел уже пару верст за нашу тюрьму, и сегодня мы видели людей, пахущих маленьким плугом, похожим на картофельный у нас, который тянет здесь один конь. Другие скрудили ³³ вспаханное поле, на котором вскоре посеют пшеницу.

6 мая, суббота. С утра светит солнце, но, несмотря на это, холод совсем не майский. После обеда я пошел с Боровским и Лесневичем прогуляться до ближайшей деревни, носящей название Лепёхино. Там мы вошли к хозяину с фамилией Лепёхин, семидесятилетнему старику, дед которого, из России сюда изгнанный, дал название этому поселению. Он содержит маленькую лавочку, поэтому мы купили у него несколько иголок, несколько кремниев и большой железный черпак. Возвращаясь оттуда, мы видели, как из бани за речкой, в паре десятков шагов от нас стоящей, выбежало с десять женщин, совсем голых. Бросившись в реку и оставаясь в ней 2–3 минуты, снова вернулись в баню. Их нагота как будто им не мешала.

Мы видели здесь солдата, который пришел с ближайшего этапа. Этот человек сильно заинтересовал нас всех. Родом из Саврани, имения Жевуского Вацлава на Подолье. Он был взят в плен под Дашовом ³⁴. Настоящий украинец. Не забыл родного языка и до сих пор не смог научиться говорить по-русски, рассудительный и в своей простоте выражающий добрые чувства, особенно когда убедился, что с нами может говорить открыто. Познакомились мы сегодня и с дру-

³³ Скрудить (*рег.*) – боронить.

³⁴ Бой польских повстанцев с русской армией 14 мая 1831 г. возле Дашова (ныне село в Винницкой обл.). – *Ред.*

гим украинцем из Харьковской губернии. Он является единственным из заключенных партии, прибывшей с нами, не за кражу, разбой или поджог, а за ввоз водки в город, в котором на нее была государственная пошлина, приговоренный к Сибири пожизненно. Очень красивый и с благородными чертами, среднего возраста. Зовут его Микола. Как и мы, оставил мать, жену и детей и тоже переживает это разделение. На удивление здраво рассуждает обо всем... По нему и по его разговору видно, что до момента ареста он жил состоятельно, даже богато. Имел собственных волов 24, несколько сот овец и т.д. Мы все с удовольствием слушали его, чисто говорящего на языке народа нашей родной земли.

Вечером нас навесит Насонкин и с ним находящийся здесь на следствии офицер из Тобольска Я**. Его присутствие нам очень нравится.

Неужели единство, согласие и братская любовь — это чувства, невозможные среди поляков, или они не могут существовать только в нашей, хотя и такой немногочисленной, группе, даже само такое сомнение невыразимо болезненно. В первом предположении — беда нам всем и всей стране, во втором — беда нашей здесь компании!.. Мы друг с другом только месяц, а перед нами еще столько времени, к сожалению!..

7 мая, воскресенье. Сегодня во время утренней молитвы мы хором пели песнопение «Святый Боже», к которому я сделал дополнения, подходящие к нашему положению³⁵. Завтра мы уже точно отсюда уходим, и сегодня нам надо собраться в дорогу.

Обрадовало нас возвращение нашего литовца, который принес письма от Мархоцкого и от Фелиньской. Кароль оказал мне большую услугу, присылая сейчас книги, о которых я просил. Мне хотелось обязательно иметь хотя бы по одной книге на каждом из известных мне языков. Мархоцкий был так добр, что в Тобольске разыскал для меня пять томов Шиллера по-немецки, один том Тацита и один Цицерона на латыни, два тома Тассо «Освобожденного Иерусалима» по-итальянски, два

³⁵ См. Приложение 2, с. 394.

тома Мура и Джонсона по-английски и один том Монтескье по-французски. Теперь мне будет чем заниматься и развеивать тоскливые мысли. А при этом не забуду того, что умею. Может, это еще когда-нибудь пригодится вам, мои любимые детки!

Насонкин с утра приглашает нас к себе на завтрак и тут по сибирскому обычаю не жалеет водки и кваса. Мы, со своей стороны, приглашаем его к нам на обед. Но какие-то прибывшие женщины из семьи соседнего попа помешали ему быть у нас. Только господин Я** (очень здравомыслящий человек) остается у нас на обед. Он направляется в поездку по той же дороге, что и мы, и поэтому обещает замолвить за нас словечко на всех этапах до самой Туры.

Вечером, после того как мы собрали вещи на завтра, пишем в Тобольск, намереваясь оставить наши письма Липиньскому. Я написал жене и Мархоцкому. Его я поблагодарил за книги, а жену просил прислать мне свою миниатюру, о чем и из Тобольска я писал официальным путем.

8 мая, понедельник. Следование добрым намерениям не свойственно нашей компании. Еще в Тобольске мы решили утренние и вечерние молитвы читать совместно под руководством Иоахима. Однако этот обычай не продержался и двух недель, постепенно сходя на нет, частично из-за неготовности кого-то из товарищей во время молитвы, а чаще всего из-за того, что Иоахим утром или вечером, занятый какой-нибудь работой, не хочет от нее отрываться для чтения общей молитвы. Поэтому сейчас обычно молимся каждый по отдельности.

Завтрак у Насонкина. Потом выступление. Мы все надели себе кандалы, с которыми мы уже так освоились, что они нам не сильно мешают. Переправа на пароме через реку Ашлык. Сегодня я первый раз в жизни увидел дерево, здесь называемое кедром. Красивое и великолепное, по моему мнению, самое красивое из всех хвойных, какие я знаю. В местных лесах это дерево — обычное явление.

На нашем пути нередки деревни, населенные одними татарами. Их кладбища лежат в лесу возле самой дороги. Каждый гроб огражден большим прямоугольником, а в нем иногда стоит ствол дерева особой формы.

На полуэтапе ³⁶ мы знакомимся с новым начальником. Прощаемся с Насонкиным, и он плачет, расставаясь с нами. Мы сердечно обнимаем Липиньского, поручая его памяти наши письма.

9 мая, вторник. Отправляемся очень рано. Нового нашего господина, отличающегося от предыдущего, зовут капитан Молоков. Вчера он разместил нас в деревне, в отдельной, достаточно удобной квартире. Сегодня после обеда, прибыв на его этап в деревне Дересвянка, где мы должны будем завтра отдыхать (как здесь говорят, дневать), мы были так размещены, что у разбойников из той шайки было больше удобств. Также мы имеем и другие неприятности, на которые грозим пожаловаться генералу Гладышеву, который должен этим путем ехать из Тобольска в Омск. В момент нашего сюда прибытия приехала из Тобольска госпожа Вильчопольская Павлина. Она была у офицера, просила его увидеться с нами или написать нам. Бесчеловечный! Отказал и в том и в другом. Может, у нее были вести и письма от наших.

10 мая, среда. Вчерашняя угроза, кажется, возымела действие, поскольку капитан Молоков приходил извиняться перед нами. Потом появился какой-то доктор из Тары, который пришел нас осматривать, как каких-то редких животных. Молоков запрещает крестьянам продавать хлеб в тюрьму, для того чтобы заставить арестантов покупать у него казенный хлеб, печенный из муки, уже несколько лет как испорченной.

³⁶ До введения этапов переправкой ссыльных в Сибирь занимались различные учреждения и разные воинские команды (армия, Министерство внутренних дел, казаки). С 1823 г. в Западной и Восточной Сибири создаются этапные и полуэтапные сооружения или тюремные помещения для временного содержания ссыльных, передвигавшихся пешком от Перми и Екатеринбурга до Тюмени и Иркутска. Сибирские этапы представляли собой огороженную высоким тыном территорию, на которой находилось 2–3 одноэтажных бревенчатых строения. Один из домов занимали конвойный офицер и его канцелярия, другой – солдаты, самый большой – арестанты. Арестантская казарма для пересыльных имела мужское и женское отделения. Поскольку в течение одного дня не всегда можно было преодолеть путь от этапа к этапу, то на пути между ними возводились т. н. полуэтапы для ночевки. Ночлежный полуэтап строился по такому же образцу, но уменьшенного размера, т. е. только гауптвахта для конвоя и ночлежная тюрьма без помещения для места сбора ссыльных и канцелярия начальника. — *Ред.*

11 мая, четверг. Переправа на пароме через реку Вагай. Я сорвал в лесу первый цветок в этом году. Цветок этот, называемый на Подолье обычно сон (ветреница), цветет в начале марта голубым цветом, а здесь — желтым и иногда белым. Из деревьев на пути кроме сосен, пихт, елок, кедров и берез встречаем также ивы, осины, вербу, при этом еще малину, смородину и другие кустарники. Татары оказывают нам много доброжелательности...

12 мая, пятница. Вчера у нас был достаточно неплохой ночлег за пределами тюрьмы, в деревне, у татарина, разумеется, все время под охраной. Новый начальник, подпоручик Артемьев, достаточно вежливый и приличный, но неразговорчивый. Сегодня мы видели первые фиалки. Уже становится невыносимо жарко, хотя деревья только начинают распускаться.

13 мая, суббота. Из большой тучи маленький дождик! Утром прибежал адъютант ожидаемого генерала Гладышева, возвещая его близкое прибытие. Поручик наш велит нам одеваться и «не забыть кандалы». Весь этап пришел в большое движение. Наконец приезжает господин генерал. В параде выступает вся этапная комендатура (28 солдат и три или четыре казака). Генерал выходит на смотр войска. Двум или трем солдатам поправляет гиверы ³⁷ и так, проведя несколько минут, нам видеть не желает, а уезжает дальше.

Вскоре после него здесь проехала княжна Горчакова в Омск. Князь Горчаков тоже должен на днях проехать здесь в Омск, где имеет более постоянное, чем в Тобольске, жилье.

14 мая, воскресенье. Артемьев отправляет нас со своего Балаклайского этапа и на следующем полуэтапе сдает подпоручику Здоренко. Этот превосходит всякое представление о грубости и бесчеловечности. Помещает нас в хлев, полный сырости и навоза, закрыв нас там, людей с продуктами к нам не пускает, а заявления и просьбы не слушает.

15 мая, понедельник. После ужаснейшего ночлега сегодня мы выходим натошак, не поев вчера. Добрый господин Здоренко дает на нас десятерых (потому что и Левицкий держится с нами) под наши вещи одну только подводу. Мы не хотим двинуться с места, пока он не даст три подводы, как приказа-

³⁷ Гиверы (*рег.*) — карабины.

но в Тобольске и как было до сих пор. По этому поводу вторая ссора. Наконец он дает нам вторую подводу. Мы пакуемся и садимся как можем. Он хочет, чтобы мы шли пешком, и приказывает слезть с повозок. Некоторые это делают, кроме двух наиболее слабых, то есть меня и Машковского. Он нападает на Машковского и в грубых словах велит ему слезть. Машковский объясняет, что хромает из-за нескольких ран в ноге, об этом есть и в его характеристике. Но тигр ничего не слушает и последними словами прокликает Машковского, который, однако, не сходит. Здоренко собирает крестьян. Те приходят с палками, но не смеют нас ударить, видя, что мы спокойны. Отправка в сопровождении эскорта, увеличенного за счет собравшихся крестьян и оскорбительных криков взбешенного Здоренко. Однако крестьяне на первом же привале понимают, что мы не виновны, и расходятся, не слушая пьяного офицера. В пути умирает один из идущей рядом с нами партии, которую Здоренко не отделяет, а вместе с нами ведет. Умершего он не оставляет в деревне и велит везти дальше, а на повозке, где лежит труп, заставляет сидеть двух наших товарищей.

Так мы приходим на Чистяковский этап. Здесь и умершему, и нам, едва живым от унижения и голода, этот негодяй велит жариться на солнце в течение нескольких часов, перетрясая всех до нитки. Забирает у нас несколько шил, два скорняцких ножа, кухонный нож, перочинный нож Бопрэ (присланный на память госпожой Фелинской), молоток, портновские ножницы, железный черпак, три колоды старых карт и две новые, еще не распечатанные (последние я специально заказал в Тобольске, чтобы сделать друзьям сюрприз). Забрав все это, велит закрыть нас как можно крепче и снова, как и вчера, не разрешает продуктов, грозя разбить голову каждому, кто отважился бы принести нам самовар или какую-нибудь еду.

16 мая, вторник. Кисель, Подхороденьский, Лесневич, Машковский и я сильно бодем. Здоренко и сегодня велит не приносить нам еду и не разрешает здесь приготовить. Несколько раз просили его дать немного горячей воды на чай для больных, напрасно! Он так же морит голодом всю партию арестантов. Те возмущаются, выламывая ворота и требуя деревенское начальство, чтобы пожаловаться. Приходит так на-

зываемый голова³⁸, а с ним толпа крестьян. Все удивляются поведению Здоренко, который пытается им внушить, что арестанты взбунтовались из-за нас. Но крестьяне заявляют ему, что никакого бунта не видят, но что голод и плохое обращение могут довести партию до крайности. Поэтому предостерегают Здоренко от плохих последствий.

17 мая, среда. Грубость, оскорбления, крики и ссоры. Из двух или трех близлежащих деревень Здоренко собирает 70 крестьян на конях. Из них одни держат какие-то старые пики, другие вооружены жердями. Снова велит Машковскому идти пешком, но он не слезает с повозки. Он угрожает, что его «пулями» заставит слезть, но кончается это пустыми угрозами, над которыми все смеются.

Умерший, до сих пор не погребенный, с табором прямо возле нас и заражает воздух. Здоренко сегодня утром выслал конного вперед в деревню, где должен был быть отдых, чтобы жители там есть не выносили ни нам, ни партии.

Наконец, мы приходим в деревню Холопучово, где находится полэтап и новый начальник. Здесь происходит новый досмотр наших вещей. Мы устно жалуемся какому-то местному начальству, обещая повторить это в письменной форме. То же самое отдельно делает вся партия. При этом перед местным головой, деревенским писарем, солдатами с двух этапов, множеством жителей и новым офицером мы делаем острые замечания Здоренко, в глаза ему высказывая все его бесчинства, на которые собираемся пожаловаться высшим властям. Новый офицер Ключевский сам видит его злость и несправедливость и с нами с самого начала обходится иначе. Здоренко грозит, что велит нас заковать сильнее. Забранных у нас вещей не отдает. На протяжении уже нескольких дней мы не видим других деревьев, кроме берез и местами осин. В местной деревне возле нескольких хат заборы похожи на наши, а в одном саду видим две цветущие черемухи. Местные крестьяне обычно не сажают деревья возле своего жилья.

18 мая, четверг. Нас хорошо разместили на полуэтапе, и вчера у нас был чай и достаточно удобный ночлег. Сегодня

³⁸ Голова (*устар.*) – руководитель, начальник (казаков), в городе – бургомистр. – *Ред.*

утром к нам пришел Ключевский и рассказал, что его предшественник, ночующий здесь, прислал сегодня приказ, чтобы нам затянуть кандалы», но получил ответ Ключевского, чтобы уже не вмешивался, поскольку со вчерашнего дня его власть закончилась.

Мы отправляемся без крестьянского конвоя с обычной только стражей. Даже вся партия идет без цепей. У Здоренко проблемы, потому что кроме жалоб, обещанных нами и партией, крестьяне, им взбудораженные и оторванные от хозяйственных работ, требуют возмещения убытков, этим нанесенных.

Через 4 версты отсюда мы минуем дорогу вправо на Омск, по которой вскоре должен проехать князь Горчаков. Мы расстроились, потому что надеялись встретить его и представить ему наши просьбы.

Ключевский и вежлив с нами, и нетороплив в дороге. Мы рано прибываем на его этап, в деревню Викулово. Сильно устав, я сладко здесь засыпаю. Мне снились жена, мать и мой старший сын. Этот сон меня немного утешил от невысказанной тоски и грусти.

19 мая, пятница. Вчера вечером и сегодня утром Ключевский пил у нас чай. Сегодня также принял третью часть от нашего трехдневного содержания. Неоригинальны господа офицеры, когда принимают 54 гроша в подарок! Пригласили его сегодня к нам на обед. Некоторые наши идут сегодня париться в баню. Я этого не люблю и одновременно хочу сэкономить несколько копеек, поскольку всего у меня есть 10 рублей, и те одолженные.

Сегодняшняя непогода способствует моему обычному мрачному настроению. О Боже! Когда же Ты ниспослешь нам освобождение или по крайней мере утешение?.. Жена моя! Зизи, Лёлё, Хеми! Когда же я узнаю о вас?.. Ах! и увижу ли вас когда-нибудь?!

20 мая, суббота. На протяжении всего времени Ключевский с нами вежлив. Сегодня дает нам 3 подводы и пьет у нас чай. Переправа на пароме через Ишим, четвертую реку с переправой от Тобольска (я забыл написать, что сразу за Тобольском мы на лодке переплыли большую реку Иртыш).

Окрестности здесь выглядят лучше, гораздо более разнообразные чем до сих пор. Мы видим горы, озера, яры, долины,

прекрасные луга и немного больше обрабатываемых полей, хотя все равно очень мало. Поселения тоже более чистые. По дороге кроме Ишима мы встретили две или три маленькие речки, берега которых добавляют привлекательности всему пейзажу. Подъезжая к прекрасно расположенной деревне Калинино, я увидел сходство с видом под Беднарувкой, если ехать с Гусятина. Я сказал это Иоахиму, и он согласился с моим подтверждением. Калинино — это первая деревня от Тобольска, лежащая не на равнине, а разбросанная по пригоркам и в овраге, пересекаемая речкой и опирающаяся о лес с двух сторон. Мы не видим здесь ни сосен, ни пихт и т. д., зато почва не песчаная и похожая на нашу землю. Однако растения и деревья здесь мало разнообразны. Соловья мы не слышали, наверное, его голос неизвестен в Сибири.

На полуэтапе офицер Чихунов, очень вежливый, постоянно приходит к нам в гости и разделяет с нами наш скромный обед, после которого мы часто видим его с книжкой в руках, что нас приятно удивляет. Редкое до сих пор явление!

21 мая, воскресенье. Господин Чихунов — самый здравомыслящий и лучший из всех этапных офицеров, которых мы знали до сего дня. Сегодня перед полуднем мы прибываем на его этап Ачимовский. Он, узнав, что наш Бопрэ — врач, просит его совета для жены и маленьких детей. По этому случаю с Антонием и я посещаю его квартиру. Другие товарищи остаются в своей избе. Знакомимся с госпожой Чихуновой, простой, но достаточно умной женщиной и, кажется, хорошей матерью. Ее самая младшая дочка, прелестный ребенок двух лет, напоминает мне мою любимую Хеми, и я не могу удержаться от слез. Антоний оставляет здесь рекомендации и рецепты для матери и детей. Наши собратья из второго отделения весновали здесь 3 недели. Из них ксендз Павловский давал уроки латыни старшему сыну местного офицера. Этот мальчик, одиннадцати лет, очень смысленный и хочет учиться. Чтобы сделать приятное отцу, я с этим мальцом повторяю латинские склонения и спряжения. Местная деревня прекрасно расположена у большого озера, на которое выходят окна нашего сейчас жилища.

Разногласия и ссоры между товарищами повторяются часто. Я, с тех пор как имею что читать, стараюсь как можно

реже вмешиваться в эти стычки, молчу или уединяюсь в пути или на отдыхе. Мои мысли и мое сердце не здесь... Они с вами, жена, детки, родимый край.

22 мая, понедельник. Этим путем возвращался казак из Тары, который туда отвозил Павлину Вильчопольскую на поселение. Казак этот едет назад в Тобольск. Я через него пишу несколько слов Мархоцкому, передавая привет от всех нас. День холодный и пасмурный, как у нас в ноябре. Вчера тоже была непогода с неприятным холодом.

Почти в каждой деревне, через которые мы проходим, встречаем каких-нибудь поляков, сосланных сюда на поселение. Вчера нас встретил и принял к себе Залуский, дворянин из Подолья, Балтского повята ³⁹, сосланный за дело 1831 года. Некоторые, живущие здесь более десяти лет, из простолудинов, почти полностью забыли свой язык, женились здесь и приняли чужую веру. До сих пор встреченный нами в Сибири народ в большинстве своем нетрудолюбивый, темный, безмерно суеверный и — за редким исключением — негостеприимный. И конечно, вопреки тому, что нам обещали под Тобольском, почти везде немилосердно нас обдирают.

23 мая, вторник. Снова скучнейшее однообразие на всем пути до полуэтапа. То есть на протяжении 28 верст. Добропорядочный Чихунов доброжелательно нас рекомендует своему преемнику, господину Кирееву, а тот нас удобно размещает в деревне, вскоре приходит к нам, ест с нами обед и проводит несколько часов. Мы узнаем, что он служил в Литовском корпусе и долго жил на Подолье и Волыни. Его жена — волынянка с Владимирского повята: Чечелувна. Солдаты, среди которых есть два поляка, говорят о ней много хорошего, восхваляя ее доброе отношение к польским заключенным.

24 мая, среда. Такое же однообразие, как и вчера, ни одной деревни по пути до самого Верхаевского этапа. Мы знакомимся с женой поручика и безмерно рады, что в глубине Сибири, на этапе, можем говорить по-польски. С удивлением мы находим здесь несколько европейских книг, среди них: мадам де Сталь «О Германии» и Генлис «Письма о воспитании»

³⁹ Повят (повет) — административно-территориальная единица в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой.— *Ред.*

по-французски, какой-то польский роман, какая-то польская комедия. И «Житие ксендза Юзефа Понятовского». Хозяева с нами очень предупредительны, приглашают всех на чай, после которого мы еще долго у них сидим. В ответ мы дарим жене поручика кашшук * работы Иоахима. Госпожа Киреева бесплатно присылает нам пиво и разные вещи на кухню.

25 мая, четверг. Тела и Крови Христа. Павлина Вильчопольская, которая, когда ехала, здесь остановилась на двое суток и была очень гостеприимно принята землячкой из Во-лыни. Она обещала взять ее старшую дочь, которой 9 лет, и в Таре заняться ее воспитанием. Мать на днях должна отвезти этого ребенка в Тару. Из предварающих нас товарищей Немировский нарисовал портреты поручика и его жены достаточно удачно. Этот второй портрет, испорченный ребенком, Яцек сегодня поправляет как может. Вечером мы хотим попрощаться с достойной землячкой, но она не позволяет, говоря, что не проспит нашего выхода.

26 мая, пятница. Дорога более приятная, чем была раньше, поскольку мы встречаем по пути деревеньки и едем, а большую часть идем берегом небольшой речки Айов. На полузатпе встречаем нового начальника, Шумилова, достаточно вежливого с нами, хотя почти все время молчащего. Зато знакомимся с солдатом из его отделения. Поляком, Яном Цедерским. Это разговорчивый и очень умный парень. Он заведует этапной канцелярией и пользуется уважением офицера.

27 мая, суббота. Острый неприятный холод и сумеречное время не дают нам обращать много внимания на очень симпатичные, разнообразные берега Айова. Мы останавливаемся на Рыбинском этапе задолго до полудня. Здесь нас ожидал приятный сюрприз — письма от наших предшественников. Но наряду с этим мы узнаем, что негодяй Здоренко написал на нас два листа всяких гадостей, лжи и наглой клеветы, которые в его официальном письме переходят с нами с этапа на этап. Видимо, таким образом он хочет опередить нашу жалобу.

28 мая, воскресенье. С Уминьским я сегодня был на службе в местной церкви, очень красиво изнутри украшенной.

* Кашшук — мешочек для табака.

Вчера мы застали на этапе известного нам со Старого Погоста офицера Я**, для какого-то расследования сюда прибывшего.

Мы читали бесстыдную ложь Здоренко. Глупые сплетни без смысла и порядка. Но кто знает, не больше ли веры это получит, чем наша справедливая жалоба на испытанное угнетение. Эту жалобу мы сможем подать только в Таре.

Госпожа Киреева, которая едет в Тару, приходит к нам с какой-то другой госпожой и приносит нам калачи к чаю, повторяя обещание, что не забудет наши поручения к госпоже Вильчопольской и что сделает нам нужные покупки.

29 мая, понедельник. Мы выходим с этапа очень рано. Совершенно невыносима эта постоянная, каждые три дня, перемена «хозяев», под непосредственной властью которых мы находимся. Страшно подумать, что таких «хозяев» от Тобольска до Иркутска 60, и не знаю, сколько еще за Байкалом!

По пути с обеих сторон снова пихты, как и раньше, и мы видим цветущие черемухи. Вежливый господин Шумилов принимает в пути наш завтрак, а на полэтапе доброжелательно прощается с нами в присутствии нового офицера. Раньше он (Богданов) служил у жандармов, и нам кажется, что он с нами более бдителен, чем другие.

30 вторник. Со вчерашнего дня стоит непогода и отвратительный холод. Мы промокли до нитки со всеми вещами. Офицер достаточно вежливый. Мы едем или идем все время по берегу Аойва, но ненастье и холод не позволяют обращать внимание на окрестности. Наконец мы останавливаемся на Чаунинском этапе. Мы уже давно заметили, что в Сибири нет ни соловьев, ни жаворонков, не слышали мы и весеннего кваканья лягушек. Мы находим тут открытку от предшественников. Антония вызывает Богданов на чай и для врачебной консультации. Я себя теперь чувствую гораздо более здоровым, хотя силы ко мне возвращаются еще очень медленно. Но так же, как и мои страдания, меня беспокоит теперь болезнь Иоахима. Тоска, беспокойство о моей жене и какое-то плохое предчувствие убивают мое мужество.

31 мая, среда. Вчера и сегодня к нам часто приходил Богданов, как бы шпиона за нашей деятельностью. Но, по крайней мере, он нас не притесняет.

1 июня, четверг. Еще худшая непогода и сильнейший, чем прежде, холод мучают нас на протяжении всего пути до полуэтапа, то есть 30 верст, который мы проходим, едва волоча ноги. На полуэтапе мы долго ждем нового офицера, господина Камаева. Наконец Богданов сжалился над нами и до приезда своего преемника велит впустить нас в избу — иззябших и полностью промокших. По пути мы не видели ни сосен, ни пихт, а кедров давно уже пропали, зато сегодня мы видели множество лиственниц. От Старого Погоста почти везде мы встречаем изобилие диких роз, которые только сейчас начинают распускаться. В новой охране мы встречаем одного солдата — поляка, знакомого мне и Гольиньскому с Замощца. Мы оба обняли его как брата.

2 июня, пятница. На рассвете нас будят и велют выступать. Сильный холод, но хотя бы без дождя и уже рассвело. Мы все едем или идем в кожных, в июне! И это после недавней невыносимой жары. Речка Айов хоть и небольшая, однако ближе к устью течет более широким руслом, ее берега везде красивы. По мосту мы переходим Ошу, речку побольше. Хвойных деревьев не видно, кругом одни только березы. Кусты малины, которых на пути много, начинают зацветать. Лес еще не полностью зеленый. Какая же разница в климате по сравнению с нашей родиной! Знаменский этап. Здесь есть молодой казак, татарин, симпатичный, расторопный и доброжелательный к нам.

3 июня, суббота. Господин Камаев, сильно отличающийся от наших последних «хозяев», делает нам разные пакости, однако их нельзя сравнить с тем, что мы терпели от Здоренко. Вчера вечером нам было сказано, что наша землячка, госпожа Киреева, возвращаясь с Тары, ночевала здесь. Поэтому еще вчера и сегодня мы посылали к ней. Однако или посланные солдаты нас обманывают, или этот господин офицер никого к нам не допускает, это последнее более похоже на правду.

4 июня, воскресенье. Мы уходим с этапа, и всех нас поражает живописное расположение деревни, из которой мы уходим. Знаменск лежит на возвышенности, возле большого и красивого озера, за которым в отдалении видны раскинувшиеся луга, лес и две или три деревни. До сих пор мы в Сибири

не встречали такого расположения. По пути на полуэтап мы проходим через пару прилично застроенных деревень, являющих собой приятное зрелище. Деревня, в которой находится полуэтап, расположена на Иртыше, прекрасной и огромной реке с живописными берегами. Местный офицер, Васильев, добродушный простак, человечный и достаточно умный. Погода хорошая и тепло.

5 июня, понедельник. С восходом солнца мы отсюда уходим. Прекрасный день. Мы идем по левому берегу Иртыша. Все время приятный вид до самой Тары, областного города, первого за Тобольском на нашем пути, на расстоянии 573 верст. Этот город, совсем неказистый, лежит на берегу Иртыша. Этап находится на самом входе в город. На этапе нас размещают довольно-таки удобно и не просматривая наши вещи, что нам, измученным дорогой и голодным, было очень на руку.

К нам приходит смотритель, то есть надзиратель за городскими и этапными заключенными, господин Маренец, уроженец Чернигова. Сразу после этого появляется городничий Блохин, которому на вопрос: «Не обижал ли кто нас в пути?» мы заявляем, что хотим написать жалобу на Здоренко и одновременно просим разрешения написать нашим семьям. Я, кроме этого, еще прошу позволить мне написать Бенкендорфу и царю. Господин Блохин все это позволяет и обещает прислать бумагу и т. д. Вскоре после него приходит так называемый окружной (областной) начальник. Ему мы также рассказываем о притеснениях Здоренко. Он признает нашу правоту и обещает дать свое распоряжение по этому делу. Приходит также стряпчий ⁴⁰, который ничего не говорит. Навещают нас еще несколько интересных щеголей из канцелярии. После обеда присылает нам господин Блохин бумагу простую и для писем и кусочек сургуча и официальным письмом приказывает этапному офицеру выдать нам чернила и перья.

⁴⁰ Стряпчий — во времена Сабиньского название некоторых судебных чиновников, например, помощника прокурора по уголовным или казенным делам. Особой компетенцией стряпчих была правовая защита казенных интересов. С начала XIX в. стряпчие осуществляли также надзор за местами заключения. С 1832 г. существовали и присяжные стряпчие — ходатаи по частным делам в коммерческих судах. — *Ред.*

Вечером снова приходит Блохин и приводит к нам госпожу Павлину Вильчопольскую. мы все безмерно рады ее посещению, а особенно друзья-воляняне, ее знакомые. Она у нас остается часа три, и мы начинаем писать только поздно ночью. Я, уже давно все подготовив, только переписываю начисто просьбу к царю, письмо к Бенкендорфу и «Объяснение моего дела», все три в конверт для генерала Бенкендорфа.

6 июня, вторник. Всю ночь проведя за писанием, я сегодня едва до девяти часов смог все закончить. Письма к царю, к Бенкендорфу и «Объяснение дела» я посылаю на адрес тобольского губернатора Талызина. Этому же господину Талызину я написал отдельно, поручая его заботе и эти письма, и при них письмо для моей жены. Ей мне невозможно писать все что хочу, сердце мое сжимается при мысли, что, может, я ее уже потерял, может, я навсегда стал самым несчастным!.. Друзья тоже сегодня пишут своим семьям, кроме Боровского, поскольку он писал со мной ночью. Все эти наши письма и обширную, подробную жалобу на Здоренку мы отдаем Васильеву, а он отсылает это к Блохину со своим рапортом.

Вечером нас навещают дамы из этого города, дочь почтмейстера и дочь купца, девушки достаточно недурные. Потом приходит Павлина Вильчопольская и приносит нам великолепный кофе с выпечкой, сделанной по-польски, и свежим маслом своего производства. Для меня это было большим деликатесом, для меня, который с вечера 30 сентября прошлого года, когда я пил кофе, поданный женой при нашем расставании, до сей поры не пил с таким удовольствием этого любимого напитка.

7 июня, среда. В этой стране ночи в начале июня короче, чем у нас. Поэтому после ухода Павлины мы еще долго занимались упаковыванием разложенного везде нашего старья, после получасового сна нас будят, и мы в два часа ночи отправляемся в путь. Однако, хотя и было так рано, добрая Павлина прислала нам несколько книжек, а именно: «О подражании Христу»⁴¹ для Подхороденьского и три тома l'Allemagne для

⁴¹ Скорее всего, св. Фомы Кемпийского (1379–1471), книга, говорящая, как жить. Очень популярная, много раз переведенная на польский язык и издаваемая. Возможно, перевод Тадеуша Матушевича, Варшава, 1820 (или какое-нибудь из более поздних изданий).

нашей компании. Выйдя за город, мы встретились с польским майором Хиеронимом Жельветер, литовцем, сосланным сюда в 1934 за дело Волловича. Он идет с нами около двух верст и только там с нами трогательно прощается.

Жара невыносимая, гораздо сильнее, чем бывает у нас в самые жаркие дни. Мы почти без сил доходим до полуэтапа в 36 верстах от Тары. Добрый Васильев дружески расстается с нами, сдав нас младшему офицеру, поскольку офицер следующего этапа болен и не может сам вести команду.

8 июня, четверг. В дороге на Мешковский этап, измученные жарой и жаждой, мы встречаем крестьянина, несущего воду. Я его прошу дать ее, но он, не знаю почему, принимает нас за евреев, и хотя я ему объясняю, что я христианин, так же, как и мои друзья, и крещусь, чтобы доказать, он отказывается дать воды, постоянно утверждая, что мы некрещенные. Хотим, чтобы он дал напиток за деньги, — напрасно.

На этапе мы застаем господина Скерлетова, полковника из Тобольска, руководящего этапными командами до следующего этапа. Этот полковник с нами обходится вежливо, навещает нас, присылает продукты, спрашивает о нашем деле и выражает мнение, «что многих осудили совершенно ни за что». Кроме того, он обещает мне, что мой пакет из Тары, посланный губернатору в Тобольск, он возьмет под свою опеку и что будет ему напоминать выслать его Бенкендорфу. Местный офицер, поручик Эманакон, очень вежливый и учтивый человек, делает нам разные послабления. Я не могу сегодня выдержать чрезмерной жары в избе и ночую на улице.

9 июня, пятница. В Таре друзья сделали разные покупки. Я купил себе дешевый табак и другие мелочи. Наши посчитали, что кофе будет стоить меньше, чем чай, поэтому купили его в Таре, и сегодня мы все пили кофе, достаточно хороший, чему я был особенно рад. Сегодня у нас была еще одна приятная вещь: мы два раза купались в ближайшем заливе Иртыша.

10 июня, суббота. Сегодня мы отправились так же рано, как и из Тары. Дорога идет по прекрасной местности, по левому берегу Иртыша, день ясный и очень жаркий. На круто обрывающемся берегу этой реки мы с удовольствием наблюдаем большое количество маленьких роз, распустившихся и приятным запахом наполняющих воздух. Переправа через Иртыш

на двух весельных паромах. Еврейке из партии, которая третьего дня слегла, не разрешили остановиться, и эта бедняжка, несмотря на слезы свои и мужа, должна идти дальше. На полэтапе досмотр казенных вещей. Говорят, что кожухи у нас скоро отберут. Также мы слышим, что офицер следующего этапа, Сапожников, больше похож на тигра, чем на человека.

11 июня, воскресенье. Теперешний наш хозяин Каченко, родом из Харьковской губернии, человек простой и добрый, постоянно находится с нами и не делает ничего неприятного. Почти не спав этой ночью, мы сегодня отправились так рано, что только когда мы прошли 9 верст, солнце начало всходить. Жара становится все более невыносимой. Деревня Копиево, этап, на котором мы останавливаемся в восемь утра, хотя с ночлега прошли 33 версты.

Ссоры у нас почти ежедневно. Я в подобные события уже давно не вмешиваюсь и решил молчать, как-то держусь в этом своем намерении.

12 июня, понедельник. Появился здесь табор цыган обоего пола, ведущих медведя. Они останавливаются на этапе, показывают разные фокусы своего медведя и гадают по руке. Некоторые из наших также идут к ним погадать. Я туда не иду, считая, что и два гроша, потраченных на это, можно истратить лучше, особенно при излишней щуплости моего кошелька.

Иоахим пользуется тем, что цыгане и медведи заняли всеобщее внимание и поэтому все оставили канцелярию. Он идет туда, тайком вынимает и уничтожает эту ложь Здоренко, нас очерняющую и обвиняющую, которая иначе от этапа к этапу тянулась бы за нами до Иркутска и там могла бы навредить.

Здесь мы нашли открытку от Рошковского из партии, идущей перед нами. Рошковский кажется таким же тоскующим и грустным, как и я... Но похоже, у них больше согласия, чем у нас. Однако об этом можно судить справедливо только вблизи, а теперь не стоит повторять за итальянцем: *Tutto il mondo va come la nostra familia* ⁴².

13 июня, вторник. Мауриций Кисель по случаю сегодняшних именин Бопрэ всех призывает к согласию и подать друг другу братскую ладонь. Хорошо выбранное время и здра-

⁴² Все в мире происходит как в нашей семье (*итал.*).

вые, но с чувством сказанные слова этого достойного и любимого друга действуют на нас всех — и наступает всеобщее примирение.

Сегодня в нескольких верстах от этапа мы встречаем толпу вчерашних цыган, которые остановились на ночлег. Одни еще спят в шатрах, другие выходят к нам и угощают водкой, не желая за это принять оплату. Как видно по одежде, шатрам и другим предметам, они более зажиточные, чем их земляки, которых мы обычно видели в нашей стране. Все говорят на своем языке и по-русски, а вероисповедание имеют местных жителей, как они сами утверждают, что, однако, можно подвергнуть сомнению. Сегодняшняя толпа, гораздо более многочисленная, чем обычно, появилась у нас. Они говорят нам, что меньше занимаются ремеслом, а больше — торговлей лошадьми. Когда мы уже должны были с ними расстаться и отправиться дальше, одна женщина выходит из шатра и, хотя мы ее не просили, предсказывает нам возвращение на родину.

Мы приходим на полупятап, может, за час до приезда нашего нового «господина», давно нам уже известного за его бесчеловечность. Наконец, появляется это животное, которое зовется Игорь Иванович Сапожников, и с самого начала обходится грубо с нами всеми, а особенно с двумя, потому что они не заявили, что их кандалы могут сниматься. Поэтому велел своим солдатам их бить, добавляя к этому приказу оскорбления и угрозы. Таким образом прошел осмотр казенных вещей.

14 июня, среда. Мы уже узнали, каков есть Сапожников, но его солдаты грозят нам еще худшим преемником. Мурашевский этап. Тут Сапожников велит двоим казакам в своем и нашем присутствии выпороть нагайками одного арестанта из партии за то, что тот на шаг вышел из шеренги. В самовольную власть вот такого чудовища мы отданы!.. Он поселяет нас в строении, предназначенном под баню, и тут нам лучше, чем было раньше, что касается проживания, которое должно продлиться всю неделю из-за разлива реки Оби.

Уже несколько дней как я смирился с сибирской флорой, встречая прекрасные растения и обилие цветов. Есть и такие, каких нет у нас. При этом несметное количество маленьких роз яркого красного цвета (по форме похожих на венские), очень душистых, разновидность прекрасного дельфиниума,

лилии голубые, розовые и синие с приятным запахом и многие другие, нам совершенно неизвестные. Каждый день по пути мы собираем эти цветы и составляем прекрасные букеты, сожалея, что нам некому их подарить...

Сегодня с самого ночлега мы ехали или шли по степной местности, до самого этапа, направо и налево можно было увидеть много скота и овец. Мне в этом увиделось некоторое сходство с дорогой из Каменца до Жердзя или Збжизя...

О, как же далеко я от вас, мои любимцы! И насколько дальше еще буду!!!

Сегодня мы живем на одном сыром молоке, поскольку Сапожников не позволяет нам готовить иначе как только вместе с солдатами, то есть очень рано.

Удивительно, что от Тобольска до этих мест мы не видели нигде на пути ничего, даже напоминающего камешки. Но еще гораздо сильнее нас поражает чрезвычайная испорченность местного населения, бесстыдство и отвратительное распутство.

Сапожников велел нас на ночь запереть.

15 июня, четверг. Он снова не позволил нам готовить, даже у солдат, и не позволяет покупать продукты à la Здоренко. Утром приходит к нам. Мы представляем ему наши просьбы, и он дает небольшую поблажку. И сегодня мы живем только молоком, чаем и горохом. Он нам заявил, что мы должны поститься, потому что у них сейчас пост. Но, скорее всего, все это делается для того, чтобы заставить покупать у него съестные припасы и другие вещи. Часто нам присылает своих шпионов на разведку.

16 июня, пятница. Алчность Сапожникова является причиной его недостойного поведения по отношению к нам. Он четко велел нам все покупать у него и платить за каждую вещь в тройном размере. Мы это делаем для спокойствия и чтобы избежать других неприятностей.

17 июня, суббота. Нигде нас так не обдирали, как здесь это делают офицер, солдаты и жители. На ночь нас всегда закрывают.

18 июня, воскресенье. То же самое, что и вчера. Жара становится все более невыносимой. Непонятно равнодушные идущих в партии к своей судьбе. Среди них есть такие, которые,

несмотря на убогую еду, несмотря на кандалы, которые они постоянно носят, несмотря на жестокое с ними обращение начальников и солдат, при малейшем звуке балалайки танцуют до упаду и, кажется, забывают обо всем.

19 июня, понедельник. Жара здесь несравненно сильнее, чем у нас. Казалось, что после грозового ливня с громом и молниями, продолжающегося со вчерашнего вечера всю ночь, воздух немного охладится, но, наоборот, сегодня из-за чрезвычайного зноя невозможно выдержать на улице.

20 июня, вторник. Это правда, что Сапожников во всем нас немилосердно обдирает и велит закрывать на ночь. Но, по крайней мере, не отягощает нас своим присутствием, поскольку за исключением его ежедневных утренних посещений, продолжающихся не дольше пары минут (на время которых мы всегда надеваем себе кандалы), больше мы его не видим. А это одно вознаграждает остальное.

21 июня, среда. Здесь проходило войсковое отделение из Тобольска в Томск, и солдат из этого отделения отдал нам два листочка от товарищей, которые идут за нами и которые так же, как и мы, из-за разлива реки Оби остановились на Мешковском этапе у достойного офицера Эманакова. Среди них кроме подолян Янишевского Людвика, Фредерика и Люциана Михальских находятся еще семь литовцев, такие как: ксендз Людвик Трынковский, каноник и известный проповедник, с которого снят священнический сан и который приговорен к поселению в Иркутской губернии, Станислав Козакевич, Людвик Орда, Томаш Булхак, Ян Былевский, Франчишек Терлецкий и Антоний Ожешко. Шесть последних приговорены к поселению в Томской губернии. Какая же непонятная разница между приговорами судов: вильнюсского и киевского, хотя по одному и тому же делу!

22 июня, четверг. Среди женщин в местной партии (их тридцать с лишним, включая жен, которые добровольно идут с мужьями, чтобы разделить их судьбу) одна особенно выделяется. Это крестьянка из Калужской губернии, зовут ее Минодора, сейчас ей 20 лет. Красивее всех своих спутниц, еще отличается от них необычностью черт лица и белизной кожи, так редкими в ее состоянии, а особенно в теперешнем ее положении. Но что более удивительно и редко встречается среди

окружающего ее общества, она, кажется, достаточно скромна. Я вижу ее почти всегда отдельно от других, а все ее поведение выдает тоску и грусть. На четырнадцатый или пятнадцатый год своей жизни отданная замуж, через пару лет после этого ее мужа забрали в солдаты. Неопытная, предоставленная сама себе, легко была соблазнена братом своего мужа. Страх бесчестия (как она рассказывает) подтолкнул ее избавиться от плода своей слабости, и за это она приговорена к тяжким работам в Иркутской губернии. Так же, как у всех ее спутниц, находящихся тут без мужей, у нее есть в партии любовник, красивый парень из Орловской губернии, за бродяжничество приговоренный к поселению в Сибири. Он так сильно увлечен Минодорой, что решил пойти на тяжкие работы, чтобы быть с ней вместе. Наш друг Машковский, быстро почувствовавший разницу между ней и всеми остальными женщинами в партии, постарался познакомиться с ней поближе и смог получить от нее информацию, написанную выше, за правдивость которой я его оставляю ответственным, поскольку все подробности повторил из его уст.

Завтра очень рано, а скорее, сегодня ночью мы отсюда отправляемся.

23 июня, пятница. Целую милю мы прошли до восхода солнца. Местность, более открытая, представляет собой частые озера и степи, и только вдалеке, по обеим сторонам дороги, молодые леса, большей частью березовые. Деревни довольно редки, но они более многолюдные, чем раньше. На полях мы видим коней и разного рода скот.

На полуэтапе в деревне Камышово наш новый «хозяин» Кирин не хочет нас видеть и помещает нас со всеми женщинами из партии, мужьями и их детьми таким образом, что в маленькой избе вместе с охраной находится почти 70 человек. Жара и в наивысшей степени тяжелый воздух. Мы просим через младшего офицера, чтобы нам разрешили перейти в хлев, получаем ответ, что пребывание нас, девятерых, могло бы навредить его коням, там стоящим.

Когда мы шли по деревне, нас поразили несколько хат, построенных и побеленных по-нашему. В них живут крестьяне из наших провинций, поселившиеся тут. Среди них женщина из Подолья, из Балтского повята, Аполония, которая готовит

нам вкусный крупник с мясом и вареники со сметаной. Среди новой охраны есть один солдат-поляк, Чесневич, из Тарашчанского повята, из деревни Клюки, разделенной на маленькие владения, из которой все владельцы и арендаторы пошли на восстание 1831 г. Аполония дала нам открытку от наших предшественников, мы пишем тем, кто идет за нами.

24 июня, суббота. Нам дают только две подводы, и на них мы размещаемся как можем, большую часть пути на этап преодолевая пешком по невыносимой жаре. Вознесенский этап. Почти 800 человек насчитывает гарнизон, из которых несколько сот душ обоего пола большей частью ссыльные из нашей страны. Они не занимаются обработкой земли, им приходится постоянно охранять свои хаты и дворы из опасения перед кражами и убийствами, которые часто совершают местные.

Здесь, как на предыдущем этапе, нас помещают в баню. Мы этому очень рады, потому что здесь достаточно прохладно, просторно и, что лучше всего, не надоедают клопы. Офицера мы так и не видим. Среди продающих есть наши земляки, у них мы покупаем продукты дешевле, чем в другом месте.

25 июня, воскресенье. В партии появляется все больше больных. Мы до сих пор, слава богу, избавлены от этого. Но как будет дальше? Вчера, проходя по этой огромной деревне с населением в несколько тысяч, мы встретили хорошо одетого еврея, который был сюда сослан из Бердичева. Он неплохо зарабатывает и даже, как сам рассказывает, имеет большую прибыль, занимаясь медициной и хирургией, которой никогда не учился и не занимался у себя на родине, всю жизнь там занимаясь торговлей. *Vulgus Vult decipi...*⁴³ Добавленную в Таре к нашей партии женщину, у которой были раны на обеих ногах и которую долго мучили в тарской больнице, наш товарищ Бопрэ привел в такое состояние, что теперь она уже может ходить, хотя еще недавно и шагу ступить не могла. Она постоянно его благословляет и молится о его свободе. Ее чрезвычайно удивило, что Антоний не принял предлагаемой ему полной горсти копеек в награду. А этот его отказ еще лучшее на эту женщину и всю партию произвел впечатление о «поляках» (так нас все зовут).

⁴³ Народ хочет быть обманутым (*лат.*).

Глава седьмая

Князь из Грузии.— Присланные сюда из наших провинций крестьяне, как правило, имеют положительное влияние.— Дворяне из Волыни и Подолья.— Фаустин Перытыаткович.— Его грустная история.— Ксендз Яжина учится татарскому языку.— Город Каинск.— Пагубное влияние евреев.— Поляки, которые состоят здесь на гражданской и военной службе.— Сколько теперь стоит наша жизнь? — История Ремезова.— Поп из Воронежа.— Гонсёровский из Галиции спустя несколько лет возвращается домой с каторги, к которой был приговорен — в Нерчинск — «по ошибке»! — Марынченко становится начальником этапа, бывший крестьянин из имения графа Литта в черкасской волости, достойный, открытый и человечный.— Кольвань. Будущий город. Сейчас там есть только то, что считается прежде всего необходимым. Что именно? — Река Обь.— Характер местности.— Богатства природы.— Высматривание сходства с родной стороной.— Пчеловодство: белый мед.— Побег двух узников из партии.— Одного схватили и жестоко мучают.— Продолжение приключений Минодоры.— Томск.— Тюрьма перед городом.

Этап на пути в Томск, 26 июня, понедельник. Не зря нам говорили о нечеловеческой дикости господина Кирина. Вчера ему жаловался «старший» (называемый старостой) из партии арестантов, что из-за жары, невыносимой духоты и клопов никто не может спать, поэтому просил, чтобы хотя бы одно окно в тюрьме было вынута. Кирин выбралил его за эту просьбу, говоря, что даже если все и задохнется, царю в этом не будет никакого вреда, которому вместо этой партии столько же других придет.

Отправились мы очень рано: снова только на двух подводах. Местность все время открытая и степная. Деревни нечастые, но большие и многолюдные. Со второго этапа после Тары мы находимся в Томской губернии и здесь уже повсюду встречаем многих поселенцев из наших провинций. Переправа на пароме через судоходную реку Тартас. Деревня Спаская, полуэтап. Мы встретили здесь поселенца, изгнанного из Грузии, Осипа, родственника князей Абамеликовых, который (как нам рассказывает) служил в российской армии в звании

майора и имел три креста. Но из-за какой-то личной неприязни генерала Розена был преследован правительством и вывезен в Сибирь. Под Тифлисом он оставил значительное имущество, жену и нескольких детей, из которых два сына служат в российской армии офицерами. Местный начальник этапа, поляк из Волыни, Осовский — добрый и человечный. Но мы узнаем его, когда он так переполнен жидкостью, что ни ноги, ни язык не могут сохранить равновесия. Вечером он уезжает, оставляя нас и партию под руководством младшего офицера, как кажется хорошего человека.

27 июня, вторник. Начинает цвести жито. Мы везде видим коров, овец и коней. И замечаем то, что поселенцы из наших провинций оказывают здесь спасительное влияние на местных, вводя лучшую обработку земли, огорода, кое-где строительство домов по-нашему и более чистые традиции.

Огромная деревня Турумово, и здесь этап. Сегодня первый раз едим землянику. Здесь мы получаем открытку от предшественников, написанную Адольфом Рошковским. Много здесь поселенцев разных сословий из наших сторон, сосланных сюда несколько лет назад. Среди них Левинский из Подолья, солдат, взятый в плен под Дашовом, из Жевуского эскадрона, служит этапным писарем. Маковский с сестрой и мужем ее Домбровским, оба из Волыни, уже достаточно состоятельные и пользующиеся тут уважением. Но больше всего обратил на себя наше внимание Фаустын, сын Франчишка Перытыаткович, из Волыни, Острогского повята, сын зажиточного горожанина. С четырнадцати лет своей жизни несчастлив. Обвинен собственным отцом и отдан под уголовный суд за то, что вступился за свою мать, выгнанную из дома ради любовницы, из-за которой отец его обо всех обязанностях забыл, и в отместку за раздор между родителями он велел причину одного высечь розгами. За это 9 лет провел в тюрьме и потом был выслан в Сибирь на поселение. Живет тут уже шестнадцать лет. Выглядит как сибирский крестьянин. Длинные волосы, подстриженные по московскому обычаю, и борода. Одежда крестьянская. Из своего языка многое уже забыл. Однако продолжает испытывать любовь и привязанность к родине, о которой очень скучает, хотя здесь женился и имеет троих детей. Заслужил доверие и уважение жителей. Служит писарем у местного

деревенского начальства. Получает в качестве разных оплат 120 рублей. Но говорит, что может иметь еще два раза по столько же и больше в год побочных доходов. Он купил за 75 рублей порядочный дом с двумя комнатами с полами, кладовкой, складом, погребом, хозяйственными постройками, баней и огородом. Однако он сильно хочет бросить все это и вернуться на родину, «пусть даже там и придется жить как поденщику».

Сегодня, пользуясь большей свободой, чем на других этапах, мы ходили купаться на небольшую речку Каму, и это купанье доставило всем нам большое удовольствие. Идя оттуда, мы навестили Перытыатковича, который нам показал все свое хозяйство и огород, где цветут огурцы и т. д. Позднее он пришел к нам на чай, на который пришел также и наш офицер Осовский. Оба болтали с нами до поздней ночи.

28 июня, среда. Жаль, что день сегодняшний, пасмурный и холодный, не позволит нам купаться в реке. Офицер наш всегда вежливый и неторопливый. Несколько друзей навещают Маковского, который здесь архитектор, столяр, токарь, слесарь и т. д. Сегодня нам принесли полевую клубнику, достаточно хорошую. Ее обилие мы видели по дороге, но тогда она была еще зеленая. Вечером к нам на чай приходил Осовский и рассказывал, что ему опостылела уже служба и жизнь в Сибири, поэтому он хочет все это бросить и поехать на родную землю в Вольнь, чтобы там провести остаток жизни. И хотя это может произойти не раньше чем через год, однако мы все пользуемся его доброй волей завезти письма нашим семьям, и мы всю ночь им пишем. Я очень длинное письмо написал жене, говоря ей о воспитании наших деток. Ах! Соделай так, великий Боже, чтобы мое возвращение опередило получение этого письма.

29 июня, четверг. После бессонной ночи сегодня утром мы отправляемся; хорошо хоть, что день сегодня нежаркий. Деревня Покровская, полуэтап. Здесь нас принимает белорус Юрченко, простой человек, но с достойной душой, как это видно в самом начале. Осовский долго задерживается из-за сегодняшнего богослужения (святых Петра и Павла), потом с Юрченко приходит к нам. Оба с нами очень вежливы, и обоим Антоний дает рекомендации по их болезням.

30 июня, пятница. Дай нам Боже не встречать других начальников, а только таких, как местный, достойный белорус. Антошинский этап. Мы получаем здесь две карточки от предшественников, дает их нам сам Юрченко. Ксендз Нарциз Яжина сообщает, что учит татарский язык, получив в пути какую-то книжку для этого и имея в партии татарина, способного учить. Добавляет, что и у него, и у товарищей есть предчувствие, что «вернемся на родину».

1 июля, суббота. И на этом этапе нас поместили в предназначенном для бани здании, в котором разбитое окно позволяет залетать ласточкам, и они внутри избы слепили гнездо на потолочной балке. Эти птицы с нами быстро освоились и свободно летают среди нас с едой для своих птенцов. Каспер Машковский по этому поводу написал нежные и подходящие к нашей судьбе стихи, которые оставил здесь на стене ⁴⁴.

2 июля, воскресенье. Ночью приехала сюда жена Левицкого (идущего с нами бывшего чиновника) с тремя детьми, которая решила разделить судьбу мужа, приговоренного к поселению в Енисейской губернии. О, как же я завидую его утешению, счастью видеть все то, что в жизни самое дорогое, и возможности не расставаться со своими сокровищами! Он намеревается остаться в Каинске под видом болезни на какое-то время, чтобы там купить коня и приспособиться к совершению дальнейшей поездки вместе со своей семьей. О, счастливый! Тысячу раз счастливый!..

Есть такая особенность в этом проклятом краю несчастья, что через несколько часов после невыносимой жары часто

⁴⁴ Вацлав Ласоцкий (Воспоминания из моей жизни, т. 1. Краков, 1833, с. 87, 88), основываясь на дневнике Иоахима Лесневича, которым располагал, приводит этот стих. Мы здесь печатаем два первых четверостишья:

Лети свободно, ласточка,
Отдали все беспокойство,
Не бойся за свое гнездо,
Не бойся за своих деток.

Тот тебе не сделает зла,
Не уничтожит твою радость,
Чьи детки сегодня сироты,
Чье гнездо враг опустошает.

наступает такой неприятный холод, что трудно обойтись без кожуха.

На полуэтапе нас принимает под свое руководство офицер от инвалидов из Каинска, Сергеев, старый и глупый грубиян. Его водит за нос еврей — подрядчик, занимающийся конями, который нам объявляет, что завтра у нас будет только одна подвода.

3 июля, понедельник. Мне снился очень плохой сон. Моя жена, как будто уже после смерти, появилась дважды в хлеву, данном нам для ночлега. Это был мираж, но я видел ее так четко, как будто наяву, и это разрывает мне сердце, пробуждая предчувствие огромного несчастья.

Утром спор о подводах. Наконец сами солдаты и еврей понимают, что невозможно на одной поместить всех вещей, и поэтому дают нам вторую. Большую часть из 33 верст до Каинска, как обычно, идем пешком.

Каинск, бедное местечко, красиво расположенное на реке Оми. Половина населения, то есть, по крайней мере, тысяча человек — евреи, которые как и у нас, так и тут оказали губительное влияние на жителей. Нечистоты, вымогательства, обмана полно везде. На въезде в город какой-то еврей кричит на нас и даже оскорбляет ведущего нас офицера, совершенно к этому равнодушного. Через весь долго тянувшийся город нас заставляют идти пешком по грязи.

Так мы приходим в острог или тюрьму. Здесь нам вскоре показывается господин Знаменский, областной начальник, очень воспитанный и, кажется, умный. Мы жалуемся на офицера, которому он сразу же устроил головомойку. Потом приезжает господин Мельницкий, городничий, тоже вежливый, но нетрезвый. Нас помещают в маленькой клетушке острога под надзором Чернышова, надзирателя, достаточно вежливо с нами обходящегося.

Уминьский выполняет здесь уже давно задуманное намерение, то есть отделяется от нас и из-за болезни хочет быть в лазарете, а там, после нашего ухода, будет ждать следующую партию, к которой присоединится. Его желание тотчас же исполняют.

Но здесь говорят, что со следующей партией во время переправы через Иртыш случилось несчастье из-за молнии, кото-

рая, ударив в паром, якобы затопила сто с чем-то человек. В их числе, как говорят, были и наши братья. О Боже, содейлай так, чтобы это известие не было правдой!

Навещает нас господин Меркулов, квартирный, очень порядочный человек. Он приносит нам дюжину калачей и ведро кваса. Этот подарок, сделанный от всего сердца, мы принимаем с благодарностью.

Сегодня перед входом в острог я видел жену Левицкого. Я хорошего мнения о ее сердце и характере, раз она решилась оставить свободу и жизнь среди своей семьи, чтобы разделить судьбу изгнанника со всеми недостатками его положения. С тремя детьми, старшей дочери лет 10—11, сыну 8—9, а младшая дочка напомнила мне мою Хеми. Я хотел поцеловать этого ребенка и поговорить с матерью, но слезы и сердечная боль мне не позволили.

Мы находимся только в 900 с небольшим верстах от Тобольска, отсюда еще почти 500 до Томска, и только тогда, то есть через месяц, мы будем в половине пути до Иркутска!

4 июля, вторник. Посетил нас господин Цеглинский, поляк с Подолья, Балтского повята, по собственному желанию прибывший искать работу в Сибири, и нашел ее в Губернском управлении в Томске, куда он завтра возвращается. С ним пришел другой поляк: Тиханович, начальник местной больницы, родом из Киевской губернии, Тарашчанского повята, так же, как и первый, по своей воле находящийся в Сибири. Но если первый сильно хочет вернуться на родину, то второй не очень. Оба еще не забыли, как говорить по-польски, чего о многих, давно здесь поселившихся, сказать нельзя. После них приходит Александр Рыпланский, из Литвы. Он прибыл сюда в поисках работы учителя, но, попав в какое-то несчастье, он осужден и помещен под стражу. В Каинске солдат-поляков до 50 человек. Из них у нас появляются: Раевский, Калишевский, Мастальский, Грабовский Мачей из четвертого полка строевой пехоты (чвартак) с 1831 г. и Вагнер, все из Королевства; Гловацкий Антоний и Антоний Лонткевич из Подолья. Этот последний из Хайсынського повята, умный и хорошо образованный, показался нам лучшим из всех виденных прежде в Сибири военных земляков.

5 июля, среда. Среди арестантов местного острога находится подолянин из Винницкого повята Павел Яворский, который нам рассказал свои странные приключения. Он уже несколько раз был в Сибири, в Иркутске и за Байкалом (не по политическому делу). Ему все время удавалось бежать, но только до времени, потому что каждый раз его ловили.

Из партии, с нами прибывшей, здесь останется двадцать с небольшим человек из-за болезни, в больнице, несколько человек было предназначено для поселения тут. На их месте около тридцати других отсюда отправятся с нами. В их числе две или три полные семьи, простолюдины, добровольно отправляющиеся за родственниками, приговоренными в Иркутскую губернию. Левицкий остается здесь до прихода другой партии и с чувством прощается с нами. Солдаты-земляки при расставании плачут все, что делает и нас растроганными.

Мы выходим отсюда под руководством прибывшего за нами капитана Носкова, которому надзиратель Чернышов нас хорошо рекомендует. Мы останавливаемся на этапе Осиновые колки.

6 июля, четверг. Офицер, весьма вежливый с нами, дал нам на выбор баню и сарай для телег для ночевки. Мы выбрали последний, более чистый и менее душный.

Проведенный сегодня подсчет расходов на нашу жизнь показал общий расход 200 рублей в течение 3 месяцев. Из чего следует, что если в дальнейшем наше содержание не будет дороже, чем до сих пор, то каждый из нас восьми кроме шести грошей, которые мы ежедневно брали из казны, должен бы ежегодно добавлять из своего кармана 60 рублей.

7 июля, пятница. Первый раз в этом году, проезжая через деревню, мы видим цыплят. Также сегодня видели большие куски травы на покос. На полуэтапе вместо офицера нас принимает младший офицер, гораздо более вежливый, чем старшие. Носков прощается с нами очень вежливо, сильно пьяный. На протяжении уже нескольких этапов мы собираем по пути отборные шампиньоны, обилие которых мы находим вдоль большого тракта, и они нам служат как приправа или второе блюдо на обед, обычно состоящий из двух блюд и насыщающий нас на все сутки, кроме горячего молока утром и вечером, если его иногда не заменяет чай или кофе.

8 июля, суббота. Убиньский этап. Огромная деревня, как почти все в Томской губернии. Местный офицер, подпоручик Шахардин, родом из Иркутска, охваченный пороком пьянства до наивысшей степени. Несмотря на это, добрый и благосклонный к нам, дающий нам свободы больше, чем обычно. До сих пор было лучше иметь дело с пьяницами, чем с трезвыми, на наше счастье, этих последних очень мало. Теперешний оставляет нам всю свободу, которую только можно иметь в неволе. Жалко только, что продолжаться это будет полтора суток и что послезавтра мы перейдем в новое владение. Однако, пользуясь данным моментом, я, Боровский и Машковский идем на прогулку на прекрасное озеро за деревней и там очень славно купаемся. Остальные остаются на месте, занятые бостоном ⁴⁵.

Офицер приходит советоваться с Антонием по поводу своего порока. Его жена, которую мы встречаем, возвращаясь с купания, тоже просит у нас совета, как справиться с пьянством, и жалуется на ужасные последствия этой слабости мужа. Бо-прэ откладывает свою консультацию и врачебную помощь до завтрашнего утра, чтобы тогда застать больного более адекватного, чем сегодня.

Позднее к нам приходят трое мальчиков, одному лет двенадцать, сын почтового писаря, другой — сын младшего офицера, ему лет десять, а третий — восьми лет — сын местного начальника. Все трое с трубками, к чему, как говорят, они уже давно привыкли. Даже последний, хотя и такой маленький, уже год с удовольствием курит самый крепкий и самый отвратительный местный табак, называемый махоркой. Эта компания невыносимым дымом испортила нам воздух. Из солдат навещал нас семидесятилетний старик Ремизов, находящийся в армии уже 46 лет, родом из Московской губернии. В 1807 году он уже девять лет был офицером и имел звание поручика. Тогда он с тремя другими офицерами во время игры, поссорившись со своим полковником, никчемным человеком, были обвинены в несоблюдении субординации и осуждены военным судом, разжалованы до простых солдат без выслуги с утратой дворянства и высланы в Сибирь. С тех пор Ремизов ведет здесь ничтожную жизнь, без возможности дожидаться увольнения со

⁴⁵ Карточная игра, разновидность виста.

службы или какой другой награды кроме рапортов о его хорошем поведении... Он говорит, что в довершение ко всем несчастьям все то время, что он остается в Сибири, он не получал никакой информации о жене, детях, семье и не знает, кто из них еще жив.

9 июля, воскресенье. Сегодня утром Антоний пошел к офицеру, от которого за консультацию получил pro hono^oragio два молодых огурца. Петр, Мариан и я пошли на службу в местную церковь, а потом обошли почти всю деревню, спрашивая, можем ли мы купить на обед цыплят, курицу или поросенка. Непонятная дороговизна и обдирательство возмущают нас на каждом шагу. За курицу от нас хотели не меньше 80 копеек, за маленького цыпленка 50, а за поросенка 1 рубль 20 копеек. Все несравнимо дороже, чем в Тобольской губернии. Мы заходили также и к попу, который по собственному желанию переехал сюда из Воронежа, а сейчас об этом жалеет. Он принял очень вежливо, угощал хорошим чаем, с умом разговаривая о нашей судьбе. Вскоре после этой прогулки нас навестил офицер с женой, а сразу после него пришел поп и принес нам курицу, за которую не принял оплату, прося, чтобы мы не отказывались принять этого его подарка. Он долго сидел у нас, рассуждая об обычаях местного населения, утверждая, что оно в основном ленивое, бездеятельное и склонное ко всяким преступлениям. И мы уже давно замечаем то же самое.

10 июля, понедельник. О, драгоценная моя Пелагия! Сегодня день твоего рождения, день такой святой для меня и на протяжении нескольких лет так радостно с тобой отмечаемый. Сегодня я отмечаю его с разбитым сердцем, со слезами... Чрезвычайная грусть и тоска полностью овладели моей душой. Я слез с воза и, отдалившись от товарищей, все время шел в одиночестве, погруженный в размышления о минутах моего счастья, к сожалению так быстро минувших... В память об этом дне я сорвал пару полевых гвоздик, которые я хочу засушить в моей книге Священного Писания. О, как бы их вскоре показать тебе, драгоценная!.. Ах, увижу ли я тебя? Вдруг ужасный и неожиданный удар в твое сердце осиротил наших детушек и сделал меня навсегда несчастным?.. С февраля ни от тебя, ни о тебе никакой весточки!..

На полуэтап нас привел младший офицер, потому что господин Шахардин должен был остаться дома из-за сильного обострения «болезни», по поводу которой он хотел совета от Бопрэ. Принимает нас офицер Сидоров, трезвый, спокойный и, как кажется, неплохой человек.

В Томской губернии мы замечаем меньше порядка, чем в Тобольской, относительно дороги и мостов. Местность до сих пор неинтересная. Плоская и почти везде болотистая низина. Деревья редки, но зато более населенные, чем в той губернии. Скота много, в основном коровы и лошади, овец мало, и они невзрачные. Уже давно, то есть начиная с третьего этапа перед Каинском, мы находимся в так называемой барабинской степи, или, как здесь говорят, Бараба.

Недалеко от этой деревни (Курханы), по рассказу старика, полуэтапного сторожа, есть два больших озера длиной несколько миль, а рядом с ними огромная пуща. Возле первого живут кочующие татары, которые занимаются только охотой на лосей, оленей, медведей и волков, которых множество в этой пуще, мехами этих зверей платят налог государству.

Сегодня мы встретили нескольких человек, кажется из числа приговоренных к тяжелым работам и отсюда сбежавших. Тут повсюду говорят, что это случается очень часто, и что даже большими группами эти несчастные убегают, и во всей Сибири им никто не мешает, что и наш офицер подтверждает. Но обычно таких беглецов хватают в самой России. И что удивительно, часто приговоренным к тяжелым работам (каторга) удается, когда их схватят, превратиться в поселенцев после телесного наказания за бродяжничество. Есть такие в нашей партии, которые уже были за Байкалом и теперь во второй или третий раз идут в Иркутск.

11 июля, вторник. Кое-где можно увидеть сено на покосах или в стогах, очень маленьких и собранных неаккуратно. Пшеницы в поле мы видим мало. Возле Каинска первый раз в Сибири мы видим воз, похожий на нашу крестьянскую повозку с запряженной в него парой волов. Возле него шел хозяин (поселенец), живущий здесь уже несколько лет, родом из Смоленской губернии. Позднее мы такого уже не видели. Здесь крестьянин для работ или перемещения тяжестей использует только коней, и те почти всегда запряжены по одно-

му в телеги, выше наших, неудобные, широкие и с поднятым передком и узкие и опущенные сзади. Местные люди совсем не проявляют заботу о своем скоте и конях. Обычно эти бедные животные находятся в ужасном состоянии.

Уже несколько дней нам сильно докучают комары, тучи которых роятся кругом и которые очень ядовиты. Несколько раз мы уже уходили голодными с ночлегов, так рано нас выводят.

Сегодня утром был такой сильный холод, что чувствовался даже в кожных, а несколько часов спустя — невыносимая жара. На полуэтапе Бопрэ получил письмо Рошковского. В нескольких верстах от этапа проходим речку Каргат, берега которой недурны. Каргатский этап. И здесь мы находим открытку Рошковского.

12 июля, среда. Каспер пишет, отвечая на письма Адольфа. Антоний хочет сегодня сделать то же самое, чтобы их ответы были готовы, когда подвернется случай их переслать.

Вчера сюда привели под охраной солдата Гонсёровского, родом из Галиции, теперь возвращающегося из Нерчинска. В 1831 году он пришел в Польшу, чтобы служить в армии. Вскоре взятый в плен, он был сослан на тяжкие работы в Сибирь. И только сейчас, после жалобы австрийского правительства, его возвращают назад. Маленькая и невинная ошибка!!!

13 июля, четверг. С позавчера наш Иоахим жалуется на боль в ноге. Эта боль, сначала небольшая, усиливается с каждым днем, теперь добавились отеки, и ему уже трудно ходить. На полуэтапе принимает нас новый «хозяин», лучше и вежливей, чем его предшественник. Тот постоянно был надутый и кислый.

14 июля, пятница. Состояние ноги Иоахима ухудшается, огромный отек и невыносимая боль. Сегодня он едва смог доехать до этапа на неудобной телеге, мучимый каждым движением. Иткульский этап. Местный начальник Марынченко родом из Киевской губернии, Черкасского повята, крестьянин из имения графа Литта. Честный, открытый, человечный и очень добрый к нам. Он позволяет нам купаться в здешнем прекрасном озере длиной 10 верст и шириной 5. Мы все пользуемся этим сегодня два раза, кроме Иоахима, который не может двинуться. Жара, какую мы себе не могли представить

у нас даже в самые жаркие дни. Вода здесь невкусная, а лед дороже, чем у нас, хотя его полно у каждого жителя. Множество комаров и шершней сильно нам мешают.

Сегодня здесь был еврей из Бердичева, уже пять лет живущий тут на поселении, торгующий разной мелочью и обманывающий в Сибири так, как делал это и на Вольны. *Naturam expellas furca...*⁴⁶ Он был приговорен, как почти все его соплеменники, за контрабанду заграничных товаров.

15 июля, суббота. Смазывание ноги Иоахима камфорой, растворенной в водке, приносит немного облегчения, но очень немного. Отек не сходит, и резкая боль при любом движении. И сегодня мы купаемся, что является великим благом при нынешней жаре.

Вскоре должна закончиться так называемая степь, или болота «Бараба», и, может, дальше из-за этого будет меньше комаров.

Пользуясь хорошей порой и данной нам свободой, мы сегодня купаемся второй раз перед вечером, после чего возвращаемся выпить холодный кофе и собрать вещи на завтрашний поход. Невыносима жизнь, которая кроме неволи кандалов и беспокойства обо всем, что дорого сердцу, состоит еще из одной только упаковки, распаковки каждые два дня и смены «хозяев».

16 июля, воскресенье. На полуэтапе нас берет под свое руководство вежливый и более цивилизованный, чем другие, офицер Козловский из Черниговской губернии, ранее служивший в канцелярии. Решив все вопросы с той чернью, сразу приходит познакомиться с нами, разговаривает вежливо и мудро, пьет у нас час и остается до ночи.

17 июля, понедельник. Этап Овчинниковский. Господин Козловский — человек очень хорошего воспитания, и видно, что он бывал в приличном обществе. С нами он обходится очень человечно, также имеет чистое понятие о нашем деле.

18 июля, вторник. Мало поспав этой ночью, я перед рассветом просыпаюсь беспокойным и невыразимо грустным. Сегодняшняя годовщина, воспоминание о моем счастье, которое

⁴⁶ *Naturam expellas furca (tamen usque recurret)* — *лат.*: Хотя выгоняй природу вилами (она снова вернется) — из Горация.

год назад я отмечал с тобой, милая, стиснули мне душу непомятой болью. Так далеко от тебя заброшенный, не знающий, когда соединюсь с тобою, а более всего мучаемый беспокойством и неизвестностью, жива ли ты, я нахожусь в состоянии ужаснейшей муки. Тысячу раз в день я заливаюсь слезами при каждом о тебе и детях воспоминании и в слезах этих не получаю никакого утешения. Я могу смело сказать, что только телом остаюсь в этих безлюдных пустынях, ибо душа моя, сердце и все мысли там, где я тебя оставил...

Сегодня, не имея возможности ни устно выразить тебе мои чувства, ни прислать их в письме, но время утренней молитвы о твоём здоровье, о мужестве и силе для того, чтобы вынести удар, какой постиг нас обоих, долго-долго я смотрел на мое обручальное кольцо, и в мыслях, в душе моей я повторил все клятвы, которые я дал тебе пять лет назад. Может, Добрый Бог, этот милосердный Отец, выслушает горячий вздох, который я ежедневно возношу к нему, и благословит мои безграничные чувства к тебе, которых никакое пространство времени и места, никакие невзгоды, никакие превратности судьбы ни изменить, ни ослабить не могут. Почти каждую ночь я вижу тебя во сне. С мыслью о тебе я засыпаю, с этой мыслью просыпаюсь. О, если бы я хоть слово получил от тебя! Может, это утешение встретит меня в Томске, где я буду через две недели. На это теперь вся моя надежда.

Друг Машковский оставил сегодня на здешней стене продолжение стиха «к ласточке», и эта вторая половина так же прекрасна и трогательна, как предыдущие четверостишья.

19 июля, среда. Нам никогда не хотелось лучшего офицера, чем господин Корнелий Козловский. Мы просили его, чтобы он нас хорошо порекомендовал своему преемнику, и видно, что он сдержал обещание, поскольку новый начальник с первой минуты вежлив с нами и оказывает нам уважение. После того как он нас принял, какая-то нужда заставляет его уехать на ночь на этап, но он оставляет приказ младшему офицеру, чтобы у нас не было никаких неприятностей.

20 июля, четверг. На половине пути до этапа заканчиваются болота, то есть так называемая Барабинская степь, и здесь сразу же начинается область (по местному «округ») Колыванская. Местность здесь выглядит не настолько ровной,

как раньше. Однако мы мало обращаем на это внимание из-за неприятного холода и непогоды с сильным ветром, который ночью не давал нам спать и донимает весь день. С ногой Иоахима лучше, зато у Яцека появились язвы и сыпь на всем теле.

Тырышинский этап. Его начальник Остафьев, с которым мы познакомились вчера, так же вежлив с нами, как и на полуэтапе. Мы встречаем здесь среди солдат несколько поляков, а в деревне есть поселенцы простого происхождения из наших провинций. Деревня Тырышкино сильнее всего отличается от других тем, что дома здесь построены не в два ряда, как это обычно принято в Сибири, а разбросаны по разным сторонам, что дает приятный вид всему поселению, пересекаемому маленькой речкой Айош.

21 июля, пятница. Местный офицер очень вежлив, это правда, но совсем не бескорыстен, как его предшественник. Уговаривает нас, чтобы еду мы брали у него, а не у торговцев, а за каждую вещь велит платить себе в два и три раза больше стоимости, даже по сибирским ценам. Но еще хуже для нас его постоянное присутствие. Он почти не выходит из избы, куда нас поместил, и надоедает нам своей непомерной болтливостью. Нам всем жаль, что постоянная непогода не дает нам купаться в местной речке. Это купание мне особенно помогает.

22 июля, суббота. По прекрасной местности мы приближаемся к областному городу Кольвань, перед нами несколько деревень на пути к полуэтапу, который лежит в 3 верстах от Кольвани. А скорее это будущий город, сейчас это только бедная деревня, который будет начинаться с полуэтапа. Власти давно уже велели разметить пространство с обозначением улиц и мест для разного строительства. Из чего ничего до сих пор не выполнено, кроме учреждений и приспособлений, которые посчитали наиболее необходимыми. Кроме этапной тюрьмы есть новая городская тюрьма, есть местный палач, есть каменный склад с водкой.

На полуэтап нас приходит видеть «городничий», а вскоре потом — офицер, начальник городской комендатуры, он несколько лет жил на Подолье и долго разговаривал с нами о наших краях. С ним пришел и другой, какой-то сильно обо-

рванный офицер с маленькой дочкой, которой шестнадцать месяцев. Этот ребенок уже говорит и ходит. Я играл с ней, думая о моей Хеми, которая сейчас в таком же возрасте и, наверное, уже начала ходить и щебетать. А ее несчастный отец в 700 миль от нее стонет в кандалах, умирая от горя при каждом воспоминании!

Колывань лежит в очень красивом месте на реке Чаус. В городской комендатуре находятся сорок с лишним поляков из Королевства и наших провинций, отбывающих здесь наказание за 1831 г.

23 июля, воскресенье. В Колывани к нашей партии добавилось несколько арестантов обоего пола. Теперешний офицер Ермолаев вежлив и добр с нами. Мы идем по приятной местности. На пути у нас река Уень, в которую впадает Чаус под Колыванью. Недалеко от этапа показывается Обь, прекрасная и огромная река, намного больше всех, какие я видел в жизни, со многими красивыми островами, большего и меньшего размера. По берегу этой реки и на островах много деревьев и растений, частично известных, а частично чужих для нашего края. В общем, здесь природа более буйная и разнообразная, чем в других местах Западной Сибири. Нам говорят, что в Енисейской, а еще больше в Иркутской губернии красота и богатство природы превосходят то, что мы видим тут. Из деревьев мы замечаем множество сосен, пихт, осин, верб, ив, берез, тополей пирамидальных, серебристых и обычных, верб золотых, черных и обычных, желтых акаций, рябин, крушин, черемух и т. д., полно смородины: черной, красной и белой, малины, ежевики, несколько видов роз, какого-то кустарника с красивыми плодами, похожего на коралловую сирень, обилие разных цветов, известных нам и неизвестных, прекрасные желтые лилии, как у нас в садах, великолепные колокольчики, голубые в огромных пирамидах, но они меньше, чем наши, очень симпатичный горошек и т. д. День сегодня хороший, не жарко, поэтому мы почти весь путь охотно идем пешком, срывая цветы возле тракта.

24 июля, понедельник. Орский этап. Здесь из окон этапного жилья у нас прекрасный вид на реку Обь, протекающую в двадцати шагах отсюда. Прогулки и купание нам разрешены господином Ермолаевым, но из-за холода мы не пользуемся

этим последним разрешением, кроме Каспера, который не обращает внимание на холод и купается в Оби. Мы же долго ходим по берегу и встречаем купеческий корабль. Он возле нас вскоре пристает к берегу, и мы идем на него. Его хозяин, родом из Астраханской губернии, сосланный в Сибирь на поселение, смог постепенно насобирать столько денег, сколько было нужно на приобретение этого корабля (до 300 рублей) и наполнение его разными мелкими товарами. А продавая их, как он говорит достаточно выгодно, по местным деревням, он ведет свободную жизнь.

Оттуда мы идем дальше, все время вдоль реки, по берегу, заросшему прекрасными деревьями и разнообразным кустарником. Мы выходим в деревню через место, где много старых татарских могил бывших жителей этого края. Прогуливаясь так, мы встречаем закат, очень похожий на тот, какой бывает в Эбжизе недалеко от монастыря, если идти по дороге от Ланцкоруня... Ах, везде мысли о тебе, моя бедная жена, и о вас, любимые детки, сопутствуют несчастному изгнаннику, везде я ищу сходство с той любимой стороной, где осталось все мое счастье, куда меня сны и мысли постоянно переносят. О! Без вас, сокровища сердца моего, я даже в раю бы тосковал и грустил, а что же говорить о заточении в Сибири, пути в кандалах и без какого-либо известия от вас!..

25 июля, вторник. На полуэтап мы переправляемся через Обь на двух весельных паромах. Ширина этой реки — полторы версты в этом месте, в других, может, в три и четыре раза шире. На полуэтапе Ермолаев нас рекомендует своему преемнику Замоткину. Комары нас невыносимо мучают. Иоахим уже здоров.

26 июля, среда. Отсюда мы опять идем посреди леса, как в начале пути от Тобольска. Ташаринский этап. Жена офицера, полька из окрестностей Ломжи, как она говорит, девичья фамилия Коссаковская, похоже, что обычная крестьянка, хотя она утверждает обратное. Замужем уже пять лет, довольно приятная и молодая, забывает польский язык, а местному еще не научилась, очень ограниченная и заурядная. Хотя добрая и вежливая с нами. У нас было приятное купание в Оби. Жито еще не созревает. Только сейчас здесь заготавливают сено, и делают это лениво и неаккуратно. Еды мы находим в

этих краях меньше, чем в Тобольской губернии, а обдирают нас гораздо больше. Мы здесь нашли несколько записок от предшественников, среди них одна для меня от Теофила Чапского. Милыми словами он выражает мне свою доброжелательность, этот добрый и достойный юноша. Он вспоминает эти несколько дней, которые мы провели вместе в киевской тюрьме. Наряду с этим он с сожалением сообщает, что у него отобрали французскую книгу, которую я дал ему на память. Я был бы рад ему написать, но сомневаюсь, что выдастся случай.

27 июля, четверг. Я и Каспер снова купаемся в Оби, другие остаются играть в бостон и будут об этом жалеть, потому что вдруг стало пасмурно, и дождь, скорее всего, не даст им позже получить это удовольствие. Здесь на этапе есть казак, который служит уже 40 лет и не может дожидаться увольнения. Его сын уже на службе 25 лет. Офицер и его жена делают много хорошего для нас. Мы им посылаем кофе, чему они очень рады.

28 июля, пятница. С большим трудом мы уходим на полуэтап перед страшной грозой и непогодой. Здесь нас принимает младший офицер, добрый для нас и человечный.

29 июля, суббота. Холод и слякоть докучают нам на всем пути, то есть 36 верст до этапа. От Колывани почти все время местность гористая, оживленная красивыми ярами, долинами и холмами, покрытыми лесом, с частыми речками и потоками. Иногда это напоминает наше дорогое Подолье. До сих пор по всей Сибири мы везде видим много лечебных растений, куриную траву, или деревянку (*tormentilla*). Жители в некоторых местах ее цветки используют вместо чая.

Болотинский этап. Начальник Видиняпин нас принимает по-человечески, передавая приветы от тех, кто шел раньше и кого он вспоминает добрым словом.

30 июля, воскресенье. Уже третий день плохой, холодный и сырой. Здесь нас поместили в маленькой хате, очень темной, где мы задыхаемся, как селедки, и хотя нам можно ходить в деревню за едой, мы ее нашли мало в этой бедной деревеньке, и все дорого.

31 июля, понедельник. Окрестности гористые, красивые и живописные, что направляет наши мысли в родные стороны.

По мере приближения к Томску местность все более привлекательная. Остановившись в этом городе, мы окажемся в 1500 верстах от Тобольска. Я большую часть этой дороги прошел пешком, поскольку всегда охотно слезаю с воза и иду верст 10—15, а иногда в два раза больше. Тогда, отделившись ото всех, я думаю о жене и детях и горячо молюсь, чтобы Бог вернул меня к ним, а во время разлуки чтобы мужеством и надеждой укреплял несчастную Пелагию. Это моя постоянная молитва. Выслушай ее, Небесный Отец!

1 августа, вторник. С полуэтапа, где нас принял очень учтивый офицер Данилов, нам осталось только 73 версты до Томска. Мы все время идем по местности, очень похожей на некоторые места на Подолье. По дороге мы видим огромное множество известных и неизвестных нам растений в цвету, а среди них срываем сегодня один огромный цветок, который, как считает доктор Бопрэ, относится к виду, называемому лоникамень (*saxifraga*). Этот цветок, амарантовый с белым, на высокой ножке, распустившийся в форме большой тарелки, небывалой красоты и мог бы украшать столик в самом модном салоне. С правой стороны от нашей дороги тянется длинным поясом недалеко от нас прекрасный пихтовый и еловый лес, слева — цветущие луга, а в них местами группки разных деревьев, как бы специально посаженные по примеру садовых клумб.

Некоторые из местных крестьян занимаются пчеловодством и имеют с этого значительный доход, продавая белый мед, такой, как на нашем Побережье. Хотя жизнь здесь и довольно дорогая, по сравнению с тем, как было в Тобольской губернии, все-таки до сих пор при экономии и небольших добавках из своего кармана нам хватало казенных денег (по 6 грошей на день). Но кругом говорят, что дальше нас ожидает сильная дороговизна.

2 августа, среда. Вариухинский этап. Здесь мы великолепно купаемся в маленькой речке Зимник, впадающей в реку Томь. С полуэтапа мы шли каменистой дорогой, на которой полно различных мелких необычных камней. То же самое мы находим и в этой деревне Вариухино, лежащей в очень красивом месте. Антоний насобирал себе уже полный мешочек таких камешков, среди них есть совсем неординарные.

3 августа, четверг. Сегодня утром, будучи у господина Данилова, я видел его ребенка, сына в том же возрасте, что и мой младший сын. Мне даже привиделось сходство с моим ангелочком, и я непроизвольно залился слезами, целуя и лаская этого ребеночка...

Против обычного, мы вышли с этапа достаточно поздно. Пройдя большую половину пути, идущего по лесу, сбежали из партии два военных дезертира, присоединившихся к нам в Каинске. Одного из них (приговоренного к 1500 ударам розгами, которые он должен был получить в Томске) солдаты и казаки догнали сразу же, и раненного несколько раз палашом, сильно избитого сосновыми кольями, едва живого привели назад. Этот несчастный не может удержаться на ногах и падает без чувств. Несмотря на это, разъяренные солдафоны били лежащего по спине прикладами и железными ланцшотоками до тех пор, пока офицер со всей своей строгостью не положил конец этому дикому издевательству над беззащитной и неподвижной жертвой. Почти неживого кладут этого бедолагу на телегу, едущую прямо перед нами. Ничто не может выразить нашего ужаса и возмущения при виде этой жестокости, избиваний и глумления солдат над бедным, беспомощно лежащим. Каждую минуту его дергают, осыпают ужасными проклятиями и оскорблениями, хотя о том, что он жив, свидетельствовали только конвульсивные судороги во всем теле...

4 августа, пятница. Второго вчерашнего беглеца схватить не могли. Казак заметил его и догнал, но прежде чем он успел вытащить саблю из ножен, тот сильным ударом железного «наручника» (цепи на руке) ранил казака в голову и исчез в чаще. Искали его вчера и сегодня, но напрасно. Схваченный вчера мученик еще жив, и сам Данилов на полуэтапе занимается им с большой человечностью. Новый офицер, под власть которого мы здесь перешли, Москвин, так пьян, что едва может стоять. Однако нам неприятностей не делает.

Та красавица из нашей партии, о которой раньше я писал подробности, полученные от Машковского, совсем необычайные чувства пробудила в своем любовнике, о которых нам сегодня рассказывал Машковский. Этот любовник искренне решил для того, чтобы не расставаться с Минодорой, разделить ее судьбу, и для выполнения этого постановления он

поменялся своей фамилией и прошлым с другим арестантом, приговоренным к тяжким работам, надел его кандалы (предназначенных на поселение отправляют без кандалов), и так его уже записывают на протяжении нескольких этапов. Но Минодора, хотя и сильно тронутая таким доказательством преданности, не хотела, однако, подвергать любовника неприятностям, которые ожидали его после присвоения чужого преступления и наказания, поэтому она пыталась отговорить его от этого намерения. Но просьбы и уговоры были напрасными. Из-за постоянного беспокойства она тяжело заболела. Только тогда Кузьма (так зовут любовника), боясь за ее жизнь, поклялся ей отказаться от своего намерения. Но тот, кто получил его имя, был рад, что избежал «каторги», и даже говорить не хочет о возвращении прежнего положения вещей. Кузьма за деньги находит в партии другого желающего для кандалов и каторги, который за пару десятков рублей продает ему свой приговор на поселение. Поэтому любовники снова возвращаются к первоначальной угрозе расставания в Красноярске или же должны решиться на опасность побега. К счастью для них, неожиданный случай вывел их из этого грустного положения. Кузьме удалось склонить женщину, идущую на поселение, к тому, что за 20 рублей, полотно на рубашку, платок и ситец на платье согласилась принять фамилию Минодоры со всей ее виной и наказанием, отказываясь от своего имени и приговора к поселению именно в том месте, куда Кузьма после новой уступки получил назначение. Теперь уже оба совершенно спокойно и счастливо ожидают момента прибытия на место, чтобы там пожениться. Какой богатый сюжет для человека, с талантом писать занимательные романы!

Прекрасные окрестности над рекой Томью, текущей широким потоком, через которую мы переправляемся на двух больших весельных паромах, и мы видим третий паром в форме маленького корабля, украшенный раскрашенным павильоном и приготовленный для переправы князя Горчакова, которого вскоре тут ожидают.

Возле самой реки мы встречаем нескольких мужчин, возвращающихся с охоты, кажется, из высшего общества, кроме них две дамы, прилично одетые и, как слышно, польки. Но офицер не допускает никаких разговоров.

За рекой мы видим Томск, на расстоянии еще нескольких верст — большой и красиво расположенный город. Но, не доходя до него, нас и всю партию останавливают в недавно построенной тюрьме. Это огромное четырехугольное здание, двухэтажное, сейчас вмещающее почти 600 заключенных и по крайней мере еще столько же способное вместить.

Глава восьмая

Томаш Мрозовски.— Бесчеловечный стряпчий.— Солдаты-поляки.— Друзья получают здесь письма из дома.— Католическая церковь.— Заместитель губернатора.— Вдовья лепта солдат-соотечественников.— Католическое кладбище.— Корнелий Карпинский, солдат.— Марковский поселенец.— Он объясняет разницу между нашим и местным пчеловодством.— Красивые лесочки.— Малина.— Ян Дубинский: таинственный человек.— На этапах высокое о поляках представление.— Мое завещание.— Деревня Кия.— Доктор Вежбицкий.— Голубев. Вроцлавянка.— Английская книжка.— Крестьянка из Вологды часто совершает паломничество в Почаев.— Ачинск.— Городничий Риттер.— Часовня.— Не знает, какой он национальности.— Тарковский Фортунат, подолянин, начальник этапа, из всех — самый лучший.— Именины Лесневича.— Горы, похожие на Медоборы.— Красноярск.— Предложение сбросить оковы принято без сопротивления.— Занимаем квартиру палача.— Требую встречи с губернатором.— Прокурор.— Католическая часовня.— Прекрасные окрестности.— Губернатор Копылов.— Родной язык превыше всего.— Из-за болезни отделение от друзей.— Прощание.— Новые друзья.— Впечатления от вида Фридриха Михальского.— Господа Подберезки.— Губернатор знает латынь.— Пишу ему на латыни.— Посещает нас и удовлетворяет требования.— «Публичная библиотека».— Прощание с Подберескими.— Берега Енисея.— Белки.— Подробности об Иркутске.— Петр Вылежинский.— Землячка, жена трактирщика.— Известие о Волконском и Трубецком.— Канск.— Зарезанный ребенок.— Частые разбои.— Франчишек Врублевский; служил у Кароля Ружицкого и Дверницкого.— Испорченность народа.— Предводитель казаков.— Охота на разных зверей.— Цена шкур на месте.— Золотодобывающие шахты.— Перловский.— Барятинский, ссыльный по делу 1825 г.— Жена офицера Урадова.

Под Томском, в тюрьме, 4 августа, пятница. Мы застаем здесь из числа наших предшественников Томаша Мрозовского, который решил отделиться от них и соединиться с нами. В томском батальоне около ста поляков, сосланных сюда за 1831 год. В тюрьму приезжает стряпчий⁴⁷. Упрекает за то, что нас находит всех вместе и незапертыми, приказывает надзирателю в отношении нас соблюдать чрезвычайную строгость и велит запирать нас только по трое. Что тотчас же и делается, а кроме того, у нас отбирают трубки.

Из солдат-поляков учтивым сердцем и особой доброжелательностью к нам отличаются: Фаустин Раковецкий из Королевства, Скульский Миколай и Воронецкий. Оба последних из Подолья. Раковецкий имеет высшее образование и неординарную душу. Он охотно берется за наши поручения и быстро их исполняет.

5 августа, суббота. Сегодня утром нам всем велят идти в город, а там ведут нас в какое-то управление. В городе, очень широко, построенном на двух горах и на равнине над рекой Томь, мы замечаем много приличных, имеющих правильную форму, хотя, может, и не с европейским вкусом построенных каменных и деревянных домов, многие другие строятся сейчас. Друг Мрозовский, находящийся здесь уже неделю, рассказывает нам, что в Томске есть несколько очень богатых купцов, владеющих золотыми шахтами, что они живут в роскоши и с восточным размахом, привозя разные предметы не только из Москвы и Петербурга, но и из Парижа, Вены и Лондона, что магазины здесь наполнены разного рода товарами, что мы и сами видим, проходя мимо пяти или шести торговых домов и открытых магазинов.

В Экспедиции дают нам по одной рубашке и по одной паре таких брюк, какие мы получили в Тобольске. Но, сделав это около десяти часов, сразу после нашего прихода, напрасно нас держат до двух часов дня, пока не закончился досмотр всей партии. Один из чиновников, сжалившись над нами, велел принести несколько стульев, дюжину калачей, пару десятков огурцов и ведро квасу.

⁴⁷ Стряпчий — чиновник для специальных поручений (судебных, при губернаторе и т. д.).

В самом конце отдают Лесневичу два письма от жены, а другие два от своих семей получают Кисель и Подхороденьский. Я надеялся здесь также найти известия от моей жены или хотя бы упоминание о ней в письмах к друзьям. Но увы! Даже и этого последнего утешения не имею, поскольку оба письма жены Лесневича были написаны из Киева, а значит, в них не было никакого упоминания о том единственном, что еще удерживает меня в этой жизни... Значит, мои надежды оказались напрасными! Отдали мне только письмо от Мархоцкого Кароля из Тобольска, написанное в середине июня, в котором он жалуется, что ни с Подолья, ни от отправленных из Тобольска до Берёзова госпожи Фелиньской и госпожи Жонжевской никакого ответа не получил.

Из окошек в Экспедиции нам хорошо видно маленький католический костел на пригорке, поставленный в красивом месте и хорошо построенный, с близким домом, квартирой настоятеля. В Томске служат два священника-доминиканца, принадлежащих к Могилевской епархии ⁴⁸.

Возвратившись в острог, мы узнаем, что во время нашего отсутствия приходил прокурор, о котором Мрозовский говорил мало хорошего. Мы застаем здесь полицмейстера и ему сообщаем требование увидеться с заместителем губернатора, поскольку сам губернатор, генерал Бегер, сейчас находится в Барнауле, городе этой губернии, где находятся горные фабрики. Полицмейстер требует, чтобы мы сказали ему о наших намерениях, но мы отказываемся, заявляя, что нам необходимо видеть начальника губернии и что только ему самому мы хотим сказать. Господин полицмейстер не очень вежлив, настаивает, чтобы сказать ему. Тогда я прибегаю к своему давнему средству и затыкаю ему рот заявлением, что мы в Наивысшее Имя требуем личной встречи с начальником местной губернии. Он ушел, уже ничего на это не сказав, но два часа спустя приехал к нам заместитель губернатора, господин Дубецкий или Добецкий родом, как говорят, из Малороссии.

Он очень вежливо с нами разговаривал, выясняя у каждого отдельно наши требования. В общем, мы все просили не

⁴⁸ В это время в Томском приходе были доминиканцы: настоятель Хиероним Хрынчель (ок. 1820–1868) и викарий Рудольф Юргелевич (ок. 1809–1852).

объединять нас с партией как на пути, так и на этапах и полуэтапах, давать нам везде три отдельные подводы, позволить нам отсюда написать нашим семьям и, наконец, о том, чтобы нас тут не замыкали, как захотелось господину стряпчему. На все эти просьбы он ответил сразу же, что все их исполнит. Что касается последней, добавил только, что Каспер Машковский будет заперт, поскольку по отношению к нему есть такой приказ. Кроме того, Кисель и Подхороденьский, которым с письмами прислали деньги, одному 100, а другому 200 рублей, просили выдать им по крайней мере часть этих денег на насущные нужды. Господин Дубецкий и в этом пообещал исполнить их просьбу, предупреждая только, что может приказать им отдать только маленькую часть из этих денег.

Когда очередь дошла до меня, я спросил, могу ли я говорить по-польски или по-французски. Он ответил мне на польском языке, что умеет говорить по-польски, что он недавно вернулся из Литвы, где был прокурором, и что ему хорошо известно наше дело. Я кроме вышеназванных, общих для всех просьб еще просил, чтобы мне можно было отсюда написать просьбу к царю. Но он ответ на это отложил до завтра. Сильнее всего я просил священника для исповеди и подготовки к смерти, которая в моем теперешнем состоянии упадка сил и угасающей жизни, чувствую, уже приближается. Он выслушал мои просьбы с вниманием и, кажется, даже с сочувствием. Но к сожалению, после минуты раздумий заявил, что этого требования он исполнить не смеет и должен решительно отказать.

Оставаясь у нас достаточно долго, он поручил полицмейстеру, чтобы тот подробно записал требования каждого и еще сегодня представил ему. Перед своим отъездом он приказал всех давних арестантов, чьи камеры выходят на тот же коридор, что и наши, немедленно перевести в другое место, а нас до самого отъезда из Томска велел не запираť нас ни днем ни ночью, кроме одного только Машковского, но и ему также на обед, чай и т. д. разрешено будет к нам приходиться.

Сегодня, когда мы шли в Экспедицию, из магазина в городе выбежал молодой человек и как пожертвование для нас всунул мне в руку десять грошей серебром. А на обратном пути из Экспедиции нам добавили казака с приказом, чтобы нам с жителями, а им с нами по пути не разрешал разговаривать.

Поэтому казак постоянно разгонял толпы прижимающихся к нам зевак.

6 августа, воскресенье. Утром приехал полицмейстер и с ним советник из Экспедиции ссыльных. Привезли нам собственноручную резолюцию Дубецкого на наши требования, так, как он обещал вчера. Но к царю он писать не разрешил, отказал также в исповеди и священнике. Этот же господин советник привез с дюжину четвертей почтовой, несколько листов простой бумаги, перья и т. д. Все сразу же начали писать. Я кроме письма своей жене написал также и моей матери, при этом ответил еще на письмо Мархоцкого. Раковецкий принес дроздым разные покупки и запас некоторых продуктов в общий котел. Мне очень жаль, что этому достойному земляку не удалось продать моего перстня с камнем, хотя он и был с ним в нескольких местах.

7 августа, понедельник. Выезжаем отсюда не слишком рано. Приезжает полицмейстер, а сразу после него — прокурор. Первому мы вручаем письма, написанные вчера, на которые он дает свое утверждение. Прокурора мы просим, чтобы письма, которые могут сюда прийти для нас, он велел отослать в Красноярск, а не в Иркутск. Он пообещал. Соделай так, Боже, чтобы когда я приеду туда через месяц, найду там наконец такое желанное известие от жены! Мне хотя бы убедиться, что она жива, и я уже был бы счастлив, несмотря на кандалы, болезни и все страдания!

По всему городу нас сопровождают зеваки, которых разгоняют казаки. Некоторые жители выносят пожертвования по несколько копеек, хлеб, булки и т. д.

При выезде из города нас встречают Скульский, Раковецкий (которому Иоахим на память дает мешочек для табака своей работы, вложив в него карточку с нашими фамилиями) и другие солдаты-поляки. Они нам приносят печеную говядину и дают 5 рублей. Этих денег мы брать не хотели, но наконец, будучи не в состоянии противостоять сердечной настойчивости и слезам, с которыми все просили, чтобы мы не отказывались от этой маленькой помощи бедных земляков, мы приняли эту «лепту вдовы», растрогавшись до наивысшей степени. О Господи! Вознагради их добрые чувства нашим общим счастьем!

За городом находится огромное русское кладбище с церковью, достаточно красивой, в березовом лесу, с перемешанными могилами и памятниками. Рядом с ним маленькое католическое кладбище, к сожалению уже достаточно наполненное могилами наших земляков, изгнанников!.. Их трупы на это место не сопровождал никто из наиболее любимых родных... ни одна могила не украшена памятью сыновей, супружеской, родительской, братской любви!.. Равнодушный, может, даже ненавидящий, проклинаящий взгляд бросит прохожий на место, где покоится прах, когда-то оживленный самым благородным, самым святым чувством!.. О, как же горька, как ужасна мысль, что и нас может ожидать такая же судьба!..

До полуэтапа от острога 35 верст, окрестности в основном ровные, пустые и грустные. Только с середины пути край меняет свой вид и становится более приятным.

8 августа, вторник. Деревня, в которой мы ночевали, прекрасно расположена. Жаль, что нам не дали сегодня получить наслаждаться ее видом, торопя с выходом. Из-за вчерашнего слишком долгого пути сегодня с ночлега до этапа было только 14 верст. Местный офицер Девилье, как говорят солдаты, сын французского графа, сосланного в наказание в Сибирь, так сильно вчера и сегодня пьяный, что ему невозможно было сказать ни слова. Его заменяет младший офицер, добрый и умный человек. Халдеевский этап. Здесь все очень дорого.

Нас поджидала новая неприятность. Повар из партии, который готовил нам есть, был оставлен в Томске каким-то советником себе в услужение. Там остался также и тот украинец Микола, который нам очень помогал. Жалко его нам всем.

9 августа, среда. На этом этапе служит наш земляк подолянин Корнелий Карпиньский из Брацлавицкого повята, взятый в плен во время восстания 1831 г. под Майданком и тогда сосланный сюда солдатом.

Вечером друзья идут на прогулку, а я из-за сильной головной боли остаюсь на месте. Они были в пасеке, которая находится недалеко отсюда, где живет земляк Марковский, подолянин из Плоськирова, дворянин, уже пожилой человек, в 1831 году, как многие из беднейших дворян, только за то, что поляк, сосланный в Сибирь. С любезным гостеприимством он

принимал моих товарищей и рассказал им о различиях между нашим и местным пчеловодством. Здесь ульи делаются иначе, чем у нас. Они гораздо больше, с длинным отверстием сверху вниз на пол-локтя, достаточно широким, которое закрывается всовываемой подвижной доской и служит для выжимания меда. Пчел здесь не убивают, как у нас. Мед отборный и совершенно белый, может, из-за того, что здесь редко где сеют гречиху и ее очень мало, хотя опыт из разных мест убеждает, что это может хорошо получаться.

10 августа, четверг. Уже несколько дней есть спелая малина, растущая здесь дико, которую мы в большом количестве встречаем возле самой дороги. Ягоды такие большие и хорошие, как у нашей садовой. Местность довольно красивая. Мы видим славные большие и меньшие лески молодых берез, попеременно с елками, лиственницами и пихтами.

В половине пути от полуэтапа деревня Хрестинино. Здесь нас встречает какой-то человек и усиленно приглашает на чай, выпросив на это позволение у младшего офицера (сын графа был так пьян с пяти утра, что и шагу не мог ступить, и сдал командование младшему офицеру). Мы охотно принимаем это приглашение и входим в первую от въезда избу. Наш Амфитрион — это дворянин (как говорит Ян Дубиньски), который еще маленьким ребенком был увезен графом Хрущевым из Виленской губернии. Его судьба вела по удивительным дорогам, пока не стал ссыльным. Наконец, он вырос здесь до чиновника при выкупе самогонки и живет неплохо. Он мало и таинственно говорит о себе. Здесь его считают русским, он зовется Гразин. Не женат, лет ему 32—34, польский почти совсем забыл.

На полуэтапе нам приходится долго ждать, пока офицер закончит строгий досмотр всей партии. Наконец, нас пускают в конюшню, не перетрясая наших вещей. В конюшне на стене мы находим несколько строк мелом от наших предшественников. Они сообщают, что от Томска им приходится идти пешком. Мы же рады, что в Наивысшее Имя выпросили себе три подводы. Но Томская губерния вскоре заканчивается, и мы не знаем, удастся ли нам это и дальше.

Местный офицер Стрекаловский — очень вежливый человек и, что более странно, кажется, не подвержен пьянству.

Здесь меня снова удивляет сходство его мальчика с моим старшим ребенком. Глаз от этого мальчика оторвать не могу. Этот старше на полгода моего сына, но мне кажется, что мой повыше. О, любимые детки мои! Везде мысль о вас преследует меня непрерывно и то раздирает, то укрепляет мою больную душу. Великий Боже! Позаботься о них и сохрани им мать! С самого Томска я чувствую себя очень нездоровым. Спать не могу, а прежняя боль в боку и груди вернулась. Напрасное ожидание в Томске письма от жены, пожирающее беспокойство и даже предчувствие наисильнейшего для меня удара каждый день меня добивают. Я стараюсь отвлечься, обращаю внимание на другие предметы, насколько могу, избегаю погружения в себя. Напрасно! Те мысли и воображения всегда пересиливают.

11 августа, пятница. Кое-где мы начинаем видеть пшеницу в снопах на поле. Здесь только начало жатвы, и это в таком году, о котором жители везде говорят, что не помнят такого теплого и хорошего лета. Но похоже, что тепло уже заканчивается, поскольку уже два дня мы чувствуем неприятный холод, и местные люди жару уже не обещают.

Переправа на пароме через маленькую, но весной или после дождей широко разливающуюся речку Яй. Ишимский этап. Деревня Ишим чудно расположена. За три версты видно ее на горе, и этот вид поразил нас сходством со многими нашими деревнями. Церковь в красивой готической архитектуре. Фунт хлеба здесь по 4 с половиной копейки, дальше будет еще дороже, потому что в Енисейской губернии саранча сожрала пшеницу. Первый раз в этом году покупаем свежий картофель и зеленый горох. Поселенец один, немец, уже тринадцать лет здесь живущий, принес нам в дар от своей жены картофель и зеленые огурцы. А когда мы ехали по деревне, встретили проезжающего господина Асташева, чиновника при золотодобывающих шахтах, который нам дал 5 рублей. Поселенцев из наших провинций и из Королевства мы встречаем везде. Край здесь гористый и красивый. На дороге множество мелких камешков, и среди них есть необычные и прекрасные.

12 августа, суббота. Есть здесь солдат Кшижановский, полянин из Балтского повята, взятый в плен в восстании под Дашовом. В основном в Сибири все солдаты-поляки из наших

провинций не забыли польский язык, а из Королевства со- сланные ужасно коверкают язык.

Кроме малины, земляники, клубники, смородины, ежевики здесь нет никаких фруктов. Есть еще маленькое растение, сте- лющаяся, а на нем маленькие ягодки красные и кислые. Здесь она называется «костяника», а на Волыни «каменица».

13 августа, воскресенье. На полуэтап мы сегодня выезжа- ем вопреки нашим ожиданиям поздно. Потому что согласно приказу томского губернатора нам везде дают по три крестьян- ские подводы, отдельно для нас кроме контрактных обычных для каждой партии для вещей арестантов. А крестьяне, заня- тые сейчас жатвой, не спешат предоставить эти дополнитель- ные подводы. Но мы на это не сердимся, поскольку нас ничто не торопит к концу нашего путешествия — к «каторге»! Партия сегодня вышла за два или три часа до нас. Зато мы едем со- вершенно отдельно, и первый раз не нога за ногой. Офицер дает нам для охраны двух солдат, а сам остается дома. На полуэтапе нас принимают младшие офицеры достаточно не- плохо. Офицера нет.

14 августа, понедельник. Слякоть и холод сильно мешают. Почытанский этап. На нем человечный и умный начальник Дементьев. Довольно рано здесь сеют озимые. Когда ехали, мы местами видели жито, которое уже хорошо укрыло землю. Но озимой пшеницы здесь совсем не знают, сеют только яро- вую, и ее, по сравнению с житом, немного.

15 августа, вторник. На этапах такое высокое имеют пред- ставление о поляках и об их способностях ко всему, что жена господина Дементьева просила вчера Лесневича, чтобы он уко- ротил ей чепец к наряду. Он кое-как смог открутиться от этой работы, но зато теперь ему придется кроить шапку для офице- ра такую, как моя.

Фунт хлеба здесь стоит 5 коп., дальше будет дороже. Я очень слаб и сильно болею. В рот взять ничего не могу, за всю ночь ни на минуту не уснул.

К нам уже на самом деле заглядывает осень. Этой ночью был такой сильный мороз, что после восхода солнца иней ле- жал на земле по крайней мере еще два часа.

16 августа, среда. Непогода с сильным холодом сопрово- ждает нас с полуэтапа, где мы не застаем ни офицера, ни

новой охраны, а что еще хуже, сгорела полуэтапная тюрьма. Поэтому нас хотели затолкать в какой-то старый острог. Но во многих местах нашей страны рогатый скот и другие домашние животные размещаются в гораздо более чистых и просторных местах. Противно было от одного вида этого места, в котором со всей толпой злодеев и с солдатами мы должны были находиться до самого утра, почти все сутки! Офицер, который нас сюда привел, не смел давать здесь свои распоряжения, когда его власть здесь уже потеряла силу, и он с большим трудом наконец дал себя уговорить приказать десятнику, чтобы нам дал жилье в деревне. И здесь тесно, но, по крайней мере, чисто и спокойно.

17 августа, четверг. Только ночью приходит за нами новая охрана, без офицера. Поздним утром мы отсюда отправляемся, и снова ненастье до самого этапа. Но и сейчас мы едем отдельно от партии и где-то на час раньше ее приезжаем на место. Подбельницкий этап. Его начальник и наш «хозяин» Проскурин хорошо себя ведет по отношению к нам. Здесь оказывается солдат-подольнин, Соколовский Элиаш, из Ольхопольского. Он был в восстании под Дашовом и везде. С восстания ушел в Галицию, а оттуда, обманутый «Манифестом», вернулся назад, и здесь его отправили из Каменца вместе со многими другими, также обманутыми. Добрый и умный человек. По пути вчера и сегодня мы встречали нескольких осадников из Подолья и Волыни.

18 августа, пятница. И сегодня непогода весь день. Нас навещает офицер, вежливый, умный и добрый к нам.

Здесь я закончил переписывать начисто все мои показания, рассказы, просьбы и письма, то есть все то, что я писал по своему делу. Этой работой я занимался довольно долго. Я постоянно болею и все больше теряю силы. С Томска почти не сплю. Прежние боли в боку и груди с сильной головной болью снова вернулись и теперь мучают меня постоянно.

Также я переписал начисто написанное в Киеве свое завещание, то есть мои последние приветы жене, детям, семье и всем, кто дорог мне. Об этом завещании я сказал Иоахиму. Он мне поклялся, что если я умру, то это письмо вместе с остальными, которые я приготовил, и с этим дневником, вер-

нувшись на родину, отдаст моей жене или их перешлет ей еще до этого, если ему подвернется такой случай.

19 августа, суббота. Полуэтап в деревне Кия, на довольно большой и быстрой реке с тем же названием. Эта деревня состоит из трех тысяч жителей, хорошо расположена, раскинулось широко. Проводит свои ярмарки кроме воскресных рынков. Здесь живет Франчишек Вежбицкий из Белостоцкого, доктор вильнюсской школы, за полученное за счет государства образование отправленный сюда на шесть лет государственной службы. Он здесь только год. Сразу же после нашего прибытия приходит к нам. Молодой, приятной наружности, светлый, вежливый. Он дает нам самовар и сливки к чаю, извиняясь, что не может угостить нас в своем доме, поскольку «хозяин», который теперь нами владеет, этого не позволил. Я прошу его продать здесь мой перстень, который ему вручаю, а он искренне обещает этим заняться. Одновременно с ним мы знакомимся с Ровиньским Теодором из Минской губернии. Он по собственному желанию приехал служить в Сибирь надзирателем за поселенцами. Я не могу понять такого «собственного желания». Хотя он тоже после нескольких лет службы здесь очень об этом жалеет и хочет вернуться на родину. Местный офицер Еремеев — простак и постоянно пьян. Он нам почти не докучает, но уже и то неприятно, что он не позволил быть у Вежбицкого.

За фунт хлеба мы уже платим по шесть копеек. Вчера мы встретили несколько семей из Красноярска, которые из-за нехватки хлеба (там пуд житной муки продают по 4,5 рубля) переезжают на заработки в Томск. Саранча нанесла огромный урон.

20 августа, воскресенье. Славный земляк Вежбицкий пришел мне сказать, что хотел мой перстень продать богатому купцу Голубеву, который, не покупая его, прислал мне 15 рублей. Это огромная помощь в моем положении, правда. Но как же больно принимать такие пожертвования!

Подводья для нас приходят очень поздно. Переправа через реку Кию на весельном пароме. Мы едем одни, потому что партия нас уже давно опередила. По пути первый раз в Сибири мы видим кусок поля, засеянный убогой гречкой. От нее будет мало пользы, когда уже наступили морозы. Жатва

и сенокос здесь сталкиваются с настолько сильными морозами, что жнецам приходится разводять в поле костер, чтобы согреться во время жатвы. Деревня Суслово. Здесь сгорело этапное здание. Нас размещают в бедной избушке, тесной и темной, в которой нас мучает ужасная жара. Есть мы себе готовим на дворе, и там нам приходится оставаться, только на ночь возвращаемся внутрь и задыхаемся здесь как селедки. Вечером мы празднуем именины Гольиньского Яцека, который нас угостил пуншем, купив в Кие бутылку арака.

21 августа, понедельник. Неудобный ночлег никому из нас не дал спать. Я ужасно страдаю и очень ослаблен.

Здесь есть два поляка-солдата, хорошие и услужливые парни, особенно же один из них, зовущийся здесь Якубовским. Его настоящее имя Казимеж Павловский, родом из Варшавы, сын генерала Павловского, когда-то командира 6-го пехотного полка, в котором служил мой родной брат Юзеф Сабиньский, переведенный туда от саперов.

22 августа, вторник. Полуэтап в деревне Тяжино, многолюдной и в прекрасном, среди гор, покрытых молодым лесом, положении.

Офицер Конищев утопил сознание в самогонке. Управляют им подчиненные, доброжелательные к нам. Невыразимо неприятные в нашей компании ссоры прекращаются только иногда, но, к сожалению, постоянно возобновляются. Но кто бы поверил, что «дух власти», своего рода абсолютизм может вкрасься и к нам? Странное, ужасное между нами — и еще в таком положении! — явление. *Ou l'ambition va — t'elle se nicher!*

23 августа, среда. Господин Конищев позволяет, чтобы мы ехали впереди, а мы и рады получить это послабление небольшой ценой в виде полштофа ⁴⁹ самогонки для него, которую он велел нам приготовить, когда мы остановимся на этапе. Итатский этап. Мы приезжаем сюда по крайней мере за три часа до офицера и партии. Жена офицера, немка, родом из Вроцлава, учитывая, умная и добрая женщина, очень обрадовалась тому, что мы с ней говорим по-немецки. И именно сегодня моя очередь служить нашей компании дает мне возмож-

⁴⁹ 1 штоф = 1/10 ведра = 1,23 л; полштофа = 0,61 л. — *Ред.*

ность несколько раз с ней увидеться. Она любезно дает нам от себя бесплатно всякую снедь. Вечером оба приходят к нам на чай и сидят у нас до позднего вечера.

24 августа, четверг. Нас уже давно удивляет, что из евреев, посланных в Сибирь на поселение, обычно за контрабанду, бо́льшая часть из вильнюсской или других литовских губерний, как будто сыны Израиля в наших провинциях меньше занимались этим промыслом. К Бопрэ часто приходят посоветоваться по поводу своих болезней офицеры, их жены, крестьяне и солдаты. Он даже мог бы на этом зарабатывать, но не заботится об этом. Кажется, что он не любит свое ремесло, которым так в совершенстве владеет наряду с тысячью других знаний.

От нашей любезной Вроцлавянки мы получили две неожиданные в Сибири редкости. Сегодня она дала нам три арбуза из своего парника, размером с большие яблоки, незрелые и невкусные, и при этом дала мне одну английскую книгу, которая осталась у нее еще с Вроцлава. Это своего рода грамматика, с выписками прозой и стихами. Я рад этому подарку, потому что в моем жалком положении каждая какая-нибудь книга — это великое благодеяние.

25 августа, пятница. Мы выезжаем в ужасное ненастье, по крайней мере, хорошо, что отдельно от партии. Останавливаемся на половине пути в деревне и, сильно продрогнув, согреваемся там горячим молоком. Направо мы видим пояс гор в отдалении — кажется, хребет Алтайских гор. В деревне Боготульск на полуэтапе нас принимает младший офицер. Здесь на ближайший государственный винокуренный завод, на тяжкие работы, отправляют одного из партии, декретом предназначенного тут остаться.

26 августа, суббота. Наш младший офицер, добрый человек и совсем неглупый, позволяет нам ехать отдельно впереди. Но из-за непогоды, грязи и того, что сломалась одна повозка, мы не очень можем спешить. Есть еще и такая неприятность, что почти 30 верст не будет никакой деревни и мы до этапа будем ехать голодными. Вчерашние горы ближе и выразительней, а окрестности украшает разнообразие видов, оживленных достаточно большой и широкой рекой Чулимом. По дороге мы видим немного гречихи на покосах, видим также косящих

сено. В эту-то пору! Жатва здесь и вполноу не закончена. Красноречинский этап расположен в захватывающем, высоком месте, откуда и пояс гор, и река Чулим со многими поворотами, и деревня с красивой церковью, а вдалеке большая винокурня прекрасно видны. Начальник этого этапа Лалетин сразу приходит познакомиться с нами, довольно вежливый. Только странно, что он нам несколько раз повторяет «будьте спокойны».

27 августа, воскресенье. Как в Боготульске, так и в пяти вестах отсюда есть государственная винокурня. С нее к нам приходит некий господин Орлов, молодой человек, который, как нам рассказывает, из Московского университета за политические преступления был приговорен к тяжким работам и уже два года находится в этой винокурне. Но работает только учителем у надзирателя. Однако нам кажется, что он немного рисуется перед нами и что не всему следует верить. Вскоре после него приходят из этой же винокурни трое приговоренных туда в солдаты в отдел охраны работников. Все трое были сосланы за 1831 год. Из них один подолянин из Ольхопольского, Козловский, был в восстании с Юлиушем Корсаком. Второй из Воыни, из монастыря лущих бонифратеров Ковалевский. Третий из Королевства. Старый солдат, не помню его фамилии. Позднее оттуда же пришел к нам Мачей Томашевич, из Вильно, гражданский чиновник, за какой-то проступок на службе приговоренный к тяжким работам. Но от них отделался сразу же после прибытия и сейчас работает в канцелярии за небольшие деньги. После них появился Павел Сикорский, родом из Королевства, за военную службу во время революции 1831 года и за хранение запрещенных газет посланный сюда на тяжкие работы. Достойный и очень умный человек. И на этом этапе есть трое солдат-поляков, а один из них — подолянин Радецкий из Балты, двое других из Королевства.

Грустное и постоянно одинаковое наше положение способствует наводящей скуку однородности и однообразию в этом дневнике. Но это было бы еще более неприятно и болезненно для меня, если бы я каждый день высказывал чувство сожаления и тоски о жене и детях. Мои страдания постоянно усиливаются. До Томска меня поддерживала надежда, что там я найду известие от жены, и это укрепляло мою жизнь. Сей-

час товарищи говорят мне, что обманутое в Томске ожидание может вознаградить мне письмо в Красноярске. Но какое-то страшное предчувствие не дает этой надежде проникнуть в мое сердце...

28 августа, понедельник. Дождь с этой ночи льет непрерывно, и мы выезжаем в такое ненастье. Через 14 верст после этапа огромный каменный столб возвещает конец Западной и начало Восточной Сибири и границу Енисейской губернии, главный город которой — Красноярск. В половине пути до Ачинска, областного города этой губернии, мы входим в первую избу в достаточно людной деревне. Здесь мы находим хозяина — крестьянина, переехавшего из Вологды. Его жена, очень гостеприимная, сильно отличающаяся от коренных сибирячек, любезно угощает нас горячим молоком, которое нам, промокшим и промерзшим, кажется наилучшим деликатесом. Она рассказывает нам, что отсюда часто совершает путешествие в Почаев. Этим пользуется друг Антоний и оставляет ей открытку для своей знакомой госпожи Бекю⁵⁰ в Кременце. Вскоре мы видим город Ачинск, несколько лет назад еще бывший деревнею, в очень красивом и высоком месте, на реке Чулиме и малой речке Ачинке. Переправа на весельном пароме через Чулим из-за грозы трудная и долгая.

В Ачинске нас очень вежливо принял городничий, господин Риттер, и начальник местной военной части (около 90 солдат, среди которых несколько поляков) поручик Дьяков. Господин Риттер уверяет нас, что уже получил приказ дать нам три подводы. Здесь среди жителей довольно много евреев. В их числе две женщины, несколько лет назад переселенные из Каменца. Одна из них — дочь или племянница знакомого мне в Каменце золотых дел мастера Файнгольда. Нас размещают в просторной городской тюрьме, и там обходятся с нами по-человечески. Не приставляют к нам внутреннюю охрану и не замыкают нас на ночь. Вечером приезжали стряпчий с городничим. Первый спрашивает, нет ли у нас каких пожеланий или жалоб. Мы отвечаем, что нет.

29 августа, вторник. Нам здесь позволяют больше, чем в каком-либо другом месте, даже выходить в город без канда-

⁵⁰ Саломея Бекю из Янушевских *primo voto* Словацкая, мать Юлиуша.

лов. Этим Лесневич, Подхороденьский и Мрозовский несколько раз пользуются. Последний берет мой перстень, который я оцениваю в 25 рублей, если не удастся его продать по его реальной, гораздо более высокой стоимости. Мрозовский показывает его господину Риттеру, и перстень тому понравился. Мрозовский потребовал за него 40 рублей, и Риттер эту сумму заплатил.

Посетил нас надзиратель местной тюрьмы Тарасов, находящийся на службе уже 55 лет, из них 30 — на флоте. Он прошел по разным и странным путям, проплыл половину земного шара, многое видел и пережил. Отдав годы жизни службе, он дослужился до звания майора. И в конце, за какую-то ссору со старшим по званию, несмотря на множество заслуг, был разжалован и сослан сюда, чтобы служить в отделении инвалидов. Сейчас уже восьмидесятилетний старик, которому едва хватает на кусок хлеба!

После него к нам пришел часовщик, иностранец, но непонятно какой национальности. Отец его из Венеции, поселился и женился в Голландии, путешествовал по Германии и другим странам с этим сыном и осиротил его в детском возрасте. Тот несколько лет спустя попал во французскую армию, а там (как он простодушно рассказывает) начал со шпионажа. Через шесть или семь лет службы, будучи в звании офицера, был взят в плен австрийцами. Наконец отпущенный на свободу, он потребовал паспорт в Россию, по которой он странствовал вдоль и поперек, портя или налаживая часы. По собственной воле, как он говорит, попал в Сибирь. Оттуда он побывал в Бухарии, в Татарии и бог знает где еще. Эти последние путешествия он, кажется, совершал без паспорта и наконец стал поселенцем в Ачинске. Сейчас не знает никакого языка, потому что забыл то, что когда-то знал по-итальянски, по-французски и по-немецки, а по-русски не научился говорить до сих пор и, наверное, так уже останется до смерти.

30 августа, среда. Вчера нам дали ежедневное содержание, как обычно на три дня, но с добавкой по 2,5 гроша в день, и поэтому из-за дороговизны в этой губернии у нас будет по 8,5 гроша в день. Партия ушла сегодня утром, а нас задержали на весь день, возясь с поиском коней для трех подвод,

предназначенных нам. Наконец, почти вечером мы выехали. Но у одного воза, на котором я ехал с Антонием и Иоахимом, кони устают, казак возвращается в город за другими, а мы посреди леса ждем под дождем. Приходят наконец другие, но вскоре и они устают. Ливень с громом и молниями. Кое-как мы дотащились до деревни Тарутино, нового военного гарнизона, где и друзья наши, которые до дождя прибыли, и мы, промокшие до нитки, должны будем ночевать, потому что невозможно тащиться до полуэтапа еще несколько верст. Мы ночуем у польки, родом из Волыни.

31 августа, четверг. Снова ужасная непогода, и снова нам трем, то есть Лесневичу, Бопрэ и мне, хуже, чем другим, поскольку наш воз ломается на дороге под дождем. Партия и наш новый офицер уже давно ушли с полуэтапа. Наши друзья тоже нас намного опередили. Гораздо позже их всех мы наконец доехали до Кошульского этапа, начальник которого Радивонов вежлив и хорошо к нам относится.

1 сентября, пятница. Все наши вещи так промокли, что сегодняшней «дневки» не хватит, чтобы все высушить, хотя день ясный и теплый. Здесь есть три поляка из Королевства.

2 сентября, суббота. Дождь льет как из ведра. Переправляем через реку Кемчук. На другом берегу, когда мы въехали на гору, прекрасный вид на окрестности. Мы все время едем по гребню гор, покрытых лесом. На полуэтапе нет офицера, младший офицер неплохой.

3 сентября, воскресенье. Ненастье не прекращается. Ночью приехал офицер, и он же рано пришел нас будить. Кажется, строгий и неприятный, и это подтверждает неприятные слухи о нем, расходившиеся во время пути. Но вскоре мы убеждаемся, что на этот раз первое впечатление совершенно обманчиво. Он позволяет нам ехать впереди, всех пригласил к себе на обед. Мы приезжаем на этап голодные и промокшие.

Малокемчутский этап. У местного офицера нет жены. Но с ним живет родственница, госпожа Евдоксия, довольно молодая, симпатичная, умная и добрая, дочь поселенца из наших провинций Орловского. Она ведет дом и хозяйство. С нами очень любезна, передает нам привет от тех, кто ехал перед нами, как ранее, так и последних. О них всех говорит с вос-

хищением. Мы застали подготовку к нашему приему. Вскоре приезжает и офицер, хозяин дома Фортунат, сын Захарии, Тарковский, родом с Подолья, Ямпольского повята, племянник Матеуша Матковского из Видел, которого я знаю с тех времен, когда жил у Корсака Раймунда в Бачинцах.

Тарковский принимает нас у себя как родных братьев и отдает две записки Адольфа Рошковского. У него чай, завтрак и обед для нас. Его гостеприимство, сердечная любезность, искренность, добродушие наполняют нас уважением и благодарностью. Он почти не выходит из комнаты, предназначенной для нас, но не затрудняет нас своим присутствием, как другие, потому что мы видим в нем польскую простоту, открытость и искреннее сочувствие нам. Он даже ночует у нас и рассказывает нам перипетии своей жизни. Из всех до этой поры на пути добрых офицеров он, несомненно, самый лучший. Сегодня вечером мы отмечали именины Лесневича, поэтому пригласили Фортуната вместе с госпожой Евдоксией на чай, после которой первого угостили пуншем. (От самой Кии Иоахим прятал от нас бутылку рома, предназначенную для этого дня.) Фортунат развлекает нас до поздней ночи, а скорее до утра, рассказывая удивительные или комичные события из своей молодости.

4 августа, понедельник. Любезный Тарковский разрешает нам писать семьям и уверяет, что в январе сам поедет в те края. Мы пишем все, кроме Мрозовского. Я пишу два письма жене, одно на почту, при котором отдельное обеим матерям и Юзефу Хмеловскому, а второе — для передачи Фортунатом, когда он сам поедет на Подолье.

И сегодня, как вчера, милый господин принимает всех нас у себя, и мы постоянно вместе.

5 сентября, вторник. Мы отдаем наши письма Тарковскому, а он торжественно обещает, что все дойдут. Партию он отправляет вперед, а сам едет с нами, пересаживаясь во время пути с телеги на телегу. На полуэтапе он нас рекомендует другому офицеру, и тот тоже достаточно хороший человек. Фортунат из-за нас ночует на полуэтапе и приходит спать к нам в конюшню. Мы слышим от прибывшей за нами охраны и от обоих офицеров, что в Красноярске нас не ждут никакие неприятности.

От этапа начал изменяться вид окрестностей, здесь они совершенно открытые и степные. Кажется, что одну цепочку гор мы уже преодолели. Теперь леса почти совсем нет.

Оба офицера ужинают у нас. Гораздо более сносной была бы для нас несвобода, если бы всегда встречали таких начальников, как Тарковский.

Я забыл написать, что на его этапе было два поляка: Черняковский, бывший дворовый или казак Жевуцкого Вацлава, с которым он был в восстании, и Августинович из Литвы.

6 сентября, среда. Деревня, в которой мы ночевали, Заледиево, находится в красивом месте, особенно если смотреть со стороны церкви. Налево длинная цепь красных гор, которые богаты железной рудой. Местность более открытая и более населенная. Из горной цепи те, что перед нами и дальше направо, немного напоминают своей формой наши подольские Медоборы. Мы все время едем по очень красивой местности.

Красноярск. Расположенный в огромном яре и, кажется, так названный из-за красных гор, широкий, но некрасивый город, всего несколько лет как ставший столицей Енисейской губернии, на большой реке Енисей. В городе нас задерживают возле полиции, где мы замечаем всеобщее удивление из-за наших кандалов, и мы догадываемся, что предшественники входили без них. Вскоре нас оттуда отсылают в обычную тюрьму, куда нас ведет ее надзиратель, господин Лонгин Якубович, поляк из Волыни, очень вежливый с нами. Он нам рассказывает, что наши предшественники кандалов здесь не носили и что мы тоже можем их снять. Нам не нужно было этого два раза повторять. Через пару минут все оковы были брошены в угол. Приходил к нам полицмейстер Попов и приказал надзирателю и страже, чтобы нам разрешили ходить в город за едой и другими покупками. В тюрьме нам дали комнату, которую раньше занимал палач, которого временно перевели в другое место, но его звание, большими буквами написанное над входом, осталось. Я уже при самом входе объявляю надзирателю Якубовичу, что в Наивысшее Имя требую быть у губернатора.

7 сентября, четверг. Утром нас ведут в Экспедицию и там держат довольно долго, однако не столько, сколько в Томске. Мы без кандалов. Чиновники в Экспедиции, а особенно

стряпчий, не очень добры с нами. Мы требуем новые кожухи с сохранением предыдущих, в этом мы встречаемся с некоторыми трудностями, хотя наши предшественники их получили. Но наконец и нам не отказывают. Здесь мы встретили двух молодых земляков из Подолья, добровольно прибывших на гражданскую службу. Их фамилии Китновский и Подруцкий. Первый здесь женился и служит ассессором Земского суда, он оказывает нам доброжелательность и сочувствие. Другой — экзекутор ⁵¹ в Губернском суде — нам понравился не настолько, как первый.

8 сентября, пятница. Мы требуем видеть надзирателя Якубовича. Он приходит и говорит, что по моему требованию он был у губернатора, который не сказал ничего определенного. Я всегда повторяю то, что требовал на днях, снова заявляя, что требую этого во Имя Царя. Через надзирателя мы посылаем прокурору, что хотим его видеть. Он велит нам передать, что завтра будет у нас.

Здесь все очень дорого, и продавцам нельзя войти за ворота тюрьмы, отсюда проблемы в получении продуктов.

В местном батальоне есть несколько десятков поляков, сосланных сюда за 1831 год. Среди купцов есть один литовец из Гродненской губернии, лучше, чем местные, и немного лучше к нам относящийся.

9 сентября, суббота. Утром приходит прокурор Ивановский, русский, несмотря на польскую фамилию, более вежливый с нами, чем другие. Просим его приказать дать нам подводы, как из Томска, и о других обстоятельствах, в том числе чтобы мы завтра могли быть на мессе в местной часовне. Это последнее он позволяет, а об остальном обещает поговорить с губернатором. Я и ему представляю требование увидеться с начальником губернии. Он обещает, что мне это разрешат. Но результата этого обещания я весь день прождал напрасно.

Вежливый офицер сегодняшней охраны приходит со своим отцом, тоже офицером, и просят взять их письма для начальника первого этапа за Канском, мы охотно на это соглашаемся.

⁵¹ Чиновник, ведавший хозяйственными делами учреждения, наблюдавший за порядком в канцелярии. — *Ред.*

Если, как обещают, нам позволят завтра быть на мессе в нашей часовне, то я и исповедуюсь там. Постоянно болею, мои боли усиливаются с каждым днем, и все чаще я теряю силы. И поэтому, кроме прочего, у меня есть просьба к губернатору, чтобы остаться здесь на какое-то время для лучшего отдыха и какого-либо спасения, пока оно возможно для меня. А если в эти дни должна уже прийти смерть моя, то я предпочитаю умереть здесь, а не в пути.

10 сентября, воскресенье. Сегодня утром долго тянут с выдчей обещанного разрешения пойти в часовню. Двое или трое друзей, которые также собирались здесь исповедаться, изменили это решение, думая, что сегодня мы уже на мессу не попадем. Но наконец, после того как нас долго продержали в неведении, дают знать, что мы можем пойти. И вот мы под охраной одного солдата все идем на мессу в десять.

Наша часовня находится недалеко от тюрьмы, на первом этаже дома, данного для проживания местному католическому священнику, бернардинцу Томашу Снешко. Это человек среднего возраста, уже одиннадцать лет живущий в Сибири. Придя, я тотчас же попросил его об исповеди, после которой сразу наступила святая месса. Уже год не быв в храме нашего вероисповедания, как же горячо я молился там о вашем здоровье, любимая жена и дорогие детки мои!

О, если бы Бог в своем милосердии продлил мне жизнь, я просил бы его о быстрейшем к вам возвращении. О, если бы только Небесный Отец выслушал мои молитвы!

Обещанный вчера вечером визит к нам губернатора заканчивается ничем. Но мы все время пытаемся напомнить наши требования.

Окрестности Красноярска необыкновенно красивые и восхищают нас всех. Горы с одной стороны напоминают расположение Каменца.

11 сентября, понедельник. Был у нас господин Якубович, и мы снова напоминаем наши требования и его обещание, а среди них бумагу, перья и т. д. для того, чтобы писать семьям. Через него мы также пишем коротенькую записку прокурору, напоминая и ему, что он нам обещал. Я при всех этих событиях бьюсь за встречу с губернатором. Не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь. Похоже, абсолютно ничего. Может, здесь

«Наивысшее Имя» значит меньше, чем в другом месте... Впечатляет.

12 сентября, вторник. Сегодня утром ведут нас в Экспедицию, а там дают нам новые укороченные кожухи и, кроме этого, некоторым другие вещи, такие, как: ботинки, похожие на коньки, ткань на портянки и т.д. Я там заявляю, что из-за ухудшения здоровья и сильной слабости хотел бы здесь остаться на некоторое время. С этим мне велели обратиться к полицмейстеру, который на это согласился. Но что касается требования, чтобы не в больницу, а в этой же тюрьме остался до прихода и отбытия следующей партии, полицмейстер говорит, что необходимо обратиться к губернатору, и уверяет, что так и сделает.

В это время посланное нами вчера письменное напоминание прокурору о трех крестьянских подводах, об отдельных помещениях на полуэтапах и других обстоятельствах, а также о моем желании встретиться с губернатором наконец возымело свое действие. Поэтому мы убеждаемся, что «Высочайшее Имя» как везде до сих пор производило большое впечатление, так и здесь, однако, имеют влияние. Потому что в тот момент, когда мы начали есть обед, прибежал запыхавшийся Якубович, торопя меня, чтобы как можно быстрее я направился в так называемый Губернский совет, состоящий из губернатора и всех губернских председателей, куда губернатор мне велел явиться немедленно. Поэтому, бросив еду, я сразу пошел туда. Но губернатор уже вернулся домой, куда я велел посланному со мной солдату меня отвести.

Гражданский енисейский губернатор Василий, сын Ивана, Копылов, старик лет шестидесяти, сначала принял меня холодно. И когда я заговорил с ним по-французски, благодаря за позволенную честь быть им принятым, он прервал меня несколько жестким голосом по-русски, что хотя он хорошо понимает по-французски и легко на нем говорит, однако сам предпочитает говорить на своем родном языке, и слушать других говорящими на нем же, что славяне, имея прекрасный и богатый собственный язык, должны свои мысли и чувства только на нем выражать, и поэтому он будет рад, чтобы я не пользовался французским для того, что хочу ему сообщить. Тогда я отозвался по-польски, что вдвойне ему благодарен за

оказанную мне честь разговаривать с ним, когда позволяют мне мои пожелания, с которыми я пришел, высказать на моем родном языке, потому что он действительно во много раз для меня более дорогой, и, слава богу, все его достоинства я умею чувствовать. Когда я это говорил, он смотрел на меня с удивлением, а потом сказал (снова по-русски): «Я вас совсем не понимаю, на каком же языке вы сейчас со мной говорите?» — «Я говорю на одном из точнейших из прекрасного и богатого славянского языка наречии, то есть на моем родном польском языке». — «Ты не знаешь русского языка?» — «Я его немного понимаю, но говорить на нем не могу». — «Так, значит, вы не русский?» — «Нет, я поляк».

Тогда, по некотором молчании, уже мягче и с улыбкой он ответил по-французски: «Я вижу, что на этот раз надо примириться с французским языком, потому что иначе я вас не пойму». И с того момента разговор между нами шел на французском языке. А когда узнал, что я не собираюсь открывать ему никакого заговора, ни преступления, поскольку он предполагал, что именно с этой целью я так усиленно настаивал на встрече с ним, этого боялся и, видимо, по этой причине был создан сегодняшний совет, что я только прошу разрешения написать царю и то при посредничестве графа Бенкендорфа, что такое разрешение мне было дано в Тобольске, тогда он совсем подобрел. Он слушал меня с вниманием и вскоре из столовой, где меня встретил, пригласил в салон, а там, усадив меня рядом с собой, разговаривал со мной очень вежливо, даже любезно, почти полтора часа. Позволил мне писать царю и позволил остаться здесь столько, сколько захочу, не ложась в больницу, а кроме того, обещал прислать мне доктора. После чего спросил о знакомых ему людях с Подолья: Четвертинских, Зелинских, Черкасе и др., с которыми он познакомился в Вятке в 1831 году⁵². Моим друзьям он пообещал насчет подвод и отдельного размещения. При этом разрешил нам всем написать семьям.

Обрадовавшись такому успеху моего похода, возвращаясь от губернатора, я зашел к Якубовичу, который сердечно при-

⁵² В Вятку сослали польских офицеров — участников ноябрьского восстания.

нял меня у себя дома. Я познакомился с его женой, молодой и красивой сибирячкой, понимающей по-польски, обнял ее сыночка Цируса, в возрасте моего Земовита, поел у них хороший и большой арбуз, а кроме того, вежливая госпожа Якубович предложила мне прислать русские книги, за что я ее поблагодарил, объяснив, что с моим незнанием языка не могу воспользоваться ее любезным предложением. Оттуда я зашел к полицмейстеру, чтобы ему сказать, что я по позволению губернатора остаюсь здесь на более долгое время, и вернулся к друзьям, рассказав им о том, что я делал. Они были немного расстроены, что я расстаюсь с ними. Но и Антоний считает, что в моем теперешнем состоянии более долгий отдых мне очень нужен.

Вечером все друзья берутся писать письма, я пока воздерживаюсь, поскольку теперь у меня достаточно для этого времени.

Вскоре я здесь останусь один. Ведь завтра мои нынешние товарищи должны будут отбыть дальше, а другие прибыть сюда, и я задержусь на целую неделю.

13 сентября, среда. Долгая волокита с отправкой партии и товарищей из-за требуемых подвод. Наконец губернатор дает письмо, предписывающее давать нам аж до самого Иркутска по две крестьянские подводы (как здесь говорят, «гражданские»). Якубович приглашает нас всех к себе домой на завтрак. Мы нашли у него польскую книгу («Тацит» в переводе Кояловича и «Цезарь» Варгоцкого⁵³), я прошу ее, а он охотно мне ее одалживает. Я провожаю друзей до самой переправы через Енисей. Только там, на помосте, прощаюсь с ними. Мы все роняем слезы при расставании, может, навсегда! Вернувшись, я застаю доктора, который меня искал. Его прислал господин губернатор. Доктор очень вежлив и прекрасно говорит по-немецки. Жалею, что забыл спросить его фамилию. Одна полька, жена господина Подберезского, местного чиновника-поляка, прислала мне обед, варенье и т. д.

⁵³ К. Коялович. Тацит. Хроника с ухода Кесаря Августа. Варшава, 1803; А. Варгоцкий. Гай Юлий Цезарь, о войне французской, семь книг. Варшава, 1803.

Вечером пришла новая партия, а с ней наши друзья. Но из них только двое Михальских и Уминьский. Они говорят, что Янишевский остался в Томске из-за слабости, а ксендз Трынковский — из-за полного помешательства. Не могу выразить, какой болезненной для меня в первый момент была встреча с Михальским Фредериком, виновником моего несчастья... Но вскоре я приглушил это чувство, чтобы он его не заметил. Я собираюсь и дальше себя с ним так вести, как бы тяжело это ни было для меня.

14 сентября, четверг. Мои новые товарищи идут сегодня утром в Экспедицию, я остаюсь в тюрьме. Потом иду в город, чтобы купить продукты на обед. Госпожа Подберезская присылает уже готовый, который мы соединяем с нашим. Я хочу завтра поблагодарить ее за добросердечность.

15 сентября, пятница. Я утром выхожу очень рано, а после покупки продуктов захожу к Подберезским. Петр Подберезский, из Могилевской губернии родом, после многих неприятностей в родной стороне и в Петербурге, заманенный красивыми обещаниями, прибыл сюда недавно и с большим трудом получил должность надзирателя за государственной стройкой, с небольшой зарплатой. Жена его, Юзефа, в девичестве Рошковская, из той же губернии, что и он. Оба довольно молоды, но бездетны. Чрезвычайно любезны со мной. С огромным сочувствием спрашивают эти добрые люди о моих домашних. Я им рассказываю, что оставил троих маленьких детей и жену, о которой не знаю, жива ли. Они растроганы моей судьбой. Спрашивают, сколько у меня денег, а узнав о худобе моего кошелека, просят, чтобы я принял 20 рублей, сожалея, что не могут дать больше. Смутившись, я отказываюсь взять эти деньги, они оба со слезами настаивают. Я наконец их беру при условии, что им верну их из Иркутска, где (дожить бы до приезда туда) надеюсь застать материальную помощь из дома. Говорю, что подобный долг я собираюсь отправить в Кию. Что касается присланных мне Мархоцким 50 рублей, то, наверное, они уже были отданы, если хоть одно мое письмо из Старого Погоста дошло на Подолье. Пробыв у Подберезских с полтора часа, я возвращаюсь к друзьям и застаю здесь Якубовича, который обещает привести нам прокурора и обещает свою помощь в наших просьбах.

После обеда я был у Якубовича. Там узнаю, что губернатор хорошо обо мне отзывался. Здесь говорят, что господин Копылов знает латынь и древнюю литературу и что Саллюстия на русский язык переводит⁵⁴. При этом мне приходит в голову, а не мог бы я у него одолжить пару латинских книг. Может, отсылая ему письма до Петербурга, напишу ему на латыни.

16 суббота. Уже два дня вечерами я сижу допоздна над просьбой к царю, объяснением моего дела и письмом Бенкендорфу. Наконец уже все подготовил, зато сегодня проснулся с невыносимой головной болью, которая весь день меня ужасно мучает. После обеда я пошел к Якубовичу заказать муку на хлеб для нашего путешествия. Оттуда я отправился к дорогим Подберезским. А возвращаясь, зашел к полицмейстеру, чтобы попросить его о встрече с прокурором и о том, чтобы завтра участвовать в святой мессе, он пообещал и то, и другое.

Вечером я написал губернатору письмо на латыни, прося у него Тацита и Цицерона De Officiis. Правда, у меня есть эти книжки от Мархоцкого из Тобольска, но плохо изданные и таким мелким шрифтом, что, читая, я порчу глаза. Интересно, как это мое письмо будет принято? Завтра утром отнесу всю свою кипу бумаг полицмейстеру.

У Подберезских я застал солдата Ковальского из Царства, хорошо воспитанного человека, отбывающего здесь наказание за дело 1831 года. Он в городе дает уроки французского языка.

17 сентября, воскресенье. Такая же и сегодня волокита по поводу часовни, как в прошлое воскресенье. Наконец мы выходим. В часовне я застал Подберезских, Якубовича, жену офицера Обойцева, польку, в девичестве Жебровскую, и Здзитовецкого Матеуша, подолянина, который из канцелярии польского казначейства приехал искать службу в Сибири. Кроме них было еще несколько солдат. Фредерик и Уминь-

⁵⁴ О том, как разговаривал на латыни с губернатором Копыловым, к радости этого последнего, вспоминает в своем дневнике Константы Волицкий (Воспоминания о временах пребывания в Варшавской крепости и в Сибири. Львов, 1876).

ский исповедуются. После святой мессы священник приглашает всех собравшихся к себе и подает нам прекрасную печеную оленину.

Когда мы вернулись, вскоре в тюрьме побывал губернатор и задержался у нас достаточно долго, разговаривая о римской литературе и о подолянах, с которыми познакомился в Вятке в 1831 и 1832 годах. Я ему сказал, что письма для Петербург вместе с письмом для него я час назад занес полицмейстеру. Мы просим у него письменный приказ о двух подводах для нас и отдельном жилье на этапах, как он сообразовал дать нашим предшественникам. Он и нам обещает то же самое. Посмотрим.

18 сентября, понедельник. С утра полицмейстер приносит для меня от губернатора три книги: Саллюстия на латыни с переводом на русский, Горация на латыни и «Похоронные речи Боссе» по-французски, добавив, чтобы при отъезде послезавтра отдал эти книги помощнику надзирателя. Неоценимая Подберезская каждый день нам присылает обед.

Вечером мы все пишем женам, но никто не чувствует то, что я, думая, что, может, уже к мертвой обращаюсь.

19 сентября, вторник. Сегодня утром дают разрешение двоим выйти в город. Поэтому идем с Люцианом Михальским, он за покупками, а я — к Якубовичу, где обмениваю несколько фунтов бульона на два пуда житной муки. Оттуда я зашел к дорогим Подберезским, которые дают нам в дорогу несколько фунтов пшеничной муки.

Потом мы все идем в Экспедицию. На этот раз уже вежливый господин советник отправляет нас первыми и быстро. Мои друзья берут укороченные кожухи, а я — серягу, или, как тут называют, зипун, которым смогу защищать от дождя мой кожух. Когда я шел по городу, меня поразила надпись большими золотистыми буквами на большом и необычном каменном здании: «Губернская публичная библиотека». Подхожу ближе и вижу фасад этого здания без окон, только с боков два маленьких, как в подвале, окошка, а входные двери заперты на огромный замок. Два первых обстоятельства мне кажутся не очень подходящими к слову «библиотека», а последнее трудно сопоставить с прилагательным «публичная».

Достойная дорогая наша землячка Подберезская прислала нам разные запасы продуктов в дорогу. Чрезвычайно много добросердечности и хорошего отношения получили мы от обоих наших неоценимых людей. Они чувствуют все наши нужды и торопятся их удовлетворить, а делают все это с охотой, с сердечной доброжелательностью, невыразимо возвышающей каждый их поступок. Ведь они совсем не богаты...

Уже два дня, то есть от воскресенья 17 сентября, я начал учить Люциана французскому языку. Через два или три месяца он мог бы сильно преуспеть, если у него хватит терпения посвящать этому каждый день один час, на что я, однако, не сильно надеюсь.

Я сам с четвертого дня этого месяца начал учить русский язык, найдя случайно у одного из партии грамматику, которую я купил. Но должен признаться, что эта наука идет у меня с трудом. Значит, я уже менее способный, чем раньше.

20 сентября, среда. Перед рассветом мы все встаем, чтобы собраться в дорогу. В девять нас зовут в полицию, откуда я иду к Якубовичу, чтобы ему отдать наши письма. Потом направляюсь к полицмейстеру и отдаю ему книги губернатора. Он мне передал, что господин Копылов хочет, чтобы Боссе остался у меня на память. Но что меня несказанно радует, говорит мне полицмейстер, что губернатор обратил на меня особое внимание и что очень доброжелательно ко мне относится. В доказательство чего он привел его собственные слова по поводу моих писем царю и Бенкендорфу, что виновный человек не мог бы так писать и что он (губернатор) постарается, чтобы эти письма дошли до своей цели, что, со своей стороны, напишет обо мне мнение, которое, как он надеется, должно мне помочь.

Трогательное прощание с Подберезскими. Память об этих бесценных людях не покинет мое сердце до самой смерти. Их служанка Антося, как и ее хозяйева, достойная змудзинка, не отходит от нас до самой переправы, хотя до нее по крайней мере три версты от ее дома. Там она смотрит на наш паром, пока только может его видеть, и искренне плачет.

Берега Енисея необыкновенно красивы, если смотреть от Красноярска на противоположную сторону. Местные горы чрезвычайно облагораживают живописный пейзаж. Река Ени-

сей, хотя, может, и немного уже, чем Обь, красивее и ее, и всех рек, которые мы видели прежде.

До полуэтапа нас ведет офицер из Красноярска Сендеев. Он сдает нас господину Кожуховскому, от прадедов уже не поляку, но с нами вежливому, по крайней мере до сих пор.

21 сентября, четверг. Как вчера, нас восхищают горы, среди которых мы постоянно едем, замечая по пути немного больше обработанных полей, чем в других местах. Осень уже чувствительно холодная. Снег падал на днях несколько раз и сегодня падает, но нам говорят, что это еще не на зиму, только на грязь. В любом случае, тепла мы уже не ждем.

Кускунский этап. Он большей частью сгорел, но осталась квартира офицера и солдат. На половине первой размещают нас, а во второй — партию. Офицер переезжает в деревню. Здесь есть три поляка из Королевства.

22 сентября, пятница. Находящийся здесь на каком-то следствии офицер Савинский, родом из Омска, и ассессор Китносский, с которым мы познакомились в Красноярске, приходят нас навестить. Первый обещает дать письмо для своего родственника Бекера, советника Экспедиции ссыльных в Иркутске, но все только обещанием и заканчивается. Второй нас к себе сердечно приглашает и просит офицера, чтобы тот разрешил. Но, несмотря на его просьбы и ходатайство Савинского, Кожуховский не хочет нас выпустить.

23 сентября, суббота. Перед рассветом мы отправляемся в ужасный холод. Позавчерашний и вчерашний снег покрыл землю, а достаточно сильный мороз этой ночью делает неприятным путешествие на колесах, вдобавок ко всему еще и натощак. Через дюжину верст от этапа нам разрешают поискать себе еду. Мы напрасно просим ее в нескольких хатах. Наконец находим молоко у одного старого крестьянина Федора Леткова, сосланного в Сибирь во времена Павла. Человек этот, входящий в секту скопцов (за что и был сюда сослан), не позволяет нам курить трубки в своей хате. Но он очень разговорчив и довольно умен, выказывает сочувствие к нашему несчастью.

По пути извозчики и солдаты охотятся на белок, которых множество в местных лесах, довольно ловко ловят их живьем. Сибирские белки красивее наших, обычно они темно-

пепельного цвета, с более темным большим хвостом. Говорят, что есть и абсолютно черные. Сегодня поймали несколько. За каждую офицер платит по 10 копеек медью (5 грошей), а их шкурки будет продавать по 1 рублю и даже дороже.

На полуэтапе в деревне Балай я получил письмо, написанное Лесневичем, Боровским и Мрозовским. Из этого письма мы узнаем некоторые подробности об Иркутске, которые им рассказал Давыдов (русский ссыльный с 1826 года), возвращающийся с тяжелых работ на поселение в Красноярск. Сообщают также, что здесь есть трактирщик, у которого жена поляка.

Уволенный из-за ран со службы солдат, Петр Вылежинский, как говорит, племянник Яна и Юзефа, когда-то мне хорошо знакомых, а сын Валентия, двоюродный брат еще ближе мне знакомого Тадеуша, возвращается по этапам из Иркутска в Вольню. Встречается с нами и просит о письмах. Но у нас на это нет ни времени, ни места. Люциан только написал карандашом коротенькую записку какому-то своему знакомому в Житомире, а на этой записке я добавил просьбу передать привет моей жене, указав ее адрес. Вылежинский говорит, что в мае будет на месте.

Новый офицер, Богданов, мягкий и очень человечный, дает нам отдельное жилье в деревне и позволяет пойти к нашей землячке трактирщице. Я сразу иду туда и нахожу эту землячку, Катажину Храповецкую из Вольни, чрезвычайно любезную и услужливую. Она дает нам разные продукты, за которые не хочет принять оплату. Вскоре она сама к нам приходит. Берет меня с собой на чай и обещает завтра утром выпросить разрешение для нас всех, чтобы мы пришли к ней на кофе и завтрак.

24 сентября, воскресенье. Партия давно двинулась вперед. Мы остановились у нашей землячки. Ее муж, Превалов, сын богатого купца, который из-за разных авантюрных приключений и грехов молодости дошел до того, что должен жить здесь. Однако живет он довольно-таки неплохо, и, как сам признает, содержание трактира приносит ему значительный доход. Эти люди угощают нас от всего сердца и дают в дорогу множество продуктов. Наша дорога все время красиво идет среди гор. Направо нам показывают горную цепь, называемую Белого-

рьем, наверняка называемую так из-за постоянного снега и льда на вершинах.

Уярский этап. Его начальник, умный, добрый и милый человек, приглашает нас к себе на чай и на гитаре играет нам несколько украинских думок. Поляков здесь четверо. Из них один из Киевского воеводства, Томаш Билецкий, другой — из Таращанского повета, находящийся здесь за восстание.

25 сентября, понедельник. Наш милый хозяин принимает нас на обед, а вечером мы все идем к нему на чай и сидим до поздней ночи. Дай нам Боже всегда встречать таких начальников. Сегодня утром он заметил у меня русскую грамматику, которая ему очень понравилась из-за рассказов и стихов, которые она содержит. По его просьбе я охотно поменялся с ним на другую, более короткую, с добавлением географии российского государства. Теперь моя библиотечка состоит из двадцати книг на разных языках.

26 сентября, вторник. Богданов дружески с нами прощается, но сам остается для того, чтобы следить за строящейся дома фабрикой. Мы снова едем впереди партии и, приехав на полуэтап, не застаем ни охраны, ни начальника. Однако солдат, с нами посланный, потребовал и получил для нас отдельное помещение в деревне, довольно удобное. Через пару часов прибыл и новый офицер Бахаров. Он позволяет нам пойти в имеющиеся в деревне несколько магазинов, где мы с Люцианом покупаем необходимые нам вещи. Офицер обедает у нас.

27 сентября, среда. Мы едем отдельно впереди до самого этапа. Этап Ключевский, на который офицер и партия прибывают еще не скоро после нас. Здесь мы узнаем, что из Иркутска в Красноярск должны ехать бывшие князья Волконский и Трубецкой, в 1826 году приговоренные к тяжким работам, а теперь недавно отпущенные на поселение.

Может быть, мы с ними еще в пути встретимся, и это было бы хорошо. Они, имея большой опыт того, что нас ждет там, откуда они возвращаются, наверняка захотят нам помочь добрым советом и своим отношением.

28 сентября, четверг. Среди солдат на этом этапе есть пять поляков из Королевства, сосланных сюда за 1831 год. Хорошие парни, доброжелательные и помогающие нам. Вечером

они молятся вместе с нами и со слезами читают «Молитву изгнанников», подходящую к их судьбе, так же, как и к нашей.

29 сентября, пятница. Бахаров остается для какого-то следствия, но позволяет нам ехать впереди. Дорога ужасная, в противном ненастье со снегом. Пояс гор, по которым мы едем, немного снижается. На полузатопе отдельное и довольно удобное жильё. Это и отдельные подводы для нас благодаря приказу губернатора Копылова.

Здесь появляется земляк, поселенец в этой деревне, родом из Вильнюсской губернии, Александр Мачеевский. Он обещает нам некоторые услуги, но на этом все и заканчивается, поскольку мы его больше не видели.

Нам сказали, что здесь живет какая-то полька. Не имея возможности из-за ужасной грязи пойти сами, мы посылаем к ней солдата охраны; он, вернувшись, сообщает, что она лежит больная. Новая охрана, с ней офицер Рейманн, курляндец.

30 сентября, суббота. Ужасная годовщина моего пленения. О Боже! Сколько же уже расстояния, сколько рек и гор отделяет меня от тех, без которых жизнь мне кажется неподъемным грузом! Без которых моя душа иссыхает в постоянной тоске... Как ты, дорогая, отмечаешь эту несчастную годовщину? Жива ли ты?.. Увижу ли я тебя когда-нибудь?.. Какие болезненные вопросы для меня, того, кто мысли, чувства, все душевные силы там только могу найти, где моя жена, где любимые детки остались. Здесь я только страдающее тело тащу за собой...

Офицер говорит, что так близко от города (Канска) не может нам позволить ехать отдельно впереди, поэтому мы тащимся вместе с партией в ужасном холоде. Но в половине пути нам позволили немного опередить эту шайку, и мы в одной хате согреваемся горячим молоком. Мы находим в этой хате свежее сбитое масло и покупаем 10 фунтов за 5 злотых 10 грошей.

Канск. Убогое местечко, называемое так от реки Кан, на которой расположено. Нас задерживают недалеко от полиции, откуда выходит какой-то молодой человек, прилично одетый, который, прочитав наши фамилии, быстро нас отправляет.

Канский этап. Тесное помещение с солдатами. Среди них пять поляков из Королевства. Дороговизна огромная и про-

дукты достать трудно. С завтрашнего дня нам будут платить по-старому, то есть по 6 грошей в день, хотя хлеб не намного дешевле.

Здесь нас удивляет ужасный случай, недавно открытый. Из предыдущей партии женщина из-за своего любовника, который находится в местной тюрьме, чтобы остаться с ним, три или четыре дня назад зарезала ребенка еврейки, которая была в партии вместе с ней. Она сделала это хладнокровно, рассудительно и сама об убийстве, совершенном среди бела дня, заявила начальнику этапа, требуя, чтобы он ее отослал сюда. Это произошло на первом этапе отсюда.

1 октября, воскресенье. Нам разрешают идти в город, где мы покупаем некоторые запасы продуктов, в том числе просо, наш бушель⁵⁵ которого здесь стоил бы сто злотых и в два раза больше в Красноярске.

Наше пребывание в этом месте тем отличается от всех других, до сих пор нам известных в Сибири, что здесь ни городничий, ни страпчий, ни окружной не приходили смотреть на нас как на диковинных зверей, видимо, они уже удовлетворили свое любопытство на наших предшественниках.

2 октября, понедельник. С утра прекрасная погода. Мы переправляемся на двух весельных парамах через довольно широкую и быструю реку Кан. Рейманн сам не едет, но нам позволяет ехать вперед. Вскоре погода меняется на пасмурную и холодную. Когда мы проезжали через деревню Леват, казенный гарнизон, выходит ее житель, родом из Воронежа, и дает нам в дар (как говорят здесь, подаяние) несколько булок хлеба. В этих краях гораздо чаще встречаются казенные поселения, но в них множество пустых домов, везде видно крайнюю бедность. О постоянных разбоях и убийствах в деревнях, только что совершенных, нам рассказывают почти каждый день. Избы, поставленные государством, рассчитаны на четыре семьи под одной крышей, отсюда постоянные ссоры, обычно кровавые.

На полуэтапе офицер Перфильев с нами вечеряет и рассказывает о преступлении, произошедшем на его этапе, о кото-

⁵⁵ Бушель — мера емкости сыпучих веществ (сыпучих товаров, в основном сельскохозяйственных) в английской системе мер. 1 бушель = 36,35 л.— *Ред.*

ром нам говорили в Канске. Убитый ребенок лежит и дальше, ожидая следствия, а оно может начаться через 3 или 4 недели. Ночуем мы в отдельном помещении у крестьянина, поселенца из Волыни, Владимирского повята. Этот хозяин, вежливый и услужливый, вместе с женой, с которой познакомился тут, сердечно нас угощает. Он не хочет возвращаться на родину, хотя там оставил детей и мать, говорит, что помещик его сильно угнетал. Сюда он был выслан за укрывание военного дезертира.

3 октября, вторник. Отвратительная слякоть.

Этап Малый Ингаш, на котором мы находим четырех поляков, а один из них — из Волыни, Врублевский Францишек. Отец его служил в Богдановке у старого Машковского, а он у Каспера, нашего товарища. Он рассказывал нам об этой странной и болезненной для обеих сторон встрече, а рассказывая, плакал как ребенок. Обычно на этапах, где есть поляки, мы молимся с ними вместе по вечерам. Местный офицер безмерно вежлив с нами и очень добр, молодой парень. Врублевский хочет иметь «Молитву изгнанников», завтра дам ее ему на память.

4 октября, среда. Этой ночью выпало много снега, может быть, уже будет санный путь. Врублевский был в восстании в отделении Ружицкого Кароля, позднее служил у Дверницкого, в боремельской ⁵⁶ битве взят в плен. Сегодня год, как я был заточен в киевскую тюрьму.

5 октября, четверг. Выезжаем с этапа на санях. Сильный мороз с острым ветром. Горы вокруг выше, чем до сих пор. Говорят, что и дальше будет также в деревнях, государственных и негосударственных поселениях множество пустых домов, и почти везде жители в крайней нужде. Испорченность местного населения трудно себе представить. Среди женщин подлейшее бесстыдство начиная уже с десяти лет. Распространены грабежи и убийства. В последнее время нам часто рассказывают случаи, произошедшие во время нашей поездки и днем ранее. Из-за злого мелочью (здесь не видно серебряных монет) многие готовы совершить убийство. О религии

⁵⁶ Одно из сражений русских императорских войск с польскими повстанцами около местечка Баромль, на реке Стырь 19 апреля 1831 г. — *Ред.*

не имеют почти никакого представления. Мы не раз были в праздники в церкви, и из многолюдной деревни в церкви едва была дюжина человек, зато трактиры в праздники или в будни всегда полны. Мне кажется, что лень и пьянство свойственны местному населению с рождения, независимо от положения, возраста и пола.

На полуэтапе мы ждем офицера и мерзнем возле нераспакованных вещей, надеясь, что как до сих пор от самого Красноярска дадут нам жилье в деревне. Наконец приезжает господин офицер Казанцев, с самого начала грубый в отношении с нами. Жилья нам не дает, хотя у наших предшественников оно было. В итоге имеем очень плохой ночлег в толпе солдат и дюжины из партии в убивающем климате.

6 октября, пятница. Мне снился ужасный сон о моем старшем сыне. Сбереги Боже от такого несчастья! Ибо, если бедная мать его жива, это был бы для нее последний удар... Крестьяне дают нам отсюда вместо двух три подводы для своего облегчения на плохой дороге, но офицер отбирает одну для себя. Торопит и кричит на нас при сборах, и поэтому по пути на этап мы теряем некоторые вещи.

Ключинский этап. Здесь Казанцев велит нам размещаться рядом с арестантами из партии. Мы его не слушаем, он настаивает на своем, и мы делаем то же самое, поскольку у нас есть приказ вышестоящей власти от самого Тобольска, чтобы нас не соединять с партией. Наконец после долгого и шумного препирательства он велит нас отвести в солдатские казармы, но дров не дает и готовить еду не позволяет. Поэтому мы, голодные, мерзнем в неотапливаемой большой избе, где так холодно, что никто из солдат полчаса выдержать не может, поэтому мы без охраны. Несмотря на это, Казанцев, когда я ему представил, что мы слабы и что можем еще сильнее заболеть из-за голода и холода, спокойно ответил: «Меня это нисколько не касается». Мы пообещали, что будем на него жаловаться.

7 октября, суббота. Ужасный холод даже под двумя кожами не дает нам спать. Не едим ничего, кроме сухого хлеба, который был у нас с собой.

Сегодня утром приходит к нам Казанцев для досмотра казенных вещей. При случае поступает так, как обычно делают евреи, поскольку, поступив с нами так бесчеловечно, он нам

еще делает замечания. Нет другого выхода, обязательно надо жаловаться на этого грубияна, как было со Здоренко. Мы слышали, что этого последнего из-за нашей жалобы выгнали с этапа. Здесь есть только один поляк, солдат, родом из королевства, Антоний Петшак.

8 октября, воскресенье. Снова Казанцев из трех подвод одну у нас отбирает. Постоянный снег. На полуэтапе мы не застаем ни охраны, ни нового начальника. Казанцев размещает нас, как на предыдущем. Вскоре приходит новая охрана, но без офицера, с нами обходятся вежливо. Мы здесь вторично обещаем жаловаться верховной власти. Среди солдат новой охраны есть два брата родом из Новгорода, оба из секты скопцов. С одним из них знакомимся — богатый, умный и вежливый человек.

9 октября, понедельник. Здесь мы получаем четыре подводы. Но уже на протяжении трех этапов нам приходится часто заново паковать вещи в дороге, поскольку крестьяне здесь дают подводы только от деревни к деревне, меняя их иногда 2 или 3 раза на 30 верст.

В этих краях уже начинается охота в лесах на белок, колонков, горностаев, выдр, лис, медведей, соболей и т. д. На эту охоту выбирают из деревни несколько человек и едут в лес, запасшись едой на 2—3 недели, а то и дольше. Возвращаются обычно с богатой добычей и за шкуры разных зверей берут большие деньги. Один охотник за пару недель может поймать 100—150 белок, за одну шкурку на месте обычно платят 10—15 грошей. Я уже упоминал, что эти зверьки в Сибири темно-пепельные, иногда почти черные, с красивыми большими хвостами, но такой цвет они имеют только зимой, летом они похожи на наших. За шкурку колонка платят на месте 80—160 копеек медью, горностаю 60—80 копеек, шкуру выдры 25—40 рублей, лисы обычно стоят на месте одна по 5—10 рублей, но шкура темной или черной лисы стоит уже 30—200, 300 и даже дороже, соболя шкурка на месте от 5—15, 25 и 30 рублей. Сегодня на наших глазах за две шкуры убитых темных медведей заплатил солдат, вышеупомянутый новгородец, 16 рублей.

В 4 верстах от следующего этапа есть речка Бирюса, иazole нее граница Енисейской губернии. Переправа через эту

реку на весельном пароме. За ней уже начинается Иркутская губерния, в которую мы направлены, может быть, навсегда. Эта мысль вызывает во всех нас ужасные чувства...

Бирюсинский этап. Начальник Парфёнов лучше, чем о нем говорят. В Енисейской губернии этапы не настолько приличные, как в Тобольской и Томской, некоторые валяются, другие горели или недостроенные, и все не такой формы, как в тех губерниях. Этот этап также не достроен, однако у нас в нем достаточно удобное жилье. Здесь в охране есть шесть поляков из Королевства. Как обычно, добрые и услужливые парни. Молятся вместе с нами. Здесь из сермяги, то есть красноярского зипуна, еврей — портной из партии — делает для меня что-то вроде бурки.

10 октября, вторник. Снег каждый день. Его уже столько падало, что хватило бы на всю зиму у нас, но здесь, говорят, надо ожидать в 10 раз больше и еще добавляют: если зима не будет снежная. От Красноярска мы часто встречаем людей, идущих на поиски золотоносных шахт или возвращающихся с таких поисков. Нам везде повторяют, что во всей Сибири, а особенно в восточной ее части полно золотоносных жил, и что постоянно открывают новые месторождения этого ценного металла. Также мы постоянно встречаем теперь по несколько десятков подвод, наполненных чаем, в Россию.

11 октября, среда. Мы едем перед партией на полуэтап без офицера. Там мы появляемся очень рано и занимаем места в солдатской избе до прихода новой охраны. С нею приходит Войчех Перловский, солдат из Якутска, идущий под строгой охраной в Омск, куда он приговорен к 4 годам тяжелых работ в крепости за то, что заколол штыком насмерть младшего офицера, который его ударил.

Похожесть судьбы пробуждает в нас сочувствие, и мы сбрасываемся на небольшую денежную помощь для него. Он нам рассказывает об Иркутске (он вышел оттуда 18 дней назад) разные удачные для нас подробности. Но я этому всему не верю, а Перловского считаю лгуном и обманщиком. Это удивляет и сердит трех моих товарищей, которые верят его чепухе и слишком легко радуются. Старому Фридриху так понравился Перловский, что в знак взаимной дружбы обменялись табакерками из бересты, и первый сразу после этого

обмена попросил меня, чтобы я на табакерке, которую ему дал Преловский, вырезал его имя и фамилию... Между тем после ухода Преловского один солдат из новой охраны, бывший соратник того из польской армии, рушит иллюзии моих друзей, а особенно охлаждает новое чувство Фридриха, рассказывая, что Преловский — отъявленный негодяй, что ему ни в чем верить нельзя и что еще до революции он был злодеем, приговоренным к службе на пороховых складах за нападение и ограбление крестьянина на Праге.

12 октября, четверг. Для нас не скоро находят подводы, и мы поздно отсюда отправляемся. Однако догоняем и минуем партию.

Розгонский этап. Местный начальник, капитан Якимов, пошел охотиться на белок, но и без него довольно умный и добрый младший офицер размещает нас в солдатской избе. Хотя нам здесь и тесно, шум и духота, нашим предшественникам было, однако, хуже, их поместили в одном здании с партией. Нам повторяют информацию, которую мы слышим уже на протяжении двух этапов, что Каспер Машковский так болен, что с повозки на повозку его приходится переносить его друзьям. Здесь есть пять солдат-поляков из Королевства. Вечером товарищи посылают меня пригласить местного офицера на чай. Он приходит и долго с нами разговаривает о Подолье, где в 1818 году он жил несколько месяцев.

Михальский Фридрих является для меня постоянной и непонятной загадкой. То, что это он погубил меня, Гольньюско-го, Лесневича, Янишевского и других, не подлежит никакому сомнению, в этом я в глубине души очень сильно убежден, а убеждение мое основывается на очевидных доказательствах. При всем при этом мы уже месяц находимся постоянно рядом, а я ни разу не заметил в нем ни малейшего знака сожаления, даже легкого подобия раскаяния, того, что он винит себя за несчастье этих семей, благодаря ему сброшенных в пропасть... Заблуждение — слабость, свойственная человеку, это правда. Но не признать, не сожалеть об ошибке, последствия которой так глубоки и так ужасны, — это должно быть следствием какой-то дьявольской черствости... Что касается меня, то я давно уже его полностью простил, никакого отвращения к нему не испытываю, и никакой жалобы или сожаления из моих уст

он никогда не услышит. Конечно, с того времени, как мы вместе, я, насколько могу, стараюсь облегчить и разделить его несчастье и быть доброжелательным. Считаю это христианской обязанностью и стараюсь ее усиленно выполнять. Считаю, что другое поведение с моей стороны было бы своего рода проявлением немых упреков, усиливающих его внутренние муки, которые, хотя и не проявляются, совсем отсутствовать не могут... Но как бы я ни подавлял мои личные страдания, что-то большее, чем просто человеческие чувства, я к нему в себе найти не могу...

13 октября, пятница. Я хотел бы в Нижнеудинске получить разрешение писать и поэтому с сегодняшнего дня готовлю разные тексты на случай, если такое разрешение будет мне дано. О, дорогие мои жена, дети, семья! Не хочу пропустить ни одного усилия, которое даже самый слабый, едва только отцовским сердцем и умом <одно слово неразб.> какую-то тень надежды дает...

Сегодня вечером снова наш достойный капитан пьет у нас чай. Он также дает нам бесплатно квашеные огурцы, тарелку брусники и буханку хлеба. Брусника — это распространенная в Сибири ягода, красная, терпко-кислая, размером со смородину. Собирают эти ягоды со стелющегося по земле растения, которого полно везде. Сибиряки хранят ее на зиму и используют для пирогов. Сок из них довольно хорош, если его сильно подсластить.

14 октября, суббота. Здесь мы обгоняем партию и рано приезжаем на полуэтап в деревне Алзамай. Где-то через час после нас приходит новая охрана, а с ней поручик Урадов, спокойный и вежливый человек. Мы приглашаем его на обед, и он не отказывается.

Когда я пошел в деревню, чтобы купить картошки и молока, то в нескольких избах найти их не смог, пошел еще к попу, а его жена довольно охотно мне их предложила да еще и за небольшую цену. От той же попадьи я узнаю, что вчера под стражей сюда приехал какой-то господин. Подумав, а не один ли это из двух князей, ранее упомянутых в этом дневнике, узнаю, где он живет, и иду туда. Я знакомлюсь с Александром Борятынским, когда-то князем и адъютантом при фельдмаршале Витгенштейне, за дело 1825 года приговоренного к смер-

ти, потом к пожизненным тяжким работам, позднее на 20 лет. Отбыв наказание 2 года в разных крепостях, а потом 12 лет на тяжелых работах за Байкалом, теперь он наконец помилован царем и направляется на поселение в Тобольск, здесь он остановился для поиска саней для своей колесной телеги. Он мне рассказал, что встретил наших предшественников, и показал в своем бумажнике несколько слов Мархоцкому, написанных Боровским и Мрозовским. Очень мило я провел с ним около часа. От него я узнаю, что весть о Трубецком и Волконском не соответствует истине. Они до сих пор остаются на месте и уехать не могут, что они поселились рядом с Иркутском. Бярятинский рассказывает мне еще некоторые подробности о главных чиновниках в Иркутске и о нашей будущей судьбе. Бедный, больной и чрезвычайно ослабленный. Он потерял небо, грудь уничтожена, голос хриплый и такой тихий, что его трудно расслышать и понять. Словом, инвалид, хотя ему нет еще и сорока. Он сильно меня просит, чтобы я пришел с друзьями к нему на чай. Наш офицер это разрешает, и я с Фридрихом снова иду к бывшему князю. Мы пьем там прекрасный чай и видим две ложечки, присланные его сестрой из Петербурга с надписью по-французски: «Добрый день, брат!» Нежная мысль, вдохновленная женской интуицией. Светлый, очень хорошо образованный, нам оказывает истинно братское сочувствие. Когда мы шли к нему, офицер нам сказал, что еще сегодня мы поедем на этап. Первый раз от Тобольска так с нами случается, что в один день едем с полуэтапа на этап, доказательство особого благоволения господина Урадова. Но хотя нам это и понравилось бы в других обстоятельствах, сегодня мы этому не рады, потому что придется сократить пребывание у достойного мученика. Но, однако, прежде чем мы выходим от него, он дает нам написать в своем бумажнике несколько слов Мархоцкому. Я ему поручил сообщить обо мне моим близким и напомнил обещание прислать остального Шиллера и Тацита. Мы с сожалением прощаемся с Бярятинским, а вскоре после этого выезжаем на этап. Едем, как от Канска, почти постоянно среди огромного леса из сосен, лиственниц, берез, пихт и елок и все время среди высоких гор. Говорят, что в этих лесах есть и кедры, но их мы на пути не встречаем. Видим только частые следы косуль, медведей и

других зверей на снегу, который до сих пор идет почти каждый день.

В десять вечера мы прибываем на Алгашетский этап, и здесь офицер, приехавший вместе с нами, приглашает замерзших к себе на чай.

15 октября, воскресенье. Сегодня мы остались без завтрака, поскольку молоко здесь очень дорогое. Появляется солдат, едущий из Якутска, а родом из волынского Ямполья, Стефан Горошков, уволенный после 34 лет службы и возвращающийся домой, где он должен оказаться через два месяца, поскольку у него есть приказ ехать крестьянскими подводами до самого места назначения. Как и наши предшественники, мы пишем и отдаем ему письма каждый своей жене. Я письмо для моей отдаю Фридриху, который помещает его в своем, поручая своей жене, чтобы эту записку послала Пелагии немедленно. Дело заключается в том, чтобы какой-то господин Квятковский, адвокат в Житомире, знакомый Фридриха, у которого остановится наш солдат, отправил это письмо в Вербку. Столько уже раз с апреля я писал своей жене, а от нее с февраля не получил ни слова! Может, Бог даст мне утешение в Иркутске.

16 октября, понедельник. И сегодня мы без завтрака. Но уже убедились, что без этого можно обойтись. Вообще во время нашего несчастья мы едим довольно мало, что все же не вредит здоровью тех, кто его имеет. Провидение дает силу в меру несчастья.

Наш добрый Урадов обещает, что нам завтра удастся поехать с полуэтапа на этап, чего мы очень хотим, таким образом на месте дольше отдыхая. Здесь есть пять поляков из Королевства. Госпожа Урадова, услышав, как мы вчера поем молитвы, сообщила, что хотела бы на них присутствовать. Поэтому мы вечером приглашаем ее на наше богослужение. Она им очень вдохновилась, хотя слушала его как китайскую грамоту, не понимая ни слова. По рождению якутка, она удивляет нас пониманием деликатности, мало известным в Сибири. Узнав, что ее муж должен был сегодня за какой-то проступок наказать солдата, заступает за виновника только из-за того, чтобы поляков защитить от неприятного крика и зрелища, к которому они наверняка не привыкли.

17 октября, вторник. Урадов и его жена по-дружески прощаются с нами. Он нас сопровождает в пути, и мы вместе обгоняем партию, которую ведет младший офицер. На полупуте с новой охраной нет начальника, но среди солдат есть подолянин из могилевского, из деревни Котюжан, Элиаш Мамроцкий, который участвовал в липовецком восстании. Умный, оборотистый и добрый человек, сумел заслужить доверие офицера, кажется, это он больше руководит этапом. Урадов ходатайствует, чтобы мы еще сегодня поехали на этап, Мамроцкий на это соглашается и вскоре сам выезжает с нами, отдав мне сначала записку, оставленную для меня Иоахимом, который среди прочего пишет, что они скучают по мне. Повторяет также то, что писал ранее, что часто обо мне вспоминают с Яцеком, замечая с момента нашего расставания, что им постоянно чего-то не хватает. Лестные и приятные для меня слова и соответствуют тому, что я чувствую по отношению к ним.

Рано мы останавливаемся на Уковском этапе, начальник которого, господин Коптевский из Тамбова, хороший человек, но отчаянный пьяница, однако с нами очень вежлив. Вечером принесит нам бесплатно молоко и другие продукты на завтра. Кроме Мамроцкого здесь есть три поляка из Королевства.

18 октября, среда. Я уже подготовил письма, которые хочу оставить в Нижнеудинске, письмо генералу Руперту, второе письмо моей жене, повторение просьбы к царю и письма к Бенкендорфу с «объяснением дела».

Глава девятая

Нижнеудинск.— Глембоцкий.— Ян Ефимов.— Девятнадцать узников за убийства.— Саянские горы.— Начальник Яковенко. Его чрезвычайные приключения.— Павел Заёничковский.— Бучкин и его семья.— Разбои.— Бивни мамонта.— Легенды о Байкале.— Субботники.— Известие о предшественниках.— Папа Высоцкий.— Тельминская фабрика.— Наши.— Каковы их «тяжелые работы»? — Усолье.— И там наши.— В Александровске тоже.— Духоборы.— Подробности об Иркутске.— Чрезвычайное беспокойство, как бы предчувствие.— Ангара.— Иркутск.— Машков-

ский.— Прошу о встрече с генералом Рупертом.— Узнаю о своем несчастье.— Католическая церковь.— Ксендз Шайдевич.— Земляки.— Юзеф Хордыфицкий.— Ответ от Бенкендорфа.— Меня определяют на Тельминскую фабрику.— Траурная месса.— Вадковский.— Я у Руперта.— Чего требую и что получаю? — Письма.— Нота генералу Руперту.— Положение Иркутска.— Павел Каишевский.— Домбровский.— Антоний Жаба.— Переправа через Ангару.— Меня и Боровского определили на соляную фабрику.— Встреча с Янишевским.— Усолье.— Здесь наши друзья.— Начальник Мевуис очень вежлив с нами.— Рекомендует отдохнуть с дороги и добавляет, что завтра поговорит со мной.— От некоторого времени у меня есть решение, которое только завтра я хочу открыть г-ну Мевуису.

Этап на пути в Иркутск. 19 октября, четверг. Сегодня вечером мы приглашены на чай к офицеру. Его жена — приятная женщина родом из Иркутска. Они оставляют нас и на ужин, состоящий из кишки, приготовленной по-нашему с жареным картофелем и хорошо подсахаренной брусникой. Оба хозяина очень гостеприимны и предупредительны. Только то плохо, что с этим всем необходимо пить ужаснейшую водку. Но мы и на это соглашаемся, чтобы их не обидеть.

20 октября, пятница. Отправляемся в Нижнеудинск. Нас ведет Мамроцкий, поскольку господин Коптевский слишком пьян для этого. Через несколько верст деревушка Мара, здесь мы заезжаем в дом Юзефа Швидерского, из Кременского повята, поселившегося в Сибири 44 года назад, из которых несколько первых лет провел на тяжких работах, приговоренный за какой-то проступок, когда был в русской армии. Этот старик не полностью забыл польский. Но жена его, Марцианна из Урбановичей, литовка, очень хорошо говорит на нашем языке, хотя также 30 лет живет здесь с мужем. Оба гостеприимны и всем сердцем нам рады. Они угощают нас горячим молоком, а на дорогу дают нам яйца и говяжий язык, накричав на нас за то, что мы хотели за это заплатить.

Нижнеудинск — областной, прекрасно расположенный, но очень бедный городок, в который мы попадаем по льду на реке Уде. Ни в одном еще городе в Сибири (за исключением Тобольска) у нас не было такой тесной, грязной и несносной

тюрьмы. Ее нам предлагают как самое лучшее, а скорее единственное отдельное жилье.

Войчех Семяшкевич из Каменца, чиновник канцелярии Губернского управления, прибывший сюда служить добровольно и работающий сейчас секретарем в местной полиции. С нами обходится очень вежливо. Ему я объявил требование о встрече с главнейшей местной властью: областным начальником. То же самое я сказал начальнику местных вооруженных сил (состоящих кроме шести поляков из 60 растяп), поручику Фетисову. Тот советует Семяшкевичу, чтобы сам пошел к областному начальнику объявить мое требование. Господин областной обещает быть утром завтра в тюрьме, чтобы увидеться со мной. Среди поляков-военных мы знакомимся с очень учтивым и умным Глембоцкий Михалом, из Краковского родом, который отдает мне письмо от предшественников.

Но самым редким в Сибири, а для нас очень приятным явлением служит знакомство с учителем географии и всеобщей истории в местной школе Яном Ефимовым, юношей, которому только 19 лет, но поражающим высоким пониманием и благородством. Он родился в Якутске, а знания получал в Иркутской гимназии. Из благосклонности к ссыльным, нашим землякам, он научился польскому языку и с удовольствием учится нашей польской истории. Как ко всем нашим предшественникам, так и к нам он тянется всей душой и телом. Глембоцкий рассказывает нам, что здесь живут под полицейским надзором Кшемовский и Гадомский, оба из Королевства, но мы с ними не встречаемся. У Ефимова есть способность к поэзии, и он неплохие стихи сочиняет на своем языке. Пушкина знает наизусть. Это первый сибиряк с такими благородными чувствами, который появляется на нашем пути.

21 октября, суббота. Господин Чаусов, областной начальник, повторно обещает сегодня свое присутствие в тюрьме. Но я напрасно жду его с приготовленными письмами, которые адресовал генерал-губернатору Восточной Сибири Руперту с личным к нему обращением. Я постоянно настаиваю на встрече с господином областным, прося об этом в «Наивысшее Имя». Посылаю заявить об этом городничему. И тот обещает быть, но не показывается.

В этой тюрьме есть 19 человек, недавно арестованных за убийства.

Ефимов и Глембоцкий постоянно с нами. Первый дает мне «Историю государства Российского» и несколько номеров периодического журнала «Телеграф», чтобы мне было что читать, уча теперь русский язык.

22 октября, воскресенье. Мне придется взять с собой и привезти в Иркутск пачку, вчера приготовленную для господина областного. Но при этом я хочу пожаловаться на него генералу Руперту, если тот, как я надеюсь, не откажется меня выслушать.

Глембоцкий выводит нас на несколько верст за город. Мы постоянно преодолеваем горы, и их цепь с каждым разом кажется все выше. Это Саянские горы. Цепь Алтайских гор тянется от Енисейска. Здесь на пути мало снега. Окрестности все время красивые. Несколько уже дней подряд нам служит теплая погода. На полуэтап почти одновременно с нами прибывает наш новый «хозяин», Манков, вежливый и трезвый. Мы приглашаем его на чай.

23 октября, понедельник. Очень грустный, ужасный сон я видел о моей жене. Боже, отвори от меня это величайшее из всех несчастье. Трудно мне отойти от впечатления, которое этот сон произвел на мой разум. Бедное сердце предчувствует огромный удар... Но может, это только плоды озабоченного воображения... Мы выезжаем вперед партии и быстро оказываемся на Худоеланском этапе. Манков приезжает к нам и дает хорошее помещение. Здесь есть четверо поляков; из них Ян Шелеховский — подолянин, из деревни Поповец, Могилевского повята, наследственный владелец части этой деревни; взяты в плен во время восстания 1831 года.

24 октября, вторник. Этой ночью я почти не спал из-за сильной боли в груди и в боку, с постоянной тошнотой. Здесь нам рассказывают, что наш друг Машковский уехал отсюда очень больным.

25 октября, среда. Гостеприимный господин Манков перед отъездом приглашает нас к себе на завтрак, то есть на квартиру в деревне, потому что здесь этап не достроен. Потом едет вместе с нами. Мороз такой сильный, как у нас редко бывает в конце декабря.

На полуэтапе новая охрана приезжает не скоро. Но зато новый ее начальник, господин Яковенко из Полтавской губернии, охотно соглашается еще сегодня ехать с нами на свой этап. Двое саней (из них первые), на которых Фридрих, Уминский и я, отправляет вперед, а сам остается с Люцианом, которого перед выездом ведет к своим знакомым, и оба только ночью приезжают на Кужанский этап, где застают нас троих в беспокоестве, ожидающих Люциана с чаем. Яковенко тоже с радостью его с нами разделяет и долго еще у нас беседует.

Важный иркутский купец Н., который находится в этих краях, чтобы купить житную муку для продажи, узнав, что с партией прибывает несколько поляков, приходит на сегодняшний полуэтап и там видится с нами. Человечный, очень вежливый и полный наилучших побуждений, спрашивает нас, может ли он быть чем нам полезен. Мы все просим его помочь отправить наши письма семьям. Но эти письма здесь писать невозможно. Он обещает нам, что по своим делам должен побывать в нескольких окрестных деревнях, чтобы там заключить контракты на муку, но второго числа будущего месяца он обязательно будет в деревне Куйтун, где есть этап нашего пути, и там постарается с нами встретиться. Поэтому у нас много времени для приготовления писем, которые он обещает доставить на место назначения, поручаясь, что способ на это найдет.

26 октября, четверг. К нам спящим приходит утром наш добрый полтавец Яковенко и всех приглашает к себе на чай. Мы в ответ приглашаем его на свой обед, который ему очень понравился. Он рассказывает нам разные интересные и необычные приключения своей жизни. Я упомяну здесь о них, потому что думаю, что когда-нибудь дорогой Стах Долива, или Олесь Верыха, или кто другой с их талантом может в этих страничках моего дневника найти тему для написания романа, комедии или занимательной драмы.

Господин Иван Созонович Яковенко, человек небогатый, но молодой и очень красивый, а при этом любимый и подерживаемый своими командирами офицер, смог понравиться молодой и красивой девушке Евдокии Петровне Наумовой и руку ее получил, и хотя не без труда, но произошло его соединение с дочкой одного из богатейших купцов столичного

города Москвы. Но вскоре после медового месяца этот союз становится адом для нашего полтавца, поскольку госпоже очень понравился другой офицер этого же полка, Ермолов. Он, чтобы избавиться от ненужной помехи в своих любовных утехах в виде мужа, вместе с госпожой Евдокией придумали хитрость, какую им, должно быть, сам сатана нашптал. Ермолов пишет просьбу царю, подделывает подпись Яковенко и просит перевести на службу в сибирские батальоны. А поскольку он родственник известных людей в столице, то сумел добиться быстрого представления просьбы царю, у которого мало добровольцев в Сибирь, и тем благосклоннее он отнесся к просьбе офицера. Он сразу же велел послать Яковенко приказ направиться в Иркутск, с повышением в звании и с деньгами на дорогу. Бедный полтавец, этим событием как молнией пораженный, правда, легко мог раскрыть подделку, но, с одной стороны, его пугало влияние соперника в столице, с другой стороны, в таком необычном случае, видя единственный способ избавиться от невыносимых неприятностей, постоянно устраиваемых красивой женушкой, он поспешил выполнить полученный приказ и прибыл в Сибирь, где остается уже несколько лет. Но это еще не конец и развязка всей истории. Его благоверная, через какое-то время брошенная Ермоловым, ищет утешения в объятьях какого-то доктора, а узнав о его неверности, хватается за нож и наносит ему глубокие раны. Арестованная и посаженная в тюрьму после долгого процесса, она была приговорена на несколько лет тяжелых работ в Иркутской губернии. И ее муж недавно получил известие, что она уже отправлена из Тобольска и идет с партией других преступников и что через два-три месяца она никак не минует этот этап.

Вот зарисовка, отражающая факты, к которым я ничего не добавил и в которых я ничего не отменил. Мне кажется, что или Стах, или Верихо, или кто другой, настолько же талантливый, как они, легко здесь найдет сюжет для романа или для кротофилии⁵⁷, если им захочется эту вещь показать с смешной стороны, но наверняка каждый из них сможет извлечь *le mot pour rire*. Но если бы они захотели написать

⁵⁷ Кротофилия (*устар.*) – короткое, веселое представление, фарс.

серьезную драму, то я думаю, что при их таланте известная немецкая «Ненависть к людям и сожаление» (Menschenhass und Reue⁵⁸) в сравнении выглядела бы очень бледно. Здесь у них есть все, что обычно ищет драматический писатель: страсть, интрига, удивительные события и неожиданность. Еще добавлю, что муж сам не знает, какие чувства у него вызовет встреча с женой. В его речи то прорываются гнев и жажда мести, то можно заметить следы не угасшей до сих пор привязанности. Поэтому решения для пишущего: *ad libitum*.

На этом этапе есть шесть поляков: все из Королевства за 1831 год, кроме Дионизия Заборовского, который из Балтского повята, в отделении Еловицкого Эдварда находившийся до восстания, взят в плен под Майданком.

27 октября, пятница. Утром мы пьем чай у Яковенко, а он ест обед у нас. Омуль, рыба местных рек, похожая на большую селедку, жирная и вкусная. Мы сегодня были в бане, я только для того, чтобы помыться, а не париться, как другие. Не могу привыкнуть к этому сибирскому развлечению.

Вечером полтавец приглашает нас на чай. При нем по местному обычаю водка и рыба омуль (не жареная, как у нас, а только соленая), которые так мне навредили, что, едва выйдя из избы, я упал без сознания, потом сильная рвота и невыносимая головная боль. Мои товарищи, более здоровые и сильные, счастливо преодолевают это сибирское угощение.

28 октября, суббота. Мы отсюда выезжаем очень рано, и нам дают для троих саней хороших коней. Полуэтап в деревне Тулун. Здесь есть магазины, мы покупаем в них сахар (фунт очень плохого по 3 золотых 10 грошей).

В этой деревне живет «заседатель» Павел Заёнчковский. Как земляка, мы хотим его увидеть и идем в его квартиру. Мы обнаруживаем его через полчаса после приступа судорог, от которых он страдает уже несколько месяцев. Он растроган нашим появлением и принимает нас очень обходительно. Бывший солдат Наполеона, он дослужился до звания поручика с двумя крестами: Почетного легиона и польским. Участвовал в 30 с лишним битвах и несколько раз был ранен. Недавно

⁵⁸ Август ф. Котзебу. Menschenhass und Reue (1819).

уволился с должности ассессора⁵⁹ нижеудинского земского суда⁶⁰, желая вернуться на родину. У него есть родственники в Королевстве и на Волыни. Несмотря на теперешнюю службу, он сохранил любовь к родине... Но что удивительно, он почти совсем разучился говорить по-польски, хотя прозу на нем пишет хорошо, да и стихи, смешные и совсем неплохие. Он читал нам отрывки из очень занимательной рукописи на польском языке «Мое путешествие из Варшавы на Камчатку». Дал нам 25 рублей. А поскольку с нами был и солдат-поляк Заборовский, то и с ним надо делиться. Наши 20 рублей из этого пожертвования идут в общую кассу. Он дал нам еще каждому по несколько четвертьфунтовых упаковок довольно хорошего табака вакштафа⁶¹.

После нашего возвращения от него прибывает новая охрана без офицера, но руководящий ею младший офицер позволяет нам сегодня ехать на этап. Выезжаем. Но Заёнчковский возле своего дома останавливает наши сани и приглашает нас на чай. Мы прощаемся с ним уже поздним вечером, а он обещает завтра быть у нас на этапе. Каждой из предыдущих партий, в которых были наши, он также жертвовал по 25 рублей. Это добрый, хотя несчастный человек, сомневаюсь, что он долго проживет при своем пьянстве, из-за которого, как я думаю, и появилась его болезнь.

Переправа через реку Ию, по льду, с опасением, что он сломается. Это достаточно большая река, и в другое время здесь переправляют партии на двух весельных паромах. Уже очень поздно мы приехали на Шарогульский этап. Местный офицер, господин Дубинский, наверное, уже спал. Нам в неотапливаемом помещении холод всю ночь не давал спать.

⁵⁹ Сабиньский понимает слово «ассессор» в прямом переводе с латинского (*лат. assessor*) — заседатель, хотя в России слово «заседатель» существовало самостоятельно. Слово же «ассессор» существовало в сочетании «коллежский ассессор», т. е. гражданский чин VIII класса по «Табели о рангах». — *Ред.*

⁶⁰ Согласно справочной литературе (Месяцослов и общий штат Российской империи на 1839 г. СПб., 1840. Ч. 2. С. 314.) Павел Францевич Заиончковский занимал должность заседателя в нижеудинском земском суде в 1838 г., но чина коллежского ассессора не имел, а был губернским секретарем (XII класс по «Табели о рангах»). — *Ред.*

⁶¹ Вакштаф — вид турецкого табака.

29 октября, воскресенье. Утром нас навещает местный начальник, предки которого, как он говорит, были из Волыни, но родившийся в Москве, довольно добрый простак, но горький пьяница. По-польски он немного понимает. Принимает нас чаем и рад с нами побеседовать. Рассказывает, что Бопрэ слабо надеется, что Машковский выживет.

Здесь есть три польских солдата, двое из Королевства, а третий — Гжегож Тарнавский, из Винницкого повята, подолянин. Он участвовал в восстании 1831 года с Запольским.

30 октября, понедельник. Заёнчковский сюда не приезжал, несмотря на обещание. Нам очень жаль.

31 октября, вторник. Мы узнаем, что этой ночью приехал Заёнчковский. Перед нашим отъездом я иду к нему, чтобы заступиться за солдата Тарнавского, которого обидел один крестьянин из этой деревни. Заёнчковский очень рад, что я его навещил, уверил, что еще сегодня восстановит справедливость с Тарнавским, и оставляет меня на чай, на который приходит и господин Дубинский. От Заёнчковского я узнаю новые подробности его жизни. Он родом из Волыни, но отец его купил имение в Киевской губернии, Радомышльском повяте, где с отцом живет брат нашего нижеудинского ассессора Лонгин, второй брат, Каетан, находится в Красноярске на поселении за какой-то грех молодости, а третий его брат живет в Англии, где женился на дочери богатого фабриканта Перкинса. Наш сибирский заседатель — кальвинистского вероисповедания. У него в Варшаве было две жены и пять сыновей. Они все поумирали, и он уже десять лет как вдовец после второй жены. Рассказывает, что у него в Варшаве есть дом стоимостью 80 тысяч злотых. Странно, зачем он его бросил и добровольно поехал на службу в Сибирь. В Варшаве он был соредактором «Леха»⁶², а потом с Гжималой издавал «Белого Орла»⁶³ Он говорит, что в этих обоих (журналах?) есть статьи его авторства, подписанные: «П.З.» или знаком «XV». В революции

⁶² «Лех», польский журнал, посвященный литературе, отечественной и современной истории. Варшава, 1823–1824. Т. 1–2.

⁶³ «Белый Орел», издаваемый вместе с Войчехом Гжималой (1793–1871) — член Патриотического общества, участник ноябрьского восстания. Ред. Бруно Кичиньский, Теодор Моравский, Юзеф Брыкчинский. Варшава, т. 1–3, 1819–1820.

1831 года, как русский солдат, он был взят в плен и удерживался в Ченстохове под командованием Вылежинского Тадеуша, а позднее Эузедия Семянковского. Вернувшись от него, я застаю друзей уже собравшимися и готовыми к дороге. Партия отправляется, а мы все заходим к Заёнчковскому вместе с офицером и там едим на завтрак рыбу селенгу⁶⁴, запеченную в тесте, что местные называют «пирог».

На полуэтап мы приезжаем быстро и этому очень рады, поскольку сильный мороз нам сильно докучал. Но здесь, несмотря на наши усиленные просьбы и ходатайство предыдущей охраны, младший офицер новой, большшй грубиян, не хочет нас сегодня отправлять на этап. Ужасный ночлег среди пьяной солдатни в постоянном шуме.

1 ноября, среда. Мороз сильнее, чем был до сих пор, а нам долго приходится его терпеть, поскольку вчерашний грубиян не позволяет ехать вперед, но велит тащиться за партией.

Куйтунский этап. Его начальник, Портовой, офицер-фельдшер, не показывается. Нас помещают в холодной избе, с большим трудом мы получаем дрова, чтобы растопить печь. Как будто в Сибири проблема с дровами!

2 ноября, четверг. Господина офицера мы не видим. На этом этапе есть три поляка из Королевства. От Нижнеудинска мы замечаем (насколько можно увидеть на снегу) больше обрабатываемой земли и немного более открытая местность.

Пользуясь найденной по счастливой случайности несколько дней назад возможности написать домой, эти несколько дней я подготавливаю очень длинное письмо для моей матери с подробным объяснением всего того, что было в Киеве и позднее до сего дня. Я также приложил копию своей объяснительной и всех писем по моему делу. Также я добавил письмо к моей жене. И всю эту пачку (не очень объемную, поскольку я писал на очень тонкой бумаге, чрезвычайно мелко и сжато) адресовал Теодоре Хмельвской. Сегодня я это вручил доставочному кушцу, усиленно уверяющему, что хотя, может, и не скоро, но зато обязательно это письмо будет в Каменце. И здесь нам повторяют грустную весть, что Каспер опасно болен.

⁶⁴ Селенга — согласно Далю, рыба, идентичная омулю.

3 ноября, пятница. На протяжении всего нашего пребывания мы не видели офицера с ланцетом и не жалеем об этом. Но хуже то, что он велел не давать нам дров и света тоже жалел. Поэтому нам было холодно, темно и голодно. Сегодня очень рано прислал нам сказать, чтобы мы вымыли пол или наняли за плату кого-нибудь для этого. Мы отвечаем, что это никогда не было нашей обязанностью и здесь мы тоже не собираемся этого делать. Младший офицер относит этот ответ Портовому, который ему приказывает, чтобы он заставил нас выполнить предыдущий приказ. Я на это снова от имени всех отвечаю, что мы сразу же дадим денег для того, чтобы нанять кого-нибудь для мытья полов, и не только здесь, но и во всех казармах, если только господин офицер даст нам на письме такой приказ, который мы потом представим вышестоящему начальству. Младший офицер вернулся с этим к своему начальнику, и тот наконец соизволил оставить нас в покое. Отправляемся, волочась, как позавчера, нога за ногой. Сильный мороз с ветром сильно нас мучает. Мы добираемся до полуэтапа в надежде, что новый офицер нам сегодня позволит выехать на этап. Но офицер не приезжает, а младший офицер не смеет этого сделать. Поэтому нам пришлось ночевать тут.

4 ноября, суббота. По крайней мере сегодня младший офицер отправляет нас перед партией, за что мы благодарны, поскольку мороз сильнее, чем вчера, еще на несколько градусов, такой сильный, что солдаты с трудом полчаса смогли выдерживать на внешней охране. На пути мы замечаем достаточно большие пространства обработанной земли, больше, чем везде в трех предыдущих губерниях, хотя эти площади у нас едва можно было бы назвать маленькими лужайками.

Кимильтейский этап. Его начальник Бучкин, поручик, очень вежливый, сразу к нам приходит и послушно исполняет все наши желания. Один из нас идет в деревню, но не находит там ничего на обед, а поскольку наши дорожные запасы тоже исчерпаны, то нам приходится сидеть на хлебе и чае.

5 ноября, воскресенье. Вежливый поручик сегодня утром пьет у нас чай и приглашает нас его навестить. Вскоре после этого присылает нам хорошую булку, картошку, морковь и несколько омулей бесплатно. В этой ужасной деревне, хотя и многолюдной, ничего невозможно достать. С большим трудом

нам приносят несколько фунтов пшеничной муки, которая выглядит как у нас житная грубого помола.

После обеда приходит к нам Бучкин и ведет Фридриха и меня в свою квартиру в деревне, где мы знакомимся с его женой, очень умной, гостеприимной и очень разговорчивой женщиной, а также с их шестнадцатилетней дочерью, довольно красивой девушкой. Они нас принимают любезно. Мы пьем хороший чай со вкусными калачиками, кроме того, вежливая хозяйка дает нам разную выпечку для наших друзей. Уже сам приход в их дом дал нам хорошее представление о жителях. Мы увидели чистоту и образцовый порядок, а при этом стены — белые, по-нашему, для чего госпожа Бучкина привозит известь из Иркутска, отсюда 300 верст, для того только, как сама говорит, чтобы сохранить традицию своего края (Малороссии), по которому она постоянно тоскует. О наших братьях из предыдущих партий она вспоминает очень хорошо и всех здесь навещала, а нас просит, чтобы мы в Иркутске передали от нее привет.

Здесь говорят, что под Иркутском происходят частые грабежи и что несколько месяцев назад двенадцать разбойников с суконной фабрики рядом с Иркутском напали на проезжающего купца, ограбили его и убили средь бела дня на большой дороге, и на свежие следы этого разбоя наткнулась наша жена поручика с дочерью, возвращаясь из Иркутска. О подобных событиях можно услышать почти каждый день, несмотря на строгие меры, предпринятые генералом Рупертом, который уже многих таких злодеев велел насмерть засесть розгами, так стало и с этими двенадцатью разбойниками. Дочка нашего офицера, госпожа Анастасия, очень полюбила польский язык. Кто-то из наших предшественников написал для нее польский алфавит — печатный и письменный, и она по нему, как говорит, учится читать и писать. Когда мы с ними прощались, все трое пожелали нам вернуться на родину, и это с таким искренним, таким сердечным чувством, что и они, и мы были растроганы до слез.

На этом этапе есть три поляка из Королевства, как все их товарищи, сосланные в Сибирь за 1831 год.

6 ноября, понедельник. Я забыл написать, что позавчера мы встретили шесть или семь подвод, нагруженных бивнями и

другими костями мамонтов, которые направлялись из Охотска и Якутска в Россию. До этого я имел слабое представление о величине этого животного.

Сегодня утром господа приходят вместе с нами попрощаться, говорят, что этот шаг считают своей обязанностью, и вторично нам желают самого желанного счастья, то есть возвращения к своим. Дай Бог, чтобы эти пожелания и наши ежедневные молитвы исполнились!.. Я почти каждую ночь вижу вас: Пелагия, Зизи, Лёлё, Хеми! И каждый раз, пробуждаясь от такого сна, заливаюсь слезами. Отец Небесный! Пусть это мое рабство и все несчастья, все горе будут наказанием за мои грехи, но в Твоем милосердии отвори свое наказание от жены и деток. Позволь мне наконец оказаться с этими людьми, по которым сердце неустанно тоскует.

До полуэтапа мы едем перед партией, так приказал добрый Бучкин, хотя сам не мог нас сопровождать. Везде мы видим следы более активного земледелия в этой части Сибири. Часто встречаем пшеницу, связанную в снопы, замечаем и в поле скирды пшеницы, чего до этой поры мы видели мало. Красивейшие места по берегам реки Оки, которая течет от нас с левой стороны.

На полуэтапе мы находим обилие молока и довольно дешевого, чем с радостью и пользуемся, давно по нему соскучившись. Размещают нас в избе, которая дает нам понять, что такое темнота, а скорее изба напоминает нам киевскую тюрьму.

Новый офицер Прищепенко, из Полтавской губернии, с нами добр и вежлив, хотя нас предупреждали о другом, после того как он обошелся с нашими предшественниками. Может, потому, что сейчас он довольно-таки трезвый. Он искренне хотел еще сегодня отъехать с нами на этап и послал за подводами. Но пьяные крестьяне так долго возились, что поздний вечер заставил нас тут заночевать. На ужин к нам приходит господин Прищепенко и с радостью с нами беседует, рассказывая нам байки об озере Байкал, которое здесь все называют «Морем», да еще и «Священным». Через это море или озеро мы наверняка скоро будем переправляться, если ужасный киевский декрет не был отменен или смягчен царем.

В местной деревне есть много так называемых субботников⁶⁵, членов секты еврейского вероисповедания, сосланных сюда из России в наказание за ересь.

7 ноября, вторник. Мы снова едем перед партией, но теперь и офицер с нами. За деревней мы по льду переходим слияние двух рек: Зимы, дающей свое название деревне, и Оки, в которую та впадает. Встречаем, как почти каждый день, множество подвод с чаем, направляющихся из Иркутска в Россию. Сегодня я насчитал их 150. Обычно здесь все перевозят одноконными подводами, зимой и летом, а на коня обычно кладут 20 пудов груза — одного только товара, не считая самой повозки и человека.

Тыретский этап. Среди солдат есть три поляка из Королевства. Но мы мало можем ими заниматься, такой невыносимый холод в нашей тюрьме. По крайней мере, то хорошо, что здесь дрова дают легко и много, поэтому есть надежда, что хотя бы на полчаса, перед тем как мы пойдем дальшеждемся тепла.

8 ноября, среда. Мы уже находимся в Иркутском повяте, или, как здесь говорят, округе», со вчерашнего дня и осталось только 208 верст до Иркутска, где должна решиться наша судьба, одному Богу известно, к лучшему ли! О, только бы там найти известие от моей жены! Без этого и свобода не будет для меня счастьем.

Местный офицер — любитель чтения, чрезвычайно редкое явление среди его этапных соратников. Он знаком со Священным Писанием, слова которого часто приводит. При этом довольно умный и незлой человек.

9 ноября, четверг. Мы едем вперед и так быстро, как почти, что для нас как раз в такой сильный мороз.

Мы постоянно проезжаем высокие горы, а еще выше находятся перед нами. Места расположены очень красиво, летней порой они, должно быть, выглядят как сад. На полуэтапе новая охрана без офицера.

10 ноября, пятница. Нас отправляют перед партией, но плохие у наших саней кони тащатся как черепахи, и из-за

⁶⁵ Субботники — иудаистская секта в лоне православия, преследуемая властями и Церковью.

этого мы все мерзнем, до этапа отсюда 30 верст, и мороз очень сильный. Солдатам и везущему нас крестьянину приходится часто бегать, чтобы согреться. К тому же здесь все говорят, что это еще заморозки, а настоящие морозы еще дадут о себе знать. Но если холод, какой был до сих пор, будет усиливаться, то не знаю, приедем ли мы живыми и здоровыми в Иркутск.

Недалеко от этапа едущий солдат-поляк рассказывает, что из 18 наших предшественников, которые уже дошли до Иркутска, семерых послали на Тельминскую фабрику в 60 верстах в эту сторону от города, пятерых — на Усольский соляной завод ⁶⁶, недалеко от той фабрики, а шестерых — на Александровскую винокурню ⁶⁷, также находящуюся недалеко от двух названных мест, и что ксендз Павловский остался на поселении тоже где-то там. Солдат еще говорит, что у него была записка от них, которую он отдал последним, идущим перед нами.

Кутуликский этап и его начальник Бублик из Черниговской губернии. Здесь нас помещают с солдатами, с их женами и маленькими детьми. Этих последних несколько. Раньше, то есть сразу после выезда из Киева (где я на протяжении пяти меся-

⁶⁶ Официальное название — Иркутский солеваренный завод. Располагался в с. Усолье, в 67 км к западу от Иркутска. В описываемое время принадлежал казне. На нем использовался труд каторжных. В настоящее время — г. Усолье-Сибирское, районный центр Иркутской области.— *Ред.*

⁶⁷ Александровский винокуренный завод — располагался на правом берегу Ангары в 76 км от Иркутска. Был основан в сер. XVIII в. как частное предприятие. В 1786 (или 1787) г. поступил в казенное ведомство. Рабочими на заводе были ссылаемые на каторгу, некоторые из которых после ее отбытия селились в заводе. Изредка сюда ссылались т. н. политические заключенные, которые к особо тяжелым работам не привлекались. В 1830-е гг. на каторжные работы в Александровский завод попадают ряд участников польского восстания 1831 г. Среди них был один из руководителей повстанцев Петр Высоцкий, осужденный на 20 лет каторги. В 1835 г. произошел побег шести поляков. Бежавшие пытались вернуться на родину, но были пойманы. После этого последовало предписание исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири с предложением «всех осужденных в работу за преступления против правительства», находящихся в пределах Енисейской губернии и части Иркутской до Байкала, отправить в Нерчинские горные заводы. В 1866 г. завод был остановлен и винокурение на нем прекращено. В 1873 г. на его базе была открыта центральная каторжная тюрьма и создано особое сельское общество, завод стал называться селением.— *Ред.*

цев видел только одного ребенка и то украдкой), я чрезвычайно хотел их видеть, теперь они производят на меня грустное и болезненное впечатление, перед глазами появляется образ потерянных детей и счастья, которое уже так далеко от меня!

Здесь есть трое польских солдат: двое из Королевства, а один из Литвы, за восстание 1831 года.

11 ноября, суббота. Сегодня утром я был в деревне у местного офицера господина Бублика, чтобы передать ему поклон от Заёнчковского, как тот меня просил. Господин Бублик принял меня очень вежливо. Его молоденькая жена из Иркутска, такая же вежливая и гостеприимная, как он. В их квартире среди прочих довольно сносных литографий на стенах я нашел изображение Наполеона, что напомнило мне, что в Красноярске в салоне у губернатора я с немалым удивлением тоже видел Наполеона, князя Рейхштадского, Костюшку, Юзефа Понятовского и Станислава Августа на прекрасных гравюрах.

12 ноября, воскресенье. Полуэтап в деревне Черемхово, имеющей до 2000 человек населения. Есть здесь несколько магазинов, а в них очень вежливые купцы и относящиеся к нам с уважением, когда мы пришли покупать какую-то мелочь. Один из этих магазинов принадлежит Папе Высоцкому. Идем туда покупать табак. Хозяина мы не застаем, но его жена, родившаяся здесь от русских родителей, при первом же упоминании, что мы земляки ее мужа, принимает нас очень любезно. Вскоре к нам на полуэтап приходит Папа Высоцкий (непонятно, где его отец-поляк раздобыл такое крестное имя) и приносит табак, за который мы у него дома оставили деньги. Молодой, красивый и умный человек говорит, что очень мало помнит своего отца, который был сослан сюда из Вильнюсской губернии, прожив в Сибири 30 с лишним лет, осиротил сына в детстве. Тот же, хотя сын поляка и хорошо известного у нас издавна рода, ни слова не говорит по-польски и крещен в схизматической вере. Но видно, что человек хороший и с сочувствием к нашей доле. Он просит младшего офицера, руководящего нами, чтобы тот его землякам рано утром позволил к нему зайти.

13 ноября, понедельник. Собравшись уже в дальнейший путь, мы все заезжаем к Высоцкому, который нас ждет с за-

втраком. Оба с женой принимают нас очень гостеприимно. Только то неприятно, что перед чаем, с ним и после него нужно было пить водку. Но это распространенный в низшем обществе местный обычай. Господ Высоцких трогает наша судьба. Он просит оставить ему наши фамилии и не проходить мимо его дома во время возвращения, даже если бы нам пришлось здесь ехать в полночь. Дай Боже, чтобы он это наворожил! В этой деревне есть много поселенцев из наших провинций.

Половинский этап. Начальник, господин Даурский, сибиряк, но добрый и вежливый, как нас и предупреждали.

14 ноября, вторник. Есть и здесь трое поляков-солдат из Королевства. О нашем друге Машковском все время плохие известия. Нам говорят, что перед Иркутском мы увидим тех наших братьев, которые направлены в Тельминскую фабрику, где, как слышно, их поместили на гауптвахте. Если так, то когда же будет конец всем этим охранам, тюрьмам и стражам?

15 ноября, среда. Отсюда остается уже только один этап до Иркутска, но до этого этапа у нас 3 дня похода без так называемой дневки.

Мы два раза переправляемся через реку Белую по льду. Местность над рекой и виды прекрасные. Направо, вдаль, мы видим цепь гор, идущих вдоль китайской границы, как заверяют местные жители. Эта цепь, однако, должна быть довольно далеко, раз в такой ясный день, как сегодня, их едва можно различить как облако. Полуэтап в деревне Мальта: странное название для сибирской деревни! Эта деревня достаточно многолюдная и расположена в красивом месте.

16 ноября, четверг. Мы снова переходим реку Белую, русло которой чрезвычайно крутое. Второй полуэтап в деревне Тельмы, очень красиво расположенной и прилично застроенной, а всеми называемой «Фабрика», потому что тут есть фабрики, суконная и стекольная. Много каменных и правильной формы домов, которые служат государственными складами или жильем для чиновников. Красивая церковь. Словом, эта деревня выглядит лучше всех областных сибирских городов, которые мы видели до сих пор.

С большой радостью мы встречаемся с нашими братьями, посланными сюда из Иркутска на тяжелые работы. Их семеро,

а именно: ксендз Кароль Хаас, Леопольд Немировский, Валерий Коссаковский, Теофил Чапский, Валерий Жонжевский (родной брат Юзефы, которую вместе с госпожой Фелиньской сослали в Берёзовый), Вацлав Ожешко и Петр Цырына. Все, заметив, как мы идем, выбежали нам навстречу, а поскольку мы прибыли сюда на полэтап, они прислали нам от себя великолепный обед, с которым нас поджидали. Потом мы берем у нашего младшего офицера разрешение пойти в деревню, в магазины, купить продукты, а идем к нашим друзьям. Они нам рассказывают, что каторгу, то есть тяжкие работы, они отбывают довольно легко. Трое из них по собственному выбору ходят в столярную мастерскую, трое других — в слесарную. Теофил Чапский из-за инвалидности вообще освобожден от работ. Те же обязаны быть на своей работе несколько часов утром и после обеда. Но начальство и надзиратели ничего им делать не велят, довольствуясь тем, чтобы их видели в назначенных местах. С ними обходятся вежливо и очень любезно. Жилье им государство дало бесплатно с обогревом и светом. При этом каждый должен брать от государства по два пуда житной муки и по шесть рублей в месяц. Вначале, несколько дней, они были на гауптвахте под стражей, сейчас живут одни. Занимают две комнатки, в которых довольно неплохо помещаются. Охранять их приходит один солдат, но они пользуются им для разных услуг и посылок. Им везде можно ходить без предупреждения. Они говорят нам о своем пребывании в Иркутске, очень хвалят всех тамошних высших и низших чиновников. Рассказывают нам разные подробности, утешающие нас в нашей будущей судьбе. Мне также дают немного надежды, что в Иркутске я найду письмо от жены. О Боже! Каким же счастьем это было бы для меня! Эта надежда, хотя не очень уверенная, поскольку только на домыслах и на «мне кажется» рассказывающих опирающаяся, все равно немного укрепляет меня, так давно лишенного какого-либо утешения.

Не доезжая до Тельминска несколько верст, слева мы видели деревню Усолье, в которой находится соляной завод. Там тоже есть шесть наших: ксендз Нарцисс Яжина, Адольф Рошковский, Юстиниан Ручиньский, Фортунат Грабовский, Леопольд Яжина (брат ксендза Нарцисса) и Вольфганг Щеп-

ковский. У них у всех тоже, как говорят, все идет хорошо под руководством начальника завода господина Мевиуса, немца, которого здесь все хвалят. Но местные говорят, что усольские товарищи берут только по три рубля содержания в месяц. Отсюда в нескольких верстах, если ехать в сторону Иркутска, сбоку от дороги влево есть винокуренный завод, называемый Александровским, в котором четверо наших: ксендз Юлиан Зелинский, Ежи Олеша, Кароль и Филип — братья Олизары. Этот завод меньше хвалят, чем два предыдущих.

Пробыв у друзей с пару часов, мы уходим, поскольку их солдат объявляет, что им уже пора идти на работу. Они обещают позднее быть у нас.

Ксендз Тыбурций Павловский (единственный приговоренный киевским декретом к поселению) был поселен при русском монастыре в деревне Жилкино под самым Иркутском на нашем пути. Может быть, мы его там увидим, если иркутскому священнику нашего вероисповедания не удалось выпросить разрешения, чтобы Павловский жил у него.

17 ноября, пятница. На пути к этапу мы еще раз преодолеваем реку Белую, а кроме нее еще три реки: Китой, Биликтуй и третью, название которой я забыл. В деревне Биликтуй находится на поселении один из членов секты, называемой «духоборы»⁶⁸. Они не признают никаких божеств, созданных рукой человека. Местный «духобор» уже 20 с лишним лет назад за свои религиозные взгляды был сослан в Сибирь. Он нам рассказывает, что его единоверцев немало в России и в Крыму и что правительство их сильно преследует. Поляков мы встречаем везде, и то таких, которые уже несколько, а то и несколько десятков лет находятся здесь на поселении из разных мест нашей страны. Некоторые уже совсем забыли родной язык, другие перешли в схизматическую веру, хотя этих последних не так много.

Сушинский этап (в деревне Сухой). Его начальник Зимановский, сибиряк из этой губернии, красивый, молодой и вежливый человек.

⁶⁸ Духоборы — секта в лоне православия, которая возникла в первой половине XVII в., анархичная, отрицающая Церковь и государство (иногда называемая православными мормонами).

18 ноября, суббота. Здесь есть три поляка-солдата: двое из Королевства, а третий, Феликс Войнович, из Радомышльского повята с Украины. Он участвовал в восстании, в эскадроне Александра Собаньского, был взят в плен под Майданеком. Господин Зимановский приходит к нам поговорить. Он до сих пор не офицер, а только кандидат. Он давно уже заслужил офицерский чин, и он не раз был ему предложен, но он сам всегда от него отказывался, чтобы не жить в Архангельской губернии, где его ждет это повышение. Он недавно с большим трудом добился перевода в родные края и хочет остаться здесь, хотя мало надежды, что он дождется повышения на этапе. Довольно умный человек, хотя совершенно необразованный. Он тем еще пробудил наше к нему уважение, что не стыдится своего происхождения. Сам признается, что он из крестьянского сословия, в 24 года отданный в рекруты. Нам обещает, что, сдавая нас охране в Иркутске, которая должна прийти сегодня, будет просить офицера, чтобы нам разрешили ехать вперед, вместо того чтобы тащиться за партией. Это было бы очень хорошо, поскольку отсюда до Иркутска 36 верст, а, кроме того, мороз нас может мучить. Вечером здесь произошло несколько десятков подвод, нагруженных бивнями мамонтов.

Позднее, при новой для нас охране, прибыли из Иркутска Антоний Бопрэ, Мауриций Кисель и Мариан Подхороденьский. Из них первый направлен на Усольский завод, а двое других на Тельминскую фабрику. Они нам тоже сообщают хорошие подробности об Иркутске, что там с ними обходились по-человечески, что в городе есть несколько достойных земляков, что можно писать и т. д.

19 ноября, воскресенье. Сегодня мы очень рано расстаемся с нашими тремя товарищами, судьба которых уже решена. Но может быть, мы скоро их увидим, если будут отправлены в эти же места. Однако, несмотря на успокаивающие известия, какие я слышал сегодня и в четверг, с каким-то сильным, ранее не испытываемым беспокойством я приближаюсь к Иркутску. Его видно за несколько верст из деревни Жилкино, в которой находится большой и необыкновенной архитектуры монастырь в честь святителя Иннокентия, покровителя Восточной Сибири, прах которого здесь покоится. Почти половину сегодняш-

него пути мы едем, видя по левой стороне большую и красивую реку Ангару. Она единственная до сих пор не замерзла, хотя другие уже давно покрылись льдом. Мы преодолеваем ее на весельных паромках. Это прекрасная река и чрезвычайно быстрая. Такой чистой воды в реке я не видел никогда. Вечером мы появляемся в Иркутске, потому что нелегкая переправа через Ангару заняла много времени. Местное начальство нас принимает так, как нас об этом предупреждали наши друзья. В тюрьме, предназначенной для нас, помещение просторное, чистое и гораздо более приличное, чем во всех местах до этого в Сибири. Машковскому уже лучше, но он до сих пор остается в тюремной больнице. Его можно посещать, поэтому я сразу пошел к нему. Он совершенно обессилен, и наверняка его здесь еще долго продержат. Из наших мы застали Лесневича, Гольнского, Боровского и Мрозовского. Двое первых завтра отправятся на место своего назначения — в Александровскую винокурню. Советнику, спрашивающему прибывших сегодня, все ли казенные вещи мы привезли, при нашем обычном ответе, что ничего не пропало, я заявил, что у меня есть важный пакет для генерала Руперта, и этот пакет я вручил господину советнику, одновременно прося «в Наивысшее Имя» как можно скорее увидеться с генералом.

В этот же день поздно ночью. Не обмануло меня мое сердце и необычайное беспокойство сегодня, предчувствие какого-то большого несчастья. Только что я узнал из письма к Яцеку его жены, что моя умерла. Для меня все уже потеряно. Я самый несчастный человек.

20 ноября, понедельник. Мне кажется, что совсем разучился говорить... И молиться уже не могу... Гольнский и Лесневич сегодня были отправлены на Александровский завод. Мне вернули мой пакет к Руперту, чтобы я отдал его прокурору. Но сейчас мне все равно. В этом пакете находится также письмо к той, которая уже не может его получить, как не могла получить все предыдущие. Мое несчастье убило ее прошлой зимой, как пишет жена Яцека. О, мои несчастные дети, но я несчастней, чем вы, ибо чувствую всю безмерность утраты, которую вы еще долго понять не сможете...

21 ноября, вторник. Очень рано я пошел в церковь на мессу. Только там первый раз с того момента, как я узнал о моем

несчастье, я смог плакать и молиться. Они принесли немного облегчения страдающему сердцу. Ах! Теперь я вижу, что до сих пор я несчастным не был!..

Наша церковь маленькая, но очень красивая и чистая. Ксендз Клодоальд Шайдевич достойно исполняет свое призвание. Церковь основана итальянцем, графом Литта, у которого была жена полька, кажется Потоцкая. У ксендза я познакомился с несколькими молодыми земляками, состоящими здесь на гражданской службе: Живецким Титусом, Ивинским Александром, доктором Миколаевичем Филипом и другим доктором, Панкевичем Винцентом, литовцем. Позднее туда подошел Юзеф Хордыньский, приговоренный за эмиссариат в 1833 году к тяжким работам, который из-за слабого здоровья уже давно остается здесь в городе, занимаясь преподаванием французского и немецкого языков. Ксендз раздает нам сложенные у него для ссыльных предметы одежды. Также дает нам книжки для богослужений.

Когда я вернулся из церкви, мне официально объявили, что в связи с моей просьбой, посланной из Тары, Бенкендорф обратился к Бибикову, а тот, вместо того чтобы отослать мое дело, дал только свое мнение, полное наглой лжи. Руководствуясь этим мнением, Бенкендорф посчитал мою просьбу и требования безосновательными, о чем велел меня уведомить. Эта его резолюция ждала меня здесь уже месяц. При других обстоятельствах это меня сильно бы огорчило. Но разве может быть что-то еще для меня горестное после того удара, который лишил меня всех сил души и разума?

22 ноября, среда. Сегодня я один очень рано иду в костел, слушаю святую мессу и заказываю поминальную мессу на завтра. Ксендз дает мне псалмы Давида на латыни и французском. После возвращения от меня потребовали подписаться под резолюцией Бенкендорфа, при этом я написал перечень лживых измышлений Бибикова. Но это письмо очень bestолково составлено, поскольку сейчас я писать не в состоянии.

Вечером в нашей камере собрались чиновники для назначения, куда мы четверо и каждый из прибывшей с нами партии должны быть посланы. Я хотел быть направленным в Тельминскую фабрику, куда меня приглашали Немировский, Косаковский и Чапский. Туда меня и определили. Фридриха с

сыном отправят в Александровск, а Уминьского на соляной завод, значит, в Усолье.

Вместо того чтобы отдать свой пакет прокурору, я прошу его выхлопотать мне встречу с генерал-губернатором. Он это обещает. Говорят мне также, что должны отдать мне какие-то письма. Я с грустью принимаю это известие, поскольку уже знаю, что среди них нет письма, которое я так ждал девять месяцев.

23 ноября, четверг. Я был на поминальной мессе, перед которой исповедовался и принял Святое причастие. Уксендза я познакомился с молодым и достойным земляком, состоящим здесь на гражданской службе, Яном Жулковским. Ивинский, второй земляк, берет на себя покупку некоторых вещей для меня, поскольку я сам теперь ничем заняться не могу. Хордыньский обещает походить и стучать у людей, в домах которых он ежедневно бывает, чтобы я получил аудиенцию у генерала Руперта. Позднее прокурор вторично обещает то же самое.

Есть в Иркутске, среди других ссыльных, Вадковский, русский, так же, как Барятинский и многие другие, сосланный за дело 1825 года на тяжкие работы и недавно освобожденный от них и направленный на поселение. Мрозовский был сегодня у него и очень его хвалил. Вадковский дал ему на память труд о «Политической экономии» господина Сая⁶⁹ со своей надписью на книге: «Изгнанник — изгнаннику».

Поляков-солдат здесь несколько десятков, в двух батальонах местного гарнизона.

24 ноября, пятница. Генерал Руперт позволил, чтобы я был у него. Сегодня прокурор пришел мне об этом сообщить и немедленно с солдатом охраны направился к генералу. Он живет возле самой Ангары, в довольно красивом двухэтажном дворце. Он принял меня один на один в своем кабинете. Доступный, вежливый, мягкий, понимающий. Я провел там с полтора часа. Сначала я просил от имени всех присутствующих и не присутствующих здесь товарищей, чтобы он не велел отправлять нас за Байкал. Он отвечает, что это невозможно,

⁶⁹ Жан Баптист Сай (1767–1832), французский экономист. Трудно сказать, которую из работ Сая подарил Мрозовскому Вадковский.

поскольку мы все приговорены на заводы, то есть нерчинские рудники, что у него есть на это четкий приказ сверху и что он ждет только, когда Байкал замерзнет. Потом добавляет, что если бы и осмелился не совсем точно исполнить данный ему приказ, то и в таком случае только несколько человек смог бы задержать на этой стороне озера под свою ответственность, но сделать это для нас всех, уже прибывших и тех, кто еще придет, невозможно. Потом я прошу его приказать выдать нам по крайней мере часть тех денег, которые были сюда для нас присланы. Это он разрешает. Наконец я говорю ему о моем личном несчастье. Представляю мое положение и состояние здоровья, полностью разрушенного. Я отдаю ему пакет и объясняю, почему он не был послан из Нижнеудинска. Он его при мне открывает и обещает, что содержащиеся в нем бумаги прочитает и отправит, добавив, что Чаусов будет наказан за то, что не принял этот пакет. Прошу его о возможности остаться в Иркутске, будь то в его канцелярии или как учитель языков, что не требую никакой зарплаты, что готов согласиться на жалкие копейки казенного довольствия (в Иркутске нам платят в день 7,5 гроша), только бы у меня была какая-нибудь малюсенькая комнатка и только бы мне остаться на месте до конца, скорее всего уже недолгого, моей жизни, что ни шагу не сделаю без его ведома и, кроме церкви, нигде бывать не буду и т. д. На это он мне ответил, что в Иркутске меня оставить не может, а отправит на соляной завод, где начальник — умный и честный человек, майор Мевиус, которому он обо мне напишет, и тот даст мне работу по моему желанию, отдельную комнату и т. д., а отсюда я смогу приезжать в Иркутск и бывать в костеле». Я обращаю его внимание на то, что меня уже определили на Тельминскую фабрику, где я сам хотел быть, имея там двух родственников. (В среду нужно было сообщить какую-нибудь причину своего желаяния, поэтому я сказал, что на фабрике у меня родственники, а спрошенный о них, я назвал Немировского и Подхороденьского.) Генерал мне ответил, что это не помеха и мое назначение будет изменено, добавляя, что мне лучше будет в Усолье, чем на фабрике». Он снова повторил, что напишет обо мне Мевиусу. Я говорю ему об объявленной мне резолюции Бенкендорфа и при этом вкратце упоминаю о моем деле, обращаясь к письмам, которые я ему вручил. Он

вторично обещает, что их прочитает. В конце я еще прошу его, чтобы он приказал не отправлять меня и Боровского завтра, позволив нам обоим из-за слабого здоровья остаться здесь еще на неделю. Он сразу же это разрешил и перед моим уходом записал все мои требования.

Сегодня мне отдали письмо моей матери и с ним письмо моей сестры Изабеллы от 7 июля. Обе молчат о моей утрате. Мой Лёлё остается сейчас с моей матерью, а Зизи и Хемис с матерью Даровской. О, мои детки! Несчастные сироты! Вы потеряли мать раньше, чем смогли ее узнать... Но вам привязанность одной и другой бабки, их забота могут в младенчестве вашем как-то заменить материнскую ласку, для меня же никто на свете не заменит ту, которую я потерял!

25 ноября, суббота. Мрозовского и Уминьского сегодня утром отправили, первого в Тельминск, а второго — в Усолъе. Написанною мною подтверждение на резолюции Бенкендорфа мне возвращают из-за того, что я написал по-польски и слишком длинно. Поэтому я даю другое, в нескольких словах, что слышал прочитанную мне резолюцию. Прокурор обещает нам выдать деньги и говорит, что сегодня генерал Руперт придет в тюрьму. Тот вскоре приходит к нам. Я показываю ему мое неприятное подтверждение и прошу разрешения перевести это на французский. Он позволяет, приказывая прокурору, чтобы ему это переведенное письмо сразу отослал. Я рассказываю генералу, как для меня важно, чтобы господин Бенкендорф получил мой ответ на ложь Бибикова. Он признает справедливость этого требования и уходит.

Нас навещает Хмелёвский Доминик, как говорит, родственник наших Хмелёвских. За восстание он был приговорен к тяжким работам, но позднее ему удалось от них освободиться, и сейчас он остается здесь надзирателем ремесленного дома. Дела у него идут довольно-таки неплохо. Но непростительно то, что, оставив на Волыни жену и детей, он женился здесь.

Я перевел и переделал письмо, которое не хотели принять на польском языке. Теперь это письмо имеет форму «Ноты к генералу Руперту».

26 ноября, воскресенье. Сегодня утром нам официально объявляют, что выдадут нам из наших денег, Фридриху — половину, а всем другим — третью часть. При этом сообщают,

что я направлен не на фабрику, а в Усолъе. Деньги выдали сразу, после чего мы идем в церковь. Позднее к нам приходят несколько молодых людей, земляков, состоящих здесь на службе.

27 ноября, понедельник. Сегодня я пишу матери моей жены, и этот процесс раздирает мое сердце. Но разве мог бы я не ответить этой неоценимой, достойной женщине, которая дала приют двум моим сиротам, третья сирота — у моей матери.

Сегодня снова, как и неделю тому назад, у нас собрался смешной и скучный ареопаг из местных чиновников, серьезно рассуждающий, сильно ли и мало порвалась обувь или рубашка какого-нибудь заключенного из партии. Слышно, что Янишевский остался в Красноярске навсегда, я этому не верю.

Иркутск из всех сибирских городов, которые я видел, больше всего похож на город. Очень красиво расположенный между горами, в месте слияния трех рек — Ангары, Иркуты и Ушаковки. Здесь есть более десятка церквей, кроме двух костелов, католического и лютеранского. Некоторые церкви очень красивые. Есть также красивые здания, каменные и деревянные. Есть много купцов-миллионеров. При этом торговля с Китаем, множество людей разного возраста из малоизвестных нам азиатских народов: бурят, тунгусов, якутов и т. д. — явления, о которых нельзя не упомянуть. Но в теперешнем моем оцепенении я не способен чем-либо заниматься.... Кроме той только одной мысли, что для меня уже все пропало.

28 ноября, вторник. Фридрих, Люциан и Петр идут в город, я же остаюсь в тюрьме. Жулковский Ян приносит мне два тома периодического журнала «Cabinet de lecture»⁷⁰. Я ему за это благодарен и прошу, чтобы эти книги я мог забрать, уезжая. Может, пригодятся мне на месте. Сейчас же я ни читать, ни говорить почти совсем не могу.

29 ноября, среда. Очень сильный мороз. Говорят, что больше 30 градусов. Я утром пошел в костел, но на мессу уже не успел. Несмотря на это, я, однако, остался в костеле. О, благодарю Тебя, Небесный Отец, что Ты вернул мне способность молиться. В костеле мне легче кажется тяжесть, лежащая на

⁷⁰ Журнал «Cabinet de lecture» — 2 тома в 1839 г.

моем сердце. Иоахим, Каспер и Фридрих говорили, что еще в Киеве знали о моей утрате. Я ее предчувствовал давно и все время боялся этого несчастья. И все равно я как будто молнией был поражен, когда получил ужасное подтверждение моего несчастья. Когда в августе я писал мое завещание, то есть выражение моих последних чувств, и когда обращался там к неоплаканной моей спутнице, я тогда надеялся, что это письмо дойдет до нее после моей смерти, и именно об этом просил Иоахима... А тогда ее уже несколько месяцев не было на земле! О, каким же болезненным должно было быть ее расставание с детьми!.. И к тому же мое отсутствие, мое несчастье!!!.. Я снова заказал поминальную мессу на пятницу.

С Хмелёвским я иду к Павлу Кашевскому, подолянину, приговоренному к ссылке в Сибирь за тайный союз в Москве в 1835 году⁷¹. Вежливый и хорошо образованный, он получил благосклонность у своего армейского начальства и уже находится в звании младшего офицера. Я вижу у него французскую Библию, всю в одном томе, красиво изданную, небольшого формата. Я многое бы дал, чтобы достать такую книгу. Священное Писание в моем несчастье — это единственное чтение, на которое я способен.

Оттуда я пошел к Вадковскому, но его не застал. Он выехал в Урик, деревню, находящуюся в двух милях отсюда, где живут его товарищи: Волконский с женой, два брата Муравьевы, Лунин и Вольф. Я оставил несколько слов на его столе.

Хмелёвский делает мне кое-какие мелкие покупки, которые могут позволить мои скромные средства.

К нам приходит Казимеж Домбковский, родом из Королевства, приговоренный к солдатской службе тут за 1831 год. Он музыкант и этим пользуется. Он так же, как и Хмелёвский, женился здесь на сибирячке, но в отличие от того не оставил на родине жену. Он приглашает нас всех к себе на завтрашний обед.

Машковскому немного лучше, но, чувствуя себя слабо, решил как можно дольше оставаться в больнице, чтобы болезнь не вернулась во время пути. Тем более что спешить незачем.

⁷¹ 1831 г.— см. Указатель имен.

30 ноября, четверг. Домбковский пользуется здесь дурной славой, поэтому я неохотно соглашаюсь идти с друзьями на обед. Хозяин и его жена очень любезны. Их пятилетний сынок — славный и милый ребенок. После обеда хозяин нам дает русские и польские книжки, какие-то романы и повести. Мы выходим оттуда поздно и в городе встречаем Антония Жабу, когда-то, как говорят, значимого гражданина в Литве. Вертопрах, хотя старый уже и большой хвастун, а, кроме того, везде о нем говорят как о шулере и плохом человеке.

Уже очень поздно вечером я иду к надзирателю тюрьмы господину Коновичу и там остаюсь до двух ночи, пишу письмо моей матери и сестре. Мне дорого обходится это болезненное занятие. Я останавливаюсь почти после каждого слова, поскольку сердце сжимается и слезы все время текут, мешая писать.

Моя добрая сестра, хотя и сама сильно страдающая, как пишет мать, поспешила выразить мне слова утешения. Но мысль о моей безмерной потере, которую она пытается передо мной укрыть, выдают слезы, следы которых я вижу в ее письме. Она хочет возродить во мне надежду изменения моей судьбы. Увы! Счастье и надежда теперь не моя стихия.

1 декабря, пятница. Утром с Фридрихом и Боровским иду на поминальную мессу. Потом мы застаем у священника несколько молодых людей — чиновников. Подходит Хордыньский и дает нам несколько книжек. Когда мы вернулись в тюрьму, сюда пришли попрощаться ксендз Клодоальд, Жулковский, Домбковский, Хмелёвский и другие. Вернувшись, мы постоянно принимаем земляков, которые приходят попрощаться. Ночью мы собираемся для завтрашнего похода, то есть я и Боровский, потому что Михальские не раньше чем 10 декабря отправятся в Александровск, куда только десятого и двадцатого числа каждого месяца отправляют ссыльных. Боровский мне говорит, что прошлой ночью ему снился плохой сон о его жене и что он подсознательно боится какого-нибудь несчастья. Счастливей, он может бояться!

2 декабря, суббота. Довольно поздно нас отправляют, дав нам сначала (хотя мы этого совсем хотели) некоторые казенные вещи: варежки, какие-то сапоги (чирки), вид обуви, кото-

рую невозможно носить, и кусок серой ткани, чтобы обматывать ноги в холод. У нас отдельная подвода.

Снова долгая переправа через Ангару, до сих пор еще не замерзшую. С какими разными чувствами я уезжаю из Иркутска!.. Две недели назад, хотя и очень беспокойный, дрожащий, я приближался к этому городу, еще имея хоть какую-то надежду... А сегодня!..

Мы оба с Боровским определены на Иркутский соляной завод, то есть в Усолье, как на место наказания, к которому мы приговорены. Говорят, что там во главе стоит человеческий и умный человек, майор Мевиус, тот, кому Руперт обещал написать обо мне. Но может, он об этом забыл. Неважно. Меня уже ничто не заботит...

Поздним вечером мы останавливаемся на уже знакомом нам этапе (Сушинский этап). Здесь мы застаем Янишевского Людвика. Этот уважаемый старец рассказывает нам, сколько неприятностей и горестей он вытерпел в пути.

3 декабря, воскресенье. Сегодня очень рано уехал Янишевский, направляясь в Иркутск. Мы надеемся, что или в Усолье, или в Тельминске мы скоро с ним увидимся. Он будет просить о назначении его в какое-нибудь из этих двух мест.

На этом этапе мы должны будем остаться сегодня и завтра, во вторник на ночь отправиться в Тельминскую фабрику, и только в среду, 6 декабря, мы окажемся на месте нашего назначения, в Усолье.

4 декабря, понедельник. Мне снилось, что я был в Жердзе и что там с матерью Даровской оплакивал нашу общую потерю. Теперь я и во сне даже, так же, как и в реальности, несчастлив!.. Теперь уже даже в минутном самообмане тебя, Драгоценная, не увижу! О ты, что душу и мысль мою полностью занимаешь...

5 декабря, вторник. Мы отправляемся отсюда очень рано и рано останавливаемся в Тельминске. Пьем чай у наших товарищей, а ночуем в обычной этапной тюрьме.

6 декабря, среда. Сопровождающая нас охрана позволяет утром перед отходом еще раз зайти к нашим друзьям, а вскоре после этого мы приходим в Усолье, место нашего назначения, в 7 верстах от фабрики и в 70 от Иркутска.

Прибыв в Усолье, мы долго ждем в полиции, поскольку по случаю именин царя все чиновники были в церкви. Но после нашего появления сразу приходят к нам наши друзья Ручинский и Рошковский, которых лично я еще не знал. Через какое-то время приходят также Бопрэ, Грабовский, Уминский и младший Яжина, также до этого мне неизвестный.

Наконец Боровского и меня ведут к местному начальнику, господину Мевиусу. Он вежливо с нами разговаривает, говорит, что обо мне уже был предупрежден генералом Рупертом, велит нам сегодня отдохнуть после дороги, а мне обещает, что завтра должен будет со мной поговорить.

У Рошковского Адольфа, Ручинского Юстиниана и ксендза Нарцисса Яжины здесь есть не тяжкая работа в данных им заданиях: наблюдение за обычными местными работниками, больницей, дровами, солью и т.д. Первые двое невыразимо рады письмам от своих жен и надеются увидеть их на будущий год в Сибири. И моя драгоценная спутница, несомненно, тоже бы поспешила разделить мою судьбу. Но Богу угодно было отнять ее и приговорить меня к горю, утешение в котором я не найду уже до самой смерти. Да будет воля Твоя!

Господин Мевиус велел мне сегодня отдохнуть с дороги, а завтра обещал поговорить со мной. С завтрашнего дня должны начаться мои тяжкие работы. Они, насколько я понял со слов генерала Руперта и из сегодняшнего разговора с господином Мевиусом, вроде бы ограничатся только учительством в доме последнего. Из того, что я слышал в Иркутске об очень хорошем отношении Руперта к Мевиусу, даже о приятельстве между ними, можно сделать вывод, что мое пребывание в Усолье не временное, до замерзания Байкала, а будет уже постоянным, и один Бог знает до каких пор... Руководствуясь этими, как мне кажется безошибочными, выводами, я принял решение, которое хочу объявить при завтрашнем разговоре с местным начальником. А если Бог мне в этом поможет, то от первой минуты моих отношений с господином Мевиусом я окажусь в менее зависимом положении, а не в (как здесь происходит) рабском ему подчинении. Благодаря этому я надеюсь немного улучшить и выяснить это несносное и ужасное положение, до которого нас довел лживый киевский декрет. Я хочу, будучи полезным господину Мевиусу, одновременно за-

служить его уважение ко мне и обеспечить себе хоть какую-то деятельность, чтобы при случае быть полезным моим друзьям и землякам. Дай Боже, чтобы только эти благие намерения могли исполниться!..

Сегодня ночью годовщина рождения моего старшего сына. О, как же я был счастлив четыре года назад! Бедное дитя, ему едва исполнилось три года, когда он остался без матери, а сейчас ее совсем мог забыть... Милосердный Боже! Дай мне вернуться на родину, и тогда всю оставшуюся жизнь я буду стараться сохранять память о матери в умах этих сирот и в их душах укоренять ее добродетели...

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Молитва ссыльных на пути в Иркутск 21 апреля/3 мая 1839 года

Великий Боже Отцов наших! Ты, под опекой которого когда-то славой и счастьем сияла наша Родина; который после отвратил лик свой от поляков, сбросил их в пропасть несчастья; который в неопределимых приговорах гнева своего и сейчас допустил, чтобы враги нас от матерей, жен и детей, от родного очага, скованных тяжкими кандалами, вели в отдаленные пустыни, совершая над нами вещи недостойные и жестокие, — вот мы со слезами сожаления и раскаяния, с последним трепетом души умоляем Тебя, Всемогущий! Воззри на несчастье наше, удержи свое наказание и окажи милосердие потомкам народа, столько веков любимого Тобою. Вырви нас из этой суровой неволи и содействуй, Боже милостивый! Чтобы мы почитаемые в сердцах наших торжества, воспоминание твоего с Отцами нашими завета, на лоне свободной и Твоим щитом укрытой родины отмечали благодарственной молитвой во славу Твою. Позволь нам еще стране и землякам посвятить остаток нашей жизни. В теперешнем же несчастье поддержи нас, Отче милосердный, мужеством и терпением, позаботься об оставшихся в наших домах, посылая им укрепляющую надежду, и всем пошли духа благодати и мира. Просим Тебя через Иисуса Христа, Господа нашего, Искупителя и Спасителя. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Мольбы изгнанников

Святой Боже! С. Крепкий! С. Бессмертный! Помилуй нас!

От ветра, голода, огня, войны и неволи: Избавь нас Господи!

От внезапной и неожиданной смерти: Сохрани нас Господи!

Мы, грешные, Тебя, Бога, просим: Услышь нас Господи!

К истинному покаянию нас приведи: Просим Тебя Господи!

Грехи наши отпусти: Просим Тебя Господи!

Христианским Королям и Владыкам Духа единства и мира дай: Просим Тебя Господи!

Церковь Твою руководи и сохрани ее: Просим Тебя Господи!

Урожай земле дай и полностью его сохрани: Просим Тебя Господи!

Родину нашу освободи и былую славу ей верни: Просим Тебя Господи!

Нас из изгнания верни: Просим Тебя Господи!

Наши семьи здоровьем и надеждой укрепи: Просим Тебя Господи!

Братьев наших из изгнания в Отчизну собери: Просим Тебя Господи!

Всех поляков Духом добродетели, любви и согласия оживи: Просим Тебя Господи!

Боже услышь нас! Боже внемли нам!

О Боже! Боже наш! Помилуй нас!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Прибытие на место моего назначения, тяжкие работы (ка-
торга), все время, проведенное на них, до того момента, как
меня выпустили на поселение*

Durate; et vosmet rebus servate secundis
(Держитесь! Сохраните себя для
более счастливых событий)
Вергилий, Энеида 1, 209

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem
(И в несчастье сохраняйте спокойствие ума)

Гораций, Оды II, 3.1

Глава первая

В чем заключаются для меня тяжкие работы? — Что я заявляю моему начальнику в самом начале? — Долгий разговор с ним.— Мое условие.— Не соглашаюсь жить в его доме.— Замерзшие яблоки.— Француз, мой предшественник.— Местные чиновники.— Чиновник-поэт; чиновник-часовщик.— Страшные морозы.— Расписание времени.— Общее богослужение.— Сочельник.— Сравнение его с прошлым.— Кто из наших в Александровске? — Наши маленький алтарь.— Ссылный черкес.— Лёлё.— Десять наших из Варшавы.— Жена Булхака.— Хребенко.— Немировского должны перевести сюда.— Запретили писать семьям.— Все наши пойдут за Байкал.— Муравьев — политический ссылный.— Княгиня Волконская.— Прощание у Щепковского.— История Левинского.— Золли.— Василевская.— Таскин.— Польский танец.— Латынь.— Русские ссылные помогают нашим.— Родзевич возвращен в Александровск.— Мой дневник.— Мне хотят дать новую ученицу. Я отказываюсь.— Количество католиков.— Я пишу княгине Волконской.

На Иркутском соляном заводе, называемом «Усолье»

7/19 декабря 1839 года, утром в четверг. Боровский и я до сих пор не имеем своего тут жилища. Временно находимся у наших друзей, размещенных достаточно хорошо. Ручиньский Юстиниан заявил, что хочет у меня учиться итальянскому.

В этот же день ночью. Господин Мевуис, майор горной инженерии, начальник всех соляных заводов во всей Сибири, вечером вызвал меня к себе. Там он меня очень вежливо принимает и приглашает на чай. Спрашивает о наших краях и говорит о разных вещах. Мы говорим по-немецки. Потом по-

здравляет меня с очень хорошим мнением, которое в недавно присланном письме выражает обо мне Руперт, и после нескольких еще любезностей ведет меня в кабинет, где, продолжая начатый в салоне разговор, наконец делает предложение давать его дочерям, уже взрослым девушкам, уроки французского языка, географии и всеобщей истории. При этом заявляет, что наше несчастье он считает своим счастьем, потому что с нашим сюда прибытием у него появляются шансы на образование для его дочерей, которым мой товарищ Щепковский дает уроки музыки. Далее он продолжает, что вдвойне будет счастлив, если человек, о котором Руперт имеет такое высокое мнение, захочет заняться образованием его детей, что он, как отец, считает наивысшим благом для них и т. д. Поблагодарив за это свидетельство его доверия и за лестное мнение обо мне, я спросил его, будет ли это предложение, которым он удостоивает меня как отец семейства, соответствовать обязанностям его должности и занимаемому им положению. Этот вопрос его так сильно удивил, что после некоторого молчания он попросил, чтобы я более ясно выразил свою мысль. Поэтому я, желая, чтобы в самом начале наших будущих отношений он хорошо их понял, сказал: «Если, господин майор, Вы по совести считаете, что это занятие, для которого хотите меня использовать, не является злоупотреблением Вашими должностными обязанностями как начальника местного завода, тогда я приму на себя обязанность оправдать доверие, могу даже уверить, что чувствую себя способным соответствовать лестным ожиданиям и воплотить благие намерения и надежды отцовского сердца. Но если предложение, которое я от Вас слышу, будет жертвой с Вашей стороны и своего рода одолжением, то в этом случае я должен заявить, что ни в чем одолжении не нуждаюсь, его не хочу и никогда не приму. Я осознаю, что приговорен к тяжким работам и готов их выполнять». «Да оставьте Вы уже в покое тяжкие работы,— сказал он, будучи в некотором замешательстве.— Кто сейчас не знает, как к этому следует относиться?.. Целью правительства была скорее высылка вас из страны, где ваши мысли, принципы и стремления оно считало опасными для себя, чем точное исполнение, надо признать, сурового приговора. Я же знаю многих и среди русских ссыльных 1826 года, с некоторыми нахожусь в хороших от-

ношениях и искренне их уважаю, знаю также, как их уважают местные власти и первые люди государства. А ведь они тоже были приговорены к тяжким работам». — «О, поверьте мне, господин майор, я не стыжусь быть предметом плохого отношения, гнева и мести самого великого в мире государя. Но в моем положении одолжение от кого-либо...» Он, прервав меня, с чувством сказал: «Зачем Вы говорите об одолжении? Совсем наоборот, то, о чем я прошу, будет настоящим и неоценимым для моих детей, а тем самым и для меня, одолжением, которым Вы обяжете меня на всю жизнь. Что же касается сомнений, не будут ли занятия в моем доме в противоречии с моими служебными обязанностями, то могу Вас уверить, то в этом чувствую себя безопасно и совершенно спокойно. Вот и генерал, когда писал о Вас, поздравлял меня с тем, что буду иметь такого учителя. Видно, что он и сам смотрит на это с другой стороны. Но, кроме того, каким бы я был отцом, если бы из-за косых взглядов, из-за странного и безосновательного опасения, вопреки собственному убеждению не использовал самой лучшей, единственной возможности получить то, чего другим образом не найду?» — «Если все так, как Вы говорите...» «Клянусь честью, — снова прервал он меня, — что не я Вам, а Вы мне сделаете большое одолжение, если благодаря Вам мои дети не будут чужими в высшем обществе, где, как Вам известно, без французского языка обойтись невозможно». «Ну хорошо, — ответил я, — соглашаюсь и со своей стороны ручаюсь, что усердно и на совесть выполню эту обязанность, которую добровольно беру на себя. Кроме того, уверяю, что я могу не только учить, но и научить, так что если Господь благословит искренние намерения, Ваши дочери достаточно быстро в высшем обществе чужими не будут. «Но позвольте, господин майор, что с моей стороны я выдвину одно условие...» — «Разве Вы сомневаетесь в моей благодарности?» — «Вижу, — ответил я, не дав ему закончить, — что Вы совершенно превратно понимаете то, что я хотел сказать, потому что мое условие заключается именно в том, чтобы Вы никогда даже не вспоминали о каком-либо вознаграждении за мои услуги — о денежном или о подарках. Это мое непоколебимое постановление, и я заранее Вас предупреждаю, что при первом же слове или деле против этого мое пребывание в Вашем доме прекратится».

Если он и в начале нашего разговора был удивлен, то теперь его удивление достигло наивысшей степени. Он долго смотрел на меня в молчании, у него в глазах появились слезы, и он, не будучи в силах от чувств выдавить из себя ни слова, начал меня сердечно обнимать. Несколько минут мы оба молчали. Потом он, снова обняв меня, сказал: «То, что Вы мне пообещали, это, повторяю, настоящая и великая милость для меня, но я хотел бы попросить еще об одной вещи...» — «О чем же, господин майор?» — «Чтобы Вы раз и навсегда дали слово, что с этого момента будете у меня каждый день обедать. Ведь для меня, имеющего большую семью, это не будет представлять никакой разницы, и мне будет очень обидно, если вы откажетесь». — «С благодарностью я принимаю такое любезное приглашение и воспользуюсь Вашим гостеприимством».

После этого разговора было уже довольно поздно, и он оставил меня на ужин. Там я знакомлюсь с господином Раевским, также приговоренным к тяжким работам, но, как говорят, не за политическое преступление. Родом из Харьковской губернии, говорит, что служил в армии и что значительное имущество оставил на родине. Но он пользуется плохой, даже отвратительной славой и здесь, и в Иркутске. Один из местных чиновников, наблюдатель за государственными лесами, господин Золли просит, чтобы я давал ему уроки французского языка. Я вежливо уклоняюсь от этого.

8 декабря, пятница. Сегодня утром я познакомился с госпожой Мевюс. Хотя она родилась и воспитывалась в Сибири, однако, кажется, что она немного лучше, чем другие, воспитана и довольно умная женщина. Она долго разговаривала со мною о моей судьбе, больше догадываясь, чем понимая то, что я ей говорил, поскольку она не знает ни одного иностранного языка, а я по-русски говорю плохо и с большим трудом. Оказывает мне сочувствие. Хочет, чтобы я согласился жить в ее доме. Я отказался от этого под видом того, что не хочу доставлять неприятности и быть в тягость, а на самом деле из-за того, чтобы избежать отношений постоянной зависимости в мелочах. Я хочу жить отдельно и платить за это и быть менее зависимым от чьей-то милости. От имени товарищей и своего я прошу господина Мевюса, который должен вскоре поехать в Иркутск, чтобы нас, если мы обязательно должны быть от-

правлены за Байкал на нерчинские заводы, оставили здесь по крайней мере до весны из-за нездоровья, старости некоторых, плохой погоды, недостатка теплой одежды и т. д. Он мне ответил, что все это представит генералу и надеется получить положительное решение, а кроме того, предполагает, что мы оба со Щепковским, который дает уроки музыки его дочерям, не будем отправлены за Байкал. Сегодня я еще не начинал занятия со своими ученицами, Александрой и Елизаветой, потому что они считают, что пятница — тяжелый день, чтобы начинать. Они обе вежливые, скромные и, насколько могу судить, хорошие девочки. Старшей 17 лет, младшей — 15 или 16, обе очень симпатичные. По их воспитанию видно, что у госпожи Мевеус хватило здравого ума, что, должно быть, она хорошая мать. Вечером я был с Боровским у местного директора (управителя) Константина Дейхмана, племянника Мевеуса. Несмотря на немецкое происхождение и фамилию, он ни слова не знает по-немецки. Он вежливо нас принял, оставил на чай и довольно долго после него. После Мевеуса он здесь старший и является непосредственным нашим начальником. Довольно умен и образован, в общении приятный и гладкий. Господин Мевеус хочет, чтобы я у него (Дейхмана) жил, но я на это не соглашаюсь.

9 декабря, суббота. Сегодня господин Мевеус уезжает на две недели, как сам говорит, но, скорее всего, вернется не раньше чем после Нового года. Утром я был у него. Он снова просит, чтобы я жил в его доме, чтобы каждый день в семь пил с ним утренний чай, что тогда он обычно один и был бы рад поговорить со мной. Я его искренне благодарю за его доброту, но придумываю разные причины, почему не могу ею воспользоваться. Живя там, я стал бы заложником тысячи обстоятельств и домашних отношений, чего в противном случае я смогу избежать. Для того чтобы точно соблюдать время моих обязанностей, я просил его одолжить мне карманные часы, и он сегодня дал мне такие. Позднее он принес из своего кабинета несколько писем, которые мои друзья хотят передать через него своим семьям. Потребовал, чтобы я прочитал эти письма и сказал ему, нет ли там чего-нибудь лестного о нем, что, как он говорит, может ему навредить, поскольку все наши письма должны проходить через личную канцелярию царя. Я,

затронутый такой его открытостью, пообещал, что ему честно скажу, если найду что-то такое. Но товарищи в своих письмах не написали ничего такого, чего он мог бы бояться. Пользуясь такой возможностью, я также прошу и получаю разрешение написать письмо. Он дает мне бумагу, и я сразу, в его комнате, пишу моей сестре Изе (Казимире) письмо, которое одновременно будет и для матери Даровской, и для моей.

После обеда первый урок французского языка, продолжающийся пару часов. Девушки ничего не умеют, произношение ужасное, и хотя они уже почти два года учат французский, однако и трех слов произнести на этом языке не могут. Самая большая трудность заключается в том, что мне приходится объяснять им по-русски, а я сам мало знаю этот язык. Однако я надеюсь, что польза будет, поскольку они занимаются охотно, как мне кажется. Что касается меня, то я искренне займусь их обучением и каждый день буду посвящать этому несколько часов. Даже если не из чувства благодарности за человечность, проявленную ко мне их отцом, то я и потому буду рад этому занятию, что оно на какое-то время отвлекает меня от моей тоски.

Сегодня за вечерним чаем госпожа Мевиус велела подать мне и Щепковскому мороженые яблоки. Их вид довел нас почти до слез, напоминая богатую фруктами родину. У меня уже есть жилье, которое нашел и о котором договорился Боровский, с которым мы будем жить вместе. Но мы туда поедем только через три дня, потому что предыдущие жильцы еще не выехали.

10 декабря, воскресенье. До обеда долгий урок с девушками. Учивший их до меня Хордыньский Юзеф, с которым я познакомился в Иркутске, плохо знал французский, очень плохо произносил и обременял своих учениц грамматическими правилами, которые они не понимали и до сих пор не понимают. После него их учил француз Тьерри. Он хорошо произносил, это правда. Но он совершенно не образован и своего языка совсем не знает. Заметно, что очень низкого происхождения. Может быть, способный когда-то быть лакеем или извозчиком, теперь отвратительный пьяница. Как говорит, был сослан сюда несколько лет назад из Волыни за контрабанду. И все это время он имел наглость заниматься учительством. Сегодня

после обеда старый местный администратор, также родственник Мевиуса, Козлов, до этого совсем не разговаривавший со мной и Щепковским, как бы опасаясь наименьшего с нами соприкосновения, вдруг стал со мной разговорчивым и очень любезным. У него есть какое-то образование, но безгранично самоуверен и бесстыдно хвастлив. Он пишет стихи, и неплохие, как мне кажется. Из них некоторые уже публиковались в периодических журналах, по крайней мере, он в этом уверяет. Из местного общества у господина Мевиуса я часто вижу господина Золле или Золли. Он недавно приехал из Петербурга на должность наблюдателя за государственными лесами. Молодой и вежливый человек, неплохо говорит по-немецки. Также часто в этом доме я встречаюсь еще с одним местным чиновником, господином Петровским, родом из Полтавской губернии, который говорит скорее на малороссийском языке, чем на московском. Неглупый и вежливый в общении. Но его черты лица не говорят ни об искренности, ни о благородстве. У него есть способности к механике, даже незаурядный талант. Не обучаясь этому предмету, как он сам о себе говорит, без учебника, руководимый только природными способностями, он делает вещи, достойные удивления. Недавно на именины господина Мевиуса он сделал такие хорошие настольные часы, что они не уступили бы и заграничным изделиям известных мастеров. Все эти господа вместе с господином Константином Дейхманом, о котором я уже упоминал, каждый день присутствуют на обеде и ужине у господ Мевиусов, где я их вижу. Говоря в общем, все здесь к нам хорошо относятся и обходятся с нами по-человечески.

Сегодня вечером господин Козлов вытягивал предсказания для всех присутствующих. Когда пришла моя очередь, я его поблагодарил, но предсказания не принял — и сразу ушел. Для меня уже нет никакого предсказания, никакого предположения, которое могло бы нагадать мне счастье после моей потери. О, если бы я только вернулся к вам, детки мои! Что бы вместе с вами плакать на могиле, которая поглотила наше общее счастье!

11 декабря, понедельник. С утра я навестил господ Пётровского и Золли, с этим последним пил кофе. Вскоре пришел живущий с ними в одном доме господин Козлов, и тогда

с ним начался долгий разговор о литературе вообще, о поэзии, о разнице поэтических произведений у русских и у нас, о достоинствах и недостатках наших национальных языков и т. д. Мнение господина Козлова отличалось предубеждениями, а иногда незнанием предмета или грубыми предрассудками. Однако я не сильно переубеждал его, чтобы не задевать его самолюбия и чтобы избежать ненужных ссор. Оттуда я пошел исполнять свои педагогические обязанности, где, проведя остаток дня, после чая отправился к друзьям, а вскоре потом — к себе, то есть в комнату, которую я временно занимаю у Щепковского.

12 декабря, вторник. В теперешнем моем положении мне хорошо, может, даже лучше, чем моим друзьям, принимая во внимание те неприятности, какие мы переживали недавно, и то, что мы представляли встретить на месте. Но моя грусть и тоска каждый день усиливаются. Я не хочу после уроков и послеобеденного чая оставаться в доме учениц на ужин, и это для того, чтобы быстрее и подольше оставаться наедине с самим собой. Если занятия и работа для меня желательны, они прерывают мою тоску и отвлекают от мрачных мыслей, то, с другой стороны, любое общество мне невыносимо и чрезвычайно меня тяготит.

13 декабря, среда. Сегодня утром мороз 30 градусов на термометре Реомюра, на том, который висит на крыльце у Мевюса, ниже 27. Мевюс написал жене, чтобы она передала нам, что наши письма пошли на почту, но добился он этого с трудом. После обеда госпожу Мевюс навещает жена местного врача и привозит с собой маленького ребенка в возрасте моего Лёля. Вид этого ребенка пробудил во мне болезненные эмоции. Все это заметили, я ушел как можно быстрее. Ведь у меня уже есть квартира вместе с Петром Боровским, который также очень грустит из-за того, что от выезда из Киева не получал никакого известия от жены. Сегодня мы переехали на нашу квартиру. Маленькая комнатка, но хорошая, чистая, теплая, а прежде всего, спокойная и отдельная.

14 декабря, четверг. Мороз на два градуса сильнее, чем вчера утром. Говорят, что Янишевского вчера поместили на Тельминскую фабрику. Михальские в воскресенье отправлены на Александровскую винокурню.

15 декабря, пятница. Сегодня Боровский начал учиться немецкому, а после него Ручиньский — итальянскому. Я рад, что добавилось два часа, отрывающих меня от печали, которая постоянно мною владеет. Рано каждый день я прихожу от Мевуусов, чтобы думать и плакать в одиночестве. О, бедные мои детки! Говорят, что на днях в Иркутск прибыли несколько ссыльных поляков. Наверное, это ксендз Людвик Трынковский, приговоренный к поселению, а также Родзевич, Новицкий и Брынк, приговоренные военным судом в Вильнюсе к тяжким работам.

16 декабря, суббота. Я всегда встаю в четыре утра, до шести или семи прочитав молитву, я обычно сам занимаюсь каким-нибудь умственным трудом, насколько могу. Потом мы с Петром пьем горячее молоко и в течение часа занимаемся с ним немецким. Он выходит в восемь, а я один остаюсь до девяти. Тогда приходит Ручиньский учиться итальянскому до десяти. В одиннадцать иду к моим обязанностям в доме Мевууса. Там пару часов уроки французского языка, иногда дольше. Остаюсь на обед, после которого снова пара часов урок с девушками. Вскоре там наступает время чая, после которого я ухожу около шести или семи и в одиночестве остаюсь у себя, поскольку Петр обычно проводит время у друзей, с которыми имеет общий стол, то есть с Бопрэ, Ручиньским, Рошковским и Грабовским. Уминьски живет и ест отдельно с ксендзом Нарцисом Ежиной. Леопольд Ежина бесплатно питается у местного секретаря Куляева, с тех пор как учит его дочь играть на гитаре, а Щепковский вместе со мной столуется у Мевууса, дочерям которого ежедневно дает три или четыре часа игры на фортепьяно. Что касается меня, то когда я не работаю учителем, тогда мне необходимо одиночество. Сегодня Рошковский просил меня, чтобы и он мог учиться итальянскому языку. Я согласился на это, и с завтрашнего дня он будет приходить ко мне вместе с Ручиньским и то же самое время с девяти до десяти будет служить обоим. Таков распорядок всего моего дня от четырех утра до одиннадцати или двенадцати ночи, и, наверное, так я буду проводить все время, пока только я и друзья будем здесь оставаться.

17 декабря, воскресенье. Щепковский с утра приходит ко мне и выражает желание учиться немецкому. Я ему отвечаю,

что это может получиться только тогда, если он будет приходить так рано, чтобы утром заниматься час вместе с Петром, или может приходить после него, но тогда ему останется неполный час, потому что Рошковский с Ручиньским в 9 или немного раньше приходят. Он решил выбрать первое и должен будет начать через несколько дней, когда закончит переписывать несколько музыкальных произведений, которые он вчера одолжил у кого-то на Тельминской фабрике. Вчера ему и Бопрэ разрешили поехать на несколько часов на фабрику. Это был день именин Коссаковского Валериана и Жонжевского. Я бы тоже легко получил такое разрешение, но мне сейчас невыносимо любое радостное общество, даже состоящее из своих. Адольф сегодня начал учиться итальянскому. Только бы мы остались здесь три месяца, и я уверен, что при моем легком методе и Петр с Вольфгангом по-немецки, и Адольф с Юстинианом по-итальянски говорить начнут, а потом смогут обойтись и без учителя и остальное выучат сами, хотя сейчас даже читать на этих языках не могут. Козлов мне дал сегодня для чтения «Ундину» — повесть, по-немецки написанную прозой де ла Моттем Фуке, а по-русски написанную стихами Жуковским, которая была недавно издана в Петербурге с красочными гравюрами. Это, как все говорят, произведение, выполненное с огромным талантом. И хотя я не знаю русский язык настолько, чтобы самому понимать и почувствовать его красоту, однако был рад взять эту книгу, чтобы ею мог развлечься Боровский, хорошо знающий русский язык. Ручиньский сказал мне, что вчера господин Золли просил его позаниматься с ним французским языком. То же самое этот последний повторил мне. Я рад, что он не обиделся на меня, что раньше я ему в этом отказал, и что заменяющий меня Юстиниан будет иметь возможность стать полезным человеку, который тоже сможет пригодиться. А при этом уроки обеспечат Ручиньскому хоть какое-то денежное содержание, что в теперешнем нашем положении очень нужно каждому из нас, когда мы доведены до того, что должны зарабатывать на содержание собственным трудом.

18 декабря, понедельник. Сегодня из Иркутска пришли деньги для нас. Господин Дейхман хочет, чтобы мы ему представили, кто из нас сколько хочет их взять, это означает, что

не все сразу нам отдадут. Но я постараюсь, чтобы мне выдали все мои. Другим есть что делить, некоторым пришло из Иркутска 300 или 400 рублей. Для меня же было не больше чем 83 рубля, и не знаю, когда прилетит новую помощь одна или вторая мать, а я сейчас нуждаюсь во многих вещах. Мне жаль, что у меня нет столько денег, чтобы сшить себе черную одежду, до самой смерти уже никакую другую я носить не хочу.

19 декабря, вторник. Этой ночью я очень мало спал. Сон перенес меня в Жердзь, где я старательно выпытывал у матери Даровской самые мелкие подробности последних минут той, которая всегда будет жить в моем сердце. Я помню, что просил об этих подробностях, добавляя: «Чтобы я мог их внести в умы осиротевших детей». Что и наяву является моим постоянным желанием и постоянной мыслью. О, как же мне было горько вдруг пробудиться от этого сна! Может, это было откровение того, что происходило на самом деле и о чем я так сильно хочу знать. Сегодня вечером я получил все мои деньги, присланные из Иркутска, 82 рубля 62 копейки. Вежливый господин Дейхман не чинил в этом никакого препятствия. Все мои деньги теперь — это 140 с небольшим рублей. Но я надеюсь, что через несколько месяцев мне пришлют из Жердзя и Беднаривки, как я об этом просил в двух письмах, написанных здесь и в Иркутске, а тем временем того, что имею, при экономных тратах должно хватить. От объявленного Мевиусу своего решения не принимать никакого вознаграждения за мою работу я никогда не отступлю, чтобы остаться менее зависимым, что для меня превышает любых удовольствий и выгод.

20 декабря, среда. Кроме часов, занятых моими обязанностями, и тех, которые я ежедневно посвящаю братьям, я еще пытаюсь придумать себе разные занятия, чтобы хоть немного развеять грусть и снять тяжесть, лежащую на сердце. Напрасно! Образ детей и той, которая для них и для меня навеки потеряна, не уходит из моих мыслей. А при этом воспоминания о счастье, которое продолжалось, к сожалению, так коротко, преследуют меня всегда и везде. Я не понимаю, как другие могут искать развлечений и находить их в обществе чужих людей. Мне тяжело находиться даже в обществе братьев, потому что каждый из них счастлив по сравнению со мной. Поэтому я редко и ненадолго к ним прихожу... *Nessun maggior*

dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria!! (Данте, Божественная комедия, Ад, 5, 121).

21 декабря, четверг. Я просил у Дейхмана разрешения двум друзьям поехать на фабрику, чтобы купить там некоторые вещи. Я его получил, и завтра туда должны поехать Боровский и Рошковский. У меня даже если бы и было желание и возможность для этой поездки, то я бы не нашел времени, так сейчас занят. Какой-то еврей из Подолья, несколько лет как сосланный в Сибирь, приехал из Тобольска и показывает разные штуки. Хорошо подражает голосам птиц и зверей и при этом делает еще другие фокусы весьма умело. Вечером его позвали в дом Мевиуса, где собралось около двух десятков человек, здесь живущих, и он показывал свои умения, к большому удовольствию местной элиты обоих полов.

22 декабря, пятница. Петр и Адольф были сегодня у тельминских друзей, которые уже получили свои деньги из Иркутска. Но они все время находятся под какой-то охраной, от чего мы свободны с самого начала. Друзья же из Александровска только несколько дней как получили отдельное жилье, а до этого времени их всех держали на гауптвахте. Из Тельминска мы получили грустное известие, что Янишевский болен. Жена Мевиуса должна завтра поехать с дочерьми в Иркутск, чтобы там провести праздники в доме генерала Руперта, встретиться с мужем и остаться там до Богоявления. Меня не радует такой долгий перерыв в недавно начатом обучении, поскольку девушки, несомненно, забудут то, чему могли научиться за две недели. Но что сделаешь? Нет другого выхода, и после их возвращения придется начать снова. В конце концов, это естественно, что мать хочет, чтобы ее дети развлекались.

23 декабря, суббота. Поездка госпожи Мевиус была отложена до завтра. Тем временем сегодня после обеда, когда я был занят французским с моими девушками, вдруг почтовый колокольчик привлек их внимание, и из саней, которые оставились перед домом, мы с приятным удивлением увидели высаживающегося Мевиуса. Он из-за каких-то обязанностей своей должности был вынужден вернуться домой раньше, чем предполагал. Его неожиданный приезд обрадовал жену и детей. Все выбежали обнять этого счастливого мужа и отца.

Образ этого домашнего, самого сладкого счастья на земле напомнил мне, как когда-то, при каждом моем возвращении домой, драгоценная моя Пелагия, не видя меня всего несколько часов, всегда встречала меня с невысказанной радостью, а как же я всегда был счастлив, когда возвращался к ней и к моим любимым детям... Было невозможно подавить горестное впечатление, которое вызвал во мне вид объятий этой хорошей семьи,— и я убежал, чтобы закрыться в моем одиноком уголке. Майор Мевиус надеется, что наших отправит за Байкал до весны и что мы со Щепковским останемся здесь дальше. Жена майора с дочерьми едет в город завтра, он же через несколько дней.

24 декабря, воскресенье. Очень рано я был у нашего майора. Застал его за чаем с семьей. Он пригласил меня разделить с ними завтрак, повторяя свое давнишнее приглашение: чтобы всегда утром в семь приходил к нему на чай, снова заявляя, что он в это время обычно свободен от дел до девяти часов и что это время посвящает семье и друзьям, добавил он, пожимая мне руку. Я поблагодарил за эту любезность и сказал, что когда-нибудь ею воспользуюсь. Уходя, я предупредил, что на обед не приду, поскольку с друзьями по традиции нашей церкви мы решили весь день поститься, а сочельник я проведу с ними. Также я предупредил, что на общее богослужение как сегодня, так и завтра и во все праздники и воскресенья мы решили собираться вместе, а предстоять нам будет один из друзей, ксендз Нарцис Яжина. Собравшись в квартире этого последнего, мы совершили наше богослужение в одиннадцать часов. На этот случай ксендз Нарцис приготовил у себя скромный алтарь. Бопрэ с Уминьским, оба хорошие повара, занялись приготовлением праздничного ужина. А с появлением первой звезды мы все собрались на ужине, пригласив на него нескольких солдат и двух заключенных-земляков. Если очень грустно этот день я отмечал в прошлом году в Киеве,— ах! насколько же тогда я был счастливее в сравнении с теперешним положением! Тогда я, правда, был в очень строгой тюрьме, но, хотя и редко, получал все-таки письма от жены; надеялся, что к ней вот-вот вернусь; я писал ей об этом, был в этом очень сильно уверен, обещал уже никогда не расставаться с ней и детьми до самой смерти; я решил посвятить им всю свою жизнь — не

больше сорока с небольшим миль отделяло меня от дорогих мне людей... А сейчас... я самый несчастный из всех людей, с сердцем навсегда разбитым, в котором одна боль заняла место сладких чувств, без утешения, без надежды, в чужой стороне мира, в тысячах миль от детей, которых я, быть может, уже не увижу, от могилы, в которой лежит то, что было для меня всем, единственным для меня счастьем на земле!

25 декабря, понедельник. Утром общие молитвы и завтрак у ксендза Нарциса, позднее визиты с поздравлением к Мевису, Дейхману и другим чиновникам, обед у майора. Оттуда меня к себе на кофе приглашает господин Золли, и я сижу с ним один на один до семи часов. Сегодня у майора вечер с танцами. Я открутился от этого и как можно скорее убежал в свою одинокую комнатку. О, незабываемая, дорогая моя Пеллагия! После того как я тебя потерял, нет для меня в этом мире утешения. *Una tecum periere omnia gaudia nostra!*

26 декабря, вторник. Во время сегодняшнего богослужения ксендз Нарцис прочитал написанную им короткую, но очень подходящую к нашему положению проповедь. Семья майора собирается поехать в город только в четверг. Я назавтра пообещал урок моим девушкам, сегодня очень уставшим после вчерашнего бала. Антоний получил записку от Фридриха Михальского. Он жалуется на разные неприятные стороны своего и друзей положения. С ними жестко обходится тамошний начальник, господин Зверев,— как видно, достойный своей фамилии.

27 декабря, среда. Сегодня, когда я был утром у майора на кофе, он меня очень ласково упрекал, что я не бываю у него по вечерам. Я ему пытался искренне объяснить, что меня тяготит любое собрание, что я даже своих товарищей редко навещаю, что одиночество соответствует моей грусти, которую уже ничто не сможет развеять. Он, видимо, это не очень понимает и усиленно просит, настаивает, закликает, чтобы после окончания ежедневных уроков с его дочерьми оставался там и вечером развлекался, я делаю это дольше, чем обычно. Он, несомненно, это говорит по доброте сердечной и желая мне добра. Но не вызывает ни малейших сомнений, что подобные ему люди мало способны вникать в страдания других, которых они сами не знают,— а особенно чиновники на вы-

соких должностях не любят и иногда считают неуважением, когда кто-то отказывается принять довод их благосклонности и милостивого отношения... Поэтому необходимо и в этом приспособиться к чужому мнению, необходимо себя заставить, оставаясь там дольше, чем я делал до этого. А все для того, чтобы, противясь, не обидеть этого человека, так хорошо относящегося ко мне и доброго ко всем моим товарищам. Но я не считаю, что должен там пропадать каждый вечер и всегда бывать на ужине, обычно подаваемом в десять или в одиннадцать. Мне кажется, что будет достаточно, если там время от времени, раз или два в неделю, останусь так долго, как он хочет. Сегодня у него на обеде был советник Александровского завода, где находятся одиннадцать наших: ксендз Юлиан Зелиньский, Ежи Олеша, Кароль и Филип Олизар, Лесневич Иоахим, Гольньский Яцек, Михальские Фридрих, Люциан и трое из Вильно, недавно прибывшие: Брынк Ежи, Новицкий Наполеон и Родзевич Игнаций. После обеда господа Мевуис, их дочери и господин Дейхман выехали в Иркутск, откуда после Богоявления, а может, и позднее, должны вернуться. На протяжении уже нескольких дней постоянные морозы 32° Р.

28 декабря, четверг. Господин Пётровский вчера просил меня, чтобы сегодня утром я зашел к нему на чай. Я застал его еще в кровати. Вскоре пришел Щепковский, также приглашенный вчера. После чая вежливый хозяин велел приготовить нам кофе. Но у него нет ни запаха, ни вкуса, как у нас. Чаще всего сюда привозят плохие сорта кофе, а они не умеют ни обжарить, ни сварить как следует. Кроме того, здесь обычно к кофе подают холодные сырые сливки. Вернувшись оттуда, я застал в своей квартире чад, появившийся из-за слишком раннего закрытия печи. Сначала не обратив на это внимания, я позднее так сильно заболел, что мне едва хватило сил выйти из помещения и дотащиться до Бопрэ. Головокружение и невыносимая головная боль преследовали меня весь день. Я ничем не мог заняться; постоянная тошнота и сильная горячка.

29 декабря, пятница. Я и сегодня еще не могу прийти в себя. Друзья – Ручиньский и Яжина-младший – сегодня едут на фабрику, чтобы там отмечать именины Томаша Мрозовского, и поздно оттуда возвращаются. Рассказывают нам, что Янишевскому уже лучше, что всем нашим там хорошо и что

хотя у них есть охрана, то есть один солдат, однако тот им прислуживает, поэтому они не сердятся на стражу, с которой имеют выгоду. Говорят, что мы должны пойти за Байкал. И неизвестно, все ли.

30 декабря, суббота. Ко мне и Боровскому сегодня приходил господин Золли. Ходят слухи, что он якобы обручился с одной из дочерей местного секретаря Куляева, чему мне верить не хочется, потому что жаль бы мне было этого молодого человека, который бы так невнимательно отнесся к своим давнейшим благородным чувствам, предмет которых он оставил в Петербурге, как он мне сам рассказывал несколько дней назад. Одно несомненно: господин Куляев, имея уже достаточно взрослых, но непривлекательных дочерей на выданье, втягивает Золли в близкие отношения со своим домом и, может, имеет на него виды. После обеда я был у Золли, а вскоре после меня пришел туда Ручинский. Чай, с ним какое-то сладкое вино, мороженые яблоки, такой же лимон, хлеб с маслом, водка — и это все вместе, беспорядочно, по сибирскому обычаю. В это время пришел местный доктор Миколай Билицкий, малоросс из Харьковской губернии, понимающий язык и немного читающий по-польски. Он завтра едет в Александровск и там должен от меня передать привет Лесневичу, с двоюродным братом которого, Алексеем, он служил в армии во время турецкой войны. Позднее пришел господин секретарь Куляев, как мне кажется, не очень обрадовавшись, что Золли был дома не один. После его ухода хозяин оставляет Ручинского и меня на ужин и болтает с нами до полуночи. Щепковский заявил мне, что, наверное, не найдет свободного времени, чтобы учить немецкий. Боровский, хотя и не очень старательно взялся за этот язык, однако уже многому научился. То же самое я могу сказать об уроках итальянского Рошковского и Ручинского. Адольф сегодня говорил мне, что у него всегда есть готовое письмо жене, а иногда даже два или три, ожидающих возможности быть посланными. О счастливый, тысячу раз счастливый! А я, бедный, с момента осуждения все письма писал уже умершей, и ведь писал более десяти раз! Мне невыносимо напоминание товарищей, чтобы я избегал одиночества, чтобы искал развлечения и т. д. Как будто для несчастного в наивысшей степени и умеющего чувствовать

свое несчастье могут быть какие-то игры и развлечения, разве одинокие воспоминания и слезы не являются единственной достойной пищей, необходимой для удрученной души! Но они этого не понимают, и дай Боже, чтобы на собственном опыте никогда не поняли! Они бы, несомненно, не хотели верить, если бы я пытался им объяснить мои теперешние чувства, как и не поверили бы в счастье, которое я оплакиваю. И поэтому я решил ни перед кем не объясняться. Может, у меня есть здесь друг? Ах, нет! Та, которая была для меня другом, советчиком, наперником — всем, уже в гробу!

31 декабря, воскресенье. Сегодня Бопрэ получил две записки: от Иоахима и Фридриха. Пишут, что восемь из них живут отдельно, но с охраной, а трое из Литвы — до сих пор на гауптвахте. Однако едят они все вместе. Ксендз Яжина собственными руками украсил нам маленький алтарь, а я сегодня на него приготовил две надписи. Одна из Евангелия от Матфея: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Вторая из псалма 33: «Близок Господь к сокрушенным сердцем; и смиренных духом избавит».

1840 год

1 января, понедельник. Перед рассветом я писал в Иркутск через едущего туда солдата Шиманьского Яна, родом из Волыни, который когда-то был лакеем у Гольиньского Яцека, и за дело 1831 года сосланного сюда. Этот добрый парень доброжелателен к нам и услужлив, берется сделать в городе для нас кое-какие покупки. По случаю Нового года нам следует сегодня нанести множество визитов вежливости с поздравлениями к местным чиновникам. Из них всех, кроме начальника Мевиуса и директора Дейхмана, достойных и добрых людей, нам всем еще понравился местный полицмейстер Феденев, как человек вежливый, открытый и доброжелательный к нам. От чужих и от своих я сегодня получил много пожеланий «счастливого нового года». Но даже если этот год будет самым удачным для меня, даже если я получу свободу и вернусь на родину, счастливым я уже быть не могу — ибо нет уже для меня счастья на земле — никогда.

2 января, вторник. Говорят, что завтра должен вернуться наш майор Мевюс вместе с семьей. Не хочу этому верить, однако мне придется приготовить упражнения для уроков с моими девушками. Вчера у друзей я познакомился с одним из несчастных местных жителей, достойным внимания, Осипом Мартыновым, как его здесь зовут. Свою настоящую фамилию он называть не хочет. Родом черкес, сын богатого князя, как мы, за политическое преступление приговоренный к тяжким работам, находится здесь уже более десяти лет. Простой и необразованный, но добродушный и очень умный человек, он очень хорошо относится ко всем нам и оказывает большое уважение.

3 января, среда. Ожидаемый сегодня майор не приехал. Может, нам привезет какие-нибудь известия о нас. Одни из друзей ожидают писем от своих жен, другие, давно не имея от них никаких известий, боятся какого-то несчастья, я завижусь и первым, и вторым. Нет более несчастного состояния души, чем то, когда человек уже ни надеяться, ни бояться не может.

4 января, четверг. И сегодня майор не вернулся, и, значит, его можно ожидать не раньше чем после Богоявления. Очень интересно, останемся ли мы тут или нас отправят за Байкал?

5 января, пятница. С того момента, как я узнал о моем несчастье, то есть с 19 ноября, я только два или три раза видел сон о моей Пелагии. Раньше она мне снилась почти каждую ночь. А ведь я чаще, чем когда-либо, думаю о ней. О, добрый Боже! Не лишай меня, по крайней мере, такого утешения!

6 января, суббота. С Щепковским пообедали у Пётровского, который уже несколько раз упрекал меня, что я не прихожу к нему ни на обед, ни на чай. Потом я был у полицмейстера Феденева, который все больше нам нравится. На этот раз я познакомился со всей его семьей, то есть с женой, вежливой, но неразговорчивой женщиной, ее отцом, бывшим чиновником Бичтовым, тоже вежливым и, как кажется, добрым человеком, и тремя маленькими детьми. Они находятся примерно в возрасте троих моих. Созерцать их для меня было одновременно приятно и болезненно, особенно одного из них, среднего сына Лёля (уменьшение от русского имени Лолий, по-нашему Лоли-уш), возрастом и даже именем напоминающего мне моего Лёля.

С этим ребенком, его братом и маленькой сестричкой я довольно долго играл. Дети быстро ко мне привыкли и расплакались, когда я уходил. Сегодня ксендз Нарцис и Грабовский были у тельминских друзей и привезли известие, что там вчера или позавчера проходило десять наших из Варшавы, приговоренных к тяжким работам, как и мы, но на меньший и неодинаковый для всех срок. В Варшаве приговоренных к такому наказанию было тринадцать, но троих вернули с пути для какого-то еще следствия, проходящего в Кракове, куда их послали. Они рассказывали, что в Вильно проходят новые преследования из-за почитания памяти Конарского. Жена Булгака, приговоренного к поселению в Томской губернии, давно уже приехала к мужу (о нем и мы еще раньше слышали в пути). Редкая душа и сила характера у этой женщины. Молодая девушка, раньше — подруга первой жены Булгака (которая через несколько лет совместной жизни умерла, оставив маленьких детей), должна была выйти за него замуж, когда его арестовали. Однако это несчастье не уменьшило ее чувств. В общем, после уже зачитанного приговора, лишшающего Булгака дворянства, имущества и приговаривающего его к поселению в Сибири, несмотря на убеждения родственников и других людей, она настояла на своем решении, вышла за него замуж перед самой его отправкой из Вильно, и это только для того, чтобы иметь право, уже как жена, поехать за ним и здесь разделить его судьбу. Еще и такое известие привезли наши с фабрики, что там серьезно говорят о том, что мы все вскоре пойдём за Байкал. Но об этом, наверное, лучше осведомлен майор.

7 января, воскресенье. Здесь со вчера постоянные крики, песни и шатание по улицам пьяного народа, что происходит во время каждого праздника. Чрезвычайная дороговизна водки в России и в Сибири не уменьшила пьянства среди простого народа и даже укоренившегося в высших классах. Наоборот, здесь намного больше пьяниц любого сословия, чем в наших краях. Я был с Бопрэ у местного доктора Билицкого. Умный и хороший человек. Малоросс, не забыл родной язык, выражает привязанность и тоску по родной земле, куда вскоре намеревается вернуться. Он нам читал очень хорошо, с юмором и хорошим настроением сказки своего земляка Гребенко, написанные в стихах и на его родном наречии.

8 января, понедельник. Сегодня утром, после закончившегося урока итальянского, Ручинский остается у меня и долго разговаривает с Боровским об ожидаемом прибытии их жен, не догадываясь, что их разговор для меня был мучительным. Шиманьский вернулся сегодня, не до конца справившись с поручениями моих друзей. Мне также ничего не привез, рассказывает, что Раевский, через которого я лично послал Хмельёвскому письмо и деньги на покупки, не отдал ни того, ни другого, не знаю почему. Узнаю об этом завтра, когда Раевский придет, так как этой ночью обещают приезд майора, с которым тот приезжает.

9 января, вторник. Мы напрасно ждали майора. Есть информация из Иркутска, что он там с семьей еще несколько дней пробудет. Я уже рад буду его возвращению, чтобы иметь больше занятий, которые отрывают меня от этой невыразимой тоски и черных мыслей, которые все чаще берут надо мною верх.

10 января, среда. Я был у друзей: Грабовского Фортуната и Яжины Леопольда, первый раз с тех пор, как я здесь. Ручинский отказался от общего стола с Бопрэ, Рошковским и т. д., поскольку надеется жить более экономно, чем они. Он и Рошковский много берут из уроков итальянского языка, особенно первый.

11 января, четверг. Сегодня вечером у Боровского и у меня были на чае: наш хозяин с женой и один человек из канцелярии Мевюса. Общество и разговоры, о которых мы оба с Боровским до Сибири не имели никакого понятия.

12 января, пятница. О нашей судьбе ходят разные слухи, которым я совсем не верю. Мы все с нетерпением ожидаем майора, высматривая его каждую минуту.

13 января, суббота. И сегодня Мевюс еще не вернулся. Друзья при его возвращении надеются получить письма от жен. Дай им это, Боже! И береги каждого из них от несчастья, которое постигло меня. Сегодняшний вечер я провел один на один с Ручинским. Он хотел знать подробности о днях моего счастья, которое продолжалось так коротко! Внимательно, с искренним сочувствием он слушал меня. Я не раз видел слезы в его глазах. О, пусть Господь его вознаградит, сохраняя жену, которую он любит и к которой сильно привязан.

14 января, воскресенье. Наконец мы дождались нашего достопочтимого майора — он вернулся этой ночью. Я пошел туда утром и был сердечно встречен им и всей семьей. Я получил письмо от неоценимого Стаха Доливы, пишущего под именем Изабеллы Даровской. В этом письме я получил информацию, что обе матери, мои дети и сестры здоровы, как и остальная семья. Он пишет это 20 ноября прошлого года, не упоминая о моей утрате. Сообщает, что посылает 50 рублей, их мне еще не отдали, но что хуже, что двух последних писем, также с деньгами, о которых он пишет, я не получил и, скорее всего, уже не получу. Майор еще привез письма троим моим друзьям: Леопольду Яжине, Рошковскому и Грабовскому. Я сразу взял эти письма, чтобы их отнести как можно быстрее. Новости плохие: двое или трое из нашей здесь компании должны будут пойти за Байкал, и это вскоре произойдет. Наряду с этим приятное для меня известие, что Леопольд Немировский из тельминской фабрики должен быть переведен сюда. То же самое говорят о Яцке Гольнском. Адольф дал мне прочитать письмо своей жены. С какими же чувствами, с какими горькими слезами читал я это письмо, этого никто не сможет понять. Наши чрезвычайно огорчены отправкой за Байкал. Неизвестно, на кого выпадет жребий. Мевкус просил генерала Руперта, чтобы все могли остаться тут. Но когда и при вторичном своем обращении этого не получил, генерал потребовал от него назвать двоих или троих, которые должны будут пойти за Байкал. Майор заявил, что этого не сделает и что не хочет иметь на своей совести отправленных туда из-за него, и поэтому он предоставляет решение судьбе и воле самого генерала. Достопочтенный майор уверил меня, что о тех, кто туда будет отправлен, он напишет своему хорошему знакомому, поручая их его сердцу и честности, и надеется, что это письмо принесет результат. Раевский мне не привез ничего из моих покупок, поскольку, как говорит, потерял мое письмо к Хмельевскому. Но и то хорошо, что он отдал мне деньги, которые были в этом письме. Потеря десяти рублей в теперешнем положении была бы для меня очень чувствительной.

15 января, понедельник. Майор еще и сегодня повторил мне подробности своего разговора с Рупертом, который хочет, чтобы двоих или троих отсюда обязательно отправили. Я при

удобном случае попросил об Антонии и Адольфе, и майор пообещал, что их здесь оставит. Еще я хотел бы от всего сердца сделать то же самое для Петра, который также просил об этом для Юстиниана, хотя тот мне ничего не говорил, но я знаю, что он очень хочет остаться в Усолье. Мои ученицы не все забыли, принимая во внимание такой большой перерыв. Завтра утром я хочу пойти к майору и попросить у него разрешения написать моей семье и одновременно попросить его помощи в поиске моих где-то затерявшихся денег, то есть 150 рублей, о которых пишет Стах. Майор и его жена сегодня на вечеру у Куляева, с дочерью которого уже точно должен обручиться господин Золи. Всем жаль этого молодого человека, но на это его безрассудство и легкомыслие уже нет лекарства.

16 января, вторник. Поскольку наш майор вчера очень поздно вернулся от Куляева и сегодня утром еще спал, когда я был у него, я, не имея времени ждать, пока он проснется, решил отложить на завтра то, о чем сегодня хотел с ним говорить. А в это время я после обеда побывал у господина Дейхмана и горячо его просил оставить здесь Боровского и Ручиньского. Он обещал это несколько раз, говоря, что смело могу обоих заверить, что могут быть спокойны в этом вопросе.

17 января, среда. Сегодня утром я говорил с майором о Боровском и Ручиньском. Он повторил мне уверения Дейхмана, что эти двое, как и Бопрэ с Рошковским, останутся здесь. Он также обещал свою помощь в поиске денег, которые не дошли. Но заявил, что нам запрещено писать семьям. Непонятная, дикая жестокость. Чем провинились матери, жены, сестры, дети, чтобы их убивать нашим молчанием?

18 января, четверг. К Мевисуу вчера приехал господин Безносиков, адъютант генерала Руперта, который едет в Красноярск. Мы подумали, что, может, он привез что-то о нашей отправке за Байкал. Но майор торжественно заявил, что об этом даже не упоминалось.

19 января, пятница. Мне непонятно, почему из стольких моих писем, посланных из Сибири на Подолье разными путями, ни одно не дошло, как видно из последнего письма Стаха. Бедная моя мама, не получая от меня никаких известий, писала князю Горчакову в Омск, спрашивая, где должна меня искать со своими письмами, и князь указал ей адрес генерала

Руперта. Но почему письма других товарищей семьям, написанные одновременно с моими, доходили? И некоторые уже по несколько писем оттуда получили.

Обучение итальянскому с Рошковским и Ручинским продвигается вперед. Мне приходится уже писать им грамматику, да еще и по памяти, потому что, кроме Тасса, по которому они учатся, у меня нет ни одной итальянской книжки. Это писание правил языка, который я последние десять лет мало использовал, да и записывание их по памяти дается мне нелегко. Но я усердно занимаюсь сейчас и им, и немецким языком. Хочу также поработать над латынью и над английским. Пусть это изгнание (насколько позволяют грусть и тоска) не проходит бесполезно. А может, если Бог даст, я смогу еще пригодиться в образовании моих деток... Майор надеется, что мы все, сейчас находящиеся в Усолье, останемся на месте, и ждет об этом ответ из Иркутска.

21 января, воскресенье. После нашего богослужения я пошел к майору, но он только что уехал в Тельминск. Туда же сегодня направились Бопрэ со Щепковским навестить друзей. Госпожа Мевуис сказала мне, что сегодня 23-летняя годовщина ее замужества. Я ее искренне с этим поздравил. Счастливая жена и мать! Но, как я ни старался, не смог остаться там из-за впечатления, которое произвело на меня это обстоятельство.

22 января, понедельник. Дочери майора учатся хорошо и делают прогресс. Способности у них довольно слабые. Однако старшая более понятлива и даже гораздо лучше сестры. Об отправке за Байкал ничего точно не слышно, но из разговоров майора мне кажется, что все здешние останутся на месте. О тельминских и александровских ничего узнать невозможно.

23 января, вторник. При мне, когда я был утром у майора, пришла почта из Иркутска. Может быть, она принесла решение судьбы товарищей. Но до сих пор об этом не знаю. Рошковский, Ручинский, Боровский и Яжина ожидают в этом году своих жен, поэтому для них отправка за Байкал была бы трагедией, поскольку тогда их женам было бы труднее добираться. А при этом снова эта мучительная дорога, черепашиным шагом, в эту ужасную погоду, по ужасно бедным (как говорят) этапам, с новыми каждые два дня начальниками и т. д.

Словом, повторение через три месяца всего того, что было так ужасно. Страшно подумать!

Не знаю, чем закончится моя возрастающая с каждым днем тоска. Но не удивлюсь, если вскоре меня охватит полное помешательство. Я уже и сам часто замечаю какое-то ослепление и отсутствие реакции на то, что меня окружает. Это же замечаю во мне и мои товарищи уже давно. Я хотел бы это преодолеть и пытаюсь, но напрасно!

24 января, среда. Я не ошибся в моих предположениях о вчерашней почте. Пришел приказ, чтобы за Байкал, на нерчинские заводы, отправить всех, кроме Щепковского, меня и Уминьского. Сегодня майор сказал мне об этом, добавив, что еще напишет генералу с повторением просьбы о Бопрэ и других. Заявляет, что рад был бы заменить Уминьского на Бопрэ. Я прошу его, чтобы он дал товарищам несколько дней, чтобы они имели время собраться в такую долгую и неожиданную дорогу. Он высказывает недоверие, не собираются ли они использовать эту задержку для побега. С болью и гневом я это выслушал и этого последнего чувства скрыть не смог. Он даже заметил свою ошибку — старался оправдаться, но не смог и после достаточно долгого разговора дал себя наконец убедить, заверяя, что искренне заступится за моих товарищей через Пётровского, который сегодня поедет в Иркутск. Я повторяю просьбу о Бопрэ, Боровском, Ручинском и Рошковском, фамилии которых ему записываю, а он клянется, что о них горячо напишет генералу. Наши сегодня получили известие от александровских, что троих литовцев, Брынка, Новицкого и Родзевича, отправили сегодня в Иркутск и что остальным дали надежду, что их не тронут с места.

25 января, четверг. Снова сомнения о судьбе товарищей. Пётровский вчера не поехал, майор молчит, а я не хочу слишком часто на него давить, чтобы не потерять его расположение, ибо думаю, что оно искреннее.

26 января, пятница. Сегодня вечером к майору приехал Артамон Муравьев, за дело 1825 года приговоренный к пожизненным тяжким работам, потом к 20 годам, а теперь, год или два назад, со многими другими из этого же дела освобожден на поселение недалеко отсюда. Как он говорит, приехал сюда специально из-за нас. Очень красивый, с высшим образовани-

ем и просвещенный человек. Заметно, что время своей неволи он провел, совершенствуя свой разум. Хорошо понимает польски, в общении очень приятный. Очень уважаем майором, который чувствует безмерное его превосходство над собой. Я быстро с ним познакомился, и мы долго разговаривали друг с другом. Он был здесь раньше, до моего прибытия, и друзья очень лестно о нем отзываются. Он говорил с майором при мне о моем методе обучения языкам, из чего я делаю вывод, что последний спрашивал его мнение в этом вопросе. Муравьев обещал мне английские и итальянские книги. Хвалит наших варшавян, которых он недавно видел в Иркутске.

27 января, суббота. Я сопровождал Муравьева к моим друзьям, заранее предупредив их о его визите, чтобы все собралось у Бопрэ, у которого квартира лучше, чем у других. Там мы застали и Немировского, сегодня приехавшего с фабрики. Через Муравьева мы все пишем на родину. Я пишу длинное письмо матери Даровской, которое одновременно адресовано и моей матери, пишу по-французски и хочу отдать незапечатанным, чтобы Муравьев мог видеть, что там нет ничего, что могло бы причинить ему неудобство.

28 января, воскресенье. Утром я пошел к Муравьеву, живущему у Дейхмана. Там мы пили чай, и вскоре я с первым поехал к друзьям. Мы отдали ему наши письма. Он пообещал, что приложит все усилия, чтобы найти верный путь, по которому эти письма дойдут до наших семей, при этом уверил нас, что отсюда сегодня направляется в Иркутск, что там хочет быть полезным нашим братьям, позавчера отправленным с фабрики, и также обещал свою помощь и для здешних, если, что весьма вероятно, должны будут пойти за Байкал. Он уехал сегодня после обеда, сообщив, что завтра или послезавтра к нам прибудет княгиня Волконская с мужем, так же, как и Муравьев, в 1826 году приговоренным к тяжким работам, а сейчас поселившимся в деревне Урик в нескольких милях отсюда за Ангарой. Я буду очень рад познакомиться с этой княгиней, как с примером необычайной силы характера и посвящения. Во всей Сибири и России все с почтением и восхищением говорят о ней. Хордынський и ксендз Шайдевич, близко ее знающие, отзываются о ней как об ангеле доброты. Как раньше, то есть 12 лет тому назад, много о ней слышал от

Олизара Густава, который ее знал еще до замужества с Волконским и страстно любил. В девичестве она была Раевская. Сегодня Мевиус отмечает пятидесятилетие. По этому поводу в его доме праздник. Вечером собралось немало гостей из числа местных и окрестных чиновников, среди которых и директор тельминской фабрики Херасков. Немировский очень хвалит его честность и человеческое отношение к нашим братьям. Танцы до поздней ночи. Я с искренними чувствами выразил Мевиусу свои поздравления и пожелания. Он меня усиленно просил, чтобы я остался до вечера, а я не мог дать ему большего доказательства моего хорошего отношения, чем то, что остался там до конца, чего бы мне ни стоило лицемерие всеобщего развлечения, веселых лиц и большого количества собравшихся. Ведь я всегда после подобных событий гораздо больше грущу и тоскую, чем прежде. Прежде чем я пошел на вечер к майору, мы все собрались на чай у Ручиньского — и там достаточно долго проговорили об общей настоящей и будущей беде.

29 января, понедельник. Пётровский до сих пор не вернулся из Иркутска. Он должен привезти окончательное решение по поводу отправки за Байкал. Майор говорил мне, что сам через два или три дня будет в Иркутске и еще раз заступится за нас, если Пётровский не привезет удачного ответа от генерала. Сегодня вечером мы все идем на чай к Леопольду Яжине, живущему с Фортунатом Грабовским. А вечером все друзья должны будут собраться у меня и Боровского. Может, вскоре нас разделят, поэтому мы рады провести вместе хоть мгновенье. Кто знает, не последнее ли!

30 января, вторник. Наши усилия и надежды оказались напрасными. Сегодня пришел повторный приказ немедленно отправить всех, кроме Немировского, Щепковского, Уминьского и меня. Им велено быть готовыми завтра, и уже дано соответствующее поручение охране, которая должна будет их сопровождать. Я усиленно просил майора, чтобы отложить это отправление наших хотя бы до четверга, что он разрешил.

31 января, среда. Обещанные Муравьевым Волконские не приезжали. Возможно, они приедут в Иркутск помогать нашим или уже ждут их там. Я снова долго разговариваю с майором о наших братьях, прося его: 1) чтобы их отправили

отдельно от других заключенных из партии; 2) чтобы было достаточное количество подвод, чтобы они могли легко забрать вещи, которых теперь у каждого из нас немного больше, чем было перед Иркутском; 3) чтобы он помог в Иркутске им получить их деньги, которые они еще не получили и те, которые, быть может, в следующих письмах там их ждут. Он признал справедливость этих просьб и пообещал их выполнить. Сегодня вечером мы все собираемся у Щепковского, которому добрый господин Дейхман несколько недель назад дал жилье в своем доме. Угостить нас Щепковскому помогают майор и Дейхман. Первый, предоставляя свою кухню, вино и т. д., второй — чай, приборы, водку и услуги. Мевиус и все другие чиновники тоже приходят и с чувством прощаются с теми, кто завтра должен уехать. Мы продолжаем этот вечер до двух часов. Я чувствую себя очень слабым, надышавшись чадом еще до обеда. Но как могу стараюсь не показывать, что страдаю, чтобы не обидеть друзей, а еще больше — хозяина этого вечера, Щепковского. У Грабовского была хорошая идея сделать из одного из звеньев своих кандалов кольца для матери и для себя, с его цифрой и датой заключения в них в Киеве. Один из местных ремесленников, также ссыльный, довольно хорошо это сделал. У меня тоже давно было такое намерение; осуществлю его позднее, когда буду убежден, что такие вещи здесь смогут делать. Вчера отправили из Александровского завода ксендза Юлиана Зелиньского в Иркутск. Теперь в Александровске осталось семеро наших, которых оставили, как говорят, на постоянное поселение. Это: Олеша, двое Олизаров, двое Михальских, Лесневич и Гольныйский. Более удачливым был Зверев, тамошний начальник, чем наш достопочтимый немец, хотя этот последний, несомненно, имеет больше заслуг, чем первый, и влияния на Руперта, с которым находится в дружеских отношениях. Но наверное, тем друзьям больше, чем Зверев, помогли старания княгини Волконской, которые она предпринимала с самого начала. У наших была возможность познакомиться с ней, когда они ехали через Урик по пути из Иркутска в Александровск.

1 февраля, четверг. Хотя я лег спать около трех ночи, однако сегодня встал в пять утра, чтобы по просьбе Ручиньского, от его имени и имени Рошковского, Яжины и Боровского,

написать княгине Волконской, поручая ей их жен, которые должны приехать сюда этим летом или следующей зимой, как все четыре обещают. Я также написал отдельное письмо княгине от Боровского, поручая его письма жене и матери этой достойной особе. Из-за отъезда друзей я предупредил, что сегодня не буду на уроке французского и на обеде, желая провести эти последние несколько часов с друзьями. Майор сегодня утром направился в Иркутск. Я просил его найти там два письма, не полученных мною, о которых упоминает Стах Долива, и деньги, посланные с этими письмами. Наши не слишком рано отсюда выехали. Потому что уже готовых в дорогу и полностью собранных их пригласил к себе Дейхман на прощанье. Там он угощал нас кофе, вином и закусками, потом чаем. Мы просидели у него с три часа. При расставании мы все плачем, как дети. И Дейхман, сильно расчувствовавшись, прощается с уезжающими из его владений. Я с Немировским, Щепковским и Уминьским провожаю их за Усолье, и там снова со слезами прощаемся. В самый грустный момент у нас появляется приятное впечатление, когда мы замечаем во всех местных жителях любого класса доброжелательность к нам, уважение и почтение. Вечером я пошел со Щепковским к жене майора. Мы застали ее с дочерьми, плачущими, как говорила, над судьбой наших. Я забыл здесь написать, что вчера майор получил личное письмо от Руперта с сожалением, что не смог удовлетворить все требования майора по отношению к нам, поскольку уже раньше послал рапорт об их назначении к царю. Как жаль, что майор об этом не сказал раньше! Генерал также сообщил, что на днях один из его слуг хотел его отравить, но по счастливой случайности Руперт заметил это в самый момент совершения преступления и избежал того, что могло осиротить жену с восемью детьми.

2 февраля, пятница. Плохо мне и грустно без Петра, которого я полюбил и к которому привык, живя здесь. С этим уважаемым другом легко, он одновременно деликатный, понимающий и делающий поблажки в совместной жизни. Еще и то делало его общеприятным для меня, что он обычно был грустным, поскольку с момента отъезда из Киева он не имел никаких известий от жены и постоянно боялся ужасной трагедии и из-за этого лучше других мог понимать мое несчастье. Но

может, он еще вернется сюда из Иркутска. По крайней мере, майор обещал постараться заменить его там на Уминьского. Петр хочет видеть генерала и просить его, чтобы остаться тут, если только есть возможность. И сегодня дочери майора с чувством вспоминали о вчерашнем нашем отъезде. Находящаяся сейчас у них родственница полицмейстера, госпожа Глафира, плачет с тоской при каждом упоминании Леопольда Яжины, который учил ее играть на гитаре. Также его две ученицы, дочери господина Куляева (из которых одна на днях выходит за Золли), довольно смешные, некрасивые и уже немолодые девушки, видя всех расстроенными, сказали: «И мы тоже обязательно бы плакали, если бы не теперешние обстоятельства у нас» (обстоятельства приближающейся свадьбы).

3 февраля, суббота. Майор должен вернуться в понедельник. Дай Бог, чтобы ему удалось получить возвращение кого-нибудь из моих друзей. Он пообещал приложить все усилия. Только бы он не встретился с непреодолимыми препятствиями из-за этого рапорта царю.

4 февраля, воскресенье. Был у меня Левицкий Юлиан, один из местных, приговоренный к тяжким работам. Просил, чтобы я для него испросил повышения оплаты, по крайней мере до четырех рублей в месяц вместо неполных трех, которые он получает сейчас. Я пообещал постараться и охотно ходатайствую за него. Я знаю, что он солидный и хороший человек. Он был в той партии, которая шла рядом с нами из Тобольска до Красноярска. Поэтому я с близкого расстояния присматривался к его поведению и не увидел ничего преступного. Родом из Волыни, он служил десять лет экономом у Матеуша Залеского, отца Залеского Яна, моего друга в Замошце, а позднее в киевской тюрьме. У него была молодая и красивая жена, которой вскружил голову русский офицер. Муж (думаю, ничего не знавший об этом романе) однажды, вернувшись с охоты домой, застал любовников за их ласками. Увидев это, он, охваченный яростным гневом, сразу же отомстил врагу своего счастья, устроив ему солидную порку. Может быть, все на этом бы и закончилось, если бы жена не бросилась защищать любовника, а обвинять мужа, который, уже не владея собой, схватил заряженное ружье и жену убил на месте. Сделав это, сам сразу же пошел к начальству и от-

крыл свое преступление. Он сразу же был взят под стражу в Житомире, а через несколько месяцев был осужден на тяжкие работы в эту губернию. Жена майора с дочерьми поехала сегодня в находящуюся недалеко отсюда деревню Мальту, чтобы навестить там знакомых, поэтому я на весь день свободен от своих обязанностей. Я сам для более быстрого прогресса учениц во французском выразил, со своей стороны, готовность, если только им это не помешает и будут иметь охоту, заниматься с ними даже в праздничные дни, что безмерно понравилось родителям. Сегодня я был у оставшихся друзей, то есть у Щепковского, Немировского и Уминьского. У последнего я взял письмо, оставленное Ручиньским для женщин, которые должны сюда приехать, а именно: его жены, Рошковской, Яжины и Боровской, а это письмо я послал через жену майора в Мальту, чтобы там, в почтовом доме, оно ожидало приезда кого-нибудь из них, для сообщения, что они должны свернуть в Усолье и здесь от нас узнать о своих мужьях. У Немировского я застал господина Цыбульского, родом из Минской губернии, который сейчас служит надзирателем суконной фабрики в Тельминске. Немировский говорит, что это хороший, честный человек, который прибыл сюда искать более выгодную, чем на родине, государственную службу. Вечером пришел Немировский. С ним с семи до одиннадцати мы проговорили один на один. Он рассказал мне подробности своего ареста и всего процесса в Киеве, из чего я вижу, что он, как и я, был осужден без убеждения. Единственная опора старых родителей!

Зима здесь намного суровее, чем у нас, но мы как-то выдерживаем ее. Следует признать, что она довольно солнечная. До сих пор было только два или три дня метели. Но что нас очень удивляет, это внезапная и сильная перемена в градусах мороза. Часто бывает, что мороз утром 30, 32 или даже больше, через несколько часов уменьшается на 5—6 градусов Р. Иногда даже Меркурий поднимается на несколько градусов выше 0, что, однако, достаточно редко. Правда и то, что после такого потепления вечером мороз такой же сильный, как и сначала.

5 февраля, понедельник. Этой ночью из Иркутска вернулся Пётровский, но майор вернется только послезавтра. Первый о судьбе наших ничего не знает, а может, не хочет

говорить. Поэтому нас мучает неизвестность, удастся ли некоторых вернуть в Усолье. Может, по крайней мере Боровский это выпросит у генерала, если получит возможность увидеться с ним, о чем должен был усиленно стараться. Отложенное возвращение майора должно было сильно нарушить планы господина секретаря Куляева, который того только и ждал, чтобы его дочь послезавтра вышла замуж за Золли. Майор должен быть его посаженным отцом. Непонятна мне легкомысленность и слабость характера этого молодого человека. Недавно сам признавался мне, что оставил в Петербурге возлюбленную, с которой уже был обручен, с которой вместе рос и воспитывался в доме своей матери, очень желающей этого союза. Он говорил мне, что был к ней сильно привязан, о чем часто писал ей из Усожья. Через два, самое большее, три года он должен был поехать и жениться на ней. А тем временем долгая здесь служба гарантировала ему повышение на службе и увеличение жалованья. Ему сейчас 22, а ей 17, поэтому оба могли подождать. Но, несмотря на все это, без любви к нынешней невесте (он сам это признает) и только из-за того, что его начали преследовать посещениями секретаря, пользовались его неопытностью, умышленно его спаивали и тогда поймали его на слове, данном неосознанно, он зашел слишком далеко. И хотя в душе он сам об этом жалеет, однако летит в разверзнувшуюся перед ним пропасть. Он содрогается при мысли, что скажет мать, ожидающая совсем другую невестку, что почувствует та девушка, строящая все свое счастье на его постоянстве... *video meliora... deteriora sequor*⁷².

6 февраля, вторник. Майор написал жене, что вернется сегодня вечером. Поэтому после чая, вместо того чтобы удалиться к себе в одиночестве, как обычно, я остался там, чтобы ожидать его прибытия и узнать о моих товарищах. Наконец в десять он приехал, а с ним его сын, вежливый юноша, состоящий на военной службе. С майором еще приехали: Полторанов, ротмистр жандармов и Таскин, капитан горной инженерии, один из адъютантов генерала Руперта. Эти двое приехали на свадьбу Золли. Наши остались еще в Иркутске. Майор

⁷² *Video meliora (proboque), deteriora sequor* — вижу (и хвалю) лучшее, иду за худшим (Овидий. *Метаморфозы*. 7, 21).

искренне хотел выпросить возвращения некоторых в Усолье — напрасно. Он просил хотя бы об одном: Антонии или Петре — и это невозможно. Все назначены в главные нерчинские серебряные шахты. Случайно майор застал в Иркутске начальника этих шахт господина Татаринова и ему рекомендовал наших, надеясь, что эта рекомендация даст результат, что она принесет им облегчение в их судьбе. Майор жалеет, что их не направили на Петровский железный завод, как говорили вначале. Там, говорят, им было бы лучше, чем где-то в другом месте. Так считал и Муравьев, долго пробывший там с почти восьмьюдесятью своими товарищами. Наши сейчас писали своим семьям, и хотя с большим трудом, но наш достопочтимый майор добился отправки их писем. Жаль, что я об этом не знал, тогда бы тоже воспользовался этим случаем. Меня майор утешил известием, что письма, которые я вручил генералу в ноябре, были отправлены. О, великий Боже! Содейлай, чтобы они принесли желаемый результат. Но денег, о которых упоминает Стах, и двух писем с ними майор найти не смог. Он хочет еще официально запросить о них. Он предложил мне, чтобы несколько недель я учил его сына французскому языку, на что я охотно согласился. Муравьев, Волконский и еще несколько ссыльных за дело 1825 года находятся сейчас в Иркутске, чтобы оказать помощь нашим. Майор обещает, что Муравьев приедет сюда через несколько дней. Может, он привезет мне обещанные книжки, которые я жду с нетерпением.

7 февраля, среда. Сегодня утром молодой Мевюс мне сказал, что не несколько недель, а несколько месяцев здесь останется. Тем лучше, я дольше смогу быть ему полезным. Не знаю, чего бы я не сделал, чтобы доказать отцу и всей семье благодарность за их доброжелательность ко мне и моим братьям. Я ближе познакомился с господином Таскиным и был рад обнаружить, что это образованный и интеллигентный человек. Я с удовольствием разговаривал с ним сегодня около двух часов. На свадьбу Золи приехал также господин Рафал Василевский, офицер, состоящий на службе в комиссариате, друг молодого Мевюса. Родившись в польской семье (его отец, польский полковник, также был ссыльным в Сибири), в Петербурге, польский знает слабо, но хорошо проявляет чувства. Любит науки и не без корысти ими занимается. Ожидаю

от него и Таскина получить французские книги, оба знают этот язык. Кроме того, первый и по-немецки говорит довольно хорошо, а второй сейчас учится английскому, но и польский учит также и так уже преуспел, что даже понимает некоторые отрывки из Мицкевича.

8 февраля, четверг. Я заключил договор с моим хозяином. Я отдаю ему ту житную муку, которую каждому приговоренному к тяжким работам выдают из государственного склада по два пуда в месяц, и два фунта соли. Первую — по теперешней здесь цене, значит, вместе три рубля пятьдесят копеек, а два фунта соли — десять копеек. За это я имею: жилье на месяц, два стакана горячего молока каждое утро и к этому маленький кусочек хлеба, кроме того, дрова, воду и самовар для чая, когда только захочу. Также я договорился с хозяйкой о стирке белья.

Я получил огромное доказательство доверия госпожи Мевиус. Она пришла в комнату занятий, где я тогда был один, и сказала мне, что господин Полторанов у них обоих вчера просил руки старшей дочери, чтобы они спросили, какие чувства она к нему испытывает, а дочь открыто заявила, что не только не имеет к нему ни малейшей склонности, но даже чувствует отвращение при виде него. После такого откровения жена майора спросила мое мнение и совет в этой ситуации. Я высказывался долго, чтобы не вмешиваться в их семейные отношения и тайны, но она, не обращая на это внимание, настаивала, чтобы я открыто сказал, что думаю. Тогда я представил свое мнение: чтобы она не заставляла дочь, которая, как говорит мать, отдалась полностью воле родителей, что они тем более с течением времени будут обвинять себя в несчастье своего ребенка, что их дочь еще так молода, что ей до окончательного решения остается еще так много времени, и т. д. Она меня очень благодарила за мою открытость, уверяя, что все эти замечания полностью совпадают с мнением ее и мужа и что так, как я говорил, они решили поступить. Мы с Таскиным снова долго разговаривали о достоинствах поэзии Мицкевича, которыми он восхищается, и о других вещах. Очень рассудительный человек, хорошо думает и чувствует, а чувства и мысли умеет правильно оформить в слова. С Василевским я сегодня мало общался, поскольку он как друг жениха (по-местному

шафер) вместе с другими друзьями постоянно занят своими обязанностями. Завтра должна состояться свадьба в местной церкви. О, как же тяжело приходится подсчитывать годы неволи! А еще в чужом краю мира, в тысячах миль от мест, где находятся все наши мысли и чувства, с сердцем, пораженным тяжелейшей и невосполнимой утратой! Сегодня в одиннадцать утра была годовщина рождения моего второго сына, любимого Лёля. Сегодня этому ребенку исполнилось три года, и уже год он сирота!.. В конце позапрошлого года мне писала моя драгоценная в киевскую тюрьму, что нашему старшему сыну исполняется три года, а в этот день только мама может его обнять! Бедная, она не знала, что через пару месяцев и она покинет этих несчастных детей и что меня с ними осиротит навеки! О, дорогая и святая тень! Храни нас всегда. Будь им и мне заботливым ангелом! Это моя ежедневная утренняя и вечерняя молитва.

Какой-то солдат в доме Мевиуса в прошлом месяце гадал всему обществу, плетя каждому разные вымыслы и бредни. Обо мне, хотя я и не хотел слушать этого пьяного пророка, случайно, не думая и наугад,— однако правильно он сказал, что в феврале ждет меня ужасное страдание. Действительно, столько воспоминаний, столько впечатлений связано с этим месяцем! Сегодняшняя годовщина, через три дня мой день рождения, потом день рождения моей матери... и, наконец, в этом же месяце, годовщина страшного удара, который навеки сделал меня несчастным. О, почему же я до сих пор не знаю, в какой день февраля погасла для меня и моих детей единственная звезда, которая нам ласково светила! Последние мгновения, последние чувства и мысли этой бесценной, никогда не оплаканной жены, этой самой доброй, самой лучшей матери, этого ангела доброты и добродетели, несомненно, были заняты мною и этими бедными сиротами. Узнаю ли я когда-нибудь эти подробности? Смогу ли думать о них на ее могиле? И впитывать их в сердца моих детей как принцип их обязанности, их добродетели, как святой указатель для их поведения, для их жизни.

9 февраля, пятница. Мевиус с женой заменяют родителей Золли и организуют свадьбу, не жалея расходов. Огромный обед на несколько десятков человек у майора. После обеда

танцы. Они начались с польского. Но польский танец в Сибири складывается из двадцати с лишним пар, среди которых нет ни одного поляка или польки, за исключением, наверное, Василевского, хотя тот, рожденный и воспитанный в Петербурге, никогда не был в польских краях и слабо умеет говорить по-польски, показался мне настолько неправильным, что, будучи не в состоянии смотреть на эту карикатуру, я убежал к себе.

10 февраля, суббота. Из-за свадьбы уже несколько дней не учатся мои девушки. Я этому не рад, поскольку это и им вредит, и у меня меньше занятий.

11 февраля, воскресенье. Почти с самого начала этого месяца холода гораздо слабее. Сегодня утром только 5 градусов мороза. Но это не означает приближения теплой поры, поскольку здесь и в конце марта бывают морозы по 30 градусов. Сегодня гости уже разъехались. Уже пора закончиться этим постоянным забавам, гулянкам, танцам. Таскин и Василевский пообещали мне книги из Иркутска, а первый также обещал постараться разыскать мои 150 рублей, о которых писал Стах Долива. Мой день рождения! Это уже второй, проведенный в неволе. Но насколько же я более несчастный, чем был год назад! О, только бы там моим детям часто говорили обо мне и о их матери! В памяти старшего сына уже могло укорениться понимание его сиротства.

12 февраля, понедельник. Майор сегодня вошел в нашу комнату для занятий, когда его дочери писали по-французски под диктовку. Мне было очень приятно видеть, что они делают мало ошибок. Уже и говорить понемногу начинают. Одна только беда, что они пока не могут избавиться от плохого произношения, но и в этом есть значительные улучшения.

13 февраля, вторник. С молодым Мевисом французский идет неплохо. Только бы у него не пропало желание, тогда у него вскоре будет значительный прогресс. Но я сильно сомневаюсь, что он выдержит. Сегодня я начал упражняться в латыни. У меня есть Тацит и Цицерон благодаря Мархоцкому. В Красноярске по счастливой случайности я получил перевод Тацита Кояловичем. Я записываю латинский текст рядом с этим переводом, а позднее, закрывая одно или другое по очереди, пытаюсь отгадать или в Кояловиче Тацита, или в

последнем первого. Таким образом, я вспоминаю латынь, над которой когда-то я так много работал, что жаль было бы ее сейчас запустить. Я также работаю над немецким языком. Но наряду с ними не забываю про итальянский и английский. Мысль, что может это когда-то пригодиться моим детям, добавляет мне желания — оно в моих усиленных занятиях будет оживлять мою выдержку. О! Дай только Боже милостивый как можно быстрее вернуться к этим бедным сиротам, постоянно заботиться о них и остаток моих дней, мыслей, способностей и усилий посвятить им!

14 февраля, среда. По всем моим расчетам выходило, что если бы Боровский смог добиться в Иркутске, чтобы его не отправляли с другими заключенными, то самое позднее сегодня он должен был прибыть сюда. Но очевидно, этого добиться было невозможно и он уже был отправлен вместе со всеми. Сегодня сюда привели только вместе с обычными преступниками какого-то русского ротмистра, осужденного не за политическое преступление.

15 февраля, четверг. Моя обязанность теперь занимает время от десяти утра до четырех или пяти часов дня, то есть час или полтора с Павлом Мевиусом, а остальное с его сестрами. Общество Немировского все больше мне нравится. И чувствует хорошо, и мыслит основательно. Завтра утром он должен будет начать у меня обучение немецкому языку. Я искренне рад исполнить его желание, каждый день я буду посвящать ему то время, которое почти два месяца занимал Боровский. Леопольд собирается в свободное время нарисовать мой портрет. Если Бог даст мне вернуться домой, он стал бы подарком для моих детей. Ах! Почему же у меня нет даже изображения той, которую я уже никогда не увижу!

16 февраля, пятница. Перед самым уже рассветом я видел сон о моей матери, как бы возвещение, что сегодня день ее рождения; день, когда-то на протяжении многих лет весело отмечаемый в ее доме, а сегодня в более чем тысяче миль от нее, на другом конце мира, в неволе, я отмечаю этот день с болью и слезами. И мать сегодня там с грустью обо мне вспоминает, а при виде этой бедной сироты, находящейся в ее доме, вздыхает и плачет. О, несчастная моя мать! В течение одного года ты потеряла брата, единственного твоего сына и невестку, цен-

ность которой и сердце ты так хорошо знала и которая любила тебя с привязанностью родной дочери.

17 февраля, суббота. Майор спрашивает меня, как я оцениваю желание и успехи его сына в изучении французского языка. И по этому поводу просит меня, чтобы я старался подогреть его усердие, поскольку считает его легкомысленным и переменчивым. Он был очень рад, когда я ему сказал, что в самом начале его сын дал мне слово не пропускать ни одного дня учебы и что до сих пор, то есть от 8-го числа этого месяца, слово это держит. У этого юноши есть способности и благородные намерения, но очень мало образования, а при этом в нем заметно влияние дурной компании. Я хочу поближе с ним познакомиться и, может, смогу получить его доверие и оправдать те надежды, которые питает в отношении меня его отец.

18 февраля, воскресенье. Из Иркутска приехал молодой Красавин, приятель Павла Мевюса, неплохой парень, рожденный матерью-полькой и старающийся не забывать польский язык. Отец его — генерал и комендант в Иркутске, и он тоже находится на военной службе, но, как и сын майора, до офицера еще не дослужился. Прошел год, как я в Киеве получил последнее письмо от моей жены. Она тогда написала только несколько слов, должна ли отдать имение в аренду, и, каждую минуту ожидая моего возвращения, закончила такими словами: «Ах, неужели ты никогда не вернешься?» Увы! К моему несчастью, она угадала, что уже никогда в этой жизни я к ней не вернусь! В последние минуты ее болезненного расставания с этим миром ее чистая душа наверняка ясно видела будущее. Поэтому и судьбу мою ужасную, и после ее потери несчастье мое и никогда не угасающие чувства к ней она, должно быть, видела, так же как и сейчас ее дух наверняка видит эти слезы, которые я проливаю каждый раз, когда вспоминаю ее. О Боже! Смилуйся наконец и позволь мне плакать на ее могиле и там посвятить остаток моей жизни переливанию моих чувств в сердца этих троих сирот. С детских лет знание о матери и память о ней, со всеми движениями души, с каждым их действием на всю жизнь соединенная, были бы для них наилучшим, не лишенным добродетели впечатлением. Выслушай мои ежедневные молитвы, Отче небесный, и дай мне исполнить эту святую обязанность!

19 февраля, понедельник. Я получил присланную Василевским книгу *Lecons de litterature et de morale* и письмо от Жулковского с требованием, чтобы я отдал два тома *Cabinet de lecture*, взятые в Иркутске. Я хочу попросить его, чтобы эти книги еще остались у меня, потому что в них есть разные отрывки, написанные занимательным и легким языком, которые при отсутствии других книг пригодятся моим ученикам. На последней неделе перед Масленицей из Иркутска сюда понаехало много гостей обоего пола, и среди них господин Полторанов, жандармский офицер. Он, видимо, не перестал добиваться руки госпожи Александры, хотя в прошлый раз ее мать открыто сказала, что дочь не испытывает к нему никакой склонности и что родители ее заставлять не будут. Сегодня я получил коротенькую записку от Иоахима Лесневича, что их там оставлено восемь человек, как им сказали, насовсем» (кто эти восемь человек — не знаю), что он совместно с Гольнским купил дом и что Иоахим по прибытии своей жены, ожидаемом вскоре, хочет построить себе новую избу. Обижается, что я до сих пор им не написал. Нужно написать при первой возможности или — еще лучше — поехать к ним на пару часов, если мне разрешат! Я просил сегодня молодого Мевиуса, не захочет ли он ежедневно читать со мной по-русски и поправлять мое плохое произношение. Он охотно согласился, и мы сегодня начали. Его отец этому очень рад.

20 февраля, вторник. Прибыло еще больше гостей, и девушки, занятые ими, учиться не могли. С Павлом у меня был только обычный урок. Великолепный обед в четыре часа, после которого у майора будут танцы. Поэтому я туда уже не иду, а возвращаюсь в свою комнатку. Дейхман завтра едет в город. Майор приготовил официальное письмо о не полученных мною деньгах; это письмо должен взять Дейхман, который обещал постараться получить эти гроши. А может, ему удастся найти и два письма с ними. Для меня это важно не меньше, чем деньги.

21 февраля, среда. Благодарение Богу, мне снилась моя Пелагия. Но я видел ее несчастной из-за потери старшего сына. Боже! Только бы этот сон мне не предсказывал нового несчастья! В большом страдании человек невольно становится суеверным и впечатлительным, чего не было бы в ином поло-

жении. Майорша с дочерьми поехала в Иркутск на Масленицу. Муж остается дома. Я написал Жулковскому и Василевскому. Ему я напомнил обещание найти там для меня словари: латинский и английский.

22 февраля, четверг. Сегодня я мало занимаюсь с Павлом, потому что он собирается уехать на пару дней. С искренней радостью я вижу, что наш Немировский все больше нравится майору. Он отдал ему сегодня портрет его сына, очень похожий и прекрасно выполненный черным карандашом. После обеда майор нам показывает свою довольно богатую коллекцию минералов. После чего каждому из нас дает распятие из литого железа, изделие одного из забайкальских заводов. Вечером я наблюдал любимую здесь народную забаву: у нас ее называют *горка*, а за границей *русские горки*, здесь ее называют *катушка*. Это развлечение, хотя его часто сопровождают сильные ушибы, а иногда и смертельные травмы, очень здесь нравится людям любого положения.

23 февраля, пятница. Мой друг, пришедший на занятия раньше, чем обычно, рассказывает, что слышал о наших. Что они уже десять дней как ушли за Байкал, что русские ссыльные из-за них были в Иркутске до последнего момента, что помогали на все способы, доставляя одежду, белье и т.п., деньги, книги и запас еды в дорогу, чай, сахар, табак и т.д. Словом, поступили с ними воистину по-братски и доброжелательно. Пусть Бог их вознаградит всеми благословениями!

24 февраля, суббота. Я написал пару слов Иоахиму. Может, завтра в ответ получим какую-нибудь информацию. Говорят, что не все наши были отправлены из Иркутска, что там остались Янишевский, Кисель и один Яжина. Но это очень сомнительные слухи.

25 февраля, воскресенье. Как раньше я писал итальянскую грамматику для Адольфа и Юстиниана, так сейчас мне следует заняться подготовкой немецкой грамматики для Леопольда. Но это будет немного легче, чем то, потому что я нашел здесь какую-то русско-немецкую грамматику, которую перевожу и переделываю. Леопольд усердно взялся за этот язык.

26 февраля, понедельник. Не таким усердным учителем стал для меня молодой Мевуус, как я для него, поскольку после первого занятия со мной русским чтением он уже ни

разу не вспомнил об этом. Мне же напоминать об этом неудобно. Может быть, конец Масленицы и рассеянность из-за него были причиной этому, но, как мне кажется, у него просто нет желания скучать с моим чтением.

27 февраля, вторник. Сегодня утром по почте на адрес майора с официальным письмом пришло письмо для меня, написанное Стахом Долиной еще 6 августа. Но с ним не прислали 50 рублей, о которых упоминается в письме. Может, они найдутся с другим письмом и сразу 100 рублей. Стах пишет, что к тому времени туда дошли только мои письма из Тобольска и Тары.

28 февраля, среда. Из Иркутска вернулся Дейхман и привез Немировскому письмо от отца. Василевский книг мне не прислал, видимо, не смог их найти. Красавин сдержал слово. И хотя у меня нет словарей, которые я ожидал, все равно я рад, что он мне теперь прислал несколько других книг, таких как: *Le provincial a Paris*, Монтини, два тома; *Exaltation et piete*, Монтолье, один том, *Un coeur pour deux amours*, Жани; *La Dot de Suzette*, один том. Эту последнюю будут читать дочери майора. Вскоре и их брат сможет ее понимать, если будет так же настойчив, как они. Вчера господин Таскин прислал нам *Corinne ou l'Italie*, мадам де Сталь.

29 февраля, четверг. Василевский писал Павлу и добавил любезную приписку для меня. Пообещал найти книги.

1 марта, пятница. Мне удалось оказать услугу дорогому другу Леопольду без его ведома. Ему здесь поручили обязанность заведовать государственными конями и волами, следить за их кормлением, упряжью, хозяйственным инвентарем и т. д., при этом руководить несколькими людьми, которые этим занимаются. Это поручение было для него чрезвычайно тягостным, ведь он никогда в жизни не был хозяином. Однако, поскольку в сегодняшнем положении каждому из нас приходится делать то, что ему прикажут, ему, бедняге, каждый день по несколько раз приходилось туда ходить, теряя время, которое он с большей охотой и пользой занял бы рисованием, чтением и т. п. Но позавчера во время чаепития майор, говоря о нем, вспомнил об этой обязанности, спрашивая меня, рад ли он этому. Я честно рассказал, как обстоит положение. Он снова спросил: «А Уминьскому директор какое-нибудь место

назначил?» «Нет»,— ответил я. «А разве он не может исполнять то, что поручено тому?» — «Может, даже намного лучше, ведь большую часть своей жизни на родине у него не было другого занятия». — «Хорошо, как только директор вернется из Иркутска, я сразу ему скажу, чтобы он это изменил». Дейхман вернулся вчера. А майор, видимо об этом помнил, потому что сегодня утром Немировского вызвали, чтобы он передал обязанности Уминьскому. Первое марта! Ужасная годовщина, день, когда меня заковали в кандалы после объявления мне такого неожиданного, такого непонятного приговора. И это в тот момент, когда я был уверен, что вот-вот, освобожденный, вернусь домой! Я бы тогда ее уже там не застал, увы! Был бы и тогда уже, как сегодня, навеки несчастлив, но, по крайней мере, я был бы в местах, звучащих ее жизнью, ее воспоминанием; плакал бы на ее могиле, мои дети не были бы полными сиротами, как сейчас, бедная моя мать не была бы так несчастлива!

2 марта, суббота. Когда я сегодня утром пришел в обычное время (это я строго соблюдаю) к моим ученикам, то не застал их дома. Вся семья была у полицмейстера Феденева, который пригласил к себе на завтрак весь высший свет Усолья. И это по случаю того, что он после совершения великопостного богослужения сегодня исповедовался и принял причастие. Это обстоятельство у русских всегда является причиной торжества и громких сборищ, чтобы, как они говорят, поздравить с причастием. Я вижу, что молодой Мевуис может быстрее научиться французскому у меня, чем научит меня читать по-русски. Я не пропускаю ни одного дня, чтобы дать ему урок, как это обещал, он же после первого получаса чтения со мной об этом не вспоминает уже две недели. Но и мое с ним изучение французского продвигается довольно слабо. Я убедился, что сильная воля, быстрое понимание и трудолюбие ему не свойственны.

3 марта, воскресенье. Приехал сюда подполковник Казанцев на смотр местных вооруженных сил. Я видел его еще в Иркутске, когда он посещал нашу тюрьму. Тезка, а может, и родственник офицера Казанцева, который на этапе перед Нижнеудинском здорово нам насолил. В одном можно быть уверенным, по воспитанию и поведению их можно принять за родных братьев. Позднее приехал господин капитан Биркин,

офицер дорожной инженерии и мостов, человек образованный и с широким кругозором, тем более что сравнение его с первым выставляло его в очень выгодном свете.

4 марта, понедельник. Наш майор был в Урике, откуда он привез от княгини Волконской 30 с лишним томов: *Bibliothèque choisie pour les dames*, под редакцией мадам Дюфрено. Это настоящее сокровище для меня сейчас, тем более что несколько томов этой коллекции содержат древнюю литературу. В этих книгах многое найдется и для моих девушек, когда они лучше изучат язык. А пока я буду ими пользоваться. Там есть хорошие переводы Тацита, Цицерона и т. п., поэтому внимательное сравнение с текстами очень поможет поупражняться в латыни, которой я искренне и постоянно хочу заниматься. Я постараюсь еще найти Горация на латыни. Его оды всегда были настоящим наслаждением для меня. Я также сильно рад тому, что могу и дорогому другу Леопольду давать эти книги, так как майор поручил их моей заботе. Но Мевуис привез очень грустное известие, что наши в Александровске (как говорила княгиня) все неожиданно срочно были отправлены за Байкал. А ведь некоторые из них купили здесь дома! Я с беспокойством ожидаю возвращения солдата, который туда пошел вчера и взял мое письмо Иоахиму. Майор говорил мне, что у него есть большая надежда оставить нас на месте и, чтобы убедиться в этом, он поедет в Иркутск, а там хочет просить генерала об этом в качестве награды за свои тридцатилетние заслуги. Это его собственные слова.

5 марта, вторник. Я получил записку от Иоахима с ответом на мою. Видно, они еще на месте. Но опасаются, что их могут отправить за Байкал, а это их опасение подтверждает то, что Волконская говорила майору. Может, такая же судьба ждет и нас, несмотря на искренние старания Мевуиса оставить нас здесь, имея в этом свой собственный интерес. Иоахим пишет, что он слышал о прибытии к нам Янишевского. Мы, наоборот, слышали, что его отправили из Иркутска, несмотря на старость и болезнь. «Они огорчены, что им нельзя писать семьям, то же самое и у нас; этот восьмой с ними — это Родзевич Игнаций, возвращенный из Иркутска, поскольку отчим его, старый Олеша, умолял, чтобы у него не отнимали этой единственной опоры на старости лет». Далее Иоахим сообщает,

что директор им заявил, чтобы дома они не покупали, хотя сначала сам им предлагал покупать, и Яцек с Иоахимом на эту покупку потратили половину своих денег, а кроме того, купили пару коров, пару коней и сделали другие хозяйственные приготовления. Теперь им все это придется продавать за бесценок. Мевуис говорил, что хочет поручить Немировскому давать уроки рисования его дочерям.

6 марта, среда. Сегодня закончилась четверть года, как я нахожусь здесь. Все это время я не просил позволения сделать хоть шаг за пределы Усолья, хотя другие товарищи по несложку раз бывали на фабрике. Поэтому я думал, что тем смелее могу просить сейчас разрешения поехать в Александровск, чтобы там встретиться с товарищами по несчастью, может быть, уже последний раз, если правдой окажется то, что сказала Волконская. Я не ошибся. Майор разрешил эту поездку мне и Леопольду. Он велел нам не нанимать коней, сказав, что велит их нам дать. Он потребовал, чтобы в четыре или пять часов после обеда вернулись; я это пообещал и точно исполню. Он обещал нам дать письмо к тамошнему начальнику Звереву. Тем временем я приготовил на завтра задания для моих учеников, чтобы моя поездка была без ущерба для них.

7 марта, четверг. Вернувшись из Александровска. Наши братья невыразимо обрадовались нашему приезду, а больше всего Гольнский и Лесневич, к которому мы заехали. Они все, получая намного меньше доброжелательности и хорошо-го отношения со стороны своих начальников, совершенно не ожидали нас здесь видеть. Я познакомился с двумя братьями Олизарами и Родзевичем. Может, наше пребывание там побудит местного директора позволить также двоим или троим навестить нас. Они только то преимущество имеют в своем положении, что могут получать из Урика хорошие книги, каких и сейчас мы много увидели у них. Все единогласно повторяют похвалы княгине Волконской и другим жителям Урика. Пробыв с друзьями несколько часов, мы вернулись в назначенное время.

8 марта, пятница. Майор должен завтра поехать в Иркутск, чтобы там стараться подтвердить наше проживание здесь, в случае если даже будет приказ отправить за Байкал александровских. Я просил его по поручению Фридриха, чтобы пись-

мо и деньги для него, находящиеся в Иркутске, были ему срочно отосланы. О том же я просил для Иоахима и Яцека. Майор велел дать ему об этом записку.

9 марта, суббота. Сегодня здесь была Зверева. Она долго говорила со мной о наших, выказывая много сочувствия и сердечной доброты. Они тоже позавчера ее все хвалили. У доктора Билицкого я нашел и одолжил латино-русский словарь.

10 марта, воскресенье. Пётровский вернулся с соляного завода за Байкалом. Когда он ехал туда три недели назад, то встретил наших из Тельминска, Александровска и отсюда, объединенных вместе в Иркутске. Они встретились с ним перед самым озером (как здесь говорят, морем). Пётровский добавляет, что когда он зашел к ним, то застал всех здоровыми, они тогда пили чай и передали ему привет для нас.

11 марта, понедельник. Годовщина именин Пелагии. Уже прошло два года с тех пор, как я отмечал с ней этот день. И мог ли я тогда предполагать, что это было последний раз?.. Мне невозможно освоиться с мыслью, что уже никогда не увижу той, которую тысячу раз я вижу и слышу в моей душе и каждое слово которой так живо звучит в моей памяти и так отражается в моем сердце, как будто было только что сказано. В неволе, в изгнании, когда другие чувства часто застывают и ослабевают, память сама, как бы для большего мучения, становится более живой и широкой, чем раньше. Я постоянно повторяю за Данте: «Нет боли сильнее, чем в неволе вспоминать дни счастья» (Данте, Божественная комедия, Ад, 21).

12 марта, вторник. Я ожидал, даже не знаю почему, с какой-то уверенностью, что сегодняшняя почта что-то нам принесет. Это была напрасная иллюзия. Ведь уже настало время получить ответ на письма, отправленные из Иркутска. Уже даже могло прийти решение на те письма, которые я вручил генералу. Я всегда считал ожидание самой страшной мукой, и именно ее я сейчас испытываю.

13 марта, среда. Этот дневник уже стал для меня насущной потребностью, только он является безграничным поверенным всех моих чувств, то есть всех моих страданий. Потому что сейчас одним только страданием бьется мое сердце... Раньше я писал этот дневник с той оживляющей мыслью, что моя дра-

гоценная будет его читать. Для нее я за него взялся, для нее я так хранил его от злобного взгляда киевских надсмотрщиков, которые, забирая у меня все, наверняка были бы рады вырвать этот памятник ужасных часов в тюрьме. Теперь уже только по привычке пишу я эти страницы. Но эта привычка так сильна, что мне было труднее перестать писать или потерять написанное. В конце концов, может, Провидение еще позволит мне вернуться на родину и, может, там его когда-нибудь будут читать мои дети — тогда, когда я уже, наверное, давно воссоединюсь с их матерью. Поэтому для них он будет иметь ценность, хотя для других был бы напрасным и неинтересным трудом.

14 марта, четверг. Старшая дочь Мевиуса сегодня во время урока говорит мне, что ее мать хочет просить меня, чтобы я учил французскому десятилетнюю дочку ее знакомой, которую госпожа Мевиус хочет взять в свой дом. Я ответил, что это сделать не смогу и совсем не желаю, имея мало свободного времени, а еще меньше здоровья для этого. Я буду рад, если госпожа Александра скажет это матери, а та чтобы мне об этом уже не говорила. Но и в этом последнем случае я попрошу у нее прощения и открыто скажу, что не смогу этим заняться. Майор уже как-то упоминал о намерении своей жены взять этого ребенка в дом, и я при этой возможности ясно заявил, что не хотел бы заниматься обучением этой девочки, и майор тогда признал мою правоту. С таким слабым, как сейчас, здоровьем мне достаточно, каждый день по семь часов у меня уроки в их доме; я делаю это с охотой и даже удовольствием ради этих хороших людей, а особенно для достопочтимого майора. Я стараюсь, чтобы он как можно раньше увидел прогресс своих детей. Но я все же хочу иметь несколько часов для себя, для одиноких размышлений и для моих слез.

15 марта, пятница. Сегодня майорша мне ничего не говорила об обучении этой девочки, которая здесь, похоже, осталась на постоянно. Может, Александра повторила вчерашний ответ матери, а может, она оставила меня в покое, так было бы лучше. Завтра мы ожидаем возвращения майора из Иркутска. Дай Бог, чтобы он привез мне письмо от моих! Интересно, что стало с отправкой за Байкал александровских. Кто знает,

может, это ожидает и нас, здешних. Немировский говорит, что ему абсолютно все равно. Что касается меня, то я хотел бы остаться здесь (только бы не навсегда!), а не совершать это путешествие.

16 марта, суббота. Шиманьский, солдат, пришел утром объявить, что идет в Иркутск, и поэтому спрашивает, не нужно ли нам чего. Я попросил купить шесть фунтов сахара, три фунта дешевого табака вакштафа (фунт по 1 рублю 20 копеек), поскольку на лучший у меня нет денег, и еще несколько мелочей. На все это я дал 25 рублей. Майор писал, что вернется во вторник.

17 марта, воскресенье. Я еще раньше просил местного директора за Левинского, чтобы ему дали какую-нибудь работу с зарплатой больше, чем неполные три рубля в месяц, которые он получал, как каждый другой работник. Сегодня я узнал, что мое слово не было напрасным и что ему на днях поручили какой-то надзор при варении соли, с оплатой пять рублей в месяц и надеждой на повышение жалования.

18 марта, понедельник. Майор неожиданно приехал этой ночью. Но ничего определенного о нашей судьбе не привез. Из того, что он там слышал, следует ожидать, что и александровские, и мы останемся на месте. Он спрашивал про письма для нас, но никому ничего не было. Сегодня приехал сюда ксендз Клодоальд Шайдзевич на два или три дня, чтобы исповедовать местных католиков.

19 марта, вторник. Майор делает мне предложение учить принятую в их дом маленькую девочку Надежду Малаеву. Я повторяю то, что говорил раньше, что не могу взять на себя эту обязанность при таком слабом здоровье и большом количестве занятий. Он меня заверяет, что это обучение могло бы принести мне двести или триста рублей в год. Я на это отвечаю, что и за три тысячи рублей в месяц не взял бы на себя эту задачу, которую тщательно выполнить не в состоянии. Он, кажется, немного удивился, но уже больше не настаивал. Ксендз приглашает на мессу в нанятую им квартиру. Там собралась значительная часть местных католиков. Их всех около двухсот. В том числе несколько женщин и с тридцать солдат. Сегодня около пятидесяти человек было на исповеди. Мы, политические ссыльные, должны будем совершить ее завтра. Уже три

дня подряд хорошая погода и совсем тепло. Снег значительно тает. Но утром и вечером бывают морозы до 15–20° Р, иногда даже и больше.

20 марта, среда. Снова святая месса, на которую приходят некоторые чиновники с женами и детьми. Мы все исповедуемся и принимаем Святое причастие. Завтра ксендз должен будет уехать в Тельминск, там остаться два дня для исповеди и оттуда направиться в Александровск и только потом вернуться в город. По местному обычаю нас все поздравляют с причастием.

21 марта, четверг. Я всю ночь не спал, писал очень длинное письмо матери, а, кроме того, второе письмо княгине Волконской с огромной просьбой позаботиться о первом. В письме матери я написал отдельно несколько слов любимым деткам, несчастным моим сиротам, но когда писал, почувствовал такое сильное сердцебиение, головокружение и тошноту, что почти час был совершенно без сил. Только потом сильные слезы принесли мне немного облегчения и я мог писать дальше. Ксендз после обеда у майора поехал на Тельминскую фабрику, а поскольку путь из Александровска лежит через Урик, он пообещал там отдать мое письмо княгине Волконской.

22 марта, пятница. Придя утром к моим девушкам, я застал Леопольда за первым уроком рисунка. Майор просил его, чтобы он три раза в неделю давал его дочерям уроки рисования, а маленькой Надежде Малаевой каждый день урок французского языка. Поэтому сегодня он начал делать и то и другое. Он думал, что это я спихнул на него проблему занятия с этим ребенком. Но я сразу исправил эту ошибку, рассказав, как было с майором, и ручаясь, что о нем (Леопольде) не было ни малейшего упоминания. Прошу майора написать моей семье, рассказав обо мне в нескольких словах. Он обещал это сделать, но еще не знает, через кого. Сегодня после обеда 9 градусов тепла, вечером сильный гром, после которого сразу очень холодная буря с градом и вьюгой, а позднее 12 градусов мороза, который все усиливается.

23 марта, суббота. Солдат, которому Немировский и я дали деньги на покупки, вернулся из Иркутска. Но теперь там все так подорожало, что вместо того, чтобы получить сдачу, нам пришлось еще доплатить несколько рублей.

24 марта, воскресенье. Очень ясный и теплый день вызвал желание выйти после обеда на прогулку с Немировским. Но только мы вышли за деревню, как нужно было возвращаться назад, так как идти дальше не дала грязь. Но если еще с три дня продержится такая погода, то все уже значительно подсохнет и можно будет ходить далеко. Снега уже мало, но земля везде еще замерзшая, и, как здесь говорят, так будет еще долго. У нас, на Подолье, уже давно хорошая погода, тепло и все зеленое. Должно быть, мои любимые детки давно уже бегают во дворе... там, наверное, уже зеленится та могила, которая является первым предметом моих мыслей о родине. О! Дай мне увидеть ее, Боже милостивый! Дай мне молиться возле нее и плакать с тремя сиротами. Я писал матери, чтобы они своевременно объясняли им их потерю. Я с этого бы начал их воспитание. Но я также бы смог лучше рассказать о ней, а слезы, сопровождающие каждый такой разговор, перелили бы в их детские души это чувство почитания и любви, которое позднее стало бы зерном всех добродетелей. Этому бы я посвятил остаток моих дней.

25 марта, понедельник. Праздник Благовещения, и не было занятий. Мне бы очень хотелось иметь наш календарь, чтобы знать праздники нашей церкви. Но откуда его здесь взять? Я забыл сказать об этом ксендзу. Он бы привез из Польши.

26 марта, вторник. Снова никакой почты ни для кого из нас, увы! Из Александровска прислал Михальский Люциан письмо Леопольду, прося у него какие-то лекарства из местной аптеки. При этом его отец прислал записку Янишевскому, поздравляя его с тем, что был помещен сюда. Откуда они берут эти слухи?

27 марта, среда. Леопольд Немировский тоже столуется у Мевюса. Я этому невыразимо рад, поскольку Леопольд будет иметь меньше расходов, и я чаще буду иметь возможность находиться в его обществе, чрезвычайно приходящемся мне по душе.

28 марта, четверг. Вечером я гуляю с Немировским. Грязи мы уже видим немного, а снегу — очень мало. Прекрасные пейзажи на Ангаре, местной реке, которая под Иркутском уже безо льда, а здесь, наверное, тоже вскоре его лишится. Сегодня я дал моим девушкам учить наизусть французские стихи,

чтобы через них настраивали ухо и язык на плавное произношение. Старшая понимает больше, младшая лучше говорит, но зато имеет некоторые плохие навыки, которых я не замечаю у той. Обе всегда старательные и работающие.

Глава вторая

Письмажены. — Немировский Леопольд. — Ремесленный дом. — Странная ошибка. — Воскресение. — Моя дочь. — Место над Ангарой напоминает берега Збруча. — Мои дети. — Тоска. — Одинокие мысли. — Стах Долива. — Первая утренняя прогулка. — Воспоминания. — Описания соляного завода. — Чай на острове. — Корабли из Иркутска. — Якубович, русский политический ссыльный, кого мне напоминает? — Земляк чиновник возвращается на Волюнь. — Генерал Руперт — разговор с ним — впечатления после него. — Жара. — Смерть Хордыньского. — Купание в Ангаре. — Известие о детях. — Немировского берут в Иркутск. — Я здесь чужой. — На чем бы я хотел основать воспитание моих детей? — Слав по Ангаре. — Пейзаж. — Якуты. — Раевский Владимир, политический ссыльный. — Наши в Александровске. — Необычный характер жены Иоахима Лесневича. — Петрарка много позаимствовал из русского языка. — Чем Сибирь лучше Португалии? — Свежие фиги, выращиваемые здесь. — Письма и известие из Подолья и из-за Байкала. — Ярмарка в Усолье. — Семья Ланг. — Юлия. — Детская смертность. — Прошлогодние долги. — Латинские и польские книги там, где я не ожидал. — Поршень, лучше называемый по-сибирски. — После дыни репа на десерт.

1840

29 марта, пятница. С того времени, как я узнал о моем несчастье, то есть с 19 ноября прошлого года, я первый раз решился прочитать письма моего ангела. До этого мне было невозможно отважиться на это, хотя я и пытался часто. Но сам вид бумаги, которой обернуты эти письма, всегда сжимал мое сердце невыразимой болью. У меня не было силы их развернуть, заглянуть в них я не смел. Сегодня я наконец преодолел эти чувства и, закрывшись в своей комнатке, от начала и

до конца прочитал эти дорогие письма, окропляя каждое слезами. Я прочитал их, наверное, с тысячу раз, каждое письмо уже почти знаю на память, однако сегодня мне казалось, что я читаю их первый раз. Каждое слово пробуждало множество воспоминаний, навсегда оставшихся в моей душе. Я не мог оторвать глаз от этого дорогого почерка. Эти письма, обручальное кольцо и еще несколько вещей, хранивших память о ней, — вот все, что осталось у меня с того счастья, с того богатства моего сердца! И даже эти письма, постоянно носимые на груди, так часто читаемые и в Киеве и на пути в Иркутск, сильно протерлись, бумага во многих местах повреждена, скоро станут нечитаемыми. И так постепенно я могу бесследно потерять это последнее, единственное теперь мое сокровище. Поэтому я хочу, насколько возможно, это предотвратить. Хочу заказать здесь маленькую папку, предназначенную исключительно для этих писем, чтобы можно было их хранить не сгибая. Но это произойдет не скоро. Поскольку здесь каждый ремесленник, то есть приговоренный к тяжким работам (других здесь нет), постоянно так занят работой, назначенной ему начальством, что имеет очень мало свободного времени и трудно от этой работы оторваться. Тем временем я перепису эти письма в этот дневник — каждый день, а скорее каждую ночь по одному письму⁷³. Увы! Недолго будет продолжаться это переписывание! У меня их только шестнадцать, хотя она написала их в два раза больше с момента нашего расставания в течение пяти последних месяцев своей жизни. Но варвары, которые в Киеве так жестоко издевались надо мной, отобрали у меня и это утешение. Теперь я уже каждый день буду смотреть на эти слова как на самую дорогую святыню, каждый день их читать и думать о ней, вызывая ее дух.

30 марта, суббота. Большое торжество в доме нашего майора и множество приглашенных гостей на сытный и роскошный завтрак, и все по случаю того, что его жена и дочери вчера совершили пасхальную исповедь и сегодня приняли причастие. Это великолепие, показуха и шум в греко-русском вероисповедании, при таинстве, к которому должны вести исключитель-

⁷³ Большая часть этих писем пропущена как имеющая мало общего с самим дневником.

но смирение и сокрушение, и, прежде всего, при исполнении самой главной, святой христианской обязанности, мне кажется, не очень соответствуют духу истинной набожности, так прекрасно показанному в Евангелии. Сегодня день абсолютно весенний, очень ясный и теплый. Я с два часа гулял с Леопольдом за деревней.

31 марта, воскресенье. Утром я был у полицмейстера, которого уже давно не навещал, и играл с его детьми, думая о моих, а больше всего с его Лёлем. После обеда я пошел в местные магазины и купил кое-какие безделушки для праздничного подарка моей хозяйке и ее ребенку. Разные дела, а особенно подготовка упражнений для моих девушек не дали мне до сих пор заняться переписыванием писем моего ангела. Завтра хочу это сделать обязательно.

1 апреля, понедельник. Все время хорошая погода и тепло. Но еще нет никакой зелени, не видно ни малейшей травки. Хотя уже почти везде уже сухо, но сильно замерзшая земля не допускает вегетации. Дождей еще тоже не было, и здесь все говорят, что весной дождей бывает мало, поэтому и урожай обычно скудный. Утром я получил записку от Лесневича, сообщающую, что на днях в Иркутск почтой привезли каких-то трех знакомых литовцев, но не известно, за какое дело. Далее Иоахим пишет, что Люциан недавно получил письмо жены, написанное из Петербурга и не дающее ему никакой надежды на помилование. Что же касается меня, я не перестаю надеяться, что если только мой процесс рассмотрят, то невиновность мою сразу признают. Невозможно, чтобы приговор, так несправедливо меня осуждающий, не был бы отменен, чтобы меня не восстановили в правах и не вернули к родному очагу. Сейчас для меня могут сделать только это! Ибо разве есть на земле сила, которая бы мне жену и счастье, а детям мать смогла вернуть? С сегодняшнего дня начинаю переписывать ее письма. <...>... Бедная! По собственному сердцу судила она о других, не предвидя, что найдутся гиены, которым и чувства ее, и несчастье, и слезы, которыми это письмо было орошено, будут безразличны.

2 апреля, вторник. Прогуливаясь с девушками и господином Козловым, их родственником, мы встретили несколько десятков местных заключенных, приговоренных к тяжким ра-

ботам, запряженных, как животные, чтобы тянуть огромные бревна, предназначенные для строительства. Все в кандалах, вид которых и ужасное бречание всегда меня невыразимо удручают. И на этот раз я не мог скрыть неприятного впечатления, которое они на меня произвели, но идущая рядом со мной одна из девушек, с которой я об этом заговорил, очень спокойно и равнодушно ответила: «Мы к этому привыкли». В сегодняшней почте я снова напрасно высматривал какое-нибудь утешение. Два или три дня я представлял себе, что день рождения моей дочери принесет несчастному отцу письма от семьи, а может, и изменение его судьбы. Но напрасно! И конечно же, сегодня я стал еще несчастнее, чем был до этого, потому что майор мне заявил, что этого обещания написать за меня моей семье он выполнить не может, опасаясь серьезной ответственности за это. Это опасение напрасно и безосновательно. Но в том заключается наше несчастье, что майор, имея доброе сердце и благочестивые намерения, тем не менее чрезвычайно слаб, труслив и легко попадает под чужое влияние. О, дорогая Хеми! Любимая моя девочка, дочка несчастного изгнанника! Меня забрали тогда, когда тебе и шести месяцев не было. Сегодня тебе исполнилось два года. Наверное, ты уже бегаешь и щебечешь, радуя бабок, теток и всех, кто тебя видит. Умеешь ли ты произносить святое имя Матери? И часто ли его произносишь? Соединяешь ли с ним и имя отца твоего? Я об этом очень сильно просил и мою мать, и мать Даровскую. Но получают ли они мои письма? Майор говорил мне, что в это время (то есть после праздников) ожидает здесь генерала Руперга, и тогда я смогу ему лично представить все мои просьбы как по поводу писания моих писем, так и другие. О, я об этом, конечно, не забуду, только бы его увидеть и иметь возможность с ним говорить. Я не думаю, чтобы он хотел быть здесь менее доступным и добрым, чем был для меня в Иркутске.

3 апреля, среда. Утром Леопольд, придя, как обычно, на урок немецкого языка, сообщил мне грустное известие, что оставшийся в Иркутске наш достойный друг Людвик Янишевский там же в лазарете на днях закончил свою жизнь. Несчастней! Осиротил жену и нескольких детей! А кости его где-то в другой части света останутся неоплаканными! Мы пролили

с Леопольдом искренние слезы над уходом этого почтенного человека, этого всеми уважаемого старца, который у всех товарищей по несчастью пользовался большим уважением и почитанием. Мир праху мученика!

<...> И такого ангела доброты и нежности я потерял навсегда! Такое счастье я буду оплакивать до смерти.

4 апреля, четверг. Майор для Немировского выписал краски из Петербурга, а Леопольд обещал ими написать мой портрет. Но пока не пришли эти краски, я просил его, чтобы сделал мой портрет черным мелком, и для этого случая Леопольд взял у меня сегодня цветную бумагу. Я был бы рад послать этот рисунок моей матери, если подвернется удобный случай, что, к сожалению, случается редко. Доброе сердце, просвещенный ум, благородство, во многих вещах похожий на мой образ мышления достойного друга Леопольда все больше делают для меня желанным и приятным его общество.

<...> Тогда она велела молиться только самому старшему сыну, потому что только он уже начал говорить. Теперь все трое моих детей могли бы молиться о возвращении отца. Но внушает ли им это кто-то сейчас, когда они потеряли мать? Я об этом усиленно просил во всех письмах, написанных из Иркутска и отсюда.

5 апреля, пятница. Мы гуляли по берегу Ангары, здесь еще сильно покрытой льдом, хотя в других местах она почти растаяла. Мы вошли в большой ремесленный дом, в котором большое число разного рода работников трудятся постоянно: кузнецы, слесари, плотники, столяры, токари, шорники и т. д. Находящийся с нами господин Козлов, который здесь несколько лет занимал должность директора, сказал мне, что самих рабочих (по-другому, каторжных), то есть приговоренных к тяжким работам, в Усолье около тысячи, скорее всего, включая и нас. Всего же мужского и женского населения в Усолье около трех тысяч человек. То же самое я раньше слышал от майора. Подробности о Людвиге Янишевском, принесенные человеком, только что приехавшим из Иркутска, таковы: не будучи в состоянии получить освобождение от похода за Байкал, хотел получить хоть немного времени и дожидаться более теплой поры, чтобы, по крайней мере, это путешествие не случилось, пока стоят сильные морозы, от которых он при своих

болезнях, старости и слабом здоровье страдал сильнее, чем другие. Поэтому после долгого пребывания в остроге он, наконец, притворился больным. Поэтому его перевели в больницу для осужденных заключенных, то есть для преступников, а там через три дня после прибытия его нашли мертвым. Тот, кто рассказывал, добавляет, что, возможно, желание получить деньги, находящиеся при нем, подтолкнуло какого-нибудь разбойника, лежавшего с ним, приблизить его смерть при помощи яда. В одном можно не сомневаться, что здесь из-за нескольких рублей, замеченных у кого-нибудь, а даже из-за нескольких копеек происходят подобные ужасы.

6 апреля, суббота. Я очень слаб со вчерашнего вечера, настолько, что едва могу писать в этом дневнике. Всю ночь я и глаз не сомкнул. Постоянная тошнота с болью головы и груди ужасно меня мучают. Сегодня утром несколько слов Иоахиму о том, что я слаб, и о смерти Янишевского. Также попросил, чтобы он сообщил, если есть какие-нибудь известия. <...>

7 апреля, воскресенье. Леопольд пришел утром и вытаскивал меня на полицейскую башню, довольно высокую, на которой постоянно дежурит стража, следя за пожарами. Там с подзорной трубой, взятой у майора, мы хотели рассмотреть окрестности. Но это не удалось, поскольку пояс Саянских гор полностью закрыт лесом, и проклятый лес везде мешал нам удовлетворить наше любопытство. Отсюда только видно церковные купола Тельминской фабрики и крышу дома директора. Словом, только с одной стороны у нас был красивый вид поворотов Ангары. Этот вид должен быть еще красивее, когда она растает. Оттуда мы пошли на прогулку по Усолюю и ушли несколько верст по большаку до Мальты. Такой теплый день, каких до сих пор не было. На термометре 13 градусов Р.

Письмо шестое ⁷⁴. *12 ноября из Жердзя. Любимый Юлиан! Пишу тебе через госпожу Людвигу; но пишу так часто, что, наверное, повторяю тебе одно и то же. С 19-го ничего не получала прямо от тебя. Завтра уже должно быть письмо у губернатора, потому что уже третья неделя, как я писала этим путем. Дети здоровы. Я себя чувствую так же. Сегодня здесь был Стефаний, который все время обеща-*

⁷⁴ Письмо приведено для примера.

ет меня вылечить; но это мое чудесное исцеление — все это замки на песке. Будь здоров. Уже не знаю, когда тебя ожидать. О книжках для тебя я писала госпоже Холоневской. Если тебе срочно потребуются деньги, напиши Машкевичу, который тебе через Кароля плац-майору 10 рублей послал, он готов дать и больше, если ты без них не обойдешься. Но ты знаешь, что я не хочу злоупотреблять его добротой. Будь здоров. Обнимаю тебя очень сильно. Старшие дети тебя постоянно ожидают. Мама и сестры здоровы. Свадьба барона, скорее всего, отложится. В банк я заплатила, теперь думаю о налогах, которых трудно дожидаться от крестьян. Но все бы как-нибудь пошло, только бы ты вернулся. Еще раз будь здоров.

Сердце у меня разрывается при каждом слове этих писем, но мне невозможно оторваться от них. Один только вид этого дорогого почерка иногда удерживает меня при себе целыми часами какой-то невыразимой красотой. Это своего рода сладкая боль, которую моя душа любит превыше всего. Столько говорят, столько пишут о неизбежном влиянии времени, стирающего все — и сожаление, и память о предмете сожаления. Для меня это пустые слова, без содержания и правды. Я ее забуду? Да никогда, никогда! Скорее я утрачу способность помнить и чувствовать.

8 апреля, понедельник. День ветреный, хотя и теплый. На термометре 15° Р. Вечером первый дождь этой весны, разгоняемый ветром. Я написал достопочтимому ксендзу Клодоальду Шайдзевичу с просьбой сообщить, позаботилась ли княгиня Волконская о письмах: моем и Леопольда и одновременно об информации, как чувствует себя Хордынський, о выздоровлении которого уже никто не надеется.

9 апреля, вторник. Увы! Снова из почты ничего ни для меня, ни для кого из здешних друзей. Всю ночь дул противный ветер, утром дождь, потом сильный град, снег, с громом и молниями на протяжении нескольких часов. День очень холодный, как у нас в начале зимы. Записка от Иоахима сообщает, что он получил два письма от жены из Петербурга и что она обещает, что, пробыв в столице некоторое время, если удачно разрешатся ее дела, поспешит на Подолье, чтобы забрать остаток средств и приехать с детьми сюда к мужу. Иоа-

хим добавляет, что она в каждом письме спрашивает обо мне и велит передать привет. О, как же он счастлив, несмотря на весь ужас своего положения! С сегодняшней почтой пришел приказ об одном, уже полтора года в кандалах отбывающем здесь самые тяжелые работы, что, поскольку оказалось, что он невиновен и из-за ошибки приговорен к тяжким работам, а кроме того, является «подданным Австрии», родом из Галиции, то его необходимо немедленно освободить и сразу же в родной город, то есть во Львов, отправить. На всем земном шаре, наверное, нет другой такой страны, где такие ужасные вещи могли бы происходить.

10 апреля, среда. Сегодня я видел первую травку, едва пробившуюся сквозь землю и замороженную вчерашним градом и снегом. Это довольно редкое явление, чтобы густой снег сопровождался, как вчера, громом и молниями. Ангара здесь еще совсем не растаяла. Леопольд на днях нарисовал портрет майора, и получилось очень похоже. Имена этих трех литовцев, почтой привезенных в Иркутск, о которых я упоминал ранее: Франчишек Швейковский, Ян Тышкевич и Забелло. Неизвестно, куда их направят.

Письмо восьмое. 20 ноября из Жердзя. Наконец, невыносимо промучившись, я позавчера получила два твоих письма сразу. Первое — написанное 22 октября, а второе — 2 ноября. Позавчера также вернулся из Киева Александр Ланг, но о тебе он ничего не знает. Не знаю, что дальше будет со мной. Постоянное состояние такого горя и неуверенности продолжается слишком долго для моих слабых сил. Только бы ты был здоров и мог чаще об этом сообщать... Здесь столько сплетен, что, поверь мне, доводят до бешенства. Мне писали, что тебя содержат с двумя товарищами, но в твоём письме об этом ты ничего не сообщаешь. Дети здоровы. Но ты у меня из головы не выходишь, и мне все время кажется, что ты болен. Я все так же и сердечно тебя обнимаю.

11 апреля, четверг. В местных чиновниках вдруг проснулось желание говорить по-французски. Леопольд говорил мне, что недавно его просил государственный кассир Пер[фильев] давать ему каждый день по два часа уроки французского. Но Леопольд на это не согласился, будучи уже сильно занятым.

Ведь кроме обязанностей учителя, которыми его щедро наделили, кроме рисования портретов ему также поручили перерисовывать и переделывать разные планы домов, фабрик, казарм и других государственных зданий. Теперь снова директор Дейхман, племянник майора, просит его о каждодневных уроках французского. Ему отказать невозможно. Поэтому Немировский начал с ним эти уроки. Но я не знаю, найдут ли господин Константин Дейхман при стольких обязанностях своей должности, которые он выполняет усердно и деятельно, а что важнее, человечно и по совести, достаточно времени и терпения на трудную науку чтения и произношения по-французски. Поэтому это дело, скорее всего, само собой сойдет на нет.

12 апреля, пятница. Шиманьский вернулся из города. Но он не застал там ксендза Клодоальда, который выехал в Урик. Он привез нам известие, что не Янишевский умер в больнице, как нам сказали, а Ольшевский Михал, молодой человек из числа варшавян, сосланных сюда недавно, первый же был отправлен за Байкал. С приходом весны мое здоровье стало значительно хуже, чем было зимой. Частые головные боли, постоянная боль в груди с сильным кашлем и бессонница страшно меня мучают.

13 апреля, суббота. Леопольд отдал сегодня портрет майора, полностью законченный и оправленный. Вся семья, для которой это было сюрпризом, невыразимо рада этому изображению. Все единогласно признали, что портрет очень похож. О, почему же у меня нет портрета моего дорогого ангела! Или почему у меня нет таланта перенести на бумагу этот образ, который так ярко запечатлен в моих мыслях и моей душе!

Сколько же чувства, сколько же безграничной привязанности в этих письмах! Я не знаю больше женщин с таким сердцем, с таким умом, с такой отдачей себя. В ней было соединено все то, что в других поодиночке восхищает, нашу честь пробуждает и является счастьем. Ни у кого не было лучшего друга, более мудрого совета, более нежного утешения, более искреннего участия в каждом событии... Существует ли мера и конец сожалению после такой утраты?

14 апреля, воскресенье. Этой ночью я совсем не спал, даже не раздевался. Думая, что и Леопольд захочет быть на резу-

рекции (всенощной пасхальной службе), как он мне это сказал утром, я пошел к нему около десяти вечера, чтобы вместе пойти в церковь. Но я застал его спящим. Наконец я его разбудил, но напрасно, поскольку ему уже не хотелось вставать и одеваться. Резурекция, или, как ее здесь называют, «встреча Христа», совершалась очень шумно. Ярко была освещена церковная башня и вся ее ограда. Дом Мевюса, находящийся напротив церкви, также освещен, выстрелы из орудий и ручного оружия, фейерверки, чиновники и военные в большом параде и т. д. До трех ночи я был в церкви, потом ненадолго к майору и назад к себе, поскольку был так измучен и слаб, что едва держался на ногах. После резурекции сразу началась обычная служба, во время которой снова звучали частые выстрелы. Все богослужение закончилось около шести, и сразу же общество принялось за мясо, а еще больше за водку так усердно, что час спустя большая часть населения обоего пола уже еле ворочала языком. Леопольд Немировский, как и я, сегодня очень грустный. Придя утром, обратился ко мне с такими словами: «Сколько же сегодня слез прольется у наших семей!». А слезы, которые он видел в моих глазах, были доказательством того, что и я думал и чувствовал то же самое. Два года прошло с тех пор, как я отмечал сегодняшний день в своем собственном доме, счастлив от рождения дочери... О! как же я всеми силами души хотел этого ребенка! Все время беременности моей жены ни ей, ни кому другому об этом не говоря, я ежедневно в молитвах к Подателю всех благ вздыхал, чтобы, дав мне уже двоих сыновей, одарил меня еще и дочерью. И Бог, в невыразимом своем милосердии к иным благодеяниям своей доброты добавил еще и эту радость и этот свет счастья открыл для меня. Я выразить не смог бы той радости, с какой я услышал, что только что родившийся ребенок — дочка. Свыше дюжины из числа родственников и друзей разделяли мою радость. Через год этот самый день застал меня уже в тюрьме, в кандалах, в Перми, приговоренного к ужаснейшей судьбе. А ведь сравнивая мое состояние теперь с тем, что было год назад, насколько же тогда я был менее несчастным! Не зная тогда о своей утрате, среди самых ужасных условий, страдания и беспокойства, у меня всегда была надежда, что если буду жив, то к жене раньше или позже вернусь. А в самых мрачных

предположениях я был уверен, что она вместе с детьми поспешит разделить мое изгнание.

15 апреля, понедельник. Записка от Фридриха Михальского. Он хочет, чтобы мы к ним приехали, как будто считает нас свободными людьми! Несколько человек приехали сюда на праздники. Среди них брат нашего директора Модест Дейхман, Василевский и с ним другой офицер, Титов, все из Иркутска, откуда должны приехать еще и другие. Должен также быть какой-то генерал Черкесов из Петербурга, который едет в Иркутск. У майора подготовка к вечеру с танцами. Я, как обычно, оттуда убегаю. В саду у майора сегодня я заметил набухшие почки на деревьях.

16 апреля, вторник. Для меня жаркий день приходящей почты. Но и сегодня напрасны были мои ожидания, расчеты и надежды. Ведь с последних известий, которые я получал из дома, то есть от 20 ноября прошлого года, прошло уже пять месяцев, как совсем не знаю, что там происходит. Из шести писем, которые я писал с момента прибытия в Иркутск, я мог бы на каждое уже получить ответ, кроме разве что последнего, посланного через княгиню в конце прошлого месяца. Только бы те письма были отправлены! Мое беспокойство превосходит любое понимание. Леопольд говорит мне, что, когда он еще был вместе с другими, Коссаковский получил письмо из дома, сообщающее, что ему были посланы белье и одежда. Но ни того ни другого не отдали, хотя он требовал этого настойчиво. Наконец, когда их всех привели в Иркутск, чтобы отправить дальше, Коссаковский снова добивался своей посылки. Ему ответили, что ее нет, но у них есть информация, что ее стоимость составляет девяносто рублей и их ему обещают отдать. На его счастье, нашелся кто-то, кто о таком очевидном злоупотреблении, а лучше сказать, о бесстыдной краже, доложил Руперту. Тот сразу же приказал, чтобы посылка для Коссаковского немедленно была найдена и отдана ему. И несколько часов спустя Коссаковский получил свое белье и одежду. Кто знает, не произошло ли что-то подобное и со мной, с той только разницей, что после того случая осторожность посоветует уничтожить письма, просящие о высылке белья, одежды и денег, о чем я писал в каждом письме. Теперь у меня не будет ни малейшего следа, чтобы напомнить об этом. Это отсутствие

ответа мучает и Немировского. Мевуис сегодня поехал в город. Я, как обычно, просил его помнить о письмах и посылках как для кого-нибудь из нас, так и для Александровска. Я хотел навестить местных чиновников. Но все закончилось на одном только желании, и сразу после обеда я вернулся к себе, чтобы побыть в одиночестве. Я знаю, что мне следовало бы бывать иногда у разных людей, представляющих местную элиту, тем более что все доброжелательно относятся ко мне. Но какое значение имеют мои благие намерения, если я не знаю их языка, не умею им выражаться, не знаю их обычаев, не могу принять ни одно, ни другое, не могу себя переломить и всегда что-то другое ношу в душе и в сердце? Поэтому, хотя иногда и заставляю себя пойти в общество, все заканчивается тем, что поскольку меня там ничто ни занято, ни удивить не может, так и мое присутствие не приносит им никакого удовольствия и кажется им тяжким и неприятным. А заставлять себя мне неприятно и совершенно бесполезно.

17 апреля, среда. Здесь даже в высшем обществе соблюдают государственное предписание «пасхального ничегонеделья» всю неделю. Мои девушки тоже этого придерживаются и сейчас совсем не учатся. А даже если бы и хотели хоть немного заниматься, о чем я их прошу, чтобы долгий перерыв не навредил им, то и так они постоянно принимают гостей, которых вынуждены развлекать, и у них нет ни минуты свободной. Сегодня по-настоящему весенний день. Мы с Леопольдом ходили в лес, где видели цветок ветреницы, у нас везде называемый сон и там цветущий голубым цветом, а здесь — желтым. Я ошибочно год назад написал в своем дневнике, что в Сибири нет жаворонков, а ведь они уже неделю здесь поют. Словы наши абсолютно неизвестны в этих краях. Земля еще не зеленеет. <...>

Она хвалила Гайворонского и Бибикова! Выразила им благодарность! Бедная! Она не знала о том, что первый, как член Следственной комиссии, вместе с Писаревым издевался над мной и всячески обижал, а Бибиков уже тогда, должно быть, решил погубить меня, подчиняясь давлению своего секретаря Писарева, моего личного врага.

18 апреля, четверг. Майорша со своими гостями поехала сегодня в Мальту, отсюда полторы мили, и вместо того, чтобы

вернуться вечером, как собирались, она прислала оттуда за Щепковским и еще несколькими музыкантами. Скорее всего, всю ночь они будут там веселиться и танцевать. Я большую часть сегодняшнего дня и весь вечер с радостью сижу, закрывшись у себя, чтобы здесь погреться в прошлом моем счастье, — сегодня источник моей печали и моих слез.

Тринадцатое письмо. 1 января 1839 из Жердзя. Почти уже не знаю, что и как пишу тебе. С каждым днем мне все хуже и печальнее. Ведь другие могут ехать к своим, а я слишком слаба. Поэтому нет возможности вырваться. Против меня играет все, даже забота и привязанность других. А ведь я никогда не поправлюсь, если буду так мучиться. И эта дорога, которой боятся для меня, может, мне бы больше помогла, чем навредила. О Боже! Дай сил! От письма твоего, написанного 30 ноября, ничего не приходило, а вестей, противоречащих друг другу, тысячи. Муки, муки адские, конца которым не видно. Не понимаю, почему не пишешь, может, ты болен? Или Комиссия занимает твоё время? Или твои письма лежат в местной канцелярии? Губернатор в Киеве. Должен был вернуться только вчера, а в его отсутствие ничего не выдавали. Будь что будет, но я все время беспокоюсь и боюсь... посылаю тебе немного белья... Будь здоров. Нежно тебя обнимаю. Денег тебе не посылаю, потому что после уплаты налогов у меня осталось всего имущества 5 зл. Но Машкевич писал мне, чтобы ты дал ему знать, если будешь нуждаться. Поэтому напиши ему или, если можешь, дождись его приезда в Киев, где он будет, самое позднее, 20-го числа. Дети здоровы. Мися очень спокойная и хорошая, а мальчики своевольные и крикливые.

При этом письме карточка, на которую я без слез не могу смотреть, при виде которой сердце мое замирает от боли. На ней несколько слов. Их нацарапали ручки моих любимых деток, направляемые рукой матери или кого-то из дядек... В конце карточки мать добавила: мальчики сами диктовали и писали. Только это есть у несчастного отца от детей, которых он оставил в младенчестве, которых любит превыше всякого разума и которые, увы, уже год как остались сиротами... тысячу раз я повторяю ее слова: Боже! Прибавь сил!

19 апреля, пятница. Леопольд в эти дни более тоскливый и грустный, чем обычно. Я, хоть и сам всегда грустный и понурый, старался его развлечь. Сегодня всю вторую половину дня я был с ним. Вечером притащил его к себе. И здесь за чаем мы беседовали о наших семьях и о прошлом до самой поздней ночи. Его присутствие в Усолье, его общество — настоящее сокровище для меня.

20 апреля, суббота. Майора еще нет, но сегодня он наверняка вернется домой, на завтрашние именины его любимой дочери Александры. Одновременно это именины его жены. Дождь, льющий сейчас как из ведра, не задержит его в пути. Это первый ливень этой весной. Но какая буря была перед ним! Казалось, что сорвет все крыши. О, только бы майор привез мне письмо от моих! Вчера прошло пять месяцев от последнего о них известия.

Пятнадцатое письмо. *27 января из Жердзя. Любимый Юлиан! С 30 ноября до сегодняшнего дня я ничего от тебя не получала. Сегодня из твоего письма под номером 12 я узнаю, что 3 пропало, но слава Богу, что дошло до меня хотя бы последнее. Дети здоровы. На нашу часть попался профессор И. Б. из С... Прошу тебя, срочно сообщи, сколько более-менее мне просить, поскольку если ты быстро не вернешься, я не в состоянии заняться никаким хозяйством. Будь здоров. Я уже потеряла счет письмам, столько их уже тебе написала... Свадьба Идалии в Масленую неделю. Сердечно тебя обнимаю.*

Господин Федоров, архитектор в Иркутске, молодой и образованный человек, находящийся здесь уже несколько дней, уверил меня и Леопольда, что мы все четверо в Усолье назначены сюда не на временное, а на постоянное проживание. Говорит, что знает это от самого Руперта. Но об александровских он ничего не знает.

21 апреля/3 мая, воскресенье. После прихода ко мне Леопольда утром на урок немецкого мы посвящаем несколько минут воспоминанию сегодняшней годовщины национального праздника. Во время обеда приехал Мевиус. Он сказал, что спрашивал о письмах для меня и других, и ему сказали, что даже если они в Иркутске, но из-за праздников их получить было невозможно. Дай Бог, чтобы хотя бы после праздников

я получил известие от семьи. Тем более что уже и праздники сегодня должны закончиться. Шестой месяц без единого слова о матери, о детях моих! Боюсь, как бы первая (не дай бог) не упала уже под тяжестью стольких страданий! Вечером приготовления к балу. Гости съезжаются, и я убегаю к себе.

Последнее письмо. 8 февраля 1839. *Любимый Юлиан! Пишу кратко, поскольку только что узнала о подвернушемся случае. От тебя, кроме письма № 12, ничего не получила. Дети здоровы. Идалия после свадьбы. Сообщи мне о владении, о чем я уже тебя просила, — могу ли договариваться с И. Б? Потому что если ты там долго просидишь, то я, со своим здоровьем, ничем заняться не могу. Поэтому везде будут упадок и потери. Александр едет в Киев к больному дяде. Обратись к нему, если в чем-то нуждаешься. Будь здоров. Из-за сильной боли в руке пишу тебе в постели и так неразборчиво. Обнимаю тебя от всего сердца. Ах, неужели ты уже никогда не вернешься?..*

Эти слова, насколько я по разным обстоятельствам могу догадываться, не более чем на неделю-полторы предвещали последние минуты ее жизни. Если она до конца была в сознании, то наверняка еще писала ко мне, и, может, это письмо осталось у матери. Но получу ли я когда-нибудь его? Узнаю ли я подробности, о которых я умолял обеих матерей как о наивысшей благодати?

22 апреля, понедельник. Наконец все разъехались и праздники уже закончились. И хотя мои девушки сильно утомлены танцами, которые продолжались до 5 утра, все же мы вернулись к обычным с ними и их братом урокам. Мне было очень неприятно ходить туда каждый день на обед и не иметь никакого занятия. Я не хочу даром есть их хлеб.

23 апреля, вторник. Мне снилось, что я был в доме моей матери, как будто освободившись отсюда, и там мне рассказывали подробности последних минут моего ангела... Впечатления от этого сна произвольно разбудили надежду получить какое-нибудь утешение с сегодняшней почтой. С дрожью в сердце приближался я к дому Мевиуса. Но я снова напрасно надеялся. Осталось мучительное состояние постоянной неуверенности и опасения! Настоящих страданий и придуманной только надежды!

24 апреля, среда. Молодой Мевиус немного активнее взялся теперь за французский язык. Сегодня он просил меня, чтобы я перенес для него занятия со второй половины дня на утро. Пусть будет и так, ответил я. *Levius fit patientia quidquid corrigere nefas*⁷⁵. Мне это неудобно, но что делать! После захода солнца я один пошел на прогулку и долго ходил по берегу Ангары, которая немного напоминала мне берега моего Збруча. Как и там, с одной стороны у меня была река, с другой — лес. Только там давно уже и сухо, и полностью все зеленое, здесь снег и лед рядом с тропинкой. Там сейчас поют соловьи, здесь об этой птице не имеют представления. Там я ходил свободный и счастливый! Как часто я ходил вместе с ней и моим Зизи, который всегда радовался, если его брали с собой. Каждое слово этого ребенка, тогда еще невыразительно щебечущего, помню так четко, как если бы слышал их сейчас. В одиноких своих мыслях я повторяю себе его недоговорки или по-своему перекрученные разные слова. Иногда пытаюсь изобразить его голос. Теперь уже все трое бегают, весело и счастливо болтая, не чувствуя ни своей потери, ни своего сиротства. А я в тысячах миль от них! Я не могу без слез смотреть на чужих детей. Сердце у меня разрывается каждый раз, когда я вижу сына Фидеинова, имя и возраст которого напоминают мне моего Лёля... однако мне всегда хочется играть с этим мальчиком. У моего хозяина тоже есть дочка, такая маленькая, какой была моя Хеми, когда я видел ее последний раз. Я каждый день тискаю этого ребенка, думая о моей сиротке... Болезненные, однако желаемые для меня ласки... Уже из-за самого этого ребеночка я не могу переехать в другой дом.

25 апреля, четверг. Таковую же прогулку, как я один вчера, сегодня совершил с Леопольдом. Майор дает мне надежду, что вскоре я должен буду получить мои деньги, о которых он два раза официально запрашивал. Они были бы кстати, я нуждаюсь во многих вещах. Но может, кроме них мне пришлют пособие из дома, если там получили мои письма. Однако, уже столько перетерпев, и дальше бы я терпел недостаток

⁷⁵ Терпение делает более легким то, чего невозможно исправить (Гораций. Песни. 1, 24, 13).

в деньгах, только бы получить какое-нибудь известие о детях и матери.

26 апреля, пятница. Сегодня я очень слаб. Печаль, тоска и беспокойство постоянно пожирают меня, все сильнее разрушая мои слабые силы. И ожидаемая перемена моей судьбы, может быть, придет уже слишком поздно, чтобы я смог ею воспользоваться... Ах! Могилу ее увидеть и на ней детей благословить — дозволяю мне хотя бы это, Отец небесный!

Восьмое мая! День рождения Стаха Доливы, почти уже двадцать лет я люблю его как самого лучшего, несравненно-го друга, уважаю как благородного человека и не последнее украшение родной литературы. Теперь я должен дать еще одно, новое имя — мой опекун и утешитель.

27 апреля, суббота. Ночью выпал снег глубиной где-то с четверть локтя. С рассвета непогода с сильным холодом, как у нас глубокой осенью. Я слаб. Тоскливо мне, тяжело и пасмурно на сердце, как теперь во всей природе под этим небом... Но она снова прояснится и хотя и дико, но свойственной себе красотой будет радовать. А в моей душе солнце угасло уже безвозвратно, и хорошая погода в ней исчезла навсегда.

29 апреля, понедельник. Этой ночью я совсем не спал, и мне так было плохо, что Леопольд, придя в восемь на урок немецкого, застал меня в постели. Я уже давно заметил, что приближение почтового дня, то есть вторника (здесь только раз в неделю почта приходит), мне почти всегда приходится переболеть. Может, завтра, день рождения доброй, неопенимой матери Даровской, будет счастливее других и принесет мне такое желанное известие о вас, мои бедные сироты. Майор говорил мне вчера, что в первые дни мая он ожидает здесь Муравьева. О, если бы он привез ответ на письмо, написанное почти три месяца назад! Но это очень зыбкая надежда, поскольку я до сих пор не уверен, было ли это письмо отправлено.

30 апреля, вторник. Когда я утром пришел выполнять свои обязанности, майор сразу же позвал меня в свой кабинет. С дрожащим сердцем пошел я туда, думая, что получу письмо, ожидаемое так долго. Но он подал мне какую-то бумагу и велел мне читать. Тогда я подумал, что это, наверное, решение о моей судьбе вследствие писем, посланных царю... Но это было ничего более, как только официальный ответ на его запрос

о не полученных мною 150 рублях, что Губернское управление Иркутска провело свои поиски и обнаружило, что есть 825 рублей для политических преступников: Густава Эренберга, двоих Михальских, Сабиньского и Гольньского, но поскольку не знает, предназначены ли эти деньги для одного из них или для всех пятерых и в каком размере для каждого, он решил спросить об этом гражданского губернатора, и это майор должен довести до сведения Сабиньского. Майор велел мне на этой бумаге написать, что я это прочитал и подписался. Поэтому мои надежды и предположения закончились ничем. Сегодня в горячей молитве я просил Провидение о счастье и утешении для матери Даровской, которую я люблю как мою родную мать таким же сыновьим чувством привязанности и безграничной благодарности. Разве мог я когда-то забыть, что все счастье я имел из ее рук? И что сейчас из троих несчастных сирот изгнанника двое нашли приют в ее сердце, а третью нежность моей матери прижала к себе?

1 мая, среда. По случаю Первого мая весь местный свет повозками, верхом и пешком направился в так называемое место Молотовая ⁷⁶, отсюда две версты, где находится большая железная фабрика, относящаяся к Усольскому заводу. Там в прекрасном месте над Ангарой развлекались несколько часов при звуках множества певцов и инструментальной музыки. Майор и его семья угощали чаем, вином и ужином, приготовленным там. Нас тоже всех позвали. Но я, побыв совсем недолго, оставил там своих друзей, а сам вернулся к своим занятиям, а скорее к одиночеству. Меня всегда удручает вид веселых собраний и любого громкого веселья.

2 мая, четверг. Капитан инженерии дорог и мостов, господин Биркин, находящийся здесь несколько дней и, кажется, намеревающийся получить руку госпожи Александры, не верил, что можно учить языку без грамматики, как я это делаю, и что таким образом за неполные четыре месяца можно научиться почти все понимать, немного говорить и писать под диктовку без орфографических ошибок по-французски. Я

⁷⁶ По В. Далю: *молотовая* — строение, где устроен водяной или паровой молот. Ныне название сохранилось в наименовании улицы города Усоля-Сибирского.— *Ред.*

долго ему объяснял, что в отличие от принятых в школах обычаев грамматика должна заканчиваться, а не начинать обучение иностранному языку. Он все время сомневался в истинности моего утверждения. Пока сегодня сам в этом не убедился, когда в его присутствии из книжки, которую он мне принес, я продиктовал госпоже Александре большой отрывок, в котором она сделала только две маленькие ошибки.

3 мая, пятница. Говорят, что еще не конец политических ссылок и что сюда должны будут прибыть новые жертвы. Здесь только с первого мая начали работать в огородах и не-намного раньше в поле.

4 мая, суббота. После многочасовых постоянных занятий у майора каждый день я возвращаюсь к себе, чтобы здесь (если погода плохая, холодная или нездоровье не дают мне гулять) весь вечер и утро завтрашнего дня до десяти (за исключением часа, предназначенного Леопольду) проводить в одиночестве. Тогда мысль переносит меня в прошлое. То есть почти исключительно в те годы, которые я провел с моей дорогой, годы, которые являлись в моей жизни периодом абсолютного счастья. Обстоятельства нынешнего положения и все, что меня здесь окружает, словом, несносная ужасная действительность, очень редко и только на мгновения способны отвлечь меня от этих любимых воспоминаний, которые образ моего ангела оживляет и украшает, от тех мест, где я был счастлив, где сейчас находится ее гроб, где находятся мои детки... Не раз я хотел эти мечты, воспоминания, эти любимые больной души погони за тем, что уже исчезло навсегда или что так сильно удалено от меня, я хотел бы их, говорю, и в этом дневнике повторить. Я пытался это сделать многократно. Но всегда напрасно, потому что выразить словами это, как есть в сердце и мысли, не могу, не умею...

Раньше я решил, что буду каждый день работать над латынью, английским языком, учиться русскому, а кроме этого, постоянно заниматься еще каким-нибудь полезным чтением. Но хотя я усиленно заставляю себя выполнять это намерение и выполняю его до сих пор с большим или меньшим сопротивлением, часто, однако, ни к какому из вышеуказанных занятий я решительно не способен; так сильно, что какую-нибудь книгу взяв в руки, не только понять ее не могу, но иногда мне

кажется, что я вообще не умею читать. В такие минуты одна мысль, один образ, одно чувство раздирают мне душу тысячью невысказанных мук.

5 мая, воскресенье. Мой хозяин не хочет мне давать утром молока, как я с ним договорился, хотя сейчас мука, которую он берет у меня, стоит гораздо больше, чем договоренная между нами стоимость аренды и молока. Поэтому мне придется искать другое жилье. Мне жаль, ведь почти за пять месяцев я привык к этой комнатке, и жаль мне покидать местного ребеночка, с которым я каждый день играю с мыслью о моем.

6 мая, понедельник. Биркин только сегодня возвращается в город. Он обещал мне прислать разные книги, и что еще лучше, пообещал требовать там наши письма, деньги и посылки, какие к кому могут прийти. Дай Бог, чтобы он об этом помнил и чтобы мы наконец получили уже известия, которые так долго ждем. Леопольд тоже очень беспокоится, давно уже ничего не получая от своих родителей. Однако он получил письма на два месяца позднее моих. Я уже полгода ничего не знаю и боюсь всего.

7 мая, вторник. Мой хозяин передумал, и я снова могу у него жить до 13 июня. Из сегодняшней почты, как и из стольких предыдущих, ничего для меня, кроме другого официального письма от губернского управления с донесением майору о поиске моих денег. Ах, благодарение Богу, по крайней мере, Леопольд более счастлив. Сегодня он получил письмо от своих родителей, написанное в феврале. Я искренне разделяю его радость. Это письмо — ответ на письмо Леопольда, написанное в октябре из Иркутска. Поэтому я могу судить, что мои письма, которые я писал оттуда в конце ноября, были отправлены и, наверное, уже давно могли дойти до семьи. Но почему же я не получаю ни слова от моих? Неужели какое-то несчастье стало причиной этого молчания? Сегодня вечером я был на похоронах ребенка местного доктора. Меня эта церемония очень расстроила. Может, уже нет в живых кого-то из моих детей... может, моей матери... От нее я ничего не получал с 7 июля прошлого года. Великий Боже! Не допусти такого удара. Храни ее среди этого горя и несчастий, которые вытерпело и дальше терпит ее сердце.

8 мая, среда. Восьмое мая! Дорогая и грустная дата. По старому календарю именины и день рождения Станислава Стажиньского, называемого Стах Долива, которого с неизменным чувством я люблю уже почти двадцать лет. Половина моей жизни связана с этими чувствами, которые я им посвятил в своей душе, от которых я не избавлюсь и которые весь ужас моей судьбы не может ослабить. И к ним еще добавилось новое, с тех пор как сердце мое зовет его заботливым ангелом изгнанника. Какой долг благодарности! Ни в каком положении я не смогу его выплатить. Но такой долг людям, подобным ему, не в тягость.

9 мая четверг. Уже несколько дней такой неприятный холод, что утром и вечером нужно ходить в кожане. А ведь сегодня уже закончился второй месяц весны. Какая поразительная разница в климате, хотя Иркутск только на 4 градуса находится выше Каменца!

10 мая, пятница. То, что мы неделю назад слышали о новых политических ссильных, оказалось просто слухами. После выполнения моих обязанностей мы с Немировским долго ходили по большому тракту, так называемой московской дороге. Нам хотелось бы навестить александровских товарищей, но не знаем, дадут ли нам разрешение, о котором на этот раз будет просить Леопольд.

11 мая, суббота. Не зря я вчера сомневался. Леопольд сегодня сказал своему ученику господину Дейхману о нашем желании навестить товарищей в Александровске, но получил ответ, что сейчас это произойти не может.

12 мая, воскресенье. У Мевиуса милый сад, довольно большой и содержащийся в чистоте. Дорожки посыпаны песком, скамейки и беседки вычищены. Там много зелени, цветут черемухи, распускаются другие деревья. Я был бы рад там часто находиться. Но теперь вся семья майора обычно там находится в то время, когда я заканчиваю свою педагогическую работу. Там они пьют чай, принимают гостей, там играет музыка и т.д. И поэтому разговоры, игры, радость, смех, которые я разделить не могу, а притворяться не умею и не хочу, выгоняют меня оттуда, и я предпочитаю находиться в одиночестве в поле или в лесу, если иногда не уговорю пойти со мной Леопольда, или даже закрывшись одному в моей малюсенькой

комнатке, чем оставаться абсолютно чужим в обществе, настроенном иначе.

13 мая, понедельник. Дождей здесь мало. Но зато весной и летом часто бывают такие бури, каких я не видел у себя на родине. Этой ночью я думал, что дом перевернется. Кроме этого, я не мог уснуть и почти до самого рассвета ходил в беспокойстве и страдании.

14 мая, вторник. Снова напрасно я всю неделю ожидал сегодняшнего дня. Мне почта ничего не принесла. О Боже! Ты усиливаешь тяжесть, которая гнетет мою душу! Я невообразимо беспокоюсь за мою мать. Только бы это беспокойство не было предчувствием страшного несчастья!

15 мая, среда. Я уже давно встаю с рассветом. Но только сегодня я совершил первую утреннюю прогулку. На днях я нашел место на Ангаре, где из скалы бьют несколько источников с чистой, как слеза, и очень холодной водой. Там сегодня утром я был со стаканом и вспоминал, как когда-то так же ходил со Станиславом Стажинским к источникам в Беднарувке и находящимся под Крыковым... Вернувшись с прогулки, я пошел на соляной завод, который уже давно хотел посетить. Он построен на довольно большом острове, омываемом Ангарой⁷⁷. Тринадцать отдельных, больших зданий, называемых варницы, образуют то, что называется соляным заводом. В них на протяжении восьми месяцев — с середины февраля до середины октября — каждый год непрерывно, днем и ночью, вываривается соль из воды, которую поставляют несколько соляных источников, находящихся на этом острове. Огромные клубы черного дыма постоянно вырываются из каждой варницы, как из адской пасти. Соль вываривается в широких, подвижных железных котлах. Под каждую из них кладется семь сажень дров каждые сутки. Каждый день для этой работы используются в целом 120 человек. Этому заводу уже почти 50 лет⁷⁸. Работающие здесь преступники отбывают

⁷⁷ Остров Варничный.— *Ред.*

⁷⁸ Соль на месте будущего Усолья начали добывать примитивным способом буряты еще до прихода русских (во второй пол. XVII в.). Основателями Ангарского Усолья были братья Гавриил и Анисим Михалевы, выходцы из семьи государева крестьянина Филиппа Михалева. После чего здесь развернулась частная добыча. Некоторое время единоличным владельцем солепро-

тяжкие работы в самом полном значении этих слов. Они выглядят как проклятые, постоянно находясь в ужасной жаре и дыме. Почти полностью раздетые, закоптившиеся, с впавшими глазами и ужасной внешностью. Завод находится под управлением иркутского казначейства, который определяет, сколько соли нужно выварить каждый год. Обычно это число — 240—250 тыс. пудов. Но здесь каждый год вываривается на 40—60 тысяч пудов выше указанного числа, и этот излишек остается здесь, чтобы заполнить нехватку, если вдруг такая окажется. Также достаточно много соли продается на месте и является доходом завода. Теперешний директор Дейхман решил ввести улучшения, целью которых является облегчение выварки соли, сбережение людей и дров, используемых для этого. Именно сейчас согласно представленному им плану идут работы по постройке новых зданий, печей, насосов и т. д. Все это мне показывал и объяснял господин Чистяков, который руководит варницами. По моей рекомендации к Чистякову добавили в помощники Левинского, и с тех пор он получает плату в два раза большую, чем раньше, с надеждой на повышение ее в ближайшее время. При такой огромной потребности в дровах для солеварения на этом заводе и при том, что в них нуждаются и два соседних предприятия, то есть стекольный цех на Тельминской фабрике и Александровская винокурня, леса вокруг почти полностью уничтожены.

16 мая, четверг. Сегодня после обеда вся семья Мевуисов направилась на остров, называемый Спасским, на Ангаре, сразу за островом, на котором находится соляной завод. И меня туда пригласили. Мы переправились на большой лодке на этот остров, откуда прекрасный вид на весь завод, на поселок и все окрестности. Там был чай и полдник. Во время нашего там пребывания приплыли восемь кораблей из Иркутска, отправленных одним их тамошних купцов в Енисейск, нагруженных оловом и пшеницей. Эти корабли, причаливая к берегу, выстрелом из пушки возвещают свое прибытие.

мысла и приписанных к нему земляных дач являлся Иркутский Вознесенский монастырь. Так продолжалось до 1765 г., когда промысел поступил в казенное управление.— *Ред.*

17 мая, пятница. Наконец приехал Муравьев. Он сказал, что письма, которые ему поручили в январе, он отправил в нашу страну, но только три недели назад. Его долгая болезнь и другие препятствия стали причиной такого опоздания. Но слава Богу, что мое письмо, хотя и поздно, попадет на Подолье, как он обещает. Также ручается, что и то, которое в марте я послал княгине, было отправлено. Сегодня я снова буду писать через Муравьева матери Даровской, поскольку моей я писал прошлый раз, а решил писать им по очереди. Но кто знает, может, увы, у меня уже нет матери. Такое долгое ее молчание заставляет бояться этого несчастья.

18 мая, суббота. Сегодня я провел, как говорят французы, белую ночь, потому что не спал ни минуты, занимаясь написанием долгого письма матери Даровской. Я спрашивал ее о подробностях последних дней моего ангела. В этом же письме, как и раньше, несколько слов моим детям. Столько болезненных воспоминаний ожило во время этого занятия, страшные страдания из опасения о жизни матери, ужасное будущее, если Бог, наконец, не смилуется: все это вызывает такие страдания, какие можно сравнить только с муками в аду. Каждую минуту мне приходилось бросать перо, чувствуя себя близким к обмороку. Я написал и о том, что если жива мать, то могла бы она или которая из сестер подать просьбу обо мне царю? Но вероятно, они не смогут поехать в столицу, я же уверен, что только там их старания могли бы достичь результата. Мое письмо я утром отдал Муравьеву, который сегодня уехал. Но он должен сюда прибыть снова с княгиней Волконской. Книги, которые он обещал ранее, пообещал прислать или привезти вскоре. Только бы мое письмо дошло до места назначения! В нем я также просил прислать книгу «О подражании Христу» на польском языке. Об этом же я ранее писал моей матери и Даровской. Но при неуверенности, дойдут ли письма до них, приходится в каждом новом повторять содержание предыдущих. Муравьев говорил нам, что эти трое «великолепные литовцы», о приходе которых в Иркутск мы слышали как о свершившемся факте, еще не прибыли, но что их ожидают. Удивительно, сколько слухов здесь ходит.

19 мая, воскресенье. Кроме майора, вся его семья выехала сегодня в Мальту проводить своего родственника Моде-

ста Дейхмана. Господин Козлов, который тоже здесь остался, пригласил меня на чай, и там я провел несколько часов, слушая его рассказы об интересных национальных достопримечательностях в Москве, Великом Новгороде и т. д. Жаль, что не всему, что он говорит, следует верить.

20 мая, понедельник. Майор с некоторых пор с нами молчалив. Это и я заметил, и Леопольд сегодня на это обратил внимание. Может быть, какое-то новое о нас постановление, новые для нас неприятности стали причиной этого молчания? В нашем положении следует всего опасаться и предполагать скорее изменения к худшему, чем к лучшему.

21 мая, вторник. Праздник Константина. Главное торжество местной церкви и при этом именины директора. Мы все утром были с поздравлениями у директора Дейхмана, который нас любезно угощал чаем, кофе и табаком. Потом завтрак и сытный обед у майора. За столом поднимались тосты с шампанским за здоровье именинника. Потом гроза и ливень разрушили план разных забав и полдника за Усольем. Они также помешали господину Дейхману поехать в Александровск, где сейчас находится генерал Руперт, который через три-четыре дня должен приехать и сюда, как говорит майор. Вечером приготовления к танцам у Мевюса. Я оттуда пораньше убегаю к себе. В почте — ничего!

22 мая, среда. Утром Леопольд рассказывает мне, что несколько ночей подряд приятные сны переносят его домой в его семью (отцу, матери и сестре — госпоже Шклениковой) и что эти сны делают его таким счастливым, что это впечатление оказывает влияние и на явь. Дай Бог, чтобы эти сны были для него предсказанием радостной действительности! Вечером долгая с ним прогулка.

23 мая, четверг. Ожидаемый сегодня приезд Руперта откладывается на несколько дней, как мне сказал Павел Мевюс. Я буду стараться поговорить с генералом и хочу его просить, чтобы он позволил мне написать моей семье и иногда посещать костел в Иркутске. Это последнее он мне обещал, когда я был у него в прошлом году, поэтому сейчас я напомню ему это обещание.

24 мая, пятница. Меня ошибочно предупреждали раньше, что здесь весной бывает мало дождей. По крайней мере, в этом

году происходит иначе. Правда, что весь март и апрель дождь шел редко, зато весь май было мало дней без ливней, которые обычно предвещало внезапное похолодание, сильный ветер и град. Но как бы ни было, местное население ожидает хороший урожай в этом году. Я постоянно думаю о приезде Руперта и о просьбе к царю, если он позволит ее написать. О, вдохнови меня тогда, великий Боже! Чтобы мог я затронуть сердце государя, который держит в своих руках мою судьбу. Правда, все его могущество уже не сможет вернуть мне жену и потерянного с ней счастья. Но одно его слово, по крайней мере, может вернуть меня в родные места, туда, где мои дети и могила их несчастной матери, так рано у них и у меня отобранной.

25 мая, суббота. Здесь я познакомился с господином Якубовичем, родом из Полтавской губернии. Это один из русских ссыльных, приговоренный к тяжким работам в 1826 году, а с прошлого года или же уже как два года ставший поселенцем, как его товарищи по этому делу. Хорошо воспитанный, любезный, но немного меньше знающий в отличие от Муравьева. Он недавно видел наших в Александровске и передал нам их поздравления. Так же, как и Муравьев, он обещал мне доставить английские и итальянские книги. Посмотрим, кто раньше сдержит слово. Я слышал, что на днях Гольныйский получил деньги, белье и два или три письма от жены. Неужели один я должен умирать от беспокойства и не знать, что происходит с моими детьми и матерью?

26 мая, воскресенье. Якубович фигурой и даже немного чертами лица напоминает дядю Даровского Марцела. Он здесь всем понравился. Леопольд мне сказал, что сегодня утром, будучи у Пётровского, он видел там нашего земляка Яворского, который, приехав из Житомира в Сибирь на службу, через несколько лет уволился и теперь возвращается на Вольнь. Был с ним и офицер Котляжевский, переведенный в полк в наших краях. О, тысячу раз счастливые, что едут туда, откуда нас так недостойно изгнали! Но, говорит Леопольд, он видел их так коротко, что невозможно было и подумать, чтобы передать через них письмо. Сегодня здесь напрасно весь день ожидали генерала. Может быть, прибудет завтра, хотя майор говорит, что он в понедельник никогда не выезжает. Я напомнил майору просьбу о возможности увидеться с генералом. Он снова

это пообещал. Вечером чай с музыкой в саду у Мевюса, которому Якубович льстиво сказал, что здесь ему кажется, что он перенесся в Европу.

27 мая, понедельник. Сегодня уже перестали ожидать генерала Руперта, а он тем временем, хотя уже и неожиданный, внезапно приехал. Он должен будет здесь ночевать и, может быть, как говорят, останется дольше.

28 мая, вторник. Весь этот день к генералу не было никакого доступа и даже в дом майора, наполненный первейшими в Восточной Сибири лицами. Ведь кроме генерал-губернатора Руперта еще прибыли: гражданский губернатор Пятницкий с женой, председатель губернского управления Падалка и несколько других военных и гражданских чиновников, и все для того, чтобы поздравить губернатора с его сегодняшними именинами. Сегодня он и все гости останутся здесь на весь день. Я жду с нетерпением, когда меня позвонят. Сомневаюсь, чтобы майор забыл устроить мне этот разговор, когда несколько раз так торжественно это обещал. Видимо, сегодня ничего не было для меня из почты, иначе майор бы мне это отослал. Мне грустно и тоскливо сильнее, чем обычно, во-первых, из-за неоправданной сегодняшней почтой надежды, а во-вторых, из-за ожидаемого разговора с губернатором. Примет ли меня? В каком настроении? Захочет и сможет ли сделать то, о чем я его прошу? Мрачность моих мыслей еще усиливала ужасная погода в течение всего дня, а вечером присутствие одного из местных жителей, зануды, который пришел убить мне по крайней мере три часа, принуждая к скучному и пустому разговору. Не знаю, как ему понравились мои ответы на то, что он спрашивал, если я ни слушать не мог внимательно, ни хорошо его понимать. Вечером сильный гром и молнии, из них одна ударила в местную церковь и нанесла ей сильный урон. Но начавшийся из-за этого пожар на крыше колокольни сразу же был погашен.

29 мая, среда. Сегодня утром в семь часов майор велел вызвать меня к себе для встречи с генералом. Я сразу пришел и застал уже приготовления к отъезду. Через 15 минут пришел ко мне майор, сообщая, что генерал еще в постели, а минуту спустя адъютант генерала, барон Сильверхельм, вежливо мне доложил, что немедленно представит мою просьбу генералу.

Через несколько минут я мог войти к нему. Он принял меня, как и в первый раз, очень вежливо, и, как и тогда, я долго с ним разговаривал. Но увы! Ни одной моей просьбы он исполнить не может. Однако видно, что причина не в его злой воле, а в слишком ограниченной, как он говорит, сфере его возможностей. Он повторил то, что мы уже слышали от майора, что нам никому писать нельзя, что также запрещено подавать прошения царю, что он за высылку наших писем в декабре и январе получил нагоняй из столицы, а кроме того, был лично наказан за то, что сделал для меня, особенно отправляя генералу Бенкендорфу те письма, которые я ему вручил. Он сказал, что мы исключены из права (он использовал для этого немецкое слово *vogelfrei*) и что, как таковым, нам нельзя ни защищаться, ни писать, ни просить за себя. Но что хуже всего, он также сказал, что мои письма, которые он отправил, желая (как утверждает) помочь мне, были возвращены ему назад. Закончил он тем, что только милость царя может когда-нибудь принести облегчение нашей судьбы, так же как и ожидаемая в этом году свадьба наследника с княжной Марией Хессен Дармштадт может принести какое-нибудь помилование. При этом он сообщил, что любые письма и посылки к нам от семей не запрещены. Что он велел написать из своего управления подольскому, волынскому и другим губернаторам, чтобы они сообщили нашим семьям о таком решении правительства, что мы только можем получать их письма, деньги и другие посылки, но отвечать не имеем права и что в случае смерти кого-нибудь из нас пришедшие письма и посылки будут возвращены назад. Бывать иногда в иркутском костеле он категорически запретил. Одним словом, после этой встречи, которой я так сильно желал, я стал гораздо несчастнее, чем раньше, поскольку и та слабая надежда получить справедливость в моей судьбе теперь у меня отнята, когда моя последняя просьба и объяснение дела, что я был несправедливо осужден, не были приняты. В Тебе только одном, могущественный и всемогущий владыко судеб всего мира, в Тебе, великий и милостивый Боже! Все теперь мое упование, единственная моя надежда! После отъезда генерала я видел госпожу Звереву, жену директора Александровского завода. Она передала нам приветы от наших друзей. Почти все получили за это время от семей письма,

деньги и посылки с вещами. Может, Гольныйский из писем от жены что-нибудь знает и о моей семье. Я хочу ему написать, пусть из жалости не скрывает. После удара, полученного в Иркутске, я уже готов ко всему. Еще госпожа Зверева сказала, что все наши виделись там с генералом, и он разрешил им покупать себе дома, что и служит наилучшим доказательством того, что их не сдвинут с места.

30 мая, четверг. Вся семья майора сегодня уехала в Мальту на какое-то там развлечение. Господин Козлов (к которому я не испытываю никакой симпатии) очень любезно, даже настойчиво просил меня на чай. Трудно было отказаться, я пошел. Он после чая долго читал мне свои стихи. Но я мало обращал на них внимания, переживая из-за того, что вчера сказал генерал. Я предпочел бы остаться у себя в одиночестве, чем там заставлять себя несколько часов. Но разве вся моя жизнь теперь не что иное, как постоянное насилие?

31 мая, пятница. Генерал привез майору достаточно хороший ананас из своей теплицы, а майор, деля сегодня эту редкость между членами своей семьи, нас троих, то есть Немировского, Щепковского и меня, к этой дегустации пригласил. Я спросил, какая цена ананасов в Иркутске. Мне сказали, что один может стоить 10–15 рублей. Завтра майор должен поехать в город.

1 июня, суббота. Отъезд Мевюса в Иркутск откладывается из-за приезда господина Биркина, который, видимо, серьезно намерен получить руку госпожи Александры. Умный человек, хорошо воспитан, имеет (как говорят) в Рязанской губернии недвижимого имущества на сто тысяч рублей, капитан инженерии, пользуется расположением генерала Руперта и благодаря этому может ожидать повышения по службе, при этом молод, красив, разговаривает любезно и приятно. Наверняка он сможет понравиться дочери, так же как заслужил уважение и расположение ее родителей. Со всех точек зрения он выглядит подходящей партией для нее, и похоже, что вскоре у меня станет меньше на одну ученицу, которой я от всего сердца желаю наилучшую судьбу. Она очень достойная, скромная, мягкая и очень хорошая девушка.

2 июня, воскресенье. Майор, его сын и Дейхман-племянник сегодня уехали в город. Из мужчин остался только господин

Биркин, явно рекомендованный госпоже Александре. Обед в саду. Вечером господин Биркин спрашивает меня, не хотел бы пройтись с ним. Я охотно соглашаюсь, и мы идем. Сначала он молчит, а потом признается в своих чувствах к госпоже Мевнус, говорит, что уже официально разговаривал с отцом и матерью и получил согласие обоих. Я поблагодарил за свидетельство его доверия, добавив, что, наверное, вскоре поздравлю его с достижением цели. Мне кажется, что нет никаких сомнений, поскольку девушка к нему благосклонна.

3 июня, понедельник. На самом рассвете я пошел со стаканом в кармане к моему любимому источнику, больше чем мило в одну и другую сторону. Когда я вернулся домой, едва был седьмой час. Я чувствую себя гораздо лучше, когда гуляю по утрам. Тогда я свободнее размышляю о счастье своего прошлого и мысленно переносюсь туда, где покоится жена, где мои дети, мать, семья, друзья, родина. О, только бы завтра получить утешительное известие, что моя мать жива! Вчера я писал Яцеку, чтобы он сообщил мне правду о моей семье, если ему об этом писала его жена.

4 июня, вторник. И сегодня почта мне ничего не принесла! Опасение и беспокойство за жизнь матери, детей моих уже достигли наивысшей степени. Постоянная тревожная мысль о них делает меня неспособным к какому-либо занятию. Одному Богу известно, чего мне стоят те часы, которые я должен посвящать своим обязанностям. Мое сердце переполнено тяжелейшими страданиями. Смогу ли дальше вынести такое ужасное и неестественное состояние, в которое я погружился?

5 июня, среда. Сон о моем ангеле немного меня укрепил. Какое ошибочное утверждение, что предметы, о которых мы больше всего думаем, отражаются в наших снах! Если бы так было, то я жену видел бы каждую ночь и по крайней мере во сне был бы счастлив. С момента отправки наших товарищей сегодня первый раз подвернулась оказия им написать. Я написал Петру Боровскому, Леопольд — другим. Но дойдут ли эти письма до них и когда, неизвестно. Ничего не знаем о том, что там с ними происходит. Где они? Вместе или отдельно? Как с ними обходится начальство? Есть ли у них какие-то послабления? Можно ли им общаться друг с другом? И т. д. После

недавнего, несвойственного этой поре холода — вдруг сегодня 34 градуса жары.

6 июня, четверг. Сегодня майор вернулся из города. Говорит, что там снова напомнил о моих 150 рублях. Ему обещали, что эти деньги мне отдадут, только бы все не закончилось одним обещанием. А то я уже последние копейки выскребаю, хотя экономлю, как только возможно. Но один только табак обходится мне очень дорого. Похоже, и от этого мне придется отказаться.

7 июня, пятница. Вот уже три дня как стоит невыносимая жара. В тени доходит до 30° Р. Майор собирается в поездку, чтобы посетить соляной завод под Красноярском. Сюда должен приехать Руперт, и они поедут вместе.

8 июня, суббота. Жара становится все невыносимее. Говорят, что будет еще хуже. После исполнения своего послеобеденного долга у меня мог бы остаться свободный час до чая. Но это пекло отнимает у меня способности к чему-либо. Что за проклятая земля одних крайностей. Не зря сюда посылают в наказание.

9 июня, воскресенье. Сегодня начало лета. Но тут жарче, чем у нас в самые жаркие летние дни. Сегодня здесь был господин Ян Брониковский, чиновник из Иркутска, и провел весь день. Я разговаривал с ним. Родом из Подолья, он приехал сюда искать более доходную службу. Я знал его родного брата в Каменце. Сегодня господин Брониковский едет в Тельминскую фабрику на какую-то комиссию и через несколько дней, возвращаясь этим же путем, возьмет с собой нашего Леопольда для того, чтобы рисовать в Иркутске портреты госпожи губернаторши Пятницкой и ее детей. Но не знаю, правда ли это.

10 июня, понедельник. Майор сегодня говорил то же самое, что и вчера Брониковский, — о близком отъезде Леопольда в Иркутск.

11 июня, вторник. Меня огорчил молодой Мевуис известием о смерти Хордыньского Юзефа, который уже давно болел туберкулезом и мучился страшно. Теперь уже прекратились его страдания и изгнание. Другого исхода этого последнего он и не предполагал. Вечный покой праху добропорядочного мученика. Генерал сюда уже не приедет. Мевуис должен с

ним съехаться в фабрике, откуда они поедут дальше. Сегодня я первый раз купался в Ангаре. Действительно, купаться в этой реке чрезвычайно холодно, гораздо холоднее, чем я мог себе представить. Но местные жители пугали меня, что в воде выдержать невозможно. Я попробовал, и оказалось, что возможно. Но не дольше чем 10—12 минут, но и этому здесь все удивляются. Буду купаться всякий раз, когда найду на это время.

12 июня, среда. Майор уехал на несколько недель. Его в должности замещает Дейхман. У доктора Билицкого я взял капли, которые принимаю, когда мне становится дурно, довольно часто последнее время. Оттуда поздним вечером я зашел к Леопольду, а он отдал мне письма от Иоахима и Яцека. Последний прислал мне выписки из трех писем от матери и жены. В декабре и январе ему сообщают, что мои дети, обе матери и сестры здоровы. Зизи и Мися в Жердзе, а Лёлё в Беднарукве. Благодарю Бога за это утешение. Оно было чрезвычайно необходимо моему сердцу.

13 июня, четверг. Леопольд уехал в Иркутск раньше, чем предполагалось. Сегодня его забрал Брониковский, как говорит, только на две недели. Но, скорее всего, он там останется дольше, поскольку кроме портретов губернаторши и ее детей там хотят еще сделать сюрприз для Руперта в виде портретов его детей. Я дал Леопольду письмо к моей матери, написанное второпях. Может, он там случайно найдет какую-нибудь возможность отправки этого письма. Леопольд будет жить у того же Брониковского, назначенного теперь иркутским полицмейстером. Поэтому хорошо, что проживание и питание у него будут бесплатными, а это две главные статьи расходов для него, так же, как и я, уже почти не имеющего средств. Когда я наконец получу какое-нибудь пособие из дома и еще более желаемое известие о матери и детях моих? Ведь вчерашние известия, которые хотя меня и утешили, были, самое позднее, от 18 января, а значит, я не знаю, что там происходило последние пять месяцев.

14 июня, пятница. Не проходит и дня, чтобы у майора не было полно гостей, что создает постоянные препятствия и отвлекает моих учеников, что еще более неприятно для меня, когда их прогресс стал уже значительным, и мне от всей души

хотелось убедить родителей, что мое пребывание в их доме приносит несомненную пользу. Сегодня кроме господина Безносикова, одного из адъютантов Руперта, и Биркина, уже жениха госпожи Александры, и еще какого-то гражданского господина из Иркутска, находящихся здесь со вчера, приехал Якубович с кем-то, а после них еще несколько дам. Якубович меня вторично заверил, что вскоре я получу английские и итальянские книги. Также он сказал, что сюда вскоре должна приехать княгиня Волконская.

15 июня, суббота. Душа, охваченная каким-нибудь чувством, становится чужда всему, что к этому чувству не подходит, и, наоборот, способна воспринимать только то, только того хочет, что соответствует ее внутреннему состоянию, в чем она видит схожесть с собственным состоянием, как бы соответствующий ей отзвук. Почти каждый день я это испытываю на себе. Хотя я и допускаем в местные общества, тем не менее очень редко и очень слабо принимаю в них участие. А это (пропустив причины, вытекающие из моего положения, слабого знания языка, обычаев и местных отношений) происходит больше всего оттого, что здесь каждый, привыкнув давно к виду ссыльных и равнодушный к их несчастьям, уже не обращает внимания на то, что в этом краю наказания и ссылки встречает на каждом шагу, или же к чувствам, которые в нем пробуждает ссыльный, обязательно примешивается представление преступления, которое делает жесты сочувствия еще более неприятными, чем равнодушие, чем бесчеловечность. Наконец, если иногда удается встретить сочувствие без этого обидного предубеждения, то обычно оно рассматривает мое несчастье только с внешней стороны и материальной (так сказать), рассматривает в контексте несчастья столько моих земляков, совершенно не понимая, что кроме потери имущества, гражданских прав, дворянства, свободы, кроме изгнания с родины и кроме этой ужасной общности наказания с самыми ужасными злодеями, с отвратительнейшими отбросами общества можно чувствовать еще другую утрату, которая намного больше, печальнее, и личное несчастье, происходящее из другого источника, которое в тысячу раз тяжелее тех... И поэтому почти всегда мне приходится молчать и искать уединения — чужой и непонятный для тех, кто меня окружает, ни

понравиться им не могу, ни с содержанием моей души их познакомиться...почти то же самое происходит с книгами, которые здесь читаю. Редко я в них натываюсь на мысль, чувство или образ, подходящие состоянию моих мыслей и сердца. Поэтому чтение мало когда приносит мне облегчение или отвлекает от моей тоски, а иногда даже ее увеличивает, когда в том, что читаю, я нахожу более близкое сходство с моим состоянием или новую подпитку для моего горя. Так, например, сегодня в «Жизни» Бартеlemi⁷⁹, известного автора путешествия Анахарсиса, я читал: Il perdit sa mere, lorsqu'il entraît a peine dassa cinquime annee. Les regrets perait la sensibilite du jeune Barthelemy. «Tous les jours (ecrivit — il) mon pere inconsolable de lui, ffffondait en larmes, et m'exhotait a pleurer la plus tender des meres. Je pleurais et soulageais sa douleur. Ces scenes attendrissantes, et pendant longtemps renouvelees, firent une profonde impression sur mon coeur».

С того момента, когда я в Иркутске узнал о моем огромном несчастье, все мои мысли, молитвы, вздохи вращаются только вокруг одного, чтобы только вернуться на родину и плакать на ее могиле и остаток жизни посвятить детям. Память об их матери и моя неутолимая печаль после такой потери стали бы основой их воспитания. Из этого бы источника я черпал для них представления о религии, добродетели, обязанности и всех благородных чувствах. Вера в Наивысшую Сущность, в бессмертие души, в будущую жизнь, вера в то, что связь с самым дорогим человеком продолжается даже после его смерти, стала бы более понятной и сильной, если бы была оживлена образом Матери, незримо опекающей их и несчастного отца. Воспоминания о каждой подробности ее жизни, ее доброте, неограниченной любви ко мне и детям, словом, обо всех чувствах, которые наполняли душу наилучшей польки и гражданки. Все это развило бы их чувствительность и одновременно было бы им самым полезным уроком нравственности и обязательности, простым и постоянным, который можно дать молодым умам, лучшим, чем общие, равнодушно и сухо преподаваемые прави-

⁷⁹ Бартеlemi Жан Жак (1716–1795), французский писатель, автор «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» (1788). Здесь «Memoires sur la vie de l'abbe Barthelemy, ecrits par lui-meme» (1824).

ла. Таким образом, узнавая свою мать, они узнавали бы все, что свято, возвышенно, прекрасно и достойно уважения. А так моя жизнь, для меня не имеющая никакой привлекательности, для них была бы еще полезной.

16 июня, воскресенье. Вчера я выпросил у господина Дейхмана разрешение побывать у александровских товарищей. Он сказал мне, что я могу сегодня поехать туда с господином Куляевым, секретарем местной конторы. Обрадовавшись, что я увижу товарищей и прочитаю письма, которые Лесневич и Гольнский получили за это время, я пошел сегодня утром к господину Куляеву, чтобы с ним отправиться в эту поездку. Однако он решил выехать только в десять, и не один, а с женой и двумя дочерьми, и, что хуже того, собирался поехать не сразу в Александровск, а сначала в деревню Олонки по какой-то своей нужде. Значит, добавляется полторы мили. В Олонках же, если он найдет свободное время и коней у крестьян, то (как говорит) может подумать о поездке в Александровск. При всем этом он заявил, что в любом случае он обязательно должен успеть сегодня до ночи. Из его планов выходило, что либо я вообще бы не попал к друзьям и вместо того, чтобы увидеться с ними, посетил бы деревню Олонки, что мне неинтересно, а даже если бы я оттуда и поехал в Александровск, то господин Куляев едва дал бы мне полчаса погостить у наших. Потому что он заранее предупредил, что там пробудет очень недолго, чтобы засветло добраться до дому. Поэтому я отказался от этой поездки. А имея разрешение директора, надеюсь, что вскоре с кем-нибудь другим или один смогу туда поехать, свободнее и по крайней мере на несколько часов.

17 июня, понедельник. Сегодня ночью я не сомкнул глаз и был так слаб, что даже на урок к девушкам пойти не смог.

18 июня, вторник. В почте для меня ничего. Добрый Дейхман, видя меня грустным из-за этого, повторил, что завтра или послезавтра отправит в Александровск господина Феденева, с которым и я поеду. Он ждет только оттуда известия о купленной для завода муке, за которой должен послать.

19 июня, среда. Начинает появляться земляника. Завтра я поеду в Александровск, только не с Феденевым, как я предполагал, а с господином Куляевым. На этот раз он, по крайней

мере, направляется за казенной мукой, поедет уже без семьи, поэтому есть надежда, что он отправится в путь рано. Вечером мне сказали, чтобы я был готов к четырем утра.

20 июня, четверг. В Александровске. Хотя я сегодня встал около трех, чтобы господин Куляев меня не ждал, он собирался так долго, столько еще имел препятствий, каких-то приготовлений, а все делал так медленно, что мы только в одиннадцать сели на карбас (большое весельное судно, немного отличающееся от тех, что мы на Подолье называем баркасами), на котором он должен привезти муку на здешний завод. Мы плыли из Усоля до деревни Олонки верст 15, совершая приятное плавание по Ангаре. Ее берега, украшенные вдалеке горным хребтом, покрытым редким молодым лесом, а ближе прекрасными лугами, при этом частые и различной формы острова, приятно радовали бы глаз, если бы здесь не было то, чего не хватает всем, даже самым очаровательным местам в Сибири, то есть движения и жизни. Очень редко можно было увидеть на берегу людей, пасущих скот, какую-нибудь рыбацкую лодку, еще реже деревеньки вдали. Здесь даже редко слышно пение птиц. Словом, хотя места красивые и живописные, но их вид обычно дикий, грустный и мертвый, соответствующий судьбе преступников и изгнанников, которые являются большей частью местного населения. На нашем корабле было около 20 человек, которые составляли очень странную смесь. Среди них несколько якутов, двое или трое бурят, один еврей из Литвы, один черкес, несколько россиян из разных губерний, кормчий, мещанин из Литвыни, чиновник соляного завода Куляев и я, поляк из Подолья. Якуты внешне очень похожи на бурят. Сильное строение тела, темное лицо, глаза маленькие, продолговатые и черные. Те, которые были на корабле, все христиане. Уже несколько лет находятся на тяжелых работах. Их вид показывает крайнюю степень нужды. Они плохо понимают по-русски, но их родной язык был бы довольно-таки приятен для уха, если бы не горловые звуки. Из деревни Олонки, уже по суше, господин Куляев поехал в Александровск, оставив у берега корабль с людьми, ожидающий муку, которую завтра должны привезти. В Олонках живет господин Владимир Раевский, один из политических ссыльных, направленный сюда на поселение еще до 1825 года,

как говорят, человек достойный и образованный. Я очень хотел познакомиться с ним. Господин Куляев согласился на это, но, наверное, дочка Раевского сказала нам, что он спит и болен. Вечером мы прибыли в Александровск. Здесь Куляев заехал к господину Звереву, я же пошел к друзьям: Иоахиму и Яцеку, живущим в своем собственном доме. Они очень обрадовались моему неожиданному прибытию. Я застал у них Родзевича Игнация, Олизара Кароля и Михальского Люциана. Они мне рассказали, что их уже не зовут ни на какую работу, как было раньше, и что все начальники с ними обходятся очень вежливо. Эта перемена произошла с того времени, как здесь побывал Руперт. Лесневич с Гольнским уже освоились. Они держат наемного работника, купили косилку и посадили большой огород. У них есть кони, коровы и т. д. Иоахим под своим окном посадил маленький цветник. Часть дома уже отремонтирована, остальная часть передельвается сейчас. После ухода Родзевича, Олизара и Михальского я сразу же взялся читать письма, которые Иоахим получил от жены, — три из Петербурга, а Яцек несколько с Подолья — от жены, матери и сестры. Каждое слово нежности, привязанности обеих жен пронзало болью мое сердце, напоминая о моем сиротстве.

Жена Иоахима в каждом письме добавляет и для меня пару слов. Эта достойная женщина развила огромную энергию и необычайную силу характера. После того как ее мужа вывезли, она долго не покидала Киева, ожидая паспорт. Бибиков не хотел его выдавать и тянул несколько месяцев. Наконец она выехала без паспорта, украдкой в Москву. Там ее арестовали, пока правительство не узнало о ней от местных властей. Оказалось, что у Бибикова не было уважительной причины, и его за это наказали. Наконец, после долгого ожидания в Москве, она получила паспорт из Киева до Иркутска и сразу же направилась в Петербург, где получила протекцию нескольких человек, в том числе католического митрополита, ксендза Павловского. Она вскоре, наверное, придет к мужу. Жена Яцека же только после контрактов, то есть зимой или следующей весной, обещает прибыть сюда. Почти во всех письмах ее и матери Яцека есть упоминание о моих детях и семье. Но эта информация относится к последним дням января. Жена Иоахима дает ему надежду на свободу, сообщает, что его дело

взяли на рассмотрение. Яцек с письмами получил белье, деньги, польскую Библию, бритвы и турецкий табак. Но я завидую его сокровищу, которое дороже всего этого: присланным портретам жены и сына.

21 июня. В Усолье ночью. Сегодня утром в Александровске я хотел навестить других друзей. Но Куляев прислал за мной повозку и казака, приказав поторопиться. Поэтому мне пришлось попрощаться с нашими раньше, чем рассчитывал. Сильный дождь задержал привоз муки в Олонки, поэтому там не было времени пойти к Раевскому. Сразу после полудня мы снова сели на корабль, который, нагруженный мукой и против течения, плыл с трудом и медленно. За весь день судно еле-еле довезло нас за семь верст до Усолья. Здесь Куляев велит пристать к берегу и там ночует, я остальной путь проделаю по суше, чтобы сегодня, как обещал, увидеться с Дейхманом.

22 июня, суббота. Щепковский сегодня поплыл с Павлом Мевиусом на лодке по Ангаре для того, чтобы пару дней поохотиться на птиц на разных островах этой реки. Иногда мне жаль, что я не подвержен этой страсти, которая другим доставляет столько удовольствия или, по крайней мере, развлекает. Может быть, она смогла бы и меня отвлечь от моей печали.

23 июня, воскресенье. Куляев мне позавчера говорил, что у него есть несколько латинских книжек, только он не помнит каких. Надо на днях к нему пойти, чтобы их посмотреть.

24 июня, понедельник. Майорша с дочерьми собираются на этой неделе в монастырь святого Иннокентия под Иркутском, куда они пойдут пешком, для исполнения обета. Поэтому у меня и у Щепковского будет 4–5 дней каникул.

25 июня, вторник. До бешенства меня доводит беспокойство и каждую неделю обманутые надежды получения известий с почтой. Хотя мне сейчас совсем не до смеха, однако невольно меня рассмешил Козлов, утверждая с самонадеянной уверенностью, что в итальянском языке (из которого он ни слова не знает), а именно в поэзии Петрарки, есть множество слов из русского языка.

26 июня, среда. Майорша с дочерьми, сыном и тремя друзьями девушками сегодня отправилась в пешее паломничество

в монастырь под Иркутском, отсюда почти 60 километров. А поскольку Павел также будет в городе, я дал ему записку для Леопольда, которого просил узнать, нет ли там писем для меня.

27 июня, четверг. Вчера, когда мы со Щепковским провожали майоршу, в нескольких верстах от Усолья видели цветущее жито, а вечером я у директора ел уже зрелую землянику. Она показалась мне не такой вкусной, как наша. Может, именно потому, что не наша, а еще больше потому, что я ел ее не у нас.

28 июня, пятница. Директор уехал на несколько дней. Поэтому в Усолье сейчас безвластие, а мы со Щепковским на обеде и чае в доме Мевюса абсолютно одни. Остальное время он пропадает за музыкой, а я в своей комнатке, или же на Ангаре, или в лесу, одинокий и грустный.

29 июня, суббота. Говорят, что в Португалии невозможно жить из-за чрезвычайного количества клопов. Я не был в Португалии, но уверен, что Сибирь в этом вопросе впереди планеты всей. Даже в самых приличных домах, таких как Мевюса, эти отвратительные насекомые дают о себе знать, а что же тогда говорить о моем убогом жилище? Каждую ночь я не могу справиться с этими проклятыми букашками. Господин Козлов недавно ручался, что проверенное средство от них — трава, называемая сурепкой (скорее всего, у нас она называется гзерак). Я ее много нарвал и с вечера обложил всю кровать. До сих пор не помогло.

30 июня, воскресенье. Дочери майора с братом должны сегодня вернуться из паломничества, а мать с Дейхманом — только через три дня. Может, последний привезет мне что-нибудь из почты. Не слишком ли долго я ожидаю этого уведомления? Вечером мы пошли со Щепковским, чтобы встретить нашу молодежь. Но напрасно прошли с 10 верст.

1 июля, понедельник. Сегодня наши молодые господа вернулись из обетованного путешествия. Мать осталась в городе, откуда должна приехать в среду или четверг с Дейхманом. И девушки с братом были в Иркутске, но и он и они сказали, что оттуда для меня ничего нет. Поэтому я с грустью вернулся к себе. И вдруг через пару часов госпожа Александра, чрезмерно живая и рассеянная, но, несмотря на это,

хорошая девушка, прислала мне записку, в которой просила прощения за свою рассеянность, поскольку забыла сказать, что Биркин (ее жених) говорил о пришедших в Иркутск для меня письмо и посылке. Все это она довольно неплохо написала по-французски. Слава Богу! Наконец и я получу известие, которое ожидаю так долго. Только бы оно было утешительным и не очень старым. Наверное, ее привезет Дейхман. Немировский писал, что ему в Иркутске очень неприятно.

2 июля, вторник. С каждым днем меня все сильнее мучают клопы, и с каждым днем их становится все больше. Эта мерзость — настоящая катастрофа для ссыльных, как я, меньше к этому привыкших и более чувствительных. Мне пришлось ходить почти всю ночь, и только на рассвете я лег на пол, но и тут не нашел покоя. Вечером на прогулке меня настигла гроза с ливнем. Я промок до нитки.

3 июля, среда. Леопольд просил меня, чтобы я предупредил в его жилье, что если он до воскресенья не вернется, то хозяин должен ко мне обратиться за оплатой за следующий месяц. Сегодня я ел великолепную красную смородину, растущую здесь в поле дико, как и малина, которая иногда более крупная, чем обычно бывает в наших садах.

4 июля, четверг. Сегодня из Иркутска вернулась майорша и с ней Дейхман. Но он вместо письма с посылкой для меня привез известие, что заведующий этим отделом в канцелярии Руперта, господин Ворхегер, уехал куда-то охотиться на медведей, а без него никто выдать не может. Это каким же надо быть невезучим, чтобы такие непредвиденные преграды лишили меня утешения, которое я почти держал в руках. Теперь один Бог знает, сколько мне еще мучиться, проклиная страсть к охоте, сибирских медведей и охотящихся чиновников. Майорша угощала нас свежим инжиром со своих двух деревьев, растущих в комнате, поскольку теплицы у них нет. Этот инжир хорошо созрел и довольно вкусен. Но гораздо большую радость мне доставило известие об Антонии Бопрэ, что он здоров и что начальство с ним хорошо обходится. Об этом говорила какая-то дама, прибывшая из Иркутска. Жаль только, что согласно этому известию наших разделили и они находятся далеко друг от друга.

5 июля, пятница. Сегодня ожидают возвращения майора. С ним должен быть Руперт и иркутский архиепископ ⁸⁰, как говорят, человек ученый.

6 июля, суббота. Майор не приехал, но его здесь высматривают каждую минуту. Раевский говорил что-то (то есть наверняка врал, как во всем и всегда) о каком-то в последней московской газете манифесте амнистии для польских эмигрантов. Но разве можно Раевскому верить?

7 июля, воскресенье. И сегодня еще майора не видно. Вся семья, приглашенная доктором Билицким на обед, приготовленный на одном из островов реки Ангары, уплыла туда раньше, чтобы провести там весь день. Вечером прислали за Щепковским и музыкой. Я рад, что остался у себя.

8 июля, понедельник. Наконец вернулся майор, но без генерала, который из фабрики сразу направился в Иркутск. Рассказывая о своей поездке, Мевиус говорил, что был в Ачинске; и я спросил, как поживает господин Риттер, в прошлом году бывший ачинским полицмейстером. По этому случаю я упомянул, насколько он оказался доброжелательным и учтивым с нами. Майор ответил на это, что сильно сожалеет, что об этом не знал раньше, иначе постарался создать у губернатора хорошее о нем мнение. Черта, характеризующая доброе сердце нашего начальника. Я получил записку Иоахима; он поручает мне просить Мевиуса добыть в Иркутске 150 рублей для Яцэка, так же как и для меня, лежащих там.

9 июля, вторник. В почте ничего. Истинные танталовы муки — ожидать письма, которое казалось уже таким близким. Майор хочет, чтобы до возвращения Немировского я давал его маленькой ученице после обеда получасовой урок французского; я пообещал это и со своей стороны попросил о деньгах из Иркутска для Гольнского и меня, до сих пор не отданных. Также я сказал о письме и посылке, пришедших для меня. Он сказал, что послезавтра в город едет Дейхман, которому он все это поручит.

⁸⁰ Речь идет об архиепископе Иркутском, Нерчинском и Якутском Ниле (Николай Федорович Исакович, 1799–1874), возглавлявшем епархию в 1838–1853 гг. — *Ред.*

10 июля, среда. День рождения Пелагии. Ей сегодня исполнилось только 29 лет! О великий Боже! Непонятны Твои решения, когда так быстро Ты забираешь из этого мира людей, жизнь которых заключала в себе счастье, утешение, надежду других, и в то же время такое множество людей бесполезных, вредных, отбросов общества доживает до глубокой старости... Но да будет воля Твоя! Я дал первый урок ученице Леопольда, маленькой Надежде, которую тут все называют Наденькой.

11 июля, четверг. С Дейхманом сегодня уехал и молодой Мевинус на несколько дней, поэтому выровняется дополнительное занятие с Наденькой из-за того, что с Павлом я заниматься не буду. А тем временем и Леопольд должен вскоре вернуться. Застав сегодня майоршу за раскрытием материала, я из любопытства спросил о его цене, чтобы сравнить с нашей. Штука⁸¹ материала российского производства, довольно тонкого, но очень тяжелого и, похоже, что с хлопком, содержащая 65 аршин, стоит в Иркутске 180 рублей, или серебром 51,5; а штука голландского, гораздо более широкого, но не тонкого, имеющая столько же аршин, стоит там 280 рублей, или 80 серебром. Первая у нас, кажется, стоила 10–12 сер. рублей, вторая 20–25.

12 июля, пятница. Невыносимая жара и грозы.

13 июля, суббота. Чем ближе 18/30 июля, самая важная, самая дорогая дата в моей жизни, тем больше я чувствую, как теряю душевные силы и мужество в сердце. С момента разговора с Рупертом еще больше, чем до этого, оцепенели мой разум и все способности, которые я имею. Не изменились только печаль, сожаление и невысказанная тоска. Живу я теперь почти совсем машинально.

⁸¹ Штука (полотна) — старая мера длины на Украине, не имеющая определенного значения. Равнялась в среднем 48 локтям. Штука других тканей равнялась 30–79 локтям. Применялась при продаже ткани. Локоть — единица измерения длины, также не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. В разных странах имела различную длину. В России локоть был равен трем пядям по 18 см, т. е. 54 см. Небольшие отклонения от средних размеров меры вполне естественны; принимая во внимание безусловную приблизительность ранних единиц измерений, их можно не учитывать. — *Ред.*

14 июля, воскресенье. Я написал Иоахиму, сообщая, что помнил о его и Яцека поручениях.

15 июля, понедельник. Известие о смерти прусского короля⁸², наступившей в конце мая по старому стилю. Это событие, охватывая трауром петербургский двор, скорее всего, отложит свадьбу наследника, а тем самым и милости, которые за ней следуют.

16 июля, вторник. И снова в почте ничего! Но может, директор, который еще не вернулся, сам привезет то, что лежит меня в Иркутске. Иначе я умру или сойду с ума.

17 июля, среда. Наконец вернулся Дейхман и привез письмо моей сестры, воспитательницы и учительницы одного из трех сирот; она пишет в марге и сообщает разные, бесценные для моего сердца подробности о моем младшем сыне. Повторяет слова его детской речи. Интуиция ей подсказала, что такие подробности — это единственный бальзам на мои душевные раны. Но у моей бедной матери пошатнулось здоровье, а постоянное страдание и слезы так ослабили зрение, что она лично мне писать не смогла. При этом письме писала также генералу Руперту, поручая меня его великодушью. Через час после получения письма входит майор и отдает мне письмо матери Даровской вместе со 100 рублями. С ним еще три письма: Теодоры Хмельёвской, Отона Рачыньского и Винценты Билиньской. Все эти письма были написаны в феврале. Слезы долго не давали мне читать. Наибольшее облегчение принесло мне письмо Теодоры, потому что оно сообщает мне о последних минутах моего ангела. Добрая Теодора поняла потребность моей души: почувствовала, что для нее такие сведения желаннее всего. Мать Даровская ясно пишет, что Пелагия не смогла пережить моего отсутствия и что в последние дни своей жизни она писала за меня царевне Марии, но ответ пришел уже после ее смерти, на почте его никому выдать не хотели, и этот ответ вернулся назад в столицу.

18/30 июля, четверг. Майорша, когда я пришел туда сегодня утром, приветствовала меня такими словами: почему после получения писем я не стал более веселым? Я ответил

⁸² Фридрих Вильгельм III, род. в Потсдаме в 1770 г., умер 7 июня (26 мая ст. стиля) 1840 г.

ей, что эти письма немного меня успокоили, свидетельствуя о том, что четыре месяца назад в моей семье все были живы, но уже ничто на свете развеселить меня не сможет... Мне ли быть веселым!.. И когда она мне это еще сказала? В годовщину дня, который шесть лет назад сделал меня самым счастливым человеком! Увы! Только четыре раза я радовался празднованию этой дорогой, никогда не стертой из моего сердца даты. Слишком коротко продолжалось мое счастье, но сожаление и грусть после него будут продолжаться до моего последнего дня. Сестра пишет, что при ней и моей матери воспитываемый мой младший сын Ольгерд — добрый, мягкий и очень милый ребенок. Добавляет, что очень похож на свою мать. Еще Казимира говорит, что в этом ребенке развиваются большая понятливость и привязанность ко мне. Я был бы рад найти возможность написать им, чтобы воспользовались такими его способностями, укореняя в его разуме и сердце память об утраченной матери... И Теодора мне сообщает о детях, что Земовит похож на меня, учится читать и молиться за меня; что Ольгерд очень сильно похож на мать, что он красивый ребенок; что Хемильда моя менее симпатична, чем оба сына, но зато умнее их, чрезвычайно жизнерадостный ребенок, уже давно ходит, танцует и очень привязана к бабушке Даровской. Мать из Жердзя пишет только о двоих, воспитываемых у ней, что растут здоровыми, Зизи флегматик, Мися очень живая, хорошо ходит и говорит, ловкая, милая девочка. Она добавляет, что Олька мать сама отдала в Беднарукву».

19 июля, пятница. Среди других я получил также письмо от Леопольда из Иркутска. Он не обещает скорого возвращения, а может, даже и не вернется к нам. У него там множество работ начатых и заказанных. Он пишет, что у него дела идут лучше. Он сообщает мне информацию, какая есть у него, о забайкальских товарищах. Из них, как писал Бопрэ, девять находятся вместе в большом нерчинском заводе, то есть: Бопрэ, Боровский, Кисель, Янишевский, Рошковский, Ручинский, Грабовский, Новицкий, а девятого Леопольд не помнил. Им там достаточно хорошо, но подробностей об этом Бопрэ не сообщает. Другие разбросаны по разным уголкам и рудникам.

20 июля, суббота. Я написал Лесневичу, сообщая известия из писем от семьи и Немировского. А этому последнему я пе-

редал ответ через директора, который с майором едет в город, который оттуда направится дальше и, похоже, надолго.

21 июля, воскресенье. Майорша сказала мне, что ее муж поехал не далеко, а только в Иркутск и ненадолго. Я этому рад, надеюсь, что он или Дейхман снова привезут от Леопольда какие-нибудь известия.

22 июля, понедельник. Сюда на днях может приехать княгиня Волконская, давно обещающая свой приезд. Я хочу по этому случаю приготовить письма для моей семьи, а княгиня, может, не откажет позаботиться о них и найдет возможность их выслать. Я слышал здесь от одного офицера из Иркутска, что траур при дворе по прусскому королю закончится 7 августа.

23 июля, вторник. Записка от Иоахима. Он сообщает, что уже и Михальские дом купили, в два раза дороже, чем купленный Иоахимом и Яцеком, хотя менее удобный. Их дом, огромный, с несколькими комнатами, с большим флигелем, всеми постройками, большой площадкой и огородом, стоил 225 рублей, а Михальские за свой заплатили 450 рублей. Иоахим жалуется, что давно не получал писем от жены. Но может, это потому, что она на пути к мужу? Мы ели у майорши арбузы из ее парников. Хорошие и немаленькие. Говорят, что в Иркутске у некоторых вырастают по 15 фунтов и больше.

24 июля, среда. Сегодня я написал Леопольду, чтобы он не забыл возвращающемуся сюда майору отдать письмо Стаха Доливы, которое я послал туда, чтобы доказать о существовании 150 рублей, мне причитающихся, которые пропали еще год назад. Мне не хотелось бы потерять это письмо. Только в изгнании можно узнать истинную цену слов дорогих нам людей. Теодора писала мне, что в последние дни жизни Пелагии она чаще получала от нее письма, предметом которых был я. О, почему же она не прислала из них хотя бы два в своем письме! Они были бы святыней для меня.

25 июля, четверг. Торжественное открытие первой ярмарки в Усолье. Министр финансов ⁸³ утвердил проект Мевюса и приказал, чтобы с этого времени в Усолье было две ежегодные

⁸³ Канкрин Егор Францевич (1774–1845), министр финансов в 1832–1844 гг.

ярмарки: первая с 25 июля до 8 августа, а вторая с 14 ноября до 1 декабря; кроме этого, в воскресенье и в праздники. Так, со временем Усолье может стать торговым городком, чему будут способствовать его положение на большой судоходной реке Ангаре и соседство довольно частых здесь деревень, у которых нет других ближайших мест, кроме Иркутска, чтобы продать одни и приобрести другие предметы.

26 июля, пятница. Сегодня день св. Анны. Два года назад мы оба с Пелагией очень славно проводили время в Холенщеве, отмечая там день рождения госпожи Ланжиной. Мы оба всегда получали от этой семьи доказательство дружбы и искреннего сочувствия. Взаимно и мы всем сердцем разделяли каждое их событие. Я уверен, что, за исключением матери, братьев и сестры, никто не чувствует утраты моего ангела сильнее, как достойная Юлия Ланжина. Они любили друг друга, и Юлия была достойна такой подруги. Она должна знать тысячу подробностей о последних днях Пелагии. Но разве возможно, чтобы я здесь получил эту бесценную для меня информацию? Вечером вернулся майор. Причитающихся мне денег он и на этот раз не получил. Говорит, что снова официально написал об этом в Иркутске, чтобы деньги мне незамедлительно прислали. Но он привез мне давнишнюю посылку с бельем из Подолья, а что еще лучше, письмо Стаха Доливы от 15 мая. В этом письме 50 рублей и сообщение, что мои все, благодарение Богу, живы и здоровы. Стах пишет, что на письмо Руперту, написанное моей матерью, тот очень вежливо ответил, что, насколько сможет, облегчит мою долю. При этом ответе генерал сообщил, что нам писать не разрешено, но письма к нам от семей доходить будут. Слава Богу, что у нас уже знают об этом. Моя мама написала обо мне просьбу царю и в тот момент ожидала решения. Но эта просьба, скорее всего, не даст результат, а может, даже до царя и не дойдет. Если бы которая из них сама была в столице, это другое дело, это единственное, что могло бы меня спасти. В этом же письме вести о семьях Гольньского, Лесневича и Михальского Люциана. Немедленно им об этом сообщая.

27 июля, суббота. Здесь последние три месяца царит чрезвычайная смертность среди детей. При каждых похоронах (а я каждый день вижу их из окна комнаты, где даю уроки) сла-

бею при мысли о моих сиротах. Добрый Боже! Не забирай у бедного изгнанника этого последнего утешения.

28 июля, воскресенье. Леопольд пишет, что ему очень нужны некоторые оставшиеся здесь вещи и чтобы я ему их послал как можно быстрее. Одновременно он сообщает, что могу при этой возможности послать ему письмо для моей семьи. Как раз вовремя наш Шиманьский должен быть послан в город. Я этим воспользуюсь.

29 июля, понедельник. Нет ни дня, в котором бы не хоронили двоих или троих детей. Всемогущий Отец сирот и несчастных! Храни моих! Ангара сильно разлилась. Сегодня чуть не утонуло несколько человек.

30 июля, вторник. Продлившееся пребывание в Иркутске Немировского добавило мне работы с Наденькой. Майор сегодня говорил, что Леопольд по-прежнему считается здесь присутствующим и что каждый месяц его казенное жалованье (3 рубля) и 2 пуда житной муки на него выписывают. Мы двое со Щепковским записаны здесь как работники (как бы), возящие дрова на соляной завод, а Немировский с Уминьским занимаются какой-то другой, также придуманной работой.

31 июля, среда. Майор снова повторяет давнее заявление, что не требует, чтобы я занимался больше чем полчаса с маленькой Наденькой, то есть только для того, чтобы она не забыла основы до возвращения Немировского. А я при этой возможности также повторил, что иначе мне было бы слишком трудно. Иногда дают здесь на десерт после обеда ягоды. Иногда на обед ягоды черемухи, и почти все здесь едят эту плохую ягоду с удовольствием, которое мы разделить не можем.

1 августа, четверг. Сегодня приехал Муравьев. Заметив его на улице, я очень обрадовался, думая, что с ним прибыла княгиня Волконская. Но я ошибся. Теперь я усиленно стараюсь или через местных купцов, или каким другим путем найти возможность отослать в Красноярск господам Подберезским 20 рублей, которые они дали мне в прошлом году. А в Кию за Томском — 15 рублей для купца Голубева, взятых через доктора Вежбицкого. Оба этих долга тяготят мою душу с того момента, как я перестал носить кандалы, не нахожусь в заточении, имею помощь из дому, а в случае отсутствия оной могу зарабатывать на жизнь собственным трудом.

2 августа, пятница. Муравьев ручается, что мое письмо, взятое им в последний раз, уже несколько недель как было отправлено очень верным способом. Дай Бог, чтобы оно счастливо дошло. Книжек, уже столько раз обещанных, он не привез, а из-за деликатности уже не хочу ему об этом напоминать. Уверяет, что скоро здесь будет княгиня и что он с ней приедет. Говорит, что жена Михальского Люциана живет в Петербурге у его жены.

3 августа, суббота. Муравьев сегодня извинялся передо мной за то, что не привез книги из-за каких-то там препятствий, но обещает их привезти, когда будет здесь с княгиней. Кажется, это постоянное откладывание превратится в никогда. Он снова говорит, что обязательно здесь вскоре будет. Пусть уже и без книг, только бы с княгиней, думаю, она не откажется взять мои письма и найти способ отправить их семье. Господин Артамон Муравьев — придворный, и в его искренность я не верю.

4 августа, воскресенье. Я не могу привыкнуть к внезапным изменениям здешнего климата. Сегодня ночью был неслабый заморозок после вчерашней невыносимой жары. При таком переменчивом воздухе и болезни не должны удивлять. Что касается моего здоровья, то как-то держусь, особенно после того, как я успокоился, получив письма от моих. Известия от них — мое здоровье и моя жизнь.

5 августа, понедельник, 6 вторник, 7 среда. Только то могу сказать об этих днях, что я написал большое количество писем, желая, чтобы каждый из членов моей семьи имел отдельную весточку от меня. Из этих писем я одни послал Леопольду, а другие ожидают прибытия княгини, также я писал и Иоахиму.

8 августа, четверг. Майор очень доволен службой Уминьского. Кроме надзора за казенными конями и волами ему теперь поручили еще всю работу с сеном. Никогда, сколько местные помнят, не было такого хорошего сена, как в этом году. Майор увеличил Уминьскому его месячный заработок, обещая, что он будет еще выше.

9 августа, пятница. От местного секретаря, господина Куляева, я получил две латинские книжки, а именно: Саллюстия в хорошем переплете с приписками и старое «Описание трех

королевств Великой Британии», взятое у древних писателей. Давая мне эти книги, он сказал, что одна из них на английском языке, но он не знает которая. А ведь он уверял, что долго в Петербурге учился медицине и что раньше даже практиковал несколько лет!

10 августа, суббота. Неожиданность, подобная вчерашней, встретила меня сегодня у доктора Билицкого. Я нашел у него две польские книги: «Поэма о Ермарке» Дмитриева, переведенная в стихах довольно точно Богуславом Реутом и напечатанная с русским оригиналом, и еще большая редкость: «Польская история» Лелева. Он обе эти книги, как говорит, купил в Петербурге за несколько десятков медных копеек.

11 августа, воскресенье. После раннего обеда майор вызвал к себе Щепковского и меня, чтобы мы с ним и всей семьей пошли на недалекое отсюда поле, где по образу так называемой у нас тлоки собрали людей, чтобы жать пшеницу и овес. То, что у нас тлока, здесь (кажется, лучше) зовется «помощь». Мевеус купил за 100 рублей кусок поля у одного малолетка (малолетками здесь называют детей, рожденных сосланными на тяжкие работы преступниками, которые здесь считаются наравне с крестьянами). Этого поля 4 десятины, из чего 2/3 под овсом, а остальное под яровой пшеницей, другой здесь не знают. Для нескольких десятков человек обоего пола, работающих там, майор велел привезти приличный обед и много водки, которой он несколько раз угостил. Мы же, то есть Мевеус с семьей и мы двое, во время обеда жнецов охлаждали арбузами, которые майорша привезла с другой закуской. Здесь ни землепашество, ни пшеница, ни работы возле нее не похожи на наши. Мне было очень грустно смотреть на все это и переноситься мысленно на наши нивы, богатые самым прекрасным урожаем, на нашу землю, молоком и медом истекающую; и к моей щедедушной деревеньке, где я был так счастлив с женой, где она была матерью всем крестьянам, которые ее почитали и любили, как заботливое божество, как ангела утешения!

12 августа, понедельник. Бог послал мне этой ночью утешительный, чарующий и такой всегда желанный для моей печали обман. Я видел во сне мою драгоценную Пелагию. Потом мне снилось, что я вижу царя и рассказываю ему обо всех киевских бесчинствах. Вечером заболел Уминьский, доведен-

ный бесчеловечным, грубым поведением одного из местных чиновников, каждый день топящего свой разум и сознание в самогоне, словом, господином Золли, который как женился, стал совершенно другим, чем раньше казался, человеком. Я сразу побежал к доктору, а тот был так добр, что, не обращая внимания на дождь, льющий как из ведра, сразу же приехал к больному.

13 августа, вторник. Уминьскому лучше. Но он не захотел меня слушать и сегодня утром пошел исполнять свои обязанности, поэтому я боюсь, как бы он при сегодняшней влажности снова не заболел. С нетерпением жду известия от Леопольда, нашел ли он возможность отправить мои письма. Только бы они дошли до места! И хотя в них нет ничего утешительного обо мне, по крайней мере, они успокоят мою бедную мать, сообщения о которой Казимиры и Теодоры меня сильно волнуют.

14 августа, среда. Удивительно, как может быть в Сибири везде столько пьяниц, если водка здесь везде чрезвычайно дорогая. Я купил сегодня так называемые полштофа и заплатил 67 копеек, то есть 33,5 гроша, а это не больше чем полчетверти⁸⁴ водки, которая хуже, чем в наших самых ужасных корчмах. Сегодня первый раз после высылки из страны мы ели хорошую дыню, после которой подавали репу, как бы разновидность фруктов и десертов.

15 августа, четверг. Щепковский рассказал мне о неприятном инциденте между ним и Раевским. Этот последний, с самого начала нашего пребывания в доме Мевиуса — Щепковского, меня и Немировского — всегда старается найти какой-нибудь повод, чтобы придрататься к нам, разговаривать сквозь зубы или даже употребить какую-нибудь грубую колкость, особенно когда он переберет водки, что, к несчастью, происходит слишком часто. Каждый из нас, насколько возможно, старается избегать подобных событий, во-первых, из-за того, что они крайне неприятны, а во-вторых, чтобы не огорчать майора. Но с таким человеком, как Раевский, неприятностей избежать невозможно, даже если каждый, как я, решит не

⁸⁴ Четверть = 1/2 ведра = 3,08 л; полчетверти = 1,54 л. Сабиньский прав, полчетверти были больше, чем полштофа.— *Ред.*

говорить ему ни слова, кроме обычного приветствия или прощания и необходимых, лаконичных ответов на его вопросы. Не видется с ним нет возможности, поскольку каждый день мы все находимся в одном и том же доме.

16 августа, пятница. Сегодня я снова видел сон о моей драгоценной. Я всегда ложусь в кровать с одной горячей молитвой, чтобы мне Бог ее и моих любимых сирот во сне показал. Поведение Раевского наконец заметил Мевиус и сегодня грубо ему за это выговорил.

Глава третья

Доктор Романовский. — Разговор с Мевиусом. — Я ни за что не хочу брать на себя новую обязанность. — Предложение Домбковского — я отказываюсь. — Китайские шелковые изделия. — Потеря писем, посланных контрабандой. — Пребывание в Александровске. — Величкин, благородная благодарный офицера. Его история. — Я наконец избавился от долгов. — Усольский Раевский. В чем причина слабости к нему Мевиуса? — От Мархоцкого письмо и книги. — Какой сувенир ему нужен? — Сон. — Книги из Иркутска. — Годовщина неволи. — Теплая и ясная осень — здесь более мягкий климат, чем в Енисейской губернии. — Свойственник русского генерала. — Трех наших отпустили на поселение. Кого? — Песня Карпиньского. — Перевод: суцая каторга. — Благие намерения. — Приезд жены Фридриха Михальского. — Не разрешают с ней встречаться. — Сурочинская немка. — Памятные слова еврея в Ярмолинцах. — Портрет жены. — Известия из дома. — Встреча жены Фридриха с царем. — Ягоды со вкусом ананаса. — Письма Стаха и Казимиры. — Просьба к царю из рук Лёля. — Что такое аренда водки в Сибири? — Я уже не один в своей комнатке. — Еду туда, где живет Лесневич. — Здесь двое наших врагов. — Сближение двух противоположных воспоминаний. — Приятного голоса я в Сибири не встретил. — Неприятности от Раевского. Какова причина? — Что у нас осталось, после того как все отняли? — Периодические газеты и журналы. — Что такое «билет», который нам дают? — Я у Лесневича. — Оттуда в Урик. — Лунин. — Двое Поджио. — Княгиня Волконская. — Впечатление. — Братья Муравьевы. — В чем я завидую Лесневичу?

Август 1840

На соляном заводе, 17 августа 1840, в субботу. Третий день я уже чувствую в груди с левой стороны боль, на которую я сначала не обращал внимания. Но она с каждым днем усиливалась, а сегодня стала такой невыносимой, что утром я потерял сознание. Поэтому мне пришлось пойти к Билицкому. Он дал мне какие-то порошки и другие лекарства для растирания груди. Поэтому я уже не ходил к майору, а остался здесь, чтобы выполнять рекомендации доктора. Господа Мевюс прислали справиться о моем здоровье. Позднее пришел их сын и весь вечер просидел со мной.

18 августа, воскресенье. Вчерашние лекарства не принесли никакого облегчения. Билицкий приходил ко мне утром и прописал какой-то пластырь, который я должен носить несколько дней. Сегодня я ненадолго сходил к майору. Туда съехалось множество гостей из Иркутска. Один из них, дивизионный доктор Романовский, малоросс, слышал (как говорит) обо мне хорошие слова от Муравьева и Якубовича и поэтому хотел лично со мной познакомиться. Я рад этому знакомству, поскольку господин Романовский человек образованный и благородный, что доказал, стараясь помочь нашему другу Бопрэ, когда тот, уехав отсюда, на протяжении какого-то времени оставался в Иркутске. Романовский поздравил меня с успехами моих учеников во французском языке, который он очень любит и на котором хорошо говорит.

После долгого пребывания в городе наконец вернулся Шиманьский. Но, к несчастью, его возвращение вместо ожидаемого утешения принесло беспокойство и волнение. Он говорит, что, когда ехал, в лесу на него напали разбойники, которые его ограбили. Среди забранных вещей было (как он говорит) письмо от Леопольда, а в этом письме находились 30 рублей, оставшиеся от моих покупок. Конечно, потеря 30 рублей имеет для меня значение в теперешнем положении, но, может, при этом Немировский возвращал мне письма к моей семье, если не нашел и не ожидал найти возможности для их отправки. Вот это бы была потеря, гораздо большая, чем первая, и грозящая плохими последствиями. Пока это обстоятельство не

выяснится, сколько же мне придется страдать и беспокоиться, предполагая наихудшее!..

20 августа, вторник. Когда я думаю о событии, которое произошло с Шиманьским, то невольно возникают различные сомнения в правдивости его рассказа... Но я предпочел бы над этим вообще не думать, чем ставить под вопрос честность этого человека. Дай Бог, чтобы только все закончилось на потере 30 рублей!

21 августа, среда. Приехал господин Биркин, который недавно был в Кяхте, городе на границе с китайским государством, откуда он привез коробку отборного чая, вмещающую два с половиной фунта за девяносто рублей и черную, шелковую, китайского производства, очень красивую штуку материала. Оба эти предмета, как мне кажется, в качестве подарка родителям госпожи Александры. Сегодня, когда я после завтрака пишу, как делаю это каждый день, чтобы быстрее приготовить и закончить урок с девушками и Павлом, майор, видя это, спросил меня: «Почему бы тебе немного не отдохнуть после еды?» — «Потому что я хочу побыстрее приготовить урок для девушек и их брата». — «Ты мог бы и немного позднее сделать то же самое». — «Тогда бы урок французского задержал урок музыки». — «Но, так работая, ты вредишь своему здоровью». — «Я давно уже к этому привык». — «Может, будет лучше, если ты будешь приходить на полчаса раньше, до обеда». — «Это невозможно». — «Что же ты делаешь у себя дома?» — «Там у меня есть работа, связанная с моими обязанностями, после которой у меня остается иногда два или три часа, которые я провожу наедине с собой, со своей грустью и воспоминаниями. И эти часы я не отдал бы за миллионы. Это самые драгоценные минуты для меня!..» — «И самые вредные, самые опасные для твоего здоровья». — «О нет, господин майор! Наоборот: я чувствую, что если бы у меня отняли эту последнюю и так весьма условную свободу, то это вскоре стало бы причиной моей смерти». Я говорил это с сильным чувством, а этот достойный человек слушал меня со слезами в глазах. По этому случаю я перевел разговор на маленькую Наденьку, сообщая, что по его желанию я занимаюсь с ней каждый день полчаса, чтобы она не забыла того, что уже выучила. Этого не забудет, я ручаюсь. Но прогресса не будет, так как у меня нет времени, которое я

бы мог ей посвятить. Тут я снова напомнил то, что уже раньше пару раз говорил по этому поводу, что не только за двести или триста рублей в год, предлагаемых ее матерью, но даже если будет в десять раз больше в месяц и за любую другую сумму я не взял бы на себя эти занятия, ибо они лишили бы меня и того небольшого времени, которое мне остается для моих личных чувств. Он повторил, что ему достаточно того, чтобы девочка не забыла то, что уже знает. Я рад, что наконец по этому поводу высказал открыто все, что думал. О! Я только в эти часы одиночества перестаю быть изгнанником и забываю, что нахожусь в Сибири. Иногда я даже перестаю быть несчастным, по крайней мере на минуту, когда воображение, помогающее воспоминаниям, ярко и навсегда оставшимся в сердце, вызывает какую-нибудь картину из прошлой жизни... Тогда неволя, изгнание, все горечи теперешней жизни исчезают перед чарующим явлением, почти воплотившимся для моей души, и отблеск бывшего счастья рассеивает мрак моего несчастья, как если бы через маленькую щель лучик солнца проник в закрытую тюрьму...

22 августа, четверг. Биркин, завтра или послезавтра собирающийся уехать отсюда, пообещал взять мое письмо для Немировского, которому я напишу, чтобы при первой же возможности он сообщил, что писал в письме, потерянном Шиманьским, и что к нему приложил. Потому что Шиманьский говорил, что письмо было достаточно толстое. Я очень из-за этого беспокоюсь.

23 августа, пятница. Сегодня вернулся Дейхман из своей поездки за Байкал, но ни письма, ни денег никаких мне не привез. А я, вдохновившись тем, что мне говорил майор, был уверен, что после возвращения Дейхмана получу или одно, или другое, если не все сразу.

24 августа, суббота. Мевииус сегодня отправил в город нарочного посланца, который должен вернуться завтра. Я предпочел через него сегодня, нежели через Биркина, написать Леопольду, чтобы он успокоил меня по поводу писем моей семье.

25 августа, воскресенье. Сейчас здесь такие дни и такая погода, какая у нас обычно бывает в ноябре или декабре. Но там переход от лета к осени мягкий и незаметный, из-за того

что постепенный, здесь же совсем наоборот; после чрезвычайной жары вдруг приходят сильные холода. Говорят, что иногда здесь в сентябре тепло и хорошая погода.

26 августа, понедельник, вечером. Еще вчера должен был вернуться посланец майора, но его нет до сих пор. Молодой Мевюс с нетерпением его ожидает, поскольку тот должен привезти ему известие о получении звания офицера. Но наверняка намного больше мучает меня ожидание письма от Леопольда и неуверенность в отношении тех писем, которые я писал своим. Отправил ли он их? Или же, отданные в руки Шиманьского, они пропали вместе с деньгами?

27 августа, вторник. Не везет мне с письмами к Леопольду, посланец майора наконец вернулся. Но он мне ничего не привез, кроме известия, что Леопольд уже два дня как выехал из Иркутска. Может, снова в Урик, где он уже раз был, как мы слышали. Ему там лучше в городе, чем нам в Усолье, раз он по собственному желанию может перемещаться. Мое и Щепковского письма Немировскому, запечатанные вместе, получил господин Павел Заиончковский (тот, с которым мы познакомились в пути в прошлом году), и тот Щепковскому написал, что по возвращении Немировского отдаст ему наши письма. Приехал сюда господин Казимеж Домбковский из Иркутска, как говорит, только ко мне, с тем намерением, чтобы мне отдать на учение и для полной заботы своего сына, ребенка шести или семи лет. В моем теперешнем положении разве могу я по доброй воле брать на себя такую обязанность? Разве есть у меня время и здоровье для этого? И наконец, как бы на это посмотрел майор, которому я уже несколько раз отказывал в обучении Наденьки? Сколько бы тогда я притянул к себе неприятностей, недовольства и ехидства! Поэтому я очень вежливо, но в самом начале разговора показал ему невозможность принятия этого предложения.

28 августа, среда. И сегодня я писал Леопольду через Шиманьского, отправленного в Иркутск по какому-то государственному делу. Может, в этот раз он счастливо избежит разбойников. Также я писал и к Иоахиму, чтобы он сообщил, если что-то получил из дому. При этом я порекомендовал ему и Яцека Дембковского, который хочет туда привезти своего сына. Я им предложил, не смог бы этим заняться Игнаций

Родзевич, достаточно способный человек, для которого, может быть, желательна возможность заработать дополнительно двести-триста рублей в год, поскольку ему еще ничего не присылали из дому. Я думаю, что Иоахим и Яцек захотят ему в этом помочь. У них там у всех много свободного времени, потому что ни для каких работ и обязанностей их с конца мая не использовали. Но способных заняться воспитанием так, как следует, нет никого, кроме Иоахима и Яцека, а после них Родзевича, но двое первых получают деньги от своей семьи, поэтому наверняка они охотно уступят последнему этот источник дохода.

29 августа, четверг. Я забрасываю Немировского своими письмами, не пропуская ни малейшей возможности. Мевинус сегодня поехал в город, взяв старшую дочь, которая взялась отдать мое письмо Леопольду. Получу ли я наконец известие о том, что было в этом письме, которое потерял Шиманьский?

30 августа, пятница. Сегодня именины здешнего полицеймейстера Феденева, отца троих детей, с которыми я всегда с радостью играю, особенно с его сыном Лёлем. Я пошел его поздравить и выразить сердечные пожелания, ибо искренне его уважаю. После майора и Константина Дейхмана Феденев, несомненно, самый достойный из местных чиновников.

31 августа, суббота. Раевский, после того как майор устроил ему головомойку за невежливое обращение с Щепковским, внезапно подобрел к нам обоим. Сегодня он сказал мне, что постарается, чтобы я поехал с ним навестить его двоюродного брата Раевского в Олонках на именины того 17 сентября. Мне не хочется верить этому обещанию, данному в очень пьяном состоянии, как и не верю в родство, которое он приписывает себе, чтобы возвыситься за счет других.

1 сентября, воскресенье. Я видел во сне моих деток вместе с их матерью. О! Почему же каждый день я не имею такого утешения, о котором молюсь каждый день!

2 сентября, понедельник. Майорша, уже давно занятая приготовлением приданого своей старшей дочери, показала мне несколько штук разного шелкового материала, очень красивого и, как мне кажется, не уступающего лучшей европейской продукции такого рода. Этот материал, купленный в

Кяхте несколько лет назад, уже тогда был предназначен для такого использования, какого дождался сейчас. Каждого материала есть вторая штука для младшей дочери.

3 сентября, вторник. Наконец я дождался моих потерянных ста пятидесяти рублей. Я получил их сегодня вместе со старым письмом Стаха, доказывающим, что он эти деньги послал. Вчера подвернулась совершенно неожиданная возможность послать письма семье. Я снова отправил столько писем, как в последний раз, повторив содержание тех. Почти всегда после того, как отправлены одни письма, я готовлю другие для непредвиденных обстоятельств.

4 сентября, среда. Фридриху Михальскому жена сообщила, что решила в июне выехать в Сибирь вместе с женой Леопольда Яжины. Значит, их можно ожидать вскоре. Чего я боялся больше всего, именно то и произошло. Немировский пишет, что в этом письме, посланном через Шиманьского, он возвращал мне мои письма к семье. Поэтому это они пропали вместе с тридцатью рублями. Только бы они не попали в руки тем, кто может навредить этим доказательством контрабанды! Дальше он сообщает о размещении наших в разных нерчинских заводах, добавляя, что их используют как разного рода надзирателей и что им неплохо, хотя не так хорошо, как нам здесь. Еще Леопольд пишет, что недавно снова отправили из Иркутска за Байкал Подлевского Кароля, родом из Кракова, который был осужден в Варшаве. С этим письмом он мне прислал английскую грамматику. Не обещает своего скорого возвращения.

5 сентября, четверг. Я чрезвычайно расстроен этим неприятным известием, что пропали письма, которые я послал в прошлом месяце. Невезучему ни в чем не везет. Только бы дошли до Подолья те, которые я отправил на этой неделе.

6 сентября, пятница. Пока не оправдываются рассказы о прекрасном сентябре в этих краях. Слякоть, бури, холод постоянно нас донимают.

7 сентября, суббота. Сегодня был заморозок, который бы у нас считался очень серьезным. Пользуясь хорошим настроением майора, я сделал для себя и Уминьского разрешение на завтра поехать в Александровск. Может, там я найду известие о своих в письмах к Иоахиму и Яцeku.

8 сентября, воскресенье, в Александровске. Утром мы с Уминьским отправились в путь пешком и пришли сюда как раз перед обедом (по крайней мере, пятнадцать верст от Усолья). Мы застали Иоахима и Яцека вместе с Родзевичем, который у них живет, занятых в огороде: они копали картофель. Начальник завода, господин Зверев, предложил Иоахиму, чтобы тот учил его сына математике. Иоахим должен вскоре этим заняться и надеется, что тогда ему разрешат поехать к нам. Ни он, ни Яцек не получили никакого известия из Подолья. Я говорил о воспитании маленького Домбковского. Родзевич соглашается вместе со своими двумя товарищами, которые должны ему помогать. Они меня просили, чтобы я об этом написал Домбковскому. Вскоре я это сделаю.

9 сентября, понедельник. Заночевав в Александровске, мы встали до рассвета, чтобы не опоздать с возвращением и не пропустить времени моих уроков. Острый холод понижывал нас на пути. В маленькой деревне Жилкино, в четырех или пяти верстах от Усолья за Ангарой, мы немного отдохнули в доме крестьянки, которая дала нам вкусный завтрак, состоявший из горячего молока и свежих вареников с капустой, и что удивительно, мне с трудом удалось уговорить ее принять за это платы. Все удивились, что я так быстро смог прийти пешком. Майор хочет, чтобы я познакомил его с Иоахимом и Яцеком, когда они тут будут.

10 сентября, вторник. Вскоре у меня снова будет отдых от моих обязанностей. Майор со всей семьей сегодня получил приглашение на бал к гражданскому губернатору в Иркутск, господину Пятницкому, в день именины жены, 17-го числа сего месяца, туда должны будут поехать все.

11 сентября, среда. Сегодня я болен. И хотя пошел на занятия, головная боль не дала их окончить.

12 сентября, четверг. Не говоря уже о политических ссыльных, здесь нередко можно встретить среди ужаснейших преступников человека абсолютно невиновного, с благородной душой, а тем не менее получившего более строгое наказание, чем злодей, который, может, двадцать лет воровал, поджигал, убивал. Один из писарей местной конторы, Филип Величкин, находящийся здесь уже семь или восемь лет, способный и очень умный, родом из Курской губернии, приговоренный к

пожизненным тяжким работам, не опозорил себя никаким преступлением, а, наоборот, дал пример самопожертвования прекрасной и возвышенной добродетели и благодарности. Майор батальона, в котором служил Величкин, был его опекуном, благодетелем, отцом. Ребенком взял его к себе, воспитал, постоянно заботился о нем и поместил его в свою канцелярию. У этого майора была любовница, на которую имел виды офицер из этого же батальона. Майор заметил ее неверность и в первом порыве ее убил. Молодой Величкин (сейчас ему едва исполнилось тридцать), чтобы спасти благодетеля, берет это убийство на себя и сам в нем признается. Арестованный и допрашиваемый, он повторяет то же самое. Майор знает об этом и подло молчит. Наконец Величкина осудили на две тысячи ударов розгами и тяжкие бессрочные работы. Исполняют приговор. Майор там присутствует, но, будучи не в состоянии выносить вид невинно избиваемой жертвы, вскоре отнимает у себя жизнь, не оставив ничего, что могло бы выяснить правду. Величкина, как обычно, с толпой разбойников, отправляют в Сибирь. Во время его здесь пребывания в разное время сюда пришло несколько преступников из его губернии, которым известна вся его история. Рассказ каждого из них совпадает с его повествованием, что не дает сомневаться в правдивости вышесказанного. Вот еще один из миллиона примеров кажущейся безошибочности следственной комиссии и уголовных судов. Может, царь и восстановил бы справедливость, но, к несчастью, все приговоренные к тяжким работам, как бы это ни произошло, исключены из права, и им нельзя взывать к справедливости.

13 сентября, пятница. Уминьский сообщил мне неприятное известие, что моя хозяйка хочет отказать мне в аренде. Мне было бы очень жаль, поскольку я уже привык к этой квартире, и будет нелегко найти другую, боюсь хлопот, связанных с переездом. Может, это пустое устрашение, чтобы повысить арендную плату. Соглашусь на это ради спокойствия.

14 сентября, суббота. Мне снился мой сын Земовит. Я играл с ним, спрашивал о маме, которую он не забыл. Я говорил ему о ней и сильно плакал вместе с этим ребенком, так, что, когда я проснулся, мое лицо было залито слезами.

15 сентября, воскресенье. Вчера выпало много снега, а после него пришел сильный мороз. Майор со всей семьей, кроме Павла, сегодня на несколько дней уехал в город. Я через Александру писал Немировскому, поручая ему письмо Боровскому, если будет удобный случай. Также я писал и Домбковскому, что Родзевич готов заняться образованием его сына, поэтому пусть он поедет договориться. Я давно старался найти возможность отправить в Красноярск двадцать рублей достопочтенным Подберезским и в деревню Кию за Томском — доктору Вербицкому пятнадцать рублей, чтобы он отдал тамошнему купцу Голубеву. И вот подвернулась хорошая возможность через одного человека, который через два дня едет в ту сторону, пообещав выполнить оба вышеназванных поручения.

16 сентября, понедельник. Сегодня утром появился Шиманьский и принес мне письмо Леопольда. Тот сообщает, что пришел приказ освободить от работ на поселении двоих наших: Савичевского и Кшицкого. Пишет также, что жена гражданского губернатора Пятницкая хотела бы меня забрать в город для обучения ее детей. Сомневаюсь, чтобы майор на это согласился.

17 сентября, вторник. Что-то местный господин Раевский не очень сильно любит своего якобы брата в Олонках, раз, давно пообещав, что будет у него сегодня на именинах, об этом забыл и предпочел напиться в усольском кабаке. Мне непонятна слабость Мевиуса к этому человеку, ведь он хорошо знает его отвратительное пьянство, его грубое поведение и даже часто наказывает его за одно и за другое. Причина такого противоречия, как мне кажется, заключается в том, что Раевский помогает ему в канцелярии с редакцией всевозможных официальных бумаг, к чему он очень способен, а во-вторых, наш достойный майор, похоже, очень любит лести и сплетни, а Раевский щедро его снабжает и тем и другим.

18 сентября, среда. Если жены Лесневича и Михальского (как Леопольд слышал в городе) вскоре должны прибыть в Сибирь, то они, скорее всего, перед Иркутском заедут в Усолье и привезут известие от моих. О, только бы так было!

19 августа, четверг. За последние несколько месяцев я первый раз сегодня ужинал с младшим Мевиусом и Модестом Дейхманом, приехавшим вчера. Против своего обычая я дал

себя уговорить на ужин потому, что он был в восемь часов, а у майора ужин обычно бывает очень поздно.

20 сентября, пятница. Весь вечер я провел у доктора Билицкого. Там были: Павел Мевкус, Дейхман Модест, отец жены полицмейстера, Бичтов и Пётровский. Говорили о разных видениях. Каждый рассказывал, что слышал или читал по этому вопросу. Казалось, все боялись подобных явлений. Я молчал на протяжении всего разговора, думая, что то, чего они боятся, для меня — самое желанное и что я каждый вечер прошу Бога, чтобы он показал мне тень моей жены, хотя бы во сне. Я также уверен, что ее появление наяву было бы для меня предсказанием радости, как при жизни ее присутствие было моим наивысшим счастьем.

21 сентября, суббота. Письмо от Фридриха. Он пишет, что их снова вовлекают в работу и что из Иркутска потребовали их поименный список. Не знаю для чего. Есть в этом что-то сомнительное.

22 сентября, воскресенье. Вернулся майор со своей семьей. Госпожа Александра привезла мне письмо Кароля Мархоцко-го из Тобольска, написанное в апреле, с которым он отправил шесть томов Шиллера, но эти книги майор забыл забрать из города. Однако он обещает, что вскоре их пришлют. Что значит «вскоре» на сибирском языке, я знаю по опыту... Дорогой Кароль сообщает мне вести, которые он получил из Подолья в письме моей сестры Теодоры Хмелёвской. Но она писала ему еще в январе, до того, как дошли мои письма из Иркутска, поэтому у меня была уже более поздняя информация. Однако моему сердцу всегда дорого это свидетельство доброты и памяти Кароля. Только тот настоящий друг, кто им сейчас оказался... Он вкратце упоминает о семьях александровских друзей и некоторых, кто за Байкалом. Он просит меня, чтобы я ему ответил или хотя бы при чем-нибудь посредничестве сообщил о себе, а о позволении мне это сделать Кароль просил генерала Руперта. При этом он хочет, чтобы я на память перевел для него один избранный отрывок из прозы Шиллера. Я сделаю это с удовольствием, но весь вопрос в том, каким образом ему это переслать. Госпожа Александра также мне отдала письмо Леопольда, который прислал ответ Домбковского, который по моему предложению должен был вскоре поехать к Родзевичу,

чтобы окончательно договориться о сыне. Я рад, что друг Игнаций будет иметь с триста рублей в год из этого источника.

23 сентября, понедельник. Сон о Пелагии. Она разговаривала со мной и, предчувствуя свое состояние, говорила, что ее невыносимо мучает та мысль, сколь сильно будет страдать ее мать. «А я?» — закричал я. «О тебе, — ответила она, — уже и не говорю, ибо твои чувства так соединились с моими, что моя смерть, несомненно, будет концом твоей жизни». Ах! Ты верно сказала, что будет концом моей жизни, ведь действительно, моя жизнь уже закончилась. Разве я живу сейчас?.. Ты хорошо знала это сердце, и если твой дух сейчас может проникать в глубину него, то он видит, что в нем уже умерли все сладкие, все когда-то оживляющие чувства. Их место заняли боль и тоска по тебе. Они уже не покинут меня до самой смерти.

24 сентября, вторник. Приехал господин Артамон Муравьев. Вскоре после его приезда при какой-то оказии из города сюда отослали книги господина Романовского для меня. *Puris et les Parisens* авторства мадам Троллопе три тома и три латинские книги. Этим последним я рад больше, чем пристрастной и наполненной черными красками халтуре госпожи Троллопе, известной мне раньше. Муравьеву, как я уже решил для себя, я уже ничего не говорю о его обещании, которое он, видимо, сдерживать не собирается.

25 сентября, среда. Муравьев уехал, зато прибыли из города господа Титов и Василевский. В доме майора большая печаль. Его жена вот уже несколько дней как тяжело больна.

26 сентября, четверг. Кажется, болезнь майорши довольно опасна. Муж и дети в сильном беспокойстве и тревоге. Боже! Отврати от них это наивысшее несчастье. Даже если бы уважение, благодарность и сочувствие не привязывали меня к этой семье, даже и тогда я бы сильнее других разделял их печаль; ибо я хорошо знаю всю ценность жены и матери и знаю, увы, насколько убийствен этот удар, который им грозит. Сегодня, как говорит Билицкий, критический день. Я оставался там до поздней ночи. Билицкий не отходит от больной. Вечером немного облегчения.

27 сентября, пятница. Сегодня утром я был у майора, чтобы справиться о больной. Благодарение Богу, есть улучшение,

и доктор дает надежду. Иоахим сообщает, что уже третью неделю они ходят на работу — подметать казармы. От жены и из Подолья ничего нет. О требовании из города именных списков он говорит, что это отягченная ложь, не имеющая никакого смысла. Я тоже так думаю.

28 сентября, суббота. Через Василевского я написал Леопольду. Здоровье майорши улучшается, но очень медленно. Василевский обещал достать и отправить сюда на будущей неделе книги, присланные Мархоцким. Также пообещал прислать мне пару латинских книг. За латынь я взялся усердно и теперь постоянно работаю над этим языком, каждый день упражняюсь еще и в английском.

29 сентября, воскресенье. Уже несколько дней я рано утром хожу справляться о здоровье майорши. До сих пор состояние нестабильное. Муж и дети постоянно находятся при ней. Доктор Билицкий навещает ее несколько раз в день. Но странно, почему он в таком серьезном случае сам не попросит майора позвать другого доктора.

30 сентября, понедельник. Ужасная годовщина самого несчастного дня в моей жизни. Сегодня ночью будет два года, как меня увели из дома от жены и детей, как я последний раз видел моего ангела, как попрощался со всем моим счастьем на земле. Я расставался с ней на два или три дня, думая, что меня только забирают в Каменец. Но в ее прощании, сопровождаемом невыразимой болью, в тех слезах, которые старались скрыть ее слова, в долгом, отчаянном объятии, которое навсегда осталось в моей душе и мыслях, как же я не заметил предчувствия, что уже никогда в этой жизни ее не увижу?! Два года неволи, страданий, мук, изгнания, печали! Какая же невыносимо долгая цепочка дней, наполненных одной горечью! И еще более долгое будущее без надежды, утешения, спасения. О Боже, дай выдержать и не роптать против Твоей воли.

1 октября, вторник. Майорше становится лучше. Осень для Сибири достаточно теплая. Исключая только первые дни сентября, почти весь этот месяц был сухой и теплый. Холод тоже еще не очень сильный, когда я почти каждый день утром и вечером могу ходить по улице в одном сюртуке без ваты. Земля еще не замерзла.

2 октября, среда. Я писал Леопольду, посылая ему письмо Лесневича с просьбой добыть деньги Гольиньского.

3 октября, четверг. Павел Мевиус сегодня поехал в город и взял мое письмо Василевскому, которому я напоминаю об обещании книг, то есть моего Шиллера и латинских, которые он должен был теперь взять у какого-то профессора. Местный климат намного мягче того, какой был в это время в Енисейской губернии, где и снега уже было много и донимали сильные морозы.

4 октября, пятница. Сон о Пелагии немного оживил мою душу. Каждый раз, когда в ночном обмане я вижу ее, мне кажется, что опекающий дух заботится обо мне, что я не полностью ее потерял и что связь, которая так сильно соединяла наши сердца, продолжается и после ее смерти. О, почему я не могу часто всегда видеть такие сны? Они были бы единственным облегчением в моей боли, единственным, что рассеивает тоску.

5 октября, суббота. Сегодня я пошел в солдатскую баню и, как всегда, ограничился только мытьем. К парной я никогда не привыкну, даже если век целый проведу в Сибири, от чего сохрани меня, Боже! Сейчас я читаю *Les Juifs dans le moyen age; essai historique* Дешпинга, 1834; труд, полный важной информации, новых и интересных наблюдений.

6 октября, воскресенье. Сегодня утром полицмейстер Феденев прислал мне два письма Василевского, а с ними Горация на латыни в двух томах, хорошее издание с пояснениями; Василевский очень вежливо ответил на мое письмо, но сообщает, что относительно моего Шиллера есть какая-то неразбериха, что господин Форхегер, начальник в управлении генерала Руперта, один день обещает отдать эти книги, а на завтра сказал, что их нет и что этой посылки не было. А ведь сам генерал говорил майору о них и хотел ему их отдать. Майор говорит, что добудет их во время своей поездки в город. Этой ночью напало много снега, и, скорее всего, он уже останется, ибо сегодня весь день был сильный мороз, который к вечеру усилился.

7 октября, понедельник. Сегодня 18 градусов мороза, который был весь день и усилился к ночи. Сдается мне, что зима здесь продлится уже непрерывно, по крайней мере до середи-

ны апреля, если не дольше. Молодой Мевиус вернулся из города и привез мне письмо от Леопольда, который теперь уже с большей уверенностью пишет о своем сюда возвращении, хотя обещает его не раньше чем через несколько недель.

8 октября, вторник. Здоровье майорши значительно улучшается. Госпожа Александра сегодня сказала мне, что ее родители и она на днях решительно отказали Биркину и порвали с ним отношения, из-за того что, как она утверждает, более близкое знакомство открыло в нем ужасную тягу к выпивке и что все то, что он говорит об имуществе, ложь. Она не скрывала своей радости, что освободилась от этого претендента, к которому, говорит, не испытывала ни малейшей склонности, но была готова отдать ему руку, поскольку этого хотели родители.

9 октября, среда. Сегодня мало занятий из-за гостей у майора, тем более что Александра теперь хозяйка в доме с того времени, как заболела ее мать. Господин Полторанов, жандармский офицер, повторил свое предложение руки и сердца Александре, теперь хорошо принимаемый ею и родителями. Уже и майор говорил мне, что отказал Биркину выдать за него дочь и что согласен выдать ее за Полторанова.

10 октября, четверг. Сегодня произошло обручение госпожи Александры Мевиус с господином Владимиром Полторановым в присутствии генерала Черкасова, несколько месяцев назад присланного из Петербурга для осмотра лесов и разных фабрик по всей Сибири. Все члены семьи растрогались при этом обряде, после которого очередные рюмки за здоровье «обрученных». Свадьба, как говорят, может состояться еще до Нового года.

11 октября, пятница. И сегодня на обеде у Мевиуса был генерал Черкасов, приятный человек, очень любезный с Щепковским и со мной. Большой любитель и знаток музыки. Сам тоже довольно бегло играет на скрипке, что показал нам вчера, играя гладко, хотя *prima vista*, со Щепковским увертюру из оперы «Зампа». Он с чувством вспоминает о Польше и Литве, где раньше прожил несколько лет. Он очень хвалит польский язык и хорошо его понимает. Жена у него из Литвы. Слыша обо всем этом ранее, теперь я узнал из его собственных уст. Он спрашивал меня, как давно я здесь нахожусь, откуда

я родом, оставил ли дома жену и детей, с кем сейчас эти бедные сироты и т. д. Он говорил мне о многих людях, которых хорошо знают в нашем краю. И поэтому ему пришлось в голову спросить, как девичья фамилия моей жены. Когда я сказал ее фамилию, он закричал: «Как это? Даровская? И моя жена, Закшевская в девичестве, была рождена матерью из семьи Даровских. Так, может, это одна семья?» — «Вполне возможно, господин генерал, ведь у моей жены были родственники в Литве и Королевстве, кроме тех, что живут на Волыни и в Подолье». При этом он обратился к майору: «Какое удивительное стечение обстоятельств,— сказал он,— что я здесь встретил дальнего родственника моей жены!» В этот момент подошли разные люди и прервали наш разговор. На самом деле и я никогда не предполагал такого рода встречу в Сибири. Правда, и в Сибири оказаться я тоже не предполагал... *Ludit in humanis divina potentia rebus*⁸⁵.

12 октября, суббота. Наконец я дождался моего прежнего угла. Вместо нескольких дней, как обещал хозяин, я несколько недель ждал, пока он закончит свой ремонт, а на это время я переехал к другу. Моя комнатка и раньше была мала, а сейчас стала еще меньше, потому что почти половину ее занимает огромная, почти в два раза больше прежней печь. Но что делаешь? Я терпеливо переношу все неудобства для той одной пользы, что снова буду в полном одиночестве.

13 октября, воскресенье. Сегодня праздник освящения конторы, то есть всего местного управления, перенесенного в недавно построенное здание, довольно красивое и необычное. Старое здание предназначили для репетиций местного оркестра и проживания Щепковского, который руководит этим оркестром. Поэтому он удобно, просторно и бесплатно разместится, а кроме того, получит еще и то удобство, что это здание находится в двух шагах от дома Мевууса. Я этому последнему обстоятельству могу только позавидовать, поскольку от меня на занятия ходить далеко и это иногда мешает. Однако я не променял бы свою далекую, бедную и тесную комнатку на его две или три приличных комнаты, потому что здесь у

⁸⁵ Божья сила играет судьбами человеческими (Овидий. Письма из Понта, IV, 3, 49).

меня есть одиночество, независимость и тишина, которых там нет. Против обычного сегодня я заснул после обеда; но не жалею об этом, потому что во сне я видел Пелагию и дорогого Стаха Доливу. Жаль мне только, что я слишком быстро проснулся.

14 октября, понедельник. Сейчас я немного меньше занимаюсь с Александрой, которая занята всем домом, поскольку мать еще не полностью здорова, и подготовкой к своему замужеству. Но она из-за этого не бросает французский и умеет найти время для всего.

15 октября, вторник. Одиночество и тишина моего жилища теперь немного нарушены со вчерашнего дня, поскольку мои хозяева на три или четыре дня выехали со своей половины, чтобы потравить тараканов, поселились в очень тесной бане и попросили поставить у меня некоторые вещи, по этой причине часто ко мне заходят. Я этому, конечно, не рад, но нужно терпеливо переносить то, что невозможно изменить. *Levius fit patientia, quidquid corrigere nefas.*

16 октября, среда. Господин жених привез мне новый русско-французский этимологический словарь Рейфа в двух томах, в котором содержится одновременно хорошая и ясная русская грамматика. Эта книга могла бы мне очень помочь основательно учиться русскому, если бы у меня было для этого достаточно времени и предрасположенности. Но увы! Ни на какое занятие я сейчас не способен. Если я усилием воли заставлю себя и прилично поработаю несколько дней, то обычно потом наступает какое-то умственное бессилие и оцепенение, граничащее с безумием, когда я не могу ни читать, ни писать, ничего не понимаю, а в голове чувствую неразбериху с головокружением и сильными болями. Это состояние продолжается когда дольше, когда короче; позднее проходит, и я снова возвращаюсь к своим занятиям, хотя знаю, что ненадолго. Но я не сдаюсь и, насколько могу, борюсь сам с собой изо всех сил. Этой ночью мне снились родные края, моя мать и жена, и Стах Долива, и многие знакомые. Проснувшись, я сразу же зажмурил глаза и, как ребенок, снова хотел заснуть, чтобы продлить милый обман...Напрасно! Неумолимая действительность призывает меня к повседневному бременю, которое я должен носить.

17 октября, четверг. Утром нас приветствовал мороз 25 градусов с постоянным колючим ветром. Все предсказывают зиму в этом году более суровую, чем обычно, и говорят, что она еще и рано началась.

18 октября, пятница. И сегодня, как вчера, 25 градусов мороза с сильным колючим ветром. Я написал Леопольду и Василевскому, благодаря последнего за Горация. Он обещал мне прислать еще и другого латинского классика.

19 октября, суббота. Напрасно я вчера писал письма, поскольку господин Дейхман, который их должен был взять в город, сегодня не выехал, и неизвестно, поедет ли завтра.

20 октября, воскресенье. Вместо господина Дейхмана сегодня ночью едет в Иркутск господин жених, и он взял мои письма, чтобы передать их Леопольду.

21 октября, понедельник. Только в дни отсутствия своего жениха госпожа Александра берет уроки французского. Но и тогда на них меньше времени, с тех пор как она обручилась, что по-русски называется «быть невестой». Мое изучение русского языка хотя и идет очень медленно, но не без прогресса. Майор в немецкой книге Лангсдорфа о «добыче соли» нашел пару отрывков по-французски, а поскольку он не знает этого языка, то сегодня попросил, чтобы я перевел их для него на русский, и я (разумеется, при помощи словаря) выполнил эту действительно тяжелую работу, которая отняла у меня три часа времени, хотя всего перевода было более чем на три с половиной.

22 октября, вторник. Снова каждый вторник с таким же, как раньше, беспокойством я ожидаю писем от моих — и ожидаю напрасно! Прошло шесть месяцев с последней весточки оттуда. Все время меня беспокоит мысль: а не несчастье ли стало причиной этого молчания?.. Может, я уже и мать потерял?! Но почему все молчат? Ведь знают же, что их письма нам не запрещены. Теодора еще в феврале обещала писать каждый месяц, и с тех пор ни слова от нее! Не знаю также, почему жены друзей до сих пор не появились.

23 октября, среда. Я видел мучительный сон о моей матери. Это вполне естественно после вчерашних беспокойных мыслей... А может, этот сон стал предчувствием ужасного удара... Милосердный Боже! Сохрани меня хотя бы от этого несчастья

и позволю, чтобы я еще смог поцеловать ее ноги, получить ее материнское благословение! Весь вечер майор продержал меня для совместного с ним чтения и перевода книги Лангсдорфа о соляном промысле. Это меня совсем не развлекло!

24 октября, четверг. Немировский пишет, что узнал о пришедшем Руперту приказе освободить от тяжелых работ и направить на поселение Уминьского, Лесневича и Цырыну, и это при ходатайстве Бибикова, что, как пишет Леопольд, должно быть отражено в этом приказе. Дело это, добавляет Немировский, еще сохраняется в тайне, пока не будет оглашено в обычном порядке. Я от всего сердца радуюсь облегчению судьбы моих товарищей, хотя еще не полностью в это верю, ибо примечание, что эта милость была им дана при содействии Бибикова, пробуждает мое сильное недоверие. Как бы ни было, я был бы рад написать об этом Иоахиму, а еще больше — сказать ему об этом лично.

25 октября, пятница. Через Модеста Дейхмана я писал Леопольду, который завтра получит мое письмо. Приехал Полторанов, но говорит, что Немировский не знал об его отъезде из Иркутска, и поэтому господин жених мне ничего не привез.

26 октября, суббота. Я усиленно стараюсь получить на завтра разрешение поехать в Александровск. Но майор и директор отказали по причине каких-то новых приказов, полученных по этому вопросу. Теперь дело только в том, как найти возможность сообщить Иоахиму содержание письма Немировского. Мне кажется, что завтра я смогу это сделать.

27 октября, воскресенье. Господину жениху, ни слова не понимающему по-польски, так понравилась «Утренняя песня» Карпиньского («Когда утром...»), которую он слышал в исполнении Щепковского, что сегодня не отходил от меня, пока я ему ее не перевел и не написал русскими буквами. Потом мне еще пришлось научить его произносить и петь всю песню. Поэтому урок польского языка продолжался около двух часов, прежде чем он смог своей новой способностью похвастаться перед невестой. Вообще, здесь довольно часто можно встретить любителей нашего языка.

28 октября, понедельник. Шиманьский сегодня поехал в Иркутск и взял мое письмо Леопольду вместе с новыми упражнениями в немецкой грамматике, которые я уже давно пишу

для него и вскоре должен буду закончить. Но что с того, если друг Леопольд, снова не скоро обещает свое возвращение. Мне даже кажется, что он там будет жить постоянно. Я искренне ему этого желаю, хотя с его отъездом я многое потерял.

29 октября, вторник. Говорят, что генерал Руперт должен вскоре приехать в Усолье. Это известие произвело большое впечатление на местных чиновников, обеспокоенных тем, чтобы правитель не приехал внезапно. Майор особенно беспокоится за тех, кто не всегда находится в трезвой памяти.

30 октября, среда. Сегодня разошлись вести совершенно противоположные вчерашним, и похоже, что эти — истинные. Говорят, что генерал сильно болен. Майор этой ночью едет к нему в Иркутск.

31 октября, четверг. Сегодня Дейхман официально объявил Уминьскому об освобождении его от работ и направлении на поселение в деревню Тайтурку, которая находится неподалеку отсюда. А значит, и Иоахиму должны будут вскоре сказать или уже сказали.

1 ноября, пятница. Мороз 26 градусов не спадал всю неделю. Директор сегодня дал мне трудную и совершенно неинтересную работу: перевести на русский язык большой кусок (два листа) из немецкой книги о разных способах клепки котлов и паровых машин, сварки каменных и железных машин, подвергающихся воздействию огня, и т.п. Я был бы рад отказаться от этой работы, о которой он меня очень любезно просил, пригласив к себе на кофе. Но все подобные задания всегда преподносятся в такой форме, которая напоминает мне слова из «Госпожи Твардовской» Мицкевича: «Господин велит, слуга обязан...»

2 ноября, суббота. Большую часть ночи я провел над этим неинтересным переводом и сделал едва половину назначенной повинности. Майор вернулся из города. Генералу лучше. Господин Форхегер и Мевиусу заявил, что посылка с книгами для меня не приходила. Или в этом какая-то странная путаница, или же господин Форхегер хочет присвоить себе моего Шиллера. Так или иначе, но скорее всего, я эти книги уже не увижу.

3 ноября, воскресенье. Отдал директору мой перевод. Он поблагодарил и предложил для упражнения в русском языке

каждый день объяснять анекдоты, какие я захочу, обещая поправлять мои ошибки. Но я отказался от этого, объясняя отказ нехваткой времени, и поблагодарил за любезное предложение помочь мне в обучении. Хвала Богу, он не настаивал на своих блочных намерениях и не обиделся.

4 ноября, понедельник. Мое письмо, посланное вчера, не застало его в Александровске. Говорят, что заседатель вывез его на поселение в деревню Елань, в трех милях отсюда. Шиманьский вернулся из города, ничего мне не привезя от Леопольда. Самое неприятное в этом то, что, как говорит Шиманьский, жена Фридриха Михальского, едущая из Петербурга к мужу, была вчера в Иркутске и Немировский должен был с ней встречаться.

5 ноября, вторник. Только ту он привез хорошую новость, что Домбровский отправил своего сына к Родзевичу. Я рад, что эта моя идея воплотилась и что друг Игнаций будет иметь около трехсот рублей в год и еще, наверное, кое-какие подарки от родителей, достаточно состоятельных людей. А значит, и положение старого Олеси должно немного улучшиться, раз у его пасынка будет такой заработок.

6 ноября, среда. Со вчерашнего дня продолжается такая ужасная метель, что кроме обязательных занятий, на которые я должен ходить, никуда больше пойти невозможно. Майор сказал мне сегодня, что якобы в этом месяце состоится свадьба наследника престола. Интересно, как далеко распространится царская милость по случаю этого события.

7 ноября, четверг. Человек, посланный три дня назад в Александровск, еще не вернулся, скорее всего, из-за трудной переправы через Ангару. Я с беспокойством ожидаю новостей оттуда. Может, жена Фридриха привезла что-нибудь от моих, ну, или, по крайней мере, она должна иметь о них информацию более позднюю, чем я почерпнул из писем.

8 ноября, пятница. Только сегодня, и то с большими проблемами, сюда добрался человек, возвращающийся из Александровска. Но он привез только коротенькую записку от Яцека, что жена Фридриха очень хочет со мной увидеться, и поэтому Яцек настаивает, чтобы я к ним поторопился. Река здесь еще не встала, но даже если она вскоре замерзнет, маловероятно, что мне удастся получить разрешение, в котором

мне недавно отказали. Однако я снова попробую, когда здесь начнут ездить по Ангаре.

9 ноября, суббота. Найдя сегодня подходящее время, я сказал майору, что с беспокойством ожидаю, когда Ангара замерзнет, имея намерение тогда просить у него разрешение поехать в Александровск. Я сообщил главный мотив этой просьбы, то есть желание жены Фридриха встретиться со мной, а в доказательство показал и перевел вчерашнюю записку. Также я сказал, что, должно быть, жена Фридриха имеет какую-то информацию от моей семьи, а может даже, раз она едет из Петербурга, ей есть что сказать о результатах моей просьбы к царю. Он, правда, не отказал окончательно, однако напомнил то, что я уже слышал раньше, — о новом приказе, и добавил, что было бы лучше, если бы госпожа Михальская смогла приехать сюда.

10 ноября, воскресенье. У майора снова сегодня бал. Приехало много гостей из Иркутска. Уже два дня гостит в доме Мевюса госпожа Сурочинская, жена какого-то важного городского доктора, родом немка, она уже несколько лет с русским мужем живет в Сибири. Я говорил с ней по-немецки. Она жалуется, что забыла свой родной язык. Я этого совершенно не могу понять и всегда вспоминаю слова одного еврея в подобных обстоятельствах: «умру и не забуду». Эти достойные слова, наполненные духом псалма *Super flumina*⁸⁶, возможно самого красивого из всех, который всегда звучит в моей голове. Тот еврей был купец родом из подольского Могилева, который, переехав в Молдавию, поселился там много лет назад. Я встретил его в Ярмолинцах, когда меня в 1838 году везли в Киев. На мое удивление, что он мне отвечает по-русски, он сказал, что уже забыл польский язык. А когда я его в шутку спросил: а иврит он тоже забыл? — «Как это? — воскликнул он с чувством, — забыть иврит? Умру, а не забуду!»

11 ноября, понедельник. Лесевич Иоахим, уже с места своего поселения, был в Иркутске, а возвращаясь оттуда в сторону Урика и Александровска, приехал сюда и привез мне письмо от жены Фридриха, оставленное в городе у Немиро-

⁸⁶ Ветхий завет, Псалтырь, Псалом 137 («При реках Вавилона мы сидели и плакали, когда вспоминали Сион»).

вского, с портретом моей жены, ее волосами, а также волосами Зизи и Миси. То, что я почувствовал при виде драгоценных черт, уже затронутых смертной тенью (Михальская говорит, что портрет рисовали незадолго перед смертью), выразить невозможно.

12 ноября, вторник. Жена Фридриха, взяв в Жердзе от матери Даровской портрет и волосы, должна была еще позднее побывать у нее, чтобы взять письмо для меня. Но ей внезапно пришлось поехать в Киев, чтобы не упустить возможности увидеться с царем, который был в Киеве в середине августа. Оттуда она уже не стала возвращаться в Подолье, а направилась прямо в Иркутск. Поэтому она ни мне, ни Яцеку не привезла писем. Все это по ее рассказам мне повторил Иохим. Он ночевал у меня, и мы всю ночь проговорили. Сегодня утром я был с ним у майора, потом у Дейхмана. Все были рады познакомиться с ним, и ему взаимно понравились наши начальники. Около полудня Иохим уехал, обещая, что будет часто меня навещать. Майор просил его, чтобы тот бывал в его доме, где сейчас полно радости, поскольку сегодняшняя почта принесла майору известие о представлении его к кресту Св. Станислава на шею, его сыну — офицерское звание, а Константину Дейхману — тысячу пятьсот рублей награды за усердную службу.

13 ноября, среда. Я вчера написал Яцеку, предупреждая, что, скорее всего, не получу разрешения поехать к ним, и поэтому чтобы он оправдал меня перед Михальской и просил ее приехать сюда, как только замерзнет Ангара. Она должна поверить, что я искренне хочу видеть ее и поговорить о моей семье. Я писал и Немировскому, что сто пятьдесят рублей, лежащие с прошлого года в Иркутске, наконец через земский суд были Яцеку отправлены и что их украли по пути, поэтому я просил Леопольда, чтобы он старался проследить, если будет какой-то способ этому помочь. Яцек теперь без гроша, и хотя его жена была этим летом в Киеве, но ничего ему через Михальскую не прислала. Сама же, как та говорит, должна приехать к мужу, но еще не скоро. Ручиньская, Рошковская и Яжина уже давно собираются и обязательно к мужьям приедут. До этого их удерживали страшные представления о Сибири и нехватка денег. Но насчет Боровской Михальская

не дает никакой надежды, приезда жены Люциана мать также не обещает. Кроме Лесневича, Цырины и Уминьского царь, будучи в этом году в Варшаве (прежде чем поехал в Киев), помиловал еще двоих, из Варшавы посланных в Нерчинск, освобождая их от работ и отправляя на поселение, то есть Савичевского и Кшицкого. Михальская протиснулась к царю в Киеве и пала на колени взывая: «Sire! Graces pour mon mari et pour mon fils!» Он спросил ее фамилию и ответил: «Je ne puis faire pour vous». Из Волыни и Подолья обыватели выслали в Киев делегацию, которая должна была там, кроме других просьб, умолять также и о тех, кто в ссылке, но Бибиков эту делегацию к царю не допустил, говоря, что сейчас не время еще просить о милостях, которых можно ожидать после свадьбы наследника.

14 ноября, четверг. Наконец и Уминьский дождался письма от жены, которое ему сегодня прислала жена Фридриха.

15 ноября, пятница. Из всех сибирских ягод, неизвестных у нас, больше всего мне понравились те, что я ел сегодня. Местные жители называют ее облепиха, из-за того что ветви небольшого куста как бы облеплены ягодой. Она созревает только в октябре, после сильных морозов. Желтого цвета и формой напоминает мелкий кизил. Сильная кислота этой ягоды, смягченная сахаром, становится очень приятной и тогда немного напоминает вкус ананаса. Из этих ягод делают мороженое, сок, желе и очень вкусный морс.

16 ноября, суббота. Полторанов прислал мне из Иркутска письмо от Леопольда, которого я просил купить красивую раму для портрета жены. Он пишет, что в магазинах искал ее напрасно, но добавляет, что в Иркутске умеют делать очень красивые рамы, о чем обещает помнить.

17 ноября, воскресенье. Я снова написал Михальской, прося ее, чтобы она приехала сюда на пару часов. Ведь для меня поездка к ней, к сожалению, невозможна!

18 ноября, понедельник. Мороз почти 30 градусов. Я видел во сне мою маму, а у нее не Лёля, а те двое сирот, которые находятся в Жердзе. Мою любимую девочку я видел такой, как о ней пишут и как я ее себе представляю: живую, веселую и милую. Постоянно играл с этой сладкой девочкой, говоря ей о ее матери. Зизи я только голос слышал из соседней комнаты.

Это было как будто после моего возвращения из Сибири... Сон этот станет ли когда-нибудь правдой?

19 ноября, вторник. Сегодня я весь день не мог преодолеть рассеянности и чрезвычайной грусти. Сегодня год, в тот момент, как пишу, когда, прибыв в Иркутск, я узнал о моем вечном несчастье. Воспоминание об этой ужасной годовщине постоянно сидело в моих мыслях, отнимало сознание во время уроков и любых разговоров. В таком состоянии мои сегодняшние обязанности чрезвычайно неприятны и трудны, я чувствую в полную силу, что приговорен к тяжким работам!

20 ноября, среда. Провидение послало мне сегодня утешение. Дейхман привез из Иркутска два письма, одно, с датой 9 августа, от неопределенного Стаха, а второе — от моей сестры Казимиры. Дорогой Стах Долива, этот пример благородства и дружбы, сообщает, что моя мать с сестрой и одним из моих сирот отправилась в Киев, чтобы там просить обо мне царя. Добавляет, что в результате этих стараний напишет позже. При этом письме 50 рублей. Казимира же, теперь воспитательница и учительница моего Лёля, пишет, что мать, слабая, была не в состоянии сопровождать ее в Киев. Сама же она с моим любимым ребеночком пошла в этот путь, продолжающийся день и ночь, чтобы не опоздать, и удачно прибыла за день до приезда царя. На следующий день она с Лёлем выехала из города для того, чтобы встретить царя на последней станции. Там Лёлё подал просьбу, которая из его рук была принята царем. Копию этой просьбы Казимира приложила к письму. Она составила ее сама от имени моих троих сироток. Кратко и очень трогательными словами она говорит с сердцем. Не зная ничего о моем деле, она молила о прощении, о моем возвращении или хотя бы чтобы я был поближе к бедным сиротам. Из этого видно, что мое письмо, написанное на пути в Иркутск почти год назад, с приложением показаний и изложением всего дела, до них не дошло. Иначе содержание их просьбы было бы таким: «Всемиловитый Государь! Без Твоего ведома, но Твоим Именем совершили огромную несправедливость, осуждая невиновного человека на самое суровое наказание, и т. д.». Только бы и та просьба, которую они подали, привлекла внимание властей и получила правильное решение, которого дорогая Казимира велит ожидать! Свое письмо, начатое в Киеве 12-го,

она закончила только после возвращения домой 23 августа, спеша к больной и волнующейся матери. О, великий Боже! Сохрани здоровье этой доброй матери! А за столько несчастий и страданий моих позволь мне еще успеть поцеловать ее ноги, чтобы она и отец мой могли меня благословить.

21 ноября, четверг. Пусть будут прокляты сибирские печи, с которыми в таких маленьких комнатках, как моя, почти невозможно избежать убийственного чада. Сегодня после обеда, едва живой, я с большим трудом выполз на тракт и там чуть не упал без чувств. Теперь у меня так сильно болит голова, что почти не вижу того, что пишу. А именно сейчас способность писать необходима мне больше чем когда-либо, ибо приехавший Муравьев завтра утром уедет, а с ним появилась возможность послать письма моей семье, эту возможность он назвал более верной, чем все другие, и надежной. Он также при этой возможности отправляет письмо и посылку своей жене, живущей в Петербурге. Видевшись сегодня в Елани с Иоахимом, и ему предложил эту же возможность. Поэтому буду писать, хоть бы пришлось умереть. Все мои там, должно быть, беспокоятся обо мне, а особенно моя бедная мать, при стольких огорчениях и слабом здоровье, найдет хоть немного утешения и укрепления, если получит от меня письмо. Эта мысль добавляет мне сил.

22 ноября, пятница. Всю ночь я не спал и писал письма моим. Ужасная боль и головокружение не давали мне написать трех слов подряд; но — хоть и с большим трудом — я нацарапал по чуть-чуть ко всем, то есть двум матерям, отцу, Казимиру, Стаху, Теодоре и по несколько слов моим ангелочкам. При этом я написал еще жене Люциана Михальского, живущей в Петербурге. Она, должно быть, имеет контакты с Подольем и найдет хорошую возможность послать эти письма, адресованные Хмельёвскому Юзефу. Я очень сильно просил ее, чтобы она об этом сообщила мне через Муравьеву, которая часто пишет мужу. Мне кажется, что уж эти письма должны будут дойти.

Вечером приехал ко мне Иоахим с просьбой, чтобы я ему по-французски написал письмо к губернатору Пятницкому с просьбой о встрече. Я сразу это сделал, а он после чая сразу же уехал. Мне хотелось бы на днях навестить его, если получится.

23 ноября, суббота. Чтобы представить, что такое корчмы (по-русски кабаки) по всей Сибири, достаточно будет сказать, что берущие их в аренду на ближайшие три года заплатили казне двадцать шесть миллионов рублей, выше цены предыдущих лет. Но зато теперь они стали суверенными хозяевами Восточной и Западной Сибири.

24 ноября, воскресенье. Господин Константин Дейхман вскоре едет в Петербург, чтобы там занять, как говорят, более высокую и лучшую должность, чем здесь. О его отъезде в Усолье еще долго будут жалеть.

25 ноября, понедельник. Через Полторанова я написал письмо Леопольду, посылая ему последние упражнения по закончившейся немецкой грамматике и деньги для рамы на портрет Пелагии.

26 ноября, вторник. Отдаленная и одинокая моя комнатка стала мне теперь дороже с того времени, когда я уже не один, с того времени, когда дорогое изображение стало разделять мое одиночество. Здесь вид ее дорогих черт, ее волосы и волосы моих любимых деток часто погружают меня в грустные, правда и трогательные, но всегда желанные моему сердцу мысли, которые мне в тысячу раз милее всех удовольствий местных компаний. Теперь я кроме выполнения обязанности в доме майора почти нигде не бываю. О, если бы я еще получил волосы и моего Лёля, которых не хватает для полноты моего богатства!

27 ноября, среда. Не знаю, почему Леопольд редко теперь пишет мне, хотя у него для этого часто есть возможность. Вот снова ничего не передал с возвращающимся майором. Это молчание кажется тем более странным, что уже несколько моих писем осталось без ответа.

28 ноября, четверг. В первых днях декабря генерал Руперт едет в Петербург, а наш майор должен будет проводить его до Красноярска. Говорят, что свадьба наследника должна состояться только после Пасхи, и это якобы из-за несовершеннолетия княжны Марии. Но этого известия нет в газетах, поэтому оно весьма сомнительно.

29 ноября, пятница. Здесь идут большие приготовления к завтрашнему балу на именины майора. Майор, радующийся поздравлениям и подаркам всей семьи и всех знакомых, как

мне кажется от всего сердца, легко разрешил мне поехать завтра в Елань. После обеда я занялся получением билета, или «дорожной карточки» для Уминьского и для меня, а завтра мы вместе поедem в Елань. Я несправедливо осудил Леопольда за нежелание писать мне, поскольку сегодня утром я получил большой и занимательный его ответ. Он сообщает и о забайкальских товарищах. Друзья из-за Байкала писали недавно. Бопрэ пишет, что наши письма получили, что там дела у них идут неплохо, так как начальники довольно добры к ним. Бопрэ купил в Большом заводе дом, и в этом доме все наши, которые там, живут. На других заводах и рудниках тоже держатся вместе. Едят вместе, а более состоятельные сбрасываются для беднейших и отправляют им деньги на содержание. Очень хорошо. Они пишут довольно кратко. Людвик Янишевский написал отдельно Фридриху Михальскому, а Грабовский — Олизарам. Дай Боже только согласия и пребывания на добром пути, а мы выдержим все. Щепковский написал красивый полонез для сегодняшнего дня и принес его майору.

1 декабря, воскресенье, в Елани. Извечная и слишком уж затертая истина, что мы тогда лучше всего понимаем ценность какого-либо блага, когда его потеряли; и только тут, в изгнании в Сибири, и в таком положении, как наше, можно почувствовать всю силу боли и печали... Теперь я это вижу, насколько я был несправедлив и как сильно неблагодарен по отношению к Провидению, когда в прошлой жизни смел жаловаться на какую-нибудь неприятность или неудачу. Ведь все те неприятности, даже вместе взятые, это ничто в сравнении с теперешнею проклятой долей, в которой мое время, мои действия, мои шаги мне не принадлежат... Словом, вся моя сущность стала как животное или неодушевленный предмет, который находится в распоряжении других людей. Когда я не говорю даже о нескольких часах свободы, ибо с ней входящий сюда, как с надеждой у адских ворот Данте, должен расстаться, даже не о минуте свободы, но о том, чтобы не так тяжело вздохнуть, я должен просить, как нищий просит милостыню, и слишком часто, как и нищий, я получаю холодный отказ... Такие чувства и мысли занимали меня сегодня на всем пути до Елани, который в два раза длиннее, чем от Усолья до Александровска. Иоахим очень обрадовался нашему прибытию —

хотя он находится как бы в лучшем положении, но зато один в огромной деревне среди нескольких сотен простых сибиряков, и не с кем по-человечески поговорить. Он живет в удобном, не по-сибирски построенном доме, принадлежавшем раньше князю Одоевскому (одному из осужденных в 1826 году), который с тяжелых работ был направлен в Елань на поселение и этот дом построил для себя, а вскоре потом был направлен на военную службу на Кавказ и свой дом подарил местному крестьянину. В этом доме также в прошлом году какое-то время жил Артамон Муравьев, прежде чем получил разрешение поселиться в деревне под Иркутском. Мне очень понравился скромный обед Иоахима. Но вскоре мысль о том, что завтра утром я снова должен буду спешить к ежедневному оброку, чтобы не опоздать и чтобы на меня из-за этого криво не смотрели, наполнила горечью эту капельку облегчения, которое мы оба получили. У Иоахима я застал письмо Леопольда, написанное мне до того, которое я получил вчера. Он пишет, что был болен почти две недели и поэтому не отвечал мне. Но теперь ему уже лучше, и, возможно, он скоро вернется в Усолье. Иоахим на днях должен быть в городе, а оттуда у нас. При мне он получил известие из Александровска. Мой Шиллер, не знаю почему, из Иркутска был послан Фридриху Михальскому. В этом какая-то новая неразбериха господина Форхегера. Ну да ладно. По крайней мере, теперь у меня есть надежда наконец получить эти книги.

2 декабря, понедельник. Мы с Уминьским так рано встали и выехали от Иоахима, что в фабрике зашли к любезным господам Цибульским и были у них на завтраке, и, несмотря на это, я ни на минуту не опоздал на свои уроки.

3 декабря, вторник. Раму для драгоценного образа, видимо, придется заказывать здесь, ибо, как пишет Леопольд, в Иркутске нет готовых, а если делать, то мне придется долго ждать.

4 декабря, среда. Сначала Дейхман два или три раза, а сегодня сам майор предложил Уминьскому взять на себя обязанности надзирателя за казенными лошадьми, волами, людьми, ими занимающимися, разным инвентарем и т. д. Словом, за всем хозяйственным отделом. Уминьский бы не отказался, желая остаться здесь, а не поехать в одиночестве в Тайгурку.

Но слишком маленькое жалование ему назначают: двенадцать рублей в месяц. Сегодня, говоря об этом с майором, я поддержал требование Уминьского, чтобы ему дали по крайней мере пятнадцать рублей. Майор — человек мягкий, добрый, сердечный, даже имеющий немного лучшие представления, чем многие сибирские чиновники. Но к несчастью, он боязлив и слишком поддается чужому влиянию. Здесь также есть никчемные людишки, которые этим пользуются и в каждой ситуации каждому из нас стараются помешать в его намерениях. Такими для нас врагами являются особенно Раевский и Петровский.

5 декабря, четверг. Вся здешняя семья напрасно сегодня ожидала прибытия генерала Руперта. Я также сегодня ожидал приятного гостя, ибо Иоахим обещал нас навестить при возвращении из Иркутска. Но видимо, он остался в городе дольше, чем предполагал. Сегодня я видел странный сон. Царь в моем присутствии сам рассматривал мое дело и принял положительное решение. Что ж, если меня рассудок чрезмерно убеждает, что это может быть только во сне.

6 декабря, пятница. Какое особое стечение двух противоположных дат! Сегодня год как я прибыл на место отбытия своего наказания, отнимающего у меня все, что только люди уважают и ценят, приговаривающего меня быть мертвым при жизни, назло всем законам природы, против правды и благородных чувств, так безбожно попранных кощунственным приговором, ужасным, отвратительным издевательством над человечеством и просвещением! И этот же самый день одновременно является годовщиной одного из самых счастливых моментов в моей жизни, рождения моего первого ребенка, моего сына Земовита! Сегодня ночью ему исполняется 5 лет. Еще в феврале Теодора писала, что он учится читать. Теперь он с каждым днем все меньше нуждается в няне, а все больше в отцовском наставничестве. Сейчас самое подходящее время, чтобы внести в его ум и сердце память о потерянной матери, чтобы она осталась на всю его жизнь принципом чувств и добродетелей. Лучше всего это смог бы сделать его несчастный отец... А этому отцу, без вины, без убеждения, Бибииков велел быть мертвым для собственных детей, отняв у него средства и какую-либо надежду на спасение!

7 декабря, суббота. Сегодня наконец приехал генерал Руперт. Он был здесь на обеде и взял с собой Дейхмана, который уже имел свои обязанности при нем. Этот последний на самом деле по-дружески прощался с Щепковским и со мной. Майор из-за болезни проводил генерала только до Мальты.

8 декабря, воскресенье. Я был поражен, что с тех пор, как я нахожусь в Сибири, еще ни разу не встретил мужчину или женщину с приятным голосом. Не знаю, является ли причиной этого климат или что-то другое, но это я могу утверждать, прожив год в доме Мевиуса, у которого очень часто я вижу многих людей обоего пола. Некоторые из них любят и понимают музыку, но приятного голоса я никогда не слышал. Имею в виду и пение, и речь.

9 декабря, понедельник. Я каждую минуту беспокойно выспрашиваю Иоахима и представить не могу, почему он до сих пор не приехал, обещая быть в четверг.

10 декабря, вторник. Новый директор, господин Титов, сегодня принес присягу на новую должность. Он любит науки, и они ему знакомы. Любезный в общении, но я сильно сомневаюсь, что он сравнится со своим предшественником в деликатности и благородстве. Вечером приехал Иоахим и привез из города неприятное известие, что свадьба наследника отложена до 5 июля будущего года, а что еще хуже, что не только поселенцам- полякам, но и свободным полякам нельзя писать на родину, свежим примером чего служит Михальская, письмо которой гражданский губернатор не хотел принять, а генерал, хотя после усиленных просьб взял его в столицу, дал мало надежды, что там это письмо разрешат отправить в Подолье. А ведь всем россиянкам, которые сюда прибыли с самого начала, до сих пор разрешено писать семьям и другим людям, такую же свободу писать официальным путем имеют все российские ссыльные с того момента, как из каторжников становятся поселенцами. Значит, только у поляков и полек отобрали эту надежду! *Vae victis!*⁸⁷ Иоахим ночует у меня, а утром на рассвете собирается поехать в Александровск.

11 декабря, среда. Майор, узнав, что был Иоахим и что сегодня он должен вернуться, поручил мне пригласить его к

⁸⁷ Беда поверженным (*лат.*).

нему на чай. Но его не было. Я писал жене Фридриха, прося ее, чтобы она приехала в Усолье. Ангара уже замерзла. Я сгораю от нетерпения поговорить с Михальской о моих. А мне к ней поехать не позволяют. Я уже несколько раз предпринимал попытки, но напрасно.

12 декабря, четверг. Иоахим только сегодня вечером вернулся из Александровска, и мы сразу пошли на чай к майору. Он очень любезен с Иоахимом и долго держит его у себя. Иоахим оформляет себе официальное разрешение переселиться из Елани в деревню Московщина за Ангарой, более удобную для него, и в то же время он будет жить там по паспорту. Майор пообещал, что позволит мне поехать туда на праздники, что свидетельствует о его расположении к Иоахиму.

13 декабря, пятница. Наконец я дождался отосла Шиллера. Яцек оставил почитать два тома, а четыре отослал. Теперь мне до полного собрания сочинений несравненного писателя не хватает только одной книги, в которой «30-летняя война», но и ее добрый Кароль обещал прислать. По его просьбе я хочу взяться за перевод выбранного им рассуждения «О Моисее». Может, когда-нибудь найдется возможность переслать ему это.

14 декабря, суббота. Михальская обещает сюда приехать. О, как сильно, как сердечно я хочу с ней поговорить!

15 декабря, воскресенье. Леопольд написал, сообщая мне, что обязательно должен вскоре вернуться в Усолье. То же самое он недавно сказал Иоахиму. Может быть, он приедет сюда до праздников, которые мы бы тогда провели вместе у Иоахима. Прекрасные планы, только бы удалось их выполнить. Сильно скучаю по обществу Немировского.

16 декабря, понедельник. За чаем у Мевууса был сегодня разговор о Леопольде. Майор дал мне понять, что не рад такому долгому его пребыванию в городе, поскольку, говорит, раньше или позже может появиться ответственность, от которой все городские господа умоют руки, и тогда пострадает он один (Мевуус). Мне хотелось бы сообщить это Леопольду.

17 декабря, вторник. Меня поразил сон о моей матери. Только бы это не было предсказанием или откровением страшного несчастья! С 23 августа, почти уже четыре месяца, я не имею известий оттуда и боюсь всего.

18 декабря, среда. Все более несносными становятся неприятности, какие мне и Щепковскому доставляет Раевский, несмотря на то, что мы старательно избегаем всяких отношений с этим подлым человеком. Но напрасно! Потому что, когда он пьяный, а с ним это происходит очень часто, почти каждый день, да и трезвый иногда, он всегда беспокоен, сварлив, груб — и все это без всякой причины. Обычно то меня, то Щепковского сам зацепляет, явно ища ссоры. И хотя в таких ситуациях мы непоколебимо придерживаемся своего постановления и ни слова ему не отвечаем, его это не останавливает. Уже не раз майор ему выговаривал за такие его нападки, но он не изменил своего поведения. Его злость к нам, видимо, появляется из-за того, что наше поведение слишком отличается от его. Ни один из нас не пойдет с ним в кабак или к какому-нибудь местному жителю из низших классов на пьянку и гулянку, никто так, как он, не вступит в приятельские отношения с преступниками и чернью. Кроме того, из разных его замечаний легко можно понять, что его мучает какая-то зависть из-за всегда добавляемого в разговорах о нас или официально этого определения «политические преступники», которому он завидует. Его постоянно мучает, что с каждым из нас и местные, и приезжие чиновники любого ранга всегда обходятся очень любезно, что нам всегда оказывают уважение и дружеское расположение, что нас ищут, рады находиться в нашем обществе, хотя в нашем с ними поведении нет того раболепия, той услужливости, подобострастия, каким он отличается. Как мне кажется, ко мне он из-за этого питает особую ненависть. Он называет меня надменным, горделивым, забывающим о своем теперешнем положении. О, конечно, я об этом положении помню каждую минуту и свою теперешнюю судьбу чувствую острее, чем он в состоянии понять. Я знаю, какое огромное пространство отделяет меня от того, чем я был в обществе, знаю это и изо всех сил к этому приспособляюсь... Какими бы ни были мои теперешние обязанности, я выполняю их усердно и как можно точнее... Я нахожусь здесь уже год, а ни малейшим упущением не вызвал ничьих нареканий и, скорее всего, никогда не заслужу. Никого не унижаю, лишая уважения и соответствующего мне отношения. Наконец, стараюсь как можно меньше показываться на глаза. После выполнения

того, что называется моей повседневной обязанностью, всегда ухожу в свое одиночество и стараюсь никому не мешать. До сих пор помощи, присылаемой из дому, более-менее хватало. Даже если я перестану ее получать, тогда собственным трудом на хлеб насущный и содержание буду зарабатывать. Знаю по собственному опыту, что я могу жить на шесть грошей в день; умею выносить нехватку чего-либо терпеливо и не жалуясь... но я никогда не смогу взять на себя обязанности, какие бы я не смог выполнить. Никого и никогда не буду просить о поддержке, даже если буду умирать с голоду. И даже если бы моя доля стала еще ужасней, чем сейчас, ничто в моей душе не сломит принципов, которые являются моим правилом, моей святостью, которым я останусь верным до смерти... А этого личного достоинства, независимого от людей, никакое положение унижить, никакой приговор загрязнить, никакая в мире сила отнять у меня не может. Его я ничем в глазах других людей, а прежде всего, в своих собственных, не оскорблю никогда! Только это наследство я могу оставить своим детям, и я его везде им сохранию нерушимым и чистым...

19 декабря, четверг. Иоахим дал мне знать, что 23-го числа сего месяца должен приехать сюда, чтобы взять меня в свое новое жилье в Московщине на сочельник.

20 декабря, пятница. Сегодня Щепковского отправили в город для того, чтобы он выбрал пианино, которое одно из двух, находящихся там в продаже, Полторанов хочет купить своей будущей жене. При этом майор поручил Щепковскому, чтобы, возвращаясь, он взял с собой Немировского, поскольку из-за его там нахождения он опасается какой-нибудь беды. Мне майор повторил, что я могу на пару дней поехать к Лесневичу и оттуда заехать в Урик, чтобы просить княгиню Волконскую одолжить для его дочери книжки на французском языке по истории и географии.

21 декабря, суббота. Решив всегда и везде быть верным принятому еще в ранней молодости девизу «Истина прежде всего», я должен признать, что угол, в который судьба поместила меня, с точки зрения просвещения более сносный, чем другие, по которым разбросаны мои товарищи. Ведь сюда кроме двух или трех газет из Москвы и Петербурга приходят еще несколько русских периодических изданий, посвященных нау-

кам и литературе. И поэтому, хотя и поздно, субъективно и не совсем точно, можно иметь кое-какую информацию о том, что происходит в мире науки. Кроме того, довольно часто можно встретить или из города или из числа российских ссыльных людей широкого кругозора и хорошо образованных. Это преимущество, которого не хватает братьям в Александровске, а еще больше тем, кто разбросан по нерчинским заводам.

22 декабря, воскресенье. Стоит обратить внимание на то, что мы, из-под неба гораздо более теплого сюда изгнанные, гораздо более терпеливы к холоду, чем местные жители. Ведь все наши усольские господа, и старые, и молодые, без исключения, никогда не показываются на улице иначе чем в огромные шубы закутанные, в длинных сапогах с мехом, в меховых шапках, обвязанные шальями. И всегда от дома до дома, даже если это всего пятьдесят шагов, едут в маленьких, выложенных мехом санях. Поэтому у каждого из них бедный конь с утра до поздней ночи почти не выходит из упряжи. Мы же без кожухов, в пальто только и то не теплых, без бот, иногда не обвязав шею, пешком, несколько, а иногда и несколько десятков раз проходим по полверсты и больше на наши ежедневные обязанности. А ведь уже вторая зима, как мы не чувствуем никакого облегчения от морозов, которые иногда больше чем 34 градуса Р, когда уже Меркурий в термометре замерзает⁸⁸. Эта устойчивость к холодам еще более удивительна во мне, чем в моих товарищах, поскольку они все трое крепко сложены и полностью здоровы, а, кроме того, Немировский намного моложе меня. Тем не менее я в такие страшные морозы хожу в пальто не на вате, не покрытый ничем, кроме бурки без рукавов и без подстежки. На ногах у меня только простые длинные сапоги без меха. И так одетый я каждый день несколько раз прохожу пятьсот шагов с лишним от моего жилья до дома майора и назад. И не чувствую, чтобы мне сейчас было холоднее,

⁸⁸ Старинное английское название ртути – quicksilver («быстрое серебро»), более позднее – mercury, а французское, схожее – mercure, произошли от имени латинского бога торговли Меркурия. Меркурий был также вестником богов, и его обычно изображали с крыльшками на сандалиях или на шлеме. Вероятно, по понятиям древних, бог Меркурий бегал так же быстро, как переливается ртуть. Ртути соответствовала планета Меркурий, которая быстрее всех передвигается по небосводу. Замерзает ртуть при $-38,9^{\circ}$. – *Ред.*

чем было у нас, когда наши даже самые сильные морозы не превышали 20—22 градуса Р. Может, чрезмерные страдания притупили мою чувствительность к физическим воздействиям? Или, скорее, заботливое Провидение никогда не оставляет человека и по мере несчастий сил ему добавляет.

23 декабря, понедельник. Сегодня я старался побыстрее закончить свой послеобеденный урок, чтобы прийти сюда и дожидаться Иоахима. Но я напрасно прождал его до девяти вечера. Наверное, сегодня его уже не будет. Может, и завтра что-то помешает ему приехать за мной, как я с ним договорился, а значит, иллюзорные планы провести два или три праздничных дня немного свободнее пойдут насмарку! Это нетерпеливое и тоскливое ожидание каждого обещанного момента для меня — танталовы муки. Ведь давно было уже пора в Сибири освоиться и стать равнодушным ко всему. Я не раз себе это повторял. Но напрасно! Ни легко желать, ни лениво чувствовать, ни слабо страдать я не смогу до самой смерти.

24 декабря, вторник. Рухнула моя надежда быть в сочельник с Иоахимом. Он не приехал за мной, не сообщил, что ему помешало приехать. Я чувствую себя одиноким и беспокоюсь, не случилось ли с ним чего худого. Год назад я отмечал этот вечер в компании земляков и друзей. Собравшись вместе, хотя и в тысячах миль от наших домов и семей, мы старались сохранить традицию своих отцов, а сегодня я совершенно один! Немировский сообщает, что вернется сюда только после праздников. Майор снова мне сказал, что раз Лесневич не приехал за мной, то он сам хочет меня завтра послать в Урик, чтобы там достать французские учебники. Не знаю, принесет ли это результат.

25 декабря, среда. Мой отъезд в Урик запланирован на завтра. Мне дали отпуск на три дня, которые я должен провести в Урике и в Московщине. Поэтому завтра рано утром, если Бог даст, я хочу отсюда выехать. Кони уже заказаны и открепительный билет с государственной печатью и подписью директора у меня в руках. Раз я вспомнил о так называемом билете, стоит сейчас сказать пару слов о его сущности, значении и содержании. Билет — это четверть бумажного листа, ранее писанного, а теперь напечатанного, в котором всем и каждому сообщается: 1) что я наделен достоинством рабочего.

Слово «рабочий» в Сибири равнозначно слову «каторжник». В просторечье это второе выражение часто заменяется другим, более сильным: «варнак». Два первых слова соответствуют французским *galerien*, *forçat*, точности же, силы и различных оттенков третьего, насколько мне известно, не в силах передать ни один европейский язык; 2) этим билетом свидетельствуется, откуда, куда и на сколько указанный рабочий получил увольнение; 3) приведено очень подробное описание моей внешности, как это обычно делается в гончих листах за сбежавшим преступником, убийцей и т. п. На основании такого билета я уже могу быть уверенным, что никто не принизит моего теперешнего достоинства и одновременно защищена моя личность, как вещь, которая является непосредственной и исключительной собственностью местного завода. Только сегодня я получил письмо Иоахима, написанное позавчера из Иркутска. Он пишет о невозможности прибытия за мной и зовет меня к себе на сочельник.

26 декабря, четверг. В Московщине. Хотя Иоахим приглашал меня, однако, не дождавшись в сочельник и вчера, уже перестал ожидать моего прибытия, которое его сильно удивило и обрадовало одновременно. Московщина — это маленькое, но хорошо расположенное поселение, в пятидесяти верстах от Усолья, в восьми от Урика, тридцати от Иркутска и сорока от Александровска. Кассир Александровского завода Пахомов недавно здесь построил себе очень приличный домик, а теперь проживание в нем со всеми удобствами предложил Иоахиму, который, на днях добившись у губернатора разрешения переехать из Елани в Московщину, трудится здесь, давая уроки сыну Пахомова. Супруги Пахомовы, люди достаточно состоятельные, ничего не жалеют, что только могло бы облегчить пребывание здесь учителя их сына. Они перевезли сюда свою мать, чтобы она работала в кладовой, на кухне и т. д. Кроме кухарки они дали Иоахиму еще и слугу. Словом, его теперешнее положение со всех точек зрения настолько сносное, насколько может быть в изгнании. Когда его жена приедет, что не подлежит сомнению, то ему уже есть где ее очень удобно разместить.

27 декабря, пятница. В Московщине. Утром я отправил назад государственных коней, которыми сюда приехал, на-

писав несколько слов господину Титову, что я обязательно явлюсь в назначенный им день, то есть в воскресенье. Иоахим уверил меня, что здесь можно будет нанять подводку. Сегодня я хотел поехать в Урик, но мой друг здраво заметил, что, поскольку вчера были именины или день рождения княгини Марии Волконской и в этот день должно было приехать много гостей из Иркутска, и среди них губернатор и другие чиновники, которые, скорее всего, ночевали в Урике, нам, а особенно мне, рабочему, следует избегать таких встреч. Поэтому визит к княгине я отложил на завтра. Тем временем сегодняшний день прошел очень мило в обществе Иоахима. Мать госпожи Пахомовой, простая, но добрая женщина, всеми силами старалась угостить меня как можно лучше и делала это очень любезно.

28 декабря, суббота. В Урике. Я очень рано встал и разбудил Иоахима, чтобы побыстрее поехать в Урик и подольше там остаться, тем более что Иоахим должен будет раньше вернуться, ожидая сегодня вечером приезда господина Пахомова. Визиты в Урике мы начали с господина Лунина, поскольку княгиня, скорее всего, еще не была готова в это время. Господин Михаил Лунин, бывший полковник российской армии, как и некоторые другие жители Урика, приговоренный в 1826 году к тяжким работам, а после них два года назад вместе с другими освобожден для поселения. Это человек уже немолодой, холостой, высокого роста, очень приятной и благородной внешности, образованный и обладающий обширными познаниями в науках, прекрасного воспитания, веселый и с юмором. Он хорошо говорит по-польски. В молодом возрасте за границей он принял наше вероисповедание и с тех пор пребывает в нем словом и делом. Он очень набожный, как все о нем говорят и как можно судить по значительной коллекции аскетических книг, и среди них трудов Отцов Церкви, которые он читает в оригинале, зная греческий и латынь. Но это не мешает ему читать также и светских писателей древней и современной литературы. Я видел у него великолепные издания Платона, Цицерона, Тацита и много новых английских, французских, немецких произведений. Но чего я совсем не ожидал, но что меня приятно удивило, это польские книги, все произведения Красицкого и несколько других наших современных писате-

лей. Мы застали его за подготовкой урока английского языка для сына Волконских. Он был нам искренне рад, угостил нас отличным кофе и хотел обязательно оставить на обед. Но, узнав, что мы можем провести в Урике не более чем несколько часов, сопровождал нас к княгине, дом которой был в другом конце деревни в паре верст от его жилья. Там мы застали двух братьев, Иосифа и Александра Поджио, живущих в миле отсюда. Их отец — итальянец, когда-то служил в российской армии. Они родились в Киевской губернии, где осталась их мать и имение в Чехрыньском повете. Они оба также были офицерами в российской армии, до того как разразилось дело 1825 года. Общая судьба способствовала тому, что мы легко завязали знакомство. Любезные, новым ссыльным оказывающие искреннее сочувствие, своим общением доказывают, что многолетняя ссылка и трудности, которые они переносили, не способны стереть хорошего воспитания, деликатности и благородства. Образованные, вежливые, очень хорошо говорят по-французски, но и по-польски все понимают, хотя не так легко и гладко, как Лунин, на нашем языке могут говорить. Через час пришла к нам княгиня Волконская с двумя милыми детьми, десятилетним сыном и дочерью шести лет. Даже если бы я уже давно не был предупрежден об огромных достоинствах этой женщины, даже если бы я не знал многих ее прекрасных черт и не знал, что она уже много лет является для своих и моих земляков заботливым ангелом, то и тогда один взгляд на нее дал бы мне сразу понять, что передо мной необыкновенное существо. Ее взгляд, наполненный добротой, вся ее фигура, отличающаяся тем наивысшим достоинством, которое является плодом необычайной добродетели, любви к самопожертвованию, как к своей родной стихии, с самой первой минуты вызвали во мне преклонение. Тут она обратилась ко мне, а ее голос чрезвычайной похожестью, непонятной, я бы сказал, тождественностью пробудил в глубине моей души эхо голоса, который я уже никогда не услышу, любимые звуки которого для меня всегда звучали любовью и счастьем... Какие бы перипетии еще меня ни встретили, какие бы новые притеснения ни свалились на мою голову и даже если бы Провидение в конце моих дней дало бы мне какое-нибудь просветление, я уверен, что сегодняшнего впечатления ничто

не сотрет из моей памяти. Мужа княгини, когда-то генерала дивизии, Сергея Волконского, мы не застали дома. Он вчера поехал в Иркутск. Перед самым обедом появился г-н Панов, друг вышеперечисленных и так же, как они, поселившийся неподалеку отсюда; но остался всего на несколько минут, и я не успел с ним поговорить. За столом был разговор о Густаве Олизаре, который безумно любил княгиню, когда она была еще девушкой, дочерью генерала Раевского, и который в свое время много мне о ней рассказывал. Тогда мне даже в голову не пришло, что через несколько лет я ее встречу, да еще где и в каком положении!.. И она достаточно хорошо понимает по-польски и спела польскую песню, подыгрывая себе на фортепьяно. С чарующим голосом сочетается неплохое знание музыки и много чувства в исполнении. Она рассказывала нам о наших товарищах, с которыми познакомилась здесь, в своем доме или в городе, когда их отправляли за Байкал. Она добродушно расспрашивала меня о семье и о бедных моих детях. Вспомнила и о портрете, который Иоахим показал ей, когда возвращался из города. Она взяла письмо к моей матери и отправит его при первой же возможности. Когда же мы захотели попрощаться с ней, она любезно настаивала, чтобы мы остались до завтра, но так как Иоахим должен был уехать, то я один остался в Урике, и сделал это с большим удовольствием. Ведь уже давно я не находился среди нескольких человек такого избранного общества. Поджио уверил меня, что завтра утром даст коней до Иоахима, а тот, со своей стороны, пообещал, что я найду у него нанятую и ожидающую меня подводку до Усолья, поэтому я вернусь туда в назначенное время. Г-н Лунин, страстный охотник, узнав, что в нескольких верстах есть волки, вечером уехал, чтобы отправиться на охоту. На его место вскоре пришел г-н Александр Муравьев, также поселившийся в Урике с родным братом Никитой, так же как и все, с кем я сегодня познакомился, любезный и хорошо образованный. Он просил меня, чтобы я зашел к нему в дом, соседствующий с домом Волконских. Я пошел туда, пообещав княгине, что вернусь к ней на ужин.

Старший брат Муравьева Никита, недавно овдовевший, уже из-за одного этого несчастья был в моих глазах не чужим человеком. Заметно, что он глубоко переживает свою потерю. У

него осталась только одна дочь, которой одиннадцать или двенадцать лет, ее он воспитывает сам. Младший брат уже здесь в прошлом году женился на немке, приехавшей из России. Ее и дочь Никиты я видел только мимоходом. Все время, проведенное там, я был с господином Никитой в его большой комнате с богатой библиотекой. С большим удовольствием и пользой я слушал его занимательный разговор. Имеющий основательные научные знания и, как видно, начитанный, он хорошо говорил на разные темы, выражая занимательно и точно многие глубокие мысли и совершенно новые замечания. Из троих Муравьевых (Артамон — родственник этих), с которыми я познакомился в ссылке, этот мне понравился больше всего. Может, этому немало поспособствовали похожесть его утраты на мое несчастье и печаль, которую я вижу на его лице. Дали знать, что княгиня ждет на ужин. Я попрошлся с обоими братьями, получив от них приглашение часто их навещать. Но разве это от меня зависит? Они пообещали снабдить меня книгами. То же самое предложила княгиня и обещание хотела исполнить сразу же, но ключ от библиотеки ее муж взял с собой. Она дала только книги для моих учениц, которые я просил, потому что они были в комнате ее сына. У Поджио я взял *Histoire de Fenelon par Bausset*, четыре тома.

29 декабря, воскресенье. Поздним вечером в Усолье. Сегодня я спал, может, два часа перед самым рассветом, проговорив всю ночь с младшим Поджио. Утром я с грустью подумал, что через несколько часов я снова вернусь к своим повседневным обязанностям. Но, по крайней мере, я немного укрепился общностью душ и мыслями, соответствующими моим, к чему я привык в моей прошлой жизни. Перед отъездом из Урика я еще ненадолго увиделся с милой хозяйкой, которая обещала, что в феврале обязательно приедет в Усолье. У Иоахима я застал уже готовую для меня подводку. Познакомился с г-ном Пахомовым. Это простодушный человек, но мне кажется, что с добрым сердцем. Он чрезвычайно счастлив, что Иоахим живет у него и трудится над образованием его мальчика. Я завидую Иоахиму не в том, что он теперь находится в лучшем положении, а что он находится в соседстве с Уриком. Я привез Иоахиму сделанные в Усолье рамы для драгоценного образа и оставил их вместе с деньгами на позолоту. При посредниче-

стве Иоахима их должен сделать в Александровске поп, занимающийся такой работой. Иоахим пообещал, возвращаясь из Александровска, заехать в Усолье. Приехав, я не застал здесь майора, который направился в Иркутск. Но я сразу пошел к господину Титову в доказательство того, что я не нарушил положенное время.

30 декабря, понедельник. Сегодня с младшей дочерью Мевюса я начал изучать историю, которую преподаю ей по-французски. Также займусь составлением географии для нее, для чего мне сначала придется сделать много записей.

31 декабря, вторник. Я ожидал сегодня Леопольда, поскольку так обещал Иоахим. Но наверное, в городе будет встречать Новый год (выражаясь по-местному) и, скорее всего, приедет с майором. Все заняты приготовлениями к вечеру, на который весь цвет Усолья должен прийти в масках.

Глава четвертая

Новый год. — Проблема с часами. — Пётровский. — Маскарад, у кого лучше костюм? — У генерала Фалькенберга? — Как к нам относятся все в Иркутске? — Угольный газ. — Известия о наших за Байкалом, их положение. — Многолюдная свадьба. — Великолепие. — Француз. — Снова подробности о наших. — Жена Фридриха спрашивает для меня отпуск, навещаю ее. — Известия с Подолья. — Олешина с дочерью на покаянии. — Пребывание у Лесневича, его соседи. — Остатки леса в Урике. — Семья Волконских. — Судьба русских ссыльных отличается от нашей. — Книги из Урика. — Немировского хотят перевести в Иркутск на поселение. — Пятеро убитых угольным газом. — Расставание с Немировским. — Воспоминание о 16 февраля. — Чего нет в свадебном обряде русской церкви? — Мнение об этом сибирячки. — Портрет. — Губернатор Копылов, заместитель Руперта, хочет меня видеть. — Новая ученица. — Дело Лелевеля. — Поэзия Мицкевича. — Использование кандалов. — Доктор Мацкевич. — Генерал Фалькенберг, пользуюсь его посредничеством для моего дела. — Надежда. — В Иркутске. — Ксендз Хачинский. — Каноник Трынковский: его одержимость. Двукратное посещение Копылова. — К нам по-другому относятся в городе, чем на фабриках. — Смерть Олеша, его непослуша-

ние, достойное наказания.— Доктор Панкевич.— Жена Люциана Михальского, ее усилия и мужество.— Пасха.— Визиты.— Награды.— Пьяные женщины.— День рождения дочери. Воспоминания.

1841

1841 год на соляном заводе, 1 января, в среду. Новый год!.. И в чем же он для меня новый?.. Та же самая, что и в прошлом, ждет меня неволя, те же самые несчастья, то же самое будущее без надежды и красок!..

Год назад, на этом месте, в тот же день,

*.....
Отличаясь только страданием от тех, кто лежит
в гробу,
Как сегодня со стоном я встречаю день нового года...
О, как страшны муки, которые измеряются годами!*

А еще эта несносная обязанность! Этот пустой обычай, здесь соблюдаемый строже, чем где-либо, обязательно поздравляет и принимать поздравления, в которых сердце не принимает никакого участия!..

Сегодня вечером приехал майор и, как я догадывался, привез Немировского. Тому, просидевшему почти семь с половиной месяцев в Иркутске, есть что рассказать о своем пребывании в столице Восточной Сибири.

2 января, четверг. Леопольд занят сегодня расстановкой вещей в своей квартире и поэтому не мог еще заняться уроками французского с Наденькой. Поэтому я только с завтрашнего дня перестану заменять его в этом. Снова, как вчера, я весь вечер провел, мило с ним беседуя. Мы были только вдвоем, а не заметили, как прошло время с пяти до полуночи.

3 января, пятница. Немировскому дают работу в местной конторе, где он должен рисовать планы государственных строек, а кроме того, работать в личной канцелярии майора. По этому случаю Мевиус сегодня предлагал мне, чтобы я занимался обучением Наденьки. Но я снова повторил, что уже не раз заявлял ранее: что не могу брать на себя эту обязанность; что хотя когда его дочь выйдет замуж, у меня будет на одну

ученицу меньше, однако при этом у меня не будет больше свободного времени, чем прежде, поскольку те же самые часы, которые я посвящал одновременно двум его дочерям, будет занимать госпожа Элиза; поэтому на этом только она выиграет. Я повторил и то, наконец, что то небольшое время, которое у меня остается после выполнения моих обязанностей, я считаю наивысшим и единственным моим благом, проводя его каждый день, как он об этом хорошо знает, в одиночестве, предаваясь своим воспоминаниям, печали и трауру. Поэтому я еще раз умолял его, чтобы не отбирал у меня этой последней радости в несчастье. Он на этом перестал. Посмотрим, что будет дальше.

4 января, суббота. На днях у меня испортились часы майора, что доставило мне немало проблем неудобным, приблизительным подсчетом часов моего оброка, а еще более неприятными косыми взглядами за то, что я испортил чужую собственность. К счастью, эта поломка требовала только небольшой починки, и среди большого количества разного рода ремесленников и мастеров, находящихся здесь, оказался также какой-то часовщик, который эти часы как-то смог наладить. Правда, один из местных чиновников, господин Пётровский, любит побаловаться налаживанием часов, имея к этому большой талант, и может не только наладить часы, но и сделать новые собственного изготовления, о чем свидетельствуют несколько отличных, маленьких и больших, стенных и столовых часов, которые он сделал для генерала Руперта и майора, каких не постыдится какой-нибудь столичный магазин. Однако он терпеть не может всех нас, поляков, и наряду с этим является настолько ничемным человеком, насколько хорошим механиком, и каждому из нас при каждом удобном случае старается навредить. Поэтому я никогда не обращаюсь к нему ни с какой просьбой.

5 января, воскресенье. Бал-маскарад у майора. Дамы и мужчины, наряженные с большим или меньшим вкусом, похожестью на людей этих народов, в кого они переоделись, при этом согласно своим представлениям и знаниям о них, не всегда обширным и правильным. Однако вся эта подвижная картина, оживленная веселостью, могла представлять собой приятное зрелище для тех, кого забавы влекут, которых воз-

раст, склонности и желание, склоняют искать одни только развлечения и веселье, которым жизнь улыбается и для кого она полна красок, поскольку они сами полны жизни, податливы богатому воображению... Но я, увы, давно уже умер для всего этого и едва смог выдержат там четверть часа.

Веселитесь, счастливые! Ваше прошлое не затемнено трауром, ваше настоящее — без слез и тоски, будущее — без тревоги. Для вас жизнь — желанный праздник, на котором вы, любезно приглашенные, радостно беседуете, вкушая сладости, ибо вы находитесь среди своих, дома, на родине... Ужасные призраки изгнания и потери не морозят ваших чувств, не отравляют вашу еду, не отбирают у вас голос... Изобретательные в разнообразии своих развлечений, вы берете странные наряды и закрываете лица масками, искренне радуясь, что вам удастся в течение нескольких часов подразнить чье-то любопытство...

О, я знаю другие переодевания, другую маску, которая сильно отличается и делает неузнаваемым, неотгаданным, и не на один вечер только, а на годы, на всю жизнь. Идеальная маскировка, хотя без специальных нарядов, без раскрашенной бумаги и ткани... С такой маской ты можешь общаться каждый день и долго, и без усталости, а не сможешь узнать истинное лицо, не догадаешься об истинных чувствах, не разгадаешь душу... Такие маски надеваются помимо воли. Их сатанинское открытие сильнее всех распространил Бибииков... Но беда, сто раз беда тем, кому приходится их носить!..

6 января, понедельник. Приятный и подкрепляющий сон о Пелагии. Каждый раз, когда я вижу ее в моих снах, мне кажется, что я не полностью ее потерял, что ее дух опекает меня, как во время жизни она сама всегда была моим заботливым ангелом...

7 января, вторник. Ах, насколько тяжка, насколько адски мучительна эта мертвая одинаковость в моем положении, никакого утешения, никакого лучика наименьшей надежды! Уже ясно, что просьба, за меня моим ребенком в Киеве поданная, оказалась безрезультатной, так же как и та, которую моя мать подала раньше. Но даже если предположить, что эти просьбы что-то сделают, это будет только какое-нибудь облегчение, поскольку все мои, не зная, что я только из-за злости и личной

места был осужден без доказательств, во всех своих просьбах умоляют только о смягчении приговора, а не о повторном рассмотрении дела. А это мое письмо, которое я послал к ним еще в пути, которое бы им объяснило все дело, содержащее все мои показания и описание бесчинства, жертвой которого я пал, до них не дошло, в этом можно не сомневаться.

8 января, среда. Снова одно из мгновений моего счастья, которое благодетельный сон показал мне в волшебном образе. Все происходило в ясный и теплый день в прекраснейших окрестностях нашего Подолья. Я ехал с женой на очень большой высоте. Я велел остановить коней, чтобы крутые склоны преодолеть пешком. Она вышла из повозки первой и, не дожидаясь меня, в мгновение ока сбежала вниз, а я спустился после нее. Вдалеке перед нами шла ее служанка Олимпия, за которой бежал, балуясь, наш старший сын Зизи. Мы оба с радостью смотрели на это милое дитя. Больше я ничего не помню. Проснувшись, хотя был только третий час ночи, я уже не смог уснуть.

9 января, четверг. Я навестил Раевского, который вот уже два дня сильно болен. Он очень удивился моему визиту, как будто предполагал, что его невежливое и грубое со мной обращение должно было подавить мои человеческие чувства и христианскую обязанность. Бедный он, если так думает!

10 января, пятница. Леопольда чрезвычайно нагрузили работой. Ему дали в конторе обязанность проверять все бухгалтерские книги. А когда он это закончит, то у него будет постоянная обязанность там же, в личной канцелярии майора, с достаточно маленькой зарплатой 10 рублей в месяц. Кроме этого, постоянное рисование планов. Поэтому в конторе он занят несколько часов в день, не считая часа ежедневного урока французского с Наденькой у майора дома. Он мне жаловался, что в Иркутске, постоянно рисуя, он почти забыл немецкий, в котором мог бы с февраля до июня сделать такой прогресс, чтобы неплохо понимать Шиллера.

11 января, суббота. Свадьба Александры Мевуис с Полторановым состоится не в середине января, как должно было быть, а в конце этого месяца. Но меньше об этой задержке. Однако для меня это не все равно, потому что на этой свадьбе уже, скорее всего, не будет генерала жандармов Фалькенбер-

га, которого Полторанов очень ждал. Я хотел через этого генерала написать по своему делу, слыша о нем похвалы везде, начиная с Перми. Как бы ни было, я не оставляю эту мысль, и если у меня не будет возможности увидиться с ним, то я хотел бы ему написать, прося его протекции, и представить все дело в личном изложении. Может, Бог даст, чтобы после стольких бесполезных попыток хотя бы одна не была напрасной! Сегодня я начал составлять это письмо к Фалькенбергу.

12 января, воскресенье. Все утро я провел с Леопольдом, который пришел ко мне и рассказывал о своей жизни в Иркутске, сильно отличающейся от той, какую ведут политические ссыльные здесь. Там лица любого сословия считают нас за людей и не боятся этого показывать при каждой встрече, будь то в их доме, или чужом, или на улице. Здесь, наоборот, несмотря на всю человечность и доброе сердце наших начальников, всегда есть определенное давление, определенная неестественность, которые сопровождают их отношения с нами; есть какое-то постоянное несчастное что-то, что нам болезненно напоминает о нашей судьбе и положении... После ухода Леопольда и после обеда я все время работал над письмом для Фалькенберга, и оно уже готово для переписывания начисто.

13 января, понедельник. Здесь все говорили, что с Нового года, а тем более после Богоявления, зима начнет смягчаться, что, однако, не оправдалось ни в прошлом, ни в этом году. Сегодня, например, весь день Меркурий в термометре был замерзшим, а значит, почти 34 градуса Р.

14 января, вторник. Я не понимаю, как здесь люди могут доживать до глубокой старости при почти ежедневном отравлении газом от сжигания угля. Что происходит не только в избах с плохими сибирскими печами, но и в приличных, европейски построенных домах, раз вся семья майора часто из-за этого болеет. Видимо, и к тому, что убивает, можно постепенно привыкнуть. Ужасный холод все продолжается.

15 января, среда. Я получил письмо от Яцека. Он пишет, что его жена в письме от 1 октября сообщает о здоровье семьи и моих детей. Но он упрекает меня, что я до сих пор не приехал в Александровск, как будто не знает, мне отсюда скорее позволят поехать в другое место, чем к ним, поскольку там

боятся городских чиновников. Я сразу же ответил через того же человека госпожи Михальской, который привез мне письмо Гольянского и одновременно посылку Леопольду, привезенную нашим ксендзом, возвращающимся из нерчинских заводов. Коссаковский прислал Леопольду немного белья, пару трубок своей работы и большое письмо, в котором сообщает о себе и своих товарищах, разбросанных по разным местам.

Коссаковский пишет, что сначала по несколько часов каждый день, некоторым велено было работать, но вскоре наступило облегчение, и уже давно им дают нетяжелую и недолгую работу. Но больше есть таких, у которых начальники человечные и умные, и поэтому они вообще ничего не делают. Одни других, находящихся в нескольких километрах и даже в нескольких десятках километров, могут навещать. Он говорит, что на именины Ручиньского их собралось вместе шестнадцать человек. Им разрешают на несколько дней уезжать из своего места. У них есть достаточно большой запас книг, предоставленных российскими ссыльными при их отъезде из Иркутска. Но и там, особенно на большом нерчинском заводе (пишет Коссаковский), можно найти книги, и не только российские. Он добавляет, что там есть даже государственная библиотека.

Некоторые из наших купили дома. Письма от семей они получают редко (это по-нашему, ведь и мы здесь иногда по несколько месяцев ожидаем этого утешения). Государство им платит еще меньше, чем нам. Здесь дают около 3 рублей, 2 пуда житной муки и 2 фунта соли в месяц; там муки дают столько же, соли совсем не дают, а денег — неполных 2 рубля. Это письмо очень нас обрадовало. Из него видно, что их положение гораздо менее неприятное, чем мы думали, а в некоторых моментах даже лучше нашего. Везде несчастных опекает Божье Провидение.

16 января, четверг. Что за ужасная зима! Уже несколько дней как Меркурий в термометре замерзает, и воробьи от холода падают замертво. Ведь в прошлом году этого не было.

17 января, пятница. Большие приготовления в доме нашего майора и постоянная уборка к свадебным торжествам. На протяжении нескольких дней будет пир, танцы, музыка, специ-

ально написанная для этого торжества, кантаты, фейерверки, иллюминация и т. д. Все этим занятые с нетерпением ожидают дня, который, скорее всего в середине будущей недели, принесет полноту счастья молодым, утешение родителям и радость множеству других людей, которые в большей или меньшей степени принимают участие в этом событии. И я также ожидаю этого дня. Но в ином, нежели другие, настроении и по совершенно иным мотивам! Я ожидаю этой свадьбы, потому что тогда я, на несколько дней свободный от обязанностей, больше, чем обычно, проведу времени с любимым другом Леопольдом или совсем один, с моими мыслями и с самым желанным для меня обществом — с портретом моей несравненной Пелагии.

18 января, суббота. Я не могу дождаться Иоахима, хотя высматриваю его каждый день. Он обещал быть тут через несколько дней, когда мы виделись. Наверное, это необычайно сильный и почти непрерывно две недели продолжающийся мороз задержал его дома. И у него, так же как и у меня, нет теплой одежды в дорогу, а при теперешних тридцати с лишним градусах без хорошего кожаного пальто было бы опасно оставаться пять или шесть часов на улице.

19 января, воскресенье. Хороший день для меня. С двух часов дня до полуночи мы с Леопольдом вдвоем проболтали в моей комнатке, вспоминая разные события из прежней жизни. Оказалось, что есть много людей, знакомых ему, которых и я знал на Волыни или в Галиции; а я, в свою очередь, знал многих с Подолья. Мы говорили также и о разных подробностях нашего заключения в Киеве. Словом, мы на несколько часов забыли о нашей теперешней судьбе. Это очень редкое и для него, и для меня явление, о котором стоит сохранить память в этом дневнике.

20 января, понедельник. Послезавтра должна состояться свадьба госпожи Александры. На это время и за два дня до этого события я освобожден от своих обязанностей. Что очень пришлось по вкусу госпоже Элизе, когда отец ей сегодня об этом объявил. Конечно, ее голова теперь занята свадьбой сестры, балом, нарядами, гостями, их ожиданием и т. д., что совсем не настраивает на учебу. И в этой естественной расseyанности ее нельзя упрекать. Но мне было неудобно про-

сильного освобождения, поэтому хорошо, что майор сам догадался.

21 января, вторник. Из Александровска передали очень много писем Леопольду от наших забайкальских братьев. Все сообщают, что им неплохо. У меня не было ни времени, ни возможности самому прочитать эти письма, потому что именно сегодня Леопольда выселили из его жилища, чтобы приготовить его для свадебных гостей. Поэтому ему пришлось быстро собрать и закрыть свои вещи вместе с пачкой этих писем. Сам он временно перешел на другую квартиру, испугавшись холода и отдаленности моей комнатки, которую я хотел разделить с ним.

22 января, среда. Шумная, пышная и многолюдная свадьба, поздравления, великолепный обед, поздний и чрезвычайно долгий, наконец состоялись. Я сразу после обеда, не дожидаясь иллюминации, бала и т. д., ушел к себе, а оттуда уже не двинулся, чтобы видеть все это «великолепие», как называла это моя драгоценная. Гостей полно. Губернатор Пятницкий с женой, комендант, генерал Красавин со всей семьей, множество других военных и гражданских из города и околиц, множество молодежи для танцев. Местный оркестр усилен прибытием нескольких музыкантов из Иркутска, среди которых был Домбровский, умный парень, с которым я познакомился. Он подольнин из Винницкого повята, приговоренный к военной службе здесь за восстание; очень талантливо играет на валторне. Есть здесь парикмахер из Иркутска, француз Мильер. Родом из Парижа, молодой, ловкий и болтливый. Я спросил, что его привело сюда издалека. «Любопытство и желание разбогатеть», — ответил он. Видно, что ему здесь удастся удовлетворять и то и другое, поскольку, будучи в Иркутске уже несколько месяцев, он не собирается в ближайшее время покидать эти края. *Auri sacra fames!*

23 января, четверг. Чтобы, как вчера, не ожидать обеда до четырех, не зная, что со своей особой, такой чужой в развлекающейся толпе, я предпочел отказаться от трапезы у майора и довольствоваться скромной, за свои несколько грошей, пищей. То же самое сделал и Немировский, которому в теперешнем положении тоже больно видеть забавы и многолюдное общество.

24 января, пятница. Мои каникулы продолжатся, скорее всего, до отъезда молодоженов, то есть до вторника, как говорит майор. Гости разъехались только частично, и поэтому здесь постоянно продолжают пиры и гулянья.

25 января, суббота. Большую часть дня заняло у меня чтение писем от наших друзей из-за Байкала. За исключением только Жонжевского и Мрозовского, а также двух ксендзов, Зелиньского и Павловского, написали все. Машковский Каспер, с сентября переведенный до так называемого завода «Горная контора», где он находится вместе с Рошковским, Ручиньским, Киселём и Грабовским, сообщает, что его жена вышла замуж за господина Вишомирского. Из всех этих писем мы видим подтверждение того, что раньше писал Коссаковский, что более или менее у всех положение там сносное, а в некоторых моментах менее неприятное, чем у нас. Женатые ожидают прибытия жен. До сих пор все получают письма и деньги от семей, то есть почти все, потому что есть двое или трое, которые до сих пор не получали с родины ни единого слова и ни одного гроша. У нас такое происходит с Вольфгангом Щепковским. Некоторые купили дома и в них живут по семейному и вместе питаются. Они живут дружно и не падают духом, мужественно и достойно переносят свою судьбу. Более состоятельные создали сберегательную кассу, из которой помогают более бедным. О ссыльных из Королевства все упоминают с уважением и почитанием.

26 января, воскресенье. Вчера директор Александровского завода давал для наших молодоженов вечер с танцами, на который он пригласил все местное общество. Забрал он и усольскую музыку, а с ней неожиданно удалось поехать Леопольду к нашим и несколько часов у них пробыть. Но эта поездка была такой внезапной и непредвиденной, что я только сегодня узнал о ней после его возвращения оттуда. На этот вечер была приглашена и госпожа Михальская, она очень понравилась майору и его семье. Майор по ее просьбе пообещал, что я могу к ней поехать, и сегодня заявил, что я могу это сделать завтра. Я с огромным удовольствием воспользовался бы этим разрешением. Но поскольку я там хочу переночевать, то тогда я не смогу быть на прощании с госпожой Полторановой, моей ученицей, которая должна будет отсюда уехать с мужем во

вторник утром, чтобы жить с ним в Иркутске. Здесь подобные мелочи привлекают внимание, и я уверен, что мое отсутствие будет нежелательно. Поэтому мне пришлось самому себе еще отложить радость разговора с Михальской о моих.

27 января, понедельник. Несчастный случай внезапно прервал забавы и радость в доме майора. Его жена сегодня утром упала в открытое подполье, сделанное, как везде в сибирских домах, в комнате, и сильно ушиблась, что всех беспокоит еще сильнее оттого, что она, кажется, беременна.

28 января, вторник. Майорша поправляется, и, кажется, она избежала опасных последствий вчерашнего падения. Ее замужняя дочь должна еще три дня остаться в доме родителей, я же хочу этим воспользоваться и завтра утром поехать к Михальской вместе с Леопольдом, которому я сегодня получил разрешение на эту поездку у майора. Главное только, чтобы мы завтра рано утром смогли нанять подводу дву- или одноконную. Господин Титов говорит, что мы можем поехать и без билетов. Тем лучше.

29 января, среда, в Александровске. Нам дорого обошлась двуконная подвода — за полторы мили три с половиной рубля. Зато кони хорошие, и хотя мы выехали из Усолья уже после одиннадцати, но, несмотря на плохую дорогу, попали к Яцку в тот момент, когда он с Родзевичем собирался обедать. Но нас встретили плохим известием, что Михальская уже три дня как тяжело больна. Местный доктор, Филип Миколаевич, из Воьныни, школьный товарищ Немировского в Луцке, вежливый и умный человек, которого мы навестили сразу после обеда, сказал нам, что болезнь нашей землячки сильно его беспокоит. Это сильный плеврит с воспалением в груди, как говорят, распространенная сейчас здесь болезнь. После Миколаевича мы пошли в квартиру двух Олизаров и, побыв там пару часов, вместе с ними, Олешей, Родзевичем и Гольньским пошли к Михальским.

Мы застали Михальскую в постели, сильно страдающую. Вскоре пришел и Миколаевич, как видно искренне и заботливо опекающий больную. Там мы все пили чай и проговорили весь вечер. Жена Фридриха могла говорить очень мало, так как частые колики и боли в груди ей этого не позволяли. Мать Даровскую со всей семьей и моими сиротками Зизем и Мисей

в Жердзе, а Хмелёвскую Теодору в Каменце она видела за четыре недели до своего отъезда в Киев, в начале июля. Многих известных мне людей уже нет в живых, таких как Чайковский Отгон из Хропотовой, жена Модеровского, жена Ланга, Грабьянка Эразм, жена Кросновского Винсента. Но одновременно я с большой радостью услышал, что жив доктор Баранецкий, о смерти которого мне ошибочно сказал Иоахим. Умер же на Подолье доктор Баранкевич. Я сердечно благодарил добрую Михальскую, что она выпросила для меня у майора разрешение наконец ее увидеть. Я заметил, как она изменилась, но осталась такой же учливой, заботливой и по-старому доброжелательной ко мне.

30 января, четверг. Ночевали мы у Яцека. Сегодня утром я еще раз пошел к Михальской, за которую очень беспокоюсь. Ей несколько не стало лучше со вчера, даже наоборот, ее состояние ухудшилось. Я от всей души хотел бы остаться там хотя бы на два или три дня, чтобы в моменты какого-либо облегчения ее страданий узнать тысячи подробностей о доме и наших крах. Но проклятая неволя и приказ вернуться к назначенному времени уже гнали меня в Усолье. Поэтому мы были вынуждены перед полуднем попрощаться с нашими друзьями. Олеша дал нам читать письма своей жены и матери Родзевича, и сестры того, Терезы Родзевич, написанные из Москвы из монастыря, в который они были сосланы киевским декретом «для покаяния». В сентябре они сообщают, что их уже освободили и что вскоре они оттуда вернутся на родину. Несмотря на спешку, я прибыл в Усолье уже после отъезда Полторановой. Но болезнь Михальской служила мне оправданием.

31 января, пятница. Бог сегодня меня порадовал письмом от моего неценимого Стаха Доливы, датированным 30 ноября; при этом письме 25 рублей. Теперь у меня есть информация, что моя мать и дети мои живы и, кажется, здоровы. Но если это меня обрадовало, то есть у меня и повод для грусти и беспокойства из-за сообщения в этом же письме, что письмо ко мне Юзефа Хмелёвского с денежной посылкой вернулось назад с иркутской почты без какого-либо объяснения. Поэтому, пишет Стах, моя мать и вся семья в отчаянии, не зная, как объяснить это событие. Бедная мать будет объяснять это моей

смертью, а это ее саму может убить! Там хотят, чтобы я просил генерала Руперта успокоить их относительно моей жизни, а генерала сейчас нет, и он не скоро вернется из Петербурга! Они сообщают, что жена Иоахима уже выехала к мужу, и просят, чтобы при ее помощи я дал знать о себе, но не знаю, что как Михальской писать нельзя, так и жене Иоахима не разрешат! Какие муки! Какие беспрецедентные дикости и жестокости!

Здесь появился некий господин Мушаков, офицер из отдела лесничества, который едет на нерчинские заводы, где у его отца важная должность. Вежливый и добрый, он согласился взять наши письма к тамошним друзьям. Мы с Леопольдом сразу же написали им, сколько можно было в короткое время перед отъездом господина Мушакова. Он обещал, что письмо Леопольда Коссаковскому и мое Боровскому обязательно будут отданы. Рассказывал, что у него в доме отца две сестры: одиннадцати и восьми лет девочки, для образования которых он хотел бы найти кого-нибудь среди наших друзей. Я ему порекомендовал Петра Боровского.

1 февраля, суббота. Сегодня я начал преподавать географию госпоже Элизе Мевеус. До этого я был занят переписыванием соответствующей информации из книг, которые вскоре надо будет отдать Волконской.

2 февраля, воскресенье. Наконец приехал Иоахим. Но он привез печальные вести, что бедная Михальская все еще больна, то же самое пишет мне и Фридрих, с просьбой о лекарстве из местной аптеки. Но доктор Билицкий уехал, а без него я не уверен, что их выдадут. Попробую. Иоахим меня и Леопольда приглашает на Масленицу к себе, поскольку Щепковского забрать от местного оркестра невозможно. Мы очень рады и поспешили бы принять это приглашение, если бы он завтра у майора получил для нас разрешение, о котором мы сами просить не хотим. Посмотрим, как это удастся Иоахиму. Его очень обрадовало известие о жене из письма Стаха Доливы.

Майор должен на днях поехать в город и там просить губернатора, чтобы тот велел написать моей семье, что я жив и что я тут. Это было бы большим благом, ибо после возвращения почтой письма Хмелёвского я боюсь печальных послед-

ствий беспокойства, которое там, должно быть, мучает мою бедную мать.

3 февраля, понедельник. Сон о Пелагии и о нашем старшем сыне, оказалось, возвещал мне радость от положительного решения майора в ответ на просьбу Иоахима. Майор позволил поехать к нему на Масленицу, и Иоахим должен будет в пятницу прислать за нами коней. Фридриху я написал, что необходимые лекарства в местной аптеке есть, но их нельзя получить без доктора, который сегодня или завтра должен вернуться из Иркутска.

4 февраля, вторник. Согласно римскому календарю сегодня именины моей доброй любимой матери, сердце которой почти уже два месяца раздираемо ужасным предположением, что ее единственный сын умер, с тех пор как она узнала о возврате письма из Иркутска. И я также умираю от беспокойства, опасаясь ужасной потери, а мне нельзя этого предотвратить простейшим способом!.. О, только бы губернатор не отказал майору написать обо мне, как он сделал это для Немировского перед его отъездом из Иркутска! Сегодня торжественно огласили здесь царский манифест о произошедшей 6 декабря похоронке наследника.

5 февраля, среда. Михальская написала мне, что ей немного лучше. Слава Богу. Но она добавляет, что до выздоровления ей еще далеко. Я послал ей нужные лекарства из местной аптеки.

6 февраля, четверг. Господин Мевуис был настолько добр, что взял от меня коротенькую просьбу к губернатору Пятницкому, в которой я, прилагая последнее письмо, умоляю сообщить матери, что я жив, что получаю от них письма, деньги и другие посылки, с перечислением этих последних и дат их писем, и что с этого времени прошу, чтобы все присылали на адрес иркутского гражданского губернатора. Эту просьбу майор должен поддержать своим словом.

Вечером появилась совершенно неожиданная возможность написать на Подолье через Яна Врублевского, подолянина, за 1831 год приговоренного сюда на солдатскую службу. Он несколько лет был в Александровске, где я с ним и познакомился. Теперь, освободившись, он возвращается на Подолье. Этот достойный человек специально сюда приехал, чтобы дать нам

возможность написать. Но он мог остаться в Усолье не дольше чем на час, поэтому я столько, сколько было возможно, как можно быстрее написал матери, помещая в это письмо записку Леопольда с просьбой, чтобы ее переслали его семье на Волынь согласно адресу. Через Врублевского я написал также пару слов Мархоцкому в Тобольск.

7 февраля, пятница. Иоахим за наш счет нанял коней в Московщине и сегодня прислал их за нами, потому что здесь они стоили бы дороже. Он пишет, что завтра ждет нас на обед. Несмотря на плохую дорогу, мы должны будем там появиться раньше, так как сегодня уже все готово для этой поездки. Билет для двух рабочих с увольнением их аж до четверга находится у меня с утра. Проснуться и встать даже за пару часов до рассвета мы оба умеем. А быстро собраться в дорогу нетрудно тому, кому и брать с собой, и оставлять особенно нечего.

8 февраля, суббота, в Московщине. Порядочно замерзнув, мы приехали к Иоахиму. Вскоре после обеда его приехали навестить соседи из Урика: княгиня Мария Волконская с сыном в обществе Лунина и Иосифа Поджио. Они пробыли здесь пару часов, а уезжая, Волконская пригласила нас всех к себе на завтрашний обед. Поджио же звал нас на весь вторник в Усть-Куду, отсюда семь или восемь верст, где он поселился со своим братом и где также должны собраться те, кто находится на поселении в Урике.

Иоахим был вчера в городе, откуда он привез Леопольду письма, присланные из-за Байкала от Боровского, Рошковского и Янишевского. Они писали недавно. Боровский сообщает, что получил письмо от жены с обещанием приехать к нему. День рождения моего младшего сына, который начал сегодня пятый год. Ах! Уже третий раз я отмечаю эту дату в неволе!

9 февраля, воскресенье, в Урике. Сегодня утром мы все трое приехали к Волконским. Самого Волконского мы не застали в момент прибытия: он поехал навестить больного Александра Поджио, но вскоре вернулся. Сергей Волконский, до ссылки князь и генерал, человек уже немолодой, приятной на первый взгляд и располагающей внешности, образованный, говорящий немного, но легко и хорошо. Немировскому и мне, равно как и Лесневичу, знающему его раньше и

ближе, он сильно понравился. Вскоре появился и Лунин, а сразу после него Александр Муравьев с женой. Я забыл еще упомянуть Иосифа Поджио. Нас всех за столом было девять человек кроме двух детей. Обед был скромным, но вкусным, приготовленным по-европейски, и оживлен свободным общим разговором, милыми шутками и веселостью Лунина, а больше всего чарующей прелестью любезной хозяйки. Вечером мы собирались уехать к Иоахиму. Но невозможно было устоять перед дружелюбной настойчивостью обоих Волконских, чтобы остаться в Урике до вторника и тогда вместе с местным обществом на окончание Масленой недели поехать в Усть-Куду, то есть к братьям Поджио. Муравьев с женой пригласили нас всех к себе на ужин. Там снова собралось местное общество (кроме Поджио, который поехал к брату), и мы очень приятно провели в нем весь вечер.

10 февраля, понедельник, в Урике. Ангельской добротой, очарованием разговора, естественностью, юмором и высокой образованностью княгиня Мария напоминает мне самых приятных женщин в нашей стране. Она чудесно поет. Для меня важна сама возможность слышать ее голос. Даже если она только говорит, он уже невыразимо чарует... Но все местное общество огорчило сегодня известие из Усть-Куды, что младший Поджио сильно болен. По просьбе княгини Немировский нарисовал сегодня портреты ее и сына.

Приятным, но одновременно раздирающим сердце был для меня вид семьи Волконских. У них двое детей. Они родились в ссылке, растут на глазах родителей, драгоценная цель их жизни, стараний и заботы. У них есть возможность дать им самое лучшее воспитание, сформировать сердце, украсить ум, имея для этого как самих себя, так и помощь нескольких товарищей с науками и талантами. У них есть значительные, даже богатые, материальные средства, поскольку, как известно, правительство у ссыльных 1826 года имущество не забирало, а оставило его семьям, которые постоянно присылают своим в Сибирь обильную помощь, как денежную, так и разными вещами. Поэтому в их руках есть все источники, все условия утешения и счастья, и, окруженные предметами, которые являются всем миром для их сердец, они легко могут забыть, что изгнаны из другого мира... И могут об этом забыть без гре-

ха, поскольку для них Сибирь — не что иное, как отдаленная часть их родины, с которой их объединяет их вероисповедание и самосознание, и схожесть обычаев...

Дети их здоровы, милы, добры и понятливы не по возрасту. Сыну десять лет, дочери — семь, она еще мало учится, а он уже так образован в свои годы, что его прогрессу можно удивляться. Мать сама учит его русскому и французскому, отец — математике, младший Поджио — истории и географии, старший Поджио — музыке, Лунин — английскому языку. И, несмотря на это, ребенок не перегружен учением, не отвращен от него и вообще выражает тягу к каждому предмету, который преподается способом занимательным, ярким и соответствующим детскому пониманию. Я своими глазами в этом убедился сегодня, будучи на уроке английского, который вел Лунин, а в прошлый раз на уроке истории Александра Поджио.

Княгиня сама напомнила мне свое обещание о книгах из их библиотеки. Я сразу пошел с ее мужем и выбрал для чтения себе и Немировскому (поскольку у Лесневича уже есть значительный запас книг от Никиты Муравьева) следующие труды: *Precis de la philosophie de Bacon* 2 vol.; *Recherches sur les causes des richesses des nations* par Smith, 5 vol.; *Traite d'education publique et privee dans une monarchie constitutionnelle* par P. H. Suzanne, 2 vol.; *Traite du Somnambulisme* par Bertrand, 1 vol.; *Defense du Magnetisme animal* par Deleuse 1 vol.; *Don Quichotte*, 2 vol.; *Oeuvres de Tacite*, trad. De Dureau de Lamalle, avec texte, notes et supplements, 6 vol.; *Stello* par Alf. De Vigny, 1 vol.; по-английски я взял для себя из произведений Скотта: *Waverley*, 3 vol.; *The Antiquary*, 3 vol.; Соопер, *The Monkins*, 1 vol.; 5 томов английских комедий и словарь Бойера, 2 тома. Вечером ненадолго появился господин Фердинанд Вольф, доктор, ссыльный с 1826 года, также поселившийся в Урике. Хозяин познакомил нас с ним, но мы и парой слов с ним не перекинулись, так как он сразу исчез. Иоахим, знающий его довольно близко, не очень хорошо о нем отзывался.

11 февраля, вторник, в Урике утром. Наши планы о проведении сегодняшнего дня в Усть-Куде изменились. Младший Поджио, похоже, серьезно болен. Говорят, что со вчерашнего дня он в постоянной горячке. Вольф сегодня поехал к нему.

Брат от него не отходит. Волконский был там сегодня рано утром и вернулся грустным. Мы же, чтобы здесь не мешаться, хотели сразу уехать к Иоахиму, но Волконский и его жена оставили нас на обед. Князь привез мне от Поджио обещанные еще в декабре итальянские книги: *Biblioteca di prose italiane*, собрание сочинений древних и современных авторов, а для Немировского он привез кисти и краски из Усть-Куды.

В этот же день вечером в Московщине. Сразу после обеда в Урике, забрав упомянутые книги, мы уехали к Иоахиму. Вскоре после нас приехала сюда из Александровска мать госпожи Пахомовой с ее дочерью и сыном, учениками Иоахима.

Сегодня мой день рождения. С болью я повторяю себе слова Стаха Доливы:

*...Моего рождения
Годовщина грустная, зловещая!..*

Февраль для меня теперь самый страшный месяц, потому что содержит больше всего печальных для меня дат. День рождения моего сына Ольгерда, мой, моей матери. Ах, и ужасный день кончины Той, с которой все мое земное счастье умерло навсегда!..

12 февраля, среда, в Московщине. Проведя несколько дней в обществе чужих, мы рады были сегодня весь день остаться наедине с друзьями. Леопольд, пробуя краски и кисти, полученные вчера, сделал сегодня портрет Иоахима, очень похожий.

13 февраля, четверг, в Усолье. Когда мы приехали, господин директор Титов сообщил нам, что майор написал из Иркутска, чтобы Немировского туда отправить немедленно, так как жена генерала Руперта хочет, чтобы он был учителем рисования для ее детей. Таким образом, эта перемена в положении Леопольда произошла именно тогда, когда он ее совсем не ожидал, уже несколько недель здесь официально записанный в число служащих в конторе. Послезавтра он должен уехать в город.

14 февраля, пятница. Три дня тому назад пятеро человек (три солдата и двое рабочих) одновременно умерли от отравления угарным газом, или, по местному, от угара. Я был сегодня у доктора Билицкого, чтобы просить у него лекарств

для нашей Михальской. Именно тогда происходило вскрытие этих несчастных. Меня взяло любопытство присутствовать при этом, но позднее я об этом пожалел: ужасные впечатления оставались со мной на весь день.

15 февраля, суббота. Хотя я очень рад, что Леопольд будет в Иркутске, где со всех точек зрения его ожидает лучшее положение, чем здесь, однако я не мог от него укрыть, как грустно мне было расставаться с этим достойным и редкого характера человеком. Я снова буду лишен единственного здесь существа, которому я мог иногда открывать свою душу... Я поделился с ним французскими и итальянскими книгами, а когда он прочитает те, что я ему сегодня дал, тогда он их мне отошлет взамен за другие, которые я сейчас оставил себе. Еще я дал ему из моих собственных книг несколько томов Шиллера и «Иерусалим» Тассо по-итальянски.

16 февраля, воскресенье. Грустное воспоминание о дне, который раньше в моей жизни всегда вызывал только приятные чувства. Именины моей доброй матери и мои, когда-то вместе с радостью отмечаемые в ее доме, в кругу родных, среди дружелюбных друзей, соседей, земляков. Сегодня эти воспоминания приходят, усиливая горечь моей доли... О, зачем же, утратив все, я сохранил память чрезмерно верную и живую, чтобы в ней, как на надгробном мраморе, моя душа неустанно читала свидетельство об умершем счастье!..

17 февраля, понедельник. Я пошел к господину Билицкому, где узнал, что вчера госпожа Зверева говорила о значительном улучшении здоровья Михальской.

18 февраля, вторник. Билицкий пригласил меня сегодня на обед, после которого он сразу пошел к какому-то больному, а еще остался, разговаривая с его женой, умной женщиной, дочерью священника из Тельминской фабрики. Разговор зашел о разнице свадебного обряда. Она, услышав о взаимной присяге, которую в нашей церкви жених и невеста повторяют за священником (которой у них нет), выразила огромное удивление и после некоторых раздумий признала, что это было бы излишним добавлением к их обряду.

19 февраля, среда. Сегодня во сне я видел свою жену. Может, это сегодня годовщина ее смерти. Сопоставляя разные обстоятельства, я догадываюсь, что это несчастье осиротило

меня и детей именно в это время, то есть через 10 или 12 дней после ее последнего ко мне письма, где-то за неделю до конца февраля. О, как мне жаль, что моя сестра, сообщая мне некоторые подробности ее последних минут, забыла назвать день, самый страшный во всей моей жизни, даже если она продолжалась бы века!

20 февраля, четверг. И сегодня я обедал у Билицкого. Позже я написал несколько слов Михальской, которая мне сообщила, что ей все лучше и что уже может немного ходить.

21 февраля, пятница. Дорогая тень самого любимого, в сердце и в мыслях моих всегда живого существа! Каждое твое появление оживляет тоскующую душу изгнанника... Я часто провожу свое одинокое время, всматриваясь в ее изображение, читая ее письма, которые я уже давно знаю наизусть. В эти моменты изображение переносит меня иногда в другое время и другие места, а чарующий обман полностью отрывает меня от действительности... Изображение на холсте набирает жизнь, и мне кажется, что я вижу ее саму... Одержимость иногда вызывает в этих глазах ее взгляд, в этих устах ее улыбку из дней нашего счастья... и моя мысль долго говорит с ней, как раньше... А если благодатный сон этот образ еще больше оживит, позволяя мне видеть и слышать ее, при ней на детей наших смотреть, тогда я пробуждаюсь к повседневным страданиям, укрепленный той верой, что дух ее при мне находится, что не перестает обо мне заботиться и об этих бедных сиротах.

22 февраля, суббота. Тяжелое и неприятное занятие делать выписки для географии, которую я составляю для моей ученицы, занимает много времени. Я предпочел бы его использовать приятней и полезней, читая эти хорошие книги из Урика. Но у меня нет выбора. И хотя не хочется и скучно, я каждый день должен корпеть над этой моей тяжелой работой.

23 февраля, воскресенье. Михальская сегодня мне написала, сообщая, что здоровье к ней возвращается и что она уже ходит по избе, но еще очень слаба. Настойчиво зовет меня к себе. Однако я сомневаюсь, что мне позволят, да еще неизвестно когда, поскольку майор еще не вернулся.

24 февраля, понедельник. После нескольких дней оттепели уже полторы недели держатся морозы от 26 до 30 градусов.

25 февраля, вторник. Сегодня здесь напрасно ожидали майора, но говорят, что и Немировский должен с ним теперь приехать. Этого я не понимаю. Зачем было его туда отправлять?

26 февраля, среда. Наконец вернулись наши господа из Иркутска. Леопольд там остался и должен давать уроки рисования детям Руперта. Об этом он написал мне через Щепковского. Майор мне говорил, что господин Копылов, заместитель генерала Руперта, известный мне губернатор в Красноярске, хорошо обо мне отзывался и хотел меня видеть. Поэтому майор хочет меня при первой возможности отправить в Иркутск. Об этом желании Копылова и Немировский мне сообщает, предполагая от этого какие-нибудь выгоды. Я не допускаю никаких надежд, однако не могу предположить, что мне хочет сказать Копылов. Гражданский губернатор Пятницкий пообещал, что велит написать моей семье, сообщая обо мне, в соответствии с адресом и содержанием, которые я послал ему через Мевюса. Кроме того, и ему позволено написать обо мне моим, что он и собирается сделать с первой же почтой, по крайней мере, так говорит.

Перевод Леопольда в город добавит мне обязанностей. Майор снова меня обязывает заняться обучением Наденьки. Он делает это таким доброжелательным образом, что мне уже невозможно отказать от этой работы. А больше всего он взял меня тем, что хочет написать моей матери.

27 февраля, четверг. Я еще в январе дал Василевскому деньги на несколько фунтов табака, но он до сих пор его не купил, что тем неприятнее для меня, что я уже докуриваю остатки прежнего. Трубка теперь для меня единственное чрезмерное удовольствие, которого я не хотел бы у себя отнимать, и поэтому я сильнее ограничиваю себя в других потребностях, чтобы могло хватить на это.

28 февраля, пятница. Я написал короткую записку для майора, содержащую то, что он должен сообщить обо мне на адрес Юзефа Хмельевского, потому что тот, живя постоянно в Каменце, быстрее получит это письмо, чем какая-нибудь из матерей. Майор хочет приготовить это письмо и послать послезавтра.

1 марта, суббота. Моя ученица, госпожа Элиза Мевюс, уже давно несколько раз выражала мне желание учиться немецко-

му языку, вызванное похвальным чувством, ибо она говорит, что стыдно ей, будучи дочерью немца, не знать немецкого. Видя при этом, что этого хочет и ее отец, хотя он и очень несмело сегодня меня просил об этом, мне пришлось взять на себя и эту новую обязанность. Поэтому сегодня я дал ей первый урок немецкого языка, предназначив для этого три дня в неделю.

Моя хозяйка решительно отказала мне в квартире, поэтому у меня будут проблемы, пока я не найду другое жилье, с чем здесь совсем нелегко. Сегодня ночью исполняется второй год, как мне прочитали ужаснейший декрет, заковали в кандалы и вывезли из Киева в Сибирь. Тяжелейшие воспоминания!

2 марта, воскресенье. В Сибири теперь очень редкое явление хорошая польская книга. Однако во время пребывания Леопольда в Иркутске ему случайно удалось у кого-то отыскать и выпросить «Древнюю историю» Лелевеля. Я поздравлял его с этим и завидовал ему. Он же, уезжая отсюда, оставил мне эту книгу на неограниченное время. Он говорил мне, что в Иркутске есть два экземпляра поэзии Мицкевича; один вильнюсского, другой петербургского издания. Я был бы очень рад достать какую-нибудь из них и переписать важнейшие отрывки. Буду пытаться сделать это в городе.

3 марта, понедельник. Давно уже придумав сделать что-нибудь полезное, наконец я собрался, и один из местных «рабочих», очень ловкий слесарь, плакировщик, ювелир, токарь, скульптор и т. д., с одного из звеньев этих кандалов привез мне сегодня несколько очень красивых, отшлифованных больших и маленьких колец и несколько маленьких крестиков. Если Бог вернет меня на родину, это будет ценная память для тех, которых мысль моя видит, сердце всегда помнит.

4 марта, вторник. В этой проклятой дыре, называемой Усолье, чрезвычайно трудно найти жилье. С большим трудом я едва нашел два дома, в которых нехотя обещают сдать маленькую комнатку, вдобавок ко всему, одна из них еще не точно сдается и немилосердно дорого. Другая — вроде бы точно, но так далеко, что, посещая майора, я могу каждый месяц изнашивать пару обуви. Что делать? Не имея другого выбора, я должен брать то, что есть.

5 марта, среда. Из города приехали молодожены, а с ними Рафал Василевский и Теофил Мацкевич, доктор, литовец, не-

давно прибывший в Иркутск на службу, приятный молодой человек и, кажется, ухаживающий за госпожой Элизой. Леопольд недавно в письме хвалил его и сейчас снова прислал письмо через этого эскулапа, которого здесь рады видеть. Может, вскоре у меня не будет и второй ученицы, и тогда уже и я не буду здесь нужен. Но что тогда станет со мной?.. Что и как — Бог решит. Да будет Его воля во всем.

Леопольд пишет мне сейчас в очень хорошем и даже веселом настроении. Он сообщил, что рад своим теперешним отношениям. Более того, против обычного, позволяет себе какие-то лестные надежды о себе и своих товарищах, хотя сам признает, что для этого нет никаких оснований. Он очень хочет увидеться со мною в городе и, как говорит, постоянно меня ожидает. А я совсем не знаю, когда майор меня отправит.

6 марта, четверг. Сегодня я просил майора, чтобы мне позволили, когда я поеду в Иркутск, остаться там на 3—4 дня, кроме времени, проведенного в пути. Он разрешил. Мацкевич, завтра или послезавтра возвращающийся в город, предложил взять меня с собой. От всего сердца я бы воспользовался этим предложением, но дело в том, что я не знаю, как приехать обратно. Потому что там нанимать подводу для меня было бы слишком тяжело. И поэтому, несмотря на очень сильное желание узнать, чего хочет от меня г-н Копылов, и пообщаться с дорогим Леопольдом, мне придется отложить эту поездку и ждать, пока не поедет в город Василевский, снова собирающийся приехать оттуда, или майор, который говорит, что вскоре снова поедет туда. Наверняка ни один, ни другой не откажутся увезти меня туда и назад.

7 марта, пятница. Напрасны были мои усиленные старания через Урик или иными путями увидеться с генералом жандармов Фалькенбергом. Уже два года я усиленно к этому стремлюсь, слышав в Перми, в Тобольске и здесь о генерале Фалькенберге как о благородном человеке, способном стать для меня ангелом избавления. В надежде, что я лично или через письмо наконец буду иметь доступ к нему, еще в январе я приготовил письма, объясняющие мое дело, с перечислением всех бесчинств киевских разбойников. Но это не удалось, поскольку генерал Фалькенберг уже две недели как выехал из Иркутска. Но сегодня, когда я об этом сожалел в при-

сутствии г-на Полторанова, он попросил, чтобы я ему вручил эти письма, несколько раз давая слово чести, что со своим официальным рапортом обязательно отправит их генералу Фалькенбергу в следующий понедельник. Он добавил, что в отдельном моем письме для этого нет необходимости и что будет достаточно, чтобы я только ему (Полторанову) написал несколько слов, прося переслать генералу приложенные письма, а он, как жандармский офицер, обязан будет представить их генералу. Он сразу же продиктовал мне эти несколько слов по-русски, которые велел написать для него. А я, переписав их начисто, вручил ему с письмами для Фалькенберга, давно у меня готовыми. И так в мою душу снова проник, хотя очень слабый, луч надежды, что, может, этот шаг мне принесет так долго ожидаемое просветление моей судьбы.

8 марта, суббота. Я много писал Леопольду, отвечая на два его письма. Сегодня сюда приехал г-н подполковник Родственный, направляющийся в Нерчинск, где он должен занять должность начальника всех тамошних заводов и рудников вместо господина Татаринова. Это старый знакомый нашего майора, и майор обещал порекомендовать ему наших друзей, рассеянных в той стороне.

9 марта, воскресенье. Уже вечером майор прислал ко мне с приказом, чтобы я ехал в город с Мацкевичем, у которого уже были запряжены кони. Но я, не зная об этом раньше, по крайней мере за час, не мог собраться так быстро, особенно в том беспорядке, в котором сейчас пребываю из-за перемены квартиры и перевозки вещей. Поэтому я сразу же побежал попросить прощения у Мацкевича, что не смогу воспользоваться его любезностью. Оправдался я и перед Мевуисом, а он уверил, что через два или три дня найдет для меня другую возможность.

10 марта, понедельник. Узнав, что завтра в Иркутск едет господин Феденев, я думал, что он сможет взять меня с собой. Но он берет жену и троих детей, и поэтому для меня места не будет. Скорее всего, мне придется ждать, когда поедет майор.

11 марта, вторник. Местный кассир Перфильев едет завтра в город, и он пообещал мне место в своих санях. День именин Пелагии! День, когда-то такой дорогой, а сегодня такой

печальный, но который в своем сердце я никогда не забуду. Уже третий раз приходит этот день с тех пор, как ее потерял, и каждый раз он застаёт меня в неволе!.. О, когда же я буду вспоминать о ней среди своих? Когда же я свои слезы смешаю на ее могиле со слезами троих сирот?

12 марта, среда. Перфильев предупредил, чтобы я был готов в дорогу до обеда. Я не только до этого уже полностью собрался, но даже приготовил задания для двух своих девушек на несколько дней моего отсутствия. Но уже четыре часа дня, а Перфильев не присылает за мной. Правда, мы должны ехать почтой, а значит, расстояние в 68 верст мы можем преодолеть за шесть часов. Однако если наш отъезд задержится еще на пару часов, то мы будем в городе после полуночи и мне трудно будет найти жилище Леопольда.

13 марта, четверг, в Иркутске. Так поздно господин усольский казначей вчера выехал, что мы только в три часа ночи оказались в Иркутске. Выйдя в доме, занятом Модестом Дейхманом и молодым Мевиусом, я не хотел никого из них будить, не стоило также так поздно идти искать дом моего друга и стучаться к нему. Я предпочел подождать, пока рассветет и, взяв проводника, пошел к Немировскому. Выпив чая, мы оба пошли в церковь. Но месса уже закончилась. Я познакомился со священником Дезидериушем Хачиским, литовцем, из ордена бернардинцев, настоятелем иркутского, самого большого в мире прихода. Леопольд давно уже рассеял мое ошибочное представление о ксендзе Хачиском, основанное на разговорах. Правда, что он не настолько образован, как его помощник, ксендз Клодоальд Шайдзевич, правда и то, что внешне, в поведении, в разговоре, в том, как он обходится с другими людьми, он немного странен и даже смешон. Но, несмотря на это, у него прекрасное сердце и самые достойные намерения. Также нужно немало добродетели, чтобы добровольно посвятить себя обязанностям, всегда трудным, но особенно в Сибири связанным с тысячью неудобств и опасностей. В постоянных поездках от границ Китая до замерзших краев якутов и тунгусов на берега Охотского моря, до Камчатки, ибо где же нет польских ссыльных?.. Уже на протяжении восемнадцати лет, без усталости, даже весело, несет он бремя своего достойного призвания.

В доме настоятеля я познакомился с ксендзом Людвиком Трыньковским. Ксендз Хачиский недавно взял его на поруки и перевез к себе с братской, действительно заботливой опекой. Ксендз Трыньковский чувствует себя гораздо лучше, но его помещательство не прошло, и мало надежды, что когда-либо пройдет. Он почти все время молчит в задумчивости и печали. Когда к нему обращаются, чаще всего отвечает осознанно, с умом, выражаясь легко и на хорошем польском языке. Он очень подробно помнит обстоятельства заключения в Вильно, следствие, суд и свой путь в Сибирь. Но наряду с этим он часто разговаривает сам с собой или же обращается к людям, которых здесь нет, и тогда ужасно бредит. Но глаза у него, по крайней мере, ясные. Черты лица необычные и красивые, он скорее высокого, чем среднего, роста, худой, но хорошо сложенный. Вся его фигура выражает благородство. Ему где-то лет 35, может, немного больше. Невыразимо тяжело мне видеть человека с большими способностями, погруженного в такую печальную болезнь, которую он сам с горечью понимает, что заметно в те минуты, когда одержимость отпускает его.

Заказав на завтра поминальную службу за Пелагию, я попрощался с нашим настоятелем, а Леопольда попросил, чтобы он сопровождал меня в нескольких визитах, а именно к полицмейстеру Брониковскому, Модесту Дейхману, Павлу Мевиусу и доктору Мацкевичу. Но ни одного из них мы дома не застали. Потом мы направились к супругам Полторановым. Оба пригласили нас на обед. Леопольд столуется у них ежедневно. Полторанов поручился мне, что в прошлый понедельник отправил почтой мои письма генералу Фалькенбергу. Он вскоре должен будет получить их в Красноярске или в Омске. Только бы он переслал их дальше! И только бы там мой голос наконец обратил на себя внимание!

Вечером я один пошел к господину Копылову. Он очень вежливо принял меня наедине и задержал около двух часов. Мне кажется, он был доброжелательно ко мне настроен. Помнит подробности моего дела и, может даже, со своей стороны ходатайствует за меня. Но что из этого, если сфера его возможностей достаточно ограничена?.. Он спрашивал меня, получил ли я ответ на письма, посланные в столицу. Я рассказал ему то, что тогда мне было объявлено в Иркутске.

Он с сочувствием узнал о моей утрате. Хотел знать о моем теперешнем положении. Получаю ли я письма и помощь из дома? и т.д. Когда я упомянул о последнем ко мне письме, которое местная почта, неизвестно почему, вернула на Подолье, и о грозящих мне из-за этого трагичных последствиях, он заверил, что и Мевийус, и любой другой чиновник смело могут писать обо мне моей семье. Одним словом, такой неожиданной памятью обо мне и выражением дружелюбия господин Копылов принес мне немного облегчения в моих мучениях. Но из этой встречи я не могу сделать никакого вывода, который бы позволял надеяться на что-то большее. Любитель латинского языка и древней литературы вызвал меня, видимо, для того, чтобы поговорить о его любимых предметах... Долго и очень разумно он рассуждал о Саллюстии, который ему особенно по вкусу, об эпохе двух трудов этого писателя и о главных его героях, в своем разговоре используя русский и латынь чаще, чем французский. Он привел по памяти два или три отрывка из Горация, произнесенные с русским акцентом. Когда я с ним прощался, он меня очень любезно просил, чтобы завтра утром в десять или одиннадцать я пришел снова навестить его как старого знакомого, чтобы поговорить о римской литературе».

От него я вернулся к Леопольду, где застал ксендзов Хачиского и Трынёвского. Позднее пришел Живицкий Титус, молодой человек, находящийся на гражданской службе, с которым я был знаком раньше, очень умный и хорошо рассуждающий.

14 марта, пятница, в Иркутске. Утром рано я пошел в костел, чтобы присутствовать на поминальной службе, посвященной памяти самого добродетельного существа, и одновременно чтобы совершить пасхальную исповедь. Пошел уже третий год, как я потерял моего ангела, второй год с ноября, как я узнал об этом несчастье, однако время не принесло никаких изменений в моем горе, в моей тоске. Всеобщая его власть бессильна передо мной,

Ибо и утрата моя, и сиротство после нее, и чувство несчастья ни с чем в мире сравниться не могут.

Достойный ксендз Хачиский, узнав о случае с письмом Хмельёвского ко мне, вернувшимся из иркутской почты назад в Каменец, искренне сожалел об ужасных последствиях, которые

могут наступить вследствие этого происшествия, и с добротой, за которую я до смерти буду ему благодарен, предложил сам написать обо мне на Подолье, чтобы успокоить мою бедную мать и обеспокоенную семью, по крайней мере, тем известием, что я жив и что возврат этого письма произошел по какой-то ошибке. Он попросил, чтобы я сообщил ему содержание для его письма, сегодня я это напишу, а он обещал, что это письмо в понедельник отдаст на почту.

От него я направился к господину Копылову. Там я находился еще дольше, чем вчера, доверительно разговаривая с ним о литературе, древней истории и других предметах. Копылов мне сказал, что с прибывшим вчера Мевуисом говорил обо мне, объясняя ему, что тот может без опасений писать моей семье. Во время моего там нахождения приехал с визитом какой-то чиновник. Но при новом госте хозяин не забыл обо мне, наоборот, по отношению к нам обоим сохранял одинаковую любезность и вежливость. Со вчерашнего дня я на каждом шагу убеждаюсь в справедливости того утверждения, которое уже давно сделал Немировский: что с так называемыми политическими преступниками совсем по-другому обходятся чиновники любого ранга в Иркутске, чем на заводах, местах отбытия наказания. Здесь встреча с нами, будь то в домах или на улице, один на один или при свидетелях, не пробуждает такого преодоления своего страха, не провоцирует такой внезапной, бросающейся в глаза перемены в общении, такой неприятной и унижительной для ссыльного, который стал ее невольной и всегда трудной для предвидения причиной. Это различие чересчур заметно в Иркутске, чтобы его сразу не увидеть.

Я снова был на обеде у супругов Полторановых, на котором были также наш майор из Усолья, генерал-комендант Красавин, еще несколько неизвестных мне людей и госпожа Зверева, жена директора Александровского завода. Эта последняя огорчила меня и Леопольда известием о смерти нашего друга Олеси, который после трех или четырех дней незначительной болезни позавчера закончил свою ссылку и сократил назначенное ему время наказания. Если об этом узнает Бибиков, то, может, захочет обвинить его за то, что осмелился уклониться от исполнения назначенного им приговора, которым этого семидесятилетнего старца он приговорил на двадцать лет тяж-

ких работ. И действительно, такое неслыханное непослушание должно быть наказано.

Майор сообщил мне на этом обеде, что не завтра, как должно было быть, а в воскресенье возвращается в Усолье, и поэтому мне как бы подарен еще один день.

После обеда мы с Немировским поехали пару верст за город, к Мыстковскому Мачею, человеку уже в годах, но еще сильному и крепкому, когда-то состоятельному польскому гражданину из плоцкого воеводства, за дело Завиши в 1833 году приговоренному к четырем годам тяжких работ, а после этого времени поселившемуся недалеко отсюда, который уже год занимается стройкой и основанием английского сада на территории, которую генерал Руперт купил под самым Иркутском. Это умный и образованный человек, которого очень хвалил Леопольд, раньше служил в польской армии, бывал в разных странах и умеет рассказывать о своих приключениях. По лицу и фигуре этот человек немного напоминает нашего бывшего подольского губернатора Миколая Грохольского. Мы весь вечер провели у него в приятной польской беседе. Он пригласил нас на завтрашний обед.

15 марта, суббота, в Иркутске. Леопольд, занимаясь с утра покупками для Михальских и Уминьского, купил также и для меня некоторые вещи, чему меня очень обязал, поскольку я сам покупать не люблю и совсем не умею.

Я был у доктора Винцента Панкевича, литовца, очень достойного и ученого человека. Он имеет намерение привезти из Литвы в Иркутск на службу доктора Трыньковского, родного брата нашего друга, надеясь, что его приезд и общество окажут спасительное воздействие на одержимый мозг ксендза и вернут ему прежнее состояние. В двенадцать я поехал на обед к Мыстковскому и там пробыл до вечера.

Мевиус мне сегодня сообщил, чтобы завтра утром я был готов ехать с ним в Усолье, то есть к моим обязанностям. При этом он мне сказал, что губернатор Пятницкий еще в прошлом месяце написал обо мне согласно данной ему записки и адресу матери Даровской.

16 марта, воскресенье, в Усолье. После раннего завтрака у супругов Полторановых мы выехали в Иркутск с майором и акушеркой для его жены. Всю дорогу мы разговаривали с

ним по-немецки, поэтому ехавшая с нами госпожа, сибирячка, кроме своего не понимающая ни слова на другом языке, может сказать, что на протяжении нескольких часов она была как на немецкой проповеди. По приезде сюда я сразу попросил майора, чтобы он разрешил Уминьскому поехать к Михальским, чтобы завезти им покупки, среди которых и старое рейнское вино, предназначенное для укрепления жены Фридриха. Майор охотно на это согласился, Уминьский должен будет туда завтра поехать.

17 марта, понедельник. Уминьский не смог поехать в Александровск, но майор дал от себя другого посланника Я написал Михальской, отсылая письмо Леопольда, покупки и оставшиеся деньги.

18 марта, вторник. Именины майорши, отмечаемые многолюдно и шумно, даже с танцами, несмотря на Великий пост. Зато я весь день был свободен от обязанностей, что было мне весьма на руку, чтобы навести порядок в новой квартире.

19 марта, среда. Через возвращающегося отсюда Мацкевича я написал Немировскому и послал ему почитать Дон Кихота и Стелло.

В моей теперешней квартире комната немного больше, выше и в лучшем, чем прежняя, месте. Но зато более дорогая, и почти в два раза увеличился мой путь к майору, что очень неудобно, особенно сейчас. Снег начинает таять, и с каждым днем грязи все больше.

20 марта, четверг. Письмо от обоих Михальских. Ей уже значительно лучше. Оба настаивают, чтобы я к ним приехал. Но теперь я даже думать об этом не могу.

Отъезд господина Феденева со всей семьей на новую должность директора соляного завода в Енисейской губернии. Я со слезами прощался с ним, а моему расстройству больше всего способствовало то, что я расставался с одним из его сыновей Лёле. Уже я больше не услышу здесь этого любимого имени!

21 марта, пятница. Приехал Артамон Муравьев и сказал, что получил письмо от жены из Петербурга, сообщающей о получении посылки, с которой было мое письмо жене Люциана Михальского. Дай Боже, чтобы это была правда! Ведь тогда Михальская, наверное, постаралась отправить порученное ей письмо в Каменец. Но я уже не смею верить господину Ар-

тамону, уже несколько раз убедившись, что в его общении больше заявлений, чем искренности.

22 марта, суббота. В моей новой комнате мне гораздо удобнее, чем было в прежней. Хозяева, кажется, хорошие люди. Он местный младший офицер, спокойный и, как все говорят, трезвый, она, старуха, ко мне относится доброжелательно. А я стараюсь, чтобы они взаимно были довольны мной.

23 марта, воскресенье. Уже несколько дней хорошая погода и тепло, доходящее до 15 градусов. Но что из этого, если после таких дней бывали здесь морозы 20 и 25 градусов, а после них снова внезапная жара, в такое время года в другом месте вещь невозможная?

24 марта, понедельник. К сожалению, не оправдалась моя надежда провести праздничные дни в Урике. Проезд по Ангаре уже становится опасным, а из-за этого ни Волконский, ни тем более его жена не смогут приехать сюда, чтобы получить у Мевиуса для меня разрешение побывать у них, как они планировали.

25 марта, вторник. Видимо, у нас на Подолье имели ошибочную информацию о выезде жены Иоахима к нему, раз ее нет здесь до сих пор. Наверное, ее задержала в столице надежда ожидаемой амнистии по случаю свадьбы наследника.

26 марта, среда. При небольших теперь ночами заморозках стоит теплая и ясная погода. Я с нетерпением ожидаю, чтобы уже подсохло и чтобы я смог начать любимые утренние и вечерние прогулки в одиночестве.

27 марта, четверг. Леопольд в письме, написанном вчера, сообщает, что получил информацию о жене Люциана Михальского, не подлежащую сомнению, ибо исходит от особы, которая ее знает лично и недавно видела. Та особа (как пишет Леопольд) много говорит о прекрасных поступках Михальской. Это неправда, что тут до сих пор говорили, якобы она устроилась гувернанткой в институт. Правда, царица предлагала ей место начальницы института благородных девиц, но она не приняла предложение, заявляя, что раз не вымолила прощения для мужа, то тогда поедет в Сибирь. Просьбы она подает постоянно. Последний раз, когда она хотела подать прошение князю Лихтенбергскому, она ждала его возле театра. Когда подъехала его карета, она стала перед конями и

подала свою просьбу. Он не хотел ее принять и сказал, что должен ехать. «Тогда езжай по мне! — крикнула несчастная, — или прими просьбу». Только тогда он ее принял. На следующий день царский адъютант был у нее и от имени царя заявил, что тот помнит о ее прошениях и просит ее, чтобы до времени она была терпелива. Бедная, после стольких усилий заболела. Прислали со двора врача. Она не хотела принять его помощи, заявляя, что больше уже вытерпеть не может и хочет умереть. Врач, передав все это царю, вернулся с повторным его ответом, чтобы до времени была терпелива. Через несколько часов после получения письма Немировского приехал посланец от Фридриха, поэтому я сразу мог передать ему всю эту информацию. Но присланную Фридрихом штуку полотна для Бопрэ и молитвенник для Брынка вряд ли мне удастся им быстро переправить, так как Леопольд пишет, что какое-то новое событие приостановит общение с забайкальскими друзьями, уже и так трудное и редкое.

28 марта, пятница. Поскольку все говорят, что лед на Ангаре еще очень безопасный, даже под Иркутском, где эта река растаивает гораздо раньше, чем у нас, поэтому я еще раз попросил майора, чтобы он позволил мне на праздники поехать к Михальским, сказав ему о их приглашении, полученном вчера. Но напрасно! А значит, как в прошлом, так и в этом году отмечать праздник я буду в Усолье, но теперь еще грустнее, так как мне не хватает общества Леопольда.

29 марта, суббота. На одном из моих железных колец я просил вырезать первую букву моей фамилии, чтобы одновременно и печать иметь при себе. Этот перстень очень понравился Немировскому. А поскольку он такого не сохранил материала, он просил меня, чтобы я дал ему своего на такой же перстень. Я же хотел на одном из более свободных колец вырезать его букву и, как мое, изнутри покрыть серебром. Сегодня я получил этот перстень у местного художника и при удобном случае пошлю его Леопольду на память.

30 марта, воскресенье. Пасха. Вчера, как и в прошлом году, иллюминация и встреча чиновников у Мевюса. Потом, в самую полночь, шумная пасхальная служба, выстрелы из пушек и ручного оружия, фейерверки и т. д. От всего этого мне было легко уклониться, рано отправившись к себе и остав-

пись дома до утра. Но сегодня я не мог уже отказаться от тягостной обязанности визитов и поздравлений всем местным господам. Поэтому я был у Мевюса, у Титова, у Билицкого, у Золли, у Куляева, у Василевского, нового полицмейстера, у священника и т. д. После обеда меня навестил священник, отец Константин, на днях прибывший в этот приход, недавно рукоположенный молодой человек, гораздо более умный, чем его предшественник.

Во время сегодняшнего торжества Уминьский, как надсмотрщик за государственными конями, волами и т. д., и Щепковский, которому также кроме музыки и певцов поручили еще какой-то, пусть фиктивный, надзор, «за образцовое исполнение этих обязанностей» получили от государства награду. Каждый по 10 рублей. Я рад, что меня судьба до сих пор хранила и от государственной здесь должности, и от награды.

31 марта, понедельник. Я все больше доволен своей новой квартирой. У меня теперь под боком казармы: и значит, я легко могу видеться с Шиманьским и несколькими другими поляками местной роты, которые мне не отказывают никогда в мелких от них услугах (разумеется, за деньги). Словом, пока я нахожусь в Усолье, не хочу уже менять жилье.

1 апреля, вторник. Уши болят от постоянного шума и несносного визга, которые здесь зовутся пением, а глаза неприятно поражает вид встречаемых везде пьяных людей обоего пола. И этот вид будет еще на протяжении нескольких дней, так как у местного населения пасхальные праздники заканчиваются только в следующее воскресенье. Для меня нет ничего отвратительнее вида пьяной женщины с папиросой во рту, шатающейся по улице, а это теперь можно увидеть почти на каждом шагу.

Вечером я ненадолго пошел к новому здешнему священнику и там играл с его сыночком, милым ребенком, которому пошел четвертый год. Я жажду смотреть на детей, ищу их специально, хотя их вид раздирает мое сердце.

2 апреля, среда. День рождения моей дочери. Пусть в этот праздник моего сердца придут любимые воспоминания из времени моего счастья и утешения. Пусть моя мысль задержится на этих воспоминаниях. Пусть душа почерпнет в них каплю укрепления и сладости.

В этот день, три года назад, утро, теплый и ясный день. Я взял с собой старшего сына, которому два с небольшим года было тогда, и поехал на пару часов в Жердзь. Там, оставив внука у бабушки, обрадованной его неожиданным приездом, сам поехал ненадолго навестить моего доброго друга Харсдорфа (теперь моего шурина) с намерением вернуться в Жердзь на ранний обед, чтобы пораньше быть дома, где жена уже вот-вот должна была родить. Но едва я успел в Красноставах поздороваться с Харсдорфом, как за мной прибежал из Жердзя посланец с известием, что Пелагия больна. Я сразу же вернулся в Жердзь. Там меня уже ждали запряженные кони. Мать, тоже беспокоившаяся о Пелагии, не ждет экипажа, который ей готовят, а садится как можно быстрее в мою открытую повозку, я беру ребенка на колени и везу ехать так быстро, как только кони выдержат. Приезжаем домой. Я от самых ворот кричу: «Как моя жена?». Выбегает ее служанка Олимпия с радостным ответом: «Слава Богу, хорошо, и у вас дочь». Я вбегаю в комнату. Там меня встречает растроганный взгляд и улыбка моего ангела...

Потрясенный, пьяный от невыразимого счастья, я не помнил себя от радости. В жаркой молитве я благодарил Всемогущего, что он сохранил мне драгоценное существо, что, дав мне уже двух сыновей, он выслушал еще одну мою каждодневную просьбу и позволил радоваться дочери. В этот благословенный день, который подарил мне новое наслаждение, новое сокровище сердца, новый предмет для нежности и ласки, я видел, что моя жизнь расширяется с увеличением удачи, радости и появлением столь необходимого для нее свежего, ясного, сияющего украшения. Ее появление и связанная с ней надежда, самая дорогая, самая святая цель жизни и самые сладкие ее плоды — все это, соединяясь в моей душе, делало меня самым счастливым из людей... Со слезами благодарности, ликования, неземного чувства я по очереди целовал этого любимого младенца, моих сыновей и их любимую мать, несравненную, достойную мою спутницу... Ах! Разве мог я тогда предвидеть, разве мог хотя бы предположить, что вскоре меня заберут от них, что через несколько месяцев эти трое детей станут сиротами, что я с вершины самого совершенного, самого чистого счастья на земле буду низвергнут в пропасть несчастья и крайней нужды!

Глава пятая

Лунин схвачен и арестован.— Раевский.— Взгляд в будущее.— Аресты из-за Лунина.— Ревизия бумаг у меня.— Неримовский в Иркутске.— Обручение наследника.— Изменение образа жизни.— Восьмое мая.— Воспоминания о жизни со Стахом Доливой.— Известия из-за Байкала.— Лесневич.— Каждый четверг новые заключенные в кандалах. Напоминание.— В Александровске.— Крещение еврейское и татарское.— Зверев.— Неожиданная вежливость.— Подробности из Подолья.— Хорошие известия из столицы.— Надгробие для Олеша.— Манифест.— Левиньский.— Повышение Мевуиса.— Трое наших отпущены с работ на поселение.— Официальный запрос из Подолья.— Копылов.— Ручиньский.— Янишевский.— Игры и развлечения в Усолье.— Что принесло обручение наследника?— Поиски золота, подробности этого дела.— Амнистии по случаю обручения.— Голеевский Хенрик.— Дети государственных преступников.— Лунин.— В Александровске.— Жена Фридриха и Олизар ходатайствуют обо мне.— Превышаю отпуск.— Главарь разбойников.— Доктор Фуфаев.— Островский.— Осколки.— Воспоминания.— Хорошие известия из-за Байкала.— Ручиньский оттуда.

На соляном заводе. 3 апреля, в четверг. Вчера я слышал слухи о приезде в Иркутск на днях гонца из столицы и что вскоре после этого Лунина арестовали и увезли в Нерчинск⁸⁹. Также в Иркутске арестовали одного из учителей гимназии. Не известно, по какой причине произошло и то, и другое.

Местный Раевский уже давно стал вежлив со мной. Это достаточно странно. Но что еще более странно, так это то, что теперь совсем не пьет водки, даже подаваемой у майора перед обедом. Такая перемена в его жизни продолжается уже пару месяцев. Как он сам говорит, он предпринял ее по просьбе своей невесты. Ведь он женится, хотя еще жива его жена (как

⁸⁹ М. С. Лунина арестовали 27.03.1841 г. по доносу иркутского чиновника П. Н. Успенского; у него нашли «запрещенные» рукописи. Декабрист высылал их в форме писем к сестре; они были изданы как «Письма из Сибири» на Западе. Лунина перевели в Акатуй, где он умер 03.08.1845 г. при невыясненных обстоятельствах (согласно официальной версии, от апоплексического удара).

он говорит), богатая мещанка в России, и хотя у него есть пятнадцатилетняя дочь, которая воспитывается в столичном институте. Должна вскоре состояться его свадьба с иркутской швеей, той самой, которую я видел, когда готовилось приданое для Полторановой. Он был у меня сегодня с визитом и пробыл несколько часов, рассказывая всякую ерунду о своих любовных отношениях. При этом он меня просил, чтобы я ему, как плохо знающему французский язык, перевел второе письмо, полученное от того молодого парикмахера Мильера, которого я видел здесь во время свадьбы и который до недавнего времени был соперником Раевского. Теперь они дружат. Еще Раевский просил, чтобы я на это письмо написал ответ по-французски согласно написанному им содержанию. Я сразу же это сделал, чтобы побыстрее избавиться от его присутствия. Со Щепковским он тоже ведет себя приличнее, чем до этого. Может, это результат того, что он бросил пить, потому что я скорее поверю в его постоянство преодоления былого порока, чем в искренность оказываемого нам дружелюбия.

4 апреля, пятница. Ксендз Клодоальд Шайдзевич приехал сюда на несколько дней для исповедания местных католиков, к числу которых прибавился сейчас один из чиновников, полицмейстер Василевский.

Сегодня в Усолье неожиданно вернулся Немировский, поскольку из-за ареста Лунина и нескольких человек в Иркутске пришли строгие приказы сверху, чтобы каждый из политических ссыльных, россиян и поляков, находился на месте своего предназначения.

5 апреля, суббота. У Леопольда сейчас такие же проблемы с поиском жилья, какие были у меня недавно. Измученный хождением от дома до дома, он вечером зашел ко мне, и здесь мы по-старому проболтали вдвоем почти до рассвета.

6 апреля, воскресенье. Большая радость в доме нашего майора по случаю счастливого разрешения от бремени его жены, которая сегодня родила дочь.

7 апреля, понедельник. Я получил письма от Иоахима и Фридриха. Первый обещает вскоре приехать. Последний просит, чтобы я здесь у столяров заказал табличку и крест на памятник умершему другу Ежи Олеше. Но это легче, быстрее и дешевле сделали бы в Александровске, чем здесь.

8 апреля, вторник. Сегодня Мевуис назначил Немировскому его прежние обязанности — рисовать государственные планы и одновременно учить рисунку Элизу и Наденьку. Уроки французского с последней теперь стали моей обязанностью.

9 апреля, среда. Уже какое-то время здесь стоят дни ясные и теплые, однако еще не настолько сухо, чтобы можно было гулять за Усольем, чего я ожидаю с нетерпением, чувствуя необходимость этих прогулок как для здоровья, так и для определенного настроения своего ума.

10 апреля, четверг. Моя госпожа Элиза с момента замужества сестры стала пренебрежительно относиться к учебе и прогресс в ней делает довольно слабый. Видно, ее голова занята чем-то другим, и я этому совершенно не удивляюсь. Если Мацкевич, который ею, как мне кажется, сильно увлечен, попросит ее руки у родителей, то те, скорее всего, ее вскоре за него выдадут. А тогда и я не буду нужен в их доме. Но для чего потом меня используют?.. На самом деле трудно представить. Может, они захотят дать мне какую-нибудь работу в местной конторе? Этого я бы совсем не хотел. Не знаю, чем бы я там мог пригодиться. Словом, передо мной очень мрачное будущее. Все равно, что бы со мной уже ни случилось, уже ничто на свете не сможет сделать меня более несчастным, чем теперь.

А что касается моего неприятного материального положения, то с Божьей помощью я найду в моей душе мужество, терпение и силу.

*Vouloir ce que Dieu veut est la seule science,
Lui nous met en repos.*

11 апреля, пятница. Сегодня я первый раз видел обряд крещения в греко-русской церкви, совершенный у майора дома с его ребенком, недавно родившимся. Мне интересно, в подобных событиях участвуя, замечать разницу исповедования и обрядов господствующей веры и нашей.

12 апреля, суббота. Двух учителей иркутской гимназии, арестованных вместе с Луниным, несколько дней назад освободили, и никто больше там не заключен, кроме Громницкого, русского ссыльного с 1826 года. Его привезли из места его поселения и теперь содержат под стражей на гауптвахте

в Иркутске. Лунина же взяли за его письма, которые якобы должны были попасть в Лондон. А там были напечатаны в журналах.

13 апреля, воскресенье. Прошло уже пять месяцев после последней весточки от моих. Мое беспокойство за жизнь матери возрастает с каждой минутой. Если генерал Руперт отправил из Петербурга письмо, посланное ему Михальской, в котором было упоминание обо мне, то мои уже должны знать, что я жив и что письмо Хмелёвского только из-за какой-то ужасной ошибки было возвращено с иркутской почты. Но в противном случае предположение о моей смерти, так естественно вызванное этим проклятым событием, может убить мою несчастную мать, прежде чем дойдут обо мне известия, посланные губернатором и ксендзом Хачиским. А для меня сама мысль об этом несчастье убийственна. Наряду с этим я и мечтать не могу, чтобы быстрее чем через два месяца получить ответ из дому и выйти из этого состояния неуверенности и постоянного страха. Два месяца! Какая ужасная вечность беспокойства и тревоги!

14 апреля, понедельник. Только сегодня я отдал Леопольду перстень, предназначенный для него, потому что сначала оправа была такой неаккуратной, что мне пришлось велеть переделать ее.

Этой ночью выпал глубокий снег, как будто в середине зимы.

15 апреля, вторник. Письма от Фридриха и Иоахима застали меня за моими обязанностями, и поэтому Леопольд ответил за меня. Слава Богу, Михальская уже поправилась. Иоахим сообщает, что на днях он был официально переведен из Елани в Московщину. Я искренне завидую его соседству с Уриком.

16 апреля, среда. Шиманьский должен поехать в Александровск. Я написал Фридриху, чтобы он не рассчитывал на местных столяров в плане изготовления памятника для Олещи, потому что его обманут, заставят переплатить и он будет ждать бесконечно. А там ему сделают ту же работу быстрее, дешевле и под его наблюдением.

17 апреля, четверг. Утром пришел меня навестить господин Василевский. Потом он же приехал через несколько часов с господином Титовым, местным директором. Удивившись не-

ожиданной вежливости этого последнего, тем не менее я обрадовался обоим. Прекрасное парижское издание «Дон Кихота» с гравюрами, лежащее на моем столе, дало нам повод поговорить о достоинствах этого произведения, о большом количестве переводов на разные языки и т. д. Но вскоре господин Титов заявил, что прибыл ко мне с полицмейстером по службе, чтобы узнать, нет ли у меня запрещенных писем. Я сразу охотно дал перерыть мой столик, шкаф и ящик. Они сами видели, что много хранилища у меня нет. Кроме конспектов для моих педагогических обязанностей, при этом переводов для личных нужд, латинских и английских упражнений, нескольких писем от моей жены, нескольких полученных от семьи уже здесь и, кроме того, что я писал о моем деле и что давно находится в руках государства, что еще может у меня находиться?..

18 апреля, пятница. Я отдавал сегодня господину Титову русские стихи, которые он сочинил для меня и переписал своей рукой, чтобы у него не было опасения, что этот отрывок находится у меня. Но он не хотел их принять и оставил «мне на память». Мне бы хотелось знать причину вчерашнего события.

19 апреля, суббота. Фридрих мне написал, что хотел не деревянные крест и табличку отсюда на памятник Олешу, а из литого железа. Я ответил ему, что это невозможно, поскольку здесь таких вещей не делают, а если бы и делали, то местное начальство не позволило бы такого их предназначения...

20 апреля, воскресенье. Госпожа Полторанова привезла сюда очень желанное для Немировского известие, что генеральша снова изволит забрать его в город. Наверняка майор не захочет в этом отказать.

21 апреля, понедельник. 3 мая именины царицы и старшей дочери Мевиса, и поэтому свободный от обязанностей по двум причинам день я весь провел с любимым Леопольдом, празднуя дорогой нам национальный праздник...

В этом году зима была более долгая, чем в прошлом. Сегодня я первый раз ходил с Немировским за городом. Мы прошли туда и обратно с две мили. Уже достаточно подсохло и все время тепло. Но кое-где еще можно увидеть снег. Ангара здесь до сих пор покрыта льдом. Молодую травку редко где увидишь.

22 апреля, вторник. И сегодня я свободен от оброка из-за двух кузин, гостящих здесь, которыми мои девушки должны заниматься. Я этому очень рад из-за приближающегося отъезда Леопольда.

23 апреля, среда. То же самое, что вчера: кузины до сих пор гостят, и мои каникулы не закончились.

24 апреля, четверг. Немировский сегодня вечером уехал в город с Мацкевичем. Мне очень жаль терять общество этого сильнее других любимого друга, но одновременно я искренне радуюсь, что ему там будет свободней и лучше, чем нам в Усолье. Не могу еще пользоваться своею любимой прогулкой над Ангарой, поскольку там до сих пор полно льда, снега и грязи, хотя год назад там в это время было уже сухо.

25 апреля, пятница. Ангара только сегодня вскрылась ото льда. Под Иркутском она давно уже течет свободно.

26 апреля, суббота. Тепло вчера и сегодня достигало 20 градусов Р. Земля еще не растаяла, и вегетация пока мало заметна. Правда, она свое опоздание компенсирует быстротой, но что из этого, если одновременно здесь приходят иногда сильные и неожиданные морозы, которые все портят?

27 апреля, воскресенье. Свадьба наследника должна была состояться сегодня⁹⁰ и принести всяческие милости, которые, возможно, распространятся на политических ссыльных, если этому не помешает происшествие с Луниным. Но что бы ни произошло, к нам это дойдет только через несколько недель. Я беспокойно ожидаю, будет ли какой-то результат для меня из писем, посланных Фалькенбергу.

28 апреля, понедельник. Я написал Иоахиму, спрашивая, когда закончится его «вскоре» в отношении позолоты моих рам, постоянно повторяемое с декабря? Я хочу это письмо отправить в город Немировскому или в Александровск Фридриху, оба могут связаться с Иоахимом быстрее, чем я.

29 апреля, вторник. Мацкевич привез мне несколько слов от Леопольда, у которого до сих пор там нет своего угла, и он в растерянности написал только это: «Пока ничего еще не могу написать из разных противоречивых вестей о том, что тебя

⁹⁰ Свадьба наследника престола, в. кн. Александра Николаевича (Александр II) с Марией Хессен Дармштадтской состоялась 28 (17) апреля 1841 г.

интересует, чтобы это не было мне в упрек. Поэтому в другой раз». Что бы это могло значить?

30 апреля, среда. Годовщина именин матери Даровской, достопочтимой опекунши двоих моих сирот. Добрый Боже! Пошли ей всякое благословение и позволь, чтобы у ее ног я смог выразить ей мою благодарность и сыновью признательность, которые я буду испытывать до последнего дыхания.

1 мая, четверг. Утром мне сказали, что Мевуус должен поехать в город. Я сразу написал Немировскому, чтобы он объяснил мне загадку последнего письма. Но когда я пришел к майору, оказалось, что он уже уехал.

Только с сегодняшнего дня, после вчерашнего дождя (первого в этом году), земля немного зеленеет.

2 мая, пятница. С приходом долгих дней я изменил образ жизни. Осенью, всю зиму и часть весны я обычно ложился спать в час или два ночи, а часто и позднее, зато утром свет мне уже был не нужен. Теперь наоборот: я прихожу к себе от майора около семи, читаю, пишу или мечтаю только до десяти, но все время встаю в три утра. Таким образом, я и свечи экономлю (что для меня важно), и больше имею времени на все.

3 мая, суббота. Мацкевич, который уже несколько дней занимает должность Билицкого (пока не придет другой врач из Петербурга на это место), дал мне почитать первый том поэзии нашего Адама петербургского издания. Сокровище для меня.

4 мая, воскресенье. У меня уже давно вошло в привычку посвящать русскому языку то время, когда в доме майора я не занят своими обязанностями, то есть перерыв после занятий до обеда, потом снова несколько минут перед чаем и пятнадцать минут или полчаса после него. Все это вместе составляет около двух часов каждый день. Я уже неплохо понимаю и начинаю знакомиться с литературой этого языка. Обычно я читаю один из периодических журналов: «Библиотека для чтения». Немного странное название, как будто библиотека может быть для чего-то другого.

5 мая, понедельник. Грозовой дождь с ветром и частым громом всю ночь не давал мне спать. Зато перед рассветом я был приятно обманут видом дорогих предметов. Я видел Пелагию, мою мать и Стаха Доливу. Кроме этого, я также находился в обществе родителей Немировского, хотя наяву я их

никогда в жизни не видел. Раевский, уже две или три недели назад женившись в Иркутске, вчера приехал сюда жить с женой. Оба просили меня, чтобы я бывал у них. Я пошел туда вечером, но их не застал, тем лучше.

6 мая, вторник. Говорят, что госпожа Руперт из-за какого-то ремонта в своем доме должна на целый месяц приехать в Тельминскую фабрику и что там она будет ожидать возвращения мужа. Может, и Леопольд станет ближе к нам. Генерал Руперт, как говорят, писал, что в середине этого месяца должен выехать из столицы, возвращаясь в Иркутск, где его ожидают в конце июня. Если свадьба наследника стала причиной каких-нибудь милостей для ссыльных, несомненно, генерал их возвестит.

7 мая, среда. Супруги Раевские посещают местных жителей, соизволили также вспомнить и обо мне. Они пришли ко мне так неожиданно, что я очень сильно удивился при виде дамы, входящей в мою комнатку. Кажется, они оба довольны друг другом. *Similis simili gaudet.*

Мацкевич просил меня сегодня, чтобы я учил его французскому. Я не мог отказать земляку и, кажется, очень хорошему парню, несмотря на рассеянность и неразумные отношения с госпожой Элизой. С завтрашнего дня я начну ходить к нему с моими уроками, но мне придется отказаться от своих утренних прогулок, потому что именно тогда (в полшестого утра) у меня каждый день будет урок с доктором.

8 мая, четверг.

*Восьмое мая!.. Моего рождения
Годовщина грустная, зловещая!
Когда пробил вещей, первый из часов,
Составляющих ход дней!..*

Так когда-то, тринадцать или четырнадцать лет тому назад, дорогой мой Стах, ты начал свое письмо ко мне с берегов Секваны. Расстояние, которое нас тогда разделяло, казалось мне самой длинной в мире преградой... Я скучал по тебе: повторял тебе это в частых письмах. Наконец, милостивая судьба сблизила нас сильнее, чем я мог предположить. Все мои желания исполнились. Наряду с домашним счастьем, самым совершенным, какое только может быть на этой земле, среди

«малюсенькой деревеньки» у меня было еще и то утешение, что твой и мой дом соприкасались друг с другом. Ты был рад возиться с моими детьми, и они любили играть в твоём саду. Когда кто-то из них пропадал из виду матери или отца, мы всегда были уверены, что найдем их у тебя или что вскоре ты сам приведешь их в нашу ограду. В любое время дня, в любую минуту мы могли видиться... Одним словом, мы жили вместе, а настоящая дружба — редкая; похожесть чувств и принципов, взаимопонимание, ничем не нарушаемое согласие были содержанием и украшением нашей жизни. Ни один из нас не пережил забот или удачи, которые бы касались только одного. В скольких же сладчайших для меня моментах я вспоминаю тебя творцом или участником, рядом с той, которая как все мои чувства, так и дружбу к тебе всегда разделяла живо и сильно! Как часто, завораживая нас своими прекрасными песнями, ты читал в глазах наших отзвук, вторящий твоему вдохновению!.. Но ты не предвидел — о, и кто же из людей мог это предвидеть? — что вскоре несчастный твой друг, в дикую пустыню, в чужую часть мира изгнанный, лишенный всего, что было богатством его души, потеряв все свое счастье, все небо на земле, в ужасной неволе, в кандалах, будет повторять твои песни, что они будут ему облегчением в страданиях, что не раз они укрепят его слабеющее мужество...

Если эта рукопись, уже давно моего несчастья, тоски и всей боли моего сиротства поверщик, когда-то дойдет на родную землю, я знаю, что там она не сможет занять никого, когда та, для которой я предназначал эти грустные страницы, уже покоится в могиле. По крайней мере тебя, мой Станислав, эта рукопись не оставит равнодушным, свидетельствуя о тех же самых сегодня к тебе чувствах, какие вот уже двадцать три года, большую часть моей жизни, всегда были сокровищем и гордостью моего сердца.

9 мая, пятница. Придя утром от Мацкевича после первого с ним урока французского языка, я узнал, что майор вернулся из города, а немного спустя получил письмо Немировского. Он сообщает, что Петр Цырына получил результат своей просьбы, посланной Бибикову. Пришел приказ явиться ему в Иркутск, откуда его должны немедленно отправить на Кавказ,

чтобы там по его просьбе он поступил на военную службу. Доктор Орачевский получил разрешение переехать из Киренска в Верхнеудинск. Лунина держат в тюрьме в Акатуе, куда несколько лет назад был сослан Петр Высоцкий. Лесневич живет вместе с Мыстковским, перенеся туда вместе с собой и маленького Пахомова из Московщины. Теперь он делит работу с Мыстковским. Он искренне взялся за работу над парком генерала: делает планы, велит копать, сажать, словом, попал в свою стихию. А если ему удастся хорошо построить какое-нибудь здание (в чем уже к нему обращаются за советом), то эта работа, добавляет Леопольд, всегда будет снабжать его куском даже вкусного хлеба. Мне бы очень хотелось быстро найти возможность послать ответ на это письмо. Но почему же Леопольд не пишет об этой загадке?

10 мая, суббота. В самый раз было для меня, что сегодня господин Титов поехал в город и взял мое письмо к Немировскому, которому я послал и старое вместе с письмом к Иоахиму.

11 мая, воскресенье. Мой ученик-эскулап, кажется, не очень постоянен в своем желании учиться французскому. Сегодня я зря потерял утро.

12 мая, понедельник. Я бы хотел на Пятидесятницу выпросить себе разрешение поехать на пару дней в Александровск. Сомневаюсь, чтобы это получилось, но еще раз попробую при помощи Мацкевича, который пообещал представить майору свое мнение, что отдых необходим для моего здоровья. Гольнский тем временем получил письмо из дома. Может, в нем он найдет и что-то о моих.

13 мая, вторник. Я бесконечно благодарен Волконским за Тацита. Очень хорошее издание с переводом и сносками, очень помогает упражняться в латинском языке, над которым я сейчас все время работаю. У меня есть еще Саллюстий, Гораций и Цицерон. Поэтому достаточно работы для этой стихии. Но наряду с этим я не забываю английский и другие языки. Может, все это пригодится моим деткам...

Но всегда есть такие моменты, и, к сожалению, часто! — когда я ни к чему не способен.

14 мая, среда. Я получил только пару слов от Леопольда, что нет времени и нечего писать. Иоахим о позолоте рам со-

общает, что этим занялся Пахомов и что он это обязательно сделает. Вообще-то, уже пора!

15 мая, четверг. Каждый четверг мои глаза и уши болезненно поражает вид нескольких преступников, звенящих кандалами, которых всегда в этот день приводят на этот завод под моими окнами. Ужасные воспоминания о состоянии, в каком я находился с моими земляками в позапрошлом году, и хотя, говоря правду, и теперешнее мое положение мало от того отличается, по крайней мере, я уже не в кандалах...

16 мая, пятница. Неожиданно мне удалось получить разрешение на три дня поехать в Александровск. Билет уже у меня в кармане. Завтра на рассвете я хочу отправиться туда пешком, а во вторник назад, к обязанностям!

17 мая, суббота в Александровске. На этот раз я остановился у Михальского Фридриха из-за усиленных просьб его жены, которую я застал в добром здравии, хотя прежние силы к ней еще не вернулись и она хочет обратиться за помощью к Мацкевичу.

После моего прибытия Родзевич сразу же сообщил об этом директору, поскольку теперь здесь такой новый приказ. Господин Зверев, услышав, что я останусь здесь на три дня, велел просить меня, чтобы как знакомый в свободное время я его навестил. Эта необычайная любезность с его стороны удивила нас всех. После обеда я пошел к нему с Михальской, но его не было дома. Сама же госпожа Глафира Емельянова приняла нас очень любезно и была очень рада, что я с ее сыном говорю по-французски. Мне понравился этот мальчик одиннадцати или двенадцати лет, симпатичный и с большими способностями.

18 мая, воскресенье, в Александровске. Пятидесятница (по-русски день Троицы). Мы все были на службе в местной церкви. Она гораздо меньше, но зато несравненно более красивая изнутри, чем усольская. После раннего обеда у Фридриха я пошел с Яцеком, двумя Олизарами и Родзевичем прогулять по здешним окрестностям. Мы были на этой прогулке не меньше трех часов. Здесь есть красивые пейзажи, виды, жаль только, что не оживленные водой, потому что ее не видно ни с какой стороны. Госпожа директорша вечером приехала навестить Михальскую и осталась у нас на чай, а уезжая, пригла-

сила ее и меня на кофе завтра утром, что значит на двенадцать часов, так как в Сибири кофе подают в это время.

19 мая, понедельник, в Александровске. В церкви сегодня состоялся обряд крещения одной еврейки и одной татарки: первая — молодая вдова, а вторая — уже взрослая девица. Вскоре после этого господа Зверевы прислали свои дрожки за Михальской.

Господин Зверев, обычно неприступный, надутый, суровый и даже черствый к нашим братьям, которым едва позволяет заговаривать с собой и то тогда только, когда в этом есть острая необходимость. Поэтому тем более меня поразила его необычайная любезность, которой я совсем не ожидал. Он не делал никакой разницы в своем поведении с Михальской и со мной, он принимал нас обоих с большой любезностью и жеста-ми уважения. После кофе он спросил меня, курю ли я трубку, и пригласил в свой кабинет. Там он сам приготовил трубку для меня и для себя. Вскоре и женщины из салона пришли к нам. И общий, доверительный разговор продолжался довольно долго. Когда мы уже должны были уходить, господин Зверев дал мне письмо для усольского директора, вежливо извиня-ясь, что меня этим затрудняет. Все друзья удивляются такому его обхождению со мной, причины которого мы отгадать не можем. Михальская, пользуясь таким хорошим настроением местного владыки, сегодня просила его, чтобы он позволил ее мужу быть с ней в Усолье, и без труда это получила. Что еще удивительнее, чем его любезность со мной.

Я навестил местного кассира Пахомова и священника. У первого я хотел получить мои рамы, хотя они до сих пор не позолочены. Но он не хотел их отдать, ручаясь, что вскоре получит позолоту.

Имея возможность разговаривать с Михальской больше, чем в прошлый раз, я узнал у нее больше подробностей о моих сиротах, о семье, друзьях, знакомых и о дорогом Подолье. С искренней болью я слушал рассказы о смерти Анны Ланжиной, этой достойной женщины, к которой я несколько лет испытывал дружеские чувства, равные уважению, ка-кое она везде вызывала. Михальская говорит, что она умерла вскоре после того, как осиротел я. Бедная Юлия! Такие два удара почти одновременно попали в ее сердце! И достойный

Кароль Дружбацкий также овдовел. Добрую и достойную он имел жену. О! Никто лучше, никто живее, чем я, не может чувствовать, что такое подобная утрата.

20 мая, вторник, в Александровске. Сегодня мы все ели обед у Яцека и компании, у него ведь теперь кроме Родзевича живут также и оба Олизара.

После обеда Зверев прислал к Фридриху и объявил ему, что только что получил из города официальную бумагу такого содержания: что царь, желая день свадьбы своего наследника освятить великими милостями, велел подать себе список всех ссыльных из дворян, приговоренных или к тяжким работам, или к поселению. В их число он велел поместить и находящихся в Сибири за польское дело (равно и по делам Польши). При этом он требовал информацию о поведении каждого тут и об образе мышления. Но из этого списка он хочет, чтобы вычеркнули «государственных преступников с 1825 года». Это очень хорошее известие, несомненно, но не настолько, как надеются здешние друзья. Я в самом лучшем случае ожидаю переход с тяжких работ на поселение. А они мечтают даже о возвращении на родину!

Сегодня утром был разговор о надгробии для нашего Олеша. Я дал надпись в таких словах: «Ежи Олеша, родившийся в Витебском воеводстве, скончался в Сибири 11 марта 1841 г. Родился свободным; жил по правде; умер в неволе. Такие же, как он, мученики — товарищу». А на другой стороне памятника слова из 35-го псалма, выбранные Яцеком: «Помилуй меня, Боже, да не потопчет меня человек».

В этот же день в Усолье. Я вернулся сюда до вечера и, отдавая письмо от Зверева господину Титову, вторично услышал весть о приказе царя относительно списка ссыльных.

Также я получил письмо Немировского, ожидающее меня, в котором я обнаружил то же самое, только с большими подробностями. Немировский тоже предполагает не более чем поселение как максимальную милость. Но одновременно сообщает, что у всех наших в нерчинских заводах досматривали бумаги и взяли с них письменное обязательство, что самые близкие даже не будут общаться друг с другом. Что, как мне кажется, должно было произойти из-за ареста Лунина и перевода его в те края. Леопольд мне написал, что эти таинственные слова в

его давнем письме, которые были загадкой для меня, касались информации, распространяемой о Лунине.

Зверев, Титов и Немировский говорят о свадьбе наследника как о еще не состоявшейся, а тем временем сюда приехал господин Биркин из Иркутска и сказал, что вчера туда приехал гонец из Петербурга, с которым он говорил в самый момент того приезда, что этот гонец привез официальное объявление о состоявшейся свадьбе наследника 16 апреля; привез он также и манифест, изданный по этому поводу, в котором поручено смягчить судьбу всех, в настоящее время находящихся под судом, даровать положенную амнистию и прочие милости. Но ничего, кроме этого.

Я прислал Мацкевича, чтобы он навестил Михальскую, Яцка и Филипа Олизара, нуждающихся в его помощи. Он пообещал туда послезавтра поехать.

21 мая, среда. Местный директор устроил сегодня большую забаву с танцами, песнями, фейерверками и т. д. в усольской железной фабрике «Молотовая». Был приглашен и я, но сразу после чая я вернулся к себе, чувствуя себя ни достаточно здоровым, ни способным для таких собраний.

22 мая, четверг. Госпожа Полторанова, давно уже болеющая, теперь живет у матери, а Мацкевич ее лечит. Она просила меня, чтобы я помогал ей упражняться во французском языке. Сегодня мы начали с ней читать и переводить *Philosophie et religion* par Me de Montolieu.

Я разговаривал с майором о царском приказе относительно приготовления списка ссыльных из дворян и мнения о них. Сказал ему, что, говоря об этом, не собираюсь перетягивать его на свою сторону, поскольку уверен в его справедливости и на совесть его могу положиться. Но есть в Усолье один из моих земляков, Левинский Юлиан, человек бедный, несмелый и малоизвестный, однако он, несомненно, из дворян и своим поведением заслуживает наилучшего мнения. Майор ответил, что знает о нем и помнит, что я ему рассказывал о Левинском и о его несчастье, когда мы в марте возвращались из Иркутска.

23 мая, пятница. У меня сильно болит горло. Оно еще и вчера болело, но я не обращал на это внимания. А сегодня всю ночь я не мог спать из-за невыносимой боли. Утром же, когда

я был у Мацкевича на уроке французского, он осмотрел мое горло и сказал, что там сильное воспаление, велел не выходить из дому и запретил курить, дав мне разные лекарства. После чего поехал в Александровск. Через него я передал письма Гольнскому и Михальской.

24 мая, суббота. Вчерашние лекарства несколько не помогли, сегодня я еще сильнее болен, добавилась сильная головная боль и жар. Утром меня навестил Василевский, позднее — Мацкевич. Он прописал новые лекарства. Привез мне письма от Михальской, Фридриха и Яцека. Они пишут, что я всем очень понравился. Михальская обещает сюда скоро приехать, как только наберется немного сил.

Сегодня я писал Леопольду через Полторанова. Этот процесс, хотя и очень короткий, сильно меня измучил.

25 мая, воскресенье. Головная боль вроде немного прошла, но горло болит все так же, а кроме того, еще появился сильный кашель. Третий день я ни на шаг не выхожу от себя и питаюсь только чаем, который пью без какого-либо желания. Любезный земляк, эскулап, посещает меня и лекарств мне не жалеет.

Уже несколько дней стоит такая жара, какая у нас бывает в самые жаркие дни страды.

26 мая, понедельник. Себя чувствую сегодня немного лучше и хотел уже приступить к обязанностям. Но Мацкевич велел обязательно сидеть на месте, уверив, что того же мнения и майор, которого он каждый день информирует о моем здоровье.

27 мая, вторник. Хотя я еще очень нездоров, однако, не обращая внимания на запрет Мацкевича и на влажность после вчерашнего дождя, я вышел, чтобы поздравить Мевиуса с повышением в звании. Сегодняшней почтой он получил приказ, возводящий его в звание подполковника.

Письмо Немировского с грустным известием, что во множестве писем и посылок, прибывших одновременно из трех почт, задержанных весенним половодьем и разливом рек, нет ничего ни для меня, ни для кого-либо из наших.

28 мая, среда. После довольно долгого перерыва сегодня я раньше, чем в назначенный час, пошел к Мацкевичу, думая, что он захочет отработать эти несколько дней, потерянных для

его изучения французского, и я охотно бы помог ему в этом. Но он так лениво и холодно берется за учебу, что прогресса ожидать не приходится.

29 мая, четверг. Приехал господин Артамон Муравьев, который недавно был в Урике и в Усть-Куде, где сейчас живет княгиня Мария Волконская, имеющая там близко свой летний дом. Здесь была преувеличена информация об отнятии якобы у этих господ свободы выезжать из своих мест.

30 мая, пятница. Горло у меня уже не болит, но зато постоянно так сильно болит голова, что иногда я почти теряю сознание. Несмотря на это, я, однако, отбываю свой оброк, чтобы не говорили, что я разнежился и не хочу работать.

31 мая, суббота. Кароль Олизар мне сообщил, что по ходатайству Бибикова он (Олизар), Янишевский, Ручинский и Олеша отпущены на поселение. Последний смеется над этим, переехав без протекции Бибикова на лучшее поселение, где он совершенно свободен.

1 июня, воскресенье. Едущий сегодня в Иркутск Полторанов взял мое письмо Леопольду, которому я при нем послал Шиллера и полученные вчера из Александровска письма к нему и Иоахиму. Олизар не хочет расставаться со своим братом, остающимся еще на работах, и налагает на Немировского обязанность выпросить для него место поселения в недалекой деревеньке, откуда он мог бы жить в Александровске.

2 июня, понедельник. Когда я утром вернулся с урока с доктором, мне моя хозяйка сказала, что здесь был казак от полковника, что спрашивал обо мне, но, увидев закрытые двери, ушел назад. «Чего он хотел?» — спросил я. «Не знаю, — ответила она. — Он упоминал только о каких-то вещах, и ничего больше». Мне сразу же пришло в голову, что, должно быть, это посылка с Подолья с вещами, а при ней и письмо от моих дорогих, и что из-за этого полковник прислал за мной казака. Я изо всех сил лечу, чтобы как можно быстрее получить так долго ожидаемую радость. Тысячу разных приятных и грустных предположений делаю я во время пути. Прихожу туда задыхающийся, беспокойный... И о чем же я узнаю? Что казака присылали, чтобы взять у меня салфетки и тарелки, принесенные с едой, когда я был болен, и забытые потом. О, как же я проклинал свое воображение, слишком скоро

создающее самообман, который обычно превращается в реальную боль!

3 июня, вторник. После постоянной жары, такой сильной, что с семи утра до восьми вечера трудно было находиться на улице, вдруг уже третий день стоит такой холод, как у нас бывает только в декабре.

4 июня, среда. Письмо от Леопольда. Он пишет, что подольский губернатор официально спрашивал нашего, могут ли семьи нам писать и присылать помощь. Ему ответили, что это никогда не было запрещено. Далее Леопольд сообщает, что господин Копылов постоянно обо мне помнит, вспоминает меня добрым словом и хвалит. И поэтому Леопольд советует, чтобы я написал Копылову. Но зачем же я буду писать и о чем? Оставлю уже это в покое. Разве мой разум сейчас способен на подобную корреспонденцию при том беспокойстве, которое меня постоянно мучает? Уже так долго никакого известия от моих! Может, у меня уже нет матери!.. Эта мысль отнимает у меня силы, способности, мужество и явно меня убивает.

5 июня, четверг. Уминьский, на один только день пойдя в Александровск, уже неделю оттуда не возвращается. Но чему удивляться?.. Бедняга пользуется какой-никакой свободой — распоряжается своим временем и своей личностью, тем более что он уже освободился от обязанности, которую раньше принял на себя по своей воле. И я бы так сделал, и не раз, если бы наконец перестал быть крепостным работником!

6 июня, пятница. Сегодня я решил изменить часы занятий с доктором и вместо полшестого приходить к нему в семь. Поскольку я всегда заставлял его спать, а пока он просыпался, пока вставал, пока подавали чай и пока он брался за чтение, впустую проходило полтора часа, из-за чего я каждый раз много времени терял напрасно. Теперешняя перемена должна этому помочь и одновременно вернуть мне радость утренних прогулок.

7 июня, суббота. Леопольд мне сообщил, что Ручиньский и Янишевский поселятся рядом с нами. Жена первого (которая должна сюда вскоре прибыть) просила в письме губернатора о поселении его рядом с Иркутском, и поэтому его определили в деревню Введенщину в нескольких верстах от города. Леопольд же просил губернатора о переводе и Янишевского,

что ему пообещали сделать и назначили того в Олонки (где находится российский ссыльный Раевский), недалеко от Александровска. Олизара по просьбе Немировского губернатор обещал поселить в деревне Пономарёво, также близкой к тамошнему заводу. Я ищу ближайшую возможность, чтобы все это написать в Александровск.

Еще Немировский сообщает, что недавно познакомился с доктором Орачевским, который в дороге в Верхнеудинск на проживание на какое-то время остановился в Иркутске.

Генерал Руперт обязательно должен вернуться в этом месяце. Наш полковник Мевуис завтра едет в Красноярск, чтобы там его встречать.

8 июня, воскресенье. Через уезжающую сегодня госпожу Полторанову я писал Немировскому, отвечая на два его последних письма.

9 июня, понедельник. Шиманьский просил меня, чтобы я у его командира капитана Петрова (с которым я на днях познакомился) получил для него разрешение поехать на пару дней в город. Попробую, и если получится, то и я этим воспользуюсь, заказав ему привезти мне запас табаку. Из всех статей моего расхода эта теперь самая значительная.

10 июня, вторник. Молодежь высшего усольского общества излишествует, соревнуясь друг с другом в изобретении разных игр и развлечений для местных дам. Титов, директор завода, доктор Мацкевич, полицмейстер Василевский, Павел Мевуис, сын начальника, сейчас находящийся здесь, все холостые и молодые, по очереди, почти каждый день, устраивают прогулки по берегу Ангары или небольшие речные прогулки по этой прекрасной реке, и обычно несколько часов, иногда до поздней ночи, собравшаяся компания проводит на полянах, в лесочке или на каком-нибудь из ближайших островов, в шалашах, сделанных заранее из зеленых ветвей. Там обычно приготовлены чай, кофе, шоколад, мороженое, конфитюры, полдник и т. д. Это всегда сопровождается несколькими певцами, по очереди с духовой и струнной музыкой, играми в фанты, в кольца и т. д.

Что касается меня, то мне удобно все время отказываться от приглашений, хотя, несмотря на все старания заставить себя, трудно выдержать до конца. Обычно, побыв около часа

в этой веселящейся компании, среди шумной и невыносимой для меня веселости, я стараюсь незаметно уйти, чтобы не натолкнуться на знакомые вопросы: почему грустишь, молчишь? Почему не играешь, не развлекаешься?.. Вопросы странные и неприятные, отвечать на которые для меня настолько же больно, насколько невозможно разделить все эти развлечения...

11 июня, среда. Сюда пришло официальное письмо от гражданского губернатора с известием, что по случаю свадьбы наследника царь по ходатайству Бибикова польским политическим преступникам, сосланным в феврале и марте 1839 года на тяжкие работы на двадцать лет, сократил их на пять лет. О чем велено было сообщить Немировскому, Щепковскому и мне.

«Где много приготовлений, там нет диалога».

Уминьский вернулся из Александровска и говорит, что такое же уменьшение лет произошло у всех наших, за исключением Михальского Фридриха, Боровского, Бопрэ и Машковского. Но Фридрих, сообщая мне об этой большой милости, не упоминает об исключении, которое кажется несомненным.

12 июня, четверг. Мне написал ксендз Шайдзевич, чтобы я послал ему для службы поселенца Петра Косовского, находящегося здесь. Завтра я отправлю его вместе с Шиманьским, для которого я выпросил желанное позволение поехать в город.

13 июня, пятница. Отправляя сегодня утром Шиманьского с Косовским, я написал ксендзу Клодоальду и Немировскому. Ему я послал несколько рублей с просьбой, чтобы он купил мне несколько фунтов табаку. После обеда я снова написал ему письмо через Мацкевича. Я стараюсь как можно чаще писать этому неопценимому другу; не упускаю ни одного подвернувшегося случая, но это не может восполнить утраченное личное с ним общение.

14 июня, суббота. За рекой Китоем, у подножья Саянских гор. Неожиданный перерыв в однообразии моей повседневной жизни. Господин Козлов, отправляясь сегодня после обеда в Биликтуй, деревню, находящуюся в девятнадцати верстах отсюда, в шутку спросил меня, не хотел бы я сопровождать его в этой поездке. Я ответил, что не от меня зависит решение

уезжать или оставаться на месте. Он в тот же момент получил разрешение господина Титова, и мы сразу поехали.

В Биликтуе, переправившись через реку Китой, мы пошли пешком к цепи Саянских гор, три или четыре версты. Там он предпринял поиски золота и уже несколько дней как отправил туда людей, способных на такую работу. Первая проба сегодня произошла при нас, но безрезультатно, поскольку хотя копали достаточно глубоко, но не нашли ничего, кроме черной, глинистой и песчаной земли. Но это, мне кажется, не остановило предпринимателя, который собирается и дальше здесь копать. Он говорит, что недалеко от Байкала уже нашел место, в котором на сто пудов земли и гравия можно намыть золотого песка около одной трети лота, что он считает счастливым открытием, утверждая, что другие так же, как он, или даже больше, не жалеют расходов и трудов, хотя намывают только половину этого количества. Говорит, что иногда удается на сто пудов земли получить золота две трети лота и даже лот, а иногда и больше, но это очень редко. Каждый предприниматель должен о своем намерении заявить правительству, которое велит в выбранном этим человеком месте выделить установленный участок (пять верст длиной и пятьдесят сажень шириной), накладывая на предпринимателя обязанность промыть в течение двух лет выкопанной земли и гравия на пятьдесят квадратных саженьей. Десятая часть найденного золота является собственностью государства, за остальное государство платит согласно ценности золота, или пробы. Уже несколько лет в Томской, Енисейской и здешней губернии многие занимаются этой спекуляцией, иногда очень удачно. Однако она одновременно способствует тому, что многие бросают заниматься сельским хозяйством и другим трудом в местности, столь мало населенной, а кроме того, дает возможность и средства для пьянства, уже и так беспощадно уничтожающего местных жителей.

15 июня, воскресенье. Сегодня я только в два ночи вернулся со вчерашней импровизированной экскурсии. Здесь в это время летом уже достаточно ясно.

16 июня, понедельник. Фридрих прислал мне письмо жены Яцека, написанное 1 апреля его жене. Из этого письма ясно, что нет никакой надежды, что она сюда приедет. Ее объяснения правильны, замечания относительно ее будущего и буду-

щего их сына здоровы. Однако в своем решении она больше руководствовалась рассудком, чем чувствами... Но, написав целых два листа и сообщая о разных людях, она ни слова не сказала о моей семье, которая находится так близко от нее.

17 июня, вторник. Из города вернулся Шиманьский. Он привез мне письмо Немировского, который упоминает о каких-то для нас надеждах, связанных с приездом генерала. Я этому все же не верю. Сам Леопольд обещает приехать сюда, чему я искренне рад.

18 июня, среда. Теперь я могу сказать, как тот Мазур: «Я поймал татарина, который меня не пускает!». Господин Пахомов, хотя его и не просили, взял у Иоахима мои рамы еще в декабре, обещая их позолотить в Александровске. Он держал их до сих пор, а теперь Фридрих сообщает мне, что господин Пахомов велел сделать другие рамы, так как на этих золото держаться не будет. Но это полная ложь и, конечно, какая-то афера. С большим трудом я сегодня написал письмо этому господину, Ивану Ивановичу Пахомову, и это отняло у меня три с половиной часа, за это время на другом языке я написал бы три письма, которые были бы в два раза длиннее.

Чрезвычайно быстрая здесь вегетация. Недавно еще я везде видел снега и льды, а сегодня я ел прекрасную спелую землянику.

19 июня, четверг. Посланец от Фридриха пришелся как нельзя кстати. Я послал Михальской лекарства и одновременно отправил письмо господину Пахомову, вымученное вчера. Фридрих пишет, что получил информацию, будто бы Ручинский уже находится в Иркутске.

Уминьский сегодня полностью выехал из Усолья и поехал к Мыстковскому, который обеспечил ему хорошее место в имении, расположенном в двух или трех верстах от города.

20 июня, пятница. Говорят о якобы полученной в Иркутске информации, что генерал Руперт только 10-го числа этого месяца выехал из Москвы. Если это правда, то его возвращения можно ожидать не раньше чем через месяц. Значит, снова продлится ожидание милостей, которые он должен будет привезти, как все говорят. Может, и мои последние, через Фалькенберга посланные письма, не останутся без результата. Но сколько ждать!

21 июня, суббота. Мне кажется, что только в Африке жара может быть сильнее той, которая мучает сейчас здесь.

22 июня, воскресенье. Наконец приехал генерал Руперт и был здесь сегодня на обеде. Он соизволил меня заметить и ласково приветствовать. Но привез ли он что-то для моих товарищей и для меня?.. Этого я совсем не знаю. Я не мог и словом перемолвиться с Мевкусом, так он был занят своими гостями: генералом Рупертом, губернатором Пятницким и их многочисленным сопровождением.

Фридрих и Яцек мне писали. Последний из письма своей жены от 8 марта, написанного из Кременца, привел мне такие слова, что моя семья и дети здоровы. Благодарение Богу и за это скромное утешение.

Жена Яцека сообщает о смерти Червиньского и Куцкевич.

23 июня, понедельник. Генерал поздно вечером уехал отсюда ночевать в Тельминскую фабрику, а оттуда только завтра утром отправится в город. Но ничего не говорит о том, чтобы он привез что-то относительно нашей судьбы. Увы! Кажется, напрасными были наши и мои надежды!

24 июня, вторник. Фридрих специально прислал ко мне гонца за известиями от генерала. Но я не мог удовлетворить его любопытство, сам ничего не узнав. Сегодня я написал Леопольду, чтобы он сообщил мне, если ему больше повезет в получении каких-либо известий из столицы и о том, не получил ли ксендз Хачиский ответа на письмо, написанное в марте обо мне.

25 июня, среда. Письмо от моей сестры Казимиры и в нем волосы моего Лёля. Теперь у меня есть уже волосы всех троих моих сирот. Казимира пишет 3 мая из Каменца, что там несколько месяцев ходили слухи о моей смерти и что бедная мать чуть сама не умерла при этом известии. Только письма Михальской сообщили им правду. Это письмо я получил сегодня из Александровска. Видимо, оно по ошибке было туда отправлено. А господин Зверев, получив его вчера, хотел уже вернуть назад в город. Но к счастью, именно тогда у него была наша достойная спутница и после настойчивых уговоров добилась того, чтобы он дал ей это письмо, как моей родственнице, для передачи мне. Но почему Казимира ничего не сказала и о двух детках моих, находящихся в Жердзе?..

26 июня, четверг. Через Мацкевича я сегодня снова написал письмо Леопольду, надеясь, что он там что-то сможет услышать, какую-нибудь искорку надежды, и что об этом сообщит. Чувствую, что это ужасное состояние с каждым днем становится все невыносимее и скоро или убьет или доведет до безумия.

27 июня, пятница. Уже несколько недель каждую ночь сон показывает мне родные края, членов моей семьи, моих детей, друзей, знакомых. Ее только, моего заботливого ангела, я давно уже не видел.

28 июня, суббота. Температура на солнце постоянно доходит до 42 градусов. Я едва могу доползти на свои обязанности к полковнику в одиннадцать утра и оттуда вернуться к себе в четыре или пять после обеда. Поэтому я постоянно без сил и у меня болит голова.

29 июня, воскресенье. Я получил письмо Леопольда, и в нем разные известия *bona mixta malis*. Михальская была в городе и узнала, что можно ей и, кажется (говорит Леопольд), также и нашим поселенцам писать домой. Все там хвалят жену Люциана и не могут надивиться ее самопожертвованию. Без паспорта, пешком она шла из Киева в столицу. Ее полностью обокрали, она терпела нужду и сейчас ее терпит, живя в Петербурге на пятом этаже у какого-то бедного портного вместе со своим сыном, питаюсь едой нищих, и из нее еще отнимает от себя, чтобы детей накормить. Что за женщина!.. Но все ее старания и множественные связи разбиваются о жестокость нашего палача Бибикова. И теперь от его решения зависит надежда жены Люциана о поселении для мужа.

Из новых послаблений для друзей: Родзевичу, приговоренному к пожизненным работам, сократили срок до пятнадцати лет. Брынк и Новицкий освобождены на поселение. Поселенцы-литовцы Былевский, Козакевич, Орда, Ожешко, Терлецкий и Данилович получили разрешение свободно выбрать место для проживания. Из варшавян: Подлевский, Залеский, Краевский, Ольшевский (уже год как умерший), Морзевич и все другие (кроме только Еренберга и Венжика) выпущены на поселение. Из давних за дело Завиши Либераски с тяжелых работ переходит на поселенца.

Поэтому теперь, как говорит Леопольд, уже после мессы и после проповеди... Остается только ждать результатов списков обо всех ссыльных. Но кажется, это мыльные пузыри, хотя об этом и много говорят.

Немировский сообщает, что позавчера под охраной двоих казаков из города вывезли Голеевского Хенрика, которого еще пять лет назад взяли на границе, держали в Каменце и в Киеве, наконец, его оттуда отправили в Петербург и в Сибирь. Еще неизвестно, куда его направили, поскольку суд над ним еще не состоялся. Депеши из столицы о нем адресованы начальнику нерчинских колоний.

Детям российских преступников вернули дворянство, и их родителям позволили выбирать для их воспитания учебные заведения. Они лишены имущественного наследства, но родственники могут делать им запасы. Дело Лунина закончилось. Велено это дело предать забвению, а ему жить в Акатуе.

Лесневичу генерал пообещал свою опеку, поручая ему заняться строительством и парком в его имении под Иркутском с постоянной за это оплатой. Мыстковский это место уже потерял. Жена Иоахима обещала сюда вскоре приехать.

Ксендзу Хачискому не пришел еще ответ от моих, а он сам до сих пор в Якутске.

30 июня, понедельник. Филип Николаевич, который теперь занимает должность этапного лекаря, прислал ко мне из Култука (отсюда восемьдесят верст), где живет, письмо с просьбой о каких-то каплях из местной аптеки. При этом он спрашивает о новостях. Капли я не достал, а что касается новостей, то я повторил часть того, что мне сообщил Леопольд.

1 июля, вторник. С истинным удовольствием в моменты, в которые я способен чем-либо заняться, читаю по-латыни Тацита, а Макиавелли по-итальянски. Но я удивляюсь, как неправильно последнего понимали те, кто объявил его мастером злобы и тирании, когда, наоборот, и дела этого великого писателя, и его жизнь явно свидетельствуют о незагрязненной добродетели — личной и общественной, как и его благородных намерениях.

2 июля, среда. Из Петербурга приехал назначенный сюда доктор Фуфаев, как говорят, женатый на польке. Посмотрим, захочет ли он вместо Мацкевича занять должность в Иркут-

ске и уступить место здесь нашему земляку, которому теперь больше любой прибыли необходимо ежедневно видаться с госпожой Элизой, хотя он очень плохо делает, погружаясь все дальше и дальше в эти опасные для поляка отношения...

3 июля, четверг. Сегодня я закончил читать основательную и со вкусом написанную работу господина Делея «Защита магнетизма от обвинений Вирея и других». Очень умные толкования, неизбитые доказательства и самые очевидные факты всегда были и будут бессильны для умов, ослепленных эгоизмом и предубеждением!

4 июля, пятница. Я сильно заболел этой ночью. Ужасная тошнота разбудила меня около часа, потом сильная рвота. Мне в голову не приходит никакая причина этого, разве что эта чрезвычайная жара, какую я никогда раньше не встречал.

5 июля, суббота. Я писал Леопольду, чтобы он сообщил, если сможет узнать, правда ли это, что Руперту якобы дана власть амнистировать наших, не обращаясь к вышестоящей власти. Сильно в этом сомневаюсь, хотя подобная власть была у Бибикова.

Господин Фуфаев согласился поменяться должностями с Мацкевичем. Теперь дело только за согласием генерала, о чем оба уже написали.

6 июля, воскресенье. Невозможно выдержать эту ужасную жару. Каждый день я нахожусь в состоянии, близком к обмороку. Чтобы хоть как-нибудь охладиться, Мацкевич дал мне *acidum tartaricum*⁹¹, и я добавляю его в воду с сахаром для питья. Лимонный сок для меня слишком дорогой. Я хотел его заменить хорошим уксусом, но его за деньги здесь нигде нельзя достать, а постоянно просить его у жены полковника мне неприятно, и я этого избегаю. Самые сильные здешние морозы никогда не были мне так невыносимы, как теперешняя жара. И все же мне не хотелось бы, чтобы лето быстрее заканчивалось.

7 июля, понедельник. Губернатор Копылов, возвращаясь в Красноярск, заехал сюда и пробыл весь день. Он хотел видаться со мной и — как раньше — был очень дружелюбен. Он разговаривал со мной долго и с сочувствием. Хорошо помнит

⁹¹ Acidum tartaricum — винный уксус.

мое дело и письма, которые я вручил ему два года назад. Но, к несчастью, как в Иркутске, так и теперь ничто не дает мне повода надеяться на какую-либо перемену в судьбе.

8 июля, вторник. Вот картина местного климата. После долгой, почти африканской жары сегодня такой холод, какой у нас бывает поздней осенью. И что удивительного, что здесь господствуют более частые и более опасные заболевания?

9 июля, среда. Похоже, изучение французского с моим эскулапом вскоре совсем разладится. За почти три недели он едва раз или два захотел немного почитать. Я каждый день хожу к нему, как пообещал, но он все время находит какой-нибудь предлог, чтобы не заниматься. Поэтому жалко только моего труда и времени. А ведь я от всего сердца хотел быть ему полезным, потому что он очень хороший, способный и достойный человек. И если бы у него была более сильная воля и терпение, то через несколько месяцев он бы выучил язык, потребность в котором сам чувствует и о чем часто говорит.

10 июля, четверг. Снилось мне моя сестра Теодора Хмельёвская, и я очень хорошо помню весь наш разговор. Среди всего прочего она уверяла меня, что подробные письма к ней и ко всем моим, в ее конверте отправленные в конце июля прошлого года, до них наконец дошли. О, если бы этот сон был откровением о действительном событии! И если бы из стольких писем, которые я им послал, хотя бы это одно они получили! Я тогда написал одиннадцать писем, в том числе и отдельные письма детям.

11 июля, пятница. Я уже давно ничего не получал из Александровска и от Леопольда. Может, последний сообщит, что для меня есть письмо и посылка от моих. Этого я ожидаю согласно всем предположениям. Правда, после стольких постоянно обманутых ожиданий я должен был уже давно распрощаться с надеждой: и так мне советует разум. Но напрасно: *L'ultima che si perde, e la speranza*⁹².

12 июля, суббота. Ну вот наконец снова сладкий сон принес мне явление драгоценного образа. Я видел ее живой. Ее голос, взгляд, улыбка, которые всегда живы в моей душе, обрадовали меня любимым, чарующим зрелищем, которого я

⁹² Надежда умирает последней (*итал.*).

так давно напрасно ожидал. Исчезла ужасная явь, по крайней мере во сне я был счастлив.

13 июля, воскресенье. О, спасительное, святое влияние доброго дела! Как же сильно твое действие, если смогло оно мой разум, мучимый постоянной тоской, развеять и в больное сердце каплю бодрости влить...

Уже несколько раз, в подходящий момент я говорил полковнику и господину Титову хорошие слова о Левинском, чтобы обратить внимание на его поведение, трудолюбие и внимательность, хотя он меня об этом не просил. Но разве меня нужно побуждать к помощи, если у меня есть такая возможность? Разве недостаточно того, что он мой земляк и несчастлив, чтобы посчитать своей обязанностью стараться, насколько могу, облегчить его положение? Из собственной недоли мне так легко входить в положение других! Но у меня была очень слабая надежда, что мои ходатайства возымеют эффект и произведут какое-то впечатление. Но на этот раз все произошло иначе. Сегодня у меня был Левинский. Очень обрадованный, он сообщил мне, что вчера ему поручили место, которое занимал Уминский, с той же оплатой — 15 рублей в месяц, а кроме того, полковник выразил ему свое удовлетворение, говоря, что на него он надеется больше, чем на других, что ему доверяет и что с теми обязанностями он одновременно отдает ему начальство над вываркой соли. А значит, и это второе место принесет ему отдельные деньги. Он догадался, что я мог приложить руку к этой удачной перемене в его положении, и искренне меня благодарил. Что касается меня, то я этому обрадовался, как улучшению моего собственного положения. В изгнании больше чем когда-либо мы должны все заботиться друг о друге. *Non ignara mali, miseris succurrere disco*⁹³.

14 июля, понедельник. Приехала Полторанова с мужем, именины которого здесь будут праздновать завтра. Она не привезла мне письма от Леопольда, но обнадежила, что он сам будет здесь сегодня или завтра, если его планы не нарушит какое-нибудь препятствие.

15 июля, вторник. Чем сильнее я чего-то ожидаю и хочу, тем быстрее как назло это не сбывается. Сегодня я ждал Лео-

⁹³ Зная, что такое боль, учатся помогать несчастным (*лат.*).

польда, нетерпеливо высматривал его, это ожидание не дало мне уснуть. Я был абсолютно уверен, что, по крайней мере, письмо от него привезет мне кто-нибудь из господ, прибывших на именины. Напрасно. Ни сам не приехал, ни слова не отправил.

16 июля, среда. Полковник, его сын, Василевский, Мацкевич и другие имеют каждый свою легавую или пуделя, в чем я им сильно завидую. Я уже давно хочу достать подобного щенка, чтобы воспитать себе верного, неразлучного друга, к которому бы я тоже привязался. Доброе и искреннее животное вознаградило бы мне не один момент, отравленный злыми людьми.

17 июля, четверг, утром. Я получил письмо от Михальской. Она приглашает меня, чтобы посоветоваться в своих делах и одновременно чтобы я сказал ей, что она должна написать обо мне моей семье. Я хочу сразу попросить полковника, чтобы он разрешил мне пойти к ней сейчас.

В этот же день после обеда в Александровске. Мне очень приятно удалось получить свободу на пару дней. Когда я пошел объявить об этом Титову, он несколько раз приглашал меня на свой бал, который сегодня с большими приготовлениями дается на ближайшем острове. Но я до балов не охотник, отговорился от этих приглашений и предпочел раньше явиться сюда. Перед уходом из Усолья я отдал Полторанову письмо для Леопольда, написанное вчера.

Наши здесь обрадовались моему прибытию, которого не ожидали. Я этому радуюсь еще больше, ибо могу теперь, по крайней мере, опосредованно написать о себе обеим матерям, и, кроме того, Олизар Кароль, как поселенец, имеющий право писать, напишет Казимире.

18 июля, пятница, в Александровске. Годовщина самого счастливого дня в моей жизни! Сколько же воспоминаний раздирает мое сердце и постоянно наполняет слезами глаза!.. Михальская и друзья удивляются, видя меня сегодня грустным, что я в другом настроении, чем вчера, удивляются, потому что не догадываются о причине, а я о ней не скажу. Они не смогут понять меня, может, не поверят, а что еще хуже, я подвергнусь их напрасным утешениям, банальным замечаниям и так называемым преувеличениям, что в сто раз болезненней, чем

моя грусть. Поэтому я предпочитаю молчать и свои чувства закрыть в себе.

Желая меня понять, нужно быть не со мной, а во мне, а это невозможно. Это могло единственное в мире существо, и то давно уже в могиле. Но в сердце моем она жива всегда, и пока я буду дышать, жить там не перестанет. И ее также никто не знал настолько, как я, не понимал, не ценил, не любил.

Non la conobbe'l mondo mentre l'ebbe:

Мир не оценил ее, хотя он ее имел,

Conobbil'io ch'a pianger qui rimasi...

Я ее узнал, я, который по ней плачу.

О Боже! Вложишь ли ты когда-нибудь эти чувства в моих детей?.. Дам ли я когда-нибудь узнать мать?..

В этот же день вечером. Я едва смог преодолеть себя настолько, чтобы Олизару продиктовать письмо к моей сестре, которой он писал от своего имени, принимая на себя образ ее брата и сообщая обо мне некоторые подробности, что я получил последние ее письма, сколько получил от них писем и денег; что вскоре мне придется питаться за деньги, поэтому на мое содержание в год надо не меньше чем 500 рублей. Я упоминал об одежде и турецком табаке. Благодарил за заботу о Лёле. Благословения для этого ребенка и для двоих из Жердзя и мои объятия для всех членов семьи и т. д.

19 июля, суббота, в Александровске. Вообще-то, я должен был сегодня вернуться назад в Усолье. Но поскольку завтра воскресенье, я позволил себе остаться здесь еще до завтра до полудня, а мое начальство, несомненно, примет в качестве достаточного оправдания ливень, который продолжается беспрестанно от моего сюда прибытия.

Сегодня я продиктовал Михальской два больших письма: к моей матери и матери Даровской. Общим я повторил то, что Олизар написал вчера (поскольку не знаю, которое из писем дойдет туда раньше и дойдут ли все); и кроме этого добавил еще разные подробности. Я передал моей матери выражения чувств для моего отца, прося, если я его уже потерял, чтобы она мне об этом сообщила. Все эти три письма общие для всей семьи, в которой я заклинаю всех, чтобы писали мне.

Матерь Даровскую я просил сообщить подробности о последних минутах моего ангела и о дне ее кончины. О, только бы эти письма счастливо дошли до них! Михальская хочет писать и Каролу Мархоцкому. Я оставил ей несколько слов для него, которые она перепишет в свое письмо. Во вчерашнем и обоих сегодняшних письмах я поместил отдельное упоминание для дорогого Стаха Доливы. Разве я смогу когда-нибудь в жизни забыть, сколько я ему обязан за эти доказательства дружбы, на которые сможет отважиться только такое сердце, как его. Эти слова будут замечены и узнаны.

20 июля, воскресенье, в Александровске. Постоянный дождь льет как из ведра. Я сегодня хотел обязательно вернуться, но это совершенно невозможно. Несмотря на непогоду, я все же пошел к местному директору, чтобы уведомить местное начальство о невольной задержке моего возвращения. Это на тот случай, если бы мне пришлось доказывать, что опоздание было не по моей вине, хотя я не думаю, чтобы Мевуис стал бы меня за это упрекать. Ведь такой же дождь и в Усолье должен лить уже три дня, затрудняя переправу через Ангару, которая наверняка сильно поднялась. Г-н Зверев принял так же любезно и гостеприимно, как в прошлый раз. Он посоветовал мне отправляться сейчас в Усолье, утверждая, что у него есть информация о таком подъеме Ангары, что переправа через эту реку может быть опасной.

21 июля, понедельник, в Александровске. Всю ночь и сегодня утром дождь шел еще сильнее, чем до этого. Однако, несмотря на это, я решил уехать. Но меня не пускали до полудня. Может, наконец немного прояснится и дождь перестанет. Тем временем Михальская получила сегодня письма от Иохима и Леопольда. Они пишут, что Янишевский и Ручинский уже в Иркутске. Первый предназначен на поселение в деревне Олонки, отсюда в пятнадцать верстах, где также должен поселиться и Кароль Олизар, который, однако, возьмет у своего нового начальства разрешение находиться здесь, с братом.

В этот же день в Усолье, вечером. Будучи не в состоянии переждать эту непогоду, я наконец выехал в страшный ливень. Ангара страшно поднялась. Трудная и в двух местах опасная была переправа, после которой — в дождь и по ужасной грязи — мне пришлось идти несколько верст пешком, промокнув

до нитки. С большим трудом я наконец добрался сюда. Господин Мевиус был настолько понимающим, что преграду в виде стихии не стал мне ставить в вину. Проводил меня сюда слуга Михальской из Подолья, через которого я передал ей записку.

22 июля, вторник. Михальская просила меня, чтобы я написал для нее по-французски письмо Бенкендорфу с объяснением ее дела. Конфискационная комиссия в Житомире не выделила ее приданого из имущества мужа. Поэтому она хочет писать Бенкендорфу, прося его о протекции, когда этот вопрос попадет в Сенат. Я сегодня взялся это писать, но у меня так сильно болит голова, что мне пришлось отбросить перо.

23 июля, среда. Мне нездоровится. Сегодня я едва смог закончить требуемое Михальской письмо на французском. Потом я был у Мацкевича с просьбой, чтобы он для нее порусски написал письмо губернатору Пятницкому при отправке ему толстой пачки писем на Подолье и Волынь к разным семьям. Цензура в столице, читая эти письма, удивится, что у нее столько сестер и родственников.

24 июля, четверг. Я с мая не ем никакого мяса, чувствуя настолько сильное отвращение к этой пище, что не только говядины или телятины, но даже никакой дичи или курицы за это время во рту не держал. И кроме этого моя пища уже давно ограничивается очень небольшим количеством.

25 июля, пятница. Через молодого Мевиуса я написал Леопольду, чтобы он сообщил мне о Янишевском, Ручинском и известия, которые эти два привезли от остальных наших забайкальских друзей. Также я ему напомнил, что он уже давно обещает «большое письмо», которого я жду до сих пор.

26 июля, суббота. Вчера ночью схватили здесь двух разбойников. Одного из них зовут Рыков, он также известен под фамилией Чернышов, известный в Сибири предводитель разбойников, ремесленник родом из Екатеринбурга. Говорят, его уже несколько раз наказывали кнутом и розгами, он сидел в местном заводе, в нерчинских шахтах и в Акатуе, но он все время находил возможность убежать и, собрав банду беглых злодеев, с ними разбойничал в лесах. В отношении его будут ожидать решения генерала Руперта, и, как думают, на этот раз его засекут розгами насмерть.

27 июля, воскресенье. Наконец я дождался позолоченных рам к портрету Пелагии. Они позолочены не так, как я хотел. Но я рад, что и такие есть, что я наконец их получил. Прислал мне их Фридрих, а я через этого же посланца отправил письма для его жены к Бенкендорфу и Пятницкому.

28 июля, понедельник. Теперь часто происходят неприятные ситуации с госпожой Элизой Мевюс. Мало того что уже давно никакие знания не идут ей в голову, что она не имеет к этому ни малейшего желанья, что жаль только времени, теряемого напрасно, и обманутых ожиданий родителей. Но она еще проявляет сопротивление и невежливо себя ведет со мной. То же самое происходит и со Щепковским на уроках музыки. Однако мы оба должны с этим смириться, помня, что мы приговорены к тяжким работам.

29 июля, вторник. Меня удивляет и беспокоит, что Леопольд давно мне не пишет, ничего не ответив на несколько моих писем. Неужели — упаси Бог! — это означает, что у него есть какое-то плохое известие для меня, которое он откладывает сообщать из дружеских побуждений?

30 июля, среда. Уже три дня стоит отвратительная погода с сильным ветром, которая мешает мне пойти к местному церковному художнику (такой художник зовется здесь «богомаз»), чтобы он оправил в готовые рамы мою картину, поскольку я сам этого хорошо сделать не смогу.

31 июля, четверг. Уже оправлен мой портрет, мое достойнейшее сокровище, которое как опекающее божество висит над моей кроватью. Я его повесил так, что когда я читаю или пишу за своим столиком, то всегда вижу его перед собой. Поэтому мой первый взгляд, когда я просыпаюсь, и последний, когда я засыпаю, будет падать на этот любимый лик. Может, теперь, когда у меня перед глазами постоянно ее лицо, я и во сне буду видеть ее чаще?

1 августа, пятница. Господин Фуфаев дал мне почитать *Lettres juives* и *Lettres cabalistiques* par d'Argens, вместе с дюжиной томов. Это старые и мне уже давно знакомые вещи. Но здесь, в Сибири, нельзя быть привередливым в чтении. Этот Фуфаев, как мне кажется, неплохой человек. Он польски понимает и немного говорит. Жаль только, что не водой он утоляет жажду. Его жена, в девичестве Антонович,

родом из Вильно, осталась в Петербурге, но он должен привезти ее в Иркутск.

2 августа, суббота. Я написал Леопольду, спрашивая его о причине такого странного молчания. Ибо я точно знаю, что он не болен, и не менее точно уверен, что при почти ежедневных возможностях он мог хотя бы несколько слов иногда написать.

3 августа, воскресенье. Злой дух искусил меня сегодня, когда я играл в бильярд с Василевским, принять предложение ставки в фунт табака. Я был наказан, проиграв эту партию. Поэтому мне придется потратить три с половиной рубля из очень скудных денежных запасов, да еще и тогда, когда я не знаю, как скоро получу новую помощь из дому и когда мои расходы в этом году увеличатся подорожанием оплаты квартиры и прачки. Непростительное безрассудство в моем положении. Это будет для меня уроком на будущее.

4 августа, понедельник. Я зарекаюсь поручать какую-либо работу местным ремесленникам. Вот уже три месяца я хожу за кольцом и железными крестиками для Иоахима. Все время меня господин Мишка отсылает до «завтра», а это завтра не знаю когда наконец наступит, хотя он при чрезвычайной своей проворности, если бы захотел, за несколько часов мог сделать всю работу.

5 августа, вторник. Несмотря на жару, прошлой ночью был такой сильный мороз, что сильно повредил овощам в огородах.

Приехал сюда некий Островский, ссыльный (не политический) из Королевства, как сам говорит, еще в 1816 году отправленный на поселение в Нижнеудинск. Он умеет немного играть на скрипке и зарабатывает деньги, показывая со своими тремя сыновьями акробатические номера. Из них самому старшему лет, может, 12, а самый младший как раз возраста моего Лёля: очень славный, смелый и невероятно ловкий ребенок. Он поразил всех в доме полковника, исполняя танцы, песни и при этом с большим успехом и красотой показывая различные трудные упражнения. Я долго не мог на это смотреть. У меня перед глазами вставал мой собственный ребенок, мой любимый Лёлё... И о нем пишут мне, что он тоже красивый, милый, веселый и что всем нравится... В голову пришли и двое других

моих сирот. Я вспоминал, как часто мое и Пелагии сердце расплывалось от невыразимого сладчайшего удовольствия, когда наш Зизи, которому тогда было два года и два месяца, не давал покоя молодому Зембовскому, чтобы тот играл ему на скрипке. С какой живостью этот ребенок любил целыми вечерами скакать — в нашем доме!.. Мне сообщают, что теперь он стал очень степенный, что меня удивляет, потому что в раннем детстве он был совсем другим. Но этот ребенок одновременно показывал и необыкновенную нежность. И кто знает, может, этот внезапный отъезд его отца, к которому он был очень привязан, который с ним постоянно играл, а вскоре потом (через неполные пять месяцев) потеря матери, страстно любившей этого ребенка, потеря, которую он в своем возрасте уже мог почувствовать, может, эти два несчастья вызвали какое-то оцепенение во всем его организме... Эти и тысячи подобных воспоминаний отняли у меня возможность смотреть на ребенка Островского. С сжавшимся сердцем, с глазами, полными слез, я убежал оттуда, чтобы и из себя не сделать зрелища...

6 августа, среда. Я случайно столкнулся с каким-то армянином из Александровска. Он мне сказал, что слышал, будто бы Михальская должна сюда приехать в воскресенье. Я написал ей через этого человека, спрашивая, правда ли это. И просил, чтобы мне прислали бутылку укуса, который они делают мне у себя. Мне он пригодится во время частых недомоганий, как, например, после вчерашнего события, от которого я еще не отошел.

7 августа, четверг. Я забыл записать в свое время, что в Александровске я узнал о том, что брат Михальской Старорыпинский Юзеф, декретом Киевского военного суда приговоренный к поселению в Тамбове, уже вернулся домой.

8 августа, пятница. Наконец я вымучил крестики и кольцо для Иоахима. Первыми он, несомненно, будет доволен, а кольцо, хотя и лучше сделанное, чем мое и Леопольда, но буква на нем вырезана не так точно, как я нарисовал. Но если велеть ему делать другое, то снова бы пришлось ждать несколько месяцев. Я предпочитаю оставить все как есть, чтобы уже иметь возможность всю эту работу отослать Иоахиму при первой же возможности.

9 августа, суббота. Правду говоря, здесь уже несколько дней как началась осень, хотя дни еще очень теплые, даже жаркие иногда, но зато ночи холодные и часто морозные, растения вянут и засыхают. Вся природа уже приобретает грустный вид.

10 августа, воскресенье. Мацкевич должен был через три дня вернуться из города, но не приехал до сих пор. Я с беспокойством ожидаю его, надеясь получить известия от Леопольда. А может, полковник привезет письмо от моих. Я уже давно должен получить ответ на то, которое ксендз Хачиский в марте писал моей сестре.

11 августа, понедельник. Из Иркутска вернулся Мевуис. Он привез мне посылку с бельем и 100 рублей. Но письма от моих, о котором сейчас пишет Леопольд, которое пришло с посылкой и деньгами, не привез. Полковник говорит, что, скорее всего, это письмо обычным путем в Иркутске, через разные организации идет и будет отправлено почтой. Поэтому мне придется еще ждать, не знаю как долго, и иссыхать от беспокойства. Белье, как мне кажется, прислано из Жердзи, думаю, что и деньги оттуда. Но как охотно я отдал бы и белье, и деньги, хотя уже очень нужные мне, только бы быстрее получить это письмо с известиями о моих драгоценных! Это настоящее несчастье, что из стольких моих писем на Подолье ни одно не дошло. Я ясно это вижу. Не знаю еще, как будет с письмом ксендза Хачиского.

Леопольд сообщает мне о себе, о своих постоянных заботах, о нагромождении работы и постоянных занятиях. Пишет, что художник из столицы, учитель в местную гимназию, уже приехал в Иркутск, и поэтому Леопольд считает, что он скоро снова вернется сюда как «уже ненужный» там. Тем временем он обещает ненадолго приехать в Усолжье и до этого времени откладывает «подробный разговор» о том, что написать подробно не может из-за нехватки времени. Он упоминает о том, что Иоахим занял у генерала Руперга место Мыстковского с годовым заработком 1000 рублей. Дальше Леопольд пишет, что какой-то Красицкий Валентин, из бывших политических ссыльных, был недавно полностью освобожден и из сибирского поселенца возвращается в дворянство, к своим правам и к семье в Калишском. Из-за ошибки в фамилии Леопольду

сказали, что домой возвращается Коссаковский Валерий, ближайший друг Немировского с детских лет. В эмоция и радости он в один день сообщил мне об этом счастье, а на следующий с раздирающим сердцем информировал об ошибке. Легко понять, как ему было больно.

Он прислал мне теперь два письма ко мне от Янишевского и Ручиньского, полные братских чувств. Они оба обещают приехать сюда, когда на их поселения люди справятся с полевыми работами, потому что сейчас коней достать невозможно. Они оба вместе по собственному выбору поселились в деревне Щукино в 16 верстах от города, на пути за Байкал. Они привезли нам всем только приветы от забайкальских друзей. Писем они привезти не могли, поскольку им четко запретили, и в дороге несколько раз их подвергали тщательному досмотру. Наши за Байкалом все здоровы и в хорошем настроении. Их положение (насколько это может быть) совсем неплохое. Они совсем не «работают». Многие зарабатывают на жизнь уроками. Чиновники принимают их у себя как можно лучше. Навещают друг друга так долго и когда им захочется. Словом, не сравнить с нашим здесь положением. А что еще лучше, все там так себя ведут, так прекрасно составляют единое целое, что вызывают к себе всеобщее уважение.

12 августа, вторник. Вчера уже ночью вызвал меня к себе полковник, чтобы отдать мне письмо вместе с 50 рублями, пришедшее сюда во время его отсутствия и полученное г-ном Пётровским, который был настолько человечен, что на протяжении нескольких дней ни слова мне о нем не сказал, и настолько благороден, что велел Василевскому это письмо ему прочитать и перевести, видимо забыв, что это письмо прошло уже не одну высшую, соответствующую и более образованную, чем господин Пётровский, цензуру, прежде чем пришло в Усолъе.

Пишет мне Стах Долива 5 апреля, что только из письма Михальской (отправленного зимой через генерала Руперта) мои узнали, что я жив и что их письма и посылки ко мне доходят. Он сообщает, что моя мать и сестры вскоре собирались писать мне обо всем, что меня касается, и что Казимира собиралась с женой Яцека поехать в Петербург. Но видимо,

они отказались от этого замысла, остановленные столькими неудачами других.

13 августа, среда. Сегодня утром я застал моего ученика-эскулапа отправляющим посланца в Иркутск. Прежде чем он запечатал свои письма, Мацкевич дал мне пару минут написание записки Леопольду. Я его заклинал, чтобы он старался достать письмо от моих, задержавшееся там, и прислать сюда по возможности неофициальным путем.

14 августа, четверг. Господин Фуфаев, доктор, вопреки моим ожиданиям оказался деятельным и вежливым. Сегодня или завтра он должен будет выехать отсюда, чтобы занять свою должность в Иркутске. Я думал, что он захочет забрать свои книги, и поэтому принес их ему. Но он, узнав, что я их не прочитал, позволил мне их оставить, пока он сам не захочет их читать.

15 августа, пятница. С того момента, как я стал платить за жилье деньгами, у меня набралось за пять месяцев государственной муки с десять пудов, и сейчас у меня проблема, кому ее продать, а с этим надо спешить, поскольку начальство объявило, что оставшаяся мука, не забранная до определенного момента, для тех, кто не взял, пропадает, становясь собственностью государства. В такой же ситуации находится Немировский, 10 пудов муки которого я хотел бы продать вместе с моей. Для каждого из нас чувствительна бы была потеря 15 рублей.

16 августа, суббота. Мацкевич еще и для того должен был усерднее заниматься французским, чтобы я не напрасно приходил в назначенное время, несмотря на непогоду и ужасную грязь (как, например, сегодня), хотя до него несравненно дальше, чем до полковника. И тем более в такие дни он мог бы присылать за мной, имея коней и дрожки.

17 августа, воскресенье. Хорошо еще, что здесь меня иногда выручает Шиманьский в некоторых моих проблемах, как, например, теперь, в поисках покупателя на мою и Немировского муку. Иначе мне пришлось бы самому бродить по колесу в грязи и отрываться от своих занятий. Но до сих пор его поиски безрезультатны.

18 августа, понедельник. Сегодня должен был из города вернуться посланец Мацкевича. Я нетерпеливо ожидаю пись-

ма Леопольда, надеясь, что он мне что-нибудь напишет о том письме, которое я не получил с бельем. Только бы это желанное письмо не пропало в чиновничьей бездне!

19 августа, вторник. Благодарение Богу, я избавился от проблем с мукой. Сегодня я продал свою и Леопольда. Его 15 рублей я отправлю другу при первой же возможности.

20 августа, среда. Завтра госпожа Мевнус с дочерью и Наденькой выезжают в Иркутск на 10 дней, а может, и на две недели, как говорит. Поэтому сегодня вечером нужно писать друзьям: Янишевскому, Ручиньскому, Лесневичу, отправив крестики с кольцом, и Немировскому, которому я пошлю его еднги за муку и мои на разные покупки. В течение сегодняшнего дня я не найду на это времени, так как мне нужно будет приготовить задание для Наденьки на несколько дней. Я спросил и госпожу Элизу, не захочет ли она там, в свободное время, немного позаниматься французским языком? Она ответила, что едет в город развлекаться, а не учиться.

21 августа, четверг. Всю ночь я писал друзьям, но зато получились длинные письма, а именно таких они от меня ожидают. Все вместе с деньгами и изделиями из железа, запечатанное и адресованное Леопольду, я отдал Наденьке, которая пообещала, что еще сегодня Леопольд это получит.

Только сегодня вернулся посланец Мацкевича. Но он не привез мне письма от Леопольда, поэтому я не знаю, что стало с тем письмом от моей семьи. Я и сейчас его умолял, чтобы старался его получить, даже если за это надо будет заплатить. Я очень беспокоюсь.

22 августа, пятница. Тлока у полковника для жатвы пшеницы и овса, как в прошлом году Мы были там все, когда приехал доктор Билицкий, прибывший вчера на фабрику со своего нового места в Енисейской губернии, где он работает врачом при одной компании владельцев золотоносных шахт. Он рассказывает удивительные вещи о количестве этой руды, которое некоторые намывают каждый год, достигающем шестьдесят-семьдесят пудов и даже больше. Но его рассказы мне кажутся преувеличенными.

23 августа, суббота. Мацкевич, пишущий сейчас по-польски работу на степень доктора медицины, предложил мне, чтобы, когда он ее закончит, я перевел ее на латынь. Действитель-

но, какой пустяк! Этой работы будет по крайней мере 20 листов. Но, прежде всего, перевод на мертвый язык, в котором даже самые опытные профессора, постоянно пишущие на этом языке, так мало могут быть уверены в правильности слов и грамматической правильности своих выражений! Естественно, я сразу ему отказал. А он, скорее всего, свою работу сам переведет на русский для отправки в Петербург или Москву.

24 августа, воскресенье. Вчера, когда я уже готовился к вечерней молитве, Мацкевич прислал ко мне свои дрожки с запиской от Ручиньского Юстиниана, который, приехав сюда с ксендзом Хачиским, сразу же послал за мной. Я немедленно туда поехал. Для меня было большой радостью увидеть этого достойного товарища. Я искренне поздравил его с улучшением положения, полученного стараниями жены. Они приехали сюда с Хачиским из Александровска, где на протяжении трех дней Юстиниан заменял ксендзу министранта⁹⁴, не имея еще разрешения от своего начальства, чтобы приехать под собственным именем. Побыв недолго у Мацкевича, я взял Ручиньского на ночь к себе, и мы проговорили почти до утра.

Сегодня утром, сразу после чая, я проводил моего гостя к Мевису, которому он хотел выразить свое почтение как находящийся в течение двух лет под его руководством. Оттуда мы пошли на мессу в больницу, где в своем большом помещении Мацкевич выделил место для ксендза. И там мы пообедали у нашего эскулапа, после чего снова вернулись с Юстинианом в мою комнатку. Вечером пришли сюда ксендз Хачиский и Щепковский. За чаем шел приятный разговор о забайкальских товарищах. Пришел и Мацкевич, который, как мне кажется, рад находиться в нашем обществе. Все впятером мы пошли на прогулку. Я ни на шаг не отхожу от Ручиньского, жадно слушая разные подробности о наших братьях, которых он покинул два месяца назад. Им там всем гораздо лучше, чем нам, с любой точки зрения.

⁹⁴ Министрант (от лат. Ministrans, прислуживающий, служба) — в латинском обряде католической церкви мирянин (обычно юноша), прислуживающий священнику во время мессы и иных богослужений. В лютеранстве: помощник пастора, выполняющий функции, аналогичные обязанностям католического министранта. Термин «министрант» соответствует термину «алтарник» в византийском обряде. — *Ред.*

25 августа, понедельник. Сегодня я был на исповеди и принял Святое Причастие. Но после мессы ксендз Хачиский огорчил меня внезапным изменением своих намерений. Потому что вместо того, чтобы уехать завтра вечером, как должно было быть, он хочет сегодня после обеда уехать на Тельминскую фабрику и, пробыв там пару дней, вернуться в город. Значит, и Ручиньский, якобы министр, тоже должен уехать. Однако последний уверил меня, что через три недели приедет сюда с Янишевским. Через него я передал письмо Леопольду, который и на этот раз велел мне сказать, что приедет на днях.

Глава шестая

Перевод с немецкого «О солеварении»: сущая каторга. — Письмо Волконской. — Яблоки. — Шинковка капусты. — «Изгнанник» из Ламеннаис. — Годовщина ареста. — Ужаснейшее явление среди преступников. — Труд о воспитании. — Жевание серы. — Макиавелли. — Новицкий Наполеон. — Густав Эренберг, испытание его поэтической ценности. — Спекуляция Щепковского. — Руперт в Усолье. — Буряты, подробности о них. — Оскар Дейхман. — Невозможность свободной спекуляции. — Как в России и в Сибири подают чай? Огромное употребление этого напитка. — Зима ранняя и суровая. — Письмо из дома. — Ужасность наказания на три поколения. Разрешили писать матери, «но только не своей рукой». Усилия жены Лесневича. — Помилование для Фелинской, Вильчопольской и Янушкевича. — У кого бывают местные господа? — Михал Глембоцкий. — Приглашение на праздник. — Уроки итальянского. — Ужасный сон. — Альбом Дейхмана. — Чем является для ссыльного родной язык? — Сочельник в Александровске. — Жена Фридриха одалживает мне свою руку.

1841

На соляном заводе, 26 августа, вторник. Несмотря на проблемы и неприятности с местным мастером по кольцам, я не мог отказать Ручиньскому и заказать еще одно маленькое железное кольцо для его жены, приезда которой он ожидает этой зимой. Он говорит, что в Сибири получил от нее 50 писем.

27 августа, среда. Сегодня приехал из Александровска Олизар Кароль. Он был недавно в городе, откуда привез новое обещание Немировского, что он вскоре сюда приедет.

Кароль от своего имени и от имени других усиленно приглашал меня в Александровск, а кроме того, хотел, чтобы я познакомил его с полковником: поэтому я пошел с ним туда и при случае получил для себя разрешение на три или четыре дня поехать к нашим.

28 августа, четверг, в Александровске. Я уже давно хотел попросить для Шиманьского от его начальника отпуск на несколько дней в Александровск. Сегодня утром мне удалось это для него выпросить. Поэтому мы втроем, Олизар, Шиманьский и я, отправились в это пешее путешествие, милое сначала, но потом немного неприятное, потому что мы большую часть пути мокли под сильным дождем и градом. Мы прибыли сюда очень уставшими и голодными.

29 августа, пятница, в Александровске. Сегодня приехал сюда Михал Соколовский, несколько лет назад высланный из Королевства на поселение, а теперь имеющий обязанность при продаже водки и несколько сот рублей ежегодной оплаты за это. Он выглядит достойным человеком.

30 августа, суббота, в Александровске. С позавчера все время льет дождь. Я хотел навестить господина Зверева, но из-за грязи это было невозможно, кроме того, у него сейчас находится какой-то незнакомый чиновник из Иркутска, в присутствии которого нам не стоило появляться.

Один из местных господ велел передать Яцеку, что хотел бы ему поручить обучение своего сына, обещая приличное вознаграждение. Гольиньский наверняка не откажет.

31 августа, воскресенье, в Александровске. С утра я иду в здешнюю церковь, а оттуда к Зверевым. Они угощают меня кофе и трубкой, радуясь, что я разговариваю по-французски с их сыном. От них я ненадолго захожу к Пахомову.

Я должен был сегодня вернуться в Усолье, но мы с Шиманьским задерживаемся до завтра, что я себе могу легко позволить, так как не вернулись еще мои девушки, поэтому мне нет нужды спешить.

1 сентября, в Усолье. Родзевич отвез нас до самой Ангары. Сюда мы пришли после обеда. Полковник мне, а капитан

Шиманьскому ничего не сказали по поводу нашего маленького опоздания.

В моем жилище уже становится холодно. С завтрашнего дня надо будет начать топить печь по-зимнему.

2 сентября, вторник. Сегодня на улице холодно, темно и сыро. Такое же пасмурное и мрачное у меня настроение, вдобавок ко всему мне еще и нездоровится. Весь день я и шагу из дому не сделал, даже на обед к Меввиусу, довольствовавшись едой за несколько грошей на месте.

3 сентября, среда. Вот уже две недели, как жена полковника с девочками остается в Иркутске. Госпожа Элиза наверняка этому очень рада, что дольше «развлекается» в городе, поскольку у нее в голове уже нет места на учебу. Но жаль мне потерянного времени для Наденьки, так как эта девочка и учится охотно, и способности имеет не маленькие. Может, с ними приедет и Немировский. Все-таки он уже давно сюда выбирается.

4 сентября, четверг. И Меввиус сегодня поехал в город, собираясь только во вторник вернуться оттуда с семьей. На это время он дал мне переводить с немецкого на русский большой кусок из работы Лангсдорфа *Neue leicht falsliche Anleitung zur Salzwerkskunde, mit vorzuglicher Ruchficht auf halurgische geografie*. Мучительная и неприятная для меня работа. Тем более что мой перевод, скорее всего, ему не пригодится. Но я должен выполнить его желание.

5 сентября, пятница. Наши господа, уехав отсюда, бросили своего маленького ребенка, весь дом и слуг на Щепковско-го. Но тот, собираясь пойти сегодня на работу, просил меня, чтобы я его в этом заменил. Трудно было отказать другу, и я весь этот день просидел в доме Меввиуса. Вечером я навещил Василевского, который болен.

6 сентября, суббота. Это истинно «тяжкая» для меня «работа» — навязанный Меввиусом перевод книги Лангсдорфа. Целыми днями мне приходится корпеть над ней с большим трудом. Потому что и сам предмет мне абсолютно чужд, и из всех языков я меньше всего знаю тот, на который мне велено переводить. Поэтому я напрасно мучаюсь над этой грамотой. Но может, полковник, когда убедится в бесполезности моей работы, оставит меня наконец в покое.

7 сентября, воскресенье. Давно я уже так долго не гулял, как сегодня. Все утро просидев над переводом Лангсдорфа, который о соли, но совсем без соли написал трудную и скучную книгу. Пользуясь ясной и теплой погодой, я сразу же после раннего обеда пошел на Ангару. Предаваясь мечтам и медленно текущим мыслям, я с большим трудом заметил, как далеко ушел от Усолья. Поэтому нужно было стряхнуть с себя любимые мечты, оторваться от нежностей с детьми, от семьи, могилы Пелагии, покинуть Беднарувку, Жердзь, Збжиз, чарующее Подолье. Святую родину... чтобы вернуться в сибирскую пустыню, к повседневной тоске, к этому одиночеству, где я заживо погребен!..

8 сентября, понедельник. Наконец я сегодня нацарапал седьмой лист этого проклятого перевода. Дальше я над ним мучиться не собираюсь. Завтра должны вернуться здешние господа. Отдам полковнику мой перевод, который разве что для заклейки окон при приближающейся зиме пригодиться может.

9 сентября, вторник. Весь день до позднего вечера мы ждали со Щепковским наших хозяев, но напрасно. Говорят, что они еще с два дня там пробудут. Я с особым нетерпением их ожидаю, предполагая, что, может, полковник получил что-нибудь для меня с последней почтой.

10 сентября, среда, до обеда. Этой ночью выпало много снега, утром был небольшой морозец, потом совсем тепло.

Вечером. На этот раз ожидание не обмануло меня. Вернулся полковник с семьей, и я получил письмо от Леопольда, который сообщает, «что есть письмо для меня, рукой достойного моего Стаха (так выражается Леопольд) написанное, а в этом письме известия о здоровье матери, детей и моих сестер. Кроме этого, Стах пишет еще о смерти дяди моей жены, который оставил чужим большое наследство, но и о семье помнил. Станислав даже предполагает, что из этих денег откроется фонд для моих детей. Леопольд говорит, что старался, чтобы это письмо сразу отправили сюда. Может, оно у Мевюса. Но я так недолго с ним виделся и он был так занят, что у меня не было возможности спросить об этом. Я чрезвычайно благодарен Леопольду, что он, по крайней мере, дал мне знать содержание этого письма. О, благодарение Богу за это утешение!

Также Немировский прислал мне письма от Ручиньского и Янишевского, первый сообщает, что, вернувшись в город, он застал там Новицкого Наполеона, после освобождения от работ прибывшего в эти края и поселившегося в деревне Смоленщине в девяти верстах от Иркутска, где живет русский ссыльный с 1826 года господин Бечаснов. Леопольд пишет, что Новицкий очень хочет со мной познакомиться. Ему хотят поручить заняться производством сахара у какого-то иркутского купца. Янишевский обещает мне свое прибытие. То же самое повторяет о себе Леопольд.

11 сентября, четверг. Я спрашивал полковника о письме, о котором пишет Немировский. Но полковник его не получал и говорит, что о нем не слышал. Однако Леопольд уверяет, что если это письмо не отправили сейчас, то он проследит, чтобы это вскоре произошло. Буду ждать следующего вторника. Кажется, что при последней посылке или не было письма для меня, или оно пропало.

12 сентября, пятница. Жена Мевиуса, услышав, не знаю от кого, что Михальская привезла из дому разные кухонные рецепты, потребовала, чтобы я написал, прося поделиться ими с ней. Я это сразу сделал, а она мое письмо отправила со специальным посланцем, через которого Яцек получит книги, которые он у меня давно просил.

13 сентября, суббота. Наконец приехал так долго ожидаемый Леопольд. Я хотел поселить его у себя, но меня в этом опередил Щепковский. Однако сразу после обеда я взял его к себе, и он остался у меня до ночи. Не могу нарадоваться обществу этого бесценного молодого человека, о котором я невыразимо тосковал с момента нашего расставания.

14 сентября, воскресенье. Снова после обеда я беру Леопольда к себе, и здесь мы только вдвоем свободно беседуем. Он мне рассказывает о своей жизни, занятиях, отношениях в городе, заочно знакомит меня с некоторыми живущими там земляками, на словах объясняет то, что пришлось скрывать и недоговаривать в письмах, и т. д.

15 сентября, понедельник. И сегодня большую часть дня и весь вечер я провел с дорогим Леопольдом. Он много мне сегодня рассказывал о Наполеоне Новицком, о его правильной и сильной душе, о необычайных способностях к науке.

Я очень хочу познакомиться с этим достойным литовцем. Но Бог знает, когда это произойдет при сковывающей меня неволе.

16 сентября, вторник, в Александровске. Немировский хотел заодно навестить и этих друзей. Сегодня утром, когда он спрашивал разрешения у полковника, тот спросил его, не хочет ли он, чтобы я его сопровождал. Леопольд ответил, что был бы этому очень рад, а тот заявил, что охотно разрешает мне удалиться, только бы я на эти несколько дней оставил девушкам задание. Это было в семь утра. Я сразу же пошел объяснить Элизе и Наденьке, что они должны учить без меня, а вскоре потом, съев с Немировским завтрак у Василевского, мы отправились в путь пешком в прекрасную погоду.

Здесь мы застали Гольньского Яцека, занятого обучением маленького Софронова, племянника местного винокура. Другие друзья были у Михальских, куда и мы оба сразу пошли, чтобы не мешать педагогической работе Яцека.

Вечером Михальская была у Зверевых, и они ей сообщили, что приглашают меня завтра к себе.

17 сентября, среда, в Александровске. Перед полуднем я пошел к Зверевым. Оба усиленно, даже чересчур любезно просили меня, чтобы я посвятил немного времени их сыну, указав ему, как он должен пока сам заниматься французским, пока они не отдали его (через две-три недели) в Олонки, где господин Раевский пообещал им заниматься дальнейшим обучением этого мальчика. Я остался там несколько часов и после завтрака зашел на минуту к Паховову, живущему рядом.

После обеда у Яцека мы все пошли к Михальской, а оттуда зашли на могилу нашего Олеша. Вечером Яцек усадил меня писать образцы французской и немецкой каллиграфии для его ученика. Дядя этого мальчика хочет через месяц отдать его в иркутскую гимназию, а пока просил Яцека, чтобы он научил читать по-латыни, по-французски и по-немецки. Но хотя Гольньский по несколько часов каждый день мучается с этим мальчиком, однако, начиная в каждом из трех языков с алфавита, невозможно, чтобы за четыре недели он смог совершить что-нибудь значительное, и поэтому, скорее всего, он будет иметь больше неприятностей, чем вознаграждения, которого он ожидает за эту неприятную работу.

18 сентября, четверг, утром в Александровске. Прибыв сюда во вторник, мы с Леопольдом разделились по разным квартирам. Он пошел к Михальским, а я остался у Яцека. Первые нам ясно дали понять, что рассердятся, если хоть один из нас у них не остановится. Тем более что за исключением ночлега, почти все остальное время там или тут мы находимся вместе.

В этот же день в Усолье. Мы вернулись сюда во второй половине дня. Я застал огромное горе и смятение в своей квартире из-за смерти хозяина, который умер сегодня в здешнем госпитале.

Сразу после своих уроков я пошел к Щепковскому. Леопольд уже оттуда не выходил, и я остался с ним до полуночи, то разговаривая о минувших временах, то делая предположения о нашем будущем.

19 сентября, пятница. После отбытия оброка мне пришлось заняться другой обязанностью — переводом для жены Мевюса поварских рецептов. Но, будучи ими смертельно утомленный, не закончив нудной работы, я оставил ее на позднее, так как Леопольд завтра утром должен будет уже отсюда уехать. Поэтому я хотел с ним провести этот последний вечер.

20 сентября, суббота. Я написал Ручиньскому, посылая ему кольцо с просьбой, чтобы он принял его на память.

С искренней грустью я прощался с Леопольдом. Бог знает, когда я его снова увижу! О, как жаль, что ни ему, ни мне нельзя распорядиться своим временем!

21 сентября, воскресенье. Михальская прислала мне письмо от княгини Волконской, которая приехала в Александровск через пару часов после моего отъезда. Она пишет в трогательных выражениях, прося меня, чтобы я занялся воспитанием. Она сама берется ходатайствовать о моем переводе в Урик под предлогом лечения там у доктора Вольфа. Она надеется получить это у генерала Руперта через себя и Вольфа, а у полковника Мевюса при посредничестве Муравьева. Она говорит, что если сейчас получить разрешение на шесть месяцев, то потом уже будет легко продолжать лечение. Кажется, она уверена, что это намерение воплотится, и просит только моего согласия.

Я сразу ей ответил, что от всего сердца соглашаюсь на это. Ибо я был бы совершенно слеп, если бы в этом предложении не видел моего блага со всех сторон. Но я очень сомневаюсь, что эту идею удастся воплотить. Мое письмо я послал Михальской с просьбой немедленно отправить в Урик.

22 сентября, понедельник. До сих пор у меня было ошибочное представление о местных яблоках. Я думал, что есть только один вид яблони, дико здесь растущей, плоды которой очень маленькие и невкусные. Но садовник полковника, родом из Москвы, сегодня рассеял мои заблуждения, показав в саду Мевиуса около двадцати видов яблок, заметно различающихся между собой. Итак: есть темно- и светло-красные, есть желтоватые, другие почти белые; продолговатые, круглые, плоские, в крапинку, выпукло-полосатые и т. д. Однако все такие маленькие, что даже самые большие из них едва достигали величиной дородной красной смородины. Все очень твердые. Вкус у них неприятный: терпко- и горько-кислый. В это время их собирают и маринуют в уксусе с кореньями для использования в готовке. Эти деревья, хоть в лесу, хоть пересаженные в сады, не достигают толщины наших самых слабых яблонь. Вид имеют никчемный и вместе со своими плодами кажутся ничтожной пародией на наши яблони и яблоки.

23 сентября, вторник. Шинковка капусты в этих местах происходит очень шумно и является своего рода праздником. Каждый хозяин, в зависимости от количества своей капусты, приглашает больше или меньше соседей, старых, молодых обоего пола. Они рубят в больших кадках с постоянным пением и взвизгами, которые являются обязательным условием для этой работы. Вечером для всех пир, пьянка и отвратительнейшее распутство. У тех, кто более богат и может сажать много капусты, при ее приготовлении на зиму крики и бесчинства продолжаются обычно несколько дней подряд. Это происходит именно сейчас, и здесь и шагу нельзя ступить без отвратительнейшего впечатления для глаз и ушей.

24 сентября, среда. Госпожа Полторанова привезла сюда книгу из библиотеки жены генерала Руперта: *Le livre des jeunes personnes; extraits de prose et de vers, choisis dans les meilleurs ecrivains francais, anciens et modernes 1838*. Из всех известных мне сборников подобного рода этот сделан с наилуч-

шим выбором и вкусом. Издатель Карл Нодье. Среди прочего там есть прекрасный отрывок священника Ламенне с надписью: l'Exilé. Какой выразительный, живой и раздирающий образ судьбы моей и моих товарищей, чувств, отраженных в моей душе! Не могу удержаться и не перевести его на польский.

25 сентября, четверг. Сегодня я ждал посланца от Михальской, которая, присылая сюда за солью, может быть, сообщит мне, отправила ли она мое письмо княгине. Я очень слабо верю, чтобы ей удалось получить так желанный для меня перевод, однако мне бы хотелось избавиться от неуверенности. Ничто так не мучает, как надежда, которой нельзя доверять.

26 сентября, пятница. Я написал Леопольду. Интересно, что он скажет о предложении Волконской. Однако я попросил его никому об этом не рассказывать.

Я только сегодня закончил перевести рецепты и отдал их жене полковника. Она в преувеличенных выражениях благодарила за это, при случае высказав обо мне и о нас, польских ссыльных, похвалы и благодарности. Жаль только, что в искренность всего этого с ее стороны поверить невозможно. Если бы кто-нибудь захотел нарисовать фальшь и лицемерие, то достаточно было бы перенести на полотно черты ее лица. Насколько муж простодушный и добрый, настолько жена неискренна и хитра.

27 сентября, суббота. Следует отметить, что хотя сентябрь уже заканчивается и утром и вечером можно почувствовать неприятный холод, днем погода стоит хорошая и ясная, а иногда даже бывает несколько теплых часов.

28 сентября, воскресенье. Этим летом полковник перестроил свой дом и значительно его расширил. У него теперь просторное и очень удобное жилище, в которое он на днях уже переехал с семьей. Сегодня в его комнате, еще не обустроенной, я обнаружил на полу около двух сотен книг. Зная, что он сын пастора-немца, после которого часть этих книг перешла к нему, я подумал, что, может, среди них я найду какого-нибудь латинского классика или кого-нибудь из хороших немецких писателей прошлого века. Но мои поиски были напрасными.

29 сентября, понедельник. Я с удовольствием прочитал сегодня по-русски «Освобождение Трембовли», повесть Тадеу-

ша Булгарина, из нашей истории, написанную весьма занимательно.

30 сентября, вторник, поздно ночью. Проходит час, заканчивающий третий год моей неволи... Это ужасное воспоминание, как дьявольский призрак, который весь день маячит перед моей душой, покоя мне не дает... У меня нет мужества, силы и способности выразить здесь все те муки, которые адски терзают мои мысли... Я читал о стольких выдуманных ужасах, о стольких чудовищных картинах, но насколько же страшнее действительность там, в моем сердце и в моей голове, она превосходит все самые черные мерзости чужого воображения!..

Вот уже прошло три года, как пробила последняя секунда моего счастья, как меня вырвали у моих ангелов, как отобрали у меня мой рай, как я навеки распрощался со всеми своими радостями, утешениями, надеждами!.. Наступило долгое умирание в страданиях... потом меня живьем затолкали в гроб...

И громко взывающее чувство сына, брата, мужа, отца, гражданина глушило бряцанье кандалов, смешанное с хохотом врагов. И мой взгляд, привыкший к красоте природы, к родному небу, вдруг был окружен зрелищем подлости и преступления. И святые законы природы, человечности, общества безбожно попораны...

И ясные знаки на моем челе лучших чувств, высшего понимания, благороднейших стремлений и желаний какой-то призрак затмить и уничтожить пытается этой устрашающей надписью: ссыльный, исключенный из прав!.. Но не уничтожит, видит Бог! Пока хватит дыхания в этой груди, чувств — в сердце, а в голове — мыслей, пока есть дух в этом теле!..

Год и два года назад воспоминание об этой годовщине было чрезвычайно болезненным. Но тогда меня еще оживляла надежда, что из стольких моих попыток вырваться из этой бездны хотя бы одна будет успешной. Теперь и эта слабая искорка погасла, и я уже ничего перед собой не вижу — ничего! Смерть, только смерть в этом проклятом изгнании, так далеко от деток, от могилы их матери, не окропленной моими слезами, не почтенной моей молитвой!..

1 октября, среда. К полковнику на трех повозках приехал из Петербурга его шурин Дейхман (отец знакомых мне Константина и Модеста), со всей своей семьей направляясь в Ир-

кутск. Кажется, они должны остаться здесь на какое-то время, что наверняка приведет сюда множество местных родственников и друзей из города. А значит, балы, развлечения и т.д. предсказывают мне больше одиночества и свободы.

2 октября, четверг. Шиманьский должен был быть послан с каким-то письмом в Иркутск, и я приготовил несколько слов Леопольду с просьбой, чтобы он мне ответил на последнее письмо. Но позднее оказалось, что Шиманьский не поедет, поэтому и мое письмо подождет другой okazji.

3 октября, пятница. Здесь нередко можно встретить наших украинцев и людей из так называемых малороссийских губерний. Они обычно не забывают свой язык, а именно тот, на котором говорят наши крестьяне, и в основном бывают посланы сюда за меньшие преступления, нежели те, которых посылают из самой России. Один такой украинец, молодой, симпатичный и хорошего поведения, служит ямщиком у Мацкевича. Почти каждый день я вижу его перед верандой дома полковника и иногда с удовольствием с ним разговариваю на его родном языке, который напоминает мне мое дорогое Подолье и на котором мне говорить легче, чем на русском.

4 октября, суббота. Из города приехало множество гостей обоего пола. Среди них любезная и добрая госпожа Полторанова, которая привезла мне коротенькую записку от Леопольда. Он пишет, что его безмерно обрадовало известие о предложении княгини, но не упоминает о непреодолимых, как я думаю, трудностях в воплощении этого намерения. Разве это по самой своей сути не является невозможным для выполнения? Леопольд говорит, что позднее напишет об этом больше.

5 октября, воскресенье. О письме дорогого Стаха и сейчас сообщил мне Леопольд, что оно было немедленно отправлено на почту из канцелярии губернатора. Но когда же наконец это письмо дойдет до меня? Страшно подумать, как здесь мало заботятся о чужом спокойствии!

6 октября, понедельник. Урока сегодня не было из-за вчерашнего бала, который продолжался до рассвета, поэтому девушкам, и старшей и младшей, было сегодня не до учебы. После обеда все гости должны разъехаться, и госпожа Александра Полторанова возьмет мое письмо для Леопольда.

7 октября, вторник. Артамон Муравьев неожиданно явился ко мне домой. Удивившись такой вежливости, которой раньше он меня не жаловал, я поначалу подумал, что он приехал сюда по поручению княгини, вследствие сделанного ею мне предложения. Но поскольку он не упомянул об этих обстоятельствах, я думаю, что либо этот план невыполним и поэтому Муравьев ничего мне об этом не говорит, либо его приезд случаен и он ничего еще об этом деле не знает. Как бы там ни было, я все же полагаю, что ни генерал не согласится на мой перевод, ни полковник меня отсюда не отпустит.

8 октября, среда. Хотя дни здесь все еще ясные и даже довольно теплые, но уже неделю снег то выпадает, то исчезает, а значит, можно ожидать вскоре санный путь и постоянную зиму.

9 октября, четверг. Невозможно понять, что здесь происходит в среде преступников. Сегодня господин Титов рассказывал, что среди них попадают такие, которых ничто не может удержать от побега. Хотя многих уже ловили, сурово наказывали каждый раз, они все равно пытаются убежать. Другие с приходом каждой весны убегают только для того, чтобы несколько дней побродить по лесу, после чего сами возвращаются назад на завод, хотя хорошо знают, что их здесь ожидает жесточайшая порка. Есть и такие, что уже много лет остаются на заводе, у них здесь жены, дети, собственные дома и хозяйство, они живут неплохо, и к ним относятся лучше, чем к другим. Однако побуждение к побегу, как какое-то болезненное состояние, нападает на них каждый год. Тогда они идут к начальству и требуют, чтобы их крепко заковали и держали взаперти под строжайшей охраной две или три недели, заявляя, что иначе обязательно сбегут. По прошествии этого времени они просят снять кандалы и выпустить из-под стражи. Они спокойно возвращаются к своим занятиям и к примерному, как раньше, поведению, в котором пребывают до новой атаки этой странной болезни.

Но вот что удивляет всех больше всего. Есть в Усолье один, который каждый год сам приходит в местную контору и просит о порке. Сначала такая странная просьба вызывала смех, и ее не хотели удовлетворять, поскольку он ни в чем не провинился. Он очень неохотно ушел и грустно предсказал, что

такой отказ на его просьбу заставит его совершить грабеж и сбежать. Действительно, вскоре он сделал и то и другое, а когда его схватили, когда он должен был получить заслуженные кнуты, спокойно сказал: «Не лучше ли было сделать это тогда, когда я сам об этом просил?» С тех пор его просьбу всегда выполняют. А вообще, говорит господин Титов, это человек спокойный, трезвый, постоянный и трудолюбивый. Но он сам говорит о себе, что как некоторым нужно каждый год пускать кровь, так и он раз в год чувствует потребность в порке, без которой не может обойтись. Пусть самые умные врачи и философы попробуют это объяснить!

10 октября, пятница. Наконец я получил это письмо, давно обещанное Немировским, вместе с 25 рублями. В канцелярии губернатора смеялись над Леопольдом, говоря ему, что это письмо то черезстряпчего, то через почту было отправлено в Усолье, когда оно до вчерашнего дня лежало в столе того господина, который рассказывал Леопольду упомянутые бредни. Я получил его сегодня вместе с хорошим известием, что иркутский губернатор приказал все письма и деньги или другие посылки от семей, которые могут прийти к кому-нибудь из нас, выдавать Немировскому, а тот при легких и частых с нами контактах будет отсылать их каждому в Александровск или в Усолье и получать подтверждения на отправленные.

11 октября, суббота. Беспokoясь из-за того, как дела у Волконской в отношении планов, касающихся меня, я написал Фридриху, прося его, чтобы он сообщил мне, если его жена, довольно часто контактирующая с Уриком, получила какое-то известие об этом предмете.

12 октября, воскресенье. Сильная боль в груди мучает меня уже третий день и не дает мне спать. Сегодня я положил на грудь огромный пластырь, обильно обсыпанный испанскими мушками. Не знаю, одобрят ли Мацкевич это средство, использованное без его совета.

13 октября, понедельник. Я несколько часов держал пластырь, несмотря на адское жжение, зато боль почти совсем прошла. Но хотя я еще болел, все-таки пошел на свои уроки. Полковник спросил меня, почему я не был вчера на обеде. «Потому что я был сильно болен». — «Что с тобой случи-

лось?» — «Боль в груди». — «А теперь?» — «Я еще настолько слаб, что едва смог сюда дойти». — «Почему же ты не остался дома?» — «Потому что сегодня не праздник, и я не хочу себе делать послабление, чтобы напрасно не есть чужой хлеб». Он уже ничего не ответил, а я взялся за свою работу.

14 октября, вторник. Фридрих прислал мне письмо княгини Волконской. Я не ошибся, заранее считая ее намерение невыполнимым. Генерал решительно отказал. Она сообщила мне об этом, оправляя свое сожаление в самые любезные слова. Говорит, что еще различными путями попробует возобновить свои старания. Но я знаю, что из этого ничего не выйдет.

15 октября, среда. Со вчера меня мучает сильный жар и какое-то раздражение во всем организме. Во время занятий я не мог сидеть, а эти несколько слов добавляю в дневник с большим трудом...

16 октября, четверг. Мацкевич вернулся из Иркутска. Я надеялся, что через него напишет мне Леопольд, но он ни слова не прислал. Верю, что он там сильно занят, что мог не знать о времени отъезда Мацкевича и т. д., но тем не менее каждое обманутое ожидание наводит на меня грусть...

17 октября, пятница. Нельзя полагаться на честность и добросовестность сибирских жителей. Жадность, неискренность и хитрость преобладают в них над всеми другими качествами. Моя хозяйка, хотя казалась доброй и простодушной женщиной, хотя я почти семь месяцев старался ей угодить, чтобы быть спокойным в ее комнате, хотя она сама мне всегда повторяла, что не может меня ни в чем упрекнуть, сегодня отказывает мне от жилья, не имея никакой другой причины, кроме желания заломить цену еще выше. И мне волей-неволей придется согласиться на это, чтобы избежать проблем, из-за которых я уже настрадался этой весной.

18 октября, суббота. Как я могу думать, что письма, написанные Михальской и Олизаром обо мне, которые должны пройти через столько учреждений и цензур здесь и в столице, уже дошли до моих, если то, что еще в марте написал ксендз Хачиский и которое не подлежало никакой цензуре, не дошло на Подолье? Разве они бы мне не ответили, если бы было иначе? Разве в результате этого письма я не имел бы давно уже отдельного письма от своих? Значит, опять, как в

прошлом году, моя несчастная мать будет мучиться беспокойством о моей жизни, и ее слабое здоровье этого наконец не выдержит!..

19 октября, воскресенье. Полковник утром поехал в город. Я через него написал Немировскому, посылая ему мои и Оли-зара доверенности на получение писем и денег из дома. Также через него я передал книги для Фуфаева вместе с письмом, в котором я благодарю за одалживание этих книжек.

20 октября, понедельник. Сегодня я придумал в своей комнате своего рода ужин. Из двух стаканов молока, которые хозяйка готовит мне каждое утро, я на завтрак буду выпивать только половину, а остальное буду сам вечером подогревать на своей печи. Обычно съев мало в обед, я иногда чувствую сильную потребность что-нибудь поесть вечером, а этого молока с сахаром и куском хлеба будет достаточно, чтобы утолить мой голод.

21 октября, вторник. Зима здесь уже во всей силе. Много выпало снега, и постоянный мороз 24–27 градусов Р. А местные его едва считают небольшим заморозком!

22 октября, среда. Хозяйка мне сегодня заявила, что ей очень бы не хотелось отпускать меня из своего дома, но она считает прежнюю арендную плату слишком низкой на зиму и хочет, чтобы я платил наполовину больше. Что делать? Я все-таки предпочитаю это, чем искать другое жилье и переезжать в такую пору.

23 октября, четверг. Все более невыносимой мукой для Щепковского и для меня становятся уроки с госпожой Элизой. Жаль только нашего времени и труда. Родители поступили бы правильно, освобождая нас от напрасных с ней проблем и ежедневных неприятностей. А это время лучше бы отдать Наденьке, которая имеет гораздо больше желания к учебе, несмотря на плохой пример той.

24 октября, пятница. Кое-как решив вопрос с квартирой, я столкнулся с другой проблемой, не менее неприятной, — поиском молока на ежедневный завтрак. Я напрасно обошел почти половину Усолья и с большим трудом наконец нашел женщину, которая, хотя и дороже, чем было до сих пор, взялась доставлять мне два стакана молока каждое утро. Мне уже приходилось бывать голодным до самого обеда.

25 октября, суббота. Сейчас я читаю восхитительный труд *Traite d'education publique et privee dans une monarchie constitutionnelle edite* par P. H. Suzanne, 2 тома. При стольких новых и великих идеях, так хорошо развитых в этой книге, безмерное сожаление сжимает мое сердце, что я не могу исполнить самую дорогую, самую святую обязанность. Что я трачу свою жизнь на тяжелое и неприятное обучение чужих детей, когда с радостью посвятил бы его моим бедным сиротам и когда чувствую, что она им бы пригодилась для познания их матери, память о которой и восхищение которою только я смог бы лучше всего влить в их души.

26 октября, воскресенье. Третью уже — увы! — зиму я нахожусь здесь, но в те две я не помню таких ранних сильных морозов. Этой ночью, хотя хорошо укрытый, я не мог выдерживать до утра. Что же будет в декабре и январе, если уже в октябре приходится мерзнуть!

27 октября, понедельник. Полковник привез мне письмо Леопольда. Он пишет: «Я здесь снова, как воробей под крышей, и каждый день ожидаю приказа возвращаться к вам, уже навсегда. Они боятся держать меня здесь дольше. Об этом я недавно узнал. А это не обещает ничего хорошего проекту княгини о тебе. Может быть, я приеду сюда еще до Нового года (в чем я сильно сомневаюсь), если же после этого времени — никогда». Значит, снова какая-то неудача, новый источник неприятностей и беспокойства для нас! Когда же этому придет конец?..

28 октября, вторник. Немировский сообщает мне, что Лесневичу, нуждающемуся в ком-то для помощи в наблюдения за работами на стройке генерала, ему порученной, он порекомендовал Шиманьского и что Лесневич обещал представить это генералу, который, скорее всего, велит Шиманьскому переехать отсюда в Иркутск. Там он будет жить и питаться у Иоахима с оплатой лучшей, чем солдатское жалование, которое он сейчас получает. Его это невыразимо обрадовало, и я тоже очень обрадовался такому улучшению судьбы этого хорошего парня.

29 октября, среда. Отвратительный обычай жевать опреленный вид серы из лиственницы, перетопленной и продаваемой в плоских, темного цвета кусочках, так распространен в Сибири, что даже среди людей высшего сословия и несколько

лучшего воспитания можно его заметить. Довольно часто мне приходилось заставить дочь Мевюса или какую-нибудь из ее приятельниц, держащими во рту кусочек такой серы. Они видят в этом развлечение и удовольствие, так же, как, например, у нас молодые особы любят карамельки. В низших же классах все без исключения, старые и молодые обоего пола, этим забавляются. Родители дают ее детям в качестве желанного лакомства.

30 октября, четверг. С некоторого времени здесь идут большие приготовления к выезду жены полковника, которая, как говорят, через несколько дней должна уехать в город и там оставаться до родов дочери. А поскольку она должна взять с собой и Элизу, то на протяжении ее отсутствия я буду занят только с Наденькой, если мне снова не дадут переводить Лангсдорфа, от чего, Боже, сохрани меня!

31 октября, пятница. За обедом узнав от Щепковского, что сегодня день рождения, я пригласил его к себе, и мы провели у меня вечер, разговаривая то о музыке, то о нашей общей беде и темном перед нами будущем. Ему недавно дали надзирать за какими то ремесленниками, обещая за это постоянную оплату, которая очень желательна для него, поскольку из дому он не получил еще ни одной копейки, а что еще печальней — ни одного слова.

1 ноября, суббота. Немировский не ошибся, предполагая, что ему не дадут долго жить в Иркутске, поскольку и Мевюс рассказал мне об опасении генерала по этому поводу. Но откуда взялось это опасение? От одной ли трусости? Или же из-за полученных новых приказов на наш счет? Этого узнать невозможно.

2 ноября, воскресенье. Собрание самых метких итальянских прозаиков, взятое в Урике, издано в очень маленьком формате, и для меня это очень удобно, поскольку я всегда могу иметь один томик у себя в кармане, когда иду на уроки. Обычно я там читаю после занятия, перед обедом. Щепковский хотел знать, что меня так сильно занимает. Я ответил ему, что сейчас читаю одно из самых известнейших произведений итальянской литературы, автора которого зовут Макиавелли. Мой друг, зараженный общим предрассудком, всегда ассоциируя этого писателя с представлением о двуличии, об-

мане и никчемных увертках, очень удивился, что я хвалю итальянского философа. Но я сразу же рассеял его заблуждение, переведа ему пару отрывков из Макиавелли. С этого времени я по его просьбе почти каждый день перевожу ему две или три страницы, а он слушает это с большим удовольствием.

3 ноября, понедельник. Шиманский завтра утром едет в город. Я написал Леопольду, побуждая его, чтобы он вместе с Иоахимом постарались устроить этого достойного парня, заслуживающего лучшей судьбы, чем эта его солдатская служба, в которой он уже столько выстрадал. Также я ему сообщил, что из намерения княгини ничего не выйдет.

4 ноября, вторник. Жена Мевиуса уехала, как говорят, на целый месяц, а может, даже и на дольше, поэтому несколько недель Щепковский и я будем свободны от ее доченьки, которую мать взяла в город.

5 ноября, среда. Сегодня я занимался с одной только Наденькой, и для меня это не тяжело, потому что она понятливый, послушный и добрый ребенок и при всем при этом искренне желает учиться. Поскольку же я давал ей уроки только перед обедом, я надеялся, что сразу после обеда буду совершенно свободен, потому что о переводе Лангсдорфа не слышно.

6 ноября, четверг. Здесь уже несколько дней находится Оскар Дейхман, родной брат Константина и Модеста, как они, очень вежливый и хорошо воспитанный молодой человек. Он приехал недавно из Петербурга со своими родителями и маленькой сестрой, живущими сейчас в Иркутске, где Немировский последней дает уроки французского языка. Господин Оскар должен вскоре отправиться за Байкал, чтобы занять должность в нерчинских заводах. Он спрашивал меня о моих товарищах, которые там находятся. Они, несомненно, обрадуются, когда там появится чиновник, как он, цивилизованный и с добрым сердцем.

7 ноября, пятница. Господин Оскар любит французскую литературу, и у него есть с собой несколько книг. Из них он дал мне почитать *Mathilde, ou Memoires d'une jeune femme* par Eugene Sue. Это одно из самых поздних произведений писателя, по крайней мере в Сибири. Оно написано с юмором и со вкусом, хотя не без преувеличений, и приятно заняло меня пару вечеров.

8 ноября, суббота. Я познакомился с достойным товарищем Наполеоном Новицким, с которым уже давно хотел познакомиться. Входя ко мне сегодня утром, он очень любезно заявил, что из всех ссыльных с 1839 года только со мной одним он не был знаком, и что намеренно прибыл сюда, чтобы завязать это знакомство. Справедливым оказалось представление, какое раньше Леопольд и другие давали мне об этом уважаемом и необыкновенном литовце. Я с удовольствием провел с ним весь день то у меня, то у Мацкевича, то у Щепковского. Приятной наружности, образованный и милый в общении, он с пользой освоил в Вильнюсском университете все науки, которые там преподавались в его лучшее время. Но в среднем возрасте (сейчас ему не больше сорока) он, однако, пережил множество необыкновенных приключений, и ему есть что рассказать интересного о прежней и более поздней, жизни, и он умеет это занимательно рассказывать.

Он познакомил нас с разными подробностями из жизни наших забайкальских братьев, среди которых он обратил наше внимание на достоинства десяти молодых ссыльных из Варшавы. Из них знаниями, способностями и большими талантами отличаются Густав Эренберг, Александр Венжик и Александр Краевский. У первого есть великолепный поэтический талант. Новицкий мне по памяти повторил несколько стихов Эренберга, написанных на прощанье с друзьями, которых переводят в Западную Сибирь. Когда из десяти упомянутых ссыльных из Королевства, кроме только Эренберга и Венжика (которые, приговоренные к тяжким работам без определения срока, не получили никакой милости), остальные восемь были отпущены с тяжелых работ на поселение, имея возможность выбирать Восточную или Западную Сибирь в качестве места своего поселения, некоторые заявили желание остаться там, где они находились, то есть за Байкалом, чтобы не расставаться с друзьями. Другие же захотели переехать в Западную Сибирь, и Эренберг подтверждал мнение последних именно по этому случаю. Прощаясь с ними, он написал упомянутые несколько стихов, которые уже сами по себе могли показать высокую поэтическую ценность Эренберга.

9 ноября, воскресенье. Новицкий привез для Родзевича письмо от матери и сестры, а второе — для Филипа Олизара от

жены вместе со 100 рублями и бельем. Не имея возможности побывать в Александровске, он хотел все это оставить у меня, но Кароль Олизар, проинформированный Немеириным, специально приехал сюда за этим. Все четверо ссыльных, мы сегодня пришли к Мацкевичу на обед, после которого Олизар сразу уехал, Щепковский пошел к своим музыкантам, а я взял Наполеона уже на весь остаток дня и на весь вечер к себе, чтобы снова говорить о нерчинских собратях. Жаль, что Новицкий сегодня ночью должен уехать и что я, скорее всего, его не скоро увижу.

10 ноября, понедельник. Вольфганг Щепковский, уже почти три года не получающий ни гроша с родины, не берущий никакой постоянной зарплаты за свою работу, занялся спекуляцией, чтобы обеспечить себе хоть какое-то содержание, не зависящее от ничьей милости. Он взял в казне несколько сотен рублей, за которые хочет купить коней и нанять работников для рубки и перевозки дров для местной фабрики по государственной цене за сажень. Он надеется таким образом за год рассчитаться с долгом и иметь еще прибыль для удовлетворения своих потребностей.

11 ноября, вторник. Моя комната становится жильем, совершенно не пригодным на зиму. В ней дует из-под пола и через стены. С тех пор как наступили сибирские морозы, мне все труднее в ней выдержать, особенно ночью. И хотя я набрался терпения и мужества, но и холод с каждым днем все усиливается, поэтому я не знаю, одержу ли победу в этой борьбе. Мне совсем не хочется искать другой дом.

12 ноября, среда. В Усолье большое движение. Господину Руперту захотелось вчера приехать в Тельминскую фабрику, никого об этом не предупредив. Поэтому сегодня Мевуис, пораженный этим внезапным известием, поехал туда в надежде этого достойного гостя привезти сюда на обед. А тем временем все в суматохе, хлопотах и беспокойстве. Чиновники наряжаются в расшитые мундиры, писари подготавливают рапорты, певцы с самого рассвета уже приготовили в кабаке свое горло к пению приветственной кантаты, музыканты тоже не хотят им уступать, дудят и пиликают какую-то несчастную увертюру, каждая фальшь которой рисуется на лице Щепковского, женщины верещат при мытье полов (один из главных догма-

тов сибирской веры), военные силы выступают в параде, полицейские с криком выгоняют жителей убирать снег на улице, полицмейстер Василевский, как второй Фуше, вездесущий, с грозным видом раздает приказы и делает распоряжения, после чего вскакивает на коня и несется галопом, чтобы через четыре-пять верст морозить свой нос на протяжении нескольких часов на большом тракте... Но, как сказал Красицкий:

Где много приготовлений, там нет диалога.

Губернатору захотелось сегодня остаться в фабрике. А значит, завтра снова будет повторение той же самой шутки, не обязательно привлекательной для повторяющих, а для властелина Восточной Сибири, скорее всего, безразличной.

13 ноября, четверг. Приезд Руперта, и по этому случаю большой обед с музыкой у полковника. Каждую минуту можно увидеть направляющиеся в разные стороны дрожки с чиновниками, по улицам спешат конные и пешие казаки и т.д. Все это со вчера немного прервало скучное однообразие здешней жизни. Но через несколько часов весь этот шум утихнет, и Усолье вернется к прежнему ритму жизни, пока снова событие, подобное сегодняшнему, не вызовет последствия такой же продолжительности и значения. *O quantum est in rebus inane!*⁹⁵

14 ноября, пятница. Я решил покрыть обивкой стены моего жилья. На это надо потратить более десяти рублей, чтобы, по крайней мере, не так дуло, как сейчас, ибо на самом деле уже невозможно выдержать. Но сегодня все утро я напрасно искал войлок для этой обивки. Обещают его позднее, а пока, хочешь не хочешь, придется мерзнуть.

15 ноября, суббота. Из бурят, часто заезжающих к моей хозяйке, один, по имени Филат (так зовут его местные жители), умнее и понятливее других, говорящих по-русски, пришел ко мне сегодня утром. Я довольно долго разговаривал с ним о вере, обычаях и образе жизни его народа. Рассказ Филата совпадает с тем, что мы раньше в разное время слышали или от его земляков, или же от других здесь людей, и с тем, что мне довелось читать о бурятах. Это родственник монголам

⁹⁵ Сколько же в вещах (делах) тщетности (лат.).

народ. Они имеют общую с монголами веру, и их религиозные книги написаны на монгольском языке, от которого, однако, обычная речь бурят отличается. Пишут они сверху вниз. Живут они спокойно и в послушании государственным властям. Занимаются в основном сельским хозяйством и разведением скота, овец и т. д., однако среди них есть целые поколения, ведущие кочевую жизнь. В большинстве своем они трудолюбивые и непьющие. Обман, уловки, недобросовестность им противны. Они свято почитают родителей. Такие понятия, как благодарность, дружба и супружеская верность, им известны и очень ими уважаемы. Но, к несчастью, с некоторого времени первоначальная чистота и простота их обычаев сильно испортились из-за частых их контактов с русскими сибиряками. У них есть один только храм в иркутском округе, по этой стороне Байкала, отсюда в 200 верст, в поселении Аларск, куда из всех окрестностей каждый местный бурят по крайней мере один раз в год обязан сходить⁹⁶. За Байкалом больше людей этого народа, и там у них больше храмов. Некоторые дают обратить себя в государственную веру, но таких свои обычно презирают.

16 ноября, воскресенье. Чем ближе я узнаю Оскара Дейхмана, постоянно здесь находящегося, тем больше достойного в нем нахожу и радуюсь, что мои собратья за Байкалом будут иметь начальника, способного понять их положение и оценить личную значимость.

17 ноября, понедельник. Шиманьский вернулся из Иркутска, где ему уже обеспечено хорошее место при Лесневиче — наблюдатель за работами на стройке генерала Руперта. Он привез мне сообщение, что Иоахим в это время получил письмо от жены и что она вскоре к нему придет. Наверняка она из Петербурга сначала поедет на Подолье и привезет известия от моих.

⁹⁶ Имеется в виду Аларский дацан — это старейший бурятский монастырско-образовательный комплекс традиции Гелуг тибетского буддизма на территории Иркутской области. Дацан расположен в Усть-Ордынском Бурятском округе, Аларском районе, в поселке Кутуликке. Дацан освятили в 1814 г., а окончательно он был достроен в 1815 г. Это был один из старейших дацанов на бурятской земле и один из самых красивых по архитектурному исполнению — четырехъярусный храм, опоясанный колоннами.— *Ред.*

18 ноября, вторник. Щепковский, наняв для своей спекуляции с дровами нескольких работников, для их питания нуждается в большом количестве хлеба, поэтому он сегодня заказал у меня эту муку, которую каждый месяц по два пуда из государственного склада выдают мне и Немировскому. С этого момента Щепковский будет получать эту муку за нас и за себя, то есть по шесть пудов в месяц, а нам с Леопольдом уже не придется продавать ее в другом месте, имея возможность уступить ее другу, которому она пригодится не только для людей, но и для коней, поскольку в этих краях мало овса и обычно коням вместе с сеном дают хлеб.

19 ноября, среда. Наконец сегодня я получил обещанный мне войлок на стены. По крайней мере, мне будет немного теплее. Я уже давно сплю, почти не раздеваясь и, кроме того, хорошо укрытый, однако это не помогает от пронзительного ветра и холода при морозах, доходящих до 30 градусов Р.

Сегодня вечером заканчивается второй год, как я узнал, что вся печаль, все горе, все душевные и сердечные муки заключены в этом одном слове: вдовец. Еще несколько недель, и будет три года моему и детей моих сиротству!..

20 ноября, четверг. После долгого отсутствия в моих снах снова появился драгоценный образ. О, почему же, почему, любимый, ты так редко показываешься несчастному узнику, для которого твой вид и сонный обман теперь все счастье, единственный свет в черные дни тоскливой жизни?

21 ноября, пятница. Щепковский, взяв в казне несколько сотен рублей и несколько работников для рубки и вывозки дров, через несколько месяцев выплатит весь долг да еще получит неплохую прибыль, это правда. Но одновременно с этим он вошел в такие неприятные с казной, с чиновниками и подчиненными отношения, столько неприятностей его поджидает из-за разного рода обманов, из-за заушников и льстецов, завистливых наговоров, что он уже сейчас начинает жалеть о своем предприятии. Я на его месте обязательно бы отказался даже от десятикратного дохода, полученного такой ценой.

22 ноября, суббота. Господин Оскар перед своим отъездом в Нерчинск собирается здесь остаться еще с пару месяцев, и в это время он хочет учиться итальянскому языку. Он спросил меня сегодня, мог бы я для этого каждый день посвящать ему

один час? Я ответил, что с радостью это сделаю, только бы он был постоянным в своем намерении, поскольку иначе не стоит напрасно начинать. Он ручается за постоянство своего желания, а я боюсь, чтобы с ним не было, как с Мацкевичем, с которым уроки французского давно уже прекратились.

23 ноября, воскресенье. Полковник поехал в город, где он отметит свои именины, приходящиеся на последний день этого месяца, после них останется там еще пару дней. Он взял с собой Наденьку. Поэтому сейчас у меня на неделю или 10 дней каникулы.

24 ноября, понедельник. Моя хозяйка по случаю своих именин угостила меня сегодня огромным пирогом с брусникой, но при этом пришлось почти полчаса слушать нудную болтовню с утра уже похмелившейся бабы.

25 ноября, вторник. Уже две недели как моя молочница отказалась давать мне молоко, а в другом месте найти я его не могу. Чай я с утра не пью и для экономии сахара, и для того, чтобы избежать проблемы с самоваром, который моя баба не любит давать, при этом еще я не люблю чай без сливок или, по крайней мере, молока. Поэтому я уже давно без горячего завтрака и ограничиваюсь только куском хлеба, из чего также состоит и весь мой ужин. Но я вижу, что к такой жизни могу привыкнуть без особых проблем.

26 ноября, среда. Я нигде еще не упоминал об одном распространенном в Сибири обычае, который можно было заметить и в России. Я хочу рассказать о чае «вприкуску». Во всех менее богатых домах наливают чай без сахара, но его подают отдельно, и каждый из присутствующих берет себе один кусок. От этого отгрызает кусочек, удерживает его во рту и запивает чаем. Таким образом, один кусок сахара служит для трех, четырех и даже для пяти чашек чая, а кроме того, обычно еще остается сахар, который кладут на перевернутые чашки в знак того, что больше чая уже не хотят. Эти остатки недогрызенных кусков снова идут в сахарницу...И это называется пить чай «вприкуску». Иногда этот обычай соблюдают и люди уровнем повыше. Госпожа Мевуис, например, и ее дочери очень часто так пьют чай, но полковнику и его гостям всегда наливают с сахаром. Нам, польским ссыльным, этот напиток также дают налитым по-европейски. Для меня эта «прикуска»

так невыносима, что каждый раз, когда я оказываюсь в месте, где так подают чай, я всегда взятый кусок бросаю в чашку и второй уже не пью, а если не могу противиться настойчивости, то пью его без сахара.

Поверить трудно, как много чая употребляют в Сибири. Все согласны с тем, что гораздо больше, чем в России, принимая во внимание количество населения. Этот напиток, как хлеб насущный, является первейшей потребностью для местных жителей. Его одинаково много и часто употребляет как человек высшего общества, богатый купец, чиновник, священник, офицер, так и их слуги, простые солдаты, крестьяне и поденщики. С той только разницей, что первые по своим возможностям пьют более-менее хорошие и более-менее дорогие сорта черного чая (зеленый я еще не видел, с тех пор как я в Сибири; говорят, что и в магазинах в Иркутске его немного), люди же из беднейших классов имеют особый чай, который зовется кирпичный чай, название которого происходит, как я думаю, от формы кусков, в каких его продают. После обычного сбора в Китае чайных листьев остающиеся стебли с забракованными листьями возле земли срываются, отдельно приготавливаются и потом идут под пресс, где они принимают форму продолговатой, дюйм высотой, несколько дюймов шириной и с пол-локтя длиной куска, и он, похожий по форме на кирпич, называется кирпичный чай. Обычно такой кусок весит три-четыре фунта и стоит обычно 3–4 рубля. Запах у этого чая слабый и часто неприятный, вкус всегда ужасный, зато спрос на него огромный.

27 ноября, четверг. Проклятие, как трудно здесь дожидаться какого-нибудь ремесленника. С того момента, как у меня появился войлок, я каждый день стараюсь найти кого-нибудь, кто бы сделал планки, необходимые для обивки. Всей работы приблизительно будет на час, я пообещал, что за это сразу заплачу, но сегодня я смог договориться только на завтра.

28 ноября, пятница. Шиманьский, сильно обеспокоенный тем, что может потерять место в Иркутске, поскольку местный капитан не хочет его отсюда отпускать, пришел ко мне с просьбой написать Немировскому, чтобы тот с Иоахимом старались получить приказ о его переводе в Иркутск. Я сразу

же написал такое письмо, а Шиманьский говорит, что найдет возможность отправить его еще сегодня.

29 ноября, суббота. Наконец мое жилье теперь стало более сносным, с тех пор как в нем стены и двери обиты войлоком. Правда, и так еще довольно холодно. Но уже не так дует, могу писать, не согревая пальцев, и в постель ложиться раздевшись.

30 ноября, воскресенье. Доктор Билицкий, возвращающийся из Иркутска, зашел сюда и привез известие, что Полторанова еще не родила, а ее мать на днях опасно заболела и, как он говорит, была уже при смерти. Он, уезжая, оставил ее тяжелобольной. Бедный Мевуус! Какие печальные события на его именины!

1 декабря, понедельник. Здесь говорят, что полковник еще долго останется в городе. И Мацкевич, который выехал в Иркутск за пару дней до него, тоже до сих пор не возвращается. Но его там, скорее всего, задерживают прекрасные глаза госпожи Элизы, а может, и болезнь ее матери. Надеюсь, что он или Мевуус привезут мне письмо из почты. Сестра еще в мае писала мне, что раз в один или два месяца будет присылать весточки. Если бы она после этого письма не через два, но через три или четыре месяца написала, то и так я давно получил бы ее письмо. Вот уже шесть месяцев прошло с последнего известия от моих. Больше всего я беспокоюсь за свою бедную мать, придавленную несчастьем и возрастом.

2 декабря, вторник. С воскресенья морозы по 32 градуса и больше стоят все время, не ослабляясь даже днем. Такой ранней и суровой зимы местные жители не помнят. А теперь нужно бояться с каждым днем все более сильных морозов на протяжении трех месяцев, если не дольше! Мне тяжело ходить до дома полковника или оттуда возвращаться к себе. Ангара уже замерзла, хотя она обычно замерзает в середине или в конце этого месяца в этом месте, ибо ближе устья, откуда Ангара всегда начинает замерзать, она давно уже вся покрылась льдом.

3 декабря, среда. Полковник неожиданно вернулся этой ночью. На этот раз надежда меня не обманула. Он привез мне письмо от моей матери от 29 сентября и в нем 50 рублей. Все это письмо от имени матери писала рука Казимиры, воспита-

тельницы и учительницы моего Лёля. Она сообщает, что мои дети все здоровы и счастливо растут, что в Лёле развивается глубокая понятливость, при добрых склонностях сердца. Но при этом она пишет, что мою бедную мать возраст и страдания уже сильно ослабили. Больше всего ее губит беспокойство обо мне и та боль, что она не может дожидаться никакой весточки от меня самого. В конце мать добавила своей рукой: «Не удивляйся, что твоя мать не сама пишет эти слова: измученная страданиями, я потеряла силы и глаза».

Как же ранили мое сердце эти последние слова! Она страдает и находится уже на склоне своих дней!.. Мое несчастье, мое изгнание, эта неизвестность, беспокойство обо мне каждый день ей готовят смертный час!.. А ее единственному сыну нельзя быть при матери, уже близкой к смерти, когда его присутствие, его сыновья нежность, может быть, отложили бы минуты ее кончины!.. Что я говорю: быть при ней?.. Нельзя даже прислать ей два слова, написанные моей рукой, которые принесли бы хоть какое-то облегчение несчастной в таких долгих страданиях!.. Почему же, палачи, желая погубить меня, вы не придумали таких пыток, которые бы мучили меня одного? Ведь вы на меня ополчились. Зачем было предавать смерти человека, который вашей мести, вашему бешенству абсолютно чужой?.. Или же вы не знаете, что такое Мать? Вы потеряли понятие о самом первом, самом святом во всей природе чувстве?.. Вам еще недостаточно, что вы уже мою жену убили? Что трое маленьких детей давно уже стали сиротами? Что вы отобрали у них мать, прежде чем они могли ее узнать, прежде чем ее заботливые взгляды, ее ласковые улыбки, источник счастья на всю жизнь, они смогли сохранить в своем сердце?.. Против правды, против собственной совести вы сказали, что я виновен. Хорошо! Но даже если бы я был виновен не только в ваших глазах, а перед лицом всего мира стал самым ужасным преступником, скажите же мне, тигры, за какие преступления наказание не самого преступника, а вместе с ним три поколения должно убить?..

4 декабря, четверг. Заботы, чиновники, отложенные дела и т.п. не оставили вчера полковнику ни минуты свободного времени, чтобы поговорить, когда он мне отдавал письмо. Но сегодня он вспомнил, что генерал Руперт, вручая ему это

письмо, сообщил, что позволяет, чтобы я послал моей матери известие о себе, лишь бы это было в письме, написанном не моей рукой. Поэтому полковник мне предложил Оскара Дейхмана в качестве того, кто может написать обо мне моей матери. Оскар охотно берется за это, и я на завтра должен буду приготовить ему письмо, которое он перепишет своей рукой. Вечером этот же господин Оскар начал учиться итальянскому. Каждый день он должен ко мне приезжать между шестью и семью вечера и здесь заниматься изучением этого языка.

Мацкевич привез мне письмо Немировского. Тот сообщает, что туда пришли два официальных письма к жене Иоахима Лесневича, проживающей в Иркутске (так написано в них), одно, сообщающее, что ее просьба об освобождении мужа была направлена графу Бенкендорфу для выражения об этом мнения, другое же, что граф Бенкендорф послал свое мнение государственному секретарю, князю Голицыну, чтобы тот представил ее царю. Леопольд заканчивает такими словами: «Что из этого выйдет?» Но легко догадаться, что, несомненно, если не освобождение, то, по крайней мере, какая-нибудь новая для Иоахима милость. Счастливы те, кто имеет жен! Из вышеупомянутых писем следует, что жена уже должна быть в пути к Иоахиму, а если только она из Петербурга заехала на Подолье, то и для меня письма привезет.

5 декабря, пятница. Добрый господин Оскар Дейхман получил для переписывания довольно длинное письмо по-французски для моей матери. Я сообщил, сколько я до сих пор получил писем и от кого. Какие посылки. Сколько всего денег за эти два года. Я просил, чтобы все писали мне по очереди, потому что тогда я буду иметь от них известия каждый месяц, и чтобы сбросились и прислали мне 500—600 рублей на весь год моего содержания, вместо частичных, как до сих пор, пособий, просил послать известие обо мне моему отцу и т.п. Адрес дал: генералу Руперту или губернатору Пятницкому. Это письмо взял полковник, направляясь в город на завтрашнее торжество. Дай Боже, чтобы это письмо велели отправить и чтобы оно быстро добралось до места назначения!

6 декабря, суббота. Сегодня в полдень начался третий год, как я нахожусь в этом несчастном месте своего назначения, а сегодня ночью мой старший сын закончит седьмой год своей

жизни. Какое болезненное сближение таких разных годовщин! Но насколько еще ужаснее мысль, что этому ребенку не было и трех лет, когда меня забрали из дому, и что выстрадавшие уже годы моего изгнания — это всего лишь малая часть того количества, которому конца не видно!

7 декабря, воскресенье. При таких морозах, которые усиливаются с каждым днем, я вижу, что несколько не помогла обивка войлоком стен в моей комнате. В ней невыносимо холодно. Скорее всего, мне придется искать другое жилье, хотя его найти трудно, особенно в это время.

8 декабря, понедельник. Сегодня я получил огромное утешение, благодаря Тебя, Отче небесный, за него. Достойная Михальская, эта добрая, несравненная утешительница ссыльных, прислала мне сегодня два письма, которые она позавчера получила из Иркутска. Одно от моей матери и от моей сестры Казимиры, с ответом на письмо Михальской обо мне, посланное в июле. Они сообщают, что все мои здоровы. Это драгоценное известие подтверждают несколько строк, написанные моей матерью 15 октября. Значит, этому письму нет и двух месяцев. Казимира пишет, что будет сообщать о них каждый месяц. О, как же я благословляю ее за эту благотворную надежду! Она также заверяет, что будут исполнены мои просьбы, касающиеся нужд, о которых писала Михальская. Еще она сообщает, что писала генералу Руперту, прося его, чтобы он поручил какому-нибудь чиновнику послать обо мне известие удрученной матери. Это ее я должен благодарить за благодеяние, что я недавно через Оскара сообщил о себе. В конце письма она написала несколько слов о моем ребенке в Беднарувке и о двоих других, находящихся в Жердзе. Я со слезами целовал строки этого письма.

Второе письмо от Мархоцкого Кароля, написанное из Тобольска в конце октября. Он сообщает Михальской о разных милостях для ссыльных в Россию и Сибирь. Среди всего прочего он пишет, что госпожа Фелинская из Берёзова переведена в Саратов, а госпожа Вильчопольская — из Тары в Тамбов. Сосланные в русские города уже почти все вернулись в свои родные места. Адольф Янушкевич получил разрешение поступить на гражданскую службу, и таковую ему дали в Омске. Дальше добрый Кароль посылает несколь-

ко дружеских слов для меня и приветы для других наших товарищей.

Михальские оба приглашают меня к себе сейчас или на праздники. Об этом я буду стараться после возвращения полковника. Я просил Михальскую, чтобы, когда будет писать моим, сообщила, что я здоров, что мои мысли и чувства всегда с ними и что я благословляю моих любимых сирот.

9 декабря, вторник. Яцек жаловался, когда писал мне, что ему нечего почитать. Я послал ему *Precis de la philosophie de Bacon*, 2 тома, труд важный, дающий ясное и полное представление о великих помыслах этого необычайного человека.

10 декабря, среда. Все здешние, и высшие и низшие, чиновники находятся сегодня на крестинах у местного стекольщика. Так происходит нередко и у других усольских жителей, которые за убийства, кражи или иные подобные преступления были сюда сосланы, хотя боятся навещать Щепковского, Немировского и меня, сторонясь нас, как прокаженных. О, достойная смеха и жалости слепота!

11 декабря, четверг. Мацкевич, воспользовавшись чьей-то помощью для написания его работы на латыни, просил меня, чтобы я просмотрел эту рукопись и поправил, если где найду ошибки. Конечно же, их там найдется немало. А поскольку он одновременно меня попросил, чтобы я переписал этот трактат начисто, то эта работа займет несколько дней. Однако я предпочитаю это, а не перевод Лангсдорфа на русский язык.

12 декабря, пятница. Михал Глембоцкий, младший офицер из отделения инвалидов, находящегося в Нижнеудинске, родом из Краковского, где у него была унаследованная земля в собственности, близкий родственник подольских Глембоцких, человек порядочный и умный (взятый в плен в битве под Отсроленкой в 1831 году), направляясь теперь в Иркутск, чтобы там поступить на действительную службу при батальоне, зашел сюда с поручением ко мне от почтенного Яна Ефимова, который также собирается вскоре бросить свое преподавание истории и географии в нижнеудинской школе и перевестись в Иркутск на другую должность.

13 декабря, суббота. Господин Оскар привез мне из города известие, что мое письмо, им написанное моей матери, генерал, прочитав, не отбросил, а, наоборот, велел сразу отдать

на почту. Слава Богу! Также Оскар говорил, что это письмо не через Петербург, а прямо было отправлено, поэтому через месяц моя мать должна будет его получить.

Он также привез мне письмо от Леопольда и Ручиньского. Оба сообщают мне информацию из писем, которые они на днях получили от наших из-за Байкала. Боровский прислал мне славную трубку работы Кнолля, нашего земляка, одного из давнишних ссыльных за Байкалом.

14 декабря, воскресенье. Сюда на несколько часов явился Муравьев Артамон, которых ехал из Александровска, где он оставил госпожу Юшневскую (жену русского ссыльного с 1826 года) у Михальской и куда он сегодня возвращается назад. Он повторил Щепковскому и мне приглашение от Михальских на праздники. Не знаю, позволят ли нам наши господа.

15 декабря, понедельник. Если бы Мацкевич так усердно занимался французским, как теперь Оскар Дейхман взялся за итальянский, то он обязательно бы к этому времени научился читать и понимать с легкостью. С Оскаром три или четыре урока принесли большую пользу, нежели тому продолжающаяся несколько месяцев якобы учеба. Но стоит признать, что с любой точки зрения редко можно встретить такого молодого человека, как Оскар.

16 декабря, вторник. Моя хозяйка вот уже несколько дней болеет воспалением легких. Сразу же попросил помощи Мацкевича, а он был настолько добр, что посещал ее раз или два в день, прописывая ей лекарства и доставляя их бесплатно из своей аптеки, что тем более благородно с его стороны, что он от бедной женщины не мог ожидать никакого вознаграждения. Поскольку рядом с ней нет никого, кроме другой, такой же, как она, старой, безалаберной и неуслужливой бабы, поэтому на время ее болезни я взял на себя обязанность следить за временем принятия лекарств и их больной подавать. И это я мог сделать легко, имея теперь мало занятий в доме полковника, где только Наденька учится перед самым обедом, и поэтому я, вернувшись оттуда, никуда не выхожу из моего ледника. Теперь госпоже Амбрусовой уже лучше.

17 декабря, среда. Мы разговаривали со Щепковским о том, чтобы поехать в Александровск на праздники. Он намеревается просить разрешение для себя и для меня. Надеюсь,

Мевиус не захочет отказать в такой простой вещи, никому не наносящей вреда. Я очень рад, что друг Вольфганг избавит меня от неприятности просить, потому что для меня это всегда страшная мука.

18 декабря, четверг. Полковник тоже хочет поехать на праздники к своей семье, собравшейся сейчас в Иркутске, поэтому тем более он не должен бы противиться нашей поездке в Александровск, поскольку в это время ни Вольфганг, ни я не имеем здесь никакой работы, потому что и Наденьку полковник, скорее всего, заберет в город.

19 декабря, пятница. Оскар Дейхман с сожалением сегодня сообщил мне, что раньше, чем предполагал, ему следует отправиться в Нерчинск на постоянное место жительства в тех краях, а поэтому и уроки итальянского языка ему придется бросить. Конечно, очень жаль, ведь он сейчас уже делает большие успехи.

20 декабря, суббота. Сегодня видел ужасный сон. Перенесенный из Сибири к семье, я видел там смерть моего старшего сына. Заплаканный, я проснулся среди ночи и долго потом не мог заснуть. Ближе к утру предыдущий сон снова вернулся и как бы в продолжение показал похороны моего ребенка. Осталось тяжелое впечатление, которое я чувствую и которое невольно будет продолжаться, пока меня не успокоит известие из дому. Но когда я его получу?

21 декабря, воскресенье. Оскар сегодня сообщил мне, что, уехав отсюда в Иркутск на праздники, он сюда уже не вернется, поскольку должен в первых днях января отправиться на свою должность в нерчинских рудниках. Поэтому нужно приготовить письма для товарищей там, которым он обещает их лично вручить.

22 декабря, понедельник. Оскар дал мне сегодня свой альбом с просьбой, чтобы я там на память записал стих Эренберга на отъезд друзей. Оскар ни слова не понимает по-польски, но когда мы с Новицким переводили ему эти стихи, они его потрясли, и теперь он хочет иметь их в своем альбоме. «Может, тебе будет приятнее,— спросил я,— иметь несколько прекрасных отрывков на знакомом языке, то есть на французском или немецком?» — «Нет, я хочу, чтобы ты написал для меня что-нибудь на своем родном языке». — «Зачем тебе это?» — «По-

тому что я уверен, что тебе приятнее писать на твоём родном языке, который ты теперь редко используешь и который в твоём теперешнем положении должен быть особенно дорог для тебя». Он сказал это с заметным чувством, а я его сердечно обнял за такие благородные и деликатные чувства. Я напишу ему стих Эренберга и еще несколько отрывков из Мицкевича и Стаха Доливы. К этому я хочу еще добавить переведенный мною отрывок из Ламенне под названием «Изгнанник».

23 декабря, вторник. Весь сегодняшний день я был занят записями в альбоме Оскара и длинным письмом к Петру Боровскому, которое должно послужить для всех наших за Байкалом. Но если они, как я ожидаю, получат это письмо, то, скорее всего, будут сожалеть, что так мало подробностей обо мне и обо всех нас здесь. Я писал всей группе тамошних ссыльных, но наряду с этим каждый из знакомых в этом письме найдет отдельный абзац для себя. Я уже отдал это письмо Оскару. А альбом отдам только завтра утром, потому что хочу написать там еще несколько слов по-французски, благодаря его за то, что он так хорошо понял чувства изгнанника, также я хотел выразить ему, чем для поляка в изгнании является родной язык.

У нас с Вольфгангом уже есть разрешение поехать в Александровск и остаться там несколько дней. Завтра мы хотим быть на сочельнике у Михальской.

24 декабря, среда, в Александровске поздно вечером. Приехав сюда, мы уже застали друзей, Людвига Янишевского и Юстиниана Ручиньского, которые гостят здесь со вчера. Ожидали и Иоахима Лесневича, но его, наверное, уже не будет, раз он не приехал до сих пор. В сочельник мы собрались вдесятером и одиннадцатая — хозяйка, уважаемая спутница, разделяющая наши страдания и наша утешительница Михальская. Преломление облатки пожелания при этом, по старинному обычаю отцов, всех привели в грустное настроение и вызвали горькие чувства, напоминая, что в эти же самые минуты семья каждого с болью совершает этот обычай...

Артамон Муравьев прислал через Ручиньского несколько французских книг для Фридриха и две английские для меня: *The two Friends?* by the Countess of Blessington и *Eve Effingham, or Home*, by J. Fen. Cooper.

25 декабря, четверг, в Александровске. Щепковский очень рано утром уехал в Усолье, спеша к своему там хозяйству, а я остался здесь на все праздники, после которых Яцек отправит меня на завод.

Перед обедом мы все пошли с поздравлениями к местному начальнику. Он принял нас очень любезно и оставил на завтрак, приглашая меня, чтобы я еще его навестил, прежде чем уеду из Александровска. Оттуда мы нанесли визиты еще несколькими другим местным заправилам.

Бедный Яцек, он давно уже не получал ни от жены, ни от матери никакого пособия и поэтому начинает терпеть нужду в предметах первой необходимости. Я дал ему часть из своих скудных запасов.

26 декабря, пятница, в Александровске. Господа Зверевы через Михальскую, которая была у них вчера на ужине, пригласили меня на кофе. Я пошел туда, и они достаточно долго меня задержали, требуя, чтобы я проверил их мальчика, который три месяца оставался в Урике, где оба Волконских и младший Поджио занимались его обучением.

27 декабря, суббота, в Александровске. Янишевский и Ручинский, хотя намеревались сегодня уехать, поддались всеобщим уговорам и остались до завтра.

28 декабря, воскресенье, в Александровске. После отъезда двух наших иркутских друзей визиты местных дам заняли Михальскую до самого обеда, поэтому и я не мог уехать сразу после обеда, как хотел, потому что сначала надо было написать моей матери рукой Михальской, отвечая на письмо, которая та получила три недели назад. Я повторил ей вкратце то, о чем недавно писал Оскар от моего имени. Сильнее всего я настаивал на том, чтобы все мои писали мне, как обещают, и чтобы писали по очереди, по крайней мере, каждый месяц. В этом письме также сообщалось о Яцке и Иоахиме. Когда Михальская закончила писать, было уже поздно возвращаться в Усолье, поэтому я отложил отъезд до завтрашнего утра.

29 декабря, понедельник, в Усолье. После сильных морозов сегодня вдруг так потеплело, что я мог ехать из Александровска в одном плаще, без красноярского казенного кожуха. Но мне не хочется доверять мягкости сибирского неба.

Щепковский сказал мне, что Мевиус должен вернуться из города только через несколько дней после Нового года и, скорее всего, со всей семьей. Он добавил, что, по словам Мевиуса, я мог бы сейчас дольше остаться у наших. Но я взял себе за правило никогда не нарушать полученного разрешения.

30 декабря, вторник. С утра приехал ко мне господин Василевский, а пробыв здесь с полчаса, позвал меня с собой сыграть в бильярд. Это мое любимое развлечение (хотя в Сибири я играю не лучше, чем играл на родине) задержало меня на два или три часа, о чем я теперь жалею, потому что в комнате для бильярда бы сильный чад, который нельзя было почувствовать, но когда я вышел на свежий воздух, у меня ужасно разболелась голова и боль не прошла до ночи.

31 декабря, среда. Как в прошлом году в последний день декабря, так и сейчас я сделал годовой подсчет всех моих расходов, и из него стало видно, что хотя на протяжении этих двух лет я бесплатно питался в доме у Мевиуса и хотя я экономил как мог, но общая сумма расходов и в первый, и во второй год достигла 300 рублей. И поэтому я не слишком много требую от моей семьи, когда прошу, чтобы они прислали мне одновременно 500 или 600 рублей на ежегодное содержание, когда придется питаться уже за свой счет. Что, как мне кажется, произойдет уже скоро.

Глава седьмая

1842 год: чем отличается от других. — Северное сияние. — Новоуицкий. — Пробую сироп из картофеля. — Какое благородство невозможно отнять. — Известия с Подолья. — Болезнь друга. — Сила души и посвящение жены Лесневича. — Немировский болен. — Опасность. — Спаситель Мацкевич. — Ручиньского переводят в Западную Сибирь, прощание. — Известия из дому. — Письмо Волконской, я не разделяю ее заблуждения. — Списки ссыльных из дворян для царя, рядом с некоторыми мнение Руперта при отправке этих списков. — О наших за Байкалом. — Воспоминание о Раймунде Корсаке: как он выступал перед молодежью. — Поджою. — Проповедь Левиньскому. — В Урике. — Владимир Раевский. — В Иркутске. — Картофельный сахар. — Встреча с женой Лесневича,

ее приключения.— Старый Дейхман.— Юшневский и его жена.— Муравьев. Предложение общества с Новицким: условие того.— Странные требования, не хочу им подчиняться.— Вадковский.— Трубецкой.— Запас книг.— Предложение Дейхмана, я принимаю: почему? — Сравнение его обхождения с поведением Мевууса.— Слова правды Мевуусу.— Мацкевич.— Какие чувства испытывает ссыльный поляк при чтении польской книги? — Уроки религии лютеранскому ребенку.— Чем я питаюсь? — Спекуляция чиновника.— Трое новых ссыльных, скидываемся для них.— Работы Густава Бьюмо.— Воспоминание о 3 мая.

1842 год

1 января, четверг. Который уже раз я записываю в этом дневнике цифру другого года!.. Мне Новый год столько нового, столько изменений приносит!

Новый год... Издевательские слова для ссыльного, муки которого от разных обыденных страданий уже давно вышли из-под власти времени; для которого надежда может воскреснуть!..

Через два или три дня, через неделю моя рука привыкнет писать число 42, как вчера 41, как раньше писала 40, 39, никакой разницы в этом нет... и вся эта вереница старых и не родившихся еще для меня лет является только одной, непрерывной, бесцветной цепочкой дней, всегда одинаковых, адски долгих, начало которых, как вчера или сегодня, постоянно сидит в памяти. Но их завтра, завтра, расцветающего концом неволи, облагороженного родным небом, звучащего голосами моих сирот, завтра, звучащего торжественной молитвой на ее могиле... такого завтра разбитая мысль уже увидеть не сможет!

*Знаешь ли ты эту боль, которая непрерывно терзает
Поляка, приговоренного к вечному изгнанию?..
Эти невольные воспоминания о родном крове,
Эти бессонные ночи, и эти трудные дни,
И мысли эти — мучительные, протяжные, понурые,
Вместе с чувством изгнания сердцу недоступные?..*

Стах Долива, записывая из воображения этот верный образ состояния души изгнанника, не знал, что его несчастный друг когда-то дословно проверит его на собственном опыте!..

2 января, пятница. Щепковскому неожиданно удалось побывать в Александровске на несколько часов. Господин Василевский, когда ехал туда, взял его с собой. Когда я об этом узнал, то думал, что Вольфганг привезет мне от Михальской письмо с сообщением о пребывании в Урике Янишевского и Ручиньского. Но она ничего не написала. Видимо, последний еще не сообщил о результате данного ему к княгине поручения.

3 января, суббота. Благой сон о драгоценном существе. Очнувшись среди ночи, я долго еще вспоминал сладкую иллюзию, и, еще долго занимая этим свою мысль, я хотел снова вызвать повторение чарующего образа, который как отблеск погасших дней моего счастья пришел на мгновение порадовать истосковавшуюся душу. Но напрасно. Вторично я заснул уже перед самым рассветом. Ее я уже не видел. Но перенесшийся к своей семье, я играл с детьми. Слышал голос моей матери, матери Даровской; видел моего отца, сестер, друзей; разговаривал со Стахом Доливой. Словом, был на родине!.. О, как бы я охотно согласился на то, чтобы днем терпеть какие-нибудь новые, болезненнейшие неприятности наяву: только бы всегда иметь сны, подобные сегодняшнему!

Может, полковник привезет мне реальную радость в письме, которое я должен бы уже получить согласно тому, что писала сестра Михальской.

4 января, воскресенье. Сосед Ручиньского, Панов (русский ссыльный с 1826 года), заядлый охотник, разорвал свое прекрасное английское ружье и хотел, чтобы его здесь наладили. Ручиньский привез его в Александровск, поручая мне проследить за работой над ним местного мастера Мишки, который настолько же искусный оружейник, насколько большой лентяй. Сегодня я дал это ружье его сиятельству Мишке, который за 20 рублей обещал все сделать в течение двух недель. Но будет хорошо, если он и через месяц сдержит свое слово.

5 января, понедельник. Что-то долго наши господа не возвращаются из Иркутска. Но чем позднее полковник оттуда придет, тем больше шансов, что он привезет письмо от моих. Только бы надежда меня не обманула!

6 января, вторник. Сегодня вернулся Мацкевич, и я сразу пошел к нему. Он не привез мне письма от Леопольда, но сообщил хорошую новость, что в Иркутск для Михальской пришло 6 тысяч рублей. Я этому искренне обрадовался и сразу же написал ей, сообщая, чтобы поехала получить эти деньги.

7 января, среда. Первый раз в жизни этим вечером я видел северное сияние. Это было прекрасное и величественное зрелище. Жаль только, что я увидел его тогда, когда оно уже исчезало, поэтому мог смотреть на него совсем недолго.

8 января, четверг. Сегодня вернулся Мевуис. Он привез мне письмо Леопольда, который прислал мне ответ Ручиньского и письмо от моего дорогого Стаха, написанное 13 ноября, вместе с 50 рублями. Всей жизни не хватит на выплату долга этому достойному человеку за все его благодеяния, и все равно я умру его должником.

Он теперь сообщает, что дети здоровы, растут под присмотром двух бабок. Имуществом Машкевича, которое унаследовала мать Даровская, управляет Богуш. Умер дядя моих сестер Ян Стажиньский, который записал все свое имущество на племянника Эдварда. Имущество моих детей в Збжизе отдали в шестилетнюю аренду. Стах в Збжизе уже не живет. Он хочет отдать имущество в аренду и уехать за границу.

Эта последняя информация из письма Стаха меня сильно огорчила. Из-за его отъезда из страны я много потерю не только в плане получения пособия, но еще, что не менее важно для меня, в плане более редкой информации о моих. До сих пор он, единственный из такой большой семьи, чаще всего писал ссыльному.

Ручиньский сообщил о своей поездке в Урик и о выполнении там поручения Михальской. Он говорит, что княгиня была очень задета возвратом вещей. Но Ручиньский правильно заканчивает таким замечанием: «Хорошо, что раз и навсегда положен конец подаркам, о которых даже вспоминать неудобно». Юстиниан, вернувшись из Урика в город, застал письмо от жены с обещанием, что она в январе выедет к нему.

Новицкий получил разрешение поселиться в городе и уже туда переехал, чтобы работать на производстве сахара. Новая попытка получить сироп из картофеля ему удалась.

Немировский пишет, что не уверен в своем возвращении к нам и что там у него дела идут хорошо. Но он жалуется на чрезмерное количество работы и на нехватку свободного времени.

И достойный Оскар написал для меня письмо через свою возлюбленную Элизу. Выезд в Нерчинск отложен на некоторое время.

9 января, пятница. Очень вовремя подвернулась оказия написать в город. Я ответил Ручиньскому, сообщая, что, сверх ожидания, Мишка налаженное ружье Панова отдаст на днях. Леопольду я послал доверенность на письмо и деньги от Стаха, прося при этом купить для меня некоторые вещи: сахар, табак и т. д., также я написал и Оскару, отвечая на его любезное письмо по-французски.

10 января, суббота. Мацкевич нездоров с тех пор, как вернулся из Иркутска, и из дома не выходит. Я просил у него совета для Михальской, которая сообщила, что ее прежняя болезнь возвращается, а также совет для Олизара Филипа и для Гольиньского. Добрый наш эскулап пообещал, что через несколько дней поедет в Александровск.

11 января, воскресенье. И сегодня письмо от Фридриха. Он просит лекарств для себя, жены и для Олизара. Мацкевич дал их двоим первым, а остальным сам привезет завтра.

12 января, понедельник. Должно быть, Мишка очень нуждался в деньгах, раз заказ для Панова сделал раньше, чем обещал, что наверняка случилось первый раз в его жизни. Я заплатил из своего кармана, поскольку Ручиньский еще не прислал на это деньги. О качестве ружья и ремонта будет судить Щепковский, который должен будет его опробовать.

13 января, вторник. Бедные эти местные люди!.. В неуклюжести своей умственной слепоты они обвиняют меня иногда в моем теперешнем положении, пытаясь этим унижить! Не знают, не понимают они, что есть такой вид благородства, которого никакая сила в мире не может отобрать, потому что оно заключается не только в древних титулах и записях, не на корнях, из которых ведется род, оно опирается на благородство чувств человека, на его высокие мысли, на достоинство души и на праведные стремления. Такому благородству, при наличии добродетели и образования, приговор о лишении

вместо ущерба придает новое, уважаемое и святое достоинство мученичества, если только напрасно осужденный правильно судьбу свою оценить может и достойно переносить ее умеет.

Я уже давно непоколебимо решил, что на все, которые меня здесь встретят, неприятности не буду отвечать ничем, кроме молчаливой жалости, когда их источник лежит в чем-то неведении или тупости. Если же злость или никчемность — их причина, тогда холодный взгляд презрения будет моим ответом. Оба эти чувства, хорошо видные на моем лице, обычно закрывают рот каждому, кто бы мне ни надоедал, и с успехом действуют во всех словесных стычках, которые я ненавижу и которых избегаю. Мое постоянство в таком поведении всегда и везде уже принесло мне два прозвища: «чудак» и «гордец». Я на них не сержусь, может, это им я обязан тем, что сейчас имею немного спокойствия, а я здесь больше ни от кого ничего не хочу.

Oblitus cunctorum; obliviscendus et illis...

14 января, среда. Наши господа снова все уезжают в город на несколько дней на концерты, акробатические представления и другие развлечения здешней столицы. У нас снова будут каникулы.

15 января, четверг. Сегодня я получил неожиданную радость: благодарю Тебя за нее, добрый Боже! Фридрих прислал мне письмо от моей сестры Теодоры Хмелёвской от 2 ноября, написанное на адрес Михальской. Теодора сообщает, что несколько дней назад видела в Каменце мою мать с Казимирой и моим младшим сыном. Она хвалит этого ребенка. Говорит, что недавно была в Жердзе, и рассказывает о тех двух сиротах. Зизи похож на меня, а Хеми — на свою мать. Теодора уверяет, что обе бабки любят этих детей как своих собственных. Она прислала мне благословение от своего достопочтенного отца, моего дяди Тадеуша Рачиньского, приветы от нашей многочисленной семьи из Каменца и вместе с этим еще несколько дорогих слов, свидетельствующих, что мои достойные земляки вспоминают меня с добрыми чувствами.

Я ответил Фридриху с просьбой, чтобы его жена, когда будет писать Хмелёвской, сообщила обо мне то, что я сейчас посылаю.

Я получил и от Яцека несколько слов о здоровье моей семьи из письма его жены. Благодаря его за это, я попросил, чтобы так делал всегда, а я, со своей стороны, буду сообщать ему то, что прочитаю о его семье в письмах ко мне.

16 января, пятница. Попросил Вольфганга, как заядлого охотника и стрелка, чтобы он опробовал ружье, которое я должен буду отослать Ручиньскому. Оказалось, что, к нашему удивлению, оно стреляет далеко и точно. Думаю, Панов будет доволен сделанным ремонтом.

17 января, суббота. Я уже отвык от горячего завтрака. А теперь начинаю отвыкать и от вечернего чая. Вижу в этом необходимости из-за гораздо более высокой, чем в предыдущие годы, оплаты жилья и других нужд. Вскоре, вероятно, мне придется питаться из своего кармана. Поэтому на чай и сахар не хватит того, что у меня есть, а увеличения помощи из дому, о которой я просил, еще не произошло.

18 января, воскресенье. Вольфганг, как музыкой, так и кулинарным искусством владеющий в совершенстве, пригласил меня сегодня на зразы и кашу, приготовленные им самим по-польски. Нам казались более вкусными эти простые блюда нашей родины, чем все, иногда даже изысканные, обеды Мевууса.

19 января, понедельник. Сегодня утром неожиданно заболел Щепковский. Один из его музыкантов пришел сообщить мне об этом. Я сразу же побежал к нему и застал его совершенно беспомощным и жалующимся на озноб и боль во всем теле. Немедленно позвали Мацкевича. Тот прописал лекарства, а я слежу, чтобы Вольфганг их вовремя принимал. Вечером состояние больного, кажется, ухудшилось.

20 января, вторник. Вольфгангу немного лучше, но все равно он сильно болен и не может встать с кровати. Мацкевич прописал новые лекарства.

Меня мучает такая сильная зубная боль, что всю прошлую ночь и весь день не имел и минуты покоя, от этой боли я почти теряю сознание.

21 января, среда. Едва заснув после часа ночи, в четыре я был разбужен человеком, которого прислал Щепковский. Его состояние сильно ухудшилось. Сильные и постоянные колики не давали ему дышать. Я сразу поехал разбудить Мацкевича,

и тот немедленно был у больного. Велел пустить ему кровь, поставить банки и пластыри. Дал микстуру, порошки и т. д. Я не отходил от бедного Вольфганга, болезнь которого кажется опасной. Вечером колики немного ослабли, но все еще продолжались.

Я только в десять вернулся к себе, чтобы немного отдохнуть и снова быть способным помогать больному. Сейчас я так измучен, что едва могу двигаться.

22 января, четверг. Благодарение Богу, Вольфгангу лучше. Сегодня у него появился аппетит, и он съел немного бульона.

Шиманьский подсказал мне возможность отправки в город через одного военного, ручаясь за его честность. Через него я послал ружье, написав Ручиньскому и Леопольду.

23 января, пятница. У бедного Щепковского рецидив, и, как утверждает Мацкевич, опасность сейчас больше, чем в первый раз.

Сегодня утром приехал Немировский. С момента его прибытия и до поздней ночи мы по очереди следили за больным другом. Мацкевич часто его посещает и использует разные средства. Вечером он велел мне сделать ванну. После нее было обильное потоотделение. Может, оно будет спасительным.

Леопольду велели выехать из города дней на двадцать. И это по причине ожидаемого там генерала Фалькенберга, с которым Руперт сейчас в ссоре. Леопольд привез мне письмо от моей сестры Казимиры от 27 ноября. В этом письме было несколько слов благословения, написанных рукой моей матери. Со слезами благодарности, почитания и невыразимой любви я целовал этот дорогой, святой для меня почерк. Казимира общается обо всех моих детях. Они здоровы и счастливо растут. Недавно она навещала мать Даровскую. Она говорит, что Зизи похож на меня, вырос так, как будто ему девять лет, что Хеми очень милый ребенок. Но больше всего она хвалит Лёля, который, как она пишет, похож на свою мать, живой, веселый и проявляет хорошие склонности сердца. Но снова Казимира повторяет грустные вести о здоровье моей матери. Всесильное Провидение! Опекай ее. О сестре Идалии она пишет, что та с мужем живет в Баранувке, но что она была более здоровой до замужества, чем теперь.

Еще мне Казимира прислала несколько дружественных слов от достойной Юлии Ланжанки, когда-то самой близкой и лучшей подруги моей Пелагии. Я верю в настоящую, искреннюю дружбу Юлии ко мне, которую не изменят никакие превратности судьбы, и сегодня эта вера служит мне утешением. Она тоже взаимно должна быть уверена, что чувства, которые она пробудила в сердце Пелагии, повторенные и в моей душе, погаснуть не могли, хотя сердце той и перестало биться.

На днях к Иоахиму приехала жена. Прямо из Петербурга. Со времени своего отъезда из Киева она не была на Подолье. Она надеется на улучшение судьбы своего мужа, опирая эту надежду на сильную протекцию в столице. Если же эта надежда в течение ближайших нескольких месяцев не оправдается, она решила снова вернуться в Петербург и там опять стучать и умолять. Что за достойная женщина! Какая необычайная душевная сила и самопожертвование!

Кароль Старорыпинский в письме к своей сестре Михальской сообщает, что Стах Долива уже получил эмиграционный паспорт и ожидает только продажи имущества, чтобы уехать из страны, что, вероятно, вскоре и произойдет. Значит, истощится мой источник утешения и облегчения! Все более мрачное будущее открывается передо мной!

24 января, суббота. Олизар Кароль приехал навестить больного Вольфганга. Тому становится лучше.

Михальская из присланных ей 6 тысяч рублей сейчас получила только половину, остальное губернатор обещал отдать ей позднее. Михальская с сыном собираются начать спекуляцию на доставке дров на винокурню и с этой целью должны покупать коней.

25 января, воскресенье. Олизар, переночевав у меня, уехал сегодня в Александровск. Щепковскому, благодарение Богу, уже значительно лучше, но зато заболел Немировский, простудившись, когда заботился о том. Он до сих пор еще не нашел себе жилья, сегодня временно пришел ко мне, но он настолько слаб, что едва смог сюда дойти.

26 января, понедельник. Я всю ночь без сна провел при Леопольде, который тяжело болен. Со вчерашнего вечера у него сильная горячка, он был без сознания. Постоянно бредил. Утром сегодня я привел доктора. Тот прописал лекарства, но

они не принесли никакого результата. Вечером больному стало хуже. Мацкевич был снова и велел перенести его в свою квартиру, поскольку у меня ужасно холодно.

27 января, вторник. Я никогда не хотел так сильно быть здоровым, как сейчас, чтобы быть полезным обоим собратьям по несчастью. Из них у Вольфганга, по крайней мере, есть забота в виде его музыкантов, по очереди сидящих у него, и он уже на пути к выздоровлению. Но у Немировского, кроме меня, никого нет, к кому он мог бы смело обратиться. Его болезнь страшно усилилась. После занятий я пойду к нему и там уже останусь.

28 января, до обеда. Леопольд опасно болен. Всю ночь я постоянно был при нем. Сегодня утром ему пустили кровь, и Мацкевич велел приготовить ванну. Первая пока не помогла, в беспокойстве мы ожидаем результата другой. Это сильное воспаление желудка. Мацкевич опасается наихудшего исхода, хотя прилагает все усилия, чтобы его предотвратить.

29 января, четверг. Вчера до самой полуночи состояние бедного Леопольда грозило, как говорит Мацкевич, опасностью быстрой смерти. Только позднее сильный пот и сон несколько облегчили его страдания. Сегодня он чувствует себя лучше, и, как утверждает доктор, опасность уже миновала. Я прошлую и эту ночь не отходил от его кровати. Дорогой Мацкевич за обоими моими товарищами следит, как за родными братьями, и заботится о них истинно по-матерински.

Вчера я велел сообщить в доме полковника, что два или три дня не буду ходить на занятия, чтобы постоянно быть при больных. У себя я позавчера и вчера задерживался только для того, чтобы сменить белье и написать в этом дневнике. На ночь я снова пойду к Леопольду.

30 января, пятница. Больной спал неплохо и довольно долго. Хотя его сон несколько раз прерывался. Сегодня заметно значительное улучшение. Он чувствует желание поесть и начинает ходить по комнате, но настолько слаб, что может сделать едва несколько шагов, чтобы не потерять сознание.

31 января, суббота. Леопольд провел ночь еще лучше, чем вчера, сон его был спокойный и укрепляющий. Все боли уже прошли, и силы к нему, благодарение Богу, возвращаются. Со вчерашнего дня он не принимает никаких лекарств.

Приехал сюда Оскар Дейхман, на днях направляющийся в Нерчинск. Пользуясь его появлением, Леопольд, который еще настолько слаб, что сам писать не может, попросил, чтобы я его выручил и написал забайкальским братьям весточки при отдельном письме Валериану Коссаковскому. Сегодня утром я это сделал.

Со вторника сегодня я первую ночь буду спать у себя, уже более спокойный за больного, который может теперь обойтись без моего присмотра. Я же после стольких бессонных ночей чувствую себя невыносимо измученным и обессиленным.

Вольфганг, которого я также каждый день навещаю, уже почти полностью здоров. Мацкевич говорит, что через пару дней он сможет выходить из дому.

1 февраля, воскресенье. Когда я сегодня вечером пришел к Леопольду, то застал там большую пьянку и гулянку в комнате Мацкевича, который всю местную иерархию пригласил к себе на вечер и щедро угощал шампанским. Ревностный хозяин сразу повернулся ко мне с полным стаканом. Трудно было отказаться, поэтому я выпил за здоровье спасителя двух моих товарищей.

2 февраля, понедельник. Говорят, что на днях якобы пришлось Рошковскому Адольфу освобождение от работ и отправка на поселение. Дай Бог, чтобы это была правда, но мне трудно в это поверить. Не знаю, есть ли другой такой угол на земле, где бы столько ходило сплетен, как здесь. Кстати, вчера я узнал о том, что весть, которую летом мне сообщил Немировский о возвращении дворянства детям русских ссыльных и свободе выбора учебных заведений для них, тоже была сплетней.

3 февраля, вторник. Оба моих друга уже почти здоровы. Но теперь, кажется, пришла моя очередь болеть. Со вчерашнего дня я чувствую такую сильную боль в пояснице, которая вызывает такое ощущение, будто я крепко связан, не дает мне прямо ходить и отзывается при каждом движении. Только бы это не было началом какой-нибудь серьезной болезни.

4 февраля, среда. Боль в пояснице вчера весь день меня так сильно мучила, что я не мог навестить моих друзей. Только сегодня после обеда боль немного уменьшилась, и я пошел к ним. Оба чувствуют себя хорошо. Щепковскому Мацкевич обещал, что если будет не сильно холодно, то он завтра или

послезавтра разрешит ему выйти. То же самое он вскоре разрешит и Леопольду. С последним я просидел весь вечер.

5 февраля, четверг. Приехали Уминьский и Кароль Олизар. Первый привез мне вещи, список которых был в последнем письме Казимиры: одежда, белье и несколько фунтов турецкого табака. Я нашел все, кроме бритвенного станка, который также был упомянут в письме. Видимо, его либо дома не положили в посылку, либо же он понравился кому-то в Иркутске, что происходит нередко. Среди одежды мне прислали черный фрак вместо сюртука, о котором я просил. Если я и в прежнем состоянии не любил надевать этот наряд и носил его только тогда, когда ситуация этого требовала, то сейчас он мне тем более не нужен, и носить его я не буду.

6 февраля, пятница. Ручиньский написал мне, что его тетка, жена генерала Розена, выпросила для него переселение в город Туринске в Тобольской губернии, на самой границе с Европой. На днях пришел приказ о немедленной его отправке туда. Он хотел заехать сюда, чтобы попрощаться с нами, но, видимо, приставленный к нему государственный сопровождающий не согласился на это маленькое отклонение. Он пишет, что ему жаль уезжать из этих мест, где так много его товарищей по несчастью. Но ему это щедро вознаградит приближение к родине на добрую половину пути и, прежде всего, воссоединение с женой, которая, согласно последнему письму, одновременно с ним должна быть в Туринске.

7 февраля, суббота. В самую полночь, когда я уже собирался спать, меня сильно удивили топот коней и звон почтового колокольчика, остановившихся возле моего дома. Не зная, что и думать, я вскоре услышал голос Ручиньского, который просил открыть ему. Меня очень обрадовал его приезд, которого я не ожидал. Он заехал сюда только для того, чтобы попрощаться с товарищами, и решил этой же ночью выехать, чтобы как можно быстрее оказаться у цели пути, где, может, уже встретит ждущую его жену. Поэтому, не теряя ни минуты, мы пошли с ним разбудить Мацкевича и находящегося там до сих пор Немировского. Там мы оставались пару часов. В это время я воспользовался возможностью написать Мархоцкому, отвечая на его давнишнее письмо и на весточку, посланную Михальской. Я просил его, чтобы он писал мне,

не обращая внимания на мое вынужденное молчание, и что-бы прислал мне последний том Шиллера. От Мацкевича мы пошли разбудить Щепковского и остались у него на час. После чего вернулись ко мне, где его уже ждали смененные почтовые кони и приставленный к нему в Иркутске ассистент. Поэтому нужно было прощаться с этим хорошим товарищем, настолько более счастливым, чем я, которого, быть может, уже никогда не увижу. Он отъехал около пяти. Я сердечно благословил его на путь, искренне ему завидуя. Разные чувства и мысли, крутящиеся у меня в голове, уже не дали мне заснуть.

8 февраля, воскресенье. Фридрих Михальский прислал мне письмо к его жене, написанное матерью Даровской 28 ноября в ответ на письмо Михальской, в котором та сообщала обо мне. В этом письме вестил о моих сиротах, что у Зизи слишком большой рост для его лет, что он прекрасный мальчик, что учится, но все дается ему с трудом. Что Лёля на голову меньше брата: красивый ребенок (так о нем говорит бабушка), очень похож на мать, веселый и имеет хорошую память. Что Мися маленькая и наименее красивая. Дальше она пишет, что единственное ее желание — увидеть несчастных изгнанников, и добавляет, что умерла бы спокойней, если бы могла когда-нибудь отдать отцу этих бедных сирот. О, выслушай, Отче небесный, эти вздохи добродетельной женщины! Еще она сообщает, что тогда ожидала приезда моей сестры Идалии с мужем и поэтому на несколько дней отложила отправку своего письма, думая, что и они несколько слов мне напишут; что они живут в Баранувке, любят друг друга и счастливы. Что сын ее, Станислав Даровский, женился на Розалии Подлевской. Что Юлия Ланжанка выходит замуж за Модеровского. (Только бы она нашла счастье, которого достойно ее ангельское сердце и которое она сможет принести мужу.) Мечниковский взял в аренду часть Збжизя, собственность моих детей. Заканчивая письмо, она обещает прислать мне новую помощь, как договаривались. А значит, я вскоре уже смогу ее получить.

Я написал Михальской, возвращая это письмо, но когда буду в Александровске, хочу попросить ее подарить мне это письмо. Что за счастливая случайность, что именно сегодня, в день рождения моего Лёля (ему исполнилось пять), я получил

известие об этом дорогом ребенке. Только бы так было в каждую, дорогую моему сердцу годовщину!

9 февраля, понедельник. Был здесь господин Родственный, полковник, начальник нерчинских шахт и заводов, которого очень хвалят наши тамошние собратья. Он тоже говорил Мевису, что очень доволен их поведением, особенно благосклонно он упоминал об Антонии Бопрэ и о его врачебных способностях, повсюду там ценимых.

10 февраля, вторник. Я очень рад турецкому табаку, который мне прислали из дому, тем более что он высокого качества. Сегодня я поделился этим лакомством со здоровыми уже друзьями Леопольдом и Вольфгангом.

11 февраля, среда. Счастливая случайность, что именно сегодня, как знак в день моего рождения, я получил письмо княгини Марии Волконской. Она сообщает мне, что позавчера был у нее генерал Фалькенберг и она просила его похотатайствовать у генерала Руперта, чтобы тот разрешил мне переехать в Урик для поправки здоровья при помощи доктора Вольфа. Фалькенберг пообещал княгине, что выполнит ее просьбу, давая надежду на положительный результат. Кажется, она в этом уверена и призывает меня, чтобы, как только получу разрешение, сразу поспешил к ней, ручаясь, что в ее доме я обрету дружескую заботу и что вскоре обрету здоровье и силы.

Действительно, лечение у Вольфа не было бы только предлогом, поскольку здоровье мое уже давно пошатнулось, я нуждаюсь в постоянном лечении в более удобном для этого положении и при большем спокойствии и свободе. Я сразу же ответил, благодаря от всего сердца ее за такие хлопоты и сочувствие. Только я абсолютно не верю, чтобы сейчас дело пошло лучше, чем прошлой осенью. Тем более что Руперт находится в плохих отношениях с Фалькенбергом, и трудно предположить, что влияние последнего будет иметь положительный эффект. Я говорил об этом с Леопольдом. Он тоже сильно сомневается, что княгине удастся вырвать меня из Усоля. Все это воздушные замки.

12 февраля, четверг. Кароль Олизар заболел несколько дней назад. Я хотел бы его навестить, но сейчас мне не стоит просить разрешения. Вскоре Леопольд должен быть в Алек-

сандровске. Может, и мне тогда не откажут поехать вместе с ним.

13 февраля, пятница. Генерал Фалькенберг уже выехал из Иркутска и возвращается в Омск. Неизвестно, вызовут ли Немировского в город, как ему обещали, или он должен будет остаться здесь. Эта неуверенность его мучает и наносит ему немалый вред, ибо, не зная, что с ним произойдет, он и здесь жильё снимает, и в городе дальше платит арендную плату, и, значит, пускает на ветер двадцать с лишним рублей.

14 февраля, суббота. В ближайшее время я ожидаю письма от княгини Марии с сообщением, что Руперт отказал в ее просьбе, если Фалькенберг ее вообще представил, в чем также можно сомневаться при их плохих взаимоотношениях. Но я удивляюсь, почему княгиня, зная об этом лучше меня, так легко поверила в возможность выполнения своего плана.

15 февраля, воскресенье. Недавно появился новый претендент на руку госпожи Элизы Мевюс в лице Константина Дейхмана. Большая популярность его у генерала Руперта, а кроме того, прекрасные успехи на службе и надежда на награды легко завоевали ему у родителей и у девушки первенство над Мацкевичем. Тот же, несвоевременной страстью ослепленный, теперь сильно страдает от неожиданного крушения своих надежд. Но время и здравый рассудок, я думаю, смогут излечить его от этого безумства, ради которого он был близок к тому, чтобы пожертвовать наиважнейшими ценностями и опрометчиво приготовить себе источник сожаления и упреков на всю жизнь.

16 февраля, понедельник. Если бы моя сестра, пообещав писать ко мне каждый месяц, написала после своего последнего письма, то до дня рождения моей матери я мог бы уже получить новое от нее известие, и именно этого я с тоской ожидал. Но напрасно я считал дни, ожидая таких желанных известий. Сегодняшнюю годовщину я встречаю с еще большей грустью от того, что после обещания Казимиры и многократных сообщениях о плохом состоянии здоровья бедной моей матери теперешнее о ней молчание подсовывает мне самые мрачные домыслы, ужаснейшие опасения... Трудно не сетовать на дорогих людей, когда я подумаю, как немного им стоит чаще отзываться к изгнаннику, для которого их слова стали

единственным благом на земле, единственным облегчением в страданиях и единственной услугой горьких дней... Беспокойство и ожидание — вот настоящий ад в нашей жизни.

17 февраля, вторник. Ясный и необычайно теплый для этих краев сегодняшний день не смог прояснить мой разум и разогнать грусть, которая охватила меня со вчерашнего дня. Сегодня почта ничего не принесла мне. Снова ждать, страдать и мучиться до вторника, и дай Бог, чтоб не дольше!

18 февраля, среда. Требуемые царем еще в начале прошлого года списки всех ссыльных из дворян, кроме только изгнанных за дело 1825 года, только недавно собранные с разных сторон Сибири, были отправлены в Петербург. Рядом с фамилией ссыльных генерал-губернатор написал свое мнение, представляя к большей или меньшей амнистии вслепую. Нам удалось получить известие о некоторых: «Гольинский, Михальские, Немировский, Олизар, Родзевич, Сабинский, Щепковский: всех отпустить на поселение; Ручинский Юстиниан и Людвик Янишевский: вернуть на родину; Лесневича и Уминьского: посчитать заслуживающими возвращения дворянства с представлением их к службе; Виктора Мрозовского: оставить на поселение на четыре года, потом разрешить вернуться на родину». Одни обещают, что из этих представлений наступит какое-то улучшение нашей судьбы, другие утверждают, что они не принесут никакого результата. К несчастью, это последнее наиболее правдоподобно.

19 февраля, четверг. Мацкевич, желая поехать сегодня в Александровск, позвал Немировского, чтобы тот его сопровождал, а он, до сих пор не зная, останется ли тут, или ему велят вернуться в город, с радостью воспользовался возможностью увидеть тамошних товарищей.

20 февраля, пятница. Фридрих писал мне, что Олизар Кароль уже поправился и что выехал покупать ему коней для запланированной спекуляции дровами.

21 февраля, суббота. Завтра ожидают прибытия генерала Руперта. Наверное, тогда и решится сомнение Леопольда о дальнейшем пребывании в Усолжье или возвращении в Иркутск. Искренне желаю ему этого последнего.

22 февраля, воскресенье. Генерал Руперт с женой и всей семьей, провожая свою дочь и зятя (майора Арсеньева), на-

правляющихся в Россию, приехали сюда и пробыли весь день.

Вот и рассеялись сомнения Леопольда: генерал сообщил, что хочет его возвращения в Иркутск.

23 февраля, понедельник. Я ночевал у Мацкевича, не заметив, что разговор с ним и Немировским с самого обеда незаметно затянулся аж до часа ночи и не желая так поздно возвращаться к себе, где мне пришлось бы долго стучать, пока баба меня бы наконец впустила.

Леопольду незачем сейчас спешить в Иркутск, ведь сейчас последняя неделя Масленицы, и из-за разных развлечений и забав у него не было бы уроков. Поэтому он хочет подольше остаться с нами.

24 февраля, вторник. Послезавтра полковник должен выехать на соляной завод за Байкал. Найдя сегодня подходящий случай, я попросил у него разрешения поехать в Иркутск как для того, чтобы увидеться с Иоахимом, так и из-за некоторых моих нужд в плане одежды и т. д.; одновременно я просил, чтобы он сказал об этом господину Титову, который в противном случае после отъезда первого мог бы чинить какие-либо препятствия моей поездке. Полковник согласился с моей просьбой, и поэтому через несколько дней я хотел бы выехать.

25 февраля, среда. С прошлой недели здесь находится господин Биркин. У него прекрасная память: он знает наизусть множество французской и российской поэзии. Из последней он декламировал мне вчера одну из исторических поэм Рылеева под названием «Волынский» *. Эта поэма мне очень понравилась, и Биркин сегодня ее для меня переписал.

26 февраля, четверг. Михальские пригласили меня на Масленицу, то есть на 1, 2 и 3 марта, сообщая, что в это время у них будет Иоахим с женой. Но я сильно сомневаюсь, что смогу поехать в эти дни. Скорее всего, я буду в Александровске не раньше следующего четверга, когда поеду через него в город. Также я хочу заехать в Урик.

27 февраля, пятница. У Мацкевича сегодня утром я неожиданно застал Новицкого Наполеона. Он привез нам письма от забайкальских друзей. Некоторые занимаются учительством

* Речь идет о поэме «Войнаровский».

и учатся сами, и все следят за сохранением духа, мужества и моральной силы. Словом, общее несчастье наше неся с достоинством и даже с пользой для других...

*Какое бы тебе ни выпало предназначение,
Хоть на Кавказ иль на Хиркана берег назначенье,
На ледяной Камчатке или в диком Тобольске
Ты действуй всегда и везде мысли по-польски!*

Так когда-то Корсак Раймунд обращался к молодому поколению.

Из свежих новостей из города Новицкий сообщил нам следующее: что вследствие пребывания царя в Варшаве сейчас пришло официальное письмо в Иркутск с вопросом о поведении нескольких ссыльных из Королевства, прежних и по последнему делу. Из этого можно сделать вывод о каких-то милостях для них.

28 февраля, суббота. Немировский здесь нанял коней в Иркутск. Я охотно бы с ним поехал, но поскольку он не хочет заезжать в Александровск, быв там недавно, также не хочет быть в Урике, а я бы хотел и того и другого, при этом мне еще нужно задержаться тут для решения некоторых вопросов, поэтому мой отъезд откладывается еще на несколько дней.

1 марта, воскресенье. На часок сюда заезжал Александр Поджио. Княгиня Мария специально его отправила, чтобы он увиделся со мной и спросил, нет ли у меня каких-либо известий о результате ее стараний обо мне через Фалькенберга, поскольку она до сих пор ничего об этом не знает. Но как же был удивлен Поджио, когда я сказал и о моей полной неосведомленности в этом вопросе. Однако он ручался, что когда я приеду в Урик, то уже застану там решение этой загадки, поскольку княгиня постарается получить из города ответ Руперта.

2 марта, понедельник. Левиньский хочет сделать большую и преступную глупость. Он решил жениться на простой женщине местного вероисповедания и (как это в Сибири бывает почти везде) наихудших нравов. Он был у меня сегодня, чтобы сообщить о своем намерении. Я дал ему христианский урок, не скупясь на замечания и без обиняков показывая ему всю недостойность такого поступка. Я не напоминал о его детях, остав-

ленных на родине. Языком религии я старался пробудить в нем совесть и благородные чувства. Я не сильно надеюсь, что моя проповедь принесет плоды, но, по крайней мере, я сделал то, что в этом случае считал своей обязанностью.

3 марта, вторник. Последний день Масленицы я провел с другом Вольфгангом у Мацкевича, который нас пригласил на обед, но свободный и приятный разговор с земляками мне вечером пришлось прервать, чтобы пойти искать коней для моей завтрашней поездки. Санный путь уже портится, поэтому я с трудом нашел подводу, которая отвезет меня в Александровск, потому что дальше никто не хотел.

4 марта, среда, в Александровске. Я очень рано выехал из Усолья, чтобы приехать сюда раньше, так как завтра я хочу быть в Урике. Что касается коней, то я попал из огня да в полымя, думая, что здесь мне будет легче их достать. Железя меня выручить, друг Игнаций Родзевич весь сегодняшний день ходил здесь везде, пока наконец не нашел коней немилосердно дорого и не до Иркутска, а только до Урика. Там мне снова придется нанимать их до города.

5 марта, четверг, в Урике. Разговаривая в воскресенье с Александром Поджио, я не думал приехать сюда раньше чем в субботу или даже позднее, поэтому мой более ранний приезд был сюрпризом, который произвел приятное впечатление на обоих Волконских. О моем переводе в Урик княгиня еще ничего не знает, но всегда этого сильно хочет и надеется, что сможет этого добиться. Я также, а может, еще больше, чем она, этого желаю, хотя и не ожидаю.

6 марта, пятница, в Урике. Сегодня я хотел уехать в Иркутск, но не было возможности отказать дружеской настойчивости милой хозяйки и ее почтенного мужа. Он завтра также должен быть в городе, поэтому я поеду вместе с ним.

Утром сюда приехал г-н Владимир Раевский из Олонок. Он был сослан в Сибирь раньше, чем осужденные в 1826 году. Умный и образованный человек. Он женился здесь на очень милой девушке, которую сам воспитал. Сейчас у него несколько детей, и он, полностью отдавшись их воспитанию, редко выезжает из дому. Будучи в армии, он жил на Подолье на протяжении нескольких лет. Мне было приятно поговорить с ним о многих знакомых, которых он хорошо помнит с того

времени, когда жил в Каменце,— князе Горчакове, генерале дивизии. Раевский был его адъютантом. Это было в 1818 году. Я тогда с сестрами и матерью тоже жил в Каменце и наверняка не раз его видел у Комаровых или в других наших там обществах.

7 марта, суббота, в Иркутске. Санний путь из Урика совсем пропал, и нам с Волконским пришлось поехать на колесах.

Приехав в город, я поселился у Немировского. Сразу же пошел к супругам Полторановым, чтобы отдать кое-какие вещи от госпожи Мевюс. Там я остался на обеде. Позднее я с Леопольдом навестил друга Янишевского Людвика, которому генерал Фалькенберг выпросил у Руперта свободу жить в городе. Не теряя времени, еще сегодня, при помощи Леопольда я купил сукно и договорился с портным. Мне уже очень нужна одежда, и эта потребность тем сильнее, что в Сибири, более, чем где-либо еще, внешний вид ценится превыше всего.

На чай и весь вечер мы с Леопольдом пошли к Новицкому. Вскоре туда пришел и ксендз Клодоальд Шайдзевич. Наполеон Новицкий заключает договор с местным купцом Герасимовым об открытии фабрики, производящей сахар из картофеля, за что он просит две тысячи рублей, предлагая свой труд и управление этой работой в течение нескольких месяцев, а Герасимов должен за свой счет найти здание для фабрики, работников, картофель и посуду.

8 марта, воскресенье, в Иркутске. Утром в костеле. Потом несколько коротких визитов в городе. А позднее с Новицким я поехал к Лесневичу, живущему за городом.

Встреча с неогромной, достойнейшей женой Иоахима расстрогала нас обоих. Сколько же событий, перемен, ударов, несчастий произошло с последней с ней встречи в Юрковцах в сентябре 1838 года! Вскоре прибыл и Немировский. Мы все трое были приглашены на обед и на чай, до позднего вечера слушая рассказы жены Лесневича. Сколько же эта женщина вытерпела! Какие же препятствия преодолевала! Какую невероятную силу души и чувств она показала! Без помощи, без проводника, с очень скромными средствами, из тихой жизни в семейном гнездышке внезапно брошенная в омут большого, ей неизвестного мира, в двух великих столицах, среди чужих, не-

доброжелательных или с предубеждениями людей; кроме родного, не знающая ни одного языка, постоянно подвергающаяся всякого рода неприятностям и огорчениям. Ведь она везде и всегда отгадывала правильную дорогу, всегда могла найти наилучший путь, руководимая всегда только врожденным рассудком, черпая силу и мужество в религии, а выдержку — в безграничной любви к мужу. И наконец она получила сильную протекцию, на которую опирается ее надежда. Только бы она оправдалась!

Вернувшись в город, мы узнали, что вчера умер директор Тельминской фабрики и что Руперт сразу же послал туда Бронниковского для того, чтобы он занял эту значимую и очень выгодную должность.

9 марта, понедельник, в Иркутске. Вчера, заказав на сегодня раннюю поминальную мессу за душу Пелагии, очень рано я пошел в костел. После этого богослужения я не чувствовал себя способным куда-либо пойти почти весь день. Только вечером Леопольд вытащил меня к нашему старику Янишевскому.

10 марта, вторник, в Иркутске. Я навестил старого Дейхмана. Он вскоре выбирается на свою новую должность в компании, занимающейся поиском золота в Енисейской губернии. Его жена с дочерью должны осесть в Усолье. Леопольд говорит, что господа Дейхманы хотели бы мне поручить обучение этой девочки, но ни отец, ни мать мне об этом еще ничего не сказали. Они приглашали меня на обед, но мне пришлось отказать, так как я вчера пообещал Иоахиму, что сегодня буду у него на обеде. Поэтому от Дейхмана я поехал туда, а Лесневичи остаток дня и всю ночь продержали меня у себя. Очень интересные и необыкновенные приключения прошла жена Иоахима. Случаи из ее жизни за последние три года, если бы их собрать и описать, могли бы составить занимательную книгу.

11 марта, среда, в Иркутске. Святое для меня воспоминание! Именины самой добродетельной, самой достойной женщины! Воспоминания о тебе, связанные со столькими событиями, будут усиливать сердцебиение до конца моей жизни, всегда будут освящены искренней, горящей слезой сожаления и вздохом, исходящим из глубины души...

Мною овладела непреодолимая печаль, из-за которой я весь этот день не мог нигде выйти. Только вечером я пошел к старому Дейхману, образ мыслей которого и благородные чувства по мере более близкого с ним знакомства все большее пробуждают во мне уважение.

12 марта, четверг, в Иркутске. Через пару дней я должен буду отсюда уехать. Поэтому сегодня я был у Модеста и Константина Дейхманов, у Козлова и госпожи Полторановой, предупреждая, чтобы они дали, если хотят что-то передать в Усолье.

После обеда, который я с друзьями ел у Николая Холочинского (литовца, приговоренного к службе в армии за 1831 год и содержащего здесь только для наших ссыльных столовую), я поехал с Леопольдом в деревню Малая Разводная, в четырех верстах отсюда, чтобы познакомиться с супругами Юшневскими, поселившимися там.

Алексей Юшневский, когда-то генерал-интендант российской армии, из числа осужденных за дело 1825 года. Я везде еще у себя на родине слышал о нем лестные отзывы, теперь лично убедился, что они не были преувеличением... Он очень хорошо и так же легко, как Лунин, говорит по-польски. Его жена родом из Подолья. Хотя уже почти двадцать лет живет среди русских, не забыла родной язык. Она получила не такое блестящее образование, как Волконская, однако в доброте и любезности не уступит никому. У них мы застали Артамона Муравьева и Николая Панова. Первый, живущий в этой же деревне, имеет дом рядом с домом Юшневских, так же, как в Урике соединяются друг с другом дома Волконских, Муравьевых и Вольфа.

13 марта, пятница, в Иркутске. Я был у Новицкого, чтобы ему сообщить, что Артамон Муравьев хочет предложить ему компанию по выработке сахара-рафинада и что сегодня с этой целью его посетит. Эта идея понравилась Наполеону, который утверждает, что это новое предприятие не мешает его договору с Герасимовым.

Артамону писала Волконская через меня, прося, чтобы он взял на себя труд склонить Мевюса разрешить мне переехать в Урик. Артамон сегодня был у меня и говорил, что это достаточно трудно, однако возможно; он возьмется поговорить с

Мевиусом и дает надежду на положительный результат. Только что из этого, если его заявлениям не очень стоит верить?

Его предложение относительно сахара-рафинада Новицкий принял охотно, ставя только одно условие, что и слышать не хочет о какой-либо прибыли для себя, радуясь тому, что благодаря этому он сможет отблагодарить русских ссыльных за их помощь и дружеские услуги, которые от них получил сам Новицкий и другие наши, когда их отправляли за Байкал.

14 марта, суббота. Господин Мевиус, возвращаясь из своей поездки за Байкал, со вчера находится в Иркутске. Он встречался здесь с Немировским и сказал ему, что мое пребывание в городеходит слишком долгим. Слабый этот человек с некоторых пор ставит мне какие-то странные требования. Как будто считает меня дураком, которому можно внушить, что он совершает проступок, находясь несколько дней вне Усолья, когда отсутствия Немировского и постоянное (второй год) пребывание в Иркутске совсем ему за грех не считает, поскольку это произошло по воле самого генерала Руперта.

Поэтому я сегодня утром пошел к Полторановым, где остановился Мевиус, и пошел туда с намерением открыто с ним поговорить об этом деле. Он, увидев меня, видимо, ждал моих оправданий. Но вскоре он понял, что вины я несколько не чувствую и о моей здесь задержке дольше, чем я предполагал, говорю смело и свободно, как о чем-то естественном и простом. Наверное, ему это пришлось не по вкусу, но дало хороший результат, потому что он не стал меня упрекать, а внезапно изменил свой тон и очень любезно стал говорить со мной о чем-то другом. В это время подали завтрак, после которого полковник, сказав дочери, что завтра хочет быть в Усолье, обратился ко мне, выражая «свое желание», чтобы я поехал вместе с ним. Я заранее это предвидел и как раз ждал возможности показать ему, что могу не выполнять его прихоти, не чувствуя себя при этом виноватым. Поэтому я в самых ярких словах поблагодарил его за эту любезность, сообщив, что не смогу ею воспользоваться, решив поехать через Александровск, чтобы отдать там разные покупки своим друзьям и намереваясь остаться там еще два-три дня. «А кроме того, — добавил я, — мне придется и здесь еще на пару дней остаться. Поэтому я предпочитаю поехать нанятой повозкой». Он на это

не возразил ни слова, а я, после этого разговора пробыв там с полчаса, попрощался с ним в наилучшей гармонии.

С тех пор как я нахожусь в Иркутске, пришла уже вторая почта. Обе принесли письма и посылки для некоторых местных и забайкальских друзей, в том числе письма для Яцека, Михальской, Иоахима и Родзевича. Но для меня ни слова! Леопольд получил от своих родителей 500 рублей, из которых я теперь одолжил 70. Мне жаль, что этот долг (первый с момента прибытия на место назначения) пришлось взять, поскольку я больше боюсь долгов, чем недостатка. Но, по крайней мере, то меня успокаивает, что я, вероятно, вскоре получу новую помощь и сразу же отдам этот долг. А сделанных в этот раз покупок мне хватит надолго.

15 марта, воскресенье, в Иркутске в полдень. Я нашел здесь человека из Урика, который, намереваясь возвращаться домой, охотно нанял мне свою подводку. Я прочитал письмо, выданное мне в канцелярии для того, чтобы отвезти Яцеку. Жена его пишет 15 января из Секежинец. Упоминает, что тогда обе матери и дети мои были здоровы. Но добавляет о болезни бедной Казимиры. Сама же она уже точно обещает приехать к мужу с сыном следующей зимой. Как же я ей благодарен, что она хотя бы в нескольких словах сказал о моих дорогих! С декабря я каждый месяц получаю известия из дому. Дай Боже, чтобы так и дальше было.

В этот же день в Урике вечером. Я не застал дома княгини Марии: она была на крестинах ребенка своего соседа Александра Муравьева. Волконский сразу же сообщил ей о моем приезде, и я вскоре получил от обоих Муравьевых любезное приглашение к ним на вечер. Я пошел с Волконским и младшим Поджио.

Во время ужина приехал Вадковский Теодор, с которым я уже давно хотел познакомиться, как с человеком с незаурядными достоинствами. Я собирался завтра отсюда выехать, но все общество с такой сильной любезностью просило остаться и быть завтра у Муравьева Никиты, который собирается отмечать день рождения своей старшей дочери, находящейся в России, которую он оставил, когда ей было 14 месяцев, а завтра ей исполняется восемнадцать, и я не смог отказать...

У Никиты я взял почитать *L'Irlande sociale, politique et religieuse* par Gustave de Beaumont, всеми расхваливаемый.

16 марта, понедельник, в Урике. Все местные жители собрались на обед к господину Никите Муравьеву. Из посторонних кроме меня были еще: Вадковский и князь Сергей Трубецкой, с которым я также был очень рад познакомиться. Он приехал со своей старшей дочерью, девочкой лет двенадцати⁹⁷. Вернувшись к Волконским, я сразу же пошел в их библиотеку, чтобы выбрать себе и друзьям новый запас книг. Взятые ранее я отдал, когда был здесь на пути в Иркутск. А сейчас я взял:

Du perfectionnement moral, par Degerando, 2 vol.; *Essais philosophiques* par Ancillon, 2 vol.; *De l'organisation de la puissance civile*, 1 vol.; *De la peine de mort en matiere politique*, par Guizot, 1 vol.; *Du gouvernement de la France*, par Guizot, 1 vol.; *Manuel de L'histoire ancienne*, par Heeren, 1 vol.; *Dictionnaire historique*, par Noel, 1 vol.; *De la litterature du midi de l'Europe*, par Sismondi, 4 vol.; *Essai sur l'art d'etre heureux*, par Droz, 1 vol.; *L'art de rendre heureux tout ce qui nous entoure*, par l'abbe Carron, 1 vol.; *Melanges philosophiques, historiques et litteraires*, par Villemain, 3 vol.; *Histoire de Cromwell*, par Villemain, 2 vol.; *Cloudesley*, par Wil. Goldwin, 4 vol.

Трубецкой живет недалеко отсюда, в деревне Оёк. И он, и Вадковский, также поселенный там, усиленно приглашают меня к себе, и я был бы рад их навестить и познакомиться с княгиней Трубецкой. Но разве это от меня зависит?

17 марта, вторник, в Александровске. Ужасная распутица позволила преодолеть пять миль от Урика только к позднему вечеру, а ведь я выехал оттуда в семь утра. Я так измучен, что хотя у меня есть для Зверевых письмо от их сына, находящегося у Волконских, и кое-какие вещи, которые нужно отдать, сегодня я к ним пойти не смог.

Я чрезвычайно обрадовал Яцека, Родзевича и Михальских привезенными письмами от семей. Первому я также привез 100 рублей от жены, а Михальской какую-то посылку из Подолья с женской одеждой.

⁹⁷ Старшая дочь Трубецких — Александра Сергеевна (1830—1860), родилась в Чите; с 1852 г. жена Н. Р. Ребиндера (1810—1865).— *Ред.*

18 марта, среда, в Александровске. Утром я навесил Зверевых и был там очень важным гостем, привезя письмо их сына и хорошие вести о нем. После обеда у Яцека я сразу пошел к Михальской, чтобы ей продиктовать письмо к матери Даровской в ответ на последнее той для меня сообщение, которое Михальская мне подарила, как я и обещал. Сейчас я сообщал о письмах, деньгах и т. д., полученных с декабря, просил прислать книгу Фомы Кемпийского на польском, сообщить день кончины Пелагии, чаще мне писать и т. п. Я послал благословение моим сиротам и несколько слов для Стаха Доливы и для Юлии, которая, согласно письму жены Яцека, уже должна быть замужем.

Вечером Фридрих получил письмо Щепковского из Усоля, отправленное по требованию Мевюса нарочным, с вопросом обо мне. Может, завтра застану там упреки. Но меньше об этом.

19 марта, четверг, в Усолье. Впечатление от того, что вчера Михальская писала обо мне, вызвало сон о драгоценной женщине, и этим сном я утешал себя на всем пути, продолжающемся пять часов по ужасной грязи. Наконец, я прибыл сюда, и до сих пор обошлось без упреков, которые я предполагал вчера. Здесь я застал всю семью Дейхманов, прибывших сюда жить. Они хотят поручить мне обучение дочери, которым до этого времени в Иркутске занимался Немировский. Но мне об этом еще ясно не говорили. Но если до этого дойдет, тогда я заявлю, что, берясь за уроки для маленькой Дейхман, я перестану уже учить Наденьку. Разве для моего здоровья недостаточно тех обязанностей, которые я выполняю уже два года?

20 марта, пятница. В свободные минуты я люблю иногда перечитывать Дон Кихота и всегда нахожу что-то новое в этой несравненной книге. Французский переводчик приводит некоторые отрывки в оригинале. У господина Титова нашелся небольшой испанско-французский словарик, случайно полученный им в Петербурге. С помощью этого словарика, а еще больше пользуясь сходством многих испанских слов с латинскими и итальянскими, я довольно хорошо могу понимать эти отрывки из испанского философа-поэта и убеждаюсь, что если бы мне удалось достать какую-нибудь грамматику и хотя бы

одну испанскую книгу и при этом имея менее занятый ум, то я легко и быстро выучил бы этот язык.

21 марта, суббота. Весна в этом году в этих краях необычайно ранняя. Теплые дни стоят уже три недели, и почти везде уже сухо. Ангара под Иркутском растаяла, что редко происходит в это время.

Сегодня супруги Дейхманы просили меня, чтобы я учил их дочь немецкому и французскому языкам. Я ответил, что хотя мое здоровье очень слабое, однако я не отказываюсь исполнить их просьбу, при этом без какого-либо вознаграждения за мой труд (о чем они упомянули), желая только этой услугой показать господину Дейхману, сколько уважения он пробудил во мне своим человечным и деликатным поведением по отношению к моему другу.

Действительно, в его доме Немировского считали человеком, у которого нынешнее несчастье нисколько не отняло — в глазах умных и достойных людей — права отношения к нему, соответствующего его воспитанию, взглядам и личному достоинству. Он не встретился с этим неприятным и унижительным отличием, какое мы со Щепковским здесь давно чувствуем. Там, в открытом, любезном, дружеском общении с Немировским, как с равным себе, как с членом семьи, эти добрые люди старались дать ему хотя бы на время забыть о его положении.

Здесь, наоборот, в каждом с нами общении, в каждом действии, едва ли не в каждом слове звучит горькое упоминание о нашей судьбе... А ведь если в начале нашего здесь присутствия господин Мевуис оказывал нам сочувствие, доброжелательность и некоторое благородство в своем поведении, то тем более сейчас мы должны были встречаться с подобным поведением, после двух лет постоянной работы, добросовестной и бескорыстной, с ущербом для нашего здоровья, посвящаемой его детям.

Вскоре после разговора с господином Дейхманом я начал первый урок с его дочерью Эльжбетой, и тогда вошла госпожа Малаева, мать Наденьки (которая сейчас первый раз соизволила подойти ко мне, хотя уже несколько раз была в Усолье, с тех пор как я стал учителем ее дочери), и она, благодаря меня за мои прежние труды, просила, чтобы я и дальше их продолжал. Но я ей открыто сказал, что, взявшись учить дочь

господина Дейхмана, я должен буду прекратить заниматься с Наденькой, не имея ни здоровья, ни времени для трех учениц». То же самое я сказал и полковнику, с которым до этого не было возможности об этом поговорить.

22 марта, воскресенье. Долгий и серьезный разговор с полковником по поводу вчерашнего заявления, что я не буду учить Наденьку. Он несколько раз усиленно настаивал, я же до конца держался принятого решения. Я повторил ему то же самое, что сказал Дейхману, то есть из каких побуждений решаю заняться обучением его дочери. Я говорил совершенно открыто и без обиняков. При этом пришлось перечислить все неприятности, которые мы с Щепковским здесь испытали, и унижительное с нами обхождение. Было также ясно и подробно сказано о подлых подстрекательствах Раевского и о его влиянии, под которое попадает господин Мевуис. Также я не забыл сказать, что как Немировский живет в Иркутске, так там мог быть и Щепковский, уже год как приглашаемый возглавить городской оркестр с зарплатой 1000 рублей в год, если бы полковник из-за личной выгоды не старался препятствовать такому улучшению положения моего друга. Словом, я не умолчал ничего, и кажется, что господин Мевуис никогда в своей жизни ни от кого не слышал такой искренней и так смело высказанной правды.

Из-за этого разговора я решил с завтрашнего дня, после окончания занятий с его и Дейхмана дочерьми, не оставаться там до обеда, а всегда уходить к себе.

23 марта, понедельник. Вчера Мевуис в разговоре со мной упомянул, что я берусь учить маленькую Дейхман в надежде получить награду за свой труд. Я ему на это ответил, что он очень ошибается, думая так, потому что я не хочу никакой награды, и что именно так заявил обоим родителям девочки. Но поскольку он, кажется, сомневался в этом, то я сегодня еще раз повторил Дейхману позавчерашнее заявление, добавив, что с тем только непреложным условием я берусь учить его дочь, что никогда не услышу ни о каком и ни под каким видом вознаграждении, и, кроме того, каждый шаг, направленный против этого условия, я буду считать разрывом наших отношений и обучение его дочери немедленно прекращу. Наверняка Дейхман об этом расскажет Мевуису, и тот наконец убедится, что мои слова и бескорыстность не придуманы.

24 марта, вторник. Сегодня я обедал у Мацкевича, который с того времени, как разорвались его отношения с госпожой Мевкус, начал уже постепенно выходить из этого ослепления по отношению к ней и тем самым возвращаться к нравственному здоровью. Сейчас он хочет и ищет общения с нами. В нем есть какое-то врожденное легкомыслие, это правда, также, может, его немного сбilo с истинного пути проживание в Москве и Петербурге в течение нескольких лет. Но наряду со всем этим в нем видим доброе сердце, способное на благородные чувства, и польскую душу.

25 марта, среда. Моя новая ученица, ребенок мягкий, неиспорченный и понятливый, показывает большое желание учиться. Но она чрезвычайно несмелая и боязливая.

26 марта, четверг. Голыньский случайно достал у кого-то «Воспоминания о королеве Барбаре», написанные Михалом Балиньским. Я с удовольствием прочитал эту книгу.

Я люблю читать на иностранных языках, особенно с того времени, когда благодаря знакомству в Урике я начал получать много разнообразных достойных книг. Когда только — кроме часов рабского труда — печаль и грусть по моей утрате позволяют оторвать мне мысли от ее могилы, от детей, от родных мест, от родной страны и ее судьбы, все эти минуты я посвящаю умственному труду. Стараюсь упражняться в тех языках, которым я научился в свои счастливые дни. Меня поддерживает и вдохновляет в этом занятии какая-то неясная, на ничем не основанная и гораздо более слабая, чем раньше, надежда, что я еще пригожусь моим сиротам...

Но никакое впечатление от этого занятия не может сравниться с чувством, которое я испытываю, читая польскую книгу. Это совершенно особое чувство, рожденное в изгнании и понятное только ссыльным, одна только душа изгнанника-поляка может его понять.

*С каждым написанным словом рождается новое
чувство,*

*Как искра из пепла; это были сладкие имена
Родства, дружбы, сладкой дружбы, и еще
Слаще всего слово любви, которому
Нет равного на земле, кроме слова Отчизна!*

Теперь мне будет чем это чувство чаще подпитывать. Жена Иоахима привезла мужу все собрание писателей, мостовского издания, и еще несколько других польских произведений. Немировскому тоже удалось получить несколько польских книг, а среди них «Историю» Нарушевича после умершего в Иркутске Михала Ольшевского, одного из числа приговоренных в Варшаве.

27 марта, пятница. Госпожа Элиза Мевиус сегодня просила меня, чтобы я дал ей французскую книгу, из которой она в прошлом году перевела несколько рассказов. Она мне сказала, что хочет иметь эту книгу, чтобы каждый день заниматься французским чтением и переводом с Наденькой. Ведь я уже неделю как перестал давать ей уроки, хотя она продолжает оставаться здесь для обучения музыке со Щепковским. Я похвалил доброе намерение госпожи Элизы, но очень сомневаюсь, чтобы она в нем долго продержалась.

28 марта, суббота. Посетил нас Кароль Олизар. Он привез письмо от Яцека, который, присылая несколько книг, уже прочитанных, просит другие из запаса, взятого в Урике. Сейчас я послал ему несколько томов Вильмена, и при этом еще *Pujol chef des Miguelets en Catalongne*, 2 vol., par Arago: новый и занимательный труд, взятый мною у Новицкого.

29 марта, воскресенье. Жена Иоахима просила, чтобы я написал для нее два письма по-французски, одно к генералу жандармов Дубельту, а второе к какой-то даме, фамилии которой она не назвала, якобы побочной сестры русской царицы, которая имеет большое влияние при дворе. Лесневич смогла получить протекцию этих людей и сейчас хочет напомнить им о деле мужа. Сегодня я написал эти письма, но не посылаю их Лесневичам, ожидая приезда ксендза Хачиского.

30 марта, понедельник. У меня снова есть возможность дать о себе знать моим дорогим. Дорогая Лесневич предложила мне свое в этом посредничество. Я не воспользовался этим в Иркутске, надеясь, что в это время получу из дому ожидаемые письма, чтобы сразу ответить на них и на прежние. Но, не дождавшись их до сих пор, я начал сегодня писать моей сестре Казимире от имени жены Иоахима, чтобы это письмо было готово, когда ксендз приедет. Я писал весь день, вечер и до полуночи, но все еще не закончил, во-первых, потому, что,

когда писал о моих сиротах, постоянная мысль об их матери так раздирала мое сердце, что я часто переставал писать, а вторых, я хотел в этом письме ответить всем моим более подробно, чем я мог это сделать с помощью Михальской.

31 марта, вторник. Только сегодня я закончил письмо к Казимиру. Только бы оно дошло до места назначения! Лесневич дала мне несколько иконок разных святых маленького формата. Я теперь их положил в письма к матерям, детям, сестрам моим родным и неродным, не забыв и Чеси, дочку Теодоры. В этом письме благословения детям, напоминания Казимиру об обещании сообщить о них с мельчайшими подробностями, привет моему отцу и той семье с просьбой, чтобы сообщили, если отец уже умер; для всех знакомых, соседей и друзей с просьбой, чтобы простили, если я кого когда обидел, и т. д.

1 апреля, среда. Ксендза Хачиского до сих пор не видно. Но поскольку Мацкевич сегодня должен поехать в город, то я через него отправлю приготовленную пачку для жены Иоахима, добавив письма к ней и к Леопольду, написанные сегодня. Последнему я сообщил об этом разговоре с Мевуисом, о том, что я избавился от Наденьки, и о выходе из неприятностей, которые я уж слишком долго терпел.

2 апреля, четверг. Сон о родной стороне и о Пелагии, такой яркой и живой, что, проснувшись, я продолжал слышать в ушах ее ангельский голос. Со сладким, хотя одновременно болезненным ощущением приветствовал я сегодняшний день, один из праздников моего сердца: день рождения дочери. Сегодня моему любимому ребенку исполнилось четыре года. Мне сообщают, что Бог одарил ее понятливостью. О, только бы те, кто занимается ее воспитанием, воспользовались этим даром в развитии детского ума и при самом рассвете жизни создали у ребенка представления о матери и об отце!

3 апреля, пятница. Супруги Дейхманы просили меня, чтобы в то время, которое остается до Пасхи, в дни, посвященные немецкому языку, вместо другого чтения я преподавал и объяснял их дочери христианское учение. Я не мог отказать в услуге такого рода, которую будет несложно выполнить, поскольку эта девочка, благодаря минутам, посвящаемым ее отцом, уже неплохо понимает по-немецки. С завтрашнего дня я начну с ней изучение религии, по коротенькому и доступ-

ному детскому пониманию катехизису лютеранского вероисповедания: *Die fünf Hauptstücke des Kleinen Katechismus*. M. Luthers.

4 апреля, суббота. Я не понимаю, как другие могут так сильно заботиться о своем питании, столько думать о приготовлении, выборе, приправах и разнообразии своей еды, что постоянная мысль и старания об этом становятся главным смыслом их жизни. Есть такие, у которых слова «жить хорошо» или «жить плохо» не означают ничего другого, как только большее или меньшее разнообразие в еде. Случайный же недостаток в этой сфере, даже минутный перерыв в любимой привычке уже становятся для них тяжелым страданием. Что касается меня, то как в прежнем, так и в теперешнем положении память о желудке всегда занимала и занимает последнее место, и с истинной правдой я могу о себе сказать: «Миска картофеля — вот мой деликатес».

Вот уже прошло две недели, как я перестал питаться у Мевиуса. Все это время я не знаю никакой другой пищи, кроме хлеба за три или четыре гроша и молока за пару грошей, которое я беру у своей хозяйки. А ведь так питаюсь каждый день, я не голодаю и нормально себя чувствую.

5 апреля, воскресенье. Все христианское учение для детей лютеранского вероисповедания содержит пять главных разделов: 1. Десять заповедей. 2. Сущность самой веры в трех частях: а) о сотворении; б) об искуплении или спасении; в) о посвящении. 3. Семь просьб молитвы Господней. 4. Тайна Крещения. 5. Тайна причастия. Поскольку же в первом разделе идет разговор о вещах, объяснять которые довольно опасно для незапятнанного воображения десятилетней девочки, а объяснение последних двух разделов превышало бы детское понимание, я решил остановиться только на двух разделах, то есть втором и третьем, сначала сказав родителям о своих побуждениях к этому, с которыми они оба согласились. Еще я попросил, чтобы отец или мать присутствовали на этих занятиях. Мне кажется, что они остались довольны легким способом, каким я преподносил их дочери этот предмет.

6 апреля, понедельник. Часто в одиноких размышлениях я обновляю и как бы воскрешаю в своей памяти разные отрывки из поэзии, уже давно забытые мною. Среди них есть и такие, о

которых я точно знаю, что на протяжении нескольких лет или дольше я ни разу их не повторял, не имел их написанными у себя и ни у кого переписанными не читал. Несмотря на это, содержащаяся там схожесть со мной или с моей судьбой очень ярко эти отрывки освежает в моей памяти сейчас, как будто я слышу слова какого-то незнакомого голоса, одно за другим звучащие у меня в ухе. Именно так сегодня я вспомнил один прекрасный сонет, который три года тому назад только раз или, может, два раза услышал от друга, прочитавшего его наизусть, с тех пор мне не приходилось говорить о нем, поэтому я совсем его забыл. Однако я почти уверен, что здесь его привожу без изменений.

7 апреля, вторник. Мацкевич привез мне письмо от Леопольда, но ни слова от жены Иоахима, тогда как Шиманьский, который также сегодня вернулся из города, сказал, что сам вручил письмо от нее Леопольду. Должно быть, это было после того, как от него ушел Мацкевич, которого он потом уже не видел, и поэтому письмо Лесневич осталось в Иркутске. То меня только утешает, что Мацкевич сам слышал от жены Иоахима об отправлении вчерашней почтой моего письма к Казимиру, а это для меня самое главное.

8 апреля, среда. Ручинский написал из Тобольска, сообщая, что у тамошних властей выпросил себе другое место поселения, то есть перевод из Туринска в Курган, который лучше, чем первый, расположен, и он найдет там несколько земляков на поселении.

9 апреля, четверг. Сегодня уехал Шиманьский, переведясь на службу в Иркутск. Мне жаль было расставаться с этим достойным парнем, но вместе с тем я радуюсь его переводу. Там и жалование у него будет выше, и, работая под началом Иоахима, он может ожидать расположения Руперта, а значит, и удачного для себя будущего.

10 апреля, пятница. Я написал Гольнскому, который на днях получил письмо с Подолья, чтобы сообщил, нет ли в нем какого-нибудь упоминания о моих.

11 апреля, суббота. Говорят, что пару дней назад двух или трех новых заключенных жандармы привезли в Иркутск. Еще не известно, кто они и откуда. С нетерпением ожидаю письма от Леопольда, чтобы узнать об этом.

12 апреля, воскресенье. Посланец от Яцека привез мне только то, что письма, которые он получил, очень старые и без упоминания о моей семье. Он добавляет, что последнее письмо, при котором были и деньги для него, было уничтожено чиновником отдела ссыльных в канцелярии губернатора. Этот господин чиновник и его товарищи устроили себе заработок на нашем несчастье. Желая присвоить себе деньги или вещи, которые приходят к кому-нибудь из нас и обычно отдаются им для отправки в Александровск, Усолье или за Байкал, просто оставляют их у себя, письмо же, с которым они были посланы, бросают в огонь. Таким образом пропадает около третьей части всех писем, денег и других посылок для нас. Ни с чем нельзя сравнить беспорядка в местной канцелярии и воровства, которое там происходит безнаказанно.

Писал ко мне и Фридрих, присоединив письма Леопольда и жены Иоахима. Последнее я должен был еще получить через Мацкевича на прошлой неделе. Она сообщает об отправке письма моей сестре.

Леопольд пишет: «Здесь есть новые гости. Сейчас привезли из Вильно трех последних наших друзей: Мошиньского Александра, офицера Караваева и его старого друга, также бывшего офицера, де Люцене, француза. Это продолжение дела, за которое сослали нас. Этих трех до последнего времени мучили, чтобы они выдали новый союз, который не существовал. Но теперь наконец всех там уже или отпустили, или наказали. Несколько офицеров послали в солдаты в крепости. Вот оно, это дело, о котором, как о чем-то новом, здесь громко говорят. Всех троих полностью обобрали. Скорее всего, они какое-то время останутся тут, так как Байкал уже тает».

Леопольд предлагает в Александровске и в Усолье сложиться для этих несчастных, говоря, что то же самое сделают наши друзья, находящиеся в городе. Мы со Щепковским едва смогли выделить 15 рублей. Но мне хорошо помог наш достойный земляк Мацкевич, который при первом упоминании о сборе денег пожертвовал от себя 100 рублей. Эти деньги я сразу же отослал Михальской для отправки Леопольду.

13 апреля, понедельник. Жена Иоахима усиленно зовет меня к себе на пасхальные праздники. Михальские тоже приглашают меня в Александровск. Но при теперешних моих от-

ношениях с Мевиусом, после этого последнего с ним разговора, я уже не могу ничего у него просить, не унизив себя, и как бы ни было приятно провести несколько дней в Александровске или в Иркутске, но я ни слова не скажу об этом господину Мевиусу.

14 апреля, вторник. Моя новая ученица — очень хороший ребенок, неиспорченный, учится с охотой и довольно способна. Ее родители всегда оказывают мне не только наивысшую любезность, но и знаки уважения и дружбы, что еще больше располагает меня к ним и к их дочери. Мать — родная сестра Мевиуса и могла бы служить ему примером достойного с нами поведения, как и ее муж, господин Александр Дейхман, дает ему в своем лице пример деликатности и благородства.

15 апреля, среда. Сегодня я обедал у Мацкевича. Он уже несколько раз просил меня, чтобы я каждый день обедал у него. Но я не хочу быть ему в тягость и собираюсь очень редко пользоваться его приглашением, довольствуясь своей истинно спартанской едой.

16 апреля, четверг. У Дейхмана я нашел несколько хороших, хотя немногих старых немецких книг: Лессинга, Вайланда и Восса. С удовольствием их почитаю.

17 апреля, пятница. С тех пор как я устранился от обедов и чая у Мевиуса, то есть почти месяц, я ввел изменения во время даваемых там уроков, присоединяя теперь к утренним те, которые были после обеда. Из-за этого, правда, я раньше прихожу к своим девушкам, чтобы с обеими закончить до обеда, но зато остаток дня остается у меня свободным, и это несравненно лучше.

18 апреля, суббота. Сюда на пасхальные праздники приехали Полторанов с женой и Константин Дейхман, но не привезли мне письма с почты, которого я ожидаю каждый день вот уже несколько недель. И Немировский ничего на этот раз не написал.

19 апреля, Пасха. Адская зубная боль с ночи мучает меня весь сегодняшний день. Я никуда не мог выходить. На минуту только сходил к Мацкевичу и, вернувшись, уже сидел и лежал дома, ужасно страдая до позднего вечера.

20 апреля, понедельник. Я не знаю книги, в которой бы все несчастья угнетенного народа, его обиды, нужды, права и спо-

события спасения были так ясно, выразительно и с таким убеждением изложены, как в труде Густава де Баемо *L'Irlande sociale, politique et religieuse*. Это чтение завладело моим вниманием и, предоставив богатый источник для размышлений, сравнений и утешительных выводов, было для меня истинным наслаждением и оживленной пищей для моей души...

21 апреля/3 мая, вторник. Я только на минуту утром пошел к полковнику, чтобы там поздравить с именинами госпожу Александру, его дочь. А здесь уже на весь день задержала меня другая годовщина: почитаемого в сердце торжества... Я в одиночестве праздновал ее размышлениями, пожеланиями; и, «связывая теперешнюю долю с прошлыми почестями», как говорит Корсак, мысленно я перебрался в более счастливое, хотя, наверное, уже не мое, будущее... Любимый припев: «Боже дай! Боже дай!» пробудил тысячу воспоминаний, чарующих красотой дружбы, поэзии и восторга... С запалом, со слезами я повторил святой гимн вещего вдохновения: «Я — сын и т. д.»...

Глава восьмая

Детям Волконского, Трубецкого и Муравьева какая милость и с какими условиями? — Что на это отцы? — Жалоба Мевюса на меня. — Интересный отрывок из Карамзина. — Смешные представления. — Хозяйство Щепковского. — Образы моих детей. — Мися у тетки. — Воспоминания о Стахе. — Правительственная награда для Щепковского. — Вернувшиеся на родину за дело Завиши. — Предложение друга, почему я отказываюсь? — Секта духоборов. — Рано вставать и воду не любят в Сибири. — Опасность для врача. — Хороший обычай, касающийся выпаса скота. — Любимый источник. — Счастливая перемена в дочери Мевюса. — Асташев, как у него дела в поисках золота? — Степени родства. — Раскрыта кража денег ссыльных. — Подробность из жизни Иоанна Хризостома. — Образовательные книги. — Тельминская фабрика и ее продукция. — Государственная фабрика. — Население. — Трое заключенных из Литвы. — Письмо от Стаха. — Подробности кражи в учреждении. — Кусочки разорванной магдебургской газеты. — О воспитании моих детей. — Музыка Щепковского. — Петр Высоцкий. — Лушин.

1842 год

На соляном заводе, 22 апреля, в среду. Письмо от Гольиньского. Он просит книги для себя и при этом написать французские и немецкие образцы каллиграфии для своего ученика Пахомова, которого ему поручили, ибо Лесневич с момента приезда жены им уже не занимается.

23 апреля, четверг. Приехал к Меввиусу Муравьев Артамон. Он был также и у меня. Из новостей он сообщил мне, что на днях Волконских, Трубецких и Муравьева Никиту официально вызвали к генерал-губернатору в Иркутск. Там Руперт объявил им, что царь, принимая во внимание посвящение их жен, дает их детям дворянство, а кроме того, и княжеские титулы детям двух первых. Но он добавил к этой милости условия: первое, чтобы их дети сразу же были отосланы в Россию, а второе, чтобы с этого момента поменяли фамилию. Услышав это последнее условие, все трое сразу же отказались принять предлагаемую милость и этот отказ сразу сообщили в письме.

Также Артамон говорил мне, что Меввиус жаловался ему на меня о том, что я не хожу туда на обед, что перестал учить Наденьку и что чересчур смелыми словами обращался к нему.

24 апреля, пятница. Как вчера Артамону, так и сегодня полковник вновь жаловался на меня Мацкевичу и Брониковскому, прося обоих, чтобы они вразумили меня. Но Брониковский не взял на себя эту миссию, объяснив это тем, что не слишком близко знаком со мной, а Мацкевич ответил, что нельзя братья за поручение, о котором заранее известно, что оно потерпит неудачу. Также господин Меввиус заявил, что хочет просить Руперта забрать меня из Усоляя.

Это последнее было бы чрезвычайно желательно для меня, жаль только, что это пустое и довольно неловкое хвастовство. А кроме того, я еще уверен, что Меввиус свой личный интерес в том, чтобы задержать меня здесь, ставит превыше всего. Однако я предпочел бы, чтобы эта угроза была искренней, поскольку ее исполнение было бы для меня благом.

25 апреля, суббота. Для того чтобы ускорить свой прогресс в изучении русского языка, я взял у Дейхмана почитать «Сокращенную российскую историю» Карамзина, содержащую в

двух томах отрывки, дословно переписанные из оригинальной «Истории» этого писателя в восьми томах. Этот труд тем удобнее для меня, что его издатель Август Вильгельм Таппе, доктор богословия и философии, предназначая его для школьной молодежи и одновременно для изучающих русский язык, обозначил форму всех слов, добавляя к труднейшим французский и немецкий перевод. На семнадцатой странице первого тома (издание второе, в Петербурге, 1824) в отрывке девятом под заглавием «Гостеприимность древних россиян» находится очень интересный отрывок. Я не смог себе отказать и сохранил его в этом дневнике.

26 апреля, воскресенье. Возвращающийся в Иркутск Константин Дейхман хотел взять у меня письмо к Немировскому, но я поблагодарил его, будучи не в состоянии сегодня писать, и откладывая это на послезавтра, когда в город поедет жена Полторанова.

27 апреля, понедельник. Я очень рад, что перестал столоваться у господина Мевиуса, но мне неприятно каждый день видеть, как Вольфганг наш продолжает эти унижительные отношения, из которых и он мог бы вырваться, если бы у него было немного больше энергии и если бы он был так податлив здешним требованиям. Но в этом и Леопольда, и мои усилия были напрасны.

28 апреля, вторник. Я навестил капитана Петрова, чтобы поздравить его с повышением жалованья, о чем он из сегодняшней почты получил известие. Он задержал меня неприятным разговором, жалуясь на плохое поведение и пьянство жены, как будто это признание могло меня занимать или ему было бы полезно!

29 апреля, среда. Я написал Немировскому через госпожу Полторанову и послал ему: *Del'organisation de la puissance civile; De la peine de mort en matiere politique*, par Guizot, *Du Gouvernement de la France*, par Guizot; *Essais philosophiques*, par Ancillon. Я просил, чтобы он сообщил мне, нет ли для меня письма из почты или, может, у жены Иоахима есть вести от моих.

30 апреля, четверг. Вот уже закончился и апрель, не принося мне из дома никакого утешения. Я долгое время думал, что обычные в России и в Сибири наводнения и разлившиеся

реки задержали приход писем в Иркутск. Но путь уже установился, и почта давно уже приходит. Или же письма ко мне, с которыми должны были быть и деньги, уничтожены разбойниками иркутской канцелярии, или же какое-то новое произошло несчастье, новая утрата в моей семье. Последнее оттуда письмо ко мне было написано в ноябре, после него пошел уже шестой месяц, а моя бедная мать, возрастом и несчастьями измученная, одной ногой уже стоит в могиле!..

1 мая, пятница. Сегодня после окончания занятий, когда я, как обычно, хотел уйти, госпожа Элиза Мевуис просила меня, чтобы я остался на обед, говоря, что его сразу подадут, и дала мне понять, что я буду есть за общим столом. Я легко догадался, что сегодняшний отъезд полковника на несколько дней был причиной этого приглашения. Но я, очень нежливо поблагодарив за это приглашение, принес извинение, что из-за моих занятий не могу воспользоваться ее любезностью, и вернулся к себе. Если бы я принял эту честь, продолжающуюся только во время отсутствия Мевуиса, то тогда и сам утвердил бы его во мнении, что не должен в его присутствии сидеть за одним с ним столом.

Странное и смешное представление! Раевский внушил ему, что он принял бы на себя опасную ответственность, обедая с людьми, которых зовут политическими преступниками, как будто он меньше рискует, поручая этим же людям воспитание своих детей, а тем самым и влияние на их чувства и образ мысли. Как будто его поведение по отношению к этим же политическим преступникам в течение года и больше с момента нашего сюда приезда не было совершенно другим. Как будто менее близкими, менее доверительными были его отношения с государственными преступниками: Муравьевым, Якубовичем и т.п. И наконец, как будто он столько раз не видел, как равные ему и намного высшие рангом и местом чиновники обходятся с нами...

2 мая, суббота. Щепковский уже стал здесь оседлым хозяином и владельцем. У него не только есть свои кони, несколько наемных работников для рубки и вывоза леса, но, кроме того, он взял на казенные деньги дом с позднейшей выплатой, купил корову, держит хозяйку, при этом взял несколько моргов пашенного поля, привез сельскохозяйственный инвентарь

и засеял это поле овсом. Я от всего сердца желаю ему успеха, и это место, где его поле, стало любимым для моих прогулок. Но, не говоря уже о моем отвращении к спекуляциям, которые основываются на кредите из казны, даже если бы у меня было достаточно своих денег на подобное предприятие, то и тогда я бы не хотел отважиться на него, чтобы не иметь дела с местным населением и, еще больше, чтобы избежать частых контактов с властями и чиновниками.

3 мая, воскресенье. Из города приехал Модест Дейхман и рассказал о печальном случае с Артамоном Муравьевым, который на днях, когда его дрожки перевернулись, сломал руку. Его друг, доктор Вольф из Урика, не отходит от больного. Но говорят, что перелом грозит опасностью.

4 мая, понедельник. Вчера большую часть дня и сегодня весь день я был занят нудной работой линования бумаги и написания примеров каллиграфии для девочки Дейхман. Но мне не жаль трудов, которые я посвящаю этой девочке, потому что каждый день я с радостью вижу ее желание учиться и благодарность ко мне. Мать тоже, искренняя женщина и в своем поведении всегда одинаковая (чего не скажешь о ее невестке), постоянно мне и Щепковскому оказывает полную уважения и деликатности благосклонность. Старый Дейхман несколько дней назад уехал в Енисейскую губернию, чтобы занять там должность в компании, ищущей золото. Он должен пробыть там до осени.

5 мая, вторник. Мацкевич посылает в Александровск, чем и я пользуюсь, написав Яцеку и Фридриху, чтобы сообщили мне, нет ли у них писем с Подолья с каким-нибудь упоминанием о моей семье.

6 мая, среда. Наконец я получил с таким беспокойством ожидаемые известия о моих. Леопольд отправил их через жену Иоахима в Александровск, а оттуда сегодня мне прислали два письма с Подолья. Одно от Александра Даровского к генералу Руперту, написанное 28 февраля, со 150 рублями, второе от Теодоры Хмельвской ко мне, датированное 11 марта. Она сообщает мне обо всей семье. Благодаря Всесильному Провидению до 11 марта все мои жили и были здоровы, кроме бедной Казимиры, все еще больной. Теодора пишет, что мать Даровская в письме к ней прислала для меня свое благословение и

изображение моего Зизи, а дорогой Стах Долива постарался об изображениях моих младших детей.

Эти три рисунка я получил сейчас в письме Теодоры. Она уверяет, что они очень похожи. Увы! Никого из них я бы не узнал, не будучи заранее предупрежден, где чье изображение. Ведь больше прошло лет моей неволи, чем было моему старшему ребенку тогда, когда я последний раз прощался с этими младенцами, когда меня оторвали от их матери. И когда мое счастье было убито...

Рядом с этими рисунками несколько слов, написанных рукой Зизи. Он все время находится в Жердзе, Лёле в Беднаривке, а Мися сейчас остается с моей сестрой Идалией, муж которой привязался к этому ребенку, с отцовской нежностью заботится о ее здоровье и старательно ее воспитывает. Теодора добавляет, что этот ребенок, порядочный по своей природе, как бы создан для сиротства. Все ее любят; она завоевывает всех добротой, мягкостью и каким-то неуловимым очарованием. Дальше она пишет о Лёле, который, по ее мнению, больше всех похож на мать. Повторяет о Зизи, что он красивый и милый ребенок.

Достойная Теодора прислала мне благословение от дяди Тадеуша Рачиньского, этого уважаемого патриарха нашей семьи. Сообщает мне подробности о своих детях, к которым добавилась дочка, и посылает порученные ей для меня приветы от всех родственников, друзей и знакомых. О, как же приятна, как же укрепляет ссильного мысль о том, что его не забыли на родине!.. Я сильно обрадовался, увидев из этого письма, что мой дорогой Стах Долива в это время еще был на родине.

7 мая, четверг. Вчера с письмом от Теодоры мне прислали из Александровска несколько других писем: два от Леопольда, одно от Каспера Машковского. Кроме этого, писала жена Иоахима, сожалея, что при теперешнем коротком визите в Александровск увидаться со мной не может. То же самое повторяет и Янишевский Людвик. Но я вчера был не в состоянии читать эти письма, занятый только письмом Теодоры, изображениями моих ангелочков и кучей воспоминаний, чувств и впечатлений... Немировский сообщает, что в это время писали наши из-за Байкала, что все обо мне делают дружеское упоминание. Машковский упрекает меня, что я не отзываюсь к нему и к

другим там товарищам. Разве я виноват, что из нескольких моих писем они ни одного не получили?

8 мая, пятница. Где же ты сейчас, добрый, благородный, бесценный мой Стах? Может, сегодняшний день рождения встречаешь ты, добровольный изгнанник, где-то на чужой земле. Может, еще большее расстояние, чем прежде, нас разделяет... Потеряв с глаз родину, ты будешь далек и от тех предметов, которые тебе в ней напоминали о несчастном друге... Но я знаю, твое сердце память о нем сохранит везде, как когда-то убеждали его об этом твои письма, наполненные чувствами, с берегов Темзы и Секваны. Правда, что другое положение и более жестокие теперь преграды отнимут у меня радость твоих слов. Но какая сила в состоянии отнять у меня то убеждение, ту уверенность, что душа твоя ко мне неизменна? Что каждый раз, когда святое чувство наполнит ее высшим вдохновением, тогда мысль перенесет тебя к ссыльным, мученикам, твоим братьям, и среди них ты найдешь мое фигуру, ожившую в твоём воображении... А так, хотя и на двух противоположных концах мира, ты, живущий на западе Европы, я на восток Азии загнанный, но есть между нами общность, в которой наши сердца и мысли незримо будут общаться друг с другом...

9 мая, суббота. Щепковский сказал мне, что, как в прошлом году, во время Пасхи он получил за свое усердие государственную награду — 10 рублей, так и в этом году по этому же случаю его ожидала подобная честь. С той только разницей, что сейчас он получил восемь рублей, хотя пользы от его пребывания, как общественной, так и личной, то есть: музыкальный прогресс в оркестре и хоре, а также в домашнем обучении у полковника, в этом году было несравненно больше. Из чего вытекает, что если и дальше в такой же пропорции щедрость справедливого начальства будет его вознаграждать, то наивысшая степень его заслуги будет иметь награду ноль. Какое завидное будущее!..

С родины он не получает ни гроша, ни слова от родственников и знакомых. Но сейчас он может меньше переживать из-за этого, поскольку спекуляция деревом начинает приносить прибыль и он ожидает еще большей, хозяйство тоже должно ему что-нибудь принести, и при этом Дейхман дает ему за обучение дочери 25 рублей в месяц.

10 мая, воскресенье. Я получил письмо от Фридриха. Он пишет, что на днях его жена получила письмо от жены Юзефа Старорыпиньского, но в нем та не упоминает о моих. Из других известий в этом письме сообщение о смерти Гадомского.

Также Фридрих сообщает, что позавчера были у них ксендзы Ойжановский и Генсёровский, которые за дело Завиши 1833 года были сосланы в Сибирь и помещены в Балаганск (отсюда 150 верст), теперь возвращаются на родину, оставив в Балаганске ксендза Рошковского.

Трое заключенных из Вильно на днях будут отправлены на нерчинские рудники почтой, как и были привезены в Иркутск.

11 мая, понедельник. Имея теперь довольно просторный собственный дом, Щепковский хотел, чтобы я там поселился, предлагая ту часть дома, которую я себе выберу. Правда, что тогда мне не пришлось бы платить арендную плату, которая сейчас мне дорого обходится, а за половину этих денег у меня был бы в услужении один из его музыкантов, добрый и спокойный человек, уже давно остающийся у Щепковского, приглядывая за его вещами и домом. Но я всем этим удобствам предпочитаю одиночество и совершенно отдельный угол, к чему я уже так привык и что стало моей насущной необходимостью. Поэтому я открыто и искренне представил это Вольфгангу, сердечно благодаря его за благие намерения. Мне кажется, что он и сам, уже близко со мной познакомившись, правильно оценит побуждения, из-за которых мне, более, чем кому-то другому, желательно и дорого одиночество. И поэтому он не может вменить мне во зло, что я отказываюсь от его действительно братского предложения.

12 мая, вторник. Несколько дней постоянный дождь не дал мне выходить никуда, кроме как на оброк, который тем только отличается от известного у нас в стране, что здесь даже непогода и нездоровье от него не освобождают. Сегодня наконец прояснилось, и Вольфганг сразу после обеда пришел ко мне, уговорив совершить прогулку по его полю, на котором уже начинает всходить овес. Оттуда он вернулся к своим урокам музыки, а я еще долго бродил в разных направлениях.

13 мая, среда. Как в два прошлых, так и в этом году во время моих прогулок на Ангаре я иногда встречаю старца из

секты, называемой всеми духоборами. Этот человек из-за отличия своего вероисповедания был сослан на тяжкие работы, давно уже отбыл годы, к которым был приговорен, и теперь живет здесь спокойно, будучи исключенным из числа казенных работников. Он занимается сельским хозяйством, гасит известь для местного завода по добровольной договоренности. У него большая семья, порядочный собственный дом, и, как видно, он довольно зажиточен. Приятной внешности, очень умный и гораздо более понятливый, чем многие здешние жители. Зовут его Семен. При каждой встрече он старается задержать меня ненадолго, да и я люблю с ним разговаривать. Из всех христианских вероисповеданий больше всего разных сект являются отступниками от греко-русской церкви. Секта, называемая духоборами, мне кажется, похожа на арианизм IV века⁹⁸. Но удивительно, что в просвещенном веке правительство, провозглашающее в своем государстве свободу всем чужим вероисповеданиям, строго преследует иноверцев своего народа...

14 мая, четверг. Со стаканом в кармане направившись сегодня утром на прогулку, возвращаясь, я зашел к Щепковскому, который только что проснулся и не хотел верить, что я до этого момента, то есть до шести часов, прошел уже семь или восемь миль. Он, если бы не ежедневные хлопоты с новым хозяйством, работниками, потом с музыкой и т. п., охотно бы сопровождал меня в моих утренних походах, ведь он встает довольно рано. Но все остальные здесь обычно смеются, когда я им нахваливаю положительное влияние на здоровье утренних летних прогулок и свежей родниковой воды. Но я не могу этому удивляться, что первое невозможно было бы примирить

⁹⁸ Арианизм, или арианство, движение и учение, возникшее в начале IV в. в христианстве. Возглавлялось александрийским священником Арием (256–336), который учил, что «сын божий» существовал не всегда, был сотворен из ничего богом-отцом и не подобен последнему во всем. В борьбе против этого учения принял активное участие император Константин, поддержавший противников Ария, так как их учение о полном равенстве сына отцу облегчало выработку идеи божественной власти и личности императора как земного подобия богу-отцу. На Первом Вселенском соборе в Никее (325) был выработан «символ веры», ересь Ария осуждена, а сам он сослан. Однако борьба с арианизмом в империи продолжалась с переменным успехом в течение долгого времени. Арианство получило распространение в Польше в XVII в.— *Ред.*

со всеобщей ленью сибиряков, а воду они едва считают необходимым для кухни и стирки белья.

15 мая, пятница. Плохо вышло, когда я поверил Иосифу Поджио, что он пришлет мне все собрание томов *Revue Britannique* за два последних года, ибо, полагаясь на это, я взял меньше книг из библиотеки Волконских. Тогда как Поджио забыл о своем обещании, или не может его сдержать, или не хочет, а взятый в Урике запас, который мы читаем втроем, Леопольд, Яцек и я, вскоре исчерпается. При теперешних же отношениях с Мевкусом я и думать не могу о выезде из Усолья.

16 мая, суббота. Госпожа Мевкус хвасталась сегодня передо мной, что получила письмо от сына, написанное уже из Слонима, где он был хорошо принят генералом Муравьевым благодаря рекомендациям Артамона и надеется там найти возможность продвижения на военной службе. Интересно, не будет ли он послать мое письмо семье, как обещал?

17 мая, воскресенье. Яцек писал мне, посылая назад *Degerando: Du perfectionnement moral* и *Villemain*: О греках, и одновременно просит другие книги. Получил я и записку от Фридриха Михальского. Он все время повторяет вопрос: «Когда будешь у нас?», как будто шутит надо мной.

18 мая, понедельник. Посланец из Александровска, который должен был взять соль для Михальских, из-за сильного вчерашнего ливня вынужден был заночевать здесь, поэтому я сегодня только отвечаю Яцеку и Михальским. Первому я послал *Melanges philosophiques, historiques et litteraires*, par *Villemain*, 3 vol.

19 мая, вторник. Полковник со всем домом выехал на несколько дней в город, чтобы там отметить именины госпожи Руперт. Пользуясь этой возможностью, сегодня утром я через госпожу Дейхман написал длинное письмо Леопольду. Он хотел знать о моих сегодняшних отношениях здесь, поэтому я сообщил ему более подробно о них, о подробностях моей жизни, поддерживаемой скромной и убогой пищей, но зато менее зависимой и менее неприятной, чем раньше, и т. д. Леопольд должен бы мне отплатить сообщением городских вестей.

20 мая, среда. Щепковский пригласил меня сегодня на обед. Он, содержа нескольких работников, был вынужден устроить

кладовую и принять кухарку, которая сегодня под руководством самого Вольфганга приготовила нам очень вкусную еду. Мы могли бы постоянно обедать вместе, если бы он наконец нашел в себе смелость отбросить унижительные обеды в доме полковника, которые и ему самому весьма неприятны. Я с большой охотой участвовал бы в расходах, которые пришлось бы понести из-за общего стола. Я говорил ему об этом. Но, хотя он и считает, что для него самого со всех точек зрения так было бы лучше, хотя эта мысль ему очень понравилась, однако сомневаюсь, что он отважится довести дело до конца. Он может сказать: *Video meliora proboque; deteriora sequor*.

21 мая, четверг. Через несколько дней начало лета. Однако сегодня, после нескольких недель тепла и жары, вдруг такой сильный холод, что невозможно было и думать об обычной прогулке со стаканом в кармане, и вместо этого мне пришлось велеть затопить печь. Поскольку иначе я не мог писать.

22 мая, пятница. После вчерашнего почти зимнего дня прекраснейшее и теплое сегодняшнее утро надолго задержало меня на улице. Я ходил далеко и открыл новый источник, прекраснейший из всех, которые я видел до сих пор. Из огромной скалы чистая как слеза вода льется широким потоком и тремя или четырьмя ступенями с шумом впадает в Ангару в месте недоступном и диком и уже одним этим прекрасном для меня. Там источник наверху, по правую и левую руку старые березы, елки и пихты, у ног — Ангара. Вид на нее, на противоположный остров и на лесистые горы, протянувшиеся вдаль. Из всех моих прогулок эта самая далекая. Однако я часто буду сюда ходить.

23 мая, суббота. Вечером сюда приехали из Александровска оба Олизара и Люциан Михальский. Видно, отношения господина Зверева с Уриком оказали на него спасительное влияние, раз он позволяет уезжать нашим друзьям, чего до сих пор он никогда не делал. Все трое остановились у Мацкевича, который дал мне знать о своих гостях. Я сразу туда пошел, остался на ужин, и так затянулся приятный разговор, что я вернулся к себе в три часа утра.

24 мая, воскресенье. Друзья, освобожденные только на один день, волей-неволей должны были возвращаться назад. Однако Мацкевич оставил их на обед.

Кароль Олизар говорит, что недавно получил письмо от дочери, находящейся в Харьковском институте, которая сообщает об ожидаемом приезде туда царицы и поэтому дает отцу надежду на новые милости.

25 мая, понедельник. Сегодня я сильно заболел, и так внезапно, что причину этому найти не могу. Проснувшись, как обычно, очень рано, в тот момент, когда я хотел выйти на прогулку, вдруг почувствовал сильную боль с правой стороны груди, которая усиливалась при каждом движении. Я сначала подумал, что эта боль незначительна и быстро пройдет. Однако через час она была уже настолько невыносимой, что мне пришлось позвать на помощь Мацкевича, а поскольку мне некого было к нему послать, я с большим трудом кое-как дошел туда. Он сказал, что это воспаление легких. Сразу же сказал мне поставить восемь банок с больной стороны, прописал лекарства и велел не вставать с кровати. Через несколько часов он приехал ко мне. Но хотя банки добыли много крови, после них и после лекарств я не чувствую никакого облегчения. Боль не уходит и мешает дышать.

26 мая, вторник, вечером в девять. Прошлая ночь была ужасной. Резь и боль в груди несколько не уменьшились. Мацкевич не мог утром быть у меня, сам мучаясь зубной болью. После обеда он приехал, дал другие лекарства и велел на ночь поставить горчичные пластыри на спину, на бок и ноги.

Ужасно плохо не иметь никого для помощи при болезни, а именно в таком я нахожусь положении, заболев не вовремя, поскольку сейчас и Вольфганг не может мне помочь. Он на прошлой неделе поехал на свою вырубку и там останется на несколько дней.

27 мая, среда. Четыре огромных горчичника, поставленные с вечера, ужасно жгли. Но после них я почувствовал некоторое облегчение. Боли уменьшились и уже стали не такими частыми. Мацкевич из-за зубной боли прийти не в состоянии, но он утром послал справиться обо мне. Я сообщил о состоянии здоровья, спрашивая, можно ли мне после обеда выйти. Я хотел пойти к нему, но он запретил.

28 мая, четверг. Сегодня мне значительно лучше, хотя еще при каждом более глубоком вздохе и при кашле боль в груди чувствуется. Мацкевич был у меня и велел повторить горчич-

ные пластыри. После обеда я ненадолго был у него, но эта прогулка меня сильно измучила.

29 мая, пятница. Чувствуя себя почти полностью здоровым, я хотел сегодня пройтись на свежем воздухе, но весь день был такой холодный, пасмурный и ветреный, что нельзя было подвергать себя опасности после недавней болезни.

Щепковский вернулся с вырубки и из того места, куда его бревна сплавляют, не очень довольный хозяйством, спекуляцией и прибылью, далеко не такой, как он ожидал. Он был у меня, жалуясь на разные свои проблемы. Мне кажется, что врожденная его сварливость при отсутствии энергии ухудшает для него даже мельчайшие трудности и неудачи.

30 мая, суббота. Сегодня из моих окон был ужасный вид. Несколько солдат, одновременно битые палками и розгами, их пронзительные крики, голос присутствующего при этом начальника палачей, постоянно подзуживающего бьющих и как бы радующегося этой порке... и полминуты я не мог выдержать этого зрелища и убежал из дому, несмотря на влажность и холод. Пару часов спустя я встретил этого же г-на капитана. Он остановил меня на улице, чтобы рассказать о «своей утренней забаве» (именно это выражение он использовал). «Забавой вы называете такое немилосердное избиение людей!» — «Ой, тоже мне избиение. Каждый из них не получил больше трехсот ударов!» — «Но для чего вы хотели там присутствовать?» — «Чтобы их сильнее секли», — ответил он.

31 мая, воскресенье. Мацкевич меня исцелил и, может, даже спас от смерти, но зато сам, несчастный, сильно заболел. Уже три дня, как он не выходит из дома. Сегодня утром я был у него. Позднее снова пошел туда, чтобы его развлечь, и просидел с ним до поздней ночи.

1 июня, понедельник. Уже несколько дней здесь каждую минуту ожидают возвращения Мевууса и его семьи, я тоже, не менее, чем другие, этого ожидаю в надежде, что получу какое-нибудь известие. Вчера пришли их вещи с объявлением, чтобы вскоре выехали за ними. Но я уверен, что они и сегодня еще останутся в Иркутске. Ведь Мевуус и его жена боятся выезжать в понедельник и не дают убедить себя, что это предрассудок, с тех пор как узнали, что и генерал Руперт в этот день избегает путешествий.

2 июня, вторник. С начала моей болезни я сегодня первый раз утром пошел к любимому источнику, до этого я еще опасался утренней прохлады у реки. Теперь я уже вернусь к обычным прогулкам со стаканом. Я замечаю, что они служат моему здоровью.

Из Иркутска еще не вернулись местные хозяева. Вечером я долго ходил по большому тракту, думая, что их встречу. Может, приедут ночью.

3 июня, среда. Мацкевич привез сегодня известие из фабрики, что там и в Усолье ожидают приезда генерал-губернатора сегодня или завтра. Но странно, почему полковник и его жена до сих пор не поспешили для приветствия Его Высокоблагородия?

4 июня, четверг. Мы все ждем Мевууса и его семью, не понимая, почему они до сих пор там сидят. Может, кто из них заболел? Генерала тоже не видно.

5 июня, пятница. После нескольких месяцев хлопот и ежедневного хождения я наконец вымучил ружье для господина экспедитора губернаторской канцелярии в Иркутске. Еще в феврале оно должно было быть готово через две недели, но его только сегодня привез господин Мишка, очень умелый, это правда, но одновременно самый ненадежный в мире ремесленник. Переделка этого ружья обошлась мне в 20 рублей. Немалые деньги для меня, но я не буду о них жалеть, если этот подарок пробудит в господине экспедиторе большее, чем до сих пор, уважение к письмам и посылкам ссыльных, которые проходят через его руки. Он получил подобные подарки от моих друзей, теперь и мой черед.

6 июня, суббота. Вернулся казак из города, предсказывая близкий приезд Мевууса. Потом приехал какой-то адъютант и повторил то же самое. Казалось уже несомненным, что я получу наконец так долго и нетерпеливо ожидаемые известия из дому. Наконец приехал полковник со всей семьей, но так поздно ночью, что мне уже было неловко туда идти. Поэтому хочешь не хочешь, но придется ждать еще несколько долгих часов, пока они не встанут. Я напрасно уже два раза ложился. Беспокойство не дало мне вздремнуть ни на минуту.

7 июня, воскресенье. Я горько обманулся в ожидании, получив только письмо от Леопольда, не содержащее ничего

важного. От моих же никаких известий, ни прямо ко мне, ни в письмах, которые за это время получили из Подолья Яцек, Михальская и Иоахим!

8 июня, понедельник. Слухи это были о приезде генерала на фабрику и к нам. Госпожа Дейхман утверждает, что он только в конце этого месяца должен сюда приехать, а потом сразу поедет за Байкал на нерчинские заводы.

9 июня, вторник. Сегодня я писал Оскару Дейхману. Его мать побудила меня к этому, показывая мне письмо, в котором он обо мне дружески вспоминает.

10 июня, среда. Внезапно заболели обе мои ученицы. Особенно старшая, тяжелой, а может, и опасной поражена болезнью. Вся семья в тревоге. Мацкевич все время находится там.

11 июня, четверг. Болезнь Элизы Мевииус оказалась такой сильной и серьезной, что сегодня Мацкевич уже хотел просить совета доктора Вольфа из Урика, если бы кровопускание и другие сильные средства не принесли небольшого облегчения. Он говорит, что это воспаление мозга и кишок одновременно, добавляя, что воспалительные заболевания в этом климате особенно быстро прогрессируют. Что было правдой в отношении Щепковского, Немировского и недавно меня. Как бы то ни было, можно признать, что наш молодой земляк — настолько же способный, насколько смелый и счастливый врач.

12 июня, пятница. Лечение госпожи Элизы и постоянное ее присутствие кажутся опасными для самого врача, грозя ему возвращением недавно преодоленной страсти, от которой его можно будет назвать свободным только тогда, когда он выдержит теперешнее испытание.

13 июня, суббота. На сегодняшней прогулке я узнал о хорошем в Сибири обычае, касающемся выпаса скота. Все жители выбирают среди себя человека с имуществом, но при этом отличающегося трезвостью и достойным поведением. Ему поручают скот, записывая каждое животное вместе с его ценой. За дозор в течение нескольких месяцев ему платят 6 процентов от общей стоимости скота и 6 фунтов житной муки от каждой головы. Но пастух ответствен, и если скота убудет (что в этих краях происходит нередко), он обязан заплатить

согласно поданной в списке цене за все то, что пропадет во время его дозора.

На местном заводе, поскольку количество скота значительно, за ним смотрят несколько пастухов. Каждый в отдельном месте пасет свое стадо, каждому из них отдано свыше ста голов скота, то есть на сумму 4 или 5 тысяч рублей или выше, от чего ему приходится зарплаты около 20 пудов муки и до 300 и более рублей. Таким образом, и пастухи хорошо вознаграждены, и хозяева могут быть спокойны.

14 июня, воскресенье. До открытого недавно мною источника действительно очень далеко, туда и назад вместе будет с полторы мили. Но зато несколько дней подряд я не могу отсюда оторваться. Приятная, тенистая свежесть, так желанная в сегодняшнюю жару, полное одиночество. Вокруг источника в изобилии цветут розы, земляника, смородина и другие растения. А вода!

Нравится вкусу, нравится глазу, как говорит Трембецкий. Такая свежая, чистая, легкая, так приятно бодрящая, что после нее на местную из колодца я без отвращения не могу смотреть. Ту же я пью вволю, и только четыре или пять стаканов в состоянии утолить мою жажду.

15 июня, понедельник. Я закончил перевод размышлений Шиллера о Моисее. Еще в позапрошлом году я начал этот перевод для Мархоцкого. Но со второй страницы бросил, предвидя невозможность отправки этого письма. Правда, и сейчас я не вижу никакой для этого возможности, но, подумав, я решил, что пусть он будет готов, если вдруг появится какая-то неожиданная возможность.

16 июня, вторник. Моя старшая ученица, благодаря стараниям и врачебным знаниям обманутого ею возлюбленного, настолько уже поправилась, что сегодня смогла вернуться к урокам со Щепковским и со мной. Мы оба с приятным удивлением заметили в ней какую-то нравственную перемену к лучшему как в отношении к учебе, так и в уважении к учителям и послушании. Влияние ли это перенесенной болезни или это результат более серьезного размышления в это время о своем поведении, в любом случае мы рады этому неожиданному результату неизвестной причины.

Насколько можно судить, наш врач довольно мужественно выдерживает опасное испытание для своего сердца и, может, выйдет из него победителем.

17 июня, среда. Бедный Щепковский снова заболел, на этот раз воспалением глаз. Эскулап наш обложил его лекарствами и велел не выходить на улицу, по крайней мере, несколько дней. После обеда я сидел с ним.

18 июня, четверг. Раньше, чем обычно, я сегодня пошел к моим обязанностям, а в них дал девочкам послабление, помогая им побыстрее закончить, чтобы иметь больше времени побыть у Вольфганга, который спокойно страдать не умеет и в сегодняшнем одиночестве создает себе самые страшные воображения.

19 июня, пятница. Мне искренне жаль доброго Вольфганга, что в самые прекрасные дни бедняге приходится сидеть взаперти, мучаясь и своей беспомощностью, и тем, что запустил хозяйство. Хорошо хоть, что сейчас уже воспаление гораздо меньше и боль ослабевает. Но Мацкевич не даст ему выходить еще несколько дней.

20 июня, суббота. Давно уже известный в Европе порошок, называемый *casahout des Arabes** и рекомендуемый людям со слабыми легкими вместо кофе или шоколада, добрался и до Иркутска в это время. Местные врачи очень советовали это средство госпоже Полторановой, здоровье которой после замужества заметно слабеет. Она говорит, что он ей хорошо помогает. Но что из того, если чрезвычайная дороговизна этого средства ей не по карману? Как раз сегодня она сожалела, что бутылка его на 10 кружек, за которую в Париже платят 4 франка, в Иркутске стоит 15 рублей. Из этого она делает правильный вывод, что в Сибири как все иные блага, так и здоровье само — это запретный плод.

21 июня, воскресенье. Помогая способностям и желанию юной Дейхман, я решил, чтобы воскресенье и праздники не проходили для нее без пользы, поэтому в эти дни я задаю ей какую-нибудь сказку или другой легкий отрывок стиха по-французски или по-немецки. Разумеется, что сначала я перевожу ей его и объясняю эти несколько строк, пока она хоро-

* Отвар (арабский) из каленой желудевой муки.

шо не поймет их содержание и не сможет рассказать своими словами. Это своего рода игра, а одновременно и награда за проявленное усердие в течение недели. Она с удовольствием учит эти отрывки наизусть, благодаря чему тренирует хорошее произношение и декламацию, к которой она очень способна, и при этом уже начала отвыкать от своей излишней неуверенности. Ее мать очень рада этому нововведению.

22 июня, понедельник. Гостищий сейчас у Мевюса его давний знакомый Асташев стал здесь предметом удивления из-за своего быстрого и огромного обогащения, что бывает среди тех, кто, как он, посвятил себя поискам золотоносных жил. Этот человек, десять или двенадцать лет назад служивший чиновником низкого ранга в Томске, без имущества, без образования, без талантов, побуждаемый успехом других, тоже решил попытаться счастья в поисках золота. За одолженные деньги он начал свое предприятие. В первый год ему не повезло, и он напрасно истратил все свои деньги. Но он, не отчаиваясь, снова одолжил, продолжить копать, и вскоре ему посчастливилось найти место, в котором столько золота, что в течение четырех или пяти лет он стал одним из самых богатых предпринимателей. Теперь его имущество, говорят, составляет 10 миллионов рублей и с каждым годом необычайно растет. И неизвестно, какого размера оно достигнет, поскольку господин Асташев находится в самом расцвете сил, имеет крепкое здоровье, жажду накопления, которая, как это обычно бывает у подобных ему людей, заменилась в превосходящую все чувства страсть.

23 июня, вторник. Уже несколько дней как поспела земляника, очень притягательное для меня искушение. Однако в этом году я могу себе ее позволить гораздо в меньшем количестве, поскольку у меня сейчас намного больше расходов, а надежда на увеличение помощи из дома кажется весьма сомнительной! Но меня не столько пугает недостаток, сколько мучает это долгое неполучение писем и беспокойство о матери.

24 июня, среда. В семье Мевюса начинают сомневаться в согласии Синода на брак его дочери с Константином Дейхманом из-за существующего между ними якобы родства. Иркутский архиепископ, сам не имея возможности этот вопрос ре-

шить, представил его Синоду. Такое родство, как мне кажется, в каждом другом вероисповедании не стало бы препятствием. Ведь отец Константина уже после смерти его матери женился на сестре Мевиуса, поэтому кровное родство существует только между Мевиусом и детьми Дейхмана от второго брака.

Но здесь, в Сибири, все религиозные и нравственные принципы опираются только на внешнее, на поверхностное, на один пустой вид. И хотя истинная, искренняя привязанность даже между ближайшими родственниками, а правильное сказать, все семейные, домашние чувства — очень редкое явление, однако можно услышать о таких степенях родства, которых даже самый опытный историк рода не сможет разгадать.

Недавно в моем присутствии госпожа К*** (старая женщина, родом сибирячка, вдова какого-то сибирского чиновника-немца, часто гостящая у Мевиусов) рассказывала одну длинную историю из минувших лет. Тогда кто-то из слушателей спросил ее, знала ли она господина Р***. «Как же я могу его не знать, если он мой родственник?» — «Родственник? Это как же?» — спросил тот. «Никак иначе, — ответила госпожа К***, — родственник, и даже недалекий, поскольку тетка его племянницы была замужем за шурином моего пасынка». Я посмотрел на лица людей, присутствовавших при этом разговоре. Никто не был удивлен, никто не улыбнулся, все посчитали вещь совершенно простой этот ее довод родства. Мне же он казался отрывком из комедии.

Но, возвращаясь к младшей госпоже Мевиус: если ее замужество с господином Дейхманом не состоится, интересно тогда, сможет ли наш земляк, эскулап (которого уже заранее стараются снова привлечь), устоять и достаточно владеть собой, с той гордостью, которая подобает оскорбленному достоинству, которой до сих пор отмечены его отношения с родителями и девушкой, после того, как его предыдущие намерения были вознаграждены ложью и обманом...

25 июня, четверг. Давно уже обещанный генерал прибыл наконец на фабрику, а сегодня или завтра приедет в Усолье. Полковник почти на рассвете поехал к нему со своим подобострастием. И я ожидаю Его Превосходительство, предполагая, что, может, он в это время получил какое-нибудь известие от моих. Но находящийся здесь Константин Дейхман говорит,

что генерал не получал такого письма (о чем Константин, работая в его канцелярии, обязательно бы знал).

26 июня, пятница. На этот раз болезнь Щепковского обернулась благом. Иначе бы при теперешнем визите генерала ему пришлось бы быть там постоянно, как всегда при подобных событиях, на обеде и до поздней ночи играть к еде и питью... Но Мацкевич, запретив ему выходить из дома, сберег его от неприятности, от которой сам Щепковский отказаться не может и не смеет.

27 июня, суббота. Вольфганг жалуется, что с тех пор, как заболел, Мацкевич не разрешает ему другой еды, кроме бульона, каши, киселя и чая, он говорит, что такая жизнь ему уже надоела. Что бы он сказал, если бы ему пришлось довольствоваться одним хлебом за 3 или 4 гроша и двумя стаканами молока, как я питаюсь почти три месяца? Он утверждает, что на моем месте он не смог бы выдержать, чему я совсем не верю. Ибо чего человек не сможет перенести, чего выдержать не в состоянии, если у него есть сильная, мужская воля, а ее каждый пробудить в себе может, если действительно захочет.

28 июня, воскресенье. Мне пришло в голову во время прогулок собирать себе землянику. Но сразу же при первой попытке я заметил, что удовольствие, получаемое от этого, не стоит труда и потери времени, поэтому оставил это, отказываясь от лакомства на все лето. Ибо было бы безрассудно платить за нее без нужды при очень скудных средствах. Из 150 рублей мало что осталось после того, как я отдал одолженные у Леопольда деньги, 20 рублей заплатил за ружье Добровольского, оказал Вольфгангу небольшую помощь и т. д.

29 июня, понедельник. Вчера сюда с Брониковским приехал Лесневич Иоахим, посланный генералом на фабрику. Он ничего мне не привез от Немировского. И жена его сейчас не имела вестей из Подолья. Он еще сегодня должен был вернуться в город, поэтому так недолго здесь был, что я ни слова не мог написать Леопольду. Я только послал через Иоахима ружье для Добровольского.

Гольнский сегодня вернул прочитанные книги и, прося другие, сообщил о получении недавно двух писем от жены — от 1 и 19 апреля. В них она написала следующее о моей семье. Из первого: «В Беднарвке мать здорова. Казимира была

очень слаба зимой и до сих пор еще болеет. Детки Юлиана полностью здоровы, и бабки о них очень стараются». Из второго: «Мать в Беднарувке здорова, но бедная Казимира все время слаба и поэтому так давно не писала Юлиану. Все его дети полностью здоровы и милы. Тот, что в Беднарувке, очень похож на свою мать, очень милый и послушный ребенок».

Я боюсь несчастья, каким угрожает такая долгая болезнь моей сестры. Я не успокоюсь, пока от нее самой не получу письмо. Я послал Яцеку новый запас книг, сердечно благодаря его за сообщенную информацию.

30 июня, вторник. Меня настиг ливень во время послеобеденной прогулки по большому тракту. А поскольку было ближе до фабрики, чем до Усолья, предпочел поспешить туда и промокнувший зашел к директору фабрики Яну Брониковскому, который недавно с должности иркутского полицмейстера, благодаря расположению генерала Руперта, был перенесен на эту значительную и, возможно, самую прибыльную должность во всей Восточной Сибири. Там я застал нашего Мацкевича и, пробыв несколько часов и хорошо осмотрев квартиру директора с прекрасными пейзажами вокруг, вернулся с Мацкевичем.

1 июля, среда. Наш доктор был в Александровске. Он привез мне оттуда письмо Фридриха. Тот сообщает, что его жена писала Гольнской, прося, чтобы всегда в письмах к своему мужу упоминала о моей семье, и что, отвечая недавно своей родственнице Зелиньской, часто гостящей в Каменце, просила у нее Михальская познакомиться с Теодорой Хмельвской, чтобы при ее посредничестве попросить мою семью почаще и по очереди мне писать.

При первой же возможности я поблагодарю дорогую Михальскую за такой важный для меня довод ее доброты.

2 июля, четверг. Павлу Мевиусу не удалось получить перевод в кавалерию и остаться в Европе. Главнокомандующий Паскевич, несмотря на старания генерала Мевиуса, отказал в этой милости. Поэтому, побыв несколько месяцев в Слониме, молодой Мевиус вернулся, восторженный, очарованный нашей страной. Теперь это неисчерпаемый источник его рассказов.

3 июля, пятница. На днях случай вскрыл неслыханные кражи как денег, так и писем и разных вещей, посланных из

страны ссыльным на адрес гражданского губернатора. Оказалось, что в его учреждении начальник соответствующего отдела Курбатов (помощником которого является Добровольский) в течение последних трех лет украл у российских и польских ссыльных почти 20 тысяч рублей. В их числе насчитывается до 7 тысяч рублей ущерба для наших за Байкалом. Уже не вызывает сомнений, что это происходило в управлении гражданского губернатора. У генерала Руперта, должно быть, происходит то же самое или не намного лучше, потому что тут везде беспорядок и воровство, превышающее всякое воображение. Говорят, что открытое преступление Курбатова должно наконец побудить высшее руководство предпринять какие-то меры. Но разве это возможно?

4 июля, суббота. Щепковский показал мне сделанный собственноручно план реконструкции своего дома. Если он сделан как нарисовал, то у него будет приличное, удобное и не по-сибирски обустроенное жилище. Но, еще не начав работу, он думает, что сможет закончить ее до зимы.

5 июля, воскресенье. Полторанова с мужем и сыночком находится сейчас в доме родителей. Поэтому каждый день я немного могу там играть с двумя славными и милыми детьми, то есть с ее мальцом и с Лёлей (так зовут Елену, самую младшую дочь Мевиусов). Оба этих ребенка хорошо меня знают, любят меня и охотно идут ко мне на руки, а я иногда до слез бываю растроган воспоминанием того захватывающего удовольствия, когда я играл с моими ангелочками...

Недавно я читал некоторые труды св. Иоанна Златоуста, или Хризостома. В жизни этого великого человека, записанной по его собственным рассказам, я нашел одну подробность, которая очень меня тронула похожестью чувства, так часто, так болезненно отзывающегося в моем сердце. Святой Хризостом рассказывает, что в молодости он жил со своей матерью в Антиохии, что прежде чем стал капитаном, хотел отправиться в безлюдную в Сирии пустыню, чтобы там, в полном одиночестве, предаться размышлениям. Но от этого намерения отвлекла его любовь матери, ее просьбы и жалобы. Эта сцена чрезвычайно занимательна. Мать рассказывает сыну о неприятностях, заботах, опасностях молодой женщины, которая осталось вдовой в этом мире, при беспомощности пола и

возраста... «Сын,— добавила она (говорит Хризостом),— единственным моим утешением в этих несчастьях было постоянно видеть тебя, созерцать в твоём облике подобие моего супруга, который уже не жил. Это утешение началось с твоей колыбели, когда ты еще не умел говорить, то есть в ту пору жизни, когда дети приносят родителям больше всего радости» и т. д. и т. д. (Ах, из лона именно таких радостей, такого счастья, удвоенного еще участием самой лучшей, самой добродетельной, самой любящей жены, я был вырван, чтобы остаток жизни провести в далеком изгнании, в неволе!..).

Все вышеуказанное событие со св. Хризостомом описано очень точно. Ничто не может сравниться с нежной печалью этой обеспокоенной матери, и даже оправдание Хризостома никогда не поднялось выше простых, но проникновенных слов этой набожной женщины, на всем протяжении довольно долгого разговора отмеченных истинной материнской болью...

6 июля, понедельник. С того времени, как я велел себе и друзьям или на печатках, или на перстнях вырезать наши цифры с готическими буквами, они вошли здесь в моду. Все из местной иерархии, да даже и из города, хотят иметь готические надписи. Не стоит об этом. Но обычно они направляются ко мне, чтобы я рисовал эти готические буквы, а это мне уже не всегда нравится. Поэтому я иногда отказываю и тем самым навлекаю на себя обиду просящих.

7 июля, вторник. Яцек прислал книги и просит меня о других, а я именно сейчас ничего не могу ему послать. Проклинаю свою легковёрность, что, поверив обещаниям Поджио, из-за этого меньше взял из библиотеки Волконских.

8 июля, среда. Сегодня я писал Леопольду через Мацкевича, посылая остаток причитающихся ему от меня денег и прося сообщить известия из страны, если он или другие получали оттуда письма.

9 июля, четверг. У местных россиян, как и у коренных сибиряков, есть обычай отмечать именины или день рождения людей, которые в данный момент отсутствуют. Но если этот обычай, без сомнения, достоин похвалы, тем смешнее кажется вменяемая у них обязанность в эти дни поздравлять не только тех, кто этот праздник отмечает, но и всех других без исключения. Словом, каждого, кто тогда подвернется, встречают

словами: «Поздравляю вас с именинами (или днем рождения) НН.» На что следует неизбежный ответ: «Благодарю покорно и взаимно с этим же поздравляю». Так сегодня отмечался день рождения Оскара Дейхмана, который уже несколько месяцев занимает должность в Петровске за Байкалом.

10 июля, пятница. Дочери генерала Руперта из своей учебной библиотеки прислали несколько французских книг для маленькой Лизы Дейхман, чтобы выбрать из них подходящие ей и уровню ее знаний, мне пришлось самому прочитать их все. Большею частью это небольшие произведения, такие как: *La veille de Noel*; *Avenytres d'un petit Voyageur*; *Le petit mountoun*; *Le Ver luisant*; *La Colombe*, и т.д., но очень хорошо написанные и подходящие для детского возраста, занимательным образом дающие представление о долге и добродетелях. Две или три книжки я прочитал сразу, не выходя из комнаты госпожи Дейхман. Но во время этого чтения я видел, что она и другие, должно быть, замечали слезы в моих глазах. Наверняка их удивляли такие эмоции, вызванные книгами детского содержания. Однако я ушел, не сказав ни слова, ибо, возможно, они бы меня не поняли, если бы я пытался им объяснить, какая неизмеримая боль сжимает мое сердце в подобных обстоятельствах при мысли, что я посвящаю чужим детям время, старания и свои способности, когда все это полагается от меня получать моим сиротам!..

11 июля, суббота. Госпожа Дейхман, читая какую-то русскую книгу во время моего урока с ее дочерью, нашла в ней несколько иностранных слов и попросила их перевести. Это была итальянская пословица. А узнав, что я знаю этот язык, она выразила желание, чтобы ее дочь училась итальянскому языку. Но я вежливо отказался от этого, сославшись как на мое, так и ребенка слабое здоровье, у которого и так много работы при изучении двух языков: французского и немецкого наряду с музыкой и другими предметами. Так на какое-то время освободил себя от новых обязанностей. Один Бог знает, что будет потом.

12 июля, воскресенье. Молодой Мевуис привез мне сувенир из Слонима — несколько штук мелких польских монет по десять, пять и три гроша. Среди них есть десятки, отчеканен-

ные в 1831 году. Павел говорит, что эти последние там часто можно заметить в ходу.

13 июля, понедельник. Как две недели назад, так и сегодня я продолжил свою прогулку до самой фабрики. Там я провел несколько часов у Брониковского, сидя у него в саду, который находится в гораздо лучшем положении и оформлен с большим вкусом, чем здешний. Жаль только, что беседка больше напоминает часовню, чем место отдыха и развлечений. Брониковский говорил о своих должностных обязанностях, которые преподносят ему много разной работы. Ведь кроме главной выработки стекла и солдатского сукна здесь делают еще и парусину, плотную и среднюю бумагу. Казна на все это расходует (как говорит Брониковский) всегда миллион с лишним рублей годового оборота. Население фабрики — три тысячи человек, значит, в три раза больше, чем здесь.

14 июля, вторник. Со вчерашнего вечера меня мучает сильная головная и зубная боль. Всю ночь я не мог уснуть. С большим трудом дотащился к своим обязанностям, но из-за сильной боли закончить урок уже не смог.

15 июля, среда. Сегодня утром из города вернулся Мацкевич и привез сюда Новицкого Наполеона. Леопольд написал мне, сообщая, что в Иркутске есть для меня письмо с деньгами, но сейчас он прислать его не мог, так как ему сказали, что к письму прилагается еще посылка с вещами, которая еще не пришла, а согласно новым распоряжениям письма можно отдавать только с тем, что на них обозначено. Леопольд пишет, чтобы я набрался терпения еще на одну почту. Но я все равно уверен, что так быстро этого не дождусь.

Очень вовремя пришлось, что сегодня здесь шумно отмечают именины Полторанова, поскольку из-за этого нет уроков и я могу подольше побыть с Наполеоном.

16 июля, четверг. Новицкий утром должен был поехать в Александровск, но мои и Мацкевича уговоры оставили его на обед и до вечера. А поскольку со вчерашних именин гости еще не разъехались и сегодня гуляют, то об учебе не было и речи. Поэтому я с самого утра оставался с другом-литовцем до самого его отъезда. Я написал Фридриху, благодаря его жену за то, что она писала обо мне на Подолье, и сообщая им некоторые подробности из письма Немировского.

17 июля, пятница. Новицкий говорил, что трое последних заключенных из Литвы только в прошлом месяце отправлены за Байкал почтой и с жандармами, как их привезли сюда. Мошинский, жмудь, вернулся из эмиграции, двигаемый тоской по родине, но поскольку в нем обязательно хотели видеть эмиссара, то его так долго удерживали (с 1838 года) в Вильнюсской тюрьме. Двое других, де Люцене, француз, и Караваев, русский, были офицерами русской армии. Все трое приговорены к двадцати годам тяжелых работ. Из них Новицкий лучше всего отзывается о последнем. Еще он говорит, что вещами и деньгами они получили здесь помощь от поляков и от российских ссыльных в размере почти тысячи рублей.

Кажется, в этом месяце должны отмечать 25-летие со дня свадьбы царя. По этому случаю предполагают амнистии. Увидим.

18 июля, суббота. Приехал сюда Шиманьский, отправленный Лесневичем по каким-то нуждам генерала. Он привез мне письмо Немировского, который, выпросив у губернатора более скорое получение письма и денег из почты для Яцека и для меня, прислал нам сейчас оба. Я получил письмо от неопценного Стаха Доливы с 50 рублями из Каменца от 23 мая. Утешение от слов этого достойного человека, несравненного друга, никогда не было для меня более нужными и желанными, как именно сегодня, в годовщину самого знаменательного дня в моей жизни, при печальном праздновании моего угасшего счастья, среди множества угнетающих чувств и эмоций, разбуженных этим воспоминанием...

Стах пишет уже не под именем Изабеллы Даровской, а под своим собственным. Сообщает, что тогда он был уже перед самым отъездом за границу. Но из его письма не видно, что он получил эмиграционный паспорт, как об этом писал Кароль Старорыпинский сестре. Стах упоминает только, что с большим трудом получил паспорт в Галицию и что срок его истекает в октябре. Сообщает, что не знает, как долго пробудет у своей матери во Львове, из чего следует вывод, что он думает о продолжении своего пребывания за границей, как это бывало раньше. Но ничто не дает мне повода думать, что он уехал из страны навсегда. Ведь тогда он упомянул бы о продаже имения, о чем нет ни слова. Говорит, что он сделал при-

писку к последнему письму Теодоры Хмелёвской, в котором были изображения моих детей. Жаль, что я этой приписки не получил. Он сообщает о здоровье семьи и моих сирот. Он перечисляет нескольких человек, умерших на Подолье, и среди них жену Теодора Вильямовского, очень достойную женщину, кончина которой вызвала в моих глазах слезу сочувствия бедному мужу, старому, близкому моему другу, и судьбе ставших сиротами троих детей.

19 июля, воскресенье. Через возвращающегося Шиманьского я написал сегодня Леопольду, посылая требуемые книги, и к жене Иоахима, прося, чтобы из польских книг, которые она привезла мужу, она одолжила мне Тацита Нарушевича, если эта книга находится у нее.

20 июля, понедельник. Немировский прислал мне более подробное объяснение кражи наших денег, недавно раскрытой. К счастью, Бог лишил разума недостойного творца этого безобразия Курбатова, и он, забирая деньги, не уничтожил писем при них, которые были единственным средством, позволяющим подсчитать количество украденного. Губернатор предпринял активные меры для дальнейшего обнаружения и возмещения понесенных убытков. Леопольд подтверждает, что из них почти 7 тысяч рублей полагается нашим землякам в нерчинских рудниках. В счет этого 4 с лишним тысячи уже было туда отправлено, остальное отправят вскоре. Он добавляет, что теперешние распоряжения обещают, что еще долго подобных злоупотреблений не будет (дай Бог!) и что с этого времени наши письма, деньги и другие посылки Немировский будет получать из рук самого губернатора, чтобы отправить по назначению.

21 июля, вторник. Поскольку сегодня исполнилось четыре месяца с тех пор, как я занимаюсь маленькой Дейхман, ее мать в долгом со мной разговоре, после многих выражений своей благодарности за работу и старания, посвященные ее ребенку, намеревалась заплатить за «мои труды» и для этого приготовила ассигнации, которые я заметил в ее руке. Но я прервал ее на первом же слове, напоминая объявленное мною условие, при котором я взялся учить ее дочь. Я сказал, что она очень плохо меня знает, если сомневается в искренности того заявления. Пришлось повторить, что никакого вознаграждения

граждения я не приму и сразу же прекращу свои уроки, если она или ее муж каким-либо образом захотят поступить против моего решения. Также я добавил, что то, что говорю, касается только меня, не распространяясь на их добрые намерения в отношении благодарности за работу Щепковского, поскольку он ни копейки не получает с родины и поэтому вынужден работать, чтобы содержать себя. Я был рад такой возможности сказать о нем. Ведь он сам настолько несмел, что сам о себе не сказал бы никогда. Тем более было бы неприятно говорить о себе каждому из нас в таких обстоятельствах. На сибирскую догадливость и деликатность рассчитывать нельзя. Доходы от его спекуляций с деревом до сих пор почти все идут на уплату казенного долга, и только через два или три месяца хоть что-то будет идти ему в карман.

22 июля, среда. У Вольфганга проблемы с его покосом. Если он сам не проследит за этой работой, то его коням и скоту нечего будет есть зимой. А с другой стороны, надзирая за покосом и сбором, он отрывается от уроков музыки и тем вызывает на себя кривые взгляды. Поэтому, чтобы как-то это совместить, бедолага встает на рассвете (что для него настоящее мучение) и сразу летит на довольно отдаленный сенокос, оттуда через несколько часов по невыносимой жаре спешит к своим обязанностям, после которых снова спешит к работникам. И так весь день ни минуты отдыха. Вдобавок ко всему, ему часто приходится оставаться без обеда и, как я, довольствоваться одним хлебом, а это его мучает сильнее, чем ранний подъем.

23 июля, четверг. Зубы у меня болят ужасно. Эта болезнь, которая для меня невыносимее любой другой, чаще настигает меня в этом году, чем когда-либо раньше.

24 июля, пятница. Мацкевич говорил мне о разных неприятных сторонах своего здесь пребывания, добавляя, что сразу же уехал бы из Усолья и Сибири, если бы его не удерживали взятые из казны долги, которые он сможет выплатить не раньше чем через год. И тогда, как он говорит, ни на минуту не задержит возвращение в Литву. Я завидую ему, что только это препятствие держит его, которое он надеется преодолеть так быстро. Почему же я не могу так сказать, хотя мне здесь в тысячу раз хуже, чем ему, и в тысячу раз сильнее я скучаю по родине!

25 июля, суббота. Пришла последняя почтовая посылка табака для меня, и Леопольду подвернулся случай поехать в Усолье. Сегодня я получил этот желанный деликатес, а при нем янтарный мундштук и несколько одесских трубок. Я благодарен Стаху не только за эти вещи, но даже и за куски немецкой магдебургской газеты за этот год, в которые все было завернуто. Читая эти обрывки, я нашел интересную для себя информацию...

26 июля, воскресенье. Леопольд пишет, что Шиманьский не привез ему письмо от меня, говоря, что забыл его здесь. Но это наверняка неправда. Должно быть, он по рассеянности потерял в пути мое письмо к жене Иоахима, в котором было второе — к Немировскому.

27 июля, понедельник. Меня удивляет, почему Яцек не присылает за своей посылкой из дома, которую я получил вместе со своим табаком. Я не думаю, что Немировский не сообщил ему, что отправляет эту посылку мне. Как видно из списка, в ней находится одежда, присланная его женой или братом.

28 июля, вторник. Много говорят об обещанных милостях по случаю годовщины брака царя, мне было бы интересно узнать дату этого юбилея. Однако я напрасно просмотрел несколько местных политических календарей, напрасно спрашивал попа и разных господ, разбирающихся в дворцовых праздниках. Никто не мог ответить с уверенностью, отделяясь от меня предположением, что, кажется, этот день приходится на июль или август. Но неожиданно я узнал об этом... из-за границы. Складывая обрывки разодранной для того, чтобы обернуть трубки, магдебургской газеты, частично протертые до дыр, из которых я и раньше прочитал интересные вещи, нашел и это: «1/13 июля сего года — это день, в который отмечается 25-я годовщина свадьбы Николая I». Если и были какие-то амнистии, то они произошли почти месяц назад, а значит, мы вскоре о них узнаем.

29 июля, среда. Оскар Дейхман писал мне, что хотя он и не смог быть в нерчинских заводах так долго, как надеялся, однако он не забыл о письме, которое я поручил ему передать тамошним друзьям. Я очень рад, что из нескольких писем, которые я им писал, по крайней мере это они получают.

30 июля, четверг. Добрая жена Иоахима велела мне передать, чтобы я прислал ей письмо к моей семье, как я делал это в апреле. Поэтому сегодня Теодоре Хмельёвской я приготовил письмо от имени Лесневич, одно для всех моих предназначенное и еще более длинное, чем предыдущее, ибо, будучи неуверенным, получила ли Казимира предыдущее, я был вынужден повторять главное и добавить много новых подробностей, отвечая на последние письма. Я просил Теодору прислать мне пару писем Пелагии, которые она писала мне в последние дни жизни. Просил о каком-нибудь сувенире от Идалии на память, также просил польские книги, отправил информацию об Эустахии Рачинском для его матери. Словом, все мои в Беднарукке, в Жердзе, Матвийковцах, Каменце, Баранувке будут немного спокойнее, когда это письмо дойдет до Теодоры. Не забыл я и о друзьях, прося, чтобы Стаху Доливе передали слова о моих чувствах, где бы он ни находился. Но, что самое важное для меня, теперь я пространно изложил давние мысли о воспитании моих детей, прося бабок, теток и дядюшек, чтобы они приняли во внимание самое горячее желание изгнанника, чтобы принципом воспитания этих троих сирот была память об их матери.

31 июля, пятница. Вот уже почти три года, как я нахожусь здесь, а сегодня первый раз Щепковский позволил мне послушать свою игру, когда я утром зашел к нему. Это необыкновенная любезность с его стороны, потому что все время до этого все мои, Немировского и других товарищей просьбы были напрасны. Мы могли его слушать только с оркестром или на фортепьяно. Сам же он иначе не играет, только в полном одиночестве, чаще всего ночью. Сегодня он играл прекрасное *adagio* собственного сочинения, отрывок из вариаций, которое он написал недавно на мелодию, придуманную женой Леопольда Яжины к одной польской песне. Вольфганг думает посвятить эти вариации Мацкевичу в знак благодарности за возвращенное ему и двум его друзьям здоровье.

Госпожа Дейхман хочет, чтобы Щепковский давал каждый день уроки второй ее дочери, и она обратилась ко мне, чтобы я его просил об этом. Я дал ей понять, что за двойную работу должна быть двойная награда. Она пообещала ее, хотя наверняка не ожидала такого оборота с моей стороны.

1 августа, суббота. До сих пор я не отвечал на письмо Машковского, полученное в мае, намереваясь с ответом через него послать какую-нибудь денежную помощь брату Эустахию Рачинскому, находящемуся в Акатуе (где среди прочих находится также и Петр Высоцкий, а с прошлого года там еще и Лунин сидит). Раньше я не мог этого сделать. Теперь же из полученных недавно от Стаха денег я отсчитал половину и прошу Каспера Машковского, чтобы он помог этим деньгам дойти до рук Эустахия, а также сообщить ему, что несколько раз я о нем писал через Михальскую и Лесневич. Я был бы рад и это письмо, и письмо к Теодоре как можно быстрее отправить в город, поручив сначала Леопольду, а затем опеке Иоахима.

Глава девятая

Животный магнетизм.— Солдат Резнюк.— Прекрасные чувства в человеке без образования.— Милости при повторном браке.— Удивительная история Винченца и Альбины Мигурских.— Чиновник Василевский, сын известного польского ссыльного.— Польские книги. Еще год добавился к годам неволи.— Дневники или признания Янишевского, что я думаю об этой рукописи.— Склонности и таланты троих сирот.— Немецкие комедии Брюля.— Мариаш в группе.— Библия — это благословение.— Легенды об освобождении.— Представления о религии в Сибири.— Выигранный спор.— Именины доктора.— Пожар у Лесневича.— Записки о поджоге города.— Подозрение, его результаты.— Сенатор проверяет Сибирь.— Щепковский проклинает хозяйство, почему? — Черта жадности.— Пушкин, читаемый с пользой.— О промывании золота.— История польской революции 1831 г. Шмитта — ценность этого труда.— Неприятные дни.— Католическое население в Сибири.— Тезки.— Прощание ученицы.— Вечер один на один с другом.— Копание земли.— Некоторым сократили по пять лет от времени наказания.— Образовательные книги.

На соляном заводе, 2 августа, в воскресенье. Вольфганг пришел сегодня ко мне, чтобы сделать приписку в письме к Машковскому. Я прочитал ему некоторые отрывки и из того,

который приготовил для Теодоры. В его добром, учтивом сердце выражение отцовской заботы нашло отзвук и вызвало слезы утешительного сочувствия.

3 августа, понедельник. С некоторого времени один зуб докучал мне постоянной нестерпимой болью, и я предпочел лишиться его, нежели продолжать страдать. Мацкевич предложил мне свои хирургические услуги и очень удачно в мгновение ока избавил меня от ужасных страданий. О, почему же его искусство не в состоянии также удалить в сто раз более мучительные причины моей нравственной боли!

4 августа, вторник. Гольнский до сих пор не прислал за своими вещами из Подолья, которые находятся у меня. Не понимаю, что означает эта его небрежность. Наверное, он ожидает, чтобы я их отослал, хотя прекрасно знает, что у меня нет людей в услужении, как у него или у Фридриха, и что сейчас, во время жатвы, я не смогу никого нанять, чтобы за деньги доставили посылку.

5 августа, среда. Вчера я предсказывал Щепковскому погоду на сегодня. Он опасался дождя для своего сена и овса, уже созревшего для жатвы. Отсюда между нами пари. Я в случае проигрыша с моей стороны ставил фунт хорошего табака, требуя в случае выигрыша, чтобы он позволил мне слушать в течение получаса его игру на скрипке. Он сомневался. Поэтому я так хотел хоть немного хорошей погоды, надеясь, что она принесет мне немного удовольствия, так приятного мне и на которое так скуп мой друг. Но как назло отвратительная непогода хотя и мешает его хозяйственным делам, зато усиливает лень к смычку.

6 августа, четверг. Наконец я дождался возможности отправить мои письма. Влюбленный господин Константин Дейхман должен сегодня отсюда вернуться в город и пообещал мне, что возьмет и что в Иркутске не замедлит их отдать. Ведь часто бывает и так, что мое письмо пролежит там несколько дней, прежде чем тот, кому я его поручил, вспомнит, что обещал отдать его Немировскому.

7 августа, пятница. Поскольку господин Константин решил уехать только вечером, у меня было много времени написание длинных писем жене Иоахима и Леопольду. Поручая первой письмо к Теодоре, я просил ее, чтобы сообщила, когда

оно попадет на почту, а я согласно этому рассчитаю время, когда это письмо должно будет прийти в Каменец и когда я могу рассчитывать на ответ. Немировскому я отослал письмо для Машковского вместе с посылкой моему брату. Леопольд наверняка раньше или позже найдет возможность отправить это письмо и деньги за Байкал. Я сообщил ему о моих проблемах, о некоторых подробностях моих отношений с надутым Мевисом и т. д.

8 августа, суббота. Через какую-то случайную оказию Яцек написал мне, требуя, чтобы я нанял здесь надежного человека, чтобы отправить ему вещи. Как будто он не знает, что здесь надежных людей, особенно сейчас, найти очень трудно и как будто не проще и быстрее было бы прислать сюда своего человека или слугу Михальской. Наконец, и Кароль Олизар, совершенно свободный, мог бы приехать сюда в любую минуту. Поэтому я предпочитаю, чтобы эти вещи и дальше у меня оставались, чем подвергать их опасности, отсылая неизвестно с кем.

9 августа, воскресенье. Всеобщая проблема работы с сеном, к чему еще сейчас добавилась необходимость поторапливаться с жатвой, касается не только тех, у кого есть хозяйство, но даже и меня, хотя я здесь ничем не владею и как одинокий воробей на крыше. Ведь уже несколько недель все местное население так занято, что я не могу найти женщину для стирки моего белья. Проклятая дыра!

10 августа, понедельник. Молодая госпожа Мевис сегодня хвасталась передо мной подарком, присланным Константином. Это *История Наполеона* по-французски, написанная Laurent de l'Ardeche, в прекрасном издании, украшенном виньетками Хор. Вернега, напечатанная в Париже в 1840 году. С этой прекрасной книгой я познакомился еще год назад в Урике. Госпожа Элиза очень рада этой книге и проявляет такое восхищение Наполеоном, на какое только способна ее холодная сибирская душа.

11 августа, вторник. У Мацкевича зашел разговор о *Животном магнетизме*. Он до сих пор не имел никакого представления об этом предмете, хочет узнать его ближе и просил меня указать работы, которые бы позволили ему это сделать. Я ему выписал несколько из известных мне раньше и из но-

вых, в прошлом году изданных в Париже, а он должен будет достать эти книги. Я буду переводить из них то, что его сможет занять, и таким образом мы оба найдем развлечение, соединенное с пользой.

12 августа, среда. Местный солдат, Доминик Резнюк, родом из Подолья, из Бершады, имения Мошиньского, сосланный сюда за 1831 год, очень умный и добрый парень, пришел просить меня, чтобы я помог получить ему медицинскую помощь у Мацкевича, к которому сам он подойти не осмеливается. Более двух лет он напрасно лечился несколько раз в военном лазарете, находящемся в фабрике. Я сразу же пошел бы с ним к нашему достойному эскулапу-литовцу, но тот поехал на обед к Брониковскому, откуда, скорее всего, вернется ночью, поэтому я завтра утром хочу быть у него с больным.

Резнюк говорил мне, что, будучи на посту в пяти или шести верстах отсюда в лесу возле Московского тракта, видел на днях нескольких солдат-поляков из Иркутска, Якутска и из-за Байкала, уволенных со службы и возвращающихся на родную землю. Он рассказывал это со слезами, завидуя их счастью. «Что бы ты отдал, чтобы также вернуться к своим?» — спросил я. «Я? — ответил он, — я согласился бы на потерю обеих ног, чтобы хотя бы на культях приползти в свою сторону» (Я повторяю его слова). Я крепко обнял его за это чувство и тем сильнее буду просить за него Мацкевича, которому согласно предписаниям нельзя лечить военных.

13 августа, четверг. Рано же пришлось сегодня встать моему подолянину, если, имея почти милю пути до своей казармы и будучи слабым, он в шесть часов уже притащился ко мне. Вскоре мы пошли к Мацкевичу. Тот сразу осмотрел его, спросил о болезни, прописал разные лекарства, которые за свой счет велел приготовить в аптеке, и сказал больному каждые три дня смело приходите к нему, пока полностью не поправится. Как же было бы жаль, если бы он тут женился и из-за этого, может, погряз бы в Сибири навсегда, к чему, как сам говорит, он уже был очень близок.

14 августа, пятница. Полторанов привез из города информацию о гонце из столицы с манифестом, содержащим якобы разные милости. Но ничего более подробного об этом Полторанов сказать не может, повторяя только слышанный в общих

словах слух, который, должно быть, исходит от самого Руперта. Жаль, что Леопольд не написал мне в этот раз. Может, он сумеет там ухватить какие-то подробности так близко нас касающейся вести.

15 августа, суббота. Полторанов уезжает в город, но поскольку оставляет здесь жену и ребенка, значит, вскоре к ним вернется и наверняка привезет мне ответ Леопольда, которого я просил, чтобы он сообщил все, что смог узнать о манифесте.

16 августа, воскресенье. После законченного урока декламации с маленькой Дейхман сильный ливень надолго меня там задержал. Любезная госпожа Дейхман старалась это время занять меня разговором. Она рассказывала разные события из прошлых лет своей жизни. Упоминание о знакомом ей Вейгле, полицмейстере в Перми, пробудило воспоминания о том, что со мной случилось в этом городе, как поп старался склонить меня к вероотступничеству и т. п. Поэтому снова пришлось говорить о некоторых эпизодах из нашего отвратительного пути по этапам. Она слушала меня с живым сочувствием. Не раз я видел слезы в ее глазах, хотя мог рассказать только о сотой части перенесенных ужасов...

17 августа, понедельник. Я был у Щепковского свидетелем расчетов и выплаты работникам и другим, с которыми он из-за спекуляции с деревом вынужден часто общаться. Правда, он уже выплатил больше чем две трети своего долга, через два или три месяца полностью с ним покончит. И тогда если не больше, то уж 100 рублей прибыли в месяц он начнет получать, а кроме этого, останется у него несколько коней, большой запас овса, сена, дров, разного инвентаря и собственный дом, что можно вместе оценить в 2500 рублей. Но с какими людьми ему постоянно приходится иметь дело! Какие предметы занимают его время! Какие шаги он иногда вынужден совершать! Сколько у него неприятностей и разочарования! Как часто, проклиная все доходы от начатой деятельности, он завидует мне, что я не ввязался в подобную спекуляцию!

18 августа, вторник. Вернулся Полторанов. Вместо письма от Немировского он привез известие, что тот сам завтра или послезавтра должен сюда приехать. Я спрашивал про подробности этого манифеста. Полторанов говорит, что ничего об этом не знает.

19 августа, среда. Госпожа Дейхман с очень таинственным видом, тихим голосом (хотя мы были одни), по-немецки и оглядываясь во все стороны, сообщила мне новость, что Немировский должен приехать сюда «на постоянное проживание». Видимо, в этом манифесте или ничего нет для нас или есть, но не более чем сокращение лет нашего мучения. С нетерпением я выглядываю теперь Леопольда. Может, он будет лучше информирован в этом вопросе.

Вечером. К вечеру приехал ксендз Хачиский, а через полчаса после него приплыл Леопольд на корабле из города, отправленном за солью. Еще неизвестно, должен ли он остаться здесь для постоянного проживания или только на две-три недели. Согласно тому, что ему сказал сам генерал Руперт, последнее больше похоже на правду. Немировский говорит, что среди милостей по случаю 25-летия семейной жизни царя есть сокращение пяти лет от назначенного наказания Коссаковскому, Рошковскому, Подхороденьскому, Гольнскому, Михальскому Люциану, Немировскому и мне. При этом добавлено, что эта амнистия наступила благодаря стараниям наших семей. То же самое повторил и ксендз Хачиский.

Леопольд привез мне письмо от жены Иоахима и Тацита по-польски, которого я просил. Она пишет, что мое письмо Хмельвской было отправлено 10-го числа. Также сообщает, что получила информацию о том, что первое письмо, посланное ею моей семье, дошло. Что обрадовало меня больше, чем вышеуказанная амнистия.

20 августа, четверг. Утром я сообщил нашим господам, что сегодня и завтра мы со Щепковским не сможем вести уроки, так как должны будем заняться богослужением и исповедью.

21 августа, пятница. Я получил письма от Фридриха и Яцека. Через ксендза я ответил обоим и отправил их вещи с Подолья. Также я написал нашей бесценной Лесневич.

22 августа, суббота. Я очень рад, что у Леопольда в Иркутске была возможность отослать Машковскому мое письмо с деньгами. Он вручил это супругам Мигурским, на днях отправленным в Нерчинск. История этих двоих людей чрезвычайно удивительная и отмечена почти сказочными приключениями, в которых госпожа Мигурская показала много мужества, посвящения и выдержки.

Мигурский Винценты, родом из Сандомирского, после войны 1831 года долго был за границей. Оттуда его выслали на родину. После прибытия его вскоре поймали и долго держали в тюрьме. Наконец его отправили в солдаты в Оренбургскую губернию без утраты дворянства. В Галиции он познакомился с госпожой Альбиной Вишнёвской, которая оттуда приехала на место его назначения, чтобы выйти за него замуж и разделить его судьбу. Соединившись венчанием, они жили в Уральске три или четыре года, в течение которых у них родилось двое детей, которые вскоре умерли. Тогда они решили бежать. Он притворяется, что хочет утопиться, и пишет об этом своему начальнику, благодаря его за человечность и хорошее обхождение, которое от него получал, при этом поручая жену его заботе, прося, чтобы ей, как австрийской подданной, облегчили получение паспорта за границу. После чего он внезапно исчез. Все уверены, что он утонул. Проходит несколько месяцев в ожидании требуемого паспорта. Все это время жена укрывает мужа в каком-то уголке своей квартиры, допустив к этой тайне одну только служанку-польку. Приходит госпоже Мигурской паспорт в Галицию. Она в повозке сооружает место, чтобы спрятать мужа. Вынимая из гробов тела своих детей, они кладут их в ящик на повозке и так выезжают, не оставив в городе ни малейшего подозрения. Таким образом, они успешно преодолели несколько сотен верст. Но под каким-то городком в Саратовской губернии приставленный к ним для безопасности казак случайно открывает их тайну и сразу же сообщает об этом местному начальству. Там обоих арестовывают. Их возвращают в Оренбург, где назначена комиссия и военный суд. Но перед приговором вся история была представлена царю, который велел Мигурского послать в Нерчинск на военную службу, не отнимая у него дворянства, а жене позволить вернуться к себе в страну. Но она захотела остаться с мужем. Их привезли в Иркутск, откуда после двухнедельной задержки отправили за Байкал.

23 августа, воскресенье. Выйдя с Леопольдом в поле, чтобы увидеть жниво Щепковского, мы так долго потом ходили разговаривая, что возвращались уже затемно. Он рассказывал мне разные подробности городской жизни; а я, со своей стороны, знакомил его с подробностями моей ссоры с полковни-

ком, так, как это было на самом деле. Оказалось, что Мевиус, жалуясь на меня Немировскому, не очень-то придерживался истины.

24 августа, понедельник. Был здесь Кароль Олизар, но остался совсем ненадолго, спеша в Тельминскую фабрику, чтобы там застать ксендза Хачиского и с ним вернуться в Александровск. Он хотел уговорить на это путешествие Леопольда, но тот решил туда поехать только через несколько дней, будучи обязанным сначала закончить требуемые Мевиусом рисунки, над которыми он работает.

25 августа, вторник. Новицкий несколько недель сидел в Александровске, чтобы там, в доме Гольиньского, пробовать рафинировать сахар из кускового в белый. Эта попытка была успешной. Поэтому теперь Новицкий может смело или за свой счет, или за счет кого-нибудь из стремящихся к этому иркутских купцов начать эту прибыльную работу. Сегодня он сюда приехал, чтобы узнать, нельзя ли получить каким-нибудь образом перевод Гольиньского и Родзевича в Усолье, все из-за грубости Зверева и оскорбительного обхождения с ними. Но этот перевод почти невозможен.

26 августа, среда. Отъезд Мевиуса с генералом Рупертом на месяц в Красноярскую губернию, прощание первого с семьей, которая провожала его несколько верст за Усолье, наполнили весь дом рассеянностью. Поэтому и девочки наши не могли сегодня взяться за учебу, о чем господа учителя нисколько не жалели, получив больше свободного времени, которое можно провести с дорогими друзьями Леопольдом и Наполеоном.

27 августа, четверг. Волосы встают дыбом при рассказах об убийствах, грабежах и непонятной жестокости, которые довольно часто совершаются в Александровске чернью тамошних злодеев. Но еще большее негодование охватывает из-за того, что обычно виновники самых ужасных преступлений умеют уйти от ответственности, подкупая местное начальство, чему был свежий пример во время недавнего пребывания там нашего Наполеона. Но уже поговаривают, что Зверева должны перевести в другое место. Кто бы ни пришел после него, то и для наших товарищей, и для всех жителей избавление от начальства такого негодяя будет большой удачей.

28 августа, пятница. Фридрих сообщил мне, что ему прислали с Подолья несколько новых книг, и спрашивает, хочу ли я их читать. Он мог легко догадаться о моем желании и пару книг прислать сразу. Но я не скоро этого ожидаю, если мне придется ждать, пока их там все прочитают.

29 августа, суббота. Благодарение Богу, сегодня я получил большое утешение. Олизар привез мне из Александровска несколько писем от моей семьи, вместе присланных на адрес Михальской.

Мать Даровская 6 июня сообщает о моих сиротах, о знакомых, соседях, о смерти епископа Мацкевича, о замужестве Юлии Ланжанки с Модеровским и т. п.

Там же было письмо моей сестры Идалии и ее мужа, досточтимого Харсдорфа, от 5 июня. Они сообщают, что уже несколько месяцев моя Хеми (или, как они там ее зовут, Мися) остается у них. Оба очень нежно говорят об этом ребенке и прислали мне несколько слов, нацарапанных ее ручкой. Харсдорф пишет, что он очень счастлив с моей сестрой, что с удовольствием занимается моей сироткой, что до этого не писал мне, думая, что я не получу его писем. Он пишет это, прочитав мое письмо, посланное через жену Иоахима этой весной.

Мать Даровская прислала мне также отдельную карточку, написанную моим Зизи.

Теодора Хмелёвская 17 июня сообщает, что моя мать абсолютно здорова, а Казимире лучше, чем было. Она прилагает к своему письму три записки, написанные рукой моей жены, — одну к Теодоре в конце декабря 1838 года, а две к Стаху Доливе. Из этих последних написана за несколько дней перед ее смертью. О, как же я благодарен доброй Теодоре за эти памятные вещи, которые святы для меня!

30 августа, воскресенье. Через Олизара я сегодня пишу Михальской, чтобы посылку, о которой мать Даровская писала в своем письме и которую она, скорее всего, отправит на ее адрес, прислала сюда через своего человека, так как я заранее знаю, что здесь надежного посланца не найду.

31 августа, понедельник. Филип Олизар написал из Александровска, что сильно заболел и сегодня просит помощи Мацкевича, но, к несчастью, того сегодня нет в Усолье и он сможет только завтра к нему поехать. Я хочу при этой возмож-

ности послать Михальской содержание того, что она должна написать на Подолье.

1 сентября, вторник. Вот уже несколько дней дорогой Леопольд работает над моим портретом, который рисует красками. От всей души желаю, чтобы это изображение, которое я предназначаю моей матери, было похожим. Сегодня, поскольку день был теплый и ясный, мы пошли с ним в лес, по одному из моих обычных маршрутов. Там он с натуры рисовал деревья, которые должны стать фоном картины. Бедная мать, конечно же, обрадуется, если в этом образе узнает черты своего сына. Но увы, портрет этот, даже если будет очень точным, представит моим детям незнакомое обличье!

2 сентября, среда. Удивительную вещь сообщила мне Теодора, что мое письмо, написанное 20 марта 1840 года, дошло до моей матери только в конце апреля этого года. Это было первое письмо, высланное отсюда окольными путями через Урик. Я был уверен, что это письмо и несколько позднейших, отправленных подобным образом, давно пропали. А теперь могу предполагать, что, может, еще какое-нибудь из тех писем дойдет до места назначения, хотя и не вовремя. В любом случае, лучше поздно, чем никогда, говорит пословица.

3 сентября, четверг. Осень началась с неплохих прогнозов в этом году. Хотя ночи часто довольно морозные, а утром холодно, но зато со второй половины августа дни стоят прекрасные, тихие и теплые.

Вольфганг наш уже разделался со своим хозяйством, собрав сено, овес и картофель. Его урожай овса, гораздо лучший, чем у всех местных, снискал ему зависть некоторых.

4 сентября, пятница. Дорогой и такой всегда желанный сон о жене тоскующую душу взбодрил ее присутствием, ее взглядом, звуком ее голоса. В такие дни я стараюсь, насколько могу, избежать любого общения с людьми, чтобы оставаться один на один со своими мыслями. Поэтому и сегодня, после уроков, не желая никого видеть, я пошел в лес и на Ангару, где ходил до поздней ночи почти семь часов.

5 сентября, суббота. Немировский привез из города важный и интересный труд, который я сейчас с удовольствием читаю: *Histoire de la Reforme, de la Ligue et du regne de Henri IV*, par Capefigue, Bruxelles. 1834, 8 vol. Я хотел бы

ее закончить до отъезда Леопольда, так как он предупредил меня, что оставить эти книги не может. Он же вскоре наверняка вернется в Иркутск, то есть сразу же после отъезда оттуда господина Пущина, присланного из столицы с каким-то государственным поручением. И это было поводом для требования генерал-губернатора, чтобы это время Немировский оставался в Усолье.

6 сентября, воскресенье. Василевский вернулся из-за Байкала. Он привез нам дружеские слова от Яна Орачевского, доктора из Верхнеудинска, и от Оскара Дейхмана. Я надеялся услышать что-нибудь о наших собратях в нерчинских рудниках, но Василевский в Нерчинске не был и ничего о них не знает.

7 сентября, понедельник. Говоря в этом дневнике о письмах из Подолья, полученных недавно, я не упомянул, что дорогая Теодора, среди прочего, прислала мне также письмо Стаха Доливы, написанное ей, когда он отсылал ей две записки Пелагии, которые она просила для меня. Даже если этот достойный человек не был бы двадцать с лишним лет для моего сердца предметом глубочайшего уважения и живейшей дружбы, то я полюбил бы его за одно это письмо, в котором он с такой трогательной нежностью, с таким сильным и искренним сожалением говорит о Пелагии, о моем и бедных сирот несчастье. Он писал это из Збжизя 26 мая, упоминая, что через несколько дней пересечет границу. А значит, в начале июня он должен был уехать с Подолья. Только бы ненадолго! Не навсегда, как сообщает сестре Старорыпинский!

8 сентября, вторник. Нас навестили Олизар Кароль и Михальский Люциан, но не привезли ни ожидаемой посылки из почты, ни книг от Фридриха. Филипу Олизару, благодаря помощи Мацкевича, уже значительно лучше.

9 сентября, среда. В минуты, которые не заняты ничем, более важным, я прочитал роман Купера *Le lac Ontario, ou le Guide*, 4 vol. 1840. Но этот роман понравился мне меньше других этого же писателя, известных мне ранее, а особенно он хуже «Следопыта».

10 сентября, четверг. Все находят большую схожесть в моем портрете. Я этому очень рад, но не знаю, когда найду подходящий случай отправить его матери и дойдет ли он туда.

Новицкий говорил мне, что свой портрет, также нарисованный Леопольдом, он послал брату в Литву и уже получил письмо, подтверждающее получение этой посылки. Но он с легкостью мог это сделать, будучи поселенцем и имея возможность писать на родину. А мне приходится в такой простой вещи искать особой оказии, да еще не будучи в состоянии двинуться из этой проклятой дыры.

11 сентября, пятница. Василевский просил, чтобы я помог ему упражняться во французском языке, который он неплохо понимает, но говорит на нем с трудом и неправильно, к тому же еще и с плохим произношением. Я охотно предложил ему посвятить каждый день один час, прося, чтобы он ко мне приезжал. У него я бы мог заставить гостей или какую другую преграду или бы мне приходилось там ждать, теряя время или ходить напрасно. Не знаю, понравится ли ему такое условие.

12 сентября, суббота. Добрая госпожа Людвика Лесневич, присылая Мацкевичу конфитюры своего приготовления, помнила также и обо мне и прислала мне банку отличного смородинового джема. Вместе с этим лакомством я получил очень любезное письмо. Отвечу через Леопольда, который уже вскоре должен вернуться в город.

13 сентября, воскресенье. Фридрих прислал сегодня обещанную в последнем письме посылку из Подолья с сукном и польской книжкой «О подражании Христу», в которой я нашел благословение, написанное рукой матери Даровской и дяди Рачиньского Тадеуша. О, как же я благодарен за эту чудесную книгу и за помещенные в ней слова драгоценных рук!

Фридрих просил, чтобы я послал ему письмо матери Даровской, на которое его жена хочет ответить. Но я предпочел переписать ему дословно все, что относится не ко мне, нежели расстаться с этим письмом. Один вид этого почерка служит мне большим утешением. Я просил Михальскую, чтобы она поблагодарила за нынешнюю и прошлые посылки, выражая мою любовь ко всей семье и сообщая о длинном к Теодоре и общем для всех письме, отправленном в прошлом месяце г-жой Лесневич.

14 сентября, понедельник. Господин Пуцин, из-за которого Немировскому велели уехать из города, приехал сюда сегодня утром, чтобы осмотреть завод. То же самое он уже

сделал в Александровске, вернувшись недавно с нерчинских рудников. Цель его осмотров, как здесь думают, составление статистической информации о Сибири. Он остался здесь дольше трех часов и, не приняв угощения ни у одного чиновника, уехал назад, в Тельминск, а на днях должен будет возвращаться в Петербург.

15 сентября, вторник. Я получил письмо Иосифа Поджо, полное любезностей. Он пишет от имени княгини Волконской, сообщая, что она больна, и спрашивает о моем здоровье, а также присылает мне несколько последних номеров «Revue etrangere». Но ничего не упоминает о книгах, которые сам обещал. Видимо, уже забыл об этом. Это письмо попало сюда с оказией, не возвращающейся в Урик, поэтому ответчу позднее. Может, Немировский тем путем поедет в Иркутск.

16 сентября, среда. Иоахим написал Леопольду, сообщая о недавно полученном для Змиевского и еще для двух варшавян (фамилии которых он не мог узнать) освобождении.

17 сентября, четверг. В Иркутске у Немировского потребовали, чтобы у него были в письменной форме доверенности от своих товарищей на получение для них писем, денег и любых посылок с родины. Поэтому такую доверенность он получил у каждого из Александровска и от Михальской, а я то же самое сегодня написал от себя.

18 сентября, пятница. Господин Василевский не торопится исполнять заявленное намерение упражняться во французском языке — и хорошо делает, если не чувствует в себе достаточно терпения для этого, а без французского может обойтись. Но непростительно, что он забыл, как говорить по-польски, и не заботится об этом, хотя он сын достойного поляка, ссыльного в Сибирь, а когда-то полковника польской армии... и хотя его мать, полька, усиленно старалась, чтобы он знал родной язык, и для этого воспитывала его в школе польских священников в Петербурге, прежде чем его приняли в государственный институт. Выйдя оттуда в звании офицера, он до сих пор постоянно находился на государственной службе то в России, то в Сибири и почти совсем отвык от языка своих родителей. С тех пор как он находится в Усолье, он мог бы вернуть эти знания. Но, несмотря на мои частые предложения, он всегда предпочитает говорить со мной по-немецки, а по-русски с другими

поляками, легкомысленно избавляясь от последних следов национального характера.

19 сентября, суббота. Леопольд решил завтра утром уехать в город, пользуясь добрым предложением кого-то, кто едет туда по поручению господина Титова. Он сказал, что уедет так рано, что может, завтра я его уже не увижу. Поэтому я сегодня написал Людвике Лесневич, посылая дословные выписки того, что в последних письмах из Жердзя и Каменца касалось ее.

20 сентября, воскресенье. Господин Титов так медленно готовил свои поручения в город, что Немировский, вместо того чтобы уехать на рассвете, сегодня едва выехал в сумерках. Все утро я провел с ним, но только после его отъезда я заметил, что забыл отдать ему железную печатку с инициалами ксендза Хачиского, сделанную из моего материала.

21 сентября, понедельник. Когда я последний раз писал старому Михальскому, то просил его, чтобы он прислал мне польские книги, о которых он сообщал, предлагая мне. Но я напрасно жду до сих пор. Ведь я знаю, что они там все эти книги уже прочитали. Это, как говорит Леопольд, стихи Крашевского, романы и повести, изданные после 1839 года.

22 сентября, вторник. Из сегодняшней почты госпожа Дейхман получила письмо своего сына Оскара, а в этом письме его любезные слова ко мне. В них он сообщает, что письма до наших друзей обязательно дойдут. Эти письма мы писали в декабре и январе, поэтому свежие же новости они содержат! Но что делать? Не следует забывать, что мы в ссылке, в Сибири, так далеко от цивилизованного мира! Оскар сообщает, что вскоре должен поехать в Нерчинск, и что, посещая тамошние заводы, хочет познакомиться с нашими ссыльными.

23 сентября, среда. Мацкевич в фабрике видел ксендза Хачиского, который повторил ему известие о полном освобождении с возвращением домой трех варшавян: Змиевского, Мрозовского, а фамилию третьего Мацкевич забыл. Но наверняка Немировский не забудет сообщить мне об этом более точно!

24 сентября, четверг. Отвечая сегодня Оскару, я приложил письмо для наших с просьбой, чтобы, если они захотят, через него связались со мной, а он прислал их письмо мне не иначе как только в конверте для своей матери.

25 сентября, пятница. Прочитав уже все семнадцать номеров «Revue etrangere», присланных из Урика (в которых я мало нашел хорошего и интересного), хочу эти книги отправить в Александровск, чтобы их мог читать Гольинский. Я написал Поджио, отвечая на его письмо и одновременно благодаря княгиню за новый довод ее доброты и памяти об одиноком усольце. При этом я не забыл напомнить Поджио об обещанной «Revue Britannique». Жаль, что у Леопольда не получилось возвращаться через Урик.

26 сентября, суббота. Сегодня я занимался ремеслом переплетчика. Сначала я пошел в государственную столярню, где упросил одного работника, чтобы он выстрогал мне две тонкие доски нужного размера. Я хорошо попал в такую пору, когда никого из надзирателей и палачей не было, и поэтому смог легко получить эту мелочь — разумеется, хорошо за это заплатив. Потом я купил кусок ремня и им старательно заклеил все бока, для того чтобы вложить меж двух досок портрет, который таким способом я хочу защитить от влаги и повреждения в пути. Я был бы от души рад, если бы он дошел до моей матери в таком состоянии, в каком мне отдал его дорогой Леопольд.

27 сентября, воскресенье. До сих пор стоит хорошая погода, но поскольку утром и вечером уже довольно холодно, то я могу гулять только после обеда, а скоро и это прекращу, так как придет снег и зима, лишая меня на несколько месяцев этого спасительного для моего здоровья и ума развлечения. Сегодня, наверное, уже последний раз в этом году я пошел пить воду из своего любимого источника.

28 сентября, понедельник. Очень красивый и теплый денек манил меня на свежий ветер, однако адская зубная боль, усиливающаяся на каждом шагу, быстро заставила меня вернуться и страдать неподвижно на кровати до самой ночи.

29 сентября, вторник. Утром Щепковский сказал мне, что наш Мацкевич болен и со вчера не выходил из дома. Поэтому после окончания моих уроков я пошел к нему и там пробыл остаток дня и вечер. Он, бедняга, так же часто, как и я, мучается с зубами.

30 сентября, среда. И снова прибавился целый год к числу своих предшественников, как и он, отмеченных горем, несча-

ством, тоской и грустью! Ужасно подумать, что через несколько недель будет уже более долгим срок моей неволи и изгнания, чем все дни, когда я был абсолютно счастливым!.. А что говорить об убийственном предположении, что быстрее смерть моя наступит, чем конец теперешних несчастий?.. И это невероятно болезненное напоминание, постоянно присутствующее в окровавленном сердце, что мне придется напрасно умереть в Сибири!.. А ведь в моей душе постоянно звучит голос самых чистых, самых светлых чувств, взывающий к Божьему отмщению за то, что я стал жертвой варварского насилия, что не здесь я должен быть, а там, где бы я хотел и где бы я пригодился детям, семье, землякам, родине...

*У меня сердце нежное и склонное к добродетели,
Может... — Сгиньте, напрасные мечты!..»*

1 октября, четверг. После многомесячного отсутствия вчера вернулся старый Дейхман из своего путешествия. Он нашел большой прогресс в своей дочери и сегодня с большими чувствами благодарил меня в присутствии нескольких человек. Это его искреннее и дружеское со мной и Щепковским общение, благородное, отличающееся от поведения Мевюса, стало приятной наградой за мою работу и за старания. Иной я не хочу: и пока я здесь буду, его ребенком заниматься не перестану.

2 октября, пятница. Не могу понять причины, почему до сих пор ничего нет из Александровска. Уже заканчивается третья неделя, как просил Фридриха прислать мне обещанные книги. Также я хотел через его посланца отправить Яцеку те, что есть у меня из Урика. Сам Яцек просил меня о них. Но ни он, ни Михальский не отвечают мне, как будто забыли, что я жив, или как будто сердятся на меня.

3 октября, суббота. Мне писал Леопольд. Он сообщает, что там слышно о приезде из Петербурга сенаторов, которым поручена ревизия во всей Сибири, но добавляет, что неизвестно когда и даже нет еще полной уверенности, что произойдет.

Списки ссыльных из дворянства, требуемые еще до свадьбы наследника, только месяц назад наконец были отправлены в столицу. Ложка после обеда!

Янишевский прислал мне толстую пачку своей рукописи⁹⁹, содержащую рассказ всей его жизни с самого детства. Вместе с рукописью он прислал мне пространное письмо об этих дневниках, или исповеди, как их сам называет, обещает прислать продолжение позже.

4 октября, воскресенье. Я ответил сегодня Леопольду через уезжающего отсюда Полторанова. Отослал ему деньги на некоторые покупки и приложил печатку, которую нужно отдать ксендзу Хачискому. А так как Полторанов должен будет сюда вскоре вернуться, я просил Леопольда, чтобы он не упустил эту возможность и прислал письма с Подолья, если они пришли со вчерашней почтой, чего я уже давно могу ожидать. Я нетерпеливо ожидаю письма от Казимиры. Уже почти год прошел после ее последнего письма, и это ее долгое молчание страшно беспокоит.

Янишевскому я напишу, когда буду отсылать его рукопись.

5 октября, понедельник. Я прочитал рукописи Янишевского. Сильно растянуты, много пустой болтовни и общих мест. Язык и стиль нигде не соблюдаются. Зато есть довольно-таки занимательные фрагменты, меткие замечания, а иногда даже удивляют совершенно новые мысли. Что же придает им несомненное достоинство, так это правдивость всего повествования и искренняя простота, с которой уважаемый старец сам признается в своих недостатках, упущениях и грехах. Эта рукопись, плод одиноких размышлений ссыльного, не предназначена для публичного чтения. Но если даже достойный сотоварищ нашего мученичества изменит в этом свое решение, то и тогда, как бы ни отнеслись к этому делу, никто не откажет пишущему в уважении и благосклонном отношении.

6 октября, вторник. Немировский писал мне, что вскоре ожидает приезда в город обоих старших Михальских. Несомненно, они будут и в Урике, лежащем у них на пути. А там княгиня Волконская может упрекнуть меня в том, что я до сих пор не вернул ей книги, присланные последний раз. Поджио тоже может меня обвинить, что я до сих пор ему не ответил.

⁹⁹ Дневник Л. Янишевского не сохранился, его держал в руках и приводил фрагменты А. Гиллер (Из ссылки, т. 2. Львов, 1870, с. 4–19).

Тогда как и письмо для него, и книги для Волконской давно уже лежат у меня, приготовленные к отправке. Но Михальские, конечно, не скажут им, что это опоздание произошло по их вине.

7 октября, среда. Из Александровска мне прислали письмо Казимиры с собственноручной припиской моей матери. Бедная Казимира так долго не писала мне из-за тяжелой и опасной болезни, которая этой весной смертельно ей угрожала. И сейчас, будучи не в состоянии писать, она воспользовалась помощью своей соседки, Юлии Модеровской. В конце этого большого сохма Казимира дрожащей рукой написала несколько слов карандашом, сообщая мне 29 июля, что завтра она должна с матерью и Лёлем поехать в Бердичев, чтобы там искать врачебной помощи у Стефания или Качковского, живущих там. Мать, слава Богу, здорова.

Мне сообщают разные подробности о моих троих сиротах: Лёлё с чрезвычайной живостью сочетает большую нежность и не по возрасту привязанность к своей теперешней учительнице Казимире. Это лучше всего открылось сейчас, во время ее болезни: когда бедный ребенок, по собственному желанию, по несколько часов сидел у кровати больной, хотя обычно и пять минут не может усидеть на месте. Но за исключением бабки и тетки, со всеми остальными он очень несмел, в чем Юлия и Казимира усматривают еще большее, чем в лице, сходство с Пелагией, сердце которой, не умеющее слабо любить, своими чувствами одаривало небольшое количество людей, тем более сильную и глубокую нежность к ним сохраняя до самой смерти.

Хеми, так же, как Лёлё, жива и понятлива, говорят, что намного смелее, чем он. Нравится всем своей ласковостью и мягкостью. «Она льнет ко всем: как будто инстинктивное предчувствие показывает бедной сироте потребность искать в каждом опеку и заботу. Уже несколько месяцев она постоянно находится у своей тетки Идалии, которая, как и ее муж, очень любят этого ребенка и оба ею занимаются. Она уже гладко читает по-польски и по-французски и уже начинает писать», как уже раньше мне об этом сообщили Харсдорф и его жена.

«Зизи менее живой, чем те оба, менее понятлив, кажется, что он больше склонен к размышлениям. Все это видно в его

играх и склонностях». То же самое раньше о нем писали бабка и Теодора. Но Казимира и Юлия делают правильный вывод, что такой характер от природы, он требует особого внимания при воспитании этого ребенка и развитии его способностей. Ах! Ведь именно сейчас всем троим необходима отцовская забота и внимание только им!

Далее они пишут о моей неоплаканной Пелагии, что та незадолго до своей кончины позвала к себе Юлию, чтобы с ней разделить слезы своего несчастья и надежду на скорую поездку в Киев. Она видела какую-то надежду выздоровления только в моем возвращении. Юлия говорит, что до последней минуты я был предметом всех мыслей и разговоров этого ангельского существа и что это чувство безмерной любви она забрала с собой в вечность...

Со времени моего несчастья я первый раз только в этом письме получил известие, что мой отец жив. Но, овдовев, он продал бедное имение в Матвийковцах и переехал жить к брату своей жены, смерть которой вызвала у меня искренние слезы сожаления и благодарности за ее нежность, истинно материнское сердце, когда-то посвященное моему детству.

Еще они сообщают, что получили письмо, посланное Оскаром Дейхманом в декабре прошлого года. Упоминают об отправке для меня Св. Писания с благословением матери. Вероятно, эта посылка придет позднее. Мать в этот раз написала немного, обещая, что напишет больше после своего возвращения из Бердичева.

8 октября, четверг. Княгиня Волконская прислала мне через Фридриха дальнейшие номера «Revue etrangere», а я отправил прежние, присоединив письмо для Поджио.

9 октября, пятница. На прошлой неделе я взял у Дейхманов почитать какие-то старые немецкие комедии в нескольких томах. Я не очень охотно брался за них, видя, что это произведения какого-то неизвестного писателя, фамилия которого была обозначена только первыми буквами. Но вскоре, из-за того что здесь в книгах копаться нельзя, начал их читать и теперь об этом совсем не жалею. Из одного вступления я узнал, что это комедии известного когда-то в Польше советника, графа А. Ф. Брюля, написанные в 1784–85–86 и 1787 годах в Варшаве. Конечно, эти произведения не выдерживают сравне-

ния с более поздними этого же жанра в немецкой литературе, однако определенные достоинства у них есть. Правда, язык и стиль уже устарели, но характеры в большинстве своем показаны смело и метко, разговор почти везде оживлен шуткой, интрига занимательна и ведется довольно естественно. Читая, я вдруг вспомнил, что некоторые из этих комедий я когда-то давно уже читал по-польски.

10 октября, суббота. Вчера Мацкевич уже довольно поздно приехал ко мне, приглашая на обед. Там ни с того ни с сего мы позволили себе выпить пару рюмок, и мне сразу же пришлось поплатиться за этот грех: весь вечер и всю ночь я страдал от ужасной головной боли, которая и сейчас еще дает о себе знать.

11 октября, воскресенье. Я познакомился с господином Черновым, молодым человеком, приглашенным генералом Рупертом, у которого он был домашним учителем. Хорошо воспитан, прекрасно играет на фортепьяно и гладко говорит по-французски.

12 октября, понедельник. Вечера уже очень длинные. Иногда я провожу их у Мацкевича, если не застаю там никого чужого, или втроем, когда и Щепковский приходит, или вдвоем, когда ему хозяйство или музыка не позволяют прийти. Мы играем в марьяж, по старопольскому обычаю с банком, очко по две или три копейки. Таким образом проходят у нас три-четыре часа, и никто в конце не проигрывает и не выигрывает больше 1, максимум 2 польских злотых. После нескольких таких вечеров проигрыш и выигрыш равны нулю.

13 октября, вторник. Вижу, что моя хозяйка решила постоянно поднимать арендную плату. Теперь она снова мне сказала, что если я хочу жить в ее доме, то должен буду платить на одну четверть больше, чем до сих пор, а мне приходится и на это соглашаться, чтобы избежать поиска квартиры, торга и переезда.

14 октября, среда. Пришла моя Библия. Я невыразимо рад, что уже получил эту Божественную книгу, которую так давно хотел. Она стала сокровищем, вдвойне дорогим моему сердцу из-за благословения, написанного рукой моей матери, и одновременно из-за ценных записей моего несравненного друга Стаха Доливы Стажиньского.

15 октября, четверг. Леопольд пишет мне, что с тремя варшавянами, про которых говорили, что их отпустили домой, дело обстоит совсем иначе, нежели нам сказали. Из них только Грушецкий освобожден на поселение. О фамилиях двоих других (наверное, не более счастливых, чем Грушецкий) Леопольд с уверенностью узнать не может. А Змиевский получил только смену своего предыдущего поселения и из-за Байкала должен быть переведен в окрестности Иркутска. Это невыносимо, что нельзя верить ни одному утешительному известию. Только несчастья и усиленные страдания оказываются правдой.

16 октября, пятница. Ожидая на днях хорошей оказии до Иркутска, я заранее приготовил письмо Янишевскому. Он, присылая мне свои дневники, просил сообщить мое мнение о них, поэтому я хотел исполнить его просьбу. Но одновременно я не мог ни льстить, ни лгать, поэтому я старался свои замечания представить таким образом, чтобы пощадить его эгоизм, так как помню старое предостережение, что род пишущих обидчив. Не знаю, смог ли я найти золотую середину, что в этом случае было очень нелегко. Будет видно из его следующего ответа.

17 октября, суббота. Раньше, чем я предполагал, подвернулся случай отослать Янишевскому мое письмо и его рукопись через господина Черникова, который сегодня, направляясь в город, любезно предложил взять эту посылку. Написал я и Немировскому, подтверждая получение Библии и прося, чтобы сообщил, если у него будет какая-нибудь менее сказочная информация о варшавянах.

18 октября, воскресенье. У Мацкевича я застал Брониковского. Был разговор о разной продукции Тельминской фабрики. Среди всего прочего, Брониковский хвалил производимые там зимние боты. Я на это сказал, что в их хорошее качество я верю только с чужих слов, потому что до сих пор на собственном опыте убедиться не пришлось, хотя вот уже два года я пытаюсь получить оттуда теплую обувь и даже несколько раз посылал деньги на это. Он пообещал, что вскоре прикажет сделать их для меня. Может, хотя бы в этом году я буду немного лучше защищен от холода.

19 октября, понедельник. Просто непростительно, до какой степени здесь чужды любые, даже самые простые пред-

ложения о религии. Не говоря уже о низших классах, которые своим пониманием не сильно отличаются от животных. Но возмутительно невежество и полная с этой точки зрения небрежность людей вроде бы высшего положения, всегда хвастающихся своей образованностью и принадлежностью к высшему обществу. Госпожа Элиза Мевюс, которой уже восемнадцать лет и которая уже близка к замужеству, дочь одного из самых значимых в Сибири чиновников (рожденно-го отцом-немцем, образованным, как все говорят, пастором, и воспитанным в Петербурге), настолько неграмотна в основах своей веры, что сегодня, когда случайно зашел об этом разговор, она не могла сказать, что означает слово «христианин», на чем основывается и откуда происходит христианская вера и что такое Евангелие, и т. п. Смущенная моим удивлением, она сильно просила, чтобы я ей это объяснил. Поэтому я, оставив на этот раз нашу ежедневную, обычную учебу, начал ей объяснять основные понятия христианской веры, как можно проще и наиболее кратко. Она слушала очень внимательно и искренне, благодаря за уделенную ей информацию, со слезами сказала: «Разве я виновата, что до сих пор меня никто не учил тому, что мне следовало уже давно знать? Я даже не знала, что есть такое учение — религия. Вы первый, кто мне открыл на это глаза».

20 октября, вторник. С большим удовольствием я сейчас вторично читаю ранее прочитанное на родине прекрасное и важное произведение *Du perfectionnement moral, ou de l'education de soi-meme*, par Degerando. Немировский очень настаивал, чтобы я перевел все произведение на польский. Но я не смею браться за такую работу, которая занимает как минимум 150 листов.

21 октября, среда. Сегодня в город уехал Полторанов. Жаль, что я об этом не знал раньше; тогда бы я написал Леопольду, чтобы спросил про мое письмо и рукопись Янишевского у Черникова, если тот из-за свойственной художникам рассеянности его не отдал.

22 октября, четверг. Из-за сегодняшнего праздника Казанской Божьей Матери, я хотел только на минуту быть при местном дворе для немецкой декламации юной Дейхман, но ее мать предупредила меня о возможности написать Немиро-

вскому через посланника, которого она сегодня отправляет в город. Поэтому я наверстал вчерашнее упущение и там же написал нашему агенту в Иркутске.

23 октября, пятница. Со вчерашнего дня кажется, что снег лег уже насовсем, поэтому настоящая зима в этом году пришла несколько позднее, чем в предыдущем году. Этой ночью было почти 20 градусов мороза, неплохо для начала! И так уже теперь будет в среднем до 32, 34, 36 или даже до 38 и 40° Р, ведь и это последнее хотя и редко, но случалось.

24 октября, суббота. С того времени, как старый Дейхман сюда вернулся из своей поездки на поиски золота (которая до сих пор, кроме разведки местности и надежды, ничего не принесла), я приятно и полезно провожу иногда время в общении с ним. Это человек, имеющий основательное мнение, почерпнутое из собственного мира и опыта. Кроме естественных наук, а особенно геогнозии и минералогии, которым он себя посвящает, читал много и в разных областях, знаком со всеобщей историей, особенно Древнего мира. Также он хорошо знает немецкую классическую литературу и очень метко умеет оценивать ее плоды.

25 октября, воскресенье. Из-за холода трудная переправа через Ангару, наверное, надолго лишит меня вестей из Урика, откуда, может, уже есть в Александровске те книги, о которых я писал к Поджио. Тогда придется ждать, пока не встанет Ангара, не меньше 6 недель. Приятная перспектива! Но нужно тренировать терпение, эту самую необходимую изгнанникам добродетель.

26 октября, понедельник. Посланец госпожи Дейхман еще не приехал из Иркутска, хотя должен был вернуться вчера. Но я был бы рад, чтобы поручения, которыми его наделили, задержали его и в течение завтрашнего дня, тогда Леопольд сможет сообщить что-нибудь из последней почты. По причине местных распоряжений и отношений Немировский о письмах, прибывших к нам с родины в субботу, обычно не может узнать раньше следующего вторника. И то если эти письма приходят на имя гражданского губернатора, а когда они адресованы Руперту, то его о них уведомляют еще позже.

27 октября, вторник. Супруги Дейхман мне сообщили, что их сын Модест женится в Иркутске и что его свадьба состоит-

ся 4 ноября, и поэтому они с дочерью, а также Мевиус со всем семейством в конце этой недели поедут на эту свадьбу и там останутся около 10 дней.

28 октября, среда. Наконец вернулся ожидаемый посланец из Иркутска. Но увы! Ни слова не привез от Леопольда. Не понимаю, почему он именно сейчас, когда лучше других знает, как для меня важно, чтобы чаще получать его слова, так часто забывает их присылать. Правда, может, из двух последних почт для меня ничего нет. Но и такой ответ я предпочел бы мучительному неведению.

Две последние ночи я видел сны о моем дорогом человеке, которые наперекор всем представлениям рассудка настроили меня на полное надежды ожидание. Признаюсь, что иногда невольно, против усиленного сопротивления разума, мне трудно уклониться от мысли, что появление этой любимой иллюзии — действие заботливого духа, предвещающее что-то хорошее... Как бы ни было, самая малость и редкость подобного утешения, даже перед судом самых строгих правил, могли бы оправдать слабость, которая подчиняется этому обману.

29 октября, четверг. Был у меня Щепковский и жаловался, что госпожа Дейхман перестала платить ему за его уроки. Такой вывод он сделал из того, что давно уже прошел день, в который она до этого каждый раз отдавала полагающееся ему. Мне кажется, что это какая-то случайная забывчивость или временная невозможность заплатить. Я не допускаю мысли, что Дейхман или его жена хотели нарушить свои обязательства. Они во всех поступках так отличаются от Мевиуса и его достойной супруги. Тем не менее, если они не решат этот вопрос, как раньше, я хочу с ними открыто поговорить. Сам не беря никакой оплаты за свои труды, тем самым я имею право смело заступаться за других. Конечно, спекуляция с деревом принесут Вольфгангу довольно приличный доход. Но это произойдет позже. А в это время ежедневные расходы на работников, содержание хозяйства, дома и выплата долга в казну поглощают всю его прибыль настолько, что у него часто нет ни гроша на насущные нужды.

30 октября, пятница. Я писал Леопольду через наших господ, едущих на свадьбу. А поскольку они там останутся

довольно долго, надеюсь, что Немировский в течение этого времени найдет минутку, чтобы мне написать и обо всем сообщить. Может, также он пришлет письмо от моих.

31 октября, суббота. Ужасно иметь хоть какое-то дело с местным народом. Несмотря на усиливающиеся морозы, похоже, мне придется искать новое жилье, поскольку, хотя я и плачу моей проклятой бабе сколько она хотела, она, не обращая внимания на то, что и так в этом году берет гораздо большую плату, так мало дает дров для моей печи, что я каждый день коченею от холода. А кроме этого, кричит и постоянно ссорится со мной.

1 ноября, воскресенье. Судя по письму Казимиры, она уже давно могла вернуться из Бердичева, и если вскоре после этого написала письмо о результатах своего лечения, то ее письмо на днях должно прийти в Иркутск. Поэтому существует вероятность, что Леопольд пришлет его через госпожу Дейхман. Я с беспокойством этого ожидаю.

2 ноября, понедельник. Еще полгода назад, разговаривая с моей старшей ученицей, я побился с ней о заклад из-за какого-то вопроса в географии. Я в случае проигрыша ставил книгу французских повестей, которая ей понравилась, а она должна была вышить мне какую-нибудь безделушку. Вскоре оказалось, что я выиграл. Но потом я совсем забыл и о закладе, и о выигрыше. Но госпожа Эльжбета имела лучшую память, чем я, и сегодня подарила мне славный вышитый мешочек с серебряной канвой. Я, в свою очередь, просил ее, чтобы эту книжку повестей Монтолье, хотя и не проигранную, она взяла на память, чему она, кажется, обрадовалась. Сегодня она с родителями уезжает в город на свадьбу.

3 ноября, вторник. Именины нашего достойного литовца Теофила Мацкевича. Щепковский, желая написать к этому дню музыку с пением, потребовал от меня слова, которые свидетельствовали бы о нашей благодарности за спасение ему, Леопольду и мне жизни. Невозможно было отказаться от такого вызова, повторенного в моем собственном сердце, поэтому я слепил, как смог, три восьмистрофных куплета. Это очень неуклюжие стишки, поскольку само только чутье не может заменить таланта, которого у меня никогда не было. Но наш достойный эскулап принял их с потворствующей любезностью,

цена искренность благих, хотя и выраженных без особой красоты намерений.

4 ноября, среда. Видимо, Брониковский не принял сибирского обычая пустых обещаний, так как сегодня прислал мне обещанную две недели назад обувь со своей фабрики. Она была мне очень нужна.

5 ноября, четверг. Я с ужасом узнал, что на днях был пожар в доме Иоахима и что его жена со страху выбежала на мороз, разбуженная ночью этим внезапным происшествием. Очень боюсь, как бы с ней чего не стало после этого происшествия, и с беспокойством ожидаю письма Немировского, который, наверное, напишет об этом подробнее.

6 ноября, пятница. Мацкевич привез известие от Брониковского, что из столицы отправили двух сенаторов для осмотра Сибири, один назначен для западной, а второй — для восточной части этого региона, и что последний вскоре появится в Иркутске, так как туда уже пришло его официальное уведомление. Скорее всего, это обстоятельство снова приведет сюда Немировского.

7 ноября, суббота. Голыньский прислал ко мне с просьбой, чтобы я на пару месяцев одолжил ему 50 рублей, ибо, как он пишет, его и Радзевича, с которым он вместе живет и ведет хозяйство, постигла нужда, а другие не отдают полагающиеся им деньги. Хотя и в моем кармане сейчас довольно пусто, я не мог отказать Яцеку и сразу послал ему требующиеся деньги, приложив к этому последние номера «Revue etrangere», чтобы он отослал их в Урик.

8 ноября, воскресенье. Из семьи Мевиуса в Усолье остался только его сын, находящийся на лечении у Мацкевича. Я пошел утром навестить его с намерением остаться там несколько часов. Но сильная жара, доходящая до 25 градусов в его комнате, вызвала у меня такую головную боль, что, не выдержав более четверти часа, я сбежал из этой преисподней, и весь день мне было плохо.

9 ноября, понедельник. Михальская на днях получила письмо Мархоцкого Кароля, в котором он прислал мне несколько дружеских слов и обещание вскоре отправить последний том Шиллера. Он сообщает, что Ручиньская уже приехала к мужу.

10 ноября, вторник. С большой вероятностью я ожидал сегодня возвращения Дейхманов, которые выехали с постановлением только неделю посвятить свадебным мероприятиям и вернуться сюда, чтобы уменьшить вред для учебы дочери. Но я напрасно ожидал их допоздна и, несмотря на сильный ветер, несколько раз ходил к ним. Мне трудно сдерживать чрезвычайное беспокойство в ожидании письма, которое надеюсь получить через них.

11 ноября, среда. Вроде бы ничем себе не навредив, сегодня, однако, я проснулся очень слабым. Жар, слабость, дрожь в ногах, голова тяжелая, сильная боль в спине и груди. Весь день я ничего не брал в рот, так как в подобных случаях я всегда стараюсь отказываться от еды и питья, что часто бывает хорошим лекарством.

12 ноября, четверг. Вчерашнее недомогание сегодня почти полностью прошло, благодаря одному только воздержанию от еды.

Вечером я услышал неприятное известие, что из-за найденных в Иркутске записок с угрозами устроить в городе пожар разошелся среди уличной толпы, а вскоре и между купцами слух, бросающий подозрение в этом преступлении на государственных преступников (то есть россиян, осужденных в 1826 году) и на польских политических ссыльных. В ответ на такой слух гражданский губернатор Пятницкий, человек очень ограниченный, издал приказ, чтобы и первые и вторые, находящиеся в это время в городе, сразу же были вывезены в места своего поселения. Правда, генерал Руперт это раскритиковал. Говорят даже, что за этот безрассудный шаг он строго отчитал господина Пятницкого. Но тем временем из города вывезли поляков: Янишевского, Мыстковского и Уминьского. Как же я был бы рад дожидаться уже письма от Леопольда. Только бы он не обманул мою надежду, как уже несколько раз происходило, когда я сильнее всего надеялся.

13 ноября, пятница. Вот ведь как назло я отгадал, что Немировский на этот раз не оправдает моих ожиданий. Господа Дейхманы мне ничего не привезли от него, кроме только известия, что он скоро сам сюда приедет из-за ожидаемого в Иркутске «с ревизией» сенатора. Видимо — увы! — из почты для меня ничего нет.

14 ноября, суббота. Вчера, уже поздно вечером, за мной прислал Щепковский, давая знать, что заболел. Я обнаружил его в очень плохом состоянии. Мацкевич до меня навещал его три раза и прислал разные лекарства, а я не отходил от него уже до самого утра. Ночь была очень беспокойной. Сегодня колики и другие симптомы уменьшились, но ненамного. Главная причина его болезни — накопившиеся притеснения и огорчения по милости здешнего директора Титова, который, имея от природы подлый характер, образование, полученное в Казанском университете, применяет единственно для того, чтобы присоединить к своей еще и сибирские подлости, во вред другим и во благо собственному карману. Бедный Вольфганг прокладывает свое хозяйство и спекуляции, поскольку они заставляют его постоянно поддерживать отношения с Титовым.

15 ноября, воскресенье. Кажется, что на этот раз Вольфганг быстрее справится с болезнью, которая уже грозила ему прошлогодней опасностью. Сегодня, благодарение Богу, ему уже лучше. Но Мацкевич строго ему запретил выходить в течение нескольких дней, опасаясь простуды и губительного рецидива.

16 ноября, понедельник. Семья Дейхманов переехала из дома Мевиуса в другое жилище, где они одни занимают весь дом. Застав сегодня утром госпожу Дейхман разбирающей и расставляющей разные вещи, я сделал замечание, что, скорее всего, на протяжении нескольких дней она будет иметь много работы и хлопот, пока все не сделает по своему вкусу: «Это так,— ответила она,— сначала надо немного потрудиться, но уже арендная плата и жизнь будет нам обходиться дешевле, чем до этого».— «Чем до этого? — повторил я,— то есть до того, как вы приехали в Усолье». Она усмехнулась, добавляя: «А вы что думаете, что проживание в доме моего брата последние восемь месяцев было бесплатным?» — «Как я могу думать по-другому?» — «О, вы ошибаетесь. Мне за проживание у родного брата приходилось платить, и совсем немало».— «Сколько же?» — спросил я, все более удивляясь. «Сто двадцать рублей за каждый месяц. Столько же стоило наше проживание с питанием в Петербурге, с той только разницей, что там нас постоянно было 6 человек, а тут 3, то есть я с ребенком и служанка, ибо мой муж, как вам известно, несколько месяцев был в отъезде. Правда и то, что там у меня не было

столько неприятностей, сколько здесь я каждый день встречала от любимой невестки...» Я едва поверил собственным ушам. Эта сибирская жадность в человеке, о котором я имел совсем иное представление, превзошло все, что меня до этого времени могло поразить.

17 ноября, вторник. Щепковский мне сказал, что слышал от кого-то, прибывшего из Иркутска, что якобы наш Леопольд должен был сегодня сюда приехать, чему я не верю. Мне кажется, что он вскоре должен будет здесь появиться, но я сомневаюсь, что это произойдет сегодня.

18 ноября, среда. Супруги Дейхманы просили меня, чтобы я каждый день обедал у них, и я принял это приглашение, сделанное очень любезно. Теперь и я буду иметь нормальный обед, и для дочери их будет польза из-за более частого разговора на двух языках.

19 ноября, четверг. Сегодня приехал Немировский и говорит, что будет жить здесь несколько месяцев, поскольку ожидаемый в Иркутске сенатор (кто именно, неизвестно) долго там будет оставаться.

Леопольд привез мне письмо от жены Иоахима, но ничего от моих из Подолья. Он говорит, что сейчас ему было невозможно узнать, есть ли в почте что-нибудь для наших, и все из-за продолжающегося переполоха и беспорядков по случаю записок, угрожающих пожаром.

20 ноября, пятница. Людвика Лесневич сообщает, что получила письма из Подолья, в которых ей пишут о приезде царя в Каменец 24 сентября и о том, что там было подано много просьб, принятых царем. Из них перечислили только просьбу ее старшей дочери и вторую, жены Яцека Гольньского. Добрая Людвика обещает мне сообщить, если в следующих письмах узнает что-то большее.

21 ноября, суббота. Леопольд рассказывал ужасные вещи, причиной которых стали распространяемые иркутским сбродом подозрения, что наши собираются устроить в городе пожар. Общество до сих пор этому верит, и поэтому предубеждение и ненависть к полякам чувствуются при каждой встрече. Сразу после того, как Янишевского вывезли в его поселение (деревня Щукино), местный староста распространил по деревне эту наглую ложь. На следующий день пьяные крестьяне толпой

напали на дом этого старца, пытаясь выломать ему дверь и угрожая смертью. Напуганный Янишевский каким-то образом дал знать об этом в город, где Немировский и Лесневич под угрозой жалобы Руперту заставили начальника немного успокоить эти беспорядки в Шукино. Но Леопольд считает, что это спокойствие долго не продлится и наш бедный старик подвергается тысячи опасностей, и ему приходится опасаться за свою жизнь. С Мыстковским и Новицким может происходить то же самое.

22 ноября, воскресенье. У господина Дейхмана есть все изданные до сих пор произведения Пушкина — стихи и проза, восемь достаточно толстых томов. Некоторые из этих произведений я знал раньше, но неточно, из-за меньшего, чем теперь, знания языка. Я начал их сейчас читать с еще большим удовольствием оттого, что Дейхман переводит на немецкий наиболее трудные слова и места, а что еще лучше, объясняет мне разные только местные или устаревшие фразы и слова, которые иначе потеряли бы свою привлекательность или были бы совершенно мне непонятны.

23 ноября, понедельник. Щепковский попросил, чтобы я изменил время своих уроков, то есть вместо того, чтобы начинать, как раньше, с дочери Дейхманов, я сначала ходил к Мевуисам, а он в это время будет давать первой уроки музыки, которые до этого давал после обеда. Он считает такое расписание более удобным для других своих занятий. Я охотно согласился на такие изменения, согласовав их в обоих домах.

24 ноября, вторник. Ну вот и Щепковский освободился от унизительных обедов за вторым столом у господина Мевуиса. Он должен благодарить за это Немировского, который, поселившись у него, хотел и обедать вместе с ним, и постепенно склонил к этому несмелого Вольфганга. Теперь, делая небольшие совместные расходы, они освободились от чужих обедов. Я с большой охотой принял бы участие в качестве третьей части расходов, чтобы столоваться с ними вместе, они тоже оба мне это предлагали, но, приняв уже гостеприимность Дейхманов, сейчас уже неудобно от нее отказываться, чтобы не огорчить этих добрых людей, которые и так стараются во всем поступать со мной как можно деликатнее.

25 ноября, среда. Я провел вечер у друзей, к которым пришел и молодой последователь Гиппократ. Там мы вчетвером приятно беседовали то о прошлых, то о нынешних приключениях. Шел разговор и о подробностях продолжающейся в Иркутске тревоги. Она, хотя абсурдна и безосновательна, может иметь слишком жесткие и неприятные последствия.

26 ноября, четверг. Дейхман, желая иметь сегодня за столом одних польских гостей, кроме меня пригласил еще Леопольда, Щепковского и Мацкевича. За обедом он рассказывал о своей поездке в этом году по горам и лесам Енисейской губернии, совершаемой в целях поиска золота. Отсюда зашел разговор о тех, кому больше или меньше повезло в этом предприятии. Он утверждает (а его словам можно верить), что среди общего числа счастливых золотоискателей (двадцати пяти-тридцати) в разных местах Восточной Сибири, каждый год переменяющих несколько и несколько десятков пудов золота, есть двое или трое, которые каждый год имеют до 100 пудов чистого золота. Дейхман добавляет, что у этих последних даже после выплаты процента казне (сразу 10, позднее 15, потом 20 и 24%), после понесенных огромных расходов на это предприятие тем не менее около 3 миллионов рублей каждый год поступает в их капитал.

27 ноября, пятница. Я написал жене Иоахима, отвечая на ее последнее письмо и прося, чтобы она сообщила, если есть, последние подольские вести. Предупредил ее, что в будущем месяце вновь воспользуюсь ее посредничеством, чтобы написать моим. Наверное, тогда я и отошлю мой портрет матери.

28 ноября, суббота. Получил письма Фридриха и Яцека, с большим трудом переправленные через Ангару. Первый сообщает, что Мархоцкий написал его жене, и присылает предназначенную для меня приписку. Также Мархоцкий прислал последний том Шиллера. А Яцек сообщает, что оставил эту книгу, чтобы почитать.

29 ноября, воскресенье. По просьбе Муравьева Артамона я отослал ему произведение Густава Баемо об Ирландии, которое я взял в марте этого года у его родственника Никиты.

30 ноября, понедельник. Радостное торжество в доме Мевиуса по случаю его именин и полученной наконец вести, что

препятствие мнимого родства между Константином Дейхманом и его дочерью было снято Синодом. Поэтому вскоре состоится их свадьба. Желанное для меня событие, поскольку оно поможет мне избавиться от давно уже неприятного учительства в этом доме и плохих отношений с Мевиусом. С того момента я уже никогда там не появлюсь, разве что какая-нибудь необходимость заставит.

1 декабря, вторник. Артамон Муравьев через Александровск прислал мне труд *О польском восстании и войне 1831 г. (Geschichte des pollischen Aufstandes und Krieg in den Jahren 1830—1831 von Friedr. von Smitt. Berlin, 1839)*. Два толстых тома, с отдельным атласом, содержащим планы битв и статистические таблицы.

2 декабря, среда. Кроме многих своих достойных качеств и тем еще старый Дейхман отличается от всех местных господ, что после обеда никогда не спит, что мне очень на руку. Обычно после обеда я остаюсь там на час, и это время посвящаю чтению Пушкина вслух. Дейхман, большой почитатель этого писателя, слушает меня, объясняя, чего не понимаю, и указывая правильное произношение, которое до сих пор мне особенно трудно дается.

3 декабря, четверг. Я внимательно читаю Смитта «История польской революции и последней войны», но на каждой странице этой растянутой, без таланта и вкуса нацарапанной писанины автор как бы специально нарушает свои хвастливые обещания, заявленные в предисловии, поскольку, сообщив, что в данном предмете все известные до сих пор источники, и старые, и более поздние, на польском и других языках являются односторонними, преувеличенными, фальшивыми и клеветническими, сам возвещает нам чистую правду, одну только справедливость, свободную от любого предубеждения и приверженности к какой-либо из сторон. На самом же деле его труд стал плодом совершенно иной деятельности, к тому же еще и оплаченной.

4 декабря, пятница. Михальская обратилась ко мне с тем, что если я захочу, то она напишет Мевиусу, прося его, чтобы он позволил мне поехать в Александровск. Странное и довольно смешное предложение! Как будто им всем давно уже не было известно, что в моих теперешних отношениях с Мевиу-

сом, который злится на меня да еще с марта постоянно подстрекаем Раевским, я ни сам его ни о чем просить не буду, ни чьей-либо помощи принять не смогу, не унизив себя. Неужели они недостаточно еще узнали меня? Или считают, что, как ребенок, приманенный игрушкой, отступлюсь от моего решения?

5 декабря, суббота. После обеда я был у Мацкевича, и хотя его не застал, я остался там, обнаружив господина Черникова, с которым провел весь этот вечер. Он наделен большими способностями и с незаурядным талантом к музыке имеет также дар поэзии. Он читал мне некоторые свои переводы Ламартина и несколько собственных стихов, полных чувства и хорошего вкуса.

6 декабря, воскресенье, поздно ночью. Есть дни, в которые мрак страдания сильнее, чем обычно, раздирает мое сердце. Тогда ни книга, ни другие умственные занятия, ни разговор с другими, ни присутствие друзей — словом, абсолютно ничего не может меня развеселить. Наоборот, все мне неприятно, тяжело, невыносимо. Тогда мне хочется выкрасть самого себя из несчастья мучительных мыслей и представлений!.. Я ищу помощи и облегчения в физической нагрузке, но все напрасно!

Сегодня, сразу после обеда, не обращая внимания на сильный холод, я вышел бродить в одиночестве и, как обычно, ушел далеко от поселка. Я бродил по снегу несколько часов, пока ночь и усиливающийся мороз не заставили меня вернуться. Замерзший и сильно уставший, я хотел отдыха, думал, что его легче получу, что в нем найду наконец перерыв в пожирающем меня беспокойстве... Напрасно! Сон, похожий на обманчивую дружбу, послушен и верен только моментам счастья и свободы. Забота и печаль прогоняют его с моих век. Он убегает от терзающих мыслей, что сегодня моему старшему сыну исполняется семь лет. Уже прошел для бедного сироты без отцовского руководства первый период детского возраста, прошла уже та важная пора, от которой так много зависит для хорошего воспитания, которая имеет влияние на всю жизнь... Самые болезненные, ни с чем не сравнимые опасения, беспокойства, муки известны только сердцу отца-изгнанника, так, как я, чувствующего двойное сиротство своих детей!..

7 декабря, понедельник. Я промучился всю ночь, ни на минуту не сомкнув глаз. Сегодня я чувствовал себя до такой степени слабым, что не смог вести обычные уроки и шага не сделал из дома. Дорогой Леопольд пришел ко мне вечером и сидел до полуночи, пытаясь с братским сочувствием рассеять мрачные мысли и картины... Сердце этого молодого человека — истинная сокровищница благородных чувств!

8 декабря, вторник. И сегодня я себя очень плохо чувствую. Но, несмотря на это, я работал со своими ученицами, хотя дается мне это трудно.

После обеда был у меня ксендз Хачиский, возвращающийся из поездки по приходу со стороны Енисейской губернии. Он говорил мне, что в Восточной Сибири находится нашего вероисповедания обоего пола душ 18 тысяч и 12 тысяч в Западной Сибири. Он должен остаться здесь несколько дней, чтобы выслушать исповеди всех тех, которые, будучи в отъезде по разным государственным и негосударственным делам, летом этого сделать не смогли. Мы тоже этим воспользуемся, имея возможность каждый день бывать на мессе.

9 декабря, среда. Перенесенный из Европы обычай заводить так называемые именники или дневники, то есть книжки, предназначенные для памятных записей, стал всеобщей страстью сибирских женщин. У каждой из них есть подобная книжка (некоторые даже не ограничиваются одной), и каждая старается ее как можно скорее заполнить. И поэтому знакомые и незнакомые должны волей-неволей платить этот оброк, часто бессмыслицей или лестью, а часто и тем и другим. Отказаться невозможно, ведь в смелости просьб и настойчивости сибирский прекрасный пол превосходит дам всего мира. Госпожа Полторанова, которая на днях должна была уехать в Калугу, где ее мужу дали должность, на прощанье каждого встречает со своим дневником. Ну и мы трое не избежали этой судьбы. Немировскому пришлось сделать какой-то рисунок, Щепковскому сочинить и записать музыкальный отрывок, а мне пришлось что-то написать, правда, получилось ни то ни се.

10 декабря, четверг. Я закончил Смита и дал его Немировскому. Думаю, что и он эти книжки прочитать успеет, прежде чем за ними приедут, так как переезжать через Ангару можно будет только через неделю.

11 декабря, пятница. Сегодня мы все трое исповедовались и приняли причастие. Ведь неизвестно, смогут ли сюда приехать священники перед Пасхой.

12 декабря, суббота. Чтобы не упустить хорошей возможности благодаря нашему настоятелю, я приготовил письмо жене Иоахима и одновременно написал для нее письмо к Казимире, которое она перепишет и отправит моей матери вместе с моим портретом. В этом письме, как и все предыдущие, общем для всей семьи, я сообщил, какие от них письма и посылки получал после последнего письма Теодоры, посланного в августе.

13 декабря, воскресенье. Придя сегодня на мессу к Мацкевичу, я был приятно удивлен, увидев там Вадковского, но мне пришлось недолго радоваться присутствию этого достойного человека, и я едва несколько слов смог послать через него Поджио.

14 декабря, понедельник. Наш ксендз уехал только сегодня, взяв мою посылку к Лесневич. А поскольку он хочет быть и в Александровске (куда, добавив еще три мили, уже можно попасть по льду Ангары), через него я написал Михальской, отвечая на ее предложение писать за меня Мевиусу. Надеюсь, что более подобного оттуда не будет.

15 декабря, вторник. Со дня на день откладываемый отъезд Полторановых в Калугу сегодня наконец наступил. Он утром был у меня с прощальным визитом, после чего я сразу пошел к его жене, чтобы пожелать ей счастливого пути. Там я застал уже в сборе всю семью Мевиусов и Дейхманов. Все прощались с Полторановой в слезах. И мне тоже было грустно расставаться (наверное, навсегда) с этой женщиной с прекрасным сердцем, учителем которой я был целый год и от которой ни тогда, ни потом не видел никаких неприятностей. Вообще, из всей семьи только ее поведение по отношению ко мне и товарищам всегда было истинно дружеским, правда, все-таки не до конца.

16 декабря, среда. Если бы у меня чаще встречались такие вечера, как сегодняшний, который я провел наедине с дорогим Леопольдом, тогда бремя неволи и тоски было бы нести легче. В такие моменты мы оба несколько часов живем среди других мест, людей и времен, отблеск прошлого чарует наши

сегодняшние минуты и предполагает дальше лучшее будущее... в которые даже мой вид становится менее грустным и тоскливым, потому что в нем отражается добро всеобщего чувства... Правда, возвращение к действительности еще сильнее поражает горечью, в душе, однако, остается какой-то след этого бодрящего впечатления, похожий на запах цветка, который остается, когда цветок уже выпущен из рук, на звучащую в ушах любимую песню, которая уже стихла...

17 декабря, четверг. Скоро закончится четвертый год, как я нахожусь в Сибири, а я не смог освоиться с множеством местных обычаев, которые и сегодня кажутся мне такими же странными, как были вначале. Так, например, мне кажется очень необдуманным каждый раз, когда я вижу, как среди зимы и сильнейших морозов кто-то начинает какую-нибудь стройку, а это можно здесь часто увидеть. У нас под фундамент землю копают, здесь же с несказанным трудом и потерей времени бедным работникам приходится рубить ее топором, когда она уже три месяца как замерзла. Я вижу людей, занятых подобной работой, возле дома Дейхмана и, проходя мимо них каждый день, с жалостью смотрю, что даже морозы 34 градуса не прерывают их мучений. Раньше я думал, что такую работу назначают только при государственных зданиях и что специально зимой, чтобы с точностью исполнить приговор к «тяжким работам». Но позднее я убедился, что жители, уже не подлежащие этому приговору, собираясь построить себе дом, откладывают это на зиму. Потом я снова думал, что подобное недоразумение можно увидеть только на местном заводе, но Немировский уверяет, что то же самое видел в Иркутске.

18 декабря, пятница. Оскар Дейхман ответил на мое последнее письмо и, сообщив, что через две недели он поедет в Нерчинск, выразил желание завезти туда мое письмо для друзей, которое я бы мог послать ему в письме от его родителей. Но он в рассеянности, видимо, забыл, что две недели необходимо, чтобы его письмо дошло до Усолья, и больше чем столько же, чтобы письмо отсюда пришло к нему. Поэтому он тогда, наверное, уже съездит в Нерчинск и вернется домой.

19 декабря, суббота. Щепковскому объявили уменьшение на пять лет назначенного ему наказания. Он говорит, что в

этой официальной бумаге перечислены и другие, попавшие под амнистию, такие как Грабовский Фортунат, двое Яжин и другие, фамилии которых Щепковский забыл. Мне кажется, что это продолжение милостей по случаю юбилея семейной жизни царя, охватывающее всех тех из киевского декрета, кто не получил амнистии в августе.

20 декабря, воскресенье. Наш друг, старый Янишевский, написал Леопольду и мне, повторяя информацию о прощенных пяти годах Щепковскому и другим, как мы и предполагали вчера.

21 декабря, понедельник. Я взял у Немировского почитать: *Histoire de la révolution française*, par A. Thiers. Bruxelles, 1838, 4 огромных тома. Леопольд взял эти книги у Панова, который имеет небольшую библиотеку, но в ней только важные и хорошо подобранные произведения.

22 декабря, вторник. Фридрих Михальский прислал мне сегодня толстую пачку французских газет «Journal des Debats» и других первой половины этого года. Он эту периодику привез из Урика. Я рад, что он ими и со мной поделился. Не имея более свежей информации, хорошо хотя бы через несколько месяцев узнать, что происходило в мире.

23 декабря, среда. Друзья из Александровска прислали коней за Леопольдом, приглашая его на праздники, и он сразу поехал. Он останется там до пятницы или до субботы, взяв на это время так называемый билет.

24 декабря, четверг. Несмотря на гнетущую нас жестокость судьбы и людей, мы стараемся свято хранить наши национальные обычаи. Щепковский пригласил меня к себе домой на преломление облатки и на ужин. Наши мысли и пожелания во время этого обряда обязательно должны были встретиться с чувствами дорогих нам людей, оставленных так далеко, но всегда присутствующих в наших душах.

25 декабря, пятница. Моя оторванность от здешнего света и полностью одинокая жизнь принесли, по крайней мере, пользу. Уже давно не бывая нигде, кроме Мацкевича, постепенно я отказался от тяжести представлять мою особу, приносить поздравления и соблюдать другие учтивости при всех праздниках, будь то всеобщих, будь личных праздниках местных заправил.

Теперь мое неподчинение подобным требованиям само время как-то оправдало, и местные господа, видя бесплодность своих упреков по этому поводу, оставили меня наконец в покое, за что я им безмерно благодарен.

26 декабря, суббота. Дав в марте еще Левинскому суровую духовную лекцию по поводу его намерения жениться, я до сих пор избегал встречи с ним, будучи уверенным, что слова правды, тогда ему высказанные, были гласом вопиющего в пустыне и не принесли никакого результата. Но оказалось иначе. Подобные моим замечаниям сделал ему и Немировский. И тот наконец опомнился и отказался от глупого замысла. А сегодня он пришел благодарить меня за то, что, как он говорит, я первый указал ему пропасть, в которую он мог низвергнуться на всю жизнь.

27 декабря, воскресенье. Леопольд привез мне из Александровска последний том Шиллера, посланный Мархоцким. Но я ожидал еще чего-то лучшего для меня, потому что думал, что Михальская или Яцек получили в это время письма с Подолья и в них какую-нибудь информацию о семье. К несчастью, это предположение было ошибочным.

28 декабря, понедельник. Мы сегодня получили длинные письма Янишевского к Леопольду и ко мне. Почтенный старец сообщает, что Юшневские выпросили для него перевод из деревни Щукино в Разводную, где живут они, Артамон Муравьев и двое братьев Борисовых. И значит, теперь положение Янушевского во многом будет лучше, чем раньше. Он также упоминает и о моем последнем письме с замечаниями к его рукописи. Мне кажется, он их не совсем понял, но не сердится на открытость.

29 декабря, вторник. Из присланного мне огромного количества парижских газет мне уже мало осталось что читать. Я нашел там множество интересных и важных сведений, но тем печальнее видеть частые перерывы из нескольких десятков номеров, не разрешенных цензурой, наверняка самых занимательных.

30 декабря, среда. Читая газеты, я не пропускаю издательских уведомлений. Сколько же новых книг разного рода, большая часть которых до Сибири никогда не дойдет! Но сильнее всего мое сердце сжимается при упоминании стольких

трудов, посвященных начальному образованию, которые, если бы я был на родине, пригодились бы для моих сирот!.. К их воспитанию теперь направлены все мои мысли, это главный предмет моих забот, это неисчерпаемый и каждый день растущий источник моего беспокойства.

31 декабря, четверг. Свадьба юной госпожи Мевиус назначена после Богоявления. Но до сих пор и отец, и мать в этом вопросе со мной сохраняют полное молчание. Ведь за три года тяжелого труда стоило бы сказать спасибо. Я почти две недели назад хотел перестать туда ходить, но невеста усиленно просила меня, чтобы я до конца помогал ей в переводах, к чему она теперь проявляет больше желания, чем раньше. Слишком поздно и не ко времени!

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А

Абамелик*, грузинские князья 301

Абрамович Аполинарий (ок. 1804—?), землевладелец из Махновского повята Киевской губ., сын Юзефа. Арестован на основании обвинений в контактах с Ш. Конарским, с которым он познакомился в доме помещика Хуляницкого; он ни в чем не признался, и вину его не доказали. 26 янв. 1839 г. отпущен под строгий надзор полиции 145, 175

Августинович, солдат, выходец из Литвы 339

Амбрусова Екатерина, хозяйка дома, где жил Ю. Сабиньский в Усолье 639

Андреев, жандарм, сопровождавший Ю. Сабиньского от Казани до Перми 236, 237, 246

Антонович, в замужестве Фуфаева, полька, родом из Вильно 601

Антося, служанка в доме Подберезских в Красноярске 348

Аполония, крестьянка с Подолья, поселенка в деревне около Камышева 299, 300

Апраксин Петр Иванович* (1784—1852), гр., ген.-майор. С 1821 по 1827 г. занимал пост владимирского гражданского губернатора, в 1831 г. — тверской гражданский губернатор.

В том же году назначен начальником Казанского жандармского округа, которым руководил до 1841 г. 246

Арсеньев Александр Ильич* (1807 — после 1869), горный инженер, управляющий Петровским Заводом Нерчинской горной экспедиции с 1832 г., зять В.Я. Руперта, женатый на его дочери Людмиле 658

Артемьев, офицер (подпоручик), начальник Балаклайского этапа 283

Асташев (Асташов) Иван Дмитриевич* (1796—1869). С 1809 г. на государственной службе в Зап. Сибири. С конца 1830-х гг. занялся самостоятельной и в компании с купцами золотодобычей (прииски в Енисейской губ.), к середине 1840-х гг. вошел в число миллионеров, благотворитель. Состоял в дружеских отношениях с декабристом Г.С. Батеньковым. Камергер, действ. ст. сов. 328, 695

Афанасьева, жена плац-адъютанта Афанасьева 166

Афанасьев Григорий Григорьевич*, капитан, старший плац-адъютант в Киевской крепости, помощник плац-майора Н.Е. Гайворонского; позднее — майор, чиновник по особым поручениям при киевском генерал-губернаторе Д.Г. Бибикове 78—80, 82—87, 95, 99, 100, 106, 108—111, 120, 123, 129, 132, 133, 142, 143, 145, 148—156, 158, 165—167, 174—176, 183, 188, 189, 191, 211—214, 216, 260

* Персоналии представлены в редакции Виктории Сливовской и Яна Трынковского в сотрудничестве с Анной Брус и Магдаленой Мичинской. Персоналии, помеченные звездочкой *, подготовлены А. Н. Гаращенко. Исправлены неточности, обнаруженные в польском издании.

Б

Балиньский Михал (1794–1864), публицист, историк, издатель произведений обоих Снядецких (Яна и Анджея); автор «Воспоминаний о королеве Барбаре, жене Зигмунта Августа» (Варшава, 1837–1840. Т. 1–2). Его женой была Зофья Снядецкая, дочь Анджея 671

Баранецкий Томаш (1801–1859), врач, выпускник Виленского университета (1825); с 1825 г. до конца жизни был врачом в Ярмолинцах на Подолье, где его высоко ценили. Женат на Констанции Букар, отец Адриана (1828–1891), выдающегося врача, политического и общественно-го деятеля 65, 547

Баранкевич, врач, знакомый Ю. Сабиньского 547

Бартелими Жан Жак (1716–1795), французский писатель, археолог и нумизмат; автор «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» (1788); «Memoirs sur la vie de l'abbé Barthélemy, écrits par lui-même» (1824) 478

Барятинский (Борятинский) Александр Петрович* (1799–1844(45)), кн., декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества, председатель Тульчинской управы. Приговорен к вечной каторге, пробыл на каторге 13 лет. В 1839 г. обращен на поселение в Тобольск 359, 360, 384

Бахаров, офицер, начальник на Малокемчугском этапе в Енисейской губ. 351, 352

Бегер Федор Федорович* (1790–1861), уроженец Иркутской губ., окончил горный институт (1809), в службу определен в Богословские заводы на Урале, с 1819 г. — на Пермских заводах, управляющий Пермскими заводами (1826), началь-

ник Богословских заводов (1827), с 1830 г. — горный начальник Кольвано-Воскресенских заводов. Томский гражданский губернатор и главный начальник Алтайских горных заводов в 1838–1840 гг., с 1840 г. служил в Санкт-Петербурге, директор Департамента горных и соляных дел (1843–1849), ген.-лейтенант (1849) 323

Безносиков Яков Степанович* (1818 — после 1867), в 1838–1847 гг. — адъютант ген.-губернатора В.Я. Руперта. Майор. Впоследствии золотопромышленник и управляющий байкальским пароходством наследников Н.Ф. Мясникова, на дочери которого был женат 418, 477

Беккер (Бекер) Вильгельм Иванович*, сов. иркутского губернского правления, надворный сов. 349

Бекю Саломея (урожд. Янушевская, 1792–1855), дочь Теофила и Александры (урожд. Думановской); с 1808 г. жена Эузебиуша Словацкого, мать Юлиуша; овдовев, в 1818 г. вышла замуж за Августа Бекю, профессора Виленского университета; в янв. 1839 г. была арестована в связи с заговором Конарского, отпущена под полицейский надзор 335

Бендзиньский (Бендзинский) Ян Непомуцен (ок. 1796–?), дворянин из Кременьского повята, сын Антония, владелец магазина с нотами и музыкальными инструментами в Кременьце; систематически поставлял эмигрантскую литературу. Был арестован в 1838 г. после показаний П.Боровского; приговорен к смертной казни, замененной на поселение в Курске 162

Бенкендорф Александр Христофорович* (1781 (1782)–1844), гр., русский государственный деятель, военачальник, ген. от кавалерии, шеф

жандармов и одновременно Главный начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии 222, 224, 231, 243, 246, 250, 260, 261, 265, 278, 292–294, 343, 346, 348, 362, 363, 383, 385, 386, 472, 600, 601, 636

Бенькевич (Бенкевич) Адриан (ок. 1778–?), дворянин из Винозы в Могилевском повете, сын Анджея. С сентября 1837 г. член Общества польского народа, был арестован в 1838 г. 19 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 8 месяцев заключения в крепости и строгий полицейский надзор в месте проживания. Освобожден 13 сент. 1839 г. из Киевской крепости 108, 117, 155, 162–164, 195

Бенькевич, девица, возможно, дочь А. Бенькевича 186

Бечаснов (Бечасный) Владимир Александрович* (1802–1859), декабрист, член Общества соединенных славян, осужден по I разряду. После каторжных работ в 1839 г. обращен на поселение в с. Смоленщина Жилкинской вол. Иркутской губ. После амнистии 1856 г. остался в Сибири, умер в Иркутске 613

Бибиков Дмитрий Гаврилович* (1791–1870), участник войны 1812 г. Перейдя в гражданскую службу, последовательно занимал должности вице-губернатора владимирского и московского. С 1824 по 1835 г. был директором Департамента внешней торговли. В 1837 г. назначен киевским военным губернатором, а также подольским и волыньским ген.-губернатором. Ген. от инфантерии, ген.-адъютант 61, 67, 70, 74–76, 79, 81, 82, 85, 92, 93, 97, 102, 104, 106, 109, 111–114, 117, 119, 120, 122, 124, 127, 129, 131, 133, 138, 142–144, 151, 155–157, 178, 190, 212, 238, 254, 383,

386, 456, 481, 513, 518, 524, 539, 563, 578, 585, 588, 592, 594

Билецкий Томаш, из Киевского воеводства, за восстание 1831 г. направленный в армию 351

Билинская Винцента, дочь Тадеуша Рачинского, брата матери Ю. Сабиньского, двоюродная сестра Ю. Сабиньского 12, 487

Билицкая, жена Н. Билицкого, дочь священника Тельминской фабрики 554

Билицкий Николай, врач в Усолье, затем при одном из золотых приисков в Енисейской губ. 412, 415, 440, 476, 485, 493, 496, 505–507, 548, 553–555, 568, 576, 607, 634

Биркин Николай*, окончил Институт инженеров путей сообщения в 1829 г. с чином поручика. В описываемое время — капитан 437, 462, 464, 473, 474, 477, 484, 497, 498, 509, 583, 659

Бичтов, отец жены полицмейстера Усольского завода А. Л. Феденева, бывший чиновник 414, 505

Блохин Александр Дмитриевич*, городничий г. Тары, надворный сов. 292, 293

Богданов, офицер, начальник Чаунинского этапа 290, 291

Богданов 2, офицер, начальник Уярского этапа за Красноярск в Енисейской губ. 350, 351, 354

Богуш Ян, женатый на Анне Стажиньской, председатель Верховного подольского суда, управляющий именем Александра Машкевича, «перешедшим матери Даровской», в Балине, в его имении жил до своей смерти Раймунд Корсак и Ю. Сабиньский 14, 646

Боер (Бойер) Абель (1667—1729), автор «Королевского словаря» (1702), французско-английского словаря 552

Бопрэ Юзеф Антони (Антоний) (1800—1872), выпускник Кременецкого лицея и Медико-хирургической академии в Вильно, сын Юзефа де Бопрэ и Теофили Бентковской; в 1831 г. за участие в ноябрьском восстании был сослан в Курск. Вольнопрактикующий врач в Кременце. Член Филодемического общества (1835) и Общества польского народа, взял псевдоним «Тояд»; выполнял функцию старосты и секретаря, редактор тайного журнала «Друг правды». Был арестован в июле 1838 г., находился в тюрьмах Киева и Вильно; 21 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, после церемонии «гражданской смерти» наказание заменено на 20 лет каторжных работ. Приговор отбывал в Большом Нерчинском заводе. Вел там хорошо развивающееся хозяйство и так называемый Дом Польский, оказывая помощь сосланным землякам из забайкальской общины. Практикующий врач. Переведен на поселение в 1853 г. На родину вернулся в 1857 г. после амнистии. Сначала жил в Житомире, затем в Кременце, где женился на Северине Ивановской (1838—1912). Дети: сын Антоний, впоследствии редактор краковского «Времени», и дочь Барбара. В 1865 г. недолгое время находился под арестом в Ровно в связи с январским восстанием 186, 207, 253—256, 260—264, 269, 271, 275, 276, 284, 287, 295, 300, 308, 310, 311, 318, 333, 337, 370, 381, 391, 405, 406, 409, 411, 413, 415, 416, 418—421, 484, 488, 496, 522, 567, 588, 656

Борисовы Андрей Иванович (1798—1854) и **Петр Иванович** (1800—1854), бр., декабристы, члены Общества

соединенных славян. Осуждены на вечную каторгу, сокращенную до 13 лет. С 1839 г. на поселении в Иркутской губ., с 1841 г. в Малой Разводной, где Петр Иванович занимался общественными науками и естествознанием. Более всего он увлекался орнитологией. После скорострительной смерти Петра Андрей, страдавший психическим расстройством, покончил жизнь самоубийством 745

Боровский Петр (ок. 1802 или 1806—1882?), дворянин Кременецкого повята, сын Людвика, выпускник Кременецкого лицея и Киевского университета; с 1834 г. держал в Киеве общежитие для студентов. Член Филодемического общества и Общества польского народа; действовал в среде университетской молодежи. Был арестован в 1838 г., 20 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни через четвертование, замененной на повешение; после церемонии «гражданской смерти» смертная казнь заменена на 20 лет каторжных работ, отправлен в Сибирь, официально — на работы в каменоломнях за Байкалом; зарабатывал на жизнь обучением детей чиновников и богатых купцов; с 1853 г. находился на поселении, с 1856 г. — в Иркутске. Остался в Сибири, где с 1873 г. владел собственным золотым прииском в Баргузинском округе за Байкалом 33, 38, 83, 110, 192, 254, 264, 269, 273, 274, 279, 293, 308, 350, 360, 363, 382, 386, 389—391, 397, 401, 402, 404—406, 408, 412, 416, 418—420, 422—424, 426, 427, 432, 474, 488, 504, 517, 548, 550, 588, 639, 641

Бородухин, тюремный надзиратель в Перми 239

Бродовский Ян, родом из Волыни, подозревался в участии в заговоре, заключенный в Киевской крепости 140

Бронниковский (Брониковский) Иван (Ян) Викентьевич*, иркутский полицмейстер в 1840–1841 гг., затем директор Тельминской казенной суконной фабрики (1841–1851) 475, 476, 561, 663, 679, 697, 698, 702, 711, 728, 733

Брынк Ежи (ок. 1802–1881), сын Юзефа, арендатор в имении Платеров, и Эльжбеты Меницкой, родом из Лепельского повета, управляющий имением Радзивиллов Олыка. Активный деятель Общества польского народа. Арестован и заключен в Вильно. 9 февр. 1839 г. приговорен к работам в шахтах. Наказание отбывал в Нерчинских заводах, с 1841 г. находился на поселении в Успенской вол. Нерчинского округа. Его взяли под строгий надзор, когда стало известно, что он служит посредником в переписке каторжан с семьями. В ссылку к нему приехала жена Казимира (урожд. Немировская, в первом браке Стаховская) с дочерью (или падчерицей) Юзефой (всего у них было 5 детей). В 1858 г. они вернулись на родину. В 1861 г. его снова арестовали, но оставили из-за преклонного возраста в Свенцянах Вильнюсской губ.; однако, несмотря на это, в 1863 г. его сослали на поселение в Чедрын Пермской губ. После возвращения он поселился у дочери Эмилии Межеевской в Домбках в Слущком повете, где и умер 405, 411, 420, 567, 592

Брюль Алоизы Фридерик (1739–1793), польско-саксонский дипломат, политик, масон, в 1780–1782 гг. — член Постоянного совета (в Военном департаменте), ген. артиллерии, поэт и драматург, автор комедий 726

Бублик, родом из Черниговской губ., офицер, начальник Кутуликского этапа в Иркутской губ. 376, 377

Булгарин Фаддей Венедиктович (Ян Тадеуш Кшиштоф) (1789–1859), польско-русский журналист и писатель, критик, издатель, капитан наполеоновской армии, действ.ст. сов. Сотрудничал с III Отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии 95, 618

Булхак Томаш (1801–1895), дворянин Новогрудского повета, вольнослушатель Виленского университета, затем владелец хозяйств Олехувка и Мицкевиче в Слущком повете, сын Юзефа и Брочвичёвой. С 1836 г. — член Общества польского народа, псевдоним «Гулич»; выполнял функцию секретаря; был арестован в 1838 г., заключен в Вильно, во время следствия кн. А. Трубецкой подвергал его пыткам, в том числе рукоятью сабли выбил ему несколько зубов. 9 февр. 1839 г. был приговорен к поселению в Сибири с утратой сословных прав. В тюрьме женился на Тересе Вежбицкой. Наказание отбывал в Дмитровской вол. Томской губ., был смотрителем на золотом прииске и директором стекольной фабрики Козелл-Поклевских; жена подрабатывала репетиторством и писала письма, публикуемые в «Литературном ежегоднике». В 1856 г. получил разрешение вернуться на родину. В 1863 г. был снова сослан в Сибирь с утратой сословных прав и конфискацией имущества. Вместе с женой провел шесть лет в Нарыме и Томске; в 1869 г. ему было разрешено переехать в Казанскую губ., а в 1871 г. — в Варшаву. Через несколько лет он получил разрешение вернуться в Новогрудское воеводство. Умер в родных Мицкевичах 298, 397

Бучкин, офицер (поручик), начальник Кимильтейского этапа в Иркутской губ. 372–374

Бучкина, жена поручика 373

Бучкина Анастасия, шестнадцатилетняя дочь поручика 373

Былевский Ян Мауриций (ок. 1801—?), дворянин Пиньского повята Минской губ. В 1833 г. вызвал подозрение властей, принимая в своем доме с 1831 г. беглых польских арестантов — офицеров и эмисаров из эмиграции. После прибытия Ш. Конарского вступил в Общество польского народа, секретарь в Луцком повете. Арестован в 1838 г., в 1839 г. приговорен к каторжным работам в Сибири, которые были заменены на поселение. С марта 1839 г. находился в Дмитровской вол. Маринского округа Томской губ. В 1855 г. жил в Семипалатинском округе, был частным писарем. В 1856 г. получил разрешение вернуться на родину 298, 592

В

Вагнер, поляк из Польского Королевства, солдат в Каинске 306

Вадковский Федор Федорович* (1800—1844), декабрист, поэт, меуарист, член Южного общества, осужден по I разряду, приговорен в каторжную работу вечно. Пробыл на каторге 13 лет. 5 сент. 1840 г. определен на поселение в с. Оёк Иркутского округа, где и умер 384, 388, 666, 667, 742

Вайгель Федор Иванович*, участник войны 1812 г., штабс-капитан, пермский городничий в 1835—1843 гг., титулярный сов., затем коллежский ассессор 240—247, 249—252

Валевский, помещик на Волыни 192

Валькевич Михаил Николаевич*, коллежский сов., в 1838—1842 гг. казанский вице-губернатор 234, 246

Василевский Борис Васильевич*, титулярный сов., секретарь конто-

ры Усольского солеваренного завода, а также смотритель тюремного острога 568, 571, 573, 584, 587, 597, 602, 605, 611, 614, 629, 643, 645, 718—720

Василевский (Васильевский) Рафаил (Рафал) Васильевич*, губ. секретарь, чиновник для особых поручений при управителе сибирских солеваренных заводов. Возможно, что какое-то время он служил в коммисариатской комиссии, подразделении Коммисариатского управления в округах 428, 429, 431, 434—436, 455, 506—508, 512, 556—558

Васильев, офицер, этапный офицер в городе Таре 292—294

Вежбицкий Францишек (?—1880), родом из Белостокского, окончил Медико-хирургическую академию в Вильно, как стипендиат был вынужден отработать 6 лет; в 1837 г. был направлен на должность врача этапной комендатуры в Томской губ. 331, 491

Вейгль, полицмейстер в Перми, до этого находился в Варшаве 712

Величкин Филип, каторжник, родом из Курской губ. 502, 503

Венжик Александр (1819—1853), дворянин из Кракова, сын Станислава и Саломеи (урожд. Роттермунд), студент Ягеллонского университета. Член Общества польского народа, взял псевдоним «Туз»; затем действовал в Варшаве, поддерживая контакты с Галицией. Был арестован в 1838 г., в 1839 г. приговорен к вечной каторге в Сибири. Наказание отбывал в Нерчинских заводах, не занимаясь трудом из-за состояния здоровья; с 1851 г. находился на поселении; был активным членом Общины польских ссыльных. Умер в Сибири 592, 627

Видиняпин, офицер, начальник Болотинского этапа 317

Вильчопольская Паулина (Павлина) (ок. 1793, 1795 или 1798—?), дочь Юзефа, владельца деревни Попивце в Староконстантиновском повяте, девица. Действовала в Женском союзе при Обществе польского народа, собирала деньги для Ш. Конарского. Была арестована в 1838 г., во время следствия назвала многих людей, связанных с заговором. В марте 1839 г. сослана на бессрочное поселение в Тару Тобольской губ. В ссылке ее сопровождала служанка, крестьянка из Вольни. В 1841 г. получила разрешение переехать в Тамбов, а позднее вернуться на родину, но с запретом жить в приграничных районах. Была отдана под тайный надзор полиции, продолжала заниматься помощью ссыльным, в том числе поиском полков, готовых поехать как невесты в Сибирь, чтобы спасти польских ссыльных от вырождения. В 1845 г. получила разрешение жить в своем имении 185, 186, 274, 282, 288—290, 293, 637

Виямовская Каролина, в девичестве Богуш, дочь Миколая, жена Теодора, умерла, осиротив троих детей 17

Виямовский Теодор, имел недвижимость в Ушицком повяте, муж Каролины, знакомый Ю. Сабиньского 17

Виммер, один из плац-адъютантов в Киевской крепости 119

Вирек Георг (1810 — до 1889), изучал медицину в университете в Дерпте (ныне Тарту) в 1833—1835 гг.; врач в Перми 241

Витгенштейн Петр Христианович (1768—1843), военачальник, ген.-фельдмаршал (1826), светл. кн. 359

Вишомирский, сведений не обнаружено 545

Войнович (Войнилович) Феликс, родом из Радомышльского повята, участник ноябрьского восстания в эскадроне Александра Собаньского, попал в плен под Майданом, был направлен в Российскую армию; солдат на Сушинском этапе в Иркутской губ. 381

Волянская Элеонора (ок. 1788 или 1804 — до 1854), дворянка из Киевской губ.; жила в Кременьце; во время ноябрьского восстания помогала пойманным повстанцам уйти за границу. В 1838 г. была арестована по подозрению в сокрытии и помощи при побеге организатору студенческого кружка Владиславу Городону; также она организовала сбор денег для заключенных. Была заключена в Киевскую крепость, ее показания — это настоящий обвинительный акт членам Следственной комиссии. Была помещена в православный Александровский Успенский монастырь, где провела два года. В 1840 г. вернулась в Киев, где за ней был установлен полицейский надзор в связи с ее контактами со студентами, читающими запрещенную литературу 185, 186

Волконская Елена Сергеевна (1834—1916), дочь С. Г. и М. Н. Волконских 533, 679

Волконская Мария Николаевна* (урожд. Раевская, 1804—1863), дочь ген., героя Отечественной войны Н. Н. Раевского. Вышла замуж за кн. С. Г. Волконского 11 янв. 1825 г. После приговора добилась разрешения на отъезд в Сибирь. Прибыв в Иркутск в янв. 1827 г., проследовала далее в Забайкалье. После отбытия мужем каторги семья Волконских была поселена в Урике под Иркут-

ском, а затем в Иркутске. 6 авг. 1855 г. покинула Иркутск 33, 42, 388, 421–424, 438, 439, 443, 451, 468, 477, 489, 491, 528, 532–534, 548, 550, 551, 553, 566, 579, 585, 615, 617, 621, 622, 642, 656, 661, 664, 667, 679, 687, 700, 720, 724–726

Волконский Михаил Сергеевич (1832–1909), сын М. Н. и С. Г. Волконских. Впоследствии русский государственный деятель, товарищ министра народного просвещения, сенатор, член Государственного совета 533, 679

Волконский Сергей Григорьевич* (1788–1865), декабрист, член Союза благоденствия, затем Южного общества, где вместе с В. Л. Давыдовым руководил Каменской управой. По I разряду приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. В 1832 г. срок каторги сокращен до 10 лет. В 1835 г. обращен на поселение. В 1836 г. переведен на поселение в с. Урик, недалеко от Иркутска. В 1845 г. перебрался с семьей в Иркутск. По амнистии 26 авг. 1856 г. ему возвращено дворянство, а детям — княжеский титул. В том же году вернулся в Европейскую Россию. Жил в Москве, за границей, в имении дочери в с. Воронки, где и скончался 33, 42, 351, 360, 388, 421, 422, 428, 534, 550, 551, 553, 566, 579, 642, 661, 662, 666, 667, 679, 687, 700

Воллович Михал (1806–1833), сын Казимежа, член Союза Лучистых, доброволец в 1831 г. (в корпусе ген. Антония Гелгуда), участник похода Юзефа Заливского в 1833 г.; арестован, приговорен к повешению, казнен в Гродно 294

Вольф Фердинанд (Христиан-Фердинанд) Богданович* (1796 или 1797–1854), декабрист, член Союза

благоденствия, позднее — Южного общества, осужден по II разряду на 20 лет каторжных работ, срок сокращен до 15 лет. Наказание отбывал в Чите и Петровском Заводе. В 1836 г. был водворен на поселение в село Урик под Иркутском. Врач. В 1845 г. был переведен в Тобольск, где также занимался медицинской деятельностью. С 1852 г. исполнял должность врача при больнице тюремного замка. Умер в Тобольске 388, 552, 615, 656, 664, 682, 692

Воронецкий, с Подолья, сосланный в Сибирь за участие в ноябрьском восстании, служил солдатом в Томске 322

Восс Хенрик (1751–1826), автор поэмы «Luise, ein lundliches Gedicht in 3 Idyllen» 677

Врублевский Франчишек (Францишек), уроженец Вольни, служил когда-то у Каспера Машковского, участник ноябрьского восстания; солдат на этапе Малый Игнаш 354

Врублевский Ян, с Подолья, взят в солдаты за участие в восстании 1831 г., находился в Александровске, уволен в 1841 г. 549, 550

Вылежиньский (Вылежинский) Петр, сын Валентия, уволенный в запас солдат, племянник Яна и Юзефа Вылежиньских, знакомых Ю. Сабиньского, возвращался этапами из Иркутска на Вольнь 350

Вылежиньский Тадеуш, до 1821 г. капитан, член масонской ложи в Каменце-Подольском (вместе с Ю. Сабиньским), принимал участие в восстании 1831 г. 350

Вылежиньский Юзеф, майор Польской армии, сотрудничал с ксендзом Вавжинцем Марчинским при работе над его трудом: «Статистическое, топографическое и историческое опи-

сание Подольской губернии»; знакомый Ю. Сабиньского 350

Вылежинский Ян, возможно, Ян Непомуцен Вылежинский, член Варшавского научного общества, главный инспектор школ в Подольской и Вольнской губ., маршал Новогрудско-Вольнской пювата, женатый на Кунегунде из Букар; знакомый Ю. Сабиньского 350

Высоцкий Папа, сын ссыльного, владелец магазина в д. Черемхово 377, 378

Высоцкий Петр (1797–1875), дворянин из Виняр около Варки, сын Яна и Катажины (урожд. Бжуминьской), инструктор в школе подхорунжих пехоты, масон, руководитель тайного союза подхорунжих, участник Ноябрьской ночи, майор, командир 10-го пехотного полка, защитник Воли 6 сент. 1831 г.; 29 окт. того же года был приговорен в Боруйске к смертной казни четвертованием, замененной на повешение; вновь осужден в Варшаве; 29 нояб. 1833 г. в очередной раз приговорен к повешению. Отказался подписывать просьбу о помиловании, но 16 сент. 1834 г. император заменил приговор на 20 лет каторжных работ на заводах. Наказание отбывал в Александровске под Иркутском, откуда 21 июня 1835 г. безуспешно пытался бежать. Как «неисправимый и неблагодарный к Его Императорскому Величеству», был приговорен к тысяче ударам палками и каторге на рудниках Акатуя в кандалах. Будучи изолированным от других каторжников, он смог все же подружиться с Винцентом Хлопичким и Хиларием Вебером, которые начали готовить его очередной побег, но были разоблачены. С 1843 г. его уже не направляли на каторжные работы. Вместе с Винцентом Хлопичким он держал мыловарню, его дом

был местом встреч ссыльных. По амнистии 1856 г. получил разрешение вернуться на родину, поселился в Варке. К восстанию 1863 г. относился решительно негативно. Вел замкнутый образ жизни, оставался под надзором полиции. Умер в Варке 376, 377, 579, 708

Г

Гагарин Евгений Григорьевич* (1811–1886), русский дипломат, действ. ст. сов. 218–220, 222, 223, 225, 228

Гадомский, ум. ок. 1842 г., согласно информации Старорыпиньской. Знакомый Ю. Сабиньского на Подолье 685

Гадомский Павел (1800–1855), родом из Польского Королевства; участник ноябрьского восстания, поручик 4-го Линейного пехотного полка, взят в плен и отправлен на поселение в Глазове Вятской губ. В янв. 1833 г. «за явное непослушание местным властям» был сослан на поселение в Восточную Сибирь, в Верхнеудинск. Согласно мнению местных властей, «вел себя безупречно», хотя иногда «злоупотреблял спиртными напитками». В 1834 г. получил разрешение работать писарем в нижнеудинском управлении, оставаясь под полицейским надзором. Женился на русской. Умер в Иркутске 364

Гайворонский Николай Елисеевич* (1797? – после 1883), дворянин Полтавской губ. В военной службе с 1812 г., с 1817 г. кадровый офицер, позднее, в 1835–1844 гг., чиновник по особым поручениям в канцелярии киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, плац-майор Киевской крепости. В 1844–1847 гг. вольнский вице-губернатор, надворный сов.; в 1847–1849 гг. костромской

вице-губернатор 67, 70, 75, 78, 83, 85, 108–114, 119, 122, 124, 127, 130, 132–138, 140, 141, 143, 148, 149, 153, 156, 158, 159, 161, 162, 164, 166, 175, 178, 184, 192, 193, 195, 196, 201, 212–214, 216, 238, 254, 260, 456

Генсёровский (прав. — Тенсёровский) Людвик (1800–1855), после окончания учебы в Калише изучал «изящные искусства» в Варшавском университете, магистр. С 1827 г. работал учителем в семинарии в Пултуске. Принимал участие в ноябрьском восстании как военный капеллан. После восстания за «неблагонадежность», находился в монастыре францисканцев в Лагевниках. За помощь участникам похода Юзефа Залевского был арестован в 1833 г., а в 1834 г., после лишения сана, сослан на поселение в Сибирь. Вместе со священниками Антонием Ойжановским и Анджеем Рошковским жил в Балаганске Удинской вол. Иркутской губ. В 1842 г. получил разрешение вернуться в Польское Королевство. Был отдан под полицейский надзор, работал викарием в Жукове 685

Герасимов, представитель купеческой семьи Герасимовых. Возможно, речь идет о Мокее Герасимовиче Герасимове (р. 1767) или его сыновьях: Павле (р. 1804(5)), Иване (р. 1809) или Никандре (р. 1820) 662, 664

Гладышев Евграф Иванович* (1780–1855), участник войны 1812 г. В 1815–1817 гг. — командир 19-го егерского полка. В 1837 г. был назначен начальником 23-й пехотной дивизии, а 21 апр. 1837 г. ген.-майор Е. И. Гладышев стал последним начальником первой Омской обл. (руководил по 1838 г.) 282, 283

Глафира, родственница А. Л. Феденева, полицмейстера в Усолье 425, 580

Глембоцкий Михал, уроженец Краковского воеводства, дворянин, участник ноябрьского восстания. Служил в 4-м полку линейной пехоты, был взят в плен в битве под Остроленкой. Сослан в Сибирь. В Нижнеудинске служил в отделении инвалидов, под полицейским надзором, позднее как унтер-офицер оказался в сибирском линейном батальоне в Шилке, а затем в 13-м батальоне в Иркутске. Освобожден по амнистии 1856 г. 364, 365, 638

Гловацкий Антоний, поляк с Подолья, солдат в Каинске 306

Годлевский Изидор (ок. 1810 или 1811–?), дворянин из Дубеньского повята, сын Томаша; после окончания школы в Луцке был служащим в имении на Вольни. Член Общества польского народа, был арестован в 1838 г., приговорен в 1839 г. к смертной казни, замененной на поселение в Вологде с обязательным поступлением на государственную службу; работал в Вологодском губернском управлении; в июле 1842 г. вернулся на Вольнь; с 1843 г. — чиновник Вольнского казначейства 145

Голеевский Хенрик (1813–1883), дворянин из Ямпольского повята, сын Сильвестра и Саломеи (урожд. Бромирской), капитан в ноябрьском восстании, затем в эмиграции, с 1834 г. член Польского демократического общества. Под вымышленной фамилией прибыл как эмиссар на Украину, однако в 1838 г. был предан крестьянином-контрабандистом и схвачен российскими жандармами. Сидел в тюрьме в Каменце и Киеве, после установления личности был в 1841 г. приговорен к расстрелу, который заменили на бессрочные каторжные работы в рудниках. Наказание отбывал в Нерчинских заводах, с

1856 г. перешел на поселение. В 1857 г. получил согласие на переезд в Пермь под полицейский надзор, а затем на возвращение на родину. Поселился в Ярмолиньцах. В 1863 г. за хранение запрещенной литературы был отдан вместе с сестрой Леокадией под строгий надзор полиции; автор «Дневника» 30, 31, 593

Голецкий, уполномоченный Александра Машкевича 129, 130, 136, 157, 158, 179

Голицын Александр Федорович* (1796–1864), российский государственный деятель. На время описываемых событий действ. ст. сов. В 1838 г. пожалован в статс-секретари. В 1845 г. произведен в тайные сов. Государственным секретарем никогда не был 636

Голицын Дмитрий Владимирович* (1771–1844), военный и государственный деятель. Воинский путь начал под командованием А. В. Суворова с участия в подавлении польского восстания 1794 г. В период русско-прусско-французской кампании (1806–1807) находился в боях при местечке Голомине, Прейсш-Эйлау и в других сражениях. Участник войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. В 1820–1841 гг. — московский военный ген.-губернатор 219

Голубев, богатый купец из деревни Кия за Томском 331, 491, 504

Гольнская Каролина (урожд. Кросновская), жена Яцека Гольнского 181, 470, 473, 698, 736

Гольнский Яцек (1804–1846), сын Людвика Гольнского, дворянин Каменецкого повята; учился в Кременецком лицее; участник ноябрьского восстания, принимал участие в обороне Замосца, получил Серебряный

Крест за заслуги. Девять месяцев находился под арестом в крепости в Каменце-Подольском; вновь был арестован в 1833 г. и сослан в Уфу, откуда через год возвращен под надзор полиции. В 1836 г. познакомился с Ш. Конарским и вступил в Общество польского народа; был арестован в 1838 г., сидел в тюрьме в Киеве, 18 февр. 1839 г. был приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Александровском винокуренном заводе возле Иркутска, с 1843 г. на поселении в Жилкинской вол.; жил в Иркутске, занимался рисованием. В браке с Каролиной Кросновской имел сына Бронислава 21, 22, 25, 26, 29, 30, 33, 66, 70, 71, 76, 107, 108, 116, 117, 160, 166, 175, 224, 229, 235, 238, 261, 262, 269, 271, 291, 332, 358, 382, 411, 413, 417, 423, 434, 439, 462, 470, 473, 479, 481, 485, 490, 508, 542, 546, 579, 584, 610, 614, 647, 658, 671, 675, 679, 697, 709, 713, 715, 722, 733

Гонсёровский, родом из Галиции, участник ноябрьского восстания, сослан в Сибирь, был освобожден как гражданин Австрии 311

Гораций (65 г. до н. э. — 8 г. н. э.), римский поэт-лирик 9, 312, 347, 395, 438, 460, 508, 512, 562, 579

Горошков Стефан, солдат, родом из волынского Ямполья, уволенный со службы в Якутске 361

Горчаков, кн., генерал, с которым Ю. Сабиньский встречался в Каменце, — трудно определить, о котором из Горчаковых идет речь 261, 662

Горчакова Наталья Дмитриевна* (урожд. Черевина, ?–1849), дочь Д. П. Черевина, флигель-адъютанта Павла I, в 1812 г. возглавлявшего Костромское ополчение. Кавалер-

ственная дама ордена Св. Екатерины. Ее родной брат Павел (1802—1824) был членом Союза благоденствия и Северного общества. Жена П. Д. Горчакова 283, 286

Горчаков Андрей Иванович* (1779—1855), кн., русский военачальник, племянник А. В. Суворова, участник войн конца XVIII — начала XIX в., ген. от инфантерии (1819), командир пехотного корпуса 261, 662

Горчаков Петр Дмитриевич* (1789—1868), кн., военный и государственный деятель. Участник боевых походов против Швеции (1808), Турции (1810), Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. С 1820 по 1825 г. управлял Имеретией, подавлял восстание мятежных грузинских и абхазских князей, командовал казачьей линией в Екатеринограде. В 1836—1851 гг. — командир Отдельного Сибирского корпуса и ген.-губернатор Зап. Сибири. Ген. от инфантерии 244, 256, 260, 262—264, 267, 283, 286, 320, 418

Грабовский, врач в Казани, русский 235, 236

Грабовский Мачей, поляк из Польского Королевства, солдат в Каинске 306

Грабовский Фортунат (ок. 1803 или 1805—?), сын Юзефа и Виктории из Грабовских, дворянин Влодзимежского повята; год (1821/22) учился в Кременецком лицее, был советником и управляющим у Юзефа Старорыпиньского. Принимал участие в ноябрьском восстании в корпусе генерала Юзефа Дверницкого; в 1833 г. вернулся из эмиграции домой по амнистии. Сосед и друг, а позднее также шурин Юстиниана Ручиньского. Член Общества польского народа;

был арестован в сент. 1838 г., приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Усолье, а потом на рудниках Зерентуя за Байкалом, где входил в Общину польских ссыльных. С 1843 г. находился на поселении в Жилкинской вол. Иркутского округа, но по просьбе матери его перевели в Туринск Тобольской губ., где уже находился Юстиниан Ручиньский с женой. В 1853 г. за «примерное поведение» получил согласие на выезд в Чернигов под надзор полиции, по амнистии 1856 г. ему разрешили вернуться на родину. В конце 1857 г. он выехал в Житомир, где женился на Юлии Миллер 270, 379, 391, 405, 415—417, 422, 423, 488, 522, 545, 744

Грабянка Станислав (ок. 1811—?), дворянин из Ушицкого повята на Подолье, сын Антония. Вероятно, член Общества польского народа, в его доме в Фельштыне выбирали делегатов на съезд в Бердичеве. Был арестован в 1838 г., 18 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на поселение в Олонецкой губ.; служил в земском суде в Петрозаводске, затем там же в канцелярии олонецкого губернатора 88, 95, 102, 104, 107, 108, 117, 118, 160—164, 166, 175

Грабянка Эразм, сын Тадеуша, приграничный плоскировский судья, знакомый Ю. Сабиньского 547

Гребенко (Гребёнка, Гребинка) Евгений Павлович* (1812—1848), русский и украинский поэт, писатель. В 1831 г. окончил Гимназию высших наук кн. Безбородко в Нежине и записался вольноопределяющимся 8-го Малороссийского конно-казачьего полка. На военной службе был недолгое время, впоследствии был связан с подготовкой офицерского корпуса. С 1834 г. находился на

гражданской службе, а с 1838 г. преподавал русский язык в Дворянском полку — военно-учебном заведении в Санкт-Петербурге. С 1841 г. и до последних дней был преподавателем русского языка во 2-м кадетском корпусе и Морском кадетском корпусе. Несмотря на заимствования у Ла Фонтена и Крылова, написал ряд оригинальных произведений, вошедших в историю украинской литературы как шедевры басенного жанра 415

Громницкий (Громнитский) Петр Федорович* (1803—1851), декабрист, член Общества соединенных славян, осужден по II разряду и приговорен в каторжную работу на 20 лет, срок был сокращен до 10 лет. В 1835 г. обращен на поселение в с. Бельское Иркутской губ., куда прибыл в 1836 г., в 1842 г. отдан под особый надзор местной полиции за чтение и переписывание сочинений декабриста М. С. Лунина. Умер от чахотки в госпитале Иркутского солеваренного завода в с. Усолжье 572

Грохольский, «офицер охраны» в Казани 233

Грохольский Николай Мартьянович* (1781—1864), гр., сын последнего брацлавского воеводы. Подольский вице-губернатор в 1819—1825 гг., губернатор в 1825—1831 гг., ст. сов. С февр. по июнь 1831 г. — рязанский губернатор, действ. ст. сов. Масон. За содействие повстанцам в 1831 г. был отстранен от должности и посажен в крепость 564

Грузинцев, один из плац-адъютантов в Киевской крепости 115, 116

Грушецкий Хенрик (1823—1853), сын Франчишка из Люблинского воеводства. Двоюродный брат Михала Грушецкого. Окончил гимназию в

Люблине, с авг. 1842 г. получал образование на юридических курсах в Варшаве. Был арестован за связи с кружком Хенрика Вокульского, сделал подробное признание; несмотря на это, его в 1844 г. приговорили к пожизненным каторжным работам в Сибири. Он прибыл в Иркутск 12 мая 1846 г. и был отправлен за Байкал. Наказание отбывал на Алгачинском, а с 1847 г. на Кличкинском участке нерчинских рудников. В 1851 г. после перевода на поселение жил в дер. Усть-Илинойское в Нерчинском округе. Похоронен в Александровске 728

Грушецкий Михал Игнаций (1814—1892), сын Яна, управляющего имением Браницких, и Юзефы из Станишевских, двоюродный брат Хенрика Грушецкого. Стажер Варшавского уголовного суда, член Общества польского народа; в 1838 г. был арестован и затем приговорен к 5 годам тяжких работ на рудниках. Наказание отбывал в Газимуре, с 1842 г. находился на поселении в Нерчинском округе, потом вел образцовое сельское хозяйство под Культурмой. В 1857 г. вернулся в Польское Королевство, а в 1860 г. переехал на Волынь. За участие в январском восстании повторно был приговорен к 8 годам каторжных работ. Находился в Усолжье вместе с женой Михалиной из Мичиньских. После возвращения из второй ссылки жил в Варшаве, был сотрудником «Газеты Польской». Автор опубликованных воспоминаний из первой ссылки. Умер в Житомире 728

Д

Давыдов Василий Львович* (1793—1855), декабрист, член Союза благоденствия, а затем один из руководителей Южного общества, осужден в

каторжную работу вечно, затем повелено оставить его в работе на 20 лет, а потом обратиться на поселение в Сибирь. Пробыл на каторге 13 лет. В 1839 г. обращен на поселение в Красноярск, где и прожил до своей смерти. Похоронен в Красноярске 350

Данилов, офицер, начальник Варюхинского этапа 318, 319

Данилович Михал (ок. 1787 или 1800—?), дворянин Бельского повята в Белостокском воеводстве. В 1833 г. принял у себя Адама Пищатовского, участника похода Юзефа Заливского; был арестован и приговорен к поселению в Вологодской губ. В 1835—1837 гг. находился под полицейским надзором в Вятке. В 1841 г. получил согласие на проживание в губернии поближе к родным краям. С 23 янв. 1843 г. жил под полицейским надзором в Смоленске. Жена и дети остались в Бельском повяте 592

Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт, автор «Божественной комедии» и «Новой жизни», переведенной Густавом Эренбергом 47, 408, 440, 522

Даровская Катажина, «Мать Даровская», в девичестве Машкевич, жена Кароля Даровского, мать Пелагии Сабиньской, теща Ю. Сабиньского 277, 386, 390, 402, 407, 421, 448, 461, 462, 468, 487, 488, 517, 546, 564, 576, 598, 599, 645, 646, 650, 655, 668, 716, 719

Даровский (Верыха Даровский) Александр (Олесь) (1815—1874), землевладелец на Подолье и Украине, сын Кароля, предводителя дворянства Ушицкого повята, и Катажины (урожд. Машкевич), брат Пелагии Сабиньской, наследник Тетиева, писатель-сатирик, историк, геральдик, собиратель польских по-

словиц, опекун детей Ю. Сабиньского 17, 36, 40, 48, 179, 200, 202, 682

Даровский (Верыха Даровский) Кароль (1785—1832), предводитель дворянства Ушицкого повята, муж Катажины Машкевич, отец Пелагии Даровской-Сабиньской, владелец Жердзя, Тетиовщины и Лобачёва 25, 66, 80, 169

Даровский Марцел, дядя кого-то из Даровских 470

Даровский (Верыха Даровский) Станислав (1811—1848), сын Кароля, предводителя дворянства Ушицкого повята, и Катажины (урожд. Машкевич), брат Пелагии Сабиньской, женатый на Руже (Розалии) Падлевской; умер бездетным в Каменце-Подольском от холеры 181, 182, 189, 655

Даурский, офицер, начальник Половинского этапа в Иркутской губ. 378

Дверницкий Юзеф (1779—1857), участник наполеоновских войн, генерал в ноябрьском восстании, возглавлял поход на Вольню; затем находился в эмиграции во Франции, председатель Национального комитета польской эмиграции, в 1836 г. — один из организаторов Конфедерации польского народа. Умер в Галиции 26, 354

Девильер (Девилье), офицер, начальник Халдеевского этапа 326

Дейхман Александр Андреевич* (1783—1849), представитель российской горной династии шведского происхождения. После смерти отца отправлен с Алтайских заводов с караваном серебра для определения в Горное училище в Петербурге, по окончании которого (1802) служил на Алтае на Кольвано-Воскресенских заводах, В 1818—1821 гг. — началь-

ник Сузунского монетного двора, с 1826 г. — в Горном отделении Кабинета Его Императорского Величества. Преподавал металлургию и пробирное искусство в Санкт-Петербургском горном институте в 1827—1829 гг. Надворный сов. (1840). Участвовал в компании, занимающейся поисками золота в Енисейской губ. (1841). Вторым браком был женат на сестре А. П. Мевюса. От первого брака имел детей Константина и Модеста, от второго — Оскара и Эльжбету 618, 663, 664, 668—670, 673, 677, 679, 682, 684, 687, 696, 707, 709, 723, 730, 731, 734—739, 742

Дейхман Константин Александрович*, сын обер-бергмейстера, лютеранин. В 1835 г. коллежский регистратор, помощник правителя канцелярии Института Корпуса горных инженеров; в 1838—1840 гг. — губ. секр., управляющий Иркутским солеваренным заводом; с 1840 г. — чиновник по особым поручениям в канцелярии Главного управления Восточной Сибири; правитель дел Горного отделения при ген.-губернаторе Восточной Сибири в 1843—1845(?) гг.; коллежский ассessor в отставке (1854). Был женат на Елизавете Андреевне Мевюс 401, 403, 406—408, 410, 411, 413, 418, 421, 423, 424, 434, 436, 437, 453, 465, 467, 469, 473, 476, 479, 482—487, 489, 498, 500, 512, 514, 517, 519, 521, 523, 525, 644, 657, 677, 680, 687, 695, 696, 707, 709, 739

Дейхман Модест Александрович, брат Константина, сводный брат Оскара. Подробных сведений обнаружить не удалось 455, 469, 504, 505, 513, 560, 561, 663, 664, 682, 687, 696, 707, 709

Дейхман Оскар Александрович* (1818—1891), сын горного инженера А. А. Дейхмана, брат Константина и Модеста Дейхманов. После оконча-

ния Института Корпуса горных инженеров с чином поручика в 1841 г. назначен на службу в Восточную Сибирь. С 1843 г. — управляющий Петровским Заводом; в 1845—1847 гг. — чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири; с 1847 г. — управляющий Петровским горным округом; в 1856—1865 гг. — начальник Нерчинского горного округа, полковник. Отстранен от службы и отдан под суд за послабления, оказанные в содержании на заводах государственного преступника М. И. Михайлова. Вновь принят на службу в 1867 г. чиновником для особых поручений при Главном управлении Уральских заводов. Позднее, как знаток тюремного быта, был назначен членом комиссии при Министерстве внутренних дел по устройству быта преступников, ссылаемых на Сахалин и в Нерчинские рудники. В 1869—1870 гг. участвовал в работе комиссии для приведения в известность положения и потребностей Приамурского края и Сахалина. Был членом СОИРГО, «Общества горных инженеров». В 1881 г. вышел в отставку. Был в дружеских отношениях со многими декабристами 626, 630, 636, 639, 640, 653, 687, 692, 696, 701, 706, 707, 709, 718, 726, 743

Дейхман Эльжбета (Лиза) Андреевна, дочь А. А. Дейхмана 668—670, 682, 687, 694, 696, 701, 704, 707, 709, 729, 734, 739

Дембицкий Лукаш (ок. 1782—?), дворянин Могилевского повета, сын Станислава, депутат Верховного суда; был арестован за контакты с деятелями Общества польского народа, заключен в Киевскую крепость. 2 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на поселение в Саратове без конфискации имущества 104, 166

Дембковский Яцек, сведения не обнаружены 499

Дементьев, офицер, начальник Почитанского этапа Томской губ. 329

Дешпинг Георг Бернард (1784—1853), французский историк 508

Джонсон Самуэль (1709—1784), выдающийся английский поэт, прозаик, лексикограф 281

Дзержек Адам (ок. 1806—?), сын Изидора. За связи с Обществом польского народа был арестован в 1838 г., заключен в Киевскую крепость. 18 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на поселение во Владимире без конфискации имущества, с обязательным поступлением на военную службу 175

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт и государственный деятель, министр юстиции (1810—1814), член Государственного совета 493

Добровольский Бонифаций (ок. 1810—1847), родом из Вольни, музыкант, играл в оркестре Петра Мошинского. Во время ноябрьского восстания сражался в корпусе генерала Юзефа Дверницкого. В 1832 г. направлен в Сибирский корпус, служил в 6-м сибирском линейном батальоне, а с 1836 г. — в 14-м сибирском батальоне, дослужился до звания унтер-офицера. В ссылке играл в военном оркестре, руководил иркутским полковым оркестром, талантливым инструменталист (скрипка, валторна, флейта), а также композитор. Похоронен в Иркутске 697, 699

Долива Стах, см. Стажинский Станислав 13, 15, 37, 146, 179, 182, 192, 198, 276, 366, 417, 424, 431, 436, 461, 465, 489, 490, 511, 519, 547, 548, 553, 576, 599, 605, 641, 645, 651, 668, 683, 703, 707, 716, 718, 727

Домбковский, «маленький Домбковский», сын К. Домбковского 502, 515

Домбковский Казимир (Казимеж), родом из Польского Королевства, за участие в восстании 1831 г. был отправлен в солдаты, женился на сибирячке 388, 389, 499, 502, 504, 505, 515

Домбровский, подолынин из Винницкого повята, приговоренный к военной службе, музыкант 302, 544

Дорожинский Кароль (ок. 1815—?), дворянин Литыньского повята, сын Чеслава. Обвинен на основании показаний А. Попеля в знании планов Ш. Конарского, в чем не признался. 26 янв. 1839 г. его освободили под надзор полиции. Имел брата Феликса, обвиненного в том же и также освобожденного под надзор полиции 130, 151, 152, 157, 175, 177—180

Дорожинский Феликс (ок. 1817—?), дворянин Литыньского повята, сын Чеслава. Обвинен на основании показаний А. Попеля в знании планов Ш. Конарского, в чем не признался. 26 янв. 1839 г. его освободили под надзор полиции. Имел брата Кароля, обвиненного в том же и также освобожденного под надзор полиции 130, 175, 180

Дружбацкий Кароль (1793—?), сын Иоахима, наследник имения Латавы в Каменецком повяте 582

Дубельт Леонтий Васильевич* (1792—1862), русский государственный деятель. Воспитывался в Горном корпусе. В 1807—1830 гг. служил в армии. Участник кампаний 1807 и 1812—1815 гг. Начальник штаба Отдельного корпуса жандармов с 1835 г., в 1839—1856 гг. — управляющий III Отделением. Ген.-

лейтенант (1844), ген. от кавалерии (1856) 672

Дубецкий Иосиф Петрович* (1797? — после 1857), обучался во Франции, одновременно служа в Егерском полку. Офицер с 1818 г. С 1819 до 1833 г.— служил на Кавказе, участник Русско-турецкой войны 1828—1829 гг., адъютант генерала П. Д. Горчакова, будущего ген.-губернатора Зап. Сибири (1836—1851). Затем на гражданской службе в Грузии и Вильне (виленский губернский прокурор). Председатель Томского губернского правления, коллежский сов. (1838—1842), тамбовский вице-губернатор (1845—1857), ст. сов. 323—325

Дубинский (Дубиньский), офицер, начальник Шарогульского этапа в Иркутской губ. 369, 370

Дьяконов (Дьяков), поручик, начальник воинской команды в Ачинске 335

Дюфрено Аделаиде-Жильберте (1766—1825), поэтесса, редактор французской библиотеки для женщин 438

Е

Евдоксия, дочь поселенца 337, 338

Еловицкий Эустахий (ок. 1805—?), сын Вацлава, маршалка подольского дворянства. За пересылку через контору И. Млодецкого денег своим братьям, Александру и Эдварду, находящимся в эмиграции, был заключен в Киевскую крепость и приговорен к поселению в Перми 102, 131, 175

Еремеев, офицер, начальник Сусловского этапа 331

Ермолаев, офицер на Орском этапе 315, 316

Ермолов, офицер 367

Ефимов Иван (Ян) Владимирович* (1820—1903), родился в Якутске, с 1828 г. жил в Тельме, где его отец служил казначеем Тельминской казенной фабрики. Окончил Иркутскую гимназию (1835). В 1837 г. выдержал экзамен на звание учителя уездного училища и был определен учителем Нижнеудинского училища по истории и географии. В 1841 г. переселился в Иркутск, где поступил на службу в канцелярию общего губернского управления и д. столоначальника. В 1847 г. назначен управляющим казенным Илгинским винокуренным заводом, в 1848—1853 гг.— управляющий Александровским винокуренным заводом. В 1853—1856 гг.— иркутский земский исправник. Автор воспоминаний о жизни декабристов в Восточной Сибири, со многими из которых был лично знаком 364, 365, 638

Ж

Жаба Антоний, сведения отсутствуют 389

Жевуцкий (Жевуский) Вацлав (1785—1831), называемый Эмиром, путешественник, востоковед, поэт; владелец Саварина, городка на Подолье; увековечил его Адам Мицкевич в «Фарисе» 339

Жельветер Хиероним, литовец, польский майор, сослан в Сибирь в 1834 г. по делу М. Волловича 294

Жена А. М. Муравьева, см. Муравьева Ж. А. 520, 551

Живецкий Титус, сведений не обнаружено 383

Жонжевская Юзефа (ок. 1815—?), дворянка из Луцкого повята, дочь Каэтана и Виктории. Принадлежала

к женской ячейке Общества польского народа, была посредницей в переписке Ш. Конарского. Арестована в авг. 1838 г., вину не признала; 10 марта 1839 г. приговорена к бессрочному поселению в Сибири без конфискации имущества. Наказание отбывала вместе с Эвой Фелиньской в Березове Тобольской губ., с 1840 г. — в Таре. В том же году получила согласие на брак с Игнацием Вакулинским, который прибыл в Тобольскую губ. как врач, чтобы отработать государственную стипендию. В конце 1841 г. получила разрешение на выезд в великорусские губернии, однако им не воспользовалась и переехала с мужем в Петропавловск, куда им удалось перевезти из Иркутской губ. ее брата Валериана Жонжевского. В 1852 г. получила разрешение вернуться на Вольнь, однако осталась на месте, где у мужа была обширная и доходная практика. В семье было три дочери, одна из которых умерла в янв. 1847 г. в возрасте года и четырех месяцев, другая, Ядвига, будущая жена Станислава Можицкого, ссыльного 185, 186, 259, 274, 323

Жонжевский Валериан (ок. 1806 или 1809—?), дворянин из Луцкого повята, арендатор имения Эвы Фелиньской, сын Каэтана и Виктории, брат Ю. Жонжевской. В 1831 г. сражался в корпусе генерала Юзефа Дверницкого на Вольни. С 1836 г. активный член Общества польского народа, был принят в организацию Ш. Конарским в доме Э. Фелиньской. Был арестован 22 авг. 1838 г., 10 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ, а затем бессрочное поселение в Сибири. На каторге сначала был в Тельминской суконной фабрике, а затем в Александровском и Нерчинских заводах. В 1843 г. освобожден от работ и переведен на поселение в

Успенскую вол. Нерчинского округа. В 1845 г. по просьбе сестры, Юзефы Жонжевской, по мужу Вакулинской, получил разрешение на переезд в Петропавловск Тобольской губ., где жили Вакулинские. Первоначально был направлен в деревню под Петропавловском; туда к нему приехала жена, Александра (урожд. Пшевлоцкая); в 1847 г. переехал с ней в Туринск, где получал государственное пособие. По амнистии 1856 г. получил разрешение на выезд из Сибири, но формальности затянулись, и он только в 1859 г. вернулся вместе с женой на Вольнь 215, 229, 259, 270, 379, 406, 545

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), русский поэт, переводчик, один из основоположников русского романтизма, тайн. сов. (1841). Действ. член Императорской Российской академии (1818), почетный член Императорской академии наук (1827—1841) и впоследствии ординарный академик (1841) по Отделению русского языка и словесности 406

Жулковский Ян, сведения не обнаружены 384, 387, 389, 434, 435

З

Забелло (имя неизвестно), политический ссыльный, родом из Литвы, прибыл в Иркутск в апр. 1840 г. 452

Заборовский Дионизий, родом из Балтского повята; был в 1831 г. в отделе Эдварда Еловицкого, попал в плен под Майданом; отправлен в солдаты в Сибирь 368, 369

Завиша Артур (1809—1833) — польский повстанческий деятель, участник ноябрьского восстания в Царстве Польском (1830—1831) 564, 592, 685

Заюнчковский (Заёнчковский) Павел Францевич*, занимал должность заседателя в нижеудинском земском суде в 1838 г., губ. секретарь. В прошлом — наполеоновский солдат, поручик. Участник ноябрьского восстания. По его словам, в Варшаве вместе с Вочехом Гжималой издавал «Белого Орла» и «Леха», где свои статьи подписывал «П.З.» или «XV»; сражался под командованием Тадеуша Вылежиньского, под Ченстоховой попал в плен (сведения о его бурной судьбе, рассказанные Ю. Сабиньским, нуждаются в проверке). Имел трех братьев: Лонгина, Каетана, имя третьего неизвестно 368–371, 377, 499

Закшевская, по утверждению Ю. Сабиньского, жена ген. Черкасова 510

Залеский Матеуш, отец Яна Залеского 425

Залеский Ян, сын Матеуша, товарищ Ю. Сабиньского из Замосця по ноябрьскому восстанию в 1831 г. 130, 138, 143, 144, 150, 152, 154, 175, 592

Залуский Василий (ок. 1770–?), дворянин с Подолья, участник ноябрьского восстания, приговоренный к поселению в Сибири. Находился в Тарском округе в Тобольской губ. Получил разрешение вернуться на родину по амнистии 1856 г. и в 1857 г. выехал в Каменец-Подольский 288

Замоткин, офицер, начальник Ташаринского этапа 316

Замоткина (урожд. Коссаковская), жена этапного офицера, полька из окрестностей Ломжи 316

Запольский, поляк, был выслан на поселение в Пермь, тремя годами ранее приезда туда Ю. Сабиньского в 1839 г. по пути в ссылку 240

Запольский Стефан, заключенный в Киевской крепости; возможно, идентичен с Яном Запольским, который фигурирует в «Списке ссыльных» Агатона Гиллера в качестве «ссыльного по делу Конарского в Россию. Освобожден в 1841 г.», отец Уляницкой 101–103, 109, 110, 115, 137, 147, 240, 370

Зверев Петр Матвеевич*, коллежский ассессор, смотритель Александровского винокуренного завода в 1836–1843 гг. Дети: сын Павел 410, 423, 439, 481, 502, 563, 580–583, 591, 599, 610, 614, 642, 667, 668, 688, 715

Зверева Глафира Емельяновна, жена П. М. Зверева 440, 472, 473, 554, 563, 614, 642, 667, 668

Здзитовецкий Матеуш, подолянин, приехал на службу в Сибирь из канцелярии польского казначейства 346

Здоренко, офицер (подпоручик), начальник этапа, следующего за Балаклайским 283–286, 289, 290, 292, 293, 295, 297, 356

Зелинская Роксолана (ок. 1810 или 1821–?), дочь Франчишка; жила с матерью в Ямпольском повяте на Подолье; была заключена в Киевскую крепость по подозрениям в связях с женской ячейкой Общества польского народа на основании показаний Э. Фелиньской и Ф. Михальского. Конарский также подтвердил, что видел ее в Вербке. Она настаивала, что была там довольно часто после смерти отца, так как Фридрих Михальский стал ее опекуном; отрицала, что знала о тайном обществе. 22 февр. была приговорена к 5 годам заключения в православном монастыре, однако, «принимая во внимание юный возраст», ее отпустили под надзор полиции 186, 698

Зелиньские, сведения не обнаружены 343

Зелиньский Юлиан (ок. 1800—?), ксендз, олицкий каноник и настоятель в Колках Луцкого повета; член Общества польского народа, был заключен в Киевскую крепость, приговорен к каторге, а с 1853 г. — к дальнейшему поселению в Сибири; на жизнь зарабатывал ручным трудом, приготовлением обедов для товарищей и учительством; был помилован по амнистии 1856 г.; с 1864 г. — викарий в одном из приходов Киевской губ. 154, 240, 241, 247, 251, 252, 270, 380, 411, 423, 545

Зимановский, начальник Суховского этапа в Иркутской губ. 380, 381

Змиевский, сведения отсутствуют 34, 720, 721, 728

Знаменский*, автор ошибается, титулярный сов. Илья Яковлевич Знаменский являлся не областным начальником, а окружным судьей 305

Золли (Цолли) Алексей Федорович*, лесничий Усольского солеваренного завода 400, 403, 406, 410, 412, 418, 425, 427, 428, 430, 494, 568

Зорницкий, врач в Перми 242

И

Ивановский Феодул Алексеевич*, красноярский губ. прокурор в 1837—1840 гг., надворный сов. С его семьей в дружеских отношениях состоял поселенный в Красноярске декабрист В. Л. Давыдов 340

Ивинский (Ивинский) Александр, гражданский чиновник в Иркутске 383, 384

Идалия, сводная сестра Ю. Сабиньского, см. Стажинская Идалия

Ильницкий Винцент (ок. 1806—?), дворянин Кременецкого повета, сын Антония, член Общества польского народа. Был арестован в 1838 г. 20 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на поселение в Курске без конфискации имущества 103

К

К***, женщина, вдова чиновника, знакомая Мевусов 696

Казанцев, офицер, начальник Ключинского этапа в Енисейской губ. 355, 356, 437

Казанцев, подполковник 437

Калишевский, поляк из Польского Королевства, солдат в Каинске 306

Камаев, офицер, начальник Знаменского этапа 291

Канкрин Егор Францевич (1774—1845), гр., ген. от инфантерии, министр финансов России в 1823—1844 гг. 489

Караваев, сосланный офицер, других сведений не имеется 676, 703

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), выдающийся российский историк, литератор эпохи сентиментализма, критик, публицист, редактор 679

Кардашевский, заключенный в Киевской крепости, освобожден в янв. 1839 г., информации о причинах ареста не обнаружено 177

Карпиньский Корнелий, из Брацлавицкого повета на Подолье, участник ноябрьского восстания, взятый в плен под Майданом; служил солдатом в Сибири 20, 326, 513

Касимский (Косимский), подполковник, начальник жандармов в Перми 246, 247, 250

Катов, сержант, смотритель за тюремными охранниками в Киевской крепости 159

Каченко, офицер, начальник Копиевского этапа, родом из Херсонской губ. 295

Кашевский Павел (ок. 1811—?), родом с Подолья, студент Московского университета, член кружка Николая Сунгурова, был им выдан за намерение присоединиться с друзьями к ноябрьскому восстанию. Отправлен в Оренбургский корпус. С 1834 г. служил в 13-м Оренбургском линейном батальоне. Переведен в Восточную Сибирь, в 1848 г. находился в Иркутске, где пел в костельном хоре. Позднее был отослан в Бирюсинский этапный отдел 388

Квятковский, адвокат из Житомира, знакомый Фридриха Михальского 361

Киреев, офицер (поручик), начальник Верхаевского этапа 288

Киреева, жена, офицера Киреева (урожд. Чечель), родом с Волыни 288—291

Кириин, офицер, начальник Вознесенского этапа 299, 301

Кисель Мауриций (1793—1872), дворянин из Влодзимежского повята, сын Юзефа. Польский офицер, сражался в армии Варшавского княжества, был награжден Золотым крестом. Во время ноябрьского восстания находился в корпусе Юзефа Дверницкого. Был арестован и приговорен к 6 месяцам заключения в крепости, затем вернулся на Волынь. За участие в Обществе польского народа (взял себе псевдоним «Араб») был арестован в 1838 г; 23 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторж-

ных работ; был на каторге сначала на Тельминской суконной фабрике, а с 1840 г. — на руднике Зерентуя за Байкалом. С нояб. 1843 г. находился на поселении в Жилкинской вол. Иркутского округа. В 1852 г. его перевели в Вятку. На основании Коронационного манифеста 1856 г. он вернулся в Киев. Умер в Варшаве 269, 284, 295, 323, 324, 381, 435, 488

Китновский (Китносский), поляк с Подолья, прибыл на гражданскую службу в Красноярск, где женился и стал ассессором земского суда 340, 349

Ключевский, офицер, начальник Викуловского этапа 285, 286

Кноль Франчишек (1805 — после 1883), родился в Гродзиске в Познаньском воеводстве, участник ноябрьского восстания, попал в плен, сбежал из тюрьмы, был вновь схвачен. Направлен в Сибирский корпус, находился в Омске. Был арестован в 1833 г. в связи с так называемым омским делом, приговорен к трем тысячам ударов палками, а затем к 15 годам каторжных работ на Нерчинской каторге. Эзекуцию в Омске, которая состоялась 2/14 марта 1837 г., он, как единственный ее участник, описал в дневнике. До Иркутска добрался 5 дек. 1837 г. Наказание формально отбывал в руднике Кличка около Нерчинска, а фактически учил детей коменданта этого рудника. Позднее жил во многих местах Забайкалья, занимаясь то торговлей, то гончарным ремеслом, обучением детей. Был переведен на поселение в 1850 г. Женился на казачке Елене Зиминой, имел детей. Как поселенец получил 15 десятин земли, которую сдавал в аренду, сам же занимался торговлей и фельдшерством. Позднее переехал в Иркутск, где давал

уроки немецкого языка. В 1855 г. его жена умерла. Он вернулся с детьми в родной Гродзиск в 1859 г. 639

Ковалевский, с Волини, из монастыря бонифратеров в Луцке, направленный в солдаты за участие в ноябрьском восстании в Томскую губ. 334

Ковальский, из Польского Королевства, за участие в ноябрьском восстании отдан в солдаты, служил в Красноярске, где давал лекции французского языка 346

Кожуховский, из обрусевших поляков, офицер, начальник Кускунского этапа в Енисейской губ. 349

Козакевич Станислав Ян (1802—1848), дворянин из Дисненского повета Минской губ., выпускник Виленского университета, юрист, сын Игнация и Марианны. Член Общества филوماتов и филаретов, смог избежать ссылки; в 1831 г. действовал как эмиссар в Литве и на Волини. В 1832 г. был реабилитирован, стал губ. секретарем и известным вильнюсским адвокатом; женат на Констанции Дмоховской, имел двоих детей. С 1834 г. был одним из основателей тайного Литовского комитета, в 1836 г. вошел в Земское собрание Общества польского народа. Был арестован в 1838 г., 8 февр. 1839 г. приговорен к каторжным работам, замененным на поселение в Сибири с лишением сословных прав. В 1844 г. получил разрешение на работу на золотом прииске в алтайских горах, с 1845 г. служил в канцелярии губернатора в Томске. Умер и похоронен в Томске 298, 592

Козачковский Андрей Осипович* (1812—1889), врач, окончил Петербургскую медико-хирургическую академию в авг. 1835 г. со званием

лекарь первого класса. После окончания академии был зачислен в 27-й флотский экипаж, плавал на бриге «Филокетет», кораблях «Березино», «Бриен». Позднее был уездным врачом в Курске, а с янв. 1844 г. стал лекарем в родном Переяславле 232

Козлов, чиновник в Усолье, подчиненный А. П. Мевюса, позднее жил в Иркутске 403, 404, 406, 447, 449, 469, 473, 482, 483, 588, 664

Козловский, уроженец Подолья, участвовал в ноябрьском восстании вместе с Юлиушем Корсаком; был сослан в Томскую губ. солдатом 334

Козловский Корнелий, родом из Черниговской губ., офицер, начальник Овчинниковского этапа 312, 313

Кокольников, надзиратель в тюрьме в Москве в 1839 г. 228

Коморовская Элеонора (ок. 1787—?), дочь Яна, девица; активная участница женской ячейки Общества польского народа 120, 186

Конарский Шимон (1808—1839), дворянин из Кальварийского повета, сын Ежи Станислава и Паулины Вишневской, кальвинист, участник ноябрьского восстания, похода Заливского и неудачного похода Маззинни в Сабандию. Активный деятель эмиграции, действовал в Молодой Польше, вместе с Яном Чинским редактировал радикальный журнал «Север». Летом 1835 г. как эмиссар выехал в Галицию, был одним из организаторов Общества польского народа. В этом же году попал на Волинь, а затем в Вильно, где создал заговорщическую организацию; пользовался псевдонимами и фальшивыми фамилиями (Рембек, Немрава, Януш Дунин, Винценты Лоевский, Лукаш Чуланчик, а также фамилией Игнация Родзевича). Был арестован

в мае 1838 г. и посажен в Базилианскую тюрьму в Вильно; после 9 месяцев следствия был приговорен к смертной казни. Из тюрьмы его пробовали освободить русские офицеры, которые несли там стражу (в том числе Аглай Кузьмин-Караваев), однако напрасно — были арестованы и высланы в Сибирь. Был расстрелян в Вильно 17, 30, 72, 107, 108, 114, 117, 127, 130, 135, 153, 160, 161, 164, 178, 195, 415

Конищев, офицер, начальник Итатского этапа 332

Конищева, жена начальника одного из этапов, немка родом из Вроцлава 332

Коптевский, офицер, начальник Уковского этапа в Иркутской губ. 362, 363

Копылов Василий Иванович* (?—1845), председатель уголовной палаты в Вятке в 1831—1832 гг., председатель Тобольского губернского правления в 1833—1835 гг. С 5 мая 1835 по 23 июня 1835 г. — губернатор Тобольской губ., затем губернатор Енисейской губ. Действ. ст. сов. В 1845 г. был отстранен от должности 342, 346, 348, 352, 556, 558, 561—563, 570, 586, 594

Корсак Раймунд (1768—1817), поэт, его воспитанником в имении Бабчице на Подолье был Ю. Сабиньский. Собранные Ю. Сабиньским два тома его «Всех произведений», отредактированные Александром Батовским, сохранившиеся в рукописном варианте, так и не дождалось издания 9, 13, 14, 18—20, 23, 36, 47, 53, 146, 189, 338, 660, 678

Корсак Юлиуш (1802 — после 1845), сын Раймунда Корсака, родом из Бабчинца в Ямпольском повяте; организатор ноябрьского восстания в

этом повяте; в корпусе генерала Бенедикта Кольшки был командиром эскадрона. В эмиграции член Польского демократического общества, позднее приверженец князя Адама Ежи Чарторыжского 334

Коссаковский Валериан (ок. 1805 или 1812 — ок. 1878), дворянин с Волины, сын Станислава и Бригиды, выпускник Виленского университета, чиновник в канцелярии предводителя дворянства Ковельского повята, землевладелец, член Общества польского народа, секретарь в этом же повяте. Был арестован по показаниям Игнация Родзевича 14 февр. 1839 г.; приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Нерчинских заводах; на поселении с 1843 г. в Жилкинской вол. Иркутского округа, занимался охотой и сельским хозяйством, долгое время жил с Л. Немировским. По просьбе матери в 1851 г. получил разрешение переехать в Тамбов под полицейский надзор, а в 1856 г. — разрешение вернуться на родину. Поселился в своем имении в Ковельском повяте. Умер в Вене 175, 270, 379, 383, 406, 455, 542, 545, 548, 605, 653, 713

Костюшко Тадеуш (1746—1817), генерал 9, 377

Котляжевский, офицер, переведенный из Сибири на службу на Подолье 470

Коялович Казимеж (ок. 1617—1674), переводчик Тацита: «Хроник со смерти Цезаря Августа» (Варшава, 1803) 344, 431

Краевский Александр (1819—1903), сын Матеуша. Учился в Варшавском лицее, а затем в Ягеллонском университете. С 1834 г. стажер, а затем сотрудник канцелярии в почтовой дирекции. Член варшавского филиала

ла Общества польского народа, так называемых свентокшищцев. Был арестован в мае 1838 г., содержался в Варшавской крепости. Был предан военному суду и в мае 1839 г. приговорен к 5 годам тяжких работ. Сослан на Нерчинскую каторгу. 27 июня 1840 г. переведен на поселение. Жил за Байкалом, в основном в Нерчинском заводе, за счет частных уроков. Много времени посвящал самообразованию (учил языки), переводам (в том числе «Фауста» Гете). Вернулся на родину в 1857 г. Был в Варшаве референтом Сельскохозяйственного общества. Занимался литературной работой. Много публиковался (в том числе издал «Букварь для деревенских мальчиков» — Варшава, 1859), 6 изданий до 1869 г. В период перед восстанием был связан с тайной «Стражей»; в начале 1862 г. его сослали в Тамбов, откуда он вернулся через четыре месяца. После возвращения был постоянным сотрудником «Польской газеты». С 1880 г. чиновник в управлении Варшавско-Венской железной дороги. Умер в Варшаве 592, 627

Красавин Алексей Алексеевич*, коллежский секретарь, сын А. Ф. Красавина 433, 436

Красавин Алексей Федорович* (1775—1843), участник войны 1812 г. и заграничного похода 1813—1815 гг., ген.-майор, иркутский комендант в 1836—1843 гг. Умер и похоронен в Иркутске 544, 563

Красицкий Валентин, из бывших политических ссыльных 604

Красицкий Игнацы* (1735—1801), польский поэт, драматург и публицист эпохи Просвещения; деятель католической церкви в Польше, гнезненский архиепископ 47, 53, 532, 629

Красуские (Красуцкие), бр., см. Красуский Виталис и Клеменс

Красуский Виталис, сведений не имеется 102, 175, 204

Красуский (Красуцкий, Красовский) Клеменс (ок. 1815—?), дворянин Могилевского повета, сын Пия; был арестован вместе с братом Виталисом по обвинению в контактах с заговорщиками из Общества польского народа; освобожден из-за отсутствия доказательств его вины 102, 130, 175, 204

Крашевский Юзеф Игнаций (1812—1887), писатель и публицист (псевдоним «Болеславита»), его книги, названные Ю. Сабиньским: «Всю жизнь бедная. Исторические и нравственные зарисовки. Первая повесть» (Вильно, 1840); «Поэт и мир. Исторические и нравственные зарисовки. Седьмая повесть» (Т. 1—2. Вильно, 1841); «Воспоминания о Полесье, Вольни и Литве» (Т. 1—2. Вильно, 1840); «Мастер Твардовский. Повесть из гминных преданий. Исторические и нравственные зарисовки. Вторая повесть» (Вильно, 1840); «История о бледной девушке изпод Острой Браны. Исторические и нравственные зарисовки. Четвертая повесть» (Вильно, 1841); «Витолёрауда» (Вильно, 1840); «Миндовс» (Вильно, 1843) 48, 721

Креховецки (Креховский) Ян (1805—1885), сын Франтишка Ксаверия, хуманьского подкомория, и Марии (урожд. Велобыцкой). Будучи студентом университета в Вильно, он связался с филаретами; участник ноябрьского восстания. Состоял в Обществе польского народа, хотя и был главным антагонистом Ш. Конарского. Арестован в нояб. 1838 г. и заключен в Киевскую крепость. 21 февр. 1839 г. приговорен к смерт-

ной казни, замененной на поселение без конфискации имущества в Воронеж; вернулся в 1843 г. и занял должность архивариуса у Сагушков в Славуте; с 1865 г. жил во Львове, работая на фабрике Оссолинских. Автор исторических работ 120, 140, 175

Кржижановский (Кшижановский), из Балтского повета на Подолье, участник ноябрьского восстания, был взят в плен под Дашовым; служил солдатом на этапе в Сибири 328

Кропиньский Людвик* (1767–1844), принимал участие в восстании Т. Костюшко (1794) и в походах Наполеона, в период Варшавского княжества был бригадным генералом (1812) и инспектором училищ в Вольни. Принадлежал к так называемому пулавскому кружку, сосредоточившемуся в Пулавах при дворе кн. Адама Чарторыйского. Драматург, писатель 187, 189, 192

Кросновский Винсен, сведения не обнаружены 29, 547

Кудревич, врач в Радомысле 66

Кузьма, уголовный ссыльный, любовник Минодоры (см.) 320

Куляев, чиновник в Усолье 405, 412, 418, 425, 427, 479–482, 492, 568

Купер Джеймс Фенимор (1789–1851), американский писатель, классик приключенческого жанра в литературе; автор в т. ч. «Следопыт, или на берегах Онтарио» (Париж, 1840) 718

Курбатов Василий Васильевич*, экзекутор Губернского правления, титулярный сов. 699, 704

Курута Иван Эмануилович* (1780–1853), грек, родился в Константинополе. В 1825–1826 гг. — орловский

вице-губернатор, в 1827–1832 и в 1836–1842 гг. — владимирский гражданский губернатор. С 1840 г. — тайный сов., с 1842 г. — сенатор 229

Куцкевич, сведений не обнаружено 591

Кшемовский, сведений не обнаружено 364

Кшицкий (ошибочное написание Ю. Сабиньским фамилии Кшвицкий) **Хиполит** (1818–1841), из деревни Скарышов Радомской обл., сын Феликса и Марии (урожд. Рошкевич). В 1836 г. окончил гимназию в Лешно (в Варшаве), стал стажером Суда исправительной полиции Варшавской обл. Был принят в варшавский филиал Общества польского народа (псевдоним «Длугош»). Арестован одним из первых в связи с попыткой предупредить варшавских евреев о грозящих им арестах за контакты с эмиссарами. Был предан военному суду, сослан в Сибирь без утраты сословных прав. В ссылке в Забайкалье умер от туберкулеза, не дождавшись амнистии по случаю свадьбы царевича Александра в 1841 г., которая давала ему «полное прощение» 504, 518

Л

Лалетин, офицер, начальник Красноречинского этапа 334

Ламенне, Фелисите де (1782–1854), католический священник, французский публицист, богослов, создатель христианского социализма; автор «Paroles d'un croyant» и «Le Livre du peuple»; популярен среди польских эмигрантов, читался в польских заговорческих кружках; умер в нищете и забвении 617, 641

Ла Мотт-Фуке, Фридрих де (1777–1843), немецкий писатель-романист

(из гугенотской семьи, осевшей в Германии), автор рыцарских повестей, драм и сказок («Ундина», 1811) 406

Ланг Александр, предводитель дворянства Пюскировского повета, знакомый Сабиньских 452

Ланг (Ланжина) Анна из Холенищей, скорее всего, жена Александра Ланга, знакомая Ю. Сабиньского 547, 581

Лангсдорф Иоганн Вильгельм (1745–1827), ученый, автор «Ausfuehrliche Abhadlung von Anlegung, Verbesserung und zweckmassiger Verwaltung der Saltzwerke» (1781). Ю. Сабиньский переводил другое произведение этого автора 512, 513, 611, 612, 625, 626, 638

Ланжина Юлия (после замужества Модеровская), подруга Пелагии Сабиньской, жена знакомого Ю. Сабиньского 490, 581, 655, 716, 725

Лашкевич, начальник земской полиции в Збжизе 62

Левинский (Левинский), уроженец Подолья, повстанец 1831 г., из Жевуского эскадрона, взятый в плен под Дашовом, служил этапным писарем 302, 442, 467, 745

Левинский Юлиан, родом из Вольни, каторжник в Усолье 425, 583, 596, 660

Левицкая, жена чиновника из Омска, приговоренного к поселению за подделку документов, вместе с тремя детьми сопровождала его в ссылку 304, 306

Левицкий, бывший чиновник из Омска, приговоренный к поселению 272, 283, 307

Лелевель Иоахим (1786–1861), историк, нумизмат, профессор уни-

верситетов в Вильно и Варшаве, член Народного правительства и председатель Патриотического общества в 1831 г., демократ, деятель эмиграции. Автор труда «Древняя история. От начала исторических времен до второй половины шестого века христианской эры» (Вильно, 1818) 30, 37, 557

Лепехин, внук ссыльного, держал маленькую лавку в деревне Лепехино в Тобольской губ., названной так по фамилии его деда 279

Лепковский Леонард (1808–1838), воспитанник Кременецкого лицея, помещик на Вольни, заговорщик, связанный с Обществом польского народа, был арестован в сент. 1838 г., заключен в Киевскую крепость, где умер 15 окт. того же года 83

Лесевич Иоахим (1793–1852), землевладелец, дворянин, сын Юзефа и Текли Дунин-Козицких; участник ноябрьского восстания, принимал участие в обороне Замосця; находился под полицейским надзором. В 1835 г. связался с Филодемическим обществом, принимал участие в совете о присоединении к Обществу польского народа. Арестован в 1838 г., заключен в Киев; 5 марта 1839 г. приговорен к 15 годам каторжных работ на заводах; наказание отбывал в Александровском винокуренном заводе под Иркутском; с 1840 г. находился на поселении; неофициально жил в Иркутске, куда к нему приехала жена Людвика. Их дом был центром жизни ссыльных. Умер в Воронеже, куда ему разрешили переехать. Дети: сын Александр и дочь Зофья. Автор обширных дневников, до сих пор не найденных 24–26, 30, 33, 66, 71, 76, 107, 108, 116, 117, 162–164, 166, 195, 224, 235, 237, 238, 241, 254, 261, 262, 269, 271, 272, 277, 279, 284, 304, 323, 336–338, 350, 358, 382, 411,

412, 423, 434, 439, 447, 479, 481, 488, 490, 508, 513, 516, 518, 528, 530, 550, 552, 579, 593, 607, 624, 630, 641, 658, 662, 663, 679, 697, 703, 737

Лесневич Людвика (урожд. Глинек), жена Иоахима Лесневича 94, 102, 166–169, 194, 323, 504, 636, 662, 663, 672, 673, 675, 707, 708, 713, 719, 721, 736, 742

Лессинг Готтхольд (1729–1781), немецкий писатель эпохи Просвещения 677

Летков Федор, старый крестьянин, сосланный в Сибирь при Павле I, скопец 349

Лёлий, средний сын полицмейстера Усольского завода А.Л.Феденева 414, 447, 460, 500, 565

Либераски Завиши, сведений не обнаружено 592

Липинский, солдат из поляков в составе конвоя при этапировании заключенных 273–275, 278, 281, 282

Литта Джулио (Юлий Помпеевич) (1763–1839), выходец из Италии, государственный деятель, выдвинулся при Павле I, обер-камергер, первый шеф Кавалергардского полка. Был женат на вдове П. В. Скавронского, Екатерине Васильевне (урожд. Энгельгардт, 1761–1829), племяннице кн. Г. А. Потемкина. Вместе со своим братом, кардиналом и панским нунцием Лаврентием Литта, относился к ключевым фигурам в сфере католической деятельности в Российской империи. Пожертвовал на сооружение в Иркутске костела 10 тыс. рублей 311, 383

Лонткевич Антоний, поляк с Подолья из Хайсинского повята, солдат в Каинске 306

Лунин Михаил Сергеевич* (1787–1845), декабрист, член Союза спа-

сения, затем Союза благоденствия и Северного общества, осужден по II разряду на 15 лет каторжных работ. В 1826–1827 гг. сидел в Свеаборгской крепости. В 1828 г. отправлен на каторжные работы в Петровский Завод. После каторги, сокращенной до 10 лет, отправлен на поселение в с. Урик, около Иркутска. С 1836 г. Лунин стал писать сестре Е. С. Уваровой письма, предназначенные для распространения и носящие характер блестящих публицистических статей на актуальные политические темы. Был лишен права переписки на год. В 1839 г. письма возобновились. В 1841 г. Лунин был арестован и отправлен в Акатуйскую тюрьму при Нерчинских горных заводах. Здесь он скоропостижно скончался при загадочных обстоятельствах 51, 388, 532–534, 550–552, 570–573, 575, 579, 582, 583, 593, 664, 708

Люцене, сосланный бывший офицер, других сведений не имеется 676, 703

М

Макиавелли Никколо (1469–1527), итальянский государственный деятель и историк 593, 625, 626

Маковский, уроженец Волыни, сосланный в Сибирь, вместе с сестрой и ее мужем Домбровским жил в д. Турумовой 302, 303

Малеева (Малаева) Авдотья Андреевна, жена чиновника, мать Надежды (Наденьки) Малеевой (в замужестве Бульчевой) 669

Малеева (Малаева) Надежда Александровна, дочь чиновника А. Малеева и А. А. Малеевой, с 1846 г. жена И. Д. Бульчева; ученица Ю. Сабиньского в Усолье 429, 442, 443, 491, 497, 499, 537, 540, 556, 572, 607, 611,

614, 623, 625, 632, 639, 640, 668–670, 672, 673

Мамроцкий Элиаш, уроженец Подолья, участник восстания 1831 г. в Липовецком, этапный солдат 362, 363

Манков, офицер, начальник Худоеванского этапа в Иркутской губ. 365

Маренец (Маренич), смотритель городских и этапных арестантов в Таре, родом из Чернигова 292

Маринченко (Марынченко), родом из Черкасского повята Киевской губ., из крестьян из имения гр. Литта, офицер, начальник одного из этапов 311

Мария Гессен (Хессен) Дармштадт*, имп. Мария Александровна (1824–1880), жена имп. Александра II 472, 487, 521, 575

Марковский, из Плоскирова на Подолье, из дворян, сосланный в Сибирь в 1831 г.; жил в д. Халдеевке, занимался пчеловодством; Ю. Сабинский встретил его по пути в ссылку 326

Мартин (Мартен) Доминик Виктор (р. ок. 1806), француз, обучался в Кременецком лицее, затем был частным учителем в домах богатых людей. Член Общества польского народа, куда был принят К. Машковским. Арестован в 1838 г., сидел в тюрьме в Киеве, 10 февр. 1839 г. был приговорен к смертной казни, замененной на поступление в Сибирский корпус. Служил в 5-м Сибирском линейном батальоне, затем переведен в Кавказский корпус 192, 270

Мартынов Осип, черкес, сосланный в Усолье 414

Мархоцкий Кароль (1794–1881), гр., землевладелец из Ушицкого по-

вята, сын Ежи Игнация (1755–1827), известного подольского оригинала, с которым он находился в остром конфликте, и Эвы Рuffи (ум. 1810); масон; подозревался в контактах с декабристами, в связи с чем был вывезен в Курск, а затем в Пермь, откуда он вернулся на Подолье; в 1832 г. снова попал под подозрение в связи с намерением убежать за кордон и был отдан под тайный надзор полиции. Член Общества польского народа, был арестован в 1838 г., сидел в тюрьме в Киеве, в 1839 г. приговорен к поселению в Тобольск с конфискацией имущества. Там у него остановились ехавшие на поселение Эва Фелинская и Юзефа Жонжевская. В ссылке снискал себе известность как прекрасный пианист. Затем ему разрешили уехать в Одессу; он женился на девице Рогульской, которая родила ему нескольких сыновей. Умер в Одессе, тело было перевезено в родные Маньковцы 15, 17, 20, 71, 88, 92, 101, 102, 104, 108, 117, 118, 166, 175, 256, 260, 264, 273–275, 278, 280, 281, 288, 323, 325, 345, 346, 360, 431, 505, 507, 550, 599, 637, 654, 693, 733, 738, 745

Мастальский, поляк из Польского Королевства, солдат в Каинске 306

Матковский Матеуш, родом из Видел Яргуских в Ямпольском повяте, бывший офицер Российской армии, родственник, дядя Фортуната Тарковского; знакомый Ю. Сабинского со времен его жизни у Раймунда Корсака 338

Мацкевич Феофил (Геофил) Мартинович*, врач Иркутского солеваренного завода 557–559, 561, 565, 572, 575–580, 583, 584, 587, 588, 592–594, 597, 600, 604, 606–608, 619, 621, 622, 627, 628, 632, 634, 636, 638, 639, 646, 647, 649, 650, 652–655, 657–659, 661, 671, 673, 675–677,

679, 682, 688–692, 694, 697, 698, 700, 702, 705, 707, 709–711, 716, 718, 719, 721, 722, 727, 728, 732, 733, 735, 738, 740, 742, 744

Мачеёвский (Мачеевский) Александр, родом из Виленской губ., поселенец в Канском округе 352

Машкевич Александр, дядя Пелагии Сабиньской, жены Ю. Сабиньского, брат ее матери Катажины Даровской (урожд. Машкевич); занимался делами Ю. Сабиньского во время его нахождения в тюрьме в Киеве и позднее 67, 80, 82, 85, 92, 129, 158, 179–181, 451, 457, 646

Машковский Каспер (Кацпер Мельхиор Бальтазар) (1806–1884), дворянин, выпускник Кременецкого лицея, сын Миколая, земского судьи Староконстантиновского повята (ум. 1837), и Юзефы (урожд. Гжицких); участник ноябрьского восстания. Инициатор основания вместе с Леопольдом Лепковским в родной Богдановке Филodemического общества под девизом «Вера — Надежда — Любовь». В 1836 г. познакомился с Ш. Конарским, выступал за объединение с Обществом польского народа, активным членом которого он был, взял псевдоним «Бурка»; весной 1838 г. категорически требовал возвращения Конарского обратно в эмиграцию из опасения перед его радикализмом и разоблачением. Был арестован в 1838 г., сначала находился в тюрьме в Вильно, затем в Киеве, поддался на провокацию и записал действия заговорщиков, якобы для отправки за границу; рукопись конфисковали по поручению Н. Э. Писарева (была опубликована в 1909 г. в журнале «Русский архив» в переводе на русский язык; польский оригинал до сих пор не найден); в переданных Вильгельму Михальскому записках уверял, что никого не выдал, также

назвал фамилию главного информатора Яна Креховского. Был признан закоренелым преступником и попал под специальный надзор. Его приговорили к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ в рудниках. Во время «церемонии» гражданской казни, будучи готовым к смерти, он проглотил сторублевую купюру, чтобы она не попала в руки палачам. Значительную часть пути до места назначения прошел пешком по этапам. Наказание отбывал за Байкалом на Нерчинской каторге, где его дом стал одним из центров польской жизни. В 1858 г. ему было разрешено вернуться на родину. Переехал в Житомир, с 1859 г. жил у своей родственницы Саломеи Раковской, известной по деятельности в Комитете опеки над ссыльными. Жена Каролина (урожд. Грабовских), с которой фактически не жил, получила развод и вышла за своего адвоката Вышомирского, приняв православие 21, 22, 26, 28, 33, 120, 136, 162, 186, 253, 254, 261, 264, 269, 279, 284, 285, 299, 304, 308, 313, 319, 324, 354, 358, 365, 370, 378, 382, 388, 545, 588, 683, 708, 710, 713

Мевиус Александра Андреевна, дочь Андрея Павловича и Александры Федоровны Мевиус, жена В. Полторанова 411, 432, 441, 467, 509, 540, 574, 616, 619, 634, 662, 664, 665, 677, 680, 694, 699, 741, 742

Мевиус Александра Федоровна*, жена Андрея Павловича Мевиуса, дочь купца. У супругов Мевиусов были дети: Павел, Елизавета, Александра, Елена 400–402, 404, 408, 409, 411, 419, 429, 430, 441, 467, 607, 613, 615, 626, 632, 662, 671, 687, 691, 731

Мевиус Андрей Павлович* (1789 (1790)–1851), сын лютеранского пастора. Окончил Горный кадетский

корпус в 1809 г., служил на Алтае — пристав Барнаульского завода (1817), управляющий Сузунским медеплавильным заводом и монетным двором в 1821—1823 гг., а с 1824 г. командовал рудниками и заводами Салаирского края. В 1833 г. успешно занимался отысканием золотоносных россыпей на Алтае. Затем — управитель Сибирскими солеваренными заводами (Иркутский, Троицкий и Селенгинский) с 1836 по 1843 г., майор Корпуса горных инженеров (1839), подполковник (1841), полковник в отставке (1843). Проживал в Усолье. Похоронен в Иркутске. На егоestre был женат Александр Андреевич Дейхман, отец Константина и Оскара Дейхманов 33, 380, 385, 390, 391, 397, 400, 401, 403—405, 407—411, 413, 414, 416—418, 422, 423, 430, 438, 439, 444, 456, 458, 465, 467, 469, 471, 473, 483, 485, 489, 493—496, 498, 500, 504, 514, 516, 525, 526, 537, 549, 556, 559, 562—564, 566—568, 572, 576, 584, 587, 591, 599, 600, 604, 608, 611, 612, 615, 625, 628, 634, 640, 643, 646, 649, 656, 664, 665, 668—670, 673, 674, 677, 679—681, 687, 690, 691, 695, 696, 710, 715, 723, 731, 737—739, 742

Мевиус Елена Андреевна (1841—?), самая младшая дочь Андрея Павловича и Александры Федоровны Мевиус 411, 432, 467, 536, 699

Мевиус Елизавета Андреевна, дочь Андрея Павловича и Александры Федоровны Мевиус, жена Константина Александровича Дейхмана 411, 432, 467, 548, 556, 601, 625, 634, 657, 672, 681, 692, 696, 710, 729, 746

Мевиус Павел Андреевич, сын Андрея Павловича и Александры Федоровны Мевиус, состоял на военной службе 428, 431—435, 437, 460, 467, 475, 482, 486, 499, 504, 505, 508, 509, 560, 561, 587, 601, 698, 701, 733

Мельницкий Иван Алексеевич*, горноначальник в Каинске, губ. секретарь 305

Меринг (Мёринг), тюремный врач в Киевской крепости 91, 93—95, 98—101, 103, 109—111, 114, 115, 119, 122—124, 129—135, 137—152, 156—158, 165, 166, 168, 176—182, 191, 193, 198, 202, 210, 241

Меркулов, квартальный в Каинске 306

Мигурская Альбина (ошибочно Сабина, урожд. Вишнёвская), жена Винцента, с которой он познакомился в 1834 г. как эмиссар, когда укрывался у ее родителей; при известии об аресте и приговоре возлюбленного она решила поехать за ним на оренбургскую линию; 24 июня 1837 г. их обвенчал ссыльный Михал Зелёнка, отец Кандид, в Уральске. Вместе со служанкой Магдусей Закшевской она организовала побег Винцента. После того как их тайна оказалась раскрытой, она не захотела одна возвращаться домой, осталась верной мужу и отправилась за ним в Нерчинск, где умерла 3/15 июня 1844 г., оставив сиротой сына Конрада 713, 714

Мигурский Винценты (1810—1862), из дворян, сын Валентия, арендатора, и Катажины (урожд. Марчевская). Принимал участие в ноябрьском восстании, был эмигрантом во Франции, участником похода Юзефа Заливского в 1833 г.; в 1835 г. пересек границу Польского Королевства как эмиссар Антоний Вишнёвский, был арестован и помещен в Варшавскую крепость, в начале 1836 г. был приговорен к вступлению в Оренбургский корпус. В 1837 г. женился на прибывшей к нему невесте, Альбине. В 1839 г. имитировал самоубийство, предприняв в 1840 г.

громкую попытку убежать из Сибири, спрятавшись в потайном ящике в повозке, в котором Альбина везла на родину умерших детей в сопровождении своей верной служанки. Был пойман и выслан на службу в сибирские батальоны, служил в Нерчинске, где в 1844 г. умерла Альбина. В 1857 г. получил звание прапорщика и увольнение со службы. Вернулся на родину в 1859 г., поселился в Люблине, в 1862 г. выехал в Вильно, где и умер. Автор «Дневников из Сибири», которые послужили сюжетом для нескольких литературных произведений, в том числе рассказа Льва Толстого «За что?» 713, 714

Мигурский Северин (ок. 1807–?), владеец деревни Ицки Браславицкого повета, «сильно подозреваемый» в контактах с Конарским (в 1837 г. ездил с ним в Одессу), заключенный в Киевской крепости, в 1839 г. был приговорен к поселению в Вятке 176

Микола, украинец из Харьковской губ., сосланный в Сибирь 280, 326

Миколаевич Филипп, уроженец Волины, врач в Александровском заводе, этапный доктор в Кутулике 383, 546, 593

Мильере (Мильер), француз, парикмахер в Иркутске 544, 571

Минодора, крестьянка из Калужской губ., сосланная за детоубийство 298, 299, 319, 320

Мицкевич Адам (1798–1856), польский поэт 16, 22, 181, 429, 514, 557, 641

Михальская Франчишка Ксавера (урожд. Старорыпинская), дочь Франчишка и Саломеи (урожд. Горчевской), сестра Юзефа, Кароля и Текли Старорыпинских, жена Фри-

дриха Михальского, мать Люциана 501, 504, 515–518, 525, 542, 545–549, 554, 555, 564, 565, 567, 573, 580, 581, 583, 584, 590–592, 597–600, 603, 605, 613–617, 622, 637–639, 641, 642, 645–648, 651, 654, 655, 659, 666–668, 673, 676, 687, 692, 698, 708, 710, 716, 717, 719, 720, 724, 725, 733, 739, 742, 745

Михальский Вильгельм (ок. 1809–?), владеец Кордышовки в Брацлавицком повете, сын Станислава и Магдалены (или Марии, урожд. Зелиньской), брат Эмилии, невесты Ш. Конарского. В 1825 г. окончил школу Конно-артиллерийской гвардии в Москве и в звании хорунжего поступил в бригаду в Варшаве; в 1829 г. был разжалован до звания рядового за поединок с товарищем по службе Барончем и отослан в 44-й Егерский полк. В том же году дослужился до ефрейтора. Принимал участие в подавлении ноябрьского восстания, в 1833 г. подал в отставку и осел в Кордышовке. Был арестован в 1838 г. за контакты с Ш. Конарским, которого он знал под фамилией Родзевича, но следствие не доказало его участия в Обществе польского народа. Несмотря на это, 22 февр 1839 г. его приговорили к смертной казни, замененной на поступление в Кавказский корпус без права выслуги, но и без конфискации имущества. Служил в 3-й батарее 20-й бригады артиллерии. Его жена Мария, дочь Петра Копчинского, выехала с матерью и двумя дочерьми в Петербург, чтобы там развестись. В 1843 г. Вильгельм получил право на выслугу, в 1844 г. — звание хорунжего, с 1845 г. — в отставке с получением чина коллежского регистратора, с запретом жить в приграничных поветах, находился под полицейским надзором. Поселился в Ямпольском повете, в 1856 г. был освобожден от

надзора 17, 72, 130, 131, 138, 156, 180, 201, 347, 526

Михальский Люциан Франчишек Фридрих (1810—1885), сын Фридриха и Франчишки Ксаверы (урожд. Старорыпинской), выпускник Кременецкого лицея, участник ноябрьского восстания и обороны Замосця, после которой он был на полгода арестован в Житомире. В 1834 г. снова арестован за контакты с эмиссарами Д. Булевским и Х. Ныкой. Потом стал членом Общества польского народа. На съезде в Бердичеве 3 июня 1837 г. выбран на место своего отца секретарем Подольской губ. Был арестован в июле 1838 г., 21 февр. 1839 г. приговорен к 20 годам каторжных работ на заводах. Наказание отбывал вместе с отцом Фридрихом и другими польскими ссыльными в Александровске возле Иркутска, затем был на поселении в Кудинской вол. В Александровск к нему приехала жена Людвика (Луиза, урожд. Михальская). В 1848 г. получил разрешение на выезд с матерью в Вологду, куда они добрались в марте 1849 г. Служил там чиновником. В 1857 г. по амнистии 1856 г. вернулся на родину. С янв. 1862 г. снова находился под строгим надзором; в 1864 г. был в административном порядке сослан на поселение в Царево-Кокшайский уезд Казанской губ. В это время Людвика Михальская жила у сына Людвика, помощника пристава в Петербурге, имела шестерых внуков; дочери Михальских — Ядвига и Бронислава — несколько раз просили о помиловании отца и возвращении конфискованного имения Барек на Подолье. Люциану только в 1871 г. разрешили вернуться на родину. В 1880 г. он поселился в Могилеве-Подольском, где был известен как лекарь-самоучка, гомеопат. Умер там же 18, 25—27, 229,

261, 266, 267, 298, 389, 404, 411, 423, 444, 462, 481, 489, 490, 651, 658, 688, 713, 718

Михальский Фридрих (1778—1848), владелец имения Вербка Древняна в Могилевском повете, сын Франчишка, участник восстания Костюшки, масон. В 1835 г. один из первых членов Филодемического общества, близкий соратник Каспера Машковского, а затем Ш. Конарского, секретарь Общества польского народа в Подольской губ., один из организаторов съезда в Фельштыне в 1837 г. Был арестован в июле 1838 г., его «неосторожность» во время следствия способствовала раскрытию ряда тайн общества, в чем его упрекал Ю. Сабиньский. 14 марта 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Наказание отбывал вместе с сыном Люцианом и другими польскими ссыльными в Александровском заводе около Иркутска, затем на поселении в Кудинской вол. В 1840 г. в Александровск приехала его жена Франчишка Ксавера с двумя слугами. Занималась помощью ссыльным. После смерти мужа обратилась за разрешением уехать в Вологду вместе с сыном Люцианом, после чего вернулась на родину, где жила у своего брата Кароля Старорыпинского 15, 25, 31, 70—72, 77, 85, 107, 108, 114, 116, 117, 126, 127, 132, 135, 136, 142, 143, 148, 150, 152, 153, 159—161, 164, 165, 195, 224, 254, 274, 298, 345, 358, 389, 404, 410, 411, 423, 455, 462, 489, 522, 523, 564, 565, 567, 580, 588, 614, 615, 638, 639, 655, 658, 659, 667, 676, 687, 713, 721, 723—725, 744

Мишка, приговоренный и сосланный как фальшивомонетчик в Усолье, ремесленник «золотые руки»; делал для Ю. Сабиньского перстни и крестики из кандалов, ремонтировал

его обручальное кольцо, налаживал ружья Н. А. Панова и Петра Добровольского 602, 645, 647, 691

Модеровская, знакомая Ю. Сабиньского с Подолья (не Юлия) 547

Модеровский, муж Юлии Ланжиной 655, 716

Молоков, офицер, капитан, начальник одного из этапов Тобольской губ. 282

Монтескье Шарль (1689–1755), французский мыслитель и политический писатель эпохи Просвещения 281

Монтиньи Луи, французский писатель, автор «Le provincial a Paris, esquisses des moeurs parisiennes». (Paris, 1825) 436

Монтолье Изабель де (1751–1832), швейцарская писательница и переводчица 436, 732

Москвин, офицер, начальник на последнем перед Томском этапе 319

Мошинский Александр (ок. 1810–?), уроженец Августовской губ., сын Яна, брат Юлиана Альбина. Участник ноябрьского восстания, эмигрант. Нелегально вернулся в Польское Королевство, был арестован, но бежал. 30 сент. 1838 г. был задержан во Львове и передан российским властям. Его держали в Варшавской крепости и в Вильно. В 1842 г. был сослан на каторжные работы в Сибирь. Наказание отбывал в Газимуре в Нерчинском округе. Позднее на поселении женился на сибирячке и, несмотря на полученное в 1857 г. разрешение вернуться на родину, остался в Сибири. В 1865 г. жил в Иркутске 676, 703, 711

Мрозовский Томаш (ок. 1814–?), дворянин из Билеского повята Бя-

лостокской обл., сын Анджея и Катажины (урожд. Душевной). Участник ноябрьского восстания в штабной канцелярии ген. Дезидерия Хлапковского, затем изгнанник в Пруссии; после получения амнистии стал вольнослушателем Киевского университета. Когда университетское начальство узнало, что он участвовал в восстании, ему запретили приходить на лекции, он стал работать частным учителем. В апр. 1835 г. — организатор студенческого заговора, принимал активное участие во встречах студентов и контрабанде эмигрантских изданий. После смерти матери в 1838 г. приехал в Бельск, а затем в Варшаву, где стал стажером в Государственной комиссии внутренних и духовных дел. Был арестован в дек. 1838 г.; 22 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Каторгу отбывал в Нерчинских заводах; с 1843 г. на поселении. Жил в Иркутске, среди ссыльных пользовался дурной славой как азартный человек, играющий на высокие ставки с российскими чиновниками. Возможно, это было подготовкой к побегу, который он совершил в 1851 г. Был схвачен под Омском, но сбежал из тюрьмы и, воспользовавшись помощью своего брата Виктора, чиновника в Петербурге, а также еврейских контрабандистов, в июне того же года добрался из Риги в Пруссию под фамилией Дюфройс. В конце 1860-х гг. жил в Париже; при помощи купца Боткина прислал орган в католическую церковь в Нерчинске 226, 270, 322, 323, 336, 338, 350, 360, 382, 384, 386, 411, 545, 721

Мур, скорее всего, **Эдвард** (1712–1757), английский драматург 281

Муравьева Жозефина Адамовна (урожд. Бракман, 1822? — до 1874),

жена А. М. Муравьева, эстляндская уроженка, была гувернанткой в доме родителей А. М. Муравьева. В 1838 г. приехала в Сибирь, где около года служила гувернанткой в доме иркутского купца Медведникова. Свадьба состоялась в 1839 г. У Муравьевых было 6 детей, двое из которых умерли в детстве 520, 551

Муравьев Александр Захарович (1795–1842), ген.-лейтенант, герой Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Его родной брат Артамон был полковником и командиром Ахтырского гусарского полка, за участие в восстании декабристов был осужден на каторгу 687

Муравьев Александр Михайлович* (1802–1853), декабрист, член Союза благоденствия, затем Северного общества, осужден по IV разряду на 12 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Чите и Петровском Заводе. В 1832 г. по окончании срока каторги, не желая расставаться с братом Никитой, остался в тюрьме. В 1836 г. был водворен на поселение в село Урик под Иркутском. Вместе с братом занимался сельским хозяйством, сосредоточившись на хозяйственной реализации полученных продуктов. В 1839 г. он женился на Ж. А. Бракман. После смерти брата (1843) ему было разрешено вступить в гражданскую службу. В 1845 г. переведен в Тобольск и определен канцелярским служителем в штат канцелярии Тобольского общего губернского правления. В 1852 г. получил чин коллежского регистратора. Умер в Тобольске 388, 534, 535, 551, 666

Муравьев Артамон Захарович* (1793–1846), декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по I разряду на вечную каторгу. Наказание

отбывал в Нерчинских горных заводах. В 1839 г. обращен на поселение в с. Елань Бадайской вол. Иркутской губ. В нояб. 1839 г. с разрешения ген.-губернатора В. Я. Руперта прибыл в Иркутск для лечения. В марте 1840 г. отправлен в с. Малая Разводная. Занимался медициной. 4 нояб. 1846 г. скончался и был похоронен в с. Большая Разводная 420–422, 428, 461, 468, 470, 491, 492, 496, 506, 520, 523, 565, 585, 620, 639, 641, 664, 679, 681, 682, 687, 738, 739, 745

Муравьев Никита Михайлович* (1795–1843), декабрист, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, Северного общества, осужден по I разряду на 20 лет каторжных работ, срок сокращен до 15 лет. Наказание отбывал в Чите и Петровском Заводе. Вслед за ним в Сибирь приехала его жена А. Г. Муравьева (урожд. гр. Чернышева). Вместе с братом Александром поселен в село Урик под Иркутском (1836). Скончался в 1843 г. Похоронен в с. Урик 388, 534, 535, 552, 666, 667, 679

Мушаков, офицер 548

Мыстковский Мачей (ок. 1787–1856), дворянин из Познаньского, владелец деревни в Сотроленском повяте, участник ноябрьского восстания в звании майора. Был арестован в 1833 г. за сотрудничество с Артуром Завишей и другими участниками похода Юзефа Заливского. Приговорен к 4 годам каторжных работ на заводах. Наказание отбывал в Иркутской губ., с конца 1839 г. на поселении в Жилкинской вол. Иркутского округа, где торговлей он накопил себе значительное имущество. Умер в Сибири от паралича. Был холостяком 564, 579, 590, 593, 604, 734, 737

Н

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), первый консул Французской Республики в 1799–1804 гг., император в 1804–1815 гг. 368, 377, 710

Наполеон II (1811–1832), сын Наполеона I, титулярный король Рима, после поражения отца не допущен к трону, князь Рехштада 368, 377, 710

Наполеон III, Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), сын Гортензии Богарне, падчерицы Наполеона I, и его брата Людовика (Луи) Бонапарта. Президент Второй республики в 1848–1852 гг., с 1852 по 1870 г. – последний император Франции 368, 377, 710

Нарушевич Адам (1733–1796), епископ, поэт, писатель, историк; автор «Истории польского народа» (Варшава, 1803–1807. Т. 2–7) 672, 704

Насонкин, офицер, начальник одного из этапов в дер. Старый Погост 268, 270–273, 275–282

Насонкина, жена офицера Насонкина 275

Немировский Леопольд (1810–1883), дворянин из Ковельского повята, сын Миколая и Карлины, с 1829 г. студент Виленского университета (вольнослушатель), участник ноябрьского восстания; в 1833–1836 гг. сидел в Киевской крепости. После освобождения вступил в Филедемическое общество, потом стал секретарем Общества польского народа в Ковенском повяте. В 1837 г. переехал в Одессу, где официально занимался покупкой и продажей зерна, а фактически помогал Ш. Конарскому в контактах с эмиграцией. Был арестован в июле 1838 г., приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Формаль-

но он отбывал наказание в Усолье, где был учителем рисования у детей А. П. Мевюса; однако вскоре переехал в Иркутск, где учил рисованию детей ген.-губернатора В. Руперта. В 1843 г. его перевели на поселение, но он остался в Иркутске и делал, среди всего прочего, портреты товарищей по изгнанию. В 1844 г. его, как художника, взяли в российскую научную экспедицию на Камчатку (он дал ген.-губернатору присягу, что не сбежит, и ее сдержал). Его рисунки опубликовал под своей фамилией И. Д. Бульчев в альбоме «Путешествие по Восточной Сибири» (СПб., 1856). В 1851 г. ему по просьбе матери разрешили переехать в Тамбов. В 1857 г. вернулся на Волинь и посвящал себя искусству, выставлял свои работы. Умер в Любомли 102, 157, 178, 192, 229, 270, 289, 379, 383, 385, 417, 421, 422, 424, 426, 432, 435–437, 439, 442–444, 449, 453, 454, 456, 465, 473, 484, 485, 488, 491, 494, 496, 498–501, 504, 513, 515–517, 526, 528–530, 537, 544, 546, 549–553, 556, 560, 563–565, 567, 571, 572, 574–576, 578, 579, 582–585, 587, 588, 590, 593, 605–607, 610, 611, 613, 614, 621, 623–626, 628, 631, 633, 636, 638, 647, 650–654, 657–660, 662, 665, 668–670, 672, 677, 680, 683, 692, 697, 702–704, 706, 707, 709, 710, 712, 713, 715, 717–721, 724, 728–730, 732–734, 736, 737, 741, 743–745

Никольский Епифан Тимофеевич*, надворный сов., пермским губ. прокурором не был, а служил стряпчим уголовных дел. Вероятно, во время проезда Ю. Сабиньским Перми он исполнял обязанности губ. прокурора, так как эта должность была вакантна 246

Новицкий Наполеон (1800–1870), дворянин, владелец имения Ованта

в Вилкомерском повете, сын Тимо- теуша. Будучи студентом Виленско- го университета, был арестован за принадлежность к союзу Филаретов. Участник ноябрьского восстания, потом эмигрант, участник похода Юзефа Заливского, карбонарий. В 1835 г. встретился в Галиции с Ш. Конарским и за несколько недель до него приехал на Вольнь, а затем начал работать в Корелицах в Ново- грудском повете, на сахарной фабри- ке, которой руководил его брат Таде- уш и которая стала одной из главных баз Общества польского народа. Был арестован в 1838 г. по показаниям Антония Ожешко; осужден в Вильно и приговорен к 20 годам каторжных работ на заводах. Наказание отбывал на Нерчинской каторге; с 1841 г. на поселении в Жилкинской вол. Ир- кутского округа. В 1856 г. по амни- стии ему позволено было переехать в Вологду, а затем вернуться на ро- дину. Поселился в имении Скребини около Ковна, принадлежавшем его жене Фелиции (урожд. Мицевич, в первом браке Вилламович, ум. 1883). В 1863 г. был помощником началь- ника повстанцев Ковенского повя- та Людвика Жилинского; однако его деятельность не была раскрыта, поэтому над ним только усилили по- лицейский надзор 405, 411, 420, 488, 592, 613, 627, 628, 640, 646, 659, 660, 662, 664, 665, 672, 702, 703, 715, 719, 737

Нодье Шарль (1780–1844), фран- цузский писатель, поэт, издатель; автор «De livre des jeunes personnes, extraites de prose et de vers, choisis dans les meilleurs ecrivains francais, anciens et moderns. Edition originale du choix et de la preface de Charl Noider» (Париж, 1834) 617

Носков (Носиков), капитан, началь- ник этапа Осиновый Колок 307

О

Обнинский (Обниский) Адам (ок. 1814–1815) дворянин из Старокон- стантиновского повята, сын Юзефа; в подростковом возрасте участвовал в ноябрьском восстании. С 1836 г. был в контактах с Михальскими и Ш. Конарским, был членом Обще- ства польского народа, принес клят- ву, но никакую деятельность не вел. Был арестован в 1838 г., 18 февр. 1839 г. приговорен к смертной каз- ни, замененной на поступление в Оренбургский корпус в звании унтер-офицера без утраты сослов- ных прав и конфискации имущества. Сначала служил в 1-м, потом во 2-м Оренбургском линейном батальоне в Уральске и Оренбурге; в 1853 г. при- нимал участие в походе на Хиву и получил звание офицера, в 1855 г. — штабс-капитан. Вернулся на Вольнь в 1856 г. после амнистии, однако продолжал оставаться под полицей- ским надзором 71, 88, 98, 107, 116, 157, 166

Обойцев, офицер в Красноярске 346

Обойцева, в девичестве Жебровская, жена офицера в Красноярске 346

Огарев Илья Иванович* (1780– 1854), участник войны 1812 г., действ. ст. сов. Архангельский губернатор в 1831–1837 гг., пермский губернатор в 1837–1854 гг. С 1843 г. — тайный сов. 239, 251

Одоевский Александр Иванович* (1802–1839), кн., поэт, декабрист, член Северного общества. Принимал активное участие в восстании 14 дек., осужден по IV разряду на 12 лет ка- торжных работ, срок сокращен до 8. Наказание отбывал в Чите и Петров- ском Заводе. В 1832 г. обращен на поселение в Тельминскую казенную фабрику; в конце 1833 г. переве-

ден в с. Елань под Иркутском. Неоднократно приезжал в Иркутск. В 1836 г. переведен в г. Ишим Тобольской губ., откуда через год отправлен рядовым в действующую Кавказскую армию. Умер от малярии 523

Ожаровская, гр., девица, жительница Кременьца, участвовала в женской ячейке Общества польского народа, организованной Э.Фелинской, заключенная в Киевской крепости 186

Ожешко Антоний (1800–1877), дворянин из Пинского повята, участник ноябрьского восстания, сын Адама. В февр. 1836 г. вступил в Общество польского народа, был секретарем в Пинском повяте. Арестован 29 июня 1838 г. Во время следствия обвинил своих товарищей, чем вызвал всеобщее презрение. Был приговорен к поселению в Томске. В 1841 г. получил право свободного передвижения по Сибири. Поселился в Томской губ., куда к нему приехала жена. В 1857 г. уехал на родину после амнистии. В 1866 г. жил с семьей в Пинске 298, 592

Ожешко Вацлав (ок. 1809–?), владелец Вичин в Луцком повяте, сын Казимежа. Участник ноябрьского восстания, вернулся на родину по амнистии, но его имущество было конфисковано. Был принят в Общество польского народа Т. Чапским, был в контакте с Ш. Конарским. Арестован в 1838 г., 11 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. 16 февр. того же года отправлен в Сибирь. Каторгу отбывал в Нерчинском заводе; с 1843 г. находился на поселении в Мононастырской вол. Нерчинского округа. По амнистии 1856 г. вернулся на родину в 1857 г. 215, 229, 270, 379

Ойжановский Антоний (1796 — после 1867), ксендз-настоятель в местечке

Собота в Мазовецком воеводстве, с 1833 г. — в Згеже. За то, что не донес о появлении у него эмисаров из похода Юзефа Заливского, его сослали на поселение в Вост. Сибирь. В 1842 г. получил разрешение вернуться на родину. Был отдан под полицейский надзор, работал викарием в Калиновой, настоятелем в Опатовке и с 1860 г. архидьяконом калишской капитулы 685

Олеша Ежи (ок. 1769 или 1771–1841), дворянин из Луцкого повята, сын Якуба. Ассессор в Пинске, участник ноябрьского восстания, масон, отчим Игнация Родзевича, который пытался привлечь его к заговору, но Е. Олеша отказался, сославшись на плохое здоровье. Но был арестован в 1838 г. за то, что «знал план восстания Польши» Ш. Конарского и не донес властям. Был приговорен 10 февр. 1839 г. к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ на заводах. Находился на каторге в Александровском винокуренном заводе, где умер и похоронен 144, 145, 270, 380, 411, 423, 438, 515, 546, 547, 563, 571, 573, 574, 582, 585, 614

Олеша Мария (или Марианна, в первом браке Родзевич, ок. 1781 — после 1849), жена Ежи Олеша, мать Игнация и Тересы Родзевич, жила вместе со вторым мужем в Луцком повяте. Подозревалась в том, что ей были известны «преступные планы» Ш. Конарского; 22 февр. 1839 г. была приговорена к заключению в Новодевичий монастырь в Москве, куда ее отправили 16 апр. вместе с дочерью Тересой. В 1840 г. получила разрешение на возвращение на Вольнь; жила с замужней дочерью в Луцком повяте, в 1849 г. в Луцке она получила государственное пособие за конфискованное имущество 186

Олизар Густав (1798–1865), гр., поэт, публицист; землевладелец, предводитель дворянства Киевской губ. Ученик Кременецкого лицея, литератор и издатель, был меценатом и коллекционером. Масон. За контакты с декабристами был арестован в 1826 г., сидел в тюрьмах в Киеве, Варшаве и Петербурге, был освобожден и выехал на Кавказ, где и написал повести «Сатир» и «Селго». После начала ноябрьского восстания его «предупредительно» депортировали в Курск, но вскоре он смог уехать в Италию, где познакомился с Мицкевичем, Красинским и Словацким. После возвращения на родину вел активную публицистическую и литературную деятельность. Автор «Воспоминаний», изданных в 1892 г. во Львове. Был влюблен в Марию Раевскую (по мужу Волконскую) 422, 534

Олизар Кароль (ок. 1801 или в 1815–?), сын Фридриха, дворянин из Луцкого повята. В мае 1836 г. был принят в Общество польского народа Ш. Конарским, взял псевдоним «Буда»; выполнял функцию секретаря Луцкого повята. Арестован в 1838 г., заключен в Вильно и Киеве, 10 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ на заводах. В то время он был вдовцом с двенадцатилетней дочерью Эвелиной, которую оставил в Харьковском институте благородных девиц. Наказание отбывал на винокуренном заводе в Александровске под Иркутском; в июле 1841 г. его перевели на поселение в Удинскую вол. Иркутского округа. В результате хатайства дочери у царицы в 1849 г. был переведен в Вологду, а в 1851 г. в Чернигов под надзор полиции; там получал государственное пособие. По амнистии 1856 г. в 1857 г. вернулся на Вольнь.

Имел братьев: Филипа и Богуслава 270, 380, 411, 423, 439, 481, 546, 580, 582, 585, 597–599, 610, 622, 623, 628, 651, 654, 656, 658, 672, 688, 689, 710, 715, 716, 718

Олизар Филип (ок. 1806–?), дворянин с Вольни, сын Фридриха. Участник ноябрьского восстания, в 1831 г. уехал за границу. В 1833 г. в Галиции женился на Лауре Августинович, имел двоих сыновей и двух дочерей. По амнистии вернулся на родину, где стал одним из первых членов Общества польского народа. Был арестован в 1838 г., заключен в Вильно и Киеве; 10 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ на заводах. Каторгу отбывал на Александровском винокуренном заводе под Иркутском; в окт. 1845 г. его перевели на поселение, назначив местом Удинскую вол. в Иркутском округе, однако он остался в Александровском заводе, где у него был дом и небольшое хозяйство. Вернулся на родину в 1857 г. после амнистии 1856 г.; до этого времени его семью опекал бывший предводитель дворянства Киевской губ., гр. Густав Олизар. Имел братьев: Кароля и Богуслава 270, 380, 411, 423, 439, 546, 580, 582, 583, 627, 647, 688, 716, 718

Олимпия, служанка Пелагии Сабиньской 540, 569

Олсуфьев Василий Дмитриевич* (1796–1858), участник войны 1813–1814 гг. В 1838–1840 гг. — московский гражданский губ., действ. ст. сов. 224, 227, 234

Ольшевский Михал (1818–1840), из Луковского повята, сын Франчишка. Окончил гимназию в Варшаве. Работал в 1836 г. стажером в суде, также занимался литературно-научной ра-

ботой (опубликовал: «Просвещение языческих славян», «Научный дневник». Краков, 1838). Был привлечен Густавом Эренбергом к сотрудничеству с заговорщиками. Активный член варшавского филиала Общества польского народа. Арестован в июне 1838 г., отдан под военный суд. В мае 1839 г. приговорен к 5 годам тяжких работ, а затем к поселению в Сибири. Прибыл в Иркутск тяжелобольным 10 марта 1840 г.; его поместили в тюремную больницу, где он умер 21 марта/2 апр. Похоронен в Иркутске 453, 592, 672

Опольский Хенрик, дворянин из Новогрудско-Волынского повета, сын Игнация, привлекался к следствию по делу Общества польского народа, но его вина не была доказана, и он был выпущен под строгий надзор полиции. Имел брата Александра 131, 146, 175

Орачевский Ян (ок. 1806 или 1809—?), дворянин из Староконстантиновского повета, сын Станислава, брат Даниэля. Изучал медицину в Виленском университете, а после его закрытия — в Медико-хирургической академии, в 1833 г. получил профессию врача. Член Филодемического общества, затем активный член Общества польского народа. 27 июля 1839 г. был приговорен к поселению в Сибири. Находился в Киренске Иркутской губ., откуда обратился с просьбой о переезде в более крупный город, где он мог бы найти работу. В 1841 г. его выслали в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) за Байкал, где он получил разрешение на врачебную практику; пользовался славой превосходного врача. В окт. 1843 г. ему позволили вернуться на Волынь, куда он выехал в 1844 г. Около 1849 г. переехал на Подолье 145, 579, 587, 718

Орда Людвик (ок. 1794—1855), дворянин из Гродненского района, владелец имения Хута в Кобринском повете, сын Феликса. Активный член Общества польского народа, взял псевдоним «Валько»; вел тайную переписку, принимал новых членов и распространял запрещенные издания; был арестован в 1838 г., заключен в Вильно, 9 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на поселение в Сибири с утратой сословных прав и конфискацией имущества. Наказание отбывал в Томской губ. и в Красноярске. В 1845 г. получил разрешение жить в западно-русских губерниях, поселился в Новгороде. В июне 1852 г. ему позволили приехать «на операцию» в Петербург, где он и умер. Имел жену Анну и четверых детей 298, 592

Орлов, молодой человек из Москвы, сосланный в Сибирь, работал на винокурне недалеко от Красноярска как учитель детей смотрителя этой винокурни 334

Орловский Енджей, родом из Лабуня на Волыни, аферист, заключенный в Киевской крепости, приговорен к каторге; за смягчение приговора согласился стать провокатором 87—91, 93, 96—98, 101, 102, 186, 337

Осип, грузин, поселенец в дер. Спаская возле Тары, родственник кн. Абабеликов 301

Осовский, поляк с Волыни; офицер, начальник одного из этапов 302, 303

Остафьев, офицер, начальник Трышкинского этапа 314

Островский, родом из Польского Королевства, «неполитический ссыльный» с 1816 г., странствующий циркач 602, 603

П

Павловский Игнаций (1778—1842), каменецкий викарный епископ, моголевский митрополит, жил в Петербурге 481

Павловский Казимеж, уроженец Варшавы, племянник генерала Павловского, командира 6-го пехотного полка Польской армии; направлен в Российскую армию; был солдатом на этапе, использовал фамилию Якубовский 12, 332

Павловский Юзеф Тыбурций (1796—1874), дворянин из Лепельского повята Витебской губ., сын Петра и Розалии (урожд. Соколовской). В 1814 г. поступил в монастырь в Пинске (монашеское имя Тыбурций), рукоположен в 1819 г., выпускник Виленского университета, учитель в монастырях Литвы и Волыни, в 1836—1838 гг. был капелланом у Урбаньских в Городце и в Луцком повяте. Арестован за связи с эмиссарами Булевским и Ш. Конарским, приговорен к смертной казни, замененной на поселение в Сибири с лишением сословных прав, сана и конфискацией имущества. Наказание отбывал в Нерчинском округе, получал государственное пособие. По амнистии 1856 г. он в 1857 г. получил право вернуться на Волынь, однако остался викарием костела в Иркутске при настоятеле К. Швермицком, ссыльном и филантропе. Умер в Сибири 270, 287, 376, 380, 545

Падалка Василий Кириллович* (1800—1865), енисейский гражданский губернатор в 1845—1861 гг. Образование получил в Военно-сиротском доме, службу начал в 1823 г. в Департаменте полиции, в 1828—1833 гг. в Главном управлении Зап. Сибири в Омске; с 1834 г. определен в Департамент уделов; в

1836 г. — в канцелярию черниговского, полтавского и харьковского ген.-губернатора, с 1837 г. — председатель Иркутского губернского суда, с 1839 г. — председатель Иркутского губернского правления; с 1850 г. — действ. ст. сов. Был женат на Елене Вильгельмовне Руперт, дочери ген.-губернатора Вост. Сибири 471

Панкевич Винценты*, врач, выпускник Виленской медико-хирургической академии (1838), в качестве «казенного» стипендиата направленный на службу в Иркутск и пребывавший там до 1851 г. В 1886 г. упоминался как вышедший в отставку штаб-лекарь, надворный советник 383, 564

Панов Максим Максимович* (? — после 1858), окончил Московский университетский благородный пансион, где учился вместе с В. Ф. Раевским. Служил в кирасирах, затем перешел на статскую службу и был назначен прокурором в Иркутск (1833—1836). Нижегородский вице-губернатор в 1838—1857 гг. 231, 234

Панов Николай Алексеевич* (1803—1850), декабрист, член Северного общества, участник восстания на Сенатской площади, осужден по I разряду, приговорен в каторжную работу вечно. Отправлен в Сибирь, на каторжных работах был 13 лет. По отбытии срока, в 1839 г., обращен на поселение и водворен в с. Михалево близ Иркутска. В 1845 г. разрешено переселиться в с. Урик Кудинской вол. Иркутского округа. Умер и похоронен в Иркутске 534, 645, 647, 649, 664, 744

Парфёнов, офицер, начальник Бирюсинского этапа в Иркутской губ. 357

Паскевич Иван Федорович* (1782—1856), русский полководец и государственный деятель, ген.-фельдмаршал.

В правление Николая I руководил такими крупными военными операциями, как оккупация Вост. Армении и взятие Тебриза и подавление ноябрьского восстания в Польше. Являлся главнокомандующим на Кавказе (1827–1829), наместником Царства Польского (1832–1856). В 1849 г. командовал войсками при подавлении Венгерской революции (1848–1849). Во время Крымской войны (1853–1856) был главнокомандующим войсками на западных границах и на Дунае. Пользовался особым доверием имп. Николая I. Кавалер ордена Святого Георгия всех четырех степеней 698

Пахомов Иван Иванович*, титулярный сов., занимал должность казначея, а не кассира Александровского винокуренного завода 531, 532, 535, 580, 581, 590, 610, 614

Пахомовы, супруги, сын Пахомовых (маленький Пахомов), их мать, семья И. И. Пахомова 531, 532, 553, 579, 679

Перловский Войчех, солдат из Якутска, приговоренный к 4 годам тяжких работ за убийство офицера и направляемый в Омскую крепость 357

Перфильев, офицер, начальник этапа Малый Ингуш в Енисейской губ. 353

Перфильев, государственный казначей в Усолье 559, 560

Перыгытатович (Перитяткович) Фаустин, уроженец Вольни, сын зажиточного горожанина Франчишка Перыгытатовича, Острогского повята. За уголовное преступление сослан в Сибирь, жил в дер. Турумовой 302, 303

Петрарка Франческо (1304–1374), итальянский поэт 482

Петров, офицер, капитан, других сведений не обнаружено 587, 680

Петровский (Пётровский) Григорий Григорьевич*, чиновник для особых поручений при управителе Сибирских солеваренных заводов (Мевюсе), губ. секретарь 403, 411, 414, 420, 422, 426, 440, 470, 505, 524, 605

Петшак Антоний, родом из Польского Королевства, солдат на Ключинском этапе 356

Пининская Франчишка (между 1807 и 1819–?), дочь Владислава. Член женской ячейки Общества польского народа, была арестована в авг. 1838 г., заключена в Киевскую крепость, а затем отправлена в Старовознесенский монастырь в Пскове, откуда ее освободили в 1842 г. Мягкий приговор она получила благодаря взятке. Поселилась в имении мужа Войчеха Талько-Пожецкого в Кременецком повяте; в 1855 г. была уже вдовой; жила под тайным надзором полиции в Кременце, а затем в Холодце 186

Писарев Николай Эварестович* (1807–1884). В 1825 г., после окончания Московского университетского пансиона, зачислен на службу в Департамент внешней торговли Министерства финансов. В 1837–1848 гг. служил чиновником по особым поручениям, секретарем по полицейской части, правителем канцелярии Киевского ген.-губернатора Д. Г. Бибикова. По отзывам современников, «пользовался безграничным доверием Бибикова и безгранично властью». Председатель Временной комиссии для разбора древних актов (1843–1848), которая была создана при Киевском военном, Подольском и Волынском ген.-губернаторе. Позднее действ. ст. сов. в звании камергера, Олонецкий губернатор в

1848–1851 гг. 70, 75, 79, 85, 99, 106, 108–115, 117, 119–122, 124–126, 130, 134–138, 140, 141, 143, 148, 149, 153, 155, 156, 158–164, 166, 175–178, 184, 189, 192–196, 200–203, 212, 238, 254, 456

Платон (429 до н. э. – 347 до н. э.), греческий философ 532

Плюсков, подполковник, служил в Киевской крепости 88, 97

Погорский*, врач в Перми. Возможно, он упоминается в повести Н. Лескова «Загадочное происшествие в сумасшедшем доме» (извлечено из бумаг Е. В. Пеликана) (1858–1878). События происходили в Воронеже 242

Подберезская Юзефа, в девичестве Рошковская, родом из Могилевской губ., жена П. Подберезского 344–348, 491, 504

Подберезский Пётр, родом из Могилевской губ., чиновник в Красноярске, муж Ю. Подберезской 344–348, 491, 504

Поджио Александр Викторович* (1798–1873), декабрист, член Южного общества, осужден по I разряду, приговорен в каторжную работу вечно, срок сокращен до 13 лет. По отбытии срока в 1839 г. обращен на поселение в с. Усть-Куда Иркутской губ. По амнистии 1856 г. восстановлен в правах, оставался некоторое время в Сибири. В 1859 г. выехал из Иркутска. Умер и похоронен в имении дочери декабриста кн. С. Г. Волконского – в с. Воронках Черниговской губ. 35, 533–535, 550–553, 642, 660, 661, 666

Поджио Иосиф Викторович* (1792–1848), декабрист, член Южного общества, осужден по IV разряду, приговорен в каторжную работу на 12

лет, срок сокращен до 8 лет. Отправлен в Свеаборг, оттуда в Свартгольм, а в 1827 г. в Шлиссельбург, где и отбыл назначенный срок. По окончании срока, в 1834 г., привезен на поселение в Вост. Сибирь и в 1834 г. водворен в с. Усть-Куда Иркутского округа. Умер и похоронен в Иркутске 533–535, 550–553, 687, 700, 720, 722, 724, 726, 730, 742

Подлевская (урожд. Даровская) Розалия (Ружа), жена Станислава Даровского 655

Подлевский Кароль (1814–1880), родился в Кракове, дворянин, сын Августа и Петронели (урожд. Венгерской), студент Ягеллонского университета. С 1837 г. член Общества польского народа. Взял псевдоним «Милош». С марта 1838 г. пытался развивать конспиративную сеть в Варшаве, но в октябре того же года был арестован; 18/30 мая 1839 г. его приговорили к 5 годам каторжных работ. Наказание отбывал в Нерчинском заводе; с 1841 г. находился на поселении в Верхнеудинском округе Иркутской губ. Вместе с Антонием Бопрэ вел сельское хозяйство, делал инвентарь, занимался торговлей. Женится на Юзефе Брынк. В 1857 г. по амнистии 1856 г. получил разрешение вернуться на родину. Нашел работу в конторе Крестьянского товарищества в Плоцке. В 1863 г. действовал в местной Народной организации, за что просидел 6 месяцев в крепости Модлин. Затем переехал в Краков; там работал городским кассиром и там же умер 501, 592

Подруцкий, с Подолья, прибывший в Красноярск на гражданскую службу; стал экзекутором в Енисейском губернском управлении 340

Подхороденьский (Подхородыньский) Мариан Божидар (1790–

1846), дворянин из Староконстантиновского повята, повятовый судья, землевладелец, сын Мауриция, полковника в отставке русской армии, и Бальбины (урожд. Ивановской). Член Филодемического общества и Общества польского народа, несколько раз принимал Ш. Конарского в своем доме в Пашутинцах. 19 марта 1839 г. был приговорен к 15 годам каторжных работ; наказание отбывал в Нерчинском заводе. В 1843 г. был освобожден от работ и переведен на поселение. Подрабатывал уроками. Последние месяцы жизни, тяжело больной, он провел в доме Адольфа и Антониеллы Рошковских в Иркутске, где и умер 33, 261, 269, 273, 284, 293, 323, 324, 336, 381, 385, 713

Пожарский (Пожарский) Юстианиан (ок. 1796–?), дворянин из Новогрудского повята Минской губ., сын Михала, землевладелец из Дубеньского повята. Был арестован в 1838 г. за контакты с Ш. Конарским и чтение запрещенных книг, 14 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на поселение в Курске без конфискации имущества; выслан 20 марта того же года 192, 203, 204, 210, 211

Полторанов Владимир, жандармский ротмистр в Главном Нерчинском заводе, муж дочери А. П. Мевюса Александры 427, 429, 434, 509, 513, 518, 521, 528, 540, 541, 545, 547, 559, 561, 563, 564, 571, 574, 583–585, 587, 596, 597, 662, 665, 677, 699, 702, 711, 712, 724, 729, 741, 742

Понятовский Мауриций Ламберт (1796 — после 1878), полковник польской армии, крупный землевладелец на Украине, сын Юзефа и Юлии (урожд. Гроховской); в 1812–1814 гг. — офицер Российской армии; в 1840-х гг. — маршалек дворянства

Киевского повята. На семидесятом году жизни женился на Эльжбете Грабовской 67, 82

Понятовский Юзеф (1763–1813), кн. 289, 377

Попел Александр (ок. 1814–?), сын Каетана, студент университета св. Владимира в Киеве; был арестован в 1838 г. за «контакты с Конарским», хранение и распространение «запрещенной литературы», заключен в Киевскую крепость; 18 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на поступление в Оренбургский корпус «до выслуги». Службу проходил в 5-м Оренбургском линейном батальоне в Орске. В 1839–1840 гг. принимал участие в походе на Хивы; в 1842 г. получил звание младшего офицера, в 1850 г. — хорунжего. В 1850 г. по состоянию здоровья ему было разрешено вернуться на Подолье. Помещен под надзор полиции 88

Попов Александр Ильич*, полицеймейстер Красноярска в 1839–1846 гг., коллежский асессор 339

Попов Петр Федорович*, управляющий приказа о ссыльных, надворный сов. 265, 266

Прицепенко, родом из Полтавской губ., офицер, начальник этапа в Иркутской губ. 374

Прозор, владелец дома в Киеве, превращенного в тюрьму 118, 152, 183

Проскурин, офицер, начальник Подбельницкого этапа в Томской губ. 330

Протовой (Портовой), офицер, начальник Куйтунского этапа в Иркутской губ. 371, 372

Прушинский Зигмунт (ок. 1818–1839/1840), дворянин Житомир-

ского повята, сын Иполита. Член Общества польского народа. Арестован в 1838 г., заключен в Киевскую крепость; благодаря жене, получил относительно мягкий приговор. В 1839 г. отправлен в Кавказский корпус младшим офицером с правом повышения. Служил в батальоне саперов; погиб во время первой же стычки 88, 95, 175, 178

Прушинский Пётр (1803—1885), дворянин из Ровнинского повята, сын Яна, выпускник Виленского университета, участник ноябрьского восстания, участник дворянского депутатского собрания Ровнинского повята. Был принят в Общество польского народа Валерием Коссаковским, однако вскоре вышел из него и не вел никакой деятельности. Несмотря на это, 14 февр. 1839 г. его приговорили к смертной казни, замененной на проживание в Уфе, без конфискации имущества; отправлен туда 16 апр. того же года. После возвращения на родину занимался научной работой 88, 95, 175

Пуцин, чиновник, прибыл в Вост. Сибирь по службе из Петербурга в сент. 1842 г. 718, 719

Пшездзецкий Константин (?), предводитель дворянства Киевской губ. 67

Пятницкая Любовь Александровна* (урожд. Жмакина), жена иркутского гражданского губернатора 471, 475, 502, 504, 544, 549

Пятницкий Андрей Васильевич* (1795—1856), иркутский гражданский губернатор в 1839—1848 гг., действ. ст. сов. Довольно гуманно относился к ссыльным декабристам и полякам 471, 502, 520, 544, 556, 564, 591, 600, 601, 636, 734

Р

Радецкий, уроженец Балты на Подолье, солдат на Краснореченском этапе 334

Радивонов, офицер, начальник Козульского этапа в Енисейской губ. 337

Раевский, поляк из Польского Королевства, солдат в Каинске 306

Раевский, неполитический преступник, наказание отбывал в Усоле 400, 416, 417, 485, 494, 495, 500, 504, 524, 527, 540, 570, 571, 577, 670, 681, 740

Раевский Владимир Федосеевич* (1795—1872), декабрист, поэт. Организовал солдатскую ланкастерскую школу, в которой наряду с грамотой преподавались начатки политических знаний. Член Союза благоденствия с 1819 г. В 1822 г. был арестован. Обвинялся в пропаганде среди солдат. До 1826 г. содержался в Тираспольской, затем в Петропавловской крепостях и крепости Замостье. Приговорен к лишению чинов и дворянства и ссылке в Сибирь на поселение в 1827 г., водворен в село Олонки Иркутской губ. Женился на крестьянке-бурятке Е. М. Середкиной. Зарабатывал подрядами на поставку вина из Александровского винокуренного завода и наем рабочей силы для Бирюсинских золотодобывающих приисков. Организовал в Олонках школу. После амнистии 1856 г. посетил Европейскую Россию и вернулся в Олонки. В 1859 г. опубликовал в «Иркутских губернских ведомостях» «Предисловие» к серии очерков «Сельские сцены» с критическими высказываниями в адрес местной администрации. Похоронен в с. Олонки 480—482, 587, 614, 661, 662

Раковецкий Фаустин, из Польского Королевства, сослан за участие в но-

ябрьском восстании, служил солдатом в Томске 322, 325

Раморино Джироламо* (1792–1849), итальянский генерал, участник наполеоновских войн. В марте 1831 г. завербовался в повстанческие польские войска, в апр. 1831 г. — полковник, командир бригады егерей, затем — бригадный генерал. 4 сент. 1831 г. потерпел поражение от корпуса генерала Г. В. Розена при Рахове, 18 сент. 1831 г. самовольно оставил театр боевых действий и отступил в Галицию, откуда возвратился в Париж. Принимал участие в попытках Джузеппе Мадзини возбудить революционное движение в Италии 231

Рачинский Эустахий, сын Тадеуша Рачинского, двоюродный брат Ю. Сабиньского 28, 707, 708

Рачинский (Рачиньский) Тадеуш (?–1845), дядя по матери Ю. Сабиньского 12, 648, 683, 719

Резнюк Доминик (ок. 1802–1852), родом с Подолья, казак Вацлава Жевуского, участвовал вместе с ним в ноябрьском восстании. Был взят в плен, направлен в Сибирский корпус. Умер от чахотки в Иркутске 711

Реймани, офицер, начальник этапа в Енисейской губ. 352, 353

Рейфф Карл Филипп (1792–1872), выдающийся лексикограф, по происхождению швейцарец, долго жил в Петербурге, где преподавал современные языки; автор «Русско-французского словаря» 511

Рейхштадский князь, см. Наполеон II 377

Ремизов, разжалованный в солдаты офицер; старик 75 лет, прослуживший 46 лет в Российской армии, встреченный Ю. Сабиньским по пути в ссылку 308

Репнинский Степан Яковлевич* (1773–1851), ген. от кавалерии. Участвовал в войнах: с польскими конфедератами в 1794 г., с французами в 1805–1807 гг., с Турцией в 1808–1812 гг., с Наполеоном в 1812–1815 гг. В 1832 г. назначен председателем военного суда по делам о злоупотреблениях чиновников бывшего Малороссийского ополчения при Киевском ордонансгаузе. Исполнял обязанности председателя военно-судных Комиссий по особо важным делам, в том числе и над государственными преступниками в 1839–1851 гг. 210

Реут Богуслав, переводил на польский язык произведения И. И. Дмитриева; царь наградил его бриллиантовым перстнем за перевод произведения «Ермак, или Завоеванная Сибирь, с русского на польский переведено Богуславом Реутом (с текстом рядом с русским)», (СПб., 1830) 493

Риттер фон Хрисанф Иванович*, коллежский секретарь. Сабиньский ошибается, Х. И. фон Риттер являлся заседателем Ачинского земского суда, возможно, что какое-то время он временно исполнял должность городского 335, 336, 485

Ровиньский Теодор, уроженец Минской губ., приехал в Сибирь добровольно; в деревне Кия на полуэтапе был надзирателем за поселенцами 331

Родзевич Игнаций (ок. 1798 или 1800–?), дворянин из Пинского повета, арендатор имения Лисов, сын Марии (или Марианны), во 2-м браке Олеси, брат Тересы, пасынок Ежи Олеси. Участник ноябрьского восстания в корпусе Эдмунда Ружицкого; в 1833–1834 гг. контактировал с эмиссарами, затем стал бли-

жайшим соратником Ш. Конарского, взял псевдоним «Искарриот». Был арестован вместе с Конарским 27 мая 1838 г. на почтовой станции Кшижувка; сделал подробные, компрометирующие многих людей признания. Несмотря на это, 11 февр. 1839 г. был приговорен к смертной казни, замененной на бессрочные каторжные работы на заводах. На каторге находился в Александровском винокуренном заводе, затем на солеваренном заводе в Усолье. В 1851 г. его перевели на поселение в Бадайскую вол., где получил государственное пособие. По амнистии 1856 г. вернулся в Слоним в 1857 г. под надзор полиции 160, 186, 405, 411, 420, 438, 439, 481, 500, 502, 504, 505, 515, 546, 580, 582, 592, 610, 627, 658, 661, 666, 667, 715

Родзевич Тереса, по мужу Новицкая (ок. 1819 или 1823–?), дворянка из Вольни. За связь с заговором Ш. Конарского в 1839 г. была вместе с матерью заключена в Новодевичий монастырь в Москве. В авг. 1840 г. вернулась на Вольнь под полицейский надзор. В 1843 г. вместе с мужем уехала в Архангельск. Сестра Игнация Родзевича 185, 547, 627

Родзевича Игнация мать, см. Олеша Мария 547, 627

Родственный Алексей Федорович* (1796–?), уроженец Томской губ.; по окончании Горного кадетского корпуса (1816) определен в Кольвано-Воскресенские горные заводы на Салаирский рудник, управляющий Сузунским заводом и Монетным двором (1833–1839); подполковник, начальник Нерчинского горного правления в 1840–1850 гг.; полковник (1850), в отставке по болезни, затем — горный ревизор частных золотых промыслов Иркутской губ. (1853), в отставке (1857) 559, 656

Розен Отто Федорович (1782–1831), барон, командир 2-й уланской дивизии, участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов 1813–1814 гг., Русско-персидской войны 1826–1828 гг. 302

Розена жена. Розен Катажина (Екатерина Казимировна, урожд. Ручиньская)*, жена барона Розена. После его смерти вдова получала высокую пенсию. Помогала сосланным родственникам, имея определенное влияние на высокопоставленных особ 654

Романовский, военный врач в Иркутске 496, 506

Рошковский Адольф (ок. 1808–1875), дворянин из Староконстантиновского повята, архивариус житомирского повятового суда, сын Юзефа; с 1837 г. муж Антониллы (урожд. Пфаффюс). С апр. 1836 г. — член Общества польского народа, затем секретарь Житомирского повята, принимал участие в принятии в заговор очередных членов. Был арестован в 1838 г., 14 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Усолье, затем в нерчинских заводах. Был кассиром и хозяином Общины польских ссыльных. В окт. 1843 г. переведен на поселение в Жилкинскую вол.; вместе с приехавшей к нему женой Антониллой он осел в Иркутске, где их дом был открыт для всех, нуждающихся в заботе. Полгода до самой смерти у них провел больной Мариан Подхороденский. В 1848 г. получил разрешение на переезд вместе с семьей в Калугу, а по амнистии 1856 г. на возвращение в 1857 г. на родину. Он арендовал имение Козиньце на Украине, затем был администратором имения Потоцких Подвысоке. Умер в Люблине 229, 270, 295, 302,

311, 338, 379, 391, 405, 406, 408, 412, 416—420, 423, 426, 488, 517, 545, 550, 653, 713

Рошковский Анджей (ок. 1789—?), ксендз, настоятель в дер. Полонне в Ломжинском воеводстве. В 1831 г. был обвинен в пособничестве «бунтовщикам», после двух лет тюрьмы сослан в Верхнеудинск. Затем находился в Балаганске Иркутской губ., позднее в Братске. В мае 1848 г. получил разрешение на переезд в Могилевскую губ. До 1856 г. находился под надзором полиции. На родину вернулся в 1857 г. по амнистии 1856 г. 685

Рудзевич, Руджевич, см. Шимон Конарский 107, 116, 117

Ружицкий Кароль (1789—1870), полковник, во время ноябрьского восстания командир Вольнского конного полка; после поражения поселился в Галиции 354

Руперт Вильгельм Яковлевич* (1787—1849), иркутский и енисейский ген.-губернатор и командующий войсками Вост. Сибири, ген.-лейтенант. Усилил военное начало в управлении, особое внимание уделял улучшению путей сообщения — в частности, строительству дороги между Иркутском и Кяхтой. Уволен от должности в 1847 г. после ревизии Вост. Сибири сенатором И. Н. Толстым, обнаружившим массу злоупотреблений 260, 362, 365, 373, 382, 384, 386, 390, 391, 398, 408, 417—419, 423, 424, 427, 448, 455, 458, 469—471, 473, 475—477, 481, 484—487, 490, 505, 508, 513, 514, 521, 524, 525, 538, 548, 556, 564, 573, 577, 587, 590, 591, 594, 600, 604, 605, 615, 628—630, 635—637, 650, 656—658, 660, 662, 663, 665, 675, 679, 682, 690, 698, 699, 701, 712, 713, 715, 727, 730, 734, 737

Руперт Елена Федоровна (урожд. Недоба)*, жена В. Я. Руперта, дочь действ. ст. сов. Ф. И. Недобы, участника сербского национально-освободительного движения, русского дипломатического агента, члена Бессарабского областного верховного суда и председателя гражданского суда. Родом из Молдавии. Была в хороших отношениях с декабристами. Имела восемь детей 553, 577, 616, 658, 687

Ручиньский Юстиниан (1810—1892), дворянин из Владимирского повета, учился в Кременецком лицее, затем отбывал «юридическо-административную практику» в Житомире, сын Игнация и Зофии (урожд. Модзелевская). Член Филантропического общества, затем Общества польского народа, слишком активную деятельность не вел, однако был арестован в 1838 г. и 11 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Оказался на нерчинской каторге, где принимал участие в создании Забайкальской общины — организации взаимопомощи ссыльных. Благодаря взятке в тысячу рублей, врученной его женой Луцией Н. Э. Писареву, еще в июне 1841 г. его перевели на поселение в Жилкинскую вол., а в февр. 1842 г. он выехал, благодаря стараниям жены, в Тобольскую губ. С марта 1842 г. жил в Туринске, куда в сентябре того же года к нему приехала Луция. Получал государственное пособие, Луция подрабатывала, чтобы содержать семью, уроками музыки (в Туринске у них родился ребенок). В 1848 г. получил разрешение на переезд в Калугу, а осенью 1852 г. — в Могилевскую губ. С 1853 г. они жили с отцом Юстиниана в Бердичеве, а затем в Житомире, где находился под надзором полиции. Там он написал вос-

поминация: «Конарщик 1838—1878. Воспоминания о ссылке в Сибирь», изданные после его смерти 229, 270, 379, 391, 397, 405, 406, 411, 412, 416, 418—420, 422, 423, 426, 488, 542, 545, 585, 586, 590, 599, 600, 605, 607—609, 613, 615, 639, 641, 642, 645—647, 649, 650, 654, 658, 675, 733

Рыков или Чернышев, ремесленник из Екатеринбурга, главарь разбойников, схваченный летом 1841 г. 600

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826), поэт, масон, декабрист, член Северного общества, один из пяти казненных организаторов декабрьского восстания 1825 г. 659

Рыпланский (Рыпальский) Александр из Литвы, прибыл в Сибирь в поисках работы учителя, был встречен Ю. Сабиньским в Каинске 306

С

С***. В это время в Тобольском земском суде служили два заседателя, фамилии которых начинались на букву «С»: коллежский секретарь Алексей Иванович Сорокин и титулярный советник Владимир Андреевич Серебряков. О ком конкретно идет речь, определить невозможно* 275

Сабиньская Пелагия (урожд. Даровских, 1811—1839), дочь Кароля Верыха-Даровских и Катажины Машкевич, жена Юлиана Сабиньского. Умерла, когда ее муж находился в киевской тюрьме, незадолго до его отправки в Сибирь; похоронена в Збжизе 60, 62, 65—67, 82, 91, 94, 95, 97, 100, 103—105, 113, 123, 130, 135, 139, 141, 146, 147, 155, 156, 176, 180, 194, 199—201, 209, 214, 227, 278, 309, 318, 345, 361, 374, 407, 409, 410, 414, 430, 434, 440, 486, 489, 490, 493, 506, 508, 511, 521, 539, 543, 549, 555, 559, 561, 569, 576, 601, 603, 612, 651, 663, 668, 671, 673, 707, 718, 725, 726

Сабиньская Хемильда (Хеми, Мися) (1838—1918), дочь Юлиана и Пелагии Сабиньских. В 1859 г. вышла замуж за врача Конрада Дыновского, профессора права Варшавского университета. Умерла в Могилеве 179, 286, 287, 306, 315, 374, 386, 448, 457, 460, 476, 488, 517, 547, 648, 650, 655, 683, 716, 725

Сабиньская Эльжбета Юлианна (урожд. Рачинская, ?—1848), мать Ю. Сабиньского (в браке с Людвиком Сабиньским), во втором браке Стажиньская. Умерла от холеры 73—75, 141, 149, 154, 156, 165, 175, 176, 179, 199, 263, 286, 325, 338, 371, 386, 387, 389, 402, 417, 421, 407, 430, 432, 437, 443, 444, 448, 449, 457, 459, 461, 462, 464, 466, 468, 470, 474, 476, 487—490, 494, 511, 512, 519, 520, 526, 534, 539, 547, 549, 550, 553, 554, 556, 563, 569, 573, 576, 586, 591, 597, 598, 605, 612, 623, 627, 634—639, 642, 645, 648, 650, 657, 662, 666, 681, 695, 697, 698, 716—718, 721, 722, 725—727, 742

Сабиньский Земовит (Зизи) (1835—?), сын Юлиана и Пелагии Сабиньских. Окончил медицинский факультет Киевского университета; в 1865 г. получил в Петербурге степень доктора медицинских наук 103, 139, 146, 149, 176, 286, 344, 374, 386, 460, 476, 488, 503, 517, 518, 524, 540, 546, 603, 648, 650, 655, 683, 716, 725

Сабиньский Людвик (1775—1844), герба Гляубич, сын Яна, отец Ю. Сабиньского, женатый первым браком на Эльжбете Юлианне Рачиньской, вторым браком на Зофии Юзефе Пухальской 520, 598, 636, 645, 673, 726

Сабиньский Ольгерд (Лёлё) (1837—?), сын Юлиана и Пелагии Сабиньских, студент физико-математического факультета Киевского университета. В 1859 г. выехал

в Париж и Брюссель, где и остался, принимая активное участие в жизни эмиграции 176, 230, 286, 374, 386, 404, 414, 430, 460, 476, 488, 518, 519, 521, 553, 591, 598, 602, 635, 650, 655, 683, 725

Сабинский Юзеф (1826—?), младший брат Ю. Сабинского, подпоручик 6-го пехотного полка; был арестован по делу Патриотического общества; в тюрьме покончил жизнь самоубийством 332

Сабинского Юлиана и Пелагии дети: Хемильда (Хеми, Мися), Ольгерд (Лёлё) и Земовит (Зизи) 59, 63, 94, 110, 146, 155, 176, 180, 214, 276, 286, 345, 359, 374, 382, 386, 407, 410, 417, 430, 437, 449—452, 457, 458, 459, 470, 474, 476, 488, 500, 541, 547, 555, 591, 612, 635, 646, 655, 666, 671, 683, 704, 707

Савиньский, офицер 349

Савичевский Константы, ссыльный из группы так называемых свентокшижцев, членов отделения СПН в Варшаве 504, 518

Саллостий, Галлий Криспус (86 до н. э. — 35 до н.э.), римский историк 347, 492, 562, 579

Сапожников Игорь Иванович, офицер, начальник Мурашовского этапа 295—298

Семяновский Эuzeбиуш (1765—1840), полковник Польской армии, участник наполеоновских войн, комендант Замосця. Участник ноябрьского восстания 371

Семяшкевич Войцех, родом из Каменца, добровольно прибыл на службу в Сибирь, секретарь полиции в Нижнеудинске 364

Сендеев (Сандеев), офицер, вел партию арестантов от Красноярска в Енисейской губ. 349

Сергеев, офицер от инвалидов из Каинска, начальник одного из этапов 305

Скерлетов, полковник, начальник этапных комендатур на участке Тобольск — Тара 294

Сидоров, младший офицер на Каргатском этапе Томской губ. 310

Сикорский Павел (ок. 1809—?), родом из Польского Королевства, участник ноябрьского восстания, в 1831 г. направлен в солдаты, но прежде чем он начал службу, открылось, что в частной переписке он неестественно отзывался об имп. Николае I, поэтому его приговорили к каторжным работам. В 1837 г. ему назначили местом каторги Боготольский завод, а затем перевели в Керенскую винокурню в Тобольской губ. С 1850 г. находился на поселении. В 1857 г. вернулся по амнистии 1856 г. на родину 334

Сильвергельм (Сильверхельм) Эрик Егорович* (Вильгельмович) (1807 — после 1859), бар., в 1837—1845 гг. — капитан, адъютант ген.-губернатора Вост. Сибири В. Я. Руперта; в 1845—1859 гг. — управляющий Иркутской комиссариатской комиссией, с 1859 г. — ген.-майор в отставке 471

Синопуп, офицер, один из плац-адъютантов в Киевской крепости 115, 184, 185, 188—191, 193—195, 197, 198, 202—204, 211

Синопуа жена, жена плац-адъютанта, поставляла обеды заключенным 189

Скульский Миколай, родом с Подолья, солдат в Томске 322, 325

Снешко Томаш (1800 — после 1852), из ордена бернардинцев, римско-католический священник в Красноярске в 1836—1852 гг. 341

Собаньский Александр (1794—1861), сын Матеуша и Текли (урожд. Орловской), офицер Польской армии, командир эскадрона в восстании 1831 г. (битва под Майданом); в эмиграции в Швейцарии 381

Соколовский Михал из Польского Королевства, на поселении, был связан с торговлей водкой 610

Соколовский Элиаш, из Ольгопольского повята на Подолье; участник ноябрьского восстания, сражался под Дашовом 14 мая 1831 г.; после поражения восстания ушел в Галицию, при известии об амнистии вернулся; был направлен в Российскую армию; солдат на одном из этапов 330

Софронов (Сафронов) Григорий Ефимович*, иркутский купец 3-й гильдии, винокур Александровского казенного винокуренного завода. В 1844 г. занимался переустройством завода «из огневого на паровое действие». Его племянник был учеником Яцека Гольньского 614

Стажиньская Идалия (1809—1883), дочь Юзефа и Эльжбеты Юлианны Сабиньских, сводная сестра Ю. Сабиньского, жена бар. Харсдорфа; после его смерти в 1857 г. вышла замуж за Аманциуша Жарчинского 12, 68, 130, 141, 154, 156, 458, 459, 650, 683, 707, 716, 725

Стажиньская Изабелла-Казимира, дочь Юзефа и Эльжбеты Юлианны (урожд. Рачинская, в первом браке Сабиньской, во втором браке Стажиньской), сводная сестра Ю. Сабиньского, умерла 15 февр. 1845 г. в Каменце-Подольском 12, 386, 402, 488, 494, 519, 520, 591, 597, 605, 634, 637, 648, 650, 651, 654, 657, 666, 672, 673, 675, 682, 697, 698, 707, 716, 724—726, 732, 742

Стажиньский Долива Станислав (1784—1851), псевдонимы: Стах До-

лива, Валидос, сын Этамза; поэт, драматург, переводчик, прозаик; близкий друг Ю. Сабиньского 11, 14, 15, 18—20, 23—25, 27—32, 36, 37, 146, 179, 182, 192, 198, 276, 366, 367, 417, 418, 424, 428, 431, 436, 461, 465, 466, 489, 490, 501, 511, 519, 520, 547, 548, 553, 576, 577, 599, 605, 612, 619, 641, 645, 646, 651, 668, 683, 684, 703, 706—708, 716, 718, 727

Стажиньский Эдвард (?—1863), сын Людвика и Н. Урбановской, предводитель дворянства Ольгопольского повята, племянник Яна, двоюродный брат Станислава Доливы. Умер в Париже 646

Стажиньский Ян, сын Антония и Тересы из Хумницких, дядя Станислава Доливы. Умер в 1841 г. 646

Станислав Август, см. Понятовский Станислав Август

Старорыпиньская Юлия (урожд. Рачиборская, ок. 1805—?), дворянка с Подолья, жена Юзефа Старорыпиньского, мать четверых детей; участвовала в подпольной деятельности женской ячейки Общества польского народа, три месяца сидела в Киевской крепости, была освобождена с запретом покидать место проживания 175, 186

Старорыпиньский Кароль, сын Франчишка и Саломеи (урожд. Горжевская), имел брата Юзефа и сестер — Теклю и Франчишку (по мужу Михальская) 175, 651, 703

Старорыпиньский Юзеф (1785 или 1797—?), дворянин, владелец Караччиовки в Каменецком повяте, сын Франчишка и Саломеи (урожд. Горжевская). В 1836 г. в доме Фридриха Михальского, мужа своей сестры Франчишки, он познакомился с Ш. Конарским и был принят в Общество польского народа. Он под-

держивал общество материально, активно действовал в нем вместе с женой. Арестован в 1838 г., заключен в Киеве, 18 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на поселение в Тамбове под полицейским надзором. Благодаря заступничеству знакомых в Петербурге, в 1841 г. получил разрешение вернуться в родную Карабчиовку. Женат на Юлии (урожд. Рачиборская). Его сын Зигмунт — автор воспоминаний, изданных в 1986 г. Стефаном Кеневичем. Имел брата Кароля и сестер — Теклю и Франчишку (по мужу Михальская) 107, 116, 117, 503, 685

Сташкевич, сведений не обнаружено 175

Стефани Августин, врач-гомеопат; до 1821 г. вместе с Ю. Сабиньским принадлежал к масонской ложе в Каменце-Подольском; позднее работал в имении Игнация Мархоцкого и, наконец, с 1829 г. в Бердичеве 61, 62, 65, 92, 130, 450, 725

Стогов Эразм Иванович* (1797—1880), полковник, бытописатель Сибири. Окончил Петербургский морской кадетский корпус. Получил назначение в Охотск. На Охотском побережье и на Камчатке он пробыл с 1820 по 1830 г. В начале 1830-х гг. возглавлял Иркутское адмиралтейство, а вернувшись в 1834 г. в Петербург, перевелся из флота в жандармы; служил штаб-офицером Корпуса жандармов в Симбирске; в 1837—1852 гг. — дежурный штаб-офицер, затем управляющий канцелярией киевского, подольского и волынского ген.-губернатора Д. Г. Бибикова. Выйдя в отставку, писал литературные очерки, носящие в большинстве случаев форму рассказов, и с 1878 г. стал печатать их в «Русской старине». Обладал феноменальной памятью: через 40—45 лет после описыва-

емых событий он отчетливо помнил лица, имена, бытовые подробности, местные названия природных объектов. Вряд ли характеристику, данную Стогову Сабиньским («большого глупца, следует добавить»), можно считать объективной 189—191, 193, 194

Стрекаловский, офицер, начальник Ишимского этапа в Томской губ. 327

Струмилло Игнаций, помещик из Житомирского повята на Вольни. В 1831 г. был арестован и обвинен в том, что не донес «о преступных замыслах бунтовщиков». Был сослан на поселение в Сибири, с утратой сословных прав и конфискацией имущества. Имел дом в предместье Тобольска. В 1841 г. получил перевод в одну из европейских губерний России 273, 274, 278

Штельницкий Владислав (1820?—1846), сын Миколая и Люцины (во втором браке Яшовской), студент университета св. Владимира в Киеве, член студенческого заговора, принятый в Общество польского народа П. Боровским; заключенный в Киевской крепости, приговорен на поступление в Кавказский корпус на правах добровольца с обязанностью отслужить 10 лет после получения офицерского звания. Поэт, принадлежал к группе «кавказских поэтов» 198

Сузин Адам (1800—1879), сын Дамиана и Эуалии (урожд. Розенбаум), студент университета в Вильно, член общества филаретов, арестованный в 1823 г., отказывался давать показания; увековечен Адамом Мицкевичем в тюремной сцене 3-й части «Дзядов». Приговорен к 6 месяцам крепости и поселению, наказание отбывал в Орске. Принимал участие в

различных научных экспедициях. В 1838 г. ехал в Млынов к гр. Каролю Ходкевичу в качестве гувернера, по дороге навестил Родзевича в Лисове и был замешан в дело конарщиков; сидел в тюрьме в Вильно и Киеве, в конце концов был отправлен в имение отца в Залешаны. Последние годы жизни провел вместе с женой Каролиной (урожд. Одинец) у дочери в Варшаве 181, 182

Сын Волконских, см. Волконский М. С.

Т

Талызин Иван Дмитриевич* (1799—1844), действ. ст. сов. С 1833 г. начал службу в Омском областном правлении. В 1838 г. был причислен к Министерству внутренних дел и назначен исправляющим должность тобольского гражданского губернатора. В 1839 г. был назначен оренбургским гражданским губернатором. По мнению современников, Талызин обладал довольно тонким умом, дальновидностью, был деятелен. Но вместе с тем отмечали его ненависть к тем, кто не разделял его мнения, неограниченный эгоизм, самовластье, разгульный образ жизни и недостаточное образование 244, 260, 264, 271, 293

Таппе Аугуст Вильгельм (1778—1830), богослов, филолог, педагог, издатель сокращенного варианта «Истории России» Н. Карамзина 680

Тарасов Федор Федорович*, коллежский регистратор, смотритель Ачинского острога 336

Тарковский Фортунат, сын Захария, родом из Ямпольского повета на Подолье, племянник Матеуша Матковского, офицер на Малокемчугском этапе 338, 339

Тарнавский Гжегож, из Винницкого повета, подолянин. Участник восстания 1831 г. с Запольским, за что отдан в солдаты в Сибирь 370

Тарнавский (Тарнавецкий) Ян (ок. 1786—1854), землевладелец из Таращанского повета, сын Михала. Арестован за контакты с Ш. Конарским, во время следствия ни в чем не признался и 25 янв. 1839 г. был освобожден, отдан под надзор полиции; вместе с сестрой Саломеей участвовал в работе Комитета опеки над ссыльными 175

Таскин Алексей Николаевич* (ок. 1806—1875), горный инженер, поэт, переводчик. Окончил Горный кадетский корпус (1825), служил в Нерчинском горном округе помощником управляющего Нерчинских заводов, преподавателем горного училища, управляющим Дучарским заводом (1832). В описываемое время капитан, к концу 1840 г. — майор, правитель дел Горного отделения в канцелярии при Главном управлении Вост. Сибири в 1837—1842, 1848—1852 гг. Переведен в Алтайский горный округ управляющим Локтевским заводом (1842), вернулся на должность правителя дел (1848), начальник горного отделения и советник Главного управления Вост. Сибири в чине полковника (1850), в отставке (1852). Сабиньский ошибается, Таскин адъютантом В. Я. Руперта не был 427—429, 431, 436

Тассо Торквато (1544—1595), итальянский поэт, автор «Освобожденного Иерусалима» 280, 554

Татаринев Степан Петрович* (1782—1847), горный инженер, ген.-майор, крупный специалист по технике выплавки и горячей обработке черных металлов. В 1800 г. окончил Горное училище. Служил на частных

и казенных заводах. В 1805—1808 гг. проходил стажировку за границей — в Саксонии, Богемии, Баварии, Венгрии. Затем служил на Урале: управляющий Серебрянского завода Горноблагодатского округа (1815), горный начальник Златоустовского округа, директор Оружейной фабрики (1821—1826). 28 окт. 1829 г. назначен начальником Нерчинских заводов. В 1840—1847 гг. гражданский губернатор Томской губернии и главный начальник Алтайских заводов 428, 559

Тацит Публий Корнелий (ок. 55—120), римский историк 280, 344, 346, 360, 431, 438, 532, 579, 593, 704, 713

Терлецкий Франчишек (ок. 1814—?), дворянин из Минской губ. В 1836 г. был принят в Общество польского народа в Пинске. Был арестован и приговорен в 1839 г. к поселению в Сибири с утратой сословных прав. Остался на родине жену и детей. Находился в Дмитриевской вол. Томского округа, а затем в Томске. В 1841 г. получил разрешение на «свободное проживание» в Сибири. Перешел в православие, взял имя Григорий, второй раз женился на сибирячке; позднее стал страдать «помешательством ума». В 1857 г. получил разрешение вернуться на родину, но им не воспользовался. В 1864—1865 гг. жил в Томске 298, 592

Титов Владимир Яковлевич*, губ. секретарь, затем коллежский секретарь, управляющий Иркутским солеваренным заводом с дек. 1840 г. 455, 506, 525, 532, 536, 546, 553, 568, 573, 574, 579, 582, 583, 587, 589, 596, 597, 620, 621, 659, 668, 721, 735

Тиханович, поляк из Таращанского повета в Киевской губ., прибыл

в Сибирь добровольно, смотритель больницы в Каинске 306

Томашевич Мачей, чиновник из Вильно, за должностные преступления был приговорен к каторжным работам в Сибири 334

Трембецкий Станислав (1739—1812), поэт 20, 693

Троллоп Фрэнсис (Фанни) (1791—1863), в девичестве Милтон, английская романистка, автор романа «Париж и парижане» (Париж, 1836) 506

Трубецкая (урожд. гр. Лаваль) Екатерина Ивановна* (1800—1854), жена С. П. Трубецкого. После приговора по делу декабристов первая добилась разрешения следовать за мужем в Сибирь. У Трубецких было семеро детей: Александра (1830—1860); Елизавета (1834—1918), Никита (1835—1840), Зинаида (1837—1924), Владимир (1838—1839), Иван (1843—1874), Софья (1844—1845). Кроме собственных детей в семье воспитывались дочь М. К. Кюхельбекера Анна, сын А. Л. Кучевского Федор, дочь бедного чиновника Мария Неустроева. Похоронена Е. И. Трубецкая в Иркутске 667, 679

Трубецкой Сергей Петрович* (1790—1860), кн., декабрист, член Союза благоденствия, затем Северного общества. Один из авторов «Манифеста к русскому народу». Во время подготовки восстания Трубецкой был назначен в диктаторы, но на площадь не явился и участия в восстании не принимал. Приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Пробыл на каторге 13 лет. В 1839 г. обращен на поселение в с. Оёк, недалеко от Иркутска. В 1845 г. перебрался с семьей в Иркутск. По амнистии 1856 г. восста-

новлен в правах дворянства, но без княжеского титула, который дарован детям особым высочайшим указом 30 авг. 1856 г. Выехал в Европейскую Россию в конце 1856 г. Умер и похоронен в Москве 351, 360, 667, 679

Трынковский (Трыньковский) Людвик Габриэль (1805—1849), родился в крестьянской семье в Вилькомирском повяте, сын Аниония, ксендз, доктор богословия, преподаватель в Епархиальной духовной семинарии в Вильно, популярный проповедник Виленского кафедрального собора. За нелояльные проповеди в 1831 г. был переведен на должность настоятеля в Дрвсвятках, с 1835 г. — каноник Виленского кафедрального собора. С 1837 г. активный член Литовского комитета, связанного с Адамом Ежи Чарторыжским, член студенческого заговора Франчишка Савича, затем член Общества польского народа, хотя этому соединению он долго противился. После произнесения патристической речи на похоронах Енджея Снядецкого в Вильно 3 мая 1838 г. был решением епископа удален из города. Арестован в июле того же года, заключен в Вильно, из-за жестокого обхождения помешался и сделал подробные признания, касающиеся своей интимной жизни, в том числе многолетнего романа с художницей Ружей Парчевской. Несмотря на явные симптомы психического заболевания, его отдали под военный суд, и 8 февр. 1839 г. он был приговорен к поселению в Сибири с утратой сословных прав и духовного сана. Находился в больнице Томска и Иркутска. На протяжении последующих лет несколько раз выходил из больницы, но опять туда возвращался из-за рецидивов заболевания. Умер в Иркутске 298, 345, 405, 561, 562

Трынковский (Трыньковский) Павел (1814—1866), врач, младший брат Людвика Транкевича, окончил Медико-хирургическую академию в Вильно (однокурсник Винцента Панкевича); будучи «казенным студентом», он обрабатывал стипендию как военный врач 564

Турчанинов Павел Петрович* (1776—1839), военный и государственный деятель, ген.-лейтенант. В 1834 г. — и. д. подольского военного губернатора. В 1835 г. — военный губернатор Каменца-Подольского и гражданский губернатор Подольской губ., затем — комендант Киева, а не Киевской крепости, как указывает Ю. Сабиньский 75, 76, 144, 189

Тышкевич Ян, политический ссыльный из Литвы, прибыл в Иркутск в апр. 1840 г. 452

Тьерри, француз, сосланный с Вольни в Сибирь за контрабанду, находился в Усолье 402

У

Уляницкий (Уланицкий), зять С. Запольского, конарщик (?), заключенный в Киевской крепости 137, 146—148

Уляницкого (Уланицкого) сын, внук С. Запольского 103, 146, 147

Уминьский Войцех (ок. 1789 или 1793—?), дворянин из Плоцкого воеводства, сын Юзефа, подпоручик Польской армии, писарь и арендатор на Вольни, затем владелец Водзянки в Звиногородском повяте, член Общества польского народа. Был арестован в авг. 1838 г., сделал подробные показания, а также показал место, где укрыл написанный им устав организации, который стал одним из главных доказательств обвинения. 11 февр. 1839 г. был приго-

ворен к смертной казни, замененной на 15 лет каторжных работ. Каторгу отбывал на солеваренном заводе в Усолье; с 1840 г. на поселении в Бадайской вол. Иркутского округа. Получил разрешение заниматься рыболовством на Ангаре, в чем ему помогал декабрист А. З. Муравьев. В 1843 г. к нему приехала жена, Розалия (урожд. Будневская). В 1848 г. ему разрешили переехать в Тотму Вологодской губ., где получал государственное пособие; болел цингой и вместе с женой чрезвычайно нуждался. В 1857 г. по амнистии 1856 г. получил разрешение вернуться на Волянь, где жил в очень трудных материальных условиях 33, 261, 269, 271, 289, 305, 345, 346, 366, 384, 386, 391, 405, 409, 420, 422, 424–426, 436, 437, 491–494, 501–503, 513, 514, 518, 522–524, 564, 565, 568, 586, 588, 590, 596, 654, 658, 734

Урадов, офицер (поручик), начальник Алзатайского этапа Иркутской губ. 359–362

Урадова, жена поручика, якутка 361, 362

Ф

Файнгольд, ювелир в Каменце-Подольском, его дочь (или племянница) была выслана на поселение, жила в Красноярске 335

Фалькенберг Николай Яковлевич* (?–1845?), артиллерист, ген.-майор. Участник польской кампании 1830–1831 гг., начальник 8-го (Сибирского) округа корпуса жандармов 245, 246, 250, 540, 541, 558, 559, 561, 575, 590, 650, 656, 657, 660, 662

Феденев Александр Лаврентьевич*, полицмейстер Усольского завода, коллежский регистратор 413, 414, 437, 479, 500, 508, 559, 565

Федоров Николай Федорович*, помощник архитектора в губ. строительной комиссии 458

Фелинская Эва (1793–1859), дочь Зигмунта Вендорффа и Зофии Сонгойл, жена Герарда Фелинского. После смерти мужа сдала в аренду имение Воютин и поселилась в Кременце, чтобы дать детям образование; в 1836 г. познакомилась с Ш. Конарским, стала его секретаршей (псевдоним «Скала») и «почтовым ящиком»; организовала женскую ячейку Общества польского народа, для которой разработала устав. Арестована в 1838 г., сидела в тюрьме в Вильно и Киеве, была выслана на «вечное поселение» в Тобольскую губ. без утраты сословных прав; в 1839–1840 гг. жила в Березове, затем переведена в Саратов (1841–1844), где ее навещали дети, в том числе Паулина Шемеш и Зигмунт Шченский, будущий Варшавский архиепископ. Была автором многих повестей и, прежде всего, прекрасных дневников из ссылки, фрагментарно печатаемых в «Athaenesh», которыми так восхищался Ю. Сабиньский; затем были изданы в книжном формате: «Воспоминания из путешествия в Сибирь, жизни в Березове и Саратове» (т. 1–3. Вильно, 1852–1863), а также о своем детстве и молодости: «Воспоминания из жизни» (т. 1–3. Вильно, 1852–1853), работу над которыми прервала смерть в Воютине 185, 186, 192, 274, 275, 280, 284, 323, 379, 637

Фетисов, поручик, командир армейской части, расположенной в Нижнеудинске 364

Федоров, надзиратель Казанской тюрьмы 233–236, 241

Филат, бурят, собеседник Ю. Сабиньского 629

Фридрих Вильгельм III (1770—1840), прусский король 487

Фуфаев Александр Гаврилович*, коллежский ассессор, иркутский городской врач 593, 594, 601, 606, 623

Фуше Жозеф (1759—1820), французский политик, министр полиции 629

Х

Хаас Кароль (1815 или 1816—1882), дворянин из Вольны, ксендз, вице-регент луцкой коллегии, сын Франчишка. Член Общества польского народа, принятый в него ксендзом Нарциссом Яжиной; был арестован 16 окт. 1838 г. по показаниям последнего; 11 февр. 1839 г. был приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ на рудниках с лишением сана и сословных прав. Наказание отбывал в Нерчинских заводах, жил вместе с К. Машковским, по словам которого, был он «всеми уважаем за самопожертвование для друзей». Вернулся на родину в 1860 г. по амнистии 1856 г., был пастором часовни в Смиле в Черкасском повяте, еще в 1879 г. оставался под тайным надзором полиции 270, 379

Харсдорф Юзеф (Йобст), барон фон Эндендорф (1780—1854), его второй женой была Идалия Стажиньская 569, 716, 725

Хачиский Дезидериус (ок. 1800—1855), ксендз, сын Винцента, священник из ордена бернардинцев (мирское имя Каликст), многолетний настоятель иркутского прихода; умер и похоронен в Иркутске 560—562, 573, 591, 593, 604, 608, 609, 622, 672, 673, 713, 715, 721, 724, 741

Херасков Петр Дмитриевич* (?—1841), надворный сов., директор

Тельминской казенной суконной фабрики в 1835—1841 гг. 422

Хмельёвская Теодора, двоюродная сестра Ю. Сабиньского, дочь Тадеуша Рачинского, брата матери Ю. Сабиньского. С 1853 г. жила в Каменце-Подольском 12, 149, 156, 371, 487, 505, 547, 595, 648, 682, 698, 704, 707, 713, 716

Хмельёвский Доминик, родственник Теодоры Хмельёвской; за участие в ноябрьском восстании был приговорен к каторге; в 1839 г. был надзирателем ремесленного дома в Иркутске; женился на сибирячке, несмотря на то, что на родине у него осталась жена 386, 388, 389, 416, 417

Хмельёвский Юзеф, муж Теодоры Хмельёвской 179, 520, 547, 548, 556, 562, 573

Холовчинский Миколай, из Литвы, сосланный в 1831 г. в солдаты в Сибирь. Музыкант, играл в оркестре в Омске. В Иркутске держал «таверну для польских ссыльных». Умер в 1856 г. в Варшаве 664

Холоневская Эльвира (Элиза), гр. Знакомая Сабиньских из Киева 104, 105, 130, 157, 451

Хордынський Юзеф (1792—1840), участник наполеоновских походов, поручик в армии Польского Королевства. Во время ноябрьского восстания дослужился до звания майора, перешел в Пруссию, затем эмигрировал в Америку, однако вернулся во Францию. Участник похода Юзефа Заливского 1833 г., пытался организовать партизанскую войну в Белостокском воеводстве. Ушел в Пруссию, был выдан России прусскими властями. Сидел в тюрьме в Гродно и Белостоке, в 1834 г. приговорен к каторжным работам в Сибири. В Иркутск прибыл 5 апр. 1836 г.; его направили

на Тельминскую суконную фабрику. Умер и похоронен в Иркутске 383, 384, 389, 402, 421, 451, 475

Храповецкая Катажина (по мужу Превалова), содержала с мужем трактир 350

Хризостом Иоанн*, в православии — Златоуст (ок. 347—407), архиепископ Константинопольский, богослов, почитается как один из трех Вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом 699, 700

Ц

Цеглинский, поляк, встреченный Ю. Сабиньским в Канске, добровольно прибыл в Сибирь, служил чиновником в Томском губ. правлении 306

Цедерский Ян, поляк, солдат на одном из этапов, заведовал этапной канцелярией 289

Цирина (Цырина) Пётр (ок. 1811—?), дворянин Луцкого повята, владелец имения Березолупы, сын Игнация и Марианны. Участник ноябрьского восстания. С 1836 г. член Общества польского народа, однако за неуплату взносов получил выговор от Т. Чапского. Был арестован и заключен в Киевскую крепость, 10 марта 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 15 лет каторжных работ в шахтах. Наказание отбывал в Дучаре за Байкалом; с нояб. 1840 г. находился на поселении в Читинской вол. Нерчинского округа. Из-за нехватки средств на жизнь в нояб. 1841 г. попросил о вступлении в Кавказский корпус и с 1842 г. служил в Навагинском, а затем Кабардинском пехотном полку. Дослужился до младшего офицера, а затем хорунжего; в 1850 г. был прощен, в

1851 г. произведен в подпоручики. На Кавказе он женился на приехавшей к нему из Литвы невесте Юлии, которая родила ему троих детей. Согласно разным источникам, он или его жена сошли с ума. В 1858 г. получил разрешение на отставку и возвращение на родину, но под строгий полицейский надзор 215, 229, 518

Цицерон Марк Тулий (106 до н. э. — 43 до н. э.), римский государственный деятель, оратор и философ 34, 101, 280, 346, 431, 438, 532, 579

Цыбульский, родом из Минской губ., надзиратель в Тельминской фабрике 426

Ч

Чайковский Оттон (1786 — перед 1841), сын Антония, ущицкий хорунжий; унаследовал деревню Хропотово в Каменецком повяте, жена — Текла Старорыпинская; знакомый Ю. Сабиньского 547

Чапский Теофил (ок. 1814—?), сын Гжегожа, дворянин из Воьлини, учился в школе в Луцке. До 1835 г. был секретарем ген. Людвика Кропиньского, затем писарем у Вацлава Ожешко и Людвика Яжины. Будучи принятым в Общество польского народа Ш. Конарским, в 1836 г. он действовал в Луцком и Влодзимежском повятах. Был арестован в 1838 г. и заключен в Киеве, 22 февр. 1839 г. был приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ; несмотря на инвалидность (после падения с коня он ходил на костылях), отбывал наказание в Вост. Сибири, сначала на Тельминской суконной фабрике, затем на Нерчинской каторге в Кадае; на поселении с 1843 г., жил за счет помощи общины и собственных заработков в качестве часовщика. Вернулся на родину в

1857 г. после амнистии 1856 г. Во время обыска в мае 1862 г. у него нашли «запрещенную литературу»; также его подозревали в «неблагонадежных контактах» с Хенриком Голеевским 78, 183–186, 188, 190–194, 197–201, 203, 229, 253, 270, 317, 379, 383

Червинский Юлиан, сосед Ю. Сабиньского; владелец имения Ивахновцы в Каменецком повете; Юлиан был адвокатом в Латышове, принимал участие в ноябрьском восстании. Под предлогом его имени 19 февр. 1831 г. состоялся съезд польского дворянства, на котором было создано Подольское патриотическое общество во главе с Центральным советом; на этом съезде был и Ю. Сабиньский 591

Черкасов Николай Львович (Ю. Сабиньский неверно указывает фамилию — Черкесов), ген.-майор, председатель комиссии для приготовления к открытию палаты государственных имуществ. Приехал в Иркутск в середине апреля 1840 г. 509

Черкасс, возможно, Черкас Людвик, сын Игнация, владелец имения Воньковцы на Подолье; в 1831 г. адъютант Якуба Нагурничевского, командующего латычовской партией. Выдворен в Вятку, где познакомился с губернатором В. Копыловым. В 1844 г. был лишен дворянских прав в Подольской губ. 343

Черников, домашний учитель у Рупертов 728, 729, 740

Чернышов, надзиратель тюрьмы в Каинске 305, 307

Чернявский П.*, становой пристав в Ланцкоруне 63, 64, 66

Черняковский, солдат, бывший дворовой или казак Вацлава Ревуцкого,

с которым он участвовал в ноябрьском восстании 339

Чеси, дочь Теодоры Хмелёвской 673

Чесневич, поляк из Таращанского повята, из деревни Клюки; солдат с 1831 г.; на поселении в окрестностях Камышова 300

Четвертинские Борис (1808–1863) и **Владислав** (1806–1870), с Подолья, сыновья Людвика и Идалии (урожд. Грохольская). Оба учились в Варшавском университете, потом служили офицерами в Польской армии. Оба принимали участие в ноябрьском восстании, были сосланы в Слободск Вятской губ., в 1831 г. были освобождены. Оба женились на сестрах Олизар — Борис на Нарцызе (1816–1908), а Владислав на Хонорате (1824–1903) 343

Чаусов Андрей Игнатьевич*, нижеудинский окружной начальник, коллежский ассесор 364, 385

Чистяков, управляющий солеварней в Усолье 467

Чихунов, офицер на Ачимовском этапе 287, 288

Чихунова, жена этапного офицера 287

Ш

Шайдевич Клодоальд (ок. 1802–1854), из ордена бернардинцев, викарий в Иркутске с 14 марта 1838 г.; умер в Иркутске 383, 421

Шахардин, офицер, подпоручик, начальник Убиньского этапа, родом из Иркутска 308, 310

Шашкевич Антоний (1813–1880), дворянин Литыньского повята, сын Грациана. Участник ноябрьского восстания в полку Волынской конницы К. Ружицкого; после возвращения из-

вестен как «король гуляк». За связи с конарщиками помещен в Киевскую крепость с окт. 1838 г. Освобожден за сотрудничество со следствием в дек. 1839 г. после присяги и обязательства появляться в Следственной комиссии по первому же вызову. После восстания 1863 г., в котором принимали участие его трое сыновей, переехал в Галицию и там умер в Кунишовцах под Хороденкой 87–91, 96–98, 101, 152

Швейковский Франчишек, политический ссыльный из Литвы, прибыл в Иркутск в апр. 1840 г. 452

Швидерская Марцианна (урожд. Урбанович), литовка, жена Ю. Швидерского 363

Швидерский Юзеф, из Кременского повята, попал в Сибирь за какое-то преступление во время службы в армии 363

Шелеховский Ян, за восстание 1831 г. был отправлен в солдаты в Сибирь 365

Шиллер Фридрих (1759–1805), немецкий поэт и драматург 101, 280, 360, 505, 508, 514, 523, 526, 540, 554, 585, 655, 693, 733, 738, 745

Шиманьский Ян, уроженец Вольни, лакей Яцека Гольньского на Подолье, участник ноябрьского восстания, сидел в Казани в 1833 г., затем был направлен в Сибирский корпус. В 1840 г. в Усолье. Позднее в Забайкальском гарнизоне служил на границе с Китаем в Троице-Савске (1856) и Кяхте (1857) 413, 416, 442, 453, 491, 496–501, 504, 513, 515, 568, 573, 587, 588, 590, 606, 610, 611, 619, 624, 626, 630, 633, 634, 650, 675, 703, 704, 706

Шкленикова (Шкленикова) (урожд. Немирова), сестра Л. Немировского 469

Шгаль (Сталь, Стааль) Карл Густавович* (1777–1853), военный и государственный деятель. С 1830 г. и до своей смерти занимал должность московского коменданта, генерал от кавалерии, сенатор 219, 225

Штубендорф Юлий (Юлиус) Иванович* (1811–1878), окончил медицинский факультет Дерптского университета со званием доктора медицины (1836). Служил в 1-м Сибирском линейном батальоне (1837–1839), 3-м Сибирском линейном батальоне (1839–1841). С 1841 г. – ординатор, позднее старший врач в Омском военном госпитале. В 1844–1849 гг. – врач на частных золотых промыслах. В 1849–1850 гг. – чиновник для особых поручений Главного управления Вост. Сибири. В 1850–1853 гг. – советник Главного управления Вост. Сибири (Медицинского департамента), в 1853–1856 гг. – член Медицинского совета, управляющий 5-м отделением Главного управления Вост. Сибири. В 1852–1855 гг. и. о. директора Александринского детского приюта в Иркутске. Первый правитель дел Сибирского отделения ИРГО (1851–1853). Гражданский губернатор Якутской обл. (1857–1862). Вел этнографические, архивные и ботанические исследования 263, 265–267

Шумилов, офицер, начальник Рыбинского этапа 289, 290

Щ

Щепковский (Щчепковский) Вольфганг (1801 или 1807–1857), владелец деревни Белза на Подолье, сын Фаустина. Участник ноябрьского восстания, член Общества польского народа, секретарь Луцкого повята. Был арестован в 1838 г., 14 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных

работ на заводах. Наказание отбывал на солеварне в Усолье, где учил музыке детей начальника А. П. Мевюса. В 1843 г. был переведен на поселение в Жилкинскую вол., однако жил в Александровском заводе. Как талантливый композитор и скрипач, давал концерты на скрипке, завещанной ему умершим декабристом Ф. Вадковским. С тяжело больными сердцем и легкими был перевезен друзьями в Иркутск, в дом настоятеля К. Швермицкого. Умер там в тот день, когда пришло разрешение вернуться на родину. Он оставил несколько сот рублей иркутскому костелу, а его скрипку друзья привезли на Украину 229, 270, 398, 401–405, 409, 411, 412, 414, 419, 420, 422–424, 426, 457, 473, 482, 483, 485, 491, 493, 494, 499, 500, 509, 510, 513, 522, 525, 527, 528, 545, 548, 556, 568, 571, 588, 601, 608, 611–613, 615, 623, 625–628, 631, 638, 639, 642, 643, 645, 647, 649–651, 653, 655, 658, 668–670, 672, 676, 681, 682, 684–687, 690, 692–694, 697, 699, 705, 707, 709, 712–714, 722, 723, 727, 731, 732, 735–738, 741, 743, 744

Э

Элиза, см. Мевюс Елизавета 538, 543, 548, 556, 558, 572, 577, 594, 601, 607, 611, 614, 623, 625, 634, 647, 657, 672, 681, 692, 710, 729

Эманаков, офицер, поручик, начальник Мешковского этапа 294, 298

Эренберг Густав (1818–1895), поэт, по некоторым сведениям, незаконнорожденный сын Александра I и Хелены Раутенштраух (урожд. Державинской). Член Общества польского народа в Галиции, взял себе псевдоним «Вяра»; создатель филиала Общества так называемых свентокшиццев в Варшаве; в окт. 1838 г.

был приговорен к смертной казни, замененной на бессрочную каторгу. Отбывал наказание в Нерчинских заводах. С начала 1845 г. неофициально находился в Нерчинском Заводе, где занимался литературной деятельностью, преподавал детям местных чиновников. В 1854 г. официально вышел на поселение. В авг. 1856 г. из Иркутска переведен на поселение в Нижний Тагил. Вернулся на родину в 1858 г., работал в Управлении имущества Замоиских и в библиотеке Ординагов; затем переехал в Краков, где устроился учителем на курсах Баранецкого; полностью порвал с поэзией и даже пытался уничтожить следы своего радикального прошлого, скупая и уничтожая экземпляры «Звуков минувших лет» с песней «Честь вам, господа магнаты». С 1870 г. жил в Кракове 462, 627, 640, 641

Ю

Юденич Евстафий Петрович* (1783 (84)–1856), из духовного звания. Окончил С.-Петербургскую медико-хирургическую академию. Служил врачом в драгунском Митавском полку, пройдя с ним всю Отечественную войну. В 1825 г. — уездный врач в Смоленске, с 1826 г. — уездный врач в Вязьме, с 1845 г. — врач при Вяземском духовном училище 221, 222, 232

Юзефович Марчин (ок. 1802–1844), сын Юзефа, выпускник университета в Вильно, врач военного госпиталя в Киеве, в экстренных случаях вызываемый в Киевскую крепость 190, 191, 193, 198, 200, 202

Юрченко, офицер, начальник Антошинского этапа 303, 304

Юстинов (скорее, Устинов) Пётр, врач в Екатеринбурге 253, 254

Юшневская (урожд. **Кругликовская**, в первом браке **Анастасьева**) **Мария Казимировна*** (1790–1863), жена декабриста А. П. Юшневого. После объявления приговора по делу декабристов в окт. 1826 г. обратилась за разрешением поехать за мужем в Сибирь. Смогла соединиться с мужем только летом 1830 г. во время переезда декабристов из Читы в Петровский Завод. На поселении с мужем в дер. Малая Разводная (с 1840 г.). После смерти А. П. Юшневого в 1844 г. позволения вернуться в Россию не последовало. В течение 11 лет Юшневская жила в Малой Разводной, в Иркутске и Кяхте. Разрешено вернуться только в 1855 г. с установлением за нею секретного надзора. 6 дек. 1855 г. она выехала из Иркутска. Поселилась в Киевской губ., где и умерла 35, 639, 664, 745

Юшневский Алексей Петрович* (1786–1844), декабрист, член Союза благоденствия, затем Южного общества, осужден на вечную каторгу. Наказание отбывал в Шлиссельбурге, Чите и Петровском Заводе. В 1830 г. к нему приехала жена Мария Казимировна. В 1839 г. был определен на поселение в с. Кузьмиха под Иркутском, а с 5 нояб. 1840 г. переведен в дер. Малую Разводную в нескольких верстах от Иркутска. Умер в Оёке, куда приехал на похороны Ф. Ф. Вадковского. Похоронен в с. Большая Разводная 664, 745

Я

Я**. Офицер из Тобольска, конкретных сведений о котором выявить не удалось 280, 281, 290

Яворский, из Житомира, несколько лет был «на службе» в Сибири, в 1840 г. возвращался на Вольту 470

Яворский Павел, из Винницкого повята на Подолье, арестант в тюрьме в Каинске 307

Яжина Анеля (урожд. Пшигодская), жена Леопольда Яжины. В 1841 г. обратилась к ген.-губернатору Вост. Сибири В. Руперту за разрешением приехать к мужу в Вост. Сибирь, однако сразу ответа не получила и больше не пыталась это сделать; поселилась в Польском Королевстве 194, 426, 501, 517, 707

Яжина Леопольд (ок. 1817–1850), дворянин из Влодзимежского повята, женатый на Анели Пшигодской, сын Франчишка, брат Нарцисса. Познакомился с Ш. Конарским у Э. Фелиньской, член Общества польского народа (псевдоним «Мальва»); был арестован в 1838 г., сидел в Киеве, 11 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, которую заменили на 20 лет каторжных работ. Наказание отбывал сначала в Усолье, затем на нерчинской каторге. Переведенный в 1843 г. на поселение, жил с братом Нарциссом в Жилкинской вол. Иркутского округа; оба были окружены заботой Общины польских ссыльных. В 1847 г. получил разрешение переехать в Воронежскую губ. Умер в Воронеже от туберкулеза 194, 229, 270, 379, 391, 411, 416, 417, 419, 422, 423, 425, 435, 744

Яжина Нарцисс (Нарцис, Нарциз) (ок. 1812–1859), дворянин из Влодзимежского повята, сын Франчишка, брат Леопольда, ксендз. Учился в повятовой школе в Луцке, затем в Кременецком лицее, главной семинарии в Луцке и в Виленском и Киевском университетах. В 1832 г. был рукоположен в священники, после этого был администратором прихода Локаче и префектом приходской школы в Ольце. За контакты с учениками гимназии в Клеване, с

которыми он организовал «тайный театр», потерял учительскую должность и был переведен в Казмиреку в Луцкой епархии. Потом был активным членом Общества польского народа, арестован в 1838 г., содержался в Киевской крепости, где дал подробные показания. 11 февр. 1839 г. был приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ (однако сана его не лишили). Наказание отбывал в Усолье и на руднике Култума за Байкалом. В 1843 г. его перевели на поселение в Жилкинскую вол. Иркутского округа, где жил вместе с братом. Занимался хозяйством, одновременно получая пособие от государства. По амнистии 1856 г. он в 1857 г. уехал в Житомир под полицейский надзор. Умер от туберкулеза 229, 270, 304, 379, 391, 409, 413, 744

Якимов, капитан, начальник Разгонного этапа Иркутской губ. 358

Яковенко Евдокия Петровна (урожд. Наумова), дочь богатого московского купца, неверная жена И. С. Яковенко 366

Яковенко Иван Созонович, из Полтавской губ., офицер на Кужанском этапе в Иркутской губ. 366—368

Якубович Александр Иванович* (1796 или 1797—1845), декабрист, участник восстания на Сенатской площади, арестован 15 дек. 1825 г., приговорен к вечной каторге, срок был сокращен до 15 лет. Прибыл в Иркутск 27 авг. 1826 г. Наказание отбывал в Благодатском руднике, Чите и Петровском Заводе. В 1839 г. был обращен на поселение в с. Большая Разводная. Неоднократно приезжал в Иркутск. В 1841 г. переведен в с. Назимово Енисейской губ. Был приглашен на службу в золотопромышленную компанию Бази-

левского и Малевинского. В 1845 г. был помещен в больницу г. Енисейска, где и умер 470, 471, 477, 496, 681

Якубович Лонгин, поляк из Волыни, надзиратель тюрьмы в Красноярске 339—348

Якубович Цирус, сын надзирателя Красноярской тюрьмы Л. Якубовича 344

Яницкий*, квартальный в Збжизе, сопровождал Ю. Сабиньского во время его препровождения под арестом в Киев 62—68, 75, 100

Янишевский Ян Людвик (пользовался именем Людвик) (1778—1848), дворянин из Варшавы, сын Игнация и Анны (урожд. Хлебовских); учился в варшавском монастыре пияров на Жолибоже, участник восстания Костюшки. Был три раза женат (первый раз на Магдалене Хумецкой), после 1831 г. поселился в Каменецком повяте. Член Общества польского народа, завербованный Фридрихом Михальским, арестован в 1838 г., 18 февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторжных работ. Отбывал наказание на Тельминской суконной фабрике, в Усолье и за Байкалом; в 1840 г. был освобожден от работ вместе с Юстинианом Ручинским, благодаря взятке, данной Луцией Ручиньской, и приписан к Жилкинской вол., но из-за слабого здоровья жил в Иркутске, где занимался написанием комедии и дневников (в настоящее время утерянных). Имел много детей от разных браков, в том числе сына, который принял участие в ноябрьском восстании, за что попал в ссылку, а также семерых малолетних детей, которых оставил на Подолье. Умер в ссылке 88, 95, 103, 166, 224, 229, 261, 264, 266, 267, 298, 345, 358,

387, 390, 404, 408, 411, 435, 438, 444, 448—450, 453, 488, 522, 550, 585, 586, 599, 600, 605, 607, 609, 613, 641, 642, 645, 658, 662, 663, 683, 724, 728, 729, 734, 736, 737, 744, 745

Янушкевич Адольф Валериан Юлиан (1803—1857), сын Михала Мерло и Теклы (урожд. Соколовская). Родился в Несвеже, где сначала и получал образование, затем его отдали в гимназию в Винницу. В 1821—1823 гг. учился в Виленском университете. В 1823 г. поселился в Каменце-Подольском (тогда и подружился с Ю. Сабиньским), был депутатом Главного суда Гражданской палаты. В 1829 г. по состоянию здоровья уехал за границу. В Риме сблизился с Адамом Мицкевичем (с которым познакомился еще в Вильно), который позднее увековечил его в 3-й части «Дзядов» (Адольф). В сент. 1830 г. вернулся на Подолье; после начала ноябрьского восстания направился в Варшаву, где вошел в Организационный комитет Легиона Литвы, Волыни, Подолья и Украины. В марте 1831 г. попал в плен. По приговору от марта 1832 г. был сослан на поселение в Сибирь с утратой сословных прав и конфискацией имущества. В мае 1832 г. был

уже в Омске. С 1835 г. в Ишиме. В авг. 1841 г. снова переехал в Омск, где работал в окружном суде, а затем в канцелярии Пограничного начальника сибирских киргизов. Вел обширную переписку (в том числе и с Ю. Сабиньским), которая частично сохранилась, свидетельствуя о его литературном таланте. В авг. 1849 г. по состоянию здоровья ушел со службы, жил в Омске. С 1853 г. переехал в Нижний Тагил Пермской губ., работал на фабрике А. Н. Демидова. В 1856 г. получил разрешение вернуться на родину; последние месяцы жизни, тяжелобольной, провел в имении матери в Дзяхыльни, где и умер 16, 278, 637

Яцковский Теофил (ок. 1812—?), дворянин с Подолья, губ. секретарь в Каменце-Подольском; за контакты с Ш. Конарским и по подозрению в принадлежности к Обществу польского народа, в чем он не признался, был 18 февр. 1839 г. приговорен к поселению без конфискации имущества в Рязани, с обязательной государственной службой 144

Яшовская Люцина, в первом браке Стшельницкая, мать Владислава Стшельницкого 198

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. Добрынина. Предисловие	5
Я. Трынковский. Предисловие	9
Предварительное слово	55
Дневник моего плена	59
Часть первая	59
Вступление.....	59
Глава первая.....	61
Глава вторая.....	131
Глава третья	155
Глава четвертая.....	182
Российское царство – дорога Юлиана Сабиньского в Сибирь	205
Часть первая	205
Глава пятая	207
1839	207
Часть вторая	257
Глава шестая	259
Глава седьмая	301
Глава восьмая	321
Глава девятая	362
Приложение I	393
Приложение II.....	394

Часть третья.....	395
Глава первая.....	397
На Иркутском соляном заводе, называемом «Усолъе»	397
1840 год.....	413
Глава вторая.....	445
1840	445
Глава третья	495
Август 1840	496
Глава четвертая.....	536
1841	537
Глава пятая	570
Глава шестая	609
1841	609
Глава седьмая	643
1842	644
Глава восьмая	678
1842	679
Глава девятая	708
Указатель имен	747

Юлиан Гляубич Сабиньский
СИБИРСКИЙ ДНЕВНИК
Том первый

Перевод с польского О. Г. Басовой
Редактор А. В. Глюк
Дизайн С. М. Николаева
Компьютерная верстка С. А. Ловчагина

Сдано в набор 02.08.2014. Подписано в печать 09.12.2014. Формат
62×94 1/16. Гарнитура Kudrashov. Печать офсетная. Усл. печ. л.
50,75. Тираж 500 экз.

Иркутский музей декабристов. 664007 Иркутск, пер. Волконского, 10.

Издательский центр «Артиздат». 664025 г. Иркутск, ул. Рабочая, 2а,
оф. 512а. Тел.: (3952) 20-29-79. E-mail: artizdat@irkutsk.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск,
ул. Александра Невского, 99/2.

